

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАНИЕ

1916.

Годъ 47-й.

ТРА А.Ф.МАРКСЪ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 27

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдавъ 2-го июля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (без прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для напечатания въ „Жизнь“ принимаются по следующей цѣнѣ за строку копирейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за июль.

Главная Контора и редакция Петрограда, улица Гоголя, № 22.

(Налогъ въ Правит. Вѣстн. 1916 г. № 2261)

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОЙ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеросклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, луэа, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюдений высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 руб. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 2½-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сѣрминомъ.

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. ДЕКЛАМАТОРОВЪ! НОВЫЯ РИТМОДЕКЛАМАЦІИ,

муз. Вм. Ребикова:
„О, мнѣ лѣтнательный“—60 к., „Яблоня цвѣтуть“, „Когда она вошла“—по 40 к., „Люблю тебя“—30 к., „Ея сирень“—60 к., „Качели“, „Шаяска“, „Городки“, „Мнѣ снится“—по 45 к., „Ты мнѣ была сестрой“—40 к., „Въ полевомъ лазаретѣ“—45 к.
Каталоги бесплатно
Москва, 4202
П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

ПРИ НЕВРАСТЕНИИ,

слабости и для УКРѢПЛЕНІЯ нервной системы рекомендуется **БИОЛЬ Т-ва Ласлей.** Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магаз.

URODONAL

a base de Methyl-Glyoxalidine, de Quinate de Diéthylène-diamine et d'Hexaméthylène-tétramine

PRÉPARÉ PAR
J.-L. CHATELAIN

PHARMACIEN DE 1re CLASSE
Ancien chef de Laboratoire et
Ancien interne des Hôpitaux de Paris

ARTHRITISME, RHUMATISME
ARTÉRIO-SCLÉROSE, OBESITÉ
LITHIASES RÉNALE & BILIAIRE
GOUTTE, GRAVELLE, DOULEURS
PITUITES, AIGREURS

3 cuillerées à café par jour, chacune dans un verre d'eau, entre les repas

ESTRÉ AIGRE: 3 cuillerées à soupe par jour
Aucun contre-indication aucune toxicité, aucune fatigue de l'estomac, des reins, du cœur; il est conseillé même à doses élevées et répétées

37 fois plus actif que la Lithine

MÉDAILLE D'OR, LONDRES 1905
GRANDS PRIX, EXPOSITION NANCY & QUITO 1909
C^o Acad. de Médecine 10 Nov 1908
C^o Acad. des Sciences 16 Dec 1908

LES ÉTABLISSEMENTS CHATELAIN
Paris.

== ОТЪ ==
ревматизма, подагры,
артритизма,
мочевого песка

Уродональ

Шателенъ.

Требуйте только Уродональ Шателена.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФИЯ 6 отдѣл. Фондо-Готикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ тексты, транспорант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборчест. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля.

Адр.: Книгозд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФИЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 страниц. Цѣна 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. упр., формы прошен., писемъ, какія жѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 страниц. (+VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посылк. налог. плат. на 25 к. дорож.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ

Составилъ ведъ Августинъ Покровскій съ его императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича вѣдом. Минист. Торг. и Промышл. Первыя Московскія **ТЕХНИКУМЪ** ПРИЕМЪ на ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ, СТРОИТЕЛЬНОЕ (архитектурн. инженери), ЗЕМЛЕУСТРОИТ., МЕХАНИЧЕСКОЕ, КОММЕРЧЕСКО ЭКОНОМИЧ. и пр. ОТДѢЛ. **КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ** Съ казенн. прав. и курс. реал. уч. клас., въ 1, 2, 3, 4 и др. клас. уча. Основн. началъ городск. учеб. прием. въ 1 классъ. **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ** БУХГАЛТЕРІИ и КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНИЙ. Принимаются лица вѣрст. обоего пола. **ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ** Принимаются лица вѣрст. обоего пола для подготовленія къ разн. экзаменамъ. Канцелярія открыта ежедневно. Условія бездѣл. бюро труда. МОСКВА, Тверской бульваръ, соб. домъ № 23 Н, вхождъ въ манципалитѣ со двора.

СЛАБЫМЪ и НЕРВНЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ

Я высылаю даромъ пробу **АЛЬБУКОЛА**, питательнаго средства, рекомендуемаго какъ укрѣпляющее и питательное средство при истощеніи и ослабленіи организма. По произведеннымъ химическимъ изслѣдованіямъ питательное средство „АЛЬБУКОЛА“ содержитъ въ себѣ бѣлковыя вещества, фосфорно-кислыя соли **натрія, кальція и желѣза**—элементы, дѣйствующіе благоприятно при истощеніи и укрѣпляющіе разслабленный организмъ. Пробную дозу препарата „АЛЬБУКОЛА“ я высылаю совершенно даромъ каждой женщинѣ, сообщившей свое имя, отчество и фамилію, а также свой точный адресъ.

РИТА НЕЛЬСОНЪ. Москва, Фуркасовскій пер. 6. Отд. 22. Р.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія **КАЛЬТОКО**,
МОСКВА. Отд. 1. С. Х.

Волосы!

Антисептическія

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

для предупрежденія хрипоты, насморка, простуды.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМЪННО

НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(PASTILLES VALDA)

въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныя именемъ

VALDA

H. Canonne, Paris.

ЧУЛКН носки почтой. Образц. не менѣе 3 п. одн. сорта, ф. скл. Ш. Галлерш, Поттсда, Тулой пер. 12.

Разрѣш. Кевск. **БУХГАЛТЕРІИ** (существуютъ учебн. окр. курсы БУХГАЛТЕРІИ съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредствомъ переписки, вполнѣ замѣн. устное преподаван. Условія выс. бесплатно.

А. П. Бобырь. Кіевъ.—Н. Софійская, 5.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗАЧТО профессор мнем., Чл. Наряж. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Ринсел., 54/28. Практик. в Россіи уже бол. 29 л. съ больш. успѣх. (см. №№ „Нивы“ пр. д.).—Просп. выс. за 10 к. мар.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. это журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (н)

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятковъ марокъ вмѣстѣ образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Профес. каллиграфъ. Адольфъ КОССОДО, Дербасовская, д. № 19.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатнаго премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Леготнаго условія подлиски в пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

РЕГУЛИНЪ

Швейцарской Конторы Химическ. Продуктовъ. Требуите только съ товарищимъ знакомъ „Пчела“, утвержден. Минист. Торг. и Промышл. за № 16434. Естественное средство для регулированія пищеваренія, дѣйствующее главнымъ образомъ въ кишечникѣ, не раздражаетъ желудка и пріятно на вкусъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ. Главное депо: Москва, Б. Чернышевскій пер., д. 17, кв. 6.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПР., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Висневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Итоги послѣдней сессіи Государственной Думы.

Закончившаяся краткая весенняя сессія Гос. Думы по сравнению съ предшествовавшей прошла при болѣе спокойной обстановкѣ. Благопріятный для насъ оборотъ военныхъ дѣйствій на юго-западномъ фронтѣ позволилъ законодательнымъ палатамъ вернуться къ обычнымъ законодательнымъ работамъ. Гос. Дума за какой-нибудь мѣсяцъ занятій успѣла освѣтить запутанный административнымъ нерадѣніемъ продовольственный вопросъ, выступила въ роли защитницы поправныхъ правъ печатнаго слова, ополчилась на борьбу за народную трезвость, высказалась за отмѣну административной гарантіи, прикрывающей самоуправство власти и безправіе гражданъ, реформировала устарѣвшій уставъ о ревизіяхъ, разработала проектъ профессиональнаго страхованія, намѣтила реформу земскаго и городского самоуправления, сдвинула съ мертвой точки вопросъ о крестьянскомъ равноправіи, поставила на очередь вопросъ о правахъ кооперативовъ и проч.

Уже одинъ перечень ея занятій доказываетъ, что нынѣшняя сессія не прошла безслѣдно, что въ исторіи русской государственной и общественной жизни она займетъ почетную страничку. Все то, что она сдѣлала, чрезвычайно важно и серьезно, но все же приходится сознаться, что самое важное и самое неотложное осталось, къ сожалѣнію, недоделаннымъ. Мы говоримъ о законопроектѣ о борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ внутри Россіи, которое такъ мучительно даетъ себя знать на фронтѣ. И гражданская совѣсть русскаго народа и грядущія поколѣнія нашихъ потомковъ будутъ судить нынѣшнюю Думу не за то, что она сдѣлала, а именно за то, чего она не сдѣлала, ибо съ точки зрѣнія переживаемаго великаго историческаго момента расовой борьбы не на жизнь, а на смерть, кровавой борьбы за все будущее славянскихъ народовъ на землѣ, послѣднее неизмѣримо важнее перваго.

Люди, стоящіе у государственнаго дѣла, должны обладать государственнымъ инстинктомъ, они обязаны непосредственно чувствовать очередные запросы исторіи, въ которыхъ сосредоточиваются главныя тревоги и заботы текущаго дня всей страны и всего народа. Когда нація напрягаетъ все усилія въ кровавой борьбѣ на необъятныхъ поляхъ сраженій, отстаивая съ оружіемъ въ рукахъ свое право на бытіе и свободу, тогда все ея помыслы невольно сосредоточиваются на стремленіи къ побѣдѣ надъ врагомъ, а вся ея живая энергія концентрируется на подготовкѣ желанной побѣды. Народное представительство не можетъ чувствовать и переживать событія иначе, чѣмъ чувствуетъ и переживаетъ ихъ народъ. И дѣйствительно, въ скорбныя минуты нашихъ прошлогоднихъ неудачъ на западномъ фронтѣ, при видѣ обезсиливающей нашу побѣдоносную армію глубокой дезорганизации тыла, Гос. Дума явилась выразительницей повелительныхъ требованій страны. Она пришла, своими патриотически бичующими рѣчами дала могучій толчокъ къ реорганизации всей тыловой работы, къ полному обновленію нѣкоторыхъ вѣдомствъ и къ пробужденію общественной энергіи, направленной на государственную самооборону. Въ святомъ порывѣ, объединившемъ все русскія сердца, были забыты всякія партійныя раздѣленія, и все думскія фракціи слились въ одинъ патриотическій блокъ, девизомъ котораго было: спасеніе отечества!

По внутренней организованности политическихъ партій нынѣшняя сессія началась, повидимому, при несравненно болѣе благо-

пріятныхъ условіяхъ, но ея патриотическій порывъ поглотился работой по созданію новыхъ политическихъ комбинацій и быстро успѣлъ утратить свою прежнюю силу и крѣпость. Подъ страхомъ угрожающаго непріятельскаго нашествія все чувствовали себя одинаково. Когда непосредственная опасность миновала и на очередь выдвинулись текущіе вопросы мирнаго быта, все опять стали разсуждать по-разному. Обычная партійно-политическая рознь заглушила болѣе высокія настроенія, которыя роднятъ отдѣльнаго членка со всемъ народомъ и незримыми нитями объединяютъ дѣятелей современности со всеми прошедшими и грядущими поколѣніями,—и въ концѣ концовъ непосредственное чутье историческаго момента было потеряно. Вчера еще кричавшіе во все голоса: все для войны, все для побѣды!—забыли про войну, усердно занялись мирными реформами, какъ-то совершенно упустили изъ виду, что побѣда надъ нѣмцами на фронтѣ властно требуетъ полного уничтоженія нѣмецкаго владычества въ тылу.

Въ этомъ увлеченіи партійной политикой, въ этомъ забвеніи главнаго требованія побѣдоносной войны Гос. Дума, уклонившаяся „за недосугомъ“ отъ обсужденія законопроекта о борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ, рѣзко разошлась со своей страной. Думскіе политики въ слѣпомъ усердіи своемъ даже не догадываются, что своей партійностью они морально обезсилили Гос. Думу, лишили ее той духовной опоры въ населеніи, которая нужна для того, чтобы быть руководящею силою политической жизни. Чтѣ такое народное представительство безъ духовной связи съ народомъ?—пустая фикція, забава передовой интеллигенціи безъ власти и значенія! Блокъ, родившійся на свѣтъ въ страшный часъ военной грозы, объединившій все партіи во имя спасенія національной государственности, могъ существовать, только высоко держа национально-государственное знамя. Опустивъ его хоть на мгновеніе, онъ тѣмъ самымъ обрекъ себя на безвластіе и внутреннее распадѣніе.

Националистическія группы, блокировавшіяся съ лѣвыми космополитами, оказались въ ложномъ положеніи: поскольку онѣ не желали разойтись въ нѣмецкомъ вопросѣ съ Миллюковымъ и Кернскимъ, постольку они разошлись съ психологіей переживаемаго Россіей историческаго момента и съ русскимъ народомъ. Обнаружившійся въ послѣдніе дни думской сессіи надрывъ духовной связи между блокированной Думой и страной глубоко печаленъ и по своимъ мотивамъ и по своимъ послѣдствіямъ. Наша вѣрность прогрессивному знамени не должна допускать такого шага, который внушалъ бы кому-нибудь мысль, что даже бюрократическое правительство можетъ быть ближе къ національнымъ требованіямъ русскаго народа, чѣмъ блокированное парламентское большинство.

Самая возможность такого подозрѣнія отразится чрезвычайно пагубно на ходѣ и темпѣ парламентскаго развитія Россіи. Пора русскимъ прогрессивнымъ партіямъ освободиться изъ-подъ обезсиливающей ихъ химеры космополитизма, пора понять и почувствовать что матѣйшая измѣна національному принципу по самому существу своему есть измѣна и прогрессивному знамени: вѣдь всякій народъ въ масѣ своей и въ инстинктѣ своемъ всегда националенъ, а такъ какъ политическое самоуправленіе призвано осуществлять волю и правду народа, то всякое антинациональное выступленіе народнаго представительства равносильно политическому самоотрицанію послѣдняго.

Генералъ А. А. Брусилловъ о своемъ наступленіи. Въ специальной бесѣдѣ съ корреспондентомъ газеты «Times», мистеромъ С. Вашберномъ, главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта высказалъ рядъ интересныхъ мыслей о значеніи предпринятаго имъ наступленія, измѣнившаго всю кампанію на всѣхъ союзныхъ фронтахъ.

«Стремительный успѣхъ русскихъ войскъ,—сказалъ А. А. Брусилловъ,—является отнюдь не результатомъ простой удачи или австрійской слабости. Этотъ успѣхъ—прямой результатъ уроковъ, полученныхъ нами за два года жестокой войны съ германцами. Во всѣхъ операціяхъ, большихъ и малыхъ, за истекшую зиму мы тщательно изучали наилучшіе способы разрѣшенія задачъ, поставленныхъ на очередь веденіемъ войны. Въ началѣ войны и въ особенности прошлымъ лѣтомъ намъ недоставало той подготовки, которая германцами производилась въ теченіе 50-ти лѣтъ. Лично я при всѣхъ неудачахъ никогда не терялъ вѣры въ русскаго солдата. Я былъ убѣжденъ, что при достаточномъ количествѣ снарядовъ мы должны сдѣлать то, что мы и сдѣлали за послѣднія двѣ недѣли».

А. А. Брусилловъ указалъ далѣе, какъ на залогъ успѣха его войскъ, на плановое сотрудничество всѣхъ видовъ оружія и вспомогательныхъ службъ и на тотъ фактъ, что наступленіе начато было почти одновременно по всему юго-западному фронту, чѣмъ непріятель былъ лишень возможности снимать войска съ однихъ участковъ фронта для подкрѣпленія другихъ.

«Во всѣхъ послѣднихъ бояхъ русская пѣхота,—продолжалъ А. А. Брусилловъ,—попознѣе доказала свои блестящія качества, проявивъ даже болѣешій подъемъ духа, чѣмъ въ 1914 году, когда мы впервые вступили въ Галицію. Прежде всего, это объясняется, конечно, тѣмъ, что армія теперь воплощаетъ въ себѣ волю всего русскаго народа, объединившагося въ стремленіи довести войну до успѣшнаго конца».

Крупныя цифры плѣнныхъ генералъ А. А. Брусилловъ объясняетъ системой современныхъ окоповъ, сооружаемыхъ такими сложными лабиринтами, что

выбраться изъ нихъ очень трудно, въ особенности, когда отступление бываетъ отрѣзано огневой заградной наступающаго.

По мнѣнію А. А. Брусилова, успѣхи русскаго наступленія должны отразиться на внутренней политикѣ Австро-Венгрии фактами серьезнаго значенія. Въ то же время генералу кажется не только маловероятнымъ, но и почти невозможнымъ, чтобы германцы прислали болѣе или менѣе значительныя силы для поддержки австрійцевъ, какъ это было въ прошломъ году въ Буковинѣ.

«Послѣднія недѣли,—закончилъ генералъ,—сопровождался для насъ крупнымъ успѣхомъ. Хотя, быть-можетъ, германцамъ и придется еще имѣть нѣкоторые незначительныя успѣхи, прежде чѣмъ они будутъ окончательно разбиты, но все же я надѣюсь, что теперь нашъ натискъ на нихъ будетъ неотступно усиливаться».

Кошунство австрійцевъ въ Дубно. Наши доблестныя войска, занявъ г. Дубно, находившіяся въ рукахъ австрійцевъ, убѣдились какъ грязны и кошунственны эти руки. Мадьярскій гарнизонъ съ какимъ-то исключительнымъ изувѣрствомъ, непонятнымъ христіанскому сердцу, осквернялъ православныя храмы въ Дубно. По словамъ корреспондента «Русскаго Слова», М. Лембича, австрійскіе солдаты въ Ильинской церкви вынесли престоль и откопали зарытый подъ алтаремъ крестъ, очевидно, въ поискахъ клада. Монастырь Честнаго Креста буквально разгромленъ австрійцами. Подъ самымъ алтаремъ былъ проведенъ подземный ходъ, сообщавшійся съ окопами. Престоль былъ найденъ опрокинутымъ, ризницы опустошенными. Большой образъ Спасителя носилъ на себѣ слѣды нуль и, очевидно, служилъ имъ мишенью при практической стрѣльбѣ. Оставившійся въ монастырѣ старикъ-настоятель умеръ послѣ Пасхи, а два монаха были высланы въ Австрію во время эвакуации города.

Православное и католическое кладбища были открыты австрійцами, устроенными тамъ окопы. Гробы и груды человѣческихъ костей свалены въ общую кучу. Все каменныя плиты еврейскаго кладбища австрійцы употребили на устройство тротуаровъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Приморская часть Ризе, занятая нашими войсками. Видъ съ горы по направленію къ Батуму.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.** для начинающихъ Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к. Адр.: Москва, вѣд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРЕЕЪ

въ острой и хронической формѣ „ДИАЛЕРИНЪ“ послѣдствіяхъ ея приѣмается

Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тѣлерины совершенно безвредны. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 50 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ вѣтраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особыхъ знаній и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, вѣд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/12.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА для грудныхъ дѣтей со дня рожденія. Получаются блестящіе результаты.

АЛЕНЪЭРИСЪ

Брошюра № 12 по требованію бесплатно. Англійское Акц. О-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“. Москва, Мясницкая, 32, почт. ящ. 226.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подѣ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллеги, каждый въ короткое время можетъ **ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:**

Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на классный чинъ, высш. начальн., сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназіи, на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гимназія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно. Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-86Я ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЖИВНА

№ 27. Выходит еженед. (52 №№ в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯНА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-НОСТРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военных дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдаеъ 2 июля 1916 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к.

Цѣна этого №—27 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Сметеская дотъ. Повѣсть И. Потанинко.

Съ иллюстраціями В. Спасскаго.

1.
Въ переполненный вагонъ трамвая на Владиміромъ проспектѣ, передъ самымъ Невскимъ, часа въ три августовскаго дня, протискался офицеръ, судя по погонамъ, пѣхотный подпоручикъ.

Средняго роста, съ смуглымъ, густо загорѣлымъ лицомъ, черты котораго были обыкновенны и ничѣмъ не обращали на себя вниманія, кромѣ развѣ глазъ, тоже обыкновенныхъ, темно-карихъ, но съ выраженіемъ крайняго нетерпѣнія или какой-то дѣятельной досады на то, что вагонъ слишкомъ медленно движется. Видно было, что у человѣка по горло дѣла—важныхъ, спѣшныхъ, неотложныхъ, и мало времени для выполнения ихъ.

Онъ остановился въ проходѣ и, тѣнимый пассажирами съ обѣихъ сторонъ, схватился руками за висѣвшій на жерди ремень, чтобы не потерять равновѣсія.

Вагонъ двинулся, пересѣкъ Невскій, постоялъ съ минуту и опять покатился по рельсамъ. Офицеръ, чтобы избыть время, занялся ознакомленіемъ съ физиономіями своихъ ближайшихъ спутниковъ. Бѣгло осмотрѣлъ ихъ съ десятокъ, не заинтересовался ни одной, но вотъ взгляды его приковало лицо, повидимому, дѣвушка, сидѣвшей совсѣмъ близко отъ него, такъ что колѣни ея прикоснулись къ поламъ его шинели.

На головѣ ея была простая шляпа, небольшая, съ какими-то голубенькими цвѣточками, а изъ-подъ нея выглядывали тщательно собранные обильные волосы, удивительно красиваго темно-каштановаго цвѣта съ мягкимъ, чуть отливающимъ бронзой отблѣнкомъ.

Лицо же, которое онъ, глядя сверху внизъ, не могъ и рассмотреть какъ слѣдуетъ, такъ что не могъ и сказать, красиво ли оно, почему-то потянуло его къ себѣ и показалось такимъ привлекательнымъ и милымъ, что онъ не въ состояніи былъ оторвать отъ нея глазъ.

Глаза ея смотрѣли прямо сквозь окно на улицу, ни разу не подняла она головы и, конечно, не знала, что онъ такъ пристально смотритъ на нее, и, можетъ-быть, даже не видѣла его лица.

Мелькали перекрестки улицъ, было нѣсколько остановокъ, публика мѣнялась, но было все такъ же полно. Освободившіяся мѣста тотчасъ же занимали другіе пассажиры, а ему, поглощенному созерцаніемъ такъ близкаго къ нему и, въ сущности, такого далекаго, совсѣмъ чужого для него лица, было не до того.

Правда, въ лѣвой ногѣ, нѣсколько недѣль тому назадъ получившей на фронтѣ изрядную царапину, онъ ощущалъ уже нѣкоторую неловкость, которая всегда являлась во время неподвиж-

наго стоянія, и онъ могъ уже не одинъ разъ занять мѣсто. Но ему не хотѣлось отойти далеко отъ нея. Эта случайная и чисто-механическая близость какъ-то странно слегка опьянила его.

И единственной причиной этого было, конечно, то, что онъ былъ молодъ, а служба на фронтѣ почти съ начала войны отдала его отъ женскаго общества.

Но это все равно было такъ, и онъ, только-что негодовавшій на то, что вагонъ движется слишкомъ медленно, теперь хотѣлъ бы, чтобы онъ совсѣмъ не двигался, чтобы на пути случилось какое-нибудь неожиданное препятствіе, задержка, и позабылъ обо всѣхъ своихъ экстренныхъ дѣлахъ.

Новая остановка. Дѣвушка поднялась и сдѣлала движеніе къ выходу. Онъ, продолжая слѣдить за нею взглядомъ, въ то же время поспѣшно опустил на то мѣсто, которое она освободила. У него даже не мелькнула мысль слѣдовать за нею, рассчитывая на какую-нибудь случайность, которая, можетъ-быть, помогла бы ему на улицѣ заговорить съ нею и познакомиться. Съ какой стати? Только потому, что она такъ очаровала его? Но это совершенно противорѣчило его правиламъ.

Онъ взглядомъ проводилъ ее до самой двери, рассмотрѣлъ, что она стройная, кажется, довольно высокаго роста, въ памяти остались темный, голубоватаго съ стальнымъ отливомъ цвѣта, ея жакетъ и что-то бѣлое, кажется, кружевное, на шеѣ, а затѣмъ—она исчезла и, должно-быть, навсегда.

Вагонъ двинулся. Подѣхали къ Невѣ, почти вся публика обновилась. Мостъ. Выборгская сторона, гдѣ у него было важное дѣло. Скоро и ему сходить.

Въ это время онъ почувствовалъ, что ему какъ-то неловко сидѣть, и подумать, что подвернулась его шинель. Чуть приставилъ и попытался правой рукой устранить препятствіе, но нащупалъ не подвернувшуюся шинель, а какой-то небольшой предметъ, весь помѣстившійся въ его большой рукѣ. Осторожно онъ вынулъ руку и, стараясь, чтобы никто не замѣтилъ, взглянулъ туда.

Осаніе и взглядъ общими силами растолковали ему, что это маленькій дамскій кошелекъ изъ коричневой кожи. Кто-то уронилъ его здѣсь и забылъ.

Въ первое мгновеніе подпоручикъ заволновался. Его правила требовали, чтобы онъ заявилъ и передалъ найденную вещь кондуктору, но онъ этого не сдѣлалъ. Явилась мысль: конечно, это забыла она. Если бы кто-нибудь раньше, вещь была бы уже найдена другимъ.

И опять непроизвольное движеніе—выйти изъ вагона, отыскать ее и вручить забытый кошелекъ. Но эта мысль была тутъ же опровергнута правильнымъ соображеніемъ, что отыскать ее нѣтъ никакой возможности. Она сошла по ту сторону Невы, значительно раньше моста, и, конечно, отъ ея присутствія тамъ уже не осталось никакихъ слѣдовъ.

Богъ знаетъ, какія явились бы у него еще соображенія, и къ какому онъ пришелъ бы рѣшенію, если бы мысли его развивались свободно. Но ихъ перебилъ возгласъ кондуктора, назвавшего ту самую улицу, на которую онъ ѣхалъ, и гдѣ у него

В. С. Савицкий

было неотложное дѣло. Разомъ обязанности захватили его. Онъ быстро поднялся, машинально сунулъ найденный кошелекъ въ свой карманъ и поторопился къ выходу.

Справа, на углу широкой улицы, пересѣкавшей ту, по которой шелъ трамвай, высилось длинное пятиэтажное зданіе казарменнаго вида. Въ это зданіе и вошелъ подпоручикъ, и тамъ на нѣсколько часовъ поглотили его служебныя дѣла. Онъ долженъ былъ получить важныя порученія, и притомъ спѣшно, такъ какъ въ этотъ день въ десять часовъ вечера онъ уѣзжалъ на фронтъ.

И все остальное время онъ провелъ въ хлопотахъ, не было ни одной минуты, когда онъ могъ бы подумать о чемъ-нибудь другомъ. Кромѣ того, что относилось къ его отъѣзду. За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, подпоручикъ, въ конецъ утомленный, пріѣхалъ на вокзалъ, вошелъ въ вагонъ второго класса, кинулъ свой чемоданъ на верхнюю сѣтку и съ жадностью бросился на диванъ, который, къ счастью, оказался къ его услугамъ.

Когда поѣздъ отходилъ, онъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, который не могли нарушить и прервать бѣготня и разговоры ѣдущихъ и провожающихъ, а потомъ грохотъ колесъ и долгое настойчивое расталкиваніе со стороны кондуктора и контролера.

Онъ проснулся довольно рано утромъ, и для его еще не вполне просвѣтленнаго сознания было новостью, что онъ въ вагонѣ, на нижнемъ диванѣ, а надъ нимъ и на другихъ двухъ диванахъ покоятся какія-то завернутыя съ головой въ пледъ и пальто спящія человѣческія существа, а за окномъ мелькали однообразныя сосны, изрѣдка освѣжаемая нарядными свѣтлыми стволами и нѣжно-зелеными листьями березы.

Но, хорошенько протеревъ глаза и собравъ все свои мысли, онъ припомнилъ все—куда и зачѣмъ ѣдетъ, съ удовольствіемъ констатировалъ, что за ночь отлично выпался, и тутъ же началъ мечтать о буфетѣ, гдѣ можно было бы выпить чаю или кофе, или чего-нибудь поѣсть.

Взглянулъ на часы, было только шесть. Рѣшилъ, что мечта еще довольно долго останется не осуществленной. Смотрѣлъ въ окно и ни о чемъ не думалъ.

Но вдругъ глаза его загорѣлись, и улыбка заиграла на губахъ подъ густыми темными усами. Вспомнилось лицо дѣвушки. Какое оно? Онъ не зналъ. Кажется, она блондинка, кажется, онъ мелькомъ видѣлъ синева-сѣрые глаза, и кажется, что эти глаза были большіе. Но поручиться въ этомъ онъ не могъ.

Но что-то притягивающее было въ этомъ лицѣ—а, можетъ-быть, и не въ лицѣ, а въ волосахъ, въ шеѣ, въ поворотѣ головы, почему онъ знаетъ! Вѣдь бываетъ же такъ, что идешь по улицѣ и впереди кто-то,—ты видишь только его спину и затылокъ и движущіяся ноги, и почему-то начинаешь питать къ нему отвращеніе.

Здѣсь наоборотъ. Въ чемъ-то было очарованіе. Промелькнула и отошла навсегда.

Что жъ, это, можетъ-быть, и лучше. Въ душѣ остался легкій стѣдъ какой-то радости, какъ будто скользнула по ней первый утренній лучъ весенняго солнца. А если бы не отошла, узналъ бы онъ ее поближе, быть-можетъ, оказалось бы что-нибудь грубое, черствое, пошлое, мѣщанское, какъ чаще всего въ жизни оказывается.

Ну, значить, и слава Богу, что этого не случилось. Теперь это для его души—зарница, которая будетъ иногда, такъ вотъ неожиданно и, можетъ-быть, въ самую мрачную минуту, озарять его своимъ далекимъ, но ласковымъ сіяніемъ.

Но тутъ онъ началъ испытывать странное чувство безпокойства, какъ бываетъ, когда знаешь, что нужно сдѣлать что-то важное, но не можешь вспомнить, что именно. Имъ это чувство-

валось особенно остро, потому что и въ Петроградѣ-то съ фронта пріѣзжалъ на нѣсколько дней ради многихъ порученій полуофициальныхъ и частныхъ отъ товарищей къ ихъ роднымъ. Начальство воинской части, гдѣ онъ состоялъ, устроило ему эту кратковременную командировку, просто, чтобы дать ему возможность освѣжиться.

И теперь ему казалось, что онъ не все порученія выполнилъ, что-то забылъ, и, можетъ-быть, кто-нибудь изъ товарищей будетъ обиженъ.

Усиленно думалъ, ломалъ голову, перебиралъ въ памяти, вынулъ изъ бокового кармана сюртука свою записную книжку, куда въ большемъ порядкѣ были занесены все порученія, проштудировалъ списокъ и убѣдился, что все исполнено точнѣйшимъ образомъ. А безпокойство между тѣмъ не проходило.

Но случайно взглянулъ на свою шинель, въ скомканомъ видѣ лежавшую на диванѣ, такъ какъ ночью онъ ею укрывался, и ему вдругъ совершенно ясно нарисовалась картина, какъ онъ нашелъ въ трамваѣ на скамейкѣ кожаный кошелекъ и сунулъ его въ карманъ шинели. Неужели выронилъ, потерялъ?

Онъ протянулъ руку, взялъ шинель, порылся въ карманахъ и съ торжествующей улыбкой вытащилъ на свѣтъ Божій свою вчерашнюю находку.

„Чертовски интересно“,—думалъ онъ, держа передъ собою маленькій кошелекъ, но не открывая его.

„Чертовски интересно“, думалъ онъ, держа передъ собою маленькій кошелекъ, но не открывая его.

Помѣхой было то всегда жившее въ немъ, сдерживающее начало, которое было дано ему воспитаніемъ и средой, гдѣ онъ жилъ. „Чужое нельзя трогать“. Но эта нерѣшительность длилась минуту, а потомъ пришли на помощь соображенія:

Это могло имѣть значеніе вчера, когда кошелекъ попалъ въ его руки. Тамъ еще можно было бы, какъ-нибудь добиться, чтобы онъ вернулся къ своему владѣльцу. И однакоже онъ не задумался положить его въ свой карманъ. Значить, нарушеніе принципа уже было сдѣлано.

Но теперь и предпринять ничего нельзя. Теперь кошелекъ сдѣлался вещью ничьей. Можетъ-быть, въ немъ спрятана тайна? Но даже если и такъ, то чья же это тайна? Какого-то неизвѣстнаго, котораго онъ никогда не узнаетъ, и который его тоже никогда не узнаетъ.

Это все равно, какъ если бы какой-нибудь археологъ, найдя таинственный папирусъ, сохранный подъ двѣнадцатью печатами, и подозревая, что въ немъ сокрыта тайна какого-нибудь Псаметиха, изъ чувства корректности не рѣшился бы разобрать его іероглифы.

Она, та случайно встрѣченная въ трамваѣ дѣвушка, была для него чѣмъ-то въ родѣ Псаметиха, а ея кошелекъ—достоиніе исторіи.

И кошелекъ былъ открытъ, правда, не безъ волненія,—вслѣдствіе чего изъ него высыпалось на диванъ нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ,—но съ чистой совѣстью.

Подпоручикъ осмотрѣлъ одно отдѣленіе, другое, и очень обрадовался, что тамъ, кромѣ выпавшихся монетъ, не было болѣе значительныхъ денегъ, такъ какъ это въ его глазахъ могло бы нѣсколько опорочить „историчность“ кошелька. И ничего вообще тамъ не было.

Ахъ, нѣтъ, въ уголкѣ притаилась маленькая перламутровая пуговица, должно-быть, оторвавшаяся отъ одежды и бережно сохранныя владѣльцемъ.

„Аккуратная женщина“,—подумалъ подпоручикъ и тутъ замѣтилъ, что есть и еще одно отдѣленіе, тамъ же, внутри, но какъ-то сбоку, въ видѣ кармашка. Заглянулъ туда: открытіе! Свернутая четверо „секретка“.

Вынулъ, развернулъ. Изумительно! Края не надорваны, секретка не распечатана и письмо, значить, не прочитано. Итакъ, нашлась на свѣтъ столь не любопытная женщина, которая, получивъ письмо, да еще такого интимнаго вида, нашла въ себѣ силы спрятать его и отложить прочтеніе его на послѣ.

Гм!.. Вотъ она и обрисовывается понемножку. Странно: изъ такихъ пустяковъ. Вотъ ужъ онъ знаетъ, что она аккуратна, и ей свойственны выдержка и характеръ.

Но, можетъ-быть, это письмо отъ нея кому-нибудь и предназначалось къ отсылкѣ? Нѣтъ, на немъ почтовый штемпель: „Новгородъ“,—значить, корреспондентъ ея живетъ въ Новгородѣ. Остается только узнать ея имя и адресъ.

Онъ началъ читать написанное нетвердой, скорѣе похожей на женскую, рукой на конвертѣ: „Петроградъ. 44-е Почтовое отдѣленіе, госпожѣ 4—16—64, —до востребованія“.

А, ну вотъ теперь все въ порядкѣ. Сама судьба оберегаетъ его отъ совершенія даже тѣни некорректности. Онъ даже не узналъ ея имени. „4—16—64“. Ужъ это для него вполне Псаметихъ, безъ всякихъ оговорокъ.

Ну, что жъ, для полноты историческаго изслѣдованія остается только надорвать секретку и прочесть таинственное посланіе Псаметиху.

Но тутъ руки его упорно отказались исполнить рѣшеніе разума.

Нѣтъ, этого онъ не имѣетъ права сдѣлать. Все-таки она женщина, хоть и далекая и неизвѣстная, живой человѣкъ, личность,

имѣющая право на свою тайну. Развѣ жизнь, въ самомъ дѣлѣ, такъ опредѣлена, и ее можно рѣшать, какъ математическую задачу? Развѣ встрѣчи и столкновения между людьми подчинены какимъ-нибудь извѣстнымъ намъ логическимъ законамъ? И развѣ можно поручиться за то, что онъ, когда-нибудь не встрѣтитъ ее случайно, гдѣ-нибудь въ обществѣ или на пароходѣ, въ вагонѣ? И тогда онъ оказался бы похитителемъ ея тайны, чловѣкомъ, злоупотребившимъ случайно находкой... Нѣтъ, пусть оно останется запечатаннымъ.

Секретка опять была сложена вчетверо и спрятана на прежнее мѣсто, въ кармашекъ внутри кошелька. Въ кошелькѣ же была возвращена и подобранная на диванѣ мелочь, которой оказалось всего шестьдесятъ копеекъ, а самый кошелькѣ подпоручикъ спряталъ въ свой карманъ.

Часы показывали больше семи. Надо было ожидать скорой остановки и буфета. Проснулся пассажиръ, занимавшій другой нижній диванъ, онъ оказался старымъ евреемъ съ длинной сѣдой бородой.

Въ коридорѣ вагона началось движеніе, очевидно, другіе пассажиры такъ же нетерпѣливо ждали буфета, какъ и подпоручикъ.

II.

Дѣвушка, которая вышла изъ вагона трамвая на Литейномъ проспектѣ, взглянула на маленькіе часы надѣтого на лѣвой рукѣ браслета и, убѣдившись, что уже около трехъ, быстро направилась по Кировой. Ей нужно было поспѣть домой къ тремъ, такъ какъ къ этому времени ее тамъ будутъ ждать.

Она была не высокаго, какъ показалось подпоручику, а хорошаго средняго роста, съ наклономъ къ полнотѣ, но это не мѣшало ей быть гибкой, а движеніямъ ея граціозными.

Одѣта она была просто, но знатокъ, присмотрѣвшись къ ея одеждѣ, понялъ бы, что эта простота имѣетъ своимъ источникомъ не бѣдность, а скорѣе умѣренный вкусъ. Все на ней было изъ доброкачественнаго и недорогого матеріала, а въ золотомъ браслетѣ, къ которому были прикрѣплены часы, можно было разглядѣть цѣнные и блестящіе камешки.

Пройдя нѣсколько шаговъ и опять взглянувъ на часы, она, повидимому, рѣшила, что пѣшкомъ дойти во-время не успѣетъ, подозвала извозчика и, сразу согласившись на назначенную имъ цѣну, поѣхала на Знаменскую улицу.

Здѣсь, рядомъ съ воротами новаго многоэтажнаго дома, чрезвычайно вычурнаго современнаго стиля, помѣщался магазинъ съ высокими зеркальными окнами, сквозь которыя были видны боченки съ масломъ, различной величины круги сыра, закупоренныя бутылки съ молокомъ и цѣлыя горы яицъ въ корзинахъ, боченочкахъ и ситахъ.

Надъ магазиномъ была вывѣска, на которой было обозначено, что это торговля молочными продуктами, принадлежавшая купцу Родіону Леонтьевичу Сермягину.

Торговля, повидимому, была солидная, въ лавкѣ было просторно и чисто, и покупатели ни на минуту не оставляли приказчиковъ въ бездѣйствіи. И теперь, когда дѣвушка вошла въ несъ, тамъ было ихъ нѣсколько.

Два приказчика торопливо удовлетворяли требованія, отвѣшивали масло, отсчитывали яйца, но, несмотря на снѣжность работы, оба привѣтствовали дѣвушку почтительными поклонами. Она спросила старшаго, не заходилъ ли Андрей Семеновичъ.

— Только-что были и спрашивали про васъ, Людмила Родіоновна. Велѣли сказать, что будутъ дожидаться васъ въ квартирѣ-съ.

Дѣвушка, которую такъ именно и звали, — Людмилей Родіоновной, — вышла изъ магазина и по парадной лѣстницѣ поднялась въ третій этажъ. Тамъ была квартира ея отца, Родіона Сермягина, владѣльца молочной торговли. Въ этой квартирѣ жила и она.

Квартира была не очень большая и какая-то пустынная. Высокія комнаты, стѣны которыхъ были обиты довольно дорогими обоями, цвѣтомъ своимъ укзывавшими на предназначеніе каждой комнаты: столовая — подъ дубъ, гостиная — крупные коричневые цвѣты по бѣлому фону, передняя — въ клѣтку, спальня

дѣвушка — розовая и т. д., не блистали обиліемъ и удобствомъ мебели. Все было не дешевое, но какое-то формальное.

Въ столовой — дубовый буфетъ, столъ и стулья, да еще на стѣнѣ — два медальона, одинъ съ уткой, другой съ фруктами. Въ гостиной — коверъ, круглый столъ и диванъ съ креслами и стульями. Въ спальнѣ — кровать и комоды, въ коридорѣ — шкапы, все новое, послѣдняго фасона, не дешевое и даже не вульгарное, но какого-то безличнаго холоднаго вкуса.

Было неуютно, нигдѣ не хотѣлось присѣсть, ничто не манило къ себѣ.

Только въ комнатѣ Людмилы, помимо неизбѣжныхъ кровати и комода, стоялъ длинный мягкій диванъ, на которомъ приятно было растянуться, и пара старинныхъ глубокихъ кресель. — Ихъ она выискала для себя сама, и они были причиной того, что и самъ купецъ первой гильдіи и его жена постоянно приходили въ ея комнату и свободные часы проводили здѣсь.

Тутъ же на стѣнѣ было нѣсколько маленькихъ картинокъ, купленныхъ гдѣ-то недорого по случаю, а на подоконникахъ двухъ оконъ, выходящихъ во дворъ, стояли горшки съ азалией и розами.

Отъ горничной Стеши она узнала, что мать поѣхала въ Маринскія линіи за какими-то покупками, а отца, — она и сама это знала, — цѣлые дни не бывало дома, такъ какъ онъ вѣчно былъ занятъ сложными торговыми дѣлами и, кромѣ того, проводилъ много времени на какой-то товарной биржѣ. А Андрей Семеновичъ ждалъ ее въ гостиной.

— Скажите Андрею Семеновичу, что я сейчасъ къ нему выйду. Только переодѣнусь, — сказала она горничной и, какъ тѣнь, безшумно проскользнула черезъ коридоръ, въ концѣ котораго была ея комната.

Войдя, она заперла дверь на крючокъ, быстро сняла шляпу и опустила руку въ карманъ жакета; чего-то не нашла, въ другой — тоже. И на лицѣ ея выразилось безпокойство. Кармановъ въ ея туалетѣ больше не было, и бесполезно было искать. Стало ясно, что она гдѣ-то уронила или забыла свой кошелькѣ.

А она-то и пришла сюда и дверь на всякій случай заперла, чтобы наединѣ прочитывать маленькую секретку, которую только-что получила на почтѣ. Тогда она торопилась, чтобы къ сроку поспѣть домой, и отложила чтеніе, а теперь любопытство превозмогло — и вотъ такое печальное открытіе: ни кошелька ни писемъ. И то и другое надо считать погибшимъ.

Кошелька ей вовсе не было жалъ. Въ немъ ничего цѣннаго и не было. Но письмо отъ подруги Сони Велесовой, жившей въ Новгородѣ, ей очень хотѣлось бы прочитывать.

И даже не въ этомъ дѣло, — Соня вѣдь можетъ и повторить то, что написала, но мало ли гдѣ она могла забыть свой кошелькѣ и мало ли кто можетъ заинтересоваться ея перепиской съ подругой? Если бы въ этой перепискѣ не было ничего такого, чего не должны знать другіе, она не направила бы писемъ въ почтовое отдѣленіе и не замаскировала бы себя такимъ загадочнымъ псевдонимомъ.

Пошарила въ карманахъ еще разъ, заглянула даже въ рукава и складки платья, но кошелька, разумеется, не оказалось. Сняла жакетъ и аккуратно повѣсила его въ шкапу, поправила волосы передъ зеркаломъ и, вспомнивъ объ Андрѣ Семеновичѣ, отправилась въ гостиную.

Андрей Семеновичъ Тыртовъ былъ молодой чловѣкъ, съ перваго взгляда до чрезвычайности элегантнаго вида. Но стоило ему только заговорить, задвигаться, словомъ, начать свободно проявлять себя, какъ становилось ясно,

В. Спасскій.

„Эх!“ — сказала Андрей Семеновичъ, безнадежно махнувъ рукой... (стр. 456).

что единственными виновниками его элегантности были хороший и дорого берущий портной, французский парикмахер, модный сапожник и в равной степени поставщики других частей его туалета.

Все было шито превосходно, лакированные ботинки поражали своим благородным блеском, галстук, воротничок, цветной жилет, запонки на манжетах, фасон русой бородки, завивка усов, прическа,—все это было сделано безукоризненно.

Но самъ онъ все-таки былъ купеческій сынъ и даже уже недавній купецъ, такъ какъ родитель его, довольно извѣстный въ коммерческомъ мѣрѣ Семенъ Тыртовъ, не такъ давно скончался, и онъ велъ уже дѣло самостоятельно отъ своего имени, несмотря на то, что ему было всего двадцать шесть лѣтъ.

Онъ далеко не былъ мѣдвѣдемъ. Напротивъ, ему скорѣе была свойственна излишняя подвижность, и, если бы его нарядить въ русскій кафтанъ и высокіе сапоги, то онъ, пожалуй, производилъ бы впечатлѣніе настоящаго молодца.

У него былъ хорошій ростъ, высокія плечи, сильная, выпуклая грудь, румяныя щеки, и силы, какъ видно, хоть отбавляй. Но не къ лицу ему была элегантность. Портала она его и всѣ достоинства превращала въ недостатки.

Онъ былъ женихъ Людмилы Родіоновны, и въ предстоящемъ сентябрѣ была назначена ихъ свадьба, но обстоятельства сложились такимъ образомъ, что молодому Тыртову предстояло итти въ солдаты. Раньше онъ пользовался льготой, какъ единственный сынъ у отца, но старый Тыртовъ такъ несвоевременно скончался, и льгота перестала дѣйствовать. Благодаря этому и свадьба висѣла въ воздухѣ. Но до сихъ поръ еще не было извѣстно, придется ли ее отложить.

Въ гостиную онъ сидѣлъ на стулѣ и задумчиво смотрѣлъ въ окно, а когда вошла Людмила, вскочилъ съ мѣста и съ какимъ-то бурнымъ нетерпѣніемъ подбѣжалъ къ ней.

— Ну, что? Общались? Ахъ, да говори же... Я тутъ, какъ въ котлѣ киплю.

Съ того момента, какъ ихъ, мѣсяца три тому назадъ, обручили, они стали говорить другъ другу „ты“, но это было единственное выраженіе ихъ близости. Никакой нѣжности въ ихъ отношеніяхъ не было.

Людмила Родіоновна неторопливо рассказывала ему о результатахъ своихъ хлопотъ. Все дѣло было въ томъ, что приближался роковой моментъ, когда Тыртову надо было такъ или иначе начать отбываніе воинской повинности. Ему довольно долго удавалось тянуть это дѣло подъ разными предлогами, но дальше это становилось невозможнымъ. Каждый день онъ ждалъ, что его потребуютъ, и, проснувшись утромъ, дрожащими руками хватался за принесенныя письма, боясь прямо взглянуть на нихъ, и особенно боялся разныхъ повѣстокъ и большихъ казенныхъ пакетовъ.

Этотъ человѣкъ, съ завиднымъ сложеніемъ, съ цвѣтущимъ здоровьемъ, силачъ, не боявшійся состязаться съ атлетами, былъ трусомъ. Но и помимо этого, онъ самолично велъ довольно большое дѣло, никому не довѣрялъ въ немъ и боялся, что безъ него оно развалится, и онъ разорится.

И вотъ Людмила вспомнила, что у нея, когда она училась въ гимназій, была подруга, отецъ которой—влиятельный человѣкъ и могъ бы, если бы захотѣлъ, помочь въ этомъ дѣлѣ. Съ подругой она почти не встрѣчалась, но отношенія не были ничѣмъ испорчены. Просто онѣ жили въ различныхъ плоскостяхъ.

И Людмила взялась, да, именно сама добровольно взялась отъправиться къ подругѣ и попросить у нея помощи. За этимъ она сегодня и ѣздила. Результатъ былъ неопредѣленный, такъ какъ подруга сама ничего не могла сдѣлать, а отецъ ей былъ въ отъѣздѣ, и возвращеніе его ожидалось на-дняхъ.

Все оживленіе исчезло съ лица Андрея Семеновича, когда Людмила кончила свой рассказъ. Розы, которыя цвѣли на его щекахъ, вдругъ поблекли, въ глазахъ явилось выраженіе глубокаго унынія.

— Эхъ!—сказалъ онъ, безнадежно махнувъ рукой,—а вѣдь каждый день, каждый часъ могутъ потребовать.

— Слушай, Андрей,—какъ-то не вполне рѣшительно сказала Людмила.— Ну, я понимаю—дѣло у тебя. Да и неприятно. Зачѣмъ итти, когда можно и не итти? Но если придется, неужели же ты такъ этого боишься?

Андрей Семеновичъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ:

— Вотъ тоже сказала... Какъ же не бояться?... Да ежели на улицѣ встрѣтитъ тебя злодѣй и занесетъ надъ твоей головой топоръ, такъ ты не будешь бояться?

— Но это же совсѣмъ не то, Андрей, совсѣмъ другое.

— Ахъ, не знаю ужъ, другое, или то самое... А только... Эхъ!.. Опять махнулъ рукой и направился въ

переднюю.—Пойду къ одному человѣку. Тоже общались похлопотать, да только ему выложить придется, и не мало... Ну, да ужъ что жъ,—стойтъ...

И онъ, это волненія забывъ даже попрощаться съ нею, ушелъ.

Вотъ этого никакъ не могла понять Людмила, и даже не то, чтобы понять, а принять къ сердцу. Когда рѣчь шла о его дѣлѣ, и что оно можетъ пошатнуться, она, выросшая среди дѣлъ отца, это понимала, но мужчина, который боится опасности, вызывалъ въ ней нехорошее чувство.

Правда, это чувство вызывалось не какими-либо соображеніями долга, патриотизмомъ, чѣмъ-либо высшаго порядка, а просто, какъ женщина, она инстинктивно требовала отъ мужчины мужества.

Дочь купца Сермягина, насквозь пропитанная купеческимъ духомъ, выросшая въ этой семьѣ и впитавшая въ себя все купеческое направленіе Сермягина, она безъ всякихъ оговорокъ раздѣляла все міровоззрѣніе своего отца.

Купецъ долженъ наживать всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, и, чѣмъ больше его барышъ, тѣмъ, значитъ, лучше онъ выполняетъ свое купеческое назначеніе, тѣмъ лучшей онъ купецъ.

Она близко стояла къ молочному дѣлу Родіона Леонтьевича, интересовалась имъ, знала, сколько на складѣ имѣется какого товара, почему онъ купленъ и почему надо его продать, чтобы получить высшій барышъ, и никогда въ голову ей не приходило сомнѣніе въ томъ, что въ торговлѣ барышъ есть единственное руководящее начало и никакого другого нѣтъ.

Не всегда хорошо говорили про ея отца. Рассказывали, напримеръ, что онъ гдѣ-то, въ какой-то губерніи, гдѣ были раскинуты его конторы по скупкѣ молока, при помощи денегъ и устраиваемого имъ кредита чуть не въ рабствѣ держалъ цѣлыя деревни, которыя буквально за грошъ отдавали ему послѣднюю каню молока отъ своихъ коровенокъ. А онъ выработывалъ изъ него продукты и продавалъ по высокимъ столичнымъ цѣнамъ, наживая такимъ образомъ триста процентовъ. Называли его грабителемъ, кулакомъ и мало ли еще какими словами.

А она говорила: нѣтъ, онъ купецъ, настоящий купецъ, какимъ онъ долженъ быть. И уважала отца за то, что онъ умный человѣкъ и умѣетъ вести свои торговыя дѣла.

А велъ онъ ихъ образцово. Въ глазахъ покупателей фирма стояла крѣпко, а барыши его росли, и этотъ шестизатяжной домъ, недавно выросшій на мѣстѣ стараго покосившагося зданія, принадлежитъ ему, а, значитъ, вполнѣтвѣн и ей, какъ единственной дочери Родіона Леонтьевича Сермягина.

И это вовсе не значило, что она была черства душой или зла, нѣтъ, никто изъ сколько-нибудь знавшихъ ее не сказалъ бы этого. Всѣ считали ее милой дѣвушкой, мягкой, любезной и даже отзывчивой. Людмилы, которые обращались къ ней, она помогала. Она любила дѣтей и была дѣятельнымъ членомъ одного общества, которое возилось съ бѣдными дѣтьми. Ее ни въ чемъ не могли упрекнуть.

Но таковы были взгляды среды, въ которой она выросла, на этихъ взглядахъ было основано благосостояніе ея семьи, и она держалась ихъ, какъ человѣкъ, выросшій среди горъ, предпочитаетъ гористую мѣстность лѣсу и морю, какъ бы они ни манили своей красотой.

На жениха своего, Тыртова, она смотрѣла съ той же точки зрѣнія и подъ тѣмъ же угломъ. У нихъ было общее дѣло. Тыртовъ получилъ отъ своего отца превосходно оборудованный складъ молочныхъ продуктовъ, магазинъ и хорошую организацію въ провинціи. Молодой, дѣловитый, знающій свою спеціальность, конечно, для нея онъ являлся наилучшимъ женихомъ, какого только можно представить.

И онъ былъ женихъ, просто женихъ, который, когда наступитъ время, сдѣлается мужемъ. Никакого романа у нихъ не было. Старикъ между собой были знакомы, водили пріятельство, конкурировали, подставляли другъ другу ножку, ссорились и мирились. И они знали другъ друга съ давнихъ поръ. Онъ былъ единственный сынъ, она единственная дочь. Выводъ напрашивался самъ собой. И онъ былъ сдѣланъ такъ же естественно и съ такой же логической необходимостью, какъ рѣка впадаетъ въ море.

Но съ того момента, какъ онъ сдѣ-

Вотъ листикъ передъ нею, развернутый, лежить... (стр. 458).

лался ей женихом. она начала заботиться о его личных интересах, беспокоиться о нем и даже устраивать его дѣла. Разъ онъ женихъ и будетъ ей мужемъ—какъ же иначе?

Вотъ и эти хлопоты она взяла на себя. Сама взяла, никто даже и не просилъ ее, потому что ничего и не знали о ея подружѣ. Она хотѣла выручить своего жениха, который будетъ ей мужемъ. Словомъ—своего, все равно, что себя. И, конечно, не ограничится этимъ визитомъ и будетъ надѣлать подружѣ и, можетъ-быть, добьется.

И даже то обстоятельство, что Андрей оказывается трусомъ и этимъ внушаетъ ей неприятное чувство, она принимала въ расчетъ какъ-то особенно для себя, въ себѣ самой, гдѣ-то въ душѣ, но на ея отношеніе къ Андрею это не могло имѣть никакого вліянія. Все равно, онъ останется ея женихомъ и будетъ ей мужемъ. Вѣдь это было основано на серьезныхъ и здравыхъ соображеніяхъ, которыя сюда не относятся.

III.

Мать пріѣхала раньше, а Родіонъ Леонтьевичъ только къ семи часамъ, когда они обыкновенно обѣдали.

Онъ былъ оживленъ какъ-то необычайно. Узналъ въ торговомъ кругу важныя вещи. За обѣдомъ сперва говорилъ намеками, а потомъ ясно, хотя все-таки пониженнымъ голосомъ, и замолкалъ въ тѣ минуты, когда въ столовую входила прислуга.

— Да, времечко,—говорилъ онъ дочери и женѣ,—можно сказать, небывалое. И ужъ больше никогда не повторится. И нашъ братъ-купецъ обязанъ пользоваться, если онъ не совѣмъ еще дуракъ.

И онъ рассказалъ о томъ, какъ въ столицѣ съ каждымъ днемъ становится все труднѣе и труднѣе достать самые необходимые продукты: муку, сахаръ, крупу и т. п., и объяснить это тѣмъ, что желѣзныя дороги не въ состояніи подвозить столько, сколько надо для столицы.

— А черезъ недѣлю,—прибавилъ онъ, слегка прищуривъ лѣвый глазъ,—и масла и яицъ не будетъ.

— Господи, да неужто же и у насъ не будетъ? Куда же оно дѣнется? —искреннѣйшимъ голосомъ воскликнула простоватая жена Сермягина, Дарья Авксентьевна, вообще ничего не понимавшая въ торговлѣ и ограничившая свою дѣятельность исключительно домашними работами.

— Не будетъ!—твердо отвѣтилъ Родіонъ Леонтьевичъ.—ни масла ни яицъ,—отказъ покупателю будетъ.

По всей вѣроятности, это было слишкомъ сложно, такъ что и Людмила, которая всегда быстро схватывала разныя торговыя тонкости, на этотъ разъ не уразумѣла сущности родительскаго сообщенія.

— Но какъ же, папаша,—возразила она.—вѣдь у насъ на складѣ 600 пудовъ сибирскаго масла имѣется, да русскаго 400 пудовъ, да сливочнаго наберется пудиковъ 200, а яицъ недавно еще огромную партію доставили, да приказчикъ Рындинъ изъ Нижняго извѣстилъ, что выслалъ новыя партіи и масла и яицъ... Какъ же такъ, что вдругъ нѣту?

— Рындинъ, это вѣрно. Рындинскія партіи мы получимъ послѣ-завтра... Онѣ уже пришли.

— Ну, такъ, папаша, какъ же?

Родіонъ Леонтьевичъ съ выразительнымъ укоромъ покачалъ головой, впрочемъ, только по адресу дочери, такъ какъ жену онъ считалъ безнадежной.

— Эхъ, умница тоже! Какъ же тутъ не понять, коли дѣло ясное! Оно, конечно, есть у насъ запасъ, чуть что не на полгода хватить. И рындинскія еще будутъ. Такъ вѣдь это же на складѣ, а въ магазинѣ ничего не будетъ.

— А зачѣмъ же, папаша?

— Зачѣмъ, зачѣмъ?—передразнилъ ее Родіонъ Леонтьевичъ.—А чтѣ же, я буду продавать яйца по три рубля сотню, а масло по полтиннику, когда черезъ мѣсяцъ цѣна будетъ вдвое, а еще погодя они, можетъ, и втрое вскочатъ? Да чтѣ я, дуракъ, что ли? Да ежели теперь не нажить, такъ когда же?

Послѣ этого исчерпывающаго объясненія лицо Людмилы просвѣтлѣло. Она поняла и признала, что это и умно и правильно. Торговля, чтѣ жъ подбѣлаешь! Ужъ такова ея природа, что, если не пользоваться случаемъ, то никогда и не наживешь.

Потомъ Родіонъ Леонтьевичъ объяснилъ, что, конечно, не онъ одинъ такъ поступаетъ, а всѣ солидные торговцы, у которыхъ есть чтѣ припрятать. Послѣ обѣда былъ вызванъ по телефону Тыртовъ, и его Родіонъ Леонтьевичъ познакомилъ съ положеніемъ дѣла. Этотъ не заставилъ своего будущего тестя долго объяснять ему, а сразу схватилъ сущность и пошелъ навстрѣчу.

— Эхъ,—говорилъ Андрей Семеновичъ,—хорошія дѣла складываются, да вотъ только бѣда, ежели меня возьмутъ. Ну, кто же тогда поведетъ мѣе дѣло какъ слѣдуетъ? Вѣдь это такое тонкое дѣло. Развѣ на кого-нибудь можно положиться?

— Ничего, Андрей Семеновичъ, не тужи, выручимъ. Вотъ Людмила хлопочетъ, да и я кой съ кѣмъ говорилъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей; купецъ, братъ, отечеству нуженъ такъ же, какъ и воинъ. Безъ купца тоже не проживешь.

И долго они говорили на эти темы. А Людмила ушла къ себѣ, заперлась въ своей комнатѣ и составила письмо подружѣ въ Новгородъ. Описывала свое несчастье съ кошелькомъ, въ которомъ лежало еще не прочитанное ея письмо. И просила какъ можно скорѣе вторично написать то, чтѣ было въ немъ.

„Ты знаешь, милая Соня, что я человекъ серьезный, и такъ какъ вся торговля моего отца рано или поздно достанется мнѣ, то я вникаю во все и все хорошо понимаю. Тебѣ тоже извѣстно, что я собираюсь скоро, если ничто не помѣшаетъ, сдѣлать важнѣйшій шагъ въ жизни—выйти замужъ.“

„Все это очень важно и необходимо въ жизни, но очень ужъ прозаично. А бываютъ минуты, когда хочется чего-то другого, совсемъ не такого. какъ эта наша привычная жизнь, всегда одинаковая, когда сегодня навѣрно знаешь, чтѣ будетъ завтра. Вотъ именно что-нибудь такое, о чемъ ты не знаешь, какъ оно повернется завтра.“

„Не умю я объяснить это, но мнѣ кажется, что это и есть поэзія, которой въ моей жизни вовсе нѣтъ. Ну, ни капельки. И когда я получаю твои письма и читаю ихъ, особенно то, чтѣ говоритъ обо мнѣ Иванъ Матвѣевичъ, то въ этотъ день я бываю“

совѣмъ не такая, какъ всегда. Я съ ума схожу въ эти дни, и у меня

до того блестятъ глаза, что даже дома спрашиваютъ, чтѣ со мною. Ну, ужъ я, конечно, не говорю имъ, чтѣ со мною.“

„Скажи ему, что три недѣли, которыя онъ былъ здѣсь по своимъ дѣламъ, я вспоминаю, какъ праздникъ. вотъ какъ бывало, когда мы учились въ гимназій, послѣ скучныхъ и нудныхъ мѣсяцевъ ученія, Пасха или Рождество.“

„И скажи ему еще: это ничего не значитъ, что я выхожу замужъ,—все равно, я буду помнить его всю жизнь.“

Иванъ Матвѣевичъ Велесовъ, житель Новгорода, владѣлъ тамъ нѣсколькими молочными фермами и маслобойнымъ заводомъ, велъ дѣла съ Сермягинымъ. Зимой онъ прожилъ нѣсколько недѣль въ Петроградѣ, произвелъ впечатлѣніе на Людмилу и оставилъ въ душѣ ея слѣды.

Онъ-то и былъ причиной того, что Людмила, никогда не выходившая изъ рамокъ своей обычной домашней жизни и не признававшая никакихъ двусмысленностей, сомнѣній и неопредѣленностей, вдругъ уклонилась до того, что получила письма Сони, сестры Велесова, не на дому, а въ почтовомъ отдѣленіи, да еще прикрывъ свое имя условными цифрами.

Самъ Иванъ Матвѣевичъ былъ для Людмилы человекъ непонятный, по крайней мѣрѣ, за три недѣли она не успѣла раскусить его. Въ немъ не было ничего похожего ни на отца ея ни на жениха.

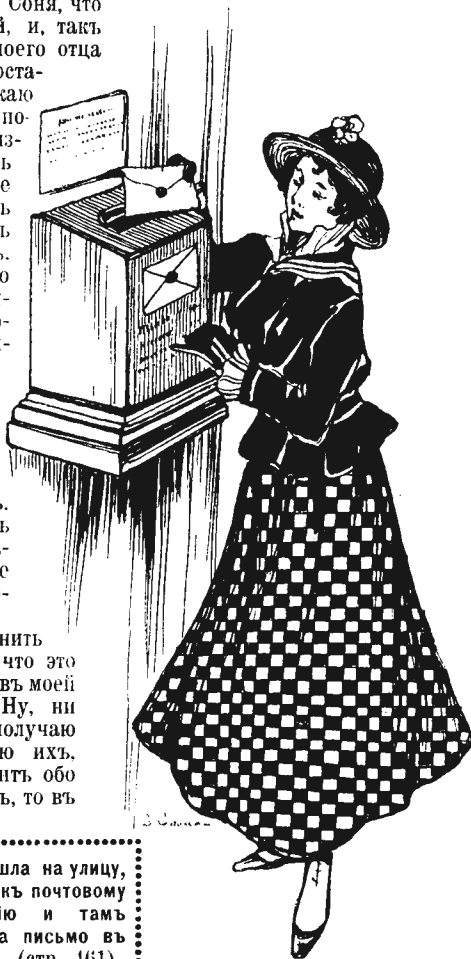
Онъ тоже былъ купецъ и не меньше ихъ заботился о своихъ дѣлахъ, но купецъ другого склада. Торговалъ онъ преисправно и дѣла свои держалъ въ порядкѣ, но въ то же время и читалъ книги и любилъ ихъ, цитировалъ наизусть поэтовъ, страстно увлекался театромъ и даже у себя на заводѣ завелъ небольшой театр, гдѣ актерами и слушателями были рабочіе, а самъ онъ режиссеромъ.

Родіонъ Леонтьевичъ былъ о немъ не особенно высокаго мнѣнія, называлъ его мечтателемъ и, хотя ничего дурного не могъ сказать о его дѣлахъ, но какъ-то не вѣрилъ, что у него и впродъ такъ же хорошо будетъ.

— Мечтатель, извѣстно,—такъ ужъ навѣрно рано или поздно собьется съ пути. Выдумаетъ что-нибудь такое, чтѣ сразу съѣсть все его предпріятіе, родителями ему оставленное.

Но, должно-быть, и Людмила произвела на него сильное впечатлѣніе, потому что онъ не переставалъ говорить о ней съ сестрой, справлялся о ней, передавалъ поклонны. Лѣтъ ему было подъ сорокъ, и онъ самъ не считалъ себя пригоднымъ для молодой дѣвушки женихомъ.

Дня черезъ четыре послѣ того, какъ былъ потерянъ кошелекъ, Людмила опять зашла въ почтовое отдѣленіе. Письма отъ Сони еще не было. Но, къ ея величайшему удивленію, которое скоро

Она вышла на улицу, прошла къ почтовому отдѣленію и тамъ опустила письмо въ ящикъ... (стр. 461).

перешло даже въ ужасъ, ей выдали письмо, на которомъ адресъ былъ написанъ совершенно неизвѣстной ей рукой и стоялъ штемпель „Двинскъ“.

Въ первую минуту она даже подумала, что ей дали это письмо по ошибкѣ. Но, взглянувъ, она увидѣла свои условныя цифры, которыя были начертаны съ необыкновенной точностью.

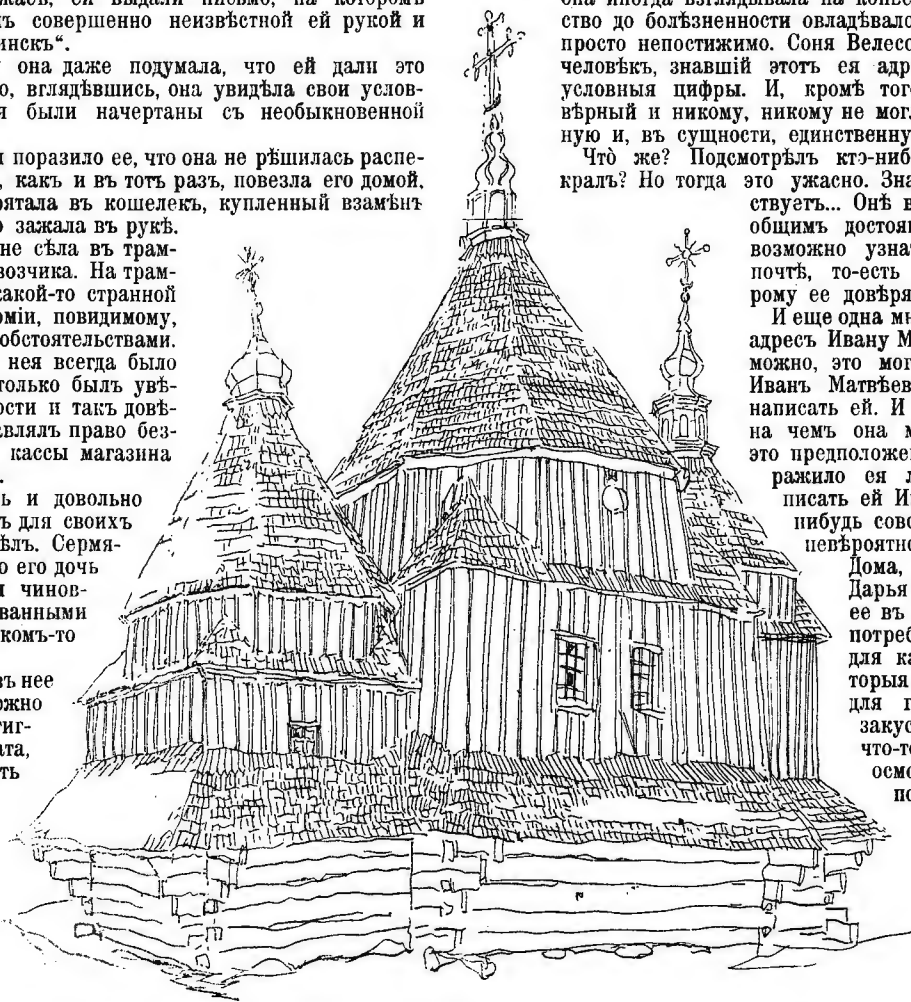
Это до такой степени поразило ее, что она не рѣшилась распечатать письмо и опять, какъ и въ тотъ разъ, повезла его домой. Но теперь ужъ не спрятала въ кошелекъ, купленный взамѣнъ потеряннаго, а крѣпко зажала въ рукѣ.

На этотъ разъ она не сѣла въ трамвай, а сразу взяла извозчика. На трамвай она ѣздила изъ какой-то странной безсознательной экономіи, повидимому, не вызывавшейся обстоятельствами. Денегъ на расходы у нея всегда было достаточно. Отецъ настолько былъ увѣренъ въ ея расчетливости и такъ доверялъ ей, что предоставлялъ право безконтрольно брать изъ кассы магазина сколько ей захочется.

И она не стѣснялась и довольно широко забирала тамъ для своихъ благотворительныхъ дѣлъ. Сермягину же нравилось, что его дочь наравнѣ съ разными чиновными и даже титулованными лицами состоитъ въ какомъ-то обществѣ.

Но какъ-то въѣлось въ нее убѣжденіе, что, если можно сдѣлать дешевле и достигнуть того же результата, то къ чему же тратить лишнія? Когда бывала свободна собственная лошадь, она ѣздила въ экипажѣ, но это бывало очень рѣдко: Родіонъ Леонтьевичъ постоянно былъ въ разъѣздахъ.

И, бѣдучи домой,

она иногда взглядывала на конвертъ, и жгучее любопытство до болѣзненности овладевало ею. Вѣдь это же было просто непостижимо. Соня Велесова была единственный человѣкъ, знавшій этотъ ея адресъ и выдуманная ею условныя цифры. И, кромѣ того, она была человѣкъ вѣрный и никому, никому не могла передать такую важную и, въ сущности, единственную ея тайну.

Что же? Подсмотрѣлъ кто-нибудь? Подслушалъ? Выкралъ? Но тогда это ужасно. Значитъ, тайнъ не существуетъ... Онѣ всегда могутъ сдѣлаться общимъ достояніемъ. Или еще хуже: возможно узнать тайну человѣка на почтѣ, то-есть въ томъ мѣстѣ, которому ее доверяютъ.

И еще одна мысль: что Соня сообщила адресъ Ивану Матвѣвичу. Да, это возможно, это могла сдѣлать Соня, если Иванъ Матвѣвичъ выразилъ желаніе написать ей. И это было единственное, на чемъ она могла остановиться. Но это предположеніе еще сильнѣе взбудоражило ея любопытство. Что могъ писать ей Иванъ Матвѣвичъ? Что-нибудь совсѣмъ исключительное и невѣроятно интересное.

Дома, когда она прѣѣхала, Дарья Авксентьевна встрѣтила ее въ передней и сейчасъ же потребовала отъ нея вниманія для какихъ-то покупокъ, которыя она сдѣлала, — лампы для гостиной, столики для закусокъ въ столовую и еще что-то. Все это надо было осмотрѣть и непременно похвалить.

Но Людмила взмолилась. Все сдѣлаетъ, но ей необходимо пять минутъ. Что-то случилось у нея въ туфляхъ, давить ногу, нужно взглянуть, переменить чулки.

И вотъ она въ своей комнатѣ. Дверь на крючокъ, бѣлая занавѣска спущена. Она сидитъ за столомъ и осторожно,

.....
Церковь во имя св. Іоанна Богослова
въ деревнѣ Скорики (1744 г.).
.....

чтобы не повредить какъ-нибудь внутри, маленькимъ перочиннымъ ножикомъ разрѣзаетъ конвертъ.

Внутри сложенный вдвое листикъ почтовой бумаги, и въ немъ еще что-то. Тихо встряхиваетъ, и вотъ передъ нею столѣ— сложенный вчетверо маленькій конвертикъ чуть розоватаго цвѣта. Она смотритъ и боится прикоснуться къ нему руками.

Секретка, Сонина секретка! Да что же это? Чудо? Волшебство? Беретъ, разворачиваетъ—она. Надорвала края, пристально смотритъ, потому что все-таки еще не вѣритъ: почеркъ Сони, достовѣрный, такъ что не можетъ быть и сомнѣнія, и ея подпись внизу: „Твоя Соня“ и еще такой смѣшной крючокъ, который дѣлаетъ Соня и никто другой на свѣтѣ.

Пробѣгаетъ письмо. Ну, да, да — отвѣчаетъ на ея вопросы, приводитъ слова Ивана Матвѣвича о ней, о Людмитѣ, много словъ, половина письма; но даже слова Ивана Матвѣвича, въ которыхъ обыкновенно она впиается глазами, теперь для нея представляютъ второстепенный интересъ, она только поверхностно скользитъ по нимъ взглядомъ и говоритъ: это потому, потому...

Тамъ, въ конвертѣ, остался еще листикъ почтовой бумаги, и вотъ гдѣ ужъ навѣрно скрывается разгадка. И этотъ листикъ она вытащила изъ конверта съ необычайной осторожностью: мало ли что можетъ случиться!

Вотъ онъ передъ нею, развернутый. лежитъ. Страница исписана страннымъ, какимъ-то кудрявымъ почеркомъ, похожимъ на тотъ, что на конвертѣ, но тамъ было стараніе, а здѣсь, видно, писалось свободно. Вверху справа: „22-го августа. Дѣйствующая армія“.

Боже мой, да почему же вдругъ дѣйствующая армія? Какъ это странно! Сколько здѣсь тайны, и какъ у Людмилы бьется сердце,— какъ никогда еще не билось, и не привыкла она къ этому и не умѣетъ этого.

„Милостивая государыня! Если васъ удивить, что я такъ увѣренно называю васъ „государыня“, а не „государь“, и то, что это маленькое письмо, которое, не будучи раскрыто, подсказало мнѣ адресъ, по которому вы хотѣли бы его получить, очутилось на войнѣ, и вы пожелаете имѣть объясненіе всѣхъ этихъ загадочныхъ обстоятельствъ, то благоволите увѣдомить меня по нижепронписанному адресу. По первому вашему слову я пришлю вамъ полное объясненіе этого дѣла.“

.....
Церковь во имя св. Іоанна Богослова въ деревнѣ Скорики (1744 г.).
.....

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Мѣстечко Купель. Костель.

„Съ настоящимъ же нисемомъ считаю своей обязанностью пре-проводить въ ваше, милостивая государыня, распоряженіе, оче-видно, принадлежащее вамъ нисемецо, которое, какъ вы можете сами убѣдиться, никѣмъ не было прочитано и осталось въ та-комъ видѣ, какой вамъ самой угодно было придать ему.

„Съ глубокимъ почтеніемъ къ вамъ В. Граменскій“.

Внизу: „Подпоручику—полка Владиміру Хрисанфовичу Грамен-скому. Дѣйствующая армія“.

И еще приписка: „Если это нисемю вызоветь съ вашей сто-роны любопытство, то совѣтую не откладывать, ибо на войнѣ болѣе, чѣмъ во всякой другой обстановкѣ, никто не знаетъ срока своей жизни“.

Пять минутъ, обѣщанныхъ ма-тери, давно прошли и удвоились, а Людмила, забывъ не только о своемъ обѣщаніи, а и о томъ, что у нея есть мать и отецъ, и что она купе-ческая дочь и про всѣ обстоятель-ства своей жизни, сидѣла непо-движно за столомъ и снова перечи-тывала сначала строки, написанныя кудрявымъ разбросаннымъ почер-комъ.

„Подпоручикъ Владиміръ Хрисан-фовичъ Граменскій — дѣйствующая армія“.— эти шесть словъ за это короткое время уже успѣли сдѣлать глубокую борозду въ ея мозгу и тамъ остаться навѣки. Ужъ ничѣмъ нельзя было вытравить ихъ оттуда. Какое-то острое любопытство подня-лось въ ея сердцѣ къ этому имени, которое такъ странно впуталось въ ея жизнь.

Неизвѣстный человѣкъ, такой далекий, и вдругъ онъ знаетъ ея тайну,— все равно—читалъ онъ или не читалъ Соннино нисемю, но знаетъ цифры ея имени и тотъ адресъ, который она скрываетъ отъ всѣхъ. И это, казавшееся сй исключитель-нымъ, благородство, помѣшавшее ему распечатать и прочитать чужое нисемю, и деликатность, съ которою онъ счелъ своимъ долгомъ прислать

его ей, все это было въ ея глазахъ какъ будто изъ другого міра и производило на нее неотразимое впечатлѣніе.

Развѣ поступилъ бы такъ Андрей и даже ея отецъ? Нѣтъ, не принята въ ихъ кругу такого рода деликатность. Прочитали бы и осмѣяли. Раскрыли бы тайну и сдѣлали бы ее посмѣшищемъ.

И то обстоятельство, что секретка Сони какимъ-то чудомъ по-бывала на войнѣ, можетъ-быть, слышала грохотъ орудій и ви-дѣла кровь, потрясало ее. „Дѣйствующая армія“... „На войнѣ никто не знаетъ срока своей жизни“...

Онъ написалъ такъ, и, можетъ-быть, срокъ его жизни уже истекъ, и его нѣтъ въ живыхъ? Можетъ-быть, это были послѣд-нія строки, написанныя имъ въ жизни?

Ничто не могло сравниться съ тѣмъ волненіемъ, какое она испытала въ тѣ минуты. И, когда раздался стукъ въ дверь и по-слышался капризный голосъ Дарьи Авксентьевны: „Ну, Люда, что жъ сидишь такъ долго? Я заждалась“,—она вздрогнула, какъ бываетъ, когда внезапно разбудить тебя послѣ перваго сна.

— Иду, мамаша,— сказала она, торопливо пряча оба нисемю и конвертъ въ ящикъ стола, а сердце при этомъ неустово билось, и дыханіе было прерывисто.

Тутъ она вспомнила, что на ней еще жакетъ и шляпа, сняла ихъ, привела себя въ порядокъ и вышла къ матери.

IV.

Если до сихъ поръ въ спокойной и уравновѣшенной душѣ Людмилы изрѣдка вспыхивала слабая искорка недовольства про-зой ея собственной и окружающей жизни, выражающаяся въ интересѣ къ отзывамъ о ней Ивана Матвѣевича Велесова, человѣка почтеннаго, даже для его круга своеобразнаго, но, въ сущности, ничѣмъ не замѣчательнаго, но теперь она, эта искорка, превра-тилась въ пламя. Столько поэзій было въ этой неизвѣстности, столько объятельнаго волшебства въ той тайнѣ, которой, несмотря на скатый, холодный, почти канцелярскій языкъ нисемю подпо-ручника, была проникнута каждая строка его нисемю.

И не въ томъ было дѣло, чтобы ей узнать, какимъ образомъ Соннино нисемю попало въ дѣйствующую армію, — должно-быть, какимъ-нибудь сложнымъ и запутаннымъ путемъ, но все же въ концѣ концовъ просто. Черезъ людей, которые нашли его, вотъ и все. И это, должно-быть, объясняется. Но этотъ конвертъ изъ того края, эта подпись на почтовомъ листкѣ, какъ бы подава-вшая ей голосъ изъ того міра, съ которымъ она до сихъ поръ никакъ не общалась, который ей до сихъ поръ былъ чуждъ.

Война шла—сколько ужъ мѣсяцевъ, и она знала всѣ перипетіи ея, всѣ перемѣны и колебанія счастья. Въ домѣ у нихъ получа-лась газета утромъ и вечеромъ. Родіонъ Леонтьевичъ исправно читалъ военныя новости, и она или отъ него узнавала или сама прочитывала.

Но для нея это было, какъ исторія, которую она учила въ школѣ. Тамъ тоже были войны и тысячи другихъ событій, на-роды процвѣтали, покоряли міръ, потомъ сами увядали и исчезали съ лица земли. Къ войнѣ у нея былъ интересъ, какъ къ зани-мательному, иногда захватывающему, роману, помѣщаемому въ

Колокольня, уцѣлѣвшая отъ сгорѣвшей церкви Преображенія Господня.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Латышский придорожный крестъ.

газетахъ. А что будетъ завтра? Какъ поведутъ себя герой и героиня, какія еще перемены произойдутъ въ ихъ судьбѣ?

Вѣдь жизнь вокругъ нея шла такъ же, какъ и прежде, какъ всегда. Люди торговали, наживали барыши, даже еще больше, чѣмъ раньше, и все остальное дѣлалось, никто ни отъ чего не отказывался. И то, что называлось фронтомъ, дѣйствующей арміей, было само по себѣ и гдѣ-то тамъ, за какой-то чертой.

А тутъ вотъ,—какъ будто оттуда протянута живая рука, и она поднимаетъ ее.

И этого было достаточно, чтобы тотъ край, гдѣ война, и тѣ люди, которые тамъ, стали ей не чужіе. Правда, она переживала это еще смутно, въ видѣ какого-то томительнаго безпокойства, но внутренний строй ея жизни былъ уже нарушенъ.

Она попрежнему вращалась въ привычномъ кругу, интересовалась дѣлами отца, заглядывала въ магазинъ и тамъ производила контроль, посѣщала даже другіе ихъ магазины въ разныхъ частяхъ города, выслушивала скорбныя жалобы Андрея Семеновича по поводу угрожавшей ему повинности, и даже продолжала хлопотать у подруги по его дѣлу, но все это дѣлала какъ бы сквозь сонъ, по привычкѣ, по инерціи, и почему-то начало казаться, что это только пока, какъ будто вотъ-вотъ долженъ пронестись какой-то ураганъ, который все смететъ и измѣнитъ.

Отвѣтить на письмо таинственнаго подпоручика ей ужасно хотѣлось, ну, конечно, прежде всего узнать, какимъ образомъ могла попасть къ нему въ дѣйствующую армію маленькая секретка, адресованная ей подругой Соней. Но это все-таки не было главное. Гораздо важнѣе было предчувствіе, что это письмо, которое она напишетъ, какъ-то необъяснимо свяжетъ ее съ тѣмъ міромъ, и въ ея жизни явятся новыя отношенія.

И въ нынѣ минуты она боялась этого, какъ неминуемо надвигающейся грозы. И вотъ ужъ нѣсколько дней прошло, а она не собралась написать подпоручику Граменскому.

Но однажды за обѣдомъ, когда всѣ сидѣли за столомъ и былъ даже Андрей Семеновичъ, среди шумнаго оживленнаго разговора, она какъ-то непронзательно ушла мыслью отъ того, что происходило вокругъ, сидѣла, смотрѣла на говорившихъ, но ничего не слышала. Въ головѣ ея повторялись слова изъ письма, маленькая приписка въ концѣ: „совѣтую не откладывать, ибо на войнѣ никто не знаетъ срока своей жизни“.

Слова эти, ничуть не новыя и ничего глубокаго въ себѣ не заключавшія, поднимали въ ея сердцѣ тревогу. И такое долгое ея молчаніе вдругъ показалось ей преступнымъ. „А, можетъ-быть, это было предчувствіе, пророчество... Можетъ-быть, онъ убитъ въ сраженіи, кончился срокъ его жизни?“—спрашивала она себя и чувствовала, что лицо ея блѣднѣетъ, и скоро будетъ всѣми замѣчено ея странное душевное состояніе.

Слава Богу, обѣдъ кончился, она встала и ушла къ себѣ. Кажется, уходить ей былъ слишкомъ неожиданенъ, и поднялась она слишкомъ порывисто и шумно. Можетъ-быть, они удивились, что-нибудь подумали?

Но она уже у себя, вхождъ защищенъ маленькимъ крючкомъ. Никто не войдетъ. Она одна въ своемъ мірѣ, странномъ, туманномъ и какъ будто лишенномъ содержанія, но по отношенію къ тому, что осталось за дверью—другомъ, не имѣющемъ съ нимъ ни одной общен черточки.

Она сидитъ за столомъ и пишетъ. У нея бумага особенная: небольшіе квадратные листки цвѣта кремъ. И сколько она ихъ испортила, этихъ листковъ, она, такая бережливая и аккуратная.

„Милостивый государь, господинъ подпоручикъ“.

Охъ, нѣтъ, что это? Это звучитъ такъ сухо, холодно и ни капли не выражаетъ ея настроенія. Но развѣ это настроеніе можно выразить словами? Какое оно? Съ чѣмъ можно сравнить его?

„Многоуважаемый“... „Уважаемый“... Просто: „Господинъ подпоручикъ“... Еще хуже. Нѣтъ: „Владиміръ Хрисанфовичъ“... И еще лучше: „Милостивый государь Владиміръ Хрисанфовичъ“. Это уже совсѣмъ хорошо. Понятно, если бы онъ зналъ, что ее зовутъ Людмилой Родіоновной, онъ тоже написалъ бы: „Милостивая государыня Людмила Родіоновна“. Такъ всегда и пишутъ незнакомымъ.

Потомъ самое письмо. Сколько ненужныхъ словъ и фразъ написала она, прежде чѣмъ прійти къ мысли, что этого ничего не надо, а надо только, чтобы было какое-нибудь письмо, чтобы онъ зналъ, что его письмо ею получено, и ей хочется, чтобы оно было не послѣднимъ.

Кладбище въ деревнѣ Токи. Старый крестъ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

И въ результатѣ коротенькое письмо, сдержанное, спокойное, безъ лишнихъ словъ и отъ того значительное и полное достоинства.

„Милостивый государь Владимиръ Хрисанфовичъ. Ваше письмо, адресованное госпожѣ 4—16—64, и вложенную въ него секретку получила. И не могу выразить, какъ благодарна вамъ за нее и ваши любезныя строки. Объясненіе, какъ попала къ вамъ секретка, меня чрезвычайно интересуетъ. Сама я рѣшительно не въ состояніи понять этого. Она была спрятана въ кошелекъ, который я потеряла. Вотъ все, что я знаю объ этомъ.“

„Такъ какъ вы объявили мнѣ ваше имя, и къ тому же все ваше поведение показываетъ, что вы заслуживаете полного довѣрія, то я и считаю себя обязанной сказать вамъ, что меня зовутъ Людмилой Родионовной Сермягиной. Но письмо ваше, если вы не раздумали послать его, адресуйте попрежнему. Искренно васъ уважающая Л. С.“

Запечатала, написала адресъ, наклеила марку и сейчасъ же, какъ бы боясь передумать, надѣла шляпу и жакетъ и вышла изъ комнаты.

Въ столовой уже никого не было. Мать, какъ всегда, послѣ обѣда отдыхала въ спальнѣ, а отецъ съ Андреемъ продолжали какой-то горячій разговоръ въ кабинетѣ. Она вышла на улицу, для вѣрности прошла къ почтовому отдѣленію и тамъ опустила письмо въ ящикъ.

Были сумерки, фонарей еще не зажгали. Вечеръ былъ прохладный, но тихій и пріятный. Ей не хотѣлось итти домой. Было совершенно опредѣленное желаніе одиночества, въ душѣ такъ много было новыхъ переживаній.

Вѣдь этимъ письмомъ, которое она сейчасъ опустила, она вложила свою руку въ ту, которая была протянута ей съ той стороны. И теперь ей было страшно, потому что она не знала, что изъ этого выйдетъ. Добро или зло. Можетъ-быть, она даже поступила легкомысленно?

До сихъ поръ ея жизнь текла по узкому и, казалось, раз навсегда проторенному руслу, и въ предѣлахъ его она обладала и выдержкой и спокойствіемъ и характеромъ, всегда знала, какъ къ чему ей отнестись и что дѣлать.

Могилы.

Какъ хорошо она разбиралась въ людяхъ своего круга! Достаточно было ей поговорить съ новымъ человѣкомъ полчаса, чтобы узнать, добрыя ли у него намѣренія, или держать онъ камень за пазухой. Люди были такъ просты, такъ несложны.

А тутъ—развѣ она могла быть увѣренной, что этотъ неизвѣстный ей человѣкъ, такъ странно, необычно подкравшійся къ ней, не обойдетъ ее ловко, не оскорбитъ, не унижитъ? Она этого не знаетъ, потому что тотъ міръ для нея темень, непроницаемъ для ея глазъ.

И все-таки она идетъ, не можетъ остановиться, потому что какая-то вѣдь ея лежащая сила влечетъ ее къ этому новому и невѣдомому.

Нѣсколько дней Людмила жила, какъ въ чадѣ. Въ почтовое отдѣленіе она заходила раза два, но, конечно, не за отвѣтомъ на свое письмо въ дѣйствующую армию, этому и время еще не выходило, но могло быть письмо отъ Сони. Однако внутри у нея было неясное сознаніе, что она себя обманываетъ. Письмо отъ Сони—да, нѣсколько дней еще тому назадъ она ждала этихъ писемъ съ нетерпѣніемъ, потому что они были для нея единственнымъ источникомъ той, какъ она сама думала, поэзіи, которой не доставало ей въ жизни. Но теперь,—какъ поблекъ этотъ источникъ!

Вѣдь въ концѣ концовъ тамъ все ясно. Милый, симпатичный Иванъ Матвѣевичъ съ его хорошими, пріятными словами о томъ, что торговлю и барышъ можно соединить съ книгой и съ искусствомъ, что рабочему на заводѣ лучше работается, если онъ находитъ удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ въ маленькомъ театрѣ, гдѣ онъ самъ и актеръ и декораторъ и публика, и все такъ хорошо и пріятно, какъ чистый прозрачный ручеекъ, съ ласковымъ журчаніемъ неторопливо текущій по своей ложбинкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Деревня Янушевна близъ Волочиска.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Развалины замка Вишневецкихъ въ деревнѣ Токи.

Полковой командиръ.

Разсказъ В. Ропшина.

Полкъ получилъ приказъ атаковать рано утромъ.

Вечеромъ наканунѣ былъ смотръ. На открытомъ, извѣзженномъ артиллеріей, полѣ, въ десяти километрахъ отъ фронта, выстроились однообразные, издали сѣрые, длинные и прямые ряды, — ряды солдатъ въ небесно-голубыхъ панталонахъ, такихъ же шинеляхъ и такихъ же металлическихъ каскахъ. День былъ пасмурный, ночью шелъ дождь, и сапоги вязли въ свекловичныхъ корняхъ и глинѣ. Въ сторонѣ, на шоссе, стоялъ командующій дивизіей, нѣсколько штабныхъ офицеровъ и съ ними полковой командиръ. Всѣ они были одѣты такъ же, какъ рядовые, только въ петлицахъ блестѣли золотомъ галуны.

Полковой командиръ негромко отдалъ команду. Адьютантъ ее повторилъ. И сейчасъ же медленно зашевелились ряды, медленно сомкнулись шеренги, и солдаты, по-трое въ рядъ, отделяясь отъ сомкнутыхъ батальоновъ, зашагали по вязкому полю. Они шли, похожие другъ на друга, всѣ молодые, всѣ стройные, всѣ съ ранцами на плечахъ и съ винтовками въ правой рукѣ. Оркестръ игралъ марсельезу. Прострѣленное шрапнелью, изорванное, въ лохмотьяхъ, знамя тяжело колыхалось впереди первой роты. Падаль сумракъ, и надъ рѣкою, направо, клубился легкій туманъ. Въ деревенской полуразрушенной церкви колоколъ звонилъ къ вечерней молитвѣ.

На шоссе застучала мотоциклетка. Ея стукъ приближался, становился все сильнѣе, все громче и неожиданно замеръ въ десяти шагахъ отъ командующаго дивизіей. Полковой командиръ обернулся. Весь обрызганный грязью, кирасирскій капралъ подалъ ему небольшой, запечатанный печатью, конвертъ:

— Вамъ телеграмма, полковникъ.

Полковой командиръ, нахмурился, прочиталъ телеграмму. Его морщинистое, съ твердымъ подбородкомъ, лицо внезапно осунулось и стало блѣднѣе и старше.

Командующій дивизіей наклонился къ нему:

— Что-нибудь изъ штаба, полковникъ?

— Нѣтъ, это лично мнѣ, генералъ.

И, повернувшись на еще крѣпкихъ, обутыхъ въ желтыя гетры, ногахъ, онъ, обращаясь къ полку, крикнулъ слышнымъ и звучнымъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Да здравствуетъ Франція!

По рядамъ прокатилась волна, головы поднялись, потомъ опустились снова, и въ вечернемъ воздухѣ, по всему широкому полю, пронесся долгій, повторенный сотнями людей, крикъ:

— Да здравствуетъ Франція!

Наутро снова шелъ дождь, и солдаты въ размытыхъ траншеяхъ вымокли, въ ожиданіи атаки. Неумолчно, звѣриными голосами, ревели пушки. Этотъ ревъ былъ такъ оглушительнъ и силенъ, что содрогалась земля, содрогалось тусклое небо, содрогался осенній воздухъ, и содрогались иззябшіе, почти оглушенные люди. Полковой командиръ, слегка покачиваясь на крѣпкихъ ногахъ, ходилъ по траншеямъ, высокой, строгой, прямой и, останавливаясь у взводовъ, коротко говорилъ:

— Я надѣюсь на васъ.

И солдаты такъ же коротко отвѣчали:

— Будьте спокойны, полковникъ.

Безъ пяти минутъ восемь онъ вынулъ часы, и, когда стрѣлка прошла пяти минутное разстояніе и стала на назначенной цифрѣ, онъ легко, по-юношески, вскочилъ на оползающій парапеть и крикнулъ:

— Въ атаку!

Онъ бѣжалъ впереди. Онъ бѣжалъ безъ винтовки, съ каштановой тростью въ рукахъ и не выпуская изъ рта дымящейся трубки. Бѣжалъ онъ быстро, но солдаты бѣжали еще быстрѣе, и черезъ минуту онъ былъ въ серединѣ полка, окруженный людьми въ голубыхъ шинеляхъ. Онъ

старался не отставать и сквозь зубы повторялъ про себя:

— Впередь! Впередь! Впередь!..

Онъ все помнилъ и видѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ упалъ лейтенантъ первой роты, его любимецъ, черноглазый, двадцатилѣтній, недавно выпущенный изъ военного училища, мальчикъ. Видѣлъ, какъ справа, у перелѣска, взорвался нѣмецкій снарядъ, разбрызгавъ желтую грязь и поднявъ огромный столбъ горячаго дыма. Видѣлъ, какъ въ нѣмецкихъ, изученныхъ наизусть, траншеяхъ, замелькали сѣрыя шапки. И, добѣжавъ до этихъ траншей, онъ видѣлъ, какъ денщикъ его, Жанъ-Багистъ, съ побавровѣвшимъ лицомъ, широко размахнувшись винтовкой и ударилъ ею человека, а потомъ соскочилъ въ траншею. Онъ не спрыгнулъ за нимъ, — онъ перебѣжалъ по мосткамъ. Далеко, впереди, неровною цѣпью, бѣжали его солдаты, и онъ, ускоряя бѣгъ, пытался сравняться съ ними и, махая тростью, шепталъ:

— Впередь! Впередь! Впередь!..

Развалины замка Вишневецкихъ въ деревнѣ Токи.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Онъ добѣжалъ до деревни. На немощной улицѣ, у первыхъ домовъ, лежало съ десятокъ нѣмецкихъ солдатъ и между ними одинъ французъ, сержантъ двѣнадцатой роты, котораго онъ хорошо знаетъ въ лицо. Онъ нагнулся къ нему и, вынимая изо рта трубку, спросилъ:

— Вы ранены?

— Да, я раненъ, полковникъ.

— Я сдѣлаю вамъ перевязку.

Онъ присѣлъ на мокрую землю и вынулъ перевязочный бинтъ. Сзади еще гремѣли орудія, и трещала частая перестрѣлка, но впереди уже было тихо. Пока онъ неумѣло возился съ бинтомъ, къ нему подошелъ полковой адъютантъ. Адъютантъ тяжело дышалъ, былъ блѣденъ, какъ полотно, и на головѣ его не было каски.

— Траншеи взяты, полковникъ.

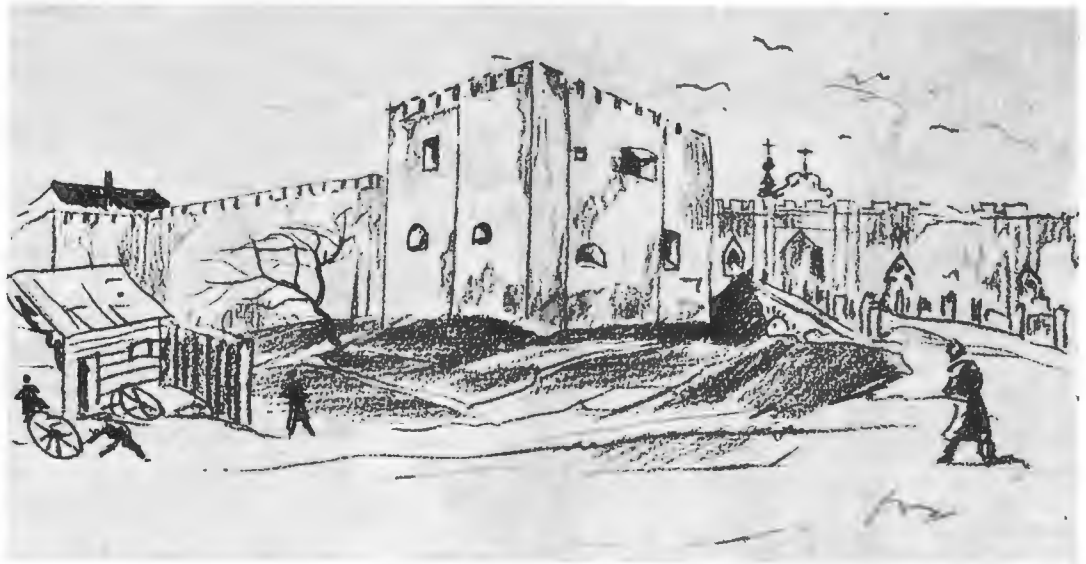
Полковой командиръ кивнулъ головой.

— Деревня взята, полковникъ.

Полковой командиръ опять кивнулъ головой.

— Поздравляю съ побѣдой, полковникъ.

Полковой командиръ ничего не отвѣтилъ. Онъ всталъ и пошелъ въ деревню. Вечеромъ, въ той же деревнѣ, онъ обходилъ ряды своего испытаннаго полка и благодарилъ солдатъ, унтер-офицеровъ и офицеровъ. Онъ былъ такой же, какъ и во время атаки: спокойный, строгій, съ твердымъ лицомъ и съ каштановой тростью въ рукахъ. И солдаты кричали:

Меджибожь. Замокъ.

— Да здравствуетъ нашъ полковникъ!..

А ночью, его денщикъ, Жанъ-Батистъ, услышавъ, что полковникъ не спитъ, осторожно пріоткрылъ дверь въ его спальню, — въ единственную уцѣлѣвшую послѣ пожара комнату въ зданіи мари. Онъ увидѣлъ стараго человѣка, безъ мундира, въ бѣлой рубашкѣ, низко склонившагося къ столу. Его спина сотрясалась, и посѣдѣвшая голова глухо билась о столъ. У дверей лежалъ конвертъ съ казенной печатью, и рядомъ съ нимъ валялась бумажка. На бумажкѣ стояло:

„Вашъ сынъ, лейтенантъ Дюнон, сегодня убить подъ Верденомъ“.

Свиданіе.

Разсказъ Пьера Вальдана

Восемнадцатилѣтняя, розовая и радостная, какъ майское утро. Ивонна налила отцу чашку кофе. Въ благодарность Фредерикъ Бургонъ ласково потрепалъ дочь по щекѣ.

Сидѣвшая противъ мужа Клотильда Бургонъ сложила письмо которое читала и перечитывала съ начала завтрака.

Судя по тому, что пишетъ Жюльенъ, — проговорила она, —

ему не удастся получить отпускъ раньше конца этого мѣсяца.

— Потеримъ до того времени, мама! Главное, чтобы Жюльенъ былъ здоровъ. Сегодня хорошій день, разъ мы имѣли письмо отъ него.

А Фредерикъ Бургонъ проворчалъ, уткнувъ носъ въ чашку:

— Жюльенъ — солдатъ и...

Рѣзкій звонокъ перебилъ его и заставилъ вздрогнуть всю семью. Послышались быстрые шаги, и въ комнату вошелъ, а ворвался молодой человѣкъ въ военной формѣ.

— Жюльенъ! — раздалось изумленное восклицаніе отца, матери и сестры, и въ слѣдующую минуту вновь прибывшій сталъ переходить изъ объятий въ объятія.

— Какими судьбами? Вѣдь ты писалъ, что не можешь получить отпускъ раньше конца мѣсяца! — спросила мать, не спускавшая радостно-восторженнаго взгляда со своего первенца.

— Да это и не отпускъ, — весело отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Генералу надо было пріѣхать по дѣлу въ Парижъ, и онъ взялъ меня съ собой. Повезло, правда? Отпускъ будетъ само собой. Мы уѣзжаемъ завтра въ семь часовъ утра.

И, видя, что Ивонна ставитъ лишній приборъ на столъ, Жюльенъ добавилъ:

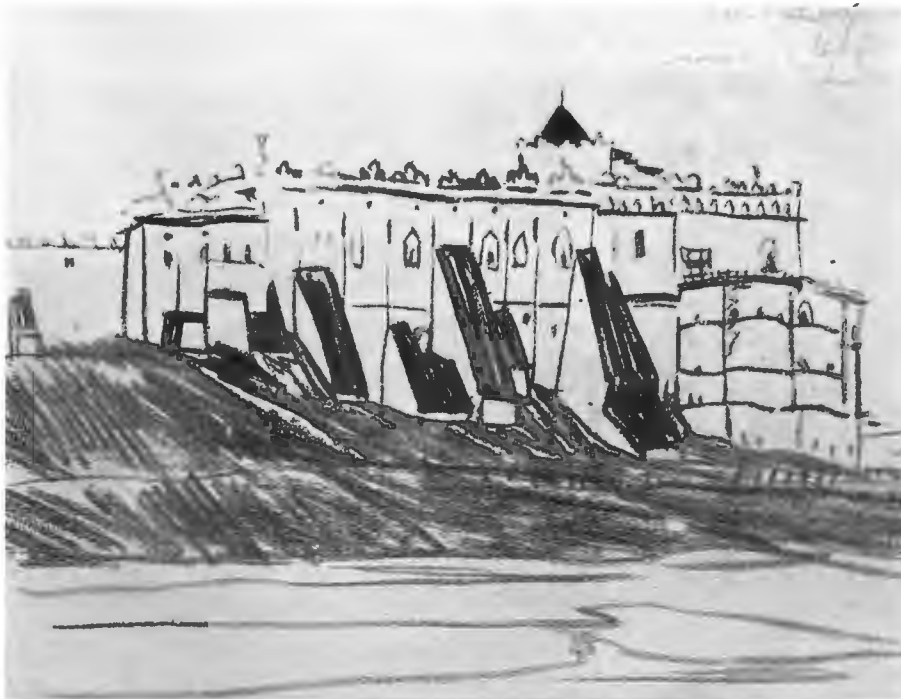
— Не надо, сестричка! Я не хочу завтракать. Я поѣду въ дорогѣ. Я хочу...

— Что, дорогой?

— Знаешь что, мама? Вели приготовить мнѣ ванну, а потомъ я лягу въ постель. Я не буду спать! Я только лягу, а вы все сядете возлѣ меня, и мы поболтаемъ. Подумайте! Вѣдь вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ я не знаю, что значить настоящая постель.

Не прошло и часа, какъ Жюльенъ радостно звалъ родныхъ:

— Войдите, войдите! Я готовъ!

Меджибожь. Замокъ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Селогуба.

У селенія Янушеска. Непроходимыя дороги.

Мать сѣла у изголовья, отецъ посерединѣ, а Ивонна въ ногахъ. Жюльенъ закурилъ.

— Отъ завтрака ты отказался,—сказала Клотильда Бургонь,— но я надѣюсь, что ты пообѣдаешь съ нами.

— Еще бы! Я уже начинаю чувствовать голодь.

— Хочешь, голубчикъ, я велю Меланію приготовить твой любимый пудингъ?

— Конечно, хочу. Только скажи, чтобы она сдѣлала его побольше, такъ какъ я предвижу, что у меня будетъ волчій аппетитъ.

Прошло четверть часа. Мало-помалу звонкій голосъ Жюльена дѣлался все тише и тише, наконецъ совсѣмъ смолкъ. Глаза закрылись. Онъ заснулъ.

Отецъ, мать и сестра продолжали оставаться на прежнихъ мѣстахъ, боясь шевельнуться, чтобы не разбудить, не потревожить его покоя.

Прошелъ часъ.

Госпожа Бургонь осторожно, на цыпочкахъ, вышла изъ комнаты, чтобы отдать распоряженія относительно обѣда. За нею, затанувъ дыханіе, послѣдовалъ мужъ. Ивонна осталась сторожить покой брата.

Шесть часовъ... Жюльенъ спитъ.

Семь часовъ... Жюльенъ спитъ.

Онъ повернулся на другой бокъ, уткнулся носомъ въ стѣнку и не замѣчалъ беспокойныхъ взглядовъ родителей и сестры, не спускавшихъ глазъ съ часовой стрѣлки.

Восемь часовъ... Жюльенъ спитъ.

Меланія заявила претензію: ся пудингъ перестоить и не будетъ нигуда годиться.

Хозяйка отвѣтила безнадежнымъ

пожатіемъ плечъ: нельзя же будить Жюльена. А между тѣмъ уже девять часовъ.

Въ десять часовъ отецъ, мать и Ивонна грустно сѣли за столъ. Наскоро поѣли простывшій обѣдъ и снова окружили постель ни разу не проснувагося Жюльена.

— Чортъ возьми! — пробормоталъ господинъ Бургонь. — Онъ и не подозрѣвается, что время уходитъ.

Полночь... часъ... два...

Разсвѣтъ засталъ всѣхъ на прежнихъ мѣстахъ.

Въ шесть часовъ пришлось волей-неволей разбудить молодого человѣка.

— Это ты, мама? — улыбнулся онъ, протирая заспанные глаза. — Я, кажется, заснулъ. А скоро мы будемъ обѣдать? — И вдругъ, видя грустные лица окружающихъ, онъ спросилъ: — А который часъ?

Не прошло и десяти минутъ, какъ готовый къ отъѣзду Жюльенъ снова переходилъ изъ объятій въ объятія.

— Даже поговорить не удалось! — жалобно воскликнула Ивонна.

— Будь остороженъ, мой мальчикъ! — всхлипывая, перекрестила его мать.

Отецъ молчалъ и только нервно теребилъ усы.

Молитва.

Боже! Всѣмъ, занесеннымъ въ синодники черныя,
Тягость вольныхъ грѣховъ разрѣши, облегчи:
Предъ престоломъ Твоимъ это — жертвы покорныя,
Это — воскъ исполннской кровавой свѣчи.
Всѣмъ, полетѣвшимъ костью, испошли отпущеніе,
Прегрѣшеній невольныхъ тревогу прости
И даруй имъ навѣки, Всевышній, прошеніе
И убійство въ бояхъ навсегда отпусти.
Имъ, принесшимъ за насъ свое благо безцѣнное,
Справедливымъ судомъ двери въ рай отвори:
Это — люди, крестомъ Твоимъ низко согбенные, —
Дай имъ видѣть сіяніе блаженной зари!
Осѣни Своей дланью могилы безвѣстныя
И страдальцевъ десницею Своею покрой!
Убіеннымъ за родину — Царство Небесное.
Убіеннымъ защитникамъ — вѣчный покой

Вл. Тарховъ.

Фольваркъ Рудки.

Изъ походнаго альбома. Рисунокъ Л. Сологуба.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Со всѣхъ сторонъ.

На третью недѣлю нашихъ наступательныхъ операций, нѣмецкія и австрійскія подкрѣпленія, сосредоточенныя на нашемъ фронтѣ, усилили австро-германскія войска въ районѣ Луцкаго прорыва, и здѣсь стало обнаруживаться наступленіе противника. Наши войска, однако, сдерживая натискъ противника въ районѣ Луцкаго прорыва, сами продолжали свою операцию на крайнемъ югѣ и здѣсь заняли городъ Коломыю — важный узловый пунктъ въ тылу австрійской арміи Ботмера, оборонявшей Восточную Галицію въ районѣ Стрыны.

Нѣмцы вообще привыкли самымъ безцеремоннымъ образомъ увозить свои войска изъ однихъ районовъ въ другіе, въ случаѣ, если тамъ имъ необходимо было усилить свое расположеніе, и никогда не опасались, что въ обнаженномъ ими участкѣ фронта послѣдуетъ атака союзниковъ. Этотъ способъ борьбы примѣнялся ими все время, но лѣтняя кампанія 1916 года обнаружила, что при томъ способѣ согласованныхъ дѣйствій, который намѣчался союзниками, такіе приемы впредь уже не могутъ оставаться безнаказанными.

Дѣйствительно, мы знаемъ, что, какъ только началась австрійская операция въ Трентино, и когда нѣмцы заняли три укрѣпленія первой линіи фортовъ у Вердена, Во, Дуомонъ и Тиомонъ, — немедленно послѣдовалъ ударъ съ нашей стороны на Луцкъ — Ковель и на Черновицы — Коломыю. Мы уже наблюдали, что этотъ ударъ немедленно вызвалъ прекращеніе австрійской наступательной операции въ Трентино и нѣкоторое временное ослабленіе нѣмецкаго натиска на Верденъ. Однако у Вердена нѣмцы продолжали упорствовать, и тогда послѣдовалъ нашъ ударъ у Барановичей и вмѣстѣ съ тѣмъ ударъ нашихъ союзниковъ въ направленіи на крѣпость Перронъ.

Нѣмцы, перевезшіе часть войскъ съ французскаго фронта на нашъ и усилившіе въ послѣднее время свои войска у Вердена именно за счетъ ихъ массы, находившейся на сѣверномъ фронтѣ, были наказаны прорывомъ на сѣверномъ участкѣ фронта у Перрона и прорывомъ у Барановичей. Такимъ образомъ согла-

сованность дѣйствій союзниковъ на различныхъ фронтахъ войны давала уже свои, притомъ весьма реальныя, результаты. Противникъ, затѣявшій серьезную наступательную операцию у Вердена и подготовившій особую массу на сѣверѣ Франціи для прорыва англійскаго фронта, долженъ былъ видѣть, какъ его хорошо подготовленный, но все же предвзятый, планъ рушится, и инициатива начинаетъ переходить въ руки союзниковъ.

Наступленіе нашихъ союзниковъ началось 19-го іюня. Обстановка на французскомъ фронтѣ въ этотъ моментъ характеризовалась тѣмъ, что нѣмцы, занявшіе въ теченіе послѣдняго мѣсяца форты первой линіи у Вердена, а именно Во и Тиомонъ, уцѣпились уже за форты второй линіи — Флери и приблизились на 3½ — 4 версты къ Вердену. Такимъ образомъ имъ оставалось пройти сравнительно небольшое пространство, и они начали ожесточенную бомбардировку вторыхъ линій верденскихъ укрѣпленій, т.-е. площади передъ Верденомъ, разстрѣливая ее концентрическимъ огнемъ съ разныхъ сторонъ и стремясь этимъ способомъ сравнять ее съ землей.

Положеніе Вердена представлялось весьма серьезнымъ, и нѣмецкія газеты даже писали, что „мы додалбливаемъ Верденъ“. Однако французы въ своихъ полуофициальныхъ сообщеніяхъ агентства Гаваса отмѣчали, что внѣшній усилъ нѣмцевъ подъ Верденомъ не такъ уже существененъ, ибо ихъ ожидается новая операция, новый маневръ тамъ, гдѣ они не предполагаютъ.

Когда началось наступленіе англо-французовъ на Перронъ, нѣмцы дѣйствительно оказались къ этому не подготовленными.

А. Брусиловъ

Главнокомандующій арміями юго-западнаго фронта генераль-адъютантъ генераль-отъ-кавалеріи Алексѣй Алексѣевичъ Брусиловъ.

Въ районѣ Перрона была расположена 2-я германская армія, бывшая генерала фонъ-Бюлова, численностью, примѣрно, около 5 корпусовъ. Справа отъ нея находилась 6-я германская армія принца Рупрехта Баварскаго, занимавшая фронтъ Армантьеръ—Аррасъ. Еще правѣе и до берега Сѣвернаго моря была расположена 4-я германская армія герцога Виртембергскаго.

Такимъ образомъ вправо отъ 2-й германской арміи находились еще двѣ германскія арміи. Влѣво же находилась 1-я германская армія, бывшая фонъ-Клюка. Всего въ этой массѣ, сосредоточенной на сѣверѣ Франціи, нѣмцы въ началѣ весны насчитывали до 20 корпусовъ. Однако постоянныя неудачи нѣмцевъ подъ Верденомъ вынуждали ихъ брать изъ массы, сосредоточенной на сѣверѣ Франціи, войска для пополненія убитыи подъ Верденомъ. Такимъ способомъ нѣмцы постепенно, за четыре мѣсяца Верденской операціи, перебрали не мало войскъ. Затѣмъ послѣдовало наше наступленіе, и нѣмцы для подкрѣпленія своего прорваннаго расположенія у Луцка также взяли войска съ сѣвера Франціи. Вслѣдствіе этого, къ началу наступленія англо-французовъ у Перрона, расположеніе здѣсь нѣмцевъ оказалось относительно слабымъ.

19-го іюня началось наступленіе англо-французовъ, а уже къ 21 іюня англичане прорвали первую линію нѣмцевъ между Перрономъ и Аррасомъ, а французы прорвали первую и вторую линіи нѣмцевъ, при чемъ англичане взяли 4.000 плѣнныхъ, а французы 8.000, кромѣ значительнаго числа орудій, пулеметовъ и прочихъ предметовъ матеріальной части. Наступленіе велось такимъ образомъ, что на правомъ флангѣ наступали французы—непосредственно на крѣпость Перронъ, а на лѣвомъ флангѣ наступали англичане—въ промежутокъ между Перрономъ и Аррасомъ.

Когда началась операція, агентство Гаваса оповѣстило, что эта операція не клонится къ прорыву фронта, который можетъ и не

удаться, а это есть начало медленнаго постепеннаго наступленія, которое должно имѣть важныя результаты. Линія французскаго расположенія находилась отъ крѣпости Перронъ, примѣрно, въ 10—12 верстахъ, т.-е. на такомъ же разстояніи, съ какого нѣмцы начали свое наступленіе на Верденъ. Первый ударъ даль возможность прорвать эту линію нѣмецкаго расположенія версты на 5—6, и такимъ образомъ уже на третій день сраженія французы подошли на 4 версты къ крѣпости Перронъ. Между тѣмъ нѣмцы, какъ мы знаемъ, потратили дѣлѣхъ четыре мѣсяца для того, чтобы пройти такое же разстояніе у Вердена и подойти на тѣ же 4 версты къ городу Вердену.

Изъ изложеннаго можно видѣть, что наступленіе англо-французовъ являлось началомъ такого же натиска на крѣпость Перронъ, на сѣверѣ Франціи, какой натискъ нѣмцы производили на

Городъ Дубно. Главная улица.

Городъ Дубно. Монастырская церковь. Входъ въ окопы, прорыты въ церкви. (См. „Отклики войны“).

Деревня за Луцкомъ, подоженная австрийцами при отступлении.

крѣпость Верденъ, на югѣ Франціи. Однако, результаты были весьма различны, и то, что нѣмцамъ стоило четырехъ мѣсяцевъ кровавыхъ боевъ, французами было достигнуто за два—три дня. Это несомнѣнно создавало весьма серьезную опасность для крѣпости Перронъ и должно было привлечь сюда вниманіе и резервы германскихъ войскъ, а это, въ свою очередь, должно было ослабить нѣмецкій натискъ на Верденъ.

Дѣйствительно, какъ только началось наступленіе англо-французовъ у Перрона, нѣмецкое наступленіе у Вердена значительно ослабло. Французы тотчасъ же этимъ воспользовались и отняли укрѣпленіе первой линіи Тюмонъ. Нѣмцы отвѣтили рядомъ контръатакъ и вернули это укрѣпленіе. Укрѣпленіе переходило изъ рукъ въ руки, но въ концѣ концовъ осталось въ рукахъ у французовъ, которые кромѣ того захватили и другое укрѣпленіе первой линіи верденскихъ фортовъ, а именно укрѣпленіе Данлу. Стало очевиднымъ, что атака у Перрона значительно ослабила нѣмецкій натискъ у Вердена, и положеніе послѣдняго весьма упрочилось послѣ того, какъ оно казалось весьма серьезнымъ, а многимъ даже и критическимъ.

стрійскихъ войскъ изъ Восточной Галиціи въ Венгрію, идущій по дорогѣ Коломыя—Мармарошъ-Сегетъ, также будетъ охваченъ нашими войсками.

При такихъ условіяхъ армія Ботмера, оставшаяся еще въ Восточной Галиціи, могла сообщаться съ Венгріей лишь по одному оставшемуся пути, который частью былъ захваченъ нами у Бучача, а далѣе шелъ отъ фронта арміи Ботмера на Стрыйъ черезъ Станиславовъ на Стрый и далѣе въ Венгрію. Правое крыло австрийскаго фронта оказывалось окончательно разгромленнымъ, и общее число плѣнныхъ къ двадцатымъ числамъ іюня дошло до 225.000 человекъ. Съ величайшими усиліями армія Ботмера удерживалась въ Восточной Галиціи между рѣчками Золотой Липой и Стрыпой, прикрывая Станиславовъ и Галичь.

При такомъ угрожающемъ положеніи Восточной Галиціи противнику пришлось считаться также и съ новымъ ударомъ, нанесеннымъ нашими войсками въ районѣ Барановичей и Чарторійска. Районъ Чарторійска находится рядомъ съ райономъ Луцкаго прорыва, а районъ Барановичей расположенъ сѣвернѣе и отдѣленъ отъ района Чарторійска болотами рѣки Припяти.

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Плѣнные австрийцы.

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Деревня Рожнице.

Нѣмцы, сосредоточившіе всѣ свои подкрѣпленія въ районѣ Луцкаго прорыва, наступали на дугу, образуемую нашимъ выдвинутымъ положеніемъ у Луцка, съ трехъ сторонъ: съ юга отъ рѣки Липы, съ запада отъ Владиміра-Волынскаго и съ сѣвера въ районѣ Колки и Чарторійска. Слѣдовательно, ударъ на Колки и Чарторійскъ, произведенный нашими войсками 20-го іюня, наносился лѣвому флангу нѣмцевъ, наступавшихъ въ районѣ Луцкаго прорыва, и угрожалъ имъ охватомъ. Нѣмцы должны были, естественно, принять какія-либо мѣры для парирования этого удара, но въ то же время другой ударъ, еще сѣвернѣе, у Барановичей, отвлекалъ ихъ резервы совершенно въ другую сторону.

Изъ этого можно видѣть, что на нашемъ фронтѣ нѣмцамъ приходилось непрерывно парировать наши удары, а австрійцы теряли непрерывно значительные участки территорій, отдавая при этомъ въ наши руки массу плѣнныхъ. Противникъ съ превеликими усиліями оборонялся на нашемъ фронтѣ, но это могло еще имѣть оправданіе, если бы противникъ, какъ онъ предполагалъ, велъ свое главное наступленіе на французскомъ фронтѣ.

Однако тамъ также была вырвана инициатива изъ рукъ противника, и нѣмцы вмѣсто наступленія въ двухъ массахъ на сѣверѣ и на югѣ Франціи, вынужденны были ослабить свои атаки у Вердена, принять мѣры для обороны атакованной крѣпости Перронъ и для локализациі того прорыва 2-й германской арміи, который тамъ намѣчался дѣйствіями французскихъ войскъ.

Такимъ образомъ противникъ оказывался вынужденнымъ къ оборонѣ на всѣхъ фронтахъ, и мы могли наблюдать картину не только совершенно отличную отъ той, которую мы наблюдали лѣтомъ 1915 года, но даже совсѣмъ не похожую на то, что мы наблюдали мѣсяць тому назадъ. Какіе-то факторы въ корнѣ измѣнили обстановку и сразу сдѣлали германцевъ изъ непрерывно нападавшихъ непрерывно обороняющимися. Эт ихъ новыхъ факторовъ, измѣнившихъ обстановку, было, конечно, много, но тѣми ближайшими факторами, которые усагриваются съ перваго взгляда, естественно, были: новая система согласованныхъ дѣйствій союзниковъ, съ одной стороны, и естественное утомленіе Австро-Германіи послѣ бесплодной двухлѣтней борьбы, съ другой стороны.

Солдаты проходили, барабана,
А я глядѣлъ въ окно въ старинномъ залѣ,
Какъ медленно въ тусклѣющемъ туманѣ
Ихъ стройныя шеренги исчезали.
Уже темнѣло небо Петрограда,
И мѣсяць выплывалъ надъ Лѣтнимъ садомъ.
И миѣ сладка была моя ограда
Глядѣть имъ вслѣдъ, благословляя взглядомъ.
Рожденные въ глуши, въ убогихъ хатахъ,
Теперь идутъ по рыцарскому слѣду,
Чтобъ на поляхъ и славныхъ и проклятыхъ
Узнать любовь, и муку, и обиду!
Таинственно деревья шелестѣли
Подъ лязгъ штыковъ и грохотъ барабана,
Но глухнулъ шагъ, и улицы пустѣли
Въ холодной мглѣ осенняго тумана.
И думалъ я, благословляя взглядомъ
Ряды солдатъ: о, сохрани ихъ, Боже!
А мѣсяць выплывалъ надъ Петроградомъ,
Надъ замкомъ Павла и надъ Лѣтнимъ садомъ,
На розовое облако походій...

Георгій Ивановъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Купеческая дочь. Повесть И. Поталенко. — Разсказъ Пьера Вальдана. — Полковой командиръ. Разсказъ В. Ропшина. — Свиданіе. Разсказъ Пьера Вальдана. — Молюта. Стихотвореніе Вл. Тархова. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. И. Шумскаго. — Стихотвореніе Георгія Иванова. — Объявленія. — Отклики войны. — Итоги послѣдней сессіи Государственной Думы.

Р И С У Н К И: Иллюстраціи В. Спасскаго къ повѣсти И. Поталенко „Купеческая дочь“. — Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба (14 рис.). — Главкомандующій арміями юго-западнаго фронта генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-кавалеріи А. А. Брусилловъ. — Городъ Дубно (2 рис.). — Деревня за Луцкомъ, подожженная австрійцами при отступленіи. — Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ (2 рис.). — На кавказскомъ фронтѣ.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за іюль 1916 г. 2) „НОВЫЙШІЯ МОДЫ“ за іюль 1916 г. съ 52 рис., отдѣльный листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 55 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 28

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 9-го июля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарный въ одинъ столбецъ (1/4 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 11.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить снѣгъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать лютую стеклу. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный пруть въ свѣчку. Зажечь сухія дрова водой—и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цена съ пересылкой платж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, въ редакцію „Отелки Жизни“, Съѣзживская, 40. Отд. Н.

4210

НОРМАЛЬНО

ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ
Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно. Преотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

ПРИЯТНО

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправлю оманій дурной почеркъ. За 5 десятиц. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфія Адольфъ Коссола. Дерибасовская, д. № 19.

НОТНАЯ ТОРГОВЛЯ П. ЮРГЕНСОНА

въ Москвѣ, Неглинный пр., 14. Самый обширный въ Россіи складъ нотъ и книгъ по музыкѣ всѣхъ странъ и для всѣхъ инструментовъ и пѣнія. Быстрое и аккуратное исполненіе заказовъ для гг. иногородныхъ покупателей. Высвѣда съ наложеннымъ платежомъ. КATALOGI и списки собствен. изданій—**бесплатно.**

ЧУЛКИ носки почтой. Образц. на женѣ 3 п. одн. сорта, ф. скл. Ш. Гальпернъ, Подгана, Тушой пер., 12.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адресъ: Москва, ред. 300 журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (28)

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕЪ СВѢТЪ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 200 руб.
ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары. Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ для носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Расстояние не служитъ препятствіемъ. Требуемъ нашъ безвѣстный проспектъ.

Въ виду продолжающихся затрудненій при отправкѣ грузовъ изъ Англіи, заказы не могутъ быть выполнены немедленно по полученіи таковыхъ, а по очереди.

Товарищество вязальныхъ машинъ
Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.
Лондонъ, E. C. 114 Leadenhall st.

ПРИ ИСТОЩЕНИИ И ОСЛАБЛЕНИИ ОРГАНИЗМА,
какъ питательное и укрѣпляющее средство, рекомендуется препаратъ

„РОБОСТО“ ДОКТОРА МАНКЕНЪ.

Вслѣдствіе содержанія въ „Робосто“ значительнаго количества бѣлковыхъ веществъ, а также и препарата составленнаго изъ элементовъ крови (Гемоглола), препаратъ „Робосто“ вполне заслуживаетъ видное мѣсто между питательными средствами

ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.

Каждому, сообщившему свой точный адресъ, имя, отчество и фамилію, **ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО** проба препарата „Робосто“ и рецептъ его.

Письма адресовать: **В. А. МАНКЕНЪ.** Москва, Фуркасовскій пер., домъ Кононовой. Отд. 7. С.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣча „Проктоль-Пеля“, новейшее и наилучшее, испытанное средство против

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

ЛИЧНО
ЗАНИМАЮЩИЙСЯ

на **МАНДОЛИНЪ**
ГИТАРЪ и **БАЛАЛАЙКЪ**
Услов. заоч. обуч. и каталогъ инструм. безплат.
„Курсы Музыки“ Москва, Срѣтенка 21/5.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ**. Льготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО**, пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Румянской, 7—55.

При ГОНОРРЕЪ

въ острой и хронической формѣ **„ТИЗЕРИНЪ“** послѣдствіяхъ ея примѣняется Д-ра мед. Горюховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Горюховской, Москва, Давыд пер., 1/28, кв. 8, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

Одесск. Средн. Сельскохозяйственно-
ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,
учр. И. И. Хойна. Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же
ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ.
Пріемъ прошеній производится на 1916/17 уч. г. Просекты высыл. за 5 дужкоп. мар.
ОДЕССА, Пушкинская, 60—5.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА
для ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.
Получаются блестящіе результаты.
Брошюра № 12 по требованію безплатно.
Англійское Акц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“.
Москва, Мясницкая, 32, почт. ящ. 226.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ **РИСОВАНІЮ**
по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подъ руковод-ствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемыя работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Вышелъ изъ печати 7-й томъ.
СОДЕРЖАНІЕ: Акварель—А. Г. Делпикашъ. Рисованіе частей человѣческаго тѣла—Г. А. Нозниковъ. Живопись масляными красками—А. В. Маковскій. Линейная перспектива—Т. И. Катуркинъ. Черченія по исторіи живописи—Б. Ф. Шлецеръ. ИЛЛЮСТРАЦІИ: 81 черныхъ рис., 8 многокрасочн. рис., Медотнитто—траурера.

Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является грамматикой искусства и охватываетъ полный курсъ знаній, необходимыхъ всякому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для гг. художниковъ и учителей рисованія, наконецъ для родителей, занимающихся съ дѣтми, „Искусство для Всѣхъ“ является незаменимымъ пособіемъ.

Краткій проспектъ безплатно. | Подробн. просп. „Искусство“ въ 15 к.

Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЬ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПТР., ул. Гоголя, 22.

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ
РУКОВОДСТВО
къ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ **ОБУВИ**
какъ ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ какъ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ по НОВОЙ ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДЪ.
4-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. И. Пр. допущено въ библиотеч. учебн. заведеній; Учебн. Отд. М. Торг. и Пр. допущено въ библиотеч. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна съ пересылкою 1 руб.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ. Русско-японскій союзъ. (Политическое обозрѣніе).

Какъ переменчивы настроенія народовъ: въ то время, какъ освобожденные нами отъ турецкаго рабства и родственные намъ по крови и религіи болгары изъ нашихъ друзей превратились въ непримиримыхъ враговъ и вмѣстѣ съ нѣмцами подняли оружіе противъ насъ, наши вчерашніе враги—японцы сдѣлались нашими вѣрными друзьями и ведутъ борьбу съ нѣмцами, какъ участники антигерманской коалиціи. Здѣсь чувствуется глубокая разниа между низкими рабами и благородными рыцарями Востока. Рабъ привыкъ пресмыкаться, лгать и подличать, онъ всегда готовъ измѣнить господину. Вѣка гнета и насиія вытравили изъ его души инстинкты честности и благородства, уваженіе къ своему слову и къ своей собственной личности. Въ теченіе вѣковъ онъ ежедневно покупалъ право на жизнь цѣною отреченія отъ своего человѣческаго достоинства, изо дня въ день предавалъ самого себя, свои вѣрованія, свою душу и своего бога. Мудрено ли, что въ подходящий моментъ, когда это покажется ему выгоднымъ, онъ съ удовольствіемъ предастъ своего освободителя и нанесетъ гнусный ударъ въ спину тому, кто проливалъ свою кровь за его спасеніе? Рыцарская психологія совершенно иная. Нація самураевъ исполнена уваженія къ себѣ самой и къ своему слову. Она могла, по горестному для обѣихъ сторонъ недоразумѣнію вести войну съ Россіей, но, когда недоразумѣніе разъяснилось, постепенно разсѣивается и вызванная имъ вражда двухъ благородныхъ народовъ. Вчерашній врагъ превратился въ вѣрнаго друга. Прошлая борьба изъ-за плохо понятыхъ мелочныхъ интересовъ въ Корей не исключала пониманія въ солидарности въ защитѣ мировыхъ интересовъ международнаго права и общечеловѣческой культуры отъ покушенія морально одичавшихъ тевтоновъ. Общая безопасность всѣхъ народовъ Европы и Азии отъ угрозы германскаго захвата одинаково дорога для каждого изъ государствъ. Участвуя въ войнѣ съ Германіей, каждый народъ отстаиваетъ свою собственную свободу и независимость. Участіе въ антигерманской коалиціи въ извѣстной мѣрѣ устанавли-

вало солидарность общихъ интересовъ Россіи и Японіи, но не связывало ихъ болѣе тѣсными взаимными отношеніями. Эту потребность удовлетворяетъ только - что обнаруженный актъ новаго русско-японскаго соглашенія.

Помимо участія въ общей коалиціи, обѣ державы сочли нужнымъ принять еще кое-какія частныя дополнителныя обязательства другъ передъ другомъ. Это вполне понятно и естественно, такъ какъ у нихъ, какъ ближайшихъ сосѣдей на Дальнемъ Востокѣ, кромѣ самозащиты отъ нѣмецкихъ поползновеній, есть еще много своихъ специально дальневосточныхъ интересовъ, нисколько не касающихся ни враговъ ни остальныхъ союзниковъ. Для Японіи остаются неразрѣшенными отношенія къ С. А. Соединеннымъ Штатамъ, до послѣдней войны не обнаруживавшимъ къ намъ особой симпатіи, и къ величайшему по количеству населенія государству міра — Китаю, который находится въ состояніи внутренняго броженія и всегда можетъ занять по отношенію къ обоимъ сосѣдямъ довольно угрожающее положеніе. Ждетъ своего разрѣшенія также и участь отторгнувшейся отъ Китая Монголіи. Соглашеніе съ Россіей устанавливаетъ европейскую оріентацію дальнѣйшей политики Японіи. Во главѣ пробужденнаго Востока воинственные японцы могли быть угрозой для всей европейской культуры, въ союзѣ съ Россіей они явятся носителями европейской культуры на Дальнемъ Востокѣ. Вмѣсто опасности въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени новой мировой войны, между западными и восточными народами теперь, послѣ счастливаго завершения нынѣшней войны, можно считать болѣе или менѣе прочно гарантированнымъ долговременный миръ на всемъ материкѣ Стараго Свѣта. Съ двухъ концовъ Азии и Европы огниѣ будутъ стоять на стражѣ мира величайшіе идеалисты Запада и благороднѣйшіе самураи Востока. Случайная встрѣча на поляхъ битвы не разъединила ихъ навѣки, но дала возможность ближе узнать и опѣнить другъ друга, а взаимное пониманіе позволило имъ слиться въ братскій союзъ во имя великихъ задачъ мировой культуры и цивилизаціи.

Нѣмцамъ солдатъ нуженъ только разъ. Германскими властями отдано недавно строжайшее распоряженіе, запрещающее роднымъ и родственникамъ провожать на вокзалы воинствъ, отправляющихся подъ Верденъ. Солдатъ, назначенный въ ряды верденской арміи, считается среди германскаго населенія уже человѣкомъ, обреченнымъ, не имѣющимъ никакихъ шансовъ на возвращеніе. Чтобы избѣжать тяжелыхъ сценъ, имѣвшихъ обыкновенно мѣсто при

прощаніи родныхъ съ отправляющимися подъ Верденъ воинями, а также, чтобы предупредить возможность какихъ-либо нежелательныхъ демонстрацій толпы, германскія власти и прибѣгли къ такому суровому запрещенію.

Въ верденскомъ сраженіи съ наглядностью проявилась несостоятельность дѣйствій такъ называемыхъ сомкнутыхъ строевъ германцевъ. На зтогъ сомкнутый строй германская стратегія возлагала много упованій и даже на по-

На отдыхъ отъ боевъ. На радости при переходѣ съ позиціонной войны въ наступленіе на станціяхъ устраиваются танцы съ мѣстными жителями подъ „гармонью“.

слѣднихъ маневрахъ въ Саксоніи императоръ Вильгельмъ столь былъ увѣренъ въ рациональности этой системы, что на замѣчаніе присутствовавшего на маневрахъ бургундскаго генерала, что результаты, достигаемые дѣйствіемъ такого строя, далеко не оправдываютъ числа затрачиваемыхъ жертвъ, съ гордостью заявилъ: «Намъ солдаты нужны только одинъ разъ, когда они идутъ въ атаку». Преимущество этого способа атакъ заключается, правда, въ томъ, что солдаты, участвующіе въ такомъ сомкнутомъ строю, все время находятся подъ стрѣлами разстрѣла своими же съ тыла.

Парашютъ пригодился. Слѣдующій случай произошелъ на-дняхъ на французскомъ фронтѣ. Французскій морской офицеръ, Констанъ Дюкло, еще задолго до начала войны съ увлеченіемъ занимался разработкой вопроса спуска на парашютѣ. Имъ былъ устроенъ особый парашютъ безукоризненнаго дѣйствія.

Дюкло не разъ поднимался съ воздухоплавательнаго парка въ качествѣ балласта и, какъ только возникала необходимость бросить балластъ, Дюкло бросался внизъ на своемъ парашютѣ.

Съ начала войны Дюкло перешелъ въ воздухоплавательный отрядъ и много поработалъ при развѣдкахъ съ привязныхъ шаровъ.

Недавно, когда онъ поднялся такимъ образомъ, пролетавшій аэропланъ перерѣзалъ канатъ, на которомъ держался шаръ, и послѣдній понесло вѣтромъ къ неприятельскимъ расположеніямъ.

Казалось, развѣдчикъ ожидаетъ неминуемый плѣнъ.

Вдругъ съ французскихъ позицій замѣтили, что развѣдчикъ бросился внизъ съ шара.

Всѣ считали его погибшимъ, но за нѣсколько секундъ до его паденія на землю, парашютъ раскрылся, и Дюкло благополучно спустился среди французскихъ расположеній.

Война противъ войны. Членъ Государственной Думы, извѣстный ораторъ В. А. Маклаковъ произнесъ на банкетѣ, данномъ представителямъ союзной Франціи министрамъ Вивіани и Томъ, интересную рѣчь о значеніи современной войны. Она настолько интересна, что мы воспроизводимъ ее цѣликомъ:

«Господа, позвоьте мнѣ, въ качествѣ частнаго и безответственнаго лица, сдѣлать неумѣстное признаніе: я былъ пацифистомъ и не отрекаюсь отъ этого заблужденія, какъ отъ ошибки молодости. Положеніе пацифиста въ разгарѣ войны можетъ показаться смѣшнымъ, и я спѣшу признать наши заблужденія. Мы виноваты въ томъ, что вѣрили, будто бы цивилизація упразднила войну. Это, конечно, только заблужденіе въ фактѣ, но не въ принципѣ. Поколебленъ ли самъ принципъ? Чтѣ такое по отношенію къ этому принципу настоящая война? Испытаніе его или отрицаніе? Я непоколебимо считаю, что утопія становится дѣйствительностью; идея пацифизма вступаетъ въ

миръ, и настоящая война—это ея родовыя муки. Да, однихъ добрыхъ намѣреній и литературной пропаганды было мало; необходимы были факты; необходимо былъ кризисъ для того чтобы, во 1-хъ, исправить прошлое; во 2-хъ, устранить навсегда причины безпокойствъ и волнений, и въ 3-хъ, выдвинуть фундаментъ новаго порядка вещей. Необходимо было, чтобы миръ всего міра былъ поколебленъ освободительной войной, великимъ возстаніемъ, которое въ нашихъ глазахъ всегда останется правомъ несчастныхъ, подавленныхъ и слабыхъ. Миръ былъ нарушенъ постыдной войной противъ слабой страны; какъ сказано въ телеграммѣ Государя Императора: Австрія желала задушить Сербію. Нужно было, чтобы война явилась въ отвратительномъ образѣ безчестнаго насилия, лишенная справедливости, безъ рыцарскаго облика. Наши противники достойны именно такой войны. Они сплелись въ чудовищный клубокъ: маія величія Германіи, глупость Австріи, которой не предстоитъ въ будущемъ никакой выгоды, подкупность правителей несчастной Турціи и національная подлость Болгаріи. Вотъ какова эта шайка рабовъ, замѣнниковъ и заговорщиковъ-монарховъ, вотъ кто мнитъ заставить Европу подчиниться своей волѣ.

«Возмущенная Европа взялась за оружіе. Этого надо было ожидать. Долгъ пацифистовъ по отношенію къ этой войнѣ былъ предугадать. Нельзя было служить идеѣ права, оставляя его безъ защиты; нельзя было допустить, чтобы Германія вышла безнаказанной и даже побѣдительницей. Не только какъ патриоты, которыхъ высшіе интересы родины заставляютъ забывать мечты утописта, но, какъ пацифисты отъ имени всего міра, мы привѣтствовали войну, оборонительную войну, какъ защиту права и мира. Мы привѣтствовали войну тѣмъ болѣе, что она показала намъ не только самую опасность, но она показала средство для спасенія отъ этой опасности. Насиліе

Германіи должно было быть отражено силой. Это былъ порядокъ дня. А сила въ единеніи. Единеніе государствъ въ ихъ союзѣ и единеніи партій въ каждомъ государствѣ. Но каково должно быть единеніе, создающее силу? Они вѣдь тоже говорятъ о единеніи и союзѣ. Но ихъ единеніе—завоеваніе, поглощеніе слабого сильнымъ; для насъ единеніе это—гармонія, это—миръ. Взгляните на ихъ союзъ: Австрія—вассалъ Германіи, Турція—ея рабъ, Болгарія—ея лакей. Взгляните на единеніе ихъ партій. Соціалисты привѣтствуютъ вторженіе въ Бельгію. Съ нашей точки зрѣнія подобное единеніе было бы фактически невозможнымъ. Мы его понимаемъ не такъ. Для насъ единеніе, составляющее силу союзовъ и государствъ—нѣчто другое, и каковы бы ни были на практикѣ печальныя ошибки (увы, мы тоже не были безгрѣшны), принципъ единенія у насъ—это взаимное уваженіе правъ, гармонія противоположныхъ интересовъ, довѣріе, какъ основа отношеній другъ къ другу, равноправіе, асцим jus—какъ посредникъ.

«Такимъ единеніемъ несомнѣнно трудно руководить, и оно даетъ результаты менѣе быстрые. Мы это чувствовали и неоднократно объ этомъ сожалѣли. Но зато оно даетъ результаты болѣе длительные. Только такое единеніе переживаетъ настоящую войну, и оно будетъ основой мира. Развѣ по существу это не доктрина пацифизма? И развѣ эта европейская война не составляетъ великую борьбу принциповъ войны и мира? И если

Праздничный день. Послѣ удачнаго боя.

На позиціи. Праздничный день

эта война, какъ средство спасенія, привела насъ къ единенію и союзу, какъ единственной силѣ уничтожить гордыню Германіи, она вдвойнѣ сослужитъ службу пацифизму. Она дастъ внѣшній миръ, внутреннее согласіе, она родитъ послѣ войны основы вѣчнаго мира, создастъ такую карту Европы, которая навсегда сдѣлаетъ войну бесполезной. Эта война—исторія этого хочеть—самоубійство принципа войны; она породила союзъ мира, и ея результаты сослужатъ службу намъ—пацифистамъ. Вотъ что это за война! Я вспоминаю, что при ея началѣ германскій посолъ въ Парижѣ справлялся у министра-президента, какое положеніе займетъ Франція, и тогда я подумалъ: что за нелѣпый вопросъ? Я не говорю о трактатѣ, который для Франціи никогда не былъ лоскуткомъ бумаги; я не говорю о союзѣ, который мы теперь празднуемъ. Но развѣ была кака-нибудь возможность подумать, что Франція останется нейтральной въ такой войнѣ, когда поставлено на карту такое великое дѣло? И хотя роль Франціи и была внѣ сомнѣнія, я тѣмъ не менѣе имѣю право выразить радость, видя ее съ нами. И это не только эгонистичная радость, что чувствуешь подлѣ себя сильнаго союзника. Да будетъ позволено мнѣ выразить искреннее восхищеніе

Праздничный день на позиціи.
Полковая музѣка.

услугу человѣчеству и дать приблизившемуся миру тѣ черты вѣчной справедливости, которыя она уже осыпала именовъ своимъ — миръ французскій — обращенный впредь въ миръ вѣчный.

«Я поднимаю свой бокалъ за Францію, не только за Францію прошлаго, которой я восхищаюсь, за Францію нынѣшнюю, передъ которой я преклоняюсь, но и за Францію будущую, которую я привѣтствую и къ которой взываю».

Имѣетъ пулеметчики на цѣли. Московскій городской голова М. В. Челюковъ получилъ достоверныя свѣдѣнія, что германцы на протяженіи всего фронта имѣютъ на своихъ передовыхъ линіяхъ пулеметчиковъ, прикованныхъ къ цѣли. Практика показала, что пулеметчики даже съ желѣзными нервами не выдерживаютъ зрѣлища идущихъ въ атаку частей, срываются съ мѣста и бѣгутъ назадъ къ своимъ. По словамъ германцевъ, пулеметчики сами, желая поборотъ припадокъ ужаса, обратились къ верховному командованію германской арміи съ просьбой ввести правило о приковываніи пулеметчиковъ передовыхъ проволочныхъ загражденій.

Праздничный день на позиціи. Начальство слушаетъ музыку.

ЖИВНА

№ 28. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кп. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданы 9 июля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — У гробницы Мстислава Храбраго. Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго. — Въ „Небесной странѣ“. С. И.—чина. — Купеческая дочь. Повесть И. Н. Потапенко. (Продолженіе). — Матросъ Легенекъ. Разсказъ В. Ропшина. — Защитникъ Вердена. З. Рагозиной. — Защитникъ Вердена. Стихотвореніе М. З.—Объявленія. — Отълики войны. — Русско-японскій союзъ. (Политическое обозрѣніе).
РИСУНКИ: Прибытіе чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери въ дѣйствующую армию. — Полковникъ С. П. Зыковъ, командиръ текинскаго коннаго полка. — Лѣтныя австрійцы. — Путь отступленія австрійцевъ (4 рис.). — Иллюстраціи В. Спасскаго къ повѣсти И. Н. Потапенко „Купеческая дочь“. — Изъ альбома участника войны. Рисунки А. Семенова (3 рис.). — Замокъ князя Радзивилла въ имѣніи Миръ, Минской губ. — Искюль. Бивуакъ. — Разрушенія около станціи Я... — У Вердена (2 рис.). — На Верденскомъ фронтѣ. — На отдыхѣ отъ боевъ. — Праздничный день на позиціяхъ (4 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 11.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

У Ковеля и у Перрона.

Наступленіе на Барановичи, гдѣ наши войска взяли около 3.000 плѣнныхъ германцевъ (о чемъ мы говорили въ нашемъ предыдущемъ дневникѣ), имѣло, повидимому, демонстративное значеніе. Эта угроза весьма важному узлу желѣзныхъ дорогъ, откуда расходятся пути на всѣ участки австрійскаго и германскаго фронтовъ, возымѣла свое дѣйствіе, и нѣмцы, сосредоточивъ значительныя силы къ Барановичамъ, повели рядъ бѣшеныхъ контръ-атакъ, не увѣнчавшихся однако успѣхомъ.

Въ это время, повидимому, совершенно неожиданно для противника произвела наступленіе по желѣзной дорогѣ Сарны—Ковель (отъ Чарторійска) новая армія генерала Леша. Напомнимъ, что противникъ сосредоточилъ всѣ свои усилія въ районѣ Луцкаго прорыва и здѣсь атаковывалъ дугу, образуемую нашимъ расположеніемъ, съ трехъ сторонъ, стремясь ее срывать. Наибольше сильный натискъ производили германцы по дорогѣ отъ

Ковеля на Рожиче (по дорогѣ Ковель—Ровно). Между тѣмъ наступленіе арміи генерала Леша было произведено съвернѣе, по другой дорогѣ, идущей на Ковель отъ Сарны, и, слѣдовательно, ударъ попадалъ въ лѣвое крыло арміи Линцингена, наступавшей въ районѣ Луцкаго прорыва.

Ударъ арміи генерала Леша былъ настолько стремителенъ, что его войска въ какіе-нибудь 2—3 дня произвели новый прорывъ на фронтѣ австро-германскаго расположенія, глубиною до 40 верстъ. Такимъ образомъ образовалось всего три прорыва, изъ которыхъ первый былъ произведенъ на югѣ, въ Буковинѣ и Восточной Галиціи, а два другіе по двумъ дорогамъ на Ковель: по дорогѣ Ровно—Ковель и по дорогѣ Сарны—Ковель. Такъ какъ эти обѣ дороги находились рядомъ и отдѣлялись въ районѣ прорыва полосой, примѣрно, въ 40 верстъ, то оба прорыва какъ бы слились, и въ направленіи на Ковель образовался весьма широкой прорывъ, примѣрно, свыше 120 верстъ шириною—отъ болотъ рѣки Припяти на сѣверѣ до дороги Луцкъ—Владимір-Вольнскій на югѣ.

Прибытіе чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери въ дѣйствующую армию.

На всем этомъ фронтѣ австро-германское расположение было съ силой отодвинуто назадъ, при чемъ нѣмцы, потерявшіе уже раньше оборонительную линію рѣки Стыри, потеряли и оборонительную линію болотистаго Стохода. Между тѣмъ болотистая рѣка Стоходъ была послѣдней естественной оборонительной линіей австро-нѣмцевъ на пути къ Ковелю.

Разсматривая всю нашу грандіозную операцію на юго-западномъ фронтѣ, мы наблюдаемъ, что сначала нашими войсками былъ произведенъ ударъ на Луцкъ, гдѣ и былъ сдѣланъ прорывъ. Такъ какъ этотъ ударъ угрожалъ Ковелю, то противникъ моментально бросилъ сюда все имѣющееся въ его распоряженіи резервы. Однако наши войска, продолжая оказывать сопротивление въ районѣ Луцкаго прорыва, въ это время нанесли ударъ на совершенно противоположномъ концѣ фронта, а именно въ Буковинѣ. Это невольно привлекло силы и вниманіе противника на крайній югъ, гдѣ арміи Богнера и Пфланцера были поддержаны подкрѣпленіями, прибывшими съ итальянскаго фронта, а также нѣкоторыми германскими частями.

Тѣмъ не менѣе противникъ былъ здѣсь разбитъ, потерявъ всю Буковину, а затѣмъ районъ Коломыи въ Восточной Галиціи и желѣзнодорожное сообщеніе съ Венгріей. Пока вниманіе противника привлекалось нашими ударами къ району южнаго прорыва, и пока наши войска стойко выдерживали натискъ значительныхъ силъ австро-германцевъ въ районѣ Луцкаго прорыва, повидимому, производилась перегруппировка. Результатомъ этой перегруппировки было появленіе арміи генерала Леша въ районѣ Чарторійска (рядомъ съ районѣмъ Луцкаго прорыва) и новый ударъ въ районѣ, противоположномъ тому, гдѣ только что (въ Буковинѣ и Восточной Галиціи) наносились удары противнику и привлекалось его вниманіе.

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ непрерывное чередованіе ударовъ: то въ лѣвый флангъ противника—на Ковель, то въ правый флангъ противника, въ Буковину и Восточную Галицію, то опять въ лѣвый флангъ противника, но уже по другой дорогѣ на Ковель—отъ Сарнѣ, при чемъ этому послѣднему удару предшествовала демонстрація у Барановичей, отвлекшая туда силы противника. Необычайное искусство этого маневрированія выступаетъ еще болѣе рельефно, если принять во вниманіе относительное несовершенство нашихъ путей сообщенія.

Такимъ образомъ къ началу второго мѣсяца операціи нашими войсками были заняты: на югъ вся Буковина, районъ Коломыи и станція Делатынѣ, вслѣдствіе чего прерывалось желѣзнодорожное сообщеніе съ Венгріей, а на сѣверѣ районъ Луцкаго прорыва, который нѣмцы пытались сжать съ трехъ сторонъ какъ бы „клещами“, былъ съ силой расширенъ до болотъ рѣки Припяти. Благодаря этому, въ районѣ южнаго прорыва наши войска подошли на 35—40 верстъ къ новымъ важнымъ узловымъ пунктамъ въ тылу австрійскаго фронта, а именно къ Станиславу и Галичу, занятіе которыхъ лишало бы арміи Богнера и Бемъ-Ермоли непосредственной связи съ Венгріей и откидывало бы ихъ въ Западную Галицію къ району Львова. Это означало бы весьма глубокой охватъ правого крыла австрійскаго фронта, къ которому, какъ мы видѣли выше, присоединялась угроза охвата и лѣваго фланга со стороны войскъ, наступавшихъ на Ковель.

Въ Ковельскомъ районѣ непосредственнымъ результатомъ расширенія и углубленія нашего Луцкаго прорыва было овладѣніе сильно укрѣпленнымъ болотисто-рѣчнымъ пространствомъ, прикрывавшимъ Ковель, съ рѣками Стырью и Стоходомъ, и подходъ къ Ковелю по двумъ сходящимся дорогамъ на разстояніе 30—35 верстъ.

Кромѣ того, какъ мы видѣли выше, въ районѣ Луцкаго прорыва противникъ наступалъ на войска генерала Каледина съ трехъ сторонъ,—съ сѣвера, съ запада и съ юга, стремясь срѣзая выдающуюся дугу нашего расположения. Ударъ же генерала Леша, расширившій районъ Луцкаго прорыва, распространялся до болотъ Припяти, почему уже съ сѣвера противникъ не могъ нажимать, такъ какъ здѣсь были болота. Въместо нажима съ трехъ сторонъ намъ приходилось лишь считаться съ усиліями противника въ двухъ направленіяхъ—отъ Владиміра-Волынскаго и отъ Ковеля, что значительно улучшало положеніе.

Еще далѣе можно было видѣть, что возможное занятіе Ковеля давало громадныя выгоды, въ виду важнаго значенія этого

пункта. Какъ видно изъ карты, изъ Ковеля расходятся три желѣзныя дороги—на сѣверъ на Брестъ, на западъ на Холмъ и на югъ на Владиміръ-Волынской—Сокаль—Равву Русскую—Львовъ. Слѣдовательно, съ занятіемъ Ковеля открывалось операціонное направленіе на Брестъ, т.-е. уже возможность удара, направленаго непосредственно въ охватъ германскаго фронта. Затѣмъ открывалось еще болѣе глубокое операціонное направленіе на Холмъ—Люблинъ къ Вислѣ. Наконецъ открывалось операціонное направленіе черезъ Владиміръ-Волынской на Львовъ, т.-е. въ охватъ австрійскаго фронта со стороны его лѣваго фланга. Если же вспомнить, что правый флангъ австрійцевъ былъ уже давно охваченъ въ Буковинѣ и Восточной Галиціи, то занятіе Ковеля давало бы возможность двойного стратегическаго охвата всего австрійскаго фронта, т.-е. то „сжатіе въ клещи“, которое является самымъ рѣшительнымъ маневромъ въ современномъ бою.

Неудивительно, что противникъ,—въ виду нашихъ значительныхъ успѣховъ и въ виду того важнаго значенія, которое долженъ былъ имѣть въ дальнѣйшемъ развитіи нашей операціи Ковель,—рѣшилъ принять самыя энергичныя мѣры для того, чтобы отстоять Ковельскій районъ. Однако для противника это было крайне нелегко.

Во-первыхъ, австрійская армія была разгромлена, и потери противникомъ одними плѣнными къ 27 іюня исчислялись въ 270 тысячъ человекъ, а вмѣстѣ съ убитыми и ранеными превышали полмилліона. Во-вторыхъ, нѣмцы уже свезли все, что возможно было, къ району Ковеля какъ съ различныхъ участковъ нашего фронта, такъ и съ французскаго фронта. Съ послѣдняго фронта, по словамъ газетъ, нѣмцы перевезли до четырехъ корпусовъ, т.-е. уменьшили находившіяся тамъ силы, примерно, на 70%. Въ-третьихъ, въ это время обозначился новый успѣхъ французовъ у Перрона, значительно приблизившій ихъ къ овладѣнію этой крѣпостью.

У Перрона англо-французы, взявшіе при первомъ ударѣ около 14 тысячъ плѣнными, при чемъ французы прорвали двѣ линіи нѣмецкихъ укрѣпленій и подошли на 4 версты къ Перрону, произвели послѣ нѣкоторой передышки новый ударъ. Ударъ этотъ былъ весьма короткимъ, и бой продолжался всего лишь 2 часа, но за это время французы овладѣли селеніемъ Біашъ и линіей окоповъ въ полуторахъ верстахъ отъ Перрона. Въ результатѣ все нѣмецкое сопротивленіе сосредоточилось на небольшой площадкѣ въ излучинѣ рѣки Соммы, впереди Перрона, гдѣ нѣмцы разстрѣливались концентрическимъ огнемъ французовъ со всѣхъ сторонъ.

Въ тылу у нѣмцевъ и на ихъ правомъ флангѣ была рѣка Сомма, гдѣ мосты были, вѣроятно, разрушены артиллеріей французовъ, и гдѣ, слѣдовательно, нѣмецкій гарнизонъ Перрона не имѣлъ связи съ тыломъ. Кромѣ того, французы, занявшіе третью линію укрѣпленій впереди Перрона, имѣли передъ собою лишь старинныя укрѣпленія, нѣсколько усиленные нѣмцами за время войны, т.-е. тѣ укрѣпленія, которыя предстояло взять французамъ для овладѣнія Перрономъ, были слабѣе тѣхъ укрѣпленій, которыя имъ до сихъ поръ приходилось брать.

Такимъ образомъ въ районѣ Перрона создавалось для нѣмцевъ весьма серьезное положеніе, гдѣ имъ угрожала потеря этой крѣпости, представлявшей собою важный опорный пунктъ второй германской арміи, что могло повлечь за собою прорывъ на западѣ германскаго фронта, бывшаго до сихъ поръ, полтора года, такимъ незаблѣмымъ.

Изъ этого можно видѣть, что нѣмцамъ впервые за все время войны предстояло рѣшать сразу двѣ важныя задачи: удержать Ковель и удержать Перронъ. Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, резервы нѣмцевъ были въ значительной степени израсходованы на Верденъ, и, несомнѣнно, противнику было весьма нелегко удержать два пункта, раздѣленные между собой сотнями верстъ разстоянія.

Это критическое положеніе противника явилось блестящимъ результатомъ соединенныхъ усилій союзниковъ, принявшихъ систему одновременнаго наступленія на Австро-Германію со всѣхъ сторонъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того серьезнаго положенія, въ которомъ одновременно оказались Перронъ на западѣ и Ковель на востокѣ, было ясно, что наступаютъ рѣшительный моментъ въ лѣтней кампаніи 1916 года, — въ той новой совмѣстной операціи, которая такъ искусно была поведена союзниками съ конца мая.

Полковникъ Сергій Петровичъ Зыковъ, командиръ коннаго полка. По донесенію штаба, при блестящей атакѣ 28-го мая подъ Юривцами текинскій полкъ взялъ болѣе 3.000 плѣнныхъ, около 40 офицеровъ и 6 пулеметовъ. Полковникъ Зыковъ имѣетъ боевые ордена св. Георгія 4 ст., св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 4 ст.

Плѣнные австрійцы.

У гробницы Мстислава Храбраго.

(Въ новгородской Софїи).

За доблесть ратную въ награду
Прозванье *Храбраго* стяжавъ,
Отдавшій жизньъ всю Новограду,
Спитъ благовѣрный князь Мстиславъ,—
Спитъ вѣчнымъ сномъ подъ древнимъ сводомъ
Софїи Русской... Вождь святой,
Въ вѣкахъ сроднившійся съ народомъ,
Клонюся душою предъ тобой!..
На кровлѣ княжеской гробницы
Ты—весь литой изъ серебра—
Лежишь среди твоей столицы,
Ревнитель славы и добра.
Твои останки въ ней сокрыты
Отъ любопытства праздныхъ глазъ;
Но мнится, княже, въ эти дни ты
Встаешь и бодрствуешь за насъ...
О, эти дни, два года этихъ!..
Мы кровью землю-мать поимъ,
И чьи жъ въ Руси Великой дѣтяхъ
Сердца не бьются въ ладъ съ твоимъ!..
Славянства врагъ многовѣковый

Ворвался въ домъ нашъ,—нашъ очагъ,
Нашъ край отнять у насъ готовый
И посрамить нашъ славный стягъ.
Но Русь стоитъ, въ бояхъ кровавыхъ
Не мѣря жертвъ, не числа ранъ;
Не гинетъ память о Мстиславахъ
У ополчившихся славянъ.
Нашъ врагъ силѣнъ, упрямъ,—въ нѣмчинѣ
Война „изъ бездны *Звѣря*“ шлетъ;
Но съ нами наши всѣ святыни,
И Самъ Богъ Правды—нашъ оплотъ!
Святыхъ воителей помога
Уже торитъ намъ къ славѣ слѣдъ,
Предъ Русью—вѣрная дорога
Грядущихъ воинскихъ побѣдъ.
Пусть долго были мы въ опалѣ,—
Они придутъ, возмездья дни:
Въ челѣ дружинъ Мстислава встали,—
Ты, Храбрый, путь имъ осѣни,
А тѣхъ, кто *смертью храбрыхъ* пали,
Въ святыхъ молитвахъ помяни!..

Аполлонъ Коринфскій.

Въ „Небесной странѣ“.

24-го мая, при загадочной обстановкѣ, скоропостижно скончался знаменитый китайскій реформаторъ и первый выборный президентъ страны Юаньшикая.

Послѣ тяжелыхъ кровавыхъ переживаній послѣднихъ лѣтъ, среди пламени революціонныхъ пожаровъ и густо орошавшей китайскую землю братоубійственной крови, кончина Юаньшикая принесла давно желанное успокоеніе. О немъ не пишутъ и даже не говорятъ въ китайскомъ обществѣ сейчасъ. Но это больше всего и показываетъ, что китайцы давно ждали смерти своего президента.

Самыя обстоятельства кончины Юаньшикая также замалчиваетъ китайская печать. И только изъ Японіи идутъ неясныя, смутныя вѣсти, что почившій президентъ Китайской республики покончилъ жизньъ самоубійствомъ, принявъ ядъ, такъ какъ видѣлъ, что оставленъ всѣми и разоблаченъ во всѣхъ своихъ прежнихъ и настоящихъ интригахъ и противъ отдѣльныхъ лицъ и даже противъ самой республики, на вѣрность коей всего три года тому назадъ онъ присягалъ. Немедленно послѣ кончины

Юаньшикая въ исполненіе обязанностей временнаго президента страны вступилъ товарищъ почившаго Ли-юань-Хунъ, человекъ, если и не такого ума, какъ его предшественникъ, то все же проникательный, осторожный, болѣе способный понимать и считаться съ политическимъ моментомъ, чѣмъ это дѣлалъ Юаньшикая. И едва Ли-юань-Хунъ взялъ бразды правленія страной въ свои руки, Китай быстрыми шагами пошелъ въ сторону успокоенія. Сразу затихли бурныя страсти отдѣльныхъ политическихъ партій и ихъ главарей. Появились воззванія, приглашающія населеніе къ спокойствію, „во имя спасенія отечества въ столь трудныя минуты его переживаній“.

Никакихъ безпорядковъ въ столицѣ съ 24-го мая и до сего дня не наблюдалось. Лишь нѣсколько лицъ изъ знатныхъ маньчжурскихъ фамилій были арестованы за то, что, воспользовавшись внезапной кончиной Юаньшикая, вновь пытались поднять агитацию за восстановленіе на тронѣ послѣдняго отпрыска маньчжурской Дай-Цинской династіи въ Китаѣ, императора Пу-и.

Вскорѣ же отложившіяся отъ Китая южныя провинціи заявили

Путь отступления австрийцев.

Ли-юань-Хуну о своей лояльности и просили считать их вновь присоединившимися к центральному пекинскому правительству.

Так постепенно ликвидируется великая кровавая китайская смута, исходящая, в сущности говоря, от одного Юаньшикая.

Путь отступления австрийцев.

Это прекрасно сознавал и сам почивший президент. Говорять, что последними его словами, сказанными старшему сыну, были: „я—начало и конец китайской смуты“.

И действительно, самое избраніе Юаньшикая въ президенту Китайской республики было совершено подъ разнаго рода давленіями, вопреки желанію всего прогрессивно настроеннаго общества. Правда, никто не отрицалъ въ немъ необыкновеннаго и пронцательнаго ума, и всякій китаецъ былъ осведомленъ объ его рѣдкой трудоспособности и реформаторской изобрѣтательности, проявленной Юаньшикаемъ и въ реформѣ китайской арміи, и на административномъ посту въ Кантонѣ, и на дипломатическомъ поприщѣ въ Корей. Однако ни одинъ прогрессивецъ не могъ простить ему коварства и

предательства по отношенію къ умершему императору Гуань-Сюй'ю и радикальному реформатору Кань-ю-вей'ю.

Притворившись поклонникомъ прогрессивныхъ реформъ и другомъ послѣднихъ двухъ лицъ, Юаньшикай одной рукой писалъ для нихъ проекты реформъ, а другой строчилъ всеильной императрицѣ Цы-си доносъ на заговорщика-императора и его друга Кань-ю-вей'я.

Въ результатъ, какъ извѣстно, произошли: бѣгство Кань-ю-вей'я изъ отечества и арестъ, а затѣмъ и насильственная смерть Гуань-Сюй'я.

Этого не могли забыть китаицы. А потому, когда Юаньшикай, надолго распустивъ парламентъ, сталъ постепенно готовить страну къ возстановленію монархическаго режима и наконецъ, не скры-

На пути отступления австрийцевъ.

вая уже своихъ честолюбивыхъ замысловъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года провозгласилъ себя императоромъ Китая, назвавъ годы своего правленія „хунъ-сянь“, весь Китай вооружилъ противъ своего повелителя. Вѣры ему уже болѣе не было. Даже близкій другъ и секретарь Юаньшикай Дуань-ши-юань измѣнилъ ему и раскрылъ передъ страною все интриги и ужасные поступки новаго монарха.

Видя страну въ пламени усиливающейся революціи, а себя всеми оставленнымъ, даже нѣмцами, коимъ такъ усердно помогалъ и прислуживалъ почившій, Юаньшикай нашель себѣ послѣдній пріютъ рядомъ съ гробницами своихъ предковъ.

С. Н—чинъ.

Здѣсь отступалъ непріятель.

Купеческая дочь.

Повѣсть И. Н. Потапенко.

Съ иллюстраціями В. Спасскаго.

(Продолженіе).

То волненіе, что казалось Людмилѣ тогда захватывающимъ, — при чтеніи писемъ Сони, — развѣ оно могло сравниться съ этимъ ожиданіемъ неизвѣстнаго, которое можетъ не то раздавить ее, не то восхитить.

Нѣтъ, она ждала другого письма, хотя время ему еще не выходило, но мало ли что можетъ быть.. Какъ-нибудь невзначай придетъ раньше...

И когда она получила письмо отъ Сони, гдѣ повторялось все то, что уже было въ таинственной секреткѣ, то она, заглянувъ въ него, только усмѣхнулась и еле прѣбѣжала его глазами, и ужъ послѣ этого каждый день заходила на почту.

И наконецъ ей дали письмо, — совѣмъ другого формата конвертъ, — понятно, тамъ вѣдь пишуть на чемъ поладится, но та же рука, тотъ же почеркъ разбросанный, но старательный.

И, конечно, она не распечатала письма ни на почтѣ ни на улицѣ, хотя рѣшительно не могла бы объяснить, что ей мѣшало въ этомъ. Кому было дѣло до того, что читаетъ какая-то дѣвушка въ шляпѣ съ голубенькими цвѣточками, стоя у окна или сидя въ извозчицкихъ дрожкахъ?

Но когда у человѣка все вниманіе напряженно сосредоточено на чемъ-нибудь одномъ, ему кажется, что и весь міръ объ этомъ только и думаетъ и слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ.

Дома не было никого. Даже горничная Стеша зачѣмъ-то ушла, и ей отперла дверь кухарка. Тѣмъ лучше: она будетъ на свободѣ, и никто не постучится въ ее дверь.

Войдя къ себѣ, она заперла дверь, положила письмо на столъ и, какъ казалось, спокойно и развѣренно снимала шляпу и клала ее въ картонку, бережно вѣшала въ шкафъ жакетъ, поправляла прическу и вообще передъ самой собой дѣлала видъ, что не торопится, не набрасывается на письмо, какъ на что-то необыкновенное.

Это было своего рода невинное кокетство передъ тѣмъ невѣдомымъ и далекимъ человѣкомъ, который, Богъ знаетъ почему, доставлялъ ей столько волненія. Пусть, молъ, онъ не думаетъ, что она ради него способна забыть все на свѣтѣ. Вотъ она устроить все, что полагается, а потомъ... потомъ, пожалуй, заглянуть и въ письмо, что онъ тамъ такое пишетъ...

Но несомнѣнно, такое самообладаніе поддерживалось главнымъ образомъ тѣмъ, что дома никого не было и не отъ кого было ждать помѣхи.

Письмо распечатано. Ого! На этотъ разъ исписано три страницы и даже перевалило на четвертую.

„Многоуважаемая Людмила Родіоновна“...

Вотъ и перемена: милостивая государыня получила повышение. Ее произвели въ слѣдующій чинъ, и она превратилась въ многоуважаемую.

Ну, дальше.

„Сердечно благодаренъ вамъ за то, что вы не только не оставили моего письма безъ отвѣта, но и поняли его надлежащимъ образомъ, то-есть именно такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности: простое желаніе вручить хозяину принадлежащую ему вещь, безъ всякой предвзятой мысли; и, кромѣ того, не побранили меня за нескромность воспользоваться адресомъ, который вы изобрѣли для кого-то другого. Это даетъ мнѣ увѣренность, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ умнымъ, оцѣнивающимъ вещи по сущности ихъ, а не по предрасудку.“

„Вы выразили желаніе узнать, какимъ образомъ ваша маленькая секретка очутилась такъ далеко отъ Петрограда, въ самой дѣйствующей арміи. Боясь, что вы будете разочарованы тѣмъ, какъ это просто. Можетъ-быть, вамъ пріятнѣе было бы, если бы тутъ оказалось что-нибудь таинственное и даже сверхъестественное. Но въ этомъ я не виноватъ.“

„Да, слишкомъ просто. Вспомните вторникъ, двѣ недѣли тому назадъ. Вы ѣхали въ вагонѣ трамвая по Литейному проспекту. Публики было биткомъ. Вы сидѣли на скамейкѣ и черезъ головы сидѣвшихъ напротивъ смотрѣли въ окно на улицу. На головѣ вашей была шляпа съ голубыми цвѣточками. На васъ былъ жакетъ темнаго цвѣта съ голубоватымъ отливомъ, внадавшимъ въ цвѣтъ стали.“

„А въ проходѣ, какъ разъ около вашего мѣста, стоялъ офицеръ, держась рукою за ремень, свисавшій съ потолка вагона. Вы офицера не видѣли, но навѣрно у васъ осталось впечатлѣніе отъ его шинели. Вы, можетъ-быть, даже ощущали ее, и она мѣшала вамъ и раздражала васъ.“

„А онъ все время смотрѣлъ на васъ и враждовалъ съ вашей шляпой и слишкомъ щедро дарованными вамъ природой темно-

каштановыми волосами, такъ нѣжно отливающимися бронзой, — они дружно мѣшали ему видѣть ваше лицо.“

„И онъ не видѣлъ вашего лица нѣтъ, почти не видѣлъ: но передъ нимъ какъ будто мелькнули большіе изсиня-сѣрые глаза... Какъ будто, — но увѣренности въ немъ нѣтъ. Но все равно: тутъ произошелъ странный случай, который ученые психологи, вѣроятно, признали бы невозможнымъ, но онъ произошелъ.“

„Офицеръ, не видя вашего лица, почувствовалъ неотразимую симпатію къ вамъ, и, несмотря на то, что у него ныла получившая въ сраженіи царапину нога, ему было пріятно стоять въ проходѣ вагона, онъ радовался, что можетъ стоять тутъ, и испытать настоящее лишеніе, когда вы на углу Кирочной улицы быстро поднялись и вышли изъ вагона. Онъ съѣлъ на ваше мѣсто и...“

„Вы уже догадались, и нѣтъ надобности рассказывать дальше? Нѣтъ? Рассказывать до конца? Это моя обязанность. Извольте.“

„Онъ нашелъ небольшой кожаный кошелекъ.“

Но вагонъ въ это время уже катился по Литейному мосту, а вы... Гдѣ вы тогда были, и какъ онъ могъ бы васъ найти? У него же была куча дѣлъ. Въ тотъ день онъ снова отправлялся на фронтъ, и вотъ ему оставалось положить кошелекъ въ карманъ, рѣшеніе же его судьбы отложить на послѣ.“

„Остальное уже понятно само собой. Я (понятно, офицеръ былъ я), конечно, проявилъ гениальную догадливость, пославъ секретку по тому адресу, который былъ на ней. Но мнѣ пришлось невольно сдѣлаться вашимъ должникомъ на сумму 60 копеекъ, которыя при осмотрѣ выпали изъ кошелька, и еще самый кошелекъ у меня хранится впродъ до того момента, когда будетъ возможно вручить его по принадлежности.“

„Вотъ вамъ и вся исторія. Какъ видите, ничего въ ней нѣтъ таинственнаго. Если у васъ это вызываетъ досаду, то сдѣлаемъ отсюда выводъ, что нужно беречь свои кошельки и не оставлять ихъ въ трамваѣ.“

„Если же этотъ незначительный эпизодъ сколько-нибудь позабылъ васъ,

то я очень радъ и представляю себѣ, какъ должно быть это красиво, когда въ синей глубинѣ большихъ глазъ блеснетъ веселая искорка. Кого-нибудь она тамъ чаруетъ. Тѣмъ лучше для него.“

„А подпоручику Граменскому, вашему покорному слугѣ, надо держаться подалше отъ такихъ соблазновъ, которые грѣютъ и размягчаютъ сердце, а сердце воина должно быть холодно и упруго, какъ сталь его шашки.“

„Вотъ я пишу вамъ это. Теперь вечеръ, и письмо сегодня ночью отправится въ Петроградъ. Я же завтра раннимъ утромъ иду въ развѣдку съ отрядомъ въ тридцать человѣкъ, мнѣ подчиненнымъ. И представьте, что подобную картину я вспомнилъ бы въ моментъ, когда занесъ шашку надъ головой врага. Кто можетъ поручиться, что жалость не вернула бы шашку въ ножны!..“

„Прошу извинить за то, что позволилъ себѣ нѣсколько разболтаться. Но, такъ какъ съ развѣдки не всегда возвращаются, то, можетъ-быть, этимъ лишнимъ словамъ суждено быть послѣдними, написанными рукою подпоручика Граменскаго. Тогда это будетъ простиительно.“

„А на случай, что я вернусь съ развѣдки, хотя бы и не въ полной цѣлости, не скажете ли вы мнѣ, кто та, что сдѣлала мнѣ большую честь довѣрить свое имя и свой секретный адресъ? Я только знаю (и то вѣдь не навѣрно), что вы не герцогиня, но больше ничего не знаю. А между тѣмъ человѣку, вернувшемуся съ развѣдки, что не всякому удается, будетъ пріятно встрѣтить дома добрую знакомую.“

„Итакъ, до послѣ развѣдки? Да?“

„Вамъ преданный В. Граменскій“.

Прочитала Людмила письмо и почувствовала невѣроятное утомленіе, какъ будто совершила какой-то трудъ, долгій и тяжелый. Всѣ ея нервныя силы приняли напряженное участіе въ этомъ чтеніи, и вдругъ совѣмъ не стало силъ.

И, откинувшись на спинку стула, она Богъ знаетъ сколько минутъ сидѣла неподвижно, съ закрытыми глазами. Потомъ опять потянулась къ письму и снова перечитала нѣкоторыя мѣста, а затѣмъ вдругъ бодрость овладѣла ею, и на поблѣднѣвшемъ отъ усталости лицѣ выступила нѣжная краска.

Какое-то тихое спокойное сіяніе явилось въ глазахъ, и мысли сдѣлали какъ будто выводъ изъ всего только-что пережитаго:

Когда въ домѣ все смолкло, Людмила сѣла за столъ и взяла въ руки перо... (стр. 474).

„Онъ хороший. Въ немъ есть какое-то благородство. Не знаю я, что и въ чемъ, но кажется, что вотъ такимъ долженъ быть человекъ... И значить, такіе люди есть. Какъ странно. Я живу на свѣтѣ двадцать одинъ годъ и не затворница какая, сколько видѣла людей, а все не такіе. Даже Иванъ Матвѣевичъ... Ну, гдѣ же? Онъ хорошо говорить, а все не далеко уходитъ отъ своей торговли и своего барыша. Мы все здѣсь около денегъ, а онъ... Онъ въ развѣдкѣ, откуда „не всегда возвращаются“, и такъ просто говорить объ этомъ, какъ у насъ не говорятъ объ испорченной партіи масла. Какъ я рада, что онъ такой. Я какъ будто приобрѣла что-то. Ха-ха-ха!.. Вотъ барышъ, какого никогда еще у насъ въ дѣлѣ не было“...

Она спрянула письмо и сняла крючокъ съ двери: больше не для чего. И въ этотъ день она не испытывала того жуткаго волненія, какъ тогда, когда посылала ему письмо, и потомъ все эти дни.

Ей было хорошо, радостно, но новое въ ея ощущеніяхъ было то, что все это она переживала особнякомъ отъ матери, отца, Андрея, смотрѣла на нихъ съ улыбкой, но видѣла ихъ какъ будто сквозь дымку тумана.

Но никто изъ окружающихъ не видѣлъ, что въ душѣ ея совершается какой-то странный процессъ броженія, который еще Богъ знаетъ къ чему приведетъ.

Она все дѣлала въ этотъ день, какъ всегда, но думала только объ одномъ, что нужно улучшить время и написать отвѣтъ. Ей казалось, что она страшно много напишетъ, не хватитъ бумаги для того, чтобы рассказать все, что она чувствуетъ.

Но когда въ домѣ все смолкло и погасли огни и она осталась въ своей комнатѣ одна и могла распорядиться своимъ временемъ, хоть цѣлой ночью, какъ ей угодно, и сѣла за столъ и взяла въ руки перо, то сейчасъ же ей стало ясно, что напишетъ она немного строкъ.

А то многое, цѣлый потокъ мыслей и чувствъ, кипѣвшихъ въ ней, было въ такомъ хаотическомъ видѣ, что его нѣтъ возможности перенести на бумагу, а если бы даже это удалось, то на-

вѣрно испугало бы своей дикостью даже его, храбраго воина, безстрашно идущаго въ развѣдку съ тридцатью подначальными.

И все, что она могла доверить бумагѣ, вылилось въ слѣдующихъ строкахъ:

„Владимиръ Хрисанфовичъ (простите: „многоуважаемый“ какъ-то не подошло на этотъ разъ, а другого болѣе подходящаго не нахожу — потомъ найдете), тороплюсь отвѣтить на вашъ вопросъ: кто я, чтобы послѣ развѣдки вы нашли это письмо: купеческая дочь — торгующаго молочными продуктами Родіона Леонтьевича Сермягина. Живу на Знаменской улицѣ въ своемъ домѣ — большой, шестиэтажный, новый.

„Мыслей много — отъ вашего письма, но выразить ихъ я не умѣю. Если отвѣтите, то слѣдующее мое письмо будетъ величиной съ версту.

„А пока только свидѣтельствую, что глаза у меня дѣйствительно довольно большіе, но сѣраго въ нихъ мало,

они почти совсѣмъ синіе и только когда злѣю, дѣлаются зеленые, какъ у кошки, а волосы такіе, какъ вы описали, и жакетъ такой, и шляпа съ голубенькими цвѣточками.

„Кошелевъ больше терять не буду, но не потому, чтобы жалѣла ихъ, — я, какъ полагается купеческой дочери, расчётлива, но не скупа, — а потому, что такъ счастливо потерять можно только одинъ разъ въ жизни.

„Ну, вотъ, значить, мы теперь знакомы. А писать-то все-таки надо госпожѣ 4—16—64. Ваша добрая знакомая Людмила Сермягина“.

Дарья Авксентьевна принимала Соню, какъ почетную гостью... (стр. 475).

Соня и Людмила пошли вмѣстѣ... (стр. 476).

они почти совсѣмъ синіе и только когда злѣю, дѣлаются зеленые, какъ у кошки, а волосы такіе, какъ вы описали, и жакетъ такой, и шляпа съ голубенькими цвѣточками.

„Кошелевъ больше терять не буду, но не потому, чтобы жалѣла ихъ, — я, какъ полагается купеческой дочери, расчётлива, но не скупа, — а потому, что такъ счастливо потерять можно только одинъ разъ въ жизни.

„Ну, вотъ, значить, мы теперь знакомы. А писать-то все-таки надо госпожѣ 4—16—64. Ваша добрая знакомая Людмила Сермягина“.

V.

Сентябрьскіе дни были дождливы, холодны и непривѣтны. Но въ домѣ Сермягина не тужили, тамъ было радостное, приподнятое настроеніе. И если бы только Андрей Тыртовъ не нылъ отъ всякаго надъ нимъ опасности, что вотъ-вотъ его возьмутъ на службу, то все было бы превосходно.

— Вотъ видишь, — говорилъ какъ-то за обѣдомъ Родіонъ Леонтьевичъ, обращаясь къ дочери. — ты тогда тарасила глаза, все понять не могла. А теперь вотъ все и выходитъ по-моему.

— А что же выходитъ-то? — спросила Дарья Авксентьевна, никогда ничего съ одного раза не понимавшая.

— Какъ что? Да ты сообрази: масло въ городѣ никакихъ нѣтъ, хоть шаромъ покати, яйца все исчезли, словно сквозь землю провалились. А у Сермягина всего понемножку находится, нѣтъ-нѣтъ, да и выползетъ боchenочекъ либо кошелочка... Съ трудомъ, дескать, достается... себя въ убытокъ... Хе-хе-хе!.. И мы теперича во всѣхъ нашихъ магазинахъ, а ихъ, матушка моя, какъ знаешь, по городу раскидано четырнадцать штукъ, можемъ продавать, какъ думаешь, масло, напримѣръ, почемъ за фунтикъ?

— Да почемъ же? Я вѣдь масло-то даромъ получаю, такъ гдѣ же мнѣ знать, — сказала Дарья Авксентьевна. — Гривень по во-семь, ужъ не больше?

— По восемь гривень? Хе-хе! А не хочешь ли, милая, рубль десять копеечекъ заплатить за столовое, а все рубль тридцать выложить за сливочное? А за десятокъ яичекъ семь гривенничковъ отчитай, такъ и получишь... а нѣтъ, такъ и прочь пойдешь. Такъ это выходитъ, что мы и сейчасъ по сто двадцать процентиковъ наживаемъ. А что будетъ дальше — фью-у! Вотъ это торговля, вотъ это дѣло настоящее.

— Папаша!.. — раздался огромный, но странный, какъ-то непривычно вибрирующий голосъ Людмилы.

— А что такое? — спросилъ Сермягинъ.

Но внутреннее движеніе, которое вызвало это обращеніе, вдругъ точно приостановилось.

— Нѣтъ, это я такъ... я подумала... только... это пустое...

— Пустое, такъ оно и есть, — сказалъ Родіонъ Леонтьевичъ и продолжалъ на свою тему.

Но у Людмилы это было не пустое. Когда она слушала похвалу отца, въ душѣ ея что-то назрѣвало, но не было готово настолько, чтобы высказаться, и она произнесла первая подтвердившія слова, просто, чтобы затуманить свое обращеніе.

Одно только было ясно: что не такъ она теперь воспринимаетъ рѣчи отца, какъ прежде. Чувствовалась ей въ нихъ какая-то неладность, но что именно, гдѣ тутъ произошла трещина, она уловить не могла. И, произнеся „папаша“, она почувствовала, что ничего толкомъ сказать не можетъ, и будутъ пустыя слова безъ основы, и замолгла.

Но довольно было ей разъ хоть капельку усомниться въ ладности отцовскаго дѣла, чтобы она ужъ съ безпокойствомъ относилась къ нему и думала о немъ и доискивалась.

„Ну, что же, что же? — говорила она себѣ, — вѣдь онъ купецъ, и такое ужъ купеческое дѣло, чтобы всегда гнаться за барышомъ. Не сдеретъ онъ, другіе сдерутъ и выскочатъ впередъ, и онъ останется позади. Такое ужъ дѣло, такое дѣло“...

А между тѣмъ всякій разъ, когда отецъ сообщалъ о своемъ необычайномъ, небываломъ успѣхѣ и какихъ-то сказочныхъ барышахъ, она ощущала горечь въ душѣ, и оттого ей плохо жилось.

Съ ея большимъ характеромъ трудно было находиться въ какомъ-то инертномъ колебательномъ состояніи. Туманъ окружать ея голову, то, что она понимала, поблекло, а другое, что издали манило ее къ себѣ, было неясно.

Въ это время произошла неожиданность, которая вначалѣ развлекла ее. Совсѣмъ внезапно пріѣхали изъ Новгорода Соня и ея братъ Иванъ Матвѣевичъ. Соня ввалилась къ ней въ ком-

нату рано, когда она только-что проснулась, и подняла ее съ постели.

Она была во многом противоположностью Людмиле. Смуглолицая, похожая на цыганку, съ темными, блестящими, живыми глазками и сама маленькая, худенькая и страшно подвижная, она затормозила Людмилу и забросала ее самыми разнообразными сообщениями. Пока Людмила умылась и оделась, она уже узнала всю историю их приезда въ Петроградъ.

Оказалось, что Иванъ Матвѣвичъ прѣхалъ отчасти по торговымъ дѣламъ, отчасти же и по дѣламъ своего заводскаго театра, въ которомъ мѣстная администрація усмотрѣла какую-то зловредность и обязала его прекратить представлѣнія въ немъ.

— Понимаешь, бѣдный Иванъ попалъ въ опасные люди. Онъ-то, смиреннѣйшій человекъ, какой только рождался на свѣтъ Божій. Это до того смѣшно, что я не могу теперь безъ улыбки смотреть на него. А онъ еще шутитъ! „Ты, говорить, теперь со мной осторожнѣй, а то я тебѣ еще революцію сдѣлаю...“ И ему тутъ и по своимъ молочнымъ дѣламъ придется просидѣть дней десять. Я и подумала: а не махнуть ли мнѣ съ нимъ въ столицу, людей посмотрѣть, да себя показать. Вѣдь я, голубушка моя, съ самаго окончания гимназій тутъ не была... Ну, что у васъ въ театрахъ есть хорошаго? Ты повезешь меня?

— Представь, не знаю. Къ стыду моему, нигдѣ не была. Знаю, что вездѣ уже начался сезонъ, но что и какъ—вогь, должно-быть, вмѣстѣ и посмотримъ. А Ивана Матвѣвича рада видѣть. Онъ у тебя хорошій.

— Еще бы не хорошій, когда бредитъ тобою. Ахъ, да какъ же ты умудрилась потерять мое писемцо? Неужели пропало? Можетъ-быть, кто-нибудь нашелъ и прочиталъ?

— Н-нѣтъ... Не прочиталъ...—какъ-то не сразу и не очень твердо отвѣтила Людмила.

— Да ты почему знаешь? Нашла, что ли?

— Да, нашла...

— Гдѣ же? Когда? Какъ?

— Потомъ я тебѣ расскажу... можетъ-быть...

Соня покачала головой.

— Экая ты стала... необыкновенная.

— Пойдемъ въ столовую. Ты кофе не пила? Ты навѣрно голодна?

И Людмила взяла ее за талию и повела въ столовую.

Соня была вся тутъ налицо. Веселая, бойкая, всѣмъ съ перваго же взгляда внушавшая симпатію, каждую минуту готовая бѣжать въ театръ, въ концертъ, въ циркъ, куда угодно, гдѣ интересно и весело. Она никогда ни во что не углублялась, ни надъ чѣмъ не задумывалась, но своимъ поверхностнымъ острымъ чутьемъ какъ-то по-своему проникала въ суть вещей и судила о нихъ здраво, а иногда и мѣтко.

Людмила и сошлась съ нею еще въ гимназій главнымъ образомъ потому, что находила въ ней тѣ качества, какихъ въ ней самой не было.

Но, кромѣ того, Соня какъ-то по-своему оцѣнивала ея положеніе, и, несмотря на то, что положеніе это по всѣмъ видимымъ признакамъ было блестяще, немножко какъ бы жалѣла ее.

Да, она не завидовала дочери богатѣйшаго купца Сермягина, владѣльца солиднаго склада, многихъ лавокъ, огромнаго дома и, должно-быть, соответствующаго капитала и получавшаго большіе барыши. Сама она выросла тоже въ купеческой семьѣ, но иного характера.

Тамъ стѣны, ограждавшія отъ другого міра, были не такъ непроницаемы. Родители ея были, правда, люди, совершенно чуждые культуры, но имъ была свойственна какая-то широкая мудрость, допускавшая въ домъ всевозможныя вліянія и теченія, и на этой почвѣ выросъ, напримѣръ, Иванъ Матвѣвичъ, съ его, казалось бы, такъ мало вяжущимися съ профессіей гуманностью и художественными стремленіями.

И Соня видѣла, что Людмила живетъ въ грубой атмосферѣ чистаго торгашества, и ей казалось, что душа ея забнетъ и сохнетъ. Потому-то она такъ тщательно культивировала милыя отношенія, завязавшіяся между нею и братомъ ея.

Въ душѣ она даже питала, повидимому, совсѣмъ неосновательныя надежды на то, что у Людмилы съ Иваномъ Матвѣвичемъ могутъ устроиться и другія отношенія, болѣе прочныя и близкія, и это, даже несмотря на то, что знала о существованіи у Людмилы жениха, Андрея Тыртова, котораго она считала крайне неподходящимъ для своей подруги, въ то время, какъ Иванъ Матвѣвичъ объявлялъ себя не склоннымъ къ супружескому счастью.

Но она думала, что какъ-нибудь подъ шумокъ жизни это нечаянно устроится, и сильно рассчитывала на эту побѣдку.

Въ столовой онѣ нашли только Дарью Авксентьевну, а Родионъ Леонтьевичъ давно упорхнулъ изъ дому и ужъ, конечно, на цѣлый день.

Дарья Авксентьевна принимала Соню, какъ почетную гостью, сестру богатаго купца, къ тому же занимавшагося тѣмъ же молочнымъ дѣломъ, что и ея мужъ. Соня сказала ей, что прѣхала въ Петроградъ повеселиться и намѣрена Людмилу таскать по театрамъ.

— Ахъ, вытащите ее, милая Софья Матвѣвна. Вѣдь она у насъ нигуда не ходитъ. Тамъ еще возится со своимъ какимъ-то обществомъ благотворительнымъ, а больше ни-ни... Да еще въ

послѣднее время взяла привычку у себя въ комнатѣ запираяться и просиживать тамъ по два часа. Провѣтрите ее, голубушка.

И Соня принялась осуществлять свое намѣреніе—веселиться. Были собраны программы театровъ и концертовъ и взяты билеты чуть не на всѣ десять дней предполагаемаго пребыванія Велесовыхъ въ Петроградѣ.

Людмила ни однимъ словомъ не протестовала и, какъ казалось, съ удовольствіемъ соглашалась „веселиться“ вмѣстѣ съ подругой. Но веселье ея было какое-то странное.

Она ѣздила всюду, куда ей предлагали, но въ то время, какъ Соня всѣмъ восхищалась и отъ всего была въ восторгѣ, ея ничто не трогало. Въ театрѣ, въ концертѣ, даже въ циркѣ, куда Соня тоже затащила ее, лицо у нея было скучное, какое-то безразличное.

Соня долго всматривалась въ это лицо и все хотѣла догадаться, но догадки ея шли по ложному направленію. То ей казалось, что у Людмилы какіе-то нелады съ отцомъ, или что ей прискучила грубая, лишенная всякой поэзій, жизнь въ окружающей ея средѣ. То она подозрѣвала, что предстоящій бракъ съ Андреемъ Тыртовымъ такъ угнетаетъ ее. Но, наконецъ, остановилась на мысли, что причина—прѣздъ Ивана Матвѣвича, въ котораго Людмила влюблена, и она какъ-то однажды сказала ей:

— Слушай ты, голубушка моя, гляжу я на тебя и вижу: у тебя что-то неладно... Если нельзя сказать, то и не говори, я не люблю насильно вытаскивать изъ души. У самой найдется кой-что, чего никому не открываю. А, можетъ, въ чемъ помочь могу...

Людмила посмотрѣла на нее простымъ, искреннимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, Софюша, покажься помочь нельзя.

— Покажься? А потомъ... значить...

— И не спрашивай. Не доводѣ, не подумай—тебѣ вполнѣ довярю, какъ себѣ самой. Но и самой еще неясно.

Соня покачала головой.

— Заварилась каша, а?

— Вотъ именно—заварилась. Сама заварилась. Да еще, должно-быть, не поспѣла.

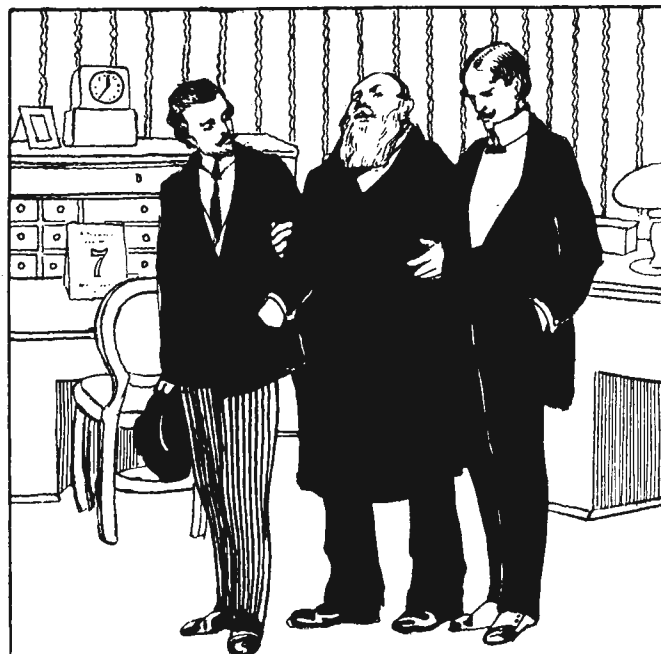
— Слушай, Людикъ, а, можетъ-быть, я догадываюсь... Мой Иванъ тутъ не замѣшанъ?

Людмила уставила на нее искренно удивленные глаза.

— Иванъ Матвѣвичъ?—Улыбнулась и покачала головой.— Очень я его почитаю, но только нѣтъ... При чемъ же онъ могъ быть тутъ? Да и вотъ что, Соня! Если ты думаешь, что тутъ любовь, то ошибаешься. Тутъ что-то совсѣмъ, совсѣмъ другое... И погоди, имѣй терпѣніе. И въ театры вози меня, я охотно ѣзжу съ тобою, но не требуй, чтобы я тамъ наслаждалась.

Соня чутьчуть разочаровалась насчетъ Ивана Матвѣвича, она-таки очень подумывала, что какъ-нибудь удастся пристроить своего одинокаго брата. Впрочемъ, не совсѣмъ и повѣрила подругѣ. Вѣдь въ такихъ случаяхъ дѣвушки скрываютъ и нарочно отводятъ глаза.

Но, кажется, и самъ Иванъ Матвѣвичъ, если, можетъ-быть, и не имѣлъ прямыхъ матримоніальныхъ видовъ, то все же искалъ обличія съ Людмилой. Правда, въ Петроградѣ у него было очень мало времени. Онъ рѣдко прѣзжалъ сюда, и дѣлъ накоплялось всегда множество, но обѣдать онъ, всегда являлся къ Сермягинымъ, и у нихъ во всѣ эти дни, какъ говорила Дарья Авксентьевна, былъ „большой столъ“.

Сермягинъ взялъ Ивана Матвѣвича и Андрея подъ руку и увелъ ихъ въ кабинетъ... (стр. 478).

в. Спасскій

Сермягинъ ворвался, какъ вихрь, и наполнилъ комнату крикомъ... (стр. 479).

И всегда онъ садился рядомъ съ Людмилой и говорилъ съ нею какимъ-то тихимъ, интимнымъ и ласковымъ голосомъ, правда, о предметахъ постороннихъ, но видно было, что ему хочется поговорить съ нею болѣе основательно. Такъ казалось, но всегда что-нибудь мѣшало.

Родионъ Леонтьевичъ увлекалъ его въ кабинетъ, и тамъ велись разговоры о молочныхъ дѣлахъ. А вѣдь эти дѣла были главной цѣлью его прїезда. У него накопился товаръ, и хотѣлось сбить его какъ можно выгоднѣй.

Несмотря на свою такую милую „гуманность“, украшенную „художественными стремленіями“, онъ все-таки былъ купецъ. Онъ, конечно, не гнался во что бы то ни стало за колоссальнымъ барышомъ и лично не принималъ участія во взвинчиваньи цѣвъ на почвѣ неисправнаго подвоза продовольствія, для этого онъ былъ слишкомъ брезгливъ и не хотѣлъ „пачкаться“.

Но послѣ того, какъ другіе это уже сдѣлали безъ него, онъ съ совершенно спокойной совѣстью могъ пользоваться создавшимся положеніемъ. И если цѣны стояли высокія, не выбрасывать же ему свои товары по прежнимъ цѣнамъ. Это было бы, по его мнѣнію, донъ-кихотство какое то.

Вѣдь товаръ купить все-таки Сермягины, Тыртовы и имъ подобные, и, купивъ за грошь, будутъ сбывать по бѣшенымъ цѣнамъ. Выходило бы, что онъ изъ-за своихъ принциповъ положи- лись бы въ карманъ этихъ людей лишнія тысяча.

Получалось положеніе странное. Будто онъ, приобрѣтая большой барышъ, являлся жертвой чужихъ злоупотребленій.

Сермягинъ же игралъ на его слабыхъ стрункахъ и хотѣлъ какъ можно болѣе сбить цѣну, для этого и старался всячески „заговорить его“.

Такъ и оставалось тайной, что хотѣлъ сказать Людмилѣ Иванъ Матвѣевичъ. Можетъ-быть, и ничего особеннаго, а просто такъ, поговорить по-хорошему, какъ онъ любилъ это дѣлать.

Ему казалось, что онъ имѣетъ благотворное вліяніе на молодую дѣвушку, вращающуюся въ семьѣ, слишкомъ купеческія тенденціи которой онъ не одобрялъ, и это ему нравилось. Вотъ онъ и хотѣлъ, собираясь опять надолго закатиться въ свой Новгородъ, подновить въ душѣ ея прежній слѣдъ своего вліянія.

Но сперва препятствовали этому маленькія обстоятельства, а потомъ явилось и большое, которое даже „гуманнаго“ Ивана Матвѣевича поставило втупикъ.

VI.

Съ перваго дня своего прїезда въ Петроградъ Соня, которая, хотя и жила въ гостиницѣ, гдѣ они остановились съ братомъ, но цѣлые дни проводила у Сермягиныхъ и почти не разлучалась съ Людмилой, обратила вниманіе на то, что каждый день, въ опредѣленные часы—послѣ завтрака—Людмила извинялась передъ ней и куда-то исчезала часа на полтора.

Это тайна?—спросила она какъ-то подругу.

Людмила смутилась.

— Если хочешь, пойдѣмъ вмѣстѣ. Но... узнаешь не все.

— Ну, хоть капелюк, а все же узнаю,—согласилась Соня.— пойми, что я любовишна, какъ Ева.

И онѣ пошли вмѣстѣ. Оказалось, что Людмила привела ее въ почтовое отдѣленіе и при ней же спросила письмо на ея условенныя цифры. Соня выразила крайнее недоумѣніе.

— Ты что же, отъ меня ждешь письма, что ли?

Людмила отрицательно покачала головой.

— Но вѣдь этихъ цифръ никто, кромѣ меня, не знаетъ.

— Вотъ тутъ и начинается то, чего пока я тебѣ сказать не могу.

— А... Ну, я умолкаю.

Но письма не было ни въ тотъ разъ ни послѣ. Онѣ ходили въ отдѣленіе каждый день. Людмила всякій разъ огорчалась, Соня читала это въ ея глазахъ, но только это, а причина была скрыта отъ нея. И бѣдняжка должна была довольствоваться только крохами тайны, но мужественно ждала.

А Людмилу беспокоила развѣдка, „откуда не всегда возвращаются“. Неужели же? Боже мой... И это знакомство должно прекратиться. Вѣдь прошло уже больше двухъ недѣль!

Или не дошло ея письмо? Или оно пропало тамъ неблагоприятное впечатлѣніе? Показалось, что она избѣгаетъ откровенности и прячется за „обиліе мыслей“, ихъ неготовность, какъ будто бы мѣшающую высказать ихъ.

Лицо ея дѣлалось унылымъ, глаза полузакрывались.

Соня страдала изъ-за нея и изъ-за себя. Вѣдь ясно, тутъ совершается что-то драматическое, а она не можетъ принять участія.

И вотъ уже истекли десять дней, назначенные ими для пребыванія въ Петроградѣ. Иванъ, правда, не закончилъ всѣхъ своихъ дѣлъ и откладываетъ со дня на день, но онъ можетъ каждый день кончить ихъ, и тогда сейчасъ же отъѣздитъ, потому что тамъ тоже ждутъ его дѣла.

Но однажды Людмилѣ выдали письмо: странный большой конвертъ, въ какихъ посылаются дѣловыя бумаги, и на немъ почему-то изображенъ красный крестъ, и Соня видѣла, что Людмила при видѣ этого знака вздрогнула.

— Я такъ и знала!—вырвалось у нея.

Соня ничего не спросила. А когда Людмила отошла къ окну, чтобы тутъ же прочитать письмо, такъ какъ на этотъ разъ не могла бороться съ нетерпѣніемъ, она, видя ея настроеніе, не последовала за нею, а осталась поодаль.

Письмо было не длинное, но написанное странными большими буквами, въ которыхъ однако все-таки можно различить почеркъ подиоручика Граменскаго, а бумага—какой-то оборванный клочокъ.

„Милая добрая знакомая! Эхъ, ну и спасибо же вамъ!.. Вотъ такъ поддержали духъ. И, главное, во-время.“

„Такъ вы—купеческая дочь? Хорошо же. Когда на побывку пустятъ, хоть на денекъ, выпью въ вашемъ складѣ въ одинъ духъ ведро молока, съѣмъ бочку масла и кругъ сыру.“

„Не удивляйтесь почерку, это—развѣдка. Вернуться-то вернусь, да руку насквозь прострѣлили, однако кость была повреждена самымъ деликатнымъ образомъ.“

„Письмо ваше засталъ дома, но положили меня въ нашъ лазаретъ, и рука—ни-ни. И подлостью въ томъ, что правая. Пробоваль лѣвой, вышли египетскіе іероглифы.“

„А вотъ теперъ могу. Поправился здорово. Видите, какія буквицы выводить! Черезъ недѣлю опять въ развѣдку пойду. Люблю я это очень. А, можетъ, что и почище будетъ.“

„Въ развѣдкѣ были четыре дня. Заблудились. Питались лѣсными травами. Есть превкусныя, ей-ей! Ну, а все-таки, если бы въ вѣсто нихъ да попался этакій пятипудовый кружокъ какого-нибудь тамъ русско-швейцарскаго, мецгерскаго или какъ тамъ они у васъ называются, сыру, то нашъ бравый отрядъ лѣснымъ мышамъ и крошки бы не оставилъ.“

„Эхъ, а все-таки двухъ молодцовъ мы не досчитались. Смѣльчаки были. Подѣзли прямо въ штыки и приняли почетную смерть. А одинъ бѣдняга такъ отошаль отъ зеленого корма, что его пришлось товарищамъ на спинѣ нести. И принесли. И ничего: подкормился и всталъ.“

„Ну, здравія желаю вамъ, добрая купеческая дочь, и кланяюсь прекраснымъ синимъ глазамъ,—единственное, съ чѣмъ я изъ вамъ принадлежащаго лично знакомъ, ибо собственными карими глазами все-таки до известной степени видѣлъ, хотя и ошибся въ цвѣтѣ.“

„Какется, скоро наша часть перепорхнетъ верстъ на двѣсти. Но адресъ тотъ же. Все та же дѣйствующая армія. Она вездѣ. Сердечно вамъ преданный В. Граменскій.“

„Вашъ кошелекъ цѣль, а ваши шестьдесятъ копеекъ уже принесли маленькій процентъ. А не находите ли вы, что мы уже года два знакомы?“

Прочитала и повернулась лицомъ къ Сонѣ. А та взглянула на нее и изумилась странному сочетанію эффектовъ. Лицо расплылось въ какомъ-то умиленіи, а глаза полны слезъ.

— Не разберешь тебя—большое счастье или горе?—сказала Соня.

— Не знаю, что... Еще не знаю, Соня... Ах, это такое странное, такое необыкновенное... Ты не подумай, что роман. Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобного. Я никогда даже и не видѣла его.

— Кого, Людмила?

— Это говорили онѣ, когда уже шли по улицѣ.

— Того, кто пишет. Но не спрашивай, милая, роденькая моя... Все равно, я не сумѣла бы рассказать главнаго. Начала бы, и ты не поняла бы. Этого нельзя понять. Что-то такое огромное... Иногда страшно, когда подумаешь.

— Огромное... Страшно...—повторяла Соня.

— Да, Соня... Вот мы идемъ домой, будемъ обѣдать, потомъ въ театръ поѣдемъ, наслаждаться, потомъ въ мягкія постели... А они тамъ—грудьи идти на штыки... Въ лѣсу заблудились... Четыре дня питались лѣсными травами... Голодь до обморока... Прострѣленная рука... И тамъ все такъ. Сегодня одинъ, завтра другой...

— Людмила, да что съ тобой? Ты говоришь о войнѣ? Но война... Ну, да... Это такъ. А какъ же можетъ быть иначе?

— А мы же, мы—иначе?

— Мы дѣвушки... Мы не можемъ воевать.

— А Иванъ Матвѣвичъ?.. Андрей?..

— Ну, конечно, они могли бы. Но если бы, напримѣръ, Иванъ... Я съ ума сошла бы отъ тревоги. А ты вѣдь сама хлопочешь за Андрея...

— Я больше не буду хлопотать.

— Но какъ же? Вѣдь онъ все-таки твой женихъ.

— Тѣмъ хуже... Мой женихъ долженъ быть честень. Соня, неужели ты съ этимъ несогласна?

Лицо Сони сдѣлалось серьезнымъ. Она даже какъ-то глубоко вздохнула.

— Я согласна... Я согласна, но... когда подумаешь, какой тамъ ужасъ...

— Ужасъ для однихъ, а для тѣхъ, кто тутъ, спокойная жизнь. Вотъ это настоящій ужасъ...

— Ты страшно волнуешься, Люда. Такъ нельзя. Я никогда тебя не видала такой.

— Ахъ, давай поволюемся. Волнуйся и ты. Это хорошо... Это прекрасно... Мы слишкомъ ужъ спокойны... Ужъ такія мудрыя...

— Знаешь, Люда, такой я тебя домой не поведу. Пойдемъ куда-нибудь, въ Лѣтній садъ, что ли... Посидимъ тамъ, погуляемъ... А домой послѣ. Все равно, вѣдь тамъ ничего этого не поймутъ. Растолкуютъ какъ-нибудь не такъ...

Людмила согласилась, но по другимъ основаниямъ: ей не хотѣлось въ этомъ состояніи окупнуться въ атмосферу ея родного дома. И онѣ гуляли долго, до утомленія.

И Сонѣ показалось, что подруга ея мало-по-малу вернулась въ свое обычное уравновѣшенное настроеніе.

Домой пришли послѣ шести, когда тамъ уже накрывали столъ къ обѣду. Дома была одна Дарья Авксентьевна. Мужчины еще не пріѣхали, но ожидались и Андрей и Иванъ Матвѣвичъ.

И Людмила вела себя такъ хорошо, что Соня могла за нее не тревожиться. Оживилась, болтала, улыбалась. И казалось, все было въ порядкѣ.

Около семи часовъ пріѣхалъ Родіонъ Леонтьевичъ, вскорѣ вслѣдъ за нимъ Иванъ Матвѣвичъ, а Андрей почему-то запоздалъ, такъ что обѣдать сѣли безъ него, но онъ скоро явился, очень мрачный, и сейчасъ же началъ рассказывать о частномъ извѣстїи, которое сегодня получилъ: его возьмутъ навѣрно дня черезъ три. Никакія хлопоты не помогли. Издержалъ пропасть денегъ, но ни къ чему. Единственный, кто могъ бы оказать вліяніе, это, какъ онъ узналъ, отецъ Людминой подруги, но Людмила и думать забыла объ этомъ.

Должно-быть, ей будетъ приятно, если ему оторветъ руку или ногу, а то и голову.

Людмила только прикусила губу, но ничего не сказала, а Родіонъ Леонтьевичъ началъ успокаивать Андрея.

— Ну, ежели и возьмутъ, что за бѣда! Вѣдь можно еще похлопотать, чтобы не послали на фронтъ, а оставили тутъ. Это гораздо легче, чѣмъ совсѣмъ освободиться. И ты бу-

Андрей сѣлъ и согнулся... Людмила ясно видѣла въ немъ слѣды унынія... (стр. 481).

дешь тутъ служить и преисправно слѣдить за своими дѣлами.

Но зато у нихъ дѣла теперь пойдутъ еще лучше прежняго. Теперь у нихъ будетъ компанія. Да, это ужъ можно говорить вслухъ: съ Иваномъ Матвѣвичемъ они сошлись на компанейскія началахъ и завтра подпишутъ договоръ. Вотъ теперь попляшутъ конкуренты. Три такія солидныя фирмы, какъ Сермягинъ, Велесовъ и Тыртовъ, да они прямо задавятъ всѣхъ. Будутъ диктовать свои цѣны на все, и ужъ тутъ затрещатъ обывательскіе карманы.

Ивану Матвѣвичу было какъ будто неловко. Онъ, повидимому, не рассчитывалъ на то, что Родіонъ Леонтьевичъ заведетъ объ этомъ рѣчь за столомъ. Въ торговомъ мирѣ эта сдѣлка, конечно, станетъ скоро извѣстной, но тамъ и отнесутся къ ней, какъ къ хорошо задуманному и устроенному дѣлу, и будутъ развѣ только завидовать, а здѣсь зачѣмъ же? Къ чему, напримѣръ, дѣвушкамъ знать такія подробности?

Онъ былъ вынужденъ пойти на предложеніе Сермягина, иначе не получилъ бы и половины той выгоды, на которую рассчитывалъ. Онъ согласился на это неохотно, и утѣшеніемъ ему было то, что самъ онъ активно будетъ вести только свои фермы и заводъ, а собственно торговую часть поведутъ два другіе товарища, такъ что онъ лично драть не будетъ, это за него сдѣлаютъ другіе, онъ же только будетъ получать отъ дѣла барышъ. Въ его въ основѣ все-таки купеческой психологии все это какъ-то совмѣщалось.

Но онъ чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ Людмилы и сидѣлъ, опустивъ голову, въ то время, какъ Сермягинъ яркими красками расписывалъ необыкновенныя выгоды отъ новаго союза. Высокія цифры процентовъ такъ и сыпались. Сто двадцать процентовъ, полтора, а то и всѣ двѣсти... Этотъ годъ дастъ предпрїятію столько, сколько въ другія и десять лѣтъ не заработаешь... Пришелъ праздникъ торговли, такъ надо пользоваться.

— Иванъ Матвѣвичъ, и вы тоже?—совершенно неожиданно перебивъ стца, спросила Людмила, повернувъ голову къ своему сосѣду.

Тотъ какъ-то неловко повелъ плечами и досадливо стиснулъ свои челюсти.

— Что, собственно, Людмила Родіоновна?—спросилъ онъ своимъ обычнымъ мягкимъ и „задушевнымъ“ тономъ.

— А вотъ это, что папаша рассказываетъ: полтора и даже двѣсти процентовъ наживать будете отъ войны?

— Да вѣдь это, Людмила Родіоновна, дѣло... Если оно дастъ большую прибыль... Что же, я... Не могу же я отказываться.

— Дѣло само ничего не можетъ, Иванъ Матвѣвичъ... Дѣло, это—человѣкъ...

— Да, конечно... Человѣкъ это все!—съ величайшимъ смущеніемъ промолвилъ Иванъ Матвѣвичъ.

Соня таращила глаза на свою подругу. Боже, что она говоритъ? И что сдѣлалось съ Иваномъ?.. Онъ весь съезжился, и у него такой видъ, будто онъ ждалъ только момента, чтобы спрятаться подъ столъ.

— Да ты тамъ что такое морозишь?—вступилъ въ разговоръ Родіонъ Леонтьевичъ.—Что такое дѣло, что такое человѣкъ? Какая тутъ разница?

— Въ томъ-то и дѣло, папаша, что не должно быть разницы, не должно быть такъ, что человѣкъ, самъ по себѣ и хорошій и милый и гуманный, и книжки умныя читаетъ, и слова красивые говоритъ, а на людскомъ несчастьѣ барышъ въ двѣсти процентовъ наживать согласенъ... Не должно такъ быть... И тутъ не одинъ человѣкъ, а два въ одномъ сидитъ... Одинъ хорошій, а другой,—нѣтъ, нехорошій.

— Съ ума ты сошла, Людмила!—почти гнѣвно крикнулъ Родіонъ Леонтьевичъ.—Какъ же ты смѣешь такъ выражаться? Такъ это выходитъ, что и твой отецъ плохой человѣкъ? Такъ, что ли?

Но Людмилу уже нельзя было остановить подобнымъ вопросомъ. Она какъ будто сошла съ той почвы, по которой ходила всю жизнь, ее что-то подняло, освободилась ея воля,

и не чувствовала она больше никакихъ оковъ. Глаза ея горѣли, обыкновенно слабый и нѣсколько тусклый голосъ какъ-то звенѣлъ.

— Я, папаша, не хочу ни про кого гово-

Из альбома участника войны. Полковой перевязочный пункт. Рисунок А. Семенова.

рять. Зачемъ мнѣ? А вотъ только увидѣла, почувствовала и не могу смолчать... что нечестно это, нечестно мы всё поступаемъ... Всё туда несуть, одни свои деньги, другіе свою кровь и жизнь, а мы, какъ звѣрь какой-то безъ совѣсти, въ свою утробу. Что же мы за люди? Какъ же мы можемъ послѣ этого себя уважать? Когда вотъ этотъ мой женихъ, — молодой, здоровый, подковы гнетъ, и онъ же прячется въ свою нору отъ службы, а другой, можетъ, и больной и хилый, и у него есть мать и сестра, либо жена и дѣти, идетъ и кровь проливаетъ... Развѣ это честно? И такого человѣка я могу назвать самымъ близкимъ? Да ни за что. Не хлопочу я больше о немъ. Слышать объ этомъ не могу. Мы должны быть честные, какъ и другіе... А я вотъ и хлѣбъ этотъ глотать не въ состояніи... Не могу я, не могу... Не могу!..

Подняла объ руки, затиснула ладонями уши, съ горящими глазами вскочила съ мѣста и рванулась вонъ изъ столовой.

Слышались ея прерывистые удалявшіеся шаги въ коридорѣ, потомъ хлопнула дверь въ ея комнату. Всё сидѣли, какъ окаменѣвшіе. Но черезъ минуту Соня встала и побѣжала туда.

Людмила лежала на диванѣ, лицомъ вверхъ, положивъ руки подъ голову. На блѣдномъ лицѣ ея остались еще слѣды выступившихъ неровныхъ красныхъ пятенъ, но въ глазахъ было какое-то странное, неожиданное для Сони, величавое спокойствіе.

Соня сперва бросилась къ ней.

— Что ты сказала? Что надѣлала? Развѣ же можно такъ?

Но взглядъ этихъ изумительно-спокойныхъ глазъ остановилъ ее. — Сядь здѣсь, Соня, — сказала Людмила, взяла ея руку и усадила около себя. — Молчи... Все, что скажешь, будетъ напрасно. А я счастлива, что наконецъ нашла эти слова... Что они тамъ? Считаюте меня сумасшедшей?

— Сидятъ, какъ истуканы... Люда, это что же... Все отъ него?

Людмила кивнула головой.

— И слова его?

Людмила усмѣхнулась.

— Слова мои. Онъ ничего такого и не думалъ... Слушай, я тебѣ все расскажу. Это все кошелекъ... Нѣтъ, постой. Вотъ ключикъ. Отопри ящикъ въ столѣ. Письма всё лежатъ въ порядкѣ. Прочитай!

Соня, забывъ о только-что происшедшей трагедіи, а только подчиняясь любопытству, схватила ключъ и ринулась къ столу, достала письма. Они были помѣчены цифрами 1, 2, 3. Читаетъ по порядку, а Людмила, оставаясь на диванѣ, рассказываетъ ей, что было въ промежуткахъ между ними.

— Ну, теперь ты видишь, нѣтъ никакого романа.

— Какъ это интересно... Боже мой! Это лучше, чѣмъ романъ... Какая ты счастливая, Людочка! И какъ это ты можешь такъ? Я бы сейчасъ покатила къ нему...

— Зачемъ?

— А я не знаю... Это такъ интересно...

— Но я тамъ совѣмъ не нужна. Я не умѣю даже ухаживать за больными. Я умѣю только считать выручку. Сонечка... отчего это мы всё такіе деревянные?.. Прочти послѣднее... Вотъ оно... Сегодняшнее... Какъ это у него просто: рука прострѣлена, а онъ шутить... А тѣ двое — самые смѣлые, что прямо на штыки... И они умираютъ и шутятъ, и умираютъ... А тутъ Андрей... Взглянуть на него — онъ могъ бы за десятерыхъ... И онъ ноетъ, клянчить, прячется... До чего разные люди. Одни — герои, другіе — насѣкомья какія-то... А Иванъ Матвѣвичъ... Какъ же это онъ такъ? Такой сердечный, гуманный и вдругъ — двѣсти процентовъ.

— Онъ убить. Ты прямо убила его...

— Нѣтъ, Сонечка, никого я не убила. И они и онъ... все будетъ попржему. А

только я, нѣтъ, нѣтъ... Больше я такъ не стану.

— А какъ же ты будешь, Людочка?

— Еще не знаю...

А въ столовой, хотя обѣдъ еще не кончился и предстояло ѣсть поданныя на столъ трубочки со сливками, послѣ того, какъ вслѣдъ за Людмилой ушла и Соня, всё одинъ за другимъ начали подниматься. Первый всталъ Андрей, мрачно положилъ салфетку на столъ и сказалъ:

— Послѣ такого афронта мнѣ остается только уходить. Прощайте, Родіонъ Леонтьевичъ.

Но Сермягинъ схватилъ его за руку.

— Постой, куда ты?.. Эхъ, тоже! Дѣвчонка съ большого ума ошалѣла, а ты ужъ... Мы съ нею еще поговоримъ... Ты погоди, она у меня шелковая будетъ.

Андрей остановился. Уходить раздумалъ. А потомъ съ шумомъ поднялся со своего мѣста Иванъ Матвѣвичъ.

— Извините, Родіонъ Леонтьевичъ, и вы, Дарья Авксентьевна, не могу продолжать обѣдъ. Очень ужъ это горько.

Родіону Леонтьевичу пришлось и этого успокаивать, онъ и ему пообѣщалъ, что Людмила придетъ въ разумъ и извинится передъ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказали Иванъ Матвѣвичъ. — Я противъ Людмилы Родіоновны ничего не могу имѣть.

— Какъ же ничего? Послѣ такихъ дерзостей, да ничего? Ну, нѣтъ, я ее заставляю...

— Ничего не заставляйте, Родіонъ Леонтьевичъ. А мнѣ позвольте удалиться.

Но Сермягинъ не такъ легко отпускалъ людей, которые были ему нужны. Онъ всталъ, взялъ и его и Андрея подъ руку и увелъ ихъ въ кабинетъ.

Дарья Авксентьевна осталась одна, и ужъ такой растерявшейся и не понимавшей сущности того, что случилось, женщины,

должно-быть, не было и въ дѣломъ свѣтъ. Она просто перепугалась. Руки у нея дрожали, глаза слезились.

И единственное, на что она была способна, это уйти въ свою спальню и пластомъ упасть на кровать, которая была приближенъ ея при всякихъ горестяхъ.

Но на этотъ разъ и кровать ей измѣнила. Лежала она на ней и слышала отъ слова до слова все, что говорилось въ кабинетѣ, и подъ влияніемъ тѣхъ рѣчей ей казалось, что все рухнетъ, наступитъ крахъ всѣхъ дѣлъ, и даже этотъ великолѣпный, недавно воздвигнутый домъ разваливается, и она сама вмѣстѣ съ кроватью летитъ въ какую-то пропасть.

Слышался сперва убѣжденный голосъ Родіона Леонтьевича. Ну, его слова были обыкновенныя, ихъ она знала давно. Всѣ слова его знала наизусть. Но то, что говорилъ Иванъ Матвѣвичъ, изъ усть купца было необычайно и даже невозможно.

— Я долженъ вамъ сказать, Родіонъ Леонтьевичъ, по всей моей совѣсти: то, что сказала ваша дочь, уважаемая Людмила Родіоновна, не только не обидно, но справедливо. Да, да, я самъ такъ думалъ всегда, она какъ будто говоритъ мои мысли. Но какъ-то, знаете, прозвѣвалъ, упустилъ изъ виду... И стыдно мнѣ было слушать ея слова, жгучій стыдъ испыталъ я, провалиться былъ готовъ. Мы, купцы, вовсе не плохіе люди, и совѣсть у насъ есть, какъ и у другихъ, но она слишкомъ много спитъ, и ее подчасъ будить надо, стоять надъ нею и кричать ей въ ухо: эй, проснись-ка, проснись... Да и не купцы одни.. а и другіе люди, которые при дѣлахъ... Далеко это ужъ очень—фронтъ, гдѣ кровь льется и жизнь братья наши отдають за насъ. Такъ далеко, что грохота пушекъ здѣсь мы не слышимъ, оттого и спитъ она, совѣсть-то... Ну, что жъ, разболтался я... Пойду. А только долженъ предупредить, что въ компанію не вступлю и договоръ завтра подписывать не буду.

— Какъ? Что такое?—заволновался, засуетился, завопилъ Сермягинъ, который слушалъ его и думалъ, что это, какъ всегда было у Ивана Матвѣвича, одни теплыя слова.—Да какъ же можно? Изъ-за того, что дѣвчонка сболтнула...

— Жалѣю, что вы не поняли меня, уважаемый Родіонъ Леонтьевичъ, а на своемъ настаиваю и измѣнить не могу... Мое почтеніе-съ! Сестренкѣ прошу сказать, что ушелъ и буду дома.

И ушелъ, въ самомъ дѣлѣ ушелъ. Пожалъ руку Родіону Леонтьевичу и Андрею, все какъ слѣдуетъ, наговорилъ извинительныхъ словъ, но ушелъ.

Тутъ ужъ вышелъ изъ себя Родіонъ Леонтьевичъ. Кровную обиду противъ дочери почувствовалъ. Щеки покраснѣлись, глаза зажглись, и побѣжалъ прямо въ комнату Людмилы.

Дѣвушки, повидимому, мирно бесѣдовали—Людмила лежала, а Соня сидѣла около нея. Сермягинъ ворвался, какъ вихрь, и наполнилъ комнату крикомъ.

— Такъ что же это? Свое собственное дѣло разрушить задумала? Сколько лѣтъ я бился, сколько терпѣлъ и, наконецъ, такого человака къ дѣлу привлекъ, а ты... а ты...

Людмила въ это время поднялась и сѣла на диванѣ.

— Папаша... Зачѣмъ кричать? Я, какъ думаю, такъ и сказала. Да и ничто отъ этого не измѣнится. Все будетъ, какъ было...

— Какъ же будетъ, какъ же говоришь, будетъ?—уже мягче, очевидно, подъ влияніемъ ея спокойствія, сказалъ Сермягинъ.—Какъ же будетъ, какъ было, когда Иванъ Матвѣвичъ ужъ и теперь вышелъ изъ компаніи? Такую рачью развелъ, будто ты у него въ душѣ сидѣла и ему шептала... Охъ, ты Господи, да что же такое стряслось надъ тобой?... Словно бѣсъ какой въ тебя вошелъ. Эй-ей! Вотъ и Андрей тамъ сидитъ ни живъ ни мертвъ... Эхъ, Людмила! Вотъ ужъ отъ кого угодно могъ ждать этакой подлости, только не отъ тебя.

Махнулъ рукой и вышелъ. А потомъ все въ домѣ стихло. Они оба куда-то ушли, отецъ и Андрей. Дарья Авксентьевна, утомленная необычайными впечатлѣніями, заснула.

— Люда, а ты слышала, про Ивана что сказалъ Родіонъ Леонтьевичъ? — промолвила Соня съ радостно сіяющими глазами.

— Я слышала. Но только не знаю, такъ ли это...

— Такъ слушай, мнѣ пора домой.

Проводи меня, а можетъ-быть, зайдешь къ намъ, вотъ и увидишь... А ему пріятно будетъ...

Да,—сказала Людмила,—я хотѣла бы отъ него самого это услышать. Тогда только и повѣрю. А отецъ... Онъ, когда ему нужно, скажетъ, что угодно.

Онъ одѣлся. Нему было удерживать ихъ. На улицѣ было уже темно, а гостиница была не близко, пришлось взять извозчика.

VII.

— Ахъ, я хотѣлъ сейчасъ посылать за тобой,—сказалъ Иванъ Матвѣвичъ вошедшей сестрѣ, но когда Соня сообщила ему, что тамъ, за дверью, Людмила, онъ побѣжалъ туда, взявъ ее за обѣ руки и ввелъ въ комнату.

Страшно взволнованный, онъ не находилъ словъ, усадилъ ее и молча, какими-то благодарными глазами смотрѣлъ на нее. Но наконецъ, успокоившись, тоже сѣлъ и заговорилъ:

— Видите, какъ взволновали меня ваши слова, сердечно уважаемая Людмила Родіоновна. Это выходитъ то, про что сказано: „изъ усть младенцевъ—совершили еси хвалу“... Да, вотъ мы, такіе большіе, серьезные дѣловые мужчины, въ дѣлахъ, какъ въ лѣсу, и изъ-за этого лѣса даже не видимъ солнца... Какъ ваши слова меня обожгли! Ахъ, Боже... какъ раскаленное желѣзо... Вамъ говорилъ папаша: я вышелъ изъ компаніи... Богъ съ ними, съ барышами. Нельзя же все барышъ да барышъ. Надобно, какъ говорится, и о душѣ подумать... И я кой-что задумалъ, задумалъ... Только еще не обдумалъ хорошенько. А вы вотъ пріѣзжайте къ намъ, къ Сонечкѣ, въ гости, такъ и увидите... Въдѣ тутъ вамъ нѣкоторое время трудно будетъ. Тяжелый человекъ вашъ папаша, пока это еще у него въ душѣ умѣсится! Ну, спасибо вамъ... Соня, укладывайся! Нынче уѣдемъ. Въ десять съ половиной поѣздъ уйдетъ. Поедемъ!

Остальное время прошло въ укладкѣ. Людмила помогала Сонѣ, потомъ поѣхала съ ними на вокзалъ и проводила ихъ.

Иванъ Матвѣвичъ какъ-то весь просвѣтлѣлъ, все благодарилъ ее и говорилъ:

— Пріѣзжайте же, пріѣзжайте... Все, что будетъ сдѣлано, отъ васъ пойдетъ, отъ вашихъ огненныхъ словъ... Ждемъ васъ.

Домой вернулась Людмила часовъ въ одиннадцать. Мать окон-

Изъ альбома участника войны. Малолѣтній доброволецъ. Рисунокъ А. Семенова.

Из альбома участника войны. Дворец князей Любомирских в Ровно (XV века). Рисунок А. Семенова.

чательно улеглась на покой. Отец, очевидно, был в клуб, куда онъ ѣздилъ по вечерамъ часто. Ея никто не тревожилъ.

Она заперлась въ своей комнатѣ и спокойно подводила итоги этому замѣчательному, единственному въ ея жизни дню. Чтò будетъ дальше, она еще не знала. Но что прошлое уже не можетъ вернуться—это она знала навѣрно.

Но какъ трудно это досталось ей! Сколько времени ужъ все это бродило въ ея душѣ и никакъ не могло выявиться. Какъ много думала она и не могла придумать словъ. А вѣтъ сегодня вовсе не думала, ни капли. Сѣла за столъ съ искреннимъ намѣреніемъ обѣдать и только. А вышло вотъ что: цѣлая катастрофа. Нѣтъ, эпоха, съ которой жизнь должна пойти по-новому. Значитъ, иногда лучше не думать.

И вотъ теперь, когда не было уже никакихъ впечатлѣній и ничто не мѣшало ей, она почувствовала, какъ утомилъ ее этотъ день. Совсѣмъ разбита. Манить въ постель.

Уже почти въ дремѣ думала она объ Иванѣ Матвѣевичѣ. Вотъ что было неожиданно. Значитъ, она была къ нему несправедлива. Но, впрочемъ, нѣтъ. Вѣдь онъ же готовъ былъ присоединиться къ компаніи по наживанію двухсотъ процентовъ.

И вдругъ — совѣсть. Какъ это удивительно, и какъ лестно ей узнать, что она разбудила чью-то совѣсть.

Должно-быть, все-таки не слишкомъ крѣпко спала совѣсть Ивана Матвѣевича. Вотъ у Андрея Тыртова она непробудна. Сколько ни расталкивай ее, хоть изъ пушки пали, не проснется. И подумать только, что она, Людмила, еще недавно ходила къ подругѣ хлопотать, чтобы его не взяли въ солдаты. И никто тогда не сказалъ ей, что это гадость — ни отецъ ни мать. Напротивъ, всѣ нашли, что это въ порядкѣ вещей. И вонъ какіе-то люди еще брали за это деньги съ Андрея. Онъ жаловался сегодня, что это ему дорого стоило. Деньги за то, чтобы кто-то другой отдалъ свою жизнь вмѣсто него.

И Андрей этого не понимаетъ. На жизнь человѣческую онъ смотритъ, какъ на торговлю. Онъ кладетъ ее, чью-то жизнь, въ

свой карманъ, какъ и двѣсти процентовъ на маслѣ и сырѣ.

Заснула. И снился ей человекъ, отъ четырехдневной голодовки въ лѣсу влвшій въ обморокъ, и два храбреца, полѣзшіе грудью на штыки, и прострѣленная рука, съ усиленнымъ выводомъ на клочкѣ бумаги огромныя буквы. Снилось письмо подпоручика Граменскаго.

На слѣдующій день Людмила не тревожили. Отецъ рано уѣхалъ изъ дому и не появился цѣлый день, даже обѣдать не пріѣхалъ, сообщивъ, что обѣдаетъ гдѣ-то въ большомъ дѣловомъ обществѣ. Андрей Тыртовъ даже и носа не показалъ, а Дарья Авксентьевна цѣлый день дулась на нее и не проронила ни слова.

Для Людмилы было ясно, что это—тишина передъ грозой. Она знала своего отца—человекъ, который никому не спускалъ и не прощалъ обиды. А вѣдь она обидѣла его и словомъ и дѣломъ.

Словомъ—когда сказала „не честно мы поступаемъ“. Онъ такъ любилъ говорить: я честный купецъ, мое слово—все равно, что вексель, — и такъ это было въ торговыхъ сношеніяхъ, и такая у него была

репутация. И вдругъ дочь говоритъ ему въ лицо, что онъ нечестенъ.

Дѣломъ—такъ это ясно: отняла отъ него Ивана Матвѣевича, такой жирный кусокъ. Должно-быть, у нихъ было рѣшено, что Иванъ Матвѣевичъ будетъ усиленно готовить на своемъ заводѣ масло и всѣми правдами и неправдами доставлять сюда, а они двое, пользуясь полнымъ отсутствіемъ хорошихъ продуктовъ, будутъ продавать все это по дьявольскимъ цѣнамъ. Значитъ, она лишила его главнаго источника барыша.

Нѣтъ, этого онъ простить не сможетъ. Но онъ выдерживаетъ ее. Увѣренъ, что его молчаніе—для нея казнь, и нарочно держитъ ее въ такомъ напряженномъ состояніи.

Чтò же, она должна себя признать, что для нея все это очень тяжело. Къ матери она всегда относилась покровительственно и больше привыкла къ ней, а отца любила, да и теперь

Замокъ князя Радзивилла въ имѣніи Миръ, Минской губерніи.

Искюль. Бивуакъ.

любить. Привлекала ее къ нему эта неистощимая энергія, съ которой онъ развивалъ свое дѣло, въ сущности, созданное имъ, такъ какъ отъ своего отца онъ получилъ жалкую, плохо организованную лавчонку, и всегда онъ былъ такой бодрый, никогда не унывалъ, даже когда бывали неудачи.

Между ними было какое-то внутреннее единеніе, а теперь единеніе, конечно, исчезло, союзъ распался, но привязанность осталась, и съ нею ей не легко было совладать.

Уже три дня прошло, а Родіонъ Леонтьевичъ все поглощенъ дѣлами, которые занимаютъ его съ утра до ночи, и она его не видитъ. Но пришелъ Андрей.

Голосъ его она услышала, сидя въ своей комнатѣ. Онъ спросилъ ее, прямо съ этого и началъ. И какой-то унылый, подавленный былъ у него голосъ. Подошелъ къ двери, постучался.

— Можно? На одну минуту...

Она встала и отворила дверь. Онъ вошелъ.

Словно на спину его положили какую-то огромную тяжесть, весь онъ какъ-то подался внизъ, исчезла вся его молодцеватость, а въ глазахъ было что-то жалкое.

— Я вотъ къ тебѣ, Людмила...— сказалъ онъ, глядя не на нее, а какъ-то вкось.

— Садись, Андрей. Въ чемъ дѣло?

Андрей сѣлъ и согнулся. Лицо его теперь было ближе къ ней, и она ясно видѣла на немъ слѣды унынія. Онъ совсѣмъ не умѣлъ управлять своей виѣшностью, и вся она выражала его душевное состояніе.

— Я вотъ... Да все по тому же дѣлу... Видишь, уже пришла бумага... Черезъ три дня являться... Ну, ты знаешь... Что бы ты тамъ ни говорила, а я по-своему.

— Это чтобы тебя освободили?

— Да, вотъ это самое.

— Но это же безчестно, Андрей...

— Ахъ, пусть себѣ... Мнѣ нужно освободиться... Ну, вотъ нужно... Необходимо... И ты только одна можешь...

— Ты требуешь, чтобы я участвовала въ безчестномъ дѣлѣ?

— Да при чемъ же это? Вѣдь это я... поступаю—ну, тамъ безчестно, какъ ты говоришь... А ты только дѣлаешь мнѣ одолженіе... Вѣдь мы не чужіе.

— Чужіе, Андрей...

— Какъ же такъ? Ты—моя невѣста, а говоришь, чужіе.

— Я за тебя не выйду, Андрей.

— Не выйдешь? Гм!.. Странно. Ну, да объ этомъ еще успѣемъ потолковать. Мнѣ Родіонъ Леонтьевичъ говорилъ другое. А теперь слушай, Людмила... Ну, ради Бога... Я не знаю ужъ, какъ просить тебя... Пойми же ты, что мнѣ это никакъ нельзя... Ужъ не говорю, что это не

по мнѣ, ну, не по мнѣ, да и все тутъ... А вѣдь я же въ дѣлахъ сколько потеряю... Папаша твой, Родіонъ Леонтьевичъ, говоритъ: „Иди, молъ, не бойся, я за твоимъ дѣломъ присмотрю. Ты оставь мнѣ довѣренность...“ Что жъ, я Родіона Леонтьевича уважаю и почитаю, а только какъ же довѣренность? Вѣдь онъ тутъ дочиста обьегоритъ меня, и я останусь ни при чемъ. Да нѣтъ, что говорить... Людмила!.. Ну, что хочешь... Вотъ на колѣни передъ тобой стану... Ноги тебѣ цѣловать буду, а только... только...

И онъ плакалъ, всхлипывая, какъ ребенокъ, и сдѣлалъ движеніе, чтобы опуститься на колѣни.

— Андрей, не дѣлай этого, не дѣлай!—поспѣшно, съ ужасомъ остановила его Людмила.—Вѣдь это же ужасно!

Онъ вынулъ платокъ и вытеръ слезы, а на колѣни не сталъ. Она поднялась.

— Я не могу хлопотать объ этомъ, Андрей. Я не буду хлопотать. Ты на меня не надѣйся.

— Последнее слово?

— Последнее, Андрей.

Онъ всталъ и пошелъ къ двери, взялся за ручку и остановился.

— Не зналъ я, что ты такая дрянь, вотъ что!

И, быстро отворивъ дверь, скрылся, какъ будто боясь, что ему вслѣдъ швырнуть стулъ или какую-нибудь тяжелую коробку.

Людмила же нисколько не оскорбилась. Ей стало только горько при мысли, что она могла связать себя на всю жизнь съ такимъ грубымъ и бездушнымъ человѣкомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матросъ Легеннекъ.

Разсказъ В. Ропшина.

Грузовой пароходъ „Лотарингія“, водоизмѣненіемъ въ 11.000 тоннъ, принадлежащій „Марсельскому Обществу экспортной торговли“, вышелъ въ море въ понедѣльникъ, въ 8 часовъ утра, при свѣжемъ западномъ вѣтрѣ. Пароходъ шелъ со скоростью 12 узловъ въ часъ и держалъ курсъ на юго-востокъ, къ берегамъ Германіи. Онъ долженъ былъ высадить на островѣ Корфу два батальона солдатъ: батальонъ австралійцевъ и батальонъ Бредфордшайрсакаго, королевы Великобританской, полка. Командовалъ пароходомъ резервный лейтенантъ Іосефъ Сулье, тридцать лѣтъ прослужившій въ торговомъ флотѣ. На высотѣ Сень-Тропеца пароходъ былъ встрѣченъ миноносцемъ № 16, который пошелъ рядомъ съ нимъ, охраняя его отъ подводныхъ лодокъ. День

На сѣверномъ фронтѣ. Разрушенія около станціи Я...

былъ солнечный, но въ морѣ ходила сильная зыбь. Послѣ полудня миноносецъ № 16, обмѣнявшись сигналами съ капитаномъ Сулье, сталъ удаляться на сѣверь, и „Лотарингія“ скоро осталась одна. По беспроволочному телеграфу ей дали знать изъ Тулона, что дорога до Каліари свободна, и что въ Каліари ее ожидаетъ итальянскій крейсеръ „Амальфи“, который и отвезетъ ее въ Корфу.

Первыя сутки плаваніе было благополучно. Солдаты пѣли или играли на палубѣ въ мячъ, а офицеры курили и разговаривали въ каютахъ. Въ 10 часовъ во вторникъ на вахту сталъ матросъ Ренэ Легеннекъ, редомъ изъ Сень-Бріека. Хотя его очень занимали солдаты, особенно австралийцы, и хотя ему хотѣлось съ ними поговорить, онъ, помня морскую службу, началъ внимательно смотрѣть въ море. Но въ морѣ не было ничего. Набѣгали бѣлые гребни, и ихъ было такъ много, что казалось, что это не гребни, а стадо бѣлыхъ овецъ. На горизонтѣ волны были темнѣе, и небо было тоже темнѣе, но сколько Легеннекъ ни напрягалъ своихъ глазъ, онъ видѣлъ только вырывающій бушпритъ, просмоленные канаты и за канатами взволнованную, зелено-голубую, сверкающую на солнцѣ, воду. Сзади себя онъ слышалъ громкіе голоса. Это шутили рослые австралийцы, въ широкополыхъ фетровыхъ шляпахъ. Въ солёномъ воздухѣ сладко пахло англійскимъ табакомъ.

Къ 11 часамъ вѣтеръ немного утихъ, но волненіе стало еще сильнѣе. Безъ четверти часа, — на этихъ цифрахъ остановились часы Легеннека, — Легеннекъ замѣтилъ съ подвѣтренной стороны, въ разстояніи ста метровъ, быстро бѣгущую по водѣ, точно расцѣпающую волны, струю. Онъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло и крикнулъ:

— Мина съ лѣваго борта!

На мостикѣ зазвонилъ телеграфъ, но Легеннекъ не услышалъ команды, потому что въ ту же секунду пароходъ задрожать бортами, и налѣво, у машиннаго отдѣленія, сталъ гремучій и звонкій, воронкообразный, какъ мачта высокій, столбъ. Въ горячемъ дымѣ чернѣли разбитыя доски и еще что-то темное и разорванное въ клочки. И когда уже дымъ взвился, раздался долгій и тяжкій гулъ. Этотъ гулъ былъ такъ страшенъ и такъ силенъ, и такъ жарко запахло гарью, такъ жалобно заскрипѣлъ пароходъ, что Легеннекъ растерялся и хотѣлъ-было кинуться въ воду. Но его остановилъ чей-то окрикъ:

— Спустить шлюпки! Всѣ по мѣстамъ!

Легеннекъ поднялъ голову. Капитанъ, господинъ Сулье, стоялъ на мостикѣ такой же, какъ и всегда: бритый, съ сухимъ и загорѣлымъ лицомъ, въ синей куржкѣ и бѣлой фуражкѣ. Бредфордшайрцы и австралийцы, всѣ молодые, всѣ румяные, всѣ въ мундирахъ желто-сѣраго цвѣта, толпились на палубѣ, и офицеры строили ихъ въ ряды. Легеннекъ покраснѣлъ и остался стоять на вахтѣ.

Пароходъ накренился направо, и, пока матросы спускали шлюпки, казалось, что онъ неизбежно перевернется, какъ скорлупа. Но онъ не перевернулся. Что было потомъ, Легеннекъ помнилъ плохо. Онъ не покидалъ своей вахты на бакѣ, и только когда раздался второй, еще болѣе гулкій и сильный взрывъ, взорвались котлы, — онъ бросился въ воду. Летѣлъ онъ долго, внизъ головой, и, какъ только волны сомкнулись надъ нимъ, сталъ выгребать поочередно руками: вверху правой и потомъ снова вверху лѣвой. Выгребалъ онъ съ усиліемъ и выплыть, когда у него уже сдавило въ груди и захватило дыханіе. Вы-

У Вердена. Привязной воздушный шаръ сорвало бурей съ канатовъ. Пилотъ, лейтенантъ Б., бросился внизъ съ парашютомъ и благополучно опустился на землю.

плывъ, онъ осмотрѣлся. Пароходъ еще не пошелъ ко дну, но было ясно, что онъ потонетъ черезъ минуту. Сообразивъ это, Легеннекъ поторопился отплыть: онъ боялся, что его закружитъ водоворотъ.

Легеннекъ былъ хороший пловецъ, но плыть было трудно. Съ парохода волны не казались большими, но здѣсь, въ морѣ, онѣ вырастали въ высокія горы, и приходилось сперва взбираться наверхъ, а потомъ стремительно падать внизъ. Сначала Легеннекъ не видѣлъ кругомъ себя ни людей ни обломковъ. Онъ видѣлъ только бѣлые гребни и плылъ, самъ не зная куда. Потомъ онъ замѣтилъ, что кругомъ плывутъ люди. Онъ замѣтилъ также крышу подводной лодки и на ней трюнкъ моряковъ. Они были такъ близко, что были видны ихъ лица, и Легеннекъ понялъ, что они не желаютъ спасать никого. Рядомъ съ нимъ плыла австралийскій солдатъ. На немъ былъ спасательный поясъ, и онъ всей грудью выплывалъ изъ воды. Въ разстояніи метровъ 50 качалась восьмивесельная шлюпка. Легеннекъ увидѣлъ въ ней двухъ своихъ пріятелей, матросовъ Карадека и Легоффика, и человекъ шесть англичанъ. Мѣста въ шлюпкѣ было еще довольно, и онъ, перегоняя солдата, попыталъ сажанями и схватился за бортъ. Одинъ изъ англичанъ протянулъ ему руку и помогъ вѣзть.

Со шлюпки было все видно. „Лотарингія“ уже не было на водѣ, и подводная лодка быстро уходила на западъ. Всюду въ синихъ волнахъ видѣлись головы, руки и плечи. Было такъ много обломковъ: досокъ, столовъ и стульевъ. Легеннекъ взялъ весло и усердно началъ грести.

Къ шлюпкѣ подплывали солдаты, и скоро она наполнилась до краевъ. Она была рассчитана на 22 человекъ, а въ ней спасалось уже болѣе 30. Она сидѣла очень глубоко, и каждая волна грозила ее потопить. Изъ-за темноты грести было почти невозможно, но Легеннекъ все-таки грѣбъ и говорилъ по-французски солдатамъ:

— Это ничего... Это ничего... Наша госпожа, святая Анна, помидуетъ насъ!

Ему не было страшно потому, что онъ былъ не одинъ, а съ земляками — съ Карадекомъ и Легоффикомъ. Кроме того, онъ помнилъ, что онъ морякъ, матросъ французскаго флота, что его обязанность помогать пассажирамъ, и что англичане — союзники и друзья, а значитъ, имъ надо помогать еще больше, чѣмъ кому бы то ни было. Кругомъ все еще барахтались люди. Одинъ австралиецъ, остриженный подъ гребенку мальчишкѣ, съ гонимыми испуганными глазами, отдуваясь, доплывалъ до шлюпки и протянулъ уже руку. Но англійскій солдатъ, сидѣвшій около Легеннека, ударилъ его весломъ по плечу. Австралиецъ нырнулъ, потомъ вынырнулъ въ двухъ шагахъ и умоляюще посмотрѣлъ на солдата. И тогда Легеннекъ неожиданно вспомнилъ, чему его училъ капитанъ, господинъ Сулье. Капитанъ, господинъ Сулье, неоднократно внушалъ командѣ, что на морѣ морякъ долженъ уступать мѣсто солдату, и что этого требуетъ военная честь. Вспомнивъ объ этомъ, Легеннекъ нагнувшись на шею образокъ св. Анны и всталъ. Шлюпка качнулась. Тотъ англичанинъ, который ударилъ австралийца весломъ, схватилъ его за рукавъ. Но Легеннекъ вырвался и, держа въ рукахъ серебряный образокъ, прыгнулъ внизъ, въ воду. Онъ обернулся и увидѣлъ черезъ плечо, что австралиецъ вѣзаетъ въ лодку. Въ водѣ стало страшно. Легеннекъ на минуту зажмурилъ глаза, а когда ихъ раскрылъ, то замѣтилъ сломанный бушпритъ. Онъ доплывъ до него и сѣлъ на толстый конецъ верхомъ. Ему было холодно. Волны заливали его съ головой.

Къ вечеру, когда зажигались первыя звѣзды, его подобралъ миноносецъ. Взойдя на палубу, Легеннекъ попросилъ большой стаканъ рому и потомъ долго отогрѣвался въ каютѣ. Утромъ командиръ миноносца разспросилъ его о томъ, что случилось. И когда онъ разсказалъ, что бросился въ воду со шляпки, командиръ улыбулся въ усы:

— Почему вы сдѣлали это?

Легеннекъ, припоминая уроки своего капитана, господина Сулье, отвѣтилъ:

— Въ морѣ матросы должны уступать свое мѣсто солдатамъ.

А про себя подумалъ:

„Ибо наша госпожа, святая Анна, покровительница бретонцевъ, если захочетъ, все равно помилуется насъ“.

Защитникъ Вердена.

Въ первые дни великой верденской эпопеи французская оборона не отличалась той строгой обдуманностью, спокойной энергией и въ то же время быстрой соображенія и находчивостью въ неожиданные, критическіе моменты, которые къ этому клочку приковываютъ удивленные взоры всего міра и день за днемъ истощаютъ силы наступающихъ полчищъ. Скорѣе даже была замѣтна нѣкоторая растерянность: не всегда своевременныя или удачно согласованныя отступленія и контръ-атаки, безъ положительной нужды оставленныя позиціи, жертвы людьми, которыхъ можно было бы избѣгнуть. Но это опасное состояніе длилось не долго. Генералиссимусъ Жоффръ послалъ на смѣну крѣпостного коменданта того, кто на страницахъ исторіи будетъ вѣчно жить подъ простымъ, славнымъ названіемъ „защитника Вердена“.

Замѣчательно, что генералъ Петэнъ (Petain) до своего назначенія въ Верденъ не пользовался особенной извѣстностью. Въ началѣ войны онъ былъ просто пѣхотнымъ полковникомъ. Какъ только онъ занялъ новое, видное мѣсто и сразу сталъ отличаться на немъ своими выдающимися качествами, про него, какъ про всякую внезапно выдвинувшуюся, дотолдъ мало замѣтную личность, пошли всевозможныя суды и пересуды и нелѣпѣйшіе толки, съ приплетенными къ нимъ легендарными анекдотами объ его эксцентричностяхъ, въ родѣ того, будто онъ каждое утро, нагощацъ, вмѣсто гимнастики, упражняется въ дѣтской игрѣ прыганія черезъ веревку, или въ прогулкахъ бѣгомъ въ проливной дождь, а въ вѣдѣ такой аскетъ, что никогда безъ вѣсовъ не садится за столъ, чтобы не съѣсть какъ-нибудь лишняго противъ положеннаго числа унцій хлѣба или мяса.

Военному корреспонденту одного большого американскаго еженедѣльника мы обязаны интересными и, во всякомъ случаѣ, достоверными подробностями объ этой не менѣе самого Жоффра интересной личности. Свѣдѣнія свои американецъ получилъ изъ первоисточника — отъ знакомаго офицера, оказавшагося приближеннымъ генерала. Офицеръ прежде всего заявилъ пріятелю, что во всѣхъ этихъ розсказняхъ нѣтъ ни слова правды. „Я живу вмѣстѣ съ нимъ четвертый годъ и могу васъ увѣрить, что никакихъ чудачествъ за нимъ не водится. Онъ не атлетъ и не аскетъ, а просто необычайно уравновѣшенный человекъ, сдѣлавшій изъ себя то, къ чему смолоту неизмѣнно стремился: безукоризненнаго военачальника“. За своимъ физическимъ состояніемъ онъ дѣйствительно наблюдаетъ настолько, чтобы тѣло его во всякую минуту и при всякихъ условіяхъ могло исполнить всѣ предъявляемыя ему нелегкія требованія, и съ такимъ успѣхомъ, что онъ кажется много моложе своихъ лѣтъ. Ему въ апрѣлѣ исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. Его лозунгъ: быть всегда на все готовымъ. Все въ себѣ и въ своей жизни онъ подчиняетъ избранному имъ

призванію. Этимъ, вѣроятно, объясняется то, что онъ не женился. Преданность своему дѣлу доходитъ у него до манія. „Сколько разъ, — разсказывалъ американцу его пріятель, — онъ говорилъ намъ, что офицеръ обязанъ ни о чемъ не думать, какъ только о сраженіяхъ, и даже во снѣ видѣть одни сраженія! Онъ мнѣ самъ сказалъ, что-то мелочей изучилъ больше пятисотъ тактическихъ и стратегическихъ операцій, и мнѣ совѣтовалъ сдѣлать то же. Онъ большой поклонникъ японскаго *бушидо*, — своа законовъ чести самураевъ, и это сильно повлияло на его развитіе. Онъ постоянно твердилъ намъ, чтобы мы не санишкомъ хлопотали объ ученіи и формулахъ командованія, а прежде всего старались совершенствовать себя въ тактикѣ и внушали людямъ три вещи: терпѣніе, упорство, самопожертвованіе. „Войска становятся непобѣдимыми, говаривалъ онъ намъ, — если заранѣе приготовились жертвовать собой, но съ рѣшимостью заставить врага поплатиться за эту жертву какой только возможно дорогой цѣной“. Этотъ принципъ онъ блестящимъ образомъ проводитъ въ Верденѣ. Онъ постоянно старается объ уменьшеніи вѣса ранца, въ видахъ не столько облегченія солдата, сколько ускоренія движеній пѣхоты. Быстроту передвиженій онъ считаетъ однимъ изъ главныхъ условий успѣха. Офицерамъ онъ твердилъ: „у васъ есть лошадь не для того, чтобы на ней сидѣть и отдыхать. Вы должны использовать ее. Отбѣзжайте иногда подальше впередъ отъ своихъ людей; это — своего рода развѣдка“.

Какъ всякій цѣльный характеръ съ жельзной волей и непоколебимыми убѣжденіями, генералъ Петэнъ пріобрѣлъ немало враговъ. Это и понятно, разъ онъ увѣренъ, что всегда правъ въ своихъ мнѣніяхъ, а противники его неправы, и не считаетъ нужнымъ скрывать эту увѣренность. Политикановъ онъ терпитъ; къ стоящимъ выше его чиномъ и къ своимъ прямымъ начальникамъ онъ относится корректно, и только. Онъ ненавидитъ все, что походитъ на заискиваніе, и потому питаетъ преувеличенное отвращеніе ко всему, что, по его мнѣнію, смахиваетъ на рекламу. Этимъ отчасти объясняется его сравнительная неизвѣстность вплоть до его назначенія въ Верденъ. Онъ никогда не искалъ повышенія или даже случая отличиться, а скромно и усердно несъ столь скучную для многихъ гарнизонную службу. Ему она не казалась скучною; онъ признавалъ ея необходимость и видѣлъ въ ней могучее воспитательное средство. Въ то время, какъ одни офицеры увлекались показною ея стороною, — муштровкой, блескомъ мундира, празднествами, пріемами, и проч., а другіе погружались въ праздную жизнь, Петэнъ занимался однимъ: тренировкой своихъ офицеровъ, людей и самого себя. Онъ читалъ лекціи въ „Военной школѣ“ (*Ecole de guerre*); но, какъ ни уговари-

Въ Верденѣ. Въ церкви. Во время бомбардировки голова святого, отбитая снарядомъ отъ карниза, была вдавлена силою взрыва въ стѣну и такъ увѣковѣчена смѣльчакомъ-фотографомъ, рѣшившимся проникнуть въ Верденъ.

На Верденскомъ фронтѣ.

Автомобильный транспортъ, доставляющій солдатъ, снаряды и припасы. Эти транспорты тянутся непрерывной вереницей на цѣлые километры.

вали его издать ихъ отдѣльной книгой, онъ отвѣчалъ одно: „Къ чему?“ (*A quoi bon?*), и такъ и не согласился. Тогда враги его распустили инсинуацію, будто онъ для того ревниво оберегаетъ свои идеи, чтобы ими не воспользовались другіе. Когда же за эти самыя лекціи Фердинандъ, царь болгарскій (задолго до войны), пожаловалъ ему орденъ, онъ преспокойно положилъ его въ карманъ и никогда не носилъ. Ни разу съ начала войны онъ не позволилъ снять съ себя фотографію. Отвращеніе къ гласности доходитъ у него до того, что онъ просилъ военнаго цензора не пропускать его имени въ официальныхъ отчетахъ. Верденъ, конечно, сдѣлалъ эту просьбу окончательно неисполнимою.

При всемъ томъ, было бы ошибкой считать его нелюдимымъ человѣкомъ. Онъ не удаляется отъ общества, такъ какъ онъ далеко не довольствуется однимъ профессиональнымъ чтеніемъ, а, по словамъ повѣствующаго о немъ офицера, „поглощаетъ“ всякаго рода литературу, и, обладая еще даромъ слова, онъ является блестящимъ собесѣдникомъ. Какъ могутъ засвидѣтельствовать многіе изъ насъ, подъ его вѣшной холодностью кроется теплое сердце. Но между нимъ и его офицерами, понятно, проведена черта. Онъ не скупились на приглашенія къ обѣду, любезенъ, привѣтливъ, но, когда настанетъ время, дисциплина дисциплиной. Говорятъ, будто Петэнъ рассказываетъ между своими солдатами и разговариваетъ съ ними. Вздоръ. Это противно всѣмъ его правиламъ. Онъ обращается къ своимъ офицерамъ и на нихъ возлагаетъ всю отвѣтственность“.

Когда вспыхнула война, Петэнъ былъ „готовъ“. Онъ получилъ бригаду въ первомъ армейскомъ корпусѣ, а передъ самой битвой у Марны былъ произведенъ въ генералы; ему дали дивизію и послали его собирать остатки третьяго корпуса, сильно пострадавшаго и пришедшаго въ разстройство при отступленіи,

О томъ, какъ онъ исполнилъ это трудное порученіе, свидѣтельствуетъ приказъ по арміи 21-го сентября 1914 г.

„Петэнъ, генералъ, командующій шестой пѣхотной дивизіей своимъ примѣромъ, упорствомъ, спокойствіемъ подъ огнемъ, непрерывной предусмотрительностью, неизмѣннымъ вмѣшательствомъ въ должную минуту, въ теченіе четырнадцатидневныхъ неустанныхъ боевъ, воодушевилъ свою дивизію на великолѣпный подвигъ, день и ночь отбивая повторныя атаки, и, въ четырнадцатый день, несмотря на свои потери, отразилъ конечную, сильнѣйшую атаку“.

Послѣ этого Петэнъ получилъ уже корпусъ, съ прибавленіемъ еще полкорпуса мароккскихъ войскъ и съ порученіемъ взять позицію Каранси и прорвать германскій фронтъ. Въ укрѣпленіи этой позиціи нѣмцы превзошли сами себя и были увѣрены въ невозможности взять ее. Между тѣмъ французское высшее командованіе положило Петэну срокъ три дня. Къ этой операціи онъ сдѣлалъ тщательнѣйшія приготовленія; самъ обошелъ передніе окопы, лично совѣщался съ высшими офицерами и до мельчайшихъ подробностей указывалъ каждому, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, внушая имъ одно изъ любимыхъ своихъ правилъ: „Никогда не наступайте слѣпо: всегда имѣйте въ виду какую-нибудь опредѣленную цѣль“. Когда онъ наконецъ бросилъ свои войска въ атаку, они всего въ три часа взяли Каранси и прорвали германскій фронтъ! Этимъ удачнымъ ударомъ онъ удивилъ французовъ не менѣе, чѣмъ нѣмцевъ.

3. Рагозина

Защитникамъ Вердена.

Великая Франція! Крылья свои
Въ безсмертный, могучій полетъ устремляя,
Опять ты парнишь въ недоступной выси,
Крылами своими Верденъ прикрывая.
Тѣ крылья надежны, давно ихъ плели
Оранныхъ дѣтей твоихъ стойкости и силы.
Тѣ крылья есть гордость Французской земли,
Тѣ крылья—тѣстоновъ могила.
Пусть лижетъ Вердена гранитъ непокорный
Голодная, злая Берлина волна,
Чѣмъ злѣе, упорнѣе патискъ позорный,
Тѣмъ въ прахъ разлетится скорѣе она.
Три мѣсяца съ лишкомъ жельзною силой
Не сдвинуть твердыни стальной пьедесталъ,

Такъ будь же, Верденъ, ты другою могилой
Тому, кто подъ Марной одну отыскалъ.
И пусть на руинахъ жельза и стали
Воскреснетъ свободы незыблемый храмъ,
И наквѣ рыданій, тоски и печали
Развѣетъ по вѣтру любви онѣмамъ...
Примите же, Вердена орлиныя дѣти,
Отъ русскаго сердца глубокій поклонъ
За то, что не нужны вамъ рабскія сѣти,
Что крыльямъ не страшень нѣмецкій полонъ.
А тѣмъ, что легли и которые лягутъ
Подъ сѣнью родимыхъ непопранныхъ стѣнъ,
Вѣнокъ имъ изъ пѣсенъ,—пусть пѣсни тѣ скажутъ:
«Они защищали когда-то Верденъ!»

М. З.

Редакторъ-издатель. Л. Ф. Марксъ.

Библиотека "Руниверс"

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 29

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 16-го июля 1916 г

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку неиздѣланъ въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 27. Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НОВЫЯ КНИГИ ДЛЯ ВСѢХЪ. 1) Къ призыву на воен. службу. Содер.: нов. правила о ратникахъ, бѣлобл. и студентахъ. Пенсіи и пособія. Какъ поступ. въ прапорщ. на волюноопредѣляющагося. Полное собр. книгъ для быстрой краткосрочной подготовки на волюноопред., ц. 5 р. 75 к. 2) Къ экзамену на волюноопредѣляющагося. Полное собр. книгъ для быстрой краткосрочной подготовки на волюноопред., ц. 5 р. 75 к. 3) Къ экзамену на чинъ. Полн. собр. книгъ для самоподготовки на клас. чинъ, ц. 6 р. 25 к. 4) Электричество для всѣхъ. Полн. курсъ для самоподготовки на электротехника ц. 6 р. 30 к., кратк. курсъ — 2 р. 25 к. 5) Какъ сдѣлаться шоферомъ? Полн. и подробн. курсъ п. 6 р. 75 коп., краткій курсъ—1 р. 6) Какъ сдѣлаться частнымъ повѣреннымъ, (обр. ценза не треб.), всѣ книги для самоподготовки, ц. 3 р. 25 к., краткій курсъ—1 р. 85 к., 7) Бухгалтерія для всѣхъ — единственная полезная книга для всѣхъ, кто хочетъ стать бухгалтеромъ или коммерч. кор. Полн. курсъ, ц. 3 р. 50 к., краткій—1 р. 55 к. 8) Чтѣ нужно знать приказчику или конторщику, чтобы улучшить свое положеніе, книга въ 4 част., ц. 1 р. 55 к. 9) „Я самъ хозяинъ“—советы и указанія, какъ создать себѣ доходное дѣло безъ затраты капитала, ц. 2 р. 75 к. 10) „Побочные заработки“—сов. и указ., какъ созд. себѣ побочн. зар., ц. 1 р. 25 к. 11) Какъ поступить на казен. службу, почту, жел. д., тел. и пр., руководство, ц. 1 р. 25 к. 12) Газетная корреспонденція—общедост. курсъ для лицъ, желающихъ корреспонд. въ газеты (за плату) изъ селъ, деревъ или городовъ, ц. 1 р. 55 к. 13) Полн. курсъ каллиграфіи, прекрасно и быстро исправляющій самый дурн. почеркъ, ц. 1 р. 15 к. 14) Домостроеніе. Руководство, какъ построить недорогое и быстро дѣло, амбаръ, конюшню и пр., ц. 2 р. 15) „Берегите животныхъ“. Руководство, какъ беречь, разводить и дѣлать лошадей, коровъ, кроликовъ, овецъ и т. д., ц. 1 р. 85 к. 16) Садъ и огородъ, какъ увеличить доходность садовъ и огородовъ, ц. 1 р. 40 к. 17) Самоучитель ремеселъ и производства: мыловареніе, ц. 1 р. 25 к., столярное дѣло, ц. 70 к., производство краски, масла, лаковъ, мазей и ваксъ, ц. 1 р. 15 к., переплетное дѣло, ц. 80 к., паяніе и луженіе, ц. 80 к., выдѣлка кожъ, ц. 75 к., чепухов. дѣло, ц. 1 р. 45 к. 18) Какъ изготовлять безалког. вина и напитки домашн. путемъ, ц. 1 р. 5 к. 19) Самоучитель языковъ,—англійск.—1 р. 50 к., французск.—85 к., латинск.—1 р. 45 к., нѣмецкій—90 к. 20) Стенографія, самый полный курсъ, ц. 2 р. 50 к. 21) Служба въ полиціи, руководство въ самоподготовкѣ на окол. надз. или прист., ц. 4 р. 25 к. 22) „Я самъ юристъ“. Руководство для составл. прошеній и жалобъ на Высочайш. ния, шир. и окр. судъ, по юмск. дѣл. и др., ц. 1 р. 45 к. 23) Книга для женщинъ: уходъ за волосами, ц. 80 к., уходъ за мал. дѣтми, ц. 75 к., косметика женщ. и реб., ц. 80 к., какъ сохранить молодость, здоровье, красоту, ц. 90 к., домашній врачъ, ц. 75 к. 24) Полн. курсъ кройки, шитья и рукодѣлій, ц. 2 р. 85 к. 25) Шейте сами обувь Книга, заочно обучающая, какъ самому шить сапоги, башмаки, туфли, чинить обувь, ц. 1 р. 85 к. 26) Дешевый столъ. Сборникъ рецептовъ, какъ готовить дешево, вкусно всевозм. блюда, ц. 1 р. 75 к. 27) Книжки для развлеченій: Хиромантія, ц. 1 р. 15 к., магія и волшебство, ц. 95 к., новѣйш. фокусникъ, ц. 90 к., полн. толкователь оновъ, ц. 85 к., орacula-пророчдатель, ц. 95 к. 28) Семейная бібліотека, 10 лучш. романовъ совр. исат.—4 р., 20 кн.—7 р. 50 к. Всѣ книги высила. только по почте, задатка въ размѣрѣ одной трети стоимости: (можно марки и купоны). Требования адресовать: Москва, Б. Гибзниковскій, 10/Б, редакція „Новый Журналь“.

ДЛЯ
ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ
простуды, насморка
АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ
PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)

КАЖДАЯ КОРОБКА СНАБЖЕНА
красной бандеролью и именемъ
VALDA
ПОЛУЧАТЬ МОЖНО
во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ
магазинахъ.

Цѣна
1 рубль.
H. Canonne, Paris.

НОВИЧКИ ДЛЯ Ф-НО ВЪ 2 РУКИ!
ПѢСНИ РОДИНЫ. Понури изъ русск. народн. пѣсенъ — 1 руб.
ПРАЗДНИКЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. Понури изъ русск. пѣсенъ — 1 руб.
Сост. А. Красносельскій.
Каталоги и списки собств. изд. — безплатно.
П. ЮРГЕНСОНЪ
Москва, Неглинный пр., 14. 4114

УТРИ,
принци, шаровъ, выгдѣ. и жемч. патла учничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли моимъ безвредн. домашнимъ средств. Большой флаконъ, съ настала, хватаящ. на все время, высылкаю немедл. наложен. плат. за 2 р. 25 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прому въратить, оно ИСКРЕННО в ЧЕСТВО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93. 4187 Марія Егоровна Чурбанова. 4-2

БУХГАЛТЕРІЯ
в коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя время. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Леготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

для
**ЦВѢТА
ЛИЦА**
ПРЕВОСХОДНЫЙ

освѣжающій кожу
элегантный кремъ
Дермозонъ
Дра Антона Мейеръ
им. отъ очаровательнаго аромата
цвѣтущихъ розъ. Онъ выводитъ
гордость женщитъ, желающихъ
сохранить свой молодой видъ.
Дермозонъ продается во всѣхъ
аптекахъ, въ банкахъ по 30
граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ
быстро, если предвзятельно
обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ
Т-ва Стольбергъ и К^о.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

1 внутренней 5% сь выигр. Заемъ Гос. Банка 1864 г.

103 тиражъ 1-го июля 1916 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 1-го внутренняго 5% сь выигрышами займа 1864 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, сь № 1 по № 50 включительно).

19	650	1411	1978	2585	3256	3893	4560	5245	6009	6460	7303	8406	9184	9609	10344	11077	11596	12138	12531	12829	13976	14642	15229	16318	17049	18031	18444	19415	19928
73	657	1430	1980	2601	3305	3902	4577	5294	6024	6541	7314	8482	9187	9680	10441	11089	11751	12146	12537	12914	14037	14664	15376	16399	17088	18051	18478	19434	19950
222	661	1491	2018	2796	3367	3943	4661	5304	6071	6617	7418	8493	9229	9816	10481	11106	11755	12157	12565	13019	14097	14718	15442	16436	17102	18088	18495	19478	
3:5	809	1801	2083	2808	3484	4087	4886	5532	6078	6898	7596	8502	9240	9819	10591	11114	11769	12172	12575	13143	14142	14783	15481	16541	17424	18207	18790	19538	
329	875	1808	2182	3027	3498	4146	4746	5541	6168	6705	7617	8575	9550	10020	10845	11153	11805	12242	12621	13268	14145	14816	15569	16594	17432	18275	18933	19688	
340	968	1600	2223	3043	3517	4240	4790	5623	6182	6917	7633	8760	9507	10048	10868	11270	11920	12273	12826	13649	14191	14855	15582	16788	17526	18310	19123	19686	
403	988	1730	2320	3094	3552	4296	4825	5741	6284	7116	7669	8783	9567	10048	10867	11274	11944	12286	12861	13661	14257	14891	15712	16819	17549	18314	19141	19695	
461	991	1873	2360	3085	3640	4334	4863	5798	6351	7182	7680	8946	9897	10149	10765	11290	11951	12309	12678	13719	14280	15044	15736	16824	17607	18334	19266	19727	
467	1096	1890	2391	3102	3644	4344	4888	5801	6365	7193	7758	8976	9439	10169	10775	11428	11973	12325	12709	13815	14344	15066	16010	17839	18335	19303	19804		
572	1108	1922	2456	3191	3745	4378	4929	5917	6383	7248	7822	9031	9505	10221	10842	11495	12066	12389	12739	13837	14550	15117	16096	16857	17928	18336	19381	19898	
573	1272	1940	2461	3218	3771	4465	5072	5929	6412	7252	8159	9083	9567	10245	10862	11525	12039	12479	12767	13846	14570	15175	16166	16987	18010	18366	19395	19909	
607	1339	1944	2532	3219	3860	4541	5187	5955	6448	7300	8287	9088	9568	10275	11029	11562	12062	12465	12864	13873	14608	15206	16262	16966	18027	18443	19401	19919	

Всего 350 серій, составляющихъ 17.500 билетовъ, на сумму 2.537.500 рублей.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцечіенія и одышки, нврастєніа и нервныя заболѣванія, половое бєсиліе, старческая дряхлость, истощеніе

и худосочіе сь успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬНІС ВЪЯ
ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

СЛАБЫМЪ и НЕРВНЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ

Я ВЫСЫЛАЮ ДАРОМЪ ПРОБУ ПИТАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА АЛЬБУКОЛА,

рекомендуемаго какъ укрѣпляющее и питательное средство при истощеніи и ослабленіи организма. По произведеннымъ химическимъ изслѣдованіямъ питательное средство „АЛЬБУКОЛА“ содержитъ въ себѣ бѣлковыя вещества, фосфорно-кислыя соли **натрія, кальція и желѣза**—элементы, дѣйствующіе благоприятно при истощеніи и укрѣпляющіе разслабленный организмъ.

Пробную дозу препарата „АЛЬБУКОЛА“ я высылаю совершенно даромъ каждой женщинѣ, сообщившей свое имя, отчество и фамилію, а также свой точный адресъ.

РИТА НЕЛЬСОНЪ. Москва, Фуркасовскій пер. 6. Отд. 22. Т.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ

владѣлецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныя знанія.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій поступить на службу въ какую-либо контору, банкъ, крупный магазинъ и т. д., долженъ пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящіеся на рождѣнствѣ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное положеніе, если досрочно свой доступъ на изученіе коммерческихъ наукъ.

Снабдитеесь съ нашимъ методомъ **заочнаго обученія бухгалтеріи, коммерч. арифметики, коммерч. корреспонденціи, товаровѣдѣнія, техники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій** и многого иного, необходимаго каждому коммерсанту, при помощи изданія вашего „АКАДЕМІИ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“.

Краткій проспектъ безплатно. Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44-62.

КУРСЫ ПОЖАРНЫХЪ ТЕХНИКОВЪ

(Школа брандмейстеровъ)

Петроградскаго городского обществ. управленія.

(Петроградъ, Лиговская ул., № 151, тел. 1-41 и 443-00).
На Курсы принимаются по уставу молодые люди не моложе 18 лѣтъ отъ роду, окончившіе учебное заведеніе не ниже городского училища по положенію 1872 г., при чемъ можетъ быть назначенъ повѣрочный экзаменъ. Окончившіе среднія техническія и общепромышленныя учебныя заведенія отдаются предпочтенію, и таковыя принимаются безъ экзаменъ. Привычнымъ испрашивается отсрочка по военной повинности; учащіеся зачисляются въ Общественную пожарную команду при Курсахъ. Полный курсъ обученія проходитъ въ два года. Плата за ученіе, учебныя пособия и содержаніе на полнѣмъ пансіонѣ 400 руб. въ годъ. Стипендіи предоставляются городскими и земскими общественными управленіями, страховыми обществами и пр. Приемъ на Курсы и вступиельные повѣрочные экзамены производятся въ концѣ августа. Променія подаются на имя Попечительнаго Совѣта (Петроградъ, Лиговская, 151), съ приложеніемъ слѣдующихъ документовъ: 1) Свидѣтельство объ образованіи, 2) Свидѣтельство о припискѣ въ примычному участку и 3) Метрическое свидѣтельство. Окончившіе Курсы получаютъ званіе пожарнаго техника и получаютъ мѣста брандмейстеровъ и инструкторовъ противопожарнаго дѣла, на первоначальныя оклады до 1.200 руб. въ годъ. На указанныя мѣста могутъ быть рекомендованы соответственныя лица.

При Курсахъ состоитъ Техническій Совѣтъ, въ составъ котораго входятъ гг. преподаватели Курсовъ, профессора въ нихъ учебныхъ заведеній и др. специалисты въ области пожарно-ст. ахового дѣла. Техническій Совѣтъ даетъ отзывы, заключенія, справки и проч. по а и го рода вопросамъ въ области борьбы съ огнемъ.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

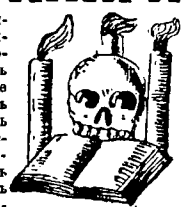
Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выпустить книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особыя знанія и спеціальной подготовки. Заняться любимымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цена съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/12.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить свѣтъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать нитку стекломъ. Получить облако въ комнатѣ. Взявъ голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратятъ желѣзныи прутья въ свѣчу. Зажечь сухія дрова водой—и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Но вѣдьше полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ 300. Цена съ пересылкой нѣлож. платеж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съезжинская ул., № 40, въ редакцію журнала „Отлики Жизни“.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Борьба съ продовольственными затрудненіями.

(Вопросы внутренней жизни).

Война, отнявшая отъ земледѣлія миллионы рабочихъ рукъ и завывшая желѣзныя дороги перевозкою огромныхъ военныхъ грузовъ, хозяйевами, согласно свѣдѣніямъ о недостаткѣ рабочихъ рукъ, чрезвычайно затруднила питаніе населенія. Никогда еще продовольственнымъ отъ сельскихъ общинъ.

Мѣстное населеніе городовъ и мѣстечекъ, женщины, дѣти, старики, не пошедшіе на фронтъ—все были призваны къ работѣ на поляхъ, все оказали посильное содѣйствіе отечеству, если не своею кровью, то своимъ трудовымъ потомъ. На помощь рабочимъ дружинамъ были даже изъ окоповъ отпущены отряды солдатъ, насколько позволяла угроза неожиданныхъ нападений. Сама армія должна была одновременно бороться на два фронта: и съ нѣмцами и съ возможностью голода внутри страны, — и въ этой двойной борьбѣ сумѣла выйти побѣдительницей. Въ Англии, живущей подвозомъ и владѣющей морскими путями, продовольственный вопросъ рѣшался всего легче, — онъ требовалъ только строгаго пристрастия за торговыми фирмами и недопущенія спекуляцій. Въ наиболѣе затруднительномъ и тяжеломъ положеніи оказалась Германія и отчасти Австрія. Германія въ мирное время пользовалась подвозомъ хлѣба, гусей, яицъ и другихъ пищевыхъ продуктовъ изъ Россіи. Съ началомъ же войны была вынуждена ограничиться только продуктами собственного сельскаго хозяйства да тѣми запасами русскаго зерна, которые успѣла заранѣе собрать въ своихъ амбарахъ.

Бучачъ. Жители на работѣ у своихъ сожженныхъ домовъ.

ственному вопросу не посвящалось такъ много вниманія, никогда еще онъ не разрѣшался съ такими затрудненіями и препятствіями. Во время войны первой заботой государства должно быть вооруженіе могущественныхъ армій на границѣ и поддержка мира и спокойствія внутри страны. Борьба на взаимное истощеніе измѣряетъ продолжительность сопротивленія каждой изъ борющихся сторонъ и способность правительства наладить снабженіе населенія продовольствіемъ, поднять общую производительность пищевыхъ веществъ и разумными мѣрами охранить народъ отъ опасности голодовокъ и недоѣданій. Въ этомъ направленіи и наши союзники и наши враги за два года войны успѣли сдѣлать очень многое. Франція взглянула на своевременную уборку урожая, не какъ на частную работу хозяевъ, но какъ на важнѣйшее государственное дѣло. Французское министерство земледѣлія законтраговало съ первыхъ дней войны въ Италіи, Испаніи и Румыніи всехъ свобод-

Типы Галиціи. Русины за работой.

Деревня Травники, разбитая и сожженная австріяцами при отступленіи.

Такъ какъ она рассчитывала на скорую побѣду и полный разгромъ противниковъ въ три-четыре мѣсяца, то собранные запасы не могли быть особенно значительными. Германскія власти почти съ самаго начала военныхъ дѣйствій были вынуждены ограничить и нормировать народное потребленіе пищевыхъ продуктовъ, ввели выдачу хлѣба по карточкамъ въ минимальныхъ количествахъ на каждого ѣдока и всячески старались развить контрабандный ввозъ продуктовъ изъ Швеціи, Финляндіи, Голландіи и Румыніи, черезъ которую къ нимъ безпрепятственно проходили грузы и нашихъ одесскихъ хлѣбныхъ фирмъ. Еще большихъ результатовъ достигли нѣмцы въ подъемѣ внутренняго производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ, предусмотрительно заставляя все свободныя пространства картофелемъ и овощами, вспахавъ на русскихъ плѣнныхъ пустыющія земли и широко организовавъ добычу азотистыхъ веществъ изъ воздуха съ помощью дрожжевого броженія. Нѣмцы въ этомъ направленіи сдѣлали все, что могли, но, разумѣется, все-таки не могли получить столько хлѣба и пици, сколько имъ нужно, и къ началу

лѣта очутились въ весьма критическомъ положеніи. У насъ, напротивъ, естественные ресурсы для усиленнаго повышенія производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ почти безграничны, но энергія, приложенная къ дѣлу, оказалась очень незначительной. Хотя первый всероссійскій сѣздъ сельскихъ хозяевъ намѣтилъ цѣльный рядъ необходимыхъ мѣръ для поддержанія сельскаго хозяйства, тѣмъ не менѣе только немногіе изъ его пожеланій и совѣтовъ были осуществлены на дѣлѣ. Наше министерство земледѣлія въ значительной мѣрѣ было отвлечено отъ агрикультурныхъ задачъ землеустроительной работой и не успѣвало заботиться о главномъ своемъ дѣлѣ. Немудрено, что въ моментъ тяжелаго кризиса оно оказалось мало подготовленнымъ къ трудной борьбѣ. Оно все-таки успѣло кое-что сдѣлать. Выписало и распредѣлило по земствамъ огородныя сѣмена, которыхъ обошлись хозяевамъ въ 3—4 раза дешевле рыночныхъ цѣнъ, организовало массовую доставку изъ за границы уборочныхъ машинъ, пришедшихъ, правда, съ маленькимъ опозданіемъ, снабдило всѣ сѣверныя губерніи посѣвнымъ картофелемъ изъ Курской и Смоленской губерній и проч. и проч. Для болѣе широкаго развитія его дѣятельности необходимо установленіе болѣе близкой непосредственной связи съ населеніемъ. Оно должно позаботиться о насажденіи въ возможно большемъ количествѣ сельскохозяйственныхъ обществъ въ селахъ и деревняхъ, которыя представляли бы передъ центральнымъ органомъ о сельскохозяйственныхъ нуждахъ населенія. Къ сожалѣнію, при современныхъ порядкахъ открытія сельскохозяйственныхъ обществъ, оно страшно замедляется участіемъ другихъ вѣдомствъ, относящихся къ подобнаго рода начинаніямъ не съ должнымъ сочувствіемъ. Для того, чтобы благополучно справиться съ трудными задачами военнаго времени, министерство земледѣлія должно не переоцѣнивать своихъ собственныхъ ресурсовъ и стать во главѣ пробужденной хозяйственной самостоятельности русскаго народа.

Пѣнные австрийцы. Въ пути.

объединенія. Ораторъ въ мрачныхъ краскахъ рисовалъ печальныя перспективы будущаго экономическаго положенія въ Германіи.

«Какъ бы ни усилились наши экономическія сношенія съ монархіей Габсбургъ», — заявилъ профессоръ Геркнеръ: — они не возмѣстятъ намъ тѣхъ многихъ миллиардовъ, какіе мы потеряли, и не избавятъ насъ никогда отъ необходимости вновь завоевывать потерянные нами мировые рынки, дававшие намъ до 9 миллиардовъ ежегодно. И если намъ даже удастся вновь завоевать эти рынки, мы все-таки не будемъ въ состояніи перенести всѣ страшныя тяготы этой ужасной войны.

«Германія болѣе чѣмъ когда-либо будетъ нуждаться въ приобрѣтеніи на много миллиардовъ иностранныхъ товаровъ, и для уравниванія неблагоприятно для насъ складывающагося торговаго баланса, недостаточны будутъ тѣ товары, какіе мы сможемъ вывезти. Намъ не слѣдуетъ дѣлать себѣ иллюзіи о печальной истинѣ, что мы превращаемся изъ кредитора въ довольно крупнаго должника».

Мина новой конструкціи. Изъ Нью-Йорка сообщаютъ объ изобрѣтеніи мины, управляемой беспроводнымъ телеграфомъ. Это изобрѣтеніе, состоящее въ исключительномъ обладаніи Соединенныхъ Штатовъ, представляетъ собой рядъ динамическихъ машинъ, которому дано названіе «истребителя Гамонда». Миною можно управлять съ берега, съ военнаго судна или воздушнаго судна; начинена она взрывчатымъ веществомъ; вѣсъ — 1 тонна. Мина можетъ идти подъ водой со скоростью 27 миль въ часъ. Она конструирована или какъ миноноска для надводной дѣятельности, или какъ обыкновенная мина для движенія подъ водой. Ею можетъ управлять одинъ человѣкъ при помощи перископа и электрическаго ключа съ суши, или корабля, или съ летательнаго аппарата. Приводится въ движеніе мина бензиной машиной, скорость ея можетъ быть урегулирована. Миноноска можетъ идти со скоростью 50 миль въ часъ, подводная мина — 28 миль въ часъ. Рудь отличается огромной чувствительностью. Если обыкновенная или воздушная волна обнаружена вепрѣтелемъ, то можно немедленно пустить другую волну. Мина можетъ управляться однимъ человекомъ съ берега еще до момента, когда судно будетъ замѣчено съ берега, на разстояніи 28 миль. Если военное судно, въ которое мѣтаютъ, удаляется изъ сферы контрольнаго радиуса, мина можетъ быть подхвачена съ другой контрольной станціи и направлена дальше. Для новаго изобрѣтенія предполагается устроить станціи въ цѣломъ рядѣ пунктовъ: у Панамскаго канала, въ Бостонѣ, Санъ-Франциско, Портландѣ и др. Вдоль побережья Соединенныхъ Штатовъ сооружаются башни, соединяющіяся съ центральными станціями беспроводнаго телеграфа. На каждой изъ башенъ будетъ установленъ постъ для наблюденія. Гамондъ лично управлялъ миной на разстояніи одной мили съ аэроплана при помощи обыкновеннаго аппарата беспроводнаго телеграфа.

Конгрессъ австро-германскихъ промышленныхъ дѣятелей. Въ Мюнхенѣ недавно состоялся конгрессъ всѣхъ германскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ торгово-промышленныхъ союзовъ и обществъ для организаціи экономическаго объединенія всѣхъ этихъ государствъ. На конгрессѣ присутствовало 600 делегатовъ. Здѣсь же находились и три представителя правительства по одному отъ cadaго государства. Первымъ докладчикомъ выступилъ профессоръ Геркнеръ изъ Берлина, рѣчь котораго явилась холоднымъ душемъ для инициаторовъ этого

контрольной станціи и направлена дальше. Для новаго изобрѣтенія предполагается устроить станціи въ цѣломъ рядѣ пунктовъ: у Панамскаго канала, въ Бостонѣ, Санъ-Франциско, Портландѣ и др. Вдоль побережья Соединенныхъ Штатовъ сооружаются башни, соединяющіяся съ центральными станціями беспроводнаго телеграфа. На каждой изъ башенъ будетъ установленъ постъ для наблюденія. Гамондъ лично управлялъ миной на разстояніи одной мили съ аэроплана при помощи обыкновеннаго аппарата беспроводнаго телеграфа.

ВОЛШЕБСТВО И МАГІЯ Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. нал. н.к. 95 к. Адресъ: МОСКВА, ред. журн. «СОКОЛЬ», Печатниковъ пер., д. 18/2.

При ГОНОРРѢ «ТИЗЕРИНЪ» въ острой и хронической формѣ «ТИЗЕРИНЪ» оказываетъ ея приносимыя Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 85 к. Двойного ф. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыдъ пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

ПИСАТЬ
 КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Говядо-Готиль, гатардъ и пр. 208 рис. и черт. въ текстѣ, транспорантъ и тетрадо-держатъ. Новѣйш. самоучит. для испр. и черт. въ короткій срокъ. 1 лѣт. или образ. на конторск. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.
ПРАВОВИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразован., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущимъ, и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго вѣнча. Самоуч. больш. форм. 830 стр. уборн. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля.
СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 страницъ. Цѣна (4) 3 рубля.
СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр. формъ прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.
ТОРГОВО-промышленное законодательство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 страницъ. (+ VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля.
 При посылк. налог. плат. на 25 к. дорож.

(ПИСАТЬ)
 красиво и скоро будете, выписавши «Механическую прописку». Новое изъ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адресъ: Москва, ред. журн. «СОКОЛЬ», отд. 2. (м)

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почеркъ учениковъ. Въ 15 уроковъ изучаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятковъ марокъ высказываю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условий. Одесса. Профес. каллиграф. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

Разрѣш. Киевск. **БУХГАЛТЕРІИ** (существовать учебн. курсъ сѣмилѣтн. съ 1894 г.) скоро и основательно изуч. всякій лично и посредствомъ переписки, вполнѣ самѣ. удобное время. Условія вмс. безплатно. А. П. Бобырь. Киевъ.-Н. Софійская, 5.

ИКОНЫ
 всѣхъ стилей, готовыя и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29. 4071 10-5
 Преис-курanty выснаются безплатно.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ**. для начинающихъ. Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налог. плат. 95 к. Адресъ: Москва, над-студъ «ЛУЧЪ», отд. 2.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНО-МУЧНАЯ ПИЩА
АЛЛЕНБЪРИСЪ
ДІЭТЪ
 РЕКОМЕНДУЕТСЯ незрѣлымъ, слабымъ, истощеннымъ и дѣтямъ. Брошюра № 12 по требованію безплатно. Англійское Агн. О-во «АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ». Москва, Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

ЖИЗНЬ

№ 29. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выдавъ 16 іюля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Купеческая дочь. Повѣсть И. Н. Потанико. (Окончаніе). — Дѣтубійцы. — Маленькая героиня. — Къ великой годовщинѣ. Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго. — Мотоциклетка на войнѣ и въ тылу. Очеркъ М. А. Лятскаго. — Письмо. Стихотвореніе Сергѣя Михѣева. — Объявленія. — Отклики войны. Борьба съ продовольственными затрудненіями. (Вопросы внутренней жизни). РИСУНКИ: Георгіевскій день въ Петроградѣ, 3-го іюля с. г. (2 рис.). — Наше наступленіе на юго-западномъ фронтѣ. Мѣстечко Кошки (3 рис.). Станція Переспа (4 рис.). — Иллюстраціи В. Спасскаго къ повѣсти И. Н. Потанико „Купеческая дочь“. — Похороны дѣтей, убитыхъ германцами во время налета цеппелина на Рэмсгатъ. — Мотоциклетка на войнѣ и въ тылу (7 рис.). — Бучачъ. — Типы Галиціи. — Деревня Травники. — Пѣльные австрійки. Къ этому № прилагается „полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 27.

Георгіевскій день въ Петроградѣ, 3-го іюля с. г.

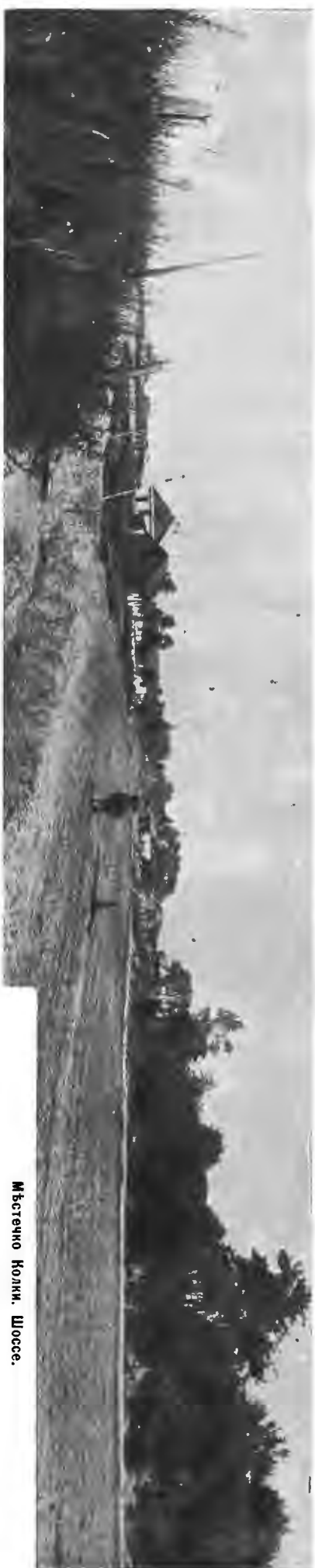
1 Торжество освященія пловучей выставки трофеевъ на Невѣ, у Сенатской площади.

2. Команда георгіевскихъ кавалеровъ, обслуживающихъ выставку. На флагѣ, справа — сестра милосердія Зоя Ѳедоровна Смирнова, заслужившая на фронтѣ Георгіевскій крестъ (подъ именемъ младшаго унтеръ-офицера Евгенія Ѳедоровича Макарова).

Разрушенная деревня за мѣстечкомъ Кошки.

Мѣстечко Кошки. Шоссе.

Мѣстечко Кошки. Церковь.

Наше наступление на юго-западномъ фронтѣ. Луцкъ—Ковель.

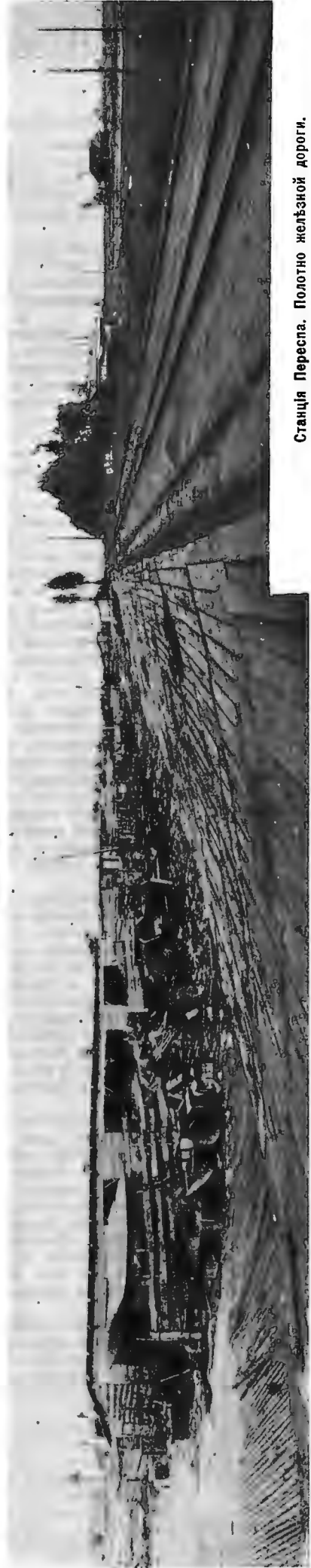
Станція Переспа.

Станція Переспа. Построєний австрійцями госпіталь.

Станція Переспа. Построєне австрійцями здание офіцерського собранія.

Станція Переспа. Полотно жельзної дороги.

Наше наступленіє на юго-западнонь фронтъ. Луцькъ—Новель.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Контръ-наступление нѣмцевъ.

Согласованное наступление союзниковъ со всѣхъ сторонъ на Австро-Германію прежде всего лишило противника возможности предпринять въ теченіе лѣта 1916 года какую-либо крупную наступательную операцію, продолжить тѣ наступленія, которыя онъ велъ къ опредѣленнымъ пунктамъ и цѣлямъ въ 1914 и 1915 годахъ.

Такимъ образомъ противникъ, послѣ двухъ лѣтъ непрерывнаго наступленія, вынужденъ былъ на третій годъ перейти уже къ оборонѣ, и это было первымъ крупнымъ реальнымъ результатомъ согласованныхъ операцій союзниковъ на разныхъ фронтахъ войны.

Однако самая оборона, къ которой пришлось перейти австро-нѣмцамъ, представляла для нихъ значительныя трудности, такъ какъ имъ приходилось обороняться одновременно на трехъ длинныхъ фронтахъ — нашемъ, французскомъ и итальянскомъ, что въ общей сложности давало одинъ непрерывно длинный фронтъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, всякая оборона на длинномъ фронтѣ вообще затруднительна, такъ какъ никогда неизвѣстно, въ какой точкѣ слѣдуетъ ожидать ударъ, почему почти никогда нельзя быть сильнымъ именно тамъ, гдѣ произойдетъ натискъ наступающаго. Пока нѣмцы наступали на этихъ длинныхъ фронтахъ, они могли не только удерживать свое положеніе, но и достигать нѣкоторыхъ успѣховъ, такъ какъ они вынуждали противника испытывать всѣ невыгодныя стороны обороны, т.-е. угадывать, въ какой точкѣ будетъ ударъ и проч.; но какъ только они стали обороняющимися, и притомъ располагающими меньшими силами, чѣмъ союзная коалиція, они неминуемо не могли удержать своего положенія ни на одномъ фронтѣ войны, ибо нигдѣ ихъ силы не оказывались достаточными, а резервы, какъ и при всякой оборонѣ на длинномъ фронтѣ, никогда не успѣвали въ тотъ районъ, гдѣ наносился ударъ наступающимъ.

При такихъ условіяхъ создавалась крайне неблагоприятная для противника лѣтняя кампанія 1916 года, когда резервы его, недостаточные сами по себѣ, должны были еще мотаться съ фронта на фронтъ, поспѣвая къ опаснымъ районамъ лишь въ тотъ моментъ, когда тамъ уже произошелъ прорывъ. Это естественно вынуждало нѣмцевъ примѣнить какіе-либо иные приемы обороны, а именно попытаться самими произвести гдѣ-либо крупное наступленіе съ тѣмъ, чтобы вынудить перейти къ оборонѣ союзниковъ. Такого рода наступленіе нѣмцы попробовали произвести у Вердена, гдѣ однако послѣ долгихъ усилій имъ удалось занять только укрѣпленіе Тюмонъ и батарею Данлу, т.-е. тѣ укрѣпленія, которыя они уже и раньше занимали, но откуда были выбиты французами.

Дальнѣйшая ихъ попытка продвинуться къ Вердену встрѣтила крайне упорное сопротивленіе французовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ непосредственной обороны Вердена, французы вмѣстѣ съ англичанами стали развивать свое дальнѣйшее наступленіе на Перронъ, угрожая нѣмцамъ захватомъ этой крѣпости и важнаго желѣзнодорожнаго и стратегическаго узла на фронтѣ второй германской арміи. Новое наступленіе у Перрона началось съ того, что французы сильнымъ натискомъ заняли деревни Біашъ и Барле, что приблизило ихъ почти на версту къ городской оградѣ Перрона. Въ то же время англичане произвели со своей стороны натискъ и продвинулись нѣсколько далѣе отъ занятой ими при первомъ наступленіи первой оборонительной линіи нѣмцевъ.

Такимъ образомъ на англо-французскомъ фронтѣ создавалось слѣдующее положеніе: нѣмцы, послѣ ряда отчаянныхъ штурмовъ, все-таки оказались въ четырехъ верстахъ отъ Вердена, а французы уже прорвались черезъ третью линію нѣмецкихъ укрѣпленій у Перрона, при чемъ находились на разстояніи отъ города всего лишь одной версты, и въ то же время англичане, — къ сѣверу отъ Перрона, — послѣ ряда упорныхъ боевъ заняли всю первую оборонительную линію нѣмцевъ. Слѣдовательно, у Вердена изъ наступленія нѣмцевъ ничего не вышло, а у Перрона они потеряли очень много, при чемъ имъ уже угрожала потеря самого Перрона, равносильная прорыву на фронтѣ второй германской арміи.

Въ то же время наши войска нанесли противнику новый ударъ въ направленіи на Ковель, гдѣ войска генерала Леша, наступая черезъ Чарторійскъ, произвели третій прорывъ австро-германскаго расположенія, по дорогѣ Сарны — Ковель (первые два прорыва, какъ извѣстно, были сдѣланы въ районѣ Луцка, по дорогѣ Ровно — Ковель, и въ Буковинѣ).

Затѣмъ итальянцы перешли въ наступленіе, при чемъ ихъ натискъ не только вынудилъ австрійцевъ отойти, но и вынудилъ ихъ удержаться на итальянскомъ фронтѣ нѣкоторыя дивизіи, которыя уже сажались въ поѣзда, чтобы ѣхать на нашъ фронтъ.

Наконецъ, на кавказско-персидскомъ фронтѣ, гдѣ турки сосредоточили болѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ силъ Оттоманской имперіи и вели грандіозное наступленіе на Эрзерумъ, а также на путяхъ изъ

Месопотаміи въ Персію наши войска, послѣ 1½-мѣсячной обороны, сами перешли въ наступленіе и нанесли новый ударъ третьей турецкой арміи въ районѣ Эрзерума, а также приостановили наступленіе турокъ на путяхъ въ Месопотамію и Персію. На кавказскомъ фронтѣ наши войска съ боемъ овладѣли городами Мамахатунъ и Байбуртомъ. Городъ Байбуртъ находится на важной шоссеиной дорогѣ между Трапезундомъ и Эрзерумомъ, почему, пока турки владѣли Байбуртомъ, они разъединяли Трапезундскую группу войскъ отъ Эрзерумской и, сверхъ того, имѣли опорный районъ, откуда всегда могли развить обходныя движенія какъ на Трапезундъ, такъ и на Эрзерумъ.

Успѣхъ нашихъ кавказскихъ войскъ прежде всего опрокинулъ грандіозный планъ турокъ, намѣчавшій возвращеніе Эрзерума и дальнѣйшія весьма широкія перспективы, и сверхъ того далъ нашей кавказской арміи выгодный фронтъ Трапезундъ — Байбуртъ — Мамахатунъ — Мупшъ, гдѣ въ тылу проходило шоссе, параллельное фронту, по которому всегда была возможна переброска войскъ изъ одного района въ другой. Третья турецкая армія, невзирая на громадныя силы, собранныя турками, вынуждена была къ полному отступленію на Эрзинджанъ, чѣмъ и закончилась вся новая грандіозная турецко-нѣмецкая затѣя, намѣчавшая возвращеніе Эрзерума.

Такимъ образомъ на четырехъ фронтахъ войны — нашемъ, французскомъ, итальянскомъ и турецкомъ — создавалась для Австро-Германіи въ серединѣ лѣта 1916 года крайне трудная обстановка, гдѣ нѣмцамъ необходимо было принять мѣры одновременно для удержанія своего положенія на всѣхъ этихъ фронтахъ. Въ такомъ положеніи нѣмцы прежде всего рѣшили принять мѣры къ удержанію своего положенія на двухъ главныхъ фронтахъ войны — нашемъ и англо-французскомъ. На нашъ фронтъ къ району Ковеля, отъ котораго наши войска отстояли на разстояніи, примѣрно, около 35 верстъ, противникъ сосредоточилъ значительныя силы, а именно часть войскъ итальянскаго фронта, не менѣе двухъ корпусовъ французскаго фронта, почти всѣ свои войска съ балканскаго фронта и, наконецъ, часть войскъ съ сѣверныхъ участковъ нашего фронта. На французскомъ же фронтѣ нѣмцы сосредоточили въ районѣ наступленія англичанъ до 30 дивизій.

Вслѣдствіе сосредоточенія столь значительныхъ силъ противника на путяхъ къ Ковелю, на послѣднемъ 35-верстномъ разстояніи, которое насъ отдѣляло отъ этого города, здѣсь на рѣкѣ Стоходъ снова завязались упорные бои. Бои эти продолжались свыше недѣли, и въ первыхъ числахъ іюля здѣсь стало обнаруживаться наступленіе нашихъ войскъ съ южной стороны Луцкаго прорыва, т.-е. на путяхъ къ Владиміру-Вольнскому и на пути на Сокаль, откуда идутъ двѣ желѣзныя дороги — на Львовъ и Раву Русскую. Въ то время, когда противникъ сосредоточилъ столь значительныя силы къ Ковелю, нашъ ударъ, какъ мы видимъ, послѣдовалъ въ другомъ районѣ, на путяхъ на Сокаль и Владиміръ-Вольнскій, и здѣсь войска генерала Сахарова въ первый же день боя, 3-го іюля, взяли въ плѣнъ 13.000 человекъ и 30 орудій, изъ которыхъ большая часть тяжелыхъ. Стало очевидно, что мѣры, принятые нѣмцами для обороны района Луцкаго прорыва и вмѣстѣ съ тѣмъ Ковеля и путей въ Западную Галицію, оказываются недостаточными и не могутъ сдержать дальнѣйшаго развитія нашей наступательной операціи на Ковель и въ Галицію.

На англо-французскомъ фронтѣ нѣмцы, сосредоточивъ 30 дивизій, т.-е. до подмилліона войскъ, противъ англичанъ, перешли въ рѣшительное наступленіе.

Имъ дѣйствительно сначала удалось ворваться въ лѣсъ Тронъ и въ лѣсъ Мамецъ, — въ два пункта той первой оборонительной линіи нѣмцевъ, которая при наступленіи англо-французовъ на Перронъ была занята англичанами. Однако, послѣ упорнаго четырехдневнаго сраженія, англичане не только вытѣснили нѣмцевъ изъ этихъ пунктовъ первой оборонительной линіи, но и заняли вторую оборонительную линію нѣмцевъ къ сѣверу отъ Перрона, проникнувъ въ нѣкоторыя пунктахъ даже къ третьей оборонительной линіи. Тогда нѣмцы атаковали французовъ у Перрона и захватили-было селеніе Біашъ, въ верстѣ отъ Перрона, но тотчасъ же были оттуда выбиты.

Такимъ образомъ въ началѣ іюля обозначилось, что первые шаги, предпринятые нѣмцами для того, чтобы приостановить наше наступленіе на Ковель, а французское — на Перронъ, оказались неудачными и нѣсколько не остановили какъ дальнѣйшаго развитія нашего наступленія, такъ и дальнѣйшаго наступленія англо-французовъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, нѣмцы сдѣлали все, что были въ силахъ, для того, чтобы удержать свое положеніе на этихъ главныхъ фронтахъ войны, стянута сюда подкрѣпленія рѣшительно отовсюду, откуда только могли взять, пожертвовавъ для этого своимъ положеніемъ на фронтахъ итальянскомъ, балканскомъ и турецко-азиатскомъ.

Это показываетъ, что противникъ, несмотря на то, что выказалъ наибольшее напряженіе, на какое только былъ способенъ, уже не въ силахъ противостоять натиску союзниковъ.

Купеческая дочь.

Повѣсть И. Н. Потапенко.

Съ иллюстраціями В. Спасскаго.

(Окончаніе).

Послѣ ухода Андрея Людмилѣ неотразимо захотѣлось написать подпоручику, и она сѣла за письмо. Вспомнила, что обѣщала ему цѣлую версту. И слова лились на бумагу, какъ-то сами вырастали одно за другимъ.

«Вы и не знаете, какъ я благодарна вамъ за одинъ день моей жизни, какого никогда раньше не было и больше не будетъ».

И разсказывала ему, что это былъ за день. Всю обстановку своей жизни,—отца, мать, себя самоѣ, свое тупое, нечуткое отношеніе къ жизни, все откровенно и безпощадно описала ему. Пусть читаетъ, пусть знаетъ, какова была «купеческая дочь» до отысканія рокового, потеряннаго кошелька.

И вотъ что произошло въ этотъ день. Полное разрушеніе всего прошлаго. Отецъ и мать не разговариваютъ съ нею. Жениха она отвергла. А какой женихъ былъ, если бы онъ зналъ! Навѣрно, среди его тридцати молодцовъ нѣтъ такого атлета, но зато и нѣтъ такого труса.

Теперь является вопросъ: что будетъ дальше? Въ такихъ случаяхъ дѣвушки обыкновенно обучаются уходу за ранеными, идутъ въ сестры милосердія. Но она не чувствуетъ себя способной теперь, въ этомъ состояніи, обучиться чему бы то ни было. Да и слишкомъ занята собой, своей жизнью, слишкомъ великъ этотъ переломъ, и его надо пережить.

Вотъ если бѣ ей можно было пойти въ развѣдку въ качествѣ тридцати перваго молодца... А что, онъ думаетъ, что она не вынесла бы тяжести похода? Не могла бы четыре дня питаться вѣлбу «зеленымъ кормомъ»? Но она ручается, что е-то не пришлось бы нести на плечахъ.

Женщинъ не знаютъ, относительно ихъ заблуждаются. Онѣ слабы, но въ то же время выносливы. Тамъ, гдѣ мужчина, будучи сильнымъ, падаетъ, женщина, едва передвигая ноги, глетется. Но въ развѣдку ея не возьмутъ, и ея пока нечего дѣлать.

Письмо было готово, но не отослано, когда, наконецъ, Родіонъ Леонтьевичъ рѣшилъ заговорить съ дочерью.

Онъ обѣдалъ дома, и они сидѣли за столомъ трос—онъ, Дарья Авксентьевна и Людмила. Было тягостное молчаніе, точно трое нѣмьхъ или три врага сошлись за однимъ столомъ.

Послѣ обѣда Сермягинъ поднялся и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Людмила думала, что и на этотъ разъ ничего не будетъ. Но онъ позвонилъ оттуда. Къ нему побѣжала горничная, вернулась и сказала:

— Баринъ приказали вамъ, барышня, прійти къ нимъ.

Людмила ни слова не возразила, встала и пошла. Родіонъ Леонтьевичъ сидѣлъ за столомъ. Лицо хмурое, скорѣе злое, чѣмъ сердитое.

— Садись.

Людмила сѣла. Никакого трепета она не ощущала. Знала, что ни въ чемъ не сойдется съ отцомъ, что будутъ грубые упреки, но рѣшила все выслушать и ни въ чемъ не уступить.

— Ты, конечно, понимаешь, что оскандалила меня, какъ нельзя больше...—такъ началъ Родіонъ Леонтьевичъ.—Но я знаю, что подобныя глупыя мысли сама ты выдумать не могла. Такъ вотъ не угодно ли объяснить: кто это внушилъ тебѣ?

— Никто!—отвѣтила Людмила.

— Врешь!—рѣзко произнесъ Сермягинъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

Людмила поднялась и сдѣлала два шага по направленію къ двери.

— Куда это?

— Со мной нельзя такъ говорить, папаша.

— Что? Тебѣ можно бросить отцу въ глаза поддеца, да еще при постороннихъ, а онъ не имѣетъ права сказать тебѣ—врешь? Садись.

— Зачѣмъ вы меня позвали?

— Ты должна сказать, кто научилъ тебя. А если не скажешь, я самъ доберусь до него, и это будетъ хуже.

— Папаша, зачѣмъ вы разстраиваете себя? Что я сказала, то ужъ, все равно, нельзя зачеркнуть. Отчего вы не хотите признать, что я могу думать и чувствовать не такъ, какъ вы?

— Да какъ же это? Съ вѣтру, что ли? Думала такъ, а потомъ—трахъ и иначе? Да развѣ же это бываетъ?

На другой день Иванъ Матвѣевичъ повезъ обѣихъ дѣвушекъ на ту ферму, гдѣ онъ задумалъ устроить санаторію... (стр. 490).

В. Спасскаго.

— А вотъ же Иванъ Матвѣичъ—солидный человекъ, купецъ, думалъ сдѣлаться вашимъ компаньономъ и вдругъ раздумалъ...

— Э, нашла примѣръ! Иванъ Матвѣичъ всегда былъ балаболка сиропная... А ты имѣла твердые взгляды. Ты во всемъ была, какъ я.

— А теперь иначе стало. Что жъ я буду дѣлать? — А вотъ слушай: въ моемъ домѣ такихъ мыслей не должно быть. Это что же? Живутъ подъ одной крышей, кормятся изъ одного кармана, и всѣ врозь? Недостаетъ, чтобы еще Дарья свои мысли имѣла... Да если такъ всѣ будутъ ходить да по-своему высказывать, что же это будетъ? Сегодня ты одного выгоднаго человека отвадила, завтра другого, а тамъ третьяго... Такъ на меня въ купечествѣ будутъ пальцами показывать... Я и говорю, чтобы этихъ никакихъ мыслей не было, чтобы ихъ никто и не слышалъ. Думай ты въ своей комнатѣ, что хочешь, а со мной да при людяхъ и рта не раскрывай. Вотъ тебѣ и весь сказъ. Иди. Постой! А сиди передумаешь, да раскаешься, такъ сейчасъ же Ивану Матвѣичу напиши, что, молъ, сумасшествіе нашло на тебя, а по-настоящему-то все это ерунда. И пускай онъ въ компанію входитъ. И войдетъ. Потому онъ влюбленъ въ тебя. Это видно. Андрея ты отвадила, не бѣда. Иванъ Матвѣичъ тоже не прочь жениться. А это еще лучше, пожалуй... Слышь, Людмила, это я тебѣ говорю, какъ отецъ, невзирая на твою накость, все же любящій... А ты докажи, что умна. Вотъ. Ступай!

Людмила пришла въ свою комнату, вынула изъ ящика письмо и внизу, послѣ подписи, приписала:

«Вышло такъ, что я ѣду въ Новгородъ. Недѣли двѣ, должно-быть, тамъ пробуду. Писать мнѣ можно на мое полное имя, въ домъ купца Велесова на Церковной улицѣ.

«А знакомы мы съ вами не два года, а уже цѣлыхъ десять. Вотъ не знаю только, давно ли подружились, мой милый подпоручикъ».

И сейчасъ же отослала письмо.

VIII.

Рѣшеніе ѣхать въ Новгородъ явилось и въ ту же минуту озрѣло на пути изъ кабинета въ ея комнату. Вдругъ стало совершенно ясно, что съ отцомъ она ужъ никакъ не можетъ ужиться. Что онъ человекъ властный и упорный, она знала и даже цѣнила это въ немъ, но что онъ способенъ наложить печать на ея уста, этого она не предполагала. Въ Новгородѣ же у нея, во всякомъ случаѣ, друзья, съ которыми она можетъ говорить обо всемъ.

И кромѣ того Иванъ Матвѣевичъ, несмотря на проявленную имъ такую неустойчивость, все же человекъ умный, способный вникать и входить въ положеніе другого. Она можетъ теперь говорить съ нимъ вполне откровенно.

Да и гдѣ тутъ тайна, которую было бы неудобно показать людямъ? Развѣ въ самомъ дѣлѣ суть въ кошелькѣ? Въ его потерѣ и отысканіи и даже въ странномъ знакомствѣ съ подпоручикомъ? Суть въ томъ, что жизнь открылась ей со всѣхъ сторонъ. До сихъ поръ же она точно сидѣла въ норкѣ и видѣла только одинъ уголокъ жизни.

На другой день встала пораньше, но отца уже не было дома. Этому она только обрадовалась. Изъ газеты узнала, что ѣхать можно въ двѣнадцать часовъ дня, и это было хорошо. Къ вечеру будетъ тамъ.

Подумала о деньгах—у нея какъ разъ не было никакого запаса. Но тутъ же разрѣшила этотъ вопросъ чрезвычайнo просто. Навишнсь чаю, вышла на улицу, завернула въ молочную лавку купца Сермягина и безъ всякихъ возраженій взяла изъ кассы сто рублей. Этого ей надолго хватить. Затѣмъ поднялась наверхъ и объявила матери, что сегодня уѣзжаетъ въ Новгородъ.

Дарья Авксентьевна подняла исторію.

— Какъ же такъ! Отецъ не знаетъ, безъ его разрѣшенія! Да гдѣ же это видано, чтобы дѣвушка уѣзжала одна въ посторонній городъ, къ чужимъ людямъ?

— Я къ Сонѣ ѣду, мамаша. Она моя подруга и другъ. Вы же сами видите, какъ у насъ тутъ все закружилось... Я и хочу провѣтриться, освѣжиться. Папаша ничего противъ имѣть не будетъ. Онъ даже самъ вчера говорилъ мнѣ, чтобы я написала Ивану Матвѣвичу насчетъ компаньонства. Ну, я, вмѣсто письма, сама ѣду.

Эти доводы окончательно сбили съ толку глуповатую Дарью Авксентьевну. Она теперь не знала, какъ и взглянуть на дѣло. И въ концѣ концовъ, какъ это всегда съ ней бывало, умыла руки.

Будь возможность какъ-нибудь отыскать Родіона Леонтьевича, она бы это сдѣлала и передала бы ему всю отвѣтственность. Но кто же знаетъ, гдѣ онъ теперь рыскаеть?

Людмила уложила необходимыя вещи въ чемоданъ, захватила письма, часовъ въ одинадцать поцѣловалась съ матерью, которая плакала и благословляла ее, Стеша снесла внизъ чемоданъ, взяла извозчика, и Людмила покатила на Николаевскій вокзалъ.

Чувства освобожденія у нея не было: вѣдь она не знала, какъ еще повернется ея судьба. А главное—очень ужъ она сжигалась со своимъ гнѣздомъ, и ей отрываться отъ него было тяжело и жалко, но и оставаться послѣ разговора съ отцомъ было невозможно. Это значило бы показать, что она способна что-то уступить и, пожалуй, вернуться къ прежнему.

Дорога была скучная и тягучая, и тѣмъ пріятнѣе было, пріѣхавъ еще засвѣтло, прямо ворваться въ квартиру Велесовыхъ. Ивана Матвѣвича не было дома, а Соня съ ума сошла съ радости и грозила задушить ее въ своихъ объятіяхъ.

Домъ у Велесовыхъ былъ небольшой, въ одинъ этажъ съ мезониномъ, старойстройки. Внизу было семь комнатъ, а въ мезонинѣ три, ихъ занимала Соня. И, конечно, Людмилу она потащила туда и тамъ устроила. Радость помѣшала ей спросить о причинѣ пріѣзда, и она объ этомъ вспомнила только тогда, когда всѣ вещи изъ чемодана Людмилы были вынуты и развѣшены въ шкапу.

— Ахъ, и говорить грустно,—отвѣтила Людмила,—отецъ потребовалъ, чтобы я или перемѣнила мнѣние или молчала. Первое я не могу, а второе слышнкомъ тяжело. Я взяла да и махнула къ вамъ. Знаю, что не прогоните и молчать не заставите. Будемъ вмѣстѣ думать, что мнѣ дѣлать и куда кинуться. Только не теперь. Теперь я хочу просто быть съ вами.

— Ахъ.. А если бы ты знала, что тутъ Иванъ вздумалъ! Прямо переворотъ какой-то... Одну ферму, самую большую, передѣлываетъ въ санаторію для уставшихъ и выздоравливающихъ воиновъ. Они будутъ тамъ не то, что пить, а прямо купаться въ молокѣ. И это все ты сдѣлала. Онъ сказалъ, что и санаторію назавѣтъ твоимъ именемъ... Вотъ какъ у насъ.

— Батюшки! Такъ мнѣ здѣсь почеть! Ну, теперь я буду высоко держать голову.

Вернувшись домой, Иванъ Матвѣвичъ пріѣхалъ на верхъ привѣтствовать гостью.

— Вы знаете, мнѣ поручилъ отецъ уговорить васъ снова вступить въ компанію,—сказала ему Людмила.

— Неужели? Позвольте же уговорить васъ не уговаривать меня.

— Вы меня ужъ уговорили,—отвѣтила Людмила.

Часовъ въ десять собрались въ столовой внизу. Въ домѣ еще оказалась старая троюродная тетюшка, которая вела все домашнее хозяйство, совсѣмъ простая женщина, даже не умѣвшая читать, но какъ-то необыкновенно выдержанная и по-своему воспитанная.

Держалась со спокойнымъ достоинствомъ, въ разговоръ вступала осторожно и высказывалась только о такихъ предметахъ, въ которыхъ что-нибудь понимала, и потому никогда не говорила глупостей. А если ее втягивали въ разговоръ на тему ей чуждую, она просто заявляла:

— Я, милые, въ этомъ ничего не понимаю.

На другой день Иванъ Матвѣвичъ повезъ обихій дѣвушекъ на ту ферму, гдѣ онъ задумалъ устроить санаторію. Конечно, за нѣсколько дней ничего еще не было сдѣлано. Но горячій порывъ Ивана Матвѣвича уже былъ виденъ во всемъ.

На фермѣ было большое зданіе, которое въ прежнее время, когда здѣсь было еще чья-то усадьба, служило для помѣщичьяго жилья; въ немъ было множество комнатъ, но все это

теперь было запущено и приняло нежилой видъ. Тутъ были склады разныхъ хозяйственныхъ матеріаловъ и орудій, въ нѣкоторыхъ комнатахъ жили постоянныя рабочіе, а мезонинъ занимала завѣдывающій фермой.

Но все это уже было переведено въ другія зданія на изрядномъ разстояніи отъ дома, сосредоточенныя около коровника. Какъ разъ въ это время происходила уборка оставшихся еще вещей.

Пріѣхалъ изъ города заранѣе приглашенный архитекторъ, и Иванъ Матвѣвичъ давалъ ему указанія, какъ нужно переставить стѣны, гдѣ соорудить новыя, чтобы увеличить число комнатъ и въ то же время оставить большія для столовой, читальни, гдѣ устроить ванную и т. п., и умолялъ его сейчасъ же приступить къ работѣ, взявъ сколько-угодно мастеровъ и рабочихъ, чтобы недѣли черезъ три все было готово.

Неподалеку отъ фермы чернѣлъ дѣсъ, а справа раскинулся обширный, еще зеленѣющій дугъ, по которому протекалъ ручеекъ, и мѣсто было дѣйствительно подходящее для отдохновенія. Воздухъ былъ свѣжій, здоровый, а городъ не ближе семи верстъ.

Но главное въ этомъ дѣлѣ было необычайное воодушевленіе, которымъ былъ проникнутъ весь Иванъ Матвѣвичъ. Казалось, всѣ дѣла, все для него отошло на дальній планъ—и его молочныя фермы и маслобойный заводъ. Они, конечно, работали исправно по разъ заведенному порядку, но онъ о нихъ не думалъ.

Больше сотни коровъ, принадлежавшихъ этой, самой крупной изъ его фермъ, по плану должны доставлять будущей санаторіи ея содержаніе. Продукты отъ нихъ не будутъ поступать на заводъ для переработки, а въ чистомъ видѣ будутъ поставляться въ городъ, гдѣ для нихъ сбытъ былъ обезпеченъ, и все вырученное пойдетъ для санаторіи. Сумма получалась такая, что санаторія обѣщала быть роскошной, и кромѣ того была возможность по мѣрѣ надобности расширять ее.

— Вотъ,—говорилъ онъ Людмилѣ,—если не будете торопиться и погостите у насъ хоть три недѣлки, увидите нашу санаторію въ дѣйствиіи. А что касается моихъ доходовъ, то ихъ еще много остается, и на нашъ вѣкъ еще хватить. И маслобойному заводу работы будетъ по горло. У меня вѣдь есть еще шесть фермъ, правда, нѣсколько поменьше этой, но все же изрядныхъ.

Оттуда Людмилу повезли на маслобойный заводъ. Это уже было почти въ самомъ городѣ, и тутъ Иванъ Матвѣвичъ давалъ чисто-формальныя техническія объясненія. Все его воодушевленіе осталось тамъ, на фермѣ. Только показывая маленькій протестный театрикъ, онъ оживился, и въ глазахъ его заблестѣлъ огонь.

Людмилѣ хорошо жилось у Велесовыхъ. Иванъ Матвѣвичъ окружилъ ее какимъ-то ореоломъ почитанія и всѣмъ, должно-быть, внушилъ, что она какая-то принцесса, и всѣ смотрѣли ей въ глаза и ждали, какое выразитъ она желаніе, чтобы тотчасъ исполнить его.

Самый городъ представлялъ для нея мало интереса. Соня показывала ей все, что было въ немъ замѣчательнаго. И у нея явилась какая-то беззаботность, какъ будто ушло изъ сердца и изъ головы все случившееся въ послѣднее время, и только гдѣ-то въ глубинѣ жило и незамѣтно разрасталось смутное ожиданіе чего-то важнаго, что непременно должно произойти.

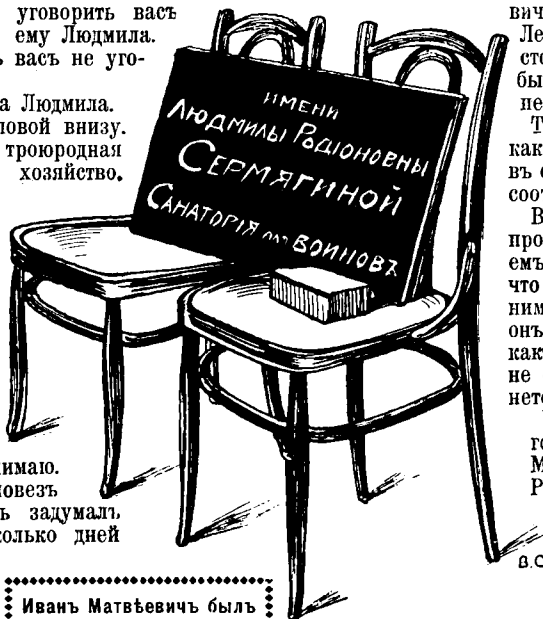
Дни черезъ три было получено два письма отъ Сермягина—одно, адресованное Ивану Матвѣвичу, другое Людмилѣ. Въ обоихъ Родіонъ Леонтьевичъ показывалъ себя съ новой стороны, еще доселѣ неизвѣстной, и нельзя было опредѣлить истинный характеръ этой перемѣны.

То ли онъ дѣйствительно переживалъ какой-то душевный переломъ, или просто въ силу сложившихся обстоятельствъ дѣлалъ соответствующую видимость.

Въ письмѣ къ Ивану Матвѣвичу онъ просилъ оказать его дочери любезный пріемъ и не быть на нее въ претензіи за то, что она такъ безцеремонно ввалилась къ нимъ. Говорилъ о томъ, что и Людмила и онъ и они всѣ смотрятъ на Велесовыхъ, какъ на друзей, и очень онъ надеется, что не ошибается въ этомъ, и что такъ останется и на будущее время.

Что касается того дѣла, о которомъ они говорили въ послѣдній пріѣздъ Ивана Матвѣвича въ Петроградъ, то онъ, Родіонъ Леонтьевичъ, вполне понимаетъ, что у всякаго дѣлового человека могутъ быть колебанія въ ту и другую сторону, ибо каждый старается устроить свои дѣла, какъ лучше по его понятію.

Однако осуществить это дѣло никогда не будетъ поздно, и, если Иванъ Матвѣвичъ со временемъ придетъ къ благоприятному для него рѣшенію, то онъ, Сермягинъ, всегда готовъ быть

Иванъ Матвѣвичъ былъ такъ предусмотрителенъ, что подумалъ даже о вывѣскѣ, которая должна была красоваться на фронтонѣ зданія... (стр. 491).

къ его услугамъ. Затѣмъ слѣдоваль сердечный привѣтъ глубокоуважаемой Софьи Матвѣевнѣ и т. д.

Но письмо, полученное Людмилой, заставляло задуматься. Оно неожиданно начиналось ласковымъ обращеніемъ:

„Дорогая моя Людмила“.

Ужъ этого трудно было ожидать при томъ настроеніи, въ какомъ оставила его Людмила. Но дальнѣйшее было совсѣмъ удивительно.

„Хотя ты и обидѣла меня, уѣхавъ безъ моего вѣдома и даже не простившись со мною, но я никакъ въ состояніи твоей души и ничего не говорю противъ этого.“

„Подумалъ я и про все другое, что у насъ съ тобою вышло. И вижу: дѣйствительно подлецы мы, что и говорить. Деремъ съ живого и съ мертвого, а только не одинъ я такой, а всѣ. Закопчили мы въ нашемъ торговомъ колоченіи и ужъ иначе дѣйствовать не можемъ.“

„Скажу себѣ въ оправданіе, что вся наша русская торговля построена на случаѣ: удалось тебѣ объегорить и урвать, и ты — капиталистъ, первый человекъ, и всѣ тебѣ въ ножки кланяются, а не удалось — и ты упалъ въ яму, и всѣ на тебя плюютъ.“

„А я не хотѣлъ, чтобы на меня и на мое семейство плевали, да и теперь не хочу, такъ ужъ мнѣ, должно-быть, на роду написано моей позиціи держаться.“

„А что у молодой дѣвочки въ сердцѣ шевелится совѣсть и бунтъ производить, такъ это я, хорошо подумавши, даже одобряю. На то и молодость.“

„Вотъ, примѣрно, Андрюшка Тыртовъ — дѣтъ ему что-то тамъ двадцать шесть, не больше, а у него уже никакой совѣсти не пробуждается, такъ развѣ это хорошо? Да онъ по этой части старше стараго, за рубль барыша способенъ глаза человѣку выколоть.“

„Какую онъ мнѣ штуку сказалъ, когда бы ты знала, молокоосъ этотъ. Я ему по дружбѣ предложилъ довѣренность на веденіе дѣлъ его оставить, чтобы, значитъ, соблюдать ихъ, а онъ мнѣ: „а какъ вы меня, уважаемый Родіонъ Леонтьевичъ, да объегорите?“ А? Какъ ты это находишь?“

„А въ солдаты его такъ-взяли. Вчера потребовали, и онъ теперь такой видъ имѣетъ, словно бы ему отрубили и руки и ноги. Трусъ поганый онъ, вотъ что.“

„А въ заключеніе, милая моя дочь, какъ мы съ тобой всегда въ согласіи жили, такъ, погулявши тамъ, у Велесовыхъ, которыхъ я считаю своими друзьями, пріѣзжай домой и живи себѣ, какъ хочешь. Никакихъ требованій и притѣсненій отъ меня не будетъ, потому что понятны мнѣ твои мысли, и ничего я противъ нихъ имѣть не могу.“

„Мать тебѣ кланяется и благословляетъ, а я обнимаю тебя.“

„Твой любящій отецъ Родіонъ Сермягинъ“.

Прочитала это письмо Людмила и развела руками. Родіонъ Сермягинъ, такой, каковъ онъ есть, конечно, въ достаточной мѣрѣ пронизывалъ собою все письмо. Но откуда у него взялось столько терпимости, и какъ это онъ вдругъ сталъ понимать и признавать право молодой души на совѣсть?

Справедливо или нѣтъ, но Людмила чуяла въ этомъ какой-то подвохъ. Затѣмъ родитель какую-то игру. Хочетъ вернуть ее домой, вотъ это ясно. А чѣмъ тамъ подарить ее, этого угадать нельзя.

Но когда явился вопросъ о томъ, чтобы отвѣтить отцу, она почувствовала, что не можетъ. Будетъ или рѣзко или неискренно, и потому она просто отложила отвѣтъ на послѣ.

Иванъ Матвѣевичъ, тотъ, конечно, сейчасъ же отвѣтилъ въ самыхъ корректныхъ и даже теплыхъ выраженіяхъ.

Прошло ужъ больше недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Людмила пріѣхала въ Новгородъ. Ей хорошо жилось тамъ. Каждый день Иванъ Матвѣевичъ уговаривалъ ее съѣздить на бывшую ферму, и она ѣздила и видѣла, какъ быстро тамъ выростала будущая санаторія. Строились перегородки, а другія снимались, дѣятельно работали штукатуры изнутри и извнѣ. Перестлались полы, приспособлялись побочныя служебныя зданія. Архитекторъ попался дѣятельный, и въ самомъ дѣлѣ можно было ожидать, что затѣя займетъ не больше трехъ недѣль.

А Иванъ Матвѣевичъ между тѣмъ не терялъ времени, въ городѣ заказывалъ кровати, тюфики, одеяла, бѣлье, посуду и все, что было необходимо для будущей санаторіи, и былъ такъ предусмотрителенъ, что подумалъ даже о вывѣскѣ, которая должна была красоваться на фронтонѣ зданія.

И однажды ее принесло въ городской домъ. Небольшая, золотыми буквами на темно-синемъ фонѣ, она гласила: „Имени Людмилы Родіоновны Сермягиной санаторія для воиновъ“.

Это было такъ трогательно, что Людмила сконфузилась и не

Въ домѣ Велесовыхъ только-что кончился обѣдъ и еще сидѣли за столомъ, продолжая неконченный разговоръ... (стр. 492).

знала, что говорить по этому поводу. Но ей было пріятно, этого она не могла скрыть ни отъ себя ни отъ другихъ. Было пробуждено какое-то новое качество ея души, что-то въ родѣ тщеславія.

И Иванъ Матвѣевичъ, видя, что она не осталась равнодушной, радовался, сиялъ и еще съ большей энергіей принялся за отдѣлку санаторіи.

IX.

Хорошо жилось Людмилѣ у Велесовыхъ, она могла бы ничего лучшаго не требовать отъ жизни, если бы не тревожило ее то странное, неясное чувство ожиданія, которое она испытывала съ самаго своего пріѣзда. Оно росло, она всегда омушала его, какъ что-то постороннее, какъ бы вселившееся въ нее извнѣ. И по временамъ смутно чувствовалась въ немъ какой-то надвигающійся ужасъ.

Послѣднее, можетъ-быть, находилось въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что у нея не было никакихъ извѣстій „оттуда“. Со времени отсылки ею послѣдняго письма времени прошло уже достаточно, чтобы могъ прійти отвѣтъ, а его не было.

Правда, онъ писалъ тогда, что ихъ могутъ отодвинуть верстъ на двѣсти, но и это учла она, и все же отвѣту время выходило, даже съ излишкомъ.

Людмила пристрастилась къ газетамъ. Странное это было чтеніе. Вѣдь она не имѣла никакого понятія о томъ, гдѣ онъ находится, и въ какихъ стычкахъ участвовать. „Дѣйствующая армія“, это — полміра. Но она подозрѣвала его участіе всюду, и все, гдѣ говорилось о битвахъ, малыхъ и большихъ, она читала съ удвоеннымъ вниманіемъ. Но это не только не успокаивало ее, а скорѣе усиливало тревогу.

Соня знала объ этомъ, но свято хранила тайну. Она объясняла по-своему. Читала всѣ письма подпоручика и все же не вполне вѣрила, что тутъ нѣтъ романа.

Какъ же это можетъ быть: есть герой и героиня, а нѣтъ романа? Этого не бываетъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ книгахъ, которыя она читала, а въ жизни — ну, жизнь она знала гораздо меньше, чѣмъ книги.

И ей это казалось очень простымъ: Людмила влюбилась въ своего подпоручика, можетъ-быть, они даже гдѣ-нибудь видѣлись, напримеръ, онъ пріѣзжалъ въ Петроградъ, — но условились на всякій случай (мало ли что — переписка можетъ попасть въ чужія руки) писать такъ, будто никогда не видѣли другъ друга, или обмѣнялись фотографическими карточками, — вѣдь это тоже бываетъ, что по карточкамъ люди влюбляются, и еще какъ. И вотъ она не получаетъ писемъ и дрожитъ при мысли, что съ нимъ что-нибудь случилось. На войнѣ вѣдь каждую минуту можетъ случиться несчастье.

Но замѣчалъ это и Иванъ Матвѣвичъ, у котораго уже рѣшительно не было никакого ключа къ объясненію такого страннаго состоянія Людмилы. И онъ давалъ свои, уже совершенно неподходящіе, объясненія: что ей у нихъ скучно, или не нравится ихъ жизнь, порядки, такъ какъ она привыкла къ другому, и т. д., и ему было больно отъ этого.

Самъ онъ питалъ къ ней чрезвычайно нѣжные чувства, но даже себѣ самому не рѣшался сознаться въ этомъ. Его природѣ была свойственна какая-то необычайная робость или застѣнчивость по отношенію къ женщинѣ, а ужъ особенно той, которая вызывала въ немъ волненіе. Сказать такой женщинѣ: я люблю васъ и хочу, чтобы вы были моею женою, онъ просто не могъ. Ему казалось, что въ такомъ предложеніи она могла бы усмотрѣть для себя что-нибудь оскорбительное.

Но, такъ какъ чувству все-таки нужно было въ чемъ-нибудь проявляться, то оно у него выливалось въ чисто-идеальную форму почитанія, поклоненія, почти боготворенія.

И съ Людмилой онъ обращался, какъ съ какимъ-то маленькимъ божествомъ, мысленно носилъ ее на рукахъ и курилъ ей вѣиамъ. Если бъ онъ не боялся въ тѣхъ реальныхъ условіяхъ, въ которыхъ жилъ, показаться смѣшнымъ, онъ построилъ бы храмъ, воздвигъ бы въ немъ ея статую и создалъ бы культъ служенія ей. Санаторія ея имени была однимъ изъ проявленій этого состоянія его души.

Недѣли двѣ прошло со времени ея пріѣзда. Въ домѣ Велесовыхъ только-что кончился обѣдъ и еще сидѣли за столомъ, продолжая неконченный разговоръ. Въ это время принесли телеграмму и, по обыкновенію, подали ее Ивану Матвѣвичу, а онъ, тоже по привычкѣ, тутъ же, извинившись передъ дамами, раскрылъ ее.

Но первыя же слова заставили его съ недоумѣніемъ расширить глаза.

«По просьбѣ Владиміра Хрисанфовича извѣщаю...»

— Это не мнѣ... Можетъ-быть, вамъ, Людмила Родіоновна?

— Да, это навѣрно мнѣ,—отвѣтила Людмила, которая, не зная содержанія телеграммы, почему-то твердо знала, что она адресована ей, и удивлялась, что ее распечатываетъ Иванъ Матвѣвичъ.

Онъ взглянулъ на адресъ:

— Въ самомъ дѣлѣ... Я страшно извиняюсь. По привычкѣ распечаталъ.

Она протянула къ нему обѣ руки и какъ-то умоляюще ждала. Онъ передалъ ей телеграмму и смотрѣлъ на нее и видѣлъ, какъ поблѣднѣли ея щеки, когда она прочитала ее.

«По просьбѣ Владиміра Хрисанфовича извѣщаю о его очень тяжеломъ положеніи. Прапорщикъ Чоколевъ.»

Въ телеграммѣ, въ заголовкѣ, было обозначено названіе какого-то мѣстечка. И почему-то всѣ были взволнованы, хотя никто не зналъ содержанія депеши. Соня, по крайней мѣрѣ, подозрѣвала, а Иванъ Матвѣвичъ просто такъ, по какому-то наитію, что ли.

— Людмила Родіоновна!—сказалъ онъ.— Это что-то для васъ очень тяжелое. Мы сдѣлаемъ все, рѣшительно все, чтобы облегчить...

— Спасибо, спасибо... Я знаю... Я такъ благодарна... Но я должна ѣхать.

— Какъ? Когда? Куда?—спрашивали разомъ Иванъ Матвѣвичъ и Соня и даже тетушка.

— Сегодня, сейчасъ... какъ поѣздъ идетъ.

— Поѣздъ идетъ въ двѣнадцать часовъ ночи. Но развѣ возможно вамъ одной ѣхать ночью?—Это сказалъ Иванъ Матвѣвичъ и прибавилъ нерѣшительно:— Но если ужъ необходимо, то... можно бы проводить васъ... Я, напримеръ, могъ бы, — совсѣмъ какъ бы про себя закончилъ онъ.

Опять Людмила благодарила, но въ то же время старалась увѣрить, что она отлично одна справится.

— Я поѣду съ ней!—твердо и какъ-то рѣшительно заявила Соня.— Ну, конечно, непременно поѣду.

Во всякомъ другомъ случаѣ это вызвало бы протестъ со стороны Ивана Матвѣвича, онъ свято оберегалъ свою сестру, считая, что ея судьба лежитъ на его отвѣтственности, но, ради спокойствія Людмилы Родіоновны, онъ и на это согласенъ. И онъ на-

ходилъ, что Сонѣ приличнѣе будетъ провожать ее, чѣмъ ему. Мало ли что могутъ подумать!

Но Людмила ясно видѣла, что все-таки тутъ есть большое недоразумѣніе. Иванъ Матвѣвичъ, очевидно, думаетъ, что ее кто-то вызвалъ въ Петроградъ. Она считала своей обязанностью сказать истину. Эти люди такъ добры къ ней, они, какъ родные, и даже больше. Въдѣ тамъ, въ Петроградѣ, есть у нея родные— только по крови, а эти по духу.

И она говоритъ:

— Да, Соня,—это хорошо. Но только до Петрограда, а тамъ ужъ я одна...

И въ самомъ дѣлѣ видѣть недоумѣніе на лицѣ Ивана Матвѣвича и пояснять:

— Видите, это одинъ человекъ... Онъ военный, офицеръ... Это странная исторія... Я никогда его даже не видѣла... Но я... я очень, очень много обязана ему... И вотъ тутъ сообщаютъ,—его товарищъ, должно-быть,—что ему очень тяжело. Ясно: онъ раненъ или опасно заболѣлъ. Онъ, можетъ-быть, умираетъ,—и мнѣ нужно быть тамъ...

— На войнѣ?—съ ужасомъ воскликнула тетушка.

— Я сама не знаю, гдѣ. Вотъ тутъ названо какое-то мѣсто, но я не знаю... Должно-быть, это тамъ...

Соня поднялась.

— Пойдемъ же, Людмила, наверхъ, надо уложить вещи...

Людмила тоже встала, но въ это время увидѣла, что у Ивана Матвѣвича лицо сдѣлалось какое-то каменное. Онъ владѣлъ собой, онъ поднялся, улыбнулся ей, но въ глазахъ какъ будто что-то застыло.

А Соня тащила ее наверхъ, да и нельзя было этимъ заниматься. Въдѣ, въ сущности, это было только ея впечатлѣніе и догадка.

Они поднялись въ мезонинъ и начали укладываться. Соня, конечно, сейчасъ же прочитала телеграмму и объяснила ее такъ же, какъ и Людмила.

— Какъ же ты поѣдешь?—спрашивала она.— Въдѣ туда штатскихъ не пускаютъ, а ужъ женщинѣ—только сестеръ милосердія.

— Я придумала. Пойду къ Муравину—помнишь, въ гимназій была. Ея отецъ имѣетъ большое вліяніе, онъ мнѣ поможетъ. Раньше я хлопотала у него за Андрея. Не могу себѣ простить этого. Теперь за себя.

— Муравина? Мы вмѣстѣ пойдѣмъ къ ней. Въ гимназій мы дружили.

— Слушай, Соня!—промолвила Людмила, вдругъ остановившись надъ чемоданомъ.— Ты не замѣтила? Что такое съ Иваномъ Матвѣвичемъ? У него вдругъ сдѣлалось каменное лицо.

— Я не глядѣла на него, но это можетъ быть. Ты рассказала о подпоручикѣ, а онъ... Въдѣ ты же знаешь, какъ онъ къ тебѣ относится.

— Чтѣ ты разумѣешь, Соня?

— Ахъ, чтѣ я разумѣю? Надо быть слѣпой, чтобы не видѣть.

Онъ влюбленъ въ тебя. Любить... Боготворить... Ну, и, конечно, когда узналъ, что есть какой-то, кто-то... Понятно, для него это ударъ.

— О, Соня... Чтѣ ты говоришь?

— То, чтѣ есть. Давно это наблюдаю. Онъ только никогда этого не скажетъ. Онъ и самъ, должно-быть, обманываетъ себя, называетъ это какъ-нибудь тамъ — уваженіемъ, глубокимъ почтеніемъ или иначе, а въ сущности влюбленъ, влюбленъ и влюбленъ...

— Боже мой!—воскликнула Людмила.—Значитъ, я и тутъ виновата.

— Ни въ чемъ ты не виновата, а, конечно, его жаль. Въдѣ онъ такой одинокій.

— Ужасно это... Нѣтъ, я пойду къ нему и расскажу ему, чтобы онъ не думалъ... Въдѣ ничего такого нѣтъ. Ты же знаешь?

— А почему ты думаешь, что это его утѣшитъ? Развѣ ты можешь пообѣщать ему что-нибудь?

— Чтѣ же я могу, дорогая Сонечка? Развѣ я знаю, чтѣ со мной будетъ завтра или черезъ нѣсколько дней? Я только одно могу сказать, что этого въ сердцѣ моемъ нѣтъ. Того, что называется любовью, страстью... Къ нему, къ тому, у меня чувство скорѣе, какъ

Муравина познакомила Людмилу со своимъ отцомъ, генераломъ въ отставкѣ... (стр. 493).

къ брату. Это я тебѣ, Соня, какъ себя самой, говорю, и ты повѣрь мнѣ. Нѣтъ, ты, пожалуйста, повѣрь мнѣ.

Соня задумалась. Она рѣшала вопросъ: будетъ ли хорошо, если Людмила поговоритъ съ братомъ. И рѣшила, что это надо сдѣлать. Тогда Людмила отправилась внизъ и подошла къ двери кабинета.

Иванъ Матвѣвичъ ходилъ по комнатамъ изъ угла въ уголь, и были слышны его мягкіе, но неспокойные шаги.

Постучала.

— Это я, Иванъ Матвѣичъ! Позвольте?

Онъ подбѣжалъ къ двери.

— Но какъ же? Конечно... Еще бы... Войдите... А что такое?

Она вошла.

— Я только хочу сказать вамъ... Чтобы вы правильно думали. Мнѣ хочется, чтобы вы никогда не думали обо мнѣ не такъ, какъ есть.

— Но я, Людмила Родионовна, ничего такого... Что жъ, если такое несчастье... Развѣ я...

— Нѣтъ, не то, Иванъ Матвѣичъ... Будемъ правдивы, да? Хорошо? Ну, вотъ. Вы подумали, что этогъ знакомый... другъ... что тутъ что-нибудь такое... Ну, въ родѣ романа... Вы подумали?

— Подумалъ, Людмила Родионовна.

— Я и говорю вамъ, и вы должны мнѣ вѣрить: нѣтъ. Не могу вамъ рассказать все. Ну, просто не успѣю, какъ слѣдуетъ, а не все, это — меньше, чѣмъ ничего. Но вамъ Соня расскажетъ, и вы увидите... Ну, вотъ. Повѣрили?

Она протянула ему руку.

— Я повѣрилъ. Я вамъ не могу не вѣрить! — говорилъ онъ, крѣпко пожимая ея руку, а глаза его прояснѣли, и лицо, только-что казавшееся какимъ-то сѣрымъ и мертвымъ, ожило.

Когда около полуночи онъ провожалъ обѣихъ дѣвушекъ на вокзалъ, за двѣ минуты до отхода поѣзда онъ отвелъ въ сторону Соню и о чемъ-то таинственно поговорилъ съ ней. Людмила не придавала этому значенія, но, когда поѣздъ отошелъ, Соня сказала ей:

— Какой онъ заботливый — Иванъ! Говоритъ: „можетъ-быть, тамъ Людмила Родионовна не поладитъ со своимъ отцомъ, и ей для путешествія понадобятся деньги, такъ возьми“. И сунулъ мнѣ въ карманъ какую-то пачку. Вотъ... Боже!.. Разъ, два, три, четыре, пять... Цѣлыхъ пять сторублевокъ...

— И какъ онъ правъ, если бы ты знала! — промолвила Людмила. — Я объ этомъ не подумала, но развѣ я могу обратиться къ отцу? Вѣдь онъ ни за что не пуститъ меня. А рассказать ему исторію, — не пойметъ, да и не повѣритъ. Скажетъ — шашни какія-нибудь. Ну, и денегъ не дастъ. Слава Богу, паспортъ у меня съ собою, и я, конечно, не покажусь домой. Завтра выхлопочу пропускъ и завтра же уѣду. Но до чего онъ добръ, Иванъ Матвѣичъ!

— И до чего влюбленъ... Ха-ха-ха!..

— Ну, пусть... Объ этомъ я не могу сейчасъ думать. Будемъ спать.

Въ Петроградѣ имъ пришлось вести себя осторожно. Ёли онѣ въ какой-то столовой, ѣздили въ извозничьемъ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ. Еще хорошо, что день былъ пасмурный и слегка даже моросило.

Конечно, прежде всего онѣ отправились къ Муравинной, и этотъ визитъ имѣлъ гораздо больший успѣхъ, чѣмъ тѣ, когда Людмила хлопотала объ Андрѣѣ.

Муравина познакомила ее со своимъ отцомъ, генераломъ въ отставкѣ. Онъ прямо заявилъ, что терпѣть не можетъ молодыхъ людей, которые увилываютъ отъ исполненія гражданскаго долга, поэтому и не откликнулся на ту просьбу Людмилы, а это — другое дѣло.

— Что же, это вашъ братъ?

— Нѣтъ, — сказала Людмила, — онъ мнѣ не братъ, но родственникъ, и мы большіе друзья.

Гм!.. Это труднѣе. Ну, ужъ какъ-нибудь. Телеграмму дайте мнѣ. Я возьму ее съ собою. И паспортъ вашъ пожалуйста. Сидите здѣсь, пейте кофе со сливками. Ыйте конфеты и ждите.

Онъ нарядился весьма парадно и уѣхалъ. Вернулся черезъ часъ и привезъ всѣ разрѣшенія, какія были нужны, даже маршрутъ, какъ надо ѣхать. Оказалось, что это на желѣзной дорогѣ, такъ что никакихъ осложненій не предвидѣлось.

Поблагодарили и сейчасъ же бросились доставать билеты. Это тоже удалось. Зашли на телеграфъ и послали прапорщику Чоколеву извѣстіе о томъ, что Людмила выѣзжаетъ сегодня въ семь часовъ вечера. Это было такъ удачно, что Соня могла въ ту же ночь уѣхать въ Новгородъ. Въ Петроградѣ у нея, кромѣ Сермя-

Въ дверяхъ показался прапорщикъ Чоколевъ... Она вскочила и пошла ему навстрѣчу... (стр. 494).

гинныхъ, не было семейныхъ знакомыхъ, а остановиться одной въ гостиницѣ она ни за что не рѣшилась бы.

И вотъ въ семь часовъ вечера она проводила подругу въ „невѣдомый край“. У Людмилы было отдѣльное купѣ — денегъ вѣдь, благодаря заботливости Ивана Матвѣвича, была куча. Соня вошла туда, перекрестила ее и распѣловала.

— Ну, будь же спокойна, дружокъ. Я, знаешь, рѣдко бываю въ церкви. Какъ-то отстала отъ этого, но эти дни, что ты будешь тамъ, стану каждый день ходить къ обѣднѣ и молиться за тебя и за него. Такъ мнѣ вдругъ захотѣлось, сама не знаю, почему. Ну, Богъ съ тобой, родная моя Людмилочка. Сейчасъ отходить. Какъ бы еще меня не увезли.

Она вышла изъ вагона, и, въ самомъ дѣлѣ, поѣздъ сейчасъ же послѣ этого какъ-то крякнулъ и тяжело сдвинулся съ мѣста.

Соня осталась одна, и такъ грустно и сиротливо стало ей въ этомъ огромномъ городѣ среди миллиона чужихъ людей. Тутъ она поняла, какъ, несмотря на всю свою бойкость, увѣренность и самостоятельный характеръ, она, въ сущности, беспомощна и шагу не можетъ ступить безъ поддержки. Непремѣнно надо, чтобы съ нею былъ кто-нибудь своей — Иванъ, Людмила, или тетка. Такъ ужъ привыкла она все время ютиться въ тепломъ родномъ гнѣздѣ и никуда не выходить изъ него безъ провожатаго.

„Плохо это, — думала она, — вѣдь такъ придется всю жизнь ходить на помочахъ. Раньше были родители, теперь братъ, потомъ, должно-быть, будетъ мужъ. И такъ всю жизнь при комъ-нибудь. Это даже обидно“.

И хотя до ея поѣзда было еще добрыхъ четыре часа, тѣмъ не менѣе она сейчасъ же взяла извозчика и поѣхала на вокзалъ. Тамъ она что-то ѣла въ буфетѣ и ждала. На вокзалахъ она почему-то чувствовала себя въ безопасности.

X.

Только когда осталась одна и отошелъ поѣздъ и загудѣли тягучимъ непрерывнымъ гуломъ колеса, а шумная суетливая жизнь города осталась позади и закрылась непроницаемой стѣной ночного мрака, Людмила вдругъ почувствовала всю огромность и тяжесть задачи, которую брала на себя.

Поразительно, до какой степени ея настоящее не похоже на всю предшествующую жизнь, не связано съ нею никакими логическими нитями. Вѣдь вотъ всегда и въ школѣ и въ жизни имъ толкуютъ о ненарушимыхъ законахъ послѣдовательности, о неизбѣжной связи настоящаго съ прошлымъ. Но гдѣ же тутъ связь?

„Купеческая дочь“, съ первыхъ дней, съ самыхъ пеленокъ воспитанная въ томъ міросозерцаніи и въ той морали, гдѣ деньги — солнце, вокругъ котораго вращается вселенная, гдѣ все для нихъ и изъ-за нихъ, гдѣ побужденія и чувства чуть-чуть повыше считаются вреднымъ заблужденіемъ, предразсудкомъ, безуміемъ, — она вдругъ оказывается способной бросить все это, разорвать всѣ нити, связывавшія ее съ тѣмъ міромъ, и мчаться въ міръ, дѣйствительно ей невѣдомый, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Послѣ того, какъ ее всю жизнь, всѣ двадцать лѣтъ, учили все взвѣшивать и мѣрить, она самый рѣшительный шагъ своей жизни основываетъ на вѣрѣ въ кого-то неизвѣстнаго, поманившаго ее нѣсколькими словами, только словами. Она даже не знаетъ его лица.

Но всѣ эти мысли нѣсколько не охлаждали ея порыва. Нѣтъ, теперь ужъ онъ былъ не та повелительная сила, которая пришла извнѣ и поселилась въ ея душѣ, она влилась въ ея кровь и теперь это была она сама. И даже подпоручикъ былъ гдѣ-то на второмъ планѣ. Это только такъ казалось, по стеченію обстоятельствъ, будто она ѣдетъ къ нему, это только поводъ, зацѣпка. Онъ для нея не лицо, не такой-то, а что-то отвлеченное, тотъ маякъ, который однажды зажжется гдѣ-то въ глубокой дали, и дивный свѣтъ его проникъ къ ней сквозь густой мракъ и неотразимо потянулъ къ себѣ.

Она не къ нему ѣдетъ, а туда. Если она будетъ съ нимъ и по его призыву, такъ это потому, что въ немъ для нея олицетворяется весь тотъ міръ.

Но каждый долженъ побывать тамъ и оставить хоть часть своей души. Долженъ что-то претерпѣть, потому что тамъ всѣ терпятъ, пожертвовать чѣмъ-то изъ самаго своего существа, потому что тамъ жертвуютъ жизнью.

Живущіе здѣсь жертвуютъ деньги, урѣзываютъ свои удоволь-

ствія, одежду, столъ, это нужно, и было бы совсѣмъ плохо, если бы и этого не было. Но это не то. Все-таки они живутъ обычной человѣческой жизнью, испытываютъ личныя интимныя радости и огорченія тогда какъ тамъ все шло въ чужеродномъ желѣзномъ подвигѣ.

Чѣмъ она будетъ тамъ полезна, она не знаетъ. Не умѣетъ она ничего такого, что тамъ нужно. Хотя бы щи варить или бѣлье стирать — и того толкомъ не сумѣетъ сдѣлать. Но чѣмъ-нибудь должна послужить, кому-нибудь изъ нихъ дать хоть минуту отрады.

Быстро бѣгутъ часы. Углубленная въ себя, она какъ-то мало замѣчаетъ время, и оно проходитъ мимо нея само собою. И впечатлѣнія дорожныя, все это разнообразіе постоянно мѣняющихся лицъ и мелькающихъ мимо оконъ то лѣса, то поля, то деревни, то рѣки, какъ-то тускло отражаются въ ея душѣ.

Глаза ея смотрятъ вдаль и не могутъ оторваться отъ яркаго свѣта, зажегшагося для нея на маякѣ.

И прошла ночь и значительная часть дня. Были долгія остановки, которыя замедляли путешествіе. Вотъ она пробѣжала мимо большого города, и близко уже мѣсто, куда она держитъ путь.

Бросается въ глаза рѣзкая перемена тамъ, за окнами. Взрытая земля, какія-то высокія насыпи и всюду военные мундиры, кажется, ничего нѣтъ, кромѣ нихъ.

Около пяти часовъ дня. Сейчасъ будетъ ея послѣдняя остановка. Она напрягаетъ воображеніе, силится представить то, что будетъ, и никакъ не можетъ. Понятно, она ничего не знаетъ, даже того, зачѣмъ призвана сюда.

Небольшая станція. Поѣздъ замедлил ходъ, остановка. И тутъ все военные мундиры и шинели. Она смотритъ въ окно и не рѣшается выйти. Все мужчины, и нѣтъ ни одной женской фигуры. А, вонъ тамъ одна появилась среди публики, у нея на рукѣ знакъ, она сестра милосердія. Другая вышла изъ вагона и бросилась къ ней. И у нея тоже знакъ. И еще тамъ вдали простая женщина въ платкѣ и въ тяжелыхъ сапогахъ. Къ ней подошелъ солдатъ. Эта, должно-бытъ, пріѣхала къ мужу или брату.

Но какъ же быть ей? У нея нѣтъ ни знакомыхъ, ни мужа, ни брата. Она смотритъ въ окно растерянными глазами и видитъ — молодой офицеръ съ удивительно юнымъ, совсѣмъ ребячскимъ лицомъ проходитъ мимо вагоновъ и пристально всматривается въ окна. Какъ-то инстинктивно она придвинулась къ стеклу, и вдругъ онъ остановился и всматривается въ нее. Колѣбаніе выразилось на его лицѣ.

Потомъ съ рѣшимостью онъ направился къ ступенькамъ, которыя вели въ вагонъ, и исчезъ изъ ея поля зрѣнія. Но черезъ минуту онъ въ вагонѣ, на порогѣ ея купѣ.

— Простите, ради Бога... Въ этомъ поѣздѣ должна прибыть Людмила Родионовна Сермягина, и я ищущу...

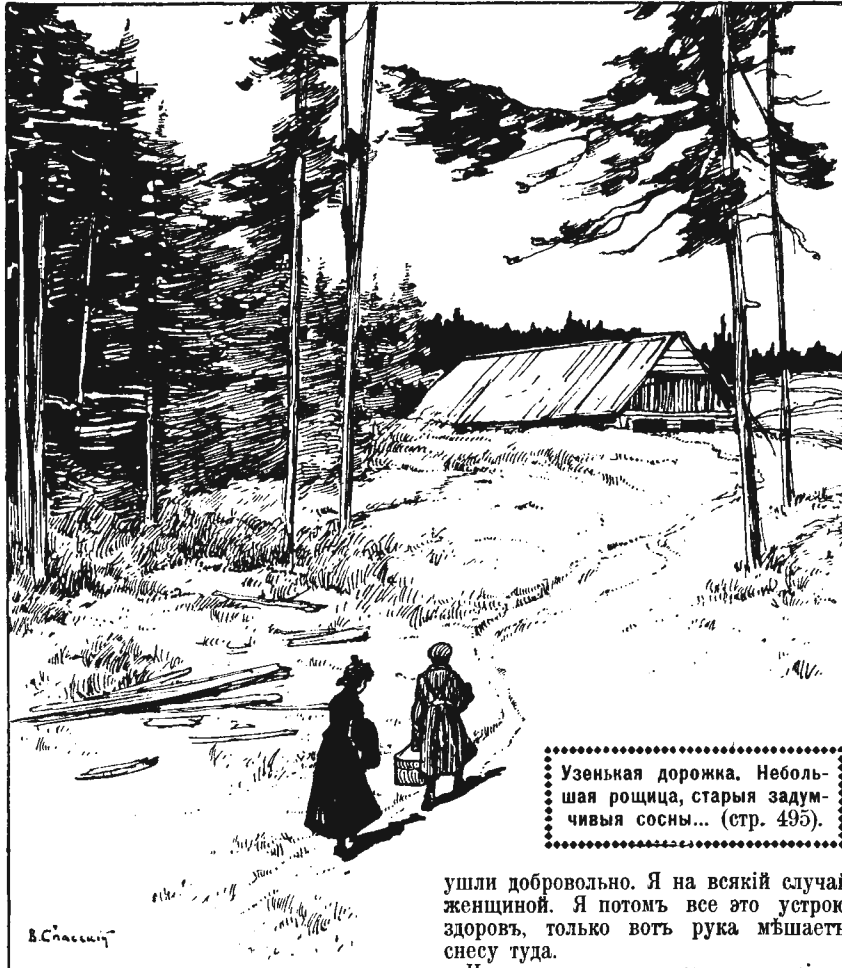
— Прапорщикъ ЧокOLEвъ?

— Да... Значитъ, это вы. Давайте сюда вашъ чемоданъ... Здѣсь нѣтъ носильщиковъ, а поѣздъ сейчасъ идетъ дальше.

И онъ, не дожидаясь отвѣта, взялъ чемоданъ лѣвой рукой и понесъ къ выходу, и только теперь замѣтила Людмила, что правая рука у него забинтована и лежитъ на перевязи.

Она пошла за нимъ. Люди въ военныхъ одеждахъ, кучно стоявшіе на помостѣ, разступились и, съ любопытствомъ оглядывая ея, дали дорогу прапорщику и ей. Онъ шелъ быстро и не оглядывался. Она еле поспѣвала за нимъ. Остановились около какого-то зданія. Сквозь окно виденъ былъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью съ посудой, что-то въ родѣ буфета или столовой. Тутъ онъ поставилъ чемоданъ, повернулся къ ней.

— Простите, я забылъ представиться вамъ... Прапорщикъ

Узенькая дорожка. Небольшая рощица, старая задумчивая сосны... (стр. 495).

ЧокOLEвъ! — и онъ протянулъ ей лѣвую руку, которую она пожала. — Зайдемте туда. Вы навѣрно голодны.

— Я хотѣла бы прежде увидѣть... — съ надеждой промолвила она, боясь, что онъ скажетъ что-нибудь ужасное.

Онъ перебилъ ее:

— Володю? Э — э... подпоручика Граменскаго? Это нѣсколько позже... Видите ли, онъ, — я долженъ это сказать, — очень плохо раненъ... Осколокъ проникъ у него, кажется, въ легкое, и какъ разъ теперь рѣшается вопросъ объ операціи.

— Такъ я сегодня не увижу его?

— Я думаю, что да... Я это узнаю. А вы пока посидите тамъ...

И онъ уже хотѣлъ уйти, но она остановила его:

— А гдѣ здѣсь можно будетъ остановиться? — спросила она.

— Собственно, такого мѣста нѣтъ. Но тутъ, въ верстѣ отсюда, деревня, и въ нѣсколькихъ домахъ остались жители — остальные

ушли добровольно. Я на всякій случай уже сговорился съ одной женщиной. Я потомъ все это устрою вамъ. Я, какъ видите, здоровъ, только вотъ рука мѣшается... Ахъ, да, чемоданъ я снесу туда.

И опять, не дожидаясь ея согласія, онъ взялъ чемоданъ лѣвой рукой и понесъ его въ зданіе. Въ той комнатѣ, гдѣ былъ столъ, онъ положилъ его у небольшого круглаго столика, поклонился ей и скрылся.

Она сѣла за столъ. Какъ странно! При видѣ буфетной обстановки у нея вдругъ явилось желаніе ѣсть, ясно выраженный голодь. Какъ странно это было при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ она находилась. Сильно повышенное настроеніе, сознание чуть ли не подвига, ради котораго она сюда пріѣхала, какой-то мистическій подъемъ не мѣшали физической природѣ ея потребовать свою долю питанія.

Вспомнила она романы, которые она читала, гдѣ герои въ подобныхъ случаяхъ считали для себя даже оскорбительнымъ думать о пищѣ, а она вотъ думаетъ. Ей было это досадно, но рука протянулась къ карточкѣ, и она заказала себѣ что-то мясное.

Надо однако сказать, что съ того момента, какъ сѣла она въ поѣздъ въ Петроградѣ, она ничего не ѣла, а этому было почти сутки.

Ей принесли кушанье, она сѣла его и запила чаемъ. Въ столовую входили военные, закусывали, большею частью у стойки, и уходили. Движеніе было непрерывное.

Прошло съ полчаса, когда въ дверяхъ показался прапорщикъ ЧокOLEвъ. Онъ видимо былъ взволнованъ. Она вскочила и пошла ему навстрѣчу.

— Что съ нимъ? Что-нибудь худое?

— Нѣтъ... Еще нѣтъ... Но грозило зараженіе крови, и потому рѣшена немедленная операція... И къ ней уже приступили...

— Вы его видѣли?

— Нѣтъ, туда не пускаютъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Боже мой...

— Вы успокойтесь. Сядьте. Я разкажу вамъ про него. Простите, немного проговорился... Я позволю себѣ... Послушайте, дайте мнѣ что-нибудь... Вѣчина, сыръ, безразлично.

Они сѣли. Она теперь могла разсмотрѣть его лицо — совсѣмъ ребенокъ. У него даже и усиковъ еще нѣтъ.

— Сколько вамъ лѣтъ? — спросила она.

— Мнѣ девятнадцать. Я полгода, какъ выпущенъ. Есть мо- ложе меня... Такъ я хочу разказать вамъ о немъ... Онъ говорилъ мнѣ, что вы ему не близкая родня, но большой другъ...

— Да... — подтвердила Людмила и подумала: „совсѣмъ, какъ я сказала отцу Муравиной“.

— Мы раньше стояли около Двинска, но недавно продвинулись сюда, и сразу же пришлось драться. Ну, и вышло это такъ несчастливо. Я вотъ совсѣмъ легко въ руку, а онъ... Понимаете ли, онъ во время битвы совсѣмъ все забываетъ. Я вотъ, напримеръ, довольно храбръ, а никогда не могу забыть, что есть жизнь, а у меня мать, сестра. Напротивъ, какъ только начнутъ

свистать пули или грохотать орудия, я сейчас же вспоминаю о них. А онъ помнитъ это только здѣсь, на отдыхѣ, а тамъ забываетъ и идетъ прямо напроломъ. Впрочемъ, все равно, никогда не знаешь, гдѣ и когда тебѣ суждена смерть.

— А развѣ онъ приговоренъ?—трепетнымъ голосомъ спросила Людмила.

— Я этого не сказалъ. Но... Надо быть ко всему готовымъ. А я говорю, что онъ ждалъ васъ съ какимъ-то мучительнымъ нетерпѣниемъ. Все спрашивалъ: „послалъ ли ты телеграмму? Можетъ-быть, забылъ? Приѣдетъ ли она? Неужели не приѣдетъ? Нельзя же, чтобы я умеръ, не повидавшись съ ней. Это было бы несчастье“. Онъ говорилъ, что давно съ вами не видался. Когда онъ приѣзжалъ на три дня въ Петроградъ, васъ не засталъ. Ну, вотъ теперь, слава Богу, онъ повидается съ вами.

— Какія вы страшныя вещи говорите, прапорщикъ! Изъ вашихъ словъ я вижу, что онъ очень опасенъ.

— Я этого не отрицаю. Но вѣдь въ жизни и смерти никто не воленъ, а особенно здѣсь. Мы смотримъ на это просто. Когда выходишь въ бой, прощаешься съ остальными такъ, какъ будто увѣренъ въ своей смерти. Такъ и надо смотрѣть. Надо смотрѣть такъ, что, если вышелъ изъ боя живымъ, то это особая щедрость судьбы, все равно что именной подарокъ. И притомъ все въ одинаковомъ положеніи: сегодня подпоручикъ, а завтра прапорщикъ. Смерть не знаетъ чиновъ. А я вѣдь познакомился съ Граменскимъ всего только полгода назадъ, но мы очень скоро сошлись на „ты“. Онъ славный, и у него, какъ вы знаете, кромѣ васъ, никого нѣтъ. Мать его умерла передъ войной, не правда ли?

— Да,—какъ-то машинально кивнувъ головой, сказала Людмила.

Онъ поднялся.

— Я побѣгу. Узнаю. Вижу, что вы испытываете страшное нетерпѣніе.

И убѣждалъ. Опять она одна. Какой-то туманъ окуталъ ея голову. За много сотенъ верстъ манилъ ее къ себѣ яркій свѣтъ маяка, и мчалась она къ нему, и вотъ она здѣсь. А тамъ, на вышкѣ, куда она стремится поднять глаза, гаснетъ огонь, можетъ-быть, уже погасъ.

Ежеминутно хлопаютъ дверь, входятъ люди, и странно видѣть, что они ѣдятъ и пьютъ, разговариваютъ между собой, шутятъ, звонко смѣются. Люди, настоящіе живые люди, а, можетъ-быть, половина изъ нихъ уже присуждена... „Сегодня подпоручикъ, а завтра прапорщикъ“.

Но нѣтъ, не можетъ быть, чтобы они такъ думали. Навѣрно каждый убѣжденъ, что выйдетъ невредимъ. Это только Чоколевъ такъ думаетъ, да и то, можетъ-быть, по молодости. Нравится ему это, потому что красиво.

Долго на этотъ разъ пришлось ей ждать, больше часу. На дворѣ уже сумерки. А у нея нѣтъ пріюта. Ну, да это ужъ послѣдній вопросъ. Чоколевъ обѣщала устроить. Вотъ онъ приближалъ, взялъ ее за руку.

— Пойдемте! Уже давно кончилось. Онъ спалъ это время. Теперь проснулся. Я предупредилъ, что вы здѣсь. Онъ долженъ

все-таки немного свыкнуться, иначе будетъ слишкомъ волноваться, а ему это вредно. Онъ требуетъ васъ.

Она молча пошла за нимъ. Переходили рельсы. Узенькая дорожка. Небольшая рошница, старыя задумчивыя сосны. Изъ-за нихъ выросло, точно изъ-подъ земли, деревянное зданіе, совсѣмъ недавней стройки.

— Нашъ лазаретъ,—сказалъ Чоколевъ.—Здѣсь вообще только лазаретъ, больше ничего нѣтъ. Это въ сторонѣ отъ боевъ.

Онъ ввелъ ее въ сѣни, потомъ въ небольшую приемную. Здѣсь всюду горѣли уже лампы. На минуту оставилъ ее, съ кѣмъ-то говорилъ въ коридорѣ, вернулся въ сопровожденіи сестры.

— Только очень осторожно,—сказала ей сестра.—Послѣ операціи это не полагается... Но ужъ очень онъ проситъ и волнуется. Онъ въ маленькой отдѣльной комнатѣ. И ему совсѣмъ нельзя разговаривать.

Коротенькій коридоръ. Дверь, выкрашенная въ бѣлую краску. Чоколевъ осторожно пріотворилъ дверь и впустилъ Людмилу.

Она вошла неслышно и на секунду остановилась у двери. Не ярко свѣтилъ ночникъ. Въ первыя минуты глаза ея увидѣли бѣлую кровать, бѣлое одѣяло, подушки, все только бѣлое, но потомъ на этомъ фонѣ рѣзко выступили короткіе темные волосы, полудугой окаймлявшіе его большой лобъ. Смуглыя исхудалыя щеки, прямой довольно длинный носъ, густые, но не длинные усы. Закрытые глаза. Онъ спалъ, весь до подбородка прикрытый одѣяломъ.

Она неслышно подошла близко и, стараясь осторожно дышать, смотрѣла на него.

И странно, что эти незнакомыя черты, которыя она видѣла въ первый разъ, были ей страшно близки, какъ будто она любила ихъ всю жизнь.

Онъ медленно повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ стояла она, и пріоткрылъ глаза. Но они раскрывались все шире и шире, какъ будто онъ былъ пораженъ видѣніемъ. Потомъ зашевелились его усы, и улыбка освѣтила лицо. Осторожно выползла изъ-подъ одѣяла рука и медленно, съ усиленіемъ протянулась къ ней.

— Такъ это ты... Людмила!—слабымъ хриплымъ голосомъ произнесъ онъ.

Она взяла его руку своими обѣими руками, и вдругъ, словно что-то неудержимо потянуло ее книзу, она опустилась на колѣни, и слезы хлынули изъ ея глазъ. Она прижимала его руку къ своему лбу, цѣловала ее.

— Прости... Владиміръ... Я такая слабая... Видишь...

— Встань... Возьми стулъ... Сядь...

Онъ говорилъ отрывисто, отдыхая послѣ каждого слова, и она повиновалась, поднялась, взяла стулъ, приставила близко къ его изголовью и сѣла, а слезы все лились неудержимо.

— Плакать... это хорошо... Буду знать, что у меня... что-то было въ жизни... былъ кто-то... Кто-то прекрасный... Кто плакалъ по мнѣ...

— Владиміръ, не разговаривай. Тебѣ запрещено... Ради Бога... Онъ усмѣхнулся.

— А когда жъ поговоримъ? Другого времени... не будетъ.

— Когда поправишься, поговоримъ... Наговоримся...

— Я не поправлюсь... Знаю... Это такъ всегда... Сколько ужъ было ихъ... Такихъ... Осколокъ въ легкомъ... Извлекаютъ... Хорошо. Искусство хирурга торжествуетъ... Но часъ-другой... Зараженіе крови и... конецъ. У меня уже начинается... Посмотри лобъ...

Она приложила руку къ его лбу. Онъ былъ горячъ. Она встала, растерянно глядѣла по сторонамъ, хотѣла выйти, позвать сестру...

— Термометръ надо,—сказала она.

Но онъ взялъ ея руку и слабо потянулъ ее книзу.

— Садись. Не надо... Термометръ. Ледъ... Это все формальности... А конецъ ясенъ... Людмила!.. У тебя хорошее русское имя... Какъ я люблю Россію!.. Я хотѣлъ бы, чтобы и тамъ... тамъ... тоже была Россія...

Поищи подъ подушкой...

Людмила подложила руку подъ подушку и вынула какую-то вещь. Смотритъ, узнаетъ и не понимаетъ, какъ будто забыла всю исторію.

— Твой кошелекъ... Сбереги на память обо мнѣ...

Какъ хорошо... что ты все-таки приѣхала... Не уходи до послѣдней... послѣдняго вздоха... Мнѣ будетъ казаться, что я... всю жизнь до конца... прожилъ съ тобой... А ты... Можетъ, хочешь сказать что? Говори...

— Да, я хочу сказать тебѣ, милый Владиміръ... Хочу сказать, какъ благодарна я тебѣ за тотъ яркий свѣтъ, что свѣтитъ мнѣ съ далекаго маяка... Ты былъ тѣмъ маякомъ... До тебя я не знала, куда иду... Темна была моя жизнь, темно было кругомъ... А ты... ты показалъ мнѣ дорогу...

В. Спасскій

Она прижимала его руку къ своему лбу, цѣловала ее...
(стр. 495).

— Я? Что ты? Я такой простецъ... Гдѣ мнѣ!..
— Молчи, молчи... Ты еще поправишься... Судьба должна дать это намъ... Она не можетъ быть такъ жестока...

Онъ отрицательно покачалъ головой, но не сказалъ ни слова. Вѣки его опустились, онъ какъ-то вдругъ весь обезцвѣлъ.

— Владимиръ! — тихимъ шопотомъ позвала она, но онъ, утомленный волненіемъ и разговоромъ, должно-быть, глубоко заснулъ.

Тогда она поднялась, пріотворила дверь. Въ коридорѣ нервно, но осторожно ходить взадъ и впередъ прапорщикъ Чоколевъ.

— Позовите сестру! — сказала она ему. — У него сильно поднялась температура.

Чоколевъ какъ-то странно, безнадежно махнулъ рукой и скрылся. Черезъ минуту вошла сестра съ градусникомъ, осторожно поставила его подъ мышку и осталась наблюдать. Людмила отошла къ окну и стояла неподвижно, можетъ-быть, много часовъ, въ какомъ-то полусознательномъ состояніи.

Видѣла тревогу въ глазахъ сестры. Приходилъ докторъ — высокій, съ бородкой, въ очкахъ, входилъ и прапорщикъ. Суетились, посылали зачѣмъ-то, клали на голову вузырь со льдомъ, что-то вприскивали подъ кожу.

А у нея въ головѣ засѣли и повторялись слова: „термометръ... ледъ... это все формальности... а конецъ ясенъ“... И ей былъ ясенъ конецъ.

Подпоручикъ бредилъ, вскрикивалъ, впадалъ въ изнеможеніе и о ней не вспоминалъ. А у тѣхъ, что такъ старательно, добросовѣстно и сердечно мѣняли ледъ, провѣряли температуру, вприскивали и выполняли множество другихъ „формальностей“, на лицахъ было написано, что они знаютъ и уже не надѣются и не сомнѣваются, но считали бы себя преступными, если бъ не сдѣлали все то, что полагается по ихъ наукѣ.

Поручикъ дышалъ тяжело. Вдругъ открылъ глаза, обвелъ взглядомъ всѣхъ.

— Гдѣ же?..

Людмила однимъ движеніемъ — словно по воздуху очутилась около него.

— Руку...

Она положила обѣ руки на его голову, низко наклонилась къ нему и прошептала:

— Я здѣсь... Я съ тобой...

— Прощай... Спасибо... — произнесъ онъ едва слышно, или показалось ей, что онъ произнесъ это, все равно, она слышала и запомнила на всю жизнь.

Онъ странно вздрогнулъ, какъ во снѣ, когда привидится невыразимо страшное, и какъ-то вдругъ ею и всѣми почувствовалось, что жизнь отошла отъ него. Докторъ взялъ его руку и съ минуту подержалъ въ своей. Это тоже была „формальность“, — потому осторожно, какъ бы боясь разбудить его, положилъ ее на кровать.

И разомъ все прекратилось. Термометръ, мѣшокъ со льдомъ, всѣ хлопоты и вся суета. Прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ прапорщикъ Чоколевъ, и слезы струились по его ребяческому лицу. Людмила подошла къ нему, протянула руку и поцѣловала его въ лобъ.

Потомъ были хлопоты. Въ деревню на ночлегъ она не пошла. Ночь протолкалась здѣсь. Познакомилась съ сестрами, онѣ ее пріютили.

Утромъ, послѣ того, какъ вышло разрѣшеніе, она вмѣстѣ съ прапорщикомъ хлопотала о вагонѣ для своего дорогого покойника. Это было очень трудно. Посылали телеграмму, просили, умоляли... Наконецъ добились. Къ вечеру прибылъ вагонъ.

Гробъ принесли на вокзалъ торжественно. Пришли всѣ, что нашлись здѣсь, и тѣ, что были въ состояніи выйти изъ лазарета. Богъ знаетъ откуда набросали цвѣтвъ, много цвѣтвъ... Ими былъ засыпанъ гробъ.

Людмилѣ пожимали руки люди, которыхъ она видѣла въ первый разъ. Сестры цѣловали ее. И она чувствовала въ эти минуты, что душа ея сливается съ тѣмъ міромъ, который раньше былъ такъ далеко и такъ чуждъ ей.

„А что я сдѣлала? Боже мой... Такую малость... И они это цѣнятъ и благодарны“...

Уже прошло много недѣль съ тѣхъ поръ, какъ въ Новгородѣ прибылъ печальный вагонъ въ сопровожденіи Людмилы Сермягиной. Случилось это въ семь часовъ утра, но столь ранній часъ не помѣшалъ Ивану Матвѣвичу и Сонѣ, и даже тетушкѣ, быть здѣсь и устроить надлежащую встрѣчу.

Иванъ Матвѣвичъ принесъ роскошный вѣнокъ, а Соня — цвѣты. Были здѣсь также духовныя лица, встрѣтили тѣло подпоручника Граменскаго литіей. Оттуда процессія направилась въ одну изъ ближайшихъ церквей, а послѣ подпоручника проводили за городъ на скромное кладбище селенія, которое лежало близъ бывшей фермы, нынѣ санаторіи имени Людмилы Сермягиной.

— Здѣсь онъ будетъ близко къ намъ и къ своимъ, — сказала Людмила.

Въ санаторіи уже были жильцы и каждый день прибавлялись. Это были есаулы, которые выписались изъ лазаретовъ. Здѣсь они отдыхали и окончательно восстанавливались на вольномъ воздухѣ.

И Людмила отдыхала и чувствовала себя такъ, будто перенесла долгую, тяжелую, изнурительную болѣзнь. Всѣ силы отяжеля у нея одна та ночь, тѣ нѣсколько часовъ, которые она провела въ комнатѣ, гдѣ угасалъ ея маякъ. Только-что найти и тутъ же потерять — это требовало всѣхъ нервныхъ силъ, какія у нея были.

Своимъ въ Петроградъ она сообщила что-то формальное. Ей нужно было только, чтобы ее не трогали и оставили въ покоѣ. Но она могла видѣть изумительное проявленіе чувства со стороны Ивана Матвѣвича, ему только одному свойственное, одной его деликатной душѣ.

Онъ понималъ, что ей теперь одно только и нужно: чтобы ее предоставили самой себѣ, и всѣми силами старался сдѣлать это. Ничѣмъ, ни однимъ намекомъ, ни движеніемъ лица не показавъ онъ ей не только своей любви, но даже и поклоненія. И самый этотъ покой, который былъ такъ нуженъ ей душѣ, онъ устроилъ такъ, чтобы она не замѣчала этого. Но она все видѣла и все больше и больше цѣнила этого человѣка.

Она жила у нихъ въ городѣ, но почти цѣлые дни проводила въ своей санаторіи. Тамъ она была главное лицо, все отъ нея исходило, и это поглощало ее всю.

Но вотъ изъ дому стали приходить письма, сперва осторожныя, а потомъ назойливыя. Родіонъ Леонтьевичъ не стеснялся даже намекать на неудобство пребыванія ея въ домѣ, гдѣ есть холостой мужчина...

Это раздражало Людмилу. А съ другой стороны она не могла не видѣть, что Иванъ Матвѣвичъ въ глубинѣ души страдаетъ, что, несмотря на то, что онъ тогда повѣрилъ ей, все же въ сердцѣ его противъ воли остались сомнѣніе и ревность къ тому, ради котораго она такъ стремительно уѣхала. Нужно было все это кончить.

Да и сама она начинала ощущать какое-то возстановленіе, какъ будто она возвращалась къ жизни. Было большое страданіе, сердце истекало кровью, но оно осталось здоровымъ и цѣльнымъ.

И вотъ однажды она пришла къ Ивану Матвѣвичу и, прямо глядя ему въ глаза, сказала:

— Иванъ Матвѣвичъ, если я не заблуждаюсь, что вы меня любите, то — возьмите меня въ жены...

Иванъ Матвѣвичъ не понималъ. Ему показалось, что это шутка или бредъ воображенія, или что угодно, только не дѣйствительность. Но Людмила уже хорошо знала его и потому спокойно выждала, давая ему прійти въ себя и повторила предложеніе.

И стала женой Ивана Матвѣвича Велесова, который по этой причинѣ почиталъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, ибѣ, даже какимъ-то исключительнымъ баловнемъ судьбы.

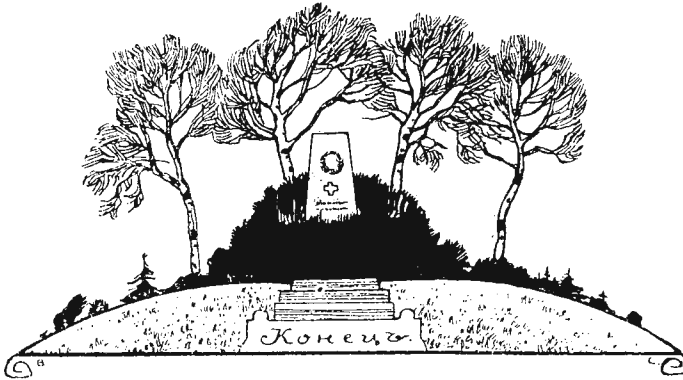
Конечно, пришлось дать удовлетвореніе и Родіону Леонтьевичу съ Дарьей Авксентьевной. Ѣздили въ Петроградъ съ родственнымъ визитомъ и, хотя заднимъ числомъ, а все же получили благословеніе.

Родіонъ Леонтьевичъ расчувствовался до того, что захотѣлъ совершить подвигъ милосердія и отвалить цѣлыя пять тысячъ на Людмилину санаторію. Однакожъ онъ былъ удивленъ и огорченъ, когда и послѣ этого Иванъ Матвѣвичъ деликатно отклонилъ предложеніе осуществить иржекій замыселъ и составить компанію.

Андрей нашель-таки способъ увильнуть отъ настоящей службы и, хотя носилъ солдатскій мундиръ, но жилъ въ Петроградѣ и имѣлъ достаточно времени, чтобы руководить своимъ молочнымъ дѣломъ.

Все успокоилось. Людмила пристрастилась къ своей санаторіи, расширяла ее, собиралась въ близкомъ будущемъ воздвигнуть тамъ цѣлый хуторокъ съ той же цѣлью и больницей и еще много кой-чего, чего хватить ей на всю жизнь.

Иванъ Матвѣвичъ вполне раздѣлялъ ея планы и всѣми силами способствовалъ имъ. Онъ больше не ревновалъ ее къ подпоручику, а только неизмѣнно обожалъ ее.

Похороны дѣтей, убитыхъ германцами во время налета цеппелина на Рэмсгэтъ (близъ Лондона).

Дѣтоубійцы

(Съ рис. на этой страницѣ).

Въ 1871 году во время осады Парижа пруссаками былъ моментъ, когда весь городъ, уже достаточно привыкшій къ ужасамъ войны и осады, дрогнулъ отъ негодованія и скорби.

Это было 5-го января, на другой день послѣ первой бомбардировки Парижа. Утромъ въ этотъ день парижане прочитали въ газетахъ слѣдующее коротенькое извѣщеніе:

„Г-нъ и г-жа Жюль Лежандръ съ глубокой печалью извѣщаютъ о смерти своихъ дочерей: Алисы трехъ лѣтъ и Клемансъ восьми лѣтъ, убитыхъ прусскою гранатой“.

Смерть ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, случайно попавшихъ подъ случайно угодившую въ данный домъ гранату, взволновала все населеніе отъ мала до велика. По адресу пруссаковъ еще никогда не сыпалось столько тяжелыхъ проклятій и укоризнъ, какъ въ этотъ день. Луи Бланъ называлъ ихъ „варварами, которые прошли курсъ Политехнической школы“... Прошли курсъ высшаго учебнаго заведенія, но остались варварами, убивающими женщинъ и дѣтей. Черезъ два дня громадная толпа парижанъ плакала на похоронахъ бѣдныхъ маленькихъ Алисы и Клемансъ Лежандръ... И людямъ, уже прошедшимъ черезъ ужасы военныхъ бѣдствій, уже видавшимъ множество смертей и смертныхъ страданій, но еще не привыкшимъ къ избіенію дѣтей, казалось, что насталъ послѣдній день для человѣческой и христіанской культуры... Ибо убивали дѣтей! Вернулись дни Ирода...

Алиса и Клемансъ Лежандръ были первыми дѣтьми—жертвами германскихъ дѣтоубійцъ, по крайней мѣрѣ, первыми, чьи имена дошли до насъ, спустя сорокъ пять лѣтъ. И имена этихъ перво-мученицъ приходятъ на память теперь, въ эпоху другой, неизмѣримо болѣе жестокой и страшной войны, затѣянной германцами,—войны, въ которой гибель дѣтей отъ вражескихъ гранатъ уже стала—увъ!—обычной. Чтò сказали бы теперь тѣ парижане, которые хоронили дѣвочекъ Лежандръ? Какія проклятія вырвались бы у нихъ изъ устъ теперь? Какое тягостное недоумѣніе охватило бы ихъ въ наши дни, когда десятки дѣтей падаютъ жертвами уже не случайныхъ гранатъ, а специальныхъ нападений на мирные города—на женщинъ, дѣтей, больныхъ, раненыхъ?

Знаменитый художникъ Ремекерсъ, умѣющій съ такой страстной энергіей протеста и скорби увѣковѣчивать ужасы бельгійской рѣзни, оставилъ намъ рисунокъ, изображающій отца, вернушагося цѣлымъ и невредимымъ домой, въ свой городъ,

съ полей битвъ, изъ-подъ ураганнаго огня германцевъ—и опускающаго въ могилу маленькій гробикъ своей дочери... Туанетта не была ни въ одномъ изъ сраженій, она не воевала съ германцами, она даже еще не понимала, чтò такое война,—но она убила на войнѣ!

Другой великій художникъ—сама жизнь—оставилъ намъ цѣлый рядъ еще болѣе потрясающихъ сценъ. Ихъ увѣковѣчила фотографія, нѣмая и безстрастная въ своемъ воспроизведеніи жизни, но иной разъ умѣющая говорить громче и убѣдительнѣе, чѣмъ самый вдохновенный художникъ... Одинъ изъ такихъ фотографическихъ снимковъ читатели видятъ на этой страницѣ.

Это тоже похороны. Тоже дѣтскіе гробики. Кто лежитъ въ нихъ, безмолвный и увидшій, какъ цвѣтокъ, растоптанный при дорогѣ? Чьей семьѣ радость и надежда? Мы не знаемъ именъ ихъ, равно какъ не знаемъ и тѣхъ новыхъ именъ, полныхъ красоты, музыки и славы, которыми эти маленькія жертвы увѣнчаны въ царствѣ вѣчнаго мира и любви. Мы знаемъ одно: это—дѣти, умерщвленные графомъ Цеппелиномъ. Это—жертвы военнаго налета воздушнаго корабля на мирный городокъ Рэмсгэтъ близъ Лондона. Никакихъ военныхъ цѣлей налетъ этотъ не преслѣдовалъ и не могъ преслѣдовать, потому что Рэмсгэтъ не былъ ни укрѣпленіемъ ни военнымъ пунктомъ. Нѣмцамъ понадобилось бросить бомбы въ мирное населеніе ради простого убійства. „Военныхъ потерь не было“,—гласило официальное извѣщеніе. На языкѣ безстрастной свидѣтельницы—жизни это значило, что были потери дѣтьми... И никогда не будетъ для нѣмцевъ эпохи Вильгельма и кронпринца болѣе тяжкаго обвинительнаго акта, чѣмъ эти простыя слова: „военныхъ потерь не было“.

Вмѣстѣ съ маленькимъ газетнымъ объявленіемъ 1871 года о смерти Алисы и Клемансъ Лежандръ, вмѣстѣ съ картинами Ремекерса и фотографіями и описаніями германскихъ налетовъ, слова официальныхъ донесеній о бессмысленныхъ разбойничьихъ нападеніяхъ на дѣтей и женщинъ пройдутъ изъ рода въ родъ и заклеятъ германское племя вѣчнымъ позоромъ.

Поглядите на этого мальчугана, идущаго съ опущенной головой за гробомъ своего брата или сестры... Какія мысли зарождаются сей часъ въ этой головѣ? Этотъ мальчикъ потомъ не будетъ удивляться никакому злодѣйству германцевъ. Духовно онъ гораздо зрѣлѣе тѣхъ парижанъ, которые вздрогнули при извѣстии о гибели убитыхъ бомбою маленькихъ парижанокъ. Онъ

знать, нѣмцевъ—и въ будущемъ онъ сумѣетъ бросить имъ гордое слово:

— Вы хотѣли быть господами міра, но вы рабы! Потому что только рабы, возставшіе на господина, избиваютъ его дѣтей: только рабы не дерзаютъ сражаться открыто съ сильными и предпочитаютъ нападеніе на слабѣйшихъ!

А тѣ убиенные, тѣ, кто неожиданно отъ игръ и улыбокъ перешли къ вѣнцу смертнаго страданія,—какими страшными свидѣтелями крови явятся они на Судѣ противъ Вильгельма и графа Цеппелина!

Спросить ихъ Судія:

— Чтѣ сдѣлали вы вашимъ убійцамъ? Чѣмъ вы вызвали гибель ихъ противъ себя?

Маленькая героиня.

Парижане, оставшіеся въ сентябрѣ 1914 года въ Парижѣ, несмотря на приближеніе непріятеля, въ концѣ концовъ освоились съ почти ежедневными налетами аэроплановъ на городъ. Появленіе въ голубомъ небѣ непріятельской „птицы“ встрѣчалось громкими, чуть ли не радостными, возгласами:

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!

Выбѣгали на улицу, высовывались въ окна, нѣкоторые влѣзали даже на крышу.

Смѣлый и насмѣшливый Парижъ встрѣчалъ угрозу „таубе“ громкимъ смѣхомъ и шутками. Ни за что на свѣтѣ парижскіе зѣваки не согласились бы пропустить налетъ нѣмецкаго аэроплана. Не даромъ какой-то мальчишка, слѣдившій за аэропланомъ съ засунутыми въ карманы руками, нетерпѣливо воскликнулъ:

— Да ну же! Бросай скорѣе бомбу! Обѣдать пора.

Эта фраза была лучшимъ доказательствомъ полного презрѣнія парижанъ къ опасности.

27-го сентября съ „таубе“ была сброшена бомба въ складъ военной амуниціи. Въ это время по улицѣ проѣзжалъ автомобиль, въ которомъ сидѣлъ старый нотаріусъ. Вблизи проходила маленькая дѣвочка. Автомобиль отъ взрыва бомбы былъ разломанъ на мелкіе кусочки, нотаріусъ былъ убитъ наповалъ, а дѣ-

А они отвѣтятъ:

— Мы сосали грудь нашей матери. Мы играли. Мы улыбались солнцу и цвѣтамъ... Мы еще не знали, что такое гибель и врагъ, война и кровь.

Есть сказаніе о дѣтскихъ слезахъ. Каждая слезинка, пролитая обиженнымъ беззащитнымъ ребенкомъ, превращается въ черный брильянтъ, тяжелый, какъ гранитная глыба. И Судьба вѣшаетъ на шею обидчику ожерелье изъ этихъ брильянтовъ, и оно душишь его.

Во что превращаются капли дѣтской крови, пролитой дѣтубійцами-германцами? Легенды молчатъ объ этомъ... Легенды еще не знаютъ этого ужаса... И объ этомъ скажетъ когда-нибудь потомъ сама жизнь.

вочка повержена на землю. Вокругъ нея быстро образовалась лужа крови.

Первымъ подбѣжавшимъ къ ней прохожимъ она сказала:

— Больно... Не говорите мамѣ. Я боюсь, что это опасно.

Затѣмъ она спокойно назвала свое имя:

— Дениза Картье.

Дѣвочку поспѣшно перенесли въ больницу. Врачъ осмотрѣлъ ее и сказалъ, что необходимо ампутировать ногу.

Хотя Дениза доказала твердость своего характера, но никто не рѣшился сообщить ей о ея несчастьѣ. Это было поручено ея матери. Несчастливая мать страдала больше дочери. Денизѣ пришлось успокаивать ее:

— Не плачь, мама,—говорила она,—я отдала ногу Франціи.

Впоследствии, когда она стала поправляться, она цѣлыми днями вязала теплыя вещи для солдатъ.

— Увѣрю тебя, мама,—сказала она однажды матери,—что мнѣ гораздо больше нравится вязать, чѣмъ прыгать черезъ скакалку... И потомъ, когда я поѣду лѣтомъ къ тетѣ въ деревню, тебѣ не придется беспокоиться за меня, бояться, что я упаду и расшибусь. Ты будешь знать, что я сижу на мѣстѣ и не будешь волноваться...

Къ великой годовщинѣ.

1914 ¹⁹/_{VII} 1916.

Она уже близка—*вторая* годовщина
Того святого дня, когда родной народъ
Грудь къ груди встрѣтился съ насильемъ чужанина,
Ворвавшася къ намъ лавиною невзгодъ,
Въ надеждѣ сокрушить славянства исполина
Въ *Четырнадцатый* годъ.

О, этотъ грозный годъ кроваваго разгула,
Годъ, въ лѣтопись вѣковъ преступною рукой
Внесенный, годъ—когда «довѣре обманула
Ложь, возведенная въ культуры высшій строй»,
Годъ адскихъ канонадъ немолкнушаго гула,
Годъ жертвъ неслыханныхъ, годъ бури боевой!..

День девятнадцатаго іюля рокового
Навѣки въ памяти всѣхъ странъ и всѣхъ племенъ;
Онъ, гранью новой ставъ на рубежѣ былого,
Судьбы Европы всей рѣшить былъ обреченъ—
Въ расчетахъ дерзостныхъ вождя слѣпцовъ слѣплого,
Кѣмъ мечъ коварно былъ надъ миромъ занесенъ.

И онъ разбилъ весь міръ на два враждебныхъ стана:
Поработители, предатели, рабы—
Въ одномъ, надъ кратеромъ дремавшаго вулкана
Справляющіе пиръ губительной борьбы;
Въ другомъ—соратники славянскаго титана,
Борцы за свѣтъ свободъ, за лучшія судьбы...

Четырнадцатый годъ,—онъ только былъ предтечей
Преемниковъ своихъ: судебъ онъ не рѣшилъ.
Въ *Пятнадцатомъ*—съ его ожесточенной сѣчей—
Уравновѣсилась готовность ратныхъ силъ;
Но сколько онъ нанесъ народамъ всѣмъ увѣчій,
Какъ много вырылъ онъ безвременныхъ могилъ!..

Былъ врагъ нашъ опьяненъ обманчивымъ успѣхомъ,
Доставшимся ему цѣною чести всей,—
Позорною цѣной,—всѣхъ преступленій эхомъ
Успѣхъ отозвался съ привислинскихъ полей,
Съ лѣсныхъ литовскихъ пушцъ,—ударилъ по доспѣхамъ
И въ грудь и въ тылъ ему налетъ богатырей.

Они воспрянули, по всѣмъ кровавымъ нивамъ
Пошли они впередъ, какъ буйный ураганъ,
Вся мощь родныхъ Добрынь въ нихъ хлынула разливомъ
На хищниковъ-враговъ тысячеверстный станъ,
Вездѣ кладя предѣлъ ихъ замысламъ кичливымъ,
Имъ всюду нанося глубокихъ язвы ранъ...

Ты, годъ *Шестнадцатый*, ты вынесешь рѣшенье,
Желанный дашь исходъ разладу двухъ міровъ,
Ты истощишь въ конецъ безумства изступленья,
Ты гидру зла спалишь огнемъ своихъ громовъ,
Ты—годъ возмездія за дерзость преступленья,
За безпримѣрныя жестокости враговъ!..

Да, *годъ возмездія!*. Оно уже настало,
О немъ уже гремѣлъ побѣдный вѣшній громъ,
Іюньская гроза врасплохъ врага застала,
Прозимовавшаго на фронтѣ боевомъ...
Нашъ древній Святогоръ лишь приподнял забрало
Да крѣпче на чело надвинулъ свой шоломъ,—

И онъ уже нашелъ земли родимой тягу,
И бросилъ онъ ее съ размаха на врага,
Дерзнувшаго хулить сыновъ Руси отвалу,
Покинувшихъ уютъ родного очага
И плоть и кровь свою несущихъ въ жертву благу
Всѣхъ, для кого не жизнь—отчизна дорога...

Нашъ *Святогоръ-народъ*, въ невзгодахъ закаленный,
Со славою завершитъ страды великій путь,—
Въ немъ духъ окрѣпѣвъ въ бояхъ, всей мощью ополченной
Вздыхнула въ дни скорбей его живая грудь,
И онъ пошелъ впередъ, страданьемъ искупленный,
И вновь его назадъ съ дороги не свернуть.

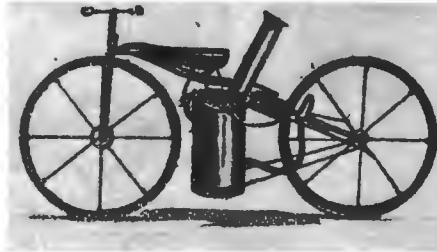
Онъ—ко всему готовъ... Его сыновъ дружины
Побѣдоносныя врѣзаются въ оплотъ
Насильника-врага,—съ равнинной Буковины
Предгорьями Карпатъ Господь ихъ стягъ несетъ...
О, будь благословенъ въ святой день годовщины,
Четырнадцатый годъ!..

Аполлонъ Коринфскій.

Мотоциклетка на войнѣ и въ тылу.

Очеркъ М. А. Лятскаго. (Съ 7 рис.)

Автомобиль, который за два года мировой борьбы не только оправдалъ всѣ надежды, возлагавшіяся на него военной техникой, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превзошелъ самую смѣлую ожиданія. совершенно затмилъ своей популярностью мотоциклетку, слывущую „мень-

Первая мотоциклетка, построенная въ 1868 г. В.-В. Аустинюмъ.

Мотоциклетка Г. Даймлера.

шую сестрой“ его. Между тѣмъ служба, которую несетъ мотоциклетка за время войны, настолько существенна и плодотворна, что не можетъ не занимать всѣхъ тѣхъ, кто интересуется приемами, способами и средствами современной войны.

Если вообще обязательно сопоставлять автомобиль и мотоциклетку, какъ два однородныхъ по существу и характеру изобрѣтенія, то гораздо болѣе соответствовало бы истинѣ, если бы первый изъ нихъ носилъ название „меньшого брата“ второй. Дѣло въ томъ, что, когда въ 1860 г. былъ устроенъ первый газовый двигатель, явившійся, благодаря своей легкости, опаснымъ конкурентомъ тяжеловѣснымъ паровымъ двигателямъ, и снова воскресла у изобрѣтателей и конструкторовъ старая *) идея самодвижущейся повозки, то первоначальные опыты примѣненія новаго двигателя для цѣлей передвиженія были произведены именно надъ велосипедомъ.

Мѣстомъ этихъ опытовъ былъ американскій городъ Уинтропъ (штатъ Массачусетсъ). Имъ занимался мѣстный механикъ Вильямъ-Вудро Аустинъ, которому, послѣ долгихъ усилій, удалось въ 1868 г. сконструировать первый моторный велосипедъ-мотоциклетку. Аустинъ, при выборѣ наиболѣе подходящаго типа велосипеда, остановился на двухколесномъ типѣ, который до тѣхъ поръ былъ почти неизвѣстенъ. Такимъ образомъ этому американцу принадлежитъ честь двойного изобрѣтенія, но меньшей мѣрѣ, двойной инициативы.

Передняя часть аустиновской мотоциклетки весьма напоминала теперешній дѣтскій дешевый велосипедъ: тотъ же примитивный руль, то же жесткое безхитрое сидѣнье. Двигатель помещался подъ сидѣнемъ, нѣсколько позади него, при чемъ поршень былъ расположенъ параллельно рамѣ, спускавшейся къ оси задняго колеса. Неподвижная ось соединялась съ поршнемъ посредствомъ рычага, который и вращалъ колесо. Газъ, приво-

Гоночная американская семейная мотоциклетка.

дившій въ дѣйствіе поршень, исходилъ изъ главнаго резервуара по мѣдной трубкѣ и по такой же трубкѣ опять туда попадалъ. Двигатель былъ снабженъ дымовой трубой, въ родѣ самоварной, нѣсколько отогнутой назадъ, но все же близкой къ спинѣ мотоциклиста, которая, надо полагать, покрывалась порядочнымъ слоемъ копоти.

Педали на аустиновской мотоциклеткѣ отсутствовали.

Скорость мотоциклетки Аустина колебалась отъ 5 до 7 англійскихъ миль въ часъ, въ зависимости отъ состоянія дороги и погоды. Эта черепашия скорость главнымъ образомъ раздражала изобрѣтателя и вызывала въ немъ недовольство машиной. Аустинъ прилагалъ всѣ усилія къ усовершенствованію ея, но это ему не удалось, и расчетливый американецъ сдалъ свои модели въ музей родного города и занялся другимъ дѣломъ.

Идея мотоциклетки однако не заглохла и черезъ продолжительный промежутокъ времени перенеслась въ Германію, гдѣ въ 1887 г. инженеръ Готтлибъ Даймлеръ построилъ весьма сложную, громоздкую, но довольно быстроходную и представлявшую уже нѣкоторыя удобства для ѣздока мотоциклетку.

Идея самодвижущейся повозки была въ принципѣ разбѣшена, оставалось только расширять ее и совершенствовать. И тутъ началось современаніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ.

Въ Европѣ—послѣдовательно въ Германіи, Франціи и Англии—идея самодвижущейся машины срослась съ понятіемъ о четырехколесномъ спокойномъ, удобномъ экипажѣ, и конструкторы перешли къ автомобилю, сосредоточивъ на немъ главное свое вниманіе. Америка же, съ ея врожденной любовью къ спорту, осталась вѣрной первоначальному виду самодвижущейся машины—мотоциклеткѣ, болѣе соответствующей характеру и цѣлямъ спорта, и занялась ея усовершенствованіемъ.

Ни у насъ, ни во Франціи, ни даже въ Англии конструкторы не дошли, напримѣръ, до устройства такъ называемой семейной мотоциклетки. Въ Петроградѣ только съ начала войны появились мотоциклетки съ боковой телѣжкой, въ которой помещается лишь одинъ человекъ. Между тѣмъ въ Америкѣ уже нѣсколько лѣтъ находятся въ обращеніи мотоциклетки, поднимающія четырехъ человекъ и получившія название „семейныхъ“. Онѣ бываютъ разнаго типа, разной силы и пользуются большимъ распространеніемъ какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ по дорогамъ можно встрѣтить длинныя вереницы семейныхъ мотоциклетокъ: это городскіе жители, или фермеры со всѣми своими домочадцами отправляются къ

Американская семейная мотоциклетка съ зонтомъ для защиты отъ дождя и солнца.

*) Отцомъ самодвижущейся повозки считается французскій офицеръ-артиллеристъ Кюньо, устроившій въ 1769 г. трехколесный пушечный лафетъ съ паровой машиной впереди. Опыты Кюньо окончились уличной катастрофой и матеріальнымъ разореніемъ изобрѣтателя. Нынѣ лафетъ этотъ хранится въ парижскомъ музѣи ремесла и искусствъ. Столь же неудачны были попытки построить самодвижущуюся повозку Тревтика и Мурдока въ 1781 и 1802 гг. Послѣ этого опыты прекратились на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

родственникамъ, живущимъ въ нѣсколькихъ десяткахъ миль, на обѣдъ или просто съ визитомъ. Иногда мѣстныя фирмы или газеты устраиваютъ гонки на семейныхъ мотоциклеткахъ, и побѣдители гордо во з в р а щ а ю т с я

ются домой съ призовыми кубками.

Въ Америкѣ на мотоциклетахъ ѣздятъ старики и юноши, дамы и дѣвицы. На углахъ менѣе оживленныхъ улицъ и на дорогахъ нерѣдко видишь прекрасно одѣтую барышню, толково и съ увлеченіемъ чинящую закапризничавшую машину.

Такимъ образомъ Америка далеко опередила Европу въ смыслѣ пользования услугами мотоциклета, что однако объясняется очень просто. Во-первыхъ, нигдѣ такъ дорого не цѣнится время, какъ въ странѣ янки, и это заставляетъ послѣдняго прибѣгать къ моторному велосипеду тамъ, гдѣ свореецъ легко обходится обыкновеннымъ стальнымъ конемъ. Во-вторыхъ же, — а это самое главное, — русскому, напримеръ, или даже англичанину передъ тѣмъ, какъ приобрести мотоциклета, требуется прежде всего ознакомиться съ ея устройствомъ и научиться управлять ею и обходиться съ нею, между тѣмъ какъ американскій юноша или дѣвица, окончившіе хотя бы среднюю школу, уже давно это прекрасно усвоили, ибо въ школахъ учащихся знакомятъ теоретически и практически со всѣми способами передвиженія, какъ наиболѣе современными видами спорта.

Обратимся теперь къ той роли, которую мотоциклета играетъ въ современной войнѣ. Принято думать, что здѣсь она несетъ главнымъ образомъ разсыльную службу, что она замѣняетъ ординарцу коня. Въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ.

Ординарцы могутъ пользоваться мотоциклеткой только въ тылу, хотя бы ближайшемъ, и только тогда, когда нѣтъ основанія опасаться обращенія на себя вниманія непріятеля. Своей трескотней мотоциклета неизбежно должна возбудить лишнюю бдительность противника. Но въ тылу, разумѣется, при удовлетворительномъ состояніи дорогъ, мотоциклета для цѣлей разсыльной службы является весьма, полезной. Не даромъ у насъ, какъ и въ арміяхъ нашихъ союзниковъ, имѣются спеціальныя войсковыя части мотоциклистовъ,

особенно многочисленныя и хорошо снаряженныя у англичанъ. Во французской арміи мотоциклета приспособлена также для перевозки извѣснаго вида груза. Подъ Верденомъ послѣ того, какъ германцы прервали желѣзнодорожное сообщеніе между крѣпостью и Парижемъ, армія генерала Петана стала снаб-

жаться всѣмъ необходимымъ помощью автомобилей и мотоциклетокъ.

Но главная служба мотоциклетокъ на фронтѣ — это служба санитарная. Доставка медикаментовъ съ одного пункта на другой, передвиженія врачебнаго персонала, наконецъ перевозка извѣснаго разряда раненыхъ — для этого мотоциклета подчасъ прямо незамѣнима, почему ей и удѣляется такъ много вниманія нашими союзниками и противниками.

По свѣдѣніямъ заграничныхъ источниковъ, туркамъ, одержавшимъ успѣхъ надъ экспедиционнымъ отрядомъ генерала Таусенда въ бездорожной Месопотаміи, очень много помогли мотоциклета, которыми ихъ снабдили германцы. Въ Месопотаміи состояніе дорогъ таково, что тяжелымъ автомобилямъ небезопасно пускаться въ путь, и здѣсь ихъ до извѣстной степени съ успѣхомъ замѣняютъ грузовыя и легковыя мотоциклета. Онѣ перевозятъ командный составъ, боевые и съѣстные припасы, поддерживаютъ связь между базой и дѣйствующей арміей и несутъ сложную санитарную службу.

Письмо.

Внезапный вашъ отъѣздъ и жажду примиренья
Теперь, когда все въ сердцѣ улеглось,
Я поняла безъ яда осужденія
Того, надъ чѣмъ грустить бы не пришлось.

Любовь вѣдь ослѣпляетъ — я не знала,
Что капля ссоры, вздутая въ волну,
Разбивши счастье, все же не домчала
Васъ, оскорбленный рыцарь, на войну.

Я все жъ цѣнила то, что, бросивъ мертвымъ чувство,
Вы такъ надѣялись, порвавъ съ минувшимъ нить,
Великимъ счастьемъ жертвы освятить
Холодной стали страшное искусство.

Но... вы не на войнѣ... Пусть ваши всѣ обманы
И это лживое теперь письмо ко мнѣ
Прошаю я, какъ боль зажившей раны...
Я не могу простить, что вы не на войнѣ.

Просите Родину, просите тѣхъ, чьи братья
Тамъ отдають любовь свою за Русь,
Простить васъ... Я жъ одна у скорбнаго Распятія,
Жалѣя васъ, быть-можетъ, помолюсь...

Сергѣй Михѣевъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Отрядъ английскихъ мотоциклистовъ.

Архивъ штаба арміи, перевозимый французскими мотоциклистами.

Доставка на поле битвы сестеръ милосердія.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 12.

1916 г.
№ 30
Выдѣтъ 23-го июля 1916 г.

XLVII г.
изданія

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непременна въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Главная Контора и редація: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

URODONAL

a base de Methyl-Glyoxalidine, de Quinate de Diéthylène-diamine et d'Hexaméthylène-tétramine

**PRÉPARÉ PAR
J.-L. CHATELAIN**

PHARMACIEN DE 1re CLASSE
Ancien chef de Laboratoire et
Ancien interne des Hôpitaux de Paris

ARTHRITISME, RHUMATISME
ARTÉRIO SCLÉROSE OBESITÉ
LITHIASES RENALE & BILIAIRE
GOUTTE, GRAVELLE, DOULEURS
PITUITES, AIGREURS

3 cuillerées à café par jour, chacune dans un verre d'eau, entre les repas

états aigus: 3 cuillerées à soupe par jour
Attention contre indigestion possible, surtout, aucune forme de laxatifs, dès le début, du soir, si du soir même 1 dose avant d'aller à l'école

37 fois plus actif que la Lithine

MÉDAILLE D'OR, LONDRES 1906
GRANDS PRIX, BERLIN 1905 & OITE 1909
C^o Acad. de Médecine 10 Nov 1908
C^o Acad. des Sciences 14 Déc 1908

LES ÉTABLISSEMENTS CHATELAIN
PARIS.

== ОТЪ ==

**ревматизма, подагры,
артритизма,
мочевого песка**

Уродональ

Шателенъ.

Требуйте только Уродональ Шателена.

(Напечат. въ Прагѣ. Вѣст. 1916 г. № 226)

ФИРМА

ОСНОВАНА въ 1903 г.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО НАГРАЖДЕНА
НА ВЫСТАВКАХЪ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и проч.

Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ СЪМЕННОЙ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, лусѣ, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюдений высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 руб. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 2го почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр. Москва, Калефлюндъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическыхъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сѣрминомъ.

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. РЕГЕНТОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВН. ПѢНІЯ!

С. ЛЯПУНОВЪ. Соч. 62.
Херувимскія пѣсни: № № 1, 2. Достоѣно есть, Отецъ нашъ, Свѣте тихій, Хвалите Господа. Парт. и голоса отъ 20 до 50 к.

А. С. ТАНЪЕВЪ.
Пѣнѣ на литургіи св. Іоанна Златоустаго. Парт.—2р. Всѣ для смѣн. хора. 4р.

Нов. каталогъ дух. муз. соч.—бесплатно.
МОСКВА,
П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

ЛЕЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЕРЪ

Москва, И. Басманная, д. 14.

ЗАИКАНИЕМЪ

При лечебницѣ ПАИСІОНЪ. — ПЛАТА ВОЗМЪЩЕНІИ. — Исповнѣ дѣлится высше. бесплатно.

конторскую скоропись, рѣзко, готич. и русск. заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляюсамый дурной почеркъ. За 5 десятковъ марокъ вышлюобразцы шрифтовъ, почерки учениковъи условія. Одесса. Проф. Каллиграфія Адольфъ Коссодо. Дерибасовская, д. № 19.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требования на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстрая-зальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальницъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Расстояние не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ вашъ бесплатный проспектъ.

Въ виду продолжающихся затрудненій при отправкѣ грузовъ изъ Англии, заказы не могутъ быть выполнены немедленно по полученіи таковыхъ, а по очереди.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ. Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:

- 1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—60 к.
 - 2) Изгот. аккумуляторовъ—45 к.
 - 3) Изгот. сухихъ батареевъ—35 к.
 - 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаци—60 к.
 - 5) Устр. яндука медицинск. аппарата—45 к.
 - 6) Гальвано-пластика, никкеляр., волоч. и пр.—1 р. 20 к.
 - 7) Устр. динамо-маш. и электр.-мотор. до 500 уаттъ—1 р. 40 к.
 - 8) Устр. вольтметр., амперометр., респат. и пр.—80 к.
- Черезъ два до 1 р.—15 к., до 2 р.—25 к., до 3 р.—30 к. и т. д. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.

— **Всѣ 8 руковод. высыл. за 6 р. 10 к.; съ налож. плат.—6 р. 25 к.** —
Проспекты и отзывы высылаются бесплатно.
Адр.: Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козьминскій пер., д. 4—65. 4270

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (34)

ГАМАМЕЛИДЪ

НОВОЕ СРЕДСТВО

отъ **ГЕМОРРОЯ** ц. 1.50 к.

Продажа въ аптекахъ и аптек. магазинъ.

Адресъ: Москва, Елоховская, 4. Е. И. Германъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Бесплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Леготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ

является мечтой каждаго человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся громаднымъ успѣхомъ

заочной методѣ

обученія иностраннымъ языкамъ по изданію „АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ“. Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ въ короткое время изучить

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки.
КУРСЪ КАЖДАГО ЯЗЫКА СОСТОИТЪ ИЗЪ 10 ВЫП.

Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 40 коп.

Краткій проспектъ бесплатно. Подробный—за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44—62.

Одесск. Средн. Сельскохозяйственно-Гидротехническое училище, учр. И. И. Хойна. Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ.** Приемъ прошеній производится на 1916/17 уч. г. Проспекты высыл. за 5 двухкоп. мар. ОДЕССА, Пушкинская, 60—5. 4040 10-9

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА
для грудныхъ дѣтей со дня рожденія.
Получаются блестящіе результаты.
Брошюра № 12 по требованію бесплатно.
Англійское Акц. 0-во „АЛЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“.
Москва, Мясницкая, 32, почт. ящ. 226.

ПОДРОБНЫЙ СОСТАВЪ СРЕДСТВА
Противъ головной боли, мигрени, невралгій, ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей

КЕФАЛДОЛЬ Д-РА СТОРЪ
состоитъ изъ прибл. 50% фенацетина, 32% салициловой и 5% лимонной кислотъ, связанныхъ съ хининомъ (4%) и натріемъ. Кефалдоль—химическое соединеніе (не смѣшеніе), получающееся отъ воздѣйствія лимон. и салицил. кислотъ на фенетидины. Клиническими наблюденіями установлено, что Кефалдоль Сторъ даетъ болѣе быстрые результаты, чѣмъ однѣ составныя части его. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рец. вр. Опт. продажа изъ всѣхъ аптекарскихъ складовъ. Остерегайтесь поддѣлокъ и негодныхъ подражаній.

Старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., невралгія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Отклики войны.

Георгиевские кресты на чудотворную икону. 3-го июля с. г., в Георгиевский день, в Петроградъ во время торжественнаго молебствія на Сенатской площади (см. рис. въ № 29 «Нивы»), по окончаніи литургіи, съ крестнымъ ходомъ, съ сонмомъ духовенства, возглавляемаго высокопреосвященнымъ Питиримомъ, митрополитомъ петроградскимъ, при громадномъ стеченіи народа, среди шпалеръ войскъ — георгиевскихъ кавалеровъ — была торжественно перенесена изъ Исаакіевскаго собора на мѣсто молебствія Чудотворная Икона Божіей Матери Корсунской, прославившаяся чудотвореніями и спасеніемъ воиновъ на полѣ брани отъ вражеской пули.

Въ благодарность Царицѣ Небесной за спасеніе жизни многими изъ воиновъ поднесены были геройски заслуженные ими ордена: Георгиевскіе кресты и темляки.

Огневая завѣса. Объ артиллерійской огневой завѣсѣ часто упоминается въ военныхъ донесе-

У полевого телефона.

Спѣшное донесеніе.

ніяхъ и корреспонденціяхъ, но какая это непреодолимая преграда, знаютъ только тѣ, кто ее испыталъ. «Прежде всего, — рассказываетъ корреспондентъ «Новаго Времени», — «завѣсу» можетъ устраивать только тотъ, у кого снарядовъ неограниченное количество. Ежеминутно она ѣсть снаряды сотнями.

Каждой батареей назначается опредѣленный, весьма небольшой участокъ

Приказъ по телефону.

той полосы, которую желаютъ сдѣлать для врага непроходимой. Завѣса устраивается по «подходамъ» къ мѣсту боя. Чѣмъ уже подходы и чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ, конечно, легче устроить завѣсу. Если подходомъ служить гать, узкая долина, мостъ и т. п. дефиле, то непроходимую завѣсу можетъ устроить одинъ взводъ артиллеріи.

На высотѣ «389», согласно конфигураціи мѣстности, мы заняли первую линію вражескихъ окоповъ длиною сажень въ сто; «подходомъ» могла служить лощина на протяженіи такой же длины. Условія мѣстности позволяли врагу устроить завѣсу не только фронтальнымъ огнемъ, но и огнемъ съ обѣихъ фланговъ. Надо имѣть въ виду, что каждая разрывающаяся снарядная поражаема выходящими пулями пространство свыше ста шаговъ, осколки гранатъ разлетаются и поражаютъ въ кругу радиусомъ въ 150—200 шаговъ.

И вотъ, установивъ орудія батареи, предназначенныхъ для устройства завѣсы такъ, чтобы каждый снарядъ рвался отъ другого на разстояніи 40—80 шаговъ, неприятельскія батареи открываютъ бѣглый огонь, стрѣлая и гранатами и снарядными. Измѣнять при такомъ огнѣ установки нечего, — законъ разбѣиванія сдѣлаетъ свое дѣло.

Лощина покрывается огнемъ, свинцомъ и сталью, все закутывается сплошной стѣной дыма. Сверху летятъ осколки и стаканы разлетающихся снарядовъ, гудятъ дождь пуль, слышу, поднимая огромные фонтаны земли, съ адскимъ ревомъ

Глаза и уши окоповъ—у перископа и телефона.

рвутся гранаты и, как бы смѣясь и завывая въ разные тоны, несутся осколки. Полу-чается стѣна разрывовъ, сплошной огневой душъ. То рвется нѣсколько снарядовъ вмѣстѣ, то разрывы колотятъ дробью, то вдругъ на десятокъ секундъ огонь какъ бы замираетъ, становится тихо, и въ этой тишинѣ такъ ужасно бьютъ по нервамъ стоны храбрцовъ, рѣшившихся про-браться черезъ завѣсу. Сто-нетъ какъ бы сама земля подъ тяжестью зловѣщаго облака дыма, стонетъ воздухъ! Но снова оглушаетъ адъ разрывовъ, опять безъ удержу говорятъ пушки.

Приваль.

гния Роганъ. Общество носить на-звание: «Семья русскаго плѣннаго». Английская военная медаль для женщинъ. Английскій король уста-новляетъ, что военную медаль, учре-жденную въ мартѣ 1916 года для унтеръ-офицеровъ, могутъ полу-чать и женщины. «Медалью этой, — гласитъ королевскій указъ, — мо-гутъ быть награждены въ извѣ-стныхъ исключительныхъ слу-чаяхъ, по представленію командир-овъ частей, и отдѣльныхъ женщи-ны, проявившія самопожертваніе и храбрость подъ огнемъ, незави-симо отъ того, британскія ли под-данная, или нѣтъ».

Населеніе бѣжнть изъ Германіи. «Journal de Genève» приводитъ ин-тересныя цифры движенія пасса-жировъ въ международныхъ сооб-щеніяхъ—тамъ, гдѣ они еще воз-можны въ Европѣ. За 1915 годъ въ Австрію выѣхало изъ Швейцаріи 246.000 пассажировъ, а обратно изъ Австріи въ Швейцарію вы-ѣхало 1.875.314, т.е., въ 7 1/2 раза больше. Изъ Швейцаріи же выѣхало въ Германію 515.000, а обратно — около 3.000.000, въ томъ числѣ 1.675.000 женщинъ. Большая часть пассажировъ, прибывшихъ изъ Германіи, не осталась въ Швейцаріи, а выѣхала въ Италію или въ страны внѣ Европы.

Швейцарская газета дѣлаетъ изъ этого выводъ, что внутреннее состояніе центральныхъ державъ Европы настолько тяжело, что населеніе бѣжнть оттуда.

Опять на позиціи. Водопой.

Вотъ что называется «завѣсой». Теперь на каждую завѣсу врага мы мо-жемъ отвѣтить ему такой же, даже сильнѣйшей. «Семья русскаго плѣннаго». Въ Женевѣ организовалось новое общество для пособія русскимъ плѣннымъ. Основательницей его является г-жа Полозова, сестра милосердія во время войнъ 1870 и 1877 — 78 гг. Почетной предсѣ-дательницей общества избрана г-жа Извольская, а предсѣдательницей—герцо-

вѣхало 1.875.314, т.е., въ 7 1/2 раза больше. Изъ Швейцаріи же выѣхало въ Германію 515.000, а обратно — около 3.000.000, въ томъ числѣ 1.675.000 женщинъ. Большая часть пассажировъ, прибывшихъ изъ Германіи, не осталась въ Швейцаріи, а выѣхала въ Италію или въ страны внѣ Европы.

Швейцарская газета дѣлаетъ изъ этого выводъ, что внутреннее состояніе центральныхъ державъ Европы настолько тяжело, что населеніе бѣжнть оттуда.

Для СОЛИДНАГО ДѢЛА
 ПРИГЛАШАЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО **АГЕНТЫ** НА ОПРЕДѢЛ. ЖА-ЛОВАНЬЕ И ПРОЦ.
 ПРЕДЛОЖЕНІЕ СЕРЬЕЗНОЕ. Никакихъ затратъ отъ агентовъ не требуется. Воз-награжд. обезпеч. Предл. адрес: г. Феодосія, контора газеты «Юкраина».

При ГОНОРРЕѢ
 въ острой и хронической формѣ «ТІЗЕРИНЪ»
 послѣдствіяхъ ея прѣмѣняется
 Дра мед. Гороховской Для внутреннего употребл. Тизеринъ
 совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флаж. или короб. капсулъ 2р.
 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер.,
 1-28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

Акционерное : Общество „МУРАВЕЙ“ ПЕТРОГРАДЪ,
 3-я Рождественская, 26а.

Библиотека современныхъ европейскихъ классиковъ :

Д'АННУНЦІО, соб. с. 12 т. 13.50	БАНГЪ, 10 т. 10.—	ГАМСУНЪ, 14 т. 14.—	ГАРБОРГЪ, 7 т. 7.50	ГЛАУПМАНЪ, 14 т. 14.—	ГЕНСЕНЪ, 9 т. 9.—
отд. с. Мертвый городъ 1.—	Бѣлый домъ . 1.—	Борьба страст. 1.—	Мужчины . . . 1.—	Эльга и др. . . . 1.—	Пад. Короля 1.—
Невинный, романъ . . 1.—	Безъ родины 1.—	Голодь, романъ 1.—	Потерян. отецъ 1.—	Потом. колonoль 1.—	Новый свѣтъ 1.—
Наслажденіе, ром., и др. 1.50	Михаэль, и др. 1.—	Панъ, ром., и др. 1.—	Усталые, и др. 1.—	Ткачи, и др. . . . 1.—	Колесо, и др. . . 1.—
ЛАГЕРЛѢФЪ, 12 т. 12.—	ЛОТИ, 12 т. . . 12.—	МАНЪ, 7 т. . . 7.—	МЕТЕРЛИНКЪ, 6 т. 7.—	МИРБО, 10 т. . . 10.—	ПШИВЫШЕВСКІЙ, 10 т. 17.50
Иерусалимъ, 2 кн 2.—	Изгнаницы . 1.—	Конецъ Тирана 1.—	Сокровищ. смирен. 1.—	Дневн. горнич. 1.—	Сыны земли 1.50
Легенд. о Христѣ 1.—	Женитьба Лоти 1.—	Діана 1.—	Двойной садъ и др. 1.—	Аббатъ Жюль 1.—	Ното Sapiens 2.—
Чуд. Антихр., и др. 1.—	Трег. мол., и др. 1.—	Венева, и др. . 1.—	Чудо св. Антонія и др. 1.—	Садъ пыт., и др. 1.—	Золотое руно, и др. . 2.—
РЕЙМОНТЪ, 12 т. 14.50	РОДЕНЬЯХЪ, 5 т. 5.—	СТРИНДБЕРГЪ, 12 т. 12.—	ТЕТМАЙЕРЪ, 10 т. 11.75	УАЙЛЬДЪ, 8 т. 12.—	ФИБИХЪ, 9 т. . . 10.—
Броженіе 2 кн. . . 2.—	Прялка тумановъ 1.—	Красная комната 1.—	Ангель см. рти . 1.50	Идеальн. мужъ 1.50	Идѣльб и насущи. 1.—
Земля обѣтовъ. 2 к. 5.—	Избр. меньшенств. 1.—	Островитяне, ром. 1.—	Нагорн. уступ. 2 к. 2.25	Порт. Дор. Грея 1.50	Доч. Рейнс. земл. 2.—
Мужики 4 кн., и др. 3.—	Выше жизни, и др. 1.—	Колдунья, и др. . 1.—	Гибель, и др. . . 1.50	Саломея, и др. . 1.50	Бабыя дер., и др. 1.—
ФРАНСЪ, 12 т. 12.—	ШНИЦЛЕРЪ, 9 т. 9.50	ШОУ, 10 т. . . 11.—	ОТДѢЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: НОТАРИ, Три вора 50		
Тансъ, Кію . . . 1.—	Кривъ жизни и др. 1.—	Цезарь и Клеоп. 1.—	БЕРЕНТЬ, Гинлушки, ром. 2.—	НУАДЕ-ВИСКОТТЪ, Ненор. кор. 1.—	ПАТЕРЪ, Воображаемые портр. .—75
Валтасаръ . . . 1.—	Дорога къ волѣ 1.—	Трущобы и др. 1.—	БОБОРЫКИНЪ, Велик. разр. 1.25	РИГЕРЪ-НАЛКОВСКАЯ, Женщ. 1.—	УРУСОВЪ, кн., Записки губерн. 1.50
Аметистовый перстень, и др. 1.—	Графиня Мицци, и др. 1.—	Врачъ на рас-путъѣ, и др. . 1.—	ЗУДЕРМАНЪ, Даздр. жизн.—75	КРАШЕВСКІЙ, Каштел. мед.—75	

Переплетен. тома на 50 к. дороже. Выписывающіе несмотрѣя отъ изд-ва за наличн., на сумму не меньше 10 руб., пользуются безп. перес.

О-во беретъ на себя исполненіе заказовъ земствамъ, городамъ, обществамъ и учреждениямъ и частнымъ лицамъ на всякаго рода изданія, книги высыл. налож. платежомъ, задатокъ не меньше 25%.

Допуск. разсрочка платежа. — ПРИГЛАШАЮТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ. — Каталоги по перв. требованію.

ЖЖВА

№ 30. Выходит ежевед. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. И. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Издавъ 23 июля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій К. Шумскаго.—Въ часовнѣ. Стихотвореніе Александра Дроздова.—Ночью. Разсказъ В. Рашкина.—Разсказъ И. Н. Потапенко.—Объявленія.—Отклики войны.
Р И С У Н К И: Наше наступленіе на юго-западномъ фронтѣ. Мѣстечко Колки (3 рис.).—Сборъ трофеевъ.—Взятый австрійскій окопъ.—Во взятыхъ окопахъ.—Плѣнныхъ ведутъ.—Плѣнные австрійцы.—Военный министръ Англій Ллойд-Джорджъ.—Взятый нашими войсками городъ Бучачъ.—Гарнополь (6 рис.).—Въ Галиціи. Командованіе плѣнныхъ съ передовыхъ позицій.—Первое знамя, дарованное воздушной эскадрѣ.—Авиационная фотографія.—Авиаторъ заряжаетъ пулеметъ.—Авиаторъ прапорщикъ Кованько.—Авиаторъ Яковскій.—Фальшивыя орудія.—Артиллерійская позиція. Волевой объѣздъ у орудія.—На кавказскомъ фронтѣ (4 рис.).—Въ Эрзерумѣ (4 рис.).—У полевого телефона (3 рис.).—Глаза и уши окоповъ—у перископа и телефона.—Привалъ.—Опять на позиціи. Водопои.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 12.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Перронъ—Верденъ и Ковель—Львовъ.

Успѣхи, достигнутые союзниками на главныхъ фронтахъ войны, естественно вызвали со стороны противника соответствующій планъ контръ-наступленія. Уже самый фактъ контръ-наступленія противника свидѣтельствовалъ о томъ, что союзниками было достигнуто весьма многое, и, самое главное, нѣмецкій штабъ, вмѣсто выполненія тѣхъ послѣдовательныхъ задачъ, которыя онъ намѣчалъ на лѣто 1916 года для достиженія цѣли войны, вынужденъ былъ лишь парировать удары.

Однако создать планъ контръ-наступленія противнику было не легко, уже по одному тому, что ему приходилось принимать мѣры для парализованія наступленія союзниковъ на всѣхъ фронтахъ. Очевидно, быть одинаково сильными повсюду нѣмцы не могли, и имъ приходилось для своего контръ-наступленія выбрать одинъ какой-нибудь фронтъ, ограничившись на другихъ фронтахъ лишь обороной при помощи кое-какихъ подкрѣпленій.

При рѣшеніи этой задачи, вполне явственно сказалось, что противникъ наибольшее значеніе придаетъ западному, англо-французскому, фронту, гдѣ онъ болѣе всего опасается возмож-

Наше наступленіе на юго-западномъ фронтѣ. Мѣстечко Колки. Разрушенная церковь.

ности прорыва, который бы нарушить всю его длительную систематическую работу по созданию ряда оборонительных укреплённых линий во Франции. Кроме того, изъ всѣхъ фронтовъ войны линия англо-французскаго фронта пролегаетъ ближе всего къ нѣмецкой границѣ, а нѣмцы всегда заявляли, что никакія стратегическія соображенія не могутъ заставить ихъ уступить свою территорию, хотя бы и временно, ибо это слишкомъ нарушаетъ, по ихъ мнѣнію, хозяйственную жизнь страны, и, сверхъ того, они находятъ необходимымъ считаться съ интересами населенія. Даже одинъ нѣмецкій военный авторитетъ высказывалъ взглядъ, что „въ конституціонныхъ странахъ правительство является слишкомъ ответственнымъ передъ населеніемъ, чтобы допускать возможность его временнаго разоренія, хотя бы во имя стратегическихъ соображеній“.

Отсюда особая чувствительность нѣмцевъ ко всякой угрозѣ, которая нависаетъ надъ ихъ территоріей, — что можно было наглядно видѣть, на примѣрѣ Восточной Пруссіи, когда они, для очищенія нѣсколькихъ восточныхъ прусскихъ округовъ, не задумались рискнуть, въ началѣ войны, своимъ стратегическимъ положеніемъ во Франціи, за что и полатились пораженіемъ на Марнѣ.

Какъ бы то ни было, англо-французскій фронтъ всегда привлекалъ особенное вниманіе противника, и на этотъ разъ, когда нѣмцы оказались подъ ударомъ со всѣхъ сторонъ, планъ нѣ-

Разрушенная церковь.

мецкихъ контръ-мѣръ, прежде всего, преслѣдовалъ улучшеніе стратегическаго положенія на западномъ фронтѣ. Всѣ подкрѣпленія, которыя нѣмцы могли только набрать, свозились главнымъ образомъ туда, и только послѣдовательные сильные удары нашихъ войскъ вынудили ихъ часть подкрѣпленій отправить на нашъ фронтъ для удержанія Ковеля, какъ важнѣйшей точки австро-германскаго расположенія на нашемъ фронтѣ.

При такихъ условіяхъ, главная масса подкрѣпленій против-

Разрушенная церковь. Справа австрійское кладбище.

Наше наступленіе на юго-западномъ фронтѣ. Мѣстечко Колки.

Сборъ трофеевъ.

ника была сосредоточена на фронтѣ рѣки Соммы, куда, по свѣдѣніямъ нейтральной печати, нѣмцы подвезли свыше 300.000 войскъ. Для удержанія же важнѣйшихъ путей къ Ковелю и къ Львову на нашемъ фронтѣ, нѣмцы сосредоточили здѣсь подкрѣпленія главнымъ образомъ съ балканскаго фронта и около двухъ корпусовъ, взятыхъ съ запада.

Составъ этихъ подкрѣпленій свидѣтельствовалъ о томъ, что противникъ достигъ крайняго напряженія. На западномъ фронтѣ подкрѣпленія оказались состоящими преимущественно изъ выздоровѣвшихъ раненныхъ, собранныхъ со всей Германіи, а также изъ различныхъ ландштурменныхъ частей, составлявшихъ гарнизоны внутри страны. Однимъ словомъ, для того, чтобы создать болѣе чѣмъ трехсоттысячную массу подкрѣпленій для англо-французскаго фронта, нѣмцы „ограничили“ свой ближній и дальній тылъ, оставивъ для охраны тыловыхъ сообщений и для службы внутри страны самое минимальное количество войскъ.

Однаково и подкрѣпленія, прибывавшія на нашъ фронтъ, согласно сообщенію нашего штаба, состояли изъ солдатъ самыхъ различныхъ частей, наскоро собранныхъ въ одну случайную организацію.

При помощи такихъ чрезвычайныхъ усилій противникъ заткнулъ отверстіе, образовавшееся у него на рѣкѣ Соммѣ (у крѣпости Перрона и къ сѣверу отъ нея), но зато совершенно прекратилъ атаки у Вердена. Можно было уже не сомнѣваться, что серьезныя минуты для Вердена окончательно миновали, и что въ предстоящей операциіи противнику будетъ „не до Вердена“, а ему придется всецѣло заботиться лишь объ удержаніи фронта второй германской арміи на рѣкѣ Соммѣ.

Такимъ образомъ противникъ, хотя временно и заткнулъ районъ Перрона, но долженъ былъ окончательно ликвидировать свою пятимѣсячную, столь дорого стоившую, верденскую операцію.

Да и самое усиленіе при помощи новыхъ подкрѣпленій второй германской арміи не имѣло тѣхъ послѣдствій, на которыя рассчитывали нѣмцы.

Первая попытка нѣмцевъ перейти въ наступленіе имѣла нѣкоторый небольшой успѣхъ, но вскорѣ англичане сами отодвинули противника еще далѣе, прорвавъ вторую оборонительную линію нѣмцевъ на глубину до 5 километровъ. Такимъ образомъ линіи англійскаго и французскаго расположенія подравнялись, что было очень важно, такъ какъ ранѣе, при наступленіи на англичанъ, нѣмцы автоматически охватывали фран-

цузское расположеніе у Перрона, выдвинутое весьма далеко и находившееся на разстояніи одной версты отъ крѣпости.

Когда же противникъ попытался снова начать наступленіе противъ англійскаго фронта, послѣдовалъ третій нашъ прорывъ въ направленіи на Чарторійскъ и на Ковель, и нѣмцамъ снова пришлось временно оставить свои наступательныя попытки на западъ и вернуться къ нашему фронту.

Изъ этого можно видѣть, что, невзирая на то, что нѣмцы сосредоточили на оба главные фронта войны все, что они могли набрать въ своей странѣ, имъ не удалось осуществить контръ-наступленія на западъ и снова пришлось перейти къ оборонѣ. Первая половина лѣтней кампаніи въ результатѣ закончилась на западѣ новой обороной нѣмцевъ на рѣкѣ Соммѣ и ликвидаціей верденской затѣи, гдѣ уже начали переходить въ наступленіе французскія войска, продвигавшіяся на правомъ берегу Мааса въ районѣ фортовъ Флери и Тюмонъ и въ лѣсу Во-Шапитръ.

На нашемъ фронтѣ подкрѣпленія, собранныя противникомъ, какъ мы указывали выше, были взяты съ балканскаго фронта, и, сверхъ того, австрійцы свезли значительное число войскъ съ итальянской границы. Развившееся наступленіе итальянцевъ въ области Трентино въ направленіи на крѣпость Роверетто (передовая позиція впереди центрального ядра австрійской обороны Тироля — крѣпости Трентино) не дало возможности австрійцамъ свезти все то количество войскъ съ итальянскаго фронта, которое они предназначили для нашего фронта, и нѣкоторая небольшая часть, въ составѣ, примѣрно, одного корпуса, была возвращена австрійцами на итальянскій фронтъ.

Что же касается тѣхъ подкрѣпленій, которыя были свезены противникомъ съ балканскаго фронта, то оттуда противникомъ почти полностью были взяты всѣ австрійскія и германскія дивизіи, взамѣнъ которыхъ турки должны были выставить во Фракіи соответствующее количество войскъ на помощь Балканамъ, для удержанія Сербіи и Македоніи. Въ это время по-

Взятый австрійскій окопъ.

Во взятыхъ окопахъ. За чтеніемъ австрійскихъ журналовъ.

Плѣнныхъ ведутъ.

слѣдоваль нашъ ударъ въ направленіи на Эрзинджанъ, гдѣ, послѣ ряда упорныхъ боевъ, было опрокинуто грандіозное наступленіе турокъ, собравшихъ въ Арменіи значительныя силы и наступавшихъ къ Эрзеруму и Трапезунду, для возвращенія этихъ пунктовъ. Турки сначала имѣли нѣкоторый успѣхъ, а именно заняли городъ Мамахатунъ, но затѣмъ были опрокинуты, и крушеніе этой новой нѣмецко-турецкой затѣи вынудило турокъ взять съ балканскаго фронта тѣ войска, которыя вынуждены были замѣнить тамъ ушедшія войска австро-нѣмцевъ.

При такихъ условіяхъ къ крайне трудному положенію противника на западномъ, англо-французскомъ фронтѣ, присоединилось еще опасное обнаженіе отъ австро-нѣмецкихъ войскъ балканскаго театра, крушеніе турецкой наступательной операціи въ Арменіи, гдѣ турками были введены послѣднія силы, имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи, и наступленіе итальянцевъ на крѣпость Роверетто въ Трентино, гдѣ во всей области оставались лишь четыре-пять австрійскихъ дивизій.

На нашемъ фронтѣ къ этому времени произошелъ разливъ Днѣстра. Этотъ разливъ, происходящій обыкновенно въ концѣ іюня или началѣ іюля, обнимаетъ собою періодъ около трехъ недѣль, и вода изъ Днѣстра разливается настолько далеко, что затопляетъ важнѣйшія шоссе на восточно-галиційскомъ театрѣ.

Это обстоятельство съ одной стороны благоприятствовало противнику, такъ какъ давало ему возможность сократить фронтъ и сосредоточить свои усилія въ одномъ только районѣ Луцкаго прорыва — на путяхъ къ Ковелю, Владиміру-Волынскому и къ Львову. Однако такое сокращеніе фронта, естественно, равно возможно для обѣихъ сторонъ, вслѣдствіе чего въ районѣ Луцкаго прорыва, — на путяхъ къ Ковелю, Владиміру-Волынскому и Львову, — слѣдовало вообще ожидать развитія крупныхъ событій. Эти событія должны были наступить не сразу, а послѣ нѣкоторой перегруппировки, вызванной разлитіемъ Днѣстра, вслѣдствіе чего и наступилъ временный періодъ затишья.

Такимъ образомъ въ серединѣ іюля вполне опредѣленно обозначились результаты совмѣстныхъ наступленій союзниковъ. Они выразались, какъ мы видѣли, въ неудачѣ германскаго контръ-наступленія у Перрона, въ крушеніи нѣмецкихъ плановъ у Вердена, въ наступленіи итальянцевъ на крѣпость Роверетто, въ наступленіи нашихъ кавказскихъ войскъ на второй, послѣ Эрзерума, важный пунктъ Арменіи — Эрзинджанъ и въ подготовкѣ удара на Ковель, Владиміръ-Волынский и Львовъ. Къ этому надо добавить, что въ этотъ періодъ всѣ данныя безусловно обнаружили, что противникъ съ трудомъ набираетъ подкрѣпленія, что сопротивленіе Австро-Германіи ведется при помощи чрезвычайныхъ усилій и послѣднихъ средствъ.

Плѣнные австрійцы.

Въ часовнѣ.

На плиты, сѣрпя отъ плѣсени,
Въ часовнѣ съ темнолицимъ Спасомъ
Молитвенно склоню чело.
Идутъ солдаты. Звонкій пѣсенникъ,
Ведя нагѣвъ, плыветъ съ приплясомъ,
Играя бровью удало.
Пройдутъ околнцей вонтели.
Погаснетъ день за косогорами,

Туманы въ рощи напозлутъ.
Я слышу — рѣютъ небожители
Крылами легкими и скорыми,
Стучатся въ окна и поюгъ.
Такъ вечеръ отраднъ вешнѣ!
На затускнѣвшій ликъ Іисусовый
Легла рдлая полоса.
Звснгатъ, звснгатъ псалмы нездѣшнѣ,

Какъ перезвоны нити бусовой,
Благоухаютъ голоса.
Я пѣснопѣи ихъ не въдаю,
Но за псалмами небожителей
Слышна Христова благодать:
Вернутся съ вѣрой и побѣдой
Любвеобильные вонтели
Сиротъ по пѣбамъ утѣшатъ.

Александръ Дроздовъ.

Ночью.

Разсказъ В. Ропшина.

...Было это послѣ сраженія на Марнѣ. Нѣмцы отступали, бросая раненыхъ, бросая пушки, бросая повозки, а мы, не вѣря своимъ глазамъ, преслѣдовали ихъ, какъ гончія преслѣдуютъ волка. Я не сумѣю вамъ разсказать, какое чувство владѣло нами. Мы были рады, конечно. Не только рады,—мы были счастливы сознаниемъ нашего превосходства. Но къ этой радости примѣшивалась тревога. Тревога о чемъ? Я не знаю. Я знаю только, что мы едва держались на сѣдлахъ, что лошади наши устали, и что меня неодолимо клонило ко сну. День былъ жаркій. Шосейная пыль разбѣдала глаза, и очень хотѣлось пить. Мы ѣхали шагомъ, въ тяжелыхъ каскахъ, на взмыленныхъ лошадяхъ, качая въ тактъ головами и незамѣтно склоняясь къ сѣдламъ. Вѣдь мы не спали третьи сутки... Кругомъ желтели маисовыя поля, на холмахъ вился виноградъ, и темно-лиловыя, уже созрѣвшія, гроздья полноувѣсно склонялись къ землѣ. По дорогѣ намъ попадались раненые солдаты. Я помню улана въ высокихъ, со шпорами, сапогахъ. Онъ навзничь лежалъ на шоссе. Когда мы проѣзжали мимо него, онъ неловко взмахнулъ

Военный министр Англии Ллойд-Джорджъ, преемникъ погибшаго фельдмаршала лорда Китченера, прославившійся своими организационными трудами по снабженію англійской арміи и политической дѣятельностью въ урегулированіи сложнаго ирландскаго вопроса.

рукой и что-то пробормоталъ по-нѣмецки. Мнѣ показалось, что онъ проситъ воды. Но мы не остановились. Голубая раскаленная мгла,—полднвное навожденіе,—опьянила и одурманила насъ, и мы уже не видѣли ничего, а только слышали звонъ копытъ да лязгъ нашихъ сабель.

Вечеромъ потянуло прохладой, и стало легче дышать. Длинные, почти черныя, широкія тѣни легли на отдыхающія поля. Полуэскадронъ пошелъ рысью и на опушкѣ Монрольскаго лѣса сдѣлалъ привалъ. Я легъ на землю и сейчасъ же заснулъ. Засыпая, я слышалъ, какъ лошади жевали траву.

Я спалъ не долго, можетъ-быть, полчаса. Когда я проснулся, кирасиры сѣлились въ сѣдла. Солнце зашло, и уже сильно пахло росой. Мы нашли лѣсную тропинку и черезъ минуту потонули въ лѣсу. Именно потонули. Лѣсъ былъ густолиственный, темный, и величавые вязы закрывали ночное небо, такъ что не было видно звѣздъ. Я не видѣлъ людей, которые ѣхали впереди. Я видѣлъ только гриву моего „Метеора“ и чувствовалъ моего сосѣда, лейтенанта Рено. Опять захотѣлось спать. Я бросилъ поводья, скрестилъ руки и задремалъ. Въ полудремотѣ, въ сонномъ и тягостномъ забытѣ, меня внезапно встревожилъ пронзительный крикъ. Я подумалъ, что брежу, но по привычкѣ выпрямился въ сѣдлѣ. Было тихо,

Взятый нашими войсками городъ Бучачъ со стороны сожженнаго квартала.

только глухо шумѣли деревья, и фыркали и трясли удилами кони. Рено наклонился ко мнѣ:

— Вы слышали?

— Да.

Въ ту же секунду крикъ опять повторился. Онъ былъ близкій, звенящій, очень жалобный, очень острый и похожій на человѣческій стонъ. Рено прибавилъ:

— Это ястребъ.

Да, конечно, это былъ ястребъ. Какъ я могъ его не узнать? Но Рено, помолчавъ, сказалъ:

— Развѣ ястребъ кричитъ по ночамъ?

И когда онъ это сказалъ, когда я вспомнилъ, что ястребъ дѣйствительно не охотится ночью, — вы не повѣрите, — суевѣрный и не разсуждающій страхъ заставилъ меня задрожать. Но страшнѣе всего было то, что я почувствовалъ, что и кони боятся, что и мой „Метеоръ“ не менѣе взволнованъ, чѣмъ я. Я почувствовалъ это по его невѣрной походкѣ, по приподнятой встревоженной шеѣ, по насторожившимся, прямымъ и твердымъ ушамъ, которыхъ я не могъ различить, но угадывалъ въ темнотѣ. Да, конечно, это дважды прокричалъ ястребъ... Но вѣдь ястребъ не охотится по ночамъ... Что же это такое?

Днемъ все было понятно. И шоссѣ, и зной, и брошенные повозки, и далекий громъ пушекъ, и желтѣющія поля, и наша усталость, и даже солдатская, почти неотвратимая, смерть. Но ночью, въ тѣсу, когда не видно деревьевъ, не видно лошадей, не видно винтовокъ, все казалось таинственнымъ и грознымъ... А тутъ еще этотъ крикъ, — не ястребъ, не сова, не ночная птица. Я шопотомъ обратился къ Рено:

— Что же это такое?

Но онъ ничего не отвѣтилъ. Такъ, прислушиваясь, мы ѣхали около часу. Мы спустились въ заросшій папоротникомъ оврагъ, гдѣ было сыро и вязко, и гдѣ лошади скользили на каждомъ шагу. Когда мы снова выѣхали на лѣсную дорогу, деревья нако-

Тернополь.
Доминиканскій монастырь.

Тернополь. Базарная площадь.

Тернополь. Желѣзнодорожный вокзалъ.

нецъ порѣдѣли, и сквозь ихъ рѣшетчатые верхушки блеснули яркія звѣзды. И вотъ опять, въ третій разъ, раздался тотъ же непонятный намъ крикъ, пронзительный и звенящій. А когда онъ замеръ между вѣтвями, ему отвѣтилъ другой, — другой ястребъ, другая вѣщая птица. Я почувствовалъ, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо, и какъ затряса подо мной „Метеоръ“. Никто не сказалъ ни слова. Кирасиры молча ѣхали дальше.

Ночь уходила, мутнѣло небо, ясенѣ очерчивались кусты, и въ ровные промежутки, пока мы подвигались впередъ, кричалъ въ тѣсу ястребъ. Теперь онъ былъ не одинъ. Ихъ была уже цѣлая стая. Они кричали сзади и впереди,

надъ нами, слѣва и справа, какъ бы указывая дорогу и сопровождая нашъ путь. Мы не могли привыкнуть къ этому крику. Когда мы выѣхали на большую, молочно-бѣлую въ предразсвѣтномъ туманѣ, поляну, Рено опять наклонился ко мнѣ:

— Мнѣ кажется, что мы попали въ ловушку.

— Въ какую ловушку?

— Мнѣ кажется, что насъ окружили нѣмцы.

Онъ командовалъ полужескадрону остановиться и послать четырехъ кирасиръ посмотреть, что дѣлается кругомъ. Мы ждали ихъ долго. Потомъ мы осмотрѣли винтовки и рысью повернули назадъ.

Какое странное чувство, когда знаешь, что ты въ ловушкѣ... Страхъ прошелъ. Онъ смѣнился тѣмъ непередаваемымъ ощущеніемъ, которое испытываешь въ бою. Ноги крѣпче опирались на стремяна, рука тверже сжимала поводья, глазъ сталъ болѣе зоркимъ и ухо болѣе чуткимъ, точно это были не мы, истомленные безсонницей, на загнанныхъ коняхъ, кирасиры, а другіе, свѣжіе, пришедшіе къ намъ на смѣну, люди. И чѣмъ болѣе приближался разсвѣтъ, и чѣмъ свѣтлѣе становилось въ тѣсу, тѣмъ неизбежнѣе дѣлалась встрѣча. — встрѣча съ нѣмцами, которые окружили насъ. На зарѣ мы были на краю Монрольскаго лѣса, и передъ нами снова разстлались поля. На горизонтѣ пламенѣли черепичныя крыши. Рено въ бинокль убѣдился, что это занятый наканунѣ нашими войсками Нантейль.

Мы полужескадронной цѣпью растянулись вдоль пограничной межи. Рено командовалъ: „Марш!“ Но какъ только мы вышли въ поле, гдѣ-то близко затрещалъ пулеметъ. „Метеоръ“ перемѣнилъ ногу и широкимъ махомъ, въ карьеръ, поскакалъ по взрытой землѣ. Я не видѣлъ ни нѣмцевъ ни пулемета. Я не видѣлъ даже своихъ кирасиръ. Я видѣлъ сѣзанный маневъ подъ ногами, черепичныя, пламенѣющія на утреннемъ солнцѣ, крыши домовъ и далекое голубое небо. Я слышалъ хравъ „Метеора“, слышалъ свистъ холоднаго вѣтра и не смѣлъ оглянуться назадъ. Я понялъ, что я спасенъ, что „Метеоръ“, замедляя свой бѣгъ и тяжело спотыкаясь о камни, вынесъ меня на шоссе. Только тогда я взглянулъ на лѣсную опушку. Не было нѣмцевъ, но по желтому полю носились кони безъ ѣздоковъ, да вдали, съ другой стороны Нантейля, блестя касками, галопомъ уходило нѣсколько кирасиръ. Я узналъ потомъ, что лейтенантъ Рено былъ убитъ.

И теперь, когда я вспоминаю эту лѣтнюю ночь, я вспоминаю не пулеметный огонь, не мою отчаянную скачку и даже не лейтенанта Рено. Я вспоминаю крикъ ночной птицы, — крикъ ястреба, который не охотится по ночамъ. Этотъ крикъ меня испугалъ. Я долженъ въ этомъ сознаться. Но развѣ есть такой человекъ, который никогда ничего не боялся? И если снова ночью закричитъ ястребъ, я опять задрожу. Ибо страшно, — поистинѣ страшно, — только то, чего мы не умѣемъ понять.

Станція Тернополь.

Бѣлыя перчатки.

Въ 1914 году былъ ускоренный выпускъ офицеровъ изъ Сень-Сирскаго военного училища. Весь выпускъ, мѣнявшій школьную скамью на поле брани, далъ торжественную клятву сражаться съ непріятелемъ въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Въ бѣлыхъ перчаткахъ, какъ на парадѣ, на празднествѣ, на битвѣ цѣловъ.

Вотъ какъ сдержалъ одинъ изъ нихъ свою клятву.

Лейтенантъ Аленъ де-Файоль получилъ боевое крещеніе 22-го августа. Былъ ясный день. Сначала лейтенанту пришлось укрыться со своею частью въ траншеѣ. Непріятель осыпалъ французовъ градомъ снарядовъ. Аленъ съ волненіемъ ожидалъ минуты, когда ему надо будетъ повести своихъ людей впередъ.

Наконецъ ожидаемая минута настала. Лейтенантъ де-Файоль спокойно досталъ изъ кармана новыя бѣлыя перчатки и сталъ тщательно ихъ натягивать. Застегнувъ послѣднюю пуговицу, онъ крикнулъ:

— Впередъ! Въ штыки!

Въ слѣдующій мигъ онъ уже былъ внѣ траншеи и, выхвативъ затянутую въ бѣлую перчатку рукой саблю, повторялъ:

— Впередъ! Впередъ!

Впереди была почти вѣрная смерть. Градъ непріятельскихъ снарядовъ и пулъ не прекращался.

Тогда лейтенантъ де-Файоль воскликнулъ:

— Видите, друзья мои, я даже надѣлъ перчатки для такого торжественнаго случая! Но вамъ этого мало.

И, вытащивъ изъ сумки, которую онъ носилъ черезъ плечо, двухцѣбный султанъ перваго французскаго батальона, онъ гордо прикрѣпилъ его къ своему кепи.

Поступокъ молодого человека, спокойно занимавшагося украшеніемъ своего головного убора подъ непріятельскимъ огнемъ, привелъ въ восторгъ и вдохновилъ солдатъ. Съ громкимъ крикомъ „ура“ они бросились впередъ.

Лейтенантъ де-Файоль былъ убитъ въ этомъ сраженіи.

Ребенокъ съ деревяннымъ ружьемъ.

Герой ли онъ? Нѣтъ, конечно! А впрочемъ...

Ему было семь лѣтъ. Не разъ онъ восклицалъ:

— Ахъ, мама, если бы я былъ большимъ!

Мать сжимала его въ объятіяхъ и въ душѣ благословляла Бога за то, что возрастъ ея мальчика охранялъ его отъ опасностей войны.

Онъ постоянно игралъ съ товарищами въ войну.

— Если пруссаки придутъ сюда, — сказалъ онъ какъ-то, — имъ не по-здоровится. У меня есть ружье.

Товарищи расхохотались. Они были не на много старше маленькаго Луи, но все-таки они знали, что пруссаки не испугаются деревяннаго дѣтскаго ружья.

Нѣмцы пришли. Они шли по той улицѣ, гдѣ столько разъ деревенскіе мальчишки играли въ войну.

На порогѣ одного изъ домовъ, направивъ въ нихъ дуло деревяннаго ружья, стоялъ съ гордымъ видомъ семилѣтній Луи.

Онъ былъ такъ милъ и такъ смѣшонъ въ своей горделивой воинственной позѣ, что всякій расхохотался бы, увидавъ его, и погладилъ бы по бѣлокурой головкѣ.

Но нѣмецкій офицеръ разсуждалъ иначе.

— Дрянной мальчишка! — крикнулъ онъ. — Ты бы перестрѣлялъ насъ всѣхъ, если бы могъ.

И, обернувшись къ солдатамъ, онъ отдалъ какое-то распоряженіе.

Раздался залпъ. Залпъ изъ настоящихъ, большихъ ружей. Офицеръ приблизился и усѣхнулся. Маленькая война была кончена. Ребенокъ былъ мертвъ.

Война и комары.

Это звучитъ нѣсколько странно, но это фактъ: героямъ нынѣшней войны приходится сражаться не только съ людьми, но и съ насѣкомыми.

Это врагъ серьезный, опасный и омерзительный. Не говоря уже о мученіяхъ, которыя онъ причиняетъ своими нападеніями, онъ во многихъ случаяхъ является причиной болѣзней. Нѣкоторые насѣкомыя переносятъ или, точнѣе, прививаютъ человеку сыпной тифъ. Другія — и именно, особая порода комаровъ — заражаютъ людей страшной болотной лихорадкой (палюдизмъ), которая въ теченіе двухъ-трехъ дней способна вывести изъ строя цѣлые полки.

Артиллерія на улицахъ Тернополя.

Улица Шопена въ Тернополь.

Отъ болотной лихорадки не мало страдали французскія и англійскія войска экспедиціоннаго корпуса, оперировавшаго въ Дарданеллахъ. Еще опаснѣе въ этомъ отношеніи Салоники, близъ которыхъ находятся громадныя пространства стоячихъ водъ Вардара. Легко представить себѣ положеніе воюющей стороны, у которой болѣе половины воиновъ оказалось бы въ безпомощномъ состояніи, пораженные маляріей! Къ счастью, въ этихъ опасныхъ мѣстахъ были приняты соответствующія мѣры, и опасности удалось избѣжать.

Изъ всего этого съ достаточной опредѣленностью явствуется, какую роль въ войнѣ играютъ эти враги человечества. И если придумываются и устраиваются всевозможныя средства защиты отъ вражескихъ пулъ и гранатъ, всевозможные бетонные блиндажи, стальные щиты, противогазы и т. п., то необходимо придумывать средства защиты и противъ мелкихъ ползучихъ и летающихъ враговъ. Правда, эти враги „нейтральны“: они одинаково

Въ Галиціи. Конвоированіе плѣнныхъ съ передовыхъ позицій.

вредить и нѣмцамъ и союзникамъ, но это не избавляет насъ отъ необходимости относиться къ комарамъ, какъ къ военному фактору.

Что касается комаровъ, то эти маленькіе враги представляютъ собою довольно занимательную зоологическую особь. Съ простымъ комаромъ (*Culex ripiens*) мы хорошо знакомы по его назойливымъ визитамъ въ лѣтнее время въ наши сады и дачи. Но знакомы чисто-внѣшнимъ образомъ. Между тѣмъ „частная“ жизнь этого маленькаго мучителя отъ насъ ускользаетъ. И мы должны обратиться къ изысканіямъ ученыхъ изслѣдователей, чтобы познаться съ этой жизнью.

Прежде всего извѣстенъ тотъ фактъ, что кусаютъ насъ не комары, а комарики. Комаръ-самецъ ведетъ чисто-вегетарианскую жизнь, питаясь лишь сокомъ растений. Кромѣ того онъ очень скромный, прячется отъ людскаго глаза, и лишь по вечерамъ можно видѣть гдѣ-нибудь въ густой зелени или надъ водой медленно и тяжело летающихъ насѣкомыхъ съ бѣлыми густыми султанами около головы. Это и есть, собственно, комары. Зато комарики и нескромны и кровожадны. Вотъ порода существъ, у которыхъ женскій полъ наиболѣе извѣстенъ, чѣмъ у кого бы то ни было.

Любопытно устройство того органа, которымъ комарики жалитъ человѣка. Это хоботъ, въ которомъ скрытъ тонкій стилетъ, полый внутри. Садясь на кожу человѣка, комарики вонзаютъ стилетъ, при чемъ „ножны“ этого стилета (влагалище) не проникаютъ въ кожу и сморщиваются въ складки, по мѣрѣ того, какъ стилетъ углубляется въ человѣческое тѣло. При укусѣ комарики выпускаетъ въ ранку особую жидкость, которая растворяетъ кровь и не даетъ ей свертываться. Эта жидкость и есть тотъ ядъ, который, собственно, причиняетъ зудъ и раздраженіе и мучитъ насъ. Самъ по себѣ укусъ комара долженъ быть бытъ совершенно безболѣзненнымъ.

Не лишено интереса и размноженіе комариного потомства. Комарики кладутъ яйца непременно на водѣ, прицѣпившись къ какой-нибудь плавающей соломинкѣ или соринкѣ. Яйца остаются плавать на водной поверхности въ видѣ легкаго челнока, или плота, крѣпко склеившись другъ съ другомъ. Изъ нихъ выходятъ личинки, имѣющія видъ маленькаго червячка, которые съ быстрой торопливостью мечутся и снуютъ въ водѣ, поминутно всплывая къ ея поверхности, чтобы наглотаться воздуха. Перебывавъ нѣсколько разъ въ личинки (лявры) превращаются въ „нимфу“, въ куколку. Въ противоположность куколкамъ другихъ насѣкомыхъ комариныя куколки отнюдь не мертвы и неподвижны, но носятся и шмыгаютъ въ водѣ такъ же, какъ и личинки.

Наступаетъ наконецъ торжественный моментъ: куколка всплываетъ на поверхность воды, и изъ нея, какъ изъ легкой лодочки, выдѣлается молодой, тонконогий, бѣленькій комарикъ и нѣкоторое время стоитъ въ своей импровизированной лодочкѣ на ногахъ. Легкій вѣтерокъ подхватываетъ его, и онъ плыветъ на парусахъ, какъ настоящій спортсменъ... И если въ этотъ моментъ

начнется вѣтеръ покрѣпче, то изящная яхточка переворачивается, и юный спортсменъ тонетъ. Поэтому въ плохую и бурную погоду комарамъ въ полномъ смыслѣ этого слова не житье.

Приблизительно такой же образъ жизни ведутъ и тѣ комары, которые занимаются специально переносомъ малярійнаго яда на людей (наиболѣе извѣстенъ среди нихъ *Anopheles maculipennis*, распространенный въ Европѣ, на Кавказѣ и даже въ нѣкоторыхъ весьма умѣренныхъ географическихъ поясахъ, а также въ Алжирѣ, Тунисѣ и Палестинѣ). У нихъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ у простаго комара: болѣе волосатое туловище и темнѣе цвѣтъ.

Днемъ они прячутся, и нападенія ихъ пронеодятъ только вечеромъ и ночью. Это большое облегченіе въ борьбѣ съ распространяемой ими болѣзнью. Нужно стараться ограждать себя только въ ночные и вечерніе часы. Зато огражденія приходится отъ нихъ очень старательно, и въ этомъ отношеніи большое подспорье представляютъ особые кисейные панцири, надѣваемые на голову. Руки можно охранять простыми перчатками. Головной панцирь состоитъ изъ двухъ легкихъ, параллельно расположенныхъ обручей, соединенныхъ эластической пружиной, не позволяющей имъ сближаться. Между обручами натягивается кисея, такъ что панцирь этотъ походитъ на кисейный цилиндръ. Въ нижнемъ обручѣ имѣется отверстіе, чтобы можно было надѣть панцирь на голову. Затѣмъ кисея собирается съ помощью резинки плотно кругомъ шеи, и тутъ уже, буквально „комаръ носа не подточитъ“... И человѣкъ можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ приносящихъ страшную болѣзнь укусовъ. Замѣтимъ кстати, что на глубокомъ югѣ даже простые комары опасны въ смыслѣ заразы: они переносятъ тамъ на человѣка такъ называемую „слоновью болѣзнь“, при которой пораженные органы лухнутъ и принимаютъ громадные, поистинѣ „слоновьи“ размѣры.

Извѣстную пользу приносятъ и сѣтки въ окнахъ. Надо стараться при этомъ никогда не открывать оконъ и дверей при зажженной въ домѣ лампѣ: ничто такъ не привлекаетъ комаровъ, какъ свѣтъ.

Но самый дѣйствительный способъ борьбы съ комарами, это — уничтоженіе ихъ зародышей. Для этого необходимо осушать болотныя пространства и даже простыя лужи, или же вливать въ стоячія водныя пространства нѣкоторое количество нефти (керосина) такъ, чтобы маслянистая жидкость покрыла по возможности всю водную поверхность. Керосинъ закупориваетъ лярвамъ дыхательныя отверстія, и они гибнутъ. Гибнутъ также и взрослые комары, прилетающіе пить изъ отравленной лужи.

На позиціяхъ, гдѣ такъ много всякихъ ямъ (воронки отъ разорвавшихся снарядовъ, покинутыя траншеи, и т. п.) и гдѣ валается такъ много всякихъ пустыхъ и брошенныхъ вмѣстелищъ — въ родѣ зарядныхъ пустыхъ ящиковъ, коробокъ изъ-подъ снарядовъ, надо обращать особое вниманіе, чтобы всѣ эти ямы и вмѣстелища не заполнялись стоячей водой. Въ любой корытѣ изъ-подъ сардинъ можетъ развестись цѣлое комариное племя, которое потомъ жестоко дастъ себя знать защитникамъ родины.

Франціи.

Прекрасная страна веселья и вина,
Страна искусства, розъ и винограда,
На полѣ доблести теперь тебѣ дана
Высокая, почетная награда!
Безсмертный Ламартинъ, Вольтеръ, Гюго, Роланъ
Руками геніевъ плели твое величье,

Петэна геній новое отличие
Тебѣ лалъ, Франція: — Верденъ.
Неувядающею славою покроетъ
Тебя могучая и доблестная рать:
Твои сыны, твои орлы-герои
Умѣли жить — умѣютъ умирать!

Людія Лѣсная.

Тамъ, на высотѣ...

Разсказъ И. Н. Потапенко.

I.

Молоденькій безусый прапорщикъ, тонкій, легкій, какъ перышко, по фамилии Наскоковъ, только-что получивъ право на самостоятельные полеты, прибылъ на фронтъ и сразу попалъ въ случай: одно за другимъ ему были даны нѣсколько порученій и всѣ довольно ответственныя, а были между ними и по-настоящему опасныя. Онъ взялся за нихъ охотно и выполнилъ съ точностью и съ блескомъ испытаннаго летчика.

Его отмѣтили и причислили къ выдающимся по ловкости и искусству, онъ же самъ никакъ съ этимъ не могъ согласиться, такъ какъ не чувствовалъ себя искуснымъ летчикомъ. Да и откуда? Вся его практика была чисто-школьная и длилась всего нѣсколько мѣсяцевъ. Раньше же онъ даже и близко не подходилъ къ аэроплану и летчикомъ сдѣлался по какому-то наитію: такъ вотъ потянуло.

То же, что другіе считали искусствомъ, онъ объяснялъ удачей, не болѣе, но въ то же время въ немъ жила какая-то странная, какъ будто ни на чемъ не основанная увѣренность, что эта удача неразрывно связана съ его личностью и никогда ему не измѣнить, по крайней мѣрѣ, до того момента, когда онъ дѣйствительно приобрѣтетъ большой опыт, и она ему больше не будетъ нужна. А приобрѣтетъ-то онъ его навѣрное, такъ какъ дѣла было по горло и ражъ къ работѣ у него былъ какой-то неукротимый.

И дѣйствительно, удача, сопровождавшая его, бросалась въ глаза. Были у него не разъ опасныя положенія,—во время развѣдки попадалъ онъ подъ обстрѣлъ, однажды вражескія пули превратили его аппаратъ въ рѣшето, но самъ онъ не былъ задѣтъ, не получилъ даже царапинки, и невредимый вернулся съ важными донесеніями.

Репутація его стояла высоко, и только одинъ случай набросилъ на нее тѣнь. Леталъ онъ всегда въ одиночку, но какъ-то разъ къ нему посадили наблюдателя. Онъ и самъ не зналъ, что изъ этого выйдетъ, и пока аппаратъ не сдвинулся съ мѣста, не находилъ въ этомъ ничего такого, противъ чего слѣдовало бы возразить.

Но на дѣлѣ вышло Богъ знаетъ что: едва успѣвъ подняться

метровъ на триста, онъ почувствовалъ, что руки у него деревянятся, и онъ почти не можетъ владѣть рулемъ. Съ каждой минутой ощущеніе становилось хуже, и наконецъ онъ понялъ, что дальше летѣть не можетъ, и съ величайшимъ усиліемъ, какъ-то нервно и нелѣпо, въ противность всѣмъ правиламъ, спустился на землю.

— Простите,—сказалъ онъ своему начальнику, поручику Лагодину,—я не могу летѣть вдвоемъ.

Поручику Лагодину очень дѣлился его, какъ летчика, и, кромѣ того, просто любилъ, какъ милого и добраго малаго. Но это заявленіе показалось ему страннымъ.

— Что значить—не могу? Если не умѣете, то должны научиться. Вѣдь это входитъ въ число вашихъ служебныхъ обязанностей.

— Если вы мнѣ прикажете, я, конечно, буду летать, но очень плохо, и служба моя будетъ бесполезна и, главное, опасна для того несчастнаго, котораго пошлютъ со мною.

— Но, послушайте, Наскоковъ, вѣдь это ребячество. Я понимаю: у васъ горячая голова, вы всегда ищите подвига, и вамъ не хочется, чтобы честь его раздѣлилъ съ вами кто-нибудь другой.

Наскоковъ вспыхнулъ:

— Вы такъ думаете обо мнѣ?.. И послѣ этого еще можете сколько-нибудь уважать меня... Но я не способенъ на подобныя низкія чувства.

— Въ такомъ случаѣ простите... Но я не могу придумать объясненія. Всѣ ваши товарищи летаютъ вдвоемъ, и никто никогда не жаловался на это...

— Я думаю, что многіе изъ нихъ чувствуютъ, какъ я, но, можетъ-быть, не такъ остро. Они въ состояніи превозмочь это, а я нѣтъ.

— Но что превозмочь? Что именно?

— Если позволите, я попытаюсь объяснить, но боюсь, что это мнѣ не удастся...

Онъ разсказалъ поручику чистосердечно всѣ свои переживанія. Когда онъ одинъ летѣлъ стрѣлой на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ надъ землей, онъ забывалъ о себѣ, о своей жизни, даже

На французскомъ фронтѣ. Первое знамя, дарованное воздушной эскадрѣ. Знаменоносецъ—извѣстный летчикъ лейтенантъ Гюинемеръ.

Авиационная фотография. Французский авиатор Жань Наварь, сбивший 14 германских аэропланов, на одном из них, упавшем в окрестностях Суассона, нашёл оригинального устройства фотографический аппарат для съёмки с аэропланов, имѣющий видъ револьвера и производящий снимки посредствомъ нажима курка. Длина камеры—60 сантиметровъ, вѣсъ—5½ килограммовъ. Тамъ же были найдены и весьма ясные и отчетливые снимки. По образцу этого аппарата французы стали дѣлать такіе же и снабжать ими своихъ авиаторовъ. На рисункѣ нашѣмъ изображенъ авиаторъ-наблюдатель во время съёмки этимъ аппаратомъ.

о своихъ кровныхъ близкихъ, которыхъ оставилъ въ глубокомъ тылу, за тысячу верстъ отъ фронта.

— Да, поручикъ, вамъ, можетъ-быть, это покажется невѣроятнымъ, но это такъ, что тамъ, въ воздухѣ, я чувствовалъ себя какъ бы оторвавшимся отъ земли и отрѣшеннымъ отъ всѣхъ моихъ „земныхъ“ привязанностей.

А „земная“ привязанности у него были не случайны: мать и сестра, которыхъ онъ горячо любилъ и о которыхъ постоянно думалъ, и, можетъ-быть, еще важнѣе — невѣста, которую онъ обожалъ.

И вотъ, поднявшись высоко надъ землей и стремительно разсѣкая воздухъ своей воздушной ладьей, онъ на это время совершенно забывалъ о нихъ, какъ будто ихъ и не было. Такъ былъ поглощенъ полетомъ и той задачей, которая была возложена на него, что исчезало все, кромѣ этого.

— И не думайте, что это лишь сильныя выраженія, преувеличеніе, нѣтъ, я именно такъ чувствую, будто не былъ рожденъ матерью, какъ всѣ остальные люди, ходящіе по землѣ, и такіа чувства, какъ любовь къ сестрѣ, къ невѣстѣ, кажутся мнѣ маленькими, почти забавными человѣческими слабостями. Когда же я спускаюсь на землю, я вдругъ вспоминаю о нихъ, и мнѣ кажется чудовищнымъ, что могли быть минуты и часы, въ теченіе которыхъ въ груди у меня вмѣсто сердца лежалъ кусокъ стали... Такъ я чувствую; но, право же, не вижу здѣсь ничего сверхъестественнаго или таинственнаго; не думаю также, что происходитъ это отъ какихъ-нибудь необъяснимыхъ свойствъ воздушной сферы, а просто самое наше искусство и сопряженная съ нимъ отвѣтственность требуютъ отъ меня всѣхъ моихъ духовныхъ силъ, мглощаютъ меня всего, не оставляя ни капли вниманія для чего бы то ни было другого. Вотъ вы, поручикъ, и другіе—считаете меня весьма искуснымъ летчикомъ, а я вамъ скажу, что, если бъ я былъ дѣйствительно изощренъ въ этомъ искусствѣ, если бъ владѣлъ, какъ настоящий властелинъ, всѣми его тайнами, то всего этого, вѣроятно, не было бы.

Работа не требовала бы отъ меня такого напряженія, она давалась бы мнѣ легко, но недостатокъ опытности именно и заставляетъ меня уходить въ работу съ головой, всецѣло, безъ остатка. И ужъ, конечно, я ничего не упущу и не растеряюсь. Какая бы ни случилась неожиданность, я буду всегда на высотѣ положенія. Но, когда тутъ же сидитъ товарищъ, я уже не могу быть такимъ. Я не въ состоянїи и на минуту отрѣшиться отъ сознанія, что отвѣчаю не только за себя, но и за него. Ужъ я, въ случаѣ опасности, не рѣшусь сдѣлать какой-нибудь внезапный, голово-кружительный поворотъ, или вообще поставить на карту все... Малѣйшая оплошность, ничтожная ошибка,—и я не только самъ погибну, (это ужъ мое дѣло, передъ самимъ собой!), но я и его погублю. И эта мысль отвлекаетъ меня отъ прямого дѣла, разбиваетъ мое вниманіе, лишаетъ меня увѣренности и твердости. Вотъ почему я, до сихъ поръ такой удачливый, вдругъ оказался бездарнымъ летчикомъ, когда за моей спиной посадили товарища... Не знаю, удалось ли мнѣ объяснить вамъ, поручикъ, такъ, чтобы вы поняли. Съ опытными летчиками этого не бываетъ; надо надѣяться, что и со мной не будетъ, когда я приобрѣту хорошую опытность...

Поручикъ понялъ и призналъ, и послѣ этого Наскоковъ всѣ свои полеты совершалъ одинъ.

И удача не только не измѣняла ему, но даже какъ будто усилила свою благосклонность. За нимъ числилось уже нѣсколько такихъ по-

летовъ, которые были названы подвигами. И всегда онъ возвращался домой невредимымъ.

Это немного пугало его: среди товарищей было не мало до безумія смѣлыхъ людей, которые, не думая о себѣ, шли почти на вѣрную гибель. Иные не вернулись, а тѣ, кому посчастливилось, все же чѣмъ-нибудь платились, а онъ—словно былъ замороженъ.

Въ такомъ искусствѣ, гдѣ на каждомъ шагу подстерегаетъ бѣда, кто слишкомъ долго не встрѣтилъ ея, долженъ думать, что она только запоздала, и, можетъ-быть, судьба накопляетъ для него неудачи, чтобы когда-нибудь, когда онъ и не ждетъ, разомъ выдвинуть и напустить ихъ на него съ неумолимой силой.

И однажды ему показалось, что этотъ моментъ наступилъ.

На французскомъ фронтѣ. Авиаторъ заряжаетъ пулеметъ передъ отправленіемъ въ погоню за германскимъ аэропланомъ.

II.

Поручение, которое было ему дано, ничѣмъ не отличалось отъ другихъ ни по характеру ни по опасности. Обычная развѣдка. Единственное затруднение заключалось въ томъ, что намѣченный пунктъ наблюдения былъ довольно далеко, отдаленный отъ мѣста нашего расположения значительнымъ болотистымъ пространствомъ, и Наскоковъ долженъ былъ готовиться къ тому, что можетъ случиться надобность въ спускѣ гдѣ-нибудь по дорогѣ. А онъ вообще держался мнѣнія, что летчикъ на высотѣ такъ же безопасенъ, какъ птица со здоровыми крыльями, настоящая же опасность наступаетъ лишь при приближеніи къ землѣ. Тутъ могутъ быть и аварии, и поломки, и внезапныя нападенія врага... „Все зло сосредоточено на землѣ“, — такъ формулировалъ онъ свою мысль.

Съ вечера онъ получилъ приказъ, а раннимъ утромъ, до восхода солнца, долженъ былъ отправиться.

Тщательно осмотрѣвъ свой аппаратъ, онъ пошелъ спать. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ „наканунѣ работы“ онъ засыпалъ сразу. Тѣло его какъ будто старалось использовать каждую секунду времени, чтобы набраться какъ можно больше силъ.

Но на этотъ разъ ему не спалось. Богъ знаетъ почему, явилось предчувствие, что непременно случится какая-нибудь неприятность и, можетъ-быть, большая, чего добраго, послѣдняя. И вотъ тутъ-то вспомнились, прямо ворвались въ его душу близкіе люди, оставленные за тысячу верстъ отсюда: мать, сестра, невѣста. Пришли такія, какими онъ видѣлъ ихъ въ послѣдній вечеръ передъ отбѣздомъ.

Изъ школы, гдѣ онъ учился воздухоплаванію, послѣ выпуска, онъ пріѣхалъ въ родной городъ на три дня и помнить, что въ первый день тамъ почти оплакивали его. Специальность, которую онъ выбралъ, казалась имъ ужасной, на нее смотрѣли, какъ на вѣрную гибель.

А онъ былъ спокоенъ, и вовсе не потому, чтобы былъ равнодушенъ къ жизни, или у него нечего было жалѣть, а просто не признавалъ безцѣльной печали.

— Нужно только, — говорилъ онъ имъ, — разъ навсегда установить, долгъ мой это или нѣтъ, и если долгъ, то выполнить его съ радостью. Долгъ только тогда выполняешь честно, когда это сопровождается радостью. Тогда и рука не дрогнетъ...

И, видя, съ какой ясной душой онъ идетъ навстрѣчу своей судьбѣ, они вдругъ поняли, какой это эгоизмъ съ ихъ стороны превращать въ похороны его послѣдніе дни съ ними. Даже, если бы они въ самомъ дѣлѣ оказались послѣдними, все же, и даже тѣмъ болѣе, не слѣдовало ихъ омрачать.

Да и у самихъ явилось больше надежды на лучшее. И онѣ, не сговариваясь, словно передѣляли свои лица съ печальныхъ и суровыхъ на ясныя и веселыя. Уныніе смѣнилось бодростью, слезы смѣхомъ. Странно было даже смотрѣть на эту семью, гдѣ

Авиаторъ прап. С. Н. Кованько, во время полетовъ надъ Босфоромъ, сбросилъ бомбу на фортъ „Рива“ и взорвалъ казармы. Другой бомбой, брошенной въ Зунгулдакъ, подъ обстрѣломъ неприятеля, взорвалъ угольные склады.

раздавались веселые голоса и смѣхъ въ послѣдніе часы передъ разставаньемъ, можетъ-быть, навсегда. Но какъ-то никто изъ нихъ теперь не думалъ объ этомъ „навсегда“, напротивъ, всеѣмъ казалось, что онъ скоро и непременно вернется къ нимъ, такой же здоровый и веселый, какъ сейчасъ.

Таковыми онъ и помнилъ ихъ, такими онѣ пришли къ нему тогда, въ ту ночь передъ полетомъ, который казался ему почему-то роковымъ... Только въ самую послѣднюю минуту, уже передъ отходомъ поѣзда, мать не выдержала и, благословляя его, заплакала.

И, явившись къ нему, онѣ не упрекали его, а только улыбались ему, но тѣмъ горше было ему самому думать о томъ, какъ онъ забывалъ ихъ. И знать, что забудетъ и завтра — непременно, навѣрное и даже вѣрнѣе, чѣмъ всегда, потому что этотъ полетъ кажется ему какимъ-то исключительнымъ по своему значенію для его судьбы. Словно какой-то этапъ, за которымъ или все кончится, или начнется что-то новое.

Вотъ, какъ сядетъ на свое мѣсто, и затрещитъ пропеллеръ, и взлетитъ въвыс аппаратъ, такъ и исчезнуть онѣ изъ его души... И, если ему суждена гибель, то мысль о нихъ не будетъ его послѣдней мыслью, и послѣдній вздохъ его не будетъ обращенъ къ нимъ.

И ему хотѣлось подольше

Охотникъ унтеръ-офицерскаго званія авиаторъ Янковскій, за отличіе въ дѣлахъ произведенный въ прапорщики инженерныхъ войскъ.

быть съ ними хоть въ мечтахъ, и, хотя ему и страшно нуженъ былъ сонъ, чтобы побольше набраться силъ для предстоящей работы, но онъ радовался, что сонъ не приходилъ. Только къ утру сомкнулись вѣки, и онъ заснулъ всего часа на два.

Проснулся, когда на востокъ чуть намѣчалась еще заря. Сквозь синеву неба робко и застѣнчиво проглядывали ея розовыя щеки.

И никто не будилъ его, сознание важнаго дѣла открыло его глаза. Онъ съѣлъ на кровати и вспомнилъ о вчерашнемъ посѣщеніи въ грезахъ, что-то стиснуло ему сердце,—но это было одно только мгновение.

Всталъ, быстро одѣлся; вымылъ лицо, прочиталъ коротенькую молитву, которая уже давно какъ-то сама создалась, какъ квинтъ-эссенція изъ всѣхъ молитвъ, какія онъ училъ когда-то въ дѣтствѣ, наскоро съѣлъ что-то, принесенное ему, и отправился къ ангару.

Тамъ уже были товарищи, еще болѣе ранніе, чѣмъ онъ. У каждого было свое порученіе, получаемое съ вечера, они возились около своихъ аппаратовъ. Онъ тоже принялся за послѣднюю провѣрку. Солдаты помогали; гдѣ-то мастеръ постукивалъ молоткомъ, что-то починяя. Въ расположенной недалеко кузницѣ разводили огонь. Перекинулись замѣчаніями, острили, громко смѣялись. Смерть летала надъ головой каждаго, но никто не обращалъ на нее вниманія. Всѣ уже давно привыкли къ холодному вѣянію ея крыльевъ. А можетъ-быть, она тоже смѣялась вмѣстѣ съ ними надъ своей тупой и бессмысленной работой.

Выкатили аппаратъ изъ ангара. Послѣднія приготовления. Застрѣчала машина. Прапорщикъ Наскоковъ полетѣлъ къ потухающимъ утреннимъ звѣздамъ.

Онъ быстро поднялся на высоту больше тысячи метровъ и взялъ надлежащее направленіе. И тутъ вдругъ почувствовалъ, что нервы его не въ томъ состояніи, какое требуется для выполнения порученнаго ему важнаго дѣла. Нѣтъ обычной для него твердости въ рукахъ, вдругъ почему-то онъ лишился способности сосредоточивать всѣ свои мысли на одномъ, что въ данный моментъ важнѣе всего.

Въ тотъ моментъ важнѣе всего было до восхода солнца поспѣть къ опредѣленному пункту, спуститься тамъ какъ можно ниже, рискуя быть прострѣленнымъ, разглядѣть то, что было очень важно знать, вернуться и все доложить.

Сотню порученій исполнилъ уже онъ, между ними были важныя и пустячныя, но всегда, поднимаясь въ воздухъ, онъ былъ твердо увѣренъ, что выполнить точно. А вотъ теперь этой увѣренности въ немъ не было. И этого одного уже было достаточно,

Фальшивыя орудія.

чтобы вся душа его всполошилась. Но было и другое, гораздо худшее. Можетъ-быть, оно вытекало изъ перваго, т.-е. явилось потому, что душевное состояніе допускало его. И при другихъ обстоятельствахъ онъ навѣрно обрадовался бы ему, а теперь оно пугало его, правда, не само по себѣ, а тѣмъ, что могло явиться ему дѣсь, на высотѣ тысячи метровъ. Оно было земное, и это доказывало, что и онъ, несмотря на тысячу метровъ, остался на землѣ.

Это были его близкіе. Сперва мысль о невѣстѣ, ея милое лицо съ дѣтскими удивленными глазами. Ея чудная улыбка, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Потомъ мать и сестра, тоже веселыя, улыбающіяся, такія, какими были онъ въ послѣдніе два дня его пребыванія въ родномъ городѣ.

И онъ думалъ о нихъ, отвергалъ эти мысли, старался всѣми силами изгнать ихъ изъ головы, и все-таки думалъ. И чувствовалъ, что руль въ его рукахъ движется не такъ, какъ ему надо, а какъ хочеть онъ самъ, и въ движеніяхъ аппарата нѣтъ обычной плавности, онъ какъ-то накренается то на одинъ бокъ, то на другой, и даже въ машинѣ какъ будто слышатся перебои. И все это оттого, что въ голову его пришли ненадлежащія мысли.

„О, милыя, дорогія мои, любимыя, зачѣмъ вы явились такъ не въ-время?—мысленно говоритъ онъ имъ.—Развѣ вы не видите, какъ мѣшаете мнѣ быть тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть? Развѣ не понимаете, къ чему это поведетъ? Или вы пришли для того, чтобы похоронить вашего милого Павлушу? Ну, что жъ, при такихъ обстоятельствахъ это легко можетъ случиться. Тогда, знайте же это, вы сами будете виноваты...“

Глупыя мысли, противныя, несносныя и недостойныя его. Но онъ безсилень отдѣлаться отъ нихъ.

Но какъ ни какъ, а онъ движется впередъ. Наши части давно уже скрылись изъ глазъ; онъ соображаетъ, что вступилъ въ область болотистыхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ войскъ—ни нашихъ ни вражескихъ, куда лишь забредаютъ то наши, то нѣмецкіе небольшіе развѣдочные отряды. Ему нужно какъ можно скорѣе пролетѣть черезъ это пространство, чтобы выполнить главное и самое опасное.

Онъ собираетъ всѣ силы, чтобы сосредоточиться, и все свое вниманіе старается направить на одну мысль о томъ, что предстоитъ впереди.

И въ то время, какъ ему, видимо, это удается и онъ овладѣваетъ собой вполне, онъ чувствуетъ, что съ аппаратомъ творится что-то странное: онъ какъ будто прыгаетъ по холмамъ, при этомъ вздрагивая, какъ бы отъ ужаса. Не понимая причины, но явственно слыша, что въ моторѣ произошла порча, что самымъ несомнѣннымъ образомъ отражается на работѣ пропеллера, который съ секунды на секунду долженъ замолкнуть, онъ быстро принялъ мѣры и началъ осторожно, насколько могъ, спускаться. До земли оставалось еще метровъ 200, когда вдругъ

Артиллерійская позиція. Полевой обѣдъ у орудія.

На кавказскомъ фронтѣ. Артиллерійскій наблюдательный пунктъ.

наступила тишина, нарушаемая только шумомъ отъ быстрого движенія аппарата въ воздухѣ. Пропеллеръ не работалъ. Наскоковъ въ-время началъ спускаться и за это мысленно хвалилъ себя. Гдѣ онъ спустится, при какихъ условіяхъ приметъ его земля, объ этомъ онъ не думалъ: всѣ душевныя силы его сосредоточились на одномъ стремленіи: спланировать аппаратъ какъ можно мягче, онъ весь ушелъ въ это, и—вотъ земля, блеститъ что-то черное, похожее на лужу, и онъ мягко, какъ птица, садится на землю. Аппаратъ и онъ самъ—въ цѣлости. Это первая мысль, какая приходитъ ему въ голову.

Онъ выскакиваетъ на землю и попадаетъ ногами въ болото, но подъ жидкой грязью—твердая почва. Осматривается во всѣ стороны кругомъ; пустынное мѣсто; далеко, сколько видятъ глазъ, болото, покрытое рѣдкимъ и мелкимъ кустарникомъ, и только справа въ двухъ сотняхъ шаговъ—жидкій низкорослый лѣсокъ.

Онъ съ великимъ облегченіемъ перевелъ духъ. Значитъ, далеко-далеко еще не все потеряно. Если машина окажется безнадежной, то ноги донесутъ его до своихъ. Осторожные нѣмцы, питающіе ужасъ и отвращеніе къ нашимъ роднымъ болотамъ, очевидно, въ эти мѣста не рискуютъ забираться. Случись это на десять минутъ позже, онъ долженъ былъ бы опуститься у нихъ на глазахъ, и тогда судьба его была бы рѣшена.

Совершенно спокойно принялся онъ осматривать моторъ и пропеллеръ и довольно долго не могъ понять, въ чемъ дѣло. Все было въ наилучшей исправности.

— Ахъ, чортъ! — проворчалъ онъ, замѣтивъ наконецъ миниатюрное отверстіе, изъ котораго выпалъ ничтожный по величинѣ винтикъ. Значитъ, онъ плохо сидѣлъ и вчера и сегодня при осмотрѣ, но именно, благодаря его ничтожности, это и не было замѣчено, а онъ, — поди-ка, надѣлалъ какихъ бѣдъ.

Но это было легко исправимо, винтикъ имѣлся въ запасѣ. Онъ досталъ ящикъ съ запасными частями, отыскалъ винтикъ и нужные инструменты и принялся за работу. Это потребовало отъ него не болѣе пяти минутъ.

Готово. Все въ полной исправности; пустить моторъ, улетѣть и снова ввысь.

Но въ тотъ моментъ, когда онъ сдѣлалъ шагъ къ мотору, до слуха его долетѣли звуки человеческихъ голосовъ—разомъ десятокъ или, можетъ-быть, два или три. Онъ оглянулся въ сторону лѣска. Оттуда бѣжали въ беспорядкѣ нѣсколько человѣкъ и при этомъ орала что-то, чего нельзя было разобрать. Для него стало ясно, что въ сотни шаговъ отъ него — враги. Онъ бросился къ мотору. Правая рука его работала съ неимоверной быстротой, а въ лѣвой онъ держалъ револьверъ.

Но моторъ еще не былъ приведенъ въ движеніе, а два де-

сятка ражихъ молодцовъ уже окружили его и аппаратъ.

III.

Въ первое мгновеніе Наскокова охватило бѣшенство, онъ поднялъ руку и уже готовъ былъ стрѣлять, но вдругъ понялъ всю безмысленность подобнаго поступка и опустилъ руку. Въ это время къ нему подбѣжали сзади и схватили его за плечи и за руки.

— Обезоружьте его!—сказалъ по-нѣмецки рослый усачъ, повидимому, офицеръ, хотя одежда его почти не отличалась отъ одежды другихъ.

Револьверъ сейчасъ же перешелъ въ другія руки.

— Вы арестованы,—сказалъ по-нѣмецки усачъ, — и, если сдѣлаете малѣйшую попытку къ бѣгству, будете разстрѣляны.

Наскоковъ, превосходно говорившій по-нѣмецки, сдѣлалъ равнодушное лицо, какъ будто не понялъ ни слова.

Тогда тотъ же усачъ, отчаянно коверкая слова, высказалъ ему ту же мысль по-русски:

— Ви отъ насъ арестировать, а за бѣжательствомъ будетъ растрѣляеть. Обыскать его!—прибавилъ онъ по-нѣмецки.

Тѣ, что стояли за спиной Наскокова, запустили въ его карманы, подъ рубаху, за голенища сапогъ, разомъ шесть или восемь рукъ и мигомъ лишили

его всего наличнаго имуществва: золотыя часы съ одной крышечкой и съ тоненькой платиновой цѣпочкой, бумажникъ съ кредитками рублей на полтораста, съ кое-какими неважными документами и съ фотографической карточкой, на которой были сняты три дамы, кошелекъ съ мелочью, кожаный портсигаръ съ папиросами, бензиновую зажигалку и перочинный ножъ; ему оставили лишь носовой платокъ.

Все это было передано усачу, который пересмотрѣлъ всѣ вещи и содержимое бумажника, вынулъ изъ него фотографію и галантно вручилъ Наскокову.

— Это есть интимно, — сказалъ онъ, — остатное будетъ имѣть получено послѣ!

Оставивъ его на попеченіи двухъ солдатъ, компанія нѣсколько отошла отъ биплана, и начался совѣтъ, въ которомъ на ряду съ усачомъ и другимъ молоденькимъ офицеромъ, ежеминутно закручивавшимъ свои маленькіе усики кверху, принимали участіе и солдаты.

Наскоковъ слышалъ и понималъ все отъ слова до слова, и дивился неосторожности нѣмцевъ, съ которою они такъ легко повѣрили въ его незнаніе языка. Онъ узналъ, что отсюда до мѣста расположенія нѣмецкихъ войскъ около тридцати километровъ, и даже было упомянуто мѣстечко, названіе котораго было хорошо знакомо ему.

Разсуждали о томъ, что тащить аэропланъ по болоту такое разстояніе невысказано, а никто изъ отряда объ управленіи аппаратомъ не имѣетъ понятія. Какъ быть? Кто-то подаль мысль воспользоваться искусствомъ самого плѣннаго, заставивъ его летѣть къ нѣмецкому фронту. Тогда аэропланъ въ цѣломъ

На кавказскомъ фронтѣ.
Источникъ сѣрнаго горячаго ключа въ городѣ Илджѣ (бывшій турецкій курортъ).

В Эрзерумѣ. Засѣданіе городского самоуправленія подѣ председательствомъ городского головы Мохамедъ-Али-Паши, бывшаго флигель-адъютанта сверженнаго султана Абдуль-Гамида.

было страшиться ему, для котораго уже все погбло? Моторъ заработалъ, аппаратъ дрогнулъ.

— So! — сказалъ усачъ, и они поднялись въ воздухъ.

Наскоковъ далъ аппарату бышеную скорость, всю, на какую онъ только былъ способенъ, и аппаратъ, подобно птицѣ, летѣлъ все вверхъ, вверхъ, казалось, безъ конца. Стрѣлка показывала полторы тысячи метровъ, двѣ и еще больше... Онъ на секунду повернулъ голову къ лейтенанту. У того лицо было смертельно блѣдно, а въ глазахъ былъ невыразимый испугъ. Наскоковъ понялъ, что несчастный вояка первый разъ въ жизни былъ въ воздухѣ.

— Вы чувствуете себя дурно? — стараясь перекричать трескъ пропеллера и шумъ разсѣкаемаго аппаратомъ воздуха, на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ спросилъ его Наскоковъ.

Тотъ даже улыбнулся, до такой степени сюрпризомъ былъ для него нѣмецкій языкъ на высотѣ двухъ съ половиной тысячъ

и исправномъ видѣ будетъ представленъ прямо предъ очи начальства, въ качествѣ военной добычи. Былъ разработанъ чрезвычайно простой планъ. Плѣннаго летчика заставить исправить аппаратъ, затѣмъ усадить его, а на мѣстѣ наблюдателя кого-нибудь изъ отряда съ направленнымъ на летчика дуломъ револьвера, и приказать подѣ угрозой смерти держать направление къ нѣмецкому фронту и тамъ спуститься на землю. Кто полетитъ наблюдателемъ? Ну, конечно, лейтенантъ, кстати, ему здѣсь нечего дѣлать, и онъ не любитъ таскаться по болотамъ. Это добродушно говорилъ усачъ. Чтобы избѣгнуть обстрѣла, лейтенантъ своевременно бросилъ внизъ свою каску.

Лейтенантъ, ежеминутно закручивавшій сверху свои усники, и на этотъ разъ сдѣлалъ то же, но съ видимымъ удовольствіемъ. Во всей его фигурѣ, въ дѣтѣ лица, въ нѣжной кожѣ рукъ, была видна избѣженность, и ему, повидому, дѣйствительно надоѣло шляться по болотной мѣстности.

— Плѣннаго надо допросить! — сказалъ солдатъ, съ виду старый и опытный.

— Тамъ сдѣлаютъ это гораздо лучше! — авторитетно возразилъ усачъ. — Никто изъ насъ, все равно, не пойметъ, что онъ будетъ рассказывать.

Слушалъ все это Наскоковъ и чувствовалъ, какъ кровь приливаетъ у него къ вискамъ, а дыханіе прерывается отъ бшенства. Ему готовятъ самую позорную роль, какую только можетъ сыграть летчикъ: самому собственноручно доставить аппаратъ прямо въ руки врага. Усачъ самоодовольно улыбался, предвкушая награду за остроумную выдумку.

Но сопротивляться тутъ, гдѣ ихъ два десятка, а онъ одинъ, и они могутъ сдѣлать съ нимъ все, что угодно, онъ считаетъ бессмысленнымъ. Другое дѣло тамъ, въ воздухѣ. Тамъ онъ хозяинъ. И пусть этотъ жалкій лейтенантъ, сколько ему угодно, держитъ дуло револьвера надъ его головой, это не можетъ помѣшать ему ринуться съ головокружительной высоты на землю и разбиться на смерть, такъ, чтобы отъ него и отъ лейтенанта не осталось и слѣдовъ, а аппаратъ превратился въ щепы.

Онъ такъ рѣшилъ и такъ сдѣлаетъ, потому что то, что ему предстоитъ, хуже смерти.

Усачъ приблизился къ нему.

— Вашъ моторъ справенъ? — спросилъ онъ по-русски.

— Да, — отвѣтилъ Наскоковъ, не глядя на него.

— Und... Пропеллеръ тоже справенъ?

— Да.

— Сидитъ на мѣста. Къ вамъ ассистентъ лейтенантъ будетъ. Ви должна взять курсъ зюльвестъ — такъ прямо и никакъ на сторона. Приказъ лейтенантъ спускаться на землю. Когда не слюшайтъ, лейтенантъ стрѣляетъ на вашъ голова. Понялъ?

— Понялъ! — отвѣтилъ Наскоковъ и, сдѣлавъ все необходимое въ машинѣ, занялъ свое мѣсто. Лейтенантъ сѣлъ на мѣсто наблюдателя, вынулъ револьверъ и направилъ его въ упоръ на Наскокова. Летчикъ почувствовалъ не страхъ, а отвращеніе. Чего

В Эрзерумѣ. Стѣны домовой мечети въ домѣ городского головы.

метровъ. Но улыбка эта была какая-то трагическая.

— Ja, mein Herr, sehr schlecht...

Но голосъ былъ слабый, такъ что Наскоковъ понялъ это больше по движенію его губъ.

— У васъ дрожить рука, опустите револьверъ, господинъ лейтенантъ!— крикнулъ Наскоковъ.

— Я не имѣю права...

— Право? Ха-ха-ха!..

Тотъ, кто осужденъ на смерть, имѣетъ право на все...

— А кто осужденъ?

— Я и вы, господинъ лейтенантъ, мы оба.

— Почему же я?

— Потому что вы имѣете несчастье быть моимъ товарищемъ, а я для того и поднялся, чтобы съ головокружительной высоты пустить аппаратъ отвѣсно внизъ.

— Чтò за безуміе! Если вы не перемѣните вашего намѣренія, я прострѣлю вамъ черепъ...

— Это будетъ глупо, господинъ лейтенантъ, потому что безъ меня вы перевернетесь, и результатъ для васъ будетъ тотъ же.

— Чтò же я долженъ дѣлать? Послушайте... Вы... попали въ плѣтъ, это ваша оплошность. Но я ничѣмъ не провинился... За что же я?..

— Вы можете спастись...

— Какъ?

— Предупреждаю васъ, что есть только одинъ способъ, и это надо сдѣлать сію минуту! Выбросьте вашъ револьверъ внизъ...

— Я не имѣю права.

— Въ такомъ случаѣ я поворачиваю аппаратъ отвѣсно къ землѣ...

И онъ рѣшительнымъ движеніемъ схватился за руль.

— Остановитесь!..—голосомъ, полнымъ смертельнаго ужаса, закричалъ лейтенантъ.—Знай я, что вы безумны...

Эрзерумъ. Улица генерала Калитина (бывшій турецкій базаръ).

Въ Эрзерумѣ. Мечеть.

— Бросайте револьверъ или пускайте пулю въ мой черепъ!— произнесъ Наскоковъ, угрожающе налегая на руль.

— Дьяволъ!—воскликнулъ лейтенантъ.—Вотъ...

И револьверъ полетѣлъ въ воздухъ.

— Теперь я надѣюсь, что мы будемъ оба жить. Сидите спокойно, господинъ лейтенантъ...

Но тотъ, выбросивъ револьверъ и почувствовавъ себя беззащитнымъ и совершенно въ полной власти у этого человѣка, вдругъ обезсилѣлъ и сидѣлъ, опустивъ голову на грудь. Наскокову даже было жаль его. Но зато самъ онъ ликовалъ. Теперь ужъ онъ не думалъ о смерти, о, нѣтъ!.. Совсѣмъ напротивъ, теперь онъ блестяще выполнитъ задачу. Прежде всего онъ точно знаетъ направленіе. То, чтò ему раньше нужно было искать ощупью, указалъ усатый начальникъ отряда: зюдвестъ—прямо, не сворачивая... Отлично, чего же лучше. Онъ и не будетъ сворачивать... На высотѣ уже былъ праздникъ. Тамъ, на землѣ, еще только ждали приближенія солнечнаго восхода, а отсюда, съ высоты, уже было видно, какъ оно выплывало изъ-за гѣска,—большое, огненно-красное, и горящими казались гѣсокъ и болото и какія-то мрѣющія вдали постройки.

Онъ снизилъ аппаратъ, и они летѣли метровъ въ восьмистахъ надъ землей. Скоро показалось то, чтò ему было нужно. Вдругъ оживилась пустыня. Постройки, траншеи, земляные валы, загражденія и тысячи темныхъ движущихся точекъ,—это люди, которыхъ глазъ его научился считать приблизительно тысячами.

Онъ еще нѣсколько снизилъ аппаратъ. Внизу произошла тревога; смотрѣли въ бинокли, бѣжали къ орудіямъ, наставляли даже ружья. Что-то загрохотало.

— Бросьте внизъ вашу каску!—сказалъ по-нѣмецки Наскоковъ.

Но лейтенантъ сидѣлъ неподвижно и безчувственно. Глаза его ничего не выражали, и едва ли онъ понималъ что-нибудь.

Тогда Наскоковъ схватилъ съ его головы каску и швырнулъ ее внизъ, а затѣмъ быстро повелъ свой аппаратъ на высоту.

Должно-быть, каска лейтенанта произвела на землѣ большое смущеніе, или такъ ужъ высоко они поднялись, но выстрѣловъ больше не слышалось.

IV.

Теперь аппаратъ летѣлъ въ обратномъ направленіи. Но не совсѣмъ. Наскоковъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія приводить въ смущеніе усатаго начальника отряда; онъ предпочиталъ оставить его въ пріятномъ заблужденіи, которое потомъ, когда онъ вернется съ развѣдки, смѣнится бѣшенствомъ.

Поэтому онъ взялъ нѣсколько иной путь, который, какъ онъ зналъ, былъ немного длиннѣе. Но, едва онъ успѣлъ пролетѣть километръ, какъ замѣтилъ, что съ земли поднимается аэропланъ съ видимымъ намѣреніемъ пуститься въ погоню за нимъ.

— Лейтенантъ, держитесь,—сейчасъ мы будемъ нестись съ быстротой пули.

Лейтенантъ встрепетулся. Его отяжелѣвшія прозрачныя вѣки поднялись.

— Почему?—довольно бессмысленно спросилъ онъ.

— А развѣ вы не видите? Намъ хотятъ догнать.

— Кто?

— Одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ. Но мы теперь такъ тѣсно спаяны, что вы должны желать того же, чего и я. Если насъ нагонятъ, будутъ стрѣлять, и нѣмецкая пуля пронзитъ нѣмецкаго лейтенанта такъ же, какъ и меня.

И онъ далъ аппарату максимальную скорость... Ужъ какъ держался лейтенантъ, кромѣ душевнаго волненія, повидимому, испытывавшій и морскую болѣзнь,—онъ объ этомъ не думалъ. Онъ весь сосредоточился на быстротѣ и вѣрности полета.

На кавказском фронтѣ. Водопой на вершинѣ горы.

Погнавшійся за нимъ аэропланъ видимо отсталъ и прекратилъ погоню. Теперь у Наскокова сверлила мозгъ мысль, что можетъ не хватить бензина. И онъ мечталъ только объ одномъ, чтобы поскорѣе показались наши мѣста расположенія войскъ.

И вотъ они уже видны. Близко. Онъ летитъ надъ ними. Сердце прыгаетъ въ груди отъ неистовой радости. Плавнымъ спускомъ приближается онъ къ землѣ, колеса прикоснулись къ ней и покатались по ровному полю. Чтѣ за наслажденіе почувствовать себя дома и на твердой землѣ послѣ такого неимоверно опаснаго полета!

Къ остановившемуся аппарату подбѣжали нѣсколько солдатъ и, къ величайшему изумленію, увидѣли, что прапорщикъ Наскоковъ, вылетавшій одинъ, вернулся вдвоемъ. Съ нимъ какой-то растрепанный нѣмецкій офицеръ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, безъ головного убора.

— Лейтенантъ, мы прибыли! — сказалъ своему спутнику Наскоковъ, но тотъ не откликнулся. Онъ былъ въ обморокѣ.

— Возьмите носилки, — сказалъ солдатамъ прапорщикъ Наскоковъ, — и бережно отнесите его въ лазаретъ. Но смотрите за нимъ во всѣ глаза: это плѣнный...

Солдаты принялись за лейтенанта, а Наскоковъ отправился къ поручику Лагодину.

Тотъ встрѣтилъ его восклицаніемъ изумленія:

— Какъ? Уже вернулись? Молодецъ. Надѣюсь, благополучно?

— Вы не можете представить, чтѣ это было!.. Позвольте мнѣ сѣсть... Я не могу стоять... Прикажете дать мнѣ воды или лучше коньяку...

Онъ опустился на стулъ и почувствовалъ, будто изъ него выкачали половину крови.

Поручикъ Лагодинъ заботливо ухаживалъ за нимъ, уложилъ его на диванъ, далъ ему коньяку и ни о чемъ его не спрашивалъ.

Съ четверть часа Наскоковъ былъ въ какомъ-то полудремотномъ состояніи, но наконецъ очнулся, протеръ глаза, поднялся и, усѣвшись въ пододвинутое ему удобное кресло и съ наслажденіемъ закуривъ предложенную папиросу, началъ рассказывать о своемъ путешествіи.

— Изумительно! Поразитель-

но! — восклицалъ поручикъ. — Это только съ вами, Наскоковъ, могло случиться... Если только, — простите меня, — это не ваша фантазія.

— Боже мой! Я хотѣлъ бы, чтобы здѣсь кое-что было фантазіей, ну, на примѣръ, хотѣю тотъ моментъ, когда я готовъ былъ низвергнуться на землю съ высоты двухъ съ половиною тысячъ метровъ... Развѣ я не обязанъ былъ бы сдѣлать это, если бы... Ну, если бы на мѣстѣ лейтенанта сидѣлъ болѣе сильный духомъ человекъ?

— Обязаны? Нѣтъ. Я не считаю это обязанностью. Но съ точки зрѣнія высшаго достоинства и щепетильной воинской чести это — долгъ. Но гдѣ же этотъ лейтенантъ?

— Его снесли въ лазаретъ. Можетъ быть, онъ пришелъ въ себя. Я привезъ его въ обморокѣ.

Послали въ лазаретъ. Но оттуда принесли извѣстіе, что лейтенантъ все еще въ безпамятствѣ.

Только къ вечеру онъ пришелъ въ себя и подтвердилъ все, рассказанное Наскоковымъ.

Въ этотъ день Наскоковъ былъ героемъ фронта. Къ нему приходили, жали ему руку, изумлялись, высказывали восхищеніе. На другой день онъ являлся къ высшему начальству и въ сотый разъ повторилъ свой рассказъ. Имя его сразу выдвинулось.

Но самъ онъ сдѣлался вялымъ, его душевное состояніе сильно понизилось, энергія упала. Врачи сказали, что нервамъ его пришлось пережить непосильное напряженіе, и потребовали для него продолжительнаго отдыха.

И въ этомъ нельзя было ему отказать, хотя бы уже потому, что въ такомъ состояніи онъ былъ бесполезенъ. Поручикъ Лагодинъ не рѣшался дать ему порученіе. Это было бы безчеловѣчно и опасно.

И ему было данъ отпускъ на цѣлыхъ шесть недѣль. Съ какимъ восторгомъ сѣлъ онъ въ вагонъ, чтобы ѣхать къ своимъ, о которыхъ онъ теперь все время безъ устали думалъ! Хотѣлъ всѣхъ обнять, а главное, покаяться передъ ними въ тѣхъ минутахъ и часахъ, когда онъ совершенно забывалъ ихъ, покаяться не только за прошлое, но и за будущее, такъ какъ онъ зналъ навѣрное, что и потомъ, когда онъ съ оправившимися нервами вернется къ своему дѣлу, будетъ точно такъ же, потому что онъ иначе не можетъ, и это не въ его власти и выше его силъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Послѣ взятія Трапезунда бѣженки-гречанки возвращаются въ городъ.

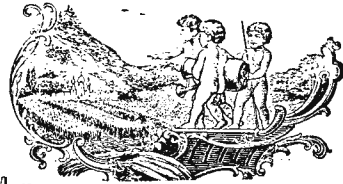
ЖИЗНА

1916 г.
№ 31

Выдана 30-го июля 1916 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.
издания

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатания в «Жизни» принимаются по следующему плану за строку понапрямь в один столбец (с 1/4 ширины страницы); пересть 1 р. 75 к.; на последней странице обложки 1 р. 50 к.; на остальных стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается «Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка» кн. 28.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены известными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоения **каждымъ** соответственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную бібліотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый отдѣлъ или факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Биологическихъ наукъ“ 18 р., „Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ“ 16 р.; факульт.: Истор.-Филологическій 14 р., Медицинскій 13 р., Юридическій 12 р., Биологическій 11 р. и Богословскій 9 р. Выписывающіе чрезъ издателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, за пересылку не платятъ. Возвратившимся съ поля брани нашимъ защитникамъ и лицамъ, поступившимъ къ намъ, а также учащимъ и учащимся временныя льготы. Каталоги съ образцами лекцій и отзывами печати высылаются издателемъ бесплатно. Продажа изданій во всѣхъ книжоторговляхъ.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особые знаній и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/12.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА
для грудныхъ дѣтей.

АЛЛЕНБЭРИСЪ

Получаются блестящіе результаты.

Брошюра № 12 по требованію бесплатно.

Англійское Агц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“.

Москва, Мясницкая, 32, почт. ящ. 226.

Вышелъ 4-й выпускъ

Изданія Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора

„ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО“

Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

въ дѣйствующей арміи“.

(съ Іюля 1915 г. по Февраль 1916 г.).

Составилъ Генералъ-Маіоръ Дубенскій.

Этотъ четвертый выпускъ заключаетъ въ себѣ краткіе очерки пребыванія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на фронтахъ русскихъ войскъ за періодъ 8-ми мѣсяцевъ того года войны, съ того времени, какъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоудно было приять на Себя Верховное командованіе дѣйствующими арміями и флотомъ, и содержать многочисленныя снимки разныхъ моментовъ ВЫСОЧАЙШАГО путешествія.

Всѣ доходи съ настоящаго изданія поступаютъ въ распоряженіе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ на нужды раненныхъ и ихъ семействъ.

Складъ изданія: Петроградъ, Фонтанка, 20, Канцелярія Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

Цѣны безъ пересылки: 4-го выпуска (236 стран.) — 1 р. 80 к., 1-го выпуска (84 стран.) — 60 коп., 2-го выпуска (192 стран.) — 1 р. 20 коп., 3-го выпуска (240 стран.) — 1 р. 20 к.

Выписывающіе одновременно всѣ четыре выпуска (не менѣе 25 экз.) непосредственно изъ склада за пересылку не платятъ.

Изданіе продается во всѣхъ известныя книжныхъ магазинахъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ и во всѣхъ желѣзнодорожныхъ мѣстахъ на станціяхъ.

ПРИ НЕВРАСТЕНИИ,

слабости и для укрѣпленія нервной системы

рекомендуется **Биологъ Т-ва Ласлей.**

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Бесплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Личныя условія водиски **БЕЗПЛАТНО.** Пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

Разрѣш. Киевск. БУХГАЛТЕРІИ (существующей съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредствомъ переписки, вполнѣ замѣн. устное преподаваніе. Условія выс. бесплатно. А. П. Бобырь. Киевск.-Ч. Софійская, 5.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Уководство въ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Более 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать: МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/12.

ВОЛШЕБСТВО И МАГІЯ

Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. изд. пл. 95 к. Адр.: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18/2.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить снѣгъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить ообы въ полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякаго аппарата. Превратить желѣзныя прутья въ свѣчу. Зажечь сухія дрова водой—и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цѣна съ пересылкой налож. плат. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Сызанская ул., № 40, въ редакцію журнала „Откликъ Жизни“.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готикъ, Готардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текствѣ, транспарант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, вѣдущихъ пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются по мощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убоист. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля. Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стран. Цѣна (5) 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. упр., формъ прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезвѣститъ себя службѣ. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛСТВО ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЮ ПРАКТИКОЮ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 стран. (+ VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посылк. налож. плат. на 25 к. дорож.

НЕВРАСТЕНИЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вва ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

XXXV-й УЧЕБНЫЙ ГОДЪ
КУРСЫ РАПГОФА СЪ КУРСОМЪ КОНСЕРВАТОРИИ, ОПЕРОНЫМИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ И РЕГЕНТСКИМИ КЛАССАМИ.
Петроградъ, улица Гоголя, 7. Телеф. 60-82.

Подробн. услов. и прогр. съ составомъ педаг. персонала вѣд. (дѣна 10 коп.) у швейцара и высылаются канц. Курсы по присл. 14 коп. марками. Начало занятий 1-го сентября. Вступительныя испытанія съ 24-го августа.

4234 2-1

Директоръ Курсовъ *Евг. Павл. РАПГОФЪ*.

**БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ,
БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,**

а только по нашему изданію „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“ по подѣ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда,
на классный чинъ,
высшаго начальнаго, сельскаго и народнаго учителя,
аптекарскаго ученика, - ны,
за 4 или 6 классовъ гимназій,
на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже благодаря изданію „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“ достигнуть намѣченной цѣли. Краткій проспектъ высылается безплатно. Подробный за 15 коп.

Всякую корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44—62.

Собств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; 4217 2-1
МОСКВА, Мясницкая, 18.

Съ 1-го Августа Главная К-ра перемѣщается на Глазовую ул., соб. д. № 18.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ**.
3011 начинающимъ
Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
Адресъ: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРЕЪ
въ острой и хронической формѣ „ТІЗЕРИНЪ“
послѣдствіяхъ ея прижмается
Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тізерины совершенно безвредны. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Лвойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Далея пер., 1/22, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

4010

**СЛАБЫМЪ и НЕРВНЫМЪ
ЖЕНЩИНАМЪ**

Я ВЫСЫЛАЮ ДАРОМЪ ПРОБУ **АЛЬБУКОЛА**,
ПИТАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА

рекомендуемаго какъ укрѣпляющее и питательное средство при истощеніи и ослабленіи организма. По произведеннымъ химическимъ изслѣдованіямъ питательное средство „АЛЬБУКОЛА“ содержитъ въ себѣ бѣлковыя вещества, фосфорно-кислыя соли **натрія, кальція и желѣза**—элементы, дѣйствующіе благоприятно при истощеніи и укрѣпляюще разслабленный организмъ.

Пробную дозу препарата „АЛЬБУКОЛА“ я высылаю совершенно даромъ каждой женщинѣ, сообщившей свое имя, отчество и фамилію, а также свой точный адресъ.

РИТА НЕЛЬСОНЪ. Москва, Фуркасовскій пер. 6. Отд. 22. X.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

На гребнѣ перевала.

Конецъ второго года войны засталъ арміи Согласія въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ конецъ перваго года. Тогда неблагоприятно подготовленная Германія видимо торжествовала надъ своими неподготовленными противниками и на Карпатахъ, и въ Галиціи, и въ Польшѣ, и въ Курляндіи, и въ Бельгіи, и въ Сѣверной Франціи, и въ Сербіи, и въ Черногоріи, и въ Албаніи. Германскій натискъ былъ остановленъ на Двинѣ, въ Полѣсьѣ, на Маасѣ, на Ипрѣ и въ Салоникахъ, но все же огромныя пространства союзническихъ земель были захвачены нѣмцами, и самые миролюбивые изъ германскихъ депутатовъ, считая себя побѣдителями, говорили о возможности мира только на основахъ цѣлаго ряда мирныхъ аннексій. Дальнѣйшее теченіе событий приняло для германцевъ не совсѣмъ счастливый оборотъ, и къ концу второго года войны мировое положеніе Германіи обрисовалось уже совсѣмъ въ иномъ видѣ. Почти полный разгромъ, нанесенный войсками генерала Юденича турецкимъ арміямъ съ послѣдовательнымъ захватомъ Эрзерума, Трапезунда и Эрзинджана, нанесъ смертельный ударъ одному изъ трехъ союзниковъ кайзера и послужилъ началомъ его кровавыхъ неудачъ подѣ Верденомъ, въ Буковинѣ, на Волыни и въ Галиціи. Все это заставило германскаго канцлера почувствовать, что всѣкіе разговоры съ каедрой рейхстага объ условіяхъ мира до окончанія войны по меньшей мѣрѣ были преждевременными. На столь грустныя размышленія нѣмецкихъ политиковъ должны бы навести не только колебанія военнаго счастья, всегда перемѣнчиваго, всегда непо-

стояннаго даже по отношенію къ такимъ избранникамъ судьбы, какъ Наполеонъ, но и то несравненно болѣе страшное и роковое: явное и очевидное измѣненіе въ соотношеніи двухъ коалицій, съ каждымъ днемъ приобретающее для Германіи все болѣе и болѣе неблагоприятный оборотъ. Ужасъ германскаго положенія въ томъ, что въ затянувшейся войнѣ на истощеніе Германія уже явно изнемогаетъ, а ея противники начинаютъ собираться съ силами. Несокрушенные въ первые мѣсяцы войны, они со дня на день растутъ въ своемъ могуществѣ. За годъ сидѣнія на берегу Двины мы успѣли обзавестись тяжелой артиллеріей и неисчерпаемыми запасами снарядовъ. И съ запада и съ востока передъ нѣмецкими окопами вырастаютъ изъ земли несмѣтныя арміи. Русскимъ полкамъ и счету нѣтъ, ряды французовъ не рѣдкуютъ отъ губительной канонады, но становятся все гуще и гуще, „неимѣющая солдатъ“ Англія вручила портфель военнаго министра энергичнѣйшему изъ своихъ государственныхъ людей Ллойд-Джорджу и готовится выставить на полѣ четвертый миллионъ воиновъ. Англичане, оставшіеся послѣ морскаго боя хозяевами морскихъ сообщеній, усилившия строгости блокады, ведутъ войну уже не на истощеніе, а на истребленіе нѣмцевъ. Ихъ тактика основана не на вдохновеніи военнаго гения, а на простомъ математическомъ, почти инженерскомъ расчетѣ. Они вычислили, что, какъ для постройки какаго-нибудь моста черезъ Темузу нужно столько-то тоннъ камня, стали и угля, такъ и для разгрома германскихъ укрѣпленій нужно

столько-то тоннъ желѣза и динамита. Побѣда надъ механически уничтожаемымъ врагомъ является для нихъ простымъ итогомъ затраченныхъ матеріаловъ. Если въ войнѣ 1871 г. во Франціи побѣждалъ нѣмецкій школьный учитель, то въ нынѣшней войнѣ на Соммѣ и на Маасѣ побѣждаетъ нѣмцевъ англійскій и французскій инженеръ.

Перемена положенія чутко учитывается нейтральными державами. Румынія еще снабжаетъ Австрію безумно дорогимъ хлѣбомъ, но уже на всякій случай мобилизуетъ свою армію, чтобы въ критическую минуту предъявить австріякамъ кровавый счетъ за вѣковое угнетеніе Трансильваніи. Швеція,

начинаетъ относиться ко всему спокойно, здраво и безпристрастно,

уже явно надломлены всеокрушающими ударами русскихъ армій силы германскихъ вассаловъ — Австріи и Турціи, сама Германія еще кое-какъ крѣпится и держится, но въ костяхъ ея уже что-то треснуло, въ массахъ народныхъ ослабла вѣра въ возможность побѣды и даже въ рядахъ войскъ не чувствуется прежняго напора и прежней энергіи сопротивленія. До сихъ поръ изнемогающая Европа везла тяжелый возъ въ гору. Теперь чувствуется, что послѣ кровавыхъ боевъ на Стоходѣ, на Соммѣ и подъ Верденомъ она уже перевалила за самую высокую точку, и отнынѣ возъ свободнѣе и легче покатится подъ гору. Конечная цѣль еще далека, очертанія ея еще скрыты туманомъ, но она уже видна, и ея свѣтлыя дали наполняютъ сердца героическихъ борцовъ ликующей радостью торжества. Еще много героическихъ усилий и трудовъ, еще много жертвъ и драгоцѣнныхъ жизней потребуетъ отъ насъ война, но уже каждый видитъ и чувствуетъ, что она закончится полной нашей побѣдой.

«Духъ войны». Посѣтившій недавно Россію товарищъ французскаго военнаго министра, по отдѣлу снабженія, Альберъ Томъ незадолго до своего отъѣзда въ Россію посѣтилъ заводы Крезю и произнесъ тамъ въ присутствіи заводо-

Въ землянкѣ командира. Докладъ. Рис. участника войны М. Авилова.

владельцевъ, инженеровъ и рабочихъ большую рѣчь, восторженно принятую слушателями.

Въ этой своей рѣчи Альберъ Томъ коснулся и ближайшихъ задачъ, падающихъ на заводы, работающіе надъ снабженіемъ арміи, и болѣе отдаленныхъ перспективъ Франціи «завтрашняго дня».

Ближайшія задачи, это — удержать свою работоспособность на прежней высотѣ. «Я знаю, — говорилъ Альберъ Томъ, — что удержать свои усилія на прежней высотѣ, когда усталость мало-по-малу начинаетъ завладѣвать мускулами и нервами, держать свои усилія подъ постояннымъ дымомъ Крезю, не зная возвышенныхъ радостей сражающихся, — знаю, что это, пожалуй, требуетъ героизма. Но героизмъ необходимъ для насъ. Важно, чтобы никто внутри страны, начиная съ правительства, начиная съ парламента, вплоть до скромныхъ рабочихъ какого-нибудь маленькаго военнаго завода, никто не терять

ни на минуту сознанія долга, падающаго на всѣхъ насъ. Долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы хранить въ себѣ яркое и чистое пламя духа войны.

Что такое духъ войны? Это — духъ самоотверженія и самопожертвованія, это — сознаніе властвующихъ надъ нами коллективныхъ обязанностей, это — подчиненіе всѣхъ частныхъ интересовъ интересу общему, стремленіе къ дисциплинѣ и социальной организаціи, стремленіе къ напряженію всѣхъ своихъ силъ для благополучія родины. Этотъ духъ войны создалъ уже чудеса у насъ, чудеса въ организаціи труда, въ организаціи промышленности, въ отношеніяхъ между промышленностью и государствомъ.

Вчера, во время мира, промышленники щедро сыпали свои упреки по отношенію къ государству. Вчера сами они шли вразбродъ, кто вправо, кто влево, кто наобумъ, и всѣ подвергали себя случайностямъ конкуренціи. Сегодня они дисциплинировали свои усилія; они отвѣтили на призывъ націи, они допустили создать ту общую организацію, о какой самые смѣлые изъ насъ не осмѣливались грезить. Создана высшая государственная организація, которая сумѣла координировать всѣ инициативы, не подавляя ни одной изъ нихъ. Изъ этихъ организацій, изъ этихъ соединенныхъ усилій нашей администраціи и нашей промышленности создались всѣ наши новые заводы, новые фабрики.

А вы, рабочіе, вы, работницы, развѣ вы не чувствовали, какъ въ васъ самихъ зажигалось пламя этого духа войны? И неужели вы думаете, что по-

Телефонная станція.

Лазаретная линейка для перевязки и перевозки раненыхъ.

литика священнаго единенія, политика организаціи уже сдѣлала свое дѣло? Неужели вы можете допустить, чтобы въ будущихъ спорахъ, которые неизбежно поднимутся среди націй, не осталось ничего отъ національнаго согласія? Нѣтъ, мы не можемъ допустить, чтобы «духъ войны» исчезъ безслѣдно; напротивъ, надо думать, что именно въ немъ, именно въ этихъ настроеніяхъ вы найдете силу, нужную не только для военныхъ усилій, но и для того, чтобы подготовить новую Францію, Францію завтрашняго дня, которая послѣ побѣды выйдетъ еще болѣе благородной, еще болѣе великой.

Рабочіе, товарища-рабочіе! Я ничего не забылъ изъ своего прошлаго. Завтра, послѣ побѣдоносной войны, которая не уничтожитъ всѣхъ социальныхъ противорѣчій, вы снова заявите о своихъ правахъ, и вы, мои товарищи по борьбѣ и по чаяніямъ, снова найдете меня среди васъ, и мы вмѣстѣ будемъ идти къ осуществленію идеала справедливости и свободы, который былъ и останется нашимъ.

Но не забывайте, что мы тогда только будемъ дѣйствительно сильны, дѣйствительно способны на предъявленіе своихъ правъ, когда мы безповоротно склонимся передъ дѣломъ величія и благополучія страны.

Всѣмъ народамъ вы показали поразительный примѣръ того, чего можетъ достигнуть одушевленный духомъ національной обороны пролетаріатъ. И завтра вы въ состояніи будете каждому напомнить о тѣхъ правахъ, которыя вы приобрѣли. Но вы станете расцѣплять ваши права въ соответствии съ духомъ войны, т.-е. духомъ организаціи и согласія, который всѣмъ далъ возможность трудиться отъ всего сердца для спасенія страны.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ своей рѣчи А. Томъ говорилъ о необходимости развивать духъ инициативы, поддерживать единеніе между представителями промышленности, говорилъ о томъ, что государство и послѣ войны должно будетъ поддерживать полную довѣрѣя связь съ промышленниками. «Надо чтобы та дисциплина и то государственное руководство, съ которыми про-

падною, англо-французскомъ фронтѣ былъ случай трогательнаго и знаменательнаго единенія представителей двухъ религій— католическаго прелата и англійскаго епископа. Въ лагерѣ Майльи, во Франціи, гдѣ наши храбрцы не могли дожидаться минуты, когда имъ позволятъ стать рядомъ съ французскими товарищами подъ огнемъ врага, произошелъ недавно еще болѣе характерный случай. Въ войскахъ генерала Лохвицкаго много поляковъ-католиковъ. Мѣстный католическій архіепископъ выразилъ желаніе ихъ посѣтить. Это вызвало большое волненіе среди православныхъ. Оба полковыхъ священника стали обсуждать, какъ имъ принять гостя. Въ результатѣ архіепископъ былъ принятъ, какъ русской владыка. Когда онъ пошелъ въ полковую церковь, его встрѣтили, какъ православнаго архіерея. Онъ прослушалъ обѣдню, вошелъ въ алтарь, произнесъ присутствующимъ слово и, не выходя, благословилъ войска, выстроенныя передъ церковью.

Имецъ и австріецъ. Во время нашего послѣдняго наступленія на юго-западномъ фронтѣ, по сообщенію г. Лембича въ «Русскомъ Словѣ», одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ, Лазаревъ, въ Бродахъ, въ частной квартирѣ нашель двухъ спящихъ офицеровъ— австріяца и германца. Подойдя къ германцу, Лазаревъ произнесъ:

— Вставайте, ваше благородіе, въ плѣнъ буду брать.

Имецъ вскопчилъ и, увидя русскаго солдата, растерянно спросилъ по-русски:

— Кто ты такой?

— Солдатъ русской арміи, — отвѣтилъ Лазаревъ. — Ваши Броды уже нами взяты.

Имецкій офицеръ пришелъ въ отчаяніе. Въ одно мгновеніе выхватилъ револьверъ и, съ возгласомъ: «Lebe wohl, Vaterland!» (прощай, отечество), пустилъ себя пулю въ високъ.

Свидѣтель этой жуткой сцены, австріяскій офицеръ, разрыдался, а потомъ протянулъ саблю Лазареву и сказалъ:

— Мы проиграли войну, и сдаюсь.

Санитаръ.

На перевязочномъ пунктѣ.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к.

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. На подвигъ.

Америка—новый арсеналъ міра.

Очеркъ З. Рагозиной. (Съ 10 рисунками).

Міровая война, обрушившаяся на Европу и грозящая ей страшнымъ разореніемъ, обогатила Америку и довела заокеанскую заводскую промышленность до такого колоссальнаго развитія, какое не снилось никому даже и въ этой сказочной странѣ,—странѣ сказочнаго роста богатствъ, этой демократической странѣ „железныхъ“ и „стальныхъ“ королей, поставляющихъ смертоносныя издѣлія изъ жельза и стали европейскимъ королямъ.

Америка наживаетъ теперь миллиарды на изготовленіи винтовокъ, снарядовъ, орудій и всякихъ боевыхъ припасовъ. Десятки громадныхъ заводовъ обратили всю свою дѣятельность исключительно на эту работу, и множество другихъ едва поспѣваетъ удовлетворять небывалый спросъ на машины, станки и всякаго рода рабочее оборудованіе.

Какъ ни велики всѣ эти заводы, ихъ не хватаетъ на требуюмую отъ нихъ адекватную работу, и вокругъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ прибываютъ заказы, вырастаютъ безчисленныя дополнительные постройки, инныя, поставленныя временно, на скорую руку, а многія—прочно, съ расчетомъ на дальнѣйшее существованіе, когда изсякнетъ потокъ спѣшныхъ многомилліонныхъ заказовъ. Но и этого было бы недостаточно, если бы на заводы не работала еще цѣлая армія мелкихъ частныхъ подрядчиковъ.

Многіе заводы помѣщаются въ небольшихъ старинныхъ городахъ восточныхъ (приатлантическихъ) штатовъ, и эти города, издавна пользующіеся, благодаря имъ, скромнымъ, равномернымъ, провинціальнымъ благосостояніемъ, вдругъ оживляются, расцвѣтаютъ и переживаютъ періодъ лихорадочнаго напряженія и головокружительнаго богатвнія, выражаемый на дѣловомъ жаргонѣ непереводаемымъ словомъ „boom“ („бумъ“), буквально означающимъ внезапный подъемъ, съ трескомъ и шумомъ, обыкновенно кратковременный.

Разительный примѣръ такого внезапнаго пробужденія и ненормальнаго расцвѣта представляетъ старый городъ Бриджпортъ, въ штатѣ Коннектикутъ, недавно еще степенный, даже немного

сонный, хотя и славившійся своимъ патроннымъ заводомъ, основаннымъ еще дѣдомъ нынѣшняго владѣльца, Марселла Доджа, который унаслѣдовалъ не только милліоны дѣда, но и его дѣло-

Бриджпортъ (штатъ Коннектикутъ).

Одинъ изъ заводовъ, построенныхъ для исполненія военныхъ заказовъ союзниковъ.

выя способности. Окончивъ университетъ въ 1903 г., онъ къ 1914 году успѣлъ къ своему патронному заводу прикупить еще ружейный и жениться на родной племянницѣ нефтянаго „короля“, Джона Рокфеллера, т.-е. вступить въ самую твердыню нью-йоркскаго финансоваго міра,—какъ разъ ко времени объявленія войны и къ поступленію военныхъ заказовъ. Болѣе удачное совпаденіе трудно было бы придумать.

Какъ по мановенію волшебнаго жезла, Бриджпортъ сталъ неузнаваемъ. На пустопорожнихъ участкахъ или на мѣстѣ старыхъ деревянныхъ домиковъ вдругъ выросли семизатяжныя кирпичныя строенія, въ которыхъ работа кипитъ круглыя сутки, въ три смѣны, по восьми часовъ каждая, при повышенной платѣ, и на улицѣ между двумя рядами заводскихъ строеній толпится 7.000 человекъ вмѣсто 2.000. У каждыхъ воротъ, у cadaго прохода стоятъ конные сторожа. На дворахъ нѣтъ ни одного угла, который не былъ бы освѣщенъ электричествомъ, яркимъ, какъ

Бриджпортъ 15-го марта 1915 г. Мѣсто, очищенное подъ постройку зданій оружейнаго завода.

день. Рабочий или служащий, носящий немецкую фамилию, допускается на завод только под условием представления положительных данных о благонадежности. Наплыв населения с каждым днем увеличивается. Трамвайные вагоны переполнены; появились к ним на помощь старомодные автобусы. Городская земля немощно вздорожала; векорть наступил квартирный голод, даже в гостиницах не стало свободного угла, как и места в театрах: в банках отбоя нет от вкладчиков. Золотой век, да и только!

Вдруг пронесся слух, что Додж намбреваетс егронть новый громадных размеров завод гдѣ-то в Канадѣ. Всполошились местные дѣятели, стали доказывать ему, что в Бриджпортѣ легче добыть первоклассных рабочих, легче построить для них приличные помѣщения, и будетъ вообще для него выгоднѣе. Уговорили его, — и онъ показалъ, что могутъ совершить деньги при образцовой организованности.

Въ пять мѣсяцевъ — отъ 15-го марта до 16-го августа 1915 г. — немного на сѣверъ отъ патроннаго завода, на протяженіи мили,

Многія хозяйки, никогда не сдававшія комнаты, теперь по необходимости стали пускать жильцовъ, а во многихъ пансіонахъ комнаты занимались тремя смѣнами, т. е. постели, прибранныя по уходѣ ночной смѣны, тотчасъ же занимались дневной, которая, въ свою очередь, уступала мѣсто вечерней. Понятно, что цѣны немощно возросли.

Но и этого еще не хватало. Тогда заводское начальство само взялось за дѣло и уже въ прошедшемъ году выстроило 84 каменныхъ дома разной величины, всего на 196 семействъ. Каждая квартира состоитъ изъ четырехъ или пяти комнатъ, съ ванной, центральнымъ отопленіемъ и электрическимъ освѣщеніемъ. Въ настоящее время идетъ работа по планамъ, обеспечивающимъ такія же удобныя помѣщения еще на 2.500 семействъ. Наконецъ, вокругъ Бриджпорта образуется цѣлый поясъ изъ полудачныхъ предмѣстій, назначающихся для тысячъ постоянно прибывающихъ семействъ.

Всѣ заводы содержатся на положеніи чисто-военной дисциплины. Вокругъ занимаемой ими площади и въ самыхъ зда-

Бриджпортъ 16-го августа 1915 г. Изъ этихъ 18 зданій 16 были построены въ продолженіе пяти мѣсяцевъ — съ 15-го марта по 16-е августа. Новый заводъ состоитъ изъ 5 одноэтажныхъ фабрикъ для изготовленія штыковъ, каждая въ 300 футовъ длины и 70 футовъ ширины, и 13 пятиэтажныхъ фабрикъ для изготовленія винтовокъ, каждая въ 60 футовъ длины и 272 фута ширины.

выросъ рядъ одноэтажныхъ кирпичныхъ строеній и, параллельно съ нимъ, — другой, пятиэтажный. На пустыряхъ, рѣдко усеянныхъ жалкими лачугами, закопшилось 2.000 человекъ рабочихъ, и, прежде чѣмъ запестрѣла осенняя листва, въ восьми изъ восемнадцати строеній уже были установлены машины и станки, и 3.000 человекъ дѣлали ружья и штыки для союзниковъ.

Во главѣ всѣхъ заводовъ былъ поставленъ опытный въ этомъ дѣлѣ офицеръ, много лѣтъ служившій начальникомъ казеннаго арсенала, и тотъ, въ свою очередь, ввѣрялъ отдѣльныя части только испытаннымъ специалистамъ. Завѣдывать наймомъ людей былъ поставленъ нарочно выписанный изъ Питсбурга директоръ крупной корпорации. Его контора занимаетъ небольшой особнякъ въ одномъ углу группы заводскихъ зданій. На панели передъ нимъ весь день стоитъ толпа желающихъ поступить на заводъ, ожидая очереди. Каждого допрашиваетъ вооруженный сторожъ прежде, чѣмъ пропуститъ его въ зданіе, къ помощнику директора, который сразу различаетъ годныхъ и негодныхъ людей. Берутся только мастера своего дѣла, будь то механикъ, чертежникъ, счетчикъ, статистикъ, и проч., но и то не сразу. Каждому предлагается заполнить бланкъ съ подробнѣйшимъ опросомъ имени, адреса, возраста, образованія, ремесла или профессіи, степени опытности, национальности, подданства, рекомендаціи, даже вѣронсповѣданія — не забыто ничего. Отвѣты тщательно провѣряются, и только, если всѣ они окажутся удовлетворительными, можно рассчитывать на приемъ. За послѣднее время каждый мѣсяць поступаетъ отъ 1.400 до 1.600 новыхъ служащихъ. Въ ноябрѣ работало 3.000 человекъ; но, когда новыя строенія будутъ оборудованы полнымъ комплектомъ машинъ, понадобится не меньше 16.000 до 20.000, каковое число къ тѣту, вѣроятно, будетъ уже налицо.

Размѣщеніе всего этого народа съ семействами требуетъ неустаннаго труда цѣлаго штата специалистовъ. Завѣдующій этой частью держитъ въ своей конторѣ списокъ всѣхъ подлежащихъ найму домовъ, квартиръ и даже комнатъ. Въ февралѣ прошедшаго года онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 527 домовъ, въ которыхъ можно было помѣстить по двѣ семьи, а въ иныхъ и по шести семействъ. Но этого, конечно, было мало. Кинулись строить новые дома, и тѣ сдавались еще въ срубкахъ. Пріѣзжимъ нерѣдко приходилось на первыхъ порахъ почевать на станціи.

Въ нихъ размѣщена вооруженная стража изъ двухсотъ человекъ. У нихъ нѣтъ мундира, но у каждого на груди значокъ или бляха. Этой командѣ, составленной изъ отставныхъ солдатъ регулярной арміи, предоставлена значительная власть. Никто, не исключая рабочихъ, не впускается и не выпускается иначе, какъ по билету, годному только на помѣщенный на немъ день и до назначеннаго часа. У каждого входа въ то или другое зданіе стражникъ задерживаетъ пришедшаго и смотритъ билетъ, и если онъ затеряется, выдача другого требуетъ безконечныхъ формальностей.

Въ Америкѣ можно привести немало примѣровъ такого быстрого расцвѣта старыхъ провинціальныя городовъ. Война со своими заказами патворила много чудесъ. Что сказать, наиримѣръ, о городѣ въ 27.000 жителей, выросшемъ среди чистаго поля, которое меньше года назадъ собралось засѣять маисомъ?

Это ужъ совсемъ похоже на сказку. Во всякомъ случаѣ напоминаетъ калифорнійскую „золотую лихорадку“ 49-го года. Пенсилька, дѣйствительно, одна и та же. Вѣдь и тутъ своего рода „золотая лихорадка“, только золото добывается не непосредственно изъ нѣдръ земли. Но если эта самая земля, прошлой весной стоившая 16 долларовъ — 32 рубля по нормальному курсу — за акръ (приблизительно 1/3 десятины), теперь приноситъ 16.000 долларовъ за городской домовый участокъ, то, очевидно, цѣль достигается и безъ рудокопныхъ лагерей.

Въ штатѣ Виргиніи, близъ города Питсбурга, было небольшое село, Сити-Пойнтъ, съ населеніемъ въ 200 душъ. Война коснулась его съозимъ кровавымъ жезломъ, и оно растянулось во всѣ стороны, а подлѣ него, у слиянія рѣкъ Джемсъ и Аппоматоксъ, такъ сказать, за ночь выросъ городъ „Надежда“ („Hopewell“), — и тамъ, гдѣ еще прошлой весной сосновый лѣсъ бросалъ свою тѣнь надъ роскошнымъ входомъ маиса, нынѣ стоитъ громаднѣйшій въ Америкѣ пороховой заводъ Дюпонъ (Dupont), одинъ своими строеніями занимающій 167 акровъ (около 50 десятинъ), на которомъ работаютъ и служатъ 22.000 человекъ, проживающихъ въ городѣ (уже не селѣ) Сити-Пойнтъ, не считая еще 5.000 съ лишкомъ наѣхавшихъ поселенцевъ. Расчетъ на заводѣ производится два раза въ мѣсяць, и каждый разъ на это требуется не меньше трехъ четвертей милліона долларовъ. Рядомъ съ заводомъ компания построила для части служащихъ три большіе поселка, ноѣ общимъ названіемъ „Дюпонъ-Сити“.

Доставка рабочих в автобусах на заводы в Бриджпорт. С 1 января по 1 декабря в Бриджпортъ прибыло на работу не меньше 20.000 человек. Кроме трамваевъ, въ ходу сотни автобусовъ для доставки рабочих на заводы и развозки ихъ по домамъ по окончании работы.

Заводскія здания отличаются необыкновенной солидностью сооружения: построенныя изъ бетона, кирпича, стали и крѣпчайшихъ деревянныхъ срубовъ, они, очевидно, рассчитаны не только на время создавшей ихъ европейской войны.

Два завода, давно оконченные, изготовляютъ гремучій хлопокъ, въ нихъ около двухсотъ строений. Третій, назначавшийся для изготовления кислотъ, почти готовъ. Въ скоромъ времени тутъ будутъ кормиться не меньше сорока тысячъ человекъ, и недалеко то время, когда всѣ три поселенія Сити-Пойнтъ, „Надежда“ и Дюпонъ-Сити соединятся въ одинъ городъ, съ населеніемъ въ 75.000 душъ. Что это не одинъ праздный предположеніе, доказываетъ тѣмъ, что капиталисты уже проводятъ туда трамвайныя линіи отъ близкаго Петербурга и недалекой столицы Виргиніи, Ричмонда. Дѣйствительно, этотъ новый военно-промышленный центръ не зачахнетъ съ наступленіемъ мира: мѣстоположеніе слишкомъ для этого благоприятно, не только благодаря необычайнымъ удобствамъ воднаго сообщения, рѣчного и морского, но и близости къ хлопковымъ рынкамъ юга, а вѣдь хлопокъ чуть ли не главное сырье въ производствѣ взрывчатыхъ веществъ. Соединенные Штаты навѣрно никогда не возвратятся къ прежней блаженно-добѣрчивой безоружности: пригомъ, такому заводу работы будетъ довольно и для не военныхъ цѣлей. И въ мирномъ обиходѣ все усиливается спросъ на порохъ, на гремучій хлопокъ; большая часть завода могла бы заняться производствомъ кинолентъ, кинематографическихъ пленокъ и тому подобныхъ вещей; наконецъ новый заводъ для изготовления кислотъ въ мирное время работалъ бы почти не меньше, нежели въ военное.

Если бы годъ тому назадъ былъ живъ Бретъ-Гартъ и некаль бы матеріала для новыхъ рассказовъ, ему не пришлось бы ни жалѣть о калифорнійскомъ добромъ времени ни далеко некаль: зарождающийся городъ „Надежда“ вполне удовлетворилъ бы его: та же разнузданность, та же нахальство открыто парадироващаго порока, тѣ же притоны азартной игры съ приправой буйства и убійствъ, тотъ же пьяный разгулъ, съ прибавленіемъ электричества и граммофоновъ.

Работа началась въ мартѣ прошедшаго 1915 года, а первый признакъ полицейской власти появился въ „Надеждѣ“ въ маѣ, — въ лицѣ одного такъ называемаго „начальника“ и его пяти помощниковъ, получившихъ свои официальные полномочія единственно волей назначившихъ ихъ изъ своей же среды гражданъ, наскучившихъ беззаконіемъ. Самозванной „полиціи“ удалось смести хотя съ улицъ слишкомъ ужъ обнаглѣвшій скандалъ; зато пошло такое баснословное взыточничество, что судебная власть въ Ричмондѣ наконецъ обратила вниманіе и секретно послала нѣсколькихъ сыщиковъ подсмотреть подъ шумокъ, что тамъ творится. Вслѣдствіе ихъ доне-

сенія, „полиція“ была распущена, а начальникъ и одинъ изъ его помощниковъ были отданы подъ судъ. Затѣмъ была учреждена настоящая полиція: 126 полицменовъ въ мундирахъ и 150 сыщиковъ не на шутку и не безъ устѣха приступили къ водворенію порядка и законности. Къ сентябрю въ должность вступили судья и прокуроръ, и было приступлено къ сооруженію здания суда и арестнаго дома — и создающийся изъ трехъ селеній будущій городъ для Бретъ-Гарта уже не представлялъ бы никакого интереса.

Если въ Бриджпортѣ снабженіе въ кратчайшій срокъ нахлынуващаго рабочаго люда приличными помѣщеніями было немалой задачей, то въ Дюпонъ-Сити задача эта представляла утроенную трудность, вслѣдствіе значительно большихъ размѣровъ группы заводовъ. Мало того, что сюда кинулись спекулянты и очерта голову принялись застраивать каждый клочокъ свободной земли, сама компанія систематически взялась за дѣло. Три рабочихъ селенія уже построены, — А, В и С. Селеніе В состоитъ изъ 1.400 математически одинаковыхъ, бѣлыхъ съ чернымъ, домиковъ, которые отдаются семейнымъ рабочимъ по 6—10 долларовъ въ мѣсяцъ, съ условіемъ, чтобы они пускали по меньшей мѣрѣ одного жильца. Селеніе А не отличается такой однообразностью, и дома отчасти уже проявляютъ претензію на нарядность, въ нихъ живутъ служащіе, получающіе большое содержаніе. Третье селеніе просто ночлежное, для холостыхъ или такихъ, которые семействъ еще не вызвали. Въ большинствѣ домовъ до шести комнатъ, и въ каждой комнатѣ койки для шести или восьми человекъ.

И все-таки около 4.000 рабочихъ ночуютъ и столуются въ близкомъ Петербургѣ, гдѣ ни въ гостиницахъ ни въ частныхъ домахъ не найти не только свободной комнаты, но свободной кровати. А большинство строительныхъ чернорабочихъ, — греки, итальянцы, румыны и отчасти американцы, кое-какъ ютятся въ „Надеждѣ“, лежащей между селеніями А и В.

Никакой экономистъ не разберется въ финансовыхъ условіяхъ этого скороспѣлаго города. Это какой-то несуразный кошмаръ. Развѣ не сумасшествіе платить 250 долларовъ въ мѣсяцъ за дощатый балаганъ 9 футовъ въ вышину, 100 въ длину и 20 въ ширину? Когда городъ еще только намѣчался, два смежныхъ участка, покрывавшихъ въ совокупности 50 футовъ въ ширину и 120 въ длину, купленные за 75 долларовъ, всего нѣсколько недель спустя были перепроданы за 400. Одинъ акръ земли (около $\frac{1}{3}$ десятины) за окраиной города недавно былъ проданъ за 20.000 долларовъ, и бывшій владѣлецъ самъ сознался, что годъ тому назадъ этотъ самый участокъ можно было купить за 20.

Бриджпортъ. Рабочіе сдаютъ свои контрмарки при возвращеніи на заводъ послѣ обѣда. Безъ предъявленія контрмарки ни одинъ рабочий не можетъ ни войти въ заводъ, ни выйти изъ него, ни перейти изъ одной его части въ другую.

Когда одного дѣльца спросили, чѣмъ объяснить такіе чудовищные скачки, онъ указалъ на высокій столбъ дыма, стоящій надъ дюпоновскимъ заводомъ и сказалъ: „Тамъ вчера былъ недѣльный расчетъ съ рабочими и служащими: выплачено было 875.000 долларовъ“. „Что жъ изъ этого?“— „А то, что мы тутъ къ этому дыму ближе всѣхъ“.

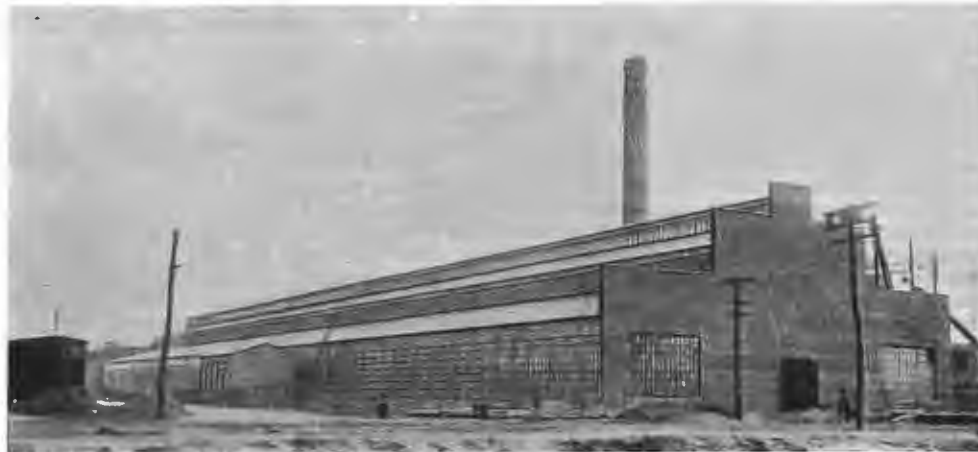
Сити-Пойнтъ хвастается, что дюпоновскій заводъ содержитъ самый большой во всей странѣ пансионъ: въ двухъ столовыхъ помѣщается по 3.040 человекъ. Эти столовые состоятъ каждая изъ пяти отдѣленій, расположенныхъ вокругъ открытыхъ дворовъ и на одномъ своемъ концѣ сообщающихся съ кухней. Ежедневно подвозятъ сюда три вагона одного мяса. Остальная провизія доставляется, конечно, въ соответствующемъ количествѣ.

Самые пороховые заводы помѣщаются на нѣкоторомъ разстояніи отъ города и обведены высокимъ проволочнымъ заборомъ. Внутри этой ограды строены, за исключеніемъ нѣсколькихъ сторожекъ, скрыты отъ взоровъ густой завѣсой изъ деревьевъ, такъ что снаружи видны только высокія трубы.

Полуденная плата на пороховыхъ заводахъ отъ 2^{1/2} долларовъ

Бриджпортъ. Заводъ для изготовленія снарядовъ.

Бриджпортъ. Заводъ для изготовленія снарядовъ.

(5 руб. по нормальному курсу) и выше. Самые искусные мастера получаютъ до 25 долларовъ въ день. Средняя норма—4 доллара. Работа идетъ всѣ семь дней недѣли и круглые сутки, въ три смѣны по восьми часовъ каждая. Нельзя сказать, чтобы рабочіе тратили деньги слишкомъ легкомысленно. „Сельскохозяйственный и ремесленный банкъ“, основанный въ іюль прошлаго 1915 года, къ концу сентября получилъ вкладовъ уже на 200.000 долларовъ. Мѣстный маленькій старый банкъ болѣе чѣмъ учетверилъ свои вклады: въ Петербургѣ есть нѣсколько банковъ, и всѣ они значительно расширили свои операціи; а сколько отсылается отсюда денегъ, понятно, не поддается подсчету.

Въ Сити-Пойнтѣ заводъ заготавливаетъ почти исключительно гремучій хлопокъ, въ такомъ количествѣ, что избытокъ сбывается въ не очень отдаленный штатъ Нью-Джерси, гдѣ та же компанія Дюпонъ у рѣки Делауэръ имѣетъ заводы въ двухъ смежныхъ мѣстечкахъ, Карнейсъ-Пойнтъ и Пенсгровъ, поставляющіе исключительно бездымный порохъ.

Эти мѣстечки представляютъ разительный примѣръ внезапнаго пробужденія старинныхъ полужаснувшихъ заводовъ. Въ Пенсгровѣ заводъ существовалъ больше ста лѣтъ, но былъ близокъ къ упадку. И вотъ въ одинъ прекрасный день нагрянуло 15.000 человекъ рабочихъ; воз-

двиглись новыя постройки, закипѣла работа, и полился въ городъ золотой потокъ, — около полумилліона долларовъ каждыя двѣ недѣли.

Заводъ въ Карнейсъ-Пойнтѣ учетверилъ число своихъ мастерскихъ, а производство бездымнаго пороха увеличилъ въ пятьдесятъ разъ. Каждый сутки онъ выпускаетъ его на 648.000 долларовъ—вдвое больше, чѣмъ до войны выпускалось въ мѣсяцъ.

Охрана организована образцовая. Ограда и даже окрестность кишитъ сторожами въ хаки. Каждый рабочій и служащій сбывается у входовъ и за одну найденную на немъ „зажигалку“ лишается работы на двѣ недѣли; если же вторично провинится, беспощадно изгоняется. Едва ли, впрочемъ, часто приходится примѣнять мѣры строгости. Рабочіе самъ проникнуты страхомъ огня, и сознание, что одна искра въ одну секунду можетъ превратить зданіе, въ которомъ они проводятъ половину жизни, въ огнедышащій кратеръ, держитъ ихъ въ такомъ состояніи нервнаго напряженія, что среди нихъ развился на нервной почвѣ особый видъ психическаго расстройства, выражающійся тѣмъ, что и въ свободные часы у себя дома или гдѣ бы то ни было они вздрагиваютъ и даже вскакиваютъ отъ испуга, если внезапно блеснетъ огонь, вспыхнетъ спичка или электричество.

Понятно, что прилагаются всѣ старанія, чтобы не пустить на заводъ сколько-нибудь нетрезвый элементъ, и, въ общемъ, съ успѣхомъ,—отчасти, вѣроятно, потому, что сами люди не могутъ, не сознавать, до чего важно ради собственной безопасности со-

Бриджпортъ. Заводъ для изготовленія снарядовъ.

Бриджпортъ. Фабрика, изготовляющая тракторы

хранить вѣрность глаза и твердость руки. Между тѣмъ въ мастерскихъ нерѣдко встрѣчается особый видъ—не пьянства, а опьянѣнія, отъ котораго не спасется самый безусловно трезвый человекъ. Дѣло въ томъ, что при заготовленіи бездымнаго пороха въ большомъ количествѣ употребляется алкоголь, такъ что воздухъ часто пропитывается алкогольными парами до того, что люди дѣлаются какъ шальные и нерѣдко выходятъ изъ мастерскихъ, шатаясь, со всѣми признаками пьянаго одурѣнія, и вълѣдствіе этого даже бывають болѣе или менѣе серьезныя ошибки.

При всей бдительности, дѣло, конечно, не обходится безъ покушеній со стороны нѣмецкихъ и австрійскихъ агентовъ, и можно только удивляться тому, что до сихъ поръ на этихъ заводахъ, не въ примѣръ многимъ другимъ, не было ни одной серьезной катастрофы. Дѣятельность злоумышленниковъ и тутъ замѣтно усилилась послѣ того, какъ Вильсонъ потребовалъ отозванія австрійскаго посла Думбы. Тотчасъ послѣ отправления президентской ноты подстраивалась всеобщая забастовка, но была предотвращена. Однажды въ одной изъ мастерскихъ была найдена банка съ нитроглицериномъ. Въ теченіе лѣта было нѣсколько небольшихъ вспышекъ и взрывовъ, не причинившихъ большого вреда, благодаря тому, что мастерскія разбросаны по большому пространству, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Каковы размѣры военныхъ заказовъ, исполняемыхъ американскими заводами для союзниковъ, и получаемой ими отъ нихъ чистой прибыли? Такія свѣдѣнія, конечно, массѣ публики недоступны: приведемъ однако нѣсколько интересныхъ данныхъ объ одномъ допоновскомъ заводѣ,—именно Карнейс-Пойнтъ,—который сообщаетъ одинъ нью-йоркскій журналъ, осторожно предпо- сывая своимъ сообщеніямъ слово „говорятъ“... Такъ, „говорятъ“, что русскій крейсеръ „Воронежъ“, 20-го августа новато стили ушедшій изъ Вильмингтона (ближайшаго къ заводу порта близъ устья рѣки Деллауэръ), повезъ два милліона фунтовъ бездымнаго пороха.— „Изъ благонадежныхъ источниковъ имѣются свѣдѣнія“, что компанія Дюпонъ имѣетъ военныхъ заказовъ на 300.000.000 долларовъ, во многихъ случаяхъ съ преміями за ускоренное исполненіе.— „Говорятъ“, что одинъ Карнейс-Пойнтъ въ состояніи выпускать 650.000 фунтовъ бездымнаго пороха въ сутки. Въ такомъ случаѣ имѣющихся заказовъ, которые остаются въ силѣ даже если кончится война, хватитъ до середины лѣта 1917 г. Всѣхъ же заказовъ Америка получила, какъ говорятъ, почти что на полмилліарда. О доходности ихъ можно судить по слѣдующему факту: компанія Дюпонъ въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ объявила экстренный дивидендъ въ 8%, и послѣ того оказался еще свободный излишекъ въ 58.000.000 долларовъ, давшій возможность правленію въ октябрѣ объявить еще новый дивидендъ въ 200% на простыя акціи, поднявшіяся за время войны отъ 129 долларовъ до 750. Въ этой

компаніи издавна существуетъ обычай особенно заслуженныхъ служащихъ въ концѣ каждаго года награждать акціями. Рабочимъ тоже совѣтуютъ на свои сбереженія приобретать акціи. Такимъ образомъ до 15% простыхъ акцій находится въ рукахъ служащихъ компаніи.

Понятно, что всей американской промышленностью, прямо или косвенно прикосновенной къ военнымъ заказамъ, овладѣло какое-то головокруженіе богатствъ, которое въ большей или меньшей степени распространяется на простыхъ обывателей, держателей акцій работающаго по этой части капитала, — и печать ликуетъ и на всѣ голоса кричитъ „Prosperity!“ („Благоденствіе!“). Но есть и обратная сторона, притомъ весьма печальная, о которой не кричатъ, но очень многіе втихомолку плачутъ. Дѣло въ

томъ, что нарушено равновѣсіе, и та часть промышленности, все же, навѣрно, половина, которая ни съ какой стороны къ войнѣ непричастна, неизбежно страдаетъ. Многія второй руки, но равномерно, умѣренно процвѣтавшія предпріятія совсѣмъ зачали, что имѣло послѣдствіемъ разореніе не только непосредственно участвующихъ въ нихъ, но и простыхъ акціонеровъ средняго или малаго достатка. Изъ такихъ многіе, особенно одиночкія женщины, вдовы или незамужнія, обѣдѣли почти до нищеты.

Ни одна изъ фирмъ, питающихъ настоящую чудовищную войну снарядами и взрывчатыми веществами, по несмѣтности средствъ и обширности дѣятельности не сравнится съ Дюпонами. Ихъ много; они представляютъ, подобно Ротшильдамъ, цѣлую династію капиталистовъ, судьбы которой небезынтересно прослѣдить до основателя ея, французскаго ученаго, государственнаго дѣятеля, философа и военнатея, Пьера-Самуэля Дюпона, пользовавшагося большою извѣстностью во Франціи въ дореволюціонное время. Въ 1797 году онъ бѣжалъ отъ террора въ Америку и въ 1802 году, близъ Вильмингтона у рѣки Деллауэръ въ Карнейс-Пойнтѣ, построилъ небольшой пороховой заводецъ, существующій, какъ мы видѣли, донинѣ нѣмымъ свидѣтелемъ начала династіи, которая постепенно заняла первенствующее мѣсто во всей схемѣ американскихъ финансовъ.

Въ настоящее время работаютъ два поколѣнія Дюпоновъ, все болѣе или менѣе молодые. Старшему изъ нихъ, Пьеру-Самуэлю, въ скромномъ званіи казначея много лѣтъ руководившему операціями главной фирмы „Дюпоновской пороховой компаніи“, всего сорокъ четыре года. И всѣ они умны, энергичны и одарены доходящимъ до гениальности дѣловымъ чутьемъ, умѣющимъ

Видъ Бриджпорта съ патронныхъ заводовъ.

извлечь выгоду даже из неблагоприятных, новидимому, обстоятельств. Так, в 1912 году высшая судебная власть признала „Дюпоновскую пороховую компанию“ вредным трестом, подлежащим роспуску, и приказала ей разбить свое имущество на три части, конечно, в видах ослабления компании. На дѣль же вышло совѣтъ не то. Изъ одной компании образовались три, одна сохранила прежнее названіе; другія двѣ назвались: „Этна“ и „Геркулесъ“. Акціонеры старой компании сохранили свои акціи неприкосновенными и вдобавокъ даромъ получили на много миллионовъ акцій новыхъ компаний, да кромѣ того имѣли возмож-

ность участвовать по дешевой цѣнѣ въ выпускѣ новыхъ облигацій. И вышло такъ, что даренныя акціи „Этны“ теперь стоятъ 250 долларовъ, а даренныя акціи „Геркулеса“ — 450 долларовъ, при чемъ и тѣ и другія приносятъ большіе дивиденды. Имѣвшій же сто акцій первоначальной компании, купленныхъ при „роспускѣ“ въ 1912 году за 18.500 долларовъ, въ октябрѣ 1915 года очутился съ наличнымъ барышомъ почти въ 90.660 долларовъ, что составляетъ 500% чистой прибыли! Неудивительно, что Дюпоны подписались на англо-французскій заемъ миллионъ на тридцать, если не больше.

Господинъ Марешаль

Рассказъ В. Ропшина.

— Вы мэръ?

— Да, я мэръ.

— Въ вашей деревнѣ жители стрѣляли изъ оконъ.

Мэръ, господинъ Марешаль, толстый, съ краснымъ лицомъ, въ соломенной шляпѣ и въ расстегнутомъ жилетѣ, безъ пиджака, испуганно заморгалъ глазами. Въ деревнѣ онъ держалъ мелочную лавку и рядомъ съ нею кафе. Онъ торговалъ шоколадомъ, пугоницами, бѣльемъ, почтовой бумагой, керосиномъ, конфетами и всѣмъ, чѣмъ угодно. Вѣрнѣе, въ лавкѣ торговала его жена, госпожа Марешаль, такая же толстая и такая же красная, какъ и онъ. Зато въ кафе онъ распоряжался одинъ. Онъ самъ разливалъ вино, самъ приносилъ стаканы и, присаживаясь къ столу, угощая всегда однихъ и тѣхъ же гостей, съ жаромъ говорилъ о политикѣ: о послѣднихъ выборахъ и о подоходномъ налогѣ. „Когда разговариваютъ, то пьютъ...“ объяснялъ онъ госпожѣ Марешаль, а когда пьютъ, то вынимаютъ изъ кошелька деньги... Что же до выборовъ, то правые, лѣвые, республиканцы, социалисты, орлеанисты, — развѣ не все намъ равно?..“ Въ деревнѣ его любили: онъ былъ со всѣми любезенъ и сужалъ подъ небольшие проценты въ долгъ. Вѣроятно, за это его и выбрали въ мэры. И теперь, какъ должностное лицо, онъ долженъ былъ отвѣчать нѣмецкому капитану.

— Никто не стрѣлялъ, господинъ капитанъ.

— А я вамъ говорю, что стрѣляли.

Господинъ Марешаль снялъ шляпу и вынулъ изъ кармана платокъ. Было жарко. Палило лѣтнее солнце. Господинъ Марешаль вытеръ платкомъ лицо и исподлобья, робко, взглянулъ на нѣмецкаго капитана. Капитанъ былъ длинноногий, худой, съ горбатымъ носомъ и съ моноклемъ въ глазу. Въ рукахъ у него былъ хлыстъ.

— Вы — мэръ. Вы отвѣчаете за спокойствіе въ вашей деревнѣ.

— Но, господинъ капитанъ...

— Вы возражаете?.. Замолчать!..

— Господинъ капитанъ...

— Налѣво кругомъ! Марш!..

Господинъ Марешаль, не понимая, что арестованъ, послушно пошелъ впередъ. На улицѣ не было никого: жители попрятались по домамъ. Только у церкви видѣлись люди, но это были пруссаки, въ каскахъ, съ ранами и съ примкнутыми штыками. Ихъ было много, такъ много, что господинъ Марешаль подумалъ, что въ деревню вошла вся армія Клука. Онъ шелъ безъ шляпы, обмахиваясь платкомъ, тяжелымъ шагомъ большого, толстаго, непривыкшаго ходить человѣка. Нѣмецкій капитанъ слегка подталкивалъ его сзади концомъ стального хлыста.

— Господинъ полковникъ, вотъ мэръ!

Огромный, затянутый въ узкій мундиръ, полковникъ оглянулся черезъ плечо.

— Вы мэръ?

— Да, я мэръ.

— Въ вашей деревнѣ стрѣляли.

— Увѣряю васъ, господинъ полковникъ...

— Вы не желаете еознаваться?

— Но, господинъ полковникъ...

— Что?.. Разстрѣлять!..

Господинъ Марешаль услышалъ это короткое слово, но не понять его значенія. Ему говорили, что нѣмцы разстрѣливаютъ мирныхъ людей, но въ глубинѣ души онъ не вѣрилъ этимъ раз-

сказамъ. И во всякомъ случаѣ, онъ былъ не въ силахъ повѣрить, что могутъ разстрѣлять, т.-е. убить и потомъ тутъ же закопать въ землю, его, мэра деревни Сень-Жюсть, мелочного торговца, отца пятерыхъ дѣтей, — его, Марешала, еще не старого и вовсе не желающаго умирать человѣка. Кромѣ того, ему было странно, что имъ распоряжаются вотъ эти, чужіе, незнакомые и совершенно неизвѣстные ему люди, съ винтовками на плечахъ. Но, хотя онъ и не повѣрилъ въ близкую смерть, онъ задрожалъ неустойчивой дрожью. Дрожь эта была такъ сильна, что у него въ рукахъ затрясся платокъ. Чтобы успокоить себя, онъ вынулъ папиросу и закурилъ.

— Марш!..

Теперь онъ шелъ между свѣтло-зелеными рядами солдатъ и идя, старался попасть имъ въ ногу. Ему казалось, что стало еще душнѣе, такъ что нечѣмъ дышать. Онъ поминутно вытирался платкомъ и, докуривъ папиросу, немедленно закурилъ другую. Проходя мимо школы, онъ увидѣлъ въ окнѣ учителя, господина Вотье, и помахать ему шляпой. Господинъ Вотье поблѣднѣлъ и поспѣшилъ захлопнуть окно.

Солдаты и съ ними господинъ Марешаль миновали деревню и вышли за околицу, въ поле. На горизонтѣ, въ полуденной мглѣ, синѣлъ каштановый лѣсъ, и изъ-за лѣса высилась колокольня уже на той сторонѣ границы, въ нѣмецкомъ Шато-Салингъ. „Куда же они меня вѣдутъ? Неужели въ Германію?..“ — подумалъ господинъ Марешаль и сейчасъ же сталъ думать о томъ, что въ этомъ году хорошо уродился овесъ, и что пора его убирать. Справа и лѣва тянулись еще не сжатые, махровыя, желтыя, овсяныя поля. Жаворонки сверлили небо. Не было тѣни, и дорога ослѣпляла сверкающей близкой. У лѣса солдаты остановились. Длинноногий капитанъ поднялъ хлыстъ.

— Станьте вотъ здѣсь, у этой канавы!

На этотъ разъ господинъ Марешаль понялъ. Онъ не только понялъ, онъ даже повѣрилъ. Его красное съ рыжими усами лицо поблѣднѣло. Потомъ оно поспѣло. Потомъ запыркали щеки и зашевелились усы. Но онъ ничего не сказалъ и, сгорбившись, подошелъ къ канавѣ.

Солдаты длинной шеренгой выстроились противъ него. Господинъ Марешаль увидѣлъ пыльные, затянутыя чехлами, каски, блестящія дула винтовокъ, невысокіе, ниже колѣнъ, сапоги и красныя петлицы на курткахъ. На правомъ флангѣ, у ореховаго куста, стоялъ ненавидный ему капитанъ и, — ему показавъ, — улыбался, разглядывая его.

Господинъ Марешаль очнулся. Дрожь внезапно прошла. Лицо опять покраснѣло. „Какъ онъ смѣетъ смѣяться?“ — подумалъ онъ и вспомнилъ кафе, и лавку, и госпожу Марешаль, и учителя, господина Вотье. И, сблѣвавъ шагъ по направленію къ солдатамъ, онъ неожиданно для себя быстрымъ движеніемъ разорвалъ у шеи рубашку и, обнажая широкую, волосатую, изжелта-бѣлую грудь, закричалъ:

— Разбойники! Свиньи! Стрѣляйте!.. Я — французъ. Я, умирая, останусь французомъ. Я презираю васъ!.. Грязныя свиньи, стрѣляйте!..

Капитанъ сердито взмахнулъ хлыстомъ. Прокатился негромкій, заглушенный полуденнымъ зноемъ, залпъ. Ему отвѣтило эхо. На лѣсной опушкѣ, у заросшей лопухами канавы, ничкомъ въ зеленой травѣ лежалъ господинъ Марешаль. Его широкія плечи еще содрогались, и пальцы судорожно сжимали траву. Жаворонки въ поляхъ, какъ и прежде, сверлили небо.

Бабыя молитва.

Каждый день хожу къ околицѣ,
Можетъ—встрѣну, дайте срокъ.
Родъ, волнуясь, Богу молится,
Съ поля вѣтъ вѣтерокъ,
Тронка вдалѣ бѣжитъ излучиной,
Змѣйкой-лентой въ гору вѣтъ...
Ахъ, вернется ль онъ, измученный,
Пилъ вовсе не придетъ?

Днемъ и ночью, безутѣшная,
Божьей Матери молось.
Я ль не слабая, не грѣшная
Предъ тобой, святая Русь?
И моей ли малой горести
Горестъ общія подъ стартъ?

Есть одна молитва чистая:
За российскіе полки.
Охрани ихъ, Мать Пречистая,
Отъ держащей руки,
Дай, въ побѣдѣ усюкоенной,
Нашей родинѣ вздохнуть...
А съ Россіей Павла война,
Матерь Божья, не забудь!

Александръ Дроздовъ.

Профессоръ Н. С. Самокишъ. Въ Галици. У вѣртъ замка.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Третій ударъ.

Одновременно съ крупнымъ развитіемъ событій на нашемъ юго-западномъ фронтѣ, наши доблестныя кавказскія войска выполнили весьма важную операцію, закончившуюся взятіемъ Эрзинджана и въ связи съ этимъ завоеваніемъ почти всей Арменіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ участковъ, которые неминуемо должны быть очищены турками послѣ паденія Эрзинджана. Для того, чтобы одѣлать значеніе этого успѣха, необходимо имѣть въ виду, что около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ Оттоманская имперія сдѣлала послѣднія крайнія усилія, чтобы сломить нашу кавказскую армію, сосредоточивъ на кавказско-персидскомъ фронтѣ болѣе $\frac{2}{3}$ силъ, которыми располагаетъ Турція.

Германско-турецкій генеральный штабъ къ концу второго года войны, послѣ благополучнаго для него окончанія Дарданелльской операціи и послѣ плѣненія корпуса генерала Таусенда въ Месопотаміи, рѣшилъ развернуть всѣ силы, какія только могутъ быть набраны отъ населенія Турціи. Были призваны всѣ мужчины въ возрастѣ отъ 17 до 50 лѣтъ, и изъ этой массы, за выдѣленіемъ нѣкотораго количества, необходимаго для службы внутри страны, турки сформировали рядъ армій, доведя число всѣхъ своихъ армій до шести.

Въ результатѣ, у турокъ имѣлись слѣдующія арміи: первая—Константинопольская армія занимала районъ столицы и проливовъ, вторая—Фракійская армія Кемаля-паши находилась во Фракіи, третья турецкая армія Вехиба-паши обороняла Арменію на нашемъ кавказскомъ фронтѣ, четвертая—Сирийская армія Джемала-паши стояла неосуществляющей угрозы на путяхъ къ Египту въ Сириі, пятая—Мало-Азіатская армія германскаго генерала Лимана фонъ-Сандерса находилась на побережьи Малой Азіи, частью охраняя это побережье, частью составляя стратегическій резервъ для послышки войскъ либо на европейскій, либо на одинъ изъ азіатскихъ фронтовъ, наконецъ шестая турецкая армія дѣйствовала въ Месопотаміи.

Когда неудачный для турокъ ходъ событій на нашемъ кавказскомъ театрѣ вынудилъ ихъ принять крайнія мѣры, турки „ограбили“ всѣ свои арміи специально для усиленія третьей арміи Вехиба-паши въ Арменіи и шестой—Месопотамской арміи. Подкрѣпленія были взяты и спѣшно посланы изъ первой Константинопольской арміи, изъ четвертой Сирийской арміи, и даже была значительно оципана пятая Мало-Азіатская армія генерала Лимана фонъ-Сандерса. Не тронутой оставалась только вторая Фракійская армія Кемаля-паши, которую турки, по настоянію нѣмцевъ, даже усилили. Дѣло въ томъ, что нѣмцы, послѣ неудачъ на рѣкѣ Соммѣ и на нашемъ юго-западномъ фронтѣ, въ поискахъ

за подкрѣпленіями, вынуждены были взять съ балканскаго театра и свои и австрійскія дивизіи, вслѣдствіе чего они настояли, чтобы взамѣнъ этихъ дивизій была на Балканахъ усилена въ помощь Болгаріи вторая Фракійская армія Кемаля-паши.

Такимъ образомъ турки, доведя, примѣрно, до 70—80.000 Фракійскую армію Кемаля-паши и совершенно ослабивъ первую,

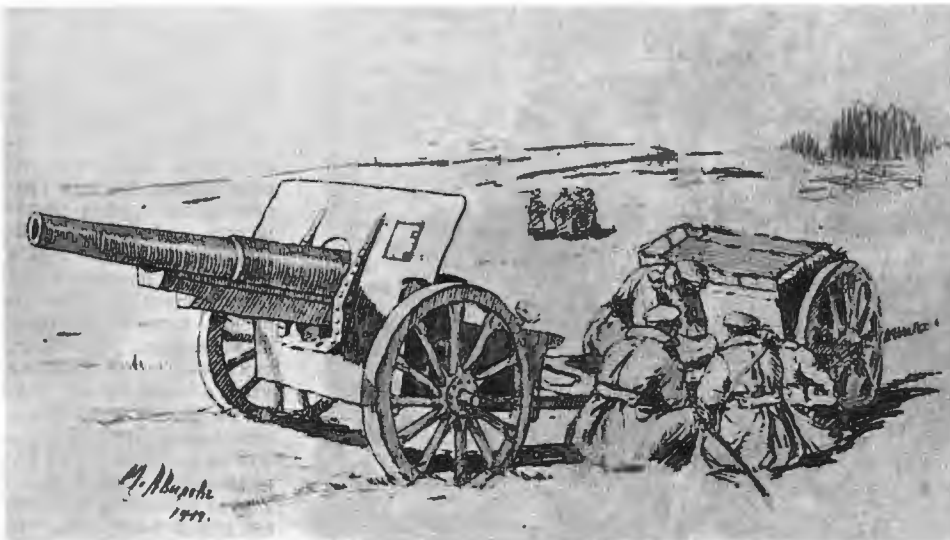
Районъ завоеванной Арменіи.

(Отмѣченная штрихами /// область—районъ, взятый нашими доблестными кавказскими войсками при послѣднемъ наступленіи).

четвертую и пятую арміи,—доведя каждую изъ нихъ всего лишь до численности 2—3 дивизій,—все остальное бросили на кавказско-персидскій фронтъ. Въ результатѣ на кавказско-персидскомъ фронтѣ сосредоточилось свыше 350.000 турокъ, изъ которыхъ добрыхъ $\frac{5}{6}$ дѣйствовали специально на кавказскомъ фронтѣ, отъ Чернаго моря до Муша. Изъ этой массы турки прежде всего значительно усилили третью турецкую армію Вехиба-паши въ Арменіи, и затѣмъ создали два особые обходные корпуса. Изъ этихъ двухъ обходныхъ корпусовъ одинъ—Изета-паши—долженъ былъ двинуться въ обходъ Эрзерумскаго района съ юга, на Мушъ, а другой долженъ былъ двинуться съ сѣвера на Трапезундъ, и, такъ какъ турки занимали Байбуртъ (на дорогѣ Трапезундъ—Эрзерумъ), то этотъ корпусъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ Байбуртской группой турокъ, охватить Эрзерумскій районъ съ сѣвера.

Такимъ образомъ около 300.000 турокъ предназначалось для весьма рѣшительной операціи, гдѣ намѣчался охватъ обоихъ фланговъ, затѣмъ возвращеніе Эрзерума и дальнѣйшія перспективы, направленныя уже непосредственно на территорію нашего Кавказа. Положеніе осложнялось тѣмъ, что въ этотъ періодъ главныя операціи происходили на главныхъ фронтахъ войны въ Европѣ, и, въ связи съ этимъ, доблестная кавказская армія должна была собственными силами парировать этотъ грандіозный рѣшительный планъ большой массы турецкихъ войскъ.

Какъ можно было видѣть изъ нашихъ сообщеній за два послѣднихъ мѣсяца, наши доблестныя войска заняли вначалѣ оборонительное положеніе и безпрерывно отбивали удары турокъ, атаковывавшихъ то на сѣверѣ (въ направленіи на Трапезундъ), то на югѣ (въ направленіи на Мушъ), то въ центрѣ (въ направленіи на Эрзерумъ). Вдобавокъ еще приходилось доблестному конному отряду генерала Баратова отбивать на границѣ Персіи и Месопотаміи наступленіе цѣлой шестой турецкой арміи, силы которой освободились послѣ капитуляціи генерала Таусенда, и

Нашъ тяжелый дивизионъ. Рис. участника войны М. Авилова.

Пѣхотные окопы.

которая, кромѣ того, наступала по двумъ направлѣніямъ — отъ Моссула и отъ Багдада.

Въ этой исключительной обстановкѣ наши кавказскія войска обнаружили замѣчательную твердость и подѣ руководствомъ генерала Юденича боролись два мѣсяца съ превосходнѣйшими силами турокъ. Турки не оказались въ состояніи продвинуться, и только на Эрзерумскомъ направлѣніи имъ былъ временно уступленъ городъ Мамахатунъ, гдѣ наше расположеніе представляло неудобный выступъ, охваченный противникомъ съ трехъ сторонъ.

Немалую роль въ этой неудачѣ турокъ сыграли ихъ предыдущія пораженія, а именно потеря ими Эрзерума и Трапезунда—

этихъ важнѣйшихъ базъ. Вслѣдствіе потери Эрзерума и Трапезунда, туркамъ приходилось доставлять снаряды и прочіе запасы за тысячи верстъ, по плохимъ дорогамъ, вслѣдствіе чего наступленіе ихъ должно было часто прерываться. Изъ этого видно, какое значеніе имѣютъ базы, и именно отсутствіе ихъ сдѣлало въ первое время бесполезнымъ громадное численное превосходство турокъ.

Когда наши войска на юго-западномъ фронтѣ разбили противника, англо-французы нанесли ударъ на Соммѣ и перешли въ наступленіе италянцы, турецкое наступленіе на нашемъ кавказскомъ фронтѣ нѣсколько ослабло. Это было вызвано, какъ мы указывали выше, уходомъ австро-германскихъ войскъ съ Балканъ и замѣной ихъ турецкими, на что, повидимому, пошли нѣкоторыя части, предназначавшіяся для усиленія третьей турецкой арміи.

Этотъ моментъ и былъ выбранъ генераломъ Юденичемъ для рѣшительнаго перехода въ наступленіе. Послѣ упорнаго боя съ турками былъ взятъ обратно Мамахатунъ и разбитъ былъ обходный турецкій корпусъ Изета-паши, стремившійся выйти на Мушь, въ обходъ Эрзерумскаго района съ юга. Затѣмъ наша Трапезундская груп-

Въ окопѣ.

па войскъ, продвинувшись по крайне трудному горному району, разбила турокъ у Байбурта и овладѣла этимъ городомъ.

Это было рѣшительнымъ моментомъ въ ходѣ операцій, ибо, какъ только былъ взятъ Байбуртъ, въ нашихъ рукахъ оказалось шоссе Трапезундъ — Байбуртъ — Эрзерумъ, и вслѣдствіе этого наша Эрзерумская группа и наша Трапезундская группа соединились, образовавъ общую массу, послѣ того какъ около полугода были разъединены и предоставлены каждая собственнымъ силамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта соединившаяся масса нашихъ войскъ имѣла въ своемъ тылу удобное шоссе Трапезундъ — Байбуртъ — Эрзерумъ, параллельное фронту, а это давало возможность въ любой моментъ сосредоточить необходимое количество войскъ въ томъ районѣ, гдѣ это окажется нужнымъ.

Въ силу такихъ значи-

Стрѣльба изъ пулемета.

тельных стратегических вы-
год, достигнутых занятіем
Байбурга, наше начавшееся
наступление, естественно,
должно было получить еще
большее развитие, и можно
считать, что въ день паденія
Байбурга была уже предрѣ-
шена участь Эрзинджана.
Дѣйствительно, послѣ ряда
боевъ съ арьергардами отсту-
павшей арміи Вехиба-паши,
наша доблестная кавказская
армія съ боемъ заняла цен-
тральный административный
военно-политическій пунктъ
Арменіи—городъ Эрзинджанъ,
сломивъ этимъ окончательно
сопротивленіе турокъ въ Ар-
меніи.

Такимъ образомъ войска
генерала Юденича, въ тече-
ніе 2—3 недѣль, опрокинули,
во-первыхъ, обходную южную
колонну турокъ Изета-паши
у Муша, во-вторыхъ, разбили

Въ резервъ.

для этой операціи были сосредоточены наибольшія силы, какими
только могла располагать здѣсь Турція.

Еще далѣе, не могло быть никакой рѣчи о „походѣ въ
Египетъ“, и хотя это и раньше можно было понимать, но теперь
это уже стало для всѣхъ очевиднымъ.

Наконецъ, отъ Эрзинджана открывались важнѣйшіе пути къ
Керасунду на Черномъ морѣ—значительной турецкой гавани, къ
Харпуту и Діарбекиру, въ Курдистанъ и къ Сивасу. При этомъ,
вслѣдствіе полного безсилія турокъ, обнаружившагося въ рядѣ
операцій, наше дальнѣйшее продвиженіе на всѣхъ путяхъ исклю-
чительно зависѣло отъ того, поскольку это допускается нашими
собственными стратегическими соображеніями, и совершенно не
зависѣло отъ сопротивленія турокъ, которое было уже оконча-
тельно сломлено и не имѣло никакого значенія.

Въ занятомъ окопѣ противника.

сѣверную обходную колонну турокъ у Байбурга, и въ-треть-
ихъ, въ центрѣ съ боемъ заняли Эрзинджанъ, и эти три успѣха
были полнымъ крушеніемъ новой германо-турецкой затѣи.

Это, естественно, должно было имѣть опредѣленные стратеги-
ческія послѣдствія. Прежде всего, наши войска угрожали дорогѣ
на Сивасъ, т. е. Константинопольскому тракту, а непосредствен-
ной угрозѣ нашихъ войскъ подвергались ближайшая турецкая
область Курдистанъ и города Харпутъ и Діарбекиръ. Это угро-
жало туркамъ потерей и слѣдующей послѣ Арменіи области, а,
сверхъ того, отступающая турецкая армія могла при дальнѣй-
шемъ сопротивленіи подвергнуться весьма серьезному поражению,
что сдѣлало бы беззащитными остальные области Азіатской
Турціи.

При такихъ условіяхъ, естественно, слѣдовало ожидать, что
турки снова пошлютъ войска на помощь своей злосчастной
арміи, дабы спасти ее отъ окончательнаго пораженія и
дабы попытаться удержать хотя бы другія ближайшія области
Азіатской Турціи. Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, всѣ ту-
рецкія арміи были давно уже „обобраны“ турецко-германскимъ
штабомъ для подкрѣпленія третьей арміи, и единственно лишь
вторая турецкая Фракійская армія и частью первая Константи-
нопольская армія представляли собою нѣсколько болѣе полныя
организации. Изъ этого видно, что туркамъ, волей-неволей, при-
шлось взять съ Балканъ тѣ войска, которыя предназначались
взаимнѣ уже ушедшихъ германскихъ и австрійскихъ дивизій, и,
слѣдовательно, ударъ, снова нанесенный нашими войсками на
армянскомъ театрѣ, косвеннымъ образомъ отражался и на евро-
пейскихъ театрахъ, ослабляя тамъ противника.

Затѣмъ этотъ ударъ не могъ не повліять на дѣйствія турокъ
въ Месопотаміи, ибо недостатокъ у нихъ силъ могъ также вы-
нудить ослабить и Месопотамскую армію для прикрытія главнаго
турецкаго театра на путяхъ къ Сивасу, Харпуту и Діарбекиру.

Еще далѣе этотъ ударъ окончательно доказалъ полное безси-
ліе турокъ справиться съ выпавшими на ихъ долю задачами, ибо

Въ окопѣ.

о. Г. Шавельский, о. С. Голубевь, о. Г. Шавельский и главный священник армии северного фронта о. С. Голубевь.

На заводѣ.

Царство желѣза и стали.
Воздухъ такъ жарокъ и мелкеть...
Нѣтъ, мы въ борьбѣ не устали:
Всюду и грохотъ и свистъ.
Тяжкій безъ устали молотъ
Силу Россіи куетъ,
Каждый здѣсь сызнова молотъ,
Каждый здѣсь снова живетъ.
Лица спокойно-суровы,
Влажная грудь безъ одежды...
Здѣсь создаются основы
Свѣтлыхъ, побѣдныхъ надеждъ.
Пусть злые вихри взметають
Недругъ у нашихъ воротъ:
Здѣсь богатырь вырастаетъ,
Крѣпнетъ подъ бурей народъ.
Матери, жены и дѣти
Дружно склонились къ станкамъ.

Много работы въ дни эти
Женскимъ беспильнымъ рукамъ:
Катится гуль, не смолкая,
Жестью столы заняты,
Врядъ, посрединѣ, сверкая,
Зыблются пламя цвѣты.
Спне-зеленое пламя
Жарко нааяльникъ калитъ:
Пусть неприятеля знамя
Русскимъ снарядомъ спалитъ.
Часть жестиною гранаты
Робко паяетъ дитя...
Знають ли это солдаты,
Въ битву съ тевтономъ идя?
Вѣрять ли сердцу народа,
Жаркимъ молитвамъ въ тиши?
Вотъ она, въ часъ непогоды,
Мошь нашей русской души.

Елена Федотова.

Докторъ философіи.

Рассказъ Юрія Волна.

Въ Таврической губерніи я наблюдалъ австрійцевъ-военно-плѣнныхъ на волынскихъ поляхъ работахъ.

Они чувствуютъ себя прекрасно. Особенно тѣ, которые попали на работы къ крестьянамъ.

Плѣнныхъ отпускаютъ на работы командами не менѣ пяти человекъ подъ ответственность одного изъ нихъ, называемаго старшимъ. Крестьяне побѣдѣ, хотя и нуждаются въ работникахъ, плѣнныхъ не получаютъ: иттерыхъ имъ не надо, а одного-двухъ не отпускаютъ. Но въ томъ плодородномъ краю немало большихъ крестьянскихъ хозяйствъ, и огромное число военно-плѣнныхъ размѣщено у крестьянъ.

Въ городкѣ, на базарѣ, можно ежедневно видѣть плѣнныхъ австрійцевъ, отдыхающихъ отъ кошмаровъ войны въ уютѣ, сытости и теплѣ благословенной Тавриды.

Они прѣзжаютъ на базаръ вмѣстѣ со своими хозяевами, привозятъ овощи для продажи, зерновой хлѣбъ для сдачи на мельницу; они вполнѣ освоились съ бытовымъ укладомъ мѣстной жизни, торгуются на базарѣ не хуже любого мужика, перемѣиваются съ дивчатами, дускають съмечки и молодежки посасываютъ махорочную цыгарку.

Свои курточки они починили, привели въ порядокъ, вмѣсто изодранныхъ австрійскихъ ботфортовъ надѣли крѣпкіе русскіе сапоги, а ихъ шалочки съ обрубленными углами отъ пыли, дождей и старости вычѣбли, стали сѣрыми и такъ примелькались, что не останавливаютъ ничьего вниманія, слились съ общимъ нестрѣмъ фономъ, кажутся такимъ же кореннымъ, утвержденнымъ традиціей, покровомъ, какъ и хохладскій картузь, татарская тюбетейка, болгарская широкополая шляпа.

Крестьяне относятся къ нимъ хорошо. Спать подъ одной кровлей, ѣдятъ изъ общаго котла. Сжились.

Когда плѣнный получаетъ письмо изъ дому, его окружаютъ не только его собратья, но и вся хозяйская семья.

— Ну, какъ жинка? Здорова? — участливо спрашиваетъ хозяйинъ.

И плѣнный охотно рассказываетъ о своей семьѣ, обо всемъ, что пишутъ ему изъ дому.

О войнѣ говорятъ они неохотно и равнодушно.

Кажется, забыли, что были сами на войнѣ, что стояли въ рядахъ враговъ, считали русскихъ врагами... Впрочемъ, почти все они славяне и съ самаго начала воевали изъ-подъ кнута, и въ плѣнъ къ русскимъ пошли, большей частью, добровольно.

Есть среди нихъ и такіе, что не собираются увязкать. Понравился имъ русскій югъ. Послѣ войны хотятъ семьи сюда переселить и обосноваться здѣсь.

Работники они все хорошіе. Съ лошадьми справляются превоеходно. Но и къ воламъ привыкли. А въ Таврической губерніи у многихъ крестьянъ имѣются и верблюды. Плѣнные только въ первые дни съ удивленіемъ разсматриваютъ этихъ царственно-спокойныхъ гербуновъ, которыхъ привыкли видѣть только въ звѣрищахъ. Потомъ привыкаютъ и къ верблюдамъ, научаются справляться съ умнымъ и своеобразнымъ животнымъ, тоже плѣнникомъ, загнаннымъ изъ далекой пустыни въ русскую степь.

У Филиппа Овчаренки плѣнныхъ восемь человекъ.

Хозяйство у Овчаренки большое. Кромѣ пашни, нѣсколько десятинъ саду, сорокъ коровъ, вола, лошади, четыре верблюда. Овчаренко—богатѣй. У него всегда работали человекъ десять наймитовъ, да свои три сына. Теперь сыны все на войнѣ, да изъ работниковъ только трое остался, старики.

Работаютъ у Овчаренки плѣнные съ восхода солнца до поздняго вечера справиться не могутъ.

Прѣхалъ Овчаренко въ городъ хлопотать объ отпускѣ дополнительной партіи.

— Хозяйство огромное! — объясняетъ Овчаренко. — А дали мнѣ австрійковъ всего семь человекъ!

Его поправляютъ:

— Какъ семь? Восемь тебѣ дали!

— Нѣ. Семь. — упрямо повторяетъ Филиппъ Овчаренко. — Потому одинъ не въ счетъ.

— Почему не въ счетъ?

— Потому не работникъ.

— Это который?

— А Карла! Старшой!

— Чтѣ же онъ? Хворый?

— Нѣ. Здоровъ.

— А и дѣлаетъ?

— Нѣ. Послушный. Скажешь что, разомъ сдѣлаетъ! Нѣ, не дѣлаетъ Карла! — повторяетъ Овчаренко и добродушно ухмыляется, будто испытывая удовольствіе при воспоминаніи о Карлѣ.

— Ну, такъ что жъ? Почему, говорилъ, не работникъ?

— А потому. Не его это дѣло, значить!

— Какъ такъ не его дѣло? А чье же дѣло?

— Наше мужицкое дѣло!

— А онъ кто?

— Онъ? Карла? — Филиппъ гордо оглядывается и измѣряетъ собеседника снисходительнымъ взглядомъ. — Онъ хвилософъ!

— Чтѣ такое?

— Хвилософъ онъ, во что!.. Не понимаешь?.. Ну, значить, не твоего ума дѣло!..

— На какого жъ онъ чорта тебѣ нуженъ? Нешто безъ философа не можешь?

— А вотъ не могу!.. Мое это дѣло! Хозяйство мое, работники мои и хвилософъ мой. Ничего онъ у меня не дѣлаетъ. Вѣтъ, пьеть, табачокъ курить... А нуженъ мнѣ!.. И никому до этого дѣла нѣтъ, потому я хозяйинъ!..

Филиппъ Овчаренко говоритъ объ этомъ съ раздраженіемъ, почти со злобой.

Это потому, что не мало пришлось ему по этому поводу воевать со своей бабой да и съ собой самимъ.

Дѣло было такъ.

Среди восьмерыхъ военноплѣнныхъ, присланныхъ Овчаренкѣ, былъ одинъ, рѣшительно ничего не смыслящій въ хозяйствѣ. Казалось, онъ въ первый разъ видитъ соху и борону, лопату держать и то не знаетъ какъ, а къ воламъ подойти боится.

Звали его Карлъ Прашке. Но онъ хоть и былъ по происхожденію чехомъ, однако по-чешски не говорилъ и съ русскими никакъ не могъ сговориться.

Въ первое время Овчаренко былъ имъ недоволенъ. Но этотъ Карлъ былъ робокъ, послушенъ и вѣженъ, какъ заблудившійся ребенокъ среди чужихъ. Онъ смотрѣлъ на хозяина ласковыми и покорными глазами, и видно было, что онъ отъ души хочетъ угодить и проклинаетъ свою неловкость и стыдится своего невѣжества. Онъ не только не избѣгалъ работы, а напрашивался на самую тяжелую и грубую. И Овчаренко ставилъ его копать землю, чистить конюшню.

Бывало, часами стоялъ Филиппъ Овчаренко и смотритъ, какъ забавно растетъ плѣнный въ навозѣ, безразлично сморщившись, но вѣжески стараясь скрыть свое отвращеніе.

Эвакуация пленных австрийцев.

От души хохочет Овчаренко.

— Ах ты, Карла злополучный!.. Вишь ты, елки зеленые!.. Лопату как держит!.. Да ты сильный, не стеклянная!

А Филиппова жена ворчит:

— Да пошли ты его к бису, будь он не ладен! Да на что он сдался, непутевый!..

Так бы, может, и порешил Овчаренко просить о замене Карла Прашке другим военнопленным, если бы не случай, открывший Филиппу неожиданное обстоятельство, которое сразу изменило его отношение к неудачному работнику.

Приехал как-то к Овчаренку сын священника, семинарист.

Заинтересовался он пленными, завязал с ними разговор, кто чем на родине был.

Один за другим вынимали австрийцы свои книжечки и давали семинаристу. Он читал по-немецки и переводил Овчаренку. Почти все пленные имели отметку: „земледelec“.

— Оно и видно, что мужики! — подтвердил Овчаренко. — Дело разом смекают!..

Был один слесарь, один столяр.

— Все, значит, рабочий народ! — с удовольствием заметил Овчаренко.

Когда очередь дошла до Карла, Филипп насторожился.

— А ну-ка? Этому кто будет? Ремесло-то у него какое?

Семинарист посмотрел книжку Карла, оглянул пленного с

ног до головы, еще раз посмотрел в книжку и наконец почтительным тоном произнес:

— Карл Прашке, доктор философии Вьенского университета.

— Вишь ты! — с уважением пролепетал Овчаренко.

Он, конечно, так и не понял, в чем заключается „ремесло“ пленного. Но слова „доктор“, „философия“, „университет“ были ему знакомы. Не понимая их смысла, он привык к ним относиться с особым почетом.

— Дохтурь, значить? — переспросил он.

— Нет, — объяснил семинарист, — не такой доктор, что лечить... Философ... Ученый, значить... В роду, как духовную академию кончили!..

— Вишь ты! — восхищенно вздохнул Овчаренко. — Ученый, говоришь?

— Ученый!..

— А я его, беднягу, хлев чистить поставил! Грех ведь?

— Почему грех? — возразил семинарист. — Ведь он к тебе не в учителя и не в философа пошел!.. Ведь он за батрака у тебя!..

Пленные австрийцы у котла.

— Нет. Какой батрак!.. Хвилософ!.. — многозначительно произнес Овчаренко.

С тех пор Карл был освобожден от всякой работы.

Филипп Овчаренко отдал ему горницу, дал ему бумагу, чернила. Живет доктор философии настоящим баринком. Все ему подается, никакой заботы не знает.

Сидит в комнате, все пишет. Уже толстую тетрадь исписал, маленькими-маленькими буквами, тесными и ровными строчками.

— Вишь ты! — восхищается Овчаренко. — Будто веретеном ткать, так пером работает!

Гуляет Карл по саду, с Филипповыми детьми забавляется, а по вечерам со своими товарищами время проводит.

Они, эти семеро пленников, не завидуют ему. Сами чувствуют: другой человек, философ, не то, что они! Смотрят на него с уважением. Все больше так: он говорит, а они, собравшись в кучу, слушают.

Слушает и Овчаренко.

Ничего не понимает, а восхищается.

— Вишь ты!.. Как это он здорово! Сразу видеть, ученый!.. Одно слово, хвилософ!..

Филиппова жинка ругается.

— И на что он тебе сдался, цей лодырь, трасцы его матк!.. К бису его!..

А Овчаренко огрызается.

— Молчи, баба! Не твоего ума дело!.. Хвилософ, не то чтобы как!..

Пленные австрийские офицеры.

На кавказскомъ фронтѣ. Совѣщаніе начальника приморскаго отдѣла и начальника флота на берегу Чернаго моря.
Генераль Ляховъ показываетъ мѣстонахожденіе турецкихъ позицій въ горахъ.

И не хочетъ Овчаренко разставаться съ докторомъ философіи. Выхлопоталъ себѣ еще пять человѣкъ военноплѣнныхъ. На всѣхъ работы хватаетъ въ большомъ овчаренковомъ хозяйствѣ. Только для философа работы нѣтъ. Сидитъ въ чистой горницѣ

да все пишетъ, все пишетъ, нанизывая на нитки строчекъ мелкій бисеръ остроконечныхъ буквъ.

Опишетъ ли въ своихъ запискахъ этого вѣнскаго доктора философіи своеобразнаго мужичка-мецената, Филиппа Овчаренку?

На кавказскомъ фронтѣ. Взятое съ боя нашими войсками мѣстечко Кала-Косринъ въ долинь Чороха (Байбуртское направленіе).

На кавказскомъ фронтѣ.

Турецкіе окопы въ оградѣ армянскаго монастыря „Каймакли“ около Трапезунда.

Дороги.

Дороги родины моей
Среди лѣсовъ, среди полей,
По рвамъ, долинамъ и холмамъ.
Къ подножьямъ горъ, къ морскимъ волнамъ.
Куда зовуть? Куда ведутъ?
Какіе путники идутъ
По ихъ глубокимъ колеямъ
Отъ всѣхъ сторонъ, ко всѣмъ краямъ?
Необозрима ширь земли.
По ней, вѣвъ, онъ легли,
И все длиннѣй, и все свѣтлѣй,
Дороги родины моей.
Онъ змѣятся безъ границъ
Отъ деревень и отъ столицъ
И всѣхъ зовуть отъ жалкихъ путей
На свѣтлый свивигъ, на грозный трудъ.
По нимъ пойти—тоску забыть.
По нимъ пойти—свободнымъ быть.
По нимъ пойти—найти мечту.
По нимъ пойти—служить Христу.
И вмѣстѣ съ влагой Божьихъ росъ
Онъ впитали много слезъ.
И на пыли родныхъ дорогъ
Теперь слѣды солдатскихъ ногъ.
Идутъ, идутъ по ихъ пыли
Герои сѣрые земли,
Чтобъ побѣдить иль пастъ въ бою
За Русь великую свою.
И, побѣдивъ, придутъ назадъ
Въ затишь нивъ отъ канонадъ,
Къ сохѣ отъ злобы и тревогъ,
По колеямъ родныхъ дорогъ.

Дмитрій Цензоръ.

На кавказскомъ фронтѣ.

Рѣка Вице-Су, вдоль которой происходили бои на всемъ пространствѣ ея теченія отъ снѣговыхъ вершинъ до берега Чернаго моря.

Содержаніе.

Т Е К С Т Ъ: Америка—новый арсеналъ міра. — Господинъ Маршалъ. Рассказъ В. Ропшина. — Баба молила. Стихотвореніе Александра Дроздова. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. И. Шумскаго. — На заводѣ. Стихотвореніе Елены Федотовой. — Докторъ философіи. Рассказъ Юрія Волина. — Дороги. Стихотвореніе Дмитрія Цензора. — Объявленія. — Отклики войны.

Р И С У Н К И: И. Горюшкинъ. Сороколудовъ. На подвигѣ (въ краскахъ). — Бриджпортъ (въ штатѣ Коннектикутъ). Заводъ для изготовленія сваряцовъ (10 рис.). — Профессоръ Н. С. Самокишъ. Въ Галиціи. У воротъ замка (въ краскахъ). — Нашъ тяжелый дивизионъ. Землянка командира. Рисунокъ участника войны М. Авидова. — Пѣхотные окопы. — Въ окопѣ (2 рис.). — Стрѣльба изъ пулемета. — Въ резервѣ. — Въ занятомъ окопѣ противника. — Отцы благочинные сѣвернаго фронта (послѣ съѣзда во Псковѣ). — Эвакуація глѣзныхъ австрійцевъ. — Пѣхотные австрійцы у котла. — Пѣхотные австрійскіе офицеры. — На кавказскомъ фронтѣ (4 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 28.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 32

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 6-го августа 1916 г.

ПОЯВЛЕНІИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непрерывно въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стр. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за августъ.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЧУЛКИ И НОСКИ

прейсь-курранты бесплатно, оптовикамъ скидка. Можно и по подложкины. Половину стоимости впередъ.

Адресовать: гор. Полтава, Гоголевская ул., № 13, Г. ВУЛИХУ.

XXV-й УЧЕБНЫЙ ГОДЪ
КУРСЫ РАПГОФА СЪ КУРСОМЪ КОН- СЕРВАТОРИИ, ОПЕ- РНЫМИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ И РЕГЕНТСКИМИ КЛАССАМИ. Петроградъ, улица Гоголя, 7. Телеф. 60-82.

Подробн. услов. и прогр. съ составомъ педагог. персонала выд. (цѣна 10 коп.) у швей- кара и высылаются канц. Курсовъ по присл. 14 коп. марками. Начало занятій 1-го сентября. Вступительныя испытанія съ 24-го августа.

Директоръ Курсовъ *Евг. Павл. РАПГОФЪ*.

Одесск. Средин. Сельскохозяйственно-

ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ, учр. **И. И. Хойна.** Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ.** Приемъ прошеній производится на 1916/17 уч. г. Проспекты высыл. за 5 двукоп. мар. **ОДЕССА, Пушкинская, 60—5.**

ЗАОЧНОЕ РИСОВАНІЮ

по изданію „Искусство для Всѣхъ“ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемые работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всемъ вопросамъ рисования, живописи и прикладного искусства.

Содержаніе вышедшихъ изъ печати томовъ 1-8. Наблюдательная перспектива. Композиція. Линейная перспектива. Нарброски—Т. И. КАТУРКИНА. Отмывка тушью. Акварель—В. А. ЛЕПИНША. Цѣль искусства. Философскіе этюды—В. ЛІСОВОГО. Опыт живописи масляными красками—А. В. МАКОВСКАГО. Элементарное рисование. Курсъ орнамента. Уголь. Рисование частей человѣческаго тѣла—А. Г. НОВИКОВА. Что такое искусство—И. Е. РЫНИНА. Очерки по исторіи живописи—В. Ф. ШЛЕДЕРА.

Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является грамматикой искусства и охватываетъ полный курсъ знаній, необходимыхъ всякому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для гг. художниковъ и учителей рисования; наконецъ для родителей.

„Искусство для Всѣхъ“ является незаменимымъ пособіемъ. Краткій проспектъ безплатно. Подробн. просп. „Искусство“ за 15 к. Всякую корреспонденцію адресовать въ Главную Контору Издательства „БЛАГО“, ПЕТРОГРАДЪ, Николаевская, 44—62. Собств. магаз.: ПЕТРОГРАДЪ, Невский, 65; МОСКВА, Мясницкая, 18. Съ 1-го Августа Главн. Контора перемѣщается на Глазовую ул., собств. д. № 18.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО.** пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

ПѢСНИ НАШЕЙ АРМІИ.

18 пѣсней для мужского хора, записанныхъ въ арміи въ періодъ 1914—1915 гг. С. Орловымъ и Ф. Щеголовымъ. Цѣна парт. — 80 коп. Новыя каталогъ „Свѣтская хорова музыка“ высылаются — бесплатно. Музыкальное Издательство Москва, 4228 **П. ЮРГЕНСОНА,** Ногинскій пр., 14.

КУРСЫ М. В. ПОБѢДИНСКАГО:

ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ, д. № 102 (противъ Николаевской ул.).

Высшіе коммерческіе курсы (высш. учебн. заведеніе коммерц. знаній и обществ. наукъ) даютъ закончен. коммерц. образованіе **ЛИЦАМЪ ОБОЕГО ПОЛА.** Отдѣленія: основное (два года) и спеціальныя (одинъ годъ).

Счетоводныя курсы даютъ теоретическую и практическую подготовку къ бухгалтерской дѣятельности **ЛИЦАМЪ ОБОЕГО ПОЛА.** Отдѣленія: общеполитическое, специально-бухгалтерское, торгово-промышленное и кооперативныя дѣла.

Жельзнодорожныя курсы готовятъ **ЛИЦЪ ОБОЕГО ПОЛА** къ службѣ на жел. дор. **Начало занятій 1-го Сентября.** Курсы основаны въ 1897 г., при нихъ учрежд. Общество Бухгалтеровъ и Экономистовъ съ отдѣломъ по присл. занятій. Курсами издается журн.: „Коммерческая Школа и Жизнь“. Кампеларія открыта ежедн. Свѣдѣнія выд. и выс. бесплатно.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство къ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Более 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылаются налож. плат. за 1 р. 20 к. Требуется адресовать: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ЗАПОРЫ

привычные запоры

вызываютъ головныя боли, катарръ желудка и кишекъ. Устраняйте запоры и Вы устраните почву, на которой развивается геморрой, катарръ пищеварительнаго тракта и симптомы ихъ: тошнота, изжога и переполненіе живота газами. Принимайте надежное и безвредное средство **Стомоксигенъ** Д-ра Антоны Мейеръ, который дѣйствуетъ всегда одинаково и освобождаетъ желудокъ легко, нормально и дружно. **Стомоксигенъ** абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рец. ар. **Остерегайтесь поддѣлокъ.**

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Библиотечка „Гуниверс“

При ГОНОРРЕЕ
 в острой и хронической формѣ **"ДИЗЕРИНЪ"**
 послѣдствіемъ ея примѣняется
 Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Дизеринъ
 совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсуль 2 р.
 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Даевъ пер.,
 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Анохинъ, А. К. **НОВАЯ СИСТЕМА** Бильдерлингъ, П. А.
 комнатной гимнастики. Психо-физиологическія движенія. **БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.** Съ 18 рис.
 Съ 15 рис. Цѣна съ перес. 40 коп. 102 стр. in 8°. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕЪ СВѢТЪ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА
"ВИКТОРІЯ"

сѣдѣть 200 руб.
 одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ
ВЯЖЕТЪ ВЪ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.
Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы
 за каждую дожику паръ чулокъ или носковъ,
 вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ для
 легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
 Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
 Требуется нашъ бесплатный проспектъ.

Въ виду продолжающихся затрудненій при отправкѣ грузовъ изъ Англіи, заказы
 не могутъ быть выполнены немедленно по полученіи таковыхъ, а по очереди.

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
 ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.
 Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить снѣгъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить обомъ въ полчаса. Разрывать нитку стекломъ. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный пруть въ свѣчу. Зажечь сухія дрова водой — множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цѣна съ пересылкой налож. платеж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съезжинская ул., № 40, въ редакцію „Отголоски Жизни“.

Состоящее въ вѣдѣніи **МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ**
1-е Петроградское Среднее Сельскохозяйственно-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ
 училище, учрежденное Л. А. Балцанкомъ, съ полными правами правительственныхъ училищъ. 2-й учебн. годъ. Петроградъ, Петр. ст., Большой пр., д. 18-14. Тел. 552-71. Училище 4-классное. Въ 1-й классъ принимаемъ безъ экзамен. окончившихъ высш. начальн. уч., городск. учил., духовн. училищ., торговыя школы, 4 кл. гимназ., коммерч., реальн. учил., въ возрастѣ отъ 16—18 л. При разнѣжѣ въ возр. вопросъ разрѣш. Педагогич. сов. По окончаніи Званіе С.-Хоз. гидротехника и право поступленія въ высшія учебн. завед. По воинской пов. права I разряда. Въ пригот. кл. безъ экза. изъ тѣхъ же учебн. завед. (классомъ ниже). Не имѣя щ. обр.: въ цѣнахъ по экзамен. (4-го и 3-го класса гимназій). Начало занятій 1-го сентября. Условія бесплатно.
 Директоръ Инженеръ **К. ЛЕВИНЪ.**

ХОРОШІЯ ЛЕКАРСТВА
 всегда поддѣлываются,
 ни одно лекарство
 не поддѣлывается, не фальсифицируется больше,
 чѣмъ антисептическія
PASTILLES VALDA
 (Лепешки Вальда)
 ВЪ ВАШЕМЪ ИНТЕРЕСѢ СПРАШИВАТЬ,
 ТРЕБОВАТЬ ИХЪ
 во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ
 въ **КОРОБКАХЪ**, снабженныхъ именемъ
VALDA
 съ красной бандеролью.
 одной коробкой
PASTILLES VALDA
 (ЛЕПЕШЕКЪ ВАЛЬДА).
 H. Caponne, Paris.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Жуковский, В. А. **ПОЛНОЕ СОБРА-**
 ніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Подъ ред. проф. А. С. Архангельскаго. Прекрасное изданіе на хорошей бумагѣ. Цѣна тремъ томамъ — 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.; въ 3-хъ перепл. — 4 р. 20 к., съ перес. 4 р. 75 к.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю
 заочно каждого въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ
 исправляю самыя дурныя по-
 черкы. За 5 десятк. марокъ
 выслать образцы шрифтовъ,
 почерки учениковъ и условія.
 Одесса. Проф. Каллиграфія
 Адольфъ Коссово. Дербасовская, д. № 19.

ЛИЧНО **ЭКОНОМНО**
 150 руб.
"МАНДОЛИНЪ"
ГИТАРЪ и БАЛАЛАЙКЪ
 Услов. заоч. обуч. и каталогъ инструм. бесплат.
 „Курсы Музыки“ Москва, Сретенка 21/5.

(ПИСАТЬ)
 красиво и скоро будете, выписавши
 „Механическую пропись“. Но-
 вость въ каллиграфіи. Цѣна нал.
 плат. 95 коп. Адресъ: Москва, ред.
 жю журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (86)

МЕТРИЧЕСКІЯ НОТЫ.
НОВАЯ НОТНАЯ СИСТЕМА.
 Гораздо полнѣе тѣствующей системы,
 легче ея для изученія и понятія для чтенія
 Усваивается въ нѣсколько уроковъ.
САМОУЧИТЕЛЬ для ПИАНИНО 5 руб. съ
 перес. Иллюстр. описаніе — двѣ 10 к. марки.
 Адресъ: Симферополь, Пушкинская, домъ
 Водопіана, С. И. Гребенякову. 412

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
 Свѣча „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ
ГЕМОРРОЯ.
 Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.
 Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-мъ ПЕТРОГРАДЪ

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Отсрочка призыва.

Исключительный характер и своеобразные особенности нынешней, безпримѣрной въ исторіи, войны выясняются не сразу и еще медленно усваиваются воюющими сторонами. Никто въ мірѣ не ожидалъ, напримѣръ, чтобы она могла быть столь продолжительной. Нѣмцы запаслись втихомолку крупной артиллеріей и неисчерпаемымъ количествомъ снарядовъ, передъ которыми не могутъ устоять бетонныя укрѣпленія, и были увѣрены, что закончатъ войну въ полгода полною побѣдой на два фронта, но ихъ противники быстро приспособились къ преимуществу германскаго вооруженія, сосредоточили свою защиту не на крѣпостныхъ, а на полевыхъ укрѣпленіяхъ, нанесли слишкомъ самоувѣреннымъ германцамъ цѣлый рядъ чувствительныхъ поражений на Марнѣ, на Вислѣ, на Днѣстрѣ, на Ипрѣ и проч. и, остановивъ германскій натискъ на цѣлый годъ, общими силами успѣли запасти и тяжелою артиллеріей и снарядами въ требуемомъ количествѣ. Война сразу получила совершенно непредусмотрѣнный нѣмецкими стратегами характеръ длительности. Для остальныхъ участниковъ столь же безошибочно выяснилось рѣшающее значеніе грандіозной промышленно-технической подготовки. Въ кровавыхъ ошибкахъ враждующихъ армій стали усматривать нѣчто въ родѣ состязанія военной промышленности двухъ коалицій, призомъ котораго была побѣда. Для всѣхъ стало очевиднымъ и понятнымъ военное значеніе фабрикъ и заводовъ, и почти во всѣхъ странахъ дополнительными узаконеніями многіе разряды рабочихъ, занятыхъ въ обслуживающихъ военные нужды отрасляхъ промышленности, освобождались отъ призыва въ армію. Считалось, что своєю работою на орудійныхъ, снарядныхъ и ружейныхъ заводахъ они такъ же служатъ защитѣ отечества, какъ солдаты на фронтѣ. Въ тылу вооруженныхъ армій возникли мирныя арміи труда, снабжающія первыя линіи оружіемъ и снарядами. Уравненіе въ средствахъ борьбы окончательно похоронило нѣмецкія надежды на скорую побѣду и сдѣлало войну еще болѣе длительной. Обширная подготовленія къ третьей зимней кампаніи выдвинули на первый планъ военное значеніе другого элемента, который до сихъ поръ всегда считался мирнымъ,—земледѣлія. При полной неопредѣлен-

ности срока окончанія войны стало яснымъ, что для успѣшнаго веденія ея недостаточно даже двухъ армій,—военной и рабочей,—защищающихъ наши границы, но нужна еще третья армія,—армія земледѣльцевъ, которая запасла бы достаточное количество продуктовъ питанія для прокормленія первыхъ двухъ и самой себя, т.-е. и фронта, и тыла, и всего мирнаго населенія страны. Сначала ин-

Подвозъ походной кухни.

тересы земледѣльцевъ мало принимались во вниманіе и даже приносились въ жертву интересамъ арміи. Для нуждъ арміи отъ земледѣлія не только отрывались люди, но отъ земледѣльцевъ отбирались чуть не всѣ главныя орудія труда—лошади, рабочий скотъ, реквизировался овецъ, необходимый въ хозяйствѣ, и т. п. Только выяснившаяся опасность значительнаго недосѣва заставила весною встрепенуться министерство земледѣлія и принять нѣкоторыя мѣры для поддержки подрѣзаннаго наборами и реквизиціями сельскаго хозяйства. Отчасти кое-что было достигнуто, нѣкоторымъ изъ земледѣльцевъ была оказана помощь по расширенію запасекъ, болѣе или менѣе использовали трудъ военнопленныхъ, кое-гдѣ въ помощь крестьянамъ и землевладѣльцамъ высылались слабо-

сильныя команды нижнихъ чиновъ, организовывались даже отряды учащейся молодежи, пожелавшей принять участіе въ полевыхъ работахъ. Но начавшееся единовременное наступленіе на нѣмцевъ всѣхъ союзныхъ армій и развитіе военныхъ дѣйствій на всѣхъ фронтахъ потребовало привлеченія въ армію новыхъ силъ и заблаговременнаго комплектованія резервовъ. Назначеніе призыва ратниковъ ополченія 1-го и 2-го разрядовъ на 15-е іюля глубоко встревожило всю земледѣльческую Россію и грозило крайне затруднить уборку полей. Во вниманіе къ нуждамъ земледѣлія призывъ былъ отсроченъ до 15-го августа. Эта отсрочка по всѣмъ селамъ и деревнямъ вызвала радостный вздохъ облегченія, но все же не устранила всѣхъ затрудненій, препятствующихъ уборкѣ урожая нынѣшняго года. Основное и главное заключается въ томъ, что учрежденія, разрабатывающія порядокъ и сроки призыва, трактуютъ Россію, какъ совершенно единообразную во всѣхъ своихъ частяхъ единицу, между тѣмъ въ дѣйствительности, уже по самой своей обширности, она крайне разнообразна и разнокалиберна и въ климатическомъ и въ сельскохозяйственномъ отношеніяхъ. Простираясь отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря и отъ Тихаго океана до Балтійскаго моря, она охватываетъ въ своихъ предѣлахъ самыя различныя климатическія пояса, начиная отъ субтропическаго климата Закавказья и кончая вѣчно мерзлотою сибирскихъ тундръ. Созрѣваніе полей и луговъ происходитъ въ различныхъ губерніяхъ крайне не-

Въ походѣ. „Офицерское собраніе“.

равномерно и никак не может быть подогнано къ одному числу: въ то время, когда въ Новороссіи уборка озимыхъ давно уже окончена, въ сѣверномъ районѣ она только-что еще начинается. Въ виду такого рѣзкаго климатическаго разнообразія Россіи и необходимости согласовать военныя нужды съ сельскохозяйственными, слѣдовало бы устанавливать сроки призыва ратниковъ по климатическимъ районамъ для южной, средней, сѣверной и восточной Россіи въ отдѣльности. Больше того: мѣстные воинскія присутствія, въ составъ которыхъ, какъ извѣстно, входятъ также и представители мѣстныхъ самоуправленій, земствъ, городовъ, дворянства и пр., могли бы даже ходатайствовать объ отсрочкахъ для тѣхъ группъ населенія, которыя даже на югѣ, рано кончающемъ уборку полей, заняты какими-нибудь поздними культурами: напримеръ, возведеніемъ сахарной свекловицы. Такой порядкомъ призыва давалъ бы возможность удовлетворить запросы арміи безъ излишняго нарушенія интересовъ народнаго хозяйства. Такъ какъ расходование резервовъ производится не сразу, то и укомплектованіе ихъ призывными могло бы безъ всякаго ущерба для арміи производиться постепенно по мѣрѣ освобожденія рабочихъ силъ, занятыхъ въ земледѣліи южныхъ, среднихъ и сѣверныхъ районовъ. Постепенность призывовъ сдѣлаетъ ихъ почти не обременительными для земледѣльческаго населенія страны.

Въ минуты отдыха. „Кто кого перетянетъ“. Одинъ взводъ тянетъ другой за канатъ. Выигравшіе катаются на проигравшихъ верхомъ.

Герой-отецъ. По сообщенію К. Валишевскаго (въ «Новомъ Времени»), во Франціи мужчинъ призывнаго возраста встрѣчаешь теперь только въ военномъ мундирѣ, или это рабочіе, работающіе на военныхъ заводахъ. Молодому и здоровому французу не военному и не рабочему не пройти по улицѣ безнаказанно, безъ того, чтобы не подвергнуться презрительнымъ насмѣшкамъ и осужденію. Впрочемъ, и въ военномъ мундирѣ въ штабахъ встрѣчается, пожалуй, слишкомъ много «офицеровъ связи», «переводчиковъ», «секретарей». Но въ общей сложности они составляютъ все-таки небольшое число, а малодушіе

сятъ два года! Такъ какъ онъ умѣлъ управлять изящными лимузинами, его прежде всего опредѣлили въ автомобильный отрядъ. Затѣмъ, ужъ не знаю какими путями, онъ перешелъ въ отдѣлъ воздухоплаванія. Спортъ всякаго рода былъ для него дѣломъ обычнымъ, но авіаціей онъ никогда не занимался. Однако онъ быстро освоился съ новымъ дѣломъ и теперь, уже въ чинѣ поручика, считается однимъ изъ самыхъ безстрашныхъ летчиковъ. Онъ охотится за фокерами и продѣлываетъ со своимъ аппаратомъ головокружительные виражи, чтобы удобнѣе гоняться за «дичью». Онъ принималъ участіе во всѣхъ крупныхъ налетахъ на германскіе города. Военный атташе одной изъ союзныхъ державъ говоритъ мнѣ о немъ съ восторгомъ. И этому человѣку скоро исполнится шестьдесятъ четыре года! Впрочемъ, почему мнѣ не назвать его? Это, надѣюсь, не военная тайна. Его имя—графъ Витали. Я не имѣю чести знать его лично».

Французскій отвѣтъ на германскую 420. Подъ цифрой 420 французы подразумеваютъ германскую 420-миллиметровую (16,54-дюймовую) гаубицу, и журналъ «Illustration» говорить, что въ настоящее время французская армія располагаетъ гаубицей калибромъ въ 400 миллиметровъ (15,75 дюймовъ), которая является прекраснымъ отвѣтомъ на орудіе, способствовавшее паденію Льежа, Намюра, Антверпена, Мобежа, при чемъ созданіе французскихъ заводовъ превосходить во всѣхъ отношеніяхъ надѣлѣ завода Круппа. Какъ извѣстно, германская 420-миллиметровая гаубица стрѣляетъ снарядамъ вѣсомъ въ 900 килограммовъ (54,9 пуда), снаряженными 120 килограммами (7,3 пуда) мелинита или тринитротолмола, и обладаетъ дальностью полета въ 14 километровъ (почти столько же верстъ) при углѣ возвышенія въ 45 градусовъ. Эта гаубица и ея лафетъ установлены на желѣзнодорожной платформѣ, длиной въ 18 метровъ (59 футовъ), которая лежитъ на двухъ тѣлѣжкахъ, каждая съ тремя парами колесъ, при чемъ разстояніе между серединами этихъ тѣлѣжекъ равно 12 метрамъ (39,4 фута). Затѣмъ между тѣлѣжками помѣщается вращающаяся платформа, діаметромъ 2,8 метра (9,2 фута), которая служитъ основаніемъ лафета гаубицы. Кромѣ этой платформы, поѣздъ, обслуживающій эту гаубицу, состоитъ изъ локомотива съ тендеромъ, одного вагона для прислуги орудія, другого вагона со снарядами и зарядами и третьяго, въ которомъ помѣщается керосиновый двигатель, динамомашинка и всѣ приборы для управленія этимъ орудіемъ, т.-е. для его заряжанія и наводки, которыя производятся особыми электродвигателями. Эта гаубица вмѣстѣ съ платформой вѣситъ отъ 110 до 120 тоннъ, а весь поѣздъ—около 300 тоннъ. Что же касается французской гаубицы въ 400 миллиметровъ, то журналъ говорить, что ея баллистическія качества не подлежатъ оглашенію, и даже осмотръ ея и обслуживающаго ее поѣзда не разрѣшается постороннимъ лицамъ, почему можно только сказать, что въ смыслѣ вѣса снаряда, дальности его полета и количества взрывчатого вещества, которымъ онъ снаряженъ, французская гаубица значительно превосходитъ германскую, что можно было видѣть при обзорѣни одного изъ ея снарядовъ, который при выдѣлкѣ былъ признанъ бракомъ и былъ выставленъ въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ. Но, кромѣ этихъ гаубицъ, французская армія располагаетъ еще и другими, весьма могущественными орудіями, которыя вмѣстѣ съ нею совершенно опровергаютъ установившееся мнѣніе, что Германія побѣла во время этой войны рекордъ въ дѣлѣ изготовленія чудовищныхъ орудій, и онъ превзойденъ во всѣхъ отношеніяхъ во Франціи, гдѣ немедленно послѣ начала войны сумѣли создать выдѣлку болѣе усовершенствованныхъ, чѣмъ германскія, средствъ для веденія войны.

Въ минуты отдыха. Проигравшій взводъ возитъ побѣдителей верхомъ. Въ концѣ „конница“ повергается въ прахъ, и все заключается общей борьбой.

одного искупается зато героизмомъ многихъ. «Во французской арміи одинъ молодой человѣкъ изъ аристократической семьи былъ освобожденъ отъ службы изъ-за слабости сердца. Онъ дѣйствительно боленъ; у него, кажется, органическій порокъ сердца. Отцу его, женившемуся довольно поздно,—между прочимъ, на одной изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ Парижа,—было, когда началась война, шестьдесятъ два года. Онъ ведетъ большія дѣла, съ начала военныхъ дѣйствій быстро удвоилъ и даже утроилъ свое и прежде значительное состояніе. Какъ вы думаете, что онъ сдѣлалъ, когда его сынъ былъ уволенъ въ отставку? Онъ сказалъ: «Если сынъ не можетъ быть солдатомъ, я пойду вмѣсто него». И онъ записался простымъ рядовымъ, въ шестьде-

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНО-МУЧНАЯ ПИЩА

АЛЛЕНБЭРИСЪ

ДИЭТЪ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ нервнымъ, слабымъ, истощеннымъ и дѣтямъ. Брошюра № 12 по требованію бесплатно. Англійское Акц. Общ. «АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ». Москва, Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ для снѣжной бѣлизны бѣлья ИДЕАЛЬНУЮ СИНЬКУ ВЪ ЛИСТКАХЪ

В. ВАДОВСКАГО. Петроградъ, Б. Зеленіна, 9.

Иногороднымъ высылается наложеннымъ платежомъ.

Цѣна пакета 10 и 20 коп.

ЖИВНА

№ 32. Выходит ежегод. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. И. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 6 августа 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/4 года—5 р., на 1/2 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—2) к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ : Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Хоудскій храмъ. Н. Шугурова. — Поединокъ. Разсказъ В. Ропшина. — Самозванка. Разсказъ Юрія Волна. — Пережитое. I. Сестра. II. Мечтатель. III. Отецъ. Разсказы Бориса Курскаго. — Заявленіе. — Объявленіе. — Отклики войны. — Отсрочка призыва. (Вопросы внутренней жизни).
Р И С У Н К И : Тяжелый моментъ. Картина М. Грекова. — На юго-западномъ фронтѣ (4 рис.). — Хоудскій храмъ (3 рис.). — „Сиялы“ Рисунокъ Джорджа Скотта. — Пѣнные австрійцы (2 рис.). — Минометы, захваченные въ послѣднихъ бояхъ. — Дивизионный оркестръ въ Тлустѣ. — Захваченный у германцевъ бронированный поѣздъ. — У полевого телефона. — Артиллерійскія лошади отдыхаютъ во время боя. — Уборка солдатами сноповъ ржи съ полей передовыхъ позицій. — Походная кухня на пути къ передовымъ позиціямъ. — На отдыхѣ. За васьилками. — Изъ боя. Картина М. Грекова. — Воронка, образовавшаяся на мѣстѣ германской траншеи, взорванной французскою миной. — Генералъ Любайль, новый военный губернаторъ Парижа. — Къ соединенію рѣки Роны съ Марсельскимъ портомъ. — Отпущенный изъ арміи французскій солдатъ дома, на полевыхъ работахъ. — Французскія походныя хлѣбопекарни близъ боевой линіи. — Подвозъ походной кухни. — Офицерское собраніе. — Въ минуты затишья (2 рис.).
Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературная и популярно-научная приложенія“ за августъ 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за августъ 1916 г. съ 41 рис., отдѣльный листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 14 рис. для выжиганія.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Назначеніе Гинденбурга.

Паденіе Бродъ и въ связи съ этимъ пораженіе, нанесенное австрійцамъ на путяхъ къ Львову, повидимому, переполнило чашу терпѣнія германцевъ, и такъ какъ пути на Львовъ также выводятся, хотя и болѣе кружнымъ путемъ, къ Бугу и къ Вислѣ, т.-е. въ тылъ германскаго фронта, нѣмцы рѣшили принять новыя мѣры для того, чтобы спасти южную оконечность своего расположенія. Вильгельмъ самолічно прибылъ на русскій фронтъ и, послѣ переговоровъ съ австрійскими государственнымъ дѣятелями, добился назначенія Гинденбурга главнокомандующимъ надъ группой австрійскихъ и германскихъ армій, сражающихся на нашемъ фронтѣ.

Сначала это поняли въ томъ смыслѣ, что Гинденбургу подчиняются всѣ австро-германскія войска на русскомъ фронтѣ, и что онъ является единственнымъ верховнымъ руководителемъ всѣхъ операций. Однако впоследствии оказалось, что Гинденбургу былъ подчиненъ только сѣверный участокъ австрійскаго фронта, и, такимъ образомъ, его фронтъ простирался отъ Балтійскаго моря до района южнѣ Бродъ. Слѣдовательно, германскому главнокомандующему были подчинены австрійскія арміи, дѣйствовавшія на Волыни, и австрійскія арміи, дѣйствовавшія въ Западной Галиціи.

Другія же австрійскія арміи, а именно: армія Ботмера въ Восточной Галиціи и армія Шульца въ Трансильванскихъ проходахъ были подчинены молодому австрійскому наследному эрцгерцогу Карлу-Францу Иосифу.

Очевидно, полнаго объединенія австрійскихъ и германскихъ силъ Вильгельму добиться не удалось, и на нашемъ фронтѣ попрежнему оказались два главнокомандующихъ, съ тою лишь разницею, что районъ дѣйствія германскаго главнокомандующаго нѣсколько увеличился, а районъ дѣйствія австрійскаго главнокомандующаго нѣсколько уменьшился. Кромѣ того, разница еще заключается въ томъ, что каждый изъ этихъ главнокомандующихъ преслѣдуетъ свои спеціальныя задачи.

Германскій главнокомандующій Гинденбургъ взялъ на себя также оборону Волыни и Западной Галиціи, главнымъ образомъ для того, чтобы обезпечить южную оконечность германскаго фронта отъ охвата, который ему угрожалъ, въ случаѣ нашего успѣха въ направленіи на Владиміръ-Волынской и Львовъ. Эрцгерцогъ же Карлъ-Францъ-Иосифъ принялъ на себя совершенно другую задачу, а именно, оборону Венгріи, пути къ которой, какъ извѣстно, идутъ какъ черезъ Восточную Галицію, такъ и черезъ Трансильванскіе проходы. Это, очевидно, было сдѣлано для уступки венгерскому обще-

ственному мнѣнію, настоятельно требовавшему принятія экстренныхъ мѣръ для обороны Венгріи.

Изъ изложеннаго можно видѣть, что не только единство власти не устанавливалось послѣ назначенія Гинденбурга, но даже обомъ главнокомандующимъ давались разныя задачи, что, въ свою очередь, должно было затруднить согласованіе операций. Это можно было замѣтить даже въ первые дни, когда вступили въ свои должности новые главнокомандующіе. Въ то время, какъ нашъ ударъ направлялся южнѣ Бродъ на Львовъ, и въ то время, когда мы занимали угрожающее положеніе по отношенію къ Ковелю и Владиміру-Вольнскому, австрійскій эрцгерцогъ вдругъ сталъ наступать изъ Трансильванскихъ проходовъ, т.-е. вести операцию, которая не могла оказать абсолютно никакого вліянія на ходъ важныхъ событій на фронтѣ Гинденбурга.

При такихъ условіяхъ дѣйствительно оказалось, что, какъ говорилъ Наполеонъ, „одинъ посредственный главнокомандующій на театрѣ войны лучше двухъ выдающихся“. Впрочемъ, нѣмцы весьма ликовали послѣ назначенія Гинденбурга и выражали твердую увѣренность, что „Гинденбургъ себя покажетъ“. Даже нейтральная печать, какъ, напримѣръ, шведская, полагала, что

Тяжелый моментъ. Картина М. Грекова.

На юго-западномъ фронтѣ.
Кавказцы туземной дивизіи, отличившіеся во время послѣдняго наступленія.

послѣ назначенія Гинденбурга слѣдуетъ ожидать „разныхъ непредвидѣнныхъ выступленій со стороны германцевъ“.

Однако, нельзя не считать такую увѣренность въ необыкновенномъ могуществѣ Гинденбурга, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, мало обоснованной, и онъ также, по извѣстной поговоркѣ, „не можетъ дать болѣе того, что имѣетъ“. Для того, чтобы создать какую-то неожиданность, Гинденбургъ долженъ прибѣгнуть къ какой-либо крупной наступательной операціи, и мы уже наблюдали такіе примѣры активной обороны съ его стороны, въ видѣ операцій у Сольдау и наступленія отъ Торна по правому берегу Вислы. Вполнѣ понятно, что для такой наступательной операціи необходимо собрать „наступательный кулак“, т. е. опредѣленную значительную массу въ опредѣленномъ пунктѣ, выбранномъ для атаки. Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, противникъ уже давно израсходовалъ свои резервы и при послѣднемъ

наступленіи затыкалъ мѣста прорывовъ отдѣльными батальонами и самыми разнообразными контингентами войскъ, попадавшихся намъ въ плѣнъ въ самыхъ разнокалиберныхъ мундирахъ.

Независимо отъ того, что Гинденбургъ не обладаетъ средствами для поднесенія намъ какихъ-либо сюрпризовъ, въ его распоряженіи осталось слишкомъ мало времени. Для крупнаго наступленія необходимо и весьма продолжительное время, тогда какъ до распутицы остался всего лишь одинъ мѣсяць,—послѣ чего лѣтняя кампанія неминуемо закончится. Зимой же, какъ то подтвердилъ опытъ войны, возможны лишь отдѣльныя, несвязанныя другъ съ другомъ операціи, для улучшенія положенія на отдѣльныхъ участкахъ фронта.

Такимъ образомъ противникъ не располагаетъ ни войсками ни временемъ для того, чтобы свершить что-либо крупное, — не говоря уже о томъ, что онъ вообще ослабленъ, какъ нашимъ наступленіемъ, такъ и наступленіемъ нашихъ союзниковъ. Можно упомянуть также, что это послѣднее находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ нѣкоторыхъ операціяхъ на второстепенныхъ фронтахъ. Такъ, напримѣръ, турки снова въ концѣ іюля приняли наступленіе на Египетъ, но наступавшая армія Джемал-паши была съ легкостью отражена. Очевидно, не чувствуя себя въ силахъ справиться съ положеніемъ, создавшимся на обоихъ фронтахъ войны, противникъ вынуждаетъ наступать ту-рокъ въ надеждѣ отвлечь англійскія силы съ главнаго театра войны во Франціи.

Одинаковый смыслъ имѣетъ и наступленіе шестой турецкой арміи изъ Месопотаміи въ Персію, гдѣ турки продвинулись до Керманшаха. Не приходится доказывать, что это движеніе не можетъ повліять на ходъ нашего наступленія на кавказскомъ фронтѣ, но, повидимому, нѣмцы надѣялись, что это наступленіе исполнитъ насъ и англчанъ и поможетъ имъ отвлечь наши и англійскія силы даже и съ главныхъ театровъ.

На юго-западномъ фронтѣ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ героев послѣдняго наступленія генералъ В. В. Сахаровъ и его штабъ. Въ срединѣ между генераломъ Сахаровымъ и его начальникомъ штаба — извѣстный корреспондентъ англійской газеты „Times“ Р. Вильтонъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся поборниковъ англо-русскаго союза, проявившій рѣдкую неустрашимость при посѣщеніяхъ передовыхъ позицій нашего фронта и награжденный Георгіевскою медалью.

Такимъ образомъ, безсиліе противника на обоихъ фронтахъ войны вынуждаетъ его обращаться за помощьюъ даже къ Турціи. Можно еще добавить, что, кромѣ наступленія на египетскомъ и кавказско-персидскомъ фронтѣ, нѣмцы требуютъ отъ турокъ и непосредственно войскъ, которыя они направляютъ въ Галицію. Утверждаютъ также, что и болгары должны прислать кое-какія части войскъ въ Галицію. Все это вмѣстѣ взятое — только лишній пгтрихъ въ той картинѣ ослабленія, которая давно замѣчается у противника, — стъ начала нынѣшней лѣтней кампаніи.

При такихъ условіяхъ, — разъ противникъ ослабленъ, и разъ вообще осталось мало времени для того, чтобы предпринять что-либо крупное, вся задача противника можетъ сводиться лишь къ тому, чтобы затянуть оборону Ковеля, Владиміра-Волынскаго и Львова до наступленія осенней распутицы, т.-е. до окончанія лѣтней кампаніи. Только эти задачи и можетъ, главнымъ образомъ, преслѣдовать Гинденбургъ, и, повидимому, только этимъ и объясняется то особенное упорство, которое австро-германцы проявляютъ на путяхъ къ Львову. Одной изъ наиболѣе конкретныхъ мѣръ, принятыхъ Гинденбургомъ, является сформированіе новой арміи — Гофмана, которая появилась на сѣверныхъ путяхъ къ Ковелю и сразу повела наступленіе на войска генерала Леша. Однако, послѣ упорныхъ боевъ, войска генерала Леша не только отбили атаки германцевъ, но и сами переправились черезъ Стоходъ, къ сѣверу отъ Ковеля, овладѣвъ такимъ образомъ сѣвернымъ участкомъ Стохода, вплоть до Пинскихъ болотъ, который еще до сихъ поръ не былъ въ нашихъ рукахъ.

Благодаря этому, явилась возможность прочно обезпечить правое крыло нашей наступательной операціи. Изъ карты можно легко видѣть, что, благодаря занятію линіи рѣки Стохода у Пинскихъ болотъ, наше правое крыло является обезпеченнымъ и трудно проходимыми Пинскими болотами и болотистымъ участкомъ рѣки Стохода, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка соприкасается съ другими болотистыми притоками Припяти. Такимъ образомъ, какъ обезпеченное правое крыло у Пинскихъ болотъ, такъ и болотистая линія рѣки Стохода являются тѣмъ опорнымъ райономъ, откуда могутъ получить дальнѣйшее развитіе операціи въ направленіи на Ковель, Владиміръ-Волынский и Львовъ.

Повидимому, вслѣдствіе этого, въ концѣ іюля начался новый періодъ нашей наступательной операціи, открытый войсками генерала Сахарова. Войска генерала Сахарова атаковали австро-германское расположеніе на рѣкѣ Серетѣ, т.-е. къ югу отъ глав-

На юго-западномъ фронтѣ. Корпусный командиръ, начальникъ штаба и начальники дивизій одного изъ корпусовъ арміи генерала Лечицкаго.

ной дороги на Львовъ, въ промежуткѣ между Бродами и Тарнополемъ.

Здѣсь проходитъ путь, идущій къ Львову отъ Заложце черезъ Злочевъ и Глиняны. Здѣсь же находится мѣсто соприкосновенія новаго фронта Гинденбурга съ новымъ фронтомъ австрійскаго эрцгерцога Карла-Франца-Іосифа.

Несмотря на крайнее упорство, проявленное здѣсь противникомъ, несмотря на то, что здѣсь находилось значительное число и германскихъ войскъ, наши войска въ теченіе трехъ дней овладѣли линіей рѣки Серета, взявъ въ плѣнъ до 8.000 человекъ. При этомъ лѣвое крыло арміи Ботмера, обороняющей Восточную Галицію на рѣкѣ Стрыпѣ, естественно, оказалось охваченнымъ, а правое крыло этой арміи, какъ извѣстно, давно было охвачено войсками генерала Лечицкаго, ведущими операцію въ направленіи на Станиславовъ.

Такимъ образомъ, наше наступленіе на Львовъ продолжало развиваться, хотя и медленно, и весь вопросъ сводился лишь къ тому, чтобы сломить упорство противника на путяхъ къ Львову въ теченіе ближайшаго мѣсяца и не дать возможности Гинденбургу затянуть оборону этого важнаго стратегическаго и политическаго пункта до ненастныхъ дней.

На юго-западномъ фронтѣ. Исправленіе желѣзнодорожнаго полотна.

Хохудскій храмъ.

Война на кавказскомъ фронтѣ привела насъ къ цѣнному археологическому приобрѣтенію: нами открытъ въ с. Хохудѣ (Выхыхъ-капу) древній, величественный храмъ, которому, по мѣстнымъ преданіямъ, 1.300 лѣтъ.

Храмъ этотъ расположенъ въ сторонѣ отъ бывшихъ здѣсь военныхъ дѣйствій. Прибывъ, въ качествѣ этапнаго коменданта, въ эту мѣстность, я случайно отъ турокъ узналъ о Хохудскомъ храмѣ.

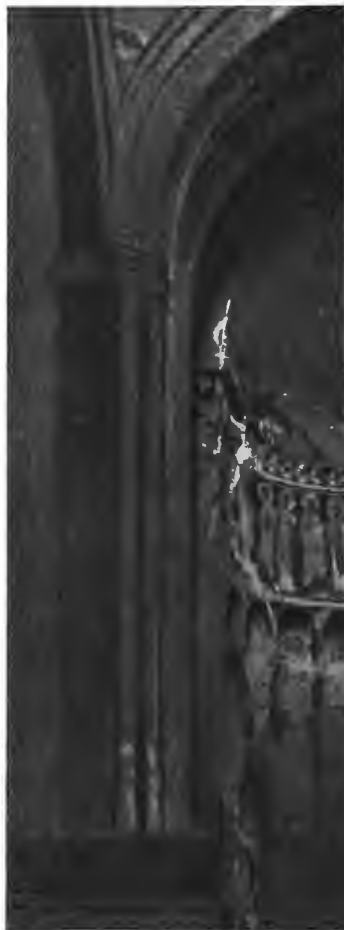
Храмъ построенъ въ византийскомъ стилѣ изъ крупныхъ тесаныхъ монолитовъ съ барельефами, изображающими библейскія событія (китъ проглатываетъ преп. Іону), святыхъ, символы христіанства (кресты, пѣтухи, ягнята), Святого-Духа, Богоматерь.

Внутри храма въ алтарной части сохранились чудной живописи иконы святыхъ и живопись на куполѣ.

Кругомъ храма много почти цѣлыхъ часовенъ, при чемъ въ одной изъ нихъ подъ поломъ—

Хохудскій храмъ. Куполь съ воздвигнутымъ поручиномъ Шугуровымъ крестомъ и верхняя часть храма.

Хохудскій храмъ. Старинная живопись.

длинный подземный ходъ и скелетъ, въ два раза превышающій ростъ современнаго человѣка.

По словамъ мѣстнаго имама, храмъ построенъ за 100 лѣтъ „до Магомета“, а по преданію, слышанному мною отъ здѣшнихъ стариковъ-турокъ, постройка эта относится къ эпохѣ царицы грузинской Тамары, которая построила такія же церкви въ Ванѣ и Ишханѣ (ближайшіе районы).

Возлѣ храма—большое магометанское кладбище.

Съ согласія мѣстнаго имама и стариковъ, я удалил изъ храма

каведры и прочіе предметы магометанскаго богослуженія, немало не обидѣвъ этимъ турокъ, такъ какъ неподалеку расположена недавно выстроенная мечеть. У мѣстныхъ турокъ изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалось повѣрье, что храмомъ этимъ вновь завладеютъ христіане.

Мало того, турки сами почистили и привели въ порядокъ внутреннюю часть храма и площадку передъ входомъ.

Въ день Св. Троицы я водрузилъ на куполь храма большой крестъ, что представляло немалыя затрудненія въ виду значительной высоты церкви и отсутствія приспособленій. Но солдатикъ-грузинъ съ непостижимой ловкостью взобрался на куполь, и спустя 1.100 лѣтъ символъ христіанства—крестъ вновь украсилъ величественный памятникъ первыхъ временъ христіанства.

Въ гнѣздѣ для креста на куполѣ нашелся вмazanнѣмъ въ цементъ кусокъ дерева—остатокъ прежняго креста, сваленнаго вражеской рукой невѣрныхъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, и изъ этого полудистѣвшаго куска я соорудилъ наместольный крестъ.

Н. Шугуровъ.

Хохудскій храмъ. Барельефы съ изображеніемъ апостола Петра и препод. Іоны, проглатываемаго китомъ.

Поединокъ.

Разсказъ В. Ропшина.

Когда кровная, темно-гнѣдая, выкрашенная въ желтую краску, лошадь, по имени Модъ, споткнулась на всемъ скаку, Джо Митчель, хотя и хорошій наѣздникъ, не удержался въ сѣдлѣ. А когда онъ всталъ, потирая ушибленное колено, то вмѣсто нѣмцевъ и своего эскадрона увидѣлъ облако пыли и у канавы

убитую Модъ. Онъ не понялъ сначала, что лошадь убита. Онъ подошелъ и дернулъ ее за поводъ. Но Модъ не повернула къ нему головы. Она лежала на правомъ боку, прижавшись мордой къ землѣ и поднявъ переднія ноги. Ея лѣвый, черный и выпуклый, глазъ смотрѣлъ на Митчеля безъ всякаго выраженія, точно

„Снялъ!“ Рисунокъ Джорджа Скотта.

Плѣнные австрійцы.

это былъ не Джо Митчель, а неизвѣстный ей человѣкъ. Рядомъ съ ней, на пыльномъ шоссе, валялась сломанная пополамъ пика. Джо Митчель сильнѣе дернулъ за поводъ, но Модъ опять не подала признаковъ жизни. Тогда онъ погрозилъ кулакомъ и выругался сквозь зубы:

— Проклятые нѣмцы!..

Онъ нагнулся и хотѣлъ разсѣдлатъ, но въ канавѣ что-то зашевелилось. Онъ выпрямился. Дорога дѣлала поворотъ, и Джо Митчелю не было видно всей глубокой канавы, а быть виденъ только ея заросшій бурьяномъ уголь. Ему показалось, что онъ видитъ лошадиныя ноги: подкованныя копыта и грязно-бѣлые у копытъ чулки. Когда онъ падалъ, эскадронъ догонялъ нѣмецкихъ гусаръ. И теперь, увидѣвъ бѣлую шерсть, зная, что въ эскадронѣ нѣтъ лошадей съ чулками, онъ рѣшилъ, что это нѣмецкая лошадь, и, оставивъ убитую Модъ, быстро пошелъ къ канавѣ. Но онъ не сдѣлалъ и двухъ шаговъ, какъ за поворотомъ дороги что-то снова зашевелилось, потомъ показалась голова въ зеленой фуражкѣ, потомъ плечи, потомъ красныя кисти рукъ, и изъ канавы вылѣзъ нѣмецкій солдатъ. Джо Митчель остановился.

Нѣмецъ былъ одѣтъ въ короткую, зеленоватую, съ желтыми погонами, куртку, въ зеленовато-голубые рейтузы, и на ногахъ

у него были шпоры. Онъ былъ безъ оружія. Джо Митчель это сразу замѣтилъ и хотѣлъ снять съ плеча карабинъ. Но онъ вспомнилъ, что передъ атакой разстрѣлялъ всѣ патроны, и что именно изъ-за недостатка патроновъ полковникъ приказалъ атаковать насѣдавшихъ цѣлый день нѣмцевъ. Вспомнивъ объ этомъ, Джо Митчель вздохнулъ и засунулъ руки въ карманы.

Нѣмецъ былъ небольшого роста, но очень плечистый, съ широкой грудью и огромными кулаками. Онъ спокойно, въ упоръ, смотрѣлъ въ лицо Митчелю и не двигался съ мѣста. Солнце заходило за лѣсомъ, и на дорогу ложилась прозрачная, сине-лиловая тѣнь. Съ луговъ тянуло прохладой. Минуты двѣ продолжалось молчаніе. Потомъ нѣмецъ усмѣхнулся въ усы и сказалъ:

— Вы мой плѣнникъ.

Сказалъ онъ это на чистомъ англійскомъ языкѣ, почти безъ акцента. Джо Митчель не удивился, что нѣмецъ говоритъ по-англійски. Онъ удивился только странному слову „плѣнникъ“. Не вынимая рукъ изъ кармановъ, онъ смѣрилъ нѣмца пренебрежительнымъ взглядомъ и покачалъ головой:

— Нѣтъ.

— А по-моему, да.

— Ваша лошадь убита.

— Ваша тоже убита.

— У васъ нѣтъ оружія.

— Но вѣдь и у васъ его нѣтъ.

— Хорошо... Въ такомъ случаѣ, почему не вы плѣнникъ, а я?

Тогда нѣмецъ сказалъ:

— Вы отступаете. Мы преслѣдуемъ васъ. Вы все равно не можете защищаться.

Джо Митчель задумался на мгновенье

— Правда, мы отступаемъ уже пятый день, но сегодня отступаете вы. Вы слышите? Выстрѣлы не съ запада, а съ востока. Значитъ, вы за линіей нашихъ войскъ.

Нѣмецъ отвѣтилъ:

— Да, но за вашими войсками идетъ вся армія Клука. Англичане—капутъ!

Джо Митчель побагровѣлъ:

— Хорошо... Хотите, мы, какъ джентльмены, рѣшимъ этотъ споръ?

— Какимъ образомъ?

— Боксомъ.

Нѣмецъ согласился не сразу. Онъ долго, со вниманіемъ, разглядывалъ Митчеля. Джо Митчель былъ головой выше нѣмца, но худъ и узокъ въ плечахъ. Не могло быть сомнѣнія, что нѣмецъ сильнѣе его. Сообразивъ это, нѣмецъ сказалъ:

— Хорошо.

Джо Митчель снялъ уланскую темно-желтую куртку и карабинъ. Онъ остался въ одной рубашкѣ, длинный и тощій, какъ жердь. Нѣмецъ засучилъ рукава.

— Готово?

— Готово.

Черновицы. Минометы, захваченные въ послѣднихъ бояхъ.

Джо Митчель не успел еще приготовиться к обороне, как почувствовал кровь на щеке. Немец ударил его в лицо, — в переносицу, возле правого глаза. Второй удар был в живот. Джо Митчель покачнулся и едва не упал. Но, преодолевая себя, стиснув зубы и сжав костлявый кулак, изо всей силы взмахнул рукой. На этот раз зашатался немец. Не давая ему очнуться, Джо Митчель ударил его в висок. Но немец устоял на ногах. Через минуту оба были в поту, оба часто дышали и, озлобясь все больше и больше, думали только о том, как бы ударить снизу вверх, в подбородок, так, чтобы противник упал. Несколько раз Джо Митчель боялся, что упадет. Но он понимал, что, если упадет, то, значит, он — пленник и победа за немцем, и что это позор не только для него, рядового Джо Митчеля, но и для всего 3-го уланского полка Уэльского полка. И он опять подымал волосатую руку и бил с яростью, не щадя своих сил. Наконец ему удалось ударить немца под сердце. Немец охнул

и свалился ничком на дорогу. Джо Митчель вытер кровь на лице и присел рядом с ним.

„Кночь-уть“... — подумал он, улыбаясь.

Немец повел плечом, потом слабо задергал руками и попробовал встать. Джо Митчель толкнул его в спину:

— Лежите!

На шоссе, и за леса, с той стороны, где не утихала ружейная перестрелка, показались уланы. Они шли шагом на вспотевших, черных в сумерках, лошадях. Джо Митчель узнал людей своего эскадрона. Он выпрямился во весь свой высокий рост и торжественно замахал фуражкой. Немец открыл глаза и, приветав, посмотрел на дорогу. Потом он тихо сказал:

— Что же делать?.. Вы победили...

А Джо Митчель прибавил:

— Значит, немцы — капуты!..

Самозванка.

Рассказ Юрия Волина.

Во время сражения под Львовом офицеры и солдаты Н-ского пехотного полка заметили сестру милосердия, пробывшую под огнем от начала до конца боя и безстрашно бросавшуюся от одного раненого к другому.

В этой высокой стройной женщице, которой никто не знал и ни разу до сражения не встречал, поражали удивительная выдержка, замечательная распорядительность. Санитары подчинялись ей как-то невольно, заражались ее вдохновенным безстрашием, ее напряженной подвижностью, необыкновенной зоркостью, ловкостью и находчивостью. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова; как жрица у алтаря, торжественна и величественна была эта женщина за работой. И лицо ее было, как у жрицы, ясное и вдохновенное.

Когда сражение окончилось, в командном составе подводились итоги и обсуждалось, кого представить к награде.

Заговорили о сестре.

— Но я не знаю, кто она! — заявил старший врач. — Она, во всяком случае, не наша!..

Справились у завязующих лазаретами и санитарными отрядами в районе боя.

Никто не знает этой сестры.

— Досадно! — сказал генерал. — Отметить ее в рапорт — наш долг.

— Среди солдат о ней уже легенды ходят, — заметил полковник.

— А почему бы ее не спросить? — догадался молодой адъютант.

— Разве она еще здесь?

— А куда же ей было деться?.. После сражения ее видели. Убить она никак не могла.

— Вызвать ее ко мне! — распорядился генерал.

Через некоторое время отличившаяся сестра милосердия вошла к генералу.

Адъютант, видевший ее во время боя, разглядыв ее теперь, вблизи, был разочарован. Не хотелось даже признать в ней вчерашнюю героиню, вчерашнюю вдохновенную жрицу. На ней была та же кожаная куртка с красным крестом на груди.

Дивизионный оркестр в Глушь.

Плѣнные австрійцы.

Как и на полѣ битвы, выглядѣла она стройной, тонкой, высокой женщиной лѣтъ подь тридцать. Но совсѣмь другимъ было ея лицо. Не было на немъ и слѣда вдохновенія и экстаза. Благообразное, ни одной чертой не останавливающее на себѣ вниманія, лицо самой обыкновенной женщины. Въмѣсто вчерашней гордой повелительности, которой невольно подчинялись всѣ, — робкое смущеніе, дѣлающее ее еще болѣе незамѣтной, незначительной, будто даже ниже ростомъ.

— Присядьте, пожалуйста! — вѣжливо пригласилъ генералъ.

Сестра робко опустилась на стулъ.

— Вы проявили такой рѣдкій героизмъ, такое поразительное мужество, что я считаю своимъ долгомъ поблагодарить васъ...

— О, что вы!.. — смущенно произнесла сестра.

— Кромѣ того, — продолжалъ генералъ, — я почту своей обязанностью представить васъ къ награждѣ.

— Не надо, ваше превосходительство! — испуганно отозвалась сестра. — Ради Бога, не надо!..

Ея испугъ былъ такъ неподдѣленъ, и просьба ея была такъ искренна, что всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на нее.

— Ваша скромность, сестра, дѣлаетъ вамъ особую честь! — сказалъ генералъ. — Но подвиги, подобные вашему, не могутъ оставаться не отмѣченными. Этого требуетъ не только справедливость, но и интересы дѣла. „За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ“. Мы не можемъ дѣлать исключеній изъ этого правила. Ваша роль быть примѣромъ для другихъ.

— Ахъ, къ чему это? — почти простонала сестра.

Не обративъ на этотъ разъ вниманія на ея возраженіе, генералъ спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Марья Васильевна Ткачева, — тихо отвѣтила сестра.

— Изъ какого отряда?

Сестра не сразу отвѣтила. Робко, исподлобья, оглянувшись, опустила глаза, потомъ сразу подняла голову, перекрестилась, взглянула открытымъ взглядомъ на генерала и сказала:

— Я не изъ отряда... Я ниоткуда...

— Какъ такъ, ниоткуда? Но вѣдь вы причислены куда-нибудь?

— Нѣтъ.

— Можетъ-быть, сейчасъ. Но гдѣ же вы состояли раньше?

— Нигдѣ. Я... я вовсе не сестра милосердія!

Она произнесла это неожиданно громко и твердо, очевидно, рѣшившись сразу объясниться.

— Но какъ же это?.. Вѣдь это значить, что вы...

— Что я самозванка! — твердо сказала странная женщина.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ заявленіемъ, не было тѣмъ, какого ждала сама Ткачева. Никто не вскопчилъ съ мѣста, не бросился связывать ее. Напротивъ, на лицѣ генерала промелькнула улыбка.

— Какъ такъ самозванка?.. Самозванка — сестра милосердія!.. Это понятно гдѣ-нибудь въ тылу... Бываютъ такія. Одѣваются въ костюмъ сестры милосердія и идутъ собирать пожертвованія или и того хуже. Но здѣсь?.. На фронтѣ!.. На полѣ сраженія!.. Подъ огнемъ и за настоящей работой, за опасной работой!.. Какое же это самозванство?.. Нѣтъ, вы что-то не то говорите, сестрица!

Ткачева, успокоенная тѣмъ отношеніемъ, которое вызвало ея признаніе, тихимъ и ровнымъ тономъ объяснила:

— А все же я самозванка, ваше превосходительство!.. Я ни въ какой общинѣ и ни въ какомъ отрядѣ не числюсь и званія сестры милосердія не имѣю. И не готовилась къ этому никогда. Не знаю, можетъ-быть, я и въ самомъ дѣлѣ была бы хорошей сестрой милосердія, но мнѣ некогда было подготовиться сдать экзамены, вообще я объ этомъ не думала!.. Костюмъ сестры милосердія я надѣла самовольно, для того, чтобы проникнуть сюда, на фронтъ.

— А зачѣмъ вамъ было проникать сюда?

— Чтобы повидать мужа.

— Гдѣ вашъ мужъ?

— Въ Н-скомъ полку.

— Позвольте, сударыня!.. Ваша фамилія Ткачева?

— Да, Ткачева.

— Но среди офицеровъ Н-го полка такого, кажется, нѣтъ!

Захваченный у германцевъ бронированный поѣздъ.

На артиллерійських позиціях. У полевого телефона.

сокую женщину съ лѣнвыми движеніями и равнодушнымъ, будто заспаннымъ лицомъ.

— Я самая... — отвѣтила она.—А вы не здѣшній?

— Да, я прїѣзжій. Но я слышалъ о васъ давно. Это вы, значить, самозванной сестрой милосердія пробрались на фронтъ?

Она лѣнливо улыбулась.

— Было такое дѣло...

— Смотрю я на васъ, и не вѣрю, что это о васъ рассказывали мнѣ такіа чудеса!

Она слегка насторожилась.

— Какія же чудеса?

— А ваша геройская стойкость на полѣ сраженія? Ваша работа подъ огнемъ!

Ткачева раскраснѣлась отъ волненія, вышла изъ-за прилавка, сѣла рядомъ со мной.

— Вы слышали объ этомъ?

— Да, слыхалъ.

— Значить, это правда?

Я усмѣхнулся.

— Вамъ лучше знать, Марья Васильевна!

— Ахъ, я не знаю!.. Я ничего не знаю!..—взволнованно

заговорила она.—Здѣсь никто этому не вѣрить. Что я до самыхъ позицій добхала и что я мужа повидала, такъ этому вѣрить. Но что я въ сраженіи была и подъ огнемъ работала, никто не хочетъ повѣрить. „Ты-то?—говорять.—Да вѣдь ты трусиха! Въ лодку съѣсть боишься, грозы боишься, собакъ и то боишься!..“ Оно и правда. Я женщина робкая, всякой пустяковины опасуюсь. Ну, кто меня такую знаетъ, не можетъ повѣрить, что я пять часовъ подъ огнемъ была... И сама я не вѣрю!..

— Но вѣдь было это?

— Будто и впрямъ было!.. Какъ начинаю вспоминать, все не могу хорошо сообразить, какъ же это такъ вышло... Помню я, какъ пробиралась съ одного мѣста на другое, все къ Н—скому полку добраться хотѣла... Ну, добралась наконецъ. Да не то что въ тотъ день, а въ тотъ самый часъ, какъ бой начался... Попала въ самую горячку... Гдѣ тутъ разбираться, Федора своего искать?.. Тутъ въ духъ шагахъ человекъ падаетъ, а на мнѣ костюмъ сестры милосердія... Какъ же мнѣ къ нему на помощь не броситься?.. Ну, а за нимъ другой!.. Такъ въ работу и втянулась... Потомъ генераль все хвалилъ меня. А я такъ думаю, что всякая на моемъ мѣстѣ такой будетъ!.. А вотъ ушла отсюда и, видите, тетрадки и перья продаю... Какая же я героиня!..

— А еще разъ пошли бы въ бой?

— Не знаю... Нѣтъ. Куда мнѣ. Дѣло на рукахъ, дѣти... Да и боязливая я... А если бы само собой попала на сраженіе, какъ въ тотъ разъ, тогда, можетъ, и теперь не растерялась бы!.. Да и никакая женщина не растеряется!..

— Мой мужъ не офицеръ. Мой мужъ рядовой изъ запасныхъ. Генераль задумался.

— Да-съ, исторія!—заговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.— Какъ же съ вами быть теперь?

— Воля ваша, ваше превосходительство. Я достигла своей цѣли, повидала мужа. А если я заслужила наказаніе...

— Да что тамъ наказаніе!—недовольно прервалъ генераль.— Оно, конечно, по головкѣ за это васъ бы не погладили... Да ужъ Богъ съ вами!.. Пусть для васъ будетъ наказаніемъ то, что вашъ подвигъ останется не награжденнымъ и даже не отмѣченнымъ... А жаль!.. Очень жаль, сударыня!..

Госпожа Ткачева уже собралась уходить, но генераль остановилъ ее.

— погодите... Вы, того... Видали, говорите, мужа?.. Но все же еще хотите повидать?.. Такъ и быть! Ему дадутъ три дня отпуска. Пусть проводитъ васъ. Такъ ему и скажите, что это вы своей храбростью заслужили. Пусть не думаетъ, что онъ самъ!.. А засимъ прощайте, мадамъ Ткачева!

Объ этомъ случаѣ я слышалъ отъ одного изъ бывшихъ при этомъ офицеровъ. Было это давно, и я не могу вспомнить, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ узналъ я эту исторію.

Вспомнилъ я о ней на-дняхъ, въ маленькомъ южномъ городкѣ, въ тысячѣ верстъ отъ фронта.

Я спросилъ у хозяина гостиницы, въ которой остановился, гдѣ купить бумагу.

— Къ сестрѣ пойдите!—отвѣтилъ онъ.

— Къ какой сестрѣ?

— А тутъ у насъ такая есть. Лавочница. Только ее всѣ сестрой зовутъ. Потому на позиціи бывала... Сестрой милосердія нарядилась и пробралась на фронтъ къ мужу...

— А какъ ее звать?

— Ткачева.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ писчебумажной лавочкѣ Ткачевой. Очень медленно выбиралъ я бумагу, но моя медлительность не удивила лавочницы: въ этомъ городкѣ все дѣлалось тягуче-медленно, и сама она двигалась за прилавкомъ лѣнливо, почти неохотно. Не удивило ея и то, что, отобравъ нужное мнѣ и расплатившись, я не спѣшилъ уходить, а усѣлся на стулѣ и вступилъ съ ней въ бесѣду. Въ маленькихъ городкахъ къ этому привыкли продавцы. Въ лавочку заходить не только за покупкой, но и затѣмъ, чтобы отдохнуть, покаякать, узнать новости.

— Такъ это вы, значить, Марья Васильевна Ткачева?— началъ я, рассматривая вы-

Артиллерійскія лошади во время боя отдыхаютъ подъ свистъ снарядовъ.

Пережитое.

Рассказы Бориса Курского.

I. Сестра.

Бываютъ такія лица: чѣмъ меньше о нихъ стараешься думать, тѣмъ рельефнѣе выступаютъ они на невидимой сѣткѣ нашей памяти.

Бываютъ...

Вотъ и сейчасъ...

Холодно за окномъ... Нарисовалъ морозъ на стеклѣ причудливыя, не создаваемые рукою, картины.

Скучно что-то.

Вотъ, можетъ, потому, что скучно, и въ памяти невольно проносятся картины прошлаго... близкаго и далекаго въ одно и то же время.

И всюду лица, молодья и сильныя... любившія больше всего жизнь и успѣвшія отъ нея такъ внезапно, такъ неожиданно.

Вотъ лежитъ „въ полѣ подъ ракитой“ юный, хорошій и чистый мальчикъ, Юра Севрюковъ, прямо со школьной скамьи попавшій на поле брани и „животъ свой за други положившій“.

Кѣмъ убитъ и отчего?

Знаетъ...

Впрочемъ, нѣтъ, никто этого не знаетъ. Даже и тотъ, кто убилъ.

Летитъ, жужжитъ по чистому раздолью маленькая пулька и разитъ.

И ей все равно, кого разить: еврея ли Макаревича, русскаго ли дворянина Севрюкова, поляка ли фабричнаго Макомасскаго.

Въ кого угодила, того и убила.

Шелъ какъ-то съ поля сраженія въ деревню, послѣ боя возвращаясь, отрядъ человекъ въ 60—70 подъ командой прапорщика Смольскаго.

Смѣется Смольскій, радуется: все время въ самомъ „центрѣ“ былъ, и хоть бы царапнуло.

И солдаты, глядя на прапорщика, радуются:

— Ишь смѣется!.. Тоже... Всякому жисть-то дорога... Она, жисть-то, только разъ бываетъ, а не болѣ... Померъ, и все тутъ...

Попросилъ Смольскій огонька у одного солдата, наклонился закурить, а пальная заблудившаяся пуля прямо ему въ затылокъ,—не пикнулъ, повалился... Померъ—и все тутъ...

Стоять надъ рѣчкой кресты около свѣжихъ холмиковъ.

А подъ холмиками люди лежать.

Теперь ужъ, должно-быть, съ осенними дождями да изморозью склизкой лужи-то тѣ загнили.

Чай, не разберешь, гдѣ Макаревичъ, а гдѣ Смольскій?

Впрочемъ, не все ли равно?

Тѣла у нихъ разныя, а душа одна, душа общая, ибо заодно бились, заодно умирали, заодно и закопаны.

Уборка солдатами сноповъ ржи съ полей передовыхъ позицій.

Пройдутъ года... сгніютъ и крестики надъ рѣчкой; крестикито на слѣхъ дѣланы, не засмолены, не обутлены—скоро сгніютъ.

А тутъ, глядь, и вѣтеръ подыметъ: въ тѣхъ мѣстахъ больно суровый вѣтеръ бываетъ—дубы выворачиваетъ; какъ же ему кресты самодѣльные пощадить?

Сломить онъ и ихъ.

И взроетъ борона землю надмогильную, и изъ тѣлъ молодыхъ человѣческихъ тучный подыметъ колосъ, зазолотится и все-литъ радость въ душу.

И изъ печали, изъ страданій
Родится смѣхъ... веселый смѣхъ.

— И прїѣдешь ты, Семень, домой... То-то жена рада будетъ... Перво-наперво сводитъ она тебя, Семень, въ баню... Попаришься ты...

— Какъ же, сестрица, безъ руки-то париться я буду?

— Глупый ты, Семень, человекъ!.. Зачѣмъ же тебѣ рука, если съ тобой жена вмѣстѣ пойдетъ?.. Она же тебя и попаритъ, она и одѣнетъ.

— Оно конечно, ежели такъ, сестрица... и попаритъ и одѣнетъ... Ну, а далѣ?

— А потомъ напечетъ она тебѣ, Семень, пироговъ съ горохомъ... Вшь, сколько хочешь... Набьешься ты пироговъ и на печь... Тебѣ на печи спать-то надо, потому много ты крови потерялъ, спервоначалу плохо она грѣтъ тебя будетъ.

— Какая ужъ кровь во мнѣ, сестрица!.. Потому какъ онъ, снарядъ-то, меня полоснулъ... руку-то отнесло, а кровь хлещетъ... Бѣды-ы сколько ея изъ меня выхлестало-то... Какъ только живъ... А може, еще помру, сестрица?

— И опять ты глупый, Семень!.. Ну, какъ же ты помрешь, если ужъ и кровь больше не льется, и на койкъ ты лазаретной, а не на полѣ?.. А проснешься, смотришь: изба народу полна... Всѣ кавалера смотрѣтъ иришли...

— А дадутъ рази Егорья-то, сестрица?

Походная кухня на пути къ передовымъ позиціямъ.

— Господи! Как же не дадут?... Обязательно дадут, и еще, смотри, чтобы двух не дали...

— Нѣтъ, двухъ-то не дадут... руку-то одну оборвало... Какъ онъ, снарядъ-то...

— Ну, и одного хорошо... И стануть тебя, Семень, разспрашивать...

И долго-долго я слышу тихій голосъ сестры Агніи, прерываемый грубымъ, мужицкимъ шопотомъ Семена.

И я знаю, что все это неправда, что только утромъ сказала докторъ, что и жить-то Семену Котикову осталось до вечера, но сестра Агнія такъ хорошо говоритъ, что мнѣ, вмѣстѣ съ Семеномъ, хочется вѣрить, что вернется онъ домой, что совершится чудо, и бѣдное, чуть слышно бьющееся отъ недостатка крови сердце мужика-хлѣбороба вдругъ, какимъ-то чудомъ, забьется, какъ билось тогда, когда, полный надежды и силы, шелъ онъ за матерью-сошкой по своему несчастному, жалкому клочку черной земли.

И помираетъ Семень Котиковъ съ яснымъ лицомъ, съ кроткой

Ежедневно ей приходится дѣлать сотни перевязокъ, ежедневно ей приходится видѣть сотни смертей, все глубже и глубже западаютъ ея большіе, черные глаза, все темнѣе и больше круги подъ глазами, но такъ и свѣтится въ этихъ глазахъ безконечная нѣжность, такъ и блеститъ въ нихъ рѣшимость свершить до конца начатое.

Милая сестра Агнія!

Я не знаю, кто ты, откуда, каковъ быть твой жизненный путь; но, когда я смотрю на тебя,—уходятъ куда-то боль и страданія физическія, расплываются, какъ облачко въ лѣтній день, боль и страданія души!

И, когда я слышу твой тихій голосъ, когда я слышу твои сказки о свѣтломъ будущемъ, — сказки, которыя ты говоришь людямъ уже безъ будущаго,—мнѣ хочется, чтобы ты подошла и ко мнѣ, положила мою голову себѣ на колѣни, рассказала бы и мнѣ одну изъ своихъ чудо-сказокъ, а я въ это время плакалъ бы, плакалъ, какъ плачутъ дѣти на колѣняхъ у матери.

Впрочемъ, нѣтъ... не надо... иди ты лучше къ тѣмъ, кто ни до

На отдыхѣ. За васильками.

улыбкой, передъ смертью, какъ во снѣ, видя бабу свою молодую и пироги съ горохомъ.

И мнѣ кажется, что даже тамъ, куда его призоветъ Вѣчный Судья, будетъ онъ стоять предъ Его Престоломъ съ этой улыбкой, не сознавая, что онъ уже померъ, что уже никогда больше не париться ему въ банѣ, не лежать на печи.

Вѣдь все это такъ хорошо, такъ опредѣленно обѣщала ему сестра Агнія.

Помираетъ Семень Котиковъ, но не тяжело ему, а радостно...

Когда я смотрю на сестру Агнію, мнѣ вспоминается одна изъ иконъ-картинъ, которую видѣлъ я давно-давно въ монастырѣ, у себя на родинѣ.

Помню, любилъ я передъ этой иконой молиться.

Кажется, изображена на ней святая Лидія, умученная по приказу одного изъ кесарей.

Стоитъ среди полевыхъ ромашекъ и травокъ, чуть колеблемыхъ легкимъ вѣтеркомъ, молодая дѣвушка въ бѣлыхъ одеждахъ и смотритъ куда-то далеко... далеко... Глаза большіе... нѣжные и строгіе въ одно и то же время.

Такая дѣвушка можетъ всей душою любить, можетъ отречься отъ всего земного, но никогда-никогда не смутятъ ея муки и страданія, и вѣры въ идею, вѣры въ торжество ея ничто и никто въ ней не поколеблетъ.

Гдѣ-то вдали чуть виднѣются римскіе воины, которые идуть взять ее на смерть, но не о нихъ она думаетъ и не о смерти, а о жизни вѣчной, о томъ мѣрѣ, гдѣ такъ чиста жизнь, гдѣ такъ легко и незлобно, какъ на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ.

Такъ и сестра Агнія.

тебя не видалъ человѣческой ласки ни послѣ тебя ея уже не увидитъ.

Къ тѣмъ, кто всю свою жизнь, какъ Семень Котиковъ, ходилъ по черному полю за сошкой, зная, что не итти нельзя, потому что дома-то съ ложкой семеро ждутъ.

Принесли какъ-то въ лазаретъ одного совсѣмъ юнаго корнета.

Бѣдный мальчикъ былъ раненъ въ голову, метался на носилкахъ и все время повторялъ одно и то же слово: „конечно, конечно!“

По блѣдно-желтому лицу отъ кроваво-бѣлой повязки на лбу, сдѣланной на слѣхъ санитаромъ, текла къ подбородку тонкая-тонкая струйка крови.

Текла и оставляла такой слѣдъ, что получалось впечатлѣніе, будто лицо разрублено на двѣ половины.

Къ носилкамъ подошла сестра Агнія, наклонилась надъ ними и стала говорить свои нѣжные слова, полныя такой ласки, такой любви, такого участія, что они не могли не проникнуть даже въ воспаленный мозгъ раненаго, и я увидѣлъ, какъ медленно началъ онъ затихать, какъ все покойнѣе и покойнѣе становилось его лицо.

А потомъ изъ глазъ, закрытыхъ отъ боли и ужаса, потекли двѣ мелкіихъ-мелкіихъ слезинки.

А сестра Агнія стояла все въ той же позѣ и все шептала тѣ же нѣжные и ласковыя слова.

Я посмотрѣлъ на ея лицо.

Оно было блѣднѣе, чѣмъ лицо раненаго, и на немъ была написана такая мука, такое страданіе, что я испугался за нее.

— Сестра Агнія! Вы бы пошли отдохнули... Вѣдь такъ нельзя...

— А такъ можно?

И она показала на струйку крови.

— Вѣдь я-то жива, я-то здорова, а онъ... можетъ-быть, онъ еще часть тому назадъ мечталъ о счастѣ, мечталъ о розахъ... а получилъ... кровавые шишны.

Это былъ первый и единственный разъ, когда я видѣлъ сестру Агнію способной расплакаться.

Но потомъ я узналъ причину: она сдѣлала въ тотъ день около трехсотъ перевязокъ, и на ея рукахъ умерло восемь человѣкъ.

Корнетъ тоже умеръ и тоже на ея рукахъ.

Десятый въ тотъ день...

Скучно...

Въ тотъ день съ утра лилъ холодный, пронизывающій дождь.

И безъ того мелкія капли дробились о полотнище крыши барака № 2 и совсѣмъ крохотной мокрой пылью пробивались сквозь одѣяло, сквозь халатъ и бѣлье.

Натѣво отъ меня метался, стоналъ и бредилъ заболѣвшій тифомъ прапорщикъ Буренинъ.

Говорилъ что-то безсвязное, представлялъ, очевидно, что-то серьезное и торжественное.

Ибо, время отъ времени, его красное отъ жара лицо дѣлалось серьезнымъ и торжественнымъ.

И я тоже, очевидно, бредилъ.

По временамъ мнѣ казалось, что нѣтъ вокругъ ни больныхъ ни раненыхъ, а широкое ровное поле.

Идешь-бѣжить по полю дорожка и ведетъ меня прямо домой, туда, гдѣ нѣтъ кроваваго тумана, гдѣ вмѣсто плача слышится хорощій, радостный, словно звонъ бубенчика валдайскаго, смѣхъ.

Кто это смѣется?.. Почему?..

Можетъ-быть, потому, что здѣсь, вдали, я, заброшенный и одинокій, вспоминаю свою юность и вѣрю, что для меня еще не все кончено.

Какъ тѣни, ходятъ около насъ, жалкихъ и несчастныхъ, женщины въ бѣлыхъ косынкахъ съ краснымъ крестомъ на груди.

Я не разбираю ихъ лицъ, но чувствую, что здѣсь нѣтъ сестры Агніи, ибо, если бы была она, не было бы того жалобнаго воя, — не плача, нѣтъ, воя, говорю я, — который раздается въ углу барака.

Это солидный штабсъ-капитанъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что у него нѣтъ больше глазъ...

Онъ умолкаетъ только тогда, когда подходитъ къ нему сестра Агнія.

Ибо и для него находить она слова утѣшенія и ласки успокаивающей.

Но ея сейчасъ нѣтъ... увя, ея нѣтъ...

Я хочу быть справедливымъ, я хочу быть благодарнымъ и всѣмъ этимъ женщинамъ въ бѣлыхъ косынкахъ, но ихъ я благодарю умомъ, а сестру Агнію благодарю сердцемъ.

Почему это такъ, я не знаю.

Вѣроятно, потому же, почему мнѣ больше всѣхъ цвѣтовъ нравится фіалка.

Она такая нѣжная, такая робкая, но смотришь на нее — и дѣлается тепло и радостно.

И въ этотъ же мерзкій день, какъ узнала я постѣ, умирала сестра Агнія.

Говорили мнѣ, что она заразилась при перевязкѣ какого-то гангренознаго больного.

Умирала она безмолвно, безропотно, какъ и жила, какъ и переносила всѣ капризы наши, мелочные и обидные капризы больныхъ людей.

Она не хотѣла, чтобы это знали мы.

Она лишила насъ величайшаго права нашего: помолиться за нее, просить, умолить Прови-

дѣніе, чтобы Оно взяло кого-нибудь изъ насъ и не трогало этой дѣвушки съ глазами Лидіи на картинѣ Нестерова.

Я не знаю, гдѣ ея могила.

Я не могу положить на эту могилу вѣнка, который прикрылъ бы клочокъ черной земли, скрывшей отъ насъ сестру Агнію.

И потому я пишу эти строки...

II. Мечтатель.

Мы сидѣли въ шалашикѣ, служившемъ намъ караульнымъ помѣщеніемъ.

Караулъ былъ серьезный: если бы неприятелю удалось перебросить свои войска черезъ мостъ, который мы охраняли, отрядъ, стоявшій впереди насъ, очутился бы въ сквернѣйшемъ положеніи.

Еще хуже было бы, если бы этотъ мостъ удалось взорвать, на что неприятельскіе летчики уже неоднократно покушались.

Все это заставляло меня, караульнаго начальника, чуть ли не каждую минуту вскакивать и выбѣгать изъ шалашика, чтобы осмотрѣть, все ли благополучно, и всѣ ли часовые на мѣстахъ.

Осмотрѣвъ и относительно успокоившись, я прибѣгала въ „помѣщеніе“ и начиналъ жадно глотать какую-то бурду, долженствовавшую замѣнить собой чай: на воздухѣ было адски холодно.

Вотъ и сейчасъ мы сидѣли и пили этотъ чай, — маленькая кучка людей, которымъ ввѣрили большое дѣло.

Разговоръ не клеился.

Что-то взгрустнулось всѣмъ. Можетъ-быть, это потому, что было дѣло наканунѣ большого осенняго праздника Рождества Богородицы.

Въ праздники вѣдь вообще на войнѣ бываетъ отчего-то очень грустно: больше тянетъ домой, больше воспоминаній дѣзетъ въ голову.

— Да-а-а... — протянулъ ни съ того ни съ сего вольноопредѣляющійся Соловьевъ.

— Чтò?.. спросилъ я.

— Нѣтъ, такъ себѣ... Просто скучно что-то...

— А вы, барчукъ, ежели скучно, что-нибудь веселое выдумайте... вотъ и весело станеть... — вмѣшался въ разговоръ ефрейторъ Глушковъ.

— Да какъ же его, веселое-то, выдумаешь, ежели нѣтъ его въ нутрѣ твоемъ? — спросилъ рядовой Морозовъ.

— Ахъ ты, сѣра-ай!.. Да нутро-то вѣдь твое?.. Твое нутро-то?.. Ну, пихай въ его все, чтò тебѣ, значить, угодно... Хошь веселое, а хошь скучное... Это ужъ какъ кому нравиться... Вотъ, скажемъ, я сейчасъ. Тоже, братъ ты мой, скушно, а я взялъ да и зачалъ о праздникѣ нашемъ, о престолѣ, значить, думать... Ловко, братъ!.. Тутъ тебѣ всѣ удовольствія; дѣвки это, скажемъ, хорооводы ведутъ, а парни, братъ, ихъ, дѣвокъ-то, щипаютъ!.. Па-а-а!.. А я,

Изъ боя. Картина М. Грекова.

Воронка, образовавшаяся на мѣстѣ германской траншеи, взорванной французской миной.

скажемъ, въ новыхъ сапогахъ да начистить ихъ, что твое солнце сіяетъ... А въ рукахъ это гармонья...

Ахъ, тальянка,
Мѣдна бланка,
Тонки, звонки голоса!..

А потомъ тоже танцы играть можно. Вотъ, скажемъ, полечку... За-анимательна-а...

Солдаты слушали съ напряженнымъ вниманіемъ это столь близкое и родное описаніе прелестей домашней жизни.

Видно было, что Глушковъ своимъ рассказомъ задѣлъ самыя чувствительныя струны ихъ безхитростныхъ сердецъ, и они переживали сейчасъ какъ разъ все то, о чемъ мечтали Глушковъ.

Глаза ихъ блѣзли, сіяли, а у одного изъ глазъ выкатилось что-то подозрительное, покатилося по щецѣ, повисло на кончикѣ носа и капнуло прямо въ кружку съ чаемъ.

— Ну, и мечтатель же ты, Глушковъ!—сказалъ я.

— Чего изволите?—не понялъ Глушковъ.

Я вышелъ изъ шалашика... Холодъ ночи сразу охватилъ меня и началъ пробираться подъ шинель, подъ гимнастерку, стараясь своимъ дыханіемъ во что бы то ни стало ужалить меня, да побольнѣй... Внизу, подъ откосомъ, на вершинѣ котораго стоялъ шалашикъ, текла рѣка... Мутныя, волнующіяся отъ вѣтра волны слабо отражали черный, нависшій надъ рѣкою лѣсъ, преломляли его и неслись дальше, дальше...

Мнѣ вспомнилась другая рѣка, родная, моя, на берегахъ которой протекло мое дѣтство.

Рѣка, пожалуй, поуже этой, но зато въ ней вода чистая, лазорвая.

А надъ рѣкою лугъ, огромный лугъ... А на лугу стадо.

Ходить по лугу старый дѣдъ Василій, длиннымъ кнутомъ пощелкиваетъ, а сбоку оборванный, искусанный, полуголодный и все же вѣчно веселый песъ Сѣрко заливается - лаеетъ—стадо къ рѣкѣ гонить: пить-то пейте, а чтобы куда разбрестись, это ни-ни, этого никакъ допустить невозможно!

Любилъ я, тогда еще совсѣмъ малый мальчишка, къ дѣду Василію на лугъ бѣгать: занимательный былъ дѣдъ, рассказовъ у него всегда тѣма-тѣмуша, а, главное, всегда у него лишняя краюха хлѣба ржаного найдется, и еще солью круто-круто посоленная.

Ему, этому безграмотному старику, я обязанъ первымъ про-

бужденіемъ мысли о томъ, что надо учиться, чтобы „все“ знать.

— А ты, сыночекъ, учись!.. Потому въ книгѣ-то оно все сказано, все пропечатано... Она, книга, вещь сурьезная... Тамъ, сыночекъ, брехню нельзя писать, потому начальство...

Давно-давно уже нѣтъ старика на свѣтѣ... Чать, и кости-то ужъ сгнили, а вотъ отчего-то вспомнился онъ мнѣ сейчасъ, въ далекой чужой странѣ.

А вѣтеръ дулъ все сильнѣй и сильнѣй.

Старый деревянный мостъ, расшатанный огромнымъ количествомъ перевозимыхъ орудій, снарядныхъ ящиковъ, двуколки съ хлѣбомъ, походныхъ кухонь, санитарныхъ линейекъ, визжалъ и дрожалъ отъ ударовъ волнъ объ его устои.

На другой сторонѣ рѣки, тамъ, гдѣ стоитъ лѣсъ, спрятавшись въ этомъ лѣсу, чуть бѣлѣли палатки, въ которыхъ мирнымъ сномъ спали утомленные тяжелой службой, напряженнымъ ежедневнымъ ожиданіемъ чего-то страшнаго, три роты нашего полка, маленькую часть которыхъ составляли мы, караульная команда.

Вдругъ гдѣ-то по рѣкѣ что-то треснуло.

„Выстрѣлъ!..“—подумалъ я и кинулся въ шалашикъ.

Тамъ тоже всѣ вскочили и похватили винтовки.

Лица у всѣхъ встревоженыя, слегка растеряныя.

Сразу сознаю, что я начальникъ, что эти люди, этотъ мостъ, этотъ шалашикъ—все ввѣрено мнѣ и только мнѣ.

— Вольноопредѣляющійся Соловьевъ! Возьмите трехъ человекъ и осторожно отправляйтесь внизъ, по лѣвому берегу... Смотрите въ оба... Изъ полевого караула возьмите еще двоихъ. Но, помните, тихо и скоро!..

— Тра-та-та-та-та!—опять звуки, но уже слышно, что стрѣляетъ не одинъ, а много.

Немедленно отправляю одного изъ солдатъ съ донесеніемъ по ту сторону моста, въ лагерь, къ начальнику отряда.

Караулъ на постахъ усиливаю и самъ бѣгу туда, гдѣ слышны звуки выстрѣловъ.

— Вз-зз...—около самого уха прожужжала пуля...

Кто-то бѣжитъ навстрѣчу.

— Чтò тамъ?

— Такъ точно, конный разъѣздъ на нашъ полевой караулъ наскочилъ...

— Чтò же, нагадили?..

— Никакъ нѣтъ... ужъ удрали... а двоихъ подстрѣлили ихъ... одного доже, а другого въ ляжку... ведутъ...

Генераль Дюбайль, новый военный губернатор Парижа, командующий армией, защищающей Париж.

Отсылаю обоих плѣнныхъ въ лагерь, обхожу весь районъ моего караула и опять начинаю думать и вспоминать, глядя на рѣку.

Слава Богу, вѣдь все кончилось благополучно: мостъ цѣлъ, потерь у насъ нѣтъ, ну, и хорошо.

А холодъ все крѣпчаетъ.

Чувствую, какъ кожа начинаетъ не то леденѣть, не то горѣть отъ этого холода.

Безстрастно, однообразно шумитъ листьями, разговариваетъ лѣсъ-великанъ.

Несетъ рѣка свои волны все такъ же, какъ несла ихъ до перестрѣлки.

Вдругъ слышу шаги... Все ближе и ближе...

— Кто идетъ?... — хватаюсь по привычкѣ за оружье.

— Не извольте беспокоиться: это я, Глушковъ... На волю вышелъ, дыхнуть... Штой-та въ караулкѣ сидѣть не хочца...

— Глушковъ! Ты женатъ? — отчего-то спрашиваю я.

— Такъ точно... Четвертый годъ... А только не ладно живу я съ женой... Не по ндраву она мнѣ... Она у меня баба-то зда-аровая... Ей рази такой мужъ надо-беть? Я больше все касательно разговоровъ да вотъ ежели пошутить, скажемъ, побаловаться, съ дѣвчонками полечку пройтись... А она мнѣ: „не моги ты, баить, съ дѣвчонками, потому какъ я тѣ отъ Господа Бога данная... Чѣмъ я, баить, тѣ не баба?..“ Не по ндраву, одно слово, не по ндраву она мнѣ. А зда-аровая баба... Здравая, а дѣтей нѣтъ... А вотъ есть у насъ на деревѣ дѣвка одна. Это дѣйствительно дѣвка... Э-эхъ!.. Вотъ я, какъ ежели скушно, объ этой дѣвкѣ думать люблю. Думаю это себѣ о ней, а жену-то и забуду... оно и хорошо... Ежели оно разсудить, такъ все единственно—всѣ бабы одинаки, а вотъ штой-то объ одной думается, а о другой нѣтъ.

— Такъ, значитъ, Глушковъ, и думаешь о дѣвкѣ?..

— Такъ точно, думаю... Попу каялся: „грѣхъ это, баить, тебѣ, Глушковъ!“ А я знаю, что грѣхъ, а думаю...

Ночь подходила къ концу.. на востокъ начинала алѣть тонкая-тонкая полоска, которая все ширилась и ширилась... По ту сторону рѣки, въ лагерь, начинали шевелиться какія-то фигуры.

Скоро смѣна, скоро сонъ...

Черезъ нѣсколько дней Глушкова убило наповаль пулей въ голову: больше онъ уже не думаетъ.

Спи, мечтатель, мирнымъ сномъ!

III. Отецъ.

Пишетъ мнѣ братанъ изъ деревни: „Батка-то нашъ недужился, недужился да и померъ... Хотѣлъ тебѣ раньше огнись, да все некогда: ярманка нонѣ у насъ торговая—часу не найдешь“.

Ну, что жъ дѣлать: померъ, такъ померъ.

Всѣ вѣдь померъ.

Самъ же отецъ, бывало, говаривалъ: „она, смерть-отъ, ты не спросить... какъ дастъ тѣ по затылку, тутъ и кончишься... часть-отъ неизвѣстный, а конецъ все одинъ“...

А жалко отца... Крѣпкій онъ былъ мужикъ, и землей отъ него пахло; потому всю свою жизнь только одну работу зналъ—землю ковырять.

Только мало земли-то было, мѣста у насъ безземельныя.

Ну, однако, ничего... Покроется, бывало, отцова полоса золотомъ, да начнетъ это золото вѣтеръ колыхать, сердце радуется: скоро мать изъ свѣжей муки калачи напечетъ мягкіе, душистые...

Къ соединенію рѣки Роны съ Марсельскимъ портомъ. Входъ въ туннель длиною въ семь верстъ.

А отец смотреть, как мы, ребята, радуемся, и тоже въ бороду усмѣхнется:

— Ишь, пострѣята, рожито квасныя были, кислыя, а теперь ржутъ...

А еще бы не быть кваснымъ рожамъ, когда у насъ хлѣба-то всегда только на десять мѣсяцевъ, своего-то, хватало, а купленный, извѣстно, не дадутъ таскать.

А ужъ какая это жизнь, когда на улицу безъ краюхи бѣжать приходится.

Да... „а конецъ-то все одинъ“!

Деревня, гдѣ я провелъ свое дѣтство, стоитъ на большой сплавной рѣкѣ, откуда выходъ прямо въ Волгу.

Каждый годъ, съ весны, много, бывало, народа изъ деревни—парни все больше—уходятъ къ самымъ истокамъ рѣки на работу: лѣсъ сплавать...

Не было для насъ большого удовольствія, какъ на берегу сидѣть и смотрѣть на проходящія плоты.

Сидишь, сидишь и вдругъ,— глаза-то у ребятъ здоровые, зоркіе,—увидишь, на плоту какой-нибудь Митрій Горяновъ сидитъ.

Визгъ подымутъ, крикъ:

— Прощай, Митрій!.. Куды ты?.. А у твоего батьки земской корову продать! За четырнадцать...

Митрій не разбираетъ, что мы кричимъ, а понимаетъ, что спрашиваемъ, куда онъ плоты гонитъ, и отвѣчаетъ:

— Къ Кудыкъ на гору-у!

Долго еще, бывало, сидишь на берегу и все вдаль смотришь: гдѣ эта самая Кудыкина гора?..

Отецъ мой никогда не ходилъ, какъ у насъ говорятъ, „за лѣсомъ“.

— Это пускай ужъ ходятъ, которыхъ земля не держитъ, а мнѣ нельзя... Они за лѣсомъ, а я за сохой... а только думаю, што соха-то покрѣпче...

И насъ ругаль, когда мы вслухъ станемъ мечтать, что пойдёмъ за лѣсомъ.

Къ соединенію рѣки Роны съ Марсельскимъ портомъ.
Семиверстный туннель.

Ну, понятно, онъ-то ругаетъ, а мы мечтать не перестаемъ: кому же въ самомъ дѣлѣ не охота на плотяхъ прокататься?

Начнетъ снѣгъ съ полей сходить,—у отца видъ дѣлается все серьезнѣй, все торжественнѣй: пахота близко, а это не шутки шутить...

Пахать у насъ все больше начинаютъ на апрѣльскаго Трофима.

— Ну, ребята, давайте Богу молиться, да на пашню!..

Станемъ передъ Спасомъ,—закопѣтъ образъ, ничего не разберешь, а знаемъ, что это Спасъ Нерукотворенный,—и начнемъ поклоны отвѣшивать, чтобы пахота хорошая была... Мать и дѣвчонки позади насъ, „мужиковъ“,—дѣло-то мужицкое, а не бабье... Ну, помолимся и въ поле...

А поле паромъ дышитъ—радуется, что шубу съ него сняли бѣлую.

— Ну, Господи, благослови!

Рѣжетъ желѣзо земляную грудь, разворачиваетъ...

Тужится Гнѣдко, медленно пошагиваетъ... А за Гнѣдкомъ отецъ—рыжая борода по вѣтру раздувается... А за отцомъ мы—смотримъ да учимся...

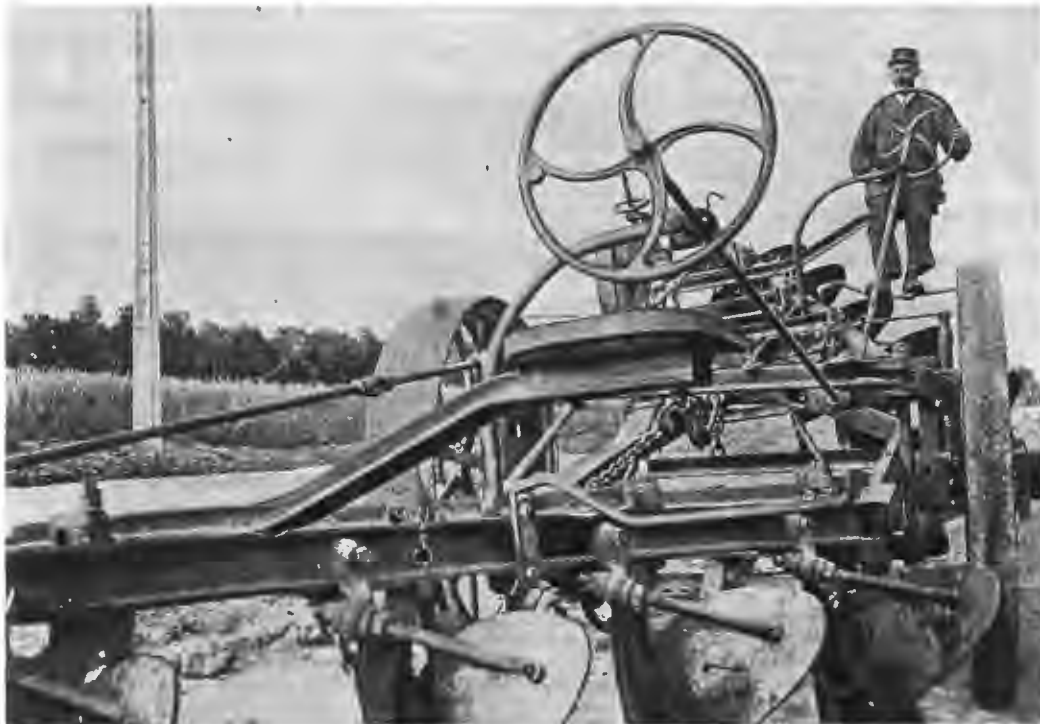
И на сосѣдней полосѣ та же картина: отцовъ брательникъ съ ребятами идетъ... Близко, а не разговариваетъ: у насъ такое повѣрье, что, когда пашешь, разговаривать съ чужими нельзя.

— Ну, Гнядой!.. Милай!.. Ну-ка, ну!..

Но Гнѣдой и безъ лонуканій старается: знаетъ, старый, что теперь его лучше кормить будутъ; теперь-то кормъ впрокъ, въ работу, не то, что зимой.

Далекая картина моего дѣтства! Какъ хотѣлъ бы я вернуть тебя, перенестись опять на родимое поле, вскормившее моихъ дѣдовъ, отца и меня!..

Нѣтъ теперь отца, и кто тебя пахать будетъ — не знаю.

Отпущенный изъ арміи, съ фронта, французскій солдатъ у себя дома, на полевыхъ работахъ.

Французскія походныя хлѣбопекарни близъ боевой линіи.

Отецъ у меня неграмотный, но насъ, ребятъ, заставлялъ учиться, такъ какъ вѣрилъ въ пользу знанья.

— Ученый-то всю суть знаетъ!.. Я, слава тѣ Господи, безъ науки, конечно, живу, но то и плохо... Вотъ, скажемъ, аренду платить... Можетъ, онъ, Миколай-то Евгеньевичъ, правильно написалъ условіе-то, а можетъ, нѣтъ... А я крестъ ставъ... Плохо тоже это... Народъ-то теперь дошлай... Онъ тѣ и обманетъ, а ты спасибо скажешь... Ну, и другое тоже... Про святыхъ праведниковъ книжку читать можно, ежели кто грамотъ обученъ!..

И когда мы съ братомъ сѣли за уроки, онъ сѣдетъ, бывало, около и смотреть, внимательно и серьезно, какъ мы что-то такое выводимъ непривычными къ такой „работѣ“ руками.

И бываетъ очень доволенъ, когда при встрѣчѣ учительша Надежда Вадимовна скажетъ, что его ребята ничего-де, стараются. Тогда онъ, придя домой, посмотритъ на насъ ласково, по головѣ своей шершавой отъ мозолей рукой проведетъ и скажетъ матери:

— Лизавета!.. Ты ребятамъ-то ношѣ по яйцу дай... Онѣ, слышь, стараются...

И мы чувствуемъ себя такими счастливыми, что и представить себѣ трудно.

А когда я первый разъ въ жизни прочелъ ему письмо, полученное изъ города отъ свояка дяди Петра, то онъ отъ восторга такъ меня по затылку треснулъ, что, будь моментъ менѣе торжественный, я бы навѣрно заплакалъ.

Въ тотъ же день мать отнесла учительшѣ десятка два яицъ и клубокъ шерсти.

Отецъ терпѣть не могъ, чтобы кто-нибудь ему что-либо дѣлалъ даромъ.

Когда я волею судьбы и благодаря фантази сосѣдняго барина началъ проходить „науку“ въ городѣ, отецъ все же требовалъ, чтобы я лѣтомъ прїѣзжалъ домой, въ деревню, и принималъ участіе во всѣхъ лѣтнихъ работахъ.

— Не забывай, смотри, земли-то... Она, сынокъ, потомъ нашимъ политая, земля-то... Ты вотъ теперь, скажемъ, отличенъ баринкомъ, а что опосля-то будетъ— не знаемъ мы этого... А земля, она, сынокъ, постоянная!

Но тѣмъ не менѣе онъ никогда не отрывалъ меня, если видѣлъ, что я беру въ руки книгу, такъ какъ къ книгѣ у него всегда было огромное уваженіе, потому что въ ней, по его мнѣнію (хотя часто это была латинская грамматика), изложена вся „суть“.

Часто, уже взрослымъ, я спрашивалъ отца, про каку это онъ „суть“ всегда говоритъ.

Отецъ посмотреть на меня и отвѣчаетъ съ грустью въ голосъ:

— Глупай ты... да рази я знаю, про каку „суть“... Будь я ученый, може, и зналъ бы... Потому и говорю, што не знаю... А ты вотъ учишься, ну, узнаешь... и намъ скажешь...

Вотъ, теперь ты, отецъ, и померь... а сути и ты не узналъ, да и я не знаю.

Помню, какъ пораженъ былъ отецъ, когда я съ дипломомъ университета и паспортомъ, гдѣ обозначилось мое новое званіе, прїѣхалъ зъ деревню, и волостной писарь почтительно назвалъ меня на „вы“.

— Вотъ это фунтъ!.. Меня, скажемъ, отца-то, тыкаетъ, а ему „вы“... это, значитъ, какъ барину... Ну, Лизавета, дождалась!.. А ты какъ теперь, ежели съ земскимъ сравнить, постарше?..

И хотя я и старался растолковать отцу, что меня нельзя сравнивать съ земскимъ, что мы съ нимъ ничего общаго не имѣемъ, онъ все же страстно добивался отвѣта:

— Кто старше?..

И былъ удовлетворенъ лишь тогда, когда я сказалъ, что меня сторожа зовутъ благородіемъ.

— Та-акъ!.. Значитъ, ты какъ же теперь? Не хрестянинъ, значитъ?

И опять задумался...

Кажется, въ первый разъ въ жизни онъ былъ огорченъ, что отдалъ меня „барину въ науку“.

И въ этотъ прїѣздъ онъ разговаривалъ со мной осторожно, съ хитредой, все выпытывая, какого я мнѣнія насчетъ „ихняго“ мужицкаго положенія.

Былъ онъ у меня однажды и въ Питерѣ, но не ужился.

— Нѣтъ, сынокъ!.. За ласку и уваженіе спасибо тебѣ... Хорошо это, што отца и мать почитаешь, а только мнѣ у тебя жить неспособно... Сиди это, сиди въ домѣ... а огорода нѣту, и улицы нѣту настоящей... Такъ, одинъ трескъ... А я, сынокъ, не люблю этого... У насъ тамъ, въ Явлейкѣ-то, потише, спокойнѣй... Ну, и скотина всякая, куры тоже... А тутъ и нѣтуха не услышишь... Прощай, сынокъ!.. А за ласку спасибо!..

Я его не сталъ и удерживать: земля, его притягивавшая къ себѣ, была болѣе сильна, чѣмъ я, одинъ изъ сыновей, случайно отъ земли оторванный...

Послѣдній разъ я видѣлъ отца передъ войной... Онъ былъ уже большой и дряхлый, несмотря на то, что было ему всего 60 лѣтъ.

На войну онъ благословилъ меня охотно.

Пробылъ и въ деревнѣ всего нѣсколько часовъ.

Снялъ онъ съ меня мой крестъ, обмакнувъ его въ святую воду и опять надѣлъ.

— Это тебѣ на путь на дорогу!

Перекрестилъ. Поцѣловалъ, и разстались... навѣки.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1916 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, **озаботиться немедленной присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 3-го сентября—съ 36 номера**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указывать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп. и печатный адресъ**.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 33

Выходь 13-го августа 1916 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.

издания

Цена этого № (без прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатания въ „Жизнь“ принимаются по съдущей платѣ за строку попаревай въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницъ): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 13.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Ужоводство къ приго.ов. нѣю вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Больше 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер. 18/2. (5)

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цена съ перес. 40 к.

Разрѣш. Киевск. **БУХГАЛТЕРІИ** (существуютъ учебн. окр. курсы съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій дѣлно посредств. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподав. Условія выс. бесплатно. А. П. Бобыр. Киевъ. Н. Софійская. 5.

(ПИСАТЬ)

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цена нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. 870 журн. „СОКОЛЪ“, от. 2. (37)

ИКОНЫ

всѣхъ стилей, готовы и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ

ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета Почетства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27.

Тел. 201-29. 4071 10-6

Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

БЫСТРОЕ ПРЕВРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГИИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,

и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалодъ Д-ра Стоуръ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалодъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Бесплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Льготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО.** пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

Новыя РУССКІЯ изданія КЛАССИКОВЪ въ томахъ

(Бахъ, Бетховенъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ и т. д.) подъ редакціей извѣстныхъ музыкальныхъ авторитетовъ.

Каталоги—бесплатно.

Музыкальное издательство

П. ЮРГЕНСОНА, въ Москвѣ, Неглинный пр., 14.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

для окрашиванія бѣлья, занавѣсей, шторъ **КРЕМОВУЮ КРАСКУ ВЪ ЛИСТКАХЪ**

В. ВАДОВСНАГО. Петроградъ, Б. Зеленна, 9.

Иногороднымъ высылается наложеннымъ платежомъ.

Цена пакета 25 коп.

ВЕЧЕРНИЕ КУРСЫ В. А. БОГДАНОВОЙ

для взрослыхъ лицъ обоего пола по прогр. правит. учебн. завед. Подготовка къ испытан. на разл. званія: нач. учнт., учнт. высшаго начальн. училища, домашн. учнт., вольноопр. 2-го разр., 1-й классн. чинъ, аптекарск. помощн. и др., а также по отдѣльн. предм., какъ-то: **НОВЫМЪ ЯЗЫКАМЪ**, русскому, математ. и др. Преподаваніе групповое. Фонтанка, уг. Симеоновской, 32-н, тел. 141-59. Приемъ ежедневно на курсахъ отъ 3½ до 7½ час. геч.

== ОТЪ ==

ревматизма, подагры,
артритизма,
мочевого песка

Уродональ

Шателенъ.

Требуйте только Уродональ Шателена.

URODONAL

a base de Methyl-Glyoxalidine, de Quinate de Diéthylène-diamine et d'Hexaméthylène-tétramine

PRÉPARÉ PAR
J.-L. CHATELAIN

PHARMACIEN DE 1re CLASSE
Ancien chef de Laboratoire et
Ancien interne des Hôpitaux de Paris

ARTHRITISME. RHUMATISME
ARTÉRIO-SCLÉROSE. OBÉSITÉ
LITHIASES RENALE & BILIAIRE
GOUTTE. GRAVELLE. DOULEURS
PITUITES. MIGRAINES

3 cuillerées a café par jour, chacune
dans un verre d'eau, entre les repas

Etat aigu: 3 cuillerées a soupe par jour
Aussi contre les douleurs articulaires, aucune fatigue de l'estomac, des reins,
du coeur, ni du cerveau, même à doses
très élevées

37 fois plus actif que la Lithine

MÉDAILLE D'OR, LONDRES 1906
GRANDS PRIX, ESPAGNE 1909
C^o Acad. de Médecine 10 Nov 1908
C^o Acad. des Sciences 14 Déc 1906

LES ÉTABLISSEMENTS CHATELAIN

Paris.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ. 201 начинающимъ. Постоянный крупный заработокъ. Цена руководства съ перес. налож. плат. 95 к. Адр.: МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цена съ перес. нал. пл. 95 к. Адр.: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18 2.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕД. ПАРШИНА. Составилъ вѣдъ Августѣйшимъ Повелѣніемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ВЕДОМ. МИНИСТЕР. ТОРГ. и ПРОМЫШЛ. Первыи МОСКОВСКИИ ТЕХНИКУМЪ для лицъ обоего пола съ разн. образованіемъ. ПРИЕМЪ на ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ, СТРОИТЕЛЬНОЕ (архитектуры, инженеры), МЕХАНИЧЕСКОЕ, КОММЕРЧЕСКОЕ ЭКОНОМИЧ. и пр. ОТДѢЛ. КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ СЪ КАЗЕНН. ПРАВ. и курс. реал. уч. ПРІЕМЪ на курсы: 1. 2. 3. 4 и др. классъ учениковъ, 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. СЧЕТОВОДНЫЯ КУРСЫ БУХГАЛТЕРИИ и КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІИ. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЯ КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ лица обоего пола. ПОДГОТОВИТЬ лица въ разн. экзаменахъ, канцелярск. ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО. УСЛОВІЯ БЕЗПЛАТ. БЮРО ТРУДА. МОСКВА, Тверской бульваръ, соб. домъ № 23 Н, входъ въ канцелярію со двора.

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готтикъ, сатардъ и пр. 206 рис. и черт. въ тексты, транспорантъ, и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр-вляющ. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цена за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля. ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затру-днющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическа-го ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборнст. шриф. Цена съ пер. 2 рубля. Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Румяна, 7—4. СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стр. Цена (с) 3 рубля. СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. упр. форм. прошен., писемъ, ваки мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цена съ пер. 1 рубль. ТОРГОВО-промышленное законод-тельство въ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 стр. (+VIII стр.) текста. Цена 3 рубля. При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

При ГОНОРРЕЪ въ острой и хронической формѣ «ТІЭЛЕРИЪ» по дѣйствию ея принимается 4019 Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тіэлеринъ совершенно безвреденъ. Цена 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыдъ пер., 1/25, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ. Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышлен-ностью, долженъ выпустить книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую опи-саніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, осо-быхъ знаній и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цена съ перес. 2 руб. 75 коп. МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/12.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ нуждается каждый владѣлецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превра-тилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представите-лей серьезныхъ знаній. МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій поступить на службу въ ма-газинъ и т. п., долженъ предварительно пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящіеся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое ма-териальное положеніе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Ознакомьтесь съ нашимъ методомъ заочнаго обученія бухгалтеріи, коммерческой ариметики, коммерческой корреспонденціи, товаровѣдѣнія, тех-ники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и многого иного, не-обходимаго каждому коммерсанту, при помощи нашего изданія „АКАДЕМІИ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІИ“. Кратный проспектъ безплатно. Подробный за 15 коп. Всякую корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44.—62. 4210 2-1 Соств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 66; МОСКВА, Мясницкая, 18. СЪ 1-го Августа Гл. К-ра перемѣщается на Глазовую ул., соб. д. № 18. ==

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, невраве-нія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣю-щіеся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра. Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества. Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣли-тельные силы организма“. Сперминъ-Пеля имѣется всюду. ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬНИСЪ въя ПЕТРОГРАДЪ. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Миръ будетъ достигнутъ побѣдой. Государю Императору благоудбно было от-править его величеству англійскому королю нижеслѣдующую телеграмму по поводу второй годовщины вступленія Англій въ войну: „Благодарю Ваше Величество за телеграмму по поводу второй годовщины наступленія великой войны. Я всѣмъ сердцемъ разделяю ваше рѣшеніе, принятое Вами въ единеніи съ доблестными союзниками. Я, равнымъ образомъ, твердо рѣшилъ, что и со стороны Россіи не будутъ тщетны жертвы, приносимыя Моими братьями вой-сками и Моимъ народомъ ради праваго дѣла, въ успѣхъ котораго будетъ заключаться наша награда, и что миръ, за который мы бо-ремся, будетъ достигнутъ полною побѣдою надъ нашими врагами“. Означенная телеграмма была отправлена въ отвѣтъ на нижеслѣдующую те-леграмму англійскаго короля: „Въ день второй годовщины войны, начала великой борьбы, въ которой моя страна и ея доблестные союзники принимаютъ уча-стіе, я хочу подтвердить Вашему Императорскому Величеству о моемъ непоколебимомъ рѣшеніи продолжать войну, пока наши объединенныя усилія не приведутъ насъ къ цѣли, ради достиженія которой мы вѣрность взяли на оружіе. Я убѣжденъ, что Ваше Императорское Величество единодушно со мною въ намѣреніи поступить такимъ же образомъ, дабы жертвы, столь благородно принесенныя нашими доблестными войсками, не оказались тщет-ными и дабы свобода, ради которой они сражаются, была дости-гнута и прочно обезпечена“.

Приказъ итальянскаго короля по арміи. Послѣ побѣдоноснаго взятія Горицы итальянскій король издалъ приказъ по арміи: «Солдаты Италіи! Не много времени протекло съ тѣхъ поръ, какъ вы, съ болѣе чѣмъ достойными удивленія храбростью и стойкостью, стали не-преоборимой преградой передъ могущественными непріятельскими силами, которыя пыгались ворваться изъ Трентино въ плодородныя равнины Ита-ліи. Нынѣ съ новой отвагой и съ болѣе вѣрой въ себя вы блестящимъ образомъ овладѣли могущественными укрѣпленіями, которыя непріятель такъ долго у насъ оспаривалъ. Вамъ обязано отечество радостью приема на свое лоно Горицы. Благодаря вамъ совершенъ новый и великій шагъ по труд-ному и славному пути, который поведетъ насъ къ достиженію нашихъ свя-щенныхъ стремленій. Солдаты Италіи! Побѣда уже рисуется на горизонтѣ, и вы, конечно, сумѣете ея добиться. Пусть память о вашихъ павшихъ братьяхъ придастъ вамъ бодрость, и да послужатъ вамъ постояннымъ при-мѣромъ герои національнаго возрожденія, которые съ горячимъ энтузіазмомъ, равнымъ вашему, сражались въ былыя времена противъ того же исконнаго врага. Гордятся быть вашими вождемъ, я выражаю вамъ признательность отъ лица отечества, которое съ восторгомъ, любовью и признательностью взраетъ на васъ». Генералъ М. В. Алексѣевъ о войнѣ. Петроградскій корреспондентъ газеты «Times» Р. Вильтонъ, портретъ котораго помѣщенъ въ № 32 «Нивы» въ группѣ съ генераломъ В. В. Сахаровымъ, сообщаетъ интересныя данныя о своей бесѣдѣ съ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, которую онъ велъ съ нимъ 9-го іюля. Генералъ-адъютантъ М. В. Алексѣевъ сказалъ:

«То, что уже достигнуто союзниками на обоих фронтах, представляет лишь начало. Сегодня всего 48-й день нашего наступления, и в нашем распоряжении остается еще значительный период спящей погоды. Самая интересная и многообещающая часть работы еще впереди. Новая британская армия и закаленные войска Франции совершают блестящие подвиги. Мы не могли бы потребовать от них большего. Что касается итальянской армии, то следует надеяться, что ее хорошо обдуманная стратегия скоро отдаст в распоряжение Италии Трентинскую область, откуда она будет в состоянии нанести австрийцам серьезные удары.

Мы должны также предвидеть случайные неудачи и задержки. В настоящее время против нас состояние погоды. Вот уже сколько дней вдоль всего фронта льют дожди. Днѣстр уже поднялся на 10 футов, а Прут больше, чем на 16. Это значит, что нам приходится иметь лишние хлопоты с путями сообщения. Незабывны и другие второстепенные разочарования, как, например, наша первоначальная попытка прорвать германскую линию у Барановичей. Но главные черты нашего плана кампании от этого не пострадали.

Моя уверенность опирается на двойное основание. Во-первых, неприятель не имеет уже возможности набрасываться на нас по частям, как это было в прошлом году. Во-вторых, германцы израсходовали свои резервы, и разговоры, будто у них спрятана внутри страны крупная резервная армия, оказались чистым блефом.

Для формирования новых частей у них нет ни людей ни материалов. Вместе с тем внутреннее положение Германии становится окончательно критическим. Из всех источников осведомления подтверждается, что во всех концах империи начинаются беспорядки. Германское правительство ежедневно громоздит одну ложь на другую в тщетной надежде, что народ, читая их, забудет о своих лишениях.

Чтобы иллюстрировать отчаянное положение германских армий, мы остаемся лишь указать на тот твердо установленный факт, что вскоре после 22-го мая, когда началось наше наступление, с французского фронта были сняты и отправлены сюда четыре дивизии. Это были 19-я и 20-я, составляющая X линейный корпус, 11-я баварская и 43-я резервная дивизии. Мы ждали также 44-ю дивизию, но она не явилась. По обыкновению, германцы не дооценили силу французского сопротивления. Хотя под Верденом остается семнадцать дивизий, неприятель оказался не в состоянии перебросить сюда хотя бы одного солдата; а как только перешли в наступление британские войска, всякая мысль о переброске частей с фронта на фронт была оставлена.

Части, находящиеся против нас, представляют максимум усилий, на которые способна Германия. Они передвигаются вдоль наших линий, главным образом в южном направлении, чтобы заткнуть огромную дыру, образовавшуюся после разгрома австрийцев. Неприятель не мог послать для

На кавказском фронте. Селение Холтань, в 90 верстах к юго-западу от Эрзерума. Железисто-углекислый источник (типа Нарзана). Купание солдат, только-что спустившихся с горных позиций.

этой цели из тыла ни одной свежей части. Две страшно потрепанные дивизии, взятые из-под Вердена, представляют весь стратегический резерв германской армии.

Дивизии, которые пришли сюда с французского и итальянского фронтов месяцами тому назад, постигла злая судьба. Генерал Сахаров совершил 3-го июля блестящий подвиг за счет 48-й и 61-й австрийских дивизий. Повернув свою армию на Блудов в Галиции, он вышел неприятелю во фланг, сбил австрийцев и гнал их разбитая толпа всю ночь на протяжении почти десяти верст. Затем он жестоко расстрелял 22-ю германскую дивизию, перевезенную к месту боя с двинского фронта и напрасно старавшуюся спасти сильно истинную армию эрцгерцога Франца-Иосифа. Последние донесения свидетельствуют, что генерал Сахаров развивает достигнутый успех с чрезвычайной быстротой и переходить на плечах неприятеля две рѣки.

Операции под Ригой, благодаря топографическим затруднениям, идут медленно.

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего, по замечанию корреспондента, имеет замечательно здоровый дух.

Героиня-мать и достойный ее сын-герой. В предыдущих «Откликах войны» мы привели с западного фронта рассказ о герою-отце. В параллель с ним можем с гордостью привести с нашего фронта пример редкого героизма и доблестного духа молодого офицера и исключительной силы и высоты духа его матери, воспитавшей родину героя. Имя его — прапорщик Осипов. 6-го января 1916 года он был смертельно ранен и умер на перевязочном пункте. На случай смерти в бою, он оставил на имя матери письмо, которое и было отослано по адресу после его доблестной кончины. Копия письма была прислана теткой Осипова к сведению офицеров 19-й артиллерийской бригады, где он доблестно служил. Приводим письмо почти цѣлым.

«Милая мамочка, мне невыразимо больно, что я должен тебе писать все то, что ты найдешь ниже. Я думаю, что все же лучше написать «на всякий случай». Ты, конечно, поймешь, что, идя на войну охотником, я, само собою разумеется, шел в дело при первой возможности. Многие я уже видел, многое увижу впереди и, может-быть, заплачу за это даже жизнью. Это дорогая цена за все пережитое, ведь только риска головой ежесекундно, начинаешь испытывать чувство жизни во всей ее остроте. Без этого жизнь — пустое прозябанье, я не хотел прозябать и, может-быть, погибну. Но найди утешение в том, что сын твой хотел быть гражданином своей родины на деле и погиб, не прячась за чужие спины, а прикрывая собою других. Мама, вспомни маленькую беззащитную Бельгию, вспомни стоны польского пограничного населения, вспомни несчастные страны героев: Сербию и Черногорию, и ты, я думаю, согласишься, что даже самое глубокое горе отдельного человека окажется лишь малой каплей в море слез, проливаемых

На кавказском фронте. Ущелье с водопадом близ селения Холтань, в 90 верстах от Эрзерума. Из земли бьют многочисленные родники разнообразных минеральных составов. Все источники сильно насыщены углекислотой.

На кавказском фронте. Окрестности Эрзерума. У водопада в долине Тузла-Дараси.

На кавказскомъ фронтѣ. Мирная жизнь. Игры турецкихъ дѣтей.

сейчасъ въ Европѣ. Со мною встрѣчался одинъ сербъ (бывшій русскій офицеръ), недавно прѣхавшій сюда по дѣламъ своего правительства. Онъ говоритъ, что въ Сербіи не осталось мужчинъ—мирныхъ обывателей, всѣ, какъ одинъ, стали на защиту своего отечества. Въ Парижѣ молодому человѣку моимъ лѣтъ стыдно показаться на улицѣ, въ Англіи то же самое. Наша родина выдержала страшный натискъ тевтоновъ. Не долгъ ли каждому гражданину защищать свою землю и всѣхъ на ней находящихся? Вѣдь, зная свои гражданскія права, надо не забывать и гражданскія обязанности, чтобы послѣ можно было прямо держать свою голову, заявляя о своихъ правахъ.

Да ко всему этому, какъ ни мало я жила, я уже успѣла убѣдиться въ томъ, что жизнь далеко не такъ хороша, чтобы за нее стоило дѣлаться. Я думаю, что ты, которая пожила больше меня, не станешь оспаривать этого. Ты, я полагаю, поймешь, къ чему я пишу все это. Я хочу разъяснить свой взглядъ на вещи, чтобы по возможности ты меньше сокрушалась, если со мной что-либо случится, а постаралась бы всю свою любовь и заботу обо мнѣ перенести на другихъ дѣтей и сдѣлать изъ нихъ честныхъ гражданъ, способныхъ къ мирной созидательной работѣ на благо русскому народу. На землѣ я сдѣлала свое дѣло, дѣло маленькое, незамѣтное, но оно оставитъ свой слѣдъ, слѣдовательно, я не даромъ жила. Я отлично понимаю, что причиняю (хотя и невольно) тебѣ страшное горе, но взгляни трезво на вещи, подумай и скажи, стоить ли мучиться зря. Я видѣла здѣсь кучи солдатскихъ труповъ. По каждомъ изъ нихъ будутъ убиваться матери, жены. Но, мама, такое горе—животное горе: простымъ людямъ трудно возвыситься до сознания того долга, о которомъ я говорю, и преклониться передъ нимъ. Тебѣ, какъ матери, конечно, будетъ очень тяжело, но, мама, вспомни насколько выше ихъ стоишь ты, вѣдь ты училась, жила сознательной жизнью интеллигентнаго человѣка, и это даетъ мнѣ увѣренность, что ты исполнишь мою послѣднюю просьбу, возьмешь себя въ руки и разумомъ поймешь, что то, что случилось, не таить въ себѣ ничего ужаснаго. Дѣйствительно, не все ли равно, дожить до 50—60 лѣтъ, болѣть послѣдніе десять лѣтъ и умереть на кровати, промучившись исправно, или погибнуть въ 21 годъ съ сознаниемъ исполненнаго долга... Я думаю, что послѣднее лучше во всѣхъ смыслахъ. Прощай, мама. Утѣшься, помни, что если сынъ твой и погибъ, то гибель его недешево стоила врагамъ нашей родины. Твой и въ этой и въ той жизни Володя».

Изъ полученныхъ въ бригадѣ писемъ матери и тетки видно, что и младшій братъ его, увлеченный доблестнымъ примѣромъ старшаго брата, не задумываясь, пошелъ по его стопамъ, поступивъ въ военное училище.

Мать прапорщика Осипова, имѣя еще троихъ дѣтей, служитъ санитарнымъ врачомъ въ гор. Тифлисѣ (предмѣстье Ваке) и помимо получаемаго незначительнаго содержанія другихъ средствъ не имѣетъ. Потерявъ въ лицѣ прапорщика Осипова своего старшаго сына, опору семьи, она посылаетъ другого ему на смѣну.

Какъ нѣмцы обманываютъ нейтральныя страны. Для нейтральныхъ странъ имѣются особыя

германцевъ не оправдались, то они обошли это молчаніемъ.

Другимъ обманымъ способомъ «освѣдомленія» нейтральныхъ странъ являются «литературныя приложенія». Многія газеты нѣмецкой Швейцаріи издавна даютъ своимъ подписчикамъ воскресныя литературныя приложенія («Соннтагсблаттеръ»). Эти приложенія до сихъ поръ печатались не въ Швейцаріи, а въ Германіи, гдѣ издатели газетъ могли пріобрѣтать ихъ по дешевой цѣнѣ. Нѣмецкіе издатели печатаютъ эти листки миллионами экземпляровъ, продавая ихъ бѣднымъ провинціальнымъ газетамъ, не имѣющимъ возможности давать собственныя приложенія. Такимъ образомъ каждое воскресенье почта доставляла швейцарскимъ семействамъ около 400.000 «воскресныхъ приложеній», въ которыхъ прославлялись «побѣды» германцевъ. Нечего и говорить, какъ отравляла душу нейтральнаго читателя эта систематическая пропаганда, направляемая ловкими и умѣлыми руками.

Для борьбы съ этимъ образовалось въ Швейцаріи «Новое гельветическое общество». Оно собрало крупныя суммы и открыло бюро для изданія чистושвейцарскихъ литературныхъ приложеній. Бюро заручилось сотрудничествомъ національныхъ авторовъ, и главный редакторъ бюро, Бюреръ, съ удовлетвореніемъ констатируетъ полное исчезновеніе нѣмецкихъ «воскресныхъ приложеній» и со швейцарской территоріи.

«Новое гельветическое общество» каждую недѣлю выпускаетъ 300.000 приложеній, съ успѣхомъ замѣняющихъ литературу зарейнской фабрикаціи.

На кавказскомъ фронтѣ. Мирная смерть. Типичное турецкое кладбище.

ЖЖВЖ

№ 33. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. И. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 13 августа 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Сердце узнало.

Разсказъ Александра Дроздова.

I.

Въ этотъ тревожный годъ не переводились у о. Герасима сорокусты: то по Николаѣ-воинѣ, убитомъ, то по Дмитріи, то по Александрѣ, умученномъ, по слухамъ, на берегу замерзшей рѣки Двины и въ проруби потопленномъ. По утрамъ, когда въ церковныя окна, загороженныя разлапистыми пиками рѣшетокъ, едва сочился мутный весенній разсвѣтъ, приходили въ гулкую прохладную церковь бабы и кланялись земно, простершись на холодныхъ и слегка влажныхъ плитахъ, внимая ровному тенору о. Герасима и гнусавому речитативу длинноволосаго дьячка. Съ иконъ строго глядѣли Божьи угодники. Свѣтловыя пятна ложились на распятаго Христа, на вѣнокъ изъ бумажныхъ не яркихъ цвѣтовъ, висящій у прободенныхъ ногъ Его. О. Герасимъ служилъ хриплымъ со сна голосомъ, позъывая и съ трудомъ разгибая затекшую за ночь поясницу. Временами онъ задумывался, глядя на переднее окно алтаря, загороженное свѣтописью. Прояснялись его мысли; онъ вспоминалъ сына своего Павла, только что окончившаго курсъ духовной семинаріи и съ апрѣля ушедшаго въ войска. Почему-то вспоминался тотъ всегда въ семинарской курткѣ съ яркими серебряными пуговицами, а не въ солдатской шинели, какимъ пріѣзжалъ прощаться къ нимъ въ де-

ревню. Единственный сынъ... Все сидѣлъ въ горницѣхъ подь образами, хрустѣлъ пальцами и говорилъ съ кроткой улыбкой:

— Нельзя, родина страждетъ, нельзя...

Задумался о. Герасимъ, пропускалъ возгласы, а дьячокъ на клиросѣ сердито кашлялъ. Бабы кланялись въ землю, съ силой прижимая къ полу лбы, вздыхали и утирали концами платковъ красные глаза.

Возвращаясь отъ обѣдни, дьячокъ и священникъ шли рядомъ и молчали. Въ гордой и ровнистой дунѣ Степаныча еще не растаяла обида на попа: постомъ въ сельской школѣ въ пользу воиновъ-односельчанъ устраивался духовный концертъ, по заборахъ и телеграфнымъ столбамъ на чугункѣ расклеили ярко-алыя афиши съ полнымъ обозначеніемъ, какое духовное лицо (санъ, имя и фамилія) и что именно пропоетъ изъ духовныхъ пѣснопѣній, а его обошли по причинамъ якобы хриплаго и гнусаваго голоса. Послѣ въ городскомъ „Вѣстникѣ“ была корреспонденція, гдѣ восхвалялись рвеніе о. Герасима, какъ устроителя, голоса сосѣднихъ батюшекъ и дьяконовъ и умильное пѣніе школьниковъ. Точныя имена были пропечатаны. Обида!

У крыльца Степанычъ молча передалъ о. Герасиму огромные церковныя ключи и, сжавъ рыжую бородку въ горсть, поклонился холодно, съ отгѣнкомъ снисходительнаго почтенія.

Трапезундъ. Пещеры древне-греческаго храма.

— Что-то нынѣ въ газетахъ пишутъ?—мирлобиво промолвилъ о. Герасимъ, подымаясь по ступенькамъ.

— М-да,—отвѣтили дьячокъ неопредѣленно.

— Ты что, глупый, сердчаешь? Не всякій же, Господи помилуй, въ Шаляпины вышелъ! Заходи, газетку почитаешь... Павелъ, можетъ, вѣсточку подастъ.

— Некогда мнѣ ваши газетки читать. Яблони крутить надоть. Намедни мышъ объявилась, попортила молодой ранетъ. Такая обидя!

— Ну, вечеромъ заходи. Я тебѣ, Степанычъ, Пашино письмо читаю, съ войны.

На томъ простились.

Попадья не вставала еще. Изъ тѣсной спаленки, закрытой, вмѣсто двери, коричневой съ бубенчиками шторой, доносились ея трудные утренніе вздохи—жалобы на крупныя тѣлеса свои и на душныя ночные сны. Переворачиваясь въ постели, она сбила своимъ тѣломъ простыню, обнажившую пухлую перину. Изъ-подъ отбѣла высунулась ея толстая бѣлая нога, похожая на ватный скатень, что кладутъ между оконъ на зиму.

— Настя, вставай!—сказалъ о. Герасимъ, раздвѣваясь въ прихожей.

Попадья сонно вздохнула.

— Девятый часъ. Иванъ Иваловичъ газетку сейчасъ принесеть... можетъ, письмо отъ Павлуши.

Одноокая Прасковья вынесла изъ кухоньки самоваръ, сгибаясь подъ его тяжестью, и тяжело стукнула имъ о столъ. Клубы горячаго пара ударились въ низкій потолокъ, облизавъ засиженный прошлогодними мухами абажуръ на висячей лампѣ и трещины лопнувшихъ обоевъ.

Но сегодня не было письма отъ Павла. Почтальонъ Иванъ Ивановичъ, разносившій письма по домамъ, увидѣлъ въ окнѣ голову о. Герасима и еще издали развелъ руками. Иванъ Ивановичъ словно созданъ для своихъ обязанностей: малъ ростомъ, очень подвиженъ и никогда не измѣняетъ своему благодущію. Его любить въ деревнѣ и черезъ домъ, на третій, непременно приглашать къ чаю. Правда, письма поэтому получаютъ позже, но никто особенно на это не сѣтуетъ.

Иванъ Ивановичъ вошелъ въ горницу, снявъ шапку и остановился въ дверяхъ, не рѣшаясь итти дальше. Ноги его по колѣна забрызганы грязью, мутныя пятна тихонько ползутъ отъ его подошвъ по пестрымъ половицамъ.

— Взойди, Иванъ Ивановичъ, — пригласилъ о. Герасимъ, безпокоенный, что письмо отъ сына опять нѣтъ.— Ноги оботри въ сѣняхъ. Да сумку-то сыми... Для Пашина письма въ ней мѣста не нашлось?

— Письма пишутъ, — сияя улыбкой, промолвилъ Иванъ Ивановичъ, снимая свою сумку и кладя на стулъ.— Пишутъ-съ,— повторилъ онъ, отирая ладонью вспотѣвшій лобъ.— Позиціи, это вамъ не кабинетъ, гдѣ то и се, спокойствіе и безопасность. Это вамъ не кабинетъ!

Вставшая матушка вышла изъ спаленки. Вѣки у нея вспухли и будто склеились, движенія медлительны и лѣнны.

— Вотъ матушка не столь нетерпѣливы, — продолжалъ Иванъ Ивановичъ.

Матушка подняла на него свои оловянные глаза.

— Ты не погляди, что я молчокъ да молчокъ, это отъ тѣла.

Тѣло у меня грузное. А сердце въ немъ все равно плачетъ, да еще какъ плачетъ-то!

И, когда Иванъ Ивановичъ уходилъ, сидѣла и думала, какое у нея больное сердце, и какъ много горя на немъ. О. Герасимъ громко, въ прихлебку, пилъ чай, рыжіе съ сѣдиной усы его залѣзали въ стаканъ и ползали по стеклу, когда онъ двигалъ губами.

И такъ шли дни. Стѣнной календаръ показывалъ все новыя и новыя числа. Матушка дѣлала предположенія, что письмо придетъ завтра, потому что завтра праздникъ и красное число, но за краснымъ шло черное, цѣлыхъ шесть такихъ черныхъ и будничныхъ, и нельзя было угадать, которое изъ нихъ подаритъ счастье. Вторую весну за гранью родины дышала беспощадная война; казалось, большое чудовище налегло на далекія поля, и пель отъ него смрадь и дымъ, подымался за облака и расплзался по лону родимой земли. Играли по утрамъ холодныя весеннія зарницы, встающее солнце кидало позолоту на застывшія облака, и это было какъ отблескъ далекихъ пожарницъ, зажженныхъ врагомъ. Вечерами съ разлива дулъ сѣверный вѣтеръ, шуршали у берега прибитыя волною уцѣлвшія льдины, и несся шумъ. Думалось, что шумитъ это война, незримая, но близкая...

Послѣ ужина приходила на кухню лавочница Евтевна, помогать старой Прасковѣ перетирать тарелки. У нея сбѣжалъ на войну десятилѣтній сынъ. И весь вечеръ несся изъ-за двери ея ноющій голосъ, поющій на всѣ лады:

— Сбѣгъ и сбѣгъ, и какъ сбѣгъ, и про что сбѣгъ... Родимый ты мой, неслухъ ты оканный, наказаніе мое... Сбѣгъ и сбѣгъ...

Война рисовалась ей смутно, но страшно: день и ночь бьются съ недругомъ расейскіе солдатики, день и ночь колотятся вострыми штыками, падаютъ мученики наши вперемежку съ басурманами, и растетъ изъ ихъ тѣлъ гора до небесъ, выше колоколни, куда лезилъ сбѣжавшій Иванушка звонить вмѣстѣ съ Михайлой въ колокола. Сладостно звонили: гудить, бывало, большакъ, и, захлебываясь, разсыпаясь бисеромъ, побарабаниваютъ махонькіе, выговаривая: дирли-барли, дирли-барли... И рѣдко, съ вѣсомъ, что старшина на сходѣ, вкатываетъ средней:

бамъ-бамъ-бамъ... А Михайла, раскачавъ тяжелый языкъ, похожий на палицу былинныхъ богатырей, какъ ахнетъ: бум-м... Дрожитъ тогда воздухъ, будто гудитъ исполнскій шмель: Мм... м... м...

М... м...

— Сбѣгъ и сбѣгъ,—раскачивая головою, расплакалась лавочница, окуная тарелки въ лохань,— и какъ сбѣгъ, и съ кѣмъ сбѣгъ?

Такъ шли дни.

Въ темныя ночи село Лаптино кажется вымершимъ; избы боязливо жмутся къ своимъ огородамъ, и темныя окна не таятъ свѣта. Въ такія ночи о. Герасимъ долго не спитъ. Полусонная матушка сквозь узкую дверь спальни видитъ его высокую, когда-то статную, могучую фигуру и большую сѣдую бороду, тѣнь которой шевелится на полу.

О. Герасимъ шепчетъ воскресную проповѣдь. Перо его скрипитъ по бумагѣ, останавливается на полусловѣ и вновь бѣжитъ впередъ. Иногда онъ шумно отодвигаетъ стулъ, скрипячая половицы стонутъ подъ его тяжелыми шагами.

— Герасимъ!—соннымъ голосомъ зоветъ попадья.— Герасимъ, слышишь?

О. Герасимъ нехотя поворачиваетъ голову.

— А?

— Спать бы шелъ. Второй часъ.

О. Герасимъ ходитъ вдоль горенки и горворитъ задумчиво: — Не хочется. Все равно не уснешь.

Трапезундъ. Древне-греческій храмъ. Западная пещера.

Трапезундъ. Древне-греческій храмъ. Пещера-часовня.

— А ты лягь, и уснешь. Чтѣ себя разстраиваешь понапрасну? Часы хрипло бьютъ полчаса. Тотчасъ же съ улицы доносится тоскливый ударъ колокола.

II.

Среди ночи о. Герасимъ проснулся. Гдѣ-то подь окномъ, въ раскидномъ палисадникѣ хрипло лаялъ Цыганъ. Было душно подь низкимъ потолкомъ, спина о. Герасима венопѣла, и подь копной волосъ шеѣ было жарко. Лампада чадила, въ комнатѣ чувствовалась копоть.

Сознаніе еще было сковано недавнимъ сномъ, приснился сынъ Павелъ въ яркихъ семинарскихъ пуговицахъ; будто стоялъ онъ въ темной прихожей и вдругъ, откинувъ штору съ бубенчиками, глянулъ въ спальню, прямо въ глаза о. Герасима. У сына было блѣдное, какъ снѣгъ, лицо съ перекошенными, удивительно четкими чертами, и глаза его были полны тоски или страха. Поглядѣвъ, онъ скрылся и потомъ снова глянулъ, и такъ нѣсколько разъ.

— Чего ты? — спросилъ его о. Герасимъ.

Тогда Павелъ притаился за шторой, гдѣ-то въ шубахъ, висающихъ въ прихожей на вѣшалкѣ, и вдругъ застоналъ. И потомъ крикнулъ отрывисто и односложно. Крикъ его повторился. Проснувшись, о. Герасимъ сообразилъ, что это лааетъ въ палисадникѣ Цыганъ. Онъ съѣлъ на кровати, снявъ съ колѣнъ одѣяло. Настя спала, повернувшись къ нему широкой спиной, грубое кружево

сорочки сползло съ ея плеча, обнаживъ часть мягкой спины. Разбившіеся волосы ея чернѣли на подушкѣ и простынѣ.

О. Герасимъ почувствовалъ безотчетный страхъ, холодкомъ проползшій по его спинѣ. Сотворилъ молитву, но она не успокоила его. Пуще прежняго засосало сердце, словно изъ него вытягивалъ кто-то каплю за каплей кровь.

— Господи, не попусти! — прошептала о. Герасимъ. — Жизнедавче, Павла сохрани!

Цыганъ за окномъ не унимался. О. Герасимъ началъ читать молитвы, и голосъ его зазвучалъ тверже и убѣдительнѣй. Молясь, вспомнилъ о. Герасимъ всѣ суеты житейскія, сопряженные съ воспитаніемъ Павла, и семинарскія тревоги. Въ юности Павелъ былъ горячъ, хотя и отходчивъ, увлекался свободомысліемъ и однажды былъ уличенъ въ укрывательствѣ запретныхъ книгъ. Приходилось ѣздить къ владыкѣ, падать ему въ ноги и губами ловить его пухлую зацѣлованную руку. А потомъ больной Павелъ лежалъ въ больницѣ, весь въ огнѣ. Лобъ его былъ жарокъ, какъ кузнечный горни, когда отецъ прикладывался къ нему губами. Подолгу, въ пустой деркви, молился о. Герасимъ, припадая къ подножію престола, а Настя ѣздила въ монастырь къ Богослову. Сжалился Богословъ и пронесъ грозу мимо.

Въ минувшемъ было столько горя и свѣтлой родительской радости—и уже немисливо было представить себѣ жизни безъ Павла. Вся она распалась на отдѣльные куски: каждый кусокъ ея былъ связанъ съ сыномъ, съ его возрастомъ. Когда случилось первое недоразумѣніе съ крестьянами изъ-за самоубийца Власа, Павлушѣ было всего четыре года; цѣплялся еще за ноги взрослыхъ, подходилъ къ пианино, разстроенному и скрадывающему половину звуковъ, и ударялъ всей пухлой ладошкой по гладкимъ пожелтѣвшимъ клавишамъ. А когда доросъ до девяти, отдалъ въ школу—въ то же время домъ окружили деревяннымъ палисадникомъ и посадили три китайки и одну дуюлю, всѣ принялись. Позже схоронили Павлушину бабу (мальчику двѣнадцать годковъ было)—переходила, старая, черезъ чугунку и попала подь машину... И такъ, вплоть до окончанія семинарии, съ Павломъ связывалось каждое событіе мирной семейной жизни о. Герасима.

Цыганъ за окномъ унялся. Посидѣвъ, послушавъ, о. Герасимъ снова легъ. Было слышно, какъ вѣтеръ перезванивалъ на колокольнѣ маленькими колоколами. Настя дышала ровно, съ легкимъ всхрапомъ.

Утромъ, послѣ обѣди, пришелъ учитель Николай Федоровичъ.

Трапезундъ. Въ пещерѣ древне-греческаго монастыря.

Вздыхать, еще идучи по коридорчику, прилежавшему къ сѣнямъ: такой ужъ имѣлъ нравъ, все жаловался на сердце, головокруженіе и изжогу. Еще на жизнь жаловался, на жену, народившую ему кучу прожорливыхъ сорванцовъ да и сейчасъ тяжелую. Денегъ не напасешься: кому рубашоночку, кому полусапожки, кто новенькій картузь въ Огѣ утопить... Учитель былъ гнѣтый, сутулый, съ лицомъ монгольскаго типа. Имѣя глухой, но сильный голосъ, готовился въ дьяконы, но не набѣгло мѣста. Когда началась война, подалъ прошеніе о назначеніи его священникомъ въ Галицію. Отвѣтили, что безъ спеціального богословскаго образованія нельзя. Пропали два рубля на гербовыя марки.

Вздыхая, учитель раздѣлся и вошелъ въ столовую, сказавъ:

— Чай да сахаръ! Мое почтеніе.

Говоря, онъ шумно вдыхалъ носомъ воздухъ.

— Чайку!—сонно предложила матушка.

— Благодарю. Выплю.

Послѣ безсонной ночи о. Герасимъ былъ хмуръ.

— Какъ сыне?—спросила учитель.

Матушка отвѣтила:

перетянуты въ кисти ниточкой, молча, сосредоточенно глядя на просвѣтлѣвшаго о. Герасима. Тяжелыя вѣки ея разомкнулись, открывъ внимательные оловянные глаза.

— Что-то сердце нынѣ болѣло,—сказала она едва слышно.

— Настя, что ты!

Крупная чистая слеза, сбѣжавъ съ угла глаза, покатила по щецкѣ попады, задержалась на кругломъ подбородкѣ и, задрожавъ, упала на столъ, въ блюдо съ остывшимъ чаемъ.

— Сонъ видѣла...

О. Герасимъ замеръ, широко открывъ глаза.

— Ну?

— Дурной,—докончила попады упавшимъ голосомъ.

О. Герасимъ растерянно оглянулся.

— Пустое!

— Писемъ давно нѣтъ... три недѣли, четвертая пошла. Герасимъ, а что, если...

Голова попады тяжело упала на пухлыя руки, и большія круглыя плечи ея вдругъ заколебались, сотрясая столъ и чайную посуду на немъ. Учитель спокойно заерзалъ на стулѣ.

Трапезундъ. Греческая часовня близъ древне-греческаго монастыря.

— Не пишегъ.

— Плохо. А я къ вамъ съ совѣтомъ, батюшка. Въ городѣ, въ семинарскомъ лазаретѣ, лежитъ нашъ крестьянинъ Камардинкинъ, Бендерскаго полка, той же роты, что и Паша. Съѣздить бы вамъ.

— Да что ты?—сразу оживился о. Герасимъ. Все лицо его покрылось пятнами. Онъ всталъ и, подойдя къ стеклянной двери на балконъ, забарабанилъ по ней пальцами.

Настя поглядѣла на него.

— Надо ѣхать.

— Я жъ и говорю!—подхватилъ учитель.—Изъ того же полка, изъ той же роты... товарищи. Можетъ, на нѣмца рядомъ ходили. Намедни къ нему жена ѣдила. Говорять, контуженъ, мозгъ не въ порядкѣ. Сегодня же и поѣзжайте.

— Сегодня же, сегодня же!—лихорадочно вскинулся о. Герасимъ. Онъ потиралъ себѣ руки, на лицѣ его заходили брови.— Съ часовымъ поѣдемъ, собирайся!

О. Герасимъ пододвинулъ учителю масло, зелененькую вазочку съ засахареннымъ вареньемъ. Онъ не могъ уже больше сдерживаться и засмѣялся еле слышнымъ задушевнымъ смѣхомъ, какимъ смѣются счастливые старики. И радостно, перекидывая взглядъ съ учителя на жену, спрашивалъ:

— Настя, а? Учитель, а?

Настя сидѣла, сложивъ на столѣ свои пухлыя руки, словно

— Грѣхъ, грѣхъ!—заметался вдругъ о. Герасимъ, вскидывая головой и хватаясь пальцами за воротъ малиноваго своего подрясника.—Вѣры въ тебѣ нѣтъ, дьяволу открыла душу!

Попады не слушала:

— Будто стоишь онъ въ прихожей, и лица на немъ нѣтъ...

— Молчи, молчи!—низкимъ шопотомъ выдалъ изъ себя о. Герасимъ.—Молчи! Стыдно поддаваться слабости. Не сотворила молитвы на ночь, вотъ и грезится!

Попады скоро успокоилась. Тѣнь сонливой лѣности опять сковала ея расплывшіяся черты; она обтерла полотенцемъ расплескавшіеся стаканы; при этомъ движеніи ея были спокойны и тяжелы. Но изрѣдка, будто невзначай, она схватывала себя рукойъ подъ лѣвую грудь: такъ сильно билось сердце и ныло, ныло...

Рѣшивъ ѣхать въ городъ, о. Герасимъ съ попадѣй вышли вслѣдъ за учителемъ. Весенняя распутица попортила дороги, черноземъ растопился, засасывая ступающія ноги и колеса телегъ. Проѣхать было невозможно, и о. Герасимъ рѣшилъ итти до станціи по чугункѣ. Онъ поднялъ выше колѣни подолъ своихъ захлаустанныхъ одеждъ и такъ шелъ, стараясь не опереживать попады, ежеминутно завязавшей въ липкомъ черноземѣ. Вокругъ школы на высокихъ ветлахъ раскачивались ребята, сшибавшіе вороньи гнѣзда.

— Здрате, батюшка! закричали они сверху.

Трапезундъ. Восточная часть города. Слева, наверху, древне-греческій женскій монастырь съ церковью въ пещерѣ.

— Здравствуйте! — ласково отвѣтилъ о. Герасимъ. Онъ любилъ дѣтей

— Такъ вотъ, когда былъ маленькій, нашъ Павлуша съ ветлы упалъ.

О. Герасимъ оглянулся на попадью.

— Ладно, чего тамъ, — проговорилъ онъ, бодрясь, — упалъ, да живъ остался.

До города было не болѣе сорока верстъ, и доѣхали въ вагонѣ скоро. Потомъ тряслись по слободѣ на извозчикѣ и все время молчали. Въ здѣшней семинаріи о. Герасимъ кончилъ курсъ; по-этому, когда пріѣхали, смѣло повелъ попадью широкимъ семинарскимъ дворомъ. Теперь вся семинарія была занята подъ семинарскій лазаретъ, а учились въ духовномъ училищѣ. Въ подѣздѣ ихъ встрѣтилъ солдатъ, у котораго они и освѣдомились,

въ какой палатѣ лежитъ Дементій Камардинкинъ. Солдатъ назвалъ шестую палату и показалъ, какъ пройти.

Съ узкимъ, низководчатымъ коридоромъ у о. Герасима всегда связывалось представленіе о шумѣ. Но теперь вездѣ царилъ тишина, цементные полы были устланы войлокомъ, и навстрѣчу то и дѣло попадались бѣлыя фигуры сестеръ и раненыхъ, передвигавшихся, какъ тѣни.

— Намъ бы Камардинкина, сестрица! — спросилъ о. Герасимъ дѣвушку въ дверяхъ шестой палаты.

— Что жъ, пройдите. У него недавно родные были. Только не утомляйте его: онъ еще очень слабъ.

Въ палатѣ десятки годовъ повернулись имъ навстрѣчу, когда они вошли. Солдаты сидѣли и лежали въ самыхъ различныхъ позахъ, многіе бродили по комнатѣ. Всѣ они были въ бѣлыхъ

Трапезундъ. Гавань.

Общій видъ Трапезунда съ юго-восточной стороны.

халатахъ, съ бѣлыми перевязями и поэтому ходили другъ на друга, какъ братья-близнецы. О. Герасимъ остановился, отыскивая глазами Дементія; матушка стояла рядомъ съ нимъ, сложивъ руки на кругломъ животѣ и тяжело дыша послѣ долгаго подъема на лѣстницу.

— Батюшка!—окликнулъ знакомый голосъ.

Дементій сидѣлъ на кровати, на колѣняхъ его лежала газета. И когда онъ попеременно глядѣлъ то на попадью, то на о. Герасима, лицо его расплывалось въ радостную улыбку, такъ что кожа вокругъ рта собралась въ полукруглыя смѣющіяся складки. Что-то дѣтское было въ его лицѣ, сильно осунувшемся и блѣднымъ матовой блѣдностью. Онъ сбросилъ съ колѣнъ газету, съ мягкимъ шорохомъ упавшую на полъ, и, повернувшись всею тѣломъ къ пришедшимъ, закивалъ имъ головой.

— Идемъ!—сказалъ о. Герасимъ попадьѣ.

Едва они сѣли, Дементій заговорилъ. Вѣроятно, онъ долго молчалъ раньше, а то, что ему пришлось переиспытать, было такъ значительно и огромно, что не могло самостоятельно уложиться въ его душѣ. Онъ началъ рассказывать имъ все съ самаго начала, но мысль его бѣжала скорѣе неповоротливаго мужицкаго языка; онъ обрывалъ слова, останавливался и тогда въ упоръ смотрѣлъ, не мигая, въ глаза попадьи. Ту смущалъ его взглядъ—что-то вымученное и страшное осѣло на днѣ его черныхъ безпокойныхъ зрачковъ. Тяжелыя вѣки попадьи начинали испуганно мигать, и оловянные глаза торопливо искали точки опоры. О. Герасимъ внимательно слѣдилъ за раненымъ, а мозгъ сверлила мысль: что же Павелъ? Паша? Павлуша? И тоже необычайно странными казались ему собранные въ этой комнатѣ больные солдаты—вѣдь каждый изъ нихъ видѣлъ смерть, слышалъ ея холодное дыханье, и каждого изъ нихъ, пролетая низко-низко, задѣлъ крыломъ своимъ незримый ангелъ смерти...

Собравшись съ мыслями, о. Герасимъ спросилъ:

— А ранили-то тебя какъ?

Дементій не сразу понялъ.

— Чтò?

— Ранили, говорю... пулей, али какъ?

— Бонбой,—проговорилъ Дементій, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что говорилъ, но тотчасъ же оживился, вспомнивъ точное значеніе этого слова.—Бонбой,—повторилъ онъ, и въ глазахъ его разгоралось оживленіе.—Значить, душили это по ѣмъ наши. Потомъ въ атаку... „Братцы, кричите, голубчики!“ Нашъ кричить... Кинулись. Тутъ и пошло: бѣгѣмъ, а олъ жарить, бѣгѣмъ, а онъ по насъ. Валиться начали, то одинъ, то другой. Одетовъ лицомъ такъ и зарылся. Гаврилова подкосило. Потомъ меня въ шею ровно камнемъ. Упалъ это я, а наши черезъ меня прыгаютъ. „Голубчики, кричу, товарищи!“ Тутъ гляжу, Павелъ рядомъ корчится. „Прощай, говорю, Пашенька, померемъ, говорю, за отечество“. Встрепыхнулся онъ, да и захрипѣлъ. Померъ. Заплакалъ тутъ я. „Прости, говорю, мать сыра земля, прими, говорю, мать земля, расейскаго солдата...“

— Какой Павелъ?—рѣзкимъ теноромъ крикнулъ о. Герасимъ.— Про какого Павла говоришь ты?

И вдругъ поднялъ руки вверхъ и тонкимъ, звенящимъ голо-сомъ началъ выкликать:

— Господи! Господи!

Но отчаяніе вдругъ смѣнилось въ душѣ о. Герасима внезапнымъ спокойствіемъ. Онъ помнитъ, какъ сказалъ тогда: „Божья воля. Ты дашь, Ты и возьмешь“. И потомъ, когда попадью несли на рукахъ, словно мертвую, онъ говорилъ несущимъ:

— Въ мое время налѣво тутъ была учительская. Снесите ее въ учительскую.

Голова попадьи запрокинулась, толстыя руки, какъ обрубки, раскачивались въ тактъ шагамъ. Пока ее приводили въ чувство, о. Герасимъ, желая избавиться отъ утѣшавшей его сестры, пошелъ по коридору къ большому многостворчатому окну, выходившему въ старый семинарскій садъ. Но сестра не отставала отъ него, повторяя все одно и то же слово: „бодритесь, бодритесь!“ Дойдя до окна, о. Герасимъ простеръ свои руки вверхъ, охвативъ ими оконную раму. Сестра, замолчавъ, растерянно смотрѣла на его блестящій лысый затылокъ.

Обернувшись къ ней, о. Герасимъ воскликнулъ:

— Ахъ, да не вѣрю же я! Развѣ попуститъ Господь?

III.

Въ горницѣ ихъ сидѣло двое: матушка и дядюшкѣ Степанычъ. Руки у послѣдняго были вышпаканы въ землѣ, въ волосахъ, съ утра нечесанныхъ, торчала чечевичная шелуха и солома—было видно, что Степанычъ пришелъ съ огорода, лишь только узналъ о несчастіи, упавшемъ на голову о. Герасима. Забылъ и обиду, и духовный концертъ, и ало-красныя афиши на телеграфныхъ столбахъ. Ужъ такое у него было сердце, что норовъ долго не держалъ въ немъ.

Степанычъ соскабливалъ съ ладони куски засохшей грязи, падавшей на полъ, и повторялъ въ десятый разъ:

— Опять же оно не проверено. Безъ точности фактовъ...

Ждалъ, чтобы матушка отвѣтила. Ея апатія дѣйствовала на него хуже бабьихъ слезъ.

— Надобно навести проверку черезъ воинскаго начальника, или какъ. Надобно спросить въ бюрѣ убійныхъ. А то какъ?

Попадья, вздохнувъ, перемѣнила позу и стала смотрѣть въ окно. Солнце, урывками процѣживаясь сквозь тучи, глядѣлось въ лужи, покрывшія лужайку передъ домомъ; съ Оки попрежнему тянулъ вѣтеръ, пригибая къ церковной оградѣ топыркия рябины.

— А то какъ?—бормоталъ Степанычъ, мучась.—Дементій—человѣкъ раненый, безъ разумія, взялъ да и обознался. Чрезвычайно просто. А то: Павелъ Предтеченскій, какъ же! Гляди, какой глазастый! Мало ли на роту всякихъ Павловъ? Эки страсти Господни...

— Ты, Степанычъ, поди,—апатично проговорила попадья,

уоставившись въ него оловянными глазами.— Не тяни ты душу мою, сдѣлай милость.

Степанычъ вскочилъ. Ростомъ онъ доходилъ почти до потолка, несуразный, длинный, въ перепачканномъ въ землѣ длиннополомъ платѣ.

— Не могу я на твои страданія глядѣть. — загнусявилъ онъ, почти плача, — не могу, силъ моихъ нѣтъ. Да хоть поплачь ты, Марья Алексѣвна!

Но попада въ только вздохнула въ отвѣтъ.

Постоявъ, Степанычъ рѣшилъ уйти. Сначала думалъ спросить объ о. Герасимѣ, но побоялся пуще того разстроить матушку. Говорили, что о. Герасимъ пропалъ съ самаго утра, видѣли его уходящимъ въ поле съ непокрытою головой и сучковатой палкой въ рукахъ.

— Пойти, пожалуй, въ огорода? — полувопросительно молвилъ Степанычъ, и такъ какъ попада не шелохнулась, то, помявшись, онъ вобралъ въ плечи длинноволосую голову, согнулъ спину и нырнулъ въ дверь. Остались въ комнатѣ большіе, широкіе слѣды его ногъ и крѣпкій запахъ разопрѣлой кожи.

Попада осталась сидѣть въ прежней позѣ. Казалось, она не видитъ передъ собой тусклаго, потерявшаго блескъ пианино, ни большихъ фотографій въ голубыхъ наспарту по стѣнамъ, ни аляповатыхъ цвѣтовъ на обояхъ, но смотритъ въ глубину души своей, страдающей невыносимо. Такъ страшно, такъ мучительно ныло сердце. Вѣдь Павла нѣтъ въ живыхъ, вѣдь Павелъ убитъ...

Утромъ, отыскавъ въ углу тяжелую палку, о. Герасимъ накинулъ на плечи зимній тулупъ и ушелъ изъ дома. Шляпу забылъ надѣть. Онъ пошелъ улицей, ступая безъ разбору въ грязь и воду, вышелъ къ околицѣ и, растворивъ скрипучую, тяжелую городьбу, попалъ на проселокъ. Въ обнажившихся колеяхъ стояла мутная осенняя вода, черноземная грязь была блестяща и лоснилась. О. Герасимъ пошелъ боковой стежкой, дѣлая мѣрные широкіе шаги, открывъ грудь знобящему вѣтру и глотая его глубокими, затяжными глотками. Шелъ онъ и думалъ, что уйдетъ, уйдетъ отъ муки-мученской своей. Такъ шелъ онъ, не останавливаясь, пока передъ нимъ не выросла опушка голаго лѣса. Лѣсъ шумѣлъ, стучали вѣтками безлистья деревья, вѣтеръ гнулъ ихъ избытшіи макушки, свистѣлъ въ прогнившихъ дуплахъ и, налетая на бархатныя ели, затихалъ подъ ними съ придушеннымъ шорохомъ. Почувствовавъ усталость, о. Герасимъ сѣлъ на буторъ, покрытый бѣлосой прошлогодней травой, изъ которой зима выпила все соки, и вдругъ горячія слезы обожгли его обвѣтренное лицо.

Онъ плакалъ, прикрывъ лицо руками.

— Боже мой, Боже! — сказала онъ вслухъ. — Тебѣ служилъ я тридцать лѣтъ, ежедневно, ежечасно поминая святое имя Твое. Ты ли подыалъ руку надо мною? Когда померла дочь Наталія, развѣ я ропталъ? Я одѣлъ душу мою во власяницу и любовь мою отцовъ подавилъ въ себѣ. Матушку мою престарѣлую переѣхала машина — я собралъ останки ея кровавые въ гробъ и со скорбію похоронилъ. Зналъ я, Господи: „камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо, Ты тамо еси... Аще сиду во адъ, тамо еси“... Ей, Господи!

О. Герасимъ затрясъ головою, спутанные волосы его развѣялъ вѣтеръ. Онъ воскликнулъ:

— Но Павла не отыми отъ мене!

Рыданія всколыхнули все его тѣло, онъ упалъ на землю, выкликая временами слова, похожія на бредъ.

Медленно сползавшій съ облаковъ студеный вечеръ засталъ его въ полѣ. О. Герасимъ ходилъ по межѣ. Остановившаяся, онъ въздѣвалъ вверхъ руки, и тогда вѣтеръ доносилъ обрывки его вопля:

— Господи, вороти мнѣ сына!

Подымалась въ немъ тяжелая отцова горечь.

— Господи, вороти!

Потомъ его видѣли на разливѣ. Онъ шелъ, спотыкаясь, по кочковатому берегу и бормоталъ молитвы. Мужики, ловившіе на разливѣ дрова, рассказывали потомъ, что у о. Герасима, ровно звѣзды, сияли глаза. Тутъ прошелъ по селу слухъ, будто попъ сошелъ съ ума. Бабы робко проходили мимо попова домика, въ окнахъ котораго не видно было огня. Только край занавѣски въ спальнѣ былъ освѣщенъ неяркимъ красноватымъ свѣтомъ. Это горѣла передъ образомъ Богоматери восьмигранная красная лампада.

Матушка волновалась.

Она уже не могла стоять на ногахъ и лежала въ своей спальнѣ на мягкихъ перинахъ широкой двуспальной кровати, стеноя рѣдкими и громкими вскриками. На подоконникѣ стояла баночка съ нашатырнымъ спиртомъ. Въ залѣ сидѣли учитель Николай Федоровичъ, Степанычъ и Иванъ Ивановичъ, почтальонъ.

— Николай Федорычъ! — позвала матушка.

Учитель, сутулясь, прошелъ къ ней въ комнату.

— Не вернулся?

Учитель вдохнулъ носомъ воздухъ.

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ онъ, выдыхая воздухъ изо рта.

Олька ищетъ. Побѣгла на рѣку.

— Вы бы пошли, поглядѣли.

— Куда жъ я пойду? На улицѣ темъ.

Замолчали. Среди наступившей тишины матушка сказала:

— Безчувственный!

Учитель обидѣлся.

— Это за что жъ? Мнѣ безсмысленно итти, ибо въ двухъ шагахъ коровы не видать.

Но все же, помявшись, онъ взялся за шапку и куда-то ушелъ. Къ десяти часамъ изъ церкви приближалъ обрадованный сторожъ съ извѣщеніемъ, что батюшка вернулся и требуетъ отъ церкви ключи.

— Приходи безъ шапки, и лица на немъ нѣтъ.

Всѣ бросились искать ключи и потомъ вышли на крыльцо посмотрѣть, какъ Михайла будетъ передавать ихъ о. Герасиму, но въ темной влажной вѣтренной ночи не видно было о. Герасима, только мутнѣла за колючей оградой бѣлая церковь.

Около полуночи, когда все разошлось, попада ходила смотрѣть на о. Герасима. Въ церкви было совершенно темно, лишь мерцали у алтаря двѣ тонкія оплывшія свѣчи. О. Герасимъ лежалъ

Трапезундъ. Мусульманское кладбище въ оградѣ турецкаго монастыря.

на амвонѣ у царскихъ вратъ, расластавъ руки и касаясь лбомъ низа позолоченнаго иконостаса. Въ гулкой тишинѣ сырой и темной церкви онъ казался застывшимъ, неживымъ. Вокругъ язычковъ свѣчей стояли свѣтлые лиловые круги. О стекла хлестали рябины.

Матушка, подавляя закрившійся ей въ душу страхъ, окликнула:
— Герасимъ, слышь!..

О. Герасимъ не пошевелился. Пробѣжалъ по чугункѣ почтовый, церковныя окна задребезжали, свѣтлыя полосы отъ освѣщенныхъ оконъ поѣзда проползли по каменному полу.

— Герасимъ, а Герасимъ! — во второй разъ позвала матушка.

Подошедшій Михайла сказалъ ей попономъ:

— Не знобись, пушай его подъ Богомъ отлежится.

Попадья вернулась домой, неся въ душѣ своей смуту и тихий ужасъ. И, раздвѣаясь въ спаленкѣ, залитой краснымъ свѣтомъ, обнажала широкія, пухлыя плечи свои, высокую бѣлую грудь. Такое крупное тѣло далъ ей Богъ и такой слабый, немощный духъ...

Ночью вѣтеръ долго стучалъ ставнями, а матушка вздрагивала на постели, кутая въ одѣяло голову. На лежанкѣ слегка сипѣлъ ночникъ.

— Господи Иисусе! — шептала матушка, и все думала, ворочаясь, и не могла уснуть.

Временами ей дѣлалось страшно, и она звала полушопотомъ:

— Герасимъ, гдѣ ты, Герасимъ?

Вѣроятно, она забылась на минуту, потому что, когда вернулся о. Герасимъ, она не слышала его шаговъ. О. Герасимъ, остановившись передъ кроватью, ласково взглянулъ на нее. Попадья испуганно открыла глаза.

— Настя! — задумчиво сказалъ о. Герасимъ, опустился передъ кроватью на колѣни и во второй разъ неслышно заплакалъ. Его сѣдая голова затряслась, и пальцы рукъ судорожно сжали одѣяло и женину руку. Но въ плачѣ его не было ни отчаянія ни тоски.

— Герасимъ, — прошептала матушка, прижавъ къ своей груди его голову, — будемъ терпѣть... Ты же самъ говорилъ, помнишь? Будемъ вѣрить, ждать. Терни, Герасимъ!

Но о. Герасимъ сказалъ твердымъ голосомъ:

— Онъ живъ.

Попадья подумала, что ослышалась.

— Чтѣ? — спросила она, замеревъ.

— Паца живъ, — повторилъ о. Герасимъ, — да, живъ. Можеть-быть, раненъ, но живъ.

— Кто... кто сказалъ? — съ сомнѣніемъ и радостью проговорила Настя.

— Не спрашивай.

— Герасимъ! — обрѣвъ, прошептала матушка.

— Не спрашивай, — сердце узнало.

Онъ зналъ, старый, посѣдѣлый о. Герасимъ, что сердце не умѣетъ лгать...

IV.

Иванъ Ивановичъ — чрезвычайно обходительный и милый кавалеръ, не даромъ его любятъ бабы, а ядренныя дѣвки хихикаютъ въ рукава, погромыхая ведрами, когда онъ, подкакивая пѣтушкомъ, пробѣгаетъ мимо колодца, немного сгибаясь подъ тяжестью почтовой сумки своей. Такой обходительный человекъ, а до сихъ поръ холостъ и живетъ бобылемъ въ комнаткѣ, отводимой ему Лаптинскимъ почтовымъ отдѣленіемъ. Бывають же такіе мужичины: и собой не уроды, и въ разговорѣ пріятны, и дѣвки рады получить отъ нихъ городской комплиментъ, а вотъ чтобы подъ вѣнецъ пойти съ нимъ, такъ дуръ не находится. Пойдутъ разбирать по косточкамъ: тонковать, коротковать, голосъ, что у дѣвочки, а иная, повострѣй да позубастѣй, скажетъ словно въ шутку: „ужъ какой тамъ Иванъ Ивановичъ мужъ, да его всякая жена заспитъ!“

Но зато всѣ любятъ слушать, какъ Иванъ Ивановичъ рассказываетъ. Сядетъ Иванъ Ивановичъ за столъ, положитъ рядомъ сумку, — все боится, какъ бы корреспонденцію не растерять, — и начинаетъ говорить, да какъ говорить: глазомъ подмигиваетъ, рукой всякіе смѣшныя жесты дѣлаетъ, то кулакомъ стукнетъ,

то по столу пальцами сдѣлаетъ переборъ. Можно заслушаться. И той мысли нѣтъ на умѣ, не вретъ ли Иванъ Ивановичъ. Будто съ краснорѣчивыхъ устъ его никогда и ложь не соскакивала.

Измѣнить своимъ привычкамъ Ивана Ивановича могло заставить лишь какое-нибудь чрезвычайное обстоятельство. И когда, однажды, его шуплая фигура появилась за стеклянннй дверью балкона въ неурочно ранній часъ, попадья почувствовала, что сію минуту совершится что-то огромное, необычное, радостное, а о. Герасимъ даже растерялся.

Порывисто открывъ дверь, Иванъ Ивановичъ легкимъ скачкомъ перепрыгнулъ черезъ порогъ. Видъ у него былъ необычайно праздничный, улыбка затопила все его лицо. Казалось, сумка не отягчаетъ нынче его узкихъ плечъ. Это было поразительно, это походило на чудо, — Иванъ Ивановичъ держалъ въ рукахъ письмо отъ Павла! О. Герасимъ сразу узналъ сыновній почеркъ, торопливый, неясный, по-дѣтски размашистый и, вырвавъ дрожащими пальцами изъ рукъ Ивана Ивановича конвертъ, разорвалъ его съ живостью, неожиданной для его протоіерейскаго возраста.

Листокъ плохой почтовой бумаги замеръ на его ладони. Съ минуту о. Герасимъ не поднималъ глазъ, потомъ глянулъ на Ивана Ивановича, на попадью засвѣтившимся взглядомъ и вдругъ размашисто, истоиво сотворилъ крестное знаменіе.

— Не обмануло сердце!

— Живъ-съ? — обрадовался Иванъ Ивановичъ.

Попадья сидѣла ни жива ни мертва.

— Раненъ въ руку и въ плечо навывлетъ. Да ты прочти, прочти...

О. Герасимъ сунулъ письмо попадѣ, потомъ Ивану Ивановичу. Тотъ, отстегнувъ сумку, уронилъ ее себѣ подъ ноги, перешагнувъ черезъ нее и, взявъ у о. Герасима письмо, прочелъ речитативомъ:

„Москва, сводный лазаретъ N-скаго полка.

„Дорогіе мои родители, папаша и мамаша. Пишу вамъ изъ московскаго лазарета, гдѣ лежу съ прострѣленнымъ плечомъ и разбитой рукою. Долго не писалъ потому, что съ недѣлю былъ въ непрерывномъ бою, а потомъ двѣ недѣли лежалъ безъ чувствъ въ лазаретѣ. На-дняхъ перенесъ операцію, сошедшую благополучно. Поправляюсь замѣтно, чувствую, какъ вливаюсь въ меня новыя силы. Теперь настолько окрѣпъ, что могу сообщить вамъ нѣсколько строкъ о себѣ. Раненъ я въ атакѣ отъ 1-го марта, у мѣстечка N. подъ Д. Страшная была атака, и много въ ней нашихъ легло костью. Былъ раненъ рядомъ со мною нашъ односельчанинъ Камардинкинъ, но я впаляю тогда въ безпамятство и не знаю, чтѣ случилось съ нимъ. Усталъ, бросаю письмо. Пріѣзжайте навѣстить меня въ Москву, истомился безъ васъ, родные мои.

„Цѣлую васъ крѣпко. Сынъ вашъ и русскій воинъ, Павелъ Предтеченскій. Шлю поклонъ Степаньчу, учителю, почтальону Ивану Ивановичу“.

— И мнѣ поклонъ! — радостно всплеснулъ руками Иванъ Ивановичъ.

А о. Герасимъ, засуетившись, воздѣлалъ руки горѣ и поминутно крестился.

— Молебенъ, благодарственный молебенъ сію же минуту! Настя, пошли Ольгу за Степаньчемою.

Какъ будто просвѣтлѣла низкая горенка, и щели на потолокъ стали казаться пріятными, и шумъ съ Оки ласковымъ. Вспомнилось, какъ Павелъ сидѣлъ подъ образами, хрустѣлъ пальцами и растерянно повторялъ: „Нельзя, родина страждетъ“, а попадья лежала въ спаленкѣ съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ. Чудная попадья: не могла понять, что всѣ подъ Богомъ ходимъ, что Богъ-то въ обиду не дастъ.

Изъ церкви, въ окно, было видно, какъ пробѣжалъ Иванъ Ивановичъ, торопясь на службу. То-то радовался! Завтра ужъ расскажетъ, бѣгая по избамъ, какъ свѣтлая радость Христова посѣтила поповъ домикъ. При этомъ не удержится и скажетъ что-нибудь смѣшное. Дѣвки будутъ хихикать, закрывая голыми локтями кумачовые рты, а бабы подпрутъ очками головы и скажутъ съ печалью:

— Ишь, болѣзные... Перемучились!

И всѣ будутъ чувствовать себя радостно, будто въ праздникъ, возвращаясь отъ обѣдни, подали нищему обильную милостыню.

На кавказскомъ фронтѣ.
Въ горахъ Палантеке наші солдаты верхомъ на буйволахъ.

Гнѣздо милитаризма въ средніе вѣка.

Въ нынѣшней войнѣ многихъ поразило выступленіе Германіи совместно съ Турціей — христіанскаго государства съ государствомъ инновѣрческимъ, государства сугубо-европейскаго съ сугубо-азиатскимъ. Многие видѣли въ этомъ „противоестественномъ“ союзѣ нѣчто атавистическое — возвратъ Германіи къ временамъ дохристіанскаго варварства.

Между тѣмъ въ союзѣ этомъ, даже помимо узко-политическихъ и экономическихъ причинъ, имѣется большая доля исторической законѣрности, которая объясняетъ и оправдываетъ его. Оправданіе это коренится въ томъ, что Германія нынѣшняго времени есть не что иное, какъ Турція прежнихъ временъ, или, иначе говоря, Турція въ прежнія времена была для Европы тѣмъ же, чѣмъ является въ настоящее время для Европы Германія: — гнѣздомъ организованнаго милитаризма.

Оба эти государства имѣютъ такимъ образомъ идейное родство и сходство. И если прослѣдить эту историческую аналогію далѣе, то можно усмотрѣть участіе въ данномъ историческомъ и идейномъ родствѣ и болгарь.

Турція — гнѣздо милитаризма. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ средніе вѣка, въ ту счастливую и удачную для этого государства эпоху, когда оно только-что сложилось въ своихъ новыхъ европейскихъ и малоазіатскихъ границахъ и съ невѣроятной энергіей подчиняло и ассимилировало балканскіе христіанскіе народы, угрожая все болѣе и болѣе даже самой Византіи.

Можетъ показаться страннымъ: какое-такое особое гнѣздо милитаризма могло быть въ Европѣ въ тѣ времена, когда вся вообще Европа представляла собою вооруженный лагерь? Тринадцатый и четырнадцатый вѣка были вѣками всеобщихъ крово-

пролитій и междоусобицъ. Но, тѣмъ не менѣе, фактъ остается фактомъ: въ вооруженной съ ногъ до головы Европѣ до половины XV вѣка не было настоящей регулярной арміи. И турки

сказали новое слово въ военномъ дѣлѣ искусственнымъ въ войнахъ христіанскимъ народамъ и на долгое время сдѣлались пугаломъ Европы — совершенно такимъ же, какимъ была для Европы въ нынѣшнее время Германія.

Въ средніе вѣка каждый былъ воинномъ, и, быть-можетъ, поэтому не было спеціально военного сословія, если не считать профессионаловъ-наемниковъ, ландскнехтовъ, которые продавались за жалованье любому государю. Такія наемныя войска, имѣвшіяся почти у каждого короля, разумѣется, не могли никоимъ образомъ считаться настоящей національной арміей да и не были многочисленны. Наемная лейбгвардія рѣдко превышала 3.000—5.000 человекъ и во время войны не могла итти серьезно въ счетъ, ибо прежде всего должна была защищать личную неприкосновенность

своего хозяина. Настоящее же войско собиралось каждый разъ ad hoc изъ дворянъ и ихъ подчиненныхъ (крестьянъ, арендаторовъ и т. п.). Каждый такой дворянинъ приводилъ съ собою королю свое собственное маленькое войско, которое онъ успѣвалъ и могъ сообразно своимъ средствамъ собрать и вооружить. Въ общей массѣ эта пререгулярная армія, можетъ-быть, и отличалась храбростью, но она была и плохо вооружена и плохо дисциплинирована и не была объединена общей организаціей. И, повторяемъ, это было въ тѣ времена, когда война была почти естественнымъ состояніемъ для Европы.

Еще хуже въ этомъ отношеніи обстояло дѣло въ государствахъ Балканскаго полуострова, которымъ прежде другихъ при-

Нагробный памятникъ на армянскомъ кладбищѣ въ Эрзерумѣ.

Эрзерумъ. Древній христіанскій храмъ, превращенный сначала въ мечеть, а потомъ въ арсеналь. Маіоликовые минареты, стѣны храма покрыты внутри древними греческими орнаментами.

Эрзерумъ. Древній христіанскій храмъ во дворѣ турецкаго военнаго училища, обращенный сначала въ мечеть, а потомъ въ интендантскій складъ.

шло съ неспытатъ натискъ турокъ. Политическія неурядицы, господствовавшія на полуостровѣ предъ турецкимъ нашествіемъ, ослабили феодальныя королевскія войска, и безъ того слабыя. Достаточно сказать, что Лазарь, царь сербскій, нашелъ нужнымъ предъ Косовскою битвою включить въ свой манифестъ войскамъ страшное заклятіе и анаѣму тѣмъ изъ его воиновъ, кто откажется слѣдовать за нимъ на Косово поле.

И вотъ въ такой-то хотя и привыкшей къ войнама, но по существу невоенной средѣ, появились турки съ ихъ своеобразной и, надо имъ отдать справедливость, талантливой и продуманной военной организаціей. Предъ государствами скорѣе „штатскими“, чѣмъ военными, выросло государство тинично-военное, аккуратно и крѣпко слаженное, какъ одна сплошная армія, и все проникнутое идеей завоеванія несвѣрныхъ во имя Пророка. Мало того: это было государство-ассимиляторъ, обладающее способностью привлекать къ себѣ не только военнымъ путемъ, но и путемъ чисто-мирнымъ сосѣдніе народы и вѣдрять ихъ представителей въ свой составъ. Турки, какъ и нынѣшніе нѣмцы, были чрезвычайно озабочены усиленіемъ своей государственности путемъ ассимиляціи. Но въ то время, какъ у нѣмцевъ ассимиляція шла центростремительно, и они сами шли со своимъ языкомъ и вліяніемъ въ чужую страну, турки дѣйствовали центробѣжно: они привлекали чужеземцевъ къ себѣ, въ свою страну, и создавали изъ нихъ новыхъ турокъ въ предѣлахъ самой Турціи.

Они дѣйствовали тѣмъ, что охотно предоставляли даже высшія служебныя должности и мѣста кому угодно изъ иностранцевъ, наравнѣ съ турками, не дѣлая изъ этого никакихъ національныхъ и религіозныхъ „вопросовъ“. При дворѣ османлисовъ легко могли получить доступъ къ самымъ высшимъ чинамъ и сербы и болгары и греки. Въ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова всегда было много лицъ, недовольныхъ государственнымъ режимомъ. Изъ протеста они охотно шли къ туркамъ, и тѣ не менѣе охотно ихъ принимали. Кромѣ того, очень часто многіе даровитые болгары, греки и сербы не могли у себя на родинѣ возвыситься надъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ они родились и находились; они тоже отправлялись къ османамъ и находили тамъ открытый путь къ славѣ, богатству, почестямъ, къ посту бейлеръ-бея (главнокомандующаго), къ коври великаго визиря и даже къ браку съ султанскою дочерью или племянницей. Не трудно представить, насколько плодотворна была для турокъ система этого „сманиванья“. И сманиванье это совершалось тѣмъ легче, что въ балканскихъ государствахъ общественныя и политическія порядки были чрезвычайно плохи, и людей, имѣвшихъ полное основаніе быть недовольными своимъ отечествомъ, было тамъ всегда очень много.

Кромѣ того, почти всегда имѣлось нѣсколько претендентовъ на императорскій престолъ въ Константинополѣ и на царскіе троны Болгаріи, Босніи и Сербіи. Эти претенденты обращались за помощью опять-таки къ туркамъ и мечтали завладѣть властью при ихъ помощи. Все эти христіанскіе перебѣжчики, претенденты и авантюристы, систематически соблазняемые турками, значительно усиливали турецкую власть и турецкое войско. Ихъ

было очень много. Нѣкій Бертранъ де-ла-Брокьеръ, владѣлецъ Вье-Шато, совѣтникъ и первый конюшій герцога бургундскаго Филиппа Добраго, посѣтившій въ 1423 году балканскія государства и составившій для герцога описаніе своихъ путешествій, говорить, между прочимъ, слѣдующее о турецкомъ войскѣ: „Между ними множество христіанъ, обязанныхъ служить султану: грековъ, македонянъ, албанцевъ, славянъ, валаховъ, болгаръ и т. д. Турки держатъ ихъ въ строгомъ подчиненіи“. Въ турецкой арміи, во время битвы на Косовомъ полѣ, было множество греческихъ, болгарскихъ и боснійскихъ воиновъ. Эти христіане принуждены были, по волѣ турокъ и благодаря ихъ адской организованности въ военномъ дѣлѣ, истреблять своихъ братьевъ-христіанъ. Не легко мирилась ихъ совѣсть съ такимъ положеніемъ дѣла. Въ началѣ великаго боя при Ровинѣ между турками и валахами (въ 1394 году) знаменитый король Марко, сражавшійся въ рядахъ турецкой арміи, обратился къ своему родственнику Константину Драгашу (дѣду послѣдняго византійскаго императора) со словами: „Молю Бога, чтобы онъ далъ побѣду христіанамъ, хотя я поплачусь за это своею собственною жизнью!“ Со скорбью, съ угрызениями совѣсти, съ душевной болью и гнѣвомъ христіане сражались противъ христіанъ — и ничего не могли подѣлать противъ политики турокъ, умѣвшихъ съ дьявольскою ловкостью и энергіей вносить разладъ и моральный распадъ въ среду балканскихъ народовъ и пользоваться этимъ для усиленія собственной силы и власти. Развѣ нельзя видѣть въ этой безпринципной и безираветвенной ассимиляторской политикѣ совершенно тѣхъ же принциповъ, которыми пользуются и современные нѣмцы, въ качествѣ колонизаторовъ и культуртрегеровъ?

Но это еще не все. Заботясь о приращеніи боевыхъ элементовъ, эти насадители организованнаго милитаризма въ Европѣ додумались до того, чтобы брать дань съ побѣжденныхъ народовъ войсками. Побѣжденное государство обязывалось поставлять контингентъ лучшихъ войскъ для султана. Слѣдуетъ особо отмѣтить это обстоятельство; турки вообще стремились провести своеобразный, чисто-дьявольскій принципъ въ свою военную организацію: они стремились, по возможности, заимствовать матеріалъ для своей арміи не изъ среды турокъ, но изъ постороннихъ, преимущественно христіанскихъ народностей. Они хотѣли, чтобы сила, которой суждено покорить христіанство, была доставлена врагами ислама. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, проливать кровь правовѣрныхъ, подвергать ихъ жизнь опасности и расходовать силы страны, когда „пушечное мясо“ можно добыть изъ другихъ государствъ? Надо только основательно потурчить эту чуждую военную силу и держать ее въ крѣпкой уздѣ. И вотъ сосѣднія побѣжденные страны облагались данью войсками, и, что еще удивительнѣе, турки, какъ увидимъ ниже, брали въ плѣнъ при каждомъ своемъ набѣгѣ здоровыхъ христіанскихъ дѣтей, специальнымъ образомъ воспитывали ихъ и превращали въ преданныхъ мусульманству воиновъ.

При такихъ условіяхъ эти милитаристы средневѣковья работали страшный „бронированный кулакъ“, висѣвшій надъ Европой въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока удары, нанесенные ему Потемкинымъ и Суворовымъ, не уничтожили почти всего его военнаго обаянія и не превратили „гнѣздо милитаризма“ въ „больного человѣка“.

Турецкая военная организація изумляла въ XIV и XV вѣкахъ всѣхъ современниковъ.

Турки сохранили у себя свойственную тогдашнимъ европейскимъ государствамъ феодальную систему воинской повинности, но они придали ей организованность и опредѣленность: было точно указано число вооруженныхъ воиновъ, которыхъ былъ обязанъ выставить подъ знамена каждый „военнообязанный“, подвластный султану деспотъ. Но этого мало: турки завели у себя настоящее регулярное войско. Это были знаменитые янычары.

Начало этому войску было положено въ 1326 году Орханомъ и его братомъ, визиремъ Алаэддиномъ. Эти люди сумѣли не только превратить военную службу въ специальное сословіе, но и подготавливали людей къ военному дѣлу съ дѣтства. Они создали

замкнутую касту, значение которой для государства оказалось громадным: это было зерно той страшной силы, которая смела потом Византию.

Как мы уже говорили, турки при каждом набѣгѣ на христіанскія государства забирали въ плѣн христіанскихъ мальчиковъ. Самые красивые, понятливые и здоровые изъ нихъ посылались въ спеціальныя школы, и тамъ ихъ воспитывали въ духѣ ревностнаго мусульманства и дѣлали изъ нихъ преданныхъ своему ремеслу воиновъ. Когда эти „кадеты“ оказывались достаточно подготовленными къ военному дѣлу, ихъ завербовывали въ янычарскіе полки.

Если же нельзя было набрать подходящихъ дѣтей изъ числа забранныхъ въ плѣнъ, то посылались особые султанскіе вербовщики въ покоренныя христіанскія земли съ жестокой миссіей: подыскивать среди „райи“, т.-е. христіанскаго населенія, наиболѣе многообѣщающихъ мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ. Это была натуральная повинность райи, исключительная византийская повинность.

Сынъ Орхана Мурадъ I преобразовалъ янычарскую армію, и поэтому нѣкоторые историки считаютъ учредителемъ этой арміи именно его, а не его отца. Въ томъ видѣ, въ какомъ янычарское войнство вышло изъ рукъ этого насадителя военной организованной мощи въ Турціи, оно сохранилось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Нельзя отказать организаторамъ этой арміи въ здоровомъ пониманіи воинскихъ задачъ и цѣлей и въ умѣннн создать крѣпкія формы для военной силы. Основы, на которыхъ покоилась организація янычарской арміи, прочны и цѣлесообразны. Это явствуетъ уже изъ простаго перечня правилъ, предписанныхъ янычарамъ Мурадому I.

1. Первая обязанность каждаго янычара есть безусловное повиновеніе офицерамъ, хотя бы послѣдніе были освобожденными рабами.

2. Среди людей, принадлежащихъ къ „Очагу“ (такъ назывался корпусъ янычаровъ), должно господствовать полное согласіе и единеніе. Поэтому они обязаны постоянно жить вмѣстѣ.

3. Они обязаны избѣгать всякой роскоши, воздерживаться отъ предосудительныхъ поступковъ и соблюдать простоту во всемъ.

4. Они никогда не должны пренебрегать ученіями святаго Хаджи Бекташа въ своихъ молитвахъ и въ точности соблюдать обязанности истинныхъ мусульманъ.

5. Начальники обязаны строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ „Очагѣ“ допускались лишь тѣ, кто былъ взятъ и воспитанъ согласно закону о дани, уплачиваемой дѣтьми.

6. Производство въ „Очагѣ“ всегда должно быть по старшинству.

7. Янычаръ можетъ быть наказанъ только своимъ начальствующимъ офицеромъ.

8. Янычары, неспособные къ службѣ по болѣзни, или по старости лѣтъ, получаютъ пенсію отъ „Очага“.

9. Янычары не должны носить бороды. Имъ не разрѣшается жениться.

10. Они никогда не должны слишкомъ удалаться отъ своихъ палатокъ.

11. Янычару воспрещается учиться ремесламъ, или работать въ качествѣ мастера-вогю. Исключительнымъ занятіемъ его должно быть упражненіе въ военномъ искусствѣ.

Янычарамъ были даны многія привилегіи: нѣкоторыя изъ нихъ были направлены исключительно къ тому, чтобы возвысить ихъ корпоративный духъ. Такъ, напримѣръ, въ военное время ихъ палатки ставились прямо передъ шатромъ султана, такъ что, выходя изъ своего шатра, или возвращаясь въ него, султанъ всегда проходилъ мимо своего избраннаго войска. Другою своеобразною привилегіей янычарскаго корпуса было то, что казнь янычара происходила не публично и не днемъ, а непременно въ полночь, въ присутствіи лишь немногихъ начальниковъ.

Въ первыя времена своего существованія янычарскій корпусъ не превышалъ 12.000 человекъ. Всѣ янычары были пѣхотинцы, и вооруженіе ихъ состояло главнымъ образомъ изъ лука, и только нѣкоторые были вооружены ятаганомъ или копьемъ. Но тѣмъ не ме-

нѣ ни одно войско въ Европѣ не могло съ ними сравняться по храбрости, выносливости и дисциплинѣ.

И вотъ съ этимъ-то войскомъ турки завоевали для себя цѣлую имперію и были грозой Европы въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Не лишне интереса слѣдующее описаніе турецкой арміи, сдѣланное уже упоминавшимся „владѣльцемъ Вье-Шато и первымъ конюшимъ герцога бургундскаго“, Бертраномъ де-ла-Брокьеръ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не только объ янычарахъ, но и объ иррегулярной арміи.

„Они охотно поднимаются рано, живутъ неприсотливо, довольствуясь плохо пропеченнымъ хлѣбомъ, сырмъ мясомъ, вяленымъ на солнцѣ, свѣжимъ и кислымъ молокомъ, сыромъ и фруктами и даже просто пригоршей муки, изъ которой они дѣлаютъ похлебку въ достаточномъ количествѣ, чтобы накормить 6—8 человекъ въ день. Имъ все равно, гдѣ спать; обыкновенно они ложатся на голую землю. Платье у нихъ состоитъ изъ двухъ-трехъ одеждъ, ниспадающихъ до пятъ. Сапоги у нихъ доходятъ до колѣнъ, и они носятъ широкія шаровары. На войнѣ, или въ путешествіи для того, чтобы имъ не мѣшали длинныя одежды, они затыкаютъ ихъ въ шаровары.

„Оружіе ихъ состоитъ изъ лука, маленькаго деревяннаго щита, сабли и тяжелой палицы съ толстымъ концомъ, вырѣзаннмъ углами. Это очень опасное оружіе, если имъ ударить по незащищенной рукѣ.

„Повиновеніе ихъ старшимъ безгранично. Никто не осмѣливается ослушаться, даже если бы это имъ стоило жизни. Главнымъ образомъ благодаря ихъ повиновенію, ими и были одержаны весьма важныя побѣды“.

Характерно, что авторъ этихъ строкъ считалъ необходимымъ особенно подчеркнуть это послѣднее качество турецкихъ войскъ и немало дивился ихъ „повиновенію“, т.-е. тому, что мы называемъ воинской дисциплиной. Значитъ, въ достаточной степени слаба была дисциплина въ тогдашнихъ европейскихъ войскахъ, если турецкое „повиновеніе“ явилось для европейца новостью и откровеніемъ.

„Меня увѣрили,—говоритъ далѣе Бертранъ де-ла-Брокьеръ,— что, когда бы христіанскія государства ни вооружались противъ турокъ, послѣдніе всегда получали своевременное предупрежденіе объ этомъ. У султана есть особые люди, которые наблюдаютъ за движеніями непріятели, и онъ ожидаетъ его со своей арміей на разстояніи трехдневнаго пути отъ того мѣста, гдѣ намѣревается дать сраженіе. Если только есть къ тому малѣйшая возможность, онъ нападаетъ неожиданно. Для этихъ случаевъ у нихъ есть особый маршъ, исполняемый на барабанѣ. По этому сигналу находящіеся во главѣ отряда идутъ безъ шума впередъ, а остальные слѣдуютъ за ними въ такомъ же глубокомъ молчаніи, и вереница не прерывается. До такой степени дрессированы и люди и животныя. Двѣсти тысячъ турокъ въ подобныаъ случаяхъ производятъ меньше шума, чѣмъ сто тысячъ солдатъ христіанской арміи.

„Въ своихъ обыкновенныхъ походахъ они всегда идутъ быстрымъ шагомъ, вѣрнѣе, бѣгутъ рысью. А такъ какъ они легко вооружены, то такимъ способомъ могутъ пройти отъ вечера до разсвѣта

Эзерумъ. Древняя гробница султана и его дочери.

„Зато вы, мои славные воины, можете проявить множество отличных качеств! Вы мало заботитесь о своей жизни. Ничто не кажется вам тяжелым, и нет ничего, что вы сочли бы невозможным!“

Эти слова были сказаны накануне войны, приведшей к падению Константинополя. В них много самовосхваления, и сгущены краски, черняция христианской войска и народы, но много также и горькой истины. И горечь этой истины прежде всего пришлось испытать именно Константинополю.

Неорганизованный в военном отношении христианский государства Балканского полуострова падали одно за другим под ударами турецкого „бронированного кулака“ в XIV и XV столетиях. В начале XIV века турки завоевывают Бруссу, Никею, ряд греческих колоний в Малой Азии. В 1354 г. они занимают Галлиполи. Затем в Византии вспыхивает церковный раскол, порожденный борьбой между национальной и западной партиями, свирепствуют обычные убоицы из-за престола -- и турки наносят грекам и славянам целый ряд тяжелых поражений. В 1361 году взят Адрианополь. В 1389 г. произошла страшная битва на Коссовом поле, ршпившая участь Сербии. В 1393 году сокрушена Болгария. Еще несколько десятков лет -- и гибнет великий оплот христианства на Балканах -- Константинополь.

Тяжело и обидно читать агонию Византии, над которой занесен кулак средневекового турецкого милитаризма. Греки истощаются в усилиях привлечь на свою сторону христианские государства западной Европы и объединить их в борьбу с турками. Посылаются легации к папе, к королям французскому, английскому, к могущественному герцогу бургундскому Филиппу. Греческие послы обѣзжают весь город Итали и всюду со слезами молят о помощи. Но англичанам некогда: у них

Полковой значок 17-го Донского казачьяго полка („банлановцев“). На нем начертано: „Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь“.

Австрийская палица. По признанию австрийского эрцгерцога Евгения, его войска на итальянском фронте имели в своем составе специальные отряды, вооруженные особыми палицами (дубинами с острыми гвоздями) для добивания итальянских солдат, обнаруженных в обморочном состоянии от отравления газами. Посѣтивший Горицу, тотчас же послѣ взятия ея итальянцами, известнейший английский журналист, издатель газеты «Times», лордъ Нортклифъ самъ видѣлъ эти палицы, захваченныя у австрийцевъ.

еще не кончено слѣдствіе объ Орлеанской Дѣвѣ, а кромѣ того король англійскій Генрихъ согласенъ выступить вмѣстѣ съ французскимъ королемъ въ защиту Византии только въ томъ случаѣ, если Англіи вернуть все пункты, потерянные ею во Франціи. Папа далъ свое благословеніе -- и больше ничего. А что касается итальянскихъ государей, то греческіе послы со скорбью говорили о нихъ: „уши ихъ глухи, а глаза слѣпы!“

И кулакъ упалъ на Византию и раздробилъ ее.

Спустя почти пять вѣковъ картина рѣзко измѣнилась. Если въ дни Магомета II Европа не пожелала, или не смогла объединиться противъ гнѣзда милитаристовъ, грозившихъ миру и спокойствію христианскихъ государствъ и державшихъ даже осаждать Вѣну, не говоря уже о разгромленной Византии, то въ наши дни вся Европа, наоборотъ, возстала, какъ одинъ человекъ, противъ другого грознаго гнѣзда милитаризма. И если средневековый милитаризмъ безнаказанно поражалъ миръ злодѣйствомъ своихъ военныхъ замысловъ, военной организаци и военной техники, то современные турки -- германцы наткнулись на такую же организаци во всей остальной Европѣ.

А что касается турокъ, то цитированныя нами презрительныя слова Магомета II о христианахъ обернулись цѣликомъ противъ имперіи османлисовъ.

„Своему своему поневоле братъ“. Импцевъ, милитаристовъ нынѣшняго времени, потянуло къ туркамъ -- милитаристамъ былыхъ временъ. Въ этомъ тяготѣнн чувствуетъ какой-то рокъ, нѣчто мистическое. Судьба свела двухъ мировыхъ разбойниковъ -- стараго и новаго, и соединила ихъ предъ лицомъ возставшихъ наконецъ на нихъ христианскихъ государствъ.

Для чего? Не для того ли, чтобы они совместно понесли и наказаніе за свои разбойничества?

Наше наступленіе на юго-западномъ фронтѣ. За Ольхой. Австрийскія землянки, въ которыхъ непріятель рассчитывалъ зимовать, и которыя взяты были сразу, при первомъ ударѣ арміи генерала Брусилова.

На юго-западномъ фронтѣ.
Владимиръ-Волынской. Мужской монастырь,
архидіеяскій домъ и дорога на вокзалъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.
Армія Ботмера.

Гинденбургъ, послѣ своего назначенія главнокомандующимъ австрійскими арміями на фронтѣ отъ Пинскихъ болотъ до района къ югу отъ Бродъ, предпринялъ сначала нѣсколько наступательныхъ попытокъ, стремясь отодвинуть наше надвигающееся расположеніе отъ Ковельскаго района. Упорные бои, возникшіе въ результатѣ этого маневра Гинденбурга, закончились лишь нѣкоторымъ нашимъ новымъ движеніемъ за линію рѣки Стохода и прочнымъ занятіемъ нами угрожающаго положенія на широкомъ фронтѣ, охватывающемъ всѣ пути къ Ковелю, верстахъ въ 30—40 отъ послѣдняго.

Послѣ этой попытки австро-германцы снова заняли выжидательное положеніе на всемъ фронтѣ отъ Пинскихъ болотъ до Карпатъ. Австро-германскія арміи были при этомъ распределены такимъ образомъ, что районъ Волыни, т. е. пути къ Ковелю и Владиміру-Волынскому, обороняли три арміи противника, а районъ всей Галиціи обороняли только двѣ арміи.

Районъ Волыни обороняли: германская армія Гофмана, на сѣверномъ пути къ Ковелю (путь Ковель—Сарны), одна австро-германская армія, прикрывавшая болѣе южный путь къ Ковелю (путь Ковель—Ровно), и другая австро-германская армія, прикрывавшая еще южнѣе пути къ Владиміру-Волынскому. Такимъ образомъ на фронтѣ Волыни, имѣющемъ протяженіе, примѣрно, 120 верстъ, располагались три арміи противника. Между тѣмъ на фронтѣ Галиціи, имѣющемъ протяженіе болѣе 220 верстъ, стояли только двѣ австро-германскія арміи—Бемъ-Ермоли и Ботмера, и лишь въ Карпатахъ находилась еще одна небольшая, вновь сформированная австрійская армія.

Изъ этого можно видѣть, что германскій штабъ наибольшее значеніе придавалъ району Волыни, т. е. путямъ на Ковель и Владиміръ-Волынской и, сознавая, что паденіе этихъ пунктовъ связано съ охватомъ германскаго фронта, наибольшія заботы приложилъ къ тому, чтобы воспрепятствовать занятію Ковеля и Владиміра-Волынскаго. Австрійская же Галиція, какъ представляющая меньшій интересъ для нѣмцевъ, оборонялась меньшими силами, которыя, пропорціонально почти двойному протяженію галиційскаго фронта, могли быть исчислены, какъ силы, втрое меньшія. Такимъ образомъ каждый участокъ фронта Волыни германскій штабъ заслонилъ втрое большими силами, чѣмъ каждый участокъ фронта Галиціи.

Отсюда центръ тяжести боевъ, перемѣщаясь по линіи наименьшаго сопротивленія, естественно перенесся въ Галицію,—на пути къ Львову, и послѣдній пунктъ и сталъ объектомъ операцій. Однако и на галиційскомъ фронтѣ наблюдалось, въ свою очередь, также неравномерное распределеніе силъ противника. Пути къ Львову, ведущіе съ востока, т. е. пути черезъ Берестечко, Броды и южнѣе Бродъ, что составляетъ въ общемъ фронтъ, при-

мѣрно, вереть въ 70, оборонялись одной австрійской арміей (Бемъ-Ермоли), а вся остальная Галиція, что даетъ фронтъ болѣе 150 верстъ, оборонялась другой австрійской арміей (Ботмера). Обѣ арміи были въ значительной степени усилены германскими войсками.

Слѣдовательно, австрійцы, въ свою очередь, прикрыли наиболѣе прочно прямые пути къ Львову, а на армію Ботмера возложили оборону всего громаднаго пространства Восточной Галиціи. Въ то же время положеніе арміи Ботмера усложнялось не только тѣмъ, что ему приходилось оборонять весьма длинный районъ, но и тѣмъ, что его армія была охвачена на своемъ правомъ крылѣ, у Карпатъ. Наконецъ, въ случаѣ особенно крупныхъ неудачъ арміи Ботмера, открывались бы пути въ тылъ всего австро-германскаго фронта, такъ какъ армія Ботмера была крайняя, фланговая, и заслоняла выходъ на эти пути.

Новый періодъ нашей наступательной опера-

Владимиръ-Волынской. Мстиславовъ соборъ съ востока. Колокольня собора, внизу которой, въ двухъэтажномъ зданіи, помѣщался лазаретъ Краснаго Креста, была обстрѣливаема австрійской артиллеріей.

Владимиръ-Волынской. Паденіе съ соборной колокольни колоколъ въ 418 пудовъ передъ эвакуаціей города.

ции, въ концѣ июля, начался съ наступленія арміи генерала Лечицкаго на австро-германскую армію Ботмера. Первый же ударъ опрокинулъ противника съ тѣхъ позицій, на которыхъ онъ прикрывалъ Станиславовъ. Позиціи эти образовывались рядомъ параллельныхъ притоковъ Днѣстра и представляли, слѣдовательно, собою рядъ параллельныхъ линій—одна зади другой.

Первый ударъ нашихъ войскъ былъ настолько силенъ, что все расположеніе австрійцевъ впереди Станиславова рухнуло, и явилась даже возможность преслѣдовать конницей, что, какъ извѣстно, обозначаетъ особенное разстройство отступающаго непріятели. Затѣмъ далѣе нашъ ударъ на правое крыло Ботмера у Карпаты продолжалъ развиваться съ большою быстротой, и попытка войскъ Ботмера удержаться впереди Станиславова, у города Тысьменицы, также оказалась неудачной. Когда же наши войска подошли къ Станиславову, то Ботмеръ сосредоточилъ

Мельница при слияніи рѣки Луги съ рѣкой Бугомъ во время половодья близъ города Владиміра-Волынскаго.

Владиміръ-Волыньскій. Костель. Съ колокольни его сброшены колокола (въ июлѣ 1915 г.); одинъ колоколъ еще не убранъ съ панели и виденъ на снимкѣ.

здѣсь, т.-е. на своемъ правомъ крылѣ, уже довольно значительныя силы.

Однако въ это время перешла въ наступленіе на противоположномъ лѣвомъ крылѣ арміи Ботмера армія генерала Сахарова. Этотъ новый ударъ почти въ 200 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ былъ нанесенъ первый ударъ войскъ генерала Лечицкаго, имѣлъ весьма крупныя результаты, ибо, очевидно, противнику было крайне трудно подослѣть со своими резервами на разстояніе 200 верстъ отъ Станиславова, къ лѣвому крылу въ Тарнопольскомъ районѣ. Соебидная же австрійская армія, —Бемъ-Ермоли,—соприкасающаяся съ лѣвымъ крыломъ арміи Ботмера, была отягощена своей задачей оборонять прямые пути къ Львову, и вълѣдствіе этого Ботмеръ, повидимому, былъ предоставленъ собственнымъ силамъ.

Ударъ на лѣвомъ крылѣ Ботмера былъ направленъ на его укрѣпленную позицію у деревень Глядки—Воробьевка—Цеброво. Эта позиція находится къ сѣверу отъ Тарнопольскаго района, на рѣкѣ Серетѣ, и противникъ ее занималъ всю зиму и весну. Около этой позиціи происходили непрерывныя бои еще зимою, а весною и лѣтомъ, въ періодъ нашего наступленія, Ботмеръ весьма упорно удерживалъ эту позицію, защищаясь на ней въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Ударъ войскъ генерала Сахарова шелъ не непосредственно на эту позицію, а нѣсколько сѣвернѣе, въ обходъ ея. Здѣсь была другая позиція противника, такъ же сильно укрѣпленная, но подъ натискомъ нашихъ войскъ она пала, и, въ связи съ этимъ, наши войска угрожали выйти на ту желѣзную дорогу, по которой позиція Глядки—Воробьевка сообщается съ Львовомъ. Это обстоятельство вынудило наконецъ Ботмера очистить послѣ десяти-мѣсячной обороны опорную позицію своего лѣваго крыла—деревни Глядки—Воробьевка—Цеброво.

Такимъ образомъ, послѣ того, какъ войска генерала Лечицкаго загибали два мѣсяца назадъ правое крыло арміи Ботмера у Коломыи (близъ Карпаты), у Бучача, вообще по всей линіи Днѣстра, подалось наконецъ на третій мѣсяць операций и лѣвое крыло Бот-

мера,—въ Тарнопольскомъ районѣ. Одновременно съ этимъ наши войска взяли Станиславовъ, на правомъ крылѣ арміи Ботмера, а въ центрѣ арміи Ботмера перешла въ наступленіе на Стрыпѣ армія генерала Щербачева.

Въ результатѣ, армія Ботмера, оборонявшаяся весьма упорно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, въ то время, когда всѣ остальные австрійскія арміи потерпѣли сразу пораженіе еще въ началѣ операции, была наконецъ опрокинута на всемъ своемъ фронтѣ и охвачена на обоихъ флангахъ. Подъ сильнѣйшимъ натискомъ войскъ генерала Сахарова на лѣвомъ австрійскомъ флангѣ, войскъ генерала Лечицкаго на правомъ австрійскомъ флангѣ и войскъ генерала Щербачева въ центрѣ,—армія Ботмера отхлынула назадъ, очищая рядъ тщательно подготовленныхъ оборонительныхъ линій рѣкъ, важнѣйшіе желѣзнодорожные узлы и крупныя населенныя пункты.

Если обратитъ вниманіе на карту, то можно видѣть, что, при движеніи въ Галицію съ востока на западъ (въ Восточную Галицію), на пути находится рядъ параллельныхъ притоковъ Днѣстра, а именно: сначала Стрыпа, потомъ Золотая Липа, потомъ Гнилая Липа. Такое начертаніе этихъ рѣкъ даетъ рядъ параллельныхъ длинныхъ позицій, которыя послѣдовательно преграждаютъ, черезъ нѣкоторое число верстъ, всѣ пути въ Восточную Галицію.

Армія Ботмера оборонялась сначала на первой оборонительной линіи, т.-е. на рѣкѣ Стрыпѣ и, очевидно, имѣла въ виду отойти затѣмъ на слѣдующую оборонительную линію на рѣкѣ Золотой Липѣ, а затѣмъ на слѣдующую оборонительную линію рѣки Гнилой Липы.

Однако прежде чѣмъ Ботмеръ былъ опрокинутъ съ рѣки Стрыпы, армія генерала Лечицкаго вышла послѣ ряда боевъ въ охватъ всѣхъ остальныхъ оборонительныхъ линій, изъ нихъ прежде всего въ охватъ слѣдующей за Стрыпой оборонительной линіи рѣки Золотой Липы. Послѣ занятія Станиславова войска генерала Лечицкаго форсировали рѣку Золотую Липу въ ея устьѣ. Такъ какъ арміи Ботмера нужно было отойти съ верхняго и средняго теченія Стрыпы на верхнее и среднее теченіе Золотой Липы, то оказалось, что часть линіи рѣки Золотой Липы уже занята нами у устья, и, слѣдовательно, эта рѣка обойдена. Это, конечно, подразумевало, что долго задержаться на линіи рѣки Золотой Липы армія Ботмера не можетъ, ибо, какъ только она займетъ эту линію, она уже окажется обойденной.

Отсюда видно, что противникъ долженъ былъ бы отойти въ слѣдствіе еще далѣе, т.-е. съ рѣки Золотой Липы на рѣку Гнилую Липу—на слѣдующую параллельную линію.

Однако войска генерала Лечицкаго послѣ занятія Станиславова прошли на 15 верстъ къ Галичу, а послѣдній, въ свою очередь, находится у устья Гнилой Липы.

Такимъ образомъ искусный маневръ войскъ генерала Лечицкаго заключался въ томъ, что они, обходя правое крыло арміи Ботмера, заблаговременно обходили тѣ оборонительныя линіи, на которыя Ботмеръ долженъ былъ отойти. Это лишало Ботмера возможности гдѣ-либо долго задержаться, а такъ какъ армія

На Двинскомъ фронтѣ. Артиллерійскій начальникъ и наблюдатели въ окопахъ противъ Иллушта. Снято съ бруствера на виду нѣмецкихъ стрѣлковъ.

ловѣкъ. Это была уже четвертая сотня тысячъ плѣнныхъ, которыхъ взяли наши войска, считая съ 22-го мая, съ начала операціи.

Упомянемъ, что въ периодъ этой нашей операціи итальянцы взяли укрѣпленную Горицу, на путяхъ къ Триесту, захвативъ при этомъ свыше 15.000 плѣнныхъ австрійцевъ. Горица представляла собою центръ позиціи австрійской арміи Бороевича, прикрывавшей пути изъ Италіи какъ къ Триесту, такъ и въ Венгерскую равнину.

Подъ сильнымъ натискомъ итальянцевъ, австрійцы, понеся громадныя потери, очистили Горицу и отошли на слѣдующую оборонительную линію, образуемую рядомъ сильно укрѣпленныхъ высотъ, къ востоку и сѣверо-востоку отъ Горицы, намѣреваясь, повидимому, здѣсь снова обороняться такъ же длительно, какъ и у Горицы.

Итальянцы же, послѣ взятія Горицы, немедленно приступили къ операціямъ противъ новой оборонительной линіи австрійцевъ, содѣйствуя этимъ общему натиску союзниковъ на Австро-Германію.

Ботмера прикрывала самые южные пути къ Львову, то это вынуждало его непрерывно отходить на Львовъ подъ натискомъ нашихъ войскъ.

При такихъ условіяхъ армія Ботмера, на будучи въ состояніи приостановить наше наступленіе, стремилась только временно его задержать. Съ этой цѣлью войска Ботмера занимали каждую деревню, каждый ручей, стремясь этимъ вынудить наши войска развернуться для атаки и потратить на это нѣкоторое время. Это нѣсколько задерживало наше наступленіе, но оно, хотя и медленно, но неудержимо продолжалось, при чемъ противнику наносились весьма большія потери, гдѣ одно число плѣнныхъ на фронтѣ арміи Ботмера, за периодъ послѣдней операціи, перевалило за 70.000 че-

Въ великіе дни.

Въ незабываемыхъ могилахъ
Въ землѣ неласковыхъ сторонъ—
Уже такъ много жизней милыхъ
И вѣчно-солнечныхъ именъ...
Что было въ прошломъ ихъ ошибкой—
Страданьемъ искупила плоть,
И встрѣтитъ на небѣ улыбку
Своихъ избранниковъ Господь.

А здѣсь, у насъ, въ больномъ дыханіи
Родимой сѣверной весны—
Все то же строгое вниманье
Къ великимъ таинствамъ войны...
Въ церквахъ молитвенные хоры,
Повсюду красные кресты
И въ дымкѣ чернаго убора
Покорно-тихія черты...
За тонкимъ обликомъ сестрицы,
На пыльныхъ уличныхъ путяхъ—
Шинелей сѣрыхъ вереницы,
Нетвердый шагъ на костыляхъ...
А возлѣ блага трамвая—
Носилокъ скорбная тропа
И потрясенная, нѣмая,
Въ слезахъ стоящая толпа...

Зоя Бухарова.

На Двинскомъ фронтѣ. Артиллерійскіе наблюдатели противъ Иллушта.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Сердце узнало. Разсказъ Александра Дроздова. — Гнѣздо милитаризма въ средніе вѣка. — Дневникъ военныхъ дѣйствій К. Шумскаго. — Въ великіе дни. Стихотвореніе Зои Бухаровой. — Заявленіе. — Отклики войны.

Р И С У Н К И: Трапезуидъ (9 рис.). — На кавказскомъ фронтѣ (2 рис.). — Эрзерумъ (4 рис.). — Офицерскій наблюдательный пунктъ на самой высокой точкѣ горы Ишклин-тапаси. — Полковой значокъ 17-го Донского казачьяго полка. — Австрійская палица. — Наше наступленіе на юго-западномъ фронтѣ. За Олыккой. — На юго-западномъ фронтѣ. Владиміръ-Волыніскій (5 рис.). — На Двинскомъ фронтѣ. Артиллерійскій начальникъ и наблюдатели въ окопахъ противъ Иллушта. Артиллерійскіе наблюдатели противъ Иллушта. — На кавказскомъ фронтѣ (5 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 13.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1916 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года.** Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленно присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 3-го сентября—съ 36 номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непремѣнно уазывать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп. и печатный адресъ.**

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 34

Выданъ 20-го августа 1916 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.

издания

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по съѣздующей цѣнѣ за строку въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ) переплетъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стр. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Маминъ-Сибиряка“ кн. 29. Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 23.

25-ЛЕТНИЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ КУРСЪ

ПОСЛѢДНІЙ МѢСЯЦЪ.

ВМѢСТО 30-ТИ РУБЛЕЙ
ДЕСЯТЬ РУБ.

Льготный заочный курсъ двойной итальянской

БУХГАЛТЕРІИ

СРОКЪ ЗАЧИСЛЕНІЯ НА ЭТОТЪ ПОСЛѢДНІЙ ЛЬГОТНЫЙ ЗАОЧНЫЙ КУРСЪ ДО 1 СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА. Учебники наши допущены Министерствомъ Торговли и Промышленности во всѣ коммерческія учебныя заведенія отношеніемъ отъ 29-го мая 1913 года за № 1786, а на европейскихъ выставкахъ награждены Почетными Крестомъ. Плата за полный курсъ съ пересылкой десять рублей. Уплатившій единовременно за весь курсъ получить лекціи съ Юбилейнымъ приложеніемъ (дѣльное изданіе въ тисненомъ золотомъ переплетѣ большого формата въ 8-ти обширныхъ отдѣлахъ) коммерческую энциклопедію **БЕСПЛАТНО**. Въ Энциклопедію входятъ: 1) Готовая живая практика (взятая изъ существующихъ дѣлъ), банковая (натур. практ.) и промышленная бухгалтерія. 2) Полный курсъ арифметики и коммерческой арифметики съ руководствомъ для заочнаго ученія. 3) Полное руководство для частн. повѣрен. Свыше 200 дѣловыхъ бумагъ: прошенія, апелляція и яскя во всѣ судебныя инстанціи со ссылками на соответственныя статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства. 4) Полный курсъ стенографіи по Штольцу (искусство писать со скоростью разговорной рѣчи). Энциклопедія этой въ продажѣ нѣтъ, и по отдѣламъ она стоила бы въ магазинѣ не менѣе 10 рублей. Окончившій курсъ двойной итальянской бухгалтеріи выдаемъ АТТЕСТАТЪ бухгалтера. Никакого образовательнаго ценза и документовъ не требуется. (Принимаемъ и ученицъ). Разсрочка 6 руб. и 4 руб. (Приложенія высылаемъ по уплатѣ полностью 10 руб.). Конспекты по бухгалтеріи высылаемъ вмѣстѣ съ лекціями и приложеніями по полученіи правоученія. Просимъ сохранить нашъ адресъ и не смѣшивать съ недавно открытыми заочными курсами съ такимъ же названіемъ, какъ наши. Адресовать: Полтава, Бухгалтерскіе Курсы „КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“, Гоголевская, 13—Ш. (Просимъ вырвать это объявленіе).

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условія поднески а вробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—58.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ—АЛЬБОМЪ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ НА СЛАВНОМЪ ПОСТУ.

Фотографіи, рисунки и проч. мат. направлять по адресу ред.: Петроградъ, Калашниковскій пр., 4—А., конт. изд. „ВХИ“.

ЛѢЧЕБНИЦА ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ
И. И. ГИМИЛЕРЪ **ЗАИКАНИЕМЪ.**
МОСКВА, Новая Васманная 14.
При лѣчебницѣ пансіонъ.—ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.—Условія лѣченія высыл. бесплатно.

Религіозно-патріотическая
ВОКАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ
для пѣвческихъ хоровъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Большой сборникъ гимновъ, религіозно-патріотическ. пѣсенъ, маршей и т. д. Сост. Н. Ерошенко. Выпускъ I и II, каждый по 1 р. Новый каталогъ „Свѣтская хоровая музыка“—бесплатно. П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

Требуйте прейсъ-курранты.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральнй цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральнй цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 Е. А.

Старческая Дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., невротенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственнй настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПЕТРОГРАДСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ РУССКАГО СОБРАНИЯ

Кузнечный, 20. Телеф. 198-03, 420-97.

ВСЬ ПРАВА НАЗЕННЫХЪ. Число УЧЕНИКОВЪ ВЪ КЛАССЪ не свыше 30. Полугодичная плата въ пригот.—50 рублей, въ остальныхъ классахъ—75 рублей. Дополнительные для желающихъ ВЕЧЕРНЯЯ занятія—РЕПЕТИЦИИ бесплатно. Приемныя испытанія 17—31 августа.

УНИВЕРС. СЧЕТЧИКЪ даетъ готовые результаты умноженія и дѣленія пѣлыхъ и дробныхъ чиселъ автоматически съ быстротою чтенія глаза; особенно удобенъ для вычисления жакванія, процентовъ, мѣръ, иностранныхъ валютъ, **МОМЕНТАЛЬНАГО** опредѣленія НЕПРЕРЫВНАГО ряда числовыхъ отношеній и т. п.; поворотъ циферблата,—и сразу видны ВСѢ возможные произведенія на известное число и ВСѢ возможные отношенія, равныя данному числу. (Практическое примененіе принципа хогариемъ шкалы). Цѣна Универс. Счетч. съ вращающимся циферблатомъ (11¹/₄ вер. въ окружн.) и пластяной изъ целлулоида на шарнирѣ 3 руб.; то же въ карманномъ размѣрѣ (въ прочной папкѣ 3X4 верш.) 3 руб. 25 коп. съ пересылкой. Наставленіе прилагается **БЕЗПЛАТНО**. Заказы исполн. немедл. по полученіи стоим. или нал. платеж. 4237. Адр. Издат. инж. **А. Е. КАНА**, Москва, Варсонофьевскій, 11—8.

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ

является мечтой каждого человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся громаднымъ успѣхомъ

заочной методѣ

обученія иностраннымъ языкамъ по изданію „АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ“. Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ въ короткое время изучить

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки.

КУРСЪ КАЖДАГО ЯЗЫКА СОСТОИТЪ ИЗЪ 10 ВЫПУСКОВЪ.

Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 40 коп. Краткій проспектъ бесплатно. Подробный—за 15 коп.

Всякую корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44—62.

Собств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; МОСКВА, Мясницкая, 18. Гл. Контора перемѣщается на Глазовую ул., соб. д. № 18.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСОУ?
Руководство въ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Более 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Писывается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

При ГОНОРРЕЕ
въ острой и хронической формѣ **„ДИАЛЕРИНЪ“** послѣдствіяхъ ея прѣдвзается
Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употреб. Тизлеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давы пер., 1, 22, кв. 2, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстрозавальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ. Въ виду продолжающихся затрудненій при отправкѣ грузовъ изъ Англій, заказы не могутъ быть выволены немедленно по полученіи таковыхъ, а по очереди. **ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ**
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

КАШЕЛЬ
ОБЛЕГЧАЕТСЯ
ПРИ УПОТРЕБЛЕНІИ АНТИСЕПТИЧЕСКИХЪ
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда)
СРЕДСТВО ОТЪ ПРОСТУДЫ, НАСМОРКА.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НЕПРЕМѢННО
настоящія лепешки Вальда
(PASTILLES VALDA)
въ коробкахъ съ красной
бандеролью,
снабженныхъ
именемъ
VALDA
(H. Canonne, Paris).

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРИЯТНЫЙ КРЕМЪ
Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обѣлаетъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 50 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было нанесено полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стольбертъ и Ко.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будетъ, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. вою журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (98)

ГАМАМЕЛИДЪ
НОВОЕ СРЕДСТВО
отъ **ГЕМОРРОЯ** ц. 1.50 к.
Продажа въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.
Адресъ: Москва, Елоховская, 4, Е. И. Германъ.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ
ГЕМОРРОЯ.
Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.
Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

РЕГУЛИНЪ

ШВЕЙЦАРСКОЙ

КОНТОРЫ ХИМИЧЕСКИХЪ ПРОДУКТОВЪ

требуите только съ товарнымъ знакомъ „ПЧЕЛА“, утвержд. Министер. Торг. и Промышл. за № 16434. Естественное средство для регулирования пищеварения, дѣйствующее главнымъ образомъ въ кишечникѣ, не измуряетъ желудка и приятно на вкусъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Главное дело: МОСКВА, В. Чернышевскій пер., д. 17, кв. 6. Отд. 2.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое время. Заставить свѣтъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнию въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать нитку стекло. Получать облако въ комнатѣ. Валть голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный прутъ въ свѣчу. Замечъ сухія дрова водой—и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цена съ пересылкой нолж. платж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съезжинская ул., № 40, въ редакцію журнала „Отклики Жизни“.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цена съ перес. 40 к.

УТРИ,

пришла, жаров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли моимъ безвредн. домашнимъ средств. Большой флаконъ съ наставл., хватающ. на все время, выслать немедл. нолжон. плат. за 2 р. 25 к. съ перес. и упак. Получита массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прому вернуть, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93. Мария Егоровна Чурбанова.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Война и русско-польскія отношенія.

(Вопросы внутренней жизни).

Одною изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ задачъ нашего внутреннего государственнаго устройства долгое время считался такъ называемый польскій вопросъ. Онъ имѣетъ свою исторію, мрачную и кровавую. Польша, въ силу чисто-географическихъ преимуществъ и большей близости своей къ западнымъ центрамъ просвѣщенія, раньше Россіи приобщилась къ благамъ романской культуры и, какъ самое культурное изъ славянскихъ государствъ, была призвана стать во главѣ государственнаго объединенія всѣхъ славянскихъ народовъ. Но, можетъ-быть, именно слишкомъ раннее проникновеніе чужой культурой нѣсколько искажило еще не окрѣпшій національный типъ молодого славянскаго народа, подавило его самобытность и подорвало его политическую государственно-строительную силу прививкою духу изъяновъ, усвоенныхъ отъ западныхъ сосѣдей: романскаго религіознаго фанатизма и германскаго феодализма. Раннее усвоеніе западной культуры одновременно и возложило на Польшу священную миссію собиранія славянскихъ народовъ и подорвало ея силы, необходимыя для выполнения этого великаго историческаго призванія. Отъ тяжкаго бремени убивающаго свободную мысль католическаго фанатизма старая Европа освободилась съ помощью Вусса, Кальвина, Лютера, поэтовъ-художниковъ и философовъ эпохи Возрожденія: Джорджано Бруно, Вольтера и энциклопедистовъ. Отъ исторически стгнившаго феодализма ее очистила демократическая проповѣдь Руссо, Великая французская революція, съ ея ораторами и палачами, и демократическая имперія Наполеона. Но юная Польша не выдвинула изъ глубины своего національнаго духа ни Гусса, ни Лютера, ни Вольтера, ни Руссо и на долгіе вѣки осталась въ рабствѣ привитыхъ къ ней чужихъ пороковъ.

Она принялась за государственное собираніе славянскихъ народовъ, опутанная по рукамъ и ногамъ чуждыми ихъ національному духу религіозными и социальными традиціями, политически обезсиленная невидимой отравой—и потому не могла справиться со своей задачей. Созданная ею на такихъ началахъ государственность оказалась больной, слабой и нежизнеспособной, она постепенно угасала отъ внутреннихъ раздоровъ и нескладницъ, не имѣя силы ни противостоятъ вышнимъ ударамъ, ни выполнить свое историческое призваніе, и въ концѣ концовъ была вынуждена уступить культурно-политическое первенство въ семьѣ славянскихъ народовъ болѣе молодой, болѣе, въ расово-славянскомъ смыслѣ, самобытной, и потому болѣе жизнеспособной, восточной соперницѣ—Россіи.

Тяжелымъ наслѣдствомъ стараго культурно-политическаго соперничества двухъ великихъ славянскихъ народовъ осталась глухая племенная, надолго пережившая историческіе поводы къ ней, вражда. Кровавая борьба за государственное первенство въ славянствѣ давно окончилась, а глухая вражда все еще таилась гдѣ-то въ самой глубинѣ патриотическихъ сердецъ. Но въ юльѣ 1914 года свершилось

великое чудо: ревъ германскихъ пушекъ сразу заглушилъ послѣдніе отголоски русско-польской вражды. И поляки и русскіе инстинктивно почувствовали, что съ началомъ великой расовой борьбы должна быть забыта и погашена племенная рознь, что всякое продолженіе ея въ минуту общей опасности было бы равносильно сознательному предательству самихъ себя. Нашествіе нѣмцевъ на Россію и Польшу пробудило сознание расовой солидарности, вызвало чувство племенного родства и примирило неладившихъ братьевъ для дружной защиты общаго дома. Многие поляки въ первый разъ назвали Россію матерью, а Россія впервые почувствовала стыдъ и раскаяніе за когда-то допущенный ею раздѣлъ Польши, за отдачу части польской земли подъ власть враждебныхъ славянству тевтоновъ. Начало русско-германской войны ознаменовалось цѣлымъ рядомъ стихійно возникшихъ русско-польскихъ демонстрацій. Варшавская толпа забрасывала входящіе въ городъ русскіе полки цвѣтами, а воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго возвѣстило новыя основы будущаго устройства объединенной Польши. Періодъ братоубійственной борьбы за первенство закончился, и разрозненные славянскіе народы объединились для борьбы съ общимъ врагомъ, какъ въ дни грюнвальдской побѣды. Отторгнувшаяся отъ славянской стихіи Польша духовно и политически вернулась на лоно славянства и тѣмъ самымъ доказала свое неоспоримое право на объединеніе и національную независимость въ средѣ родственныхъ племенъ, заложивъ фундаментъ своего политическаго бытія на новыхъ автономныхъ началахъ.

Такъ разрѣшился подъ гулъ нѣмецкихъ пушекъ русско-польскій вопросъ въ сердцахъ обоихъ народовъ.

Нѣмцы, строивше свои побѣды на нашей розни, видятъ свое дѣло проиграннымъ и на канунѣ отступленія изъ Польши готовятся подарить ей автономію. Едва ли стоить доказывать фиктивность такого, слишкомъ запоздалаго, нѣмецкаго благодѣянія. Оно было бы несравненно своевременнѣе не передъ очищеніемъ Польши, а передъ вступленіемъ въ нее. Въ дѣйствительности же нѣмецкое вторженіе, какъ въ Бельгію, такъ и въ Польшу внесло съ собою не начала свободы и права, а царство распушеннаго насильничества и дикаго разбоя. Хорошія слова не заставляютъ забыть скверныхъ дѣлъ и никого не введутъ въ обманъ. Послѣдній натискъ германизма привелъ къ мирному концу семейный споръ славянъ между собою. Онъ заставилъ всю Польшу признать государственное главенство Россіи, а всю Россію—отъ низовъ до верховъ—заставилъ признать право вѣрной славянству Польши на политическую независимость и свободу, на объединеніе всѣхъ поляковъ въ одну семью, право на национальную автономію въ видахъ возможно болѣе широкаго и разносторонняго развитія своей національной польской культуры, какъ мощнаго ростка, растущаго изъ общаго славянскаго корня.

Летчикъ Федоровъ. Прославившійся своими боевыми героическими полетами подъ французскими небесами русскій доброволецъ Викторъ Георгиевичъ Федоровъ—исключительная личность. Корреспондентъ «Русскаго Слова», талантливый поэтъ П. Потемкинъ, рисуетъ яркими красками его боевую карьеру.

Политическій эмигрантъ, В. Г. Федоровъ съ 1908 года жилъ въ русской колоніи Парижа и вмѣстѣ съ другими русскими въ день объявленія войны пѣлъ «Боже, Царя храни» и марсельезу на дворѣ русскаго посольства.

Когда образовался русскій батальонъ во Франціи, онъ, въ числѣ другихъ эмигрантовъ, записался въ его ряды.

21-го августа онъ былъ принятъ, а 25-го октября 1914 года уже былъ въ траншеяхъ. Черезъ мѣсяць онъ былъ произведенъ въ капиталы пулеметной секціи, гдѣ и оставался до 23-го февраля 1915 года. Въ этотъ день его ранило осколкомъ снаряда въ голову и въ ногу, и, выбывъ изъ строя, онъ продолжалъ въ госпиталѣ до 1-го іюня.

Выписавшись изъ госпиталя, онъ вступилъ въ одну изъ авіаціонныхъ группъ въ Дижонѣ. Четыре мѣсяца ушло на изученіе авіаціи, и 10-го ноября Федоровъ получилъ званіе военнаго пилота.

Сначала новый пилотъ несъ тыловую службу, такъ сказать, воздушно-обозную (естъ и такая у нашихъ союзниковъ), доставлялъ на фронтъ аппараты по воздуху, испытывалъ ихъ, былъ воздушнымъ почтальономъ иногда. Затѣмъ съ 26-го января 1916 года попалъ на фронтъ, въ самую кашу подъ В.

Ему пришлось выдержать за два мѣсяца 11 боевъ съ нѣмцами, при чемъ всегда сражаться одному противъ трехъ-четырехъ противниковъ.

Особенно жарко пришлось ему за время съ 14-го марта по 2-е апрѣля. Въ эти 19 дней у него было 9 боевъ, при чемъ ему удалось сбить 8 нѣмецкихъ аэроплановъ и заслужить военный крестъ со звѣздой и пальмой и высокую награду французской арміи—военную медаль.

Вотъ что пишетъ генералиссимусъ Жоффръ въ своемъ приказѣ о награжденіи Федорова медалью:

«Сержантъ пилотъ Викторъ Федоровъ—пилотъ, полный энергии и смѣлости, никогда не упускалъ случая атаковать неприятельскіе аэропланы. 14-го марта 1916 года онъ сбилъ нѣмецкій аэропланъ въ районѣ вражескаго расположенія. 19-го марта выдержалъ два боя, каждый разъ одинъ атакуя три неприятельскихъ аэроплана. 21-го марта сбилъ неприятельскій аэропланъ, упавшій въ нашихъ линіяхъ».

Послѣдній бой Федорова былъ 2-го апрѣля 1916 г. Въ этомъ бою опять-таки съ тремя аэропланами онъ былъ тяжело раненъ въ ногу и едва смогъ спуститься къ своимъ. Раненіе было настолько серьезно, что пришлось вылучить бабки, и суставъ ноги погябъ. Съ той поры кончилась его служба во французской арміи.

П. Потемкинъ приводитъ изъ письма В. Г. Федорова на родину интересное описание его послѣдняго воздушнаго боя.

«1-го апрѣля сталкиваюсь съ нѣмцемъ одинъ-на-одинъ. Въ нѣсколько мгновеній я его разстрѣляю, и онъ камнемъ полетѣлъ внизъ. Я стѣдилъ за его паденіемъ, медленно поворачивая въ сторону нашихъ линій. Вдругъ затрещали въ аппаратъ пули: та-та-та... Я еще не вволю понялъ, въ чемъ

дѣло, когда одинъ изъ резервуаровъ бензина былъ пробитъ, руль наполовну сорванъ, нѣсколько перекладинъ перебито. Оказалось, что маленькій фоккеръ напалъ на меня сзади, пока я зазѣвался на сбитаго нѣмца, и отдѣлалъ меня. Я сталъ отъ него отбиваться, но онъ скрылся такъ же скоро, какъ появился. Несмотря на всѣ эти, въ высшей степени серьезныя, поврежденія, я смогъ вернуться на наше авиационное поле съ уцѣлѣвшимъ моторомъ, но аппаратъ уже нигде не годился. Тогда нашъ капитанъ, который вообще очень мало летаетъ, предложилъ мнѣ свой почти новый, но уже пострадавшій аппаратъ. Мнѣ отказываться не приходилось. И вотъ на слѣдующій день я отправляюсь въ свой обычный воздушный патруль съ аппаратомъ значительно менѣе быстроходнымъ, неповоротливымъ, тяжелымъ на подъемъ. Черезъ полчаса патрулированія я натолкнулся на нѣмца, который приблизился нѣсколько къ фронту. Я его атаковалъ и обратилъ въ бѣгство. Еще черезъ полчаса на томъ же мѣстѣ появились два великолѣпныхъ L. V. G. (нѣмецкая марка), но держались они на болѣе почетномъ разстояніи, чѣмъ первый. Прошло съ четверть часа. Наконецъ они, видимо, рѣшились, и одинъ за другимъ стали систематически приближаться къ фронту. Я сталъ подниматься, чтобы въ удобный моментъ упасть на нихъ камнемъ сверху. Наконецъ вотъ онъ, удобный моментъ. Я падаю на первого, разстрѣливаю его, дѣлаю поворотъ, чтобы взять второго, но аппаратъ не слушается. Тѣмъ временемъ нѣмецъ преспокойно разстрѣливаетъ меня. Къ этому времени появился, не знаю откуда, третій нѣмецъ. Я—раненъ. Дѣло проиграно. Надо спасаться. Къ несчастью, мой механикъ потерялъ голову и не сталъ почему-то стрѣлять въ одного изъ нѣмцевъ, подвернувшася довольно близко. Надо было спасаться, но спасаться такъ, чтобы нѣмцамъ не подать виду, что я задрѣлъ. Между тѣмъ нога разбита, управлять аппаратомъ—немыслимо. Я дѣлаю нечеловѣчскія усилія, чтобы не потерять сознания. Наконецъ вотъ я внѣ линий, надо выбрать мѣсто, чтобы опуститься. А мѣстность холмистая, сплошь покрыта лѣсами. Наконецъ вижу маленькую плѣшь, опускаюсь съ головокружительной быстротой. Вижу: плѣшь перефѣчена проволочными загражденіями, но другого выбора нѣтъ. И вотъ съ искусствомъ, котораго я за собой совѣтъ не подозревалъ, я опустился въ мѣстѣ, совершенно немислимомъ, ничего не сломавъ, не разбившись. Быть-можетъ, это просто чудо. Я начинаю вѣрять, что «сѣблѣнымъ Богъ владѣеть».

Теперь, послѣ выздоровленія,—навѣрняка и безнаказанно въ Россію. Очень я ужъ здѣсь «выслужился»,—всѣ военные награды французской арміи получилъ въ двѣ недѣли. А у меня такое безумное желаніе послужить Россіи,—тамъ и умереть страшно не будетъ. Мнѣ и здѣсь не страшно, но вѣдь не свой,—чужой я для нихъ. И никогда я своимъ не буду. А въ Россіи... Ушелъ бы весь въ разрушительную работу. Бить, бить и бить нѣмца.

Героическая смерть подъ небосами. Изъ стая славныхъ, героев-летчиковъ, несущихъ развѣдочную и боевую службу на фронтѣ неба, выбылъ пріятнѣйшій смерть въ бою летчикъ прапорщикъ Гр. Тисвенко. Подробности этой воздушной драмы сообщаетъ корреспондентъ «Новаго Времени». Тисвенко вмѣстѣ съ наблюдателемъ сотникомъ Кундрюцковымъ встрѣчены были уже надъ нашимъ расположеніемъ жесточайшимъ, беспощаднымъ огнемъ нѣмецкихъ аэропланнѣхъ батарей, но отважные летчики полетѣли дальше. Съ нѣмецкаго расположенія поднялся фоккеръ, быть-можетъ, не одинъ. Его бросился преслѣдовать нашъ второй летчикъ. Аппаратъ Тисвенко попалъ въ зону «треугольника» нѣмецкихъ шрапнелей. «Треугольникъ» все суживался. Нѣмцы били беспощадно изъ нѣсколькихъ батарей, и одинъ взрывъ пришелся у бензинога бака, который взорвался. Части вуазена посреди дыма отъ разрывовъ объята пламенемъ, и намъ съ наблюдателяга пункта передавали, что съ аппарата кто-то выбросился. Должно-быть, наблюдатель, сотникъ Кундрюцковъ, ибо летчикъ-механикъ привязанъ къ сидѣнью ремнями. Возможно, что первого выбросило силою взрыва. Горящій вуазенъ накренился, горя, переворачиваясь съ бока на бокъ, падалъ внизъ; это паденіе не стремглавъ, каковое у вуазена исключено, нѣкоторыми наблюдателями было ошибочно принято за планирующій спускъ. Въ моментъ взрыва и потомъ механикъ, очевидно, утратилъ возможность управленія машиной. Горящій вуазенъ спустился въ нѣмецкомъ расположеніи.

Прапорщикъ Тисвенко, отважный летчикъ, герой воздушной войны, награжденъ былъ за неоднократныя боевыя развѣдки Георгіевскими крестами всѣхъ степеней.

Русскія женщины. I. Мать Крониды Великатнаго. Въ «Откликахъ войны» предыдущаго номера мы помѣстили предсмертное письмо офицера-героя прапорщика Осипова къ матері, которое должны прочесть въ утѣшеніе всѣ русскія матери. Г-жа Осипова, воспитавшая такого сына и посланная на смѣну погблшему сыну другого, младшаго, заняла мѣсто въ почетнѣйшемъ ряду русскихъ женщинъ-героинь, въ которомъ за эту войну первое мѣсто принадлежитъ г-жѣ Панаевой, давшей Царю и Родинѣ своихъ трехъ сыновей, сложившихъ головы на полѣ брани (см. «Нива» № 19 за 1916 г.). Теперь пусть вся Россія преклонится предъ третьей женщиной, выказавшей исключительную высоту духа.

Въ «Армейскомъ Вѣстникѣ», официалномъ органѣ арміи юго-западнаго фронта, помѣщенъ слѣдующій приказъ генералъ-адъютанта А. А. Брусилова по арміямъ юго-западнаго фронта отъ 31-го июля 1916 года.

«Сего числа мною получена нижеслѣдующая телеграмма:

«Счастлива, что сынъ мой, прапорщикъ Кронидъ Великатный, палъ на полѣ брани за Царя и Отечество. Прошу съѣлать распоряженіе о присылкѣ тѣла для погребенія въ Великихъ Лукахъ. Сама я бѣдна, стара, не могу что-либо предпринять. Служилъ въ ** Александрійскомъ пѣхотномъ полку. Да пошлетъ вамъ Богъ окончательную побѣду. Великатная».

Командиру ** пѣхотнаго Александрійскаго полка немедленно отправить тѣло покойнаго прапорщика Великатнаго для погребенія по указанію достойной матери его въ гор. Великія Луки, при сопровождающемъ гробъ нижесте чинѣ.

Всѣ вещи покойнаго, а равно и оставшіяся деньги выслать ей теперь же и письмомъ увѣдомить мать убитаго героя о службѣ его послѣднихъ дней и условіяхъ его кончины, а также переслать ей всѣ полученныя и имѣющіе быть полученными въ будущемъ ордена покойнаго, если онъ удостоенъ былъ пожалованія таковыхъ.

Эти простыя, исполненныя глубокаго чувства и высокаго сознания долга слова истинно-русской женщины, старухи-матери убитаго героя: «Счастлива, что сынъ мой палъ на полѣ брани за Царя и Отечество», да запудуть глубоко въ сердце каждого изъ насъ и да послужатъ всѣмъ намъ могучимъ призывомъ свято довести до вождѣльнаго конца выпавшій нынѣ на долю высокаго подвиговъ служенія нашему обожаемому Державному Вождю и родинѣ.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, багареяхъ и командахъ».

II. Женщина-доброволецъ Елена Щуцкая. Въ «Нов. Времени» среди траурныхъ извѣстій о смерти помѣщено было недавно сообщеніе о томъ, что палъ смертью храбрыхъ вольноопредѣляющійся Леонидъ Щуцкій, при чемъ въ скобкахъ было проставлено: Елена Щуцкая. О кончѣи сообщалъ мужъ покойной—офицеръ, съ которымъ она раздѣлила и мирную и боевую жизнь. Объ этой героинѣ имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Заимствуемъ изъ «Рѣчи» описание ея наружности и краткія данныя ея скромной биографіи.

«Кто мнѣ,—рассказываетъ корреспондентъ газеты,—вышелъ, привѣтливо улыбаясь, мальчикъ, лѣтъ пятнадцати. Такъ казалось на первый взглядъ. Небольшого роста, тонкій, стройный, съ очень живыми, сильно на выкатѣ глазами, съ низко, подъ гребенку обстриженной головой, въ солдатской суконной рубашкѣ съ погонями вольноопредѣляющагося. Вся повадка, жесты—мужскіе, юношескіе. Женщину выдавалъ только нѣжный цвѣтъ лица, еще большое—руки, совсѣмъ маленькія и красивыя. Иллюзію мужчины увеличивало то, что моя собесѣдница все время говорила о себѣ въ мужскомъ родѣ—«я пошелъ», «я поскакалъ», «я узналъ».

А на войну пошла она совершенно просто. Это, въ ея рассказѣ, выходило совершенно «обыкновенной» исторіей.

Она была женою полковаго командира одного изъ стрѣлковыхъ сибирскихъ полковъ. Полкъ былъ ея семьей. Она жила всѣми его интересами. Ея и его жизнь переплелись крѣпко. И когда началась война, когда полкъ получилъ приказъ выступить,—она безъ думъ, безъ размыслиенія рѣшила, что съ нимъ не разстанется, потому что не можетъ разстаться, не представляетъ себѣ жизни вдали отъ него, врозь отъ него, внѣ тѣхъ дѣлъ, какія теперь падутъ ему на долю.

— Чтѣ именно я буду «тамъ» дѣлать, въ какія формы выльется мое участіе въ походной и боевой жизни полка, я тогда еще и сама не знала, какъ-то мало объ этомъ думала, знала только, что буду непременно тамъ, гдѣ будетъ полкъ, гдѣ бы онъ ни былъ и чтѣ бы ему ни предстояло,—такъ приблизительно рассказывала мнѣ Елена Константиновна, возвращаясь, понятно, къ исходному моменту своего солдатства. И рассказывала это совсѣмъ просто, безъ признака какой-либо бравады, безъ какаго-нибудь «парада». Не героическое рѣшеніе принималось, а дѣлалось спокойно и увѣренно то, чтѣ приказывали душа, весь складъ натуры. Соображенія о трудностяхъ, лишенияхъ, большихъ и постоянныхъ опасностяхъ, наконецъ, о необходимости этого шага,—эти соображенія какъ-то совсѣмъ отсутствовали.

— Да я и приучена къ трудностямъ и опасностямъ, — говорила мнѣ моя собесѣдница, словно оправдываясь въ томъ, что такъ мало о нихъ думала и думаетъ,—я воспитывалась въ Англіи, тамъ много занималась всакимъ спортомъ. Это—хорошая подготовка.

Важно было одно,—получить разрѣшеніе. Разрѣшеніе было дано. Елена Константиновна сняла волосы, сбросила женское платье, надела солдатскую рубашку, превратилась официално въ вольноопредѣляющагося Леонида Щуцкаго, и выступила вмѣстѣ съ полкомъ, пришла съ нимъ на боевыя позиціи».

Экономическіе результаты войны. Въ крупнѣйшей итальянской газетѣ «Corriere della Sera» напечатана по поводу истекшаго двухлѣтія войны интересная статья подъ вышеприведеннымъ заголовкомъ:

«Потери и убытки, вызываемые войной, могутъ быть раздѣлены на три категоріи.

Къ первой относятся богатства, фактически уничтоженныя, ко второй—богатства, переходящія изъ странъ, ведущихъ войну, къ нейтральнымъ странамъ, или обратно; къ третьей категоріи относятся богатства, которыя въ воюющихъ странахъ переходятъ изъ рукъ государства въ руки частныхъ лицъ, или отъ однихъ лицъ къ другимъ. Ясно, что ко второй и третьей категоріямъ относятся богатства, не утраченныя окончательно, но только переимѣнныя мѣсто своего нахожденія. Къ первой категоріи прежде всего нужно отнести опустошенія на территорияхъ, служащихъ театрами военныхъ дѣйствій, т. е. разрушенія дорогъ, фабрикъ и различныхъ зданій, гибель лѣсовъ, уничтоженіе скота, закрытіе копей, истребленіе посѣвовъ и т. д. Затѣмъ сюда же слѣдуетъ отнести порчу боевыхъ припасовъ, платья, обуви и съѣстныхъ припасовъ, по необходимости потребляемыхъ войсками въ большемъ, чѣмъ обычно, количествѣ. Наконецъ наиболѣе существенной потерей является гибель людей.

Ко второй категоріи нужно отнести тотъ излишекъ прибыли, который реализуется продавцами, благодаря вздорожанію тѣхъ или иныхъ товаровъ, главнымъ образомъ боевыхъ припасовъ, зерна и каменнаго угля.

Къ третьей категоріи принадлежатъ проценты по облигаціямъ внутреннимъ займовъ, содержаніе войска и флота, увеличенное жалованіе чиновникамъ и рабочимъ, занятымъ въ тѣхъ или иныхъ отрасляхъ военной промышленности, излишекъ прибыли, получаемый продавцами при продажѣ товаровъ государству и частнымъ лицамъ по цѣнамъ болѣе высокимъ, чѣмъ въ мирное время. Среди такихъ товаровъ слѣдуетъ назвать, прежде всего, хлѣбъ, скотъ, сахаръ, и въ Англіи—каменный уголь.

Въ настоящее время трудно установить даже приблизительно отношеніе между этими тремя категоріями убытковъ, вызываемыхъ войной. Единственно на что можно указать, это на крупныя размѣры убытковъ первой категоріи въ такихъ странахъ, какъ Австрія, Россія, Франція, значительныя территоріи которыхъ служили театрами военныхъ дѣйствій; наоборотъ, Англія и Италія сохранили свои территоріи почти неприкосновенными. Далѣе, можно утверждать, что у всѣхъ, ведущихъ войну державъ, и вторая категорія значительно уступаетъ первой. Такимъ образомъ Италія можетъ рассчитывать не только избѣжать гибели значительной части своихъ богатствъ, но можетъ надѣяться даже на то, что главная часть ея богатствъ останется въ предѣлахъ страны».

ЖЖВА

№ 34. Выходитъ ежедѣль. (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-НОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдаѣт. 20 августа 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Испытаніе авіатора.

Что нужно для того, чтобы быть хорошимъ авіаторомъ?

Самое главное: имѣть крѣпкіе нервы, вѣрный глазъ и твердую руку. Съ этими данными можно сдѣлаться отличнымъ пилотомъ. Безъ нихъ не поможетъ ничто: ни самое страстное желаніе быть полезнымъ работникомъ въ данной области, ни самое тщательное изученіе летательнаго аппарата, ни умѣнье обращаться съ нимъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, прежде всего требуется необычайная налаженность и аккуратность главнаго аппарата—человѣческаго тѣла.

Изъ этого явствуется, что и требованія, предъявляемые къ лицамъ, собирающимся сдѣлаться пилотами, должны основываться прежде

женіе приводить ее испытатель. Останавливается же простымъ замыканіемъ тока, и останавливать ее долженъ самъ испытуемый нажатіемъ находящейся у него подъ рукою кнопки.

Испытатель даетъ испытуемому то или иное ощущеніе: громко стучитъ молоткомъ, или прикасается чѣмъ-нибудь къ его тѣлу, или показываетъ ему что-нибудь, и аппаратъ устроенъ такъ, что возникновеніе даннаго слухового, осязательнаго или зрительнаго ощущенія автоматически связано съ началомъ дѣйствія тока. Токъ освобождаетъ стрѣлку, она бѣжитъ по диску до той поры, пока испытуемый не реагируетъ на полученное ощущеніе, т.-е. пока онъ не замкнетъ токъ и не остановитъ стрѣлку.

всего на ихъ физическихъ свойствахъ. Необходимо экзаменовывать не только умъ будущаго пилота (т.-е. его знанія), но и его тѣло. И не только тѣ качества, какія приобретены тѣломъ, т.-е. ловкость и приспособленность къ аппарату, но и врожденныя свойства тѣла: выносливость мускуловъ и крѣпость нервной системы. Последнее въ особенности.

Испытаніе авіатора введено съ недавняго времени во Франціи по инициативѣ д-ра Мариу и по методу, придуманному докторами Камю и Непперомъ. Сущность его заключается въ томъ, что лицо, подвергающееся испытанію, экзаменуется посредствомъ научныхъ приборовъ. Эти приборы и аппараты являются самыми безпристрастными и строгими экзаменаторами: на нихъ некому апеллировать и не на что жаловаться, кромѣ только своей собственной природы.

Камю и Непперъ начали съ измѣренія времени психомоторныхъ реакцій у экзаменуемыхъ. Иначе говоря, съ опредѣленія того промежутка времени, который протекаетъ у человѣка отъ момента воспріянія ощущенія до момента реагирования на это ощущеніе. Я получаю то или иное (зрительное, слуховое или осязательное) ощущеніе—и я отзываюсь на него. Но отзываюсь не мгновенно, а по истеченіи нѣкотораго, хотя бы и очень малаго, количества времени. И вотъ это количество времени, выражающееся въ сотыхъ доляхъ секунды, и является точнымъ и безпристрастнымъ экзаменаторомъ моихъ психо-физиологическихъ способностей.

Для установленія „отзывчивости“ экзаменуемаго на получаемаыя имъ ощущенія употребляется такъ называемый хронометръ Арсонваля. Сущность его, вкратцѣ, заключается въ слѣдующемъ: по циферблату, расчерченному на сто дѣлений, ходитъ стрѣлка, приводимая въ движеніе часовымъ механизмомъ. Стрѣлка эта описываетъ полный кругъ въ секунду. Нормально она стоитъ безъ движенія и дѣйствуетъ только тогда, когда черезъ аппаратъ пропускается электрической токъ, при чемъ въ дви-

Испытаніе авіатора.

Самозаписывающій приборъ отмѣчаетъ крѣпость нервовъ, вѣрный глазъ и твердую руку.

Вверху — записъ выдержавшаго испытаніе, внизу — записъ невыдержавшаго.

ДЕНЬ АВИАТОРА

1

1. „Лети не лети, а чайку выпить не плохо“. Летчики за стаканомъ чая обдумываютъ планъ предстоящаго полета на развѣдку.

2. „Богъ знаетъ, что будетъ"... Нужно посмотреть, какъ пулеметь работаетъ: „на небѣ" чистить поздно будетъ..."

3

3. „А тяжела штука!" Летчикъ „взвѣшиваетъ" на рукѣ бомбу, которой суждено полетѣть на германскія тяжелья батареи.

4

4. „Генеральный смотръ". Весь отрядъ осматриваетъ аппаратъ передъ полетомъ: одинъ умъ—хоррошо, а два—лучше.

5. „Все готово“. Ждут пилота и наблюдателя, которые заняты своим „туалетом“.

6. „И мы готовы“. Летчики вполне „облачились“ и сейчас сядут на свои места.

7. „Пускай!“ Последний момент перед полетом.

8. „Полетѣли!“

Ему говорят: „Остановите текъ, едва только услышите, почувствуете, или увидите то-то, или то-то“. Испытуемый такъ именно и старается поступить. Но въ действительности онъ никогда не реагируетъ моментально на ощущения, и стрѣлка всегда успѣваетъ пробѣжать нѣсколько сотыхъ дѣлений секунды.

У разныхъ людей, разумеется, и цифры „отзывчивости“ получаются различныя. Одни изъ испытуемыхъ проявляютъ большое проворство, другіе не торопятся реагировать.

Для того, чтобы считаться годнымъ въ пилоты, экзаменующійся по способу Камю и Неппера долженъ „показать“ слѣдующія цифры: отъ 0,14 до 0,15 секунды для слуховыхъ и зрительныхъ психомоторныхъ реакций и не болѣе 0,19 секунды для реакций осозательныхъ. „Проваливающіеся“ на экзаменѣ показываютъ цифры гораздо болѣе крупныя: такъ, напримѣръ, отъ 0,22 до 0,48 секунды. Такія лица уже въ авиаторы не годятся. Они неспособны своевременно ускользнуть въ небесную высь отъ обстрѣла, или замѣтить неаккуратность въ работѣ мотора, или достаточно быстро выправить падающій аппаратъ.

Камю и Непперъ не ограничились однако этимъ испытаніемъ психомоторной отзывчивости. Они предъявляютъ къ будущимъ пилотамъ еще и нныя требованія. Хорошій пилотъ долженъ имѣть устойчивую нервную систему, крѣпкіе мускулы, солидное сердце. И вотъ для экзамена и по этимъ „предметамъ“ французскіе доктора прибѣгли къ аппаратамъ.

Грудь экзаменующагося опоясываютъ лентой пневмографа, въ руки ему даютъ аппаратъ Haffion и Conte для воспринятія ударовъ пульса, и аппаратъ Verdin'a для уловленія дрожаній руки. Отъ всѣхъ этихъ аппаратовъ идутъ резиновые проводники къ барабану, на которомъ натянута закопченная бумага, и который приводится въ движеніе часовымъ механизмомъ. И вотъ

барабанъ пущенъ въ ходъ: пневмографъ даетъ на немъ кривую линію, изображающую дыханіе, остальные аппараты здѣсь же записываютъ кривую пульса и дрожаній руки. И неожиданно для испытуемаго экзаменаторъ сзади него стрѣляетъ изъ револьвера.

„Хорошій“ кандидатъ въ пилоты ничѣмъ не отзовется на эту неожиданность: линія дыханія у него останется безъ измѣненія, пульсъ не замедлится, не ускорится, руки не дрогнутъ. Но тотъ, кому суждено провалиться на экзаменѣ, сразу выдастъ себя: линія дыханія у него сдѣлаетъ рѣзкій скачокъ, затанцуетъ, „смажется“. Безпристрастный аппаратъ выдастъ его повышевшую нервозность и вмѣстѣ съ тѣмъ его непригодность къ воздушной службѣ. На нашемъ снимкѣ (на стр. 565) вверху и внизу приведены записи аппарата: верхняя, ровная — удовлетворительная; нижняя, неровная, со „скачками“ въ концѣ — неудовлетворительная.

Наконецъ, тѣ же доктора Камю и Непперъ придумали особый приборъ (эргографъ) для опредѣленія степени мускульной выносливости рукъ.

И, лишь пройдя всѣ эти экзамены, кандидатъ въ пилоты получаетъ свое искомое званіе. Отъ провѣренъ самой природой, дѣйствующей посредствомъ безупречныхъ приборовъ. И если экзаменуемому былыхъ временъ ректоръ и деканъ въ пышныхъ мантияхъ и беретахъ, вручая дипломъ на разрисованномъ кино-варью и золотомъ пергаментѣ, съ печатью, съ титуломъ доктора, или кандидата правъ, торжественно говорили: „Во имя Іисуса и Маріи и всѣхъ святыхъ мы признаемъ тебя достойнымъ ученой степени!“ — то теперешнихъ испытуемыхъ — кандидатовъ въ авиаторы точные, безстрастные аппараты на закопченной бумагѣ механически признаютъ или не признаютъ „кандидатомъ правъ на воздухъ“, „магистромъ мертвой петли“!..

Бѣлая птица.

(Изъ записокъ военнаго летчика).

Антонъ Амнуэля.

I.

Мы со штабными всегда споримъ, и въ спорѣ я не могу отказать себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ ними. И не со-вѣмъ понимаю ихъ, какъ, впрочемъ, не понимаютъ меня и они. Для нихъ машина въ воздухѣ — только нѣсколько страшноватый, птицеподобный предметъ, и часто не могутъ они различить даже систему ея. Больше того: часто не разбираютъ они, чей это: нашъ или его, неприятельскій. И каюсь, въ спорѣ я часто начинаю сердиться и говорю только одно:

— Господи Боже, да неужели вы не видите?

И мнѣ спокойно и резонно отвѣчаютъ:

— Вотъ именно ничего не видно.

И я удивляюсь и не понимаю.

Для меня такъ ясно и понятно каждое движеніе бѣлой птицы въ воздухѣ. Какъ всякій профессиональ, хорошо знающій свое дѣло и любящій его, я сразу понимаю, чей аэропланъ поетъ въ воздухѣ, что онъ видитъ, почему чертитъ свои круги и полукруги подъ облаками. Я живу душой съ тѣмъ, врагомъ или другомъ, кто управляетъ полетомъ, я чувствую его тревогу и радость и порой, стоя на землѣ, сухой и горячей, испытываю такое же состояніе, какое бываетъ тамъ, въ высотѣ поднебесной: кажется, будто холодный, хрустальный воздухъ поетъ въ уши, цѣлуетъ льдистымъ поцѣлуемъ, ласкаетъ облегченное, кажущееся прозрачнымъ тѣло, прохладной, ласково-сильной рукой. И это даетъ радость и бодрость. Радость и бодрость, какихъ не испытываешь на землѣ, гдѣ такъ душно и тѣсно.

Они, штабные, никогда не понимаютъ и не поймутъ, пожалуй, что вотъ этотъ аппаратъ совѣмъ не тотъ, который леталъ вчера, хоть оба они и одной системы. Имъ такъ и кажется, что это — все одинъ и тотъ же. Они не понимаютъ, что тамъ, у головы птицы, сидятъ разные люди, и у каждого изъ нихъ свой характеръ, своя рука и отсюда — манера. И это отражается на движеніяхъ машины, на томъ, какъ держится она въ то время, когда съ мягкимъ хлопаньемъ возникаетъ кругомъ нея вѣнецъ сѣрвато-бѣлыхъ, какъ хлопокъ, разрывовъ, даже, какъ это ни странно людямъ „земнымъ“, на звукъ пропеллера. Среди насъ, летчиковъ, какъ и въ каждой группѣ людской, есть (говору, пользуясь только обычнымъ, груболинейнымъ подраздѣленіемъ) и сухіе прозрачные люди, и горячіе фанатики, и мягкіе поэты. И пропеллеръ звучитъ то размыренно-четкими, спокойными звуками, за которыми я угадываю холодновато-умѣренную руку, то трещитъ самозабвенно и страстно, но съ переборами и такъ звонко, что дѣлается страшно, ибо думается тогда о такомъ высокомъ напряженіи, какое не можетъ вынести никакой организмъ, и что-то должно, не выдержавъ, порваться, лопнуть, какъ струна, бросивъ въ воздухъ острый, смертный стонъ, то поетъ пѣвуче, почти свирѣльно, и я угадываю тогда, что человѣкъ забылъ о мисси своей въ большомъ и жестокомъ дѣлѣ войны и мечтательной душой тонетъ въ хрустальномъ, сияющемъ просторѣ купола небеснаго, гдѣ только бездонный, голубовато-серебристый просторъ, и вольныя птицы въ немъ. Я знаю ихъ — этихъ птицъ въ небѣ, порой летающихъ ниже аппарата. Я знаю то состояніе тихой радости и немного грустнаго спокойствія, ка-

кое охватываетъ порой тамъ, въ высотѣ, когда хочется смотрѣть на нихъ, неотрывно слѣдить за ихъ полетомъ, пожалуй, съ нѣкоторой завистью, но уже тихой, безбольной. На землѣ такъ мало понимаютъ и чувствуютъ высокую красоту свободы полета.

И вотъ по этимъ признакамъ, неуловимымъ для штабныхъ, я различаю летчиковъ, угадываю ихъ. И у меня даже среди враговъ нашихъ, никогда невиданныхъ мной, есть свои знакомцы, и я всегда знаю, когда появится новый. Я прислушиваюсь къ звуку пропеллера, какъ къ голосу незнакомаго человѣка въ со-бѣдней комнатѣ, и по немъ стараюсь опредѣлить и угадать характеръ и даже вѣщность его. Мнѣ какъ-то неловко признаться въ этой женской слабости своей, и только нѣкоторая надежда на то, что кто-нибудь изъ товарищей-летчиковъ пойметъ меня (а можетъ-быть, и „земные“, для этого я употребляю сравненіе звука пропеллера съ голосомъ), — только это и водитъ моей рукой.

Прислушиваясь и присматриваясь къ аппарату въ воздухѣ и основываясь на своихъ наблюденіяхъ, я начинаю представлять себѣ, какъ это я уже упоминалъ, характеръ летчика, а потомъ, на основаніи его, и самую вѣщность. Мнѣ думается, я не слишкомъ фантазирую, ибо не каждому ли характеру соответствуетъ извѣстная вѣщность? И, строя свои гипотезы, я такъ углубляюсь, что начинаю представлять себѣ вѣщность до мелочей, до послѣднихъ подробностей. Такъ мнѣ кажется, что у того, чей пропеллеръ звучитъ пѣвуче, мягкій женственный ротъ и на лѣвой щекѣ, около губъ, маленькая темно-коричневая родинка, похожая на божью коровку.

Порой мнѣ хочется подобрать или найти имена моихъ никогда невиданныхъ знакомцевъ. Но мнѣ это плохо удается. Въ думѣ возникаютъ небывалыя сочетанія звуковъ, то расплывчатыхъ и мягкихъ, то рѣзкихъ и крѣпкихъ, какъ гранитъ. Такъ, вѣроятно, создавались первыя имена, когда у людей каменнаго вѣка возникла потребность въ отличительной кличкѣ.

Но, можетъ-быть, я и самъ — фантастъ и мечтатель. Да и не мудрено. Трудно сохранить полное равновѣсіе земныхъ, слишкомъ земныхъ людей, если ежедневно проводишь нѣсколько часовъ гдѣ-то тамъ, высоко надъ землей, гдѣ только просторъ хрустальный.

II.

Мой альбатросъ — бѣлая птица, изящная, легкая и сильная.

Только одинъ разъ — первый — подумалъ я о немъ, какъ о вѣщи, созданной той высокой мудростью человѣческой, которая выливается уже въ совершенно простыя и ясныя формы, уходя отъ громоздкости и сложности. Тогда она преисполнила меня глубокимъ уваженіемъ къ необъятнымъ путямъ механической культуры. И помню, когда увидать я въ первый разъ полетъ, видъ поднимающейся машины наполнилъ меня необыкновеннымъ восторгомъ, отъ котораго хотѣлось что-то кричать (я, помнится, хлопалъ въ ладоши, какъ сумасшедшій), почти опьяненіемъ. Но потомъ, какъ отъ дѣйствительнаго опьяненія, у меня возникло подавленное состояніе. Свободно отдѣляющійся отъ земли аппаратъ и высокая мысль, создавшая его, вывели у меня подавляющее сознаніе, насколько они неизмѣримо значительнѣе и сильнѣе меня.

Но потомъ я понялъ высокое назначеніе этой самой удивительной и мудрой, я сказала бы, самой философской машины. Созданная не острой потребностью узкаго быта, какъ многія инныя, но прекрасной и безцѣльной мечтой человѣчества, можетъ-быть, тѣмъ тайнымъ, что живетъ въ душѣ нашей, какъ слѣдъ дыханія Божьяго, всегда влекущаго къ высотѣ, она исполняетъ благородную миссію—открывать нашъ умъ, расширять горизонты мысли, слишкомъ прикованной къ землѣ, обновлять ее сладкимъ обѣтомъ безграничной свободы. И только наше непониманіе ея сокровеннаго смысла и привычка нищихъ узко утилизировать все даютъ ей иное назначеніе, часто унижающее ее. Таковымъ, напримѣръ, я считаю ея участіе въ войнѣ.

Мой альбатросъ—бѣлая птица, живая, мудрая и чуткая; онъ научилъ меня думать о себѣ такъ.

Подойдя къ нему въ полевома ангарѣ, я всегда похлопаю его по круглому крылу, и онъ отвѣчаетъ мнѣ мягкимъ голубинымъ звукомъ, подобно лошади, привѣтствующей хозяина ласковымъ ржаніемъ. Онъ въ высотѣ небесной передаетъ мнѣ мысли, къ которымъ никогда не пришелъ бы я на землѣ. И, увлекая меня, онъ, какъ преданная женщина, глубоко послушенъ рукѣ моей, и въ рокотѣ его и въ движеніяхъ легкаго тѣла я слышу всегда отзвуки своихъ переѣмчивыхъ настроеній. И, какъ женщина, любящая и любимая, какъ жена человѣка, въ самомъ высокомъ и прекрасномъ смыслѣ этого слова, онъ принесъ мнѣ безконечно много неиспытанныхъ переживаній и радости, обогащающихъ мудростью.

Тамъ, въ высотѣ, я узналъ ту сладкую печаль, которая охватываетъ при видѣ птицъ, и гордость одиночества и свободы, и укрупляющее боренье съ силами стихій, и острое напряженіе, и жуткую радость смертельной борьбы.

И я полонъ глубокой благодарности прекрасной птицѣ моей. Ей я обязанъ очень многимъ.

III.

Изъ числа всѣхъ незнакомыхъ знакомцевъ моихъ, неприятельскихъ летчиковъ, я особенно выдѣлялъ одного, чье имя никогда не могло даже приблизительно оформиться въ сознаніи моемъ,—такимъ сложнымъ и многообразнымъ представлялся мнѣ образъ его.

Чувствовалъ я въ немъ твердую рѣшительность и мужественную, сдержанную силу и мягкость, свойственную ей. Какъ-то необыкновенно свободно и непринужденно двигался въ воздухѣ его аппаратъ, съ такимъ презрительнымъ, восхищающимъ и раздражающимъ спокойствіемъ велъ онъ себя подъ обстрѣломъ, когда почти рядомъ съ машиной разрывались снаряды и, казалося, сквозь прорванную ткань лазури выливаются клубки сѣраго дыма, и такъ мягко и тихо проходилъ онъ, и такой красивой музыкой звучалъ пропеллеръ, когда было безопасно. Видимо, душа этого человѣка была необычайно богата. И полеты его производили на меня глубочайшее впечатлѣніе, подобно концерту, богатому и разнообразному по программѣ. Я много думалъ о немъ и, какъ всегда, ловилъ себя на томъ, что при этомъ во мнѣ происходитъ почти бессознательный процессъ угадыванія его вѣщности. И мало-по-малу, придумывая мелкія черты и детали, я воображалъ съ неотразимой ясностью смуглолицаго, черноволосаго человѣка, очень изящнаго, широкаго въ плечахъ и узкаго въ талии. Онъ былъ невысокъ ростомъ и имѣлъ небольшія, но очень твердыя руки, обладавшія способностью работать съ той кажущейся легкостью, подъ которой совсѣмъ не чувствуется напряженія. Я отчетливо представлялъ себѣ его орлиный носъ, съ широкими ноздрями, но мнѣ долго не давались глаза. Спокойной работой сознанія я не могъ себѣ представить ихъ. Но однажды я увидѣлъ его во снѣ и неотрывно всматривался въ глаза, чтобы запомнить ихъ твердо. Они смотрѣли прямо и ясно, спокойнымъ и очень внимательнымъ взглядомъ, продолговатые, коричневыя, съ желтоватымъ свѣтлымъ ободкомъ вокругъ зрачка, придававшимъ имъ нѣсколько жесткое, птичье выраженіе. Я проснулся недовольнымъ. И только уже потомъ вспомнилъ, что порой онъ такъ высоко поднималъ брови, что на лбу у него образовывалась прямая и глубокая складка, что мелкія лапки морщинокъ, почти незамѣтныхъ, темнѣли подъ глазами, и такимъ мягкимъ, почти женственно-нѣжнымъ становилось лицо его, въ такой ласковой полуулыбкѣ складывались его красиво обрисованныя губы.

Онъ нравился мнѣ — и тѣмъ острѣе была моя ненависть къ нему, когда она появилась и стала жить рядомъ съ симпатіей. Слишкомъ много зла причинилъ онъ намъ. Это онъ, внезапно снизившись, строчилъ пулеметомъ по рядамъ полковъ на походѣ, онъ бросалъ гранаты въ медденныя зѣби обозовъ и побѣдовъ и, какъ коршунъ, плавалъ надъ городами нашего тыла, внося въ светлую и нетвердую жизнь ихъ огонь пожаровъ, разрушеніе и смерть невинныхъ. Это онъ убилъ ту дѣвочку, которая до сихъ поръ не забывается мной и снится по ночамъ. Осколокъ попалъ ей въ запятокъ, и странно было видѣть, ея тоненькое и хрупкое тѣло, къ которому такъ шли легкія и быстрыя движенія, безпомощно раскинутымъ на развороченномъ тротуарѣ. Удивленно смотрѣли ея застывшіе глаза, слоюмъ тонкой пыли были покрыты блѣлые волосы и тонкія, загорѣлыя ножки.

Съ того момента, когда я увидѣлъ ее, острая ненависть, смутная раньше, вполне опредѣлилась, выявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ же-

ланіе уничтожить врага. Это было чувство охотника на какого-то большого и красиваго, но злого звѣря. Этотъ человѣкъ съѣдалъ громадное зло при помощи прекрасной и мудрой машины. А развѣ для того создана она? Развѣ для того, чтобы принести зло, дѣлалъ тысячекратными человѣчествомъ жестокою и прекрасною мечту—быть подобно птицамъ небеснымъ? А онъ—радость очей Господнихъ.

Съ этого дня я смотрѣлъ на моего альбатроса, на живую и мудрую птицу мою, какъ на орудіе большого дѣла борьбы съ гидрой губящей и возстановленія справедливости, затоптанной въ пыли и крови.

IV.

Прохладной и сладкой свѣжестью вѣяло въ то утро отъ зеленыхъ садовъ, яркія и темныя пятна дрожали въ ней подъ молочнымъ кружевомъ вѣтвущихъ вишенъ. Ослѣпительно блестя бѣлыя стѣны хатъ. Вѣшней тишиной налиты было утро. И по-вѣшнему сквозило блѣдно-голубоватое, безоблачное небо. Слуга, принесшій мнѣ приказъ, подаль холодной, какъ ледъ, воды, и, умывшись, я почувствовалъ себя особенно крѣпкимъ и бодрымъ. И, садясь въ аппаратъ, подумалъ, что, если придется сегодня встрѣтиться съ чѣмъ-нибудь необычайнымъ,—я знаю, что дѣлать.

Никогда не могу уловить я той секунды, когда отдѣляются отъ земли колеса. Но всегда, какъ только по колебанію сидѣнья и по той легкости тѣла, какую испытываешь въ эту минуту, почувствуешь, что машина уже поднялась, на одно мгновеніе охватываетъ чувство странной растерянности, почти раскаянія въ сдѣланномъ, желаніе вернуться. Это — наша дань землѣ и цѣнямъ ея. Но потомъ, когда уже выравнится машина и будетъ плавно подниматься,—хочется вздохнуть облегченно и улыбнуться слабости своей.

Быстро, точно отталкиваясь, поплыли назадъ разбросанныя хатки хутора, группы солдатъ въ полѣ, блеснули голубовато-серебристыя излучины рѣки, лѣсъ, рощіи на бугрѣ и всегда кажущійся такимъ высокимъ, сталъ, расплывался, опускался къ землѣ. И вотъ уже похолодѣлъ воздухъ—охватило привычное и сладкое чувство свободы и простора. Въ этой высотѣ хотѣлось слѣдъ небывалый гимнъ, наполнять воздухъ широкими полнзвучными нотами.

Я повернулъ въ сторону позицій и скоро увидѣлъ ниточки окоповъ—нашихъ и противника, едва различимую паутину загражденій. Хотѣлось подробно рассмотреть, что дѣлается въ неприятельскомъ тылу, въ этомъ невѣдомомъ краю, доступномъ только моему взгляду. Поэтому я и не замѣтилъ, какъ поднялся „онъ“ и подошелъ почти вплотную. Только едва замѣтныя сквозь шумъ пропеллера сухой трескъ пулемета заставилъ меня поднять глаза.

Я сразу узналъ того невѣдомаго знакомаго, убійцу дѣвочки, который занималъ мои мысли, какъ кошмаръ. Какъ-то сразу вспыхнуло и понеслось быстрыми скользящими вереницами все, что думалось о немъ, и безстрастное восхищеніе профессионала и острая ненависть къ нему. Подумалось, что не разъ хотѣлось мнѣ вступить въ борьбу съ нимъ и сознаніе громадной опасности этого. Что-то маленькое и холодное гугливо дернулось въ моей груди, и почти не сознавая, что я дѣлаю, я сталъ снижаться, повертывая аппаратъ бокомъ къ нему. Этотъ рискованный маневръ былъ жестомъ растерянности.

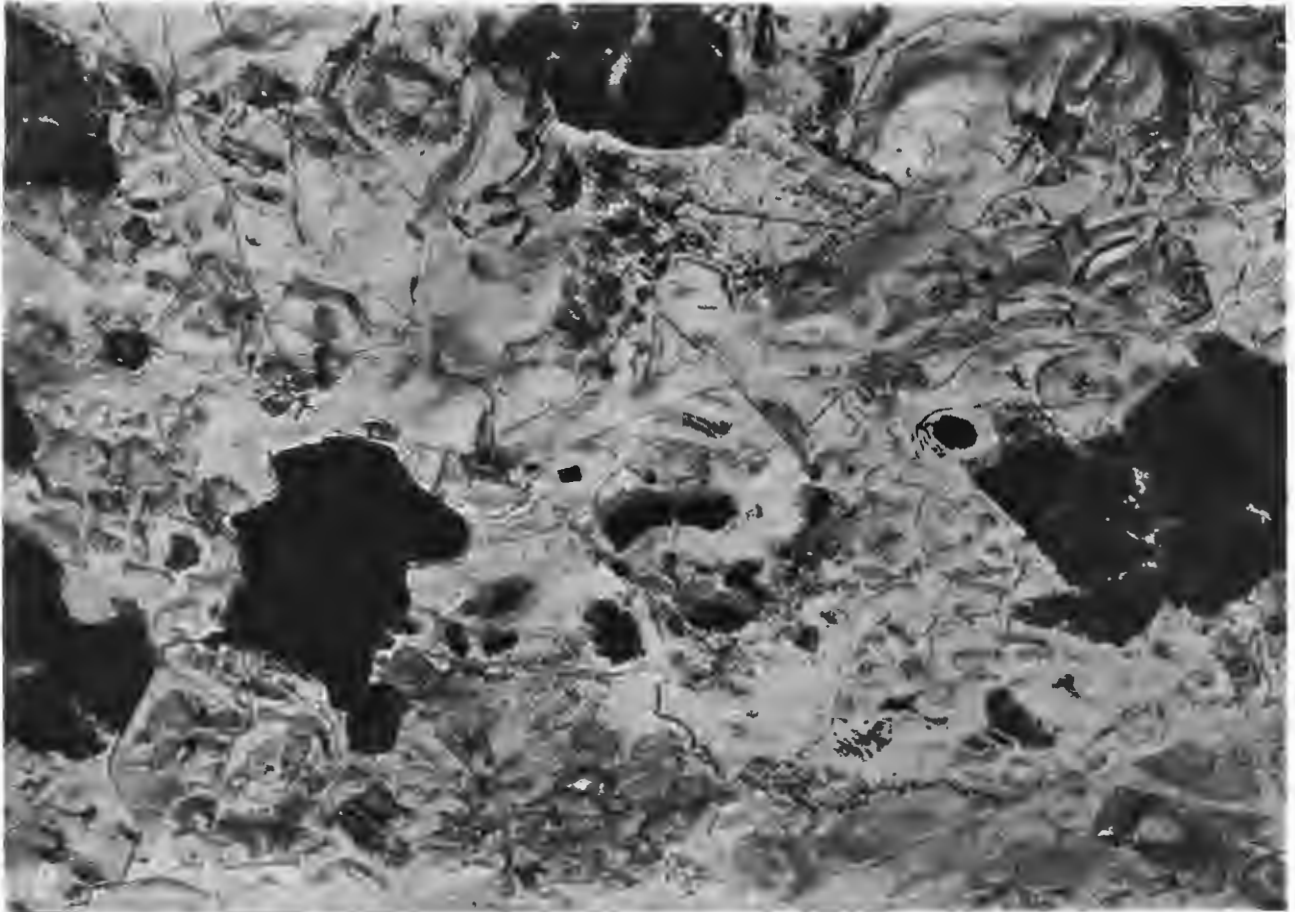
Мнѣ хотѣлось уйти—и онъ понималъ это. И въ новыхъ звукахъ пулемета услыхалъ я ноты, напоминавшія человѣчскій смѣхъ, торжествующій и презрительный. И если бы не было этого, можетъ-быть, такъ и ушелъ бы я, втянувъ голову въ плечи... Но вспомнилась дѣвочка на тротуарѣ, вспомнилось оскорбленіе, нанесенное высокой мечтѣ злымъ дѣломъ...

Все такъ же быстро уходилъ я, но уже по-новому—твердо звучалъ моторъ. Мнѣ надо было только уйти за свою линію. И съ той увѣренностью, какая свойственна такимъ горячимъ и сильнымъ людямъ, какимъ былъ мой противникъ, особенно теперь, когда онъ уже опьянялся такой быстрой побѣдой,—онъ пошелъ за мной... Преслѣдователь,—покорный мнѣ, точно привязанный.

И уже совсѣмъ холодно-спокойнымъ сталъ я, когда увидѣлъ внизу сѣрую ленту шоссе. Съ этой минуты для меня настала уже не борьба, а охота, въ исходѣ которой я былъ увѣренъ, и шель къ ней прямымъ путемъ, почти не волнуясь, и только слегка раздражался при мелкнхъ препятствіяхъ, при сопротивленіи. Я зналъ всю бесполезность и ненужность ихъ.

За шоссе, уже надъ своимъ расположеніемъ, я снова опустился, но такъ быстро и неожиданно, что онъ, не ожидавшій этого маневра, оказался впереди меня. И тогда я поднялся, всталъ вровень съ нимъ. Онъ понималъ, что путь его назадъ отрезанъ. И та растерянность, которая появилась въ его движеніяхъ, только укрупнила мое чувство увѣренности въ исходѣ.

Дальше на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежала печать ослабляющей недовѣрчивости къ нимъ, но онъ еще долго сопротивлялся. Въ высотѣ, то поднимаясь, то снижаясь, кружились наши птицы, сходясь и расходясь, точно танцовали странный танецъ, непонятный снизу играли въ невѣдомую игру. Я уже не могъ больше разслышать звука его пулемета, но почувствовалъ, какъ вздрогнула крылья птицы моей,—онъ поранилъ ее. Но и тутъ я подумалъ не объ опасности, а только о работѣ, которую онъ за-

9. Надъ расположиємъ противника. Снято съ аэроплана на высоту 1.700 метровъ.

10. „Лети, матушка!“ Полетъ бомбы, брошенной съ аэроплана въ расположиємъ противника.
(Бомба видна вверху снимка, посрединѣ его).

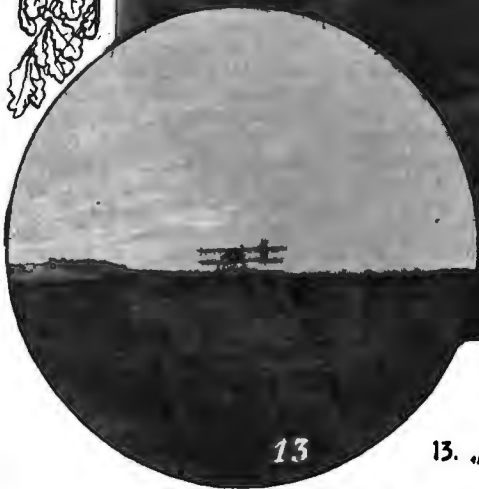
День авіатора.

11. „Замѣтили!“ Подъ обстрѣломъ противника аппаратъ уходитъ въ облака.

12. „Выше облака ходячаго...“ Снято на высотѣ около 3.000 метровъ. Внизу клубятся облака.

13. „Домой!“ При спускѣ аппарата слегка былъ поврежденъ пропеллеръ.

День авіатора.

далъ этимъ. Напротивъ я, вооруженный лишь однимъ гранатой, почти не досадовалъ на свои промахи—развѣ не зналъ я, что это только временныя неудачи.

Но какая радость, какая почти жуткая и пугающая радость охватила меня, когда пришелъ этотъ моментъ!

Его машина была какъ разъ подь моей рукой, я отчетливо различалъ двѣ головы сидѣвшихъ въ ней и, наклонившись, почти не присматриваясь, кинулъ свою гранату. Даже сквозь шумъ пропеллера услышалъ я яркій звукъ взрыва. Блѣдно-красное въ серебряномъ свѣтѣ солнца метнулось пламя и заволоклось сѣрымъ клубкомъ дыма, который торопливо вырвался изъ огня. И, какъ птица, раненая на смерть, какъ листъ осенній, колеблясь, вдрагивая широко раскинутыми, но уже безсильными крыльями, стала опускаться машина.

Она упала въ поле, прямо на свѣтло-зеленые, свѣжіе всходы. Безумно волнуясь, съ холодными руками, съ трудомъ двигая затекшими ногами, подошелъ я къ „нему“.

Механика опалила, и нельзя было разобрать лица его. Да

меня это и не занимало. Неострыно смотрѣлъ я на летчика, чувствуя, какъ нервно сжимается горло, почти съ ужасомъ. Осколокъ попалъ ему въ грудь, разворотилъ кѣбтку, но голова сохранилась.

Такъ. Такъ. Я видѣлъ лицо, безконечно знакомое, связанное со мной, но никогда невиданное. Продолговатое, смуглое, съ твердыми губами. Горбатый орлиный носъ съ широкими крыльями. Черные волосы выбивались изъ-подъ шлема. Маленькая крѣпкая рука лежала на рулѣ. И только глаза его не могъ видѣть я—закрыты были они. Но тонкая събъ морщинокъ паутинокъ была.

...Это за тебя, милая свѣтловолосая дѣвочка, и за тебя, бѣлая птица моя—воплощенная тысячелѣтняя мечта человѣческая, чистотѣ которой нанесено великое оскорбленіе.

Обезсиленный, опустился я на траву.

Завтра я ѣду въ отпускъ. Очень и очень надо мнѣ отдохнуть, успокоить нервы.

Возмездіе.

Рассказъ Вл. Кохановскаго.

I.

Когда остановившіеся на ночлегъ въ усадьбѣ нѣмецкіе офицеры заговорили о тѣхъ наказаніяхъ, которыя они придумывали для непокорныхъ русскихъ, молодой лейтенантъ фонъ-Груббе, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Все то, о чемъ вы рассказываете, господа, пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что я придумалъ для одного мельника, не хотѣвшаго сказать мнѣ, гдѣ находятся русскія войска.

Онъ сдѣлалъ небольшую паузу, закурилъ сигару и обвелъ всѣхъ самодовольнымъ и побѣдоноснымъ взглядомъ, потомъ продолжалъ:

— Какъ-то подь вечеръ, мой отрядъ, выслѣдивъ партію русскихъ развѣдчиковъ, погнался за ними. Намъ было гораздо больше, и мы всѣхъ ихъ изрубили бы или забрали въ плѣнъ, но на ихъ счастье невдалекѣ былъ лѣсъ, и они скрылись туда. Когда мы, послѣ поисковъ въ лѣсу, выѣхали въ поле, то увидѣли невдалекѣ мельницу и стоящаго около старика въ запачканномъ мукой платьѣ. Подъѣхавъ къ нему съ отрядомъ, я спросилъ, не видаль ли онъ русскихъ. Онъ покачалъ головой и сказалъ, что русскихъ нѣтъ нигдѣ поблизости, но я понялъ по его глазамъ, что онъ лжетъ. Тогда я пригрозилъ ему разстрѣломъ, но и это не помогло, и онъ повторилъ, что русскихъ войскъ поблизости нѣтъ. Я уже хотѣлъ отдать приказаніе разстрѣлять его, но въ эту минуту мнѣ въ голову пришла оригинальная и забавная идея. Дулъ сильный вѣтеръ, и крылья мельницы съ шумомъ быстро вертѣлись передъ моими глазами. Отчего бы не заставить повертѣться вмѣстѣ съ ними и упрямаго старика? Я посмотрѣлъ на его крѣпкую фигуру, загорѣлое лицо, съ ненавистью устремленный на меня взглядъ, и мнѣ живо представилась картина, какъ онъ будетъ вертѣться въ воздухѣ, вмѣстѣ съ крыльями мельницы... Не раздумывая долго, я приказалъ солдатамъ взобраться на мельницу, остановить колесо и достать тамъ хорошую веревку. Мои молодцы не заставили меня повторять приказаніе и, догадавшись о моемъ намѣреніи, быстро взбѣжали по лѣстницѣ вверхъ и нѣсколько мгновений спусти вернулись отсюда съ крѣпкими и толстыми канатомъ. Упрямый старикъ, повидимому, тоже догадался о моемъ намѣреніи, потому что лицо его сильно поблѣднѣло, и руки, державшія мѣшокъ съ мукой, затряслись.

— Скажешь теперь, гдѣ русскіе? — проговорилъ я, усмѣхнувшись.

— Я не знаю, гдѣ они, — отвѣчалъ онъ глухо.

— А на аэропланѣ полетать хочешь? — спросилъ я.

Онъ молчалъ.

— Небось, никогда не леталъ на аэропланѣ?

Онъ попрежнему молчалъ, часто и тяжело дыша.

— Ну, такъ вотъ сейчасъ полетишь, — проговорилъ я и сдѣлалъ знакъ солдатамъ.

Они схватили старика и привязали къ одному изъ крыльевъ. Въ это время позади меня, въ нѣсколькихъ шагахъ, раздался громкій крикъ. Я оглянулся и увидѣлъ быстро бѣгущаго къ намъ парня. Его лицо было блѣдно, какъ у мертвеца, въ глазахъ свѣтились ужасъ... Когда онъ добѣжалъ до насъ, я велѣлъ солдатамъ схватить его.

— Ты кто такой? — спросилъ я.

— Я здѣшній крестьянинъ, — проговорилъ онъ задыхающимся и прерывающимся голосомъ, — а это мой отецъ, — онъ указалъ на привязаннаго мельника, — ради Господа пощадите его, не мучьте... Я усмѣхнулся.

— Развѣ такъ неприятно летать на аэропланѣ? И потомъ, посмотрѣвъ прямо въ его лицо, спросилъ: Можеть-быть, и ты хочешь на аэропланѣ полетать?

— Ради Господа пощадите, — шепталъ онъ, вырываясь изъ рукъ солдатъ.

Я сдѣлалъ новый знакъ солдатамъ. Они, взбѣжавъ наверхъ,

отпустили колесо. Крылья тяжело заскрипѣли и медленно сдвинулись съ мѣста... Я подошелъ близко къ поднимающемуся вмѣстѣ съ крыломъ старика и, посмотрѣвъ прямо ему въ лицо, сказалъ:

— Смотри, не расшибись...

Его глаза съ ненавистью смотрѣли на меня, и проклятіе сошлось съ его усть.

Въ тотъ мигъ, когда широкое крыло, мощнымъ взлетомъ поднявъ его вверхъ, со страшной силой ударило о землю, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня раздался громкій крикъ его сына.

Когда я оглянулся, то увидѣлъ его вырвавшимся изъ рукъ солдатъ и упавшимъ на землю. Нѣсколько мгновений онъ бился на ней, точно въ какихъ-то судорогахъ, потомъ вдругъ поднялся и, събѣ на травѣ, усталый на меня бессмысленнымъ, безумнымъ взглядомъ, шепча:

— Эропланъ, эропланъ, эропланъ...

Тогда я велѣлъ солдатамъ заткнуть ему платкомъ ротъ и отвести его на мельницу.

Въ послѣдній разъ взглянувъ на вертящуюся вмѣстѣ съ крыломъ темную массу того, который еще нѣсколько минутъ назадъ осмѣливался такъ дерзко и нагло разговаривать со мною, я вмѣстѣ со своимъ отрядомъ отбѣжалъ отъ мельницы.

Фонъ-Груббе кончилъ рассказывать и веселымъ и побѣдоноснымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ слушавшихъ.

— Что же, послѣ этого случая ты больше уже никого не заставлялъ летать на такомъ страшномъ „аэропланѣ“? — спросилъ, усмѣхаясь, товарищъ его, лейтенантъ Куртъ.

— Пока не приходилось, — отвѣчалъ фонъ-Груббе, — но при случаѣ опять заставлю.

Еще долго бесѣдовавъ компанія нѣмецкихъ офицеровъ о своихъ „подвигахъ“ и расправахъ съ русскими. И каждому изъ нихъ хотѣлось поразить и ошарашить другого своей изобрѣтательностью и холодной жестокостью къ ненавистному врагу...

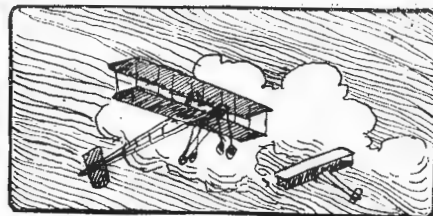
II.

Было около полуночи, когда фонъ-Груббе послѣ обильной выпивки вышелъ передъ сномъ пройтись въ большой усадебный садъ. Въ сырости темномъ воздухѣ уже чувствовалась особая весенняя мягкость и бодрящая свѣжесть. Въ подернутомъ легкими дымчатыми облаками небѣ, чуть дрожа, свѣтились кружныя звѣзды. Тихо было кругомъ. Лишь гдѣ-то далеко, далеко одно-тонно лаяли собаки. Фонъ-Груббе вдыхалъ полной грудью свѣжій воздухъ, смотрѣлъ на звѣзды, на неподвижно стояція по бокамъ аллеи темной массой деревья. Представлялъ себѣ близкое уже тепло, ясные солнечные дни, и жажда жизни все сильнѣе и сильнѣе охватывала его душу. И вспомнилъ онъ Берлинъ, шумныя улицы, залитыя огнями кафе, вспомнилъ свою возлюбленную флюору Вильгельмину, которой обещалъ привезти изъ „варварской“ Россіи блага медвѣдя и множество драгоценностей. Вспомнилъ, какъ передъ отбѣдомъ въ армию долго гулялъ съ ней по улицамъ Берлина, и какъ кругомъ ревѣла и бѣсновалась избивавшая мирныхъ русскихъ путешественниковъ озвѣрѣвшая толпа.

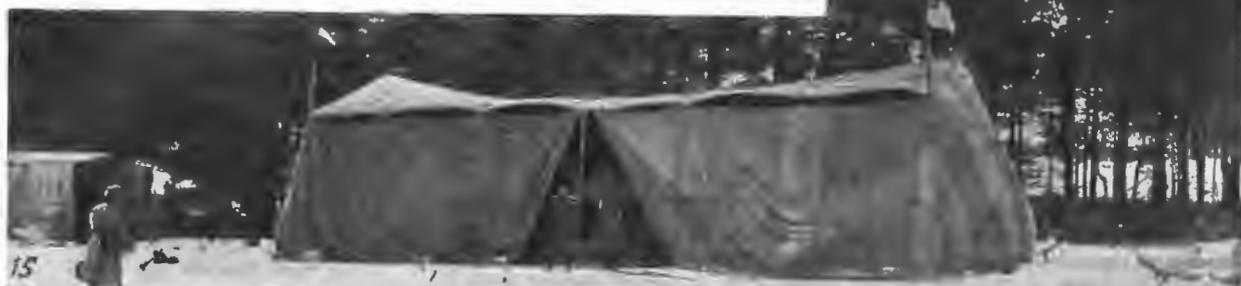
Усмѣхнулся и подумалъ: „надо будетъ ей написать о вновь изобрѣтенномъ мною „аэропланѣ“, вотъ навѣрное смѣяться-то будетъ, вѣдь она такъ ненавидитъ русскихъ“.

Побродивъ по темному саду, онъ вышелъ за ворота. Здѣсь было свѣтлѣе, чѣмъ въ саду, и довольно ясно видна была уходящая изъ усадьбы вдаль дорога, обсаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями. Нѣсколько полуразрушенныхъ енарядями, покинутыхъ хозяевами избъ виднѣлось въ сторонѣ, неподвижная вѣтряная мельница одиноко чернѣла въ полѣ.

Постоявъ немного у воротъ, фонъ-Груббе, насвистывая какую-то веселую нѣсенку, прошелся по дорогѣ и приостановился у полуразрушенной избы, представляя, съ какимъ трескомъ разорвался

14. Летчикъ и наблюдатель у разбитого пропеллера.

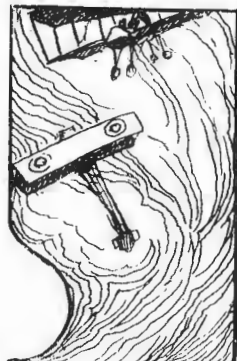
15. „Спи, милый другъ, до радостнаго утра!“ Аппаратъ—въ ангаръ, а сами—объдаты!

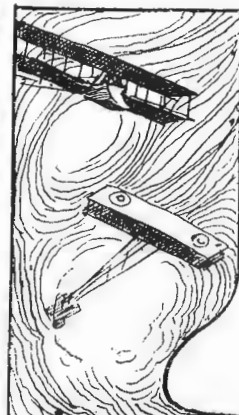
16. „Ихъ благородья прилетѣли!“ Поварь отряда наливаетъ супъ проголодавшимся развѣдчикамъ, пропустившимъ обѣдъ.

17. Ориентировка карты полета съ картой мѣстности.

18. Я утромъ вновь...

День асиатора.

Завоеваніе германскихъ владѣній въ Африкѣ. Англійскія моторныя лодки на озерѣ Танганайка. Лодки перевозятся на платформахъ по желѣзнодорожному мосту своеобразной туземной постройки. Рис. участника англійской экспедиціи С. Бегга.

здѣсь нѣмецкій снарядъ. Потомъ пошелъ къ одиноко чернѣвшей мельницѣ, съ усмѣшкой думая: „ужь не та ли это самая мельница, на крылѣ которой вертѣлся упрямый русскій мельникъ?“

Подойдя къ мельницѣ, онъ замѣтилъ вдругъ, что на нижнемъ крылѣ ея чернѣетъ какая-то темная, похожая на человѣка, масса. „Да не мельникъ ли это продолжаетъ висѣть здѣсь?“—подумалъ онъ и почувствовалъ вдругъ, какъ какое-то неприятное, похожее на суевѣрный страхъ чувство начинаетъ охватывать его душу...

Вынулъ изъ кармана электрической фонарикъ и навелъ свѣтъ на темную массу. Это былъ сильно разложившійся трупъ нѣмецкаго солдата, крѣпко привязаннаго веревками къ доскамъ широкаго крыла.

—Что за чортъ!— прошепталъ онъ, отшатнувшись. Нѣсколько мгновений стоялъ около трупа, освѣщая его фонаремъ и не зная, что предпринять. Потомъ вдругъ спряталъ фонарь въ пальто и быстрыми шагами пошелъ по направленію усадьбы. Когда дошелъ до воротъ, оглянулся. Нѣсколько мгновений неподвижными глазами смотрѣлъ на чернѣющую вдали мельницу.

Тихо было попрежнему кругомъ. Звѣзды, чуть дрожа, мерцали въ подернутомъ легкими прозрачными облаками небѣ, въ воздухѣ вѣяло весенней свѣжестью... И вдругъ ему показалось, что то, что онъ только-что увидѣлъ на мельницѣ, ему лишь померещилось. Просто во время ужина онъ выпилъ много вина и подъ впечатліемъ своего же разсказа о мельникѣ и о совершенномъ надъ нимъ наказаніи, все это ему только померещилось сейчасъ. Уже почти два года, какъ онъ на войнѣ, и ни разу еще не видѣлъ онъ, чтобы кто-нибудь пригнѣтилъ такое же наказаніе къ врагу, какое лишь недавно выдумалъ онъ. Не можетъ же быть такого совпаденія!

Нѣсколько минутъ спустя онъ сталъ уже смѣяться надъ собой. „Эхъ, ты, фонъ-Груббе,—говорилъ онъ себѣ,—хватилъ сегодня лишнее и увидѣлъ то, чего никогда не было и не могло быть. Эхъ, ты, фонъ-Груббе, фонъ Груббе!“

Позади раздался звонъ шпоръ, и нѣсколько мгновений спустя за ворота вышелъ лейтенантъ Куртцъ. Увидѣвъ фонъ-Груббе, онъ сказалъ:

— Чего ты стоишь здѣсь? Пойдемъ спать.

— Хочу немного освѣжиться, — отвѣчала фонъ-Груббе,—послѣ вина голова шумитъ.

Куртцъ ничего не отвѣтилъ ему и, что-то насвистывая, сталъ смотрѣть вдаль. Немного погодя фонъ-Груббе вдругъ сказалъ, повернувшись къ Куртцу:

— Видишь вонъ ту мельницу?

— Ну, вижу, — отвѣчалъ Куртцъ.

— Я ходилъ только-что туда...

— Ну, такъ что жъ изъ этого?

— Оригинальная мельница, — проговорилъ фонъ-Груббе и потомъ спросилъ:—Хочешь, пойдемъ, посмотримъ на нее сейчасъ вмѣстѣ?

— Не хочу; усталъ. А что же въ ней особеннаго?

— Да такъ, крылья оригинальны, и вообще вся она какая-то необычайная, — проговорилъ фонъ-Груббе, стараясь не встрѣчаться съ нимъ глазами.

Они помолчали нѣсколько минутъ, потомъ Куртцъ сказалъ:

— Ну, я иду спать. Спокойной ночи, фонъ-Груббе.

— Такъ не пойдешь на мельницу?—спросилъ фонъ-Груббе.

— Нѣтъ, не пойду.

— Ну, тогда я тоже пойду спать, — проговорилъ фонъ-Груббе и пошелъ влѣдъ за Куртцемъ.

Идя по темному, неподвижному парку, онъ думалъ: „конечно, это мнѣ все померещилось, конечно, это мнѣ все только померещилось“.

Завоеваніе германскихъ владѣній въ Африкѣ. Англійскія моторныя лодки на озерѣ Танганайка. Подъемъ моторной лодки на волахъ туземнымъ способомъ. Рис. участника англійской экспедиціи С. Бегга.

Завоеваніе германскихъ владѣній въ Африкѣ. Англійскій экспедиціонный отрядъ изъ 27 офицеровъ и солдатъ на двухъ моторныхъ катерахъ очистилъ озеро Танганайку отъ нѣмцевъ, потопивъ одну германскую канонерку и захвативъ другую.

III.

На другой день утромъ нѣмецкій отрядъ выѣзжалъ изъ усадьбы.

Утро было ясное, солнечное, теплое, и настроеніе у всѣхъ было бодрое и приподнятое. Когда выѣхали изъ усадьбы на обсаженную покрывающимися уже зелеными почками деревьями дорогу, лейтенантъ фонъ-Груббе посмотрѣлъ на неподвижную, повернутую задомъ къ дорогѣ мельницу и, усмѣхнувшись, подумалъ: „и вѣдь привидѣлась мнѣ вчера ночью такая чепуха!“

Но немного погодя захотѣлось все-таки подъѣхать туда и посмотреть на крылья, но въ это время раздался приказъ командира ѣхать въ карьеръ, и всѣ, пришпоривъ лошадей, помчались по мокрой и грязной дорогѣ. Чѣмъ дальше ѣхали они, тѣмъ постепенно мѣстность стала казаться фонъ-Груббе все болѣе и болѣе знакомой. Вонъ на пригоркѣ небольшой, уже свѣтло-зеленый лѣсокъ, вонъ рѣка блеснула на изгибѣ, вонъ въ ложбинѣ видны соломенные крыши домовъ, вонъ молчаливо и неподвижно стоящая мельница, вонъ невоздѣланные темные огороды. И вдругъ онъ вспомнилъ, что это тѣ самыя мѣста, гдѣ онъ расправился съ мельникомъ. И тогда еще болѣе страннымъ показалось ему видѣнное ночью. Почему именно здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, померещился ему призракъ повѣшеннаго нѣмецкаго солдата? „Странно, странно“, — подумалъ онъ и почувствовалъ вдругъ, какъ какой-то суевѣрный страхъ началъ охватывать его. Онъ не замѣтилъ, какъ лицо ѣдущаго съ нимъ Куртца вдругъ стало серьезнымъ, и глаза его съ напряженнымъ вниманіемъ начали смотрѣть вдаль.

Немного погодя онъ вдругъ сказалъ офицерамъ:
— А вы знаете, господа, вѣдь навстрѣчу намъ, по дорогѣ, какъ будто скачутъ русскіе...

— Гдѣ вы ихъ видите? — спросилъ фонъ-Груббе.
Куртцъ нѣсколько мгновений пристально смотрѣлъ въ бинокль, потомъ сказалъ:

— Конечно, это русскіе.

Фонъ-Груббе и другіе офицеры тоже вооружились биноклями и стали смотрѣть передъ собой. Вдали по дорогѣ, то сжимаясь, то разжимаясь, двигался русскій кавалерійскій отрядъ.

Нѣсколько мгновений всѣ молчали, наконецъ толстый бѣлобрысый майоръ Блюмме сказалъ:

— Ну, что жъ, ихъ, кажется, столько же, сколько и насъ. Примемъ бой.

IV.

Фонъ-Груббе очнулся подъ вечеръ. Надъ его головой разстлалось темное уже небо, дрожа, блестя яркая звѣзда. Въ свѣжестъ воздухъ нахло весенней сыростью и молодой травой... Фонъ-Груббе сначала не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ, но постепенно въ его памяти стали вырисовываться картины недавняго боя.

И вспомнилъ онъ, какъ въ ихъ отрядъ бѣшенымъ натискомъ врѣзались русскіе, и какъ вокругъ него постепенно стали таять ряды нѣмцевъ.

Вотъ около него упалъ майоръ Блюмме, вотъ упалъ Куртцъ, вотъ одинъ за другимъ стали падать солдаты. Вспомнилъ потомъ, какъ постепенно дрогнули они и, увлекая одинъ другого,

Завоеваніе германскихъ владѣній въ Африкѣ.
Туземныя женщины носятъ воду изъ ближайшей рѣки для англійскаго военного парового трактора.

обратились в бѣгство. Сначала онъ пробовалъ остановить ихъ, но потомъ самъ, увлеченный общей паникой, далъ шпоры лошади и помчался вслѣдъ за остальными. Когда онъ чувствовалъ себя почти уже въ безопасности, вдругъ что-то обожгло ему ногу, и мгновеніе спустя струя алой крови потекла по его колѣну. Немного погодя онъ, теряя сознание, почувствовалъ, что постепенно сползаетъ съ сѣдла...

И вотъ теперь онъ, очевидно, упавъ съ лошади, лежитъ одинъ гдѣ-то на мягкой влажной землѣ. Кругомъ тихо, глухо... Слегка приподнял голову и посмотрѣлъ вдаль. Темно-бурое поле, одинокая неподвижная мельница, тѣсъ вдали на горизонтѣ... „Повидимому, здѣсь безлюдно и пустынно“, — подумалъ онъ, и какое-то неприятное чувство одиночества и безпомощности охватило его душу. Онъ хотѣлъ приподняться, но отъ боли въ ногѣ и слабости тотчасъ же снова упалъ на землю. Тогда онъ рѣшилъ смириться и покориться своей участи. Можетъ-быть, на его счастье гдѣ-нибудь поблизости будетъ проѣзжать нѣмецкій или русскій отрядъ, который подберетъ его и отвезетъ въ ближайшій лазаретъ.

Но постепенно, чѣмъ темнѣе и глуше становилось кругомъ, чѣмъ больнѣе начинала ныть его рана и слабость охватывать его, тѣмъ сильнѣе стала закрадываться въ его душу какая-то тревога. А что, если никто не подберетъ его, и онъ умретъ здѣсь безславной и нелѣпой смертью отъ голода и истощенія?.. Ужъ, если ему суждено умереть, то онъ хотѣлъ бы умереть на виду у всѣхъ, чтобы прослыть храбрецомъ и героемъ. Да, такая смерть еще ничего, но все же лучше остаться живымъ.

Стуцалась ночь, нашли тучи и закрыли ярко мерцающія звѣзды, вѣтеръ сталъ свѣжимъ и сырмь. Скоро сталъ накрапывать мелкій, точно осенній дождь.

V.

За ночь погода рѣзко измѣнилась, и когда фонъ-Груббе проснулся, то ярко свѣтило солнце, голубѣло ясное весеннее небо, дулъ мягкій и ароматный вѣтеръ.

Фонъ-Груббе взглянуть на солнце, на небо, вдохнулъ полной грудью свѣжій воздухъ, и необычная жажда жизни охватила его душу. Онъ попробовалъ снова подняться, но тотчасъ же опять упалъ. Тогда онъ закричалъ громкимъ призывающимъ крикомъ... Прислушался. Тихо. Тогда снова закричалъ. И вдругъ точно шаги по мягкой землѣ донесли до него. „Кто-то идетъ сюда“, — подумалъ онъ радостно, но черезъ мгновеніе легкая тревога охватила его. — „А что, если это русскій?“ Но потомъ онъ сталъ утѣшать себя тѣмъ, что вѣдь это безразлично, такъ какъ по рассказамъ раненыхъ и вернувшихся изъ плѣна онъ знаетъ, что русскіе больнымъ и безпомощнымъ врагамъ не причиняютъ зла.

Шаги становились все ближе и ближе, и нѣсколько мгновеній спустя кто-то сзади подошелъ къ нему и остановился.

— Кто это? — спросилъ фонъ-Груббе, сначала по-нѣмецки, стараясь повернуть назадъ голову. Никто не отвѣтилъ ему. Тогда онъ сказалъ по-русски: — Я раненъ... поднимите меня...

Но пришедшій попрже-нему молчалъ.

„Что онъ, не слышитъ, что ли?“ — подумалъ фонъ-Груббе и вдругъ почувствовалъ, какъ какое-то неприятное и жуткое чувство начинаетъ охватывать его.

— Я раненъ... — повторилъ онъ, — помогите мнѣ...

И вдругъ онъ услышалъ, какъ подошедшій опускается на землю и медленно наклоняется къ нему... Мгновеніе спустя горячее дыханіе коснулось его щеки, и онъ увидѣлъ передъ собой грязное, обросшее клочковатой бородой, лицо, включенные волосы, странно горящій, напряженный взглядъ. И это лицо и этотъ взглядъ показали ему необыкновенно знакомыми... „Гдѣ я видѣлъ все это?“ — подумалъ онъ и въ ту же минуту почувствовалъ, какъ холодящій страхъ начи-

наетъ охватывать его. А человекъ съ грязнымъ лицомъ и съ странно горящими глазами нагнулся къ нему все ближе и ближе и вдругъ, засмѣявшись тихимъ безумнымъ смѣхомъ, прошепталъ:

— Эропланъ... Эропланъ... Эропланъ...

Тогда фонъ-Груббе узналъ его, и ужасъ сковалъ его члены. А пришедшій все ближе и ближе нагнулся къ его лицу и, ухмыляясь безмысленной улыбкой, все повторялъ:

— Эропланъ... Эропланъ... Эропланъ...

И потомъ, оглядѣвшись кругомъ и точно боясь, что его подслушаютъ, тихо проговорилъ:

— Я уже одинъ сдѣлалъ, тамъ, на мельницѣ, — онъ указалъ рукой вдаль. — А теперь другой сдѣлаю, хочешь?..

Собравъ послѣднія силы, фонъ-Груббе забился въ крѣпкихъ рукахъ парня.

— Чего? Чего? — спрашивалъ тотъ, съ недоумѣніемъ глядя на него. — Вѣдь эропланъ сдѣлаю, летать будешь... — повторялъ тотъ, все крѣпче и крѣпче стискивая его.

Захвативъ руку фонъ-Груббе, онъ поволокъ его по кочковатой влажной землѣ по направленію мельницы... Почувствовавъ странную боль въ ногѣ и сильно ударившись головой о кочки, фонъ-Груббе на мгновеніе потерялъ сознание. Когда онъ очнулся, то почувствовалъ, что сумасшедшій привязываетъ его къ крылу мельницы... Тогда съ необычайной ясностью онъ вдругъ вспомнилъ тотъ день, когда, самоувѣренный здоровый и сильный, стоялъ, окруженный своимъ вооруженнымъ отрядомъ, у мельницы, на крылѣ которой висѣлъ блѣдный старый безпомощный мельникъ, вспомнилъ, какъ спокойно шутилъ тогда и спрашивалъ у старика, леталъ ли онъ когда-нибудь на аэропланѣ... О, какъ далеко былъ тогда отъ него переживаемый мельникомъ ужасъ, и какъ близокъ онъ отъ него теперь!

А сумасшедшій все крѣпче и крѣпче привязывалъ его къ крылу мельницы, тихо шепча:

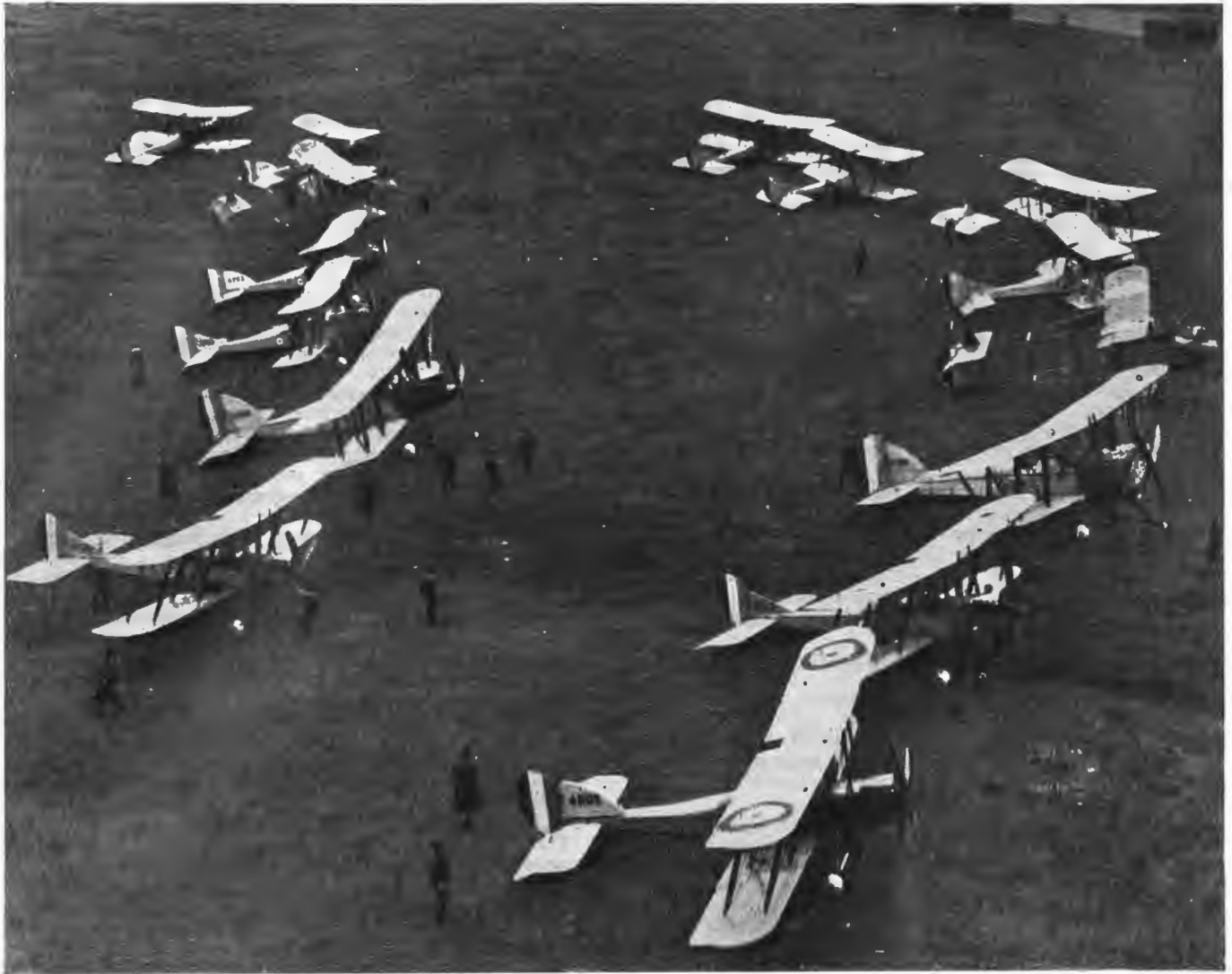
— Летать будешь, летать будешь...

Потомъ онъ поднялся наверхъ по сырмь и шаткимъ ступенькамъ и отпустилъ винтъ...

Черезъ нѣсколько дней проѣзжавшій мимо мельницы нѣмецкій отрядъ увидѣлъ на крылѣ привязанный веревкой окоченѣвшій и изуродованный трупъ лейтенанта фонъ-Груббе... Нѣсколько мгновеній солдаты съ удивленіемъ и испугомъ смотрѣли на него, потомъ, охваченные какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, дали шпоры лошадямъ и быстро поскакали прочь отъ одинокой, мрачной, неподвижно стоявшей мельницы.

Германская мина, выловленная въ рѣкѣ Тигрѣ солдатами англійскаго отряда въ Месопотаміи, будетъ служить бумомъ для обозначенія фарватера рѣки.

На аэродромъ.

Въ воздухѣ.

Въ просторъ небесъ на крыльяхъ Вуазена
Летитъ орла соперникъ молодой.
Его душа чужда земного плѣна:
Впередъ—и ввысь! Надъ сушей и водою!
Впередъ, впередъ! Навстрѣчу грознымъ тучамъ,
Навстрѣчу всѣмъ опасностямъ войны.
Онъ весь—какъ вихрь, прекрасный и могучій.
Онъ гордъ и смѣлъ—онъ сынъ своей страны.
Летитъ. На лбу морщины стали рѣзче:
Онъ слышитъ вой летящихъ снизу пуль.
Моторъ дрожитъ, и аппаратъ трепещетъ—

Рука спокойно направляетъ руль.
Впередъ, впередъ! Врагъ быстро ускользаетъ...
Впередъ—на дерзкаго, но смѣлаго врага.
Одинъ пароль, одинъ онъ лозунгъ знаетъ:
Впередъ! Воителю побѣда дорога.

И Фоккеръ сбитъ. Все въ грудѣ: стойки, тросы
И воинъ, направлявшій ихъ полетъ...
Такъ Духъ Возмездія рѣшаетъ всѣ вопросы,
Такъ Правды Духъ насъ къ истинѣ ведетъ.

Лидія Лѣсная.

Въ небесахъ.

Этюдъ Бориса Курскаго.

По гладкой, будто бы искусственно выравненной полянкѣ бѣгаютъ взадъ и впередъ люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, толкаютъ другъ друга, суетятся, волнуются.

Кто-то громко спрашиваетъ:

— Ну, что тамъ... скоро будетъ готово?

И въ отвѣтъ все время раздается:

— Сейчасъ!.. Моторъ еще пошаливаетъ...

— Какъ вѣтеръ?

— Тише... теперь только шесть. Можно и летѣть, но моторъ...

— Къ чорту моторъ!.. Чините, дѣлайте, что угодно, но черезъ десять минутъ нужно подняться!

И люди въ сѣрыхъ шинеляхъ бѣгаютъ взадъ и впередъ по полянкѣ, отъ одной палатки къ другой, еще суетливый, еще безпорядочный...

Въ рукахъ у нихъ разныя гайки, отвертки, куски проволоки.
Одинъ накачиваетъ въ бакъ бензинъ.

Другой то пускаетъ моторъ въ ходъ, то вновь его останавливаетъ.
А тотъ, кому предстоитъ сейчасъ, сію минуту доверитъ себя огромной бѣлой птицѣ, у которой не въ порядкѣ сердце—моторъ, нервно крутитъ и кусаетъ усы и порывисто подергиваетъ головой не то отъ предразсвѣтнаго холода, не то отъ нетерпѣнія.

— Что, Сашка, летѣшь?.. Скоро?..—спрашиваетъ молодой подпоручикъ, которому страшно досадно, что летитъ не онъ, а этотъ нервный человекъ съ рыжими полуобкусанными усами, и завидно, что не ему поручено такое ответственное и важное дѣло.

Поручикъ Рудневъ вскидываетъ глаза на Солнцева и, нехотя, процѣживая слова сквозь зубы, отвѣчаетъ:

— Лечу... а скоро ли, самъ чортъ не разбереть!.. Моторъ у моего Фармана съ перебоями... Дьяволы!..

Последнее слово относится, очевидно, къ неприятелискимъ солдатамъ, которые наканунѣ здорово попортили аппаратъ Руднева, угонивъ одной изъ пуль въ передаточную стальную ленту мотора.

— А ты дьявола лучше не поминай! — сусвѣрно шепчетъ Солнцецъ.

— Да какъ же не помянуть-то? Вѣдь ты знаешь, зачѣмъ я лечу сегодня... Одинъ невѣрный шагъ—и все рухнетъ къ чорту, къ дьяволу... Все, понимаешь ты, все...

— Готово, ваше благородіе!..—докладываетъ механикъ, унтеръ-офицеръ Павлюкъ, полтавскій хохоль, говорить съ сильнымъ акцентомъ, нажимая на „го“.

— Будеть работать?.. Надежно?..

— Не извольте сомнѣваться, ваше благородіе... Чай, самъ-то тоже лечу... Богъ дастъ, вернемся...

— А не дастъ,—помремъ... Это ты вѣрно, Павлюкъ...—грустно улыбаются поручикъ и медленно, слегка раскачиваясь на ходу, направляются къ аппарату.

— Ну, Господи благослови!..—Садись, Павлюкъ... Береги мѣшокъ... Пускай!..

— Не извольте...

Последнія слова отвѣта Павлюка заглушилъ шумъ пущеннаго въ ходъ пропеллера.

Секунда-другая, и бѣлая птица поднялась... опустилась... и понеслась ввысь, навстрѣчу только-что золотящимся облакамъ,—туда, выше зеленого, темнаго лѣса, окружившаго полянку, на которой сію минуту лѣчили ея больное сердце.

Поднялись на 700 метровъ и рѣзко повернули къ юго-востоку.

— Цѣль мѣшокъ, Павлюкъ?..—спрашиваетъ поручикъ въ разговорную трубку.

— Цѣль, ваше благородіе... Все въ порядкѣ, какъ быть должно... Въ воздухѣ свѣжо.

Отъ быстрого полета дышится часто-часто... Приливаетъ кровь къ вискамъ.

Рудневъ знаетъ, что это только первая пять-шесть минутъ, и что потомъ не будетъ ни частаго дыханія ни прилива крови къ головѣ, и поэтому не волнуется.

Моторъ работаетъ ровно, безъ перебоевъ.

„Здорово починилъ... Молодецъ Павлюкъ!“—думаетъ про себя поручикъ, и вдругъ ему отъ сознанія того, что моторъ неисправенъ, что онъ летитъ прямо къ цѣли, что отъ успѣха или неуспѣха его полета зависить чуть ли не судьба цѣлой арміи,—дѣлается какъ-то весело и гордо.

Мысль объ опасности отсутствуетъ: важень успѣха, а какой цѣной онъ будетъ достигнуть—совершенно не важно и даже неинтересно.

Поручикъ Рудневъ привыкъ къ опасностямъ: онъ летаетъ уже около двухъ лѣтъ и еще ни разу не терпѣлъ никакихъ аварий и крушеній.

Правда, какъ-то разъ, когда онъ леталъ въ Н-скѣ при восьми баллахъ вѣтра, его чуть не опрокинуло, но онъ совершенно инстинктивно сблалъ мертвую петлю и спасъ и себя и аппаратъ.

Тогда у него было-мелькнула мысль: это—конецъ, но именно только мелькнула, а не оставила слѣда въ психикѣ, исчезнувъ вмѣстѣ съ опасностью.

И онъ уже забылъ о томъ случаѣ.

Другихъ же не было.

То, что каждый разъ при полетахъ его обстрѣливаютъ, его нисколько не печалитъ и не волнуетъ, ибо процентъ попаданій въ аэропланъ ничтоженъ, да и онъ умѣетъ всегда во-время подняться за предѣлы досягаемости пуль.

Вчера, напримѣръ, цѣлый батальонъ обстрѣливалъ его пять минутъ и въ результатѣ—сравнительно все же ничтожная рана аппарата... пустяки... Ишь, какъ работаетъ!

Рудневъ любовно поглядываетъ на тонкія, гибкія шасси, на бѣлоснѣжныя крылья и на манометръ, висящій передъ глазами.

Внизу мелькаютъ блестящія стальные ленты—рѣчушки, которыхъ здѣсь такъ много, зеленѣютъ луга на ихъ берегахъ, бѣлѣютъ хибарки маленькихъ деревень.

Нѣтъ, нѣтъ, да какая-то точка посреди зеленого луга покажется, вѣрно, человѣкъ, а можетъ, и не человѣкъ, а корова или лошадь: Рудневъ смотритъ простымъ глазомъ, аэропланъ дѣлаетъ 70 верстъ въ часъ, гдѣ тутъ разобратъ?

Рудневъ немного поэтъ... И не только онъ пишетъ стихи въ альбомы интересующихъ его дамъ и дѣвицъ, но уже и печатался. Правда, не въ большихъ, такъ называемыхъ, толстыхъ журналахъ, но въ еженедѣльникахъ его стихи принимаютъ охотно и даже платятъ за нихъ.

— Ваше благородіе, руль высоты поднять надо... Облако...

Рудневъ покорно подчиняется совѣту, но поздно: аэропланъ уже влетѣлъ въ облако, и сразу дѣлается влажной вся одежда, руки и лицо.

Словно прямо въ болото вляпался.

— Чортъ возьми!..—ругается Рудневъ, но сейчасъ же улыбаются, вспоминая, какъ подпоручикъ Солнцецъ рекомендовалъ не вспоминать чорта передъ полетомъ.

— Чудакъ мальчишк!.. Завидуетъ мнѣ отчаянно, а все же заботится...

А облако уже кончилось.

Наступило самое настоящее утро: золотые лучи весело и игриво поблескиваютъ на металлическихъ частяхъ Фармана, а одинъ изъ нихъ все норовитъ ослабить глаза Руднева и заставляетъ его свернуть въ сторону.

Одно движеніе руля, и аэропланъ покорно обходитъ лучъ.

Внизу забѣлѣли палатки.

Сразу отходятъ на задній планъ все мысли и разсужденія, и Рудневъ громко кричитъ:

— Павлюкъ!.. Передаю тебѣ... Берись...

Павлюкъ привычнымъ жестомъ накладываетъ свои руки на руки поручика, тотъ осторожно освобождается изъ-подъ этихъ мозолистыхъ, здоровыхъ, мужицкихъ ладоней и начинаетъ пристально вглядываться черезъ стекло своего шестикратнаго Цейсса въ городокъ бѣлыхъ палатокъ.

Считаетъ приблизительно, по квадратамъ, палатки и насчитываетъ около восьмисотъ, быстро перемножаетъ въ умѣ и вслухъ уже кричитъ Павлюку:

— Дивизія!.. Справа орудія!.. Всего видно девять! Остальные, должно-быть подъ прикрытіемъ. Опусти до четырехсотъ. Стоп!.. Аэропланъ ныряетъ сразу на триста метровъ и останавливается, почти вися безъ движенія въ воздухѣ.

Съ четырехсотъ все видно, какъ на ладони.

Видно даже и тѣ орудія, которыя замаскированы вѣтвями и зеленью.

Опять считаетъ и насчитываетъ уже двадцать четыре, а не девять...

А внизу тоже замѣтили: пошла кутерьма!

Какая-нибудь минута, и около уха провизжала пчелка-пуля, оставивъ малюсенькій слѣдъ на одномъ изъ крыльевъ.

— Э-эхъ, горе-стрѣлокъ! Къ твоей бы головѣ да чугунную шею: износа бы не было!..—иронизируетъ поручикъ, но,—иронія ироній!—приказываетъ опять подняться и держаться прежняго курса.

Поднялись.

Чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ невольнo какъ-то больше нервы расходятся.

Рука крѣпко держитъ веревку, на которой, сажени четыре подъ аэропланомъ, виситъ мѣшокъ, о судьбѣ коего такъ беспокоился Рудневъ при отлетѣ.

Дѣло, которое поручено поручику Рудневу, дѣйствительно важное и серьезное.

Въ штабѣ арміи получили свѣдѣнія, что въ городокъ М. только-что доставлено десять 42-сантиметровыхъ „мамашъ“ съ „чемоданами“, и что онѣ поставлены во дворѣ товарной станціи желѣзной дороги.

Извѣстіе всѣхъ взбудоражило: если допустить „мамашъ“ къ дѣйствию, рухнетъ планъ, надъ осуществленіемъ котораго бились уже мѣсяцъ, положивъ не мало жизней человѣческихъ, молодыхъ и сильныхъ, на этихъ далекихъ чужихъ поляхъ.

Нужно не допустить!

Командующій арміей такъ и сказалъ Рудневу: нельзя, чтобы онѣ уцѣлѣли!

Въ мѣшкѣ у Руднева четыре кожаныхъ коробки, а въ коробкахъ, переложенныя отрубями и опилками, бомбы ужасающей силы.

И необходимо, чтобы ни одна изъ бомбъ не пропала даромъ. А разъ необходимо,—значитъ, и не пропадетъ!

Рудневъ уже рѣшилъ:

„Или исполню, или умру, но съ неудачей назадъ не возвращусь... не хочу возвратиться... не хочу!“

Вдругъ отчего-то защемило сердце.

Досадно стало: какой же онъ летчикъ-пилотъ, если во время отвѣтственной дѣла сердце шемить?

Вообще-то Рудневъ абсолютно здоровъ, но иногда бываютъ у него перебои. Говоритъ доктору, а тотъ смѣется.

— Ерунда, батенька! Это у васъ отъ здоровья!

Смѣется, а что-то кисло-соленое прописать.

Было это еще до войны, а на войнѣ хворать и обращать на хворь вниманіе некогда.

Да и бесполезно:

— Некогда здѣсь миндаль грызть!—говоритъ командиръ корпуса.

Вотъ другое дѣло, если перебои въ моторѣ.

Это ужъ, дѣйствительно, скверно.

При этой мысли Рудневъ невольнo прислушивается... Моторъ работаетъ исправно, но привычное ухо слышитъ, что какой-то дефектъ есть.

— Павлюкъ! Какъ моторъ?

— Исправно, ваше благородіе...

„Ну, можетъ, и ошибся... просто, показалось: это бываетъ, хотя и рѣдко“...

Вотъ и городъ.

— Павлюкъ!.. Вверхъ!.. Сыпь до 1.200!..

— Вправо!.. Полный!.. Стоп!..

Аэропланъ дрогнулъ и опять повисъ почти неподвижно.

Рудневъ внимательно и спокойно разбираетъ по плану кварталы города.

Нашель: немного влѣво отъ аэроплана, но и вѣтеръ тоже влѣво.

Достаётъ мѣшокъ, осторожно подтягивая его за веревку.

Всѣ четыре здѣсь.

Открываетъ кожаную коробку... одну, другую...

Тщательно отбираетъ бомбы и рѣшительно бросаетъ первую.

Мгновенье... Только мгновенье...

Треска не слышно, но сразу все застилается какимъ-то туманомъ красновато-желтаго цвѣта.

— Врѣзали, ваше благородіе!— во все горло кричитъ Павлюкъ.

Туманъ разсѣивается, и въ бинокль видно, какъ сразу засуетились и забѣгали какіе-то маленькіе человѣчки.

Вторая... И опять туманъ, и опять кричитъ Павлюкъ:

— И вторую врѣзали!..

Отъ восторга хочется что-нибудь крикнуть громко, громко и радостно.

А внизу уже несутся звуки выстрѣловъ.

Мимо... ну, конечно, мимо...

Отъ успѣха онъ дѣлается страшно самоувереннымъ.

— Назадъ!.. Самый полный!.. Э-хъ!.. Матрена Марковна, простите!.. Сыпь, Павлюкъ!..

Несутся вверхъ пули, а Рудневу только смѣшно.

Ярко сияетъ солнце...

Генераль-адъютантъ Н. В. Рузскій, назначенный главнокомандующимъ арміями сѣвернаго фронта.

Черезъ двадцать минутъ аппаратъ уже приземлился.

Руднева встрѣчаютъ вопросами, но, не слыша отвѣта, уже по лицу видятъ, что все удалось.

Солнце и радуется и завидуетъ, но искренно обнимаетъ Руднева.

— Слава Богу, Сашка милый!..

— А я, Солнце, и тамъ чорта поминать... и ничего...

— Ничего?.. А все же не слѣдовало бы!..

Репортъ начальству... Благодарность...

Все, какъ водится...

А потомъ сонъ, хорошій крѣпкій сонъ уставшаго человѣка.

А на травѣ, около палатки, сидитъ Павлюкъ и методично разжевываетъ твердый, какъ камень, сухарь, рассказываетъ слушателямъ.

— Ну шо жь... онъ бросивъ, поручикъ-то... а унизу пыль... та и назадъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

„Политическія“ операциі.

Къ началу августа пали послѣднія, наиболѣе упорно защищаемыя, позиціи противника на юго-западномъ фронтѣ, а именно сильно укрѣпленныя позиціи у деревень Цеброво—Глядки—Воробьевка на верхнемъ теченіи Стрыпы, и нашъ центръ, послѣ двухмѣсячнаго продвиженія нашихъ обоихъ фланговъ (на Ковельскомъ направленіи и на Днѣстровскомъ), продвинулся также впередъ. Такимъ образомъ противникъ былъ окончательно сбитъ со всѣхъ своихъ зимнихъ позицій, а на обоихъ флангахъ, какъ извѣстно, наши войска подошли—на правомъ флангѣ вереть на 35 къ Ковелю, а на лѣвомъ флангѣ заняли Станиславовъ и оказались верстахъ въ 12 отъ Галича.

Противникъ, вынужденный уступить намъ свои долго укрѣпляемыя зимнія оборонительныя позиціи, отошелъ на слѣдующую линію позицій, при чемъ, естественно, наиболѣе подался назадъ на обоихъ флангахъ.

Новый фронтъ противника проходилъ верстахъ въ 35 впереди Ковеля и опирался на болотистый районъ, прикрывавшій этотъ важный пунктъ. Въ центрѣ противникъ былъ расположенъ верстахъ въ 70 впереди Львова и имѣлъ позади себя сильно укрѣпленную линію Буга—послѣднее естественное препятствіе на пу-

тяхъ къ Львову. На правомъ же своемъ крылѣ противникъ занималъ въ Восточной Галиціи рядъ притоковъ Днѣстра, соединенныхъ, повидимому, укрѣпленіями, при чемъ его расположеніе шло черезъ Галичь до Карпатъ. Наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ противникъ, отгѣсненный въ Карпаты, занималъ „трансильванскій фронтъ“, т. е. линію Карпатскихъ переваловъ, выходящихъ изъ Восточной Галиціи и Буковины въ Трансильванію.

Послѣ окончанія перваго двухмѣсячнаго періода нашей операциі, естественно, наступило временное затишье, связанное, очевидно, съ новыми перегруппировками, съ новымъ подготовительнымъ періодомъ передъ выполненіемъ слѣдующей части операциі.

Въ то же время, повидимому, и Гинденбургъ принималъ мѣры къ оборонѣ своего фронта, при чемъ наибольшее количество войскъ имъ было сосредоточено въ Волини, т. е. на путяхъ къ Ковелю, а пути къ Львову и Восточная Галиція, какъ районы австрійскаго расположенія, были, повидимому, прикрыты Гинденбургомъ нѣсколько меньшимъ количествомъ войскъ.

Совершенно же отдѣльная группа войскъ находилась въ Трансильванскихъ проходахъ и была въ концѣ лѣта подчинена венгерскому генералу Кевену, командовавшему въ свое время арміей, наступавшей въ Сербіи.

Пока длился этот период временного затишья, получили большое развитие операции на второстепенных фронтах. Завязались крупнейшие бои на кавказско-персидском фронте, на балканском фронте, и в то же время обнаружилось наступление противника на крайней оконечности юго-западного фронта, а именно на трансильванском фронте.

На кавказско-персидском фронте турки, после падения Эрзинджана, предприняли наступление против нашего левого крыла в районе Муша и в то же время повели наступление против нашего крайнего левого крыла — персидского участка фронта. На левом крыле нашего кавказского фронта, в районе Муша, обходная армия Изета-паши, уже однажды неудачно пытавшаяся обойти Эрзерумский район с юга, снова рискнула на повторение этой операции. В результате к северу от Муша завязались упорнейшие бои на путях, ведущих к Эрзеруму и к Эрзинджану, в обход с юга. Однако, невзирая на значительные силы, введенные здесь турками, это наступление не получило дальнейшего развития, и причины этого нужно видеть в том прочном стратегическом положении, которое заняла наша кавказская армия после овладения Эрзинджаном и Байбуртом. У нас оказались в руках превосходные шоссе Трапезунд—Байбурт—Эрзерум и Трапезунд—Эрзинджан. Эти шоссе в связи с дорогами, которые были нами заняты ранее и соединяли районы Эрзерума и Эрзинджана с Мусом и Битлисом, — в нашем распоряжении имела довольно выгодная сеть железных дорог в тылу, позволявшая сосредоточить необходимую массу на любом участке кавказского фронта, а следовательно и на участке Муша и Битлиса, т. е. того левого фланга, против которого наступала турецкая армия Изета-паши.

Таким образом обходное наступление турок сразу было приостановлено, и вместе с тем наши войска вскоре сами перешли в наступление в этом районе, тесня турок. Из этого можно видеть, что операция турок, предпринятая непосредственно против кавказского фронта, как и все предыдущие их операции, оказалась лишь новой, слабосильной, безжизненной попыткой турецкой стратегии.

Что же касается операций против персидского участка нашего фронта, то здесь туркам действительно удалось проникнуть в Персию и почти на всем персидском фронте занять ряд пунктов близ турецкой границы. В направлении на Тегеран турецкая армия вели, по видимому, наиболее энергичное наступление, но здесь шестая турецкая армия была остановлена к северу от Хамадана — верстах в 300 от Тегерана.

Не говоря уже о том, что наступление в Персию было лишено всякого стратегического значения, ибо несколько не могло повлиять на главный участок фронта — кавказско-армянский (Трапезунд—Эрзинджан—Мус), это наступление вообще представляло собою чисто-политическую демонстрацию. Кроме того, турецкая армия особенно далеко в Персию проникнуть не могла, ибо уже в Месопотамии турки находились за тысячу верст от своей главной базы — Европейской Турции, а в Персии они находились еще на большем расстоянии и даже совершенно отрывались от своих источников снабжения. Поэтому и следует считать, что, при всех своих недостатках, турецкая операция в Персии страдала еще одним весьма крупным недостатком, а именно эта операция велась без достаточных снабжений, т. е. без тех средств, без которых немислмы серьезные действия современных армий. Удара сильного не могло последовать, и это была не более как рискованная политическая авантюра, затеянная, вероятно, немцами только потому, что турки за два года войны обнаружили свою неспособность к более серьезным операциям.

Таким образом на кавказско-персидском фронте наблюдалась, примерно, следующая картина: на кавказском фронте

турки сдѣлали попытку обхода Эрзерума с юга, но были без труда остановлены, невзирая на их значительные силы, а на персидском фронте сдѣла турецкая армия оторвалась весьма сильно от своих баз, забравшись в Персию, и уже по одному этому была неспособна нанести сколько-нибудь серьезный удар. В этих двух операциях еще раз сказались то безсиліе, которое так характеризует все сколько-нибудь значительные планы турецкой стратегии за весь минувший период войны.

Из других фронтов — на балканском начали наступление союзники, а на трансильванском начали наступление противник. Вполне ясно, что обе операции не могли сколько-нибудь повлиять на военные события, происходившие на главных театрах в Европе, и достаточно обратить внимание на особенно заколебавшуюся позицию Румынии, чтобы найти корни этих обеих операций.

Трансильванское наступление войск Кевеша не увенчалось успехом. Сначала противник потеснил наши конные отряды в Трансильванских проходах, но затем наступление противника было приостановлено, и наши войска сами перешли в наступление, продвинулись вперед и заняли ряд важнейших перевалов в Трансильванию. Таким образом эта попытка повлиять на Румынию была локализована нашими войсками, и австрийцы дали лишь новое доказательство своей неспособности не только осуществить какую-либо стратегическую операцию, но и осуществить даже „политическую“ операцию на удаленном участке фронта.

На балканском фронте, как мы упоминали выше, наступление начали союзники: англо-французы и сербы заняли важную железнодорожную станцию Дойран и целый ряд укрепленных селений, представлявших собою передовые позиции болгар.

В печати высказывалось предположение, что наступление было начато болгарами, но это ошибочно уже просто потому, что, если бы они действительно имели в виду наступление, то начали бы его полгода тому назад, когда сербской армии не было на Балканах и когда силы союзников были относительно невелики. Можно не сомневаться, что болгары не стали бы ждать полгода, чтобы союзники усилились, привезли бы сербскую армию и проч., если бы они действительно имели в виду наступать против Салоникского фронта союзников.

Кроме того, несколько месяцев тому назад болгары могли рассчитывать на поддержку немцев, а уж, конечно, в конце августа, когда у немцев и австрийцев не было у самих никаких резервов, они не могли рассчитывать на поддержку своих союзников.

Из изложенных выше некоторых данных об операциях на второстепенных фронтах можно видеть, что в период временного затишья обе стороны, после двухмесячной нелегкой операции, сдѣлали попытки оказать содействие дипломатии в шагах, предпринимавших последние в нейтральных странах, главным образом в Румынии и частью в Персии. Очевидно, двухмесячная тяжелая борьба показала, что прилив свежих сил вообще желателен для обеих сторон, однако для противника он был желателен, чтобы придать устойчивость оказываемому им сопротивлению, тогда как для союзников — исключительно во имя ускорения событий, во имя усиления натиска на Австро-Германию.

Тем не менее, как бы ни был желателен „прилив свежих сил“, военные операции, преследующие политическую цель, могли иметь лишь временный характер, и в период этих операций одновременно шла подготовка к следующему важному стратегическому акту, намеченному на оставшуюся часть лета. Как ни крупны были события, происшедшие с 22-го мая, они были лишь подготовительными к еще более крупным событиям, начала которых надлежало бы ждать еще до наступления осени.

Содержание.

ТЕКСТЪ: Испытание авиатора.—Блѣлая птица. (Изъ записокъ военного летчика) Антона Амнуля. — Возмездіе. Рассказъ Вл. Кожановскаго.—Въ воздухѣ. Стихотвореніе Лидіи Лѣсной.—Въ небесахъ. Этюдъ Бориса Курскаго. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Заявленіе.—Объявленія.—Отклики войны.—Война и русско-польскія отношенія.

РИСУНКИ: Испытание авиатора.—День авиатора (18 рис.). — Завоеваніе германскихъ владѣній въ Африкѣ (4 рис.). — Германская мина, выловленная въ рѣкѣ Тигрѣ солдатами англійскаго отряда въ Месопотаміи. — На аэродромѣ. — Генераль-адъютантъ Н. Р. Рузскій, назначенный главнокомандующимъ арміями сѣвернаго фронта.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 29.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1916 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года.** Контора журнала „Нива“ покорнѣе проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленно присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 3-го сентября — съ 36 номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ и непремѣнно указывать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп.** и печатный адресъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 35

Выданъ 27-го августа 1916 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 23 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку конпарейль въ одинъ столбець (въ 1/4 ширины страницъ): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 14.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство въ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Больше 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПЕТРОГРАДСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗІЯ РУССКАГО СОБРАНІЯ

Кузнечный, 20. Телеф. 198-03, 420-97.
ВСѢ ПРАВА НАЗЕМНЫХЪ. Число УЧЕНИКОВЪ ВЪ КЛАССѢ не свыше 30. Полугодичная плата въ пригот.—50 рублей, въ остальныхъ классахъ—75 рублей. Дополнительные для желающихъ ВЕЧЕРНІЯ занятія—РЕПЕТИЦИИ бесплатно. Приемныя испытанія 17—31 августа.

ВОЛШЕБСТВО И МАГІЯ Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. нал. пл. 95 к. Адрес: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18/2.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕД. ПАРШИНА.

Составилъ подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ВЪДОМ. МИНИСТЕР. ТОРГ. и ПРОМЫШЛ. Первыя Московскія **ТЕХНИКУМЪ** для лицъ обоого пола съ разн. образованіемъ. ПРИЕМЪ на ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ, СТРОИТЕЛЬНОЕ (архитектурн. инженеры), СЕЛЕКТРИЧ. МЕХАНИЧЕСКОЕ, КОММЕРЧЕСКОЕ ЭКОНОМИЧ. и пр. ОТДѢЛ. СЪ КАЗЕНН. ПРАВ. и курс. реал. уч. Прии. ексдл. малч. въ 1, 2, 3 отдѣл. полготов. принимаются лица върсл. обоого пола для подготовки къ разн. званіямъ, канцелярн. отырыта ЕМЕДЕНЕВО. условия безпл. върсе тудл. МОСКВА, Тверская бульваръ, соб. домъ № 23 Н, влозь въ канцелярню со двора.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** 6 отдѣл. Фондо-Потикъ, Огарды и пр. 206 рис. и черт. въ тексты, транспортн. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испрвал. почерка въ короткнй срокѣ. Главн. вним. обрац. на конторск. скорост. Цѣна за полнын курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 2 рубля. Адрес: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Румейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полнын курсъ для самообученія. 368 стран. Цѣна (7) 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступитъ на службу въ казенн. и частн. упр., формы прошен., писемъ, какія ябры должно принятъ, чтобы обезвечитъ себя службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ законодательство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЮ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 стран. (+ VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посмал. налож. плат. на 25 к. дороже.

Ищу мѣсто управляющаго ям., долготѣльная практика, хорошіе аттестаты, освобожденъ навсегда отъ военной службы, національность—латышъ, состою управл. Адресъ: Новая Слобода, Нижегородской губернии, Лукьяновскаго уѣзда, Овальду М. Стабулд.

(ПИСАТЬ)

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адрес: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2.

РЕГУЛИНЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ

КОНТОРЫ ХИМИЧЕСКИХЪ ПРОДУКТОВЪ. требуйте только съ товарнымъ знакомъ „ПЧЕЛА“, утвержд. Министер. Торг. и Промышл. за № 16434. Естественное средство для регулированія пищеваренія, дѣйствующее главнымъ образомъ въ кишечникѣ, не изнуряетъ желудка и приятно на вкусъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главное депо: МОСКВА, В. Чернышевскій пер., д. 17, кв. 6. Отд. 2.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условия подиски и **БЕЗПЛАТНО**. пробная лекція **БЕЗПЛАТНО**. Адрес: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Румейная, 7—55.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствя, не требующія капитала, особымъ знаніямъ и спеціальной подготовкѣ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп. МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Важно для гг. регентовъ! Только-что вышло изъ печати! ГЛАВНѢЙШАЯ ПЪСНОПѢНЯ ВСЕНОЩНАГО БДѢНІЯ

Соч. П. Чеснокова, Ор. 44 (10 №№ для скѣп. хора). Цѣна парт. и голосовъ не 2 р. 50 к. каждая. Нов. каталогъ „Духовно-музыкальныя сочиненія“ высылается **БЕЗПЛАТНО**. Москва, П. Юргенсонъ, Неглинный пр., 14.

ПРИ НЕВРАСТЕНІИ,

слабооти и для **УКРѢПЛЕНІЯ** нервной системы рекомендуется **БИОЛЪ Т-ва Ласлей**. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магаз.

Разрѣш. Киевск. **БУХГАЛТЕРИИ** (существующей учебн. оир. курсъ съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, вполнѣ выуч. усложн. проповѣд. Условия вѣс. безплатно. А. П. Бобырь. Киевъ. Н. Софійская, 5.

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ Каждый мож. выуч. писать повѣсти, комедіи, стихи по двумъ руководств.: 1) Какъ стать писателемъ? и 2) Какъ стать поэтомъ? Ц. каждого съ перес. 1 р. 25 к. Москва, изд. Л. Д. Крапцъ, Б. Никитск., 22 н.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вва ПЕТРОГРАДЪ. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ, БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“ по подѣ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда,
на классный чинъ,
высшаго начальнаго, сельскаго и народнаго учителя,
ахтекарскаго ученика, — цы,
за 4 или 6 классовъ гимназій,
на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже благодаря изданію „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“ достигнуть намѣченной цѣли. Краткій проспектъ высылается бесплатно. Подробный за 15 коп.

Всякую корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44—62.

Собств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; 4217 2-3
МОСКВА, Мясницкая, 18.

Съ 1-го Августа Главная К-ра перемѣщается на Глазовую ул., соб. д. № 18.

При ГОНОРРЕЪ "ТИЗЕРИНЪ"

въ острой и хронической формѣ и послѣдствіяхъ ея примѣняется Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/23, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА

ОБЩЕСТВО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Петроградъ, Невскій пр., 56, д. Г. Елисеѣва. Телеф. 426-49.

Имена Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича

ТОРГОВАЯ ШКОЛА

4267 Для мальчиковъ. Плата за полугодіе 30 р. Открытъ приемъ въ старш. прѣг. кл. Прием. испит. 25—31-го августа. СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ. Нач. ванат. 1-го сент. Принимаются лица обоюбо пола.

Коммерческіе Курсы (вечерне). Завѣд. Курсами, асск. проф. д. с. с. В. Г. Яроцкій. Нач. зан. 12-го сент. Подр. свѣдѣній и прогр. выдаются и высыл. бесплатно. Окончившіе рекомен. на мѣста. Классъ пишущихъ машинъ. Предсѣдатель Общества Гр. Гр. Елисеѣвъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Выступленіе Румыніи.

(Политическое обозрѣніе).

Послѣ долгихъ ожиданій Румыніа наконецъ выступила съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своихъ національных интересовъ, пограничныхъ мадярскимъ угнетеніемъ трехъ миллионныхъ трансильванскихъ румынъ. Раздѣленная нація давно стремилась слиться въ одно единое національно-государственное цѣлое, но на пути къ осуществленію ея завѣтной мечты стояла, съ одной стороны, грозная мощь австро-германцевъ, съ другой — выдержанная осторожность правителей и нѣкоторая неопредѣленность династическихъ тенденцій обихъ королей. Несмотря на фамиліное родство съ императорскимъ доможъ враждебной намъ страны и на союзъ съ Австро-Венгріей, покойный король Карль не считалъ возможнымъ отречься отъ національныхъ правъ своего народа и во время свиданія въ Констанцѣ предпринималъ въ этомъ направленіи довольно рѣшительные шаги. Неожиданно разразившаяся война вызвала въ душѣ его борьбу между непримиримыми требованиями фамиліной и національной вѣрности. Онъ не вынесъ тяжелой душевной драмы и умеръ, передавъ тронъ и управленіе требующимъ войны съ австрійцами народомъ своему наслѣднику, принцу Фердинанду. Молодой правитель нашелъ выходъ изъ положенія. Какъ политикъ новой школы, онъ руководствуется въ государственныхъ дѣлахъ не династическими традиціями, а реальными интересами. Какъ король румынскаго народа, онъ слился съ румынскими національными интересами, но для осуществленія ихъ онъ выбралъ такой моментъ, когда достиженіе завѣтной цѣли будетъ стоить націи минимальнаго количества жертвъ. Не желая ничѣмъ рисковать, правительство Братіано присоединилось къ державамъ согласія только въ тотъ моментъ, когда уже не остается никакого сомнѣнія въ ихъ конечномъ торжествѣ и полной побѣдѣ. Оно предпочло вступить въ единоборство съ уже разгромленной Австріей. Маленькій народъ достигнетъ политическаго слиянія со своими зарубежными братьями съ наименьшею потерей румынской крови.

Высокій энтузіазмъ считался необходимымъ элементомъ для великихъ историческихъ дѣлъ: онъ удесятерилъ силы борцовъ, давалъ имъ чудесную власть свершать невозможное, вдохновлялъ на дивные подвиги Гарибальди, Мадзини, Суворова и Наполеона, но въ нашъ меркантильный вѣкъ высокой подъемъ вдохновенія, повидимому, замѣняется простымъ расчетомъ. Для блага Европы достаточно, если каждый народъ по мѣрѣ своего героизма или по мѣрѣ политическаго благоумія будетъ помогать торжеству общаго дѣла.

Присоединеніе Румыніи не дастъ намъ побѣды, которая уже обезпечена нашими собственными руками, но до нѣкоторой степени

ускоритъ развязку мировой войны. Болѣе чѣмъ трехсоттысячная румынская армія не велика своими размѣрами и, быть-можетъ, не страшна своимъ артиллерійскимъ вооруженіемъ, но для того, чтобы чѣмъ-нибудь уравновѣсить ее, оскудѣлой людьми и средствами Австро-Германи, потерявшей болѣе миллиона двухсотъ тысячъ за время брусиловскаго наступленія, придется наскрѣпить послѣдніе резервы въ странѣ, которые такъ нужны для подкрѣпленія разбитыхъ и на востокѣ и на западѣ нѣмецкихъ полчищъ. Для того, чтобы перевѣситъ вѣсы съ пудовыми гириями, иногда достаточно подбросить на одну изъ чашекъ маленький золотникъ. Румынскій золотникъ малъ, но дорогъ. Въ сербо-болгарскую войну Румыніа вмѣшалась какъ разъ въ ту минуту, когда Болгарія была уже сломлена и поневолѣ должна была уступить Румыніи все, чего она требовала. Точно такъ же нынѣшнее присоединеніе Румыніи къ державамъ согласія можетъ служить самымъ вѣрнымъ показателемъ поднаго истощенія Германіи. Можно подозрѣвать, что конецъ войны несравненно ближе, чѣмъ думаютъ.

Хотя выступленіе Румыніи строго очерчено предѣлами ихъ національныхъ требованій, тѣмъ не менѣе и по отношенію къ друзьямъ и по отношенію къ врагамъ ей никакъ не удастся отдѣлать свое частное дѣло отъ общаго. Какъ отвѣтъ на объявленіе войны Австро-Венгріи, Германія тотчасъ же объявила войну Румыніи. Трудно представить себѣ, чтобы военныя дѣйствія ограничились только австро-венгерской границей румынской земли, когда на южной границѣ ея — вѣрная Гогенцоллернамъ и Габсбургамъ Болгарія, имѣющая съ нашими новыми союзниками старые счеты. Натискъ коалиціонной арміи, идущей отъ Салоникъ на Софію и Вѣлградъ, заранѣе обезпечиваетъ полный успѣхъ союзническому нажиму румынъ въ тылъ болгарамъ. Примѣръ Румыніи, повидимому, не останется безъ подражанія и со стороны Греціи. Державы согласія заставили смѣнить германофильскій кабинетъ Скулуидиса, но не удалили съ отвѣтственнаго поста германофильствующаго начальника греческаго главнаго штаба — Дусманиса, который попрежнему продолжалъ сдавать болгарамъ греческія крѣпости и крѣпостныя орудія. Съ вмѣшательствомъ Румыніи въ Греціи установилось другое настроеніе, которое едва ли сдѣлаетъ продолженіе такой политики возможнымъ и допустимымъ. Державы должны помочь объединенію всѣхъ Балканъ и всей Европы противъ герmano-болгаро-турецкаго насилия и звѣрства. Приближается долгожданный часъ, когда дикое варварство осуждено пасть подъ мечомъ, — мечомъ крови и цивилизаціи.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1916 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣе проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленнымъ присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 3-го сентября — съ 36 номера. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ и непременно указывать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. и печатный адресъ.

25 войск в 25 месяцев. Выступление Румынии на театр мировой войны является по счету двадцать пятым объявлением войны. Сколько существует мирь не было такой войны, не было и стольких участников, сплетшихся мечами в кровавой сече народов. Приводим для наглядности список 14 держав, объявивших войну за истекшие два года.

Въ 1914 году.	
1. Австро-Венгрия—Сербия	15-го июля.
2. Германия—Россия	19-го »
3. Германия—Франция	21-го »
4. Германия—Бельгия	22-го »
5. Англия—Германия	22-го »
6. Австро-Венгрия—Россия	24-го »
7. Черногория—Австро-Венгрия	25-го »
8. Черногория—Германия	27-го »
9. Сербия—Германия	27-го »
10. Франция—Австро-Венгрия	28-го »
11. Англия—Австро-Венгрия	30-го »
12. Япония—Германия	10-го августа.
13. Австро-Венгрия—Япония	14-го »
14. Австро-Венгрия—Бельгия	15-го »
15. Россия—Турция	21-го октября.
16. Франция—Турция	23-го »
17. Англия—Турция	23-го »
Въ 1915 году.	
18. Италия—Австро-Венгрия	10-го мая.
19. Италия—Турция	7-го августа.
20. Россия—Болгария	21-го сентября.
21. Болгария—Сербия	1-го октября.
Въ 1916 году.	
22. Германия—Португалия	26-го февраля.
23. Италия—Германия	14-го августа.
24. Румыния—Австро-Венгрия	15-го »
25. Германия—Румыния	15-го »

Латышские батальоны. На стр. 584—585 этого номера помещены снимки нашего корреспондента из походной жизни доблестных латышских батальонов. Среди разных войсковых частей, покрывших свои знамена славою у Березюнде и Кэкскау, на дянских позициях и у Икскуля и Огера, и по толям и болотным берегам Шлокских и Кемерских озер, на Кангерё и у моря, латышские батальоны занимают одно из первых мѣст.

Хорошо имъ известная мѣстность, съ которою они сжились съ дѣтских годовъ, сознание, что они защищаютъ свою кровную землю, и соревнование, которое въ нихъ такъ сильно развито,—все это вмѣстѣ создало отряды латышей, непоколебимыхъ въ дѣлахъ даже при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

Они терпѣли примѣрно и все испытанія въ лишенияхъ и длительные бои, и жестокие прорывы въ перебѣжкахъ подъ ураганнымъ неприятельскимъ огнемъ, все виды современныхъ битвъ при усовершенствованныхъ и утонченныхъ средствахъ. Не прошло и полугода, какъ поняли и познали дѣлу латышскимъ частямъ. Силою ихъ мужества держались трудныя позиціи, брались неприступныя, вооруженныя высоты, занимали участки враговъ въ непролазныхъ болотахъ.

И теперь почти годъ, какъ латыши блестяще сражаются, выдѣляя изъ своихъ народныхъ массъ новые и новые мужественные отряды.

Предводительствуемые латышскими же офицерами, они, удивительно быстро прошедшіе все требованія строевыхъ учений, появляются на боевыхъ линияхъ иногда послѣ того, какъ еще какой-нибудь мѣсяцъ назадъ мирно занимались своими деревенскими и городскими дѣлами.

По словамъ Ф. Купчинскаго, корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей», на протяжении послѣдняго года боевъ латышскія части получили много награды. Въ ихъ рядахъ уже создались свои боевыя традиции.

Новый протезъ. Датскій хирургъ, докторъ Свиндъ, состоящій консультантомъ датскаго госпиталя (Hôpital Militaire Bénévole № 8 bis de la mission Danoise) въ Пасси, предмѣстьѣ Парижа, изобрѣлъ недавно чрезвычайно дешевую и практичную искусственную ногу изъ палки, или картона. Способъ изготовления слѣдующій: изъ толстаго картона выкраиваются двѣ полосы нужной длины (соответственно ампутированной части ноги) съ уширеніемъ вверхъ, размачиваются въ кипяткѣ, слегка выгибаются по формѣ ноги, просушиваются и складываются вмѣстѣ краями такъ, что образуютъ родъ конического цилиндра. Самый цилиндръ обматывается полосой марли или холста, пропитаннаго смѣсью клея съ льнянымъ масломъ, что дѣлаетъ материалъ непромокаемымъ и увеличиваетъ силу его сопротивленія. Когда изготовленная такимъ образомъ протеза окончательно высохнетъ, она прочностью не уступаетъ деревянной, но отличается отъ нея необыкновенной легкостью. Въ узкій конецъ цилиндра вставляются небольшая круглая деревяжка съ резиновымъ наконечникомъ, облегчающимъ ходьбу, а широкимъ концомъ цилиндръ надѣвается на уфѣлѣвшую часть ноги, которая не испытываетъ при ходьбѣ никакого давления, такъ какъ весь упоръ сосредоточивается въ бедрѣ. Холщевая подтяжка, перекинутая черезъ плечо, не даетъ цилиндру соскочить съ мѣста.

Эту необыкновенно дешевую, простую по конструкции и легкую—всего два кило—протезу можно примѣнить уже 3 недѣли спустя послѣ ампутаціи, еще до заживленія раны, и инвалидъ такимъ образомъ можетъ обходиться безъ костылей, съ одной палкой.

Немалое преимущество аппарата въ томъ, что онъ можетъ изготовляться кустарнымъ способомъ, самими инвалидами. Испробовавшіе новый аппаратъ инвалиды очень довольны имъ и посылаютъ къ датскому доктору своихъ товарищей.

Самъ докторъ рассказываетъ съ гордостью, что его пациенты, снабженные такой палочной ногой, дѣлаютъ прогулки пѣшкомъ отъ Пасси до Ботаническаго сада и обратно.

Подробное описание новой протезы помещено въ журналѣ «La Semaine Médicale». Въ настоящее время докторъ Свиндъ работаетъ надъ другимъ изобрѣтеніемъ—искусственной ступней изъ металлическаго каркаса, заполненной массой изъ папье-маше.

Въ Германіи. «Отвращеніе къ войнѣ—такъ называемое Kriegsanlust—нависло надъ всемъ германскимъ народомъ, какъ бремя, которое онъ не въ силахъ сбросить».

Такое впечатлѣніе посторонняго зрителя, подданнаго нейтральной державы, обнаруженное имъ въ голландской газетѣ «Nieuwe Rotterdamsche Courant».

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ,—или вѣрнѣе, послѣднихъ недѣль,—это отвращеніе къ войнѣ достигло такихъ размѣровъ, что нѣтъ никакой возможности вывести нѣмецкихъ обывателей изъ унынія, апатія и косности.

Приливъ добровольцевъ въ войска прекратился, никто и не упоминаетъ о немъ. А вновь призванные на военную службу всячески пытаются увильнуть отъ нея. Никакими криками о новыхъ триумфахъ германскаго оружія (?) нельзя разжечь желанія сражаться.

На физическомъ состояніи народа отражаются его удрученность и грусть. Всюду растетъ убѣжденіе, что правительствомъ упущено подходящій моментъ для заключенія благоприятнаго мира,—этимъ моментомъ германцы считаютъ весну 1915 года. Правительство увлеклось тогда каждой новыя побѣды и захватывъ—теперь же ни у кого нѣтъ надежды, что такой моментъ повторится.

Это мнѣніе стало всеобщимъ, и повсюду громко высказывается. Дѣйствія рабочаго класса становятся все болѣе радикальными. Населеніе большихъ городовъ, и особенно Берлина, находится въ постоянномъ броженіи.

Правительство борется съ этимъ броженіемъ крутыми и дикими мѣрами. Безъ кровопролитія не проходитъ дня. Волненія особенно усилились послѣ расправы съ Либкнехтомъ. Эта расправа возмутила народъ. Въ числѣ многихъ другихъ, все рабоче Генеральной Электрической Кампанія забастовали, прекратили работы. На слѣдующее утро 2.000 человекъ забастовщиковъ были отправлены, на передовыя позиціи.

На передовыя позиціи въ Германіи отправляютъ теперь всякаго, кто неугоденъ властямъ. Это стало предохранительной и карательной мѣрой. Такъ избавилось правительство отъ извѣстнаго доктора Гауса Вебберга, хотя у него такое слабое зрѣніе, что его, какъ полуслѣпнаго, давно забастовали для военной службы.

Эта кара постигаетъ теперь тысячи и тысячи другихъ «неудобныхъ» для правительства людей. Ихъ посылаютъ на такія позиціи, гдѣ ихъ гибель почти несомнѣнна.

Такъ какъ никакіе митинги и открытые протесты невозможны, то появилось огромное множество тайныхъ подпольныхъ листовъ, гдѣ высказывается все растущая злоба. Въ поискахъ этихъ листовъ почта перлюстрируетъ письма.

Въ рейхстагѣ усиливаются лѣвыя группы, и нападки на канцлера становятся все яростнѣе. Голодъ не способствуетъ усюкоенію умовъ. Систематическое недоѣданіе такъ велико, что не помогаютъ самыя лучшія карточки. Все до того изнурены и подавлены, что утратили интересъ къ войнѣ.

Думаютъ и говорятъ лишь о пищѣ. Тема всѣхъ разговоровъ одна—мясо, хлѣбъ, картофель, маргаринъ.

Нужно замѣтить, что авторъ этой замѣтки искренне расположенъ къ Германіи и не имѣетъ оснований для сгущенія красокъ.

Должно-быть, отъ отчаянія и голода нѣкоторые нѣмцы впадаютъ въ истерику, бредъ, и неустовство.

Такъ, въ «Мюнхенскомъ Медицинскомъ Ежедневникѣ» какой-то докторъ, В. Фуксъ, восклицаетъ, что вся германская нація должна, какъ одинъ человекъ, потребовать вѣчной, непрерывной войны.

«Научитесь ненавидѣть!—вопить онъ.—Научитесь уважать ненависть! Научитесь любить злобу! Организуйте злобу! Не будемъ бояться фанатизма и злѣбства! Прочь этотъ ложный страхъ! Слова Маринетти имѣютъ глубокой политической смыслъ: меньше поцѣлуевъ и больше ударовъ. Пусть это кощунство, но мы восклицаемъ: да здравствуетъ вѣра, надежда и злоба! Злоба больше, чѣмъ надежда и вѣра!»

Какъ указываетъ газета «Vorwärts», докторъ Фуксъ—главный врачъ сумасшедшаго дома въ Эммендингенѣ. Не пора ли ему стать пациентомъ этой больницы?

Юди-паша. Турки называютъ нашего главнокомандующаго кавказской арміей генерала Юденича «Юди-пашой» и очень интересуются его личностью. Пѣнные офицеры просили нашихъ казаковъ показать имъ генерала, который взялъ Эрзерумъ. Генералъ Юденичъ принялъ пѣнныхъ, которые черезъ переводчика выразили ему свое преклоненіе передъ храбростью и мужествомъ его и его арміи. Генералъ Юденичъ, по рассказамъ самихъ турецкихъ офицеровъ, произвелъ на нихъ огромное впечатлѣніе: имъ понравились его фигура, его типичные длинные усы и острый взглядъ. Тѣ же пѣнные рассказали, что о генералѣ Юденичѣ ходятъ у нихъ пѣлыя легенды, которыя связываютъ съ присутствіемъ въ генералѣ «нечистаго духа». Понравились пѣннымъ и офицеры штаба генерала Юденича, и, сравнивая ихъ со своими и нѣмецкими, турки отозвались не въ пользу послѣднихъ. «Война,—говорятъ они,—непопулярна въ Турціи, и тамъ почти все поголовно того мнѣнія, что «подъ удары русскихъ ее подставляли нѣмцы, которые дали султану большія деньги». Отъ исхода войны турки не ждутъ ничего хорошаго для себя, но заключить миръ боятся: «Русскіе завоюютъ и простятъ, а нѣмцы придутъ и убьютъ всѣхъ». Далѣе офицеры-турки удивлены, что русскіе не грабятъ и не убиваютъ пѣнныхъ. Но больше всего ихъ удивилъ Юди-паша, который не казнилъ ихъ, а даже улыбался, когда говорилъ.

Русскій духъ и нѣмецкая техника. Нѣмецкія укрѣпленія въ районѣ Барановичей представляютъ послѣднее слово техники. Прочность бетонированныхъ окоповъ доведена до высшаго предѣла. Одинъ изъ нашихъ полковъ занялъ двѣ линіи неприятельскихъ укрѣпленій и передовые окопы. Теперь нѣмцы почти непрерывно обстрѣливаютъ эти окопы тяжелой артиллеріей, но безрезультатно. Снаряды, разрываясь, оставляютъ въ бетонѣ ямки величиною въ тарелку. Кроме того, нѣмцы располагаютъ тамъ колоссальными запасами самыхъ разнообразныхъ химическихъ веществъ и приспособленій для отбитія атакъ. Во время атаки нѣмцы встрѣтили нашихъ солдатъ струями горящей жидкости, предполагая остановить дружный натискъ. Однако наши не дрогнули. Одна гаеяли огонь на загорѣвшемся платѣ, другіе—мужественно, преодолевая огневую струю, врывались въ окопы противника. Окопы были взяты.

Сила английской техники. «По дорогам тянутся длинные, безконечные вереницы английских грузовых автомобилей, так называемые «loggies». Они, должно-быть, сильно интригуют германских летчиков, кружащих на высоте 2.000—2.500 метров (ниже они не решаются спускаться, так как англичане предусмотрительно разставили вдоль дорог свои «anti-aircraft guns», т.-е. пушки, предназначенные для стрельбы по аэропланам)». Так описывает корреспондент «Киевской Мысли» картину английского снабжения на западном фронте, во Франции.

Чего-чего только нет в этих обозах, которых никогда еще на протяжении своей многовековой истории не видали эти обсаженные тополями дороги! Тут и замороженное мясо из Австралии, и табак из Виргинии, и огромные круги честерского сыра, и склады чая, шоколада, мармелада, всевозможных варений и печений—и, уж разумеется, снаряды, снаряды, снаряды.

На грузовиках сидят, без курток, с обязательно засученными выше локтя руками (засученные рукава—характерная деталь английского рабочего костюма), сухопарые, мускулистые солдаты и, флегматично посасывая трубку, напѣвают «Тиррегагу» или популярную шотландскую пѣсенку «Annie Laurie».

На остановках

идет генеральная чистка. Все вобружаются тряпками, чистят, скребут, натирают, точно их автомобили должны завтра фигурировать на выставке. Так оно, приблизительно, и есть: чтобы поощрить усердие солдат, английские военные власти ввели особые конкурсы. Ежедневно, в определенные дни, происходит смотр автомобилей, и те, у кого мотор так начищен, что можно провести по нему рукой в белой перчатке, не испачкав ее, получает премию в 10 шиллингов. Государство экономит, благодаря такой системе, тысячи фунтов стерлингов на починках.

Большинство этих огромных вагонов-автомобилей до войны играло роль передвижных лавочек. Крупные фирмы развозили в них товары по деревням, в Англии, Шотландии, Ирландии, даже в далеких колониях. Некоторые из них и теперь еще хранят соответствующую надпись; на других они замазаны краской, и поверх их красуются новые, придуманные солдатами. Большею частью этим тяжелым, неуклюжим фургонам дают именные, ласкательные имена: «Betty», «Froufrou», «Coquette».

Автомобильная прислуга составляет особую огромную армию и находится на привилегированном положении. Шоферы получают до 6 шиллингов (около 3 рублей) в день.

Проект памятника войны. Один из провинциальных скульпторов представил в Академию Художеств проект памятника, который, по мысли автора, должен быть поставлен в память нынешней войны.

По проекту памятник представляется в следующем виде: на круглом гранитном пьедестале возвышается как бы второй небольшой пьедестал; на этом втором пьедестале стоят вертикально соединенные в одну связь две пушки и две фабричные трубы, перевязанные лавровыми и дубовыми гирляндами. Из этой связи поднимается мачта с национальным трехцветным эмалевым флагом, на котором, с одной стороны значится надпись: «Благодарность», а с другой—«Слава».

Вокруг этой связи, держа тѣсно друг друга за руки, стоят 8 фигур в национальных костюмах: великоросс, малоросс, поляк, латыш, кавказский горец, казанский татарин, буряты и еврей. По карнизу нижнего пьедестала тянется вниз надпись: «В братском единении—несокрушимая сила».

На лицевой стороне пьедестала изображен государственный герб, двуглавый орел, который покоится на арматуре из военного снаряжения и орудий мирного труда. По бокам орла даты «1914 год» и год окончания войны.

На оборотной стороне пьедестала надпись: «Благодарная Россия—своим сынам за кровь, за раны, за слезы, за труды и за победы». Последняя надпись взята из жалованных грамот царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича слободским казакам, отбивавшим налеты на Россию ее бывших врагов—крымских татар.

Павшимъ воинамъ.

Проекты памятниковъ, награжденные преміями на конкурсѣ. 1. Проектъ Б. Данчича (2-я премія). 2. Проектъ Сокола (1-я премія). 3. Проектъ Н. Анатѣева (3-я премія).

ЖИЗНЬ

№ 35. Выходит еженед. (32 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содеж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 27 августа 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Волны атаки.

(Съ рис. на стр. 582—583).

Война—громадное море. У нея свои приливы и отливы, свои бури и затишья. Она заливааетъ своимъ кровавымъ и огненнымъ прибоемъ землю въ часы урагана, а въ дни отдыха глухо рокочетъ ея мертвая зыбь. И какъ нахлынувшее море ломаетъ плотины и обезображиваетъ лицо земли, такъ и море войны губитъ и разрушаетъ землю и людской многовѣковый трудъ. Но тѣ, кто ведетъ войну за правое дѣло, вѣрятъ и надѣются, что разбушавшееся море выкинетъ изъ своихъ нѣдръ великую драгоценность для человѣчества: жемчуга мира и справедливости, похищенные разбойниками и брошенные въ глубины ненависти, пламени и смерти. Ради этого дара морского и бьются люди и тонутъ въ волнахъ великаго моря войны.

Нѣтъ ничего ужаснѣе этихъ кровавыхъ волнъ, когда онѣ накатываются на земныя твердыни. Волны людей несутся сквозь пламень и вихрь навстрѣчу другому вихрю—огню и смерти.

Кровавой пѣной брызжутъ онѣ и падаютъ безмолвно и неподвижно на землю, а слѣдомъ за ними несутся новыя волны, и нѣтъ имъ конца, пока не стихнетъ ураганъ наступленія.

Такъ было у Ипра, въ Шампани, у Суассона, на Марнѣ. Такъ было у Вердена и, вѣроятно, такъ будетъ еще долго у Вердена. Такъ было у насъ, на Двинѣ и въ другихъ мѣстахъ. Волны атаки бьются то здѣсь, то тамъ, всюду, гдѣ кипитъ и плещетъ смертью и разрушеніемъ море войны.

И, какъ призракъ, какъ видѣніе грядущаго, по бурному морю плыветъ сверкающій корабль побѣды. И, вмѣстѣ съ отхлынувшими и разбившимися волнами, медленно уходитъ отъ него въ забвеніе и смерть мрачный силуэтъ другого корабля съ черными безпомощно треплющимися парусами.

Это—разбойничій корабль. Это—корабль тѣхъ, кто отнялъ у чело- вѣчества драгоценный жемчугъ и бросилъ его въ кровавое море.

Другъ или врагъ?

Волны атаки. Рисунокъ Андра Девамбеза.

Царевы дѣти.

Разсказъ Вадима Бѣлова.

I.

Плотный, высокій майоръ съ маленькими, старательно подкрученными, свѣтлыми усами поставилъ рюмку на столъ и тономъ человѣка, рѣшившаго наконецъ прекратить бесполезные и безцѣльные споры, произнесъ:

— Нѣтъ, господа, убитые, раненые, изувѣченные, пропавшіе безъ вѣсти солдаты, — все, конечно, очень тяжелыя потери для арміи, но все же онѣ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ, — замѣйте, я говорю — нравственнымъ!.. — урономъ, который наноситъ войскамъ каждый добровольно или даже хотя бы и не добровольно, но сдавшійся въ плѣнъ солдатъ...

Въ невысокой, довольно тѣсной землянкѣ съ сѣрыми бетон-

другомъ. Вотъ что!.. Плѣнные, это — позоръ для арміи... Плѣнныхъ не должно быть, каждый солдатъ имѣетъ оружье всегда, а значить, всегда имѣетъ возможность покончить съ собой въ случаѣ, если ему будетъ угрожать плѣнъ!.. Ну, а если онъ не воспользуется этой возможностью, — съ нимъ надо поступать, какъ съ государственнымъ преступникомъ...

— Bravo, bravo, Оберкирхъ! — воскликнулъ въ восторгѣ майоръ, — изъ васъ выйдетъ бравый офицеръ, клянусь честью. — Эй, Грумке, еще вина по этому случаю!.. Итакъ, — никакихъ плѣнныхъ, лейтенантъ, не правда ли?.. Пусть негодня-австрийцы сдаются батальонами, но мы, германскіе солдаты, будемъ всегда вѣрны нашей присягѣ... Лучше смерть, чѣмъ плѣнъ!..

Всѣ взялись за бокалы. Грумке суетился, разставляя новыя бутылки и раскрывая коробки съ сигарами. Господа офицеры такъ шумѣли, что у него звенѣло въ ухахъ и отъ дыма першило въ горлѣ.

— Господа! — говорилъ между тѣмъ майоръ высоко поднимая бокаль, — господа, я такъ радъ, что здѣсь, изъ устъ самаго младшаго изъ насъ, я услышалъ эти прекрасныя слова, этотъ гордый лозунгъ германской арміи: „Никакихъ плѣнныхъ!..“ Плѣнныхъ не брать и самимъ не сдаваться!.. Лучше смерть!.. Выпьемте же, господа, за самаго младшаго нашего товарища лейтенанта Оберкирха, а въ лицѣ его и за все молодое поколѣніе новыхъ офицеровъ, вносящихъ въ армію старый твердый духъ доблести и самоотверженія!.. Ноч!

Всѣ закричали такъ громко, что, только благодаря бетоннымъ стѣнкамъ землянки, ихъ голоса не услышали въ русскіхъ окопахъ, но Грумке все же поспѣшно затворилъ дверь и, усаживаясь на свой „дежурный табуретъ“ у входа, съ досадой подумалъ:

„И чего только кричатъ, чего кричатъ, не понимаю... Лучше бы жалованье заплатили, право... Да и этотъ Оберкирхъ тоже, чего онъ тутъ разлагольствуетъ... Самъ еще и въ бояхъ-то не былъ,

Командующій арміей генералъ Радко-Дмитріевъ и представитель англійской военной миссіи майоръ И. А. Торнхиль въ гостяхъ у латышскихъ стрѣлковъ.

ными стѣнами и такимъ же потолкомъ было душно и сильно накурено, — денщикъ Грумке поминутно открывалъ дверь въ длинный, темный и сырой коридоръ хода сообщенія, чтобы устроить вентиляцію, но это мало помогало. Всѣ шесть офицеровъ, собравшихся вокругъ стола, усердно дымили сигарами, и сквозъ голубыя облака дыма съ трудомъ различались даже ихъ лица.

Послѣ словъ майора всѣ снова заговорили еще горячѣе и оживленнѣе, выстрѣливая другъ въ друга поминутно синими клубами сигарнаго дыма.

— Я, — кричалъ лейтенантъ Оберкирхъ, — я нахожу, что майоръ совершенно правъ, — нѣтъ большаго позора, нѣтъ большаго вреда для родной арміи, какъ примѣръ хотя бы одного человѣка, сдавшагося въ плѣнъ. Вотъ сейчасъ оберъ-лейтенантъ Цолль сказалъ, — если я правильно понялъ, — что лучше имѣть въ плѣну полъ-арміи, чѣмъ имѣть тѣ же полъ-арміи убитыми... Не такъ ли, господинъ оберъ-лейтенантъ!?. А я нахожу, что совсѣмъ не такъ, ибо разъ солдатъ былъ способенъ оказаться въ плѣну, то, значить, онъ, какъ солдатъ, уже ни на что не годенъ... И, ей-Богу, пріятнѣе видѣть такого трупомъ...

— Но позвольте... — попробовалъ оправдаться оберъ-лейтенантъ, — если онъ не годенъ, какъ солдатъ, онъ можетъ быть все же послѣ войны годенъ и полезенъ странѣ, какъ гражданинъ, тогда какъ трупъ...

Но Цоллю не дали договорить... Закричали всѣ сразу, и опять громче всѣхъ лейтенантъ Оберкирхъ.

— Очень жаль, очень жаль, господинъ оберъ-лейтенантъ, что вы такъ разсуждаете... А мы, кажется, всѣ думали иначе... Къ чорту гуманность, къ чорту забота о томъ, что будетъ послѣ войны... Пока война, — надо думать только о побѣдѣ и ни о чемъ

молоко на губахъ не обсохло, а туда же „въ плѣнъ не сдаваться, — лучше смерть!..“

Доблестный Грумке былъ видимо очень не прочь очутиться въ плѣну и отдохнуть наконецъ отъ вѣчной ругани своего барина, сигарнаго дыма и шума его гостей, но по роду своей службы — увъ! — долженъ былъ состоять при особѣ майора, который былъ, кажется, насчетъ русскаго плѣна пока иного мнѣнія.

II.

Возвращаясь домой, вѣрнѣе, въ свою землянку, въ сопровожденіи денщика, почтительно поддерживавшаго его подъ руку, лейтенантъ Оберкирхъ былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что говорилъ онъ искренно, что поступилъ онъ именно такъ, какъ сказалъ, что, хотя до сегодня онъ ничѣмъ еще себя не зарекомендовалъ, но послѣ его горячей сегодняшней рѣчи онъ сталъ въ глазахъ всѣхъ чѣмъ-то въ родѣ героя!..

И, шагая по узкому забегоненному глубокому ходу сообщенія, покачиваясь и опираясь тяжело на плечо своего спутника, Оберкирхъ мысленно повторялъ всю свою рѣчь и старался не думать о томъ, что слова эти и высказанные имъ взгляды принадлежали вовсе не ему, а онъ только повторялъ ихъ, какъ попугай.

Ночь была теплая, лѣтняя. Луна только-что скрылась за облаками, и теперь безшумно прорѣзывали темный пологъ неба только зеленатоватыя змѣи ракетъ, взлетавшихъ то съ той, то съ другой стороны и разсыпавшихся серебрянымъ дождемъ.

Перестрѣлки почти не было. Рѣдко-рѣдко гдѣ хлопалъ одинокій ружейный выстрѣлъ, да и то въ хлопотаніи этомъ не было ровно ничего воинственнаго и заставляющаго вспомнить тотчасъ же о крови и смерти.

Среди латышских стрѣлковъ. Организаторъ и идейный вождь славныхъ латышскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, членъ Государственной Думы Я. Ю. Гольдманъ.

Словомъ, лейтенантъ Оберкирхъ чувствовалъ себя сейчасъ такъ же хорошо, весело и безопасно, какъ тамъ, въ Берлинѣ, возвращаясь изъ офицерскаго клуба домой послѣ товарищеской попойки, во время которой ему удалось очень позабавить всѣхъ и заслужить общее одобреніе передачей слышаннаго гдѣ-то отъ кого-то анекдота.

Въ землянкѣ лейтенанта было темно, но бравый Фрицъ, прислонивъ на минутку своего барина къ стѣнѣ, зажегъ свѣчу и усадилъ Оберкирха на постель.

Пока онъ стаскивалъ съ его ногъ высокіе сапоги и разстегивалъ куртку, лейтенантъ думалъ, и мысль его кружилась все вокругъ одного предмета:

„Да, теперь я у майора совсѣмъ на другомъ счету... да и у офицеровъ тоже... Какъ хорошо, что разговоръ этотъ зашелъ именно у него, у старшаго въ чинѣ, и я могъ высказать свое мнѣніе... А потомъ, какъ онъ это ловко провозгласилъ: „За нашего младшаго товарища... внесшаго старый духъ доблести и самоотверженья!“ Здорово... Ха-ха-ха!.. Ай да Оберкирхъ!.. А Цольд-то какъ съѣлъ въ калашу!.. Не зналъ даже, какъ вывернуться, что сказать, когда всѣ закричали „Ноч!“ Тоже, либераль... Просто — дуракъ!.. А мое-то дѣло въ шляпѣ. Теперь майоръ отъ меня безъ ума... Напрасно тетушка беспокоилась“...

— Господинъ лейтенантъ, можно гасить свѣтъ? — спросилъ Фрицъ, прервавъ нить его воспоминаній.

— Гаси! — сердито откликнулся лейтенантъ и, когда землянка погрузилась въ темноту, пытался опять поймать упущенную нить мыслей.

„О чемъ это я думалъ?.. Ахъ да... тетушка... славная старушка“...

И Оберкирхъ живо представилъ себѣ лицо тетушки фонъ-Безеліусъ, въ черной наколкѣ, съ тремя подбородками, постоянно хлопотавшей за кого-нибудь и въ особенности за него, Ганса Оберкирха.

Только благодаря ей онъ попалъ изъ училища не прямо на фронтъ, а сперва въ запасный полкъ, гдѣ, благодаря хлопотамъ все той же тетушки, его держали такъ долго, какъ только было возможно, и лишь послѣ производства въ лейтенанты, къ

ронѣ майора, доблесть германскихъ офицеровъ и тетушку съ тремя подбородками.

Заснулъ Оберкирхъ поздно, и приснился ему странный сонъ, будто бѣжить онъ по горѣ внизъ и кричить: „плѣнныхъ не брать, — въ плѣнъ не сдаваться, лучше — смерть!“ А навстрѣчу ему идутъ, стѣной надвигаются русскіе солдаты въ сѣрыхъ рубахахъ, огромные, бородатые и, приблизившись къ нему, съ крикомъ „ура“ бросаются на него... Потомъ вдругъ русскіе солдаты исчезаютъ, и видитъ Оберкирхъ Лудди, прелестную, сияющую, съ поднятымъ бокаломъ, кричащую ему „Ноч!“ вмѣстѣ съ майоромъ и командиромъ полка.

III.

Чай закипѣлъ.

Рыжий, немолодой солдатъ, со страннымъ лицомъ, опущеннымъ огненной рѣдкой бородежкой, прервалъ свой рассказъ и началъ осторожно снимать съ перекладки висящія надъ костромъ, за-копчѣлые, совсѣмъ черные, котелки.

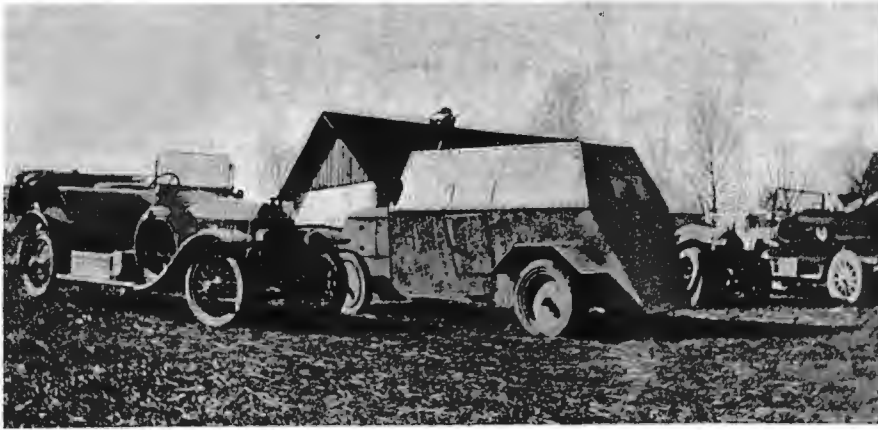

Доблестные латышскіе стрѣлковые батальоны передъ боемъ.

великому огорченію тетушки, дядюшки, племянницъ и самого Оберкирха, ему пришлось покинуть тыловую должность.

„Впрочемъ, это ничего, — размышлялъ лейтенантъ, переворачиваясь на другой бокъ, — хорошо, что я запомнилъ дядюшкины слова и во-время пустилъ ихъ въ ходъ... Теперь майоръ будетъ обо мнѣ наилучшаго мнѣнія... Да, да, Оберкирхъ, вы идете въ гору... Смотрите, не дослужитесь случайно до капитана, а то не миновать вамъ золотыхъ узъ съ фрейлейнъ Лудди“...

И при воспоминаніи о Лудди или прощѣ — своей кузинѣ Луизѣ, юноша сладко, истомно потянулся въ постели, и съ этого момента мысли молодого лейтенанта приняли иное направленіе, оставляя въ сто-

Бронированный автомобиль кавказской туземной дивизии.

Землянка, или, вѣрнѣе, просто нора, вырытая прямо въ землѣ, была низкая, печки въ ней не устроили за неимѣніемъ поблизости кирпича, а дымъ отъ костра, разложеннаго посрединѣ, шелъ черезъ отверстіе, прорытое въ потолокъ.

Здѣсь свѣчу или фонарь замѣняли тотъ же костеръ: онъ бросалъ красноватые дрожащіе блики на фигуры сидящихъ вокругъ людей, и въ фантастическихъ отблескахъ пламени лица солдатъ казались строже, загадочнѣе, а взглядъ глазъ глубже и рѣшительнѣе.

Изъ матерчатыхъ мѣшочковъ достали сахаръ, кто-то наскребъ въ котелки плиточнаго чаю, и нѣсколько минутъ было слышно только, какъ прихлебывали солдаты горячей чай, да вѣтеръ шевелилъ складками намокшей отъ дождя палаточной полы, которой былъ завѣшенъ входъ.

Потомъ рыжій продолжалъ:

— Вотъ я и говорю,—жилъ былъ царь нѣкій въ далекой сторонѣ, а гдѣ сторона та,—этого ни я ни кто другой не знаетъ и сказать не можетъ... А у царя у этого было три сына, всѣ три—молодець къ молодцу, росту—во какого, ума, можно сказать, презамѣчательнаго, и любилъ ихъ царь одинаково, но ни того ни другого впередъ выставлять не помышлялъ...—Рыжій положилъ въ ротъ кусокъ сахару, громко расколотъ его крѣпкими, блестящими зубами и, потянувъ изъ котелка, послѣ минутной паузы, продолжалъ:—Такъ, братцы мои, жилъ, значитъ, царь тотъ со своими сыновьями да добра наживалъ, какъ говорится... Все ладно шло, только началъ царь что-то послѣднее время задумываться... Сидитъ ли за столомъ, возьметъ да и задумается... Или, тамъ, на прогулкѣ,—забредетъ въ чащу, сядетъ на пенекъ и опять думаетъ... А сыновья-то, значитъ, начали замѣчать, что со старикомъ что-то неладное... Чтѣ и отчего—не знаютъ, одначе рѣшили разспросить его... Пошелъ старшій сынъ въ царевъ покой и говорить отцу:

— Дозволь, говорить, батюшка, слово молвить... Очень мы съ братьями заскучали, потому видимъ, что у тебя на душѣ что-то есть неладное... Очень мы тебя съ братьями любимъ и почитаемъ и просимъ: скажи царское слово, чтѣ за бѣда случилась, и почему ты, батюшка, самъ не свой... Скажи,—можетъ-быть, мы чтѣ и поможемъ, а нѣтъ—такъ вмѣстѣ обмозгуемъ...

—Царь, значитъ, улыбнулся себѣ въ бороду и отвѣчаетъ...

— Эй, кто тамъ есть!..—раздался въ эту минуту голосъ снаружи,—посылай взводнаго къ фельдфебелю!

Рыжій солдатъ умолкъ, ожидая.

— Выходи Фетюховъ, что ли... Не задерживай,—торопили взводнаго слушатели.

— Ишь, чортъ рогатый,—проворчалъ унтеръ, тоже, видимо, заинтересованный сказкой, неохотно выползая на четверенькахъ изъ землянки.

Пламя костра метнулось—было въ сторону, кто-то подбросилъ еще охапку сучьевъ, и слушатели опять насторожились.

— Тутъ и говорить царь...—Разсказчикъ откачнулся назадъ, и лицо его вышло изъ алой дрожащей полосы свѣта и перестало быть виднымъ.—Очень я васъ люблю, сыны мои, и никого изъ васъ не желаю обидѣть... А между прочимъ, и мой вѣкъ къ концу

подходить, старъ я, чтобы править, и не знаю я, кому изъ васъ наслѣдіе оставить... Вотъ какъ"...

— Ишь ты!..—вырвалось у кого-то изъ слушателей.

— Вотъ я и рѣшилъ,—говоритъ царь,—поступить такимъ манеромъ, чтобы увидѣть, кто изъ васъ разумнѣйшій, добрѣйшій и достойнѣйшій... У сосѣда нашего, короля, значитъ, иноземнаго, тоже три сына... Вотъ я и надумалъ послать ему письмо: такъ, молъ, и такъ, нечего намъ зря воевать да кровь человѣческую проливать, посылай-ка лучше въ поле своихъ трехъ сыновей, да и я своихъ выплюю... Чья возьметъ?..

Рыжій сдѣлалъ паузу, но никто не пошевельнулся даже.

— Тутъ-то я и увижу,—это царь говорить,—кто изъ васъ со своими врагами какъ поступитъ...

—Ну, сыновья царевы говорятъ: „Ладно, слово отцовское—законъ... Давай сюда иноземныхъ королевичей, мы имъ ужю пропишемъ!..“

„Послали письмо королю-то и ждутъ отвѣта.

„Одначе тотъ тоже ничего,—не струсилъ...

„Присылай,—пишетъ,—царь, своихъ сыновей, мои ждутъ...“

„И вотъ, ребята, три дня и три ночи ждалъ царь сыновей своихъ, чтѣ ушли съ иноземными королевичами сражаться, а на четвертое утро велѣлъ сѣлать коня и самъ на поле къ нимъ поѣхалъ.

„Пріѣхалъ царь въ поле и видитъ:—дѣлы его сыновья, стоятъ молодцами... Онъ—къ нимъ... Съ коня слѣзъ, на пенекъ присѣлъ и спрашиваетъ старшаго:

— Ну, сынокъ, говори, какъ съ врагомъ иноземнымъ поступилъ?

„Старшій-то и отвѣчаетъ:

— Взялъ я, батюшка, мечъ булатный, прикрылся щитомъ кованымъ, вотъ онъ и готовъ!..

„Глядитъ царь: точно, лежитъ королевичъ на травѣ,—мечъ въ рукахъ, а голова отдѣльно валяется.

— Ладно,—говоритъ онъ,—ты человекъ рѣшительный, и рука у тебя вѣрная, будь же ты отнынѣ предводителемъ всѣхъ моихъ царскихъ дружинъ... Ну, а ты, дружокъ?—оборачивается онъ къ среднему.

„Средній-то словно оробѣлъ:

— Я, батюшка, вышелъ тоже съ мечомъ на врага, только не пришлое мнѣ кровь его пролить... Ужъ не гнѣвись, отецъ, живъ мой противникъ, забралъ я его живьемъ въ полонъ, безъ единой царапины!..

„И точно, стоитъ второй королевичъ, здоровъ-здоровешенекъ.

„Тутъ и просіялъ царь:

— Вотъ истинно мудрый воинъ!—говоритъ.—Смотрите же всѣ на него, ибо онъ сумѣлъ и честь свою и мою поддержать и крови понапрасну не пролилъ...

„Воздали тутъ цареву сыну, среднему, великія почести.

Нашъ блиндированный поѣздъ, совершившій на рижскомъ фронтѣ нѣсколько блестящихъ дѣлъ.

„Третий же вышел вперед и говорить отцу:

— Ты, царь, меня напрасно позабыл, вот и мой противник без головы лежит, — я тоже не хуже старшего брата мечом владью...

„Нахмурился царь. Посмотрел на сына пристально.

— А почему же, — спрашивает, — безоружен враг твой?.. Почему меч его вонь где лежит, а колчань со стрелами вонь где?.. Развѣ не защищался онъ, какъ честный солдатъ?

„Меньшой-то сынъ только засмѣялся:

— Куда там, батюшка, онъ самъ оружье бросилъ, на колѣни передо мной упалъ и молилъ о пощаду, только нѣтъ имъ, басурманамъ, пощады отъ меня!..

— Такъ онъ, значить, вѣ полонъ сдавался, — спросилъ царь, — а ты ему голову напрочь?.. Такъ, что ли?..

„Царевичъ только кудрями тряхнулъ въ отвѣтъ:

— Безпремѣнно такъ... — говорить.

„Разсерчалъ тутъ царь:

— Будь же ты проклятъ, — говорить, — если рука твоя поднялась на безоружнаго и просящаго пощады... Не сердце у тебя въ груди, а камень, не достоинъ ты править страной, не хочу, чтобы подданные мои были несчастны съ такимъ царемъ, какъ ты!..

На сѣверномъ фронтѣ. Поѣздъ, въ который во время пробѣга его туда и обратно было выпущено нѣмцами 98 тяжелыхъ снарядовъ. Машинистъ, ничуть не смущаясь ураганнымъ обстрѣломъ, провелъ поѣздъ и вернулся невредимымъ. Легко пострадалъ его „железный конь“ — паровозъ.

„Раскричался старикъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ обратно.

„Такъ съ той поры въ томъ царствѣ царемъ и посаженъ средній царевъ сынъ, старшій — войскомъ всемъ начальствуетъ, а младшій, тотъ, что плѣннаго добилъ, главнымъ палачомъ состоитъ и головы повинныя рубить... Вотъ и всей сказкѣ конецъ!..“

Рыжій солдатъ кончилъ и опять, наклонившись вперед, сталъ видимымъ, словно сбросилъ маску таинственности.

— Хорошая сказка, — серьезно одобрилъ ополченецъ Шило, — умственная... чего и говорить...

Тогда раздался голосъ кого-то, сидѣвшаго въ сторонѣ въ тѣни: — Правильно... Справедливо разсудилъ царь...

Но никто не отвѣтилъ. Всѣ задумались, кто о чемъ.

Костеръ догоралъ. Шило хотѣлъ-было подбросить хворосту, но раздумалъ.

— Ложиться, что ли, будемъ?.. — спросилъ онъ.

— Извѣстное дѣло, — отвѣтилъ голосъ изъ угла и добавилъ: — умственную сказку рыжій разсказалъ, молодчина...

IV.

До завѣтной грани, до бруствера нѣмецкаго окопа, оставалось всего нѣсколько шаговъ... Шило напрягъ всѣ силы, продрался сквозь разорванную въ клочья проволоку заграждения, втянувъ голову въ плечи, съ размаху хватилъ кого-то по головѣ прикладомъ и, не глядя на упавшаго, прыгнулъ впередъ.

Въ штыковомъ бою Шило терялъ душевное равновѣсие и превращался въ звѣря. Всѣ лишенья двухъ лѣтъ, всѣ обиды, всѣ бессонныя ночи и вѣчныя опасности, — все это, казалось, выплывало въ его памяти и вопило къ мщенью, когда онъ видѣлъ близко знакомыя каски съ шишаками и сѣрыя куртки.

Соскочивъ съ бруствера на дно окопа, Шило кинулся-было къ группѣ нѣмцевъ, возившихся около пулемета, который они старались вытащить, но какъ разъ въ эту минуту что-то огромное и страшно тяжелое обрушилось между нимъ и нѣмцами, блеснуло пламя, оглушительно лязгнула сталь, и цѣлая гора земли сбила Шило съ ногъ и на мгновенье лишила сознания.

Придя въ себя, Шило съ удивленіемъ почувствовалъ, что онъ цѣлъ и невредимъ и только немного отсталъ отъ товарищей, успѣвшихъ уже уйти впередъ.

„Эхъ, теперь догонять надо!..“ И хотѣлъ выскочить изъ окопа и спѣшить за своими, какъ вдругъ наткнулся на бѣжавшаго ему навстрѣчу молодого нѣмца съ револьверомъ въ рукѣ и съѣхавшей на ухо каскѣ.

Была лишь одна минута замѣшательства, нѣмецъ выстрѣлилъ въ Шило, но промахнулся, а тотъ, съ налившимися кровью глазами, уже поднялъ надъ его головой прикладъ... „У-у, проклятый!..“

И вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: лейтенантъ Оберкирхъ, увидя свой промахъ, сразу впалъ въ какое-то оцѣпенѣнье... Не было силы поднять опять руку и выстрѣлить вторично, мысль судорожно метнулась въ прошлое, мгновенно встали въ памяти картины прошлой веселой покинутой жизни, тетушка-хлопотунья съ тремя подбородками, подгагрическій старый дядя, потрясавшій кулаками и кричавшій: „плѣнныхъ не должно быть...“

На сѣверномъ фронтѣ. Герой-машинистъ поѣзда, обстрѣланнаго непріателемъ во время хода — въ пробитыи паровоза, образованной разорвавшимся вблизи тяжелымъ снарядомъ.

Война не допускает пощады!" и наконец прелестный образ Лудди.

"О, Боже, — мелькнула мысль, — стоило ли тетѣ фонь-Безеліусъ столько хлопотать, стоило ли учиться, жить, наконец надѣяться и мечтать о счастьѣ съ Лудди, чтобы умереть отъ одного удара приклада врага!"

Благоразумный Оберкирхъ не помнилъ, какъ повалился на землю, охвативъ руками колѣни изумленного и озадаченного Шило.

Но, къ счастью, никто изъ бывшихъ на вечеринкѣ у майора не видѣлъ въ эту минуту храброго лейтенанта и не слышалъ его лепета. Русскій же солдатъ, опустившій уже винтовку и мгновенно словно погасшій, не понималъ его словъ.

Онъ далеко былъ въ эту минуту отъ своего плѣнника, мысль его возвратилась къ сказкѣ о царевыхъ дѣтяхъ, слышанной вчера. „Будь же ты проклятъ, поднявшій мечъ на беззащитнаго и просящаго пощады...“ — напомнила память.

Наклонился Шило, взявъ подъ локоть нѣмецкаго лейтенанта, помогъ ему встать и, заглядывая въ лицо, произнесъ:

— Полно, вашебродъ, мы ребята не плохіе! Не обидимъ!..

А въ душѣ еще копошилось странное сознание и опасенье,

что онъ чѣмъ-то обидѣлъ этого безоружнаго безусаго мальчугана, только-что валявшагося передъ нимъ на колѣняхъ, и, стараясь еще болѣе подчеркнуть свое дружелюбное отношеніе, онъ наклонился за откатившейся на нѣсколько шаговъ каской Оберкирха.

— Обойдите минуточку!.. — промолвила онъ.

Но лейтенантъ Оберкирхъ не сталъ ждать.

Онъ слишкомъ близко увидѣлъ хорошую, вѣрную цѣль — широкую спину своего врага.

Шило не услышалъ выстрѣла, только что-то сильно толкнуло его сзади, и теперь, лежа на боку и видя только край бруствера и голубой кусочекъ бездоннаго неба надъ нимъ, Шило не страдалъ...

Наоборотъ, ему казалось, что мысли его оборвались внезапно и безболѣзненно, что онъ засыпаетъ и видитъ чудный сонъ, видитъ онъ сказочнаго царя, сидящаго на престолѣ, окруженномъ ангелами, и что къ этому престолу, по безконечной лѣстницѣ поднимается вверхъ на небо онъ, Шило, въ своей потрепанной шинели, измятой отъ дождей фуражкѣ и давно не чищеныхъ сапогахъ, а царь, сѣдобородый, красивый и величественный, протягиваетъ ему руки и говоритъ:

— „Блаженны милостивые, ибо ихъ есть царство небесное!..“

Похоронный маршъ.

Раздался онъ между угрюмыхъ зданій,
Еще нѣмыхъ, еще не смывшихъ гримъ
Ночныхъ грѣховъ, раздался, какъ рыданье
Самой земли надъ сыномъ дорогимъ.

Онъ душу мнѣ потрясъ... Зачѣмъ — не знаю —
Я шляпу взялъ... и вышелъ изъ воротъ...
Убитаго къ кладбищу провожая,
За колесницей брелъ народъ.

И маршъ гремѣлъ, и утро надъ героемъ
Роняло золото своихъ лучей,
Какъ будто стѣдомъ полкъ незримымъ строимъ
Шагалъ, сверкая жалами мечей.

Но вождь былъ мертвъ... Нѣмыя губы
Забыли крикъ: «За мною, полкъ! Впередь!»
Объ этомъ плакали оркестра трубы,
Скорбѣлъ потушенно народъ.

О чемъ же солнце надъ гробницей бѣлой,
Купая въ воздухѣ лучей клинки,
Торжественно и неустанно пѣло,
Печали похоронной вопреки?

Фуражка смятая и шапка боевая...
Разгадка — въ нихъ... Не отдана ль любовь,
И жизнь, и все за жизнь родного края,
Чтобы цвѣсти въ сказаньяхъ вновь?

Алексѣй Липецкій.

Распыленіе.

Очеркъ инженера В. Рюмина.

Многіе ли изъ насъ задумываются надъ тѣмъ, что происходитъ со многими ненужными уже намъ вещами, послѣ того какъ онѣ отслужили свою службу, съ разными отбросами въ домашнемъ хозяйствѣ? А между тѣмъ вопросъ этотъ далеко не пустячный въ общемъ хозяйствѣ страны, особенно теперь, когда война требуетъ громадныхъ затратъ на снабженіе нашей миллионной арміи и многочисленныхъ рабочихъ тыла.

Бережливость намъ, русскимъ, какъ-то вообще мало свойственна. Конечно, это происходитъ отъ вполне естественныхъ причинъ: мы еще слишкомъ богаты, слишкомъ много у насъ, особенно въ городской жизни, лишняго и на многое мелочное мы не обращаемъ должнаго вниманія.

Кухня даетъ постоянные отбросы въ видѣ обрѣзковъ овощей, корокъ хлѣба, золы, костей, неминуемы въ хозяйствѣ осколки посуды, стекла и проч.

Въ комнатахъ получаютъ тоже свои отбросы: оберточная бумага, окурки, обрѣзки матерій и тряпки, веревочки, капсюльки съ винныхъ бутылочекъ, коробки отъ разныхъ покупокъ, жестянки отъ консервовъ, конфетъ, олово и свинецъ, въ видѣ тонкихъ листовъ, въ которые заворачиваютъ многіе предметы (шоколадъ и проч.). Выбрасываютъ старыя калоши, изношенную обувь, ломаные ножи и вилки и проч.

Изрѣдка кое-что изъ этого продается, но во всякомъ случаѣ многое совершенно исчезаетъ безслѣдно.

Смотря поверхностно, кажется, что такъ и должно быть: ну, чего стоить окурки папиросы, бутылочная капсюлька, сорванная плomba, лоскутокъ какой-нибудь матеріи? Все это имѣло цѣну и значеніе до того, пока не было использовано.

Такъ ли это?

При внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что нѣтъ ничего изъ перечисленныхъ предметовъ (и многого другого, о чемъ не упомянуто здѣсь) совершенно бесполезнаго, никуда ненужнаго.

Вся бѣда въ томъ, что все разсыяно по мелочамъ, распылено, а будь собраны въ кучу хотя бы только одни папиросные окурки, они бы представили собою уже не малую цѣнность. Насъ спросятъ: куда же нужны такіе окурки? — На бумажныя фабрики. Это все матеріалъ, изъ котораго снова будетъ сдѣлана бумага, низшаго сорта, но все же бумага, цѣна которой около 6 рублей пудъ въ нормальное время, теперь же бумага стоитъ въ 4—5 и болѣе разъ дороже.

Сжигая безъ всякой пользы клочки бумаги, мы поступаемъ далеко неправильно.

Выбрасывать въ сорныя ямы кухонные отбросы еще болѣе неразумно. Самый простой видъ использованія ихъ — скормить скоту или птицѣ. Въ сельскихъ жилищахъ такъ и поступаютъ; все годное для этой цѣли сваливается въ особую кадку, туда же сливаются остатки кушанья, и получается пойло для коровъ.

Кости всегда имѣли цѣну, ихъ собирали по дворамъ и кухнямъ, платя, правда, гроши (1/2 коп. за фунтъ), но выручая въ концѣ концовъ хорошія деньги.

Тѣ красивые листики желатина, изъ котораго готовятъ желе, который идетъ на украшеніе конфетъ, на фонарики для рождественскихъ слоекъ — все это получено изъ костей.

Кромѣ желатина, кости даютъ клей, костяной уголь для фабрикъ, приготовляющихъ вакуу, и проч. Изъ нихъ же извлекаютъ жиръ и варятъ изъ него мыло.

Такихъ костей, собранныхъ по мелочамъ, продаютъ за границу, въ видѣ перемолотыхъ на муку и въ крупныхъ кускахъ, въ общемъ на сумму около трехъ миллионъ рублей въ годъ.

Изъ костей же извлекаютъ фосфоръ, необходимый для многихъ цѣлей, въ томъ числѣ для такъ вздорожавшихъ теперь спичекъ.

Многіе ли знаютъ, что изъ чего выдѣлывается, на что годны тѣ или другія вещества?

Мы безъ всякаго сожалѣнія выкидываемъ вонъ золу послѣ топки печей дровами, въ деревняхъ же во многихъ случаяхъ ее собираютъ и пользуютъ ею при стиркѣ бѣлья. Въ золѣ около одной пятой части по вѣсу поташа. Опять слово, для широкой публики не говорящее ничего, а между тѣмъ теперь всѣ мы испытываемъ нѣкоторыя затрудненія отъ недостатка поташа и того основанія, которое въ немъ находится, — калия.

Конечно, нельзя и требовать, чтобы всѣ знали химію и технологию, чтобы всѣ интересовались естественными науками, но слѣдуетъ быть знакомымъ хотя бы съ основами этихъ знаній.

Какъ часто вопросы дѣтей „что это такое? изъ чего это сдѣлано?“ должны оставаться безъ отвѣта только потому, что и старшіе этого не знаютъ. Прійти на помощь въ этомъ, ознакомить въ общихъ чертахъ съ товаровѣдѣніемъ, съ производствами того или другаго изъ окружающаго насъ, это — дѣло специалистовъ и печатнаго слова.

Возвращаясь къ нашему вопросу, продолжимъ разсмотрѣніе судьбы различныхъ отбросовъ домашней жизни и того, что могло бы быть съ ними при болѣе правильномъ отношеніи.

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪЧНАЯ СЛАВА

Капитанъ
В. М. Музалевскій.

Есаулъ
Л. А. Лытиковъ.

Капитанъ
П. И. Янсонъ.

Штабсъ-капитанъ
П. С. Шешуновъ.

Поручикъ
Б. А. Пятунинъ.

Сотникъ
В. И. Снегиревъ.

Мичманъ
Г. Е. Ильтоновъ.

Подпоручикъ
В. Н. Муромцевъ.

Подпоручикъ
Б. Воробьевъ.

Подпоручикъ
В. В. Барановъ.

Подпоручикъ
А. В. Рихтеръ

Корнетъ
В. А. Вонлярлярскій.

Прапорщикъ
И. Н. Пивоваровъ.

Прапорщикъ
А. Г. Покровскій.

Мичманъ
С. Ю. Зфросъ.

Прапорщикъ
К. Т. Тищенко.

Прапорщикъ
М. И. Малевъ.

Прапорщикъ
П. С. Сидоровъ.

Прапорщикъ
П. В. Ульяновъ.

Прапорщикъ
В. М. Поповъ.

Прапорщикъ
А. И. Ивановъ.

Прапорщикъ
О. А. Корольковъ.

Прапорщикъ
Г. И. Веселовскій.

Прапорщикъ
В. Я. Безубовъ.

Прапорщикъ
А. А. Волковъ.

Походная церковь в автомобиль.
Церковь—имени св. Елизаветы—даръ антверпенскаго коммерсанта, живущаго нынѣ в Голландіи, королю Альберту для нуждъ бельгійской арміи. Внутренній видъ церкви во время богослуженія.

Всѣ отбросы можно раздѣлить на двѣ большихъ группы: на отбросы минеральнаго происхожденія и органическаго. Первые въ большинствѣ не горючи, вторые—всѣ горючи.

Ко вторымъ относится отбросовъ больше,—не говоря о кухонныхъ, одной только бумаги въ разныхъ видахъ за день накопится въ каждой семьѣ не мало: оберточная бумага отъ покупокъ, разныя коробки, замѣнившія теперь корзины изъ лучинокъ, въ которыхъ отпускались товары въ магазинахъ. Корзиночки эти давали прекрасныя растопки.

Для того, чтобы правильно судить о количествѣ потребляемой оберточной бумаги, не говоря уже о коробкахъ и проч., скажемъ, что оберточной бумаги было выдѣлано на русскихъ фабрикахъ за одинъ годъ 2.670.400 пудовъ на сумму въ 4.872.000 рублей *).

Цифра, какъ видите, почтенная, и если бы только половина бумаги не была потеряна совершенно, а обращена вновь, какъ использованный матеріалъ, на фабрики и по цѣнѣ въ десять разъ меньшей, то было бы сбережено 243.600 рублей.

Мы упомянули выше объ окуркахъ папиросъ. Приведемъ теперь цифры ихъ потребления: гильзъ выдѣлано было въ 1908 г. 12.061.400 штукъ на 4.345.100 руб.; по самому характеру потребления, конечно, вся эта бумага сгораетъ, и сгораетъ ея на приличную сумму. Мундштучной бумаги производится 458.100 пудовъ на 1.745.100 рублей, и эта бумага тоже пропадаетъ почти вся (не вся

*) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ офиціальнаго изданія министерства торговли, но, къ сожалѣнію, они относятся только къ 1908 году, а дальнѣйшіе годы еще не опубликованы.

мундштучная бумага идетъ на папиросы, есть и другое потребление).

Бросая съ пренебреженіемъ окурки папиросы, врядъ ли кто представляетъ себѣ, что, если бы собрать вагонъ этихъ окурковъ и продать ихъ за четверть стоимости, то получилось бы 950 рублей.

Не будемъ утомлять читателя дальнѣйшими расчетами, скажемъ лишь, что цифры пропадающихъ безвозвратно разныхъ отбросовъ органическаго происхожденія поистинѣ громадны.

Жальтъ пропадающіе безъ пользы отбросы органическаго происхожденія, конечно, слѣдуетъ. Взять отъ вещи все, что можно, и воспользоваться ею послѣ выполненнаго ею прямого назначенія, конечно, должно, поскольку это возможно, но все же не такъ жаль этихъ отбросовъ, какъ отбросовъ неорганическаго происхожденія. Дѣло въ томъ, что главная масса вещества органическаго происхожденія это—углеродъ, кислородъ, водородъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, азотъ.

Конечная судьба этихъ отбросовъ—распаденіе, посредствомъ сгоранія или гніенія, на болѣе простыя соединенія, какъ то: углекислый газъ, вода и азотистыя соединенія, т.-е. аммиакъ, азотистая и азотная кислоты.

Эти простѣйшія соединенія въ природѣ не пропадутъ безслѣдно, они снова возвратятся въ атмосферу и въ почву, изъ которыхъ они и были получены растениями или животными. Пропадеть только трудъ, употребленный на ихъ изготовленіе.

Вещества, содержащая азотъ (шерсть, кожаныя вещи и обрѣзки, куски мяса, кости, обломки роговыхъ вещей), могли бы быть использованы поливѣ, если ихъ не выбрасывать, а пере-

Походная церковь в автомобиль. Внѣшній видъ. На кузовѣ автомобиля гербъ Бельгіи съ девизомъ: „L'union fait la force“ („Въ единеніи сила“) и подъ крестами надпись: „Apostolus Jesu Christi“.

дѣлывать на химическихъ заводахъ. Известная краска — берлинская лазурь получается при участіи азотистыхъ органическихъ веществъ; селитру, цианъ-калій и другія соединения ціана можно получить, обрабатывая тѣ же вещества, содержащія азотъ.

Но и не обработанные химически животные отбросы все же не пропадутъ безъ всякой пользы, а вновь вступаютъ въ круговоротъ веществъ и вновь послужатъ для жизни.

Есть еще довольно цѣнный отбросъ, хотя азота и не содержащій, это — резина. Естественный источникъ ея — смола нѣкоторыхъ экзотическихъ растений, которыхъ становится все меньше и меньше, а нужда въ сырой резинѣ растетъ. Теперь работами русскихъ химиковъ мы будемъ получать свою резину изъ спирта.

Къ группѣ веществъ минеральнаго происхожденія относятся осколки каменной и вообще глиняной и фарфоровой посуды, различные отбросы металлическихъ вещей, посуды, свинцовыя и оловячныя обертки чая, шоколада и проч.

Фарфоръ и другая глина особой цѣнности не представляютъ.

Разные обломки произведенной керамики изъ обожженной глины могутъ быть смолоты и служить, какъ прибавка къ матеріалу, изъ котораго выдѣлываются новыя вещи, но и на керамическихъ фабрикахъ такихъ обломковъ достаточно, и нужды въ собираніи старыхъ нѣтъ.

Стекло же, напротивъ, всегда имѣетъ цѣну. Цѣлыя стеклянныя вещи вновь идутъ въ продажу, осколки и битое стекло могутъ быть переплавлены и поэтому охотно покупаются стеклянными заводами.

Есть даже небольшіе заводики, которые не варятъ стекла изъ сырыхъ матеріаловъ, а только переплавляютъ битое стекло и выдѣлываютъ дешевыя мелкія вещи, какъ-то: чернильницы, мелкую дешевую посуду и проч.

Съ металлами, поступающими въ отбросъ, дѣло обстоитъ не такъ. Металлы, какъ известно, находятся въ различныхъ частяхъ земного шара, въ рѣдкихъ случаяхъ въ чистомъ видѣ, чаще въ видѣ рудъ, т.е. въ соединеніи съ другими веществами, отъ которыхъ ихъ отдѣляютъ на металлургическихъ заводахъ и получаютъ въ видѣ слитковъ и дальнѣйшей обработкой обращаютъ въ тотъ видъ, въ которомъ они находятъ себѣ широкое примѣненіе.

Даже такъ называемые самородные металлы, т.е. находимые въ

Походная церковь на нашемъ фронтѣ.

металлическомъ видѣ, а не въ видѣ землистыхъ соединеній или рудъ, — золото, серебро, мѣдь, платину и немногіе металлы, менѣе распространенные надо еще очищать, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ тѣ же примѣси. Такъ, золото часто содержитъ въ себѣ серебро; иногда, наоборотъ, даже самородные металлы можно бы назвать рудами.

Въ жизни мы наибчае встрѣчаемся съ желѣзомъ: въ видѣ чугуна, стали или чистаго желѣза.

Теперь появились въ ряду самородныхъ очень рѣдкіе металлы, превосходящіе по цѣнѣ золото, — это иридій, танталъ, вольфрамъ и др. Металлы эти нужны намъ для освѣщенія. Тѣ тонкія нити, которыя помѣщены въ электрическихъ лампочкахъ накаливанія, дающія свѣтъ, сдѣланы именно изъ этихъ рѣдкихъ металловъ.

Фунтъ такой нити стодитъ около 8.000 рублей и имѣетъ длину около 80 километровъ. Его достаточно для выдѣлки 200.000 лампъ накаливанія. Очень много лампъ выбрасываютъ, не сознавая ихъ цѣнности.

Только малая часть драгоценныхъ металловъ снова попадаетъ въ дѣло, остальная совершенно распыляется.

Изъ массы интересныхъ цифръ приведемъ только немногія, касающіяся всего лишь двухъ металловъ — желѣза и золота.

Всего добывается въ мірѣ желѣза и стали въ годъ, въ круглыхъ цифрахъ, свыше 3-хъ миллиардовъ пудовъ, въ томъ числѣ въ Россіи — около 230 милліоновъ пудовъ. Вся эта масса желѣза идетъ на различныя издѣлія; за послѣдніе годы желѣзо стало замѣнять собою дерево въ строительномъ дѣлѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно имѣть не-сгораемыя постройки или покрывать большіе пролеты.

Желѣзные дороги поглощаютъ также много желѣза, но и въ домашнемъ хозяйствѣ желѣзо въ большомъ ходу, правда, въ количествахъ, далеко уступающихъ расходу желѣза на перечисленныя выше нужды.

Желѣзо, идущее на домашнія надобности, почти во всѣхъ случаяхъ пропадаетъ какъ бы безслѣдно. Однихъ только стальныхъ перьевъ въ Россіи выдѣлывалось на сумму въ 359.000 рублей, — 1.443.000 grosсовъ, т.е. 196.792.000 штукъ, или на каждого жителя въ Россіи по одному перу въ годъ.

Привозъ изъ-за границы опредѣлить нельзя, такъ какъ въ таможен-

Разборка походной церкви.

ныхъ отчетахъ перья значатся не отдѣльно, а въ одной статьѣ съ чернильницами, облатками и пр.

Перья, конечно, пропадаютъ безъ всякой пользы, а металлъ берется для ихъ выдѣлки довольно цѣнный.

Еще больше пропадаетъ иглодокъ и булавокъ, затѣмъ слѣдуютъ крючки и петли, шпильки, которыхъ въ годъ выдѣлывается на 661.000 рублей. Всѣхъ ихъ — 85.300 пуд., а съ иглоками и булавоками всего около 100.000 пудовъ хорошей стали, которая ежегодно расплывается и не поступаетъ на передѣлку.

Судьба желѣзныхъ издѣлій (сюда же надо причислить чугуныя и стальныя, такъ какъ по химическому составу это тоже желѣзо, но съ примѣсью углерода и др. веществъ) чрезвычайно разнообразна и зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ размѣровъ и назначенія, напримеръ: стальныя части часовъ сохраняются чуть ли не вѣками, то же самое и разныя изящныя вещи, металлическія прессъ-палье, статуэтки, пепельницы и проч., — мелочь же теряется, посуда продырявляется и выбрасывается, а выброшенная ржавѣть, соединяясь съ кислородомъ воздуха, обращается снова въ ту руду, изъ которой была получена. Но образовавшаяся изъ вещей ржавчина разбивается, и собраться въ такія массы, которыя могли бы эксплуатироваться, ей нѣтъ возможности.

Хотя матерія и не исчезла изъ мірового запаса, но для человѣка она пропала.

Такъ же пропадаетъ и значительная часть золота и серебра. Золотыя и серебряныя вещи стираются: кто не видалъ у супруговъ ихъ обручальныхъ колецъ, истончившихся и потерявшихъ чуть ли не половину металла за долгую жизнь? Кому не встрѣчались старинныя старыя серебряныя ложки: онѣ тонки, края потеряли прежнюю форму, всѣхъ ихъ далеко не тотъ, какой онѣ имѣли, выйдя изъ рукъ мастера. Куда дѣлись металлы, гдѣ ихъ искать? Золото не ржавѣетъ, но оно осталось на разныхъ вещахъ, съ которыми соприкасалось, обратилось въ мельчайшую пыль и исчезло для насъ. Врядъ ли ему собраться вновь и еще разъ послужить для какихъ-либо цѣлей.

Золото и серебро, которыми были покрыты другіе металлы, т.-е. употребленные на позолоту и серебряніе, гибнутъ въ большей своей массѣ.

Но эти металлы слишкомъ дороги. Старыя золоченыя рамы, мебель, золотой соръ изъ мастерскихъ собираютъ и хлопотли-

Казнь шпіона.

выми операціями получаютъ изъ нихъ золото въ слиткахъ. Особенно это практикуется съ разными галунами, офицерскими эполетами и т. п., но это только малая часть того металла, который былъ употребленъ на позолоту. Между тѣмъ ежегодно изготовляется золото въ видѣ тончайшихъ листковъ, продающихся въ видѣ книжекъ небольшого формата, гдѣ листки золота положены между бумажными листками. Есть книжки съ золотыми листами цѣною въ тысячи и десятки тысячъ рублей: на каждую такую книжку уходитъ 10—20 и болѣе фунтовъ золота.

Олова, свинца и сплава изъ нихъ на выдѣлку капсулей для бутылокъ, листовъ для обертыванія шоколада, чая и проч. въ годъ производится 289.000 пудовъ на 1.379.500 рублей.

Всѣ эти деньги выметають вмѣстѣ съ соромъ, и онѣ почти сплошь выходятъ изъ обращенія, а какъ просто собрать ихъ и уменьшить

совершенно напрасную потерю нашего достоянія.

Прежде въ большихъ городахъ собраніе всякихъ отбросовъ производилось бѣдняками, которые ходили и выбирали изъ сорныхъ дворовыхъ ямъ годныя имъ вещи, теперь, съ введеніемъ канализаціи, вывозъ сора взяли на себя городскія управленія.

Раньше мусорщики продавали разобранные ими отбросы, жили на этотъ жалкій заработокъ, а теперь, къ сожалѣнію, многіе города, не дотирая, сжигаютъ въ особыхъ печахъ весь собранный соръ, а въ другихъ и этого не дѣлають, а вывозятъ за городъ и сваливаютъ въ отведенныхъ мѣстахъ все, что было выброшено въ сорныя ящики. Уже тамъ, на свалкахъ, роются бѣдняки, выбирая болѣе цѣнные отбросы, и продають скупщикамъ.

Во многихъ городахъ благотворительныя общества организовали сборъ по жилищамъ разныхъ негодныхъ вещей, но дѣло это поставлено не вездѣ хорошо и полно, а между прочимъ, оно могло бы давать недурныя деньги.

Многія семейства собирають часть отбросовъ, главнымъ образомъ олово, свинецъ и т. п.

Необходимо упорядочить такіе сборы, посылать по всѣмъ квартирамъ въ опредѣленное время людей, которые бы забирали все ненужное, все, что теперь пропадаетъ безъ пользы, но для этого надо, чтобы всѣ прониклись сознаниемъ пользы, тогда охотно пойдутъ навстрѣчу сборщикамъ, а съ міру по ниткѣ — голому рубашка.

Казненные шпіоны.

Румынская армія. Артиллерія.

Дневник военных дѣйствій.

К. Шумскаго.

Выступление Румыніи.

15-го августа произошло крупнейшее политическое и стратегическое событие — выступление Румыніи. Силы союзников не только увеличились болѣе чѣмъ 300-тысячной румынской арміей, но передъ союзной стратегіей открылся рядъ новыхъ важнѣйшихъ перспективъ какъ на Балканахъ, такъ и на австрійскомъ театрѣ.

Въ Румыніи около восьми миллионъ населенія, и въ отношеніи численности населенія Румыніи является самымъ крупнымъ государствомъ на Балканахъ. Болгарія, Сербія и Греція насчитываютъ менѣе пяти миллионъ населенія, а Европейская Турція, какъ извѣстно, послѣ балканскихъ войнъ потеряла изъ 147.000 квадратныхъ верстъ своихъ владѣній 124.000 квадратныхъ верстъ, и населеніе ея европейской части болѣе чѣмъ вполнину меньше населенія любого изъ другихъ балканскихъ государствъ, кромѣ Черногоріи.

Изъ изложеннаго можно видѣть, что на арену міровой войны выступило самое крупное изъ балканскихъ государствъ, населеніе котораго болѣе чѣмъ въ полтора раза превышаетъ населеніе каждаго изъ сосѣднихъ балканскихъ государствъ. Вполнѣ естественно,

Его Величество Фердинандъ I, король Румыніи.

что выступленіе самаго крупнаго балканскаго государства должно было прежде всего повліять на ходъ войны на балканскомъ театрѣ.

Хотя Румыніа начала съ того, что объявила войну Австро-Венгріи и сама получила въ отвѣтъ вызовъ Германіи, тѣмъ не менѣе изъ самой быстрой стратегической оцѣнки можно было видѣть, что объектомъ операций должна стать прежде всего Болгарія. Это видно изъ слѣдующаго:

Во-первыхъ, со стороны Австро-Венгріи Румыніа прикрыта трудно проходимыми дикими горными хребтами Трансильванскихъ Альпъ и лѣсистыхъ Карпатъ. Это само по себѣ затрудняетъ какія-либо столкновенія крупныхъ силъ на границѣ Трансильваніи и Румыніи, и если здѣсь и можно себѣ представить какія-нибудь столкновенія, то только такіа, которыя явились бы результатомъ вступленія румынскихъ корпусовъ въ Трансильванію черезъ Буковину, т.-е. совмѣстныхъ дѣйствій рядомъ, плечо къ плечу, съ русскими войсками.

Съ другой стороны, не приходится доказывать, что Австро-Венгріа, послѣ двухъ погромовъ въ Галиціи, въ 1914 и 1916 годахъ, настолько обезсилена, что совершенно не въ состояніи предпринять какое-нибудь крупное наступленіе въ предѣлы Румыніи, а тѣмъ болѣе черезъ такіе трудно доступные раіоны, какъ Трансильванскія Альпы и лѣсистыя Карпаты.

Румынская армія. Пѣхота.

Одинаково маловѣроятнымъ представляется и вторженіе румынскихъ войскъ въ Трансильванію въ отдѣльности отъ нашихъ войскъ, т.-е. на какомъ-либо другомъ, а не буковинскомъ участкѣ границы. Такая операція, также связанная съ переходомъ черезъ трудно доступные хребты, имѣла бы ту невыгодную сторону, что эти трудно доступные хребты слишкомъ бы отрывали дѣйствующія въ Трансильваніи румынскія войска отъ ихъ базъ. Наконецъ румынамъ дѣйствительно необходимо было бы одновременно считаться съ возможнымъ натискомъ болгаръ на болгаро-румынской границѣ.

Эта обстановка показываетъ, что Румынія, будучи какъ бы „застрахованной“ со стороны австрійской границы, имѣетъ возможность всѣ свои силы направить противъ Болгаріи. Конечно, австрійская граница не можетъ быть оставлена безъ наблюденія, но такое наблюденіе облегчается той оборонительной схемой, которую румынскій

Румынскіе бой-скауты.

Румынская армія. Пѣхотинцы.

генеральный штабъ подготовилъ въ теченіе двадцативосьмити года мирнаго періода.

Эта схема заключается въ томъ, что румыны создали особый центръ обороны Румыніи, въ видѣ укрѣпленнаго лагеря Букареста. Отъ Букареста, который находится почти что въ центрѣ страны, расходятся рядъ желѣзныхъ дорогъ къ границамъ, причѣмъ къ границѣ Австро-Венгріи подходят семь желѣзныхъ дорогъ, а сверхъ того, еще семь желѣзныхъ дорогъ лишь немного, верстъ на 40—50, не доходятъ до границы Австро-Венгріи.

Эта схема прямо подсказываетъ расположеніе отдѣльной наблюдательной арміи въ букарестскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, откуда должны быть высланы отдѣльные отряды ко всѣмъ проходкамъ, идущимъ въ Трансильванію, для наблюденія за трансильванской границей. Такая „наблюдательная армія“ не должна быть особенно велика, принимая во вниманіе, что вторженіе австрійцевъ въ предѣлы Румыніи весьма маловѣроятно, въ виду труднодоступности границы, а также и значительнаго ослабленія вооруженныхъ силъ Австро-Венгріи.

Отсюда видно, что, за исключеніемъ нѣкоторой небольшой наблюдательной арміи, предназначенной для охраны австрійскаго фронта, Румынія имѣетъ полную возможность выдѣлить почти всѣ свои силы для операцій противъ болгаръ. Болгарамъ, въ свою очередь, такъ же, какъ и румынамъ, необходимо обороняться на два фронта — македонскій и русско-румынскій, но условія борьбы болгаръ на два фронта во много разъ тяжелѣе условій борьбы румынъ на два фронта.

Въ то время, какъ у румынъ одного противника — Австріи — какъ бы не существуетъ, и они имѣютъ возможность почти всѣ силы сосредоточить на одномъ болгарскомъ фронтѣ, — у болгаръ оба фронта представляются одинаково весьма серьезными. Русско-румынскій фронтъ и македонскій фронтъ требуютъ одновременно чрезмѣрнаго напряженія отъ 300-тысячной болгарской арміи.

Между тѣмъ уже одна длина этихъ фронтовъ должна приводить въ смущеніе болгарскій генеральный штабъ. Длина румынской границы около 525 верстъ, длина же македонскаго фронта свыше 225 верстъ, что даетъ въ общемъ фронтъ, на которомъ приходится обороняться болгарамъ, длиною въ 750 верстъ. Однако приблизительно такой же длины и весь англо-французскій фронтъ.

Изъ этого можно усмотрѣть, что болгарамъ съ ихъ 300-тысячной арміей приходится оборонять, примѣрно, такой же длины фронтъ, какой обороняютъ миллионныя арміи французовъ. Вполнѣ понятно, насколько такая задача представляется трудной. Къ этому надо добавить, что 750 верстъ болгарскаго фронта представляютъ собою два совершенно отдѣльных участка, русско-румынскій и македонскій, причѣмъ эти участки раздѣлены между собою болѣе чѣмъ 500 верстами разстоянія.

Это должно еще болѣе затруднить оборону для болгаръ обонхъ фронтовъ, тѣмъ болѣе, что русско-румынскій фронтъ и македон-

ский фронт соединены у болгар лишь двумя желѣзными дорогами, вдобавок пересѣкающими горный хребет — Балканы и къ тому же еще идущими вкруговую либо через Сербію, либо через турецкую территорию.

Такимъ образомъ для болгаръ создаются сильнѣйшія стратегическія затрудненія, и имѣ, какъ и всякой арміи, дерущейся на два фронта, приходится стремиться къ непосильной задачѣ — достигнуть быстрой и рѣшительной побѣды надъ однимъ изъ противниковъ. Такимъ противникомъ не могутъ быть войска, находящіяся на русско-румынской границѣ, ибо, естественно, здѣсь никакая быстрая и рѣшительная побѣда не можетъ дать окончательныхъ результатовъ.

Остается слѣдовательно македонскій фронтъ, гдѣ болгары дѣйствительно еще за недѣлю до выступленія Румыніи обнаружили стремленіе справиться съ арміей Сарайля, для чего и сосредоточили здѣсь значительныя силы — большую часть тѣхъ силъ, которыми располагаетъ Болгарія. Въ теченіе болѣе недѣли болгары вели стремительныя атаки на македонскую армію Сарайля, но успѣха не достигли.

Армія Сарайля заняла строго оборонительное положеніе на своемъ правомъ крылѣ и въ центрѣ, а на лѣвомъ крылѣ вела активную оборону, наступая отъ сильныхъ позицій, занимаемыхъ у озера Острово. Къ этому критическому моменту генералъ Сарайль занялъ и прочно укрѣпилъ сильнѣйшую позицію, правое крыло которой упиралось въ рѣку Струму, центръ имѣлъ опорный пунктъ въ видѣ озера Дойрана, а лѣвое крыло имѣло опорный пунктъ въ видѣ озера Острово. Черезъ эти три района проходилъ рядъ горныхъ позицій, при чемъ правое крыло и центръ были заняты англо-французами, а лѣвое крыло сербскими войсками.

Болгары послѣ безуспѣшныхъ атакъ на правомъ крылѣ арміи Сарайля ограничились тѣмъ, что заняли ту часть греческой тер-

риторіи, на которой не было союзныхъ войскъ. Затѣмъ далѣе въ центрѣ союзники, занявшіе станцію Дойранъ и рядъ укрѣпленныхъ деревень, подошли къ хребту Белешъ. Наконецъ на лѣвомъ крылѣ сербскія войска, опираясь на широкое и глубокое озеро Острово, отбили наступленіе трехъ болгарскихъ дивизій и сверхъ того сами еще продвинулись въ одномъ изъ районовъ, а именно въ районѣ рѣки Могленицы.

Такимъ образомъ союзныя англо-французскія и сербскія войска не только прочно занимали позиціи, но еще овладѣли нѣкоторыми важными пунктами, какъ станціей Дойранъ и участкомъ рѣки Струмы, и стало ясно, что болгары, во всякомъ случаѣ, уже не могутъ рассчитывать справиться съ арміей Сарайля до того момента, когда обозначится выступленіе Румыніи. Это обозначало, что болгарамъ придется перевести часть войскъ на русско-румынскую границу, чтобы перейти здѣсь къ такой же безнадежной оборонѣ, какую они вели на македонскомъ фронтѣ, при чемъ на македонскомъ фронтѣ, естественно, положеніе должно было ухудшиться настолько, что открывались перспективы для перехода въ наступленіе и арміи Сарайля.

Между тѣмъ на русско-румынскомъ фронтѣ непосредственно подъ ударами оказывались: важный болгарскій портъ и крѣпость Варна, укрѣпленный Русчукъ, Никополь, Систово и Видинъ. Изъ этихъ пунктовъ наиболѣе важнымъ былъ укрѣпленный районъ Варны, черезъ который лежала одна изъ лучшихъ дорогъ въ Константинополь.

Сводя вышеизложенное, можно видѣть, что выступленіе Румыніи, въ виду ея выгоднаго географическаго положенія, открыло важнѣйшія стратегическія перспективы, гдѣ прежде всего видѣляется Константинополь, какъ та политическая и стратегическая цѣль, къ которой придуть русско-румынскія войска послѣ „карательной экспедиціи“ черезъ неблагодарную Болгарію.

Мать Стефана Непобѣдимаго.

(Румынское преданіе XIV вѣка).

I.

Набѣжали вороги лихіе,
Царства рушатъ хищные османы;
Много ранъ землѣ Стефана-князя
Нанесли ихъ сабли-ятаганы.
По Балканамъ кровь бѣжитъ ручьями,
Багрянѣють заводи Дуная,—
До ущелій Татрѣ, до скалъ лѣсистыхъ
Доплеснула кровь румынъ родная...
То не клѣкотъ слышится орлиный,
Не слетѣлъ къ воронью стаду кречетъ,—
Господарь Стефанъ кличъ княжій кликнулъ,
На враговъ свои дружины мечеть...
Въ пятьдесятъ боевъ водилъ войска онъ,
Славу слалъ каликой-перехожимъ
И на Русь, и въ Польшу, и къ малярамъ,
И къ богатымъ венецкимъ дожамъ.
До ущелій Татрѣ, въ крови купаеся,
Полумѣсяцъ донесли османы;
Вѣютъ ихъ зеленая знамена,
Раздвигая Магомета станы;
Все растеть ихъ сила, свирѣпѣя...
Бой идетъ неравный на равнинѣ;
Смотрятъ съ башни замковой на битву
Мать съ женой—Стефановы княгини.
Храбро бьется господарь съ врагами,
Кровь багрить и топить цвѣтъ долины;
Все тѣснѣй кольцо османовъ лютыхъ
Вкругъ родной Стефановой дружины.
Длится бой, а наземъ вечеръ сходитъ,
Поле битвы кроется туманомъ;
Не видать княгинямъ съ вышки замка,
Что-то съ княземъ, что-то съ ихъ Стефаномъ.
Конскій топотъ по горѣ... Все ближе...
У воротъ остановился кто-то...
„Это онъ, Стефанъ мой, господарь мой!“
Дай—пойду открыть ему ворота!...“
Не пустила мать жену-княгиню,
Внизъ сама спустилась: „Кто стучится?“
„Это я, твой сынъ... Открой, родная!“
По пятамъ за мной погоня мчится...“
„Сынъ?! Не лги, невѣдомый пришелецъ!“
Сынъ мой—тамъ, за честь отчизны бьется;
Отразивъ враговъ родного края,

Онъ съ побѣдой къ матери вернется.
Прочь, бѣглець!..“

За каменной стѣною,
Темень ночи стономъ пробуждая,
Князь Стефанъ съ горы назадъ помчался,
На враговъ невзгоду накликавъ.
Огласилъ ущелья звукъ призывный,—
Позабыли раненые раны,
Кто бѣжалъ отъ вороговъ—ко князю,
Къ господарю кинулись къ Стефану.
Глуше, дальше гулкій конскій топотъ
Отъ гнѣзда Стефановой твердыни...
Загорѣлись очи у старухи,
Сердце мреть у молодой княгини...
Долго ждали,—заблѣлъ край неба,
Робко вышла зорька изъ тумана;
Вдругъ—опять, все ближе, все звончѣе,
Трубный звукъ несется съ вражья стана.
„Это онъ!“—воскликнула княгиня;
„Это онъ!“—сказала мать сѣдая,
Выбивая изъ воротъ засовы,
Настежь ихъ поспѣшно отворяя...
Звонъ подковъ, призывъ роговъ побѣдныхъ...
Солнце всплало, первыми лучами
Озаривъ крестъ Божій надъ соборомъ,
Въ княжемъ замкѣ съ крѣпкими стѣнами...
Ѣдетъ князь въ челѣ своей дружины,—
Слѣзъ съ коня, припалъ къ ногамъ родимой.
„Здравствуй, сынъ мой!—мать его встрѣчаетъ.—
Здравствуй, мой Стефанъ Непобѣдимый!..“

II.

Шли вѣка,—народъ Стефана-князя
Воленъ былъ и рабства зналъ невзгоду...
Въ наши дни Стефановъ мечъ онъ поднялъ
За сыновъ отторгнутыхъ свободу.
Въ наши дни—съ бойцами Правды свѣтлой
Онъ сплотить рѣшилъ свои дружины...
Слава-честь борцамъ народной воли!
Исполать вамъ, храбрые румыны!..
Ваша мать, Молдавія сѣдая,
Съ высоты вѣковъ несокрушимой
Шлетъ вамъ вслѣдъ свои благословенія,
Шлетъ ихъ съ ней Стефанъ Непобѣдимый.

Аполлонъ Коринфскій.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Волны атаки. — Царевы дѣти. Рассказъ Вадима Бѣлова. — Похоронный маршъ. Стихотвореніе Алексѣя Липецкаго. — Распалона Коринфскаго. — Вѣчная память Эдитъ Кавель. — Заявленіе. — Объявленіе. — Отклики войны. — Выступленіе Румыніи. (Политическое обозрѣніе). Р И С У Н И К И: Другъ или врагъ?—Волны атаки. Рисунокъ Андрѣ Девабеса. — Среди латынскихъ стрѣлковъ (3 рис.). — Бронированный автомобиль кавказской туземной дивизіи. — Нашъ блиндированный побѣздъ, совершившій на римскомъ фронтѣ нѣсколько блестящихъ дѣлъ. — На сѣверномъ фронтѣ (2 рис.). — Павшіе въ бою. (25 портр.). — Походная церковь въ автомобиль для бельгійской арміи (2 рис.). — Походная церковь на нашемъ фронтѣ (2 рис.). — Казнь пѣлюновъ (2 рис.). — Его Величество Фердинандъ I, король Румыніи. — Румынская армія (3 рис.). — Румынскіе бой-скауты. — Бюстъ Эдитъ Кавель. — Гора Кавель въ Сѣверной Канадѣ, названная въ память сестры-мученицы. — Преминированные проекты памятниковъ явившимъ воинамъ (3 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 14.

Эдитъ Кавель.
Бюсть работы
Джорджа Фрамптона.

Вѣчная память Эдитъ Кавель.

Въ прошломъ году нѣмцы совершили одно изъ своихъ, къ сожалѣнію, уже обычныхъ преступленій надъ мирнымъ населеніемъ: въ Брюсселѣ ими была казнена, вѣрнѣе, просто убита англійская сестра милосердія, Эдитъ Кавель, „виноватая“ въ томъ, что давала пріютъ и пропитаніе бельгійскимъ и англійскимъ бѣглецамъ. Казнь знаменитой филантропки въ свое время взволновала весь культурный міръ и вызвала всеобщій моральный протестъ, будучи трактована вездѣ и всюду, какъ позорное убійство безоружной женщины-христіанки.

Прошелъ годъ. Нѣмцы успѣли совершить за это время еще нѣсколько вопіющихъ нарушеній международнаго и общечеловѣческаго права, но преступленіе, совершенное надъ миссъ Кавель, такъ больно оскорбило человѣческую совѣсть, такъ возмутило ее, что никакія послѣдовавшія затѣмъ событія не могли вытѣснить образъ замученной англичанки изъ памяти человѣчества.

И вотъ теперь, когда для переживаемой человѣчествомъ страшной эпохи уже настаетъ періодъ исторіи, возникъ вопросъ объ увѣковѣченіи героевъ и жертвъ общеевропейской войны. Этотъ вопросъ поднятъ во Франціи, гдѣ хотятъ учредить особый національный ежегодный праздникъ—поминовеніе павшихъ: возникаетъ онъ и въ другихъ странахъ. И на ряду съ сотнями тысячъ безвѣстныхъ героевъ вспоминаются герои, чьи имена хотѣлось бы увѣковѣчить особо. Хотѣлось бы, чтобы ихъ имена жили въ новомъ воплощеніи или въ новыхъ воспріятіяхъ.

Оригинально и красиво разрѣшенъ этотъ вопросъ въ Канадѣ по отношенію къ сестрѣ-мученицѣ Эдитъ Кавель. Тамъ назвали ея именемъ гору пикъ Гейки, одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ Канады.

Гора Кавель находится вблизи сѣверной Канадской дороги,

Гора Кавель, въ Сѣверной Канадѣ (высочайшая вершина—11.020 футовъ), названная въ память сестры-мученицы.

въ провинціи Альберта, въ 14 миляхъ отъ г. Джасперъ и въ 5 миляхъ отъ р. Атабаска. Высота горы—11.020 футовъ.

Осіанная небомъ, сверкаетъ своей дѣвственно-чистой снѣжной вершиной эта гора. Она уходитъ далеко ввысь, „подалѣе отъ грѣшной земли“, и словно стоитъ на молитвѣ за грѣшное человѣчество.

Евангеліе говоритъ намъ о свѣтильникахъ, которые стоятъ на горахъ. Имя Эдитъ Кавель—такой свѣтильникъ. Свѣтъ его озаряетъ все человѣчество, напоминая о подвигѣ безкорытной любви къ человѣчеству. И свѣтильникъ этотъ отнынѣ свѣтитъ на горѣ Кавель.

Какой красивый символъ и какой величественный памятникъ заключены въ этомъ образѣ увѣковѣченія памяти Эдитъ Кавель! Памятникъ, поставленный самою природою.—быть-можетъ, красивѣйшій и несомнѣнно величественнѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ, какіе когда-либо были посвящены земнымъ героямъ.

Небывалая по своимъ размѣрамъ и своему величію война требуетъ и памятниковъ небывалыхъ. Именами героевъ переживаемой героической эпохи отнынѣ будутъ называться горы, рѣки, озера, быть-можетъ, цѣлыя страны...

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 36

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдаётся 3-го сентября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (без прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатания въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку помаршевъ въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за сентябрь.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

URODONAL

a base de Methyl-Glyoxalidine, de Quinate de Diéthylène-diamine et d'Hexaméthylène-tétramine

PRÉPARÉ PAR
J-L. CHATELAIN

PHARMACIEN DE 1re CLASSE
Ancien chef de Laboratoire et
Ancien interne des Hôpitaux de Paris

ARTRITISME, RHUMATISME
ARTÉRIO-SCLÉROSE OBÉSITÉ
LITHIASES RENALE & BILIAIRE
GOUTTE, GRAVELLE, OUCLEURS
PITUITES AIGRURES

3 cuillerées a café par jour, chacune dans un verre d'eau, entre les repas

ETATS AIGUS: 3 cuillerées a soupe par jour
d'une seule cuillerée indistinctement. Aucune fatigue de l'estomac, des reins, du coeur, ni du cerveau même a doses élevées et prolongées

37 fois plus actif que la Lithine

MÉDAILLE D'OR, LONDRES 1905
GRANDS PRIX, BRUXELLES 1905 & QUITO 1908
C^e Acad. de Médecine 10 Nov 1908
C^e Acad. des Sciences 14 Déc 1908

LES ÉTABLISSEMENTS CHATELAIN
PARIS.

== ОТЪ ==

**ревматизма, подагры,
артритизма,
мочевого песка**

Уродональ

Шателенъ.

Требуйте только Уродональ Шателена.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
„КУРОРТЪ ЛИРАНЪ“
на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа.
Между Туапсе и Сочи, на берегу моря, у рѣки Шахъ.

Устраивается курортъ.
Продаются земельныя участки.
Въ конторѣ Правленія:
Петроградъ, Морская, 26.
Телефонъ № 596-12.
Выдаются подробныя свѣдѣнія о стоимости и условіяхъ приобрѣтенія участковъ. Тамъ же имѣется панорама и рельефный планъ мѣстности.
Иногороднымъ высылаютъ проспекты по требованію бесплатно.

Ищу мѣсто управляющаго им., дополнител. практика, хорошіе аттестаты, освобожденъ навсегда отъ военной службы, національность—латышъ, состою управл. Адресъ: Новая Слобода, Нижегородской губерніи, Лукьяновскаго уѣзда, Увалыду М. Стабулу.

ПИСАТЬ
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна наз. влает. 85 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (40)

Дивно-естественный
РУМЯНЕЦЪ
для лица и губъ дають наилучшія румяна
СПЭСЪ.
Не стираются и не поддаются дождю и поту. Продаются въ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ. Главный складъ: Петроградъ, В. Зеленина, 9. В. Вадовскій. 427

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія водиски и **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—56.

Для гг. регентовъ! Къ современнымъ событіямъ
ПОСЛѢДОВАНИЕ МОЛЕБНАГО ПѢНІЯ
по Гду Богу пѣваемаго во время брани противъ супостатовъ, находящихся на ны.
Соч. П. ЧЕСНОКОВА, Ор. 46, для свѣш. хора. Царт. 1 руб.
Нов. каталогъ духовно-муз. сочиненій **БЕЗПЛАТНО.**
Москва, П. Юргенсонъ, Неглинный пр., 14.

ИСТОЩЕНИЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРО-ГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1916
10 9

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить снѣгъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный прутъ въ свѣчу. Зажечь сухія дрова водою — и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цена съ пересылкой налож. платож. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съзвѣжская ул., № 40, въ редакцію „Отгадки Жизни“.

При ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ „ПІЗЕРИНЪ“
послѣдствіяхъ ее принимается
Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Пизеринъ совершенно безвреденъ. Цена 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/23, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

4887 **БУХГАЛТЕРІЯ** —
и коммерч. образов. Заочные курсы по самой обширной программѣ. СТЕНОГРАФИЯ. АТТЕСТАТЪ. Дѣнные преміи. Разсрочка. Просп. безлз. Петроградъ, В. О. Бок. пр., № 22. „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“. Р.

4888 **КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ** —
въ 8 ур. и дв. вт. бухгалтеріи обучаю каждого зочно. Удѣл. 5 вол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усч. вѣс. за 2—10 к. мар. Одесса, Риндольская, д. Н. № 12, Проф. калігр. Ш. КРУКУ.

4889 **Т Е Л. КНИГИ, 155-00.**
Старыя, новыя, бібліотеки и остатки изданій покупаю:
Новарской пер., 10. Пантелѣевъ. 4891

Чтобы ИЗБѢЖАТЬ ПРОСТУДЫ, надо употреблять PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда)

Антисептическое средство
съ несравненнымъ дѣйствіемъ.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НАСТОЯЩІЯ
Pastilles „Valda“
(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной
бандеролью, снабженныхъ
именемъ

VALDA

Цѣна 1 рубль.
(H. Canonne, Paris).

4890 **РЕГУЛИНЪ**
ШВЕЙЦАРСКОЯ
КОНТОРЫ ХИМИЧЕСКИХЪ ПРОДУКТОВЪ
требуйте только съ товарнымъ знакомъ „ЛЧЕЛА“, утвержд. Министер. Торг. и Промышл. за № 16434. Естественное средство для регулированія пищеваренія, дѣйствующее главнымъ образомъ въ кишечникѣ, не изнуряетъ желудка и приятно на вкусъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Главное депо: МОСКВА, В. Чернышевской пер., д. 17, кв. 6. Отд. 2.

4891 **! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !**
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕКЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ
ВЕСДГЬ.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ

ЗАОЧНОЕ РИСОВАНИЮ ОБУЧЕНИЕ

по изданию „Искусство для Всѣхъ“ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемые работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладного искусства.

Содержаніе вышедшихъ изъ печати томовъ 1-8.

Наблюдательная перспектива. Композиція. Линейная перспектива. Наброски—Т. И. КАТУРКИНА. Отмычка тушью. Акварель—В. А. ЛЕЩИКАША. Цѣль искусства. Философскіе этюды—В. ЛІСОВОГО. Опытъ живописи масляными красками—А. В. МАКОВСКАГО. Элементарное рисованіе. Курсъ орнамента. Уголь. Рисованіе частой человѣческаго тѣла—А. Г. НОВИКОВА. Что такое искусство—И. Е. РЫШИНА. Очерки по исторіи живописи—Б. Ф. ШЛЕЦЕРА.

Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является грамматикой искусства и похвальному полному курсу знаній, необходимыхъ всякому человеку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ.

Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для гг. художниковъ и учителей рисованія; наконецъ для родителей, желающихъ, чтобы ихъ дѣти, „Искусство для Всѣхъ“ является незаменимымъ пособіемъ.

Краткій проспектъ бесплатенъ. | Подробн. просп. „Искусство“ за 15 к.

Всякую корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, ПЕТРОГРАДЪ, Глазковая ул., совств. д. № 18. Совств. магаз.: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; МОСКВА, Мясницкая, 18.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==

Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЪТОКО,
МОСКВА. Отд. 1. Е. В.

Волосы!

Чѣмъ замѣнить мясо?

Руководство къ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Въсѣ 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер. 18/2. (а)

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

Достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дожили пару чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстрозавальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ. Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

Въ виду продолжающихся затрудненій при отправкѣ грузовъ въ Англій, заказы не могутъ быть выполнены немедленно по полученіи таковыхъ, а по очереди, по мѣрѣ ихъ поступленія.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11.

НОРМАЛЬНО

противъ заповоръ

Стомосигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомосигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Стомосигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

ПРИЯТНО

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПП., ул. Гоголя, 22.

Немир.-Данченко, Вас. И.

1) „НА ПУТИ КЪ СЧАСТЬЮ“. Романъ этотъ затрагиваетъ вѣчно юную и всегда интересную тему о борьбѣ чувства съ долгомъ.

2) „НА ПУТИ КЪ ВѢЧНОСТИ“. Этотъ романъ является естественнымъ продолженіемъ и глубоко задуманнымъ окончаніемъ романа „На пути къ счастью“. Но по полнотѣ жизненной картинѣ и ясности обрисовки характеровъ дѣйствующихъ лицъ онъ представляетъ вполне законченное цѣлое. Цѣна каждой книги—1 р., съ перес. 1 р. 25 к.; въ перепл. 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

А. КОТОМКИНЪ-САВИНСКІЙ.

„Князь Вячко и мечехосцы“

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

изъ эпохи войнъ XIII-го столѣтія—завоеваніе нѣмцами Прибалтійскаго края. ПОСВЯЩАЕТСЯ АВГУСТЪЙШЕМУ ПОЭТУ

К. Р.

Цѣна одинъ рубль.

Складъ изданія: Петроградъ, наб. Невы, Мраморный дворецъ, и при Конторѣ журнала „НИВА“, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Россія—Румынія. По поводу вступленія Румыніи въ союзъ согласія Государь Императоръ и король Фердинандъ обмѣнялись слѣдующими телеграммами:

Его величеству королю Румыніи:

«Будучи счастливъ видѣть присоединеніе Румыніи къ Россіи и ея союзникамъ въ ихъ борьбѣ за справедливость и право, Я хочу выразить вашему величеству Мои сердечныя пожеланія успѣха вашимъ арміямъ. Да даруетъ Провидѣніе вашему величеству славу осуществленія національныхъ стремленій румынскаго народа. Я надѣюсь, что братство по оружію, которое снова, какъ и въ славные дни Плевны, объединитъ наши союзныя войска, навсегда упрочитъ тѣсную и сердечную дружбу между нашими странами. Николай».

Его Величеству Государю Императору:

«19-го августа 1916 года. На сердечныя пожеланія успѣха моей арміи, съ которыми Ваше Величество обратились ко мнѣ, я отвѣчаю изъ глубины моего сердца горячими пожеланіями, чтобы Господь помогъ намъ достигнуть славнаго осуществленія нашей общей цѣли. Братство по оружію, которое уже объединяло наши войска въ 1877 г., сможетъ только сдѣлать еще болѣе тѣсной дружбу, существующую между нашими странами. Я съ чувствомъ искренняго удовольствія принялъ генерала Заюнчковскаго, храбраго войска котораго будутъ сражаться въ тѣсномъ единеніи съ моими. Горячо благодарю Ваше Величество за пожеланія, переданныя мнѣ генераломъ, я, съ своей стороны, выражаю горячія пожеланія счастья Вашему Величеству и Вашей доблестной арміи. Фердинандъ».

Англійскій король Георгъ на фронтѣ. На стр. 601 изображены канадскіе стрѣлки, привѣтствующіе своего короля. Корреспондентъ газеты „Times“ даетъ описаніе поѣздки короля Георга на фронтъ англійской арміи.

Король Георгъ провѣлъ недѣлю вмѣстѣ со своей арміей во Франціи. Онъ видѣлъ сотни тысячъ солдатъ, видѣлъ и они его, онъ говорилъ со многими солдатами, останавливая ихъ вдоль путей, идущихъ къ фронту. Говорилъ онъ съ ними и на смотрѣхъ, въ штабахъ, въ траншеяхъ. Король Георгъ посѣтилъ мѣста боевъ, на которыя неприятель сыплетъ свои снаряды. Каждый день король бывалъ въ окопахъ, въ подземныхъ помѣщеніяхъ, посѣтилъ отбитые у нѣмцевъ траншеи и казематы. Король со своей святой побывалъ въ одномъ

городѣ, который за нѣсколько ночей передъ этимъ неприятель засыпалъ своими снарядами. Снаряды сыпались на этотъ городъ и въ то время, когда тамъ находился король. Король видѣлъ весь сложный механизмъ арміи въ дѣлѣ, посѣтилъ различные отдѣлы управленія этой могучей организаціи и всѣ самыя типичныя единицы отдѣльныхъ родовъ службъ. Король цѣлые часы проводилъ въ пунктахъ для раненыхъ, разговаривалъ съ ними и видѣлъ плѣнныхъ нѣмцевъ, только-что приведенныхъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они попали въ руки англійчанъ.

Король видѣлся также съ президентомъ Пуанкаре, съ генералиссимусомъ Жоффромъ и генераломъ Фошемъ, пріѣхавшими привѣтствовать его. Король видѣлъ также и французскихъ солдатъ, но не въ боевомъ районѣ французовъ, а въ пунктѣ соединенія англійской и французской арміи. 10-го августа король провѣлъ нѣсколько часовъ въ самомъ бою, въ мѣстахъ, безусловно очень опасныхъ, все время находясь подъ обстрѣломъ неприятельскихъ орудій.

Глава англійскихъ войскъ во Франціи. Изображенный на нашемъ снимкѣ (на стр. 600) въ группѣ съ генералиссимусомъ Жоффромъ и индійскимъ генераломъ Пертадъ-Сингомъ, сэръ Дугласъ Хейгъ родился 19-го іюня 1861 г. Окончивъ Оксфордскій университетъ, онъ пошелъ въ армію. Всѣ его предки сражались за Британію.

Первая кампанія Хейга въ Суданѣ (1898 г.) совершилась подъ командой покойнаго Китченера, тогда только ставшаго „К. of К.“ (Kitchener of Khartoum). Когда британскія войска, пройдя пустыню, направлялись къ Хартуму, на пути имъ встрѣтилось очень сильное укрѣпленіе. Надо было прозвезсти развѣдку. Капитанъ Хейгъ выполнялъ ее подъ градомъ пуль и доставилъ Китченеру свѣдѣнія, сыгравшія громадную роль при наступленіи на Хартумъ.

Во время южно-африканской войны онъ былъ начальникомъ штаба и участвовалъ во всѣхъ операціяхъ въ Наталѣ.

Въ 1912 году Хейгу было поручено командованіе дивизіями, расквартированными въ Ольдершотъ по плану лорда Гальдена. Дивизіи эти были извѣстны подъ названіемъ «ударная армія» и были предназначены для отправки въ любое мѣсто за границей черезъ нѣсколько часовъ послѣ приказа о мобилизаціи. Отсюда ясна важность поста, который Хейгъ занималъ въ августѣ 1914 года.

Сэръ Дугласъ Хейгъ командовалъ первымъ корпусомъ экспедиціоннаго корпуса, отправленнаго изъ Англіи немедленно по объявленіи войны. Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій онъ чудомъ спасся отъ смерти. Въѣстъ съ другимъ офицеромъ онъ наблюдалъ за развитіемъ атаки съ верхушки стога сѣна. Какимъ-то образомъ вѣмцы узнали объ этомъ наблюдательномъ пунктѣ. Вскорѣ на самый стогъ упала граната и — не взорвалась.

— Это — по ошибкѣ! — заявили Хейгъ и не двинулся съ мѣста.

Только-что онъ произнесъ эти слова, какъ другая граната упала въ то же мѣсто. Она — тоже не взорвалась. Хейгъ благоразумно покинулъ пунктъ. Третья бомба сдѣлала свое дѣло: отъ стога сѣна не осталось слѣда.

Благодаря энергіи Хейга, отступление при Монеѣ совершилось въ образцовомъ порядкѣ; во время битвы на Маринѣ онъ оказалъ серьезную поддержку при задержаніи нѣмецкаго наступленія.

Во время битвы при Ипрѣ британскими войсками, выносившими всю тяжесть германскаго напора, командовалъ все тотъ же сэръ Дугласъ Хейгъ. «Въ теченіе всего этого ужаснаго періода, — писалъ генералъ Френчъ въ своемъ докладѣ, — сэръ Хейгъ удерживалъ позиціи съ удивительной стойкостью и храбростью. Миѣ не хватаетъ словъ, чтобы выказать мое восхищеніе».

Американскій журналистъ Д. Бальдерстонъ передаетъ, что на вопросъ, когда окончится война, Хейгъ отвѣтилъ:

— Я не знаю, когда, но я знаю, гдѣ она кончится: здѣсь!

И онъ топнулъ ногой. Сэръ Дугласъ Хейгъ не вѣрнѣ въ возможность германскаго продвиженія впередъ.

Съ декабря 1915 года Хейгъ смѣнилъ Френча на посту главнокомандующаго. Сначала предполагали, что командованіе будетъ поручено начальнику генеральнаго штаба Робертсону, портретъ котораго помещенъ на стр. 601. Британская армія — офицеры и солдаты — остались довольны назначеніемъ Хейга.

Сэръ Дугласъ Хейгъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ генераловъ англійской арміи: ему 54 года. На видъ онъ гораздо моложе. Обладавая замѣчательнымъ хладнокровіемъ, онъ не признаетъ опасности. Нѣсколько разъ онъ находился на волосокъ отъ смерти. Газеты «убивали» его неоднократно: три раза его объявили погибшимъ на полѣ битвы, два раза приписали его смерть несчастному случаю и разъ похоронили отъ лихорадки.

Животныя на войнѣ. Животныя въ эту великую мировую войну наравнѣ съ человѣкомъ несутъ тяжкую службу. Они гибнутъ безъ ропота, безъ стога, слѣпо идутъ за человѣкомъ въ бой... Изъ нихъ лошадь является лучшимъ молчаливымъ другомъ во всѣхъ испытаніяхъ нашихъ доблестныхъ бойцовъ.

Человѣкъ и лошадь привязываются другъ къ другу, становятся неразлучными товарищами. Талантливо и красочно описываетъ дружную жизнь человѣка и лошади на войнѣ Г. Буханцевъ, корреспондентъ «Новаго Времени».

«Бывало, пустишь коня, а онъ идетъ за тобой, словно собака. Кругомъ грохотъ, свистъ отъ рвущихся снарядовъ, но четвероногий другъ только поводитъ ушами, а не броситъ тебя».

Какъ-то недавно старшій ветеринарный врачъ Богдановъ предложилъ миѣ осмотрѣть своихъ четвероногихъ больныхъ. Лазаретъ обставленъ дивно. Пациенты, несмотря на тяжкія пораненія, чувствуютъ себя отлично.

Вотъ изъ артиллеріи раненая во время подвозки снарядовъ лошадь. Два дня пролежала въ канавѣ,

„Бобинъ“—бѣженецъ. Изъ деревенскаго тепла на холодную сталь орудія.

Стрѣлокъ-развѣдчикъ со своимъ помощникомъ—ищейкой.

Друзья.

пока продолжался бой, а затѣмъ привезли ее сюда. Теперь поправляется, а тамъ снова за опасную работу. Вороной «Васяка» повернулъ въ нашу сторону голову, прислушивается, таращить свои большіе глаза. Проходимъ мимо ряда стойлъ, и у каждого своя боевая исторія.

— Развѣдчикъ-пиратъ... — и докторъ указалъ на сѣраго коня въ повязкахъ, — до сихъ поръ не хочетъ подчиняться нашимъ правиламъ. Все время своимъ неспокойнымъ характеромъ вноситъ смуту. Конь съ большимъ прошлымъ. Кажется, уже пятый разъ раненъ.

И докторъ рассказалъ удивительную исторію про этого почти легендарнаго коня.

Еще въ началѣ войны «Дружокъ», — такъ звали сѣраго коня, — вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ — казакомъ, ушли на поле ратное. Во всемъ полку не было лучшаго коня. Въ атаку итти — впередъ всѣхъ несется. Бьетъ врага ногами, хватается зубами. Настоящій звѣрь. А бой кончился — тише воды, ниже травы.

Гдѣ только «Дружокъ» ни былъ? Былъ и въ Галиціи, былъ и въ Восточной Пруссіи. Но подъ конецъ ему не повезло. Отступая къ Нѣману, «Дружокъ» потерялъ своего дивизионнаго друга, — казакъ былъ убитъ въ бою, — и съ тѣхъ поръ онъ сталъ неузнаваемъ. На всѣхъ бросается, ржетъ... Пробовали его привязывать, да только никакой поведѣ не держалъ. Оторвется и бѣжить къ Нѣману, къ тому самому мѣсту, гдѣ убитъ его хозяинъ. Бѣгаетъ, ржетъ, словно своего хозяина ищетъ.

Много бѣдъ натворилъ «Дружокъ». Пятерыхъ казаковъ чуть до смерти не разбилъ. Дѣлать нечего, пришлось «Дружка» отдать въ пѣхотный обозъ. Но тамъ онъ сталъ еще хуже. Двухъ солдатъ убилъ, да нѣсколько телѣгъ въ щелы разбилъ.

Дѣлать было нечего, и «Дружка» продали съ торговъ митавскому извозчику. Бѣдный возница не зналъ, какъ къ нему подступиться. Ни лаской ни плеткой, — ничто не помогаетъ: такъ звѣрѣетъ и смотритъ.

Три дня онъ пробылъ у возницы, а на четвертый выломалъ дверь въ конюшнѣ — и только его и видали...

Гдѣ «Дружокъ» скитался, никто не знаетъ, но только неожиданно примазался къ Н-скому драгунскому полку. Бѣгаетъ за нимъ, а въ руки не дается. Одинъ разъ даже въ атаку ходилъ вмѣстѣ съ эскадромъ, тронхъ нѣмцевъ на-смерть забилъ. Чортъ, а не конь.

Но тутъ случилось съ «Дружкомъ» что-то неладное. Какъ-то онъ пасся на луговинѣ, а въ то время проходилъ пѣхотный полкъ. Увидалъ «Дружка» четырнадцатилѣтній доброволецъ Петька и подбѣжалъ къ нему. Драгуны такъ и ахнули. Мальчикъ подошелъ къ коню, поглядилъ его по шеѣ и далъ кусокъ хлѣба. «Дружокъ» стоитъ, мордой трется. Съ этого дня Петька и «Дружокъ» стали неразлучными товарищами. Куда бы онъ ни шель, конь за нимъ по пятамъ идетъ.

Прошло три мѣсяца, и «Дружокъ» сталъ неузнаваемъ. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ бояхъ, былъ раненъ и наконецъ попалъ вмѣстѣ съ Петькой въ ординарцы. Но въ послѣднемъ бою подвернулся подъ гранату...

Я смотрю на «Дружка», который косится на насъ, нервно перебирая ногами. Онъ и теперь не можетъ смотрѣть равнодушно на чужихъ, но къ доктору привыкъ и при всякой перевязкѣ ведетъ себя прилично».

Пугало — особинка къ побѣгу. Въ официальной вюртембергской газетѣ опубликовано распоряженіе, воспрепятствующее надѣвать на поляныя пугала (чучела) одежды, чтобы не давать возможности пользоваться этой одеждой убѣгающимъ изъ лагерей военнопленнымъ.

ЖЖВА

№ 36. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кн. Литерат. и полу-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 3 сентября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

КЪ ТРЕХСОТЛѢТНЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ШЕКСПИРА

Шекспировскій день“ въ Гельсингерѣ.
Постановка „Гамлета“ подъ открытымъ небомъ, между бастіонами стариннаго датскаго замка Кронборга. Лазертъ и Офелія.

Офелія — скульптура Сарры Бернаръ.

Трехсотлѣтіе со дня смерти Шекспира отпраздновано въ Даніи устройствомъ „Шекспировскаго дня“ *) въ прославленномъ перомъ Шекспира датскомъ городѣ Гельсингерѣ — мѣстѣ дѣйствія „Гамлета“. Наиболѣе интересною частью программы чествованія явился спектакль на открытомъ воздухѣ, между бастіонами стариннаго замка Кронборга, „обвѣяннаго духомъ печальнаго датскаго принца Гамлета“.

На фонѣ старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ талантливый декораторъ Карлъ Лундъ скомпоновалъ прекрасныя декорации, сливавшіяся съ окружающею естественною обстановкою въ одно гармоническое цѣлое. Средняя декорация изображала боковой фасадъ древняго дворца съ двумя башнями по бокамъ, между которыми находился небольшой помостъ, служившій верхнею сценою, гдѣ разыгрывался „Прологъ“ и нѣкоторыя сцены изъ „Гамлета“. Для другихъ сценъ, требовавшихъ болѣе обширной арены, предназначалась вторая, нижняя сцена, куда съ верхней вело нѣсколько ступеней. Влѣво отъ этой сцены осталась естественная декорация—бастіонъ съ воротами, служившими для входа и выхода нѣкоторыхъ персонажей, напримѣръ, труппы странствующихъ актеровъ. Вправо же данъ былъ Карломъ Лундомъ поэтичный уголокъ кладбища: старая могильная плита въ густой травѣ (настоящей, которую поросла вся площадь), часовня, старый корявый дубъ.

Мѣста для зрителей расположены были амфитеатромъ съ южной стороны Кронборгскаго замка, въ защитѣ отъ вѣтра, и зрителямъ стоило повернуть голову, чтобы полюбоваться дивнымъ видомъ на проливъ, островъ Вэнъ и шведскій берегъ. Мѣста на скамьяхъ амфитеатра стоили въ предварительной продажѣ по 20 кронъ; въ день спектакля по 10 кронъ; кромѣ того, позади отведено было 400 стоячихъ мѣстъ по 3 кронъ. Въ общемъ этотъ необыкновенный зрительный залъ на открытомъ воздухѣ вмѣщалъ 1.200 человекъ.

Днемъ торжественнаго представленія назначено было

*) См. очеркъ нашъ „Къ трехсотлѣтію со дня смерти Шекспира“ въ прилагаемомъ къ этому номеру выпускѣ № 9 „Литерат. Приложеній“ за сентябрь с. г.

24-е июня н. с. Репетицій, которыми руководил артистъ и режиссеръ Юганнесъ Нильсенъ, было на мѣстѣ всего шесть, изъ которыхъ двѣ были генеральными. На послѣдней генеральной присутствовала приглашенная публика: представители искусства и науки, гельсингерскіе горожане и солдаты крѣпостного гарнизона.

Погода сначала настолько не благоприятствовала репетиціямъ, что боялись, какъ бы не пришлось совѣмъ отмѣнить торжество. Генеральная репетиція однако прошла при изумительной, чисто-лѣтней, ясной и на рѣдкость тихой погодѣ, своими чарами увеличившей впечатлѣніе самаго представления.

Къ спектаклю изданы были отпечатанныя на толстой атласной бумагѣ программы, представлявшія цѣлыя тетради, въ темно-сѣрой художественной обложкѣ. На первой страницѣ помѣщена прекрасная репродукція знаменитаго портрета Шекспира, кисти Дройшута, затѣмъ стихотвореніе Софуса Михаэлиса, председателя „Общества датскихъ писателей“ и инициатора всего торжества; далѣе небольшая статья Г. Фальгенфлеча: „Королевскіе актеры въ Кронборгѣ“, съ программой праздника, составленной изъ трехъ отдѣленій: 1) „Шекспиръ“—прологъ Гельге Роде, съ музыкой Карла Нильсена; 2) рѣчь Георга Брандеса и 3) сцены изъ „Гамлета“ въ сокращеніи и постановкѣ Юганнеса Нильсена.

Въ этой же статьѣ, между прочимъ, перечислены различныя изданія „Гамлета“. Старѣйшія относятся къ 1603, 1604 и 1623 гг. Но оказывается, что драма существовала уже въ 1601 г. На датскій языкъ „Гамлетъ“ былъ переведенъ впервые ректоромъ І. Вое въ 1777 г.; въ 1807 г. вышелъ новый переводъ актера Форсома, а 12-го мая 1813 г. трагедія была въ первый разъ поставлена на сценѣ Копенгагенскаго Королевскаго

Гораціо.

театра съ переводчикомъ въ заглавной роли. Теперь же „Гамлетъ“, какъ и всѣ другія пьесы Шекспира, идетъ въ Дани въ переводѣ даровитѣйшаго поэта и общественнаго дѣятеля Эдварда Лембке.

Въ заключеніе въ статьѣ Фальгенфлеча приведенъ рядъ интересныхъ историко-бытовыхъ свѣдѣній о „городѣ Гамлета“—Гельсингерѣ, почерпнутыхъ изъ трудовъ Л. Педерсена.

Первое торжественное представленіе вышло, къ сожалѣнію, менѣе удачнымъ, нежели генеральная репетиція наканунѣ, такъ какъ сильный, порывистый вѣтеръ очень мѣшалъ и артистамъ и публикѣ. Всѣ мѣста были однако заполнены, и въ первомъ ряду амфитеатра сидѣла датская королевская чета со свитою.

Прологъ Гельге Роде имѣлъ хорошій успѣхъ, благодаря красивымъ стихамъ автора, удивительно стильной и красивой музыкѣ Карла Нильсена и художественной декламации самаго режиссера Юганнеса Нильсена въ роли „Пролога“; его великодушныя голосовыя средства позволяли ему бороться и побѣждать порывы вѣтра, часто перехватывавшаго реплики.

Наиболѣе повредила погода рѣчи Георга Брандеса, произнесенной съ обычнымъ, свойственнымъ ему, ораторскимъ мастерствомъ, но долетавшей до зрителей лишь отрывками. Впрочемъ, рѣчь была цѣликомъ напечатана въ тотъ же день въ утреннемъ номерѣ копенгагенской газеты „Politiken“, и публика наградила оратора дружными рукоплесканіями. Переводъ рѣчи помѣщенъ въ нашей статьѣ

въ „Лит. Прил.“ за сентябрь с. г.

Послѣ антракта за рѣчью Брандеса, два герольда возвѣстили изъ нишъ декоративныхъ башенъ о началѣ представленія трагедіи, созданной самимъ чествуемымъ гениемъ.

„Шекспировскій день“ въ Гельсингерѣ.
Постановка „Гамлета“ подѣ открытымъ небомъ, между бастіонами стариннаго датскаго замка Кронборга.

Розенкранцъ, Гильденштернъ и Клавдій.

создавались прекрасныя, живописныя, незабываемыя сцены: какъ всегда при представлѣніяхъ на открытомъ воздухѣ къ искусству присоединялось волшебство природы: бѣлая облака грустно, медленно скользили по небу, словно очарованныя монологомъ Гамлета, прислонившагося къ старому корявому стволу дуба, чайка съ жалобно испуганнымъ крикомъ пролетѣла надъ головой Офеліи, упавшей на ступени дворцоваго крыльца...

Въ общемъ наибольшее впечатлѣніе произвели сцены, разыгрывавшіяся цѣликомъ на среднемъ плато, ближе всего къ зрителямъ. Сцена съ могильщиками и заключительная сцена съ фехтованьемъ не оставляли желать лучшаго, эффектъ послѣдней

Было еще слишкомъ свѣтло, и потому первыя явленія не произвели должнаго впечатлѣнія. Кромѣ того, время отъ времени вновь портило дѣло вѣтеръ, уносившій въ сторону реплики артистовъ; случилось также, что человѣческія фигуры какъ-то терялись, казались слишкомъ мелкими, слабыми для данной обстановки.

Зато въ иные моменты исполнители подымались до небывалой высоты, вдохновляемые гениальнымъ произведеніемъ,

сцены усилило освѣщеніе, бывшее до тѣхъ поръ слишкомъ яркимъ и трезвымъ, тутъ же вступили въ свои права прозрачныя сумерки и свѣтъ факеловъ въ рукахъ стражей, въ строенныхъ по верху бастионной стѣны.

Повтореніе спектакля на слѣдующій день дало болѣе цѣльное впечатлѣніе. Вечеръ выдался тихій, и каждое слово знаменитой трагедіи доходило до слуха и души зрителей, а когда стемнѣло и зажглись факелы, настроеніе достигло своего апогея.

Изъ артистовъ наибольшія похвалы датской печати стяжала Офелія—фрау Бодиль Мольтке. постоянно играющая эту роль на сценѣ Копенгагенскаго Королевскаго театра. Но на высотѣ задачи оказался и остальной составъ, также изъ артистовъ этого театра и постоянныхъ исполнителей данныхъ ролей.

Привидѣніе отца Гамлета.

П. Ганзенъ.

Гертруда, Клавдій и Полоній.

Тихій патріотъ.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

I.

Гулящій русскій человекъ, по фамиліи Диденко, имѣлъ въ запасѣ много свободныхъ денегъ, болтался по разнымъ заграничнымъ мѣстамъ, засиживаясь тамъ, гдѣ понравится, и поспѣшно уѣзжая оттуда, гдѣ глаза его скучали. Собственно, онъ былъ хохоль, дѣтство провелъ въ Полтавской губерніи, въ усадьбѣ, гдѣ родители его добывали свой хлѣбъ на пятистахъ десятинахъ чернозема. Потомъ учился въ Полтавѣ, университетъ проходилъ въ Москвѣ, а въ это время, безъ него, какъ-то въ скорости одинъ за другимъ умерли родители, онъ землю отдалъ въ аренду, а самъ переѣхалъ въ Петербургъ. Аренда не дурно содержала его, нигдѣ онъ не служилъ, ничего не дѣлалъ, а все читалъ книжки, „обогащать умъ“. Въ обществѣ ему было скучно, въ театрѣ онъ зѣвалъ, женщины боялся („чтобы не женили какъ-нибудь невзначай“). Куда-то его тянуло, все подбивало выправить себѣ заграничный паспортъ, да и махнуть куда-нибудь въ Европу, но все боялся, что аренды на это не хватитъ, и онъ гдѣ-нибудь сядетъ на мель.

Но лѣтъ семь тому назадъ, когда на черноземѣ вдругъ взвинтились цѣны, онъ взялъ да и продалъ свое Полтавское достояніе, положилъ въ банкъ двѣсти тысячъ, жилъ на ренту и ужъ ничего на свѣтѣ не боялся. Тогда и заграничный паспортъ выправилъ и переѣхалъ границу.

И Европа, какъ онъ говорилъ, „засосала его“. „Здѣсь всюду дѣло дѣлаютъ, — писалъ онъ друзьямъ, — нѣтъ, кажется, ни одного человека изъ здѣшнихъ, который сидѣлъ бы безъ работы, и въ то же время нѣтъ лучшаго мѣста для бездѣльника. Все для тебя готово и все тебѣ первый сортъ. Живи, не тужи, да и все“.

Онъ жилъ и не тужилъ, и незамѣтно „достукался“ до 45-лѣтняго возраста, но былъ свѣжъ на видъ и молодъ душой, какъ человекъ, всю жизнь впитывавшій въ себя впечатлѣнія и результаты творчества другихъ, а самъ ни на что не тратившій своихъ силъ.

Война застала его въ Тривилѣ. Всполошился, хотѣлъ-было даже экстренно мчаться въ Россію, чтобы такъ или иначе принять участіе, но горѣть не больше 24 часовъ, а тамъ началъ соображать, что до Россіи теперь добраться трудно, что по 46-му году — для войны онъ не годился, а при своей лѣтнѣи и отвращеніи ко всякой дѣятельности, и для всего другого тоже. „Только мѣшать буду, лучше ужъ тутъ перетерплю“.

Изъ Тривилы пришлось бѣжать въ Парижъ, а тамъ наступили дни сраженія на Марнѣ. Сперва его занимало наблюдать страшно напряженную жизнь народа, вдругъ сплотившагося и ставшаго единымъ. Но скоро надобно. Да и обстоятельства сгущались. Онъ любилъ впечатлѣнія, но не слишкомъ острыя. Уѣхалъ на югъ. Тамъ оказалось скучно. Вся жизнь Франціи билась въ Парижѣ, который былъ въ смертельной опасности. Пробрался въ Данію, въ Норвегію, тамъ ему было противно. Всѣ торговали, всѣ старались воспользоваться несчастьемъ „большой Европы“, чтобы набить карманы. Это называлось „держать нейтралитетъ“.

Въ концѣ концовъ онъ не зналъ, куда дѣваться. Поѣхалъ въ Лондонъ, тамъ поболтался съ мѣсяцъ, но ему съ его „мирнымъ настроеніемъ“ тамъ было не по душѣ: тамъ ни о чемъ нельзя разговаривать, какъ только о войнѣ. Книжки — о войнѣ, театры — о войнѣ, даже кинематографы изображали только войну.

Тогда онъ рѣшилъ попробовать перекинуться въ Испанію, но избралъ не обычный путь, — желѣзныя дороги ему уже опротивѣли, такъ много онъ по нимъ ѣздилъ, — а на пароходѣ. Это было оригинально и опасно, но, кажется, не слишкомъ, то-есть какъ разъ то, что ему нравилось.

Онъ сѣлъ на пароходъ, сейчасъ же подвергся морской болѣзни, промучился день, но потомъ привыкъ и уже спокойно расхаживалъ по палубѣ и по всему пароходу и предавался своему единственному занятію въ жизни: наблюдалъ.

Публика была необыкновенно пестрая. Пароходъ колоссальный — даль-

На западномъ англійскомъ фронтѣ.

Главнокомандующій англійскими войсками во Франціи сэръ Дугласъ Хейгъ, французскій генералиссимусъ Жофрръ и индійскій генераль-лейтенантъ Портадъ-Сингъ.

него плаванія. Шелъ куда-то не то въ Индію, не то въ Австралію, — его это не интересовало, такъ какъ онъ никогда не помышлялъ о столь далекихъ странахъ.

Въ первомъ классѣ ѣхали почти исключительно богатые военные поставщики, былъ также одинъ англійскій генераль въ штатскомъ, съ бритымъ лицомъ, стройный, быстрый въ движеніяхъ, похожій на спортсмена. Тутъ все ему скоро приглядѣлось и стало скучно. Второй классъ былъ пестрый и красочный: много смуглыхъ и черныхъ лицъ, говорившихъ о тропическихъ странахъ; оригинальные одежды. Были люди въ военныхъ мундирахъ, съ подвязанными руками, на костыляхъ, — раненные, опущенные на поправку, инвалиды — на всѣ четыре стороны.

Но одинъ почему-то сосредоточилъ на себѣ его вниманіе. Средняго роста, коренастый, съ смуглымъ, сильно загорѣлымъ, даже какъ будто обожженнымъ солнечными лучами лицомъ, безъ бо-

На западномъ английскомъ фронтѣ. Высочайшій смотръ канадскимъ войскамъ. Канадскіе стрѣлки привѣтствуютъ короля.

роды, съ густыми, смотрящими книзу усами, съ низко остриженными густыми темными волосами, онъ былъ одѣтъ въ какую-то странную куртку изъ синяго сукна, но безъ рукавовъ, руки же были въ рукавахъ рубахи изъ бѣлаго холста, съ красной вышивкой на концахъ. Брюки изъ легкой клѣтчатой матеріи, широкія, всученныя въ высокія голенища сапогъ изъ грубой кожи. Голова же его, несмотря на іюньское тепло, была прикрыта шапкой изъ овчиннаго мѣха какого-то кофейнаго цвѣта. И вотъ эта-то шапка особенно приковала къ нему вниманіе Диденки. При этомъ лѣвая рука у него была вся заключена въ черную матерію и подвязана къ плечу, и ею онъ ничего не дѣлалъ.

Это послѣднее обстоятельство давало право считать его солдатомъ, получившимъ рану, хотя въ одеждѣ ничего не было военнаго. Но самая одежда—рубаха съ вышивкой, широкіе штаны, сапоги и въ особенности шапка,—отъ всего этого вѣяло чѣмъ-то славянскимъ и притомъ южнымъ.

На лицѣ его, широкомъ, скуластомъ, въ небольшихъ карихъ

глазахъ была печать какой-то спокойной наблюдательности. Иногда онъ развѣтывалъ стянутый толстымъ шнуромъ, набитый чѣмъ-то мѣшокъ, вынималъ оттуда кусокъ хлѣба и жевалъ его; небольшая трубочка тонкимъ концомъ выглядывала изъ верхняго кармашка куртки, часто онъ вынималъ ее, набивалъ крѣпкимъ табакомъ и курилъ, выпуская дымокъ сквозь зубы.

Все это Диденкѣ было какъ-то особенно, внутренне знакомо и близко, хотя онъ не могъ опредѣлить, гдѣ именно видѣлъ такія черты. Онъ уже разъ десять совершилъ путешествіе по всему пароходу, отъ конца до носа, и всякій разъ останавливался неподалеку отъ этого пассажира и долго смотрѣлъ на него. Наконецъ и тотъ, повидимому, не особенно живо откликнувшійся на впечатлѣнія, замѣтилъ это и началъ съ любопытствомъ взглядывать на него.

И наступилъ моментъ, когда имъ оставалось только подойти другъ къ другу и заговорить.

Ихъ Величества английскіе король и королева бесѣдуютъ съ начальникомъ англійскаго генеральнаго штаба сэромъ Вильямомъ Робертсономъ.

II.

Сдѣлать это, конечно, долженъ былъ Диденко, уже по одному тому, что тотъ сидѣлъ на своемъ законномъ мѣстѣ, а именно на ящикѣ съ какимъ-то грузомъ, а онъ былъ здѣсь пришлецъ изъ перваго класса.

Вотъ онъ и сталъ думать надъ вопросомъ, на какомъ языкѣ обратиться къ нему. Изъ славянскихъ языковъ онъ не зналъ ни одного, кромѣ своего родного. Англійскій и французскій здѣсь не казались ему подходящими, хотя ѣхали они оба изъ Англии. Больше другихъ годился итальянскій, такъ какъ многіе славяне знаютъ его, но ему самому онъ былъ мало знакомъ. Все-таки онъ остановился на немъ для первыхъ вопросовъ и, подойдя, сказалъ по-итальянски:

— Прошу извинить. Хочется мнѣ знать, какой вы національности?

Тотъ усмѣхнулся и мотнулъ головой въ знакъ того, что не понимаетъ. Диденко почувствовалъ затрудненіе и попробовалъ французскій языкъ.

Услышавъ знакомый корень „slave“, субъектъ утвердительно качалъ головой, и улыбка удовольствія появилась у него на губахъ.

— Славъ, славъ... славянинъ... руссь...

— Руссь? Вы—русскій?

— А вы, пану, тоже будете русскій?

И оба они разсмѣялись такъ пріятно кончившемуся недоразумѣнію. Диденко принялся жадно спрашивать его. Какимъ же образомъ онъ сюда забрался, почему такъ странно одѣтъ, и что это у него съ рукой?

Новый знакомый вынулъ изо рта трубочку и, перегнувъ голову черезъ бортъ, сплюнулъ въ море.

— Я родомъ, бачите, Черниговской губерніи, — сказалъ онъ, крайне неторопливо выдавая слова.

— Да я ужъ вижу, что вы хохоль, но тѣмъ это удивительнѣе.

— Та, оно видно. Нашего брата-хохла изъ тысячи видать. А забрался я... Э, далекимъ путемъ. Это, если начать разсказывать, такъ и не кончишь... Отъ, бачите — рука. Такъ это рана. Шпурнуло меня отъ шрапнеля да въ самое плечо... Сама рука — она ничего... А плечо не держитъ.

— Вы, значить, сражались? Да гдѣ же наконецъ?

— У Хранци мы сражались. Это, бачите, пану, съ Англицкой стороны мы, а на землѣ хрэнцуской... Коло Ипру, може, слыхали?

— Какъ не слыхаты! Ипръ знаю... Проѣзжалъ даже тамъ—до

войны, конечно. Но все-таки никакъ не могу понять, какъ вы туда попали...

— А такъ же вотъ: черезъ Австралію.

Диденкѣ казалось, что онъ уже изумился до крайней степени, а хохоль съ каждымъ словомъ все подсыпалъ ему новый матеріалъ для еще большаго изумленія. Вдругъ выплыла Австралія! Черниговская губернія, англійскія войска, территория Франци и ко всему этому еще Австралія. Если бы у собесѣдника-хохла не было такое простое, добродушно-серьезное лицо, безъ малѣйшей тѣни лукавства, онъ могъ бы подумать, что этотъ человекъ дурачить его.

— Да при чемъ же тутъ Австралія, скажите, пожалуйста? — спросилъ онъ.

— А какъ же при чемъ? Э, такъ вамъ, видно, треба разсказывать сначала. Это у насъ въ Черниговской сторонѣ, бачите, три года подъ рядъ хлѣба не уродило. То дождей не было, такъ высушило все, то градомъ побивало, то кузька—жукъ это такой—налетѣлъ и все пожралъ. Такое ужъ несчастье вышло. Повзжались мы, крестьяне,—прямо хоть по міру иди. А тутъ человекъ подвернулся. Богъ его знаетъ, откуда взялся. Такой себѣ вертунъ—на всѣ руки,—„помогать, говорить, вамъ пришелъ. Что вы тутъ киснете? Въ землѣ ковыряетесь, а она вамъ ничего не даетъ. Вотъ нынче, говорить, кузька, а тамъ мышъ какая придетъ и тоже все сожретъ, а вы такъ и будете сидѣть при разбитомъ корытѣ...“ И пошелъ расписывать: „есть, говорить, такая земля. Австралія называется. Тамъ англичанинъ орудуетъ, и рабочіе люди тамъ до того требуются, что за ними, прямо, какъ за господами ухаживаютъ. Работать, бачите, съ углемъ, изъ-подъ земли его откапывать, это который андрачить называется. Деньги, говорить, рабочему человеку, прямо сами въ карманъ сыплются. Десять, пятнадцать, а то и всѣ двадцать карбованцевъ на день—заработать ни почемъ“. Многіе изъ нашихъ только головами покачивали: ишь, какъ брешеть. Вѣрить не хотѣли. А мнѣ и еще другимъ ужъ такъ погано было, что, извиняйте, чорту повѣришь. „И хотя это, говорить, не близкій свѣтъ, и ѣзды туда, можетъ, день съ двѣнадцать будетъ, а только вы не беспокойтесь—перевезутъ васъ и харчу дадутъ... Ну, тамъ уже впоследствии расчесть произведутъ. И пароходъ такой стоитъ и васъ дожидается.—назвать даже мѣсто — Бриндизія городъ. А до Бриндизіи изъ Адесту тоже пароходомъ“. Думалъ я долго. Жинка у меня, бачите, и четверо дитокъ голодныхъ. Та разсуждаю: что же, если онъ, скажемъ, наполовину, а либо и на больше сбрехать, такъ

На Салоникскомъ фронтѣ. Англійскіе моряки стрѣляютъ по цеппелину.

и то добре. Посовѣтовался съ батькомъ. — Батько у меня живой, да такой же богачъ былъ, какъ и я. Батько и говоритъ: „что жъ, сыну, иди. Хуже не будетъ, а можетъ, лучше“. Я и пошелъ. И другіе двое со мной. Вместе мы...

— Ну, и что же? Оправдалось?

— Да не такъ ужъ... Не совѣтъ. Набрехать-таки много тотъ человѣкъ. Да, видно, ему безъ брехни невозможно. Везли насъ скверно. Еще отъ Адеста до Бриндизіи ничего. А тамъ—пароходъ этотъ, который ждалъ насъ, такая посудина оказалась... Весь товаромъ заваленный, а насъ заткнули въ какую-то дыру, и вѣхали мы, какъ каторжные... А все-жъ-таки добхали. Хорошая это земля — Астралія, пану. Ужъ такая хорошая, что лучше и не надо. Насъ пригнали въ городъ Сиденъ — большой городъ, у насъ такихъ и нѣту, а оттуда въ копію послали. И я вамъ скажу, пану, что — ну, брехалъ онъ, конечно, что съ него возьмешь, что пятнадцать и двадцать — это брехня; а что по пять карбованцевъ на день мы зарабатывали и по семь и даже до хвунта, — десять карбованцевъ у нихъ хвунтъ называется—и до хвунта доходило,—такъ это есть истинная правда. Работали на совѣсть, но только и не даромъ. Жинкѣ и батьку посылалъ я по двадцать карбованцевъ на мѣсяцъ, и писали, что сильно поправили хозяйство, да сколотилъ за три года восемьдесятъ хвунтовъ, это по-нашему выходить восемьсотъ карбованцевъ. Гдѣ же это у насъ рабочій человѣкъ достанетъ? И всѣ мы поправились, всѣ трое, а одинъ молодой былъ, такъ даже оженился тамъ, астралійку взялъ, — понятно, она англичанка, только тамъ родилась, — и окончательно астралійцемъ сдѣлался.

— Ну, хорошо, — давалъ реплику Диденко, — а какъ же ты сюда попалъ?

— А такъ и попалъ. Война же объявилась. Слышно стало, что нѣмецъ наше родное отечество забирать вздумалъ. Ну, оно, конечно, можно бы и отсидѣться. Гдѣ же тамъ? Астралія — не Кіевска губерня. Да, бачите, за сердце ухопило... Все-жъ-таки своя сторона ридне-сенъка. А я, бачите, солдатъ у запасъ, въ японскую войну стражался, тридцать два году мнѣ отъ роду. Вотъ и пошелъ я къ нашему консулу въ Сиденъ-городъ и говорю: „что жъ, панъ консуль, отправляйте!“ А консуль головой мотаеть. „Какъ, говоритъ, я тебя могу отправить, когда теперь по всѣмъ морямъ да океанамъ мины плаваютъ?.. А только ты, говоритъ, послужишь можешь“. — „Какъ же это?“ говорю. — „А такъ, говоритъ: по причинѣ, что какъ англикій народъ съ нами въ союзѣ и тоже противъ нѣмца идетъ, и Астралія, какъ вѣрная колонія, ему помощь оказываетъ, то разрѣшеніе отъ нашего государства есть, что русскимъ, которые военнообязанные, можно вступать въ астралійское войско“. Ну, можно, такъ можно. Я и пошелъ въ батальонъ. Одѣли меня, какъ слѣдуетъ по-ихнему, и повезли насъ на Лондонъ. Тамъ самъ царь Англикій намъ смотрѣ дѣлалъ и хвалилъ насъ, что мы такіе хорошие воины, а оттуда на Ирпъ у Хранціи послали. Ну, и дупили же мы тамъ нѣмца, у — какъ дупили его. А онъ, бачите, такой вѣдливый, какъ муха въ спасивку. Чѣмъ больше его перебьешь, тѣмъ онъ еще сильнѣе преть. И нашихъ тоже многое множество накрошено. Вотъ и меня въ плечо долбануло. Лежалъ гдѣ-то у Хранціи, а потомъ въ Англию насъ перевезли. А какъ полетше стало, на всѣ четыре стороны отпустили: хочешь въ Астралію поѣзжай, хочешь, тутъ оставайся, а хочешь — въ Россію! Пока рука дѣйствовать не начнетъ...

— Ты, значить, выбралъ Австралію?

— Ни... Я въ Россію. Своихъ повидавать. А выздоровлю, въ свое войско стану. Оно тутъ хорошо, а свое все лучше.

— Такъ вѣдь въ Россію на этомъ пароходѣ не попадешь. Онъ, кажется, въ Австралію плыветъ?

— Эге, въ Австралію. Такъ, бачите, пану, у меня въ Астраліи деньги мои остались: восемьдесятъ хвунтовъ — нетронутыхъ...

— Такъ неужели же изъ-за этого тащиться такую даль? Деньги можно выписать отсюда въ любой мѣсто. Вотъ завтра сойдемъ въ порту, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Мадридъ — и по телеграфу это можно устроить въ три дня.

— Та можно, я знаю. А только — ни! Самому оно какъ-то лучше, вѣрнѣе. Да и еще вещи у меня тамъ zostались. Пинжакъ новый купленъ и жилетка съ золотыми пуговочками, а сама красная, какъ малина. И чоботы... Такихъ чоботъ у насъ и не

Цепелинъ L. 85 надъ Салоникскимъ портомъ.
Союзническія суда, открывшія непріятеля въ небѣ лучами своихъ прожекторовъ.

бываетъ. И жинкѣ на спидницю цѣлый десятокъ метровъ матеріи — тоже такихъ у насъ нѣту, — какъ надѣнешъ, такъ до самой смерти, хоть бы и сто годовъ проносила, носить будетъ. А ужъ жилетку да чоботы, да прочее по телеграфу не выпишешь...

— Странный ты человѣкъ! Изъ-за жилетки и пиджака — въ Австралію тащиться...

— Та чего жъ? На пароходѣ меня, по случаю раны, даромъ везутъ. Такъ что жъ, мнѣ времени жалко, что ли? У Господа Бога его предостаточно. А зато ужъ вѣрно будетъ...

Со стороны кормы раздались удары гонга, призывавшіе пассажировъ перваго класса къ обѣду. Диденко простился съ холмомъ и отправился въ столовую.

III.

Когда онъ вышелъ на палубу, уже наступилъ вечеръ. Онъ нигде не пошелъ, забрался на самый край кормы и сидѣлъ въ одиночествѣ. Море было тихое, воздухъ теплый, а небо глубоко-синее, усѣянное жарко мерцающими звѣздами.

И въ этой, никогда еще не испытанной имъ, обстановкѣ, онъ почему-то чувствовалъ себя тревожно. вмѣсто упоенія звѣздной ночью — что-то похожее на угрызеніи совѣсти.

Черниговскій хохоль, онъ же австраліецъ, стоялъ передъ нимъ и будто сначала неторопливо рассказывать ему свою исторію. Удивительно, какъ это у него выходило просто. Жара стояла, градъ побилъ, кузька сожралъ, и вотъ онъ плыветъ въ Австралію. Нужда погнала его въ пятую часть свѣта. Война — онъ идетъ на войну; хотѣлъ въ Россію, попалъ въ австралійскій батальонъ. Побывалъ во Франціи, въ Англии, все это ему ни почемъ. Теперь плыветъ въ ту же пятую часть свѣта за жилеткой и пиджакомъ да за матеріей „жинкѣ на спидницю“.

Жизни большой запасъ въ немъ, живой онъ человѣкъ, вотъ что. И нужда, о — это великій возбуждатель къ работѣ, къ творчеству. Сколько великихъ дѣлъ, сколько гениальныхъ открытій было сдѣлано, благодаря нуждѣ.

Вотъ у него никогда не было нужды, ему не могли повредить ни жара палящая, ни градъ, ни кузька. И его тоже всегда манило куда-то; можетъ-быть, внутри у него заложены какія-нибудь грандіозныя силы, и, будь у него нужда, онъ совершилъ бы что-нибудь значительное.

А онъ болтался всю жизнь безъ дѣла, сперва дома, потомъ здѣсь, въ Европѣ. Какое занятіе у него было? Какую цѣль преслѣдовалъ онъ въ жизни? Никакого и никакой.

И вотъ какая получается разница: онъ, хохоль этотъ, живя за десятокъ тысячъ верстъ отъ Россіи, какъ только пришли вѣсти, что Россію хотятъ обидѣть, почувствовалъ потребность стать въ ряды ея воиновъ. За невозможностью тогда добраться на родину, онъ пошелъ въ австралийское войско, дрался на Ипрѣ, но мыслить, что дерется за Россію. Онъ патриотъ

не изъ тѣхъ, что кричатъ на всѣхъ перекресткахъ о своихъ пламенныхъ чувствахъ къ родинѣ, а настоящей — тихій патриотъ. Теперь онъ съ рукой на перевязи, а думаетъ о томъ времени, когда станетъ въ ряды русскихъ войскъ.

А что же онъ, Диденко? Онъ тоже патриотъ? Въ самомъ дѣлѣ, онъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что любить родину. Но чего стоить эта любовь... При началѣ войны онъ, было, сгоряча зашевелился, хотѣлъ вернуться домой и тамъ — ну, хоть что-нибудь дѣлать; но этотъ подъемъ душевный быстро улегся.

А въ черниговскомъ хохлѣ подъ толстой кожей сидитъ неутомимый духъ. Онъ успѣвалъ и о своей жинкѣ съ дѣтьми и о батькѣ думать и свою любовь къ родному краю ощущать.

И стало ему досадно, что онъ такой никудышный человѣкъ. И, главное, не отъ того, чтобы у него не было силъ. Нѣтъ, человѣкъ онъ способный, всегда такимъ считался, — и въ гимназін и въ университетѣ и въ жизни. А просто вотъ — не было надобности, никогда не боялся за завтрашній день, вотъ отчего. И проспалъ жизнь, — нѣтъ, вѣрнѣе, проѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ.

На Салоникскомъ фронтѣ. Обломки цеппелина L. 85, подбитаго англичанами во время его налета на Салоникскій рейдъ. Союзническіе инженеры вытащили ихъ изъ воды и отправили на берегъ для сборки изъ этого алюминиеваго скелета поверженнаго врага новаго дирижабля.

Ужъ треть-то жизни навѣрно прошла у него въ вагонѣ. А болтался-то гдѣ? Вѣдь свѣтъ великъ. Вонъ хохоль черниговскій по первому же шагу въ Австралію попалъ. А онъ: Берлинъ, Парижъ, Римъ, Мюнхень, Неаполь, Мадридъ, всюду первоклассный отель, общее для всего міра ресторанное меню, театры, музеи, улица. Какъ подумаешь, — вѣдь все это вариации на одну и ту же тему.

Сидѣлъ онъ долго, лѣнь было итти въ каюту. Но не ночь очаровательная захватила его, а просто и каюта и все остальное были ему противны. Но нужно было итти. Явилась зѣвота, сонливость, привычка въ извѣстный часъ быть въ постели, — рабство свободнаго человѣка. А въ постели были мысли. Сквозь дрему какъ будто назрѣвало какое-то рѣшеніе, но все въ туманѣ.

Утромъ, когда проснулся, въ головѣ уже стояло готовое рѣшеніе, какъ бываетъ у дѣловаго человѣка въ передней, когда проснется, выйдетъ, а его уже ждуть съ дѣлами.

Позавтракавъ, онъ отправился на вторую палубу искать хохла. Тотъ былъ на своемъ мѣстѣ, на томъ же ящикѣ съ товаромъ, разложилъ чайникъ, чашку, хлѣбъ и распивалъ утренній чай.

На Салоникскомъ фронтѣ. Обломки цеппелина L. 85, подбитаго англичанами во время его налета на Салоникскій рейдъ.

Подошелъ, поздоровался. Тотъ привѣтливо кивнулъ ему головой и, поставивъ чашку на ящикъ, протянулъ ему здоровую руку.

— Добридень, пану. Хорошо ли вамъ спалось?

— Спасибо. А я вотъ что: забылъ спросить вчера, какъ тебя зовутъ!—сказалъ Диденко.

— Степаномъ зовутъ, по батьку Онуфріевичъ, а по прозванію Крыга.

— Ну, такъ, значить, ты выходишь—Стецько?

— А Стецько и есть. Такъ звали меня и батько и матеръ и жинка, да и всѣ на селѣ Стецькомъ звали. А вотъ въ Астраліи, такъ тамъ Стефаномъ кликали. Стефанъ, это по-ихнему и есть Стецько. А вы, пану, тоже не изъ нашихъ ли хохловъ будете, что такъ прямо меня Стецькомъ окрестили?

— Ну, какъ же вѣтъ? Я изъ полтавскихъ. Тамъ, въ деревнѣ отца моего выросъ, да съ тѣхъ поръ ужъ туда и не ѣздилъ. И усадьбу продать. Фамилія моя Диденко.

— Наша хвамялія... И у насъ на селѣ есть Диденко...

— Зовутъ же Михайломъ Емельяновичемъ. А я вотъ что при-

лію я мигомъ. Что жъ мнѣ тамъ дѣлать? Захвачу, что надобно, и обратно.

Въ этотъ день вечеромъ Диденко сошелъ съ парохода на испанскую землю, а Стецько поѣхалъ въ Австралію.

Диденко жилъ въ Мадридѣ и ждалъ извѣстія отъ Стецька. Желаніе ѣхать домой превратилось у него въ нетерпѣніе, въ жажду какую-то. Стецько, Стецько! Простой землеробъ,—можетъ-быть, и грамотный, но ужъ книжки помимо букваря навѣрно и не нюхалъ, а онъ-то—гимназія, университетъ, сотни наумнѣйшихъ книгъ, ума палата... И Стецько уже проявилъ себя съ разныхъ сторонъ, а онъ—Диденко—круглый нуль; вотъ что такое его жизнь.

И наконецъ получили отъ Стецька телеграмму, справился въ конторѣ, когда приблизительно ожидается пароходъ, и дня за два до прибытія его отправился въ морской портъ. Заранѣе взялъ билетъ и—прямо на пароходъ.

Стецько былъ тутъ, веселый и довольный, что везетъ съ собою все свое добро. Съ какой дѣтской радостью онъ показы-

На Салоникскомъ рейдѣ.
У Бѣлой башни. Возстановленіе цеппелина L. 85, подбитаго англичанами во время налета на Салоникскій рейдѣ.

думалъ. Ты, когда захватишь тамъ въ Австраліи свою жилетку и будешь ворочаться обратно, чтобы въ Россію ѣхать. заѣзжай-ка сюда, вотъ въ этотъ портъ, гдѣ я сегодня сойду. Я буду жить въ Мадридѣ, это столица Испаніи, и ждать тебя. А ты, какъ будешь выѣзжать изъ Австраліи, телеграмму мнѣ пошли: выѣхалъ, молъ, на такомъ-то пароходѣ, а я ужъ тутъ узнаю, когда онъ придетъ и встрѣчу тебя. А потомъ вмѣстѣ—въ Россію. Вотъ тебѣ и адресъ для телеграммы.

— Ахъ, ты, Господи! Такъ это жъ хорошо. Вдвоемъ ѣхать въ Россію веселѣе будетъ... Отъ-какъ хорошо! Ей-ей! А въ Астра-

валь Диденкѣ свой новый австралійскій пиджакъ и жилетъ и чоботы и матерію на „спидницю“ его жинкѣ, и говорить:

— Такой добротности у насъ не бываетъ. Вы только пощупайте, Михайло Омеляновичъ!

Въ Англіи они пересѣли на другой пароходъ, который повезъ ихъ въ Христіанію, тамъ пересѣли въ поѣздъ и въ Россію поѣхали уже сухимъ путемъ.

Въ Петроградѣ Диденко безъ труда устроился при какой-то общественной работѣ, а Стецько Крыга отправился въ Черниговскую губернію.

* * *

Солнце бѣлые цвѣты
Знойнымъ свѣтомъ опалило.
Надъ столбомъ, гдѣ дремлешь ты,
Рѣзетъ свѣтлое кадило.

Легче призрачной мечты
Струйкой вьется синій ладанъ.
Гдѣ теперь витаешь ты?
Путь небесный не разгаданъ...

Боже, крошій рукой
Небеса, моря и сушу,
Со святыми упокой
Эту доблестную душу!

А. Симеонова.

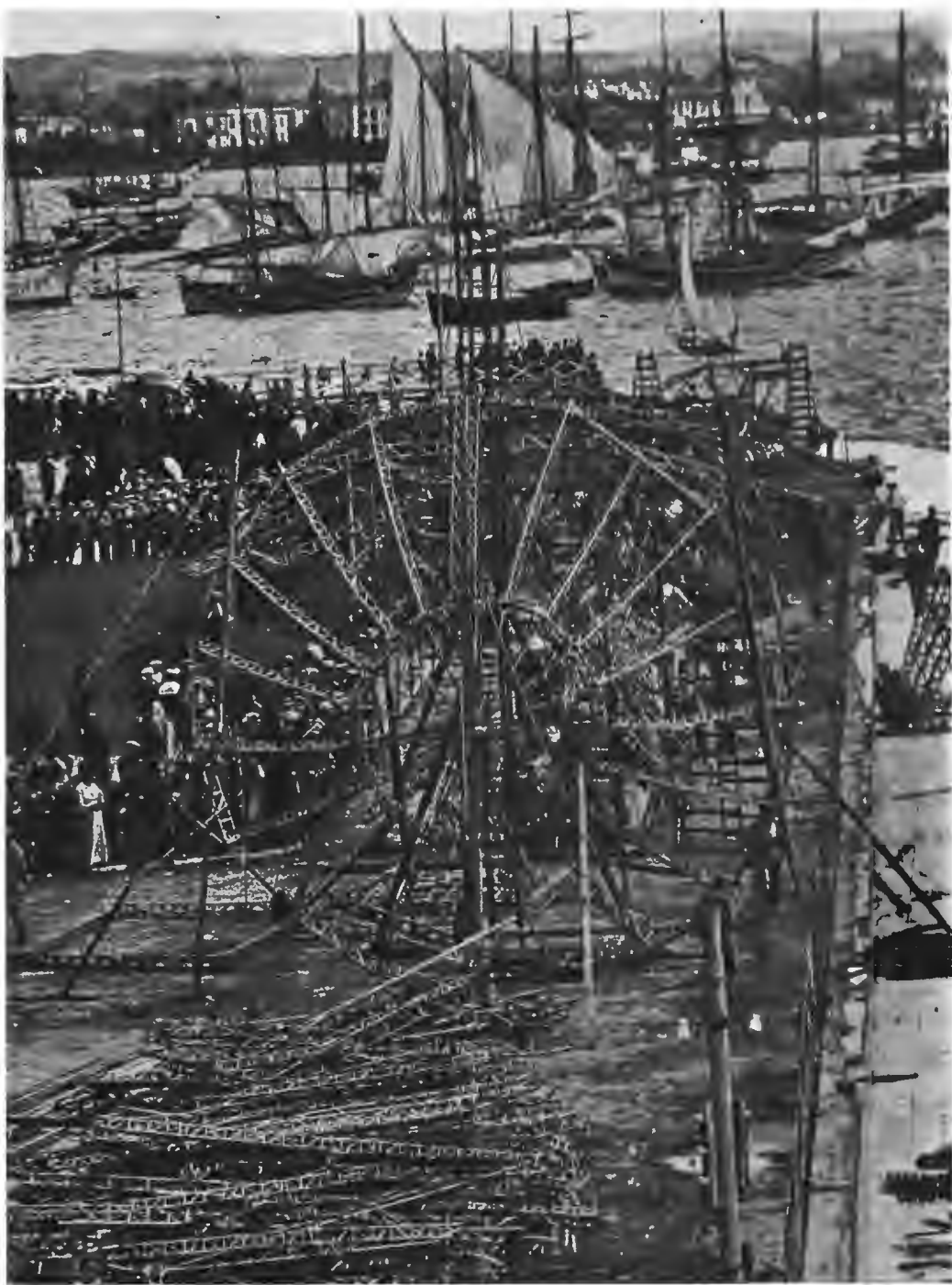
Союзники сражаются и за Америку.

Очерк З. Рагозиной.

Съ тѣхъ поръ какъ германцы своими неслыханными злодѣяніями ухитрились превратить дружелюбный нейтралитетъ Америки въ холодно-корректный, ощутительно-недружелюбный, на американскомъ горизонтѣ зловѣщимъ багровымъ сіяніемъ взошла заря чего-то чудовищнаго, непредвидѣннаго, въ чемъ непривычный глазъ, долго недоувѣрчиво присматриваясь, долженъ былъ наконецъ признать близкую возможность войны. Но только съ потопленія „Лузитаніи“ переворотъ совершился полный и всеобщій, постоянно съ тѣхъ поръ углубляя и расширяя пропасть, вмѣстѣ съ злополучнымъ судномъ поглотившую и все симпатіи къ Германіи, все еще открыты или тайно питаемыя „по старой памяти“. Никто до того не повѣрилъ бы, что черезъ какой-нибудь годъ возможно будетъ такое изліяніе чувствъ, какое получилъ авторъ очерка въ письмѣ американца-пріятели: „Мы здѣсь до неистовства желаемъ успѣха союзникамъ. Горячее желаніе, чтобы вы побѣдили въ этомъ кровавомъ состязаніи. здѣсь съ каждымъ днемъ, кажется, возрастаетъ. Германія все время становится для насъ отвратительнѣе и болѣе чуждой. Только жиня здѣсь, вы могли бы до нѣкоторой степени измѣрить, до чего мы болѣемъ душой за Англію, Францію и Россію, дабы онѣ вышли съ честью и торжествомъ изъ огненного испытанія. Мнѣ подчасъ думается, что мы не люди совѣмъ, что праздно сидимъ тутъ, въ то время, какъ ваши народы сражаются, въ сущности, и за насъ, противъ всего того, что отравляетъ, душитъ, грубо насилуетъ жизнь. Но мы шлемъ вамъ наше дружное „Впередъ! Впередъ! Мужайтесь, друзья!“, и это все же помогаетъ. Этого чудовищнаго тевтонскаго Калибана необходимо сокрушить и втоптать въ прахъ“.

Это пишетъ не пылкій юноша съ горячей французской или ирландской кровью въ жилахъ, а среднихъ лѣтъ степенный ученый, отецъ семейства, коренной англо-саксъ, поклонникъ и питомецъ германской науки, знатокъ и тонкій цѣнитель германской литературы: одинъ изъ тѣхъ благоразумныхъ патріотовъ, которые долгое время, даже еще въ первые дни вызванной гибелью „Лузитаніи“ народной бури, радовались, что у власти стоитъ на стражѣ такой мудрый, уравновѣженный правитель, какъ Вильсонъ, который сумѣетъ удержать страну отъ опасныхъ увлеченій. Тогда еще много было такихъ, которые ничего не видѣли дальше ученія Монро и завѣтовъ Вашингтона, пока изъ сонливаго самообольщенія не вырвалъ ихъ всѣмъ знакомый голосъ народнаго трибуна, возвышаемый во всѣ важные моменты жизни страны, будящій общественное сознаніе, народную совѣсть. — голосъ Рузвельта. Любимый массаами герой испано-американской войны со своей прямой и прямой указалъ, гдѣ кроется опасность, грозная и страшно близкая. — а именно въ полной неподготовленности къ весьма возможной, даже, можетъ статься, неизбежной войнѣ, притомъ не съ одной, а весьма вѣроятно, съ двухъ сторонъ.

Вашингтонъ, въ своей отеческой заботливости о посажденномъ имъ юномъ растеніи—американской независимости и свободной государственности, вѣрнѣйшую поруку его безопасности, самобытнаго развитія и преуспѣянія видѣлъ въ его отдаленности отъ остальнаго міра, и надежнѣйшимъ оплотомъ его считалъ отдѣлявшій его отъ этого міра океанъ. Онъ не могъ предвидѣть, съ

На Салоникскомъ фронтѣ. Аллюминіевый скелетъ подбитаго англичанами цеппелина L. 85. Союзническіе инженеры возстановляютъ дирижабль.

какой быстротой пойдетъ развитіе его созданія, а главное, не могъ предвидѣть міроваго владычества пара и электричества, уничтожающихъ разстоянія, и подготовленнаго ими переворота во всѣхъ міровыхъ отношеніяхъ. И потому можно только преклониться передъ мудростью совѣта, преподаннаго Вашингтономъ своей юной странѣ при уходѣ его съ политической арены, въ прощальной рѣчи передъ конгрессомъ: „Берегитесь запутывающихъ союзовъ“. („Beware of entangling alliances“). Эти три слова „отца отечества“, какъ называли американцы своего перваго президента, содержатъ цѣлое политическое завѣщаніе.

Берегись союзовъ, могущихъ „запутать“ молодую страну, во-

вечь ее въ чужіе и чуждые ей интересы и дѣла, это значить:— избѣжать вообще слишкомъ близкихъ сношеній, могущихъ привести къ осложненіямъ и вмѣшательствамъ. Странѣ нужно спокойно крѣпнуть и развиваться, пользуясь исключительно благоприятными къ тому условіями, благо черезъ Атлантическій океанъ до нея не легко добраться, а ей не зачѣмъ туда тянуться, разъ она „оторвана“. (О Тихомъ океанѣ тогда еще не помышляли). Ученіе Монро, обязывающее не позволять заморской державѣ утвердиться на американской почвѣ, логически истекало изъ мысли Вашингтона. Выведенное же отсюда заурядными умами заключеніе, будто держаться отъ остального свѣта въ сторонѣ значить быть съ нимъ въ вѣчномъ мирѣ и, стало-быть, не нуждаться въ дорого стоящемъ вооруженіи, угрожающемъ притомъ внутренней свободѣ, не свидѣтельствуеетъ о большой политической дальновидности. Однако этимъ положеніемъ больше ста лѣтъ руководилась страна, въ лицѣ своихъ избранныхъ правителей, въ своей внѣшней политикѣ и внутреннемъ управленіи, не смущаясь переворотами, принесенными этимъ столѣтіемъ въ условія жизни народовъ и въ требованія здоровой политики. На этой почвѣ особенно привольно расположились пацифисты, безумнымъ лозунгомъ которыхъ служить фраза: „миръ, какой бы ни было цѣной“.

Первымъ толчкомъ къ пробужденію американскаго народа послужила нечаянно какъ-то вспыхнувшая, краткая испано-американская война. Но достаточнымъ урокомъ она не послужила. Слишкомъ для этого она окончилась быстро и неожиданно благополучно. Она скорѣе могла утвердить въ пагубномъ заблужденіи людей, доказывающихъ, что, даже въ виду возможности войны, не нужно никакой постоянной, специально обученной арміи, никакихъ особенныхъ приготовленій: понадобится, молъ—все найдется.

Одинъ Рузвельтъ тогда уже постигъ всю необоснованность такой самоувѣренности, скрывавшей надвигающуюся опасность, и ударилъ въ набатъ. Всѣмъ народомъ любимый герой недавней войны, блестящій ораторъ, весь еще въ ореолѣ былаго президентства, онъ немедленно завладѣлъ вниманіемъ, въ которомъ отказывали другимъ, давно уже писавшимъ и говорившимъ на ту же тему не менѣе дѣльно и усердно, но съ робостью и скромностью людей, чувствующихъ себя въ безнадежномъ меньшинствѣ. То были, въ особенности, ученые военные и морскіе специалисты, болѣвшіе душой о незащищенности обоихъ океанскихъ побережій. Громче заговорили и эти дотолѣ заглушенные голоса, почувствовавъ незыблемую твердость голоса смѣлаго вождя, и въ странѣ заволновались снѣжія воды народнаго сознанія. Но долго еще не созналась бы жгучесть поднятыхъ вопросовъ, если бы не внезапно обострившіяся до угрозы отношенія съ Японіей. Когда временно пронеслась эта туча, пацифисты опять было подняли свой обычный вопль объ угрозахъ милитаризма и имперялизма, но уже не съ прежнимъ успѣхомъ.

Однако, даже когда разразилась мировая война, они, съ каждымъ днемъ все болѣе лишаясь сочувствія не только высшей интеллигенціи, но и массы, имѣли все же на своей сторонѣ правительство, еще долго держали націю въ официальномъ подчиненіи своимъ идеямъ. Но кличъ: „готовьтесь!“ трубнымъ звукомъ пронесся по всей странѣ, и президентъ долженъ былъ уступить. Враждебная ему пресса намекаетъ, что на его рѣшеніе повліяла главнымъ образомъ близость президентскихъ выборовъ, и, одобряя взятый имъ новый курсъ, какъ бы со скрытой про-

ней спрашиваетъ: „только не поздно ли будетъ?“ „Спѣшнымъ проведеніемъ въ сенатѣ (въ апрѣлѣ с.г.) закона объ усиленіи арміи до неожиданно высокой цифры (до 250000 человекъ въ случаѣ надобности) мы обязаны, — читаемъ мы въ передовой статьѣ очень вліятельнаго еженедѣльника „Collier's“, единственно инициативѣ президента. Это хорошо. Но очень ужъ поздно онъ спохватился. Онъ потерялъ цѣлый годъ. Въ дни, слѣдовавшіе за похищеніемъ „Лузитаніи“, —

всѣ Америка находилась въ томъ идеальномъ состояніи духовнаго подъема, при которомъ нація бываетъ готова на все ради самообороны. Но президентъ тогда не проявилъ инициативы, — или, вѣрнѣе, проявилъ ее въ обратномъ направленіи. Онъ, очевидно, считалъ такой подъемъ опаснымъ увлеченіемъ и не могъ отрѣшиться отъ вашингтоновской идеи — „не пугаться“ въ европейскія дѣла. Вслѣдствіе чего, — читаемъ далѣе, — настанетъ 1-е августа, вторая годовщина войны, прежде чѣмъ совершится усиленіе арміи, которое президентъ наконецъ признаетъ желательнымъ въ виду европейскіхъ „событій“.

„Неподготовленность“... Въ это слово, которымъ пестритъ каждый столбецъ, каждая страница, американцы укладываютъ всѣ свои неудовольствія на свое правительство, на свой конгрессъ и всѣ подлежащія вѣдомства. Это — камертонъ, во которому настроенъ весь оркестръ парламентскихъ преній, публичныхъ рѣчей и частныхъ разговоровъ. Понятно, что въ такой многоголосицѣ не всегда легко уловить наиболѣе существенное. Въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ національная оборона, оказывается столько ошибокъ, оплошностей, недочетокъ, недомыслий, что въ этомъ хаосѣ неприятныхъ неожиданностей трудно разобраться своему, не то что чужому. Поэтому для иностранца, интересующагося судьбами страны, въ цѣломъ столь дружественно относящейся къ правому дѣлу державы согласія, истинную находку составляетъ помѣщенная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ нью-йоркскаго журнала „Mc. Clure's Magazine“ статья, озаглавленная:

„Что, если бы намъ пришлось воевать

SACRIFICE LUXURY FOR VICTORY

A New Hat Will buy 4 Steel Helmets
A New Dress 4 Service Rifles
A Fur Coat A Machine Gun
A Diamond Tiara A Field Gun

A Bottle - Champagne 100 Cartridges
A Box - Cigars 400 do

A Lap Dog 20 Shells
A Piano 100 do
A Motor Car An Aeroplane

OLD ENGLAND FIRST SELF SECOND

Англійскій плакатъ, призывающій къ борьбѣ съ роскошью.
Жертвой роскошью для победы.

Новая шляпа	— 4 стальныхъ шлема.
Новое платье	— 4 ружья.
Мѣховое пальто	— пулеметъ.
Брильянтовая діадема	— полевое орудіе.
Бутылка шампанскаго	— 100 патроновъ.
Коробка сигаръ	— 400 патроновъ.
Комнатная собачка	— 20 гранатъ.
Рояль	— 100 гранатъ.
Автомобиль	— аэропланъ.

Правде всего Англія. Потому ты.

Владыки моря.

теперь же? В ней исчерпываются все соображения, на которые наводить такой вопрос, популятно, на основании мастерски подобранных, неоспоримых фактов, кратко, ясно, убедительно, и выводы выставлены с строжайшей логикой. В предисловии к этой статье редакция журнала говорит, что автор дает в ней „результаты многомесячных исследований и бьет холодными, неумолимыми фактами нашей почти преступной неподготовленности“.

Уже первые строки должны заставить встрепенуться заколебавшийся в рутину бытового уюта:

„Самый крупный вопрос, в настоящее время вставший перед Соединенными Штатами,—возможность войны. Раз признается эта возможность, что это будет за война? Что случится с нами здесь, в Соединенных Штатах?.. Недурно бы по этим вопросам заблаговременно заручиться кое-какими свидетельствами.“

„Что случилось бы, если бы война была объявлена теперь, сейчас?“

„Поставим вопрос ребром: предположим, что в Европе неожиданно будет заключен мирный договор, не включающий Соединенные Штаты, и мы очутимся в состоянии войны с Германией, — Германия же, осведомленная о нашей неподготовленности, решится „послать“ нас и сорвать с нас возмещение убытков, причиненных ей войной с союзниками“.

При этом следует подробный обзор флота, как главной силы страны, как оборонительной, так и наступательной. Получается впечатлительное весьма неудовлетворительное. К семи известным могучим броненосцам автор прибавляет сорок новых, которые должны по закону 1903 г. быть построены к 1919 году, и из числа которых недостает только десяти, строящихся, но еще не готовых. Морская сила несомненно почтенная, но нуждающаяся, для полной боеспособности, в полном комплекте хорошо организованных второразрядных и вспомогательных сил. Но в этом отношении дело обстоит очень плохо. — до того, что, при первом же активном выступлении, действия боевого флота были бы парализованы. Так, при наличии двадцати девяти канонерок, сорок одного построенного уже или достраивающегося минного истребителя, отапливаемых нефтью, восемью дрейфботов, использующих нефть как вспомогательную тягу, и двух, исключительно употребляющих нефть, флот имеет в своем распоряжении, для снабжения всех этих судов топливом, одно старое наливное судно и семь угольщиков, могущих везти и некоторое количество нефти. Госпитальных судов всего два, и то „приспособленные“ и, по деликатному выражению официального докладчика, „не имеющие большой цены в случае войны“. Что касается мелких судов, для установки и вылавливания мин, таковых большей частью переданы из буксирных судов и т. п. „Это все не секреты“, — предупреждает автор и ссы-

лается на пачку изданных докладов, полученных им в Вашингтон, в правительственной типографии.

„Из высоко-авторитетных источников, — пишет он далее, — я имею сведения о таких возможностях, которых с трудом решаюсь коснуться, из боязни быть обвиненным в недостатке патриотизма. Между тем, так как эти сведения основаны на подробнейшем знании положения, высший патриотизм именно обязывает, не колеблясь, раскрыть истину“.

Оказывается, что, по безусловному мнению авторитетнейших военных экспертов, „если бы на американский берег высадилось достаточное число войск, наши стратеги и не подумали бы оказать сопротивление, а сразу очистили бы неприятелю Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию, Балтимору и Вашингтон, со всем ближайшим побережьем, — отнюдь не из малодушия, а для того, чтобы не пожертвовать напрасно десятками тысяч жизней и не предать края опустошению“.

Военным ведомством рассчитано, что Германия, используя лишь половину имеющихся у нее в готовности транспортов, в пятнадцать дней могла бы высадить армию из 400.000 человек, вполне обученных и экипированных, с нужным числом лошадей, и в следующие сорок дней еще 400.000. Япония в двадцать три дня могла бы высадить 100.000 войск и в следующие сорок один день еще 150.000. Нападение на атлантический берег одно потребовало бы у американцев сразу полмиллиона войск, и еще полмиллиона в самый короткий срок, притом войск, в совершенстве обученных и экипированных. Возможно ли во-время справиться с такой задачей? На этот вопрос с сокрушающей, безнадежной ясностью отвечают официальные доклады и отчеты „Американского Общества национальной обороны“ и разных правительственных комитетов, перепечатываемые газетами.

С другой стороны, что случится, если побережье временно предоставит неприятелю?

Специалисты предсказывают, что американская армия спешившись бы окопаться и укрывшись в первой гряде гор на западе от берега. Местами эти линии спускались бы близко к морю, а именно в северной части штата Нью-Джерси, где находятся громадные пороховые заводы Дипононской компании, правительственный пороховой завод и главный склад для хранения взрывчатых веществ. Понятно, что эти места сделались бы боевыми центрами, и что этот сравнительно небольшой, но страшный богатый штат был бы опустошен вконец. Высадка недалеко от Нью-Йорка или Бостона представила бы неприятелю все удобства для набегов на все денежные центры, разбросанные вдоль берега. Ведущая на запад дороги и стратегические пункты были бы, конечно, по возможности защищены, но тут сразу представился бы вопрос капитальной важности. Население береговых городов получает пищевые и другие

продукты из центральных штатов, и стоит взорвать железнодорожные мосты и вообще прервать сообщение, чтобы умерить голодом Нью-Йорк и другие большие города.

Регулярная армия в настоящее время состоит из 103.000 человек: из них 29.000 находятся в Соединенных Штатах; 20.000 приставлены к береговой обороне, и туда потребовалось бы еще столько же, так что подвижная армия, годная для всяких активных операций и передвижений, достигает суммарной цифры 32.000 человек, тогда как главный штаб, в случае нашествия, требует на первый раз полмиллиона.

Не более утешительным представляется вопрос о вооружении. И тут по всем статьям не хватает. Осадной артиллерии и полевой крупного калибра нет: батарей немного, а у имеющих мало прислуги. Аэропланов на всю армию двадцать. И так далее, целый столбец малоутешительных цифр.

В этой мрачной картине автор все же видит кое-где светлые проблески. Так, он рассчитывает, что, если бы даже война была объявлена теперь же, ход военных событий в Европе не допустил бы нашествия раньше чем через год, — а в этом промежутке времени, если все силы страны, духовные и материальные, сосредоточить на одной задаче — национальной обо-

Британские войска в Месопотамии. Офицер пишет письмо на родину, укрывшись вуалью от насекомых, носителей заразных болезней.

роны, можно бы успеть подготовиться к отпору, быть-может, даже выставить против врага такой фронт, что он не рѣшился бы на десантъ. Но для этого, первымъ дѣломъ, миллионъ или даже больше людей должны были бы бросить дома, семьи и дѣла или работу, чтобы поселиться въ разныхъ лагеряхъ и подвергнуться упорному, непрерывному военному обученію, — а такое массовое выселеніе съ прекращеніемъ нормального хода жизни перевернуло бы весь общественный строй. Но это — въ лучшемъ случаѣ.

Вѣрнѣе всего, что, раньше или позже, десантъ совершился бы, и не одинъ. И послѣ того какъ первый миллионъ защитниковъ былъ бы убитъ или искалѣченъ, въ теченіе года-двухъ послѣдовательно было бы выставлено для отпора противъ врага еще пять — шесть миллионъ. Но дома оставалось бы девяносто слишкомъ миллионъ мирныхъ жителей. Какъ жилось бы имъ? И что было бы съ оккупированными нѣмцами землями?

На этотъ вопросъ пусть отвѣчаютъ Бельгія, Франція и Польша...

„Въ случаѣ неприятелиаго нападенія съ двухъ или даже трехъ сторонъ, — продолжаетъ авторъ свои безпощадныя соображенія, — мирное населеніе эвакуированныхъ приморскихъ штатовъ обоихъ бережій толпами хлынуло бы въ обширныя центральныя штаты, съ востока и запада защищенные широкими грядами высокихъ горъ, въ которыхъ велась бы упорная борьба. регулярная и партизанская. И пустой похвалой было бы утверждать, будто такая комбинація невозможна. Пацифисты основываютъ свои теоріи единственно на умозаключеніяхъ, военные же эксперты, доказывая, что въ настоящее время страна, можно сказать, открыта и съ востока, и съ запада, и съ юга, основываются на неоспоримыхъ, проверенныхъ фактахъ. Что всякая нація должна быть всегда готова къ борьбѣ, это такая простая логика, съ которой, казалось бы, спорить трудно. Безъ этой логики нельзя управлять страной, „и пацифисты, отвергая ее, въ сущности, тѣ же анархисты“. Но не менѣе ихъ опасны и тѣ, которые вѣчно вопятъ о войнѣ, о чести націи, и въ то же время ничего не дѣлаютъ, чтобы внушить конгрессу, правительству и самому народу убѣжденіе въ необходимости безотлагательно готовиться къ этой войнѣ. Подавай имъ войну съ Европой и съ Мексикой, а того не соображаютъ, что итти воевать, не подготовившись — не что иное, какъ самоубійство“.

„Мы обязаны со стыдомъ признать, что мы сражаться не въ состояніи, — въ другомъ мѣстѣ повторяетъ авторъ. — Между тѣмъ, если пацифисты поставятъ на своемъ, война будетъ неминуема, потому что врагу легко будетъ взять наше богатство, а можетъ быть, и нашу землю. Если же побѣдятъ „воинствующіе“, то мы опять — таки должны будемъ воевать, чтобы отстоять нашу честь и ученіе Монро. Выходитъ, что въ томъ и другомъ случаѣ воевать пришлось бы неподготовленными. Пришлось бы создавать, обучать и экипировать армию при невыслимыхъ условіяхъ, съ побѣдоноснымъ неприятелемъ на плечахъ, — при чемъ не нужно забывать, что именно въ тѣхъ приморскихъ штатахъ, которые пришлось бы предоставить врагу, находятся почти все большіе пороховые заводы и заводы, изготовляющіе всякаго рода снаряженіе, съ четырехмилліоннымъ рабочимъ населеніемъ. Что стало бы съ этими четырьмя миллионами работниковъ и ихъ семьями? Понятно, что неприятели и заводы и рабочія руки немедленно прибралъ бы къ своимъ рукамъ, и работа закипѣла бы подъ нѣмецкой палкой въ бронированномъ кулакѣ. Печальный опытъ нынѣшней войны уже многому насъ научилъ. Со стороны рабочихъ вначалѣ были бы, конечно, попытки къ сопротивленію, отдѣльными вспышками, безъ тѣни организаціи: пошли бы звѣрскія репрессіи, разстрѣляли, все, какъ полагается, и когда возстановилось бы подобіе порядка, людямъ предложили

бы хорошую плату, или же, въ случаѣ упорствованія, начались бы изысканія и казни... А тутъ голодныя жены и дѣти. И заработали бы заводы денными и ночными смѣнами — на враговъ! Конечно, въ числѣ этихъ миллионъ было бы много тысячъ нѣмцевъ, — натурализованныхъ американцевъ, двуподданныхъ выходцевъ изъ Германіи“.

При этомъ Соединенные Штаты были бы отрѣзаны блокадой отъ Европы. Первымъ дѣломъ прекратился бы вывозъ. А въ одноиъ 1915 г. Америка однихъ пищевыхъ продуктовъ продала Европѣ на миллиардъ долларовъ да на два миллиарда долларовъ другихъ товаровъ... На наши деньги теперь это — девять миллиардовъ рублей.

Съ асю свою авторъ заканчиваетъ пространнымъ, яркимъ изображеніемъ той картины, которую представила бы внутренняя жизнь страны вслѣдствіе предоставленія во власть неприятелиа цѣлой полосы приморскихъ штатовъ: развалъ промышленнаго производства, полное разстройство всей внутренней торговли, нарушение всѣхъ нормъ житейскаго обихода отъ непоимѣрнаго наплыва бѣженцевъ, военное положеніе съ неизбежными отъ него стѣсненіями и неудобствами, неправильность и затрудненіе сообщеній и передвиженій и т. д. Словомъ, опять-таки картина, хорошо знакомая намъ по сю сторону океана, и у насъ и у нашихъ союзниковъ.

Неудивительно, если наиболѣе здраво мыслящіе изъ американцевъ сознаютъ, подобно автору приведеннаго нами выше письма, что „союзные народы сражаются, въ сущности, и за нихъ“, за ихъ отечество. Они вполне сознаютъ, что, помогая союзникамъ оружіемъ, Америка, прежде всего, работаетъ для себя, отдаляетъ отъ себя нависшую грозную тучу. Теперь уже не тайна, что Вильгельмъ и его генеральный штабъ лелѣжали мечту вслѣдъ за разгромомъ европейскаго союза предпринять завоеваніе и покореніе Соединенныхъ Штатовъ, и только наша побѣда можетъ спасти Заатлантическую республику отъ немедленной катастрофы и, во всякомъ случаѣ, дать ей время и возможность подготовиться на случай все же возможнаго покушенія на ея благосостояніе и даже цѣлость въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Японская парламентская делегація, прибывшая въ Россію въ знакъ сирѣпленія дружественныхъ союзныхъ узъ Россіи съ Японіей.

1) Глава делегаціи графъ Терашима. 2) Баронъ Того. 3) Виконтъ К. Иноуэ.
4) Секретарь Верхней Палаты Міата. 5) Т. Тамима. 6) Профессоръ Кувада.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Первая операція румынъ.

Война была объявлена Румыніей Австро-Венгрии 15-го августа. Вслѣдъ затѣмъ объявили войну Румыніи Германия и Турція, а объявленіе войны Болгаріей затянулось.

Агентство Вольфа, правда, оповѣстило, что 19-го августа Болгарія объявила войну Румыніи, и болгарскія войска дѣйствительно перешли румынскую границу въ Добруджѣ, но официального объявленія войны, по крайней мѣрѣ въ первое время, со стороны Болгаріи не послѣдовало. Румынія также въ свою очередь не объявила войны Болгаріи.

Причины такого неопредѣленнаго положенія слѣдовало, повидимому, искать и въ области политической и въ области стратегической. Насколько можно было судить по нѣкоторымъ общимъ даннымъ, предстояла не столько война съ Болгаріей, сколько карательная экспедиція — въ виду того, что считалось, что болгарскій народъ мало причастенъ къ той взломно-неблагодарной роли Болгаріи, на которую ее толкнуло правительство Фердинанда. Можно было предполагать также и возможность революціи въ Болгаріи, направленной къ сверженію Фердинанда, и всѣ эти данныя обуславливали не желательность завоеванія болгарской территоріи, а подразумевали необходимость примѣрно покарать Болгарію, главнымъ образомъ ея правительство, бросившее эту славянскую страну въ объятія враговъ той страны, которой Болгарія обязана своимъ возникновеніемъ и существованіемъ.

Повидимому, эту миссію — покарать Болгарію — брали на себя русскія войска, а румынская армія предназначалась главнымъ образомъ для крупныхъ операцій на восточномъ фронтѣ совмѣстно съ нашими арміями. При такихъ условіяхъ, фактъ отсутствія официального вызова со стороны Румыніи находилъ себѣ достаточное объясненіе въ политической сторонѣ вопроса. Что же касается стратегической стороны вопроса, то, по крайней мѣрѣ въ первое время, для обѣихъ сторонъ было выгоднѣе не находиться въ состояніи войны.

Какъ извѣстно, почти вся болгарская армія была сосредоточена на македонскомъ фронтѣ противъ арміи Сарайля, и румынская граница для болгаръ являлась „тыломъ“. Правда, для обороны румынской границы болгары всегда предназначали три дивизіи: 4-ю — преславскую, 5-ю — дунайскую и 9-ю — плевненскую, при чемъ впоследствии для обороны этой границы уже предназначалась и вновь сформированная во время войны 11-я дивизія. Однако эти дивизіи во время послѣднихъ событій на македонскомъ фронтѣ были частью переведены противъ арміи Сарайля, и болгарскія силы на румынской границѣ въ общемъ были невелики.

Одно время газеты указывали на доставку сюда нѣмецкихъ, австрійскихъ и турецкихъ войскъ. Изъ турецкихъ войскъ здѣсь находилась одна дивизія, выдѣленная изъ второй еракійской арміи турокъ, а австрійцы послали сюда нѣсколько полковъ конницы и одинъ артиллерійскій полкъ. Наконецъ нѣмецкія войска послѣ неблагопріятнаго для нѣмцевъ оборота дѣлъ на нашемъ фронтѣ, а также на англо-французскомъ фронтѣ, въ районѣ Вердена и Перрона, большей частью были увезены съ Балканъ. На Балканахъ оставались лишь небольшіе отдѣльные нѣмецкіе отряды и нѣсколько полковъ конницы. Поэтому нѣмецкихъ войскъ на румыно-болгарской границѣ едва ли могло быть болѣе дивизіи.

Если даже учесть, что болгары оставили большую часть изъ своихъ четырехъ дивизій, предназначавшихся для румынскаго фронта, если учесть одну турецкую и одну нѣмецкую дивизіи, австрійскій артиллерійскій полкъ и нѣсколько полковъ конницы, то силы противника на румынской границѣ, во всякомъ случаѣ, не могли быть велики и грубо приблизительно могли быть исчислены цифрой, примѣрно, не болѣе 150 тысячъ человекъ. Этими войскамъ приходилось оборонять не только фронтъ Добруджи, но и фронтъ Дуная, т. е. вообще всю румынскую границу, занимающую весьма большое протяженіе — свыше 500 верстъ.

Если принять во вниманіе, что болгары въ то же время были отвлечены дѣйствіями въ Македоніи, и что выступленіе Румыніи, по многимъ признакамъ, было относительно неожиданнымъ для противника, то не будетъ ничего удивительнаго, что болгары въ первое время старались задержать объявленіе войны Румыніи, чтобы не осложнять положенія въ своемъ тылу.

Въ то же время и румыны, перешедшіе въ ночь на 15-е августа границу Трансильваніи, также должны были считать румыно-болгарскую границу своимъ „тыломъ“ — разъ ихъ главныя операціи направлены въ противоположную сторону. Это въ связи съ тѣми политическими данными, о которыхъ мы говорили выше, повидимому, обусловило задержку объявленія войны Румыніей Болгаріи.

При такихъ условіяхъ происходило сосредоточеніе въ Добруджѣ силъ обѣихъ сторонъ, и, примѣрно, около 20-го августа болгары перешли въ Добруджѣ румынскую границу и атаковали рядъ

Въ районѣ Дунай — Владиміръ-Волыинскій. Приваль пѣхотныхъ австрійцевъ.

пунктовъ, но всюду были отбиты. Болгарскія войска на фронтѣ Добруджи занимали линію крѣпостей Варна—Шумла—Русчукъ. Эти крѣпости образовывали собою линію, обезпеченную на лѣвомъ флангѣ Дунаемъ (Русчукъ) и на правомъ флангѣ Чернымъ моремъ (Варна). Онѣ были связаны между собою желѣзной дорогой, при чемъ отъ этой линіи крѣпостей еще отходили двѣ желѣзныя дороги въ глубь Болгаріи къ Тырнову, образующему собою узелъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій сѣверо-восточной Болгаріи, т. е. того района, гдѣ должны были развиваться крупныя операціи между болгарскими и русско-румынскими войсками.

Пока происходили вышеупомянутыя дѣйствія передовыхъ частей на фронтѣ Добруджи, на границѣ Трансильваніи разыгрались весьма значительныя событія. Румынская армія, перейдя границу Трансильваніи, вторглась въ предѣлы этой области и заняла приграничную полосу верстъ на 30 въ глубину, при чемъ эта полоса была занята почти на всемъ 600-верстномъ фронтѣ румыно-австрійской границы. Румыны заняли крупнѣйшіе города Трансильваніи—Кронштадтъ, насчитывающій до 40 тысячъ жителей, и Германштадтъ, насчитывающій до 28 тысячъ жителей. Кроме того, румыны заняли крупный промышленный пунктъ Трансильваніи—городъ Петрошени и подошли на 2 версты къ Оршовѣ—къ тѣмъ знаменитымъ „Желѣзнымъ Воротамъ“ на Дунаѣ, которыя находятся въ районѣ соприкосновенія трехъ границъ—румынской, австрійской и сербской.

Наконецъ одновременно была занята желѣзная дорога, проходящая параллельно румынской границѣ, почти на всемъ ея протяженіи. Эта дорога имѣетъ большое значеніе, такъ какъ она идетъ параллельно австрійскому фронту на румынской границѣ и, следовательно, служила для переброски и сосредоточенія австрійскихъ войскъ въ любомъ мѣстѣ австрійскаго фронта. Потерявъ эту желѣзную дорогу, австро-германо-турецкія войска, оборонявшія Трансильванію, должны были отступать въ различныхъ направленіяхъ, сохраняя весьма слабую связь между отдѣльными отступавшими колоннами.

Въ тотъ періодъ, когда происходили упомянутыя событія въ Трансильваніи, начались бои на нашемъ юго-западномъ фронтѣ. Завязались упорнѣйшіе бои на путяхъ къ Владиміру-Волынскому, затѣмъ на путяхъ къ Львову, идущихъ южнѣ Бродъ, и наконецъ на путяхъ къ Галичу. Еще южнѣ наши войска наступали къ предѣламъ Трансильваніи черезъ Лѣсныя Карпаты, отбѣсная противника съ ряда сильныхъ горныхъ позицій.

Такимъ образомъ сраженіе, которое въ теченіе первой половины лѣта происходило на фронтѣ отъ Припяти до румынской границы, превратилось въ сраженіе на фронтѣ отъ Припяти до австрійскаго Дуная у „Желѣзныхъ Воротъ“. Австрійцамъ приходилось оборонять фронтъ, увеличившійся на 600 верстъ, и достаточно вспомнить, что у противника не хватало резервовъ и для обороны одного юго-западнаго фронта, чтобы понять, въ какомъ серьезномъ положеніи оказалась Австро-Венгрія послѣ наступленія Румыніи.

Поэтому надлежало ожидать, что оборона противника будетъ вестись такимъ образомъ, что одни районы будутъ обороняться весьма упорно—за счетъ другихъ. Такими районами, которые противникъ предполагалъ оборонять весьма упорно, явились районы Ковеля, Владиміра-Волынскаго и Львова, и ради этого, повидимому, противникъ жертвовалъ Трансильваніей.

Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, появившимся въ печати, и въ Трансильваніи противникъ въ дальнѣйшемъ предполагалъ оказать сопротивленіе, для чего съ большими усилиями сосредоточилъ тамъ группу отдѣльныхъ корпусовъ изъ остатковъ разбитой арміи Пфланцера, бывшаго уже ранѣе въ Буковинѣ германскаго отряда Шульца и нѣсколькихъ турецкихъ и германскихъ дивизій. Повидимому, тамъ были сосредоточены три дивизіи германскихъ войскъ и четыре турецкія дивизіи.

Всѣ эти войска были подчинены венгерскому генералу Кевешу фонъ-Кевешхаза, извѣстному своимъ наступленіемъ совместно съ нѣмцами осенью 1915 года въ Сербію. Во главѣ же войскъ, оборонявшихъ Трансильванію, а также и войскъ балканскаго фронта долженъ былъ, по свѣдѣніямъ газетъ, стать Макензенъ. Главной квартирой войскъ противника, оборонявшихъ Трансильванію, былъ городъ Клаузенбургъ.

Гордіевъ узелъ.

(Политическое обозрѣніе).

Всему на свѣтѣ есть предѣлъ—даже долготерпѣнію дипломатовъ согласія, обнаруженному ими по отношенію къ безпредѣльному германофильству греческаго короля Константина. Простили ему и предательство по отношенію къ Сербіи съ явнымъ нарушеніемъ союзнаго договора, и сверженіе Венизелоса въ угоду нѣмецкимъ интригамъ, и пограніе гарантированной державами-покровительницами конституціи, и настойчивыя попытки чинить всякія препоны и преткновенія союзному корпусу, и отказъ въ пропускѣ сербскихъ солдатъ. Безнаказанность поощряла греческихъ правителей на все новыя и новыя выступленія въ томъ же родѣ. Вдохновляемые начальникомъ штаба генераломъ Дусманисомъ, они доходили до явнаго предательства въ пользу болгаръ и нѣмцевъ.

Въ районѣ Луцкъ—Владиміръ-Волынскій. Потокъ плѣнныхъ австрійцевъ.

По тайнымъ приказамъ вышшаго начальства греческіе гарнизоны безъ выстрѣла сдавали болгарскимъ отрядамъ арсеналы, крѣпости, склады оружія и самыя важныя стратегическіе пункты, открывая и фланги и тылъ союзнаго десантнаго корпуса. Такъ былъ сданъ фортъ Рупель, такъ были сданы и форты Кавалы. Въ началѣ распри дипломатія согласія подѣ угрозой полнаго прекращенія какого-либо подвоза питанія принудила аѣнскихъ германофиловъ пойти на нѣкоторыя уступки — замѣнить кабинетъ Гунариса кабинетомъ Скулудиса, и кабинетъ Скулудиса кабинетомъ Займиса, отказаться отъ диктаторскихъ пріемовъ правленія, назначить новые выборы народныхъ представителей и проч.

Король Константинъ покорно исполнилъ всѣ требованія союзниковъ, но оставилъ на постахъ начальника штаба и военнаго министра своихъ ближайшихъ друзей, исполняющихъ предначертанія изъ Берлина, — широкое снабженіе болгарской арміи греческими арсеналами продолжалось. Только тогда представители коалиціи приняли болѣе строгія мѣры: удалили Дусманиса, прозвавъ загражденія, направили въ гавань Пирея цѣлую флотилію грозныхъ судовъ, способныхъ разгромить столицу нѣсколькими залпами, и, посѣтивъ коллегіально короля Константина, формально предупредили его, что за дальнѣйшія прегрѣшенія противъ союзныхъ державъ и греческаго народа отвѣтственность будетъ возложена уже лично на него.

Такъ какъ передача греческой территоріи и греческихъ крѣпостей съ запасами оружія въ руки ненавистныхъ болгаръ еще болѣе неприятна самимъ грекамъ, чѣмъ враждующимъ съ болгарамъ державамъ, то весьма естественно, что болгарофильство короля Константина кромѣ внѣшнихъ затрудненій вызвало также и внутренніе беспорядки въ Греціи. Народное негодованіе выразилось прежде всего въ грандіозномъ митингѣ въ Аѣнахъ передъ домомъ Венизелоса, который въ рѣчи, сказанной съ балкона, рекомендовалъ семидесятитысячной толпѣ подать королю петицію съ просьбою смѣнить коварныхъ совѣтниковъ. Вслѣдъ за Аѣнами такія же демонстраціи повторились и во всѣхъ остальныхъ городахъ Греціи. Военные элементы отнеслись къ сдачѣ болгарамъ греческихъ крѣпостей и арсеналовъ еще рѣзче: нѣкоторые гарнизоны оказали болгарамъ сопротивленіе и были разстрѣляны изъ болгарскихъ пушекъ. Греческіе полки, расположенные въ Салоникахъ, отказавшись отъ повиновенія болгарофильствующему королю, заявили о своей готовности защищать греческую землю въ рядахъ союзной арміи подѣ командой генерала Сарайля. Такое движеніе быстро распространилось по всей странѣ и привлекло подѣ союзныя знамена множество добровольцевъ.

Въ бомбардируемомъ Верденѣ. Древній соборъ.

Въ бомбардируемомъ Верденѣ. Дворецъ епископа.

Съ тѣхъ поръ, какъ король отдѣлился отъ націи, армія отдѣлилась отъ короля. Король Константинъ въ увлеченіи родственной политикой запуталъ свои отношенія къ народу и къ державамъ согласія въ такой гордіевъ узелъ, что поневолю придется его разрубить мечомъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ : Къ 300-лѣтію смерти Шекспира. — Тихій патріотъ. Разсказъ И. И. Потаненко. — Стихотвореніе А. Симоновой. — Союзники сражаются и за Америку. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Гордіевъ узелъ. (Политическое обозрѣніе). — Объявленія. — Отклики войны.

Р И С У Н К И : „Шекспировскій день“ въ Гельсингерѣ (7 рис.). — На западномъ англійскомъ фронтѣ (3 рис.). — На Салоникскомъ фронтѣ (6 рис.). — Англійскій плакатъ, призывающій къ борьбѣ съ роскошью. — Владыки моря. — Британскія войска въ Месопотаміи. — Японская парламентская делегация въ Россіи. — Въ районѣ Луцкѣ. — Владимиръ-Волынский (2 рис.). — Въ бомбардируемомъ Верденѣ (2 рис.). — „Бобикъ“ — бѣженецъ. — Стрѣлокъ-развѣдчикъ со своимъ помощникомъ ищущей. — Друзья.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за сентябрь 1916 г. 2) „НОВЫЯ ШІЯ МОДЫ“ за сентябрь 1916 г. съ 37 рис., отдѣльный листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 98 рис. картонажнаго дѣла.

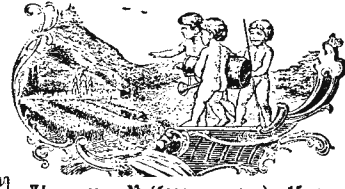

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 37

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдаётся 10-го сентября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (без прилож.)—15 к., с перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатания в «Жизни» принимаются по следующему тарифу: за строку непараллельно в один столбец (в 1/4 ширины страниц): перед текстом и на первой странице послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней странице обложки 1 р. 50 к.; на остальных страниц. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается «Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина» кн. 15. Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Садоводство, Цветоводство, Огородничество, Сельское Хозяйство и Самоучители Ремеслъ.

Мотивы изящнаго садоводства, съ 107 планами садовъ и цвѣтниковъ—75 к. Новѣйшіе планы декорат. садовъ и цвѣтн., съ рис.—20 к. Лучшіе пальмы для комнатн. культуры, съ рис.—50 к. Выносивыя цвѣтущ. густарч., съ рис.—20 к. Культура душист. фиалокъ, съ рис.—20 к. Культура легкая, съ рис.—20 к. Устройство газоновъ въ садахъ, съ рис.—20 к. Травяникъ-лѣчебникъ—60 к. Уходъ за комнатн. растениями—50 к. Разведеніе розъ, съ рис.—1 р. 50 к. и 60 к. Сельскій садъ и огородъ, съ рис.—75 к. Садоводство и огородничество—35 к. Садъ и огородъ—30 к. Какъ и гдѣ разводить плодовые сады, съ рис.—50 к. Садоводство для начинающаго, съ рис.—2 р. Садово-любителя спутникъ, въ 3-хъ томахъ, съ многоц. рис.—2 р. 50 к. Защита плодовыхъ деревьевъ, съ рис.—50 к. Жизнь-доходная виноградъ, съ черт.—25 к. Выведеніе растений изъ сѣмянъ, съ рис.—1 р. 25 к. Орошеніе садовъ, съ рис.—30 к. Руководство къ разведенію сѣмянъ, съ рис.—75 к. Русское огородничество, съ рис.—2 р. Устройство комнатныхъ парниковъ и теплицъ, съ рис.—20 к. Парники и паров. градъ

и устр. ихъ, съ рис.—1 р. Чтѣ и когда надо дѣлать въ саду и огородѣ, съ рис.—50 к. Самоучитель земледѣлія—30 к. Полеводство—30 к. Какъ увеличить свое земледѣліе—45 к. Какъ получить обильные урожаи—30 к. Скотоводческое искусство, съ рис.—1 р. Свиноводство—15 к. Какъ выбрать хорошаго лошадей и корову, съ рис.—30 к. Какъ увеличить количество кормовъ, съ рис.—30 к. Кормленіе крупнаго рогатаго скота, съ рис.—50 к. Кормовыя нормы и таблицы—50 к. Молочное хозяйство—45 к. Рациональное кормленіе и откормъ птицъ, съ рис.—30 к. Птицеводство—15 к. Скотолѣчебникъ—35 к. Полимъ скотолѣчебникъ, съ рис.—1 р. 50 к. Разведеніе животныхъ, съ рис.—35 к. Промысловое пчеловодство, съ рис.—1 р. Доходное пчеловодство, съ рис.—75 к. Пчеловодъ-любитель—25 к. Устройство улья Ладана, съ черт.—20 к. Двигатели нефтяные, керосин. и газогенераторные, съ рис.—1 р. Столярное ремесло, съ рис.—40 к. Маларное дѣло, съ рис.—1 р. Вылизываніе по дер., съ рис.—35 к. Любитель-электротехникъ, съ рис.—35 к. Устрой-

ство карманн. электр. фонарей, батарей и дешев. электр. освѣщ., съ рис.—45 к. Гальваническіе элементы сухіе и съ жидкостями—60 к. Устройство телефона и микрофона, съ рис.—15 к. Устройство волшебн. фонаря, съ рис.—20 к. Дрожженое произв., съ рис.—35 к. Зеркальное произв.—30 к. Золоченіе и серебр. съ рис.—35 к. Карсилъчикъ-практикъ—30 к. Кустари-ремесленникъ—30 к. Луженіе, паяніе и никел., съ рис.—30 к. Мхиловареніе, съ рис.—40 к. Устройство мхиловаренн. завода, съ рис.—40 к. Переплетное ремесло, съ рис.—35 к. Печное ремесло, съ рис.—1 р. Подмарка и лакировка дерев. изд.—50 к. Протравка и окраска дерева въ разн. цвѣта—50 к. Кожевенное производств., съ рис.—1 р. Выдѣлка шкуръ, съ рис.—50 к. Починка ремени. галошъ—20 к. Прохладит. ванниты и ввасы—35 к. Рыболовство, съ рис.—35 к. Сапожное ремесло, съ рис.—40 к. Слясарное ремесло, съ рис.—40 к. Токарное ремесло, съ рис.—35 к. Кондитеръ-практикъ, съ рис.—40 к. Землемеръ сельскій, съ рис.—30 к. Пивоваръ домашн.—35 к. Сельско-хозяйственныя

постройки, съ рис.—1 р. 50 к. Устройство хутора, съ рис.—1 р. 50 к. Огнестойкія постройки, съ рис.—1 р. Устройство теплаго дома изъ досокъ, съ черт.—50 к. Торфаное отопленіе, съ черт.—1 р. Кирпичное производ., съ рис.—50 к. Горное дѣло—справочная книжка—3 р. Устройство сѣялокъ, съ рис.—20 к. Устройство вѣялокъ, съ рис.—20 к. Домашнее приготвленіе наливкозъ, настоекъ—20 к. Запасы и ягодовыя въ домашнемъ хозяйствѣ—75 к. Домъ и хозяйство—поваренная книга, съ вегетарианскимъ отдѣл.—1 р. Консервированіе плодовъ и овощей—25 к. Стерилизованіе мясныхъ, рыбныхъ запасовъ—25 к. ЮРИД. КНИГИ: Юридическій справочн. для мелк. собств. земельцад.—1 р. 50 к. Какъ укрѣпить землю въ собственности—35 к. Адвокатъ деревенскій—30 к. Духовныя завѣщанія—1 р. Новый уставъ о вѣнчан. поини.—15 к. Законъ о самоубийствѣ—1 р. 50 к. Цѣны указаны безъ пересылки. За пересылку по почт. таксъ. 4284 Каталогъ бесплатно. Съ требованіями обращаться: МОСКВА, Уланскій пер., д. № 30-4, Книжный магазинъ П. К. КОМИСАРЕНКО.

Изъ собствен. мандарины 12 ф. почт. пос. сада высылкаю по всей Россіи съ окт. до декабря по 9 р. за ящикъ съ 10 ф. крупн., слад. и аромат. пл. Адресъ: Сочи, Исаиу.

Разрѣш. Киевск. БУХГАЛТЕРІИ (существуютъ учеб. окр. курсы съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій яично и посредств. переводск. зпощи дѣлн. устное преподав. Условія выс. бесплатн. А. П. Бобырь. Киев. Н. Софійск. 5.

МАРКИ иностр. равн. 100 шт.—50 к., 200 шт.—1 руб. Плата впередъ, можно почт. марками, каталогъ безпл. А. РИХТЕРЪ, Москва, Введенскій пер., 19. 4288

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗА. ОЧНО профессор мнем., Чл. Парижск. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Римел., 54/28. Практик. в Россіи уже бол. 29 л. съ больш. успѣх. (см. ЖЗ. Жизнь пр. л.). Просп. выс. за 10 к. мар.

МАШИНЫ для стрижки волосъ съ 8 гребнями—4 р. 50 к., для бороды—6 р. 50 к. Плотскія зажималы «Авиаторъ» 7 р. дюж., 6 шт.—4 р., 4 шт.—3 р., 3 шт.—2 р. 50 к., 1 шт.—1 р. И-с. Эксельсюръ, Москва, Мясницкія Ворота, Чудовскій пер., 2, кв. 5.

У Ч А Щ И М С Я

Пособія для сочиненій, разборы классиковъ. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Вяземскій, Жуковский, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григоровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. И. Новиковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ биографію, разборъ главн. произвед., темъ и планы, содержаніе ихъ, полныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разборъ произведенія. Некоторые изъ плановъ настолько обширны по содержанію, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать матеріалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различныхъ темъ. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность приобрести каждому,—позначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. за каждое. Высылаются наложеннымъ плат. Выписывающіе изъ склада А. Загрязскаго (Петроградъ, Развѣзжал, 14—А) за суму не менѣе четырехъ рублей за пересылку не платятъ. Поступила въ продажу того же автора: руководствъ въ составленіи сочиненій, для самостоятели. подготовки и для самообразов. книга: **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ**. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к. За двѣ десятикопѣечныя марки высылаются указатель учебныя пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ подстрочниковъ, словарей, программъ и др. подобныя изданія съ указаніемъ цѣны. 4290

ДЛЯ ГГ. НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ! Большой выборъ пособій и сборниковъ собственн. изданій.

ШКОЛЬНОГО ПѢНІЯ

для народныхъ училищъ. Специальн. списки и каталоги безплатно. МОСКВА, П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЪ**. Леготныя условія поднаки и **БЕЗПЛАТНО**. Адресъ: Петрогр.—«Кругъ Самообразованія». Б. Ружейная, 7—85.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердечбіеніе и одышки, невралгическія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ нигуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬИСЪ
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желает без затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, должен выписать книгу: **«Я самъ-хозяинъ»**, содержащую описание прибыльных производств, которые в настоящее время будут иметь особый успех. В ней описаны производства, не требующия капитала, особые виды и специальной подготовки. Заняться можно немедленно каждый (как мужчина, так и женщина). Цена с перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству «ЛУЧЪ», Печатников пер., 18/2.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство въ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешовыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Более 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать: Москва, изд-ству «ЛУЧЪ», Печатников пер., 18/2.

МЕТОДИКА ЖЕНСК. РУКОДѢЛ. М. А. ПОСПѢЛОВОЙ-ГАТЦУКЪ.

Начальница профессіи. учебнаго завед. и курсовъ учительницъ рукодѣлія. Третье переработанное изданіе съ 740 рис. Цѣна 3 руб. Складъ изданія: Петроградъ, Загородный пр., 28, кв. 10.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ нуждается каждый

Владѣлецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныхъ знаній.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій поступить на службу въ какую-либо контору, банкъ, крушной магазинъ и т. п., долженъ предварительно пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящаяся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное положеніе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Ознакомьтесь съ нашимъ методомъ **заочнаго обученія бухгалтеріи, коммерческой ариметики, коммерческой корреспонденціи, товаровѣдѣнія, техники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и многого иного, необходимого каждому коммерсанту, при помощи нашего изданія «АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ».**

Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 коп. Всюю корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глаздовая ул., соб. д. № 18. Собств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 65; МОСКВА, Мясницкая, 18.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕЪ СВѢТѢ АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА „ВИКТОРІЯ“

сидитъ 200 руб.
ВЯЖЕТЪ Въ одну минуту 20.000 петель, въ 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 парм.
Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Более 500 благодарственныхъ писемъ. Старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Требуйте вашъ безплатный проспектъ. Въ виду продолжающихся затрудненій при отправкѣ грузовъ изъ Англій, заказы не могутъ быть исполнены немедленно по поступленіи таковыхъ, а по очереди, по мѣрѣ ихъ поступленія. Осн. въ 1905 году
Товарищество вязальныхъ машинъ
Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11в.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши **«Механическую пропись»**. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адрес: Москва, ред. журн. «СОКОЛЬ», отд. 2. (41)

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Случевскій, К. К. СОЧИНЕНІЯ. Съ портретомъ и автографомъ автора. Изящное изданіе в 8^ю, въ 6 т. Цѣна 8 р., съ перес. 8 р. 75 к.; въ перепл. 11 р., съ перес. 11 р. 75 к.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ

Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна с перес. нал. пл. 95 к. Адрес: МОСКВА, ред. журн. «СОКОЛЬ», Печатников пер., д. 18/2.

При ГОНОРРЕЕЪ

въ острой и хронической формѣ **«ТІЗЕРИНЪ»** послѣдствій ея признается Дра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адрес: Д-ру Гороховской, Москва, Давы пер., 1/20, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА и САМОУЧИТЕЛИ.

- 1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первомъ классѣ. Чинъ или на възможнопредѣляющ. съ правомъ поступленія въ школу прапорщиковъ—5 р. 75 к., 2) Самоучители языковъ: франц.—95 к., англ.—1 р. 50 к., латинск.—1 р. 45 к., итал.—1 р. 25 к., нѣмецк.—95 к., польскаго—1 р. 20 к., исперанто—1 р. 3) Бухгалтерія для всѣхъ—руководство къ самоподготовкѣ въ бухгалтера—1 р. 55 к. 4) Шоферъ и мотоциклистъ—руководство для самоподготовки на шофера или для желающихъ поступить въ автомот. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и провизъ: Полный курсъ мыловаренія—1 р. 50 к. Изготовленіе всѣхъ рода чернилъ—1 р. 25 к. Изготовленіе бальзамовъ—1 р. 50 к. Изготовленіе вѣскъ—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производство—2 р. 25 к. Чегоданное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 80 к. Изготовл. лаковъ и красокъ—1 р. 55 к., Какъ шить и чинить самому обувь—1 р. 20 к. 6) Книга для конторщи и приказч. —65 к., 7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., кино-механика и съемщика—6 р. 95 к. Треб. адрес: Москва, В. Грязинск. 10, изд-ству Д. Куманова.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. НАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готить, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тетрадо держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убоорст. шриф. Цѣна с пер. 2 рубля. Адрес: Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стр. Цѣна (7) 3 рубля.
СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр. формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезвредить себя службу. Цѣна с пер. 1 рубль.
ТОРГОВО-промышленное законодательство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣателей и служащихъ. 443 стр. (+ VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посылк. налож. плат. на 25 к. дорожке.

ПОДРОБНЫЙ СОСТАВЪ СРЕДСТВА

Противъ головной боли, мигрени, невралгій, миасма, простудныхъ и ревматическихъ болей.

КЕФАЛДОЛЬ Д-РА СТОРЪ

состоитъ изъ прибол. 50% фенацетина, 32% салициловой и 5% лимонной кислотъ, связанныхъ съ кининомъ (4%) и натріемъ. Кефалдоль—химическое соединеніе (не смѣшеніе), получающееся отъ воздѣйствія лимон. и салици. кислотъ на фенетидинъ. Клиническими наблюденіями установлено, что Кефалдоль Сторъ даетъ болѣе быстрые результаты, чѣмъ однѣ составныя части его. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рец. вр. Опт. продажа изъ всѣхъ аптекарскихъ складовъ. Остерегайтесь поддѣлокъ и негодныхъ подражаній

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Твердыя цѣны и твердая политика.

(Вопросы внутренней жизни).

Непомѣрная дороговизна всѣхъ предметовъ потребленія и страхъ передъ еще болѣе большимъ ростомъ ея въ ближайшемъ будущемъ заставили наконецъ и правительство и общество серьезно задуматься надъ создавшимся положеніемъ вещей. Для всесторонней разработки грознаго вопроса объ обезпеченіи продовольственными запасами арміи и мирнаго населенія Россіи былъ созванъ съѣздъ уполномоченныхъ министерства земледѣлія съ участіемъ представителей земствъ, городовъ, министерства военнаго, финансовъ, торговли и промышленности и государственнаго контроля. Съѣзду предстояло разрѣшить весьма трудную и шекотливую задачу—опредѣлить тѣ нормы твердыхъ цѣнъ, по которымъ рожь, пшеница, овесъ, ячмень и другіе продукты сельскаго хозяйства могутъ сбываться на рынкѣ

безъ ущерба для сельскихъ хозяевъ; въ случаѣ же несогласія послѣднихъ продукты подлежатъ принудительному отчужденію путемъ реквизиціи. Нѣтъ ничего болѣе спорнаго, чѣмъ справедливость, особенно въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ сталкиваются противоположныя интересы. Каждый толкуетъ ее по соображенію своихъ собственныхъ выгодъ и по слабости человѣческой считаетъ справедливымъ только то, что приноситъ ему выгоду. Относительно хлѣбныхъ цѣнъ споръ интересовъ идетъ главнымъ образомъ между промышленными городами, заинтересованными въ полученіи какъ можно болѣе дешеваго хлѣба, и земледѣльческими деревнями, заинтересованными въ томъ, чтобы продать производи-

мый хлѣбъ какъ можно дороже. Нормальная экономическая жизнь страны требуетъ извѣстнаго равновѣсія между фабричною и сельскохозяйственной промышленностью и сохраненіемъ опредѣленныхъ нормъ доходности. Когда доходность земледѣлія падаетъ ниже нормы и даже превращается въ убытокъ, земледѣлецъ перестаетъ обрабатывать землю, запашки сокращаются, начинаетъ ощущаться недостатокъ продуктовъ, и цѣна на нихъ поднимается вдвѣтеро. Такимъ образомъ за убытки земледѣльца въ концѣ концовъ приходится переплачивать тому же фабричному рабочему. Приблизительно такая картина наблюдается и въ настоящее время, характерное значительнымъ недостаткомъ озимыхъ и яровыхъ полей и неполной уборкой обѣщавшаго быть блестящимъ урожаемъ. Уже само по себѣ сокращеніе посѣвной площади неоспоримо свидѣтельствуетъ о рѣзкомъ и угрожающемъ паденіи доходности сельскаго хозяйства, потому что при высокихъ доходахъ каждый хозяинъ стремится всѣми силами расширить свои операціи, а не сократить ихъ. Съ другой стороны столь же неоспорима въ то же время и нестерпимая дороговизна хлѣба въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступаетъ непосредственно въ народное потребленіе изъ булочныхъ и хлѣбопекаренъ. Такимъ образомъ получается констатированное странное явленіе: зерно отдаетъ сельскій хозяинъ чуть ли не дешевле, чѣмъ обходится его производство, и оно попадаетъ къ потребителю по цѣнѣ болѣе высокой, чѣмъ это допустимо въ интересахъ государственнаго порядка и экономической справедливости. Въ равной мѣрѣ страдаетъ и производитель и потребитель. Кто же остается въ выигрышѣ? Очевидно, посредники—хлѣботорговцы, мукомолы и пекаря.

Столь же очевидно, что при сохраненіи существующей организаціи хищническаго посредничества никакія высокія твердыя цѣны не спасутъ производителя отъ убытковъ, потому что хлѣботорговцы просто не будутъ покупать по нимъ зерно, и никакія низкія твердыя цѣны не спасутъ потребителей отъ дороговизны хлѣба, потому что онѣ не помѣшаютъ посредникамъ—хлѣботорговцамъ, мукомоламъ и пекарямъ—драть съ покупателя втридорога. Слѣдовательно для установленія нарушенныхъ нормъ экономической жизни Россіи необходимо совсѣмъ не произвольно-назначенныя „твердыя цѣны“, а правильная общественная и корпоративная организація сбыта зерновыхъ продуктовъ, нормировка посреднической прибыли, корпоративная же или общественно-государственная постановка мукомольнаго дѣла и вообще энергичныя мѣры обузданія торгово-промышленнаго хищничества, перешедшаго всѣ границы и предѣлы.

Весьма вѣроятно, что соблазнъ спекулятивнаго хищничества заразилъ и кое-кого изъ сельскихъ хозяевъ. Быть-можетъ, многіе изъ нихъ въ глубинѣ души совсѣмъ не прочь заработать хорошии кушъ и поправить свои дѣла на общенародномъ несчастіи. Но для осу-

ществленія этого желанія они должны были бы составить, по примѣру остальныхъ промышленниковъ, огромный всероссійскій синдикатъ, не позволяющій ни одному хозяину продавать зерно ниже назначенной цѣны, запастись колоссальнымъ капиталомъ, дающимъ возможность воздерживаться любое время отъ продажи, и стать полновластными господами хлѣбнаго рынка. Въ дѣйствительности такого синдиката у насъ нѣтъ и въ поминѣ, запаснаго капитала у подавляющаго большинства даже крупныхъ землевладельцевъ не хватаетъ и на уборку урожая, выжидать хорошихъ цѣнъ имъ не съ чѣмъ, а приходится часто сбывать все, по чѣмъ дадутъ, и диктаторская власть надъ рынкомъ принадлежитъ не сельскимъ хозяевамъ, а хлѣботорговцамъ.

Сверхъ того ничѣмъ не ограниченная работа спекуляціи чрезвычайно повышаетъ общую стоимость хозяйства. Цѣна хлѣба не можетъ не повыситься отъ повышенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, на удобреніе, на трудъ, и проч. и проч. Она—производная всѣхъ этихъ данныхъ, сумма всѣхъ слагаемыхъ. Попытка строго нормировать цѣну зерна при сохраненіи полной свободы спекулятивныхъ цѣнъ на все, что нужно для земледѣлія, равносильна произвольному уменьшенію суммы безъ предвѣстнаго уменьшенія слагаемыхъ. Такая мѣра болѣе чѣмъ несправедливая: она непослѣдовательна и потому нецѣлесообразна. Ни для кого не секретъ, что многія промышленныя, мануфактурныя и коммерческія предприятия даютъ въ наше тяжелое военное время несообразно высокіе дивиденды: отъ 50 до 100 и даже до 200% основнаго капитала. Спрашивается: можетъ ли земледѣлецъ, переплачивающій на всея тройныя и даже десятерныя цѣны, продавать свои продукты по прежнимъ скромнымъ цѣнамъ? Рѣшительныя мѣры борьбы съ дороговизной можно только привѣтствовать, но для того, чтобы онѣ могли дать какіе-нибудь результаты, необходимо, чтобы борьба съ дороговизной велась на всея полѣ экономической жизни страны, а не ограничивалась только одною, притомъ наименѣе доходною, отраслюю ея. Твердыя цѣны на зерно принесутъ осязаемую пользу народу и государству только тогда, когда соответственныя твердыя цѣны будутъ установлены и на муку, и на печеный хлѣбъ, и на одежду, и на обувь, и на спички, и на машины, и на желѣзо, и на каменный уголь, и на всѣ остальные предметы народнаго потребленія. Опасная для государства дороговизна исчезнетъ не раньше, чѣмъ оно пойметъ повелительную необходимость властной рукой задавить жадную спекуляцію и положить предѣлы безпредѣльному хищничеству частнаго капитала, нагло смѣющагося надъ полицейскими таксами и вынуждающаго власть и общество къ полной покорности путемъ искусственнаго снятія таксированныхъ продуктовъ съ рынка потребленія.

Русскія войска во Франціи. На стр. 622 и 623 помѣщены группы нашихъ войскъ во Франціи, землю которой они уже обогрѣли своею кровью въ бояхъ на союзномъ фронтѣ. Всюду французы встрѣчаютъ нашихъ солдатъ съ энтузіазмомъ. Особенной сердечностью отличались оваціи въ Парижѣ, 14-го юлія с. г., когда наши войска вмѣстѣ съ другими союзными войсками участвовали въ грандіозномъ военномъ парадѣ въ честь національнаго праздника Франціи. Бельгийцевъ, англичанъ, новозеландцевъ, марокканцевъ, солдатъ всѣхъ оружій, всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ частей свѣта Парижъ уже видѣлъ. Но русскіе солдаты онѣ не видѣли ни во время этой войны, ни въ теченіе ста лѣтъ до нея. Русскіхъ ждали, ихъ жаждали видѣть, ихъ прибытію предшествовали многочисленныя легенды.

Нашихъ солдатъ парижане встрѣчали цвѣтами. Клики «Vive la Russie» неумолчно неслись по всему Парижу. И въ отвѣтъ наши солдаты, выйдя на Большой Бульваръ, затановили дружную пѣсню:

Разъ, два!
Грудью подайся,
Плечомъ равняйся!
Въ ногу, ребята, идите,
Смирно, не вѣшать ружье!

Парижане заинтересовались, что поютъ наши солдаты.

«Да это пѣсня Беранже, вашего же Беранже»,—объяснили имъ. Сначала они не хотѣли вѣрить этому, но затѣмъ нашли особую красоту въ томъ, что русскіе солдаты поютъ на улицахъ Парижа пѣсню Беранже, одного изъ популярнѣйшихъ французскихъ постовъ...

Георгіевскій крестъ Вердену. Во французскихъ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что Государю Императору благоудно было выразить намѣреніе пожаловать Верденской крѣпости Георгіевскій крестъ. Газета «Matin» говоритъ:

«Мы имѣли возможность бесѣдовать со многими эвакуированными защитниками Вердена, которые, узнавъ о рѣшеніи Государя Императора, высказали намъ свою вполне понятную гордость. Они, между прочимъ, напомнили, что еще до войны былъ поднятъ вопросъ о награжденіи Вердена знаками ордена Почетнаго Легиона за геройскую оборону его въ 1870 году. Весьма вѣроятно, что нынѣ французское правительство сочтетъ своимъ долгомъ прибавить къ гербу Вердена, на ряду съ Георгіевскимъ крестомъ, и орденъ Почетнаго Легиона».

Законъ войны. Рѣдкій, трогательный, случай произошелъ недавно въ Парижѣ. Молодая дѣвушка родила ребенка. Такъ какъ отецъ новорожденнаго былъ убитъ на войнѣ, то она обратилась къ его родителямъ, съ просьбой узаконить младенца. Дѣдушка и бабушка, зная, что только война помѣшала ихъ сыну жениться на этой дѣвушкѣ, охотно дали ребенку свое имя.

Какъ англичане борются съ дороговизной. Страшное вздорожаніе продуктовъ первой необходимости въ Россіи въ послѣднее время и сравнительно незначительное повышеніе стоимости ихъ у нашихъ союзниковъ невольно возбуждаетъ вопросъ: въ чемъ же дѣло, какъ борются они съ дороговизной?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ свѣдѣнія Россійскаго Императорскаго Генеральнаго Консульства въ Лондонѣ.

Тотчасъ же по возникновеніи войны, въ цѣляхъ борьбы съ роскошью, въ Англіи всѣ предметы роскоши, возимые изъ-за границы, были обложены чрезвычайно высокими пошлинами.

Эта мѣра лишь отчасти сократила ввозъ подобныхъ предметовъ, а потому правительство Англіи рѣшило прибѣгнуть къ совершенному запрещенію ввоза въ Англію предметовъ, ввозъ которыхъ изъ-за границы не соответствуетъ интересамъ англійской промышленности.

Такъ, напримѣръ, былъ запрещенъ ввозъ автомобилей, мотоциклетокъ, частей къ нимъ, музыкальныхъ инструментовъ, граммофоновъ, пластинокъ къ нимъ, спиртныхъ напитковъ. Съ марта т. г. былъ запрещенъ ввозъ всѣхъ матеріаловъ, нужныхъ для изготовленія бумаги, бумажекъ и папочныхъ издѣлій, периодическихъ изданій, имѣющихъ болѣе 16 страницъ и пересылаемыхъ по почтѣ, табака и издѣлій изъ него, дерева для мебельныхъ работъ и проч.

Такое запрещеніе ввоза освободило массу мѣста на пароходахъ для перевозки необходимѣйшихъ продуктовъ и горючихъ матеріаловъ. Надѣются, что, въ виду усиленія доставки на англійскіе рынки предметовъ первой необходимости, предупредятъ дальнѣйшее повышеніе цѣнъ на нихъ.

Что касается все-таки наблюдаемой дороговизны жизни въ Англіи, то она объясняется значительнымъ увеличеніемъ дохода рабочихъ и предприятий, работающих на оборону. Плата такихъ рабочихъ повысилась вдвое и втрое. Даже жены ушедшихъ на войну, работающія на оборону, зарабатываютъ очень большія деньги.

Что касается привоза съѣстныхъ припасовъ въ Англію, то онъ значительно возросъ. Такъ, зерна и муки въ мартѣ с. г. было прислано почти вдвое больше, чѣмъ въ мартѣ 1915 г., какао было привезено изъ Африки почти въ семь разъ больше, сахару съ острова Кубы также въ семь разъ больше; кромѣ того, было привезено впервые изъ Америки свыше трехъ милліоновъ пудовъ сахару-рафинаду. Привозъ чаю увеличился свыше чѣмъ на милліонъ фунтовъ.

Громадное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ дороговизной въ Англіи имѣла пропаганда бережливости. Великобританское правительство удѣлило этому вопросу много времени. Имъ былъ основанъ специальный комитетъ, называвшійся «The National War Saving Committee».

Энергичная пропаганда этимъ комитетомъ ряда принциповъ, обязательныхъ для каждаго патриота въ видахъ предотвращенія экономическаго кризиса, имѣла большой успѣхъ. Такъ, напримѣръ, увѣщаніемъ не пользоваться ради собственнаго удовольствія автомобилемъ и мотоциклетомъ достигалась экономія бензина, шинъ; уговоромъ не шить новыхъ платьевъ, на изготовленіе которыхъ идетъ рабочая сила, достигалось увеличеніе лицъ, работающих на оборону и проч. На стр. 607 № 36 «Нивы» мы привели оригинальный, очень наглядный, англійскій плакатъ, призывающій къ бережливости.

Въ результатѣ всѣхъ предупредительныхъ мѣръ противъ дороговизны въ Англіи, среднимъ числомъ расходы на жизнь увеличились всего лишь на 30 процентовъ.

ХРОНОЛОГИЯ ВОЙНЫ.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ МЕСЯЦЪ

(См. № 25 «Нивы» 1916 г.).

Май.

- 15-го. Наступление нѣмцевъ у оз. Даленъ остановлено нашимъ огнемъ.
16-го. Отбито наступление нѣмцевъ у оз. Дрисвяты. Наша подводная лодка потопила большой турецкій бригъ въ Черномъ морѣ.
17-го. Наши самолеты бомбардировали нѣмецкую электрическую станцію въ м. Комай (у оз. Нарочь).
18-го. Отбита попытка нѣмцевъ перейти въ наступление сѣв.-восточнѣе Августингофа. Морской бой въ Скагерракѣ между германскимъ и англійскимъ флотами. Нѣмцы бѣжали отъ преслѣдованія англійскаго флота.
19-го. Усиленная воздушная развѣдка неприятеля къ югу отъ Двины.
20-го. Налетъ нашихъ воздушныхъ эскадръ на м. Сола и ст. Маневичи.
21-го. Нѣмцы отброшены южнѣе ст. Ней-Зельбургъ.
22-го. Началось наше наступление въ районѣ отъ Припяти до румынской границы. Взято 13.000 плѣнныхъ.
23-го. Неудачныя попытки нѣмцевъ наступать у Криво.
24-го, 25-го и 26-го. Наше наступление въ Галиціи и Буковинѣ развивается. Арміями генерала Брусилова взято въ плѣнъ свыше 40.000 нижнихъ чиновъ и много оружія, снарядовъ и припасовъ.
27-го. Наши войска заняли г. Луцкъ. Въ Галиціи взяты укрѣпленія на фронтѣ Тржибуховце—Язловець. Съ начала наступленія уже взято 1.143 офицера и болѣе 64.000 нижнихъ чиновъ.
28-го. Нами перейдена р. Стрыпа. Количество плѣнныхъ увеличивается.
29-го. Наши войска вступили въ г. Бучачъ. Наступление успѣшно продолжается.
30-го. Занятъ городъ и фортъ Дубно. Неприятель сброшенъ въ р. Стрыпу.
31-го. Число плѣнныхъ, захваченныхъ арміями генерала Брусилова, возросло до 1.700 офицеровъ и 113.000 нижнихъ чиновъ.

Іюнь.

- 1-го. Наши войска подошли къ Стоходу, заняли Турчинъ, овладѣли многими укрѣпленными пунктами, перейдя Днѣстръ. Въ Балтійскомъ морѣ наши миноносцы атаковали неприятельскіе пароходы, шедшіе съ охраной, утопили два охранныхъ судна и вспомогательный крейсеръ.
2-го. Занятъ г. Снятынъ. Число плѣнныхъ австро-германцевъ возросло до 120.000 нижнихъ чиновъ.
3-го. Число плѣнныхъ превысило 150.000 нижнихъ чиновъ.
4-го. Нами взяты Ростокинскій лѣсъ (южнѣе Почаева). Вновь взято около 100 офицеровъ и 14.000 нижнихъ чиновъ.
5-го. Нами занята Почаевская Лавра.
6-го. Войсками генерала Лечицкаго заняты г. Черновицы.
7-го. Перейдя Прутъ, наши войска стремительно продвинулись къ р. Серета.
8-го. Наступление подосѣвшихъ германскихъ частей на путяхъ къ Владиміру-Вольнскому отбито нашимъ огнемъ.
9-го. Наши войска, преслѣдуя неприятеля, перешли рѣку Серетъ.
10-го. Въ районѣ къ западу отъ Сокуля на Стыри наступление германцевъ отражено нашей контръ-атакой. Нами занятъ г. Радауць.
11-го. Наше наступление въ Буковинѣ продолжается. Заняты селенія Гура, Гумора, Стража, Вяшиницъ. Противникъ отходитъ за Карпаты.
12-го. Нами занятъ г. Куты.
13-го. Занятъ г. Кимполунгъ, что отдало въ наши руки всю Буковину.
14-го. Атаки германцевъ на Стоходѣ отбиты. Мы подошли къ горнымъ породамъ на путяхъ въ Трансильванію.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ МЕСЯЦЪ.

- 15-го. На черновицкомъ направленіи наши войска отбѣснели неприятеля за р. Дубовець. Удачный бой нашихъ гидроплановъ съ германскими въ Ирбенскомъ проливѣ.
16-го. Попытки неприятеля наступать юго-восточнѣе Риги и на Стоходѣ отбиты нашимъ огнемъ съ большими потерями для неприятеля.
17-го. Войска генерала Лечицкаго нанесли неприятелю сильный удар между Днѣстромъ и Прутомъ, взявъ три линіи окоповъ. Взято свыше 10.000 нижнихъ чиновъ. (Съ 22-го мая—до 205.000 плѣнныхъ).
18-го. Занятъ г. Коломыя.
19-го. Заняты многие пункты къ сѣверу отъ г. Коломыя. Общее число плѣнныхъ достигло 217.000.
20-го. Войска генерала Лечицкаго взяли позиціи противника западнѣе г. Коломыя.
21-го. Крейсеръ «Гебенъ» обстрѣлялъ Туапсе, а «Бреслау» Сочи.
22-го. Въ барановичскомъ направленіи южнѣе Цырина нами прорваны двѣ линіи неприятельскихъ укрѣпленій.
23-го. На Стыри западнѣе Колки наши войска опрокинули неприятеля, взяла свыше 5.000 плѣнныхъ.
24-го. Наступление въ Полѣсьѣ продолжается.
25-го. Въ районѣ Галузія—Онтово—Волчецькѣ наши войска овладѣли укрѣпленными позиціями неприятеля. Захвачено много плѣнныхъ.
26-го. Наше наступление развивается. Мы овладѣли укрѣпленной позиціей сѣвернѣе Сокуля, а въ районѣ нижней Стыри вышли на линію Городокъ—Маневичи—Загоровка—Грузятинъ.
27-го. Войска генерала Лечицкаго заняли въ Галиціи узловыя пункты—Делатинъ. Въ Черномъ морѣ неприятельской подводной лодкой потоплено наше госпитальное судно «Впередъ».
28-го. Наши войска продолжали съ боемъ переходить Стоходѣ.

29-го. Сѣверо-западнѣе Кимполунга нами отброшены большія силы неприятеля.

30-го. Артиллерійскій бой на Стоходѣ.

Іюль.

- 1-го. Западнѣе нижней Стрыпы упорные бои. Продолжается успѣшное наступление нашихъ войскъ къ западу отъ Мамахатуна.
2-го. Яростныя контръ-атаки неприятеля западнѣе Стрыпы. Неудачное наступление неприятеля на Стоходѣ (у д. Зарѣчья). Неприятель отброшенъ въ свои окопы.
3-го. Кавказскія войска ворвались въ г. Байбуртъ.
4-го. Западнѣе Кеммерна (рижскій районъ) наши войска продвинулись впередъ. Удачные для насъ бои на Вольни (Островъ—Губинъ).
5-го. На Вольни войска генерала Сахарова у Свинохи сломали сопротивление неприятеля, взявъ въ плѣнъ около 13.000 нижнихъ чиновъ, 317 офицеровъ и 30 орудій.
6-го. Лѣвый берегъ Нижней Липы очищенъ отъ неприятеля. Въ Брестѣ (Франція) высадился новый отрядъ русскихъ войскъ.
7-го. Правый флангъ кавказской арміи продвинулся западнѣе Байбурта, взявъ плѣнныхъ и орудія.
8-го. На Двинѣ и на Вольни огневой бой.
9-го. Новый нашъ успѣхъ въ районѣ Стыри: мы овладѣли переправами, взявъ много плѣнныхъ.
10-го. На пути изъ Делатинъ въ Мармарошъ-Сигетъ нами взяты высоты. Сѣверо-восточнѣе Сморгони захвачена часть неприятельскихъ позицій.
11-го. На рижскомъ фронтѣ артиллерійскій бой.
12-го. Занятъ съ боя г. Эрзинджанъ.
13-го. Наступление противника къ западу отъ Кимполунга отброшено.
14-го. Въ районѣ р. Слоновки мы продолжали тѣснить отступающаго неприятеля, захвативъ плѣнныхъ, орудія и припасы.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ МЕСЯЦЪ.

- 15-го и 16-го. Къ западу отъ г. Луцка наши войска прорвали весь фронтъ противника. Занятъ г. Броды.
17-го. Армія генерала Брусилова, перейдя въ наступление, отбросила противника по всему фронту отъ желѣзной дороги Ковель—Рожиче до района г. Броды.
18-го. Воздушный бой у Двинска. Наши аэропланы отогнали врага. На ковельскомъ направленіи мы еще продвинулись впередъ.
19-го. На ковельскомъ направленіи упорные бои. На бродскомъ направленіи мы достигли р. Граберки и Серета, преслѣдуя неприятеля.
20-го. Кавказскія войска продвинулись къ западу отъ Эрзинджана.
21-го и 22-го. Упорные бои на Стоходѣ.
23-го. Въ районѣ Любешова на Стоходѣ наши войска заняли высоты на лѣвомъ берегу. Ожесточенный и удачный для насъ бой у деревни Рудка-Миринская.
24-го. Успѣшные для насъ бои на р. р. Граберкѣ и Серетѣ.
25-го и 26-го. Продолжаются бои въ районѣ р. р. Граберки и Серета, гдѣ мы овладѣли сильно укрѣпленной позиціей противника (Звыжизнъ, Тростянецъ и Рениувъ).
27-го. Къ югу отъ Днѣстра, въ направленіи на Тысменицу, противникъ отброшенъ по всему фронту. Мы заняли г. Тлумачъ.
28-го. Наши успѣхи на р. Коронецъ. Занятъ г. Тысменица.
29-го. Наши войска подошли къ устью р. Золотой Липы. Въ районѣ Тысменицы заняты нами правый берегъ р. Быстрицы. Воздушный бой въ Балтійскомъ морѣ между нашими и германскими аэропланами.
30-го. Паль весь участок основной зимней неприятельской позиціи передъ Тарнополемъ и Бучачемъ. Нами занятъ г. Станиславовъ и Монастержискъ.
31-го. Успѣшное продвиженіе нашихъ войскъ въ бучачскомъ направленіи.

Августъ.

- 1-го. Войска генерала Щербачева, продвигаясь впередъ, захватили г. Езерну. На Днѣстрѣ нами взяты города Подгайцы и Маріамполь.
2-го. Продолжалось преслѣдованіе противника въ районѣ средней Стрыпы, Серета и Золотой Липы.
3-го. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ мы заняли Яблоніу.
4-го. Нашими войсками захваченъ рядъ высотъ на р. Прутѣ.
5-го. На фронтѣ артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Мѣстами неудачныя контръ-атаки противника.
6-го. Удачный налетъ нашихъ гидроплановъ на неприятельскую авіостанцію у оз. Ангернъ (Балтійское море).
7-го. Мы продвинулись впередъ у оз. Нобель и на Стоходѣ.
8-го. Успѣшный для насъ горячій бой у дер. Тоболы.
9-го. Наше продвиженіе въ районѣ Стохода.
10-го. Мы овладѣли значительной территоріей противника къ западу отъ Васкаго озера. У Кала-Пасова противникъ отброшенъ далеко къ западу.
11-го. Мы овладѣли двумя высотами на истокахъ р. Прута, на границѣ Венгріи.
12-го. На моссульскомъ направленіи наши войска разгромили у с. Раята 4-ю турецкую дивизию. Два полка взяты въ плѣнъ. Занятъ г. Мушъ.
13-го. На ковельскомъ направленіи отбита попытка неприятеля перейти въ наступление (у дер. Велицькѣ).
14-го. Въ Карпатахъ наши передовыя части достигли верховья р. Быстрицы. Въ Салонки прибыли русскія войска.
15-го. Румынія объявила войну Австро-Венгріи. Италия объявила войну Германіи.

ЖЖВА

№ 37. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя специальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдапъ 10 сентября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Равносильно смерти.

Разсказъ Ивана Островного.

I.

Р—скій пѣхотный полкъ съ давнихъ поръ стоялъ въ небольшомъ городѣ, населенномъ русскими, хохлами, поляками и евреями. Мѣстные остряки говорили, что у нихъ въ городѣ „двунадесять языкъ“.

Городъ стоялъ при желѣзной дорогѣ и велъ бойкую торговлю продуктами края, которые свозились туда изъ обширнаго района и направлялись въ Киевъ, Вильну, Варшаву, а, можетъ-быть, попадали и за границу.

Полкъ совершенно сжился съ городомъ, и городскіе жители тоже не могли представить себя безъ него. Многие изъ офицеровъ женились на мѣстныхъ гражданкахъ и такимъ образомъ породнились съ половиной города.

Вечера въ офицерскомъ собраніи посѣщались всѣмъ городскимъ обществомъ, и эти собранія были самымъ милымъ и привлекательнымъ мѣстомъ въ городѣ,—тамъ была большая зала, гдѣ можно было танцевать до утра, подъ звуки полкового оркестра, въ залѣ была эстрада, на которой появлялись доморощенные чтецы, пѣвицы, піанистки и даже скрипачи, а иногда устраивалась импровизированная сцена для любительскихъ представлений.

Само собой разумѣется, что былъ и буфетъ, въ которомъ можно было недурно поѣсть и выпить. И все это, съ разрѣшенія командира и по приглашенію офицеровъ, было доступно въ извѣстныхъ предѣлахъ городскимъ кавалерамъ и дамамъ.

Но было при собраніи и нѣчто заповѣдное для городской публики, это—полковая библіотека, которая находилась въ вѣдѣніи поручика Подпружнаго. Раньше, до его вступленія въ должность библіотекаря, полковыя книги были въ полномъ небреженіи. Бралъ ихъ, кто хотѣлъ, и дѣлалъ съ ними, что хотѣлъ. Приходила фантазія возвратитъ—возвращали, а нѣтъ, такъ книга валялась въ квартирѣ, пока не попадала къ денщику, который, конечно, находилъ ея листы чрезвычайно пригодными для скручиванія цыгарки.

Такая ужъ странная природа у книги, что человекъ никакъ не научится считать ее вещью, и офицеры, съ щепетильной строгостью относившіеся къ казенному имуществу, какъ сапоги, фуражки, даже пуговицы, книгѣ не оказывали такого вниманія.

Поручикъ Подпружный, сдѣлавшись библіотекаремъ года четыре тому назадъ и провѣривъ библіотечныя шкапы и полки, пришелъ въ ужасъ. Все было разрознено, кажется, ни одного автора не было въ цѣльномъ видѣ, не хватало по нѣскольку томовъ, а были и такіе злосчастные писатели, которые и совсѣмъ исчезли.

А поручикъ былъ страстный любитель книгъ. Читалъ-то онъ не Богъ знаетъ какъ много, но читалъ книгу—всякую, независимо даже отъ ея содержанія, просто потому, что она книга.

— Книга, братъ ты мой, это есть человекъ въ лучшія минуты его жизни,—говорилъ поручикъ, имѣвшій большую склонность къ философскимъ сентенціямъ.

И онъ засѣлъ за книги, рассортировалъ ихъ, привелъ въ порядокъ, записалъ, а потомъ потребовалъ отъ начальства сумму на пополненіе, и вотъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, у

Могила героя. Мѣсто мученической казни и могила стрѣлка 8-го сибирскаго полка Кипріяна Сиваго. Бѣжавъ изъ австрійскаго плѣна, онъ добрался до роднаго села Борятина, близъ Луцка, занятаго австрійцами, поселился въ сосѣдней колоніи Чешскій Борятинъ, у вдовы киевскаго профессора Горличко, у которой служилъ до войны. Войдя въ дружбу съ австрійцами, онъ собралъ много свѣдѣній о неприятелѣ, но, по доносу двухъ чеховъ-односельчанъ, былъ схваченъ австрійцами и казненъ 22-го декабря 1915 г. Послѣднія слова Кипріяна Сиваго были: «Здѣсь была русская земля и будетъ. Дай Богъ нашимъ храбрымъ войскамъ побѣды!» Въ центрѣ снимка—мать и братъ К. Сиваго. По сторонамъ—г-жа Горличко съ дочерью.

полка оказалась весьма недурная библиотека, в которой поручик Подпружный проводил все свободные от службы часы своей жизни.

Нельзя сказать, чтобы он и теперь особенно предавался чтению, но все же с каждой книгой и с каждым автором у него было довольно близкое знакомство. Он умел, перелистывая книгу и пробегая несколько строк на каждой странице, схватывать ее смысл. И он знал, о чем в каждой книге говорится, и, главное, сколько у какого автора томов. И все эти томы и томики аккуратно были разложены на полках и в шкалах. Поручик Подпружный здесь царил.

И когда товарищи, удивляясь тому, что человек, будучи молодым (поручику было всего 32 года) и не семейным, вместо того, чтобы безопасно проводить время, как они, просиживал целые вечера среди скучных полков, уставленных книгами, спрашивали его об этом, — он, усмехаясь себе в усы, говорил:

— Да ведь, брат ты мой, я там только поручик, а здесь я генерал. Понимаешь? Вот оно мне и лестно. Вот приди-ка ты и захоти отыскать какую-нибудь книжку, ведь ты без меня будешь, как в лесу...

И так как он был человек военный от головы до пяток, то ему было досадно, что военный отдел его библиотеки находится в таком небрежении. Ну, право же, это доходило до смѣшного. За четыре года его библиотекарства оттуда было истребовано, может-быть, два десятка названий. Командир — ну, он, конечно, все это знал, а, кроме того, у него была своя порядочная библиотека, но господа офицеры — ни-ни.

И, когда он пересматривал алфавитные страницы, где были записи взятых для чтения книг, то с особенным негодованием останавливался на двух страницах, в заголовках которых стояли имена его закадычных друзей — поручика Маурова и штабс-капитана Усенки. У других были хоть какие-нибудь записи, правда, большей частью ни с которой стороны не относившиеся к военному искусству, но уж все равно, пусть даже романы и стихи, а у этих двух — ничего. Совершенно чистые, дѣвственные страницы.

— Послушайте, вы, всяки, — укоризненно говорил им Подпружный, — да неужели же вы не хотите хоть в постели, перед сном, поддержать перед глазами книжку, ну, хоть так, для формы? Все же, может-быть, какая-нибудь мыслишка нечаянно в голову забредет.

Къ наступлению нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Партія плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ.

Но самая главная реформа, введенная поручиком Подпружным, заключалась в том, что он завел неумолимые записи: у каждого офицера по алфавиту была своя страница, куда записывались все взятые им на дом книги, и уж поручик умел выпарывать их обратно: прямо за горло брал, по пятам ходил, жить не давал, и добился того, что на книгу стали смотреть, как на нечто, подлежащее возврату.

Бѣда была только в том, что господа офицеры ничего не хотели читать, а книгами пользовались главным образом их жены, ну, и понятно, растрепаны и замуслены были романы, а книги по разным военным вопросам, ради которых собственно и была заведена библиотека, стояли на своих мѣстах чистенькие и совѣм новенькие.

И какія книги! Русскія, французскія, немецкія, знаменитыхъ авторовъ, участниковъ Наполеоновскихъ и другихъ войнъ. Сотни томовъ въ прекрасныхъ переплеткахъ; многие были поднесены полку в даръ прежними его командирами при переходѣ их на высшія должности или присланы высшимъ начальствомъ въ юбилейные дни полка.

И стояли они незбылемо на своихъ мѣстахъ съ такимъ видомъ, какъ будто единственной ихъ обязанностью было украшение библиотечныхъ шкафовъ. Никто никогда къ нимъ не прикасался, хотя поручик Подпружный тщательно и на первомъ мѣстѣ каталога выписалъ ихъ, отвѣдя для нихъ особый почетный отдѣлъ. Самъ онъ ихъ, разумеется, не читалъ, — гдѣ ему! — особенно тѣ, что были написаны на иностранныхъ языкахъ, которыхъ онъ не зналъ. Но это не мѣшало ему быть знакомымъ и состоять въ наилучшихъ отношеніяхъ со всеми военными авторами и ихъ книгами. Онъ наизусть зналъ, сколько у кого томовъ и какія у нихъ названія, о чемъ трактуетъ такой-то томъ и о чемъ другая. Получая военные журналы и пробѣгая ихъ, онъ слѣдилъ за выходомъ новыхъ книгъ и сейчасъ же надѣдалъ командиру, испрашивая деньги для выписки.

— Да я и безъ книги хорошо сплю, — отвѣчалъ легкомысленный поручикъ Мауровъ, — какъ легъ въ постель, такъ въ ту же минуту и захрапѣлъ.

А Усенко ограничился тѣмъ, что махнулъ рукою на него, — дескать, вотъ еще присталъ съ пустяками.

— Да ты хоть бы басни Крылова прочиталъ! — дразнилъ его Подпружный. — Вѣдь навѣрно ничего изъ нихъ не помнишь...

Надо однако сказать, что у Маурова и Усенки дѣйствительно не оставалось времени на книгу. Оба были превосходные службисты и цѣлые дни занимались ввѣренными имъ частями. Командиръ не могъ нахвалиться ими и считалъ ихъ въ этомъ отношеніи лучшими офицерами.

А когда наступалъ вечеръ, Мауровъ, живой, подвижной, легкій, изысканный, весь пышущій веселостью, предавался развлечениямъ — и не для себя только, о, нѣтъ, а главнымъ образомъ для общества. Это вѣдь онъ организовывалъ вечера, концерты, спектакли, дѣтскія утра, и притомъ такъ, что все обязательно кончалось танцами, продолжавшимися до безконечности.

Онъ же былъ и главный исполнитель — читалъ стихи, пѣлъ куплеты, игралъ роли рѣшительно всѣхъ амшуа, дирижировалъ танцами и напропалую ухаживалъ за всеми дамами, не дѣлая ни одной изъ нихъ предпочтенія.

Усенко, тотъ былъ по другой части: любилъ выпить, но какъ-то по своему, по-особенному: являлся въ собраніе, садился за „своимъ столикомъ“, на которомъ уже стоялъ „его коньякъ“, наливалъ въ маленькую рюмочку и сосалъ миниатюрными дозами, а попутно болталъ со всеми, кто присаживался къ нему или даже проходилъ мимо. Никогда не былъ пьянъ, но любилъ слегка приподнятое настроеніе, когда исчезаетъ скучная, однообразная будничность и все кругомъ пріобрѣтаетъ праздничный видъ.

Оба были холостяки, одинъ — Мауровъ — потому, что любилъ всѣхъ женщинъ, а другой — Усенко — потому, что совѣмъ не лю-

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Наши трофеи. 15 австрійскихъ орудій.

билъ ихъ. Третьимъ холостякомъ въ полку (за исключеніемъ, разумѣется, зеленой молодежи, только-что выпущенной изъ школъ) былъ поручикъ Подпружный, и всѣ трое были пріатели, отчасти по общему всѣмъ имъ отсутствію семейныхъ склонностей, но еще больше, должно-быть, потому, что обладали столь различными вкусами и способностями.

II.

Какъ-то разъ въ городъ пріѣхалъ бригадный командиръ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ пріѣхалъ въ полкъ, такъ какъ до города ему не было никакого дѣла.

Посѣщеніе это не было рѣдкостью и не представляло ничего исключительнаго. Оно не заключало въ себѣ и никакой спеціальной цѣли. Въ полку все было исправно, и онъ всегда неизмѣнно состоялъ у начальства на хорошемъ счету, такъ что не

могло быть и рѣчи о какой-нибудь ревизіи. Было это почти за цѣлый годъ до войны, и о ней еще не было и разговора. Просто—этого требовала служба.

Генералъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ полковымъ командиромъ и зналъ всѣхъ офицеровъ, за исключеніемъ самыхъ новенькихъ. Невысокаго роста, коренастый, съ совершенно сѣдой головой и усами, онъ обладалъ необыкновенно молодыми глазами, былъ изумительно бодръ, легокъ и неутомимъ.

Пріѣхавъ въ городъ раннимъ утромъ, онъ поднялъ на ноги еще спавшихъ офицеровъ и сейчасъ же принялся осматривать все, чѣмъ жилъ полкъ,—казармы, собраніе, кухню, церковь, присутствовалъ на ученіи отдѣльныхъ ротъ и по всѣмъ этимъ статьямъ неизмѣнно выражалъ одобреніе и удовольствіе.

И это нисколько не волновало офицеровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Наши трофеи. Австрійское дальнѣе орудіе.

существовал полкъ, онъ ничего другого не получалъ отъ начальства, какъ одобрение и удовольствіе, и это вошло въ привычку и уже считалось какъ бы его неотъемлемымъ правомъ.

Другое дѣло, если бѣ начальство осталось чѣмъ-нибудь недовольно. О, это произвело бы сенсацию, какъ нѣчто для полка непривычное и небывалое.

Посѣщеніе, какъ водится, должно было завершиться совмѣстнымъ офицерскимъ завтракомъ. Но вышло такъ, что дѣятельный генераль осмотрѣлъ все, а до завтрака оставалось еще не меньше часу, и ему нужно было еще чѣмъ-нибудь заполнить время. И тутъ онъ вспомнилъ:

— А гдѣ же у васъ полковая бібліотека?

Ему отвѣтили, что она въ третьемъ этажѣ.

— Хорошая? Въ порядкѣ? — по своему обыкновенію, сыпалъ вопросами генераль.

— Прекрасная бібліотека, ваше превосходительство, и въ полномъ порядкѣ, — откликнулся своимъ басомъ поручикъ Подпружный и выступилъ впередъ.

— Ага... Это очень пріятно. Вы, поручикъ, должно-быть, завѣдуете ею?

— Состою завѣдующимъ, ваше превосходительство.

— Любопытно. Покажите, пожалуйста.

Офицеры переглянулись между собой. Чтѣ за фантазія пришла генералу смотрѣть бібліотеку? Никогда до сихъ поръ пріѣзжавшія начальственные лица не интересовались ею. Да и чѣмъ она можетъ заинтересовать бригаднаго генерала? Ну, книги, можетъ-быть, даже очень умныя и очень полезныя. Но онѣ стоятъ себѣ на полкахъ и больше ничего. Стоять и молчать и ничего не скажутъ даже бригадному командиру.

Но зато поручикъ Подпружный былъ въ восторгѣ и повелъ наверхъ генерала съ такимъ видомъ, какъ будто собирался сдѣлать ему подарокъ. Вѣдь это же было его любимое дѣтище, ре-

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Наши трофеи. Австрійскія траншейныя мортиры. Справа—снарядъ.

зультатъ кропотливаго четырехлѣтняго труда, его созданіе, до сихъ поръ, въ сущности, никѣмъ не оцѣненное.

Въ самомъ дѣлѣ, въ полку какъ-то никто не обратилъ вниманія на его трудъ. Забыли, что ли, въ какомъ состояніи была бібліотека до него, или просто не почувствовали разницы. Вѣрнѣе было второе, такъ какъ главныя читательницы, офицерскія дамы, за движеніемъ литературы, конечно, не слѣдили и читали то, чтѣ попадалось подъ руку, а въ такомъ случаѣ не все ли равно, въ порядкѣ бібліотека или нѣтъ.

Поднялись наверхъ генераль, полковой адъютантъ—по обязанности—и Подпружный. Даже полковой командиръ замѣшкался

внизу, чтобы сдѣлать кое-какія распоряженія по поводу закуски къ завтраку.

Вошли въ бібліотеку. — двѣ довольно большія комнаты, соединенныя аркой. Генераль остановился на порогѣ и, прищуривъ глаза, обвелъ стѣны внимательнымъ взглядомъ.

— А-а... Это очень хорошо. Такой порядокъ въ бібліотекѣ, признаюсь, я вижу чуть ли не въ первый разъ. И это все дѣло вашихъ рукъ?

— По мѣрѣ силъ, ваше превосходительство. Книги дѣйствительно были разрознены. Я четыре года занимаюсь.

— А-а, очень хорошо...

Онъ говорилъ это съ искреннимъ удивленіемъ, потому что ему до сихъ поръ приходилось видѣть полковыя бібліотеки только въ томъ видѣ, въ какомъ и эту въ свое время принялъ поручикъ Подпружный. Затѣмъ онъ подошелъ поближе къ полкамъ и началъ присматриваться къ корешкамъ переплетовъ, читая названія и имена авторовъ.

— Ну, это все для легкаго чтенія. А гдѣ же военныя?

Въ Луцкомъ районѣ. Единственныя живыя существа, оставшіяся на развалинахъ,—аисты на труобѣ.

Легко-полевая желѣзная дорога постовой тяги.
Эксплуатаціонный батальонъ отправляется для прокладки пути.

— Прошу ваше превосходительство въ слѣдующую комнату. Генералъ прошелъ въ слѣдующую комнату, и здѣсь, въ особенности, когда заглянулъ въ шкапы, пришелъ въ восхищеніе.

— Ну, знаете, вашъ военный отдѣлъ, это прямо роскошь. Онъ могъ бы сдѣлать честь любому корпусному штабу. О... Лееръ!.. Офицеры, которые читаютъ Леера, могутъ быть хорошими стратегами... Но неужели же вы столь рѣдкіе экземпляры выдаете на руки, и вамъ возвращаютъ, не теряютъ? Вѣдь у насъ, въ Россіи, книгу терять или нечаянно сжечь въ каминѣ грѣхомъ не почитается.

— Я веду строгія записи. У меня для этого заведены особыя карточки и алфавитная книга.

— Ахъ, книга? Покажите, пожалуйста, это очень интересно. По книгѣ можно судить о вкусахъ публики.

Поручикъ Подпружный слишкомъ былъ увлеченъ идейной стороной дѣла, чтобы подумать о побочныхъ результатахъ, какіе могли возникнуть изъ генеральскаго осмотра. Встрѣтивъ въ генералѣ человѣка, который оказался способнымъ оцѣнить его четырехлѣтній трудъ и все его созданіе, онъ въ душѣ ликовалъ и, конечно, сейчасъ же отыскалъ и представилъ генералу алфавитную книгу, которая, можно сказать, была вѣнцомъ всего его плана.

Генералъ углубился въ изученіе алфавитной книги, просмотрѣлъ страницы на *a*, на *b*, на *c*, останавливаясь на записяхъ и внимательно перечитывая ихъ, пожималъ плечами. Перелистывалъ дальше, опять углублялся и снова пожималъ плечами, но все съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ. Дошелъ до буквы *k*.

— Однако, поручикъ, вы мнѣ даете то, что меня меньше всего интересуетъ. Это книга для общаго отдѣла, а для военнаго у васъ, вѣроятно, имѣется другая книга?

— Всѣ отдѣлы записываются въ этой книгѣ, ваше превосходительство.

— Да? Какъ же такъ? Но до сихъ поръ я вижу только романы, рассказы и журналы общелитературнаго характера.

— Кое-гдѣ имѣются и военныя... Напримѣръ, вотъ...

— Да, да... Кое-гдѣ... Какъ капля въ морѣ. Я вижу, что господа офицеры слишкомъ много времени тратятъ на чтеніе романовъ.

— Это по преимуществу наши дамы, ваше превосходительство, — сказали поручикъ желая, очевидно, защититъ въ глазахъ генерала своихъ офицеровъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа офицеры не читаютъ почти ничего.

Еще страница, еще и еще. — Прапорщикъ Мауровъ за четыре года не потребовалъ ни одной книги. Очень хорошо. Далѣе-съ... Романъ, романъ... Стихотворенія Фета... Прекрасныя стихотворенія... Стратегія Михневича... Нашелся-таки одинъ праведникъ... Какъ? Штабсъ-капитанъ Усенко, такъ прекрасно аттестованный офицеръ, и его страница чиста, какъ душа новорожденнаго младенца?

Генералъ захлопнулъ книгу.

— Прекрасная библиотека-съ... Превосходный военный отдѣлъ, но, къ

сожалѣнію, господа офицеры военными вопросами не интересуются. Какъ это печально! — сказалъ онъ, обратившись къ адъютанту. — А вамъ, поручикъ, выражаю благодарность, тѣмъ болѣе, что эта работа не помѣшала вамъ вести въ наилучшемъ порядкѣ ввѣренную вамъ часть...

Въ библиотеку вошелъ полковой командиръ и пригласилъ генерала завтракать. Генералъ любезно, но, какъ показалось Подпружному, сухо поклонился ему и, ни однимъ словомъ не высказавъ своего впечатлѣнія, вышелъ изъ библиотеки и сошелъ внизъ по лѣстницѣ. Командиръ и адъютантъ — вслѣдъ за нимъ, а минуты черезъ двѣ и поручикъ, заперевъ шкапы и спрятавъ въ надлежащее мѣсто алфавитную книгу, тоже пришелъ въ столовую.

Но двухъ минутъ, какъ оказалось, было совершенно достаточно для того, чтобы офицеры узнали обо всемъ, происшедшемъ въ библиотекѣ. Адъютантъ еще по дорогѣ въ столовую тихонько рассказалъ кому-то, а тотъ другому, и рассказъ въ мгновение сдѣлался общимъ достояніемъ. Этимъ, вѣроятно, и объяснилось, что на вошедшаго въ столовую Подпружнаго разомъ со всѣхъ сторонъ устремились полные упрека взгляды, но только взгляды, потому что нельзя же было тутъ же, въ присутствіи генерала, начать браниться.

Начался завтракъ и прошелъ довольно гладко. Генералъ принималъ участіе въ общей бесѣдѣ, но казался нѣсколько разсѣяннымъ, какъ будто умъ его былъ сосредоточенъ на какой-то мысли. Когда же съѣли сладкое, онъ поднялся и сказалъ рѣчь.

Это было нѣчто весьма далекое отъ ораторскаго искусства и совершенно лишнее какихъ бы то ни было цвѣтовъ риторики. Генералъ говорилъ отрывисто, грубовато, слова у него были простыя, понятныя всѣмъ, не только офицерамъ, но и солдатамъ, если бы они были его слушателями, а тонъ былъ тотъ самый, которымъ онъ участвовалъ въ общей бесѣдѣ за завтракомъ.

Онъ началъ съ того, что этотъ пріездъ его вполне подтвердилъ всегда и неизмѣнно существовавшее о полкѣ мнѣніе, какъ объ одномъ изъ лучшихъ, что нашелъ во всѣхъ частяхъ и учрежденіяхъ полка такой порядокъ, какого только можно желать. Въ частности, онъ не находилъ словъ, чтобы выразить свое восхищеніе состояніемъ библиотеки. Онъ до сихъ поръ думалъ, что книги, а въ особенности тѣ, которыя попадаютъ въ полковья библиотеки, обладаютъ какимъ-то непостижимымъ свойствомъ быть разрозненными, изорванными, испачканными, нерѣдко находиться въ бѣгахъ и даже въ безвѣстномъ и безнадежномъ

Приготовленіе проволочныхъ загражденій.

отсутствии. Но поручик Подпругный доказал ему, что это свойство не книг, а тѣхъ, кто обращается съ ними.

И вотъ онъ нашелъ полковую библиотечку въ отличномъ порядкѣ и въ ней, какъ и надлежитъ военному учрежденію, превосходный по полнотѣ и подбору сочиненій военный отдѣлъ. Но... Изъ алфавитной книги записей онъ усмотрѣлъ, что, къ глубокому прискорбію, этотъ отдѣлъ помѣщается въ шкапахъ и на полкахъ безъ всякой пользы, ибо господа офицеры, повидимому, интересуются всѣмъ, чѣмъ угодно, только не военной литературой.

Тутъ слѣдовало длинное разсужденіе о пользѣ знакомства съ выводами изъ практики великихъ полководцевъ, о томъ, что каждый офицеръ долженъ мыслить себя въ будущемъ полководцемъ, на отвѣтственности котораго будутъ лежать тысячи жизней и честь страны.

И съ каждымъ его словомъ офицеры все ниже и ниже опускали головы. А генераль былъ безпощаденъ. Оговорившись, что онъ здѣсь въ товарищескомъ кругу, и что въ его рѣчи они не должны видѣть ничего официальнаго, онъ взялъ да и произнесъ во всеуслышаніе два имени: поручикъ Мауровъ и штабсъ-капитанъ Усенко—оба за четыре года, когда ведется объ этомъ записи, но, должно-быть, и за все остальное время своего офи-

вздумаетъ посѣтить библиотечку и разсматривать алфавитную книгу? Если бы онъ зналъ, что такое выйдетъ, онъ бы этой книги и понюхать ему не даль...

— Ну, да ладно ужъ, ладно, чего ты распинаешься?.. Было, такъ было... Что сдѣлано, того не раздѣлаешь. Давай-ка сюда эту дурацкую книгу.

— Зачѣмъ она тебѣ?

— А вотъ увидишь, зачѣмъ. Не разорву, не бойся. Казенно добро, братъ, знаю...

Подпругный досталъ книгу и далъ ему. Тотъ нашелъ свою непочатую страницу.

— Ну, теперь давай каталогъ... Гдѣ тутъ у тебя военный отдѣлъ?.. Ага, вотъ... Погодите-ка, ваше превосходительство. Слѣдующій разъ прїѣдете, такъ увидите, сколько книгъ проглотилъ штабсъ-капитанъ Усенко.

И, обмакнувъ перо въ чернильницу, принялся выписывать на свою страницу названія книгъ изъ каталога. Бралъ по алфавиту, выбиралъ имена, которыя почему-то казались ему звучными, и притомъ на всѣхъ языкахъ, хотя извѣстенъ ему былъ только русскій.

— Ага! Вотъ и знаменитый Лееръ, о которомъ онъ такъ много говорилъ въ своей рѣчи. Отлично. Мы и Леера этого впишемъ.

Во время боевого затишья. Ловят глушеную рыбу. Когда въ воду падаетъ снарядъ, рыба теряетъ сознание и всплываетъ наверхъ; солдаты ловятъ ее ведрами и плетенками.

цетства, не прочитали ни одной книги по военнымъ вопросамъ. Ихъ страницы въ алфавитной книгѣ полковой библиотечки бѣлы, какъ первый снѣгъ.

Что еще говорилъ генераль, поручикъ не слышалъ. Послѣ того, какъ генераль предалъ публичному посмѣянію фамиліи его двухъ прїятелей, онъ вдругъ почувствовалъ, что своей алфавитной книгой оказалъ имъ самую плохую услугу, и что оба они съ этой минуты должны сдѣлаться его врагами; и до того неприятно стало у него на душѣ, что онъ внутренне предалъ проклятію всю свою библиотечную работу, всѣ четырехлѣтнія старанія.

Все-таки онъ больше всего на свѣтѣ цѣнилъ людей и дружбу, а тутъ выходило такъ, что онъ подвелъ своихъ товарищей. И какъ только явилась малѣйшая возможность, онъ потихоньку улизнулъ изъ столовой, поднялся въ третій этажъ и уединился въ своей библиотекѣ. Ему было стыдно смотрѣть въ глаза товарищамъ.

Сѣлъ за столъ, подперъ голову руками и закрылъ ладонями уши, чтобы не слышать, что тамъ внизу происходитъ.

Прошло съ полчаса. Въ это время происходили проводы генерала. Растворилась дверь, и въ библиотечку ввалился грузный и угловатый Усенко, а вслѣдъ за нимъ мягко проскользнулъ и Мауровъ.

Подпругный поднялъ голову и смотрѣлъ на нихъ съ ожиданіемъ. Ему казалось, что оба они, а особенно Усенко съ его рѣшительнымъ характеромъ, сейчасъ вытащатъ изъ кармановъ револьверы и выпустятъ каждый по пулѣ прямо ему въ лобъ.

— Однакожъ, голубчикъ, какъ это нехорошо вышло...— первый заговорилъ деликатный и благодушный Мауровъ, а затѣмъ раздался и скрипячій голосъ Усенки, успѣваго за завтракомъ, конечно, пропустить нѣсколько рюмочекъ коньяку.

— Чортъ бы побралъ тебя съ твоей дурацкой книгой!.. Не могъ ты заткнуть ее въ какую-нибудь дыру, крыса библиотечная!..

„Эге,—подумалъ Подпругный,— онъ бранится, ну, такъ это слава Богу“,—и началъ оправдываться. Да неужели они не понимаютъ, что ему это гораздо неприятнѣе, чѣмъ имъ самимъ, что онъ готовъ сквозь землю провалиться, и—пропала она, не только эта проклятая алфавитная книга, а хоть бы и вся библиотечка. Но развѣ же онъ, заводя книгу, зналъ, что генераль

Кто тамъ еще? Михневичъ—знаю. „Стратегія“. Есть. Ну, это, должно-быть, мелочь какая-нибудь... Всѣхъ не помѣстишь. Тутъ, братъ, и трехъ страницъ мало, не то, что одной... А, вотъ Сухо-тинъ: „Стратегическое искусство великихъ полководцевъ древности“... Ужъ это чего лучше...

Заполнилъ всю страницу и положилъ перо.

— Ха-ха!.. Ну, теперь пускай-ка генераль придерется... Я бы посмотрѣлъ, къ чему бы онъ могъ придаться.

Подпругный смотрѣлъ на него и съ выраженіемъ ужаса качалъ головой.

— Послушай, братъ ты мой, что же это ты сдѣлалъ? Чего такого ты накаталъ тутъ?

А что жъ? Вѣдь это же все я изъ твоего каталога... Надѣюсь, ты не навралъ.

— Да вѣдь ты написалъ столько книгъ, что ихъ и въ два года не перечтешь. Ну, представь, что генераль вздумаетъ прїѣхать черезъ мѣсяцъ и увидитъ эту штуку. Сколько у тебя тутъ наворочено! Вѣдь онъ же пойметъ.

— Да неужто такъ много? Вѣдь тутъ всего штукъ сорокъ.

— Сорокъ названій, а подъ многими названіями по нѣскольку томовъ, да томы вотъ какіе, ты посмотри, по тысячѣ страницъ... Ну, вотъ ты написалъ: „Лееръ. Стратегія“, а знаешь ли ты, что у Леера цѣлыхъ семь толстѣйшихъ томовъ. Ты хоть бы меня спросилъ, и я сказалъ бы тебѣ, что къ нашему дѣлу относится только пятый томъ, а остальные намъ ни къ чему...

— Ну, чортъ же его знаетъ! Пятый, говоришь? Такъ и отмѣтимъ: Лееръ—пятый томъ... Э! Да что тамъ, пусть разбирается самъ, какъ хочеть. Я написалъ и баста; а ты, Подпруга, все-таки свинья. Могъ бы вывернуться. Ну, напримѣръ, сказалъ бы, что Усенкѣ, какъ прїятелю, ты, молъ, книги давалъ такъ, безъ записи. Онъ, молъ, такую массу беретъ, что и чернилъ не хватить записывать. Эхъ ты—морская кикимора! Ну, да ужъ Богъ съ тобой,—пойду спать.

И ушелъ. Поручикъ же Мауровъ записалъ на своей страницѣ только одну книжку и взялъ ее съ собой, чтобы заняться наконецъ изученіемъ военной литературы.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Въ батальонѣ.

Очеркъ Алексѣя Липецкаго.

— Седьмая рота, вставай-ай!

Нары мгновенно оживаютъ. Русыя и темныя, круглыя и продолговатыя головы, всё стриженныя, приподымаются съ нихъ, по-

Во время боевого затишья. На уху.

кидая свои жесткія изголовья. Вонъ съ верхнихъ наръ чьи-то большепалыя красныя ноги, точно варенные омары, высунулись изъ-подъ сукна шинели. Не проходитъ двухъ-трехъ минутъ, какъ вся рота, уже одѣтая и обутая, гудитъ между нарами, какъ проснувшійся пчелиный рой. Туда-сюда озабоченно снуютъ люди, кто съ полотенцемъ, кто съ жестянымъ чайникомъ, кто со щеткой—наводитъ на сапоги глянecъ. А двухъэтажныя нары, словно по волшебству, уже приубрались, просвѣтлѣли... Скаты и уложены маты, свернуты дерюги и пиджаки, замѣняющіе многимъ подушки, и прикрыты у тѣхъ, кто уже успѣлъ умыться, широкими расшитыми полотенцами.

Странный видъ имѣютъ эти самыя нары. Онѣ похожи на огромныя магазинныя полки, приготовленныя для товара, или еще болѣе на шкалы для одежды, что имѣются въ предбанникахъ. Тѣсно по ночамъ на нихъ, душно, люди разопрѣваютъ, какъ бѣлье въ чугунѣ, — такъ какъ вмѣсто двухсотъ пятидесяти человѣкъ, на которыхъ рассчитанъ баракъ, въ немъ помѣщается триста слишкомъ, — но зато какъ быстро и крѣпко завязываются тутъ дружескія отношенія. Спать не только плечо къ плечу, но сердце къ сердцу. И сколько вечерами послѣ повѣрки течетъ по этимъ основнымъ грубо сколоченнымъ нарамъ задушевныхъ товарищескихъ бесѣдъ. Я невольно не одну подслушалъ ихъ и съ тѣхъ поръ еще больше люблю простую, дѣтски-довѣрчивую душу русскаго человѣка.

Сосѣди мои по нарамъ,—народный учитель изъ Козловскаго уѣзда Харитоновъ, спокойный, разсудительный, какъ бы вѣчно къ чему-то примѣривающійся человѣкъ, и частный повѣренный, точнѣе, крупный ходатай по мелкимъ дѣламъ, Оврагинъ—рыжебородое, заискивающе-плутоватое, съ неизмѣнной улыбкой на угодливомъ лицѣ, не совсемъ чистоплотное существо,—уже одѣты, умыты и пьютъ чай. Я—грѣшный человѣкъ—замедлил. Пуговицы жилета и прочаго (мы большинство еще въ штатскомъ) словно сговорились ускользнуть изъ-подъ моихъ пальцевъ, а сапоги—не лѣзть на ноги. Будятъ половина пятаго—часъ, когда дома, бывало, особенно сладко спится, поэтому нѣтъ ничего мудреннаго, что я первое время, съ непривычки, запаздывалъ съ туалетомъ.

— Скорѣй, скорѣй! Эка капунъ какой!—ухмыляется Оврагинъ, отгрызая крѣпкими, бѣлыми, какъ у сурка, зубами сахаръ. Маленькіе сѣрые глазки его словно налиты масломъ, да и борода и усы точно окунуты во что-то маслянистое—такъ они блестятъ.

Я что-то бормочу въ отвѣтъ и бѣгу умываться. Холодная вода изъ новаго, еще незахватааннаго, вкусно пахнущаго свѣжей краской, умывальника, окончательно смываетъ съ меня сладкую истому сна. Взоръ ясный, мускулы крѣпче, мысли опредѣленнѣй. Смотрю на новыя, точно золотыя, тесовыя стѣны барака, на зеленый умывальникъ съ прозрачными на немъ капелками воды, и невольно вспоминается лѣсъ и покрытыя росой озими. Далеко все это! Иная жизнь, иная обстановка окружаютъ меня, и надо дѣйствовать соотвѣтственно имъ. Свернувъ полотенце, спѣшу обратно къ нарамъ, открываю свою корзинку, достаю кружку, колбасу и хлѣбъ и присоединяюсь къ компаніи.

Къ намъ подходитъ еще одинъ человѣкъ—художникъ Березовскій. Это странный, по большей части молчаливый господинъ, постоянно чѣмъ-то озабоченный, точно онъ сдѣлалъ что-то предосудительное и мучится этимъ и не можетъ высказать своихъ томлений. Въ художественномъ мѣрѣ, по его словамъ, онъ пользуется порядочной извѣстностью. Мы, мало въ этомъ освѣдомленные, на слово вѣримъ ему, а его наброски дѣйствительно изобличали большое дарованіе. Одѣтъ художникъ въ бархатную, сильно поношенную куртку и брюки въ подборку. На груди у него черный галстукъ бантомъ. Березовскій подходитъ къ намъ такъ, какъ будто не смѣетъ, говоритъ: „доброе утро!“ и усаживается на краю нары.

— Ну, какъ почивали на новомъ мѣстѣ?—спрашиваетъ Оврагинъ.

— Благодарю васъ. Ничего.

— Не снился вамъ во снѣ поручикъ?—и Оврагинъ ехидно ухмыляется, Березовскій краснѣетъ.

Дѣло въ томъ, что Березовскій, только третьяго-дня прибывшій въ батальонъ, вчера второпяхъ, по незнанію, нашего полуротнаго, чинномъ прапорщика, назвалъ „господиномъ поручикомъ“. За это ему здорово пошло.

— Господа, обратите вниманіе на Юриста!—выводитъ насъ изъ неловкаго положенія учитель, указывая на сосѣднія нары.—Не

Наши славные гусары въ 400 шагахъ отъ нѣмецкихъ окоповъ ловятъ рыбу. Нѣмцы думали, что наши части строятъ въ тѣхъ мѣстахъ мостъ, и съ аэроплановъ стали бросать бомбы, которыя глушили и убивали массу рыбы. Наши солдаты рѣшили, что и отъ нѣмецкихъ бомбъ можетъ быть польза, и вылавливали оглушенную рыбу.

Устройство проволочных заграждений около опорного пункта.

знаю, что это—истинная набожность или ханжество. Но только я бы, например, не мог при данных условиях молиться.

Юрист, о котором идет речь, болзненный подслеповатый еврей, откуда-то с Волыни. Евреев в ротъ не онъ одинъ, но Юристъ особенно популяренъ у насъ. Его криминальная фамилия и храническое разстройство пищеварительныхъ органовъ, которымъ онъ страдаетъ, даютъ поводъ охотникамъ до зубоскальства лишній разъ весело, но безобидно пошутить. Пристроивъ на лобъ поверхъ шапки кожаный ящичекъ и обмотавъ обнаженную по локоть руку ремнемъ, Юристъ усердно читаетъ молитвенникъ. Его большие, навывкатъ съ красными вѣками, глаза точно хотять втянуть въ себя крупный черный шрифтъ книги.

— Вотъ видите, какой вапъ коллега богомольный. Не то, что вы,—не желая остаться въ долгу говорить Оврагину художникъ и тутъ же конфузливо краснѣетъ, чувствуя, что сказалъ не со-всѣмъ умно.

Оврагинъ за отвѣтомъ въ карманъ не лѣзетъ—достаточно набилъ языкъ по трактирамъ и чайнымъ. Слова его, такія же масляныя, какъ и его глазки, вызываютъ со всѣхъ сторонъ хохогъ.

— Ну и брехучъ ты!—удовлетворенно поче-сывая грудь, замѣчаетъ сидящій направо бородатый нижегородецъ Стригуновъ, мужикъ крѣпкій, тугой, точно изъ вяза скрученъ, по-своему умный, но крайне невоспримчивый ко всякаго рода отвлеченнымъ понятіямъ. Словесность, например, его буквально заѣдаетъ. Различные служебные ранги и нормы никакъ не втискиваются въ его вязовую голову.

— А что такое солдатъ? А выговори-ка слово „обмундированіе“!—неожиданно озадачиваетъ Стригунова Оврагинъ.

Стригуновъ низко потупляетъ голову и скребетъ пальцами въ бородѣ. Слово „обмундированіе“ для него цѣлая пытка. Третьяго-дня на урокъ словесности этимъ „заковыристымъ“, по его выраженію, словомъ отдѣленный мучилъ его чуть не цѣлый часъ, обругавъ „дубиной“ и бросивъ „Лучше бы на позицію.

А этакъ что же, не доживя вѣку, счахнешь“,—безпомощно жаловался землякамъ тупой на языкъ богатырь.

Насъ, „привилегированныхъ“, в ротѣ немного — человекъ семь. Остальное — все непосредственная, могучая, загорѣлолицая деревня. Широкая спина, сильные мозолистые руки, шея — точно сосновые обрубки и та великая приспособляемость русскаго человека, которая дѣлаетъ его вездѣ и всюду господиномъ положенія. Всего три-четыре дня иной живетъ въ баракѣ, а кажется, будто вѣковалъ тутъ: и сундучокъ, или мѣшокъ, ловко прилаженъ на полкѣ, и образокъ надъ изголовьемъ приколотъ, и самъ вчерашній пахарь или плотникъ шагаетъ между нарами и вдоль стоекъ для винтовокъ такъ спокойно-дѣловито и увѣренно, какъ будто онъ у себя въ избѣ. Глядишь, и что-то чудное, большое растеть въ душѣ. Чувство коллективной силы, чувство неразрывной кровной скрѣпы съ этими людьми, освященной вѣками, зрѣвшей въ дремучихъ лѣсахъ и золотыхъ просторахъ полей, до дрожи охватываетъ все существо. Не то же ли испытываетъ отдѣльный листъ на деревѣ, окруженный множествомъ сочныхъ, зеленыхъ, шумливыхъ листьевъ? Одному было бы страшно, одиноко, а вмѣстѣ съ ними—хоть какая буря, хоть какой ливень! Только затрепещутъ всѣ, зашумятъ, забьются въ жуткомъ восторгѣ, а тамъ снова встрѣтятся солнце и услышатъ пѣнье птицъ. А если и не выдержать листъ, оторвется, упадетъ въ темноту ночи, схваченный злыми когтями вихря,—развѣ не испыталь онъ радости совместной борьбы, не обмѣнялся передъ смертью братскимъ лепетомъ съ углѣвшими листьями?

Но вотъ раздается громкій окрикъ дежурнаго по ротѣ, нашего взводнаго Петра Матвѣича:

— Седьмая рота, выходи... Живо, живо! Какъ пуля, вылетай...

Чайники, кружки, пояса, фуражки-безкозырки, все это одновременно приходитъ въ движеніе, лязгаетъ, звенитъ, сверкаетъ, прячется на полки, застегивается, надѣвается, и рота быстро, человекъ за человекомъ, вытекаетъ изъ барака на площадь, оставляя между нарами и на нарахъ только уборщиковъ и больныхъ. Въ числѣ больныхъ остается Оврагинъ. Онъ жадуется на какое-то, по его выраженію, „функциональное разстройство нервно кѣлочной системы“.

Мы съ учителемъ становимся на лѣвомъ флангѣ нашего взвода. „Чище, чище принимай въ затылокъ!“—ровняетъ насъ нашъ отдѣленный Мартыновъ. Это совсѣмъ юный, безусый паренекъ, курносаватый, веснучатый и такой флегматично-спокойный, будто у него вмѣсто нервныхъ тканей то же самое солдатское сукно, изъ котораго шить его мундиръ. Мундиръ этотъ съ чужого плеча, и штаны совсѣмъ не по росту Мартынову; онъ въ нихъ, какъ котенокъ въ мѣшкѣ. Это дѣлаетъ его особенно забавнымъ, хотя Мартыновъ и старается принять строго-начальнической видъ. Мы съ учителемъ прозвали его „Ванюша пастушокъ“.

Проволочныя заграждения и волчьи ямы.

Право же, так и хотѣлось представить Мартынова гдѣ-нибудь въ степи стерегущимъ пестрое лѣтнее стадо, съ палкой подъ мышкой, съ желейкой въ зубахъ, наигрывающимъ тягучую, незамысловатую, какъ онъ самъ, мелодію. „Принимаемъ чище“ и ждемъ полуротнаго. Скомандовано „смирно!“ Четыре взвода, въ каждомъ по восьмидесяти человекъ, вытянувшись въ ленту, стоятъ, какъ неживые, точно какіе-то плотные заборы, и не смѣютъ пошевелиться—слово „смирно“ будто заморозило насъ. А такъ хочется переминуться ногами и потереть руки—въ воздухѣ по раннему времени очень свѣжо. Солнце поднялось, лучи его уже трепещутъ въ небѣ и на верхушкахъ деревьевъ, но самого его за домами еще не видно, оно таятся со своимъ тепломъ гдѣ-то тамъ, откуда доносится ранній утренній благовѣстъ.

Калитка одного изъ домовъ открывается. Высокій пышно-волосый отецъ дьяконъ, оправляя на ходу подрясникъ, торопится къ службѣ. Я (то же самое дѣлаю и стоящій со мной рядомъ Харитоновъ) провожаю дьякона глазами до угла. Вотъ его сѣрый подрясникъ и черный полуцилиндръ уже скрылись за угломъ, а мы, косивъ глаза, продолжаемъ смотрѣть въ одну сторону, точно мысленно следуемъ дальше, изъ улицы въ улицу, входимъ въ церковь и крестимся. Дѣлается на минуту до слезъ, до боли въ сердцѣ грустно-грустно. Кому незнакомо это молитвенно-грустное чувство, овладающее человекомъ на чужбинѣ, въ чужой обстановкѣ при звукѣ утренняго благовѣста?

Но вотъ и нашъ полуротный. Идетъ онъ, какъ всегда, быстро, точно опоздалъ, хотя до шести (часъ занятій) еще добрыхъ минутъ тридцать. На немъ зеленая кожаная куртка, и вообще весь онъ зеленый, точно майскій жуликъ. Длинная кривая шапка съ аннинскимъ темлякомъ какъ-то неловко путается у него въ ногахъ, точно лишняя, но по складу душевному это—настоящій, убѣжденный вояка, защитникъ родины, стоящій за войну до конца, исполнительный до мелочей, требовательный, не терпящій никакихъ поблажекъ. Не даромъ его фамилія Коршунъ. Онъ призванъ въ началѣ войнѣ рядовымъ, побывалъ на фронтѣ, отличился, получилъ производство, заболѣлъ какой-то хронической болѣзью и вотъ теперь обучаетъ мобилизованныхъ. Бритое безусое лицо его озабоченно-строгое и слегка болѣзненно. Движенія порывисты и какъ-то геометрически остры, точно въ нихъ сказывается его прежняя профессія техника-чертежника. Рука не сходитъ съ эфеса—признакъ, отличающій штатскаго отъ настоящаго, вымуштрованного съ малолѣтства военнаго.

— Здорово, братцы!—мѣрными шагами фронтъ и спотыкаясь высокими слегка сбитыми каблуками на засохшіе комья колеи, здоровается онъ.

— Здра... жла... ваш... бродь...—нестройно катитъ ему въ отвѣтъ наша многоголосая разрозненная клика.

— Плохо здороваются, надо подтянуть...

Фельдфебель Николай Василычъ, смиренный, богобоязненный человекъ (такіе, по словамъ знатоковъ, и бываютъ въ нужную минуту настоящими героями), и четверо взводныхъ окружаютъ Коршуна. Онъ что-то имъ вполголоса говоритъ.

Намъ скомандовано оправиться. Фронтъ-заборъ рассыпается, точно потерявъ подпорки, и нѣтъ уже цѣлага, нѣтъ строя, зато сразу замѣтнѣй личности, каждый человекъ въ отдѣльности, отколотившись отъ общаго, сразу будто выросъ, опредѣлился во всю свою величину. Вотъ Петяхинъ, нескладный, весь точно собранный изъ корягъ мужикъ. Онъ достаетъ изъ кармана штановъ кисетъ и свертываетъ цыгарку. Вчера онъ получила изъ деревни печальное извѣстіе: въ хозяйствѣ у него пала корова. По тому, какъ Петяхинъ лѣтливо посылаетъ съ ладони въ цыгарку табакъ, какъ водянисто-блѣдые глаза его тупо блуждаютъ по сторонамъ, видно, что мужикъ мысленно далеко-далеко отсюда. Вотъ высокий, блѣдусый, похожій на кошку, нижегородецъ Завьяловъ, землякъ неподатливаго на словесность Стригунова. Этотъ, напротивъ, весь вниманіе. Онъ смотритъ и на насъ, его товарищей, и на полуротнаго, и на дьяконскій домъ такъ, словно хочетъ навсегда запомнить все это. Вотъ другой мой пріятель—учитель уѣзднаго училища—бѣженецъ, латышъ Стрѣльничъ. Онъ нѣсколько отошелъ въ сторону, сложилъ за спиной руки и задумался. О чемъ?.. Небольшого роста, рыжеватый, плотный, точно нарочно кѣмъ-то сжатый въ этотъ крѣпкій клубокъ муску-

Къ окопамъ.

ловъ, о чемъ другомъ могъ онъ думать, какъ не о своемъ угнетенномъ, тоже сжатомъ въ комокъ, народѣ, не о его судьбѣ, печаляхъ и немногихъ радостяхъ. Литература и исторія—другого, кажется, ничего не существуетъ въ мирѣ для Стрѣльничка. Когда онъ говоритъ о русскихъ писателяхъ, слезы навертываются у него на глазахъ. Вечерами послѣ повѣрки мы подолгу съ нимъ бесѣдуемъ на литературныя темы. Вотъ студентъ, еврей Айзикъ, маленькій, конопатый, какъ щеглиное яйцо, человекъ. Думалъ ли онъ, поступая годъ тому назадъ въ университетъ, промѣнять аудиторію на баракъ и учебники по гистологій и химіи на параграфы воинскаго устава? А вотъ и бѣдный Юристъ. Онъ уже успѣлъ сбгать въ помѣщеніе съ высокими прорѣзными трубами и теперь зябко пожимается. Апрель, а на немъ глубокая вязанковая шапка съ дыркой на макушкѣ. Изъ дырки, точно грязный свѣтъ изъ земли, торчитъ клокъ ваты.

— Какъ дѣла, Юристъ?—спрашиваютъ его.

— Нищего...—и улыбается, а въ большихъ красновѣдкихъ глазахъ горечь и жалоба.

Позади насъ на площади за линіей бараконъ другія роты нашего батальона тоже готовы двинуться на ученье за городъ. Роты эти, сформированныя раньше нашей, вполнѣ обмундированы и вооружены винтовками. Ихъ сѣро-зеленые стройные ряды невольно радуютъ глазъ. Вотъ одинъ рядъ (видно между бараками) странно передернулся, разорвался, и рота, построившись по отдѣленіямъ колоннами, гулко отбивая шагъ, поблескивая сталью штыковъ, двигается съ мѣта. За ней, точно игрушки за гурьбой дѣтей, катятся слѣдомъ на своихъ скрипучихъ колесахъ-отрѣзкахъ подвижныя чучела. За первой ротой выступаетъ другая, третья. Доходитъ очередь и до насъ. Строимся въ томъ же порядкѣ колоннами и идемъ на ученье. Площадь и бараки, издали похожіе на большія сигарныя коробки, остаются позади. Минуемъ высокое желтое зданіе тюрьмы, сворачиваемъ за уголъ и выходимъ на шоссе.

— Атъ, два... атъ, два!..—помахивая рукой, кисть которой едва торчитъ изъ длиннаго просторнаго рукава, командуетъ нашъ „Ванюша“. Стараемся итти въ ногу, но это не такъ-то легко. Пыльный кожаный переплетъ множества ногъ, „рубя“ шагъ, то и дѣло путается съ непривычки, „дробить“, и это невольно заставляетъ подтянуться, „перемѣнить“ ногу. Вспоминается читанная гдѣ-то статья о ритмѣ. То же самое, что и я, думаю, вѣроятно, и шагающій со мной рядомъ учитель Харитоновъ.

— Вотъ такъ и въ общественной жизни,—обращается онъ ко мнѣ.—Но одиночкѣ все какъ будто умѣемъ ходить, а какъ вмѣстѣ, строимъ, такъ и сбиваемся съ ноги, теряемъ чувство ритма. Тоже учиться надо...

Снова идемъ молча. Молчитъ вся рота—мы, новички, еще не умѣемъ пѣть. Но впереди поютъ.

По сторонамъ шоссе, по которому мы идемъ, маленькіе пригородные домики. Они еще спятъ. У многихъ, точно вѣки глазъ, закрыты ставни. Тишина кругомъ полная, лишь тяжкій глухой звукъ: гуп... гуп... многихъ сотенъ шагающихъ ногъ да пѣсня отдаются въ сонномъ воздухѣ, какъ сдержанная могучая угроза. Кому она, эта угроза?—Только не солнцу, не этимъ мирно обнявшимся кудрявымъ ракетами, не микроскопическимъ этимъ домикамъ съ ихъ дремотными зелеными и синими ставнями. Въ небо, точно испуганные гуломъ нашихъ ногъ, съ одного изъ

Русскія войска во Франціи. Въ пути. На фронтъ.

дворовъ взвиваются голуби. Кажется, будто кто подбросилъ кверху букетъ бѣлыхъ розъ.

Шоссе длинно. Верстъ пять. Пока мы покрываемъ эти версты, пыль сплошнымъ желто-бурымъ чехломъ липнетъ къ нашимъ сапогамъ, пиджакамъ, рубашкамъ и лицамъ. Черная широкополая шляпа идущаго рядомъ со Стрѣльникомъ художника кажется совсѣмъ рыжей. Даже волосы художника, пока еще уцѣлѣвшіе, и тѣ обильно напудрены пылью.

— Сегодня увидите нашего ротнаго. Онъ прѣхаетъ изъ отпуска, — говоритъ мнѣ другой мой сосѣдь по отдѣленію (я иду вторымъ отъ края), бывший приказчикъ Синицынъ. — Онъ въ батальонѣ съ зимы, но весной заболѣлъ, лѣчился дома мѣсяца два и вотъ снова попалъ въ нашу партію новичковъ.

— А что такое? Развѣ это такая ужъ достопримѣчательность? — спрашиваю.

— Да, личность совсѣмъ необыкновенная. Помните, у Чехова въ одномъ разсказѣ говорится о талантѣ человѣка. Нашъ ротный — именно такой талантъ. Да вонъ онъ. Легокъ на поминѣ, — указываетъ мнѣ Синицынъ.

Съ лѣвой стороны шоссе, въ промежуткѣ между домиками и дорогой, постепенно нагоняя насъ, идетъ высокаго роста, необыкновенно стройный, съ небольшою бородкой, худощавый, довольно широкоплечій человѣкъ. Первое, что останавливаетъ мое вниманіе, — это его походка. Онъ точно плыветъ. Кажется, пройди онъ безъ остановки сотню верстъ, эта плавная, какъ бы играющая походка останется та же. Вообще, все въ немъ какое-то празднично-увѣренное, приподнимающее, точно этотъ человѣкъ никогда не былъ въ затруднительномъ положеніи, все для него въ жизни легко и осуществимо. Одѣтъ онъ тоже не совсѣмъ обычно: на немъ не шинель, а подобіе казакина съ сильнымъ перехватомъ въ талии. Лаковые сапоги безъ каблучковъ, сверкая на солнцѣ, какъ бы освѣщаютъ ему путь. Я невольно люблюсь имъ. Замѣчаю, — лицъ многихъ товарищей при видѣ его повеселѣли.

— Вы правы, — говорю Синицыну. — Въ этомъ человѣкѣ дѣйствительно какое-то высшее благодетство.

— Честное слово, если бы онъ повелъ въ бой, съ радостью пошелъ бы за нимъ и умеръ бы. За родину и за него. Вы не повѣрите, какъ всѣ въ ротѣ его любятъ. Я раньше васъ прибылъ сюда, имѣлъ случай наблюдать Федорова и прямо оборотень имъ. У него особенный даръ привязывать къ себѣ людей. И кромѣ того онъ изобрѣтатель...

— Изобрѣтатель?

— Да. Въ арміи уже введены его электрическіе прицѣльные станки. Замѣчательно! Стрѣлокъ кладетъ на станокъ винтовку, вставляетъ особую карточку, стрѣляетъ, и на карточкѣ специальный приборъ дѣлаетъ отмѣтки о результатахъ стрѣльбы. Еще лучше: онъ изобрѣлъ подземную минную лодку съ экипажемъ въ два человѣка... Замѣчательно!

Мнѣ приходилось видѣть людей, пылко расписывающихъ качества своей возлюбленной. Синицынъ, говоря о ротномъ командирѣ и его изобрѣтеніяхъ, превосходилъ страстностью и искренностью тона всякаго влюбленнаго.

Между тѣмъ, шагъ за шагомъ, роты все дальше уходятъ отъ предѣловъ города. Оглядываюсь. За мутнымъ облакомъ пыли, поднятой нами, неясно грезятся взору заводскія трубы, купола церквей, отдѣльные дома... Вспоминается родной городъ, милыя лица, но... атъ, два, атъ два! — старается нашъ Мартыновъ, нѣсколько оживившійся при появленіи ротнаго, и это "атъ-два" убиваетъ всякую попытку думать о чемъ-либо постороннемъ.

Переходимъ мостъ, сворачиваемъ налѣво, и мы — на лугу. Нашъ взводъ подъ командой Коршуна уходитъ на дальнюю дистанцію. За небольшимъ холмикомъ, скрывающимъ отъ насъ остальные части батальона, выстраиваемся и начинаемъ ученье.

— Смирно! Равненіе направо!.. — командуетъ нашъ "наступокъ".

"Смирямся" и дѣлаемъ равненіе. Коршунъ, куря папиросу, зорко издалека смотритъ на насъ. Я живо представляю себѣ, какъ этотъ человѣкъ, вчерашній чертежникъ, мысленно прикладываетъ къ намъ линейку, проверяя прямизну фронта. Линейка, очевидно, пришлась не вплотную. "Мишкинъ, выравнивай, выравнивай!" — кричитъ онъ другому отдѣленному — полной противоположности нашего "Ванюши" живому, горячему, крѣпкому на языкъ туляку.

Снова равняемся, смотримъ въ грудь четвертаго человѣка, потомъ начинаемъ "вздаиваніе" — простое и по раздѣленіямъ. Тугой на смекалку Стригуновъ и тутъ обнаруживаетъ свою непонятливость. Дѣлаетъ поворотъ не въ ту сторону, не съ той

Русскія войска во Франціи. Въ пути.

Русскія войска во Франці. Наши солдаты въ лагерѣ Майи въ стальныхъ защитныхъ шлемахъ.

ноги и въ концѣ концовъ такъ, бѣднякъ, спутывается, что забываетъ, какая нога лѣвая, какая правая. „Болванъ! Ахъ, ду-убина!“ Выведенный изъ терпѣнія Коршунъ въ видѣ наказанія заставляетъ Стригунова сбѣгать къ желѣзнодорожной насыпи. Это добрыхъ полверсты. Стригуновъ бѣжитъ, а мы продолжаемъ „вздвигаться“ и „строить ряды“.

Мѣсто, гдѣ происходитъ ученіе, словно нарочно выбрано для того, чтобы искушать насъ. Огромный зеленый лугъ, перепоясанный синимъ пояскомъ небольшой рѣчонки, широко разстлана въ всѣ стороны, маня на свою свѣжую зелень. Такъ и хочется выскочить изъ строя и растянуться на травѣ. Затекшія отъ долгаго стоянья ноги кажутся длинными-длинными. Если лечь и протянуть ихъ, то подошвы, кажись, упрутся въ самый горизонтъ. Направо лугъ отрѣзанъ отъ голубого шатра неба желѣзнодорожной насыпью, къ которой почти уже добѣжалъ Стригуновъ. По насыпи, точно гвозди по бровкѣ забора, натканы телеграфные столбы. Изъ-за перелѣска выскакиваетъ на насыпь поѣздъ. Бѣжитъ, мелькаютъ подъ вагонами крошечныя на разстояніи колесики, и мечта, очнувшись, какъ разбуженная выстрѣломъ птица, летитъ слѣдомъ, представляется въ поѣздѣ чье-то милое дорогое лицо, блѣдныя, исхудалыя руки, глаза, полные грусти и слезъ... Но дальше, дальше, любимый призракъ! Не смущай! Здѣсь люди собрались затѣмъ, чтобы выковыривать звенья „желѣзныхъ дивизій“... Не смущай!.. Прогромыхавъ по мосту, поѣздъ скрывается за противоположнымъ перелѣскомъ. Но лугъ все-таки зоветъ, солнце не перестаетъ лить на землю свое теплое струистое золото. За рѣчонкой, въ тѣни высокыхъ лозинъ, какъ бѣлые грибы, наивно пыжата нѣсколько домишекъ; поодаль отъ нихъ пасутся коровы — одна пестрая, двѣ черныхъ, а вонъ дѣвочка въ красномъ платьѣ, сверкая босыми ножонками, бѣжитъ къ водѣ съ маленькимъ ведеркомъ, и, кажется, по дугу катится какой-то чудесный цвѣтокъ. Жизни и красота нѣтъ дѣла до нашихъ воинскихъ занятій. Слѣжу за художникомъ. Онъ преобразился. Глаза у него глубокіе — въ нихъ отражаются небо и солнце. Когда командуютъ, онъ поворачивается или замираетъ на мѣстѣ, но видно, что дѣлаетъ онъ это совершенно автоматически.

Слышимъ команду „вольно!“ Разсыпаемся. Садимся съ учителемъ на первый попавшійся бугорокъ. Къ намъ присоединяются Синицынъ и художникъ. „Фу, — говоритъ художникъ, — у меня во время этихъ занятій такое ощущеніе, какое, бывало, въ классѣ во время уроковъ математики, которой я терпѣть не могъ. Нѣтъ, итти лучше. Слово взаправду въ походѣ!“ — и сконфуженно умолкаетъ. Вокругъ насъ вразбросъ, какъ попало, отдыхаютъ люди. Первымъ долгомъ вспыхиваютъ дыгарки. Вотъ раздается хохотъ. Это смѣшитъ бѣдный Юристъ: его рваная шапка уже торчитъ изъ канавки, какъ обгорѣлый пенъ. Сидимъ, толкуемъ о военныхъ новостяхъ, о народномъ образованіи, о красотахъ природы и въ общемъ ни о чемъ, такъ какъ затекшія въ сапогахъ ноги до того рады отдыху, что мысли какъ будто заодно съ этими недвижными, истомо вытннутыми ногами.

Изъ-за бугра показывается „онъ“ — нашъ очаровательный ротный командиръ. Съ нимъ прапорщикъ Суткинъ. Мы быстро вскакиваемъ, но ротный усаживаетъ насъ:

— Отдыхайте, отдыхайте...

Мнѣ становится окончательно понятна возвышенная экзальтация приказчика Синицына. Въ голосѣ, мужественно мягкомъ, въ глазахъ, необыкновенно зоркихъ, въ улыбкѣ ротнаго дѣйствительно что-то обворожающее, что-то такое, за что можно умереть. „Какъ должна быть счастлива женщина, которую онъ любитъ“, — подумалъ я.

Ротный останавливается съ Коршуномъ и Суткинымъ неподалеку отъ насъ. Мы слышимъ ихъ разговоръ.

— Опять отъ батальоннаго выговоръ. Это по счету седьмой съ Новаго года. А вѣдь, ей-Богу, наша рота не хуже другихъ, — улыбаясь, говоритъ ротный.

Я почему-то обращаю вниманіе на его поганы. На нихъ — по три звѣздочки.

— А вы что? — спрашиваетъ Суткинъ, миловидный женственный юноша, почти мальчикъ. Черная кожаная курточка, щегольскіе съ наклееными голенищами сапожки — все выгладитъ на немъ такъ, словно онъ играетъ въ офицера, и эта игра доставляетъ ему удовольствіе.

— Что же? — ничего. Не привыкать ужъ. Потѣшно на-дняхъ, какъ разъ передъ моимъ отпускомъ, вышло въ офицерскомъ собраніи. Я, какъ вы знаете, очень рѣдко бываю тамъ. Предпочитаю вечерами поработать для себя, — читаю, черчу или съ вычислениями возжусъ какими-нибудь. Я вѣдь до всего дохожу самъ, я самоучка. А тутъ какъ разъ пошелъ. Васъ не было тогда. Сажу въ уголку, разговариваю съ нашимъ докторомъ. Входитъ батальонный. „А этого неисправимаго либерала Федорова, по обыкновенію, конечно, нѣтъ?“ — говоритъ полковникъ, не замѣчая меня. „Нѣтъ, — говорю, — здѣсь, ваше высокоблагородіе!“, какъ тотъ сворець, который откликнулся хозяину изъ чужого кармана. Батальонный хохоталъ до упаду.

Гдѣ-то позади кричатъ „ура“. Стучать, какъ палкой по забору, въ отдаленіи рѣдкіе учебные выстрѣлы. Эхо подхватываетъ звукъ и нѣсколько разъ повторяетъ его, точно нянчить.

Ротный неожиданно подходитъ къ намъ вплотную. Мы всакиваемъ. На этотъ разъ онъ насъ не удерживаетъ.

— Ну, давайте познакомимся!.. — и начинаетъ каждого спрашивать о его занятіяхъ, семейномъ положеніи и прочемъ. Съ каждымъ словомъ — чувствуемъ — человекъ этотъ дѣлаетъ насъ все болѣе и болѣе подвластными своей очаровательной силѣ. Синицынъ мой пылаетъ. А толпа вокругъ ротнаго все растетъ, даже бѣдный Юристъ и тотъ втискиваетъ между фуражекъ свою дырявую шапку.

Волей судьбы я далеко теперь отъ тѣхъ людей, съ которыми столкнула меня всемогущая стихія войны. Гдѣ-то они теперь? Пришлось ли нѣлкому Синицыну умереть за своего ротнаго, поручика Федорова, и живъ ли онъ, этотъ ротный, умѣвшій не строгостью, не наказаніями, а добрымъ человѣческимъ словомъ дѣлать солдатъ послушными дѣтьми? Не знаю — узнаю, можетъ-быть, потомъ, а теперь, при воспоминаніи о нихъ, сердце мое загорается искренней, благодарной нѣжностью.

Заслуги И. И. Мечникова передь наукой.

Очерк Е. С. Лондона. (Съ рис. на этой стр.).

Будучи кабинетнымъ ученымъ, публиковавшимъ результаты своихъ кропотливыхъ лабораторныхъ изслѣдованій въ специальныхъ научныхъ журналахъ, недоступныхъ пониманію большой публики, Мечниковъ тѣмъ не менѣе пользуется обширной извѣстностью среди образованныхъ читателей. Объясняется это тѣмъ, что Мечниковъ избиралъ всегда предметомъ своихъ научныхъ изысканій вопросы важной практической цѣнности, вопросы животрепещущаго интереса.

При этомъ онъ совмѣстно съ многочисленными молодыми учеными, составлявшими его научную школу, разрабатывалъ всѣ вопросы до тѣхъ поръ, пока не получались на нихъ ясные, опредѣленные отвѣты, доступные, благодаря своей естественной простотѣ, пониманію каждого человѣка, знакомаго съ природою хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Популяризаторы поэтому довольно охотно брали законченныя изслѣдованія Мечникова въ качестве материала для бесѣдъ съ образованной публикой.

кончая тѣми болѣзнями, которыя свойственны преимущественно старому возрасту, въ родѣ, напримѣръ, рака. Съ другой стороны, хотя и рѣдко, встрѣчаются люди, къ которымъ такая зараза не пристаеетъ. Такіе люди доживаютъ до глубокой старости и умираютъ отъ нея, не извѣдавъ ни одной инфекціонной болѣзни. Насколько часты несчастливцы перваго рода, настолько рѣдки счастливыцы втораго рода. Завѣтная мечта медицины—найти способъ приблизить шаткій и хрупкій организмъ первой категоріи людей къ стойкой мощности людей второй категоріи.

Но какъ это сдѣлать?

Очевидно, необходимо было выяснитъ, какой именно механизмъ природа заложила въ организмъ человѣка и животныхъ для огражденія его отъ злобныхъ покушеній заразныхъ началъ. Надъ этимъ вопросомъ ломали себѣ головы многочисленные ученые, но только Мечникову удалось вырвать у природы ея тайну. Мечниковъ открылъ, что задачу борьбы съ болѣзнетворными

× Д-ръ Е. С. Лондонъ.

Научное засѣданіе 20-го іюля 1916 г. на фронтѣ въ память И. И. Мечникова. На засѣданіи присутствовали: высшій командный составъ, врачи, ветеринары и сестры милосердія группы корпусовъ западнаго фронта. Старшій врачъ Е. С. Лондонъ прочиталъ лекцію о научной дѣятельности И. И. Мечникова. По фот. Аф. Шагунова.

Такимъ образомъ Мечниковъ приобрѣлъ извѣстность не только среди ученыхъ специалистовъ, не только среди практическихъ врачей, но также среди образованнаго общества всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

Мечниковъ началъ свои ученія изслѣдованія еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Ему шель 21-й годъ, когда онъ сталъ въ лабораторіи Харьковскаго университета работать надъ своей магистерскою диссертациею по зоологіи.

Окончивъ эту диссертацию, онъ вскорѣ затѣмъ сталъ работать надъ докторскою диссертациею опять-таки въ области зоологіи. Покончивъ съ этими двумя трудами, онъ продолжалъ еще долго работать все въ той же области, гдѣ создалъ себѣ большую извѣстность, отчасти благодаря совмѣстной работѣ съ покойнымъ всемирно знаменитымъ нашимъ академикомъ зоологіи, Александромъ Онуфриевичемъ Ковалевскимъ. Совмѣстные труды этихъ двухъ ученыхъ положили прочное начало цѣлой новой тогда научной отрасли—эмбриологіи беспозвоночныхъ. Эти труды имѣли очень большое значеніе въ смыслѣ расширенія и углубленія нашихъ знаній въ области пониманія исторической эволюціи животнаго царства.

Но для большой публики, для средняго образованнаго человѣка, эта зоологическая серія работъ не представляетъ живого интереса. Популярность Мечникова началась лишь съ того момента, какъ онъ началъ дѣлать свои открытія въ области явленія, извѣстнаго въ медицинскою науку подъ названіемъ „иммунитета“.

Слово „иммунитетъ“ означаетъ способность организма побороть заразу. Каждый человѣкъ знаетъ, что эта способность въ большей или меньшей степени присуща каждому организму. Есть люди, которые въ своей жизни продѣлали всѣ заразные болѣзни, начиная съ дѣтскихъ болѣзней—кори, скарлатины, дифтерита—и

микробами природа возложила на специальный видъ клѣтокъ, которыми надѣлены всѣ организмы въ большей или меньшей мѣрѣ, и которымъ Мечниковъ далъ названіе „фагоцитовъ“. У человѣка фагоциты гнѣздятся главнымъ образомъ въ лимфатическихъ железахъ, селезенкѣ, костномъ мозгу и крови. Бѣлые шарики крови по преимуществу, а также благородныя клѣтки многихъ нашихъ органовъ—вотъ главные защитники нашего организма отъ нападена болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ.

Только съ того времени, какъ Мечникову удалось установить это положеніе въ наукѣ, послѣдняя стала на вѣрный путь борьбы съ заразными болѣзнями. Были открыты разныя вакцины и разныя сыворотки, при помощи которыхъ врачи стали успѣшно не только лѣчить заразныя болѣзни, но и предотвращать эти послѣднія.

Конечно, кромѣ Мечникова и его школы, на основѣ иммунитета воздвигли себѣ памятники и другіе ученые, которые открыли въ организмѣ существованіе еще другихъ родовъ оружія, дѣйствующихъ въ борьбѣ съ болѣзнетворными микробами.

Но эти роды оружія представляются замаскированными въ организмѣ. Они растворены въ жидкостяхъ организма, а потому невидимы намъ. Эти защитныя вещества организма, извѣстныя подъ названіемъ „противувѣтъ“, въ противоположность мечниковскимъ фагоцитамъ, недоступны нашему непосредственному наблюденію ни въ самомъ лучшемъ ультрамикроскопѣ ни въ самомъ совершенномъ химическомъ аппаратѣ.

Мы не только видимъ подъ микроскопомъ мечниковскіе фагоциты, но также наблюдаемъ непосредственно весь сложный и любопытный процессъ борьбы клѣтокъ съ бактеріями. Вотъ эта неотразимая наглядность и послужила къ привлеченію вниманія всѣхъ изыскателей живой природы къ области иммунитета.

Такимъ образомъ Мечниковъ положилъ прочный фундаментъ ученію о заразныхъ болѣзняхъ и борьбѣ съ ними,—ученію, которое будетъ еще очень долго развиваться во славу имени Мечникова.

Третьимъ крупнымъ вкладомъ Мечникова въ сокровищницу медицинскихъ наукъ послужило открытіе имъ восприимчивости человѣкоподобныхъ обезьянъ къ сифилису.

Только благодаря этому счастливому открытію Мечникова стало возможнымъ то, надъ чѣмъ наука тщетно работала въ теченіе многихъ десятилѣтій. Именно, очень скоро удалось открыть ту бактерійную форму, которая является виновницей этой страшнѣйшей болѣзни. Это такъ называемая сифилитическая блѣдная спирохета. А отсюда оказался уже одинъ шагъ къ открытію специфическаго лѣкарства противъ сифилиса — препарата 606.

Такимъ образомъ открытіе Эрлихомъ препарата 606 явилось естественнымъ послѣдствіемъ открытія Мечникова.

Наконецъ, четвертая великая заслуга Мечникова передъ лицомъ науки и человѣчества заключается въ его освѣщеніи лучами истиннаго знанія сути явленія старости.

Что такое старость?

Мечниковъ прямо отвѣчаетъ: „та старость, которую мы всѣ знаемъ, и которой до сихъ поръ никто изъ людей не избѣгъ, есть не что иное, какъ болѣзнь; нѣтъ болѣзни, противъ которой не было бы лѣкарства, а потому и старость должна быть признана излѣчимой, устранимой“. Съ этимъ убѣжденіемъ Мечниковъ принялся за поиски.

Трудно сказать, къ чему въ концѣ концовъ пришелъ бы Мечниковъ на этомъ полѣ изысканій, если бы тяжелый недугъ не положилъ предѣла его физическому существованію. Начатую имъ работу будутъ продолжать его многочисленныя ученики, разбѣянные по всему земному шару. Будемъ надѣяться, что плоды этихъ трудовъ не заставятъ себя долго ждать.

Вотъ задача для художника, который задается цѣлью символизировать для потомства въ одномъ понятномъ образѣ всю научную дѣятельность Мечникова: сочетать въ одномъ красивомъ образѣ зародышевое развитіе организма, подготовляющагося къ борьбѣ съ заразными болѣзнями, и къ предотвращенію физической старости, обычно неизбѣжной и смертельной.

И. И. Мечниковъ въ своей лабораторіи въ Пастеровскомъ институтѣ, въ Парижѣ.

Витязь и смерть.

(Съ 2 рис. на стр. 625 и 626).

2-го іюля въ Парижѣ скончался И. И. Мечниковъ.

Отдать неизбѣжную дань закону смерти тотъ, кто долгіе годы — почти всю свою жизнь боролся со смертью, призывая въ свои сотрудники въ этой борьбѣ научные законы и знанія. Не этой одной борьбой исчерпывается долгая ученая работа Мечникова: изучая міры безконечно-малыхъ органическихъ величинъ, онъ далъ наукѣ множество новыхъ взглядовъ, доктринъ и открытій, независимо отъ рокового вопроса о неизбѣжности смерти. Но для широкой публики имя великаго ученаго невольно и неизбѣжно связывается съ исканіями жизненнаго эликсира и съ прокладываніемъ путей для торжествующей жизни и для побѣды надъ смертью. Въ лицѣ И. И. Мечникова предъ нами какъ бы возставалъ вновь легендарный докторъ Фаустъ. Но Фаустъ, не разочаровавшись ни въ чѣмъ: ни въ жизни, ни въ наукѣ, ни въ небѣ. Фаустъ, оптимистически вѣрившій, что рано или поздно жизнь будетъ протекать разумно и естественно въ полномъ круговоротѣ существованія, ненарушимая преждевременными и неожиданными потрясеніями, и смерть будетъ брать только погущіе и выгорѣвшіе до конца угли въ очагѣ человѣческаго существованія. Этотъ новый докторъ Фаустъ глубоко вѣрилъ — и заставилъ и насъ вѣрить въ то, что человѣческая жизнь прекра-

щается для громаднаго большинства людей слишкомъ преждевременно и слишкомъ несправедливо и грубо нарушаетъ гармонию нашего бытія, и что въ этомъ виноваты сами люди, до сихъ поръ не разгадавшіе причинъ преждевременнаго одряхлѣнія и, что еще хуже, не желающіе считаться съ уже извѣстными причинами. Мечниковъ и старался исправить эту вину человѣчества — и все свое знаніе, весь свой глубокой умъ посвятилъ изслѣдованію тѣхъ таинственныхъ источниковъ, въ которыхъ скрывается смертное начало нашего бытія. „Жизнь есть величайшее благо“, — говорилъ онъ. Такое благо, каждая крупница котораго должна быть тщательно сохраняема. Благо великое послѣдствіями и результатами, ибо оно ведетъ къ совершенству человѣка и міра. Добро исходитъ отъ живыхъ, а не отъ мертвецовъ, жизнь совершенствуется живущими, и счастливъ тотъ, кто по неизбѣжной дорогѣ къ кладбищу успѣлъ выполнить до конца лежащій на немъ долгъ жизни: трудиться для украшенія земли и для просвѣтлѣнія жизни.

Жизнь должна догорѣть вся до конца, пока инстинктъ жизни не смѣнится инстинктомъ смерти, когда смерть покажется естественной и желательной отработавшему до конца организму. При такомъ естественномъ ходѣ жизни она и будетъ созна-

ваться людьми, именно, какъ великое благо. Отпадутъ сотни тяжкихъ случайностей, болѣзней, уродливыхъ отклоненій отъ жизненнаго инстинкта, мѣшающихъ людямъ жить въ самомъ расцвѣтѣ ихъ существованія. Мысль о возможной смерти не будетъ вторгаться людямъ въ психику, наперекоръ царящему еще въ ней инстинкту жизни. Тѣнь отъ могильныхъ крестовъ не будетъ ложиться на долины, полныя цвѣтущихъ розъ, и исчезнетъ самый страхъ смерти, потому что смерть страшна только тогда, когда еще не исчерпанъ до конца инстинктъ жизни, и когда смерть встаетъ предъ человѣкомъ на еще не законченномъ жизненномъ пути. И, не удручаемые черными мыслями, предчувствиями и страхами за себя и за близкихъ, люди будутъ бодро и радостно совершать свой долгій земной путь.

Мечниковъ самъ пережилъ этотъ ужасъ черныхъ тѣней и могильныхъ крестовъ еще задолго до своей кончины. Рано вступивъ въ сознательную жизнь, рано постигнувъ мрачныя стороны жизни, великій ученый, по его собственнымъ словамъ, былъ совершеннымъ пессимистомъ въ началѣ своего жизненнаго пути. Онъ тосковалъ о томъ, что жизнь несправедливо коротка и виситъ на волоскѣ, въ полной власти разныхъ случайностей и болѣзней. Онъ постоянно боялся за жизнь своихъ близкихъ: прекрасный семьянинъ и человѣкъ, умѣвшій тепло

ему въ его благородномъ ратномъ дѣлѣ, „Такъ берегись же!— кричитъ витязь смерти.—Если такъ, то и ты мнѣ врагъ!“ И стали они биться. И уже совсѣмъ-было сразилъ витязь смерть, но надломился у него мечъ. Подкосила его смерть своей косою, и лишь успѣлъ онъ своимъ послѣднимъ ударомъ разбить у нея забрало. „Не одолѣлъ я тебя,—сказалъ онъ, умирая,—но зато обнажилъ я твое лицо, и уже не сможешь ты отнынѣ подкрадываться незримо къ людямъ. Они будутъ издалека узнавать тебя и скрываться отъ тебя, и ты наполовину потеряла свое могущество надъ ними“.

Такимъ витяземъ представляется намъ и Мечниковъ. Онъ тоже разбилъ забрало смерти для того, чтобы она не могла подкрадываться тайно и внезапно къ человечеству.

Согласно предсмертной волѣ И. И. Мечникова, прахъ его былъ преданъ сожженію, а похороны были устроены самымъ скромнымъ. Урну со своимъ прахомъ покойный ученый завѣщаль по-ставить въ библиотечку Пастеровскаго института.

„Я хочу и постъ смерти находиться среди моихъ друзей“,— говорилъ онъ по поводу этого.

Рано утромъ медленно тянулись по парижскимъ улицамъ

Похороны И. И. Мечникова. Послѣ сожженія тѣла въ крематоріи, на кладбищѣ Père-Lachaise въ Парижѣ, урну съ пепломъ ставятъ на катафалкъ для перевезенія въ Пастеровскій институтъ.

любить своихъ ближнихъ, онъ не могъ дня прожить безъ опасеній за семью, за друзей, за вѣранныхъ его попеченію родственниковъ. Жизнь казалась ему бессмысленно короткой и неустойчивой. И едва ли не тогда ему впервые пришла мысль заняться изслѣдованіемъ причинъ дряхлости и смерти.

Но по мѣрѣ того, какъ подвигались его научныя работы въ этой области, первоначальный пессимизмъ сталъ смѣняться оптимизмомъ. Рядъ цѣнныхъ открытій, указавшихъ, гдѣ именно скрывается въ человѣческомъ организмѣ тлетворное начало (кишечныя бактеріи), давалъ ему надежду на то, что человечество рано или поздно сумѣетъ бороться съ этимъ началомъ, и когда-нибудь настанетъ такое время, когда жизнь человѣческаго организма потечетъ нормальнымъ путемъ расцвѣта и угасанія, безъ досадныхъ отклоненій и нарушеній великаго закона жизни. Онъ на себя показалъ, насколько ярка эта надежда: по словамъ И. И. Мечникова, всѣ члены его семьи не отличались долголѣтіемъ и рано умирали отъ болѣзней. Самъ онъ страдалъ болѣзнь сердца и „при обычныхъ условіяхъ почти навѣрное умеръ бы еще сорокъ лѣтъ тому назадъ“. Однако гигиеническій режимъ, выработанный на основаніи сдѣланныхъ имъ открытій и изслѣдованій касательно пищи и кишечнаго тракта, повелъ къ тому, что Мечниковъ дожилъ почти до 70 лѣтъ и, что еще замѣчательнѣе, до послѣднихъ своихъ дней сохранилъ рѣдкую работоспособность, ясность мысли и силу памяти.

Есть сказка о томъ, какъ витязь сражался со смертью. Онъ выѣхалъ въ чистое поле биться съ разными недругами и злодѣями, но вдругъ смерть стала ему поперекъ пути и помѣшала

простыя похоронныя дроги съ простымъ безъ всякихъ украшеній гробомъ. Рѣдкіе прохожіе равнодушно шли мимо, не обращая вниманія на эту скромную церемонію, убѣжденные, что это хоронятъ какого-нибудь бѣдняка. Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, что они видятъ похороны знаменитаго европейскаго ученаго, командора Почетнаго Легіона, имѣющаго по своему званію право на цѣлый полкъ для отдачи воинскихъ почестей.

Скромная процессія достигла кладбища Père-Lachaise. Гробъ съ останками И. И. Мечникова былъ внесенъ въ находящейся тамъ крематорій. Въ обширную залу съ колоннами и занавѣсью на заднемъ планѣ вошли лица, провожавшія прахъ покойнаго, и безмолвно усѣлись на стоящихъ здѣсь рядами, какъ въ церкви, стульяхъ. Прошло немного времени—и изъ-за занавѣси вынесли довольно большую урну...

Это было все, что осталось отъ великаго ученаго. Вѣрнѣе, отъ его земного облика, отъ его тѣла... Печальный обрядъ этимъ однако еще не закончился. Урну поставили на похоронныя дроги, и въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, при прежнемъ разсѣянномъ полувниманіи уличной толпы, прахъ И. И. Мечникова былъ отвезенъ въ Пастеровскій институтъ, гдѣ такъ много лѣтъ работала нашъ знаменитый соотечественникъ,—въ этотъ институтъ, одинаково прославленный какъ именемъ Луи Пастера, такъ и именемъ Ильи Мечникова.

Въ этомъ обиталищѣ великихъ гуманитарныхъ и научныхъ идей и нашелъ свое земное упокоеніе великій борецъ со смертью, указавшій намъ, какъ бороться съ нею и завѣщавшій не бояться ея и вѣрить въ торжество жизни...

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Оборона на четырехъ фронтахъ.

Пестекшая недѣля ознаменовалась значительной вспышкой наступательныхъ операций почти на всѣхъ фронтахъ войны. Англо-французы произвели наступленіе въ районѣ рѣки Соммы, наши войска произвели наступательную операцию въ направленіи на Галичь, румыны продолжали продвигаться въ Трансильваніи, и въ то же время обнаружилось наступленіе германо-болгарскихъ войскъ въ Добруджу.

Къ этому надо добавить крайне ожесточенный бой, идущій съ середины августа на лѣвомъ крылѣ нашей кавказской арміи, на фронтѣ отъ города Кыги до Ванскаго озера, при чемъ центральнымъ райономъ этого боя является районъ горнаго селенія Огнотъ.

На англо-французскомъ фронтѣ наступленіе союзниковъ въ районѣ Соммы носило тотъ обычный характеръ, который отличаетъ эти наступательныя операции англо-французовъ въ районѣ Перрона. Союзники, прочно закрѣпивъ за собою прежнія пріобрѣтенія въ этомъ районѣ, произвели новый ударъ, при чемъ этотъ ударъ былъ направленъ не столько на самый Перронъ, сколько вправо и влѣво отъ него.

Какъ извѣстно, Перронъ расположенъ къ югу отъ рѣки Соммы, а операции англо-французовъ, при ихъ послѣднемъ наступленіи, велись сначала къ сѣверу отъ рѣки Соммы. Къ югу же отъ рѣки Соммы французы наступали много южнѣе Перрона, при чемъ наступали въ такихъ районахъ, въ какихъ до сихъ поръ наступленія они не производили.

Благодаря этому, районъ наступленія англо-французовъ въ послѣдній разъ охватилъ уже фронтъ въ 35 верстъ шириною. Напомнимъ, что сначала наступленіе у Перрона началось на фронтѣ верстъ въ 8 шириной, затѣмъ фронтъ наступленія расширился постепенно до 12 — 15 и 20 верстъ, и, наконецъ, при послѣднемъ ударѣ наступленіе захватило широкій, 35-верстный фронтъ. Значеніе такого постепеннаго расширенія фронта заключается, во-первыхъ, въ томъ, что, чѣмъ шире фронтъ, тѣмъ большее число войскъ принимаетъ участіе въ наступленіи, а во-вторыхъ, въ томъ, что при извѣстной достаточной ширинѣ фронта возможенъ „маневръ“. Последнее же представляется весьма существеннымъ.

Дѣйствительно, изъ всѣхъ боевъ, происходившихъ съ февраля 1916 года на англо-французскомъ фронтѣ, можно было видѣть, что эти бои носятъ характеръ „долбленія въ одну точку“. Такой характеръ носило германское наступленіе въ районѣ Вердена, гдѣ сраженіе нисколько не распространялось на сосѣдніе фронты,

а имѣло характеръ непрерывнаго натиска въ одну точку — Верденъ. Такой же характеръ имѣло сраженіе у Перрона въ первые его дни. Вполнѣ ясно, при такомъ непрерывномъ „долбленіи въ одну точку“, шансы на успѣхъ дѣлаются все меньшими и меньшими, такъ какъ обороняющійся постепенно сводитъ сюда резервы, усиливаетъ здѣсь свое расположеніе и, наконецъ, сзади атакуемой точки создаетъ такіе новые укрѣпленные районы, что, даже въ случаѣ успѣха, прорыва фронта получиться не можетъ.

Французы существеннымъ образомъ измѣнили этотъ приемъ и, сдѣлавъ въ первые дни небольшое углубленіе въ германскомъ фронтѣ въ районѣ Перрона, все время его расширяютъ, при чемъ въ послѣднее время довели эту „вмятину“ на фронтѣ второй германской арміи до ширины около 35 верстъ. Въ то время, какъ при натискѣ нѣмцевъ у Вердена, вслѣдствіе „узости“ фронта, одновременно могло принимать участіе въ бою лишь весьма ограниченное число войскъ, не болѣе 3 — 4 дивизій, да и то толпившихся на одной небольшой площадкѣ, — у французовъ, въ районѣ Перрона, благодаря расширенію фронта до 35 верстъ, уже можетъ участвовать въ натискѣ въ 5 — 6 разъ большее число войскъ, чѣмъ у нѣмцевъ въ районѣ Вердена. Кромѣ этого, на 35-верстномъ фронтѣ атаки возможно „маневрированіе“, — возможны демонстраціи въ одномъ районѣ и сосредоточеніе удара въ другомъ, возможно постоянное перемѣщеніе центра тягести удара изъ одной точки въ другую.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, наступленіе нашихъ союзниковъ въ районѣ Перрона дало имъ такого рода расширеніе фронта, что у нихъ уже появилась свобода операций, что у нихъ уже оказались развязанными руки, какъ въ томъ отношеніи,

что они могутъ „прогибать“ германскій фронтъ въ районѣ Перрона уже болѣе значительнымъ числомъ войскъ, такъ и въ томъ отношеніи, что они могутъ мѣнять точки удара, выбирая любую точку довольно широкаго 35-верстнаго фронта. Это выгодное положеніе нашихъ союзниковъ вынуждаетъ нѣмцевъ съ особеннымъ напряженіемъ относиться къ оборонѣ Перронскаго района и приковываетъ ихъ къ этому району значительно болѣе, чѣмъ раньше. Насколько это цѣнно — можно судить по тому, что райономъ значительныхъ наступательныхъ операций въ послѣднее время сталъ, прежде всего, нашъ фронтъ, затѣмъ румынскій фронтъ въ Трансильваніи и, наконецъ, русско-румынскій фронтъ въ Добруджѣ, — поэтому, чѣмъ сильнѣе нѣмцы „привязываются“ къ району Перрона, тѣмъ болѣе благоприятной дѣлается обстановка для наступательныхъ операций на нашемъ фронтѣ и на балканскомъ.

Генераль Андрей Медардовичъ Заюнчковскій, командующій русскими войсками въ Румыніи.

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Отбитый у австрийцевъ Луцкъ. Старый замокъ.

В частности можно отметить, что наступление англо-французов в район Перрона при последнем ударе дало им еще 7.000 пленных, и в общем с начала наступления на рѣкѣ Соммѣ англо-французскими войсками захвачено в плен до 41.000 человек. Наконец, необходимо еще отметить, что в последнее время, в связи с румынским наступлением, многие венгерские полки были перетянуты с нашего фронта в Трансильванию, а взамен их стали прибывать немецкие части с англо-французского фронта, почему последний удар англо-французов в район Соммы, очевидно, имѣлъ в виду также удержать немцев от переброски войск на восточный фронт.

Наступлению англо-французов на рѣкѣ Соммѣ предшествовало наше наступление на Галич. Здѣсь наши войска вели, помимо атаки Галича, также атаку на Бржежанском направлении, что, очевидно, было необходимым для того, чтобы атака велась на достаточно широком фронте, т. е. для той же „свободы маневра“, о которой мы говорили выше. Первый наш удар далъ намъ значительный успѣхъ, при чемъ изъ двухъ атакующихъ здѣсь армій, — генераловъ Лечицкаго и Щербачева, армия генерала Лечицкаго заняла с боемъ желѣзнодорожную линію Галич—Сѣмиковце—Водники, а армия генерала Щербачева, атакующая съ верха, сразу преодолѣла неприятельское расположение на глубину в 16—18 верстъ, — отъ Золотой Липы до рѣки Нараявки (притока Гнилой Липы). В числѣ взятыхъ пленныхъ было больше половины германскихъ войскъ и, кромѣ того, оказалось несколько сотъ турокъ.

Такого значительнаго процента германскихъ войскъ в составѣ галицкихъ армій еще не наблюдалось, и поэтому можно было предполагать, что, прежде всего, у австрийцевъ дѣйствительно наблюдалось „истощение“, какъ результатъ двухъ галицкихъ погромовъ—1914 и 1916 годовъ. Главное же—очевидно, для обороны галицкаго района, какъ „фланговаго участка“, т. е. какъ праваго фланга главнаго фронта противника (ибо Трансильванія была отдѣльнымъ фронтомъ), немцы назначили спеціально германскія войска, оставивъ лишь небольшое количество австрийскихъ войскъ.

Когда же этого оказалось недостаточнымъ и наши войска снова имѣли успѣхъ у Галича, немцы совершенно замѣнили австрийскія войска германскими, отославъ полки своихъ союзниковъ в Трансильванію. Это обнаруживало, что противникъ намѣренъ весьма упорно оборонять Галич, — очевидно, считая, что нашъ успѣхъ у Галича открываетъ дорогу в тылъ галицкаго фронта, на Ходоровъ—Львовъ и этимъ угрожаетъ весьма серьезно всему австро-германскому расположению в Галичи.

Такимъ образомъ, послѣ перваго нашего успѣха в районѣ Галича, пришлось преодолѣвать упорное сопротивление уже однихъ германцевъ, лишь слегка усиленныхъ турецкими войсками. Галицкій участокъ фронта обратился в чисто-германскій и, в связи с этимъ, обнаружилъ большое упорство сопротивления.

Изъ другихъ наступательныхъ операций—наступательная операция румынъ в Трансильванію продолжалась безпрепятственно. Румыны наступали планомерно и систематически на всемъ 600-верстномъ фронтѣ своей границы и, кромѣ крупнѣйшихъ городовъ Трансильваніи, Кронштадта и Германштадта, заняли также Оршову—знаменитыя „Желѣзныя Ворота“ на Дунаѣ, на-

Министръ земледѣлія графъ А. А. Бобринскій.

ходящаяся в районѣ сопряженности трехъ границъ: венгерской, сербской и румынской. Какъ оказалось впоследствии, австро-германскій штабъ для обороны в Трансильваніи имѣлъ в первое время лишь 60 батальоновъ ландштурма, и только потомъ стали прибывать в Трансильванію венгерскіе полки съ различныхъ участковъ галицкаго-волынскаго фронта. Темъ не менее армия Кевеша оказалась не в силахъ приостановить наступление союзниковъ в Трансильваніи и, вынужденная одновременно обороняться на два фронта—румынскій и нашъ буковинскій, постепенно отходила изъ одного горнаго района в другой.

Очевидно, в виду такого серьезнаго безпомощнаго положенія Трансильваніи, германо-болгарскія войска произвели наступление в Добруджѣ, — стремясь этимъ своимъ ударомъ оттянуть румынскія войска отъ трансильванской границы. Кромѣ того, это наступление имѣло, вѣроятно, в виду задачу помѣшать сосредоточенію русско-румынскихъ войскъ в Добруджѣ, для чего германо-болгарскія войска стремились опрокинуть тѣ румынскія части на болгарской границѣ, которыя прикрывали упомянутое выше сосредоточеніе.

Наконецъ, для болгаръ имѣло значеніе болѣе глубокое продвиженіе в Добруджѣ и в томъ отношеніи, что в Добруджѣ Дунай образуютъ двѣ „сходящіяся“ линіи. Между тѣмъ, какъ извѣстно, именно промежуткомъ между Дунаемъ и побережьемъ Чернаго моря и представляетъ собою тотъ незащищенный районъ болгарской границы, которому болѣе всего угрожаетъ опасность.

Поэтому болгары, очевидно, также преслѣдовали продвиженіе впередъ с целью занять болѣе короткій фронтъ (такъ какъ линія Дуная и линія Черноморскаго побережья образуютъ „сходящіяся“ линіи), — чтобы, занявъ такой болѣе короткій фронтъ гдѣ-либо вблизи линіи Черноводы—Кюстенде, этимъ „съэкономить“ войска и имѣть больше силъ для македонскаго фронта.

Наступление болгаръ, усиленныхъ германскими войсками, вначалѣ увѣнчалось успѣхомъ, и ихъ значительнымъ силамъ удалось занять небольшую портъ Валчикъ на Черномъ морѣ, а также предмостное укрѣпленіе Туртукая на Дунаѣ, защищавшееся всего лишь одной румынской дивизіей. Кромѣ того, болгары заняли городъ Добричъ, бывшій до войны штабъ-квартирой 5-го румынскаго корпуса.

Однако помѣшать сосредоточенію русско-румынскихъ войскъ в Добруджѣ имъ не удалось, какъ имъ не удалось оттянуть румынскія войска изъ Трансильваніи. Сосредоточеніе русско-румынскихъ войскъ состоялось, при чемъ болгары были сразу вытѣснены изъ Добрича. Румынскія же арміи в Трансильваніи, не считаясь с натискомъ болгаръ у Туртукая, продолжали настойчиво свою наступательную операцію, занимая все новые и новые пункты, и в то же время наши войска продолжали тѣснить армию Кевеша на сѣверной границѣ Трансильваніи, у Буковины.

Такимъ образомъ на всѣхъ фронтахъ войны можно было отметить новыя вѣпшыки наступленія, при чемъ австро-германцамъ приходилось удерживать натискъ на довольно большомъ числѣ фронтовъ. В результатѣ недостатковъ резервовъ вынуждали ихъ жертвовать одними фронтами ради удержанія другихъ, и первой такой жертвой оказалась Трансильванія, гдѣ сопротивление противника оказалось слабѣе всего.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Равновѣснѣ смерти. Рассказъ Ивана Островнаго. — В батальонѣ. Очеркъ Алексѣя Липецкаго. — Заслуги И. И. Мечникова передъ наукой. Очеркъ Е. С. Лондона. — Витязъ и смерть. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Объявленія. — Отклики войны. — Твердыя цѣны и твердая политика. (Вопросы внутренней жизни). — Хронологія войны.

РИСУНКИ: Могила героя. Место мученической казни и могила стрѣлка 8-го сибирскаго полка, Киприана Сиваго. — Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ (3 рис.). — В Луцкомъ районѣ. — Легко-полевая желѣзная дорога. — Приготовленіе проволочныхъ загражденій (3 рис.). — Во время боевого затишья (3 рис.). — Къ окопамъ. — Русскія войска во Франціи (3 рис.). — Научное засѣданіе 20-го іюля 1916 г. на фронтѣ в память И. И. Мечникова. — И. И. Мечниковъ в своей лабораторіи в Пастеровскомъ институтѣ, в Парижѣ. — Похороны И. И. Мечникова. — Генералъ А. М. Заичковскій, командующій русскими войсками в Румыніи. — Министръ земледѣлія графъ А. А. Бобринскій.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 15.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 38

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдаеь 17-го сентября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку копирасей въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): первая 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страни. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Маммина-Сибиряка“ кн. 30. Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

МІРЪ ТАИНСТВЕННОГО.

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА

(содержитъ около 300 волшебныхъ фокусовъ). Открытіе тайнъ черной и белой магии. Спиритизмъ и разоблаченіе его явленій. Составлена по лучшимъ новейшимъ и древнѣйшимъ руководствамъ.

Краткое содержаніе: Магическіе и спиритическіе поразительные фокусы: говорящіе, стучащіе, ходящіе столы и проч. Самые простые способы безъ всякихъ аппаратовъ угадывать мысли другихъ лицъ или, сидя съ завязанными глазами въ другой комнатѣ, точно и безошибочно указывать, какіе предметы находятся въ карманѣ у совершенно незнакомыхъ зрителей, сколько у кого въ карманѣ денегъ и какъ кого зовутъ. Угадать имя жениха или невесты, или кто кого любитъ. Показывать тѣни привидѣній желаемыхъ лицъ. Масса карточныхъ фокусовъ, легко исполнимыхъ. Эти необыкновенные фокусы—дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Умертвить живого пѣтуха и оживить его. Превратить вино въ валку, а воду—въ вино. Таинства и секреты магии; индійское искусство брать раскаленное желѣзо голыми руками, воткнуть гвоздь въ языкъ, пронзить себя ланцетомъ шпалой, показывать отрѣзанную голову и сдѣлать себя неуязвимымъ. Искусство дѣлать деньги изъ воды. Наполнить мгновенно квартиру водой или туманомъ. Яичина изъ ничего, шитье безъ нитки и иглы. Пронзить руку ножомъ. Воткнуть шило въ голову. Заколдованн. денежн. пактулы. Волшебный танецъ монеты и масса другихъ поразительныхъ фокусовъ. Разоблаченіе и объясненіе знаменит. театральн. фокусовъ и подробное наставленіе, какъ ихъ дѣлать. Открытіе тайнъ древнихъ египетскихъ и персидскихъ магиковъ. Угадываніе мыслей. Во время исполненія фокусовъ каждый домъ можно превратить въ заколдованный замокъ и много др. Цена 1 руб. 25 коп. съ перес. 1 р. 55 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: П. КОМИСАРЕНКО, МОСКВА, УЛАНСКИЙ ПЕР., 30—4, КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. СКРИПАЧЕЙ!
НО-РУССКІЯ ИЗДА-ВАНІЯ КЛАССИКОВЪ
ВЪ ТОМАХЪ,
подъ редакціей пр. кн. Г. Дулова:
Этюдны д. одной скрипки: Крейцеръ, 42
этюда. 1 р. 50 к. Маззасъ, Op. 36. Тетр. 1
1 р. Роде, 24 Каприса, въ родѣ этюдовъ 1 р.
Кончерты д. скр. съ фп.: Виотти, № 23.
G—dur 1 р. 25 к. Мендельсонъ, Op. 64.
E—moll 1 р. 25 к. Роде, № 7. A—moll.
№ 8. E—moll, каждый по 1 р. 25 к.
Шайель, Op. 8. Шесть мал. дуэтовъ,
д. 2-хъ скр. (Ф. Давидъ)—60 к.
Нов. кат. инструментальн. муз. (иромъ
фп.) бесплатно. Москва, 4-е
П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

БУХГАЛТЕРІЯ :
в коммерч. образов. Заочные курсы по са-
мой обширной программѣ. СТЕНОГРАФІЯ.
АТТЕСТАТЪ. Цѣныны преми. Разсрочка.
Просп. безп. Петроградъ, В. О., Бол. пр., № 22.
„КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“. Р.

ПИСАТЬ
красиво и скоро будете, выписавши
„Механическую прописку“. Но-
вость въ каллиграфіи. Цѣна нал.
плат. 95 коп. Адресъ: Москва, ре-
дакція журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (42)

ГАМАМЕЛИДЪ
НОВОЕ СРЕДСТВО
ОТЪ ГЕМОРОЯ ц. 1.50 р.
Продажа въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.
Адресъ: Москва, Елоховская, 4. Е. И. Германъ.

РУССКАЯ ФОТОГРАФИЯ
ТОВАРИЩЕСТВО
ЛЮМО
МОСКВА.
МЯСНИЦКАЯ
14-П-39.
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

ЛѢЧЕБНИЦА для СТРАДАЮЩИХЪ
И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
ЗАЙКАНИЕМЪ.
МОСКВА, Н. Васильевая 14.
При лѣчебницѣ ПАНСІОНЪ.—Лѣчебница функционируетъ круглый годъ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.
Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошихъ заработковъ.
Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:
1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—85 к. 2) Изгот. аккумуляторы—
50 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—40 к. 4) Устан. телефоны, электр. звонки
и сигнализаци—85 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—50 к. 6) Гальвано-
пластика, никкелер., возлоч. и пр.—1 р. 25 к. 7) Устр. динамо-маш. и электрo-мотор.
до 500 ватт—1 р. 50 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—85 к.
Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—25 к., до 3 р.—30 к. и т. д. За налож. плат.
прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.
— Всѣ 8 руковод. высылк. за 6 р. 50 м.; съ налож. плат.—6 р. 65 к.—
Проспекты и отзывы высылаются бесплатно.
Адресъ: Техн. М. А. БОГОЛѢВОВУ, Москва, Бол. Козьминский пер., д. 4—85.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА
Эта книга составлена по лучшимъ источни-
камъ и содержитъ въ себѣ множество удиви-
тельныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жар-
кое лѣтнее время. Заставить свѣтъ горѣть въ
блюдѣ. Провести молнію въ комнатѣ, не
причиня никому вреда. Вырастить бобы въ
полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить
облако въ комнатѣ. Валь голыми руками рас-
каленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти ва-
жнѣйшіе фокусы дѣлаются безъ всякихъ
аппаратовъ. Превратить желѣзныи пруть въ
свѣчу. Зажечь сухія дрова водой! и мно-
жество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фоку-
совъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Но-
вейшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цѣна
съ пересылкой налож. платеж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съля-
жская ул., № 40, въ редакцію журнала „Оттеки Жизни“.

**Старческая
дряхлость,**
бесиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ
Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочи-
сленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ
обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей
и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по
дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для
здоровья вещества.
Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣльное дѣйствіе Спермина“, интересующимся
же всей органотерапией, высылается за четыре 7-ко-
пѣечныхъ марки, только что вышедшая книга
„Цѣлительныя силы организма“.
Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

артеросклерозъ, переутомленіе, общая
слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней,
послѣдствія алкоголизма и т. д., невра-
стенія и нервныя заболѣванія, половое
Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья. ПЕТРО-
ГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

2-й внутренний 5% сь выигр. Заемъ Гос. Банка 1866 г.

101 тиражъ 1-го сентября 1916 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 2-го внутренняго 5% сь выигрышами займа 1866 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, сь № 1 по № 50 включительно).

74	752	1090	1612	2323	3153	4218	4784	5897	6784	7716	8229	9152	9845	10531	11220	12255	12951	13378	14105	14668	15081	15527	16605	17188	17770	18425	19227	19834
97	789	1109	1657	2413	3284	4220	4866	5981	7088	7726	8245	9191	9878	10568	11349	12290	12986	13379	14113	14673	15195	15618	16672	17270	17879	18516	19254	19920
109	836	1160	1828	2414	3297	4338	4918	6048	7059	7756	8352	9370	9936	10623	11353	12294	12994	13491	14148	14679	15244	15634	16741	17326	17958	18591	19394	
175	845	1324	1841	2579	3373	4381	5040	6099	7082	7798	8383	9501	10035	10638	11384	12301	13030	13540	14168	14689	15250	15687	16760	17344	18016	18618	19420	
247	894	1408	1854	2678	3701	4388	5068	6164	7115	7803	8508	9611	10085	10721	11433	12327	13045	13577	14192	14780	15252	15700	16834	17402	18101	18849	19499	
379	920	1424	1857	2690	3719	4417	5124	6167	7200	7805	8522	9649	10088	10754	11452	12344	13075	13656	14202	14826	15311	15751	16834	17421	18120	18853	19548	
467	950	1442	2013	2879	3828	4459	5315	6440	7316	7842	8559	9666	10117	10823	11543	12520	13097	13675	14288	14895	15362	15789	16880	17431	18232	18867	19563	
481	979	1475	2176	2891	3959	4600	5623	6633	7398	7846	8574	9707	10222	10855	11642	12527	13201	13735	14323	14905	15412	15887	16929	17442	18254	18862	19566	
515	988	1522	2229	2949	3999	4661	5675	6662	7419	7853	8622	9725	10260	11003	11905	12610	13239	13759	14328	14948	15460	15939	17034	17456	18267	18864	19560	
545	1017	1529	2271	2995	4030	4723	5677	6717	7556	8044	8700	9731	10279	11089	12155	12616	13230	13835	14353	14958	15470	16068	17015	17558	18305	19100	19769	
629	1031	1531	2273	3117	4035	4724	5632	6729	7623	8122	8889	9732	10322	11120	12174	12712	13287	13979	14478	15009	15479	16394	17156	17722	18311	19148	19774	
660	1071	1596	2278	3122	4137	4779	5876	6752	7670	8189	8907	9788	10421	11139	12199	12858	13291	14064	14593	15023	15519	16468	17169	17767	18373	19166	19796	

Всего 338 серій, составляющихъ 16.900 билетовъ, на сумму 2.450.500 рублей.

При ГОНОРРЕЕ
ТИЗЕРИНЪ
 послѣдствіяхъ ея прѣдлается
 Д-ра мед. Гороховской для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цена 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 35 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 128, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?
 Лучшее средство къ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Всего 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требуемая адресовать:
 Москва, изд-ству "ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2.

Всёвозможные **ПОРТРЕТЫ** и **ИКОНЫ**.
 Прейс-курантъ вѣс. бевпа. Адресъ: г. Балгаръ, Курск. г. Художнику Ф. А. Щечка.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описание предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 Е. С.

ИКОНЫ

всѣхъ стилей, готовыя и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29. Прейс-куранты высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ
 и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правоисловіе и проч. **АТ-ТЕСТАТЪ**. Леготинныя условія подвизки и пробныя лекціи **БЕЗПЛАТНО**. Адресъ: Петрогр., "Кругъ Самообразования", Б. Румейная, 7—55.

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ
 въ 8 ур. и др. ит. бухгалтерія обучатъ каждому заочно. Удост. 5 вол. мед. и 5 поч. прест. за заслуги. Образцы шрифтовъ, учен. раб. и усл. вѣс. за 2—10 к. мар. Одесса, Ринельевская, д. Н. №12, Проф. каллигр. Ш. КРУКУ.

НЕ КРАСКА, АНГЛІЙСКИЙ ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ ВОЛОСЪ
 (The Royal Windsor Hair Restorer) возвращаетъ въ короткое время послѣдствіямъ волосамъ, незаметно для окружающихъ, ихъ бывшій естественный цвѣтъ. Цена большого флакона 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 45 к. Представитель для всей Россіи **ГЮСТАВЪ ГЮДФРУА**, Петроградъ, Невскій, 82 в.

СТРАДАЮЩИМЪ
 запорами, геморроемъ рекоменд. Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное, совершенно безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рец. вр. На ориг. коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ выписано полностью.

ЖЕЛУДКОМЪ

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи "Проктоль-Пеля", новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ **ГЕМОРРОЯ**. Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболняюще, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданиям Книгоиздательства „БЛАГО“, Вы безусловно БЫСТРѢ и УСПѢШНѢ достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на изученіе наизусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженій

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробно со всѣми нашими изданиями, выберите:

Гимназія на дому

30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, антек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ

10 томовъ по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Академія иностранныхъ языковъ.

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній.

15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, коммерч. корресп., коммерч. ариѳметики, говаровѣд., банков. дѣла, финанс., биржи и т. д. и т. д.

НАРОДНАЯ ШКОЛА

10 том. по 112—128 стр. для безграм. и малограм.

Пособіе по русскому языку. 4 тома — 9 руб.

Бухгалтерія. 4 тома — 5 руб. 60 коп.

Коммерч. Корреспонд. Русск., Франц., Англійск. Каждая по 1 руб. 40 коп.

Коммерческая ариѳметика. 1 руб. 40 коп.

Ариѳм. задачникъ, Алгебраич. задачи. По 2 р

Библиотечка языкознанія. Для усовершенств. въ яз. фр., англ. и нѣм. по 45 к. за кн.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО.—Подробный 15 к.

Корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазковая ул., в. д. № 18.

Собств. магазины: ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; (для проживающихъ въ Москвѣ и Петроградѣ): МОСКВА, Мясницкая 18.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ. Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

Въ виду продолжающихся затрудненій при отправкѣ грузовъ изъ Англій, заказы не могутъ быть выполнены немедленно по полученіи таковыхъ, а по очереди, по мѣрѣ ихъ поступления.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

А. КОТОМКИНЪ-САВИНСКІЙ.

„КНЯЗЬ ВЯЧКО И МЕЧЕНОСЦЫ“

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

изъ эпохи войнъ XIII-го столѣтія—завоеваніе нѣмцами Прибалтійскаго края.

ПОСВЯЩАЕТСЯ АВГУСТЪЙШЕМУ ПОЭТУ

К. Р.

Цѣна одинъ рубль.

Складъ изданія: Петроградъ, наб. Невы, Мраморный дворецъ, и при Конторѣ журнала „НИВА“, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Боевыя награды Вердену отъ всѣхъ союзныхъ державъ. Въ «Откликахъ войны» прошлаго номера мы указывали о готовящемся награжденіи Вердена за его стойкую, болѣе чѣмъ полугодную, оборону боевыми орденами. Нынѣ это награжденіе состоялось въ очень торжественной обстановкѣ.

Президентъ республики Пуанкарэ, въ сопровожденіи министровъ—внутреннихъ дѣлъ—Мальви и военнаго—генерала Рока, вручилъ Вердену знаки отличія, пожалованные этому городу главами союзныхъ державъ. Церемонія произошла въ верденской цитадели въ присутствіи генералиссимуса Жоффра и генераловъ Петэна, Нивелля и Дюбуа, префекта и супрефекта департамента, мэра города, представителей маасскаго департамента въ парламентъ и начальниковъ военныхъ миссій союзныхъ державъ.

Президентъ Пуанкарэ въ своей рѣчи напомнилъ, что на совѣщаніи, происходившемъ въ декабрѣ 1915 года, союзники рѣшили перейти къ согласованному наступленію въ 1916 году. Однако Германія взяла на себя инициативу наступленія. Доблестная войска генераловъ Петэна и Нивелля въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ выдерживали чудовищный ударъ германской арміи и доблестью своего духа и самопожертвованіемъ разрушили планъ противника, давъ этимъ возможность союзнымъ державамъ работать со все растущей энергіей надъ изготовленіемъ военнаго снаряженія; молниеноснымъ отпоромъ они положили предѣлъ германской мощи, распространивъ по всему свѣту вѣру въ окончательную побѣду союзниковъ. Эти войска обезпечили осуществленіе плана, выработаннаго генеральными штабами, и дали Россіи возможность подготовить свое побѣдоносное наступленіе въ іюнѣ и въ іюль; Италия—время организовать блестящія нападенія на Горлицу; франко-англійскимъ войскамъ—возможность приступить къ осуществленію на Соммѣ непрерывнаго ряда методическихъ военныхъ операцій; ближне-восточной арміи—подготовиться для оказанія братскаго содѣйствія въ борьбѣ съ германо-болгарами нашимъ новымъ союзникамъ—румынамъ.

«Честь и слава солдатамъ Вердена, — воскликнулъ Пуанкарэ, —оросившимъ своею кровью жатву, плоды которой начинають нынѣ пожинаться. Въ теченіе вѣковъ по всему земному шару будетъ звучать имя Вердена, какъ радостный, побѣдный кличъ освобожденнаго человѣчества!»

По окончаніи рѣчи президентъ республики прикололъ къ подушкѣ, поданной ему маромъ Вердена, слѣдующіе ордена: отъ имени Государя Императора — орденъ святого Георгія, отъ имени короля Великобританіи — военный крестъ, отъ имени короля Италиі—военную медаль за воинскую доблесть, отъ

имени бельгійскаго короля—крестъ Леопольда I, отъ имени сербскаго короля—золотую медаль за военную храбрость, отъ имени короля червогорскаго—золотую медаль и отъ имени правительства Французской республики — орденъ Почетнаго Легіона и французскій военный крестъ. Послѣ этого президентъ Пуанкарэ вручилъ нѣсколько французскихъ и иностранныхъ знаковъ отличія солдатамъ, отличившимся подѣ Верденомъ, а также медаль grand officier Почетнаго Легіона генералу Нивеллю.

Въ концѣ церемоніи президентъ Пуанкарэ сообщилъ, что, по только-что полученному сообщенію, японскій императоръ пожаловалъ Вердену почетную саблю.

Письмо съ Соммы. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» помѣщенъ переводъ характернаго письма французскаго солдата съ позицій на Соммѣ.

«...Да, это война, настоящая война... Мы убиваемъ бошей тысячами. Мы уже больше не у Вердена, гдѣ ежедневно получали въ подарокъ по 12.000 снарядовъ разныхъ калибровъ. Здѣсь, наоборотъ, полная пережѣна ролей: боши не въ состояніи платить намъ тою же монетою, до такой степени мы засыпаемъ ихъ снарядами самаго крупнаго калибра. Увѣряю тебя, что всѣ оставшіеся въ живыхъ германцы могутъ смѣло сказать, что побывали въ преддверіи ада.

Нашъ корпусъ, по обыкновенію, въ точности выполнилъ возложенную на него задачу: ему было дано три дня для овладѣнія передовой позиціей неприятеля, состоявшей изъ трехъ линій траншей, съ господствующимъ надъ ними бастиономъ. Онъ овладѣлъ ею въ теченіе одного утра.

Утро было поистинѣ прекрасно, при чемъ стоило намъ, — я подчеркиваю это, —весьма не дорого.

И какой духъ у нашей арміи! Трудно представить себѣ что-нибудь подобное! Я присутствовалъ вчера при смѣнѣ доблестной дивизіи, которая накануне отобрала отъ бошей въ теченіе 35 минутъ деревню.

При выходѣ изъ хода сообщенія стоялъ начальникъ дивизіи, рядомъ съ нашимъ знаменитымъ командиромъ, храбромъ В. Можешь себѣ представить, что эти молодцы, дефилируя передъ своими генералами, нарядились въ германскія каски и очки, найденныя ими въ траншеяхъ, и въ такомъ видѣ маршировали, распылая марсельезу.

Нашъ добрый генералъ съ улыбкой смотрѣлъ на этихъ героевъ, а на глазахъ у него блестяли слезы,—слезы умиленья тѣмъ, что они остались такими юными душой, сохранили такое истинно-французское остроуміе и незлобивую шутовскую шутливость».

Будущее Реймского собора. Въ художественныхъ кругахъ Франціи рѣшено не возстаивать Реймского собора. Поль Жиннети говорятъ: „Въ разрушенномъ соборѣ есть своя чарующая, грустная прелесть. Мнѣ эти развалины дороже, напоминая тяжелые дни Франціи, чѣмъ новый возстановленный соборъ. Построимъ новый храмъ, но Реймского собора касаться не будемъ». «Реставрировать Реймскій соборъ нельзя, — соглашается Пьеръ Милль, — такъ какъ онъ не будетъ тогда памятникомъ прошлаго». — «Не трагуйте его, — призываетъ Жозефъ Рейнакъ, — онъ раздѣлитъ наши страданія. Онъ — наша исторія».

Выборы въ траншеяхъ. Вѣрные своему конституціонному принципу, англичане не считаютъ возможнымъ нарушить его даже въ грозу войны. Поучительный примѣръ этому показала Британская Колумбія. Солдаты англійской арміи, уроженцы этой дальней англійской колоніи въ Сѣверной Америкѣ, примутъ участіе въ парламентскихъ выборахъ, не покидая траншей. Выборы въ Британской Колумбіи назначены на 14-е сентября, но на фронтѣ выборы начнутся раньше. Туда уже выѣхала особая избирательная комиссія.

Даже индѣйцы считаютъ нѣмцевъ дикарями. Амстердамскій корреспондентъ вѣнской «Neue Freie Presse» сообщаетъ о любопытномъ фактѣ, происшедшемъ въ Южной Америкѣ на рѣкѣ Амазонкѣ. Князь индѣйскаго племени ибаровъ, живущаго на берегахъ рѣки Амазонки въ Бразиліи, напалъ на поселеніе нѣмецкихъ колонистовъ. Князь Укашима II, начитавшись о звѣрствахъ, которыя нѣмцы продѣлываютъ со своими противниками на поляхъ сраженія и особенно съ плѣнными въ Германіи и Австро-Венгріи, до такой степени проникся ненавистью къ этому народу, что рѣшилъ объявить войну своимъ сосѣдямъ, нѣмецкимъ колонистамъ, переселившимся туда изъ Европы, съ согласія бразильскаго правительства. Газета «Meckling», издающаяся въ Рио-де-Жанейро, офиціозный органъ князя, напечатала его манифестъ къ своему народу, въ которомъ князь Укашима повелѣваетъ изгнать нѣмцевъ изъ предѣловъ его княжества.

Секреть нѣмецкихъ «перевосовъ» и ихъ техническія ухищренія. Въ виду все усиливающегося недостатка лошадей не только для кавалерійскихъ частей, но и для обозовъ, въ германской арміи особое значеніе придается теперь службѣ автомобильныхъ отрядовъ. По имѣющимся точнымъ свѣдѣніямъ, въ непріятельской арміи имѣется 34 автомобильныхъ батальона. Каждый батальонъ состоитъ изъ 180 — 250 грузовыхъ автомобилей и дѣлится на четыре роты. Автомобильные батальоны служатъ не только для перевозки всякаго рода запасовъ, но и для передвиженія резервовъ. Установлено, напримѣръ, что одна изъ ротъ резервнаго корпуса за десятидневный періодъ, — съ апрѣля 1915 года по февраль текущаго года, — перевозилась въ автомобиляхъ свыше 200 разъ. Въ предѣлахъ возможности перевозки въ автомобиляхъ комбинировались съ перевозками по желѣзнымъ дорогамъ.

Во время недавнихъ наступательныхъ попытокъ на рижскомъ фронтѣ, при артиллерійской подготовкѣ своихъ атакъ, нѣмцы примѣняли снаряды, дававшие двойной разрывъ, при чемъ одновременно получалось дѣйствіе шрапнели и сильное освѣщеніе обстрѣливаемой мѣстности.

«Русскому Слову» сообщаютъ о новомъ, примѣняемомъ нѣмцами, сигнальномъ приборѣ, назначеніе котораго — предупредить ночные подходы нашихъ развѣдывательныхъ партій. Приборъ представляетъ собою стеклянную колбу, легко разбивающуюся при прикосновеніи къ ней, послѣ чего заключающіеся въ колбѣ составъ, сильно пахнущій нафталиномъ, воспламеняется и горитъ краснымъ свѣтомъ, давая при этомъ густую облаку бѣлаго дыма. Такія колбы въ изобиліи разбрасываются нѣмцами впереди проволочныхъ загражденій и тщательно маскируются дерномъ.

Германскій шпионажъ въ печати. Съ самаго начала войны всѣ могли убѣдиться въ томъ, что подготовившая и вызвавшая войну Германія подготовила съ исключительной широтой и искусностью и шпионажъ.

Шпионажи оказались, по свѣдѣніямъ «Вечерняго Времени», не только многочисленныя дуподанные купцы, коммивояжеры, консулы, но и корреспонденты выдающихся нѣмецкихъ консервативныхъ, либеральныхъ и радикальныхъ газетъ въ Петроградѣ, Парижѣ, Лондонѣ. Война освободила многихъ изъ нихъ отъ ихъ прежнихъ обязанностей, но заботливое начальство солидарно съ ихъ редакціями нашло имъ другіе посты все для той же службы «фатерланду». Большинство этихъ господъ разослано по границамъ, ближе къ центрамъ воюющихъ странъ, самымъ слѣплымъ и «талантливымъ» корреспондентамъ дано отвѣтственное порученіе слѣдить за вражеской печатью. Такъ, два опытныхъ «корреспондента» нѣмецкихъ газетъ сидятъ въ Хапарандѣ у русской границы, получаютъ такимъ образомъ раньше всѣхъ русскія газеты за границу и немедленно по телеграфу передаютъ все для германцевъ интересное въ Берлинѣ, Кельнѣ и другіе города.

То же самое организовано нѣмцами по отношенію къ англійской печати, особенно же по отношенію къ французской и итальянской печати. Въ Базелѣ, напримѣръ, сидятъ самые ловкіе, опытные, бывшіе парижскіе корреспонденты нѣмецкихъ газетъ (какъ, напримѣръ, пресловутый Ней изъ «Франкфуртской Газеты»): это въ 25 верстахъ отъ французской границы, куда парижскія, лондонскія, джонскія газеты получаютъ черезъ нѣсколько часовъ по выходѣ. Все интересное немедленно регистрируется въ Берлинѣ. Англичане и французы приняли и съ своей стороны соотвѣтственныя мѣры.

Эти разоблаченія газеты указываютъ, какъ осторожны должны быть и мы въ нашей прессѣ и корреспонденціи.

Третій годъ войны — начало перелома. По мнѣнію англійскихъ военныхъ авторитетовъ военное положеніе въ началѣ третьяго года сильно измѣнилось въ пользу державъ союзницъ. Центральныя державы занимаютъ 431 тыс. квадратныхъ километровъ территорій, принадлежащихъ союзникамъ. Союзники же занимаютъ 2.775 тыс. квадратныхъ километровъ, принадлежащихъ центральнымъ державамъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, измѣрять километрами выгоды, приобрѣтенныя союзниками. Для этого слѣдуетъ только вспомнить положеніе, какое было въ 1915 году. Правда, наступленіе германцевъ на западъ было уже и въ то время остановлено. Арміи центральныхъ державъ продвинулись впередъ въ Россію, завоевали Сербію, Черногорію и Албанію, итальянская армія была остановлена передъ австрійской границей, сильная англо-фран-

цузская армія была приведена въ бездѣйствіе на Галлипольскомъ полуостровѣ, турки въ Арменіи успѣшно задерживали русскихъ. Германцы вездѣ вели наступленіе. За прошедшій годъ положеніе въ общемъ совершенно измѣнилось. Галлипольскій полуостровъ, гдѣ французы и англичане были принуждены бездѣйствовать, былъ ими эвакуированъ. Несмотря на гибель небольшого гарнизона Кутъ-Эль-Амары, мессопотамская кампанія дала англичанамъ большое владычество въ Шатъ-Эль-Арабѣ и османской провинціи Иракъ, германское вліяніе уничтожено въ южной Персіи, въ Салоникахъ союзники угрожаютъ Болгаріи и германскимъ сообщеніямъ съ Азією. Всѣ германскія колоніи въ Западной Африкѣ находятся въ рукахъ союзниковъ, германская Восточная Африка постепенно выходитъ изъ германской власти.

Первое неожиданное для германцевъ событіе произошло въ Европѣ при успѣшномъ отраженіи страшной германской атаки подъ Верденомъ. Разбитыя здѣсь центральныя державы потеряли инициативу и перешли къ оборонѣ. Германцы обѣщали туркамъ защитить ихъ; между тѣмъ турки, потерявшие Арменію и Аравію, принуждаются теперь посылать войска на помощь австрійцамъ. Англо-французскія войска отбрасываютъ германцевъ въ районѣ Соммы. Итальянцы заставляютъ австрійцевъ отступать. Русскіе быстро продвигаются къ границѣ Венгріи и успѣшно захватываютъ австрійскую территорію, покинутую въ 1915 году. На юго-востокѣ Европы сербская армія отодхнула и преобразовалась. Поддержанная англичанами и французами, она вступила въ бой съ болгарами и, нанеся ей пораженіе, заставила Баджидева отступить къ Монастырю. Русскіе въ Арменіи разбиваютъ турокъ. Ни на одномъ пунктѣ британской территоріи нѣтъ непріятеля.

Подводная война и набѣги цепелиновъ потерпѣли неудачу, выразившись въ нападеніяхъ на мирныхъ горожанъ, поселянъ и «купцовъ» въ морѣ, на которыхъ собственно даже запрещено нападать, по правиламъ Женевской конвенціи.

Отсюда видно, что военное положеніе совершенно измѣнилось къ выгодѣ союзниковъ. Но это только начало перелома. Преимущество въ положеніи союзниковъ все будетъ возрастать.

Воздушные бои. «Русское Слово» сообщаетъ итоги воздушныхъ боевъ. Съ самаго начала войны противникъ потерялъ легкихъ аэроплановъ около 675, гидрорановъ около 30—35, привязныхъ шаровъ свыше 70, дрижаблей не менѣе 12, цепелиновъ 32.

Цепелины L 21, сбитыиъ лётчикомъ Робинсономъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ деревни Уфлей въ Англии, гдѣ упалъ сбитый англійскимъ лётчикомъ Робинсономъ германскій цепелинъ L 21 были преданы землѣ на кладбищѣ Поттерсбаръ тѣла офицера и команды съ погибшаго цепелина. Похороны носили характеръ торжественной простоты. Собравшаяся большая толпа вела себя съ достоинственнымъ уваженіемъ къ павшему врагу. Это были военныя похороны. Германцевъ хоронили почти такъ же, какъ хоронятъ павшихъ на полѣ битвы во Франціи, только не было знаменъ, и не было салютовъ.

Около ста лётчиковъ, принадлежащихъ къ тому отряду, которому поручено вести борьбу съ цепелинами, въ воскресенье утромъ, перевезли шестнадцать тѣлъ изъ маленькой церкви Уфлей на кладбище. Гробъ съ тѣломъ командира, закутанный въ черное, былъ поставленъ на одинъ грузовой автомобиль, а гробы съ тѣлами нижнихъ чиновъ — на другой.

На кладбищѣ викарій Поттерсбара прочелъ заупокойныя молитвы, два рожка протрубили похоронный маршъ, и все было кончено. Во время похоронъ военный аэропланъ кружился надъ кладбищемъ, англійскіе лётчики стояли съ обнаженными головами.

Любопытные, собравшіеся послѣ церемоніи погребенія на кладбищѣ, могли прочесть на надгробной плитѣ командира цепелина слѣдующее: «Неизвѣстный германскій офицеръ, убитый при командованіи цепелиномъ L 21 3-го сентября 1916 года».

Вскоръ послѣ того близъ деревни Уфлей нашли металлическую дощечку съ вырѣзанными на ней именами командира погибшаго цепелина L 21 и людей его команды. (Германскіе морскіе цепелины имѣютъ марку L, а сухопутные — Z).

Аэропланъ авиатора Робинсона, одержавшаго побѣду въ воздушномъ бою, слегка поврежденъ, но самъ онъ остался совершенно невредимымъ. Когда Робинсонъ пріѣхалъ въ Уфлей въ автомобиль посмотреть на «свой трофей», военные, находившіеся тамъ, оказали ему восторженный пріемъ и тутъ же поднесли ему нѣсколько сувенировъ, и среди нихъ Желѣзный крестъ, найденный въ обломкахъ цепелина, золотые часы, которые, какъ предполагаютъ, принадлежали командиру цепелина. Лейтенантъ Робинсонъ получилъ за свой подвижъ сувениръ — англійскій орденъ Victoria Cross. Кромѣ этого высшаго воинскаго отличія, лейтенантъ Робинсонъ получилъ значительныя суммы, которыя въ свое время различными лицами были назначены въ премію тому, кто собьетъ германскій цепелинъ на британской территоріи. Только три изъ этихъ премій составляютъ уже сумму около 40.000 руб.

Несмотря на свою молодость, лейтенантъ Робинсонъ былъ уже въ активной службѣ на фронтѣ и былъ раненъ. Это очень ловкій и смѣлый пилотъ. По рассказамъ его товарищей, въ предпоследній набѣгъ цепелиновъ онъ проявилъ также необычайную ловкость, но, къ несчастью, его машина потерпѣла аварію, и онъ долженъ былъ спуститься на поле, при чемъ былъ даже легко раненъ. Тогда, какъ рассказываютъ, онъ сказалъ: «Въ слѣдующій разъ полечу внизъ или я, или цепелинъ». Случилось такъ, что полетѣлъ внизъ цепелинъ.

Японія переходитъ на европейскую азбуку. Парижскій корреспондентъ «Times Tegan» передаетъ полученное изъ Токио отъ освѣдомленныхъ лицъ сообщеніе, что японское правительство подготовляетъ упраздненіе существующихъ знаменъ японской письменности и введеніе латинскаго алфавита. Эта важная реформа докончитъ европеизацію Японіи. Не такъ давно проведенная реформа школьнаго обученія сократила число заучиваемыхъ знаковъ 4.700 до 1.360; введеніе латинскаго алфавита еще во много разъ облегчитъ обученіе и подготовитъ Японію къ той роли, которую ей предстоитъ играть въ качествѣ первоклассной державы на Дальнемъ Востокѣ, опирающейся на союзъ съ Россіей.

ЖЖВА

№ 38. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кп. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 17 сентября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Равносильно смерти.

Разсказъ Ивана Островнаго.

(Окончаніе).

III.

Долго не прѣзжалъ въ полкъ генераль, мѣсяцевъ шесть; а потомъ прѣехалъ другой, вновь назначенный, а про того узнали, что онъ получилъ дивизию.

Этотъ новый при своемъ посѣщеніи о библиотекѣ не вспомнилъ, и поручикъ Подпружный напрасно только ломалъ голову надъ вопросомъ, куда бы лучше спрятать алфавитную книгу, которая у него продолжала служить своему назначенію. И теперь онъ боялся упрековъ уже не въ томъ, что господа офицеры слишкомъ мало интересуются военной литературой, а наоборотъ, что они черезчуръ перегружены ученостью, можетъ-быть, даже въ ущербъ воинской практикѣ.

Послѣ того памятнаго посѣщенія библиотеки офицеры полка вдругъ почувствовали необыкновенный интересъ къ военной литературѣ. Комната за аркой, раньше такая тихая и сонная, гдѣ на полкахъ и въ шкапу безмятежно дремали тяжелые томы тактическихъ и стратегическихъ изслѣдованій, проснулась, оживилась и зажила новой жизнью. Отъ офицеровъ то и дѣло приходили требованія на книги отсюда, присылались прежнія, уносились новыя. Даже легкіе романы изъ первой комнаты не могли угнаться за солидными толстыми томами изъ заповѣдныхъ шкаповъ поручика Подпружнаго.

И все это вписывалось въ алфавитную книгу; у нѣкоторыхъ абонентовъ уже давно исчерпались отведенныя имъ страницы, и пришлось вышивать дополнительные.

Читались ли эти книги, или только такъ, пріятно проводили нѣкоторое время въ квартирахъ господъ офицеровъ, вѣдомо одному только Богу; но несомнѣнно, что, если бы новый бригадный генераль заглянулъ въ книгу, то, пожалуй, затруднился бы, что ему и дѣлать съ такимъ ученымъ полкомъ. А если бы онъ еще вздумалъ побесѣдовать на тактическія и стратегическія темы, то ужъ окончательно неизвѣстно, что изъ этого вышло бы.

Но этотъ генераль, къ счастью, больше интересовался стрѣльбой и штыковымъ дѣйствіемъ и, оставшись этой стороною дѣла чрезвычайно доволенъ, уѣзжая, благодарилъ командира и офицеровъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и грянулъ громъ. Кличъ войны пронесся по странѣ и прежде всего коснулся города и полка.

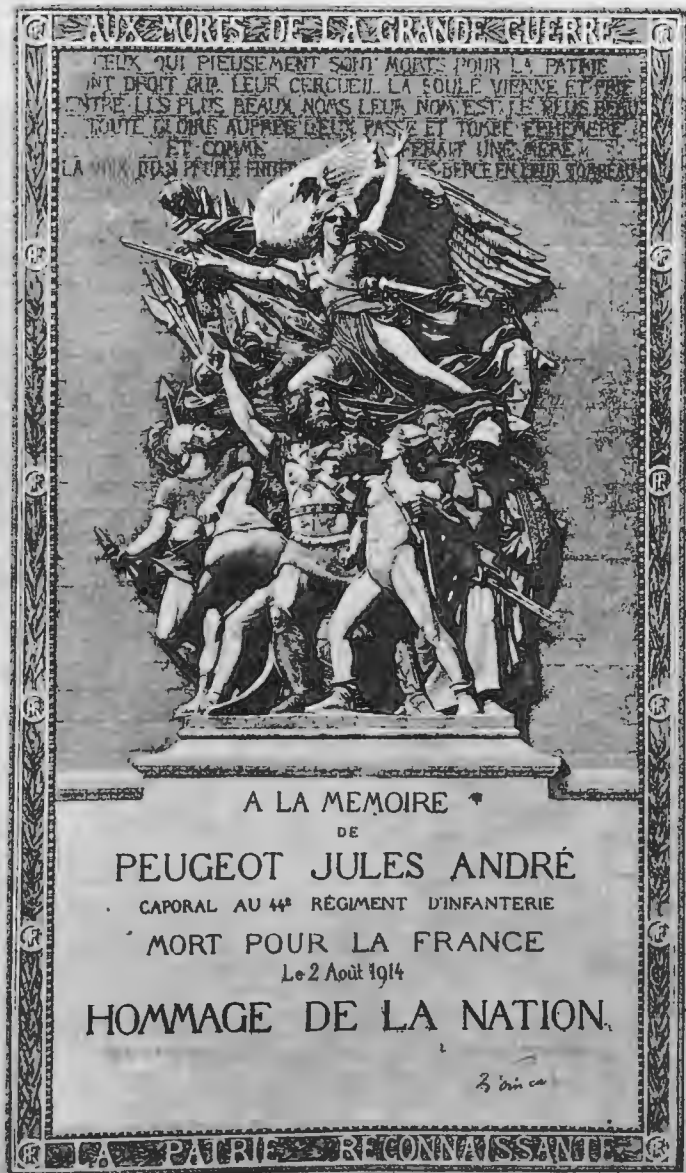
Городъ-то, разумѣется, остался на мѣстѣ, но полкъ собрался и выступилъ очень быстро.

Р-скій полкъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ, какъ наиболѣе близко стоявшимъ и бывшимъ всегда въ готовности, пришлось принять первый натискъ врага. И когда, наканунѣ боя, дивизія собралась въ назначенномъ мѣстѣ, и начальникъ дивизіи, бывший раньше бригаднымъ, производилъ послѣдній смотръ своимъ войскамъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтился съ Р-скимъ полкомъ и залюбовался тѣмъ, до чего здѣсь все было счастливо подобрано. И командиръ и офицеры и солдаты. Всѣ смотрѣли какими-то львами, и, взглянувъ на нихъ, генераль подумалъ: „вотъ ужъ эти не подадутся назадъ, — или возьмутъ или все полягутъ“.

Есть такія лица, на которыхъ написано: впередъ или смерть, — ничего третьяго. И такія лица были у каждаго и у всего полка.

Между прочимъ, генераль узналъ штабсъ-капитана Усенку, на скаку кивнулъ ему головой и усмѣхнулся, какъ будто вспомянувъ былой эпизодъ съ чистой страницей въ алфавитной книгѣ.

Богъ знаетъ, о чемъ онъ думать въ эти минуты. Быть-можетъ, о томъ, что теперь у всѣхъ чистая страница, и никто не знаетъ, что на ней напишетъ судьба.

Павшимъ въ великой войнѣ — благодарная отчизна. Почетный дипломъ, выдаваемый во Франціи семьѣ воина, положившаго жизнь за родину. На воспроизведенномъ дипломѣ начертано имя первой жертвы войны — капрала 44 пѣхотнаго полка Жюля-Андрэ Пежо, убитаго 20-го іюля (2-го августа нов. ст.) 1914 г.

Вѣдь вотъ сколько ихъ здѣсь, и у каждого въ груди бьется свое сердце. И одни вернутся оттуда, можетъ-быть, со славою, — ну, конечно, иначе и мыслить нельзя, — а другіе останутся тамъ навсегда. А угадай-ка, кто? Бѣлая страница, у всѣхъ одинаковая.

Усенко, обычно довольно мрачный, былъ въ веселомъ настроеніи и подшучивалъ надъ своимъ пріятелемъ Подпружнымъ.

— Что же, братъ, ты не притащилъ съ собой свою бібліотеку? Вотъ теперь бы въ самый разъ наскоро почитать пятый томъ Леера. Ха-ха!..

Скоро загремѣли орудія, а тамъ и дивизія вышла въ бой.

Подпружный въ первой же схваткѣ получилъ серьезную рану въ плечо и лежалъ въ полевомъ лазаретѣ. Про Маурова же ходили цѣлыя легенды о его неуязвимости. И дѣйствительно, его видѣли въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ: снаряды разрывались въ десяти шагахъ отъ него, пули жужжали надъ его головой.

Но въ концѣ концовъ пуля таки-нашла его и нащупала ужъ прямо его сердце. Третій день сраженія былъ для него послѣднимъ днемъ жизни.

Поручикъ Подпружный лежалъ на лазаретной койкѣ и злился. У него было раздроблено плечо, рана болѣла, но не Богъ вѣсть какъ. Ему было строго запрещено двигаться. Тамъ что-то было наворочено, цѣлая гора повязокъ, и гдѣ-то въ глубинѣ происходило срашеніе раздробленныхъ косточекъ.

И, конечно, срастется, и будетъ плечо, какъ плечо. По всей вѣроятности, рукъ вернется способность движения и всѣ прежнія способности, и снова онъ будетъ годенъ къ строю. Но когда это будетъ?

Рана въ битвѣ — дѣло законное. Каждый имѣетъ право получить ее. Рана, это — награда за храбрость и стойкость. Но онъ даже не имѣлъ возможности проявить эти качества. Ну, храбрость, положимъ, была, это даже замѣчено начальствомъ, и ему сказали уже о представленіи къ наградѣ; но стойкость — когда же? Вѣдь онъ не больше двухъ-трехъ часовъ былъ въ бою.

Конечно, надо, чтобы кто-нибудь былъ первымъ, но почему непременно онъ? Видно, ужъ такъ ему суждено: тамъ, въ бібліотекѣ, онъ сидѣлъ цѣлые вечера, а тутъ лежитъ, въ то время, какъ другіе бьются.

Принесли извѣстіе о Мауровѣ, и скверно стало на душѣ. Этакій весельчакъ, выдумщикъ, неутомимый строитель всякихъ празднествъ, декламаторъ, пѣвецъ, танцоръ, душа общества, — трудно даже представить его лежащимъ неподвижно, молча, съ закрытыми навсегда глазами.

А онъ, Подпружный, еще жалуется на судьбу! Съ нимъ она церемонится, идетъ на компромиссы. Онъ, можетъ-быть, еще не разъ побываетъ въ бояхъ, заработаетъ не одинъ крестикъ, а обѣднаго Маурова сразу скосило, какъ траву.

— А штабъ-капитанъ Усенко? Что онъ? — спрашивалъ Подпружный свѣжеприбывающихъ раненыхъ товарищей.

Тѣ безнадёжно махали рукой. Усенки нѣтъ. Никто и не знаетъ, гдѣ онъ. Рѣшился на такую штуку, за которую при неудачѣ могутъ разжаловать въ солдаты. Но его-то не разжалуютъ. Ужъ сыщется онъ или нѣтъ, а Георгій ему обезпеченъ, если только не два разомъ.

— Значитъ, удача?

На это рассказывали удивительную исторію. Усенко со своей небольшой частью — ротою съ лишнимъ, стоялъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ было затишь: вся непріятельская масса налегала на правый флангъ. Въ сущности, его отряду приходилось играть роль сторожевого.

Послѣ почти цѣлаго дня жаркаго боя наши, видимо, стали одолавать. Въ это время вдаль показался непріятельскій резервъ, который спѣшилъ на подмогу. Усенко видѣлъ это лучше, чѣмъ кто другой. Сообразилъ, что нашимъ грозитъ большая опасность, и рѣшился, — крикнулъ: „Братцы, кто смерти не боится, за мной!“

И повелъ своихъ впередъ. Видно, никто изъ нихъ смерти не боялся. Сперва, прикрываясь холмами, потомъ въ лѣсокъ, какъ разъ наперерѣзъ спѣшившимъ.

Даль подойти, и вдругъ изъ темной глубины лѣса — трахъ-тарарахъ... Залпъ, другой, третій, потомъ въ рассыпную...

И чортъ ихъ знаетъ, что вообразили нѣмцы. Должно-быть, имъ показалось, что въ лѣсу залегли полки. Смущеніе, остановка, а потомъ поворотъ къ лѣсу. А уже темнѣло. Въ лѣсу же совсѣмъ ночь.

Ну, что тамъ было, никто этого не знаетъ. А результаты налицо: наши воспользовались временемъ, — подоспѣла помощь, и отбили нѣмцевъ, въ конецъ разстроивъ ихъ ряды.

— А что же случилось съ Усенкой?

— А развѣ кто-нибудь знаетъ это? Лѣсокъ очищенъ, въ немъ подобрали раненыхъ, нашихъ и вражескихъ, и убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, а Усенки и слѣдъ простылъ. Съ нимъ, должно-быть, сотни четыре солдатъ...

— Это подвигъ! — съ горящими отъ восторга глазами сказали Подпружный.

— Да, это настоящій подвигъ.

— Двойной подвигъ, — замѣтилъ одинъ изъ раненыхъ офице-

ровъ. — Онъ шелъ почти на вѣрную смерть, а не удайся это и вернись онъ, рисковалъ всей карьерой.

Прошло два дня. Однажды въ лазаретѣ произошло какое-то странное движеніе. Въ утренній часъ, когда даже еще не всѣ проснулись, разнеслось извѣстіе, всѣхъ взволновавшее. Многие встали и направились къ прихожей. Другіе, не столь счастливые, лишь приподнялись, сколько могли, и всѣ устремили въ сторону входа жадно-любопытные глаза. О чемъ-то спрашивали, другіе что-то объясняли, и трудно было понять, въ чемъ дѣло.

Но вотъ все смолкло. Въ прихожей раздавались шаги нѣсколькихъ паръ ногъ. Затѣмъ вошли люди съ носилками, на которыхъ лежалъ раненый офицеръ. Подошли къ свободной кровати рядомъ съ поручикомъ Подпружнымъ и осторожно переложили раненаго на кровать.

Подпружный взглянулъ, — это былъ штабъ-капитанъ Усенко: но какой видъ! Все на немъ было изорвано и забрызгано грязью.

Сейчасъ же принялись со всѣми предосторожностями мѣнять ему бѣлье. Онъ, должно-быть, былъ не слишкомъ опасенъ, потому что не стоналъ и лѣвой рукой даже старался помочь одѣвающимъ его. Но въ ногахъ у него, должно-быть, была сильная боль.

Подпружный поднялся, — ему уже это было дозволено, и сѣлъ на постели.

— Усенко! Ты таки-нашелся!

Усенко повернулъ къ нему голову, лежавшую на подушкѣ, и улыбнулся своей широкой улыбочкой, открывавшей всѣ его не особенно бѣлые зубы и десны.

— Подпруга! Дружище... Лежишь?

— Да, братъ ты мой, не дали и дымомъ надышаться. Чуть что не въ первая пять минутъ... А ты... Тутъ про тебя чудеса рассказываютъ... Тебя считали погибшимъ.

— Хе... Какъ бы не такъ!..

— А какъ же ты выбрался?

— А чортъ его знаетъ, какъ... Это, братъ, солдатики ужъ сами... Впередъ-то я ихъ повелъ, а обратно ужъ они меня несли на плечахъ... Двое сутокъ гдѣ-то по лѣсамъ да по болотамъ... Кору грызли, братъ... А меня, думалъ, такъ ужъ, для честнаго погребенія несутъ... Анъ нѣтъ, братъ, живу, и впрдѣ намѣренъ жить... Эхъ, чортъ... Какая досада, — угораздило въ колѣно...

Но разговоръ былъ прерванъ врачомъ, который пришелъ и началъ дѣлать тщательный осмотръ ноги Усенки. Потомъ скоро его унесли въ оперативную комнату, тамъ вынули какіе-то осколки изъ его ноги. Хлороформъ онъ отвергъ.

— Я пьяница, и ничего не выйдесть, — сказалъ.

Обошлось при помощи мѣтнаго наркоза.

Послѣ полудня лазаретъ посѣтилъ начальникъ дивизіи, тотъ самый генералъ, что когда-то такъ похвалилъ Подпружнаго за бібліотеку. Онъ явился специально ради штабъ-капитана Усенки.

Старый генералъ поцѣловалъ его въ лобъ и поздравилъ съ чиномъ капитана. Потомъ сѣлъ на его кровати и восторженно говорилъ о его подвигѣ.

— Ваша безумная смѣлость и рѣшительность, капитанъ, спасла намъ положеніе. Васъ ожидаетъ достойная награда.

— А помните, ваше превосходительство, какъ вы меня разнесли за Леера и за другую литературу! — добродушно улыбаясь, сказалъ Усенко.

— А, помню, помню... Ну, что жъ, послѣ этого вы перечитали по крайней мѣрѣ сотню книгъ, а?..

— Прошу прощенія, ваше превосходительство: — ни одной.

Генералъ разсмѣялся.

— Такъ-таки ни одной? Что же, вы презираете ихъ, капитанъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, уважаю и боюсь.

— Вотъ какъ? Полковъ непріятельскихъ не убоялись, а книги боитесь. Какъ же такъ, капитанъ?

— Да вѣдь книга думать научаетъ... Вотъ и я, пожалуй, увидѣвъ непріятельскіе полки, вмѣсто того, чтобы повести своихъ молодцовъ впередъ, началъ бы думать и стоялъ бы на мѣстѣ. Тогда бы я не имѣлъ высокой чести видѣть ваше превосходительство у моей постели.

— Гм!.. Да, да... Въ этомъ вы правы, капитанъ. Нашему брату, вoinну, думать иногда бываетъ равносильно смерти. И мы, признать-таки, иногда слишкомъ много думаемъ.

Генералъ поднялся, пожалъ его руку, пожелалъ скораго выздоровленія и удалился.

— Усенко, — сказалъ тогда Подпружный, и въ его голосѣ слышалась печаль, — вотъ ты заработалъ капитана и Георгія, да и мнѣ что-то тамъ перепадетъ, а нашъ милый Мауровъ...

— А что такое съ нимъ? — съ большой живостью спросилъ Усенко.

— Да съ нимъ уже, братъ ты мой, ничего. Въ землѣ лежитъ...

— Мауровъ убить? Ахъ, Боже мой!.. — съ волненіемъ заговорилъ Усенко. — Бѣдняга... Да впрочемъ, что жъ! Онъ вѣдь былъ такой прыткій. Можетъ, онъ поторопился, а мы чуточку опоздаемъ, вотъ и вся разнища. Тамъ всѣ встрѣтятся...

Оба задумались и замолкли.

Для ея счастья.

Разсказъ Вадима Бѣлова.

I.

Уже четвертый мѣсяць какъ капитанъ Зиминъ командуетъ батальономъ на законномъ основаніи, а потому землянка его, находящаяся, какъ полагается, при батальонномъ резервѣ, т. е. въ четверти версты позади передовой линіи, уютнѣе, просторнѣе и даже „комфортабельнѣе“ тѣхъ, въ которыхъ живутъ командиры ротъ.

Постарались и солдаты резервной роты, выкопавъ въ мерзлой землѣ, еще въ ноябрѣ, когда полкъ сталъ на позицію, большую яму и обложивъ стѣны ея и полъ одинаковыми круглыми бревнами, постарались и печники, сложивъ изъ обломковъ кирпичей, привезенныхъ съ разбитаго сосѣдняго винокуреннаго завода, печь, но больше всѣхъ, конечно, постарался денщикъ Зимина—Степанъ Желтовъ, озаботившійся о комфортѣ и удобствахъ для своего барина.

Онъ устроилъ ступеньки изъ тѣхъ же обломковъ кирпичей, онъ принесъ изъ обоза раму со стекломъ, наконецъ онъ устроилъ капитану постель изъ еловыхъ вѣтокъ, наложенныхъ толстымъ слоемъ крестъ-накрестъ, и заставилъ плотниковъ сдѣлать для землянки кое-какую мебель—затѣйливый диванъ изъ березовыхъ молодыхъ стволовъ, пару табуретокъ и столъ, нѣсколько высокій, правда, но все же очень удобный.

И когда все было готово, капитанъ переѣхалъ и устроилъ „раутъ“, т. е. пригласилъ къ себѣ офицеровъ резервной роты и по одному изъ ротъ, стоявшихъ на позиціи.

Сидѣли часовъ до одиннадцати, а затѣмъ разошлись тѣ, кто пришелъ съ позиціи, и остались резервные „допивать самоваръ“ и дождать капитанское печенье.

Наконецъ ушли и эти... Когда за послѣдними изъ офицеровъ затворилась скрипучая дощатая дверь, обитая съ внутренней стороны полотнищемъ палатки, и капитанъ видѣлъ, какъ мимо низкаго, почти подземнаго окна промелькнули, ярко выдѣляясь

на серебряномъ бѣломъ фонѣ снѣга, ихъ черные силуэты, Зиминъ приказалъ денщику подать полушубокъ, чтобы совершить вечернюю прогулку, которой онъ не отмѣнялъ ни по какому поводу и ни въ какую погоду.

— Ваше высокоблагородіе, — откликнулся копошившійся около печки Степка, — а почему вы нынче и не просмагивали...

— Ахъ, чортъ возьми, я совсѣмъ и забылъ... А ребята-то, поди, ждуть?

— Такъ точно... фельдфебеля уже по два раза заходили... только я сказалъ обождать...

— А они что же, ждуть?.. — спросилъ капитанъ.

— Никакъ нѣтъ... ушли...

— Ну, все равно, — рѣшилъ Зиминъ, — давай почту... пошлемъ со связью...

Степка бросилъ топоръ и полѣно и откуда-то изъ-подъ кровати досталъ мѣшокъ, перевязанный веревкой.

Капитанъ снялъ папаху и усѣлся за столъ.

— Что, много сегодня? — спросилъ онъ нетерпѣливо.

— Порядочно, ваше высокоблагородіе... Пишутъ, все пишутъ, дѣлать имъ, видно, нечего...

— Ну, ты не ворчи... Садись да помогай лучше...

Изъ мѣшка на столъ высыпалась дѣлая лавина конвертовъ разныхъ величинъ: пестрыхъ, узкихъ, квадратныхъ, толстыхъ синихъ или красныхъ, голубыхъ и розовыхъ съ цвѣточками и голубками, склеенныхъ изъ газетной бумаги, конвертовъ съ фирмами, открытокъ, бандеролей, и оба, капитанъ и денщикъ, запустивъ въ эту массу бумаги руки чуть не

по локоть, принялись за привычное и хорошо знакомое за эти четыре мѣсяца дѣло.

На каждомъ конвертѣ, по большей части каракулями, неровными и неразборчивыми, среди часто совершенно ненужныхъ словъ и объясненій, значился номеръ роты адресата, и постепенно вся безформенная груда смѣшанныхъ писемъ превраща-

Александръ Николаевичъ Семеновъ, художникъ-корреспондентъ „Нивы“; награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, раненъ.

Изъ альбома участника войны. Въ занятой австрійской землянкѣ. Рис. нашего корреспондента А. Семенова.

лась въ четыре кучки, для каждой роты отдѣльно. Кромѣ того, въ сторону откладывались офицерскія письма и письма для денщиковъ.

— Эка тоже пишутъ!..—ворчалъ, разбирая письма, Степка.—И чего только пишутъ... кто ихъ знаетъ...

— Не ворчи... я тебѣ ужъ сказалъ...

Степка наморщилъ лобъ и замолчалъ.

Когда письма были разобраны, капитанъ перевязалъ аккуратно каждую пачку веревкой и приказалъ:

— Отошли со связью по ротамъ... Понялъ?..

Степка только кивнулъ головой и, захвативъ связки, вышелъ изъ землянки.

Капитанъ взялся-было за папаху, но потомъ, вспомнивъ, что еще не посмотрѣлъ адресованныхъ ему писемъ, протянулъ руку къ небольшой пачкѣ.

Онъ уже давно научился быть равнодушнымъ къ этой корреспонденціи, адресованной просто на имя „командира первого батальона“... Онъ зналъ, что это были не тѣ письма, которыхъ онъ ждалъ, зналъ, что они не принесутъ ему никакихъ приятныхъ новостей, и привыкъ просматривать ихъ безразличнымъ взглядомъ и приказывать батальонному писарю дать отвѣтъ „согласно спискамъ“.

Они всѣ были на одинъ ладъ, эти письма со штемпелями Сибири, Закавказья, Малороссіи, всѣ они начинались тѣмъ же почтительнымъ обращеніемъ: „Ваше высокоблагородіе“, а дальше заключали въ себѣ просьбы сообщить о судьбѣ какого-нибудь родича, уѣхавшаго на войну и не дававшего давно о себѣ вѣстей.

....Не откажите, сообщите, ваше высокоблагородіе, милостивый вашъ отвѣтъ, живъ ли мужъ мой или убитъ, если убитъ, то гдѣ похороненъ и когда померъ, или, можетъ, у германца въ плѣну, или въ безвѣстномъ отсутствіи, тоже дайте знать, потому я совсѣмъ одна, къ тому же и дѣтей у меня пять душъ...“ и т. д.

И точно такъ же, какъ притупляются нервы въ вѣчной опасности, при постоянной близости смерти,—точно такъ же притупились и нервы капитана къ страданьямъ этихъ людей, потерявшихъ своихъ сыновей, мужей и братьевъ на поляхъ сраженій. Онъ только дѣлалъ на углу конверта отмѣтку синимъ карандашомъ: „Писарю справиться и отвѣтить“ и откладывать ихъ въ сторону.

Между дешевыми цвѣтными конвертами случайно попался одинъ хорошій, плотный, опрятно заклеенный.

Капитанъ повертѣлъ его въ рукахъ, прежде чѣмъ распечатать, взглянулъ на адресъ и вдругъ наморщилъ лобъ, какъ бы вспоминая что-то.

Память еще не успѣла ему точно подсказать, чей это былъ почеркъ, но уже какимъ-то внутреннимъ тайнымъ чутьемъ Зиминъ предугадалъ что-то тяжелое, непріятное, пожалуй, даже трагическое и, не имѣя силъ распечатать конвертъ, отложилъ его въ сторону.

„Чортъ возьми, да чей же это почеркъ?..“ — спрашивалъ онъ себя, боязливо глядя на лежавшее передъ нимъ письмо и стараясь не слушать внутреннего голоса, подсказывавшаго ему что-то. Стараясь въ послѣднюю минуту обмануть самого себя.

— Ваше высокоблагородіе,—просунулъ въ дверь голову Степка,—гулять пойдете?.. а?

Зиминъ быстро взялъ со стола письмо и сунулъ его въ карманъ.

— Давай полупубокъ!—приказалъ онъ.

И, стараясь быть спокойнымъ передъ денщикомъ, онъ застегнулъ вздрагивающими пальцами всѣ крючки полупубка, надѣлъ папаху и, взявъ изъ рукъ Степана сучковатую палку, вышелъ черезъ низкую дверь изъ землянки.

Когда Зиминъ глядѣлъ на таинственный конвертъ, онъ еще имѣлъ силу обмануть самого себя и постараться позабыть знакомый, слишкомъ хорошо знакомый почеркъ, но когда, послѣ короткаго разговора со Степкой, онъ выходилъ въ лѣсъ, въ прозрачную, синюю отъ наваливавшегося повсюду дѣвственнаго снѣга, ночь, въ сознаніи его уже были готовы отвѣтъ на заданный имъ только-что самому себѣ вопросъ... Онъ зналъ, кто писалъ это письмо „командиру первого батальона“, и снѣпшилъ уйти отъ денщика, чтобы тотъ не замѣтилъ его волненія и внезапной блѣдности.

II.

Лѣсъ стоялъ, одѣтый въ свой роскошный, серебряный, усыпанный алмазами, нарядъ.

Высокія ели, стройныя и гордыя, не колыхались и не шумѣли расprostертыми широко черными, отягощенными слоемъ серебрянаго снѣга, вѣтвями.

Снѣгъ, сухой и легкій, скрипѣлъ подъ ногами, а тишину ночи разрывалъ только неожиданно и рѣзко звукъ одинокаго ружейнаго выстрѣла, повторяемаго лѣсомъ на тысячи различныхъ ладовъ.

Это перестрѣливались наши и непріятельскіе секреты, залегшіе впереди линій. Одинокія нѣмецкія пули рѣдко залетали сюда и щелкались о неподвижные мирные стволы старыхъ елей.

Капитанъ Зиминъ пошелъ по знакомой, протоптанной тысячами ногъ дорожкѣ, ведущей вдоль всего участка его батальона. Отойдя шаговъ сто, онъ оглянулся, убѣдился, что никто его не видитъ, и досталъ изъ кармана спрятанный конвертъ.

Лучъ электрическаго карманнаго фонарика вспыхнулъ рѣзко и ослѣпительно, и въ яркомъ блѣзномъ его кружкѣ Зиминъ снова съ поразительной ясностью увидѣлъ знакомыя закорючки на буквахъ „д“ и „у“ и весь вообще при-

Изъ альбома участника войны. Молитва на позиціи. Рис. нашего корреспондента А. Семенова.

вычный глазу узор тонкого женского почерка.

„Это, конечно, ея почерк... — сказала онъ про себя, разрывая конвертъ.— О, Господи, что же это такое?.. Что ей надо еще?.. Зачемъ она еще пишетъ?..“

И съ трепетомъ, нетерпѣннѣмъ и въ то же время страхомъ приблизилъ онъ къ выпуклому стеклу фонаря бѣлый плотный листокъ бумаги.

Въ этомъ письмѣ обычнаго обращенія не было. начиналось оно просто.

„Убѣдительно прошу не отказать сообщить что-нибудь о судьбѣ вольноопредѣляющагося Александра Ниловича Дарагана, находящагося въ полку съ 22-го августа. Четвертый мѣсяць не имѣю отъ него никакихъ извѣстій и страшно беспокоюсь. Адресъ прилагаю“.

Внизу была подпись, взглянувъ на которую, капитанъ сразу почувствовалъ, какъ на мгновение словно остановилось сердце и задрожали колѣни.

Онъ устало опустил на пень и погасилъ фонарь. Синій флеръ ночи окуталъ его тотчасъ же поспѣшно и бережно.

Теперь уже все было ясно Зимину, и мысль его заработала спокойнѣе и разсудительнѣе.

Онъ хорошо зналъ вольноопредѣляющагося Дарагана, пользовавшагося даже всегда его особеннымъ расположеніемъ, зналъ этого черноглазого красавца и храбреца съ университетскимъ значкомъ на гимнастеркѣ, но никогда капитанъ Зиминъ не допускалъ даже мысли о томъ, что „тотъ“ и этотъ Дараганъ — одно и то же лицо...

Онъ никогда не видѣлъ „того“, а къ этому привязался, даже почти подружился съ нимъ, несмотря на разницу служебныхъ положеній, за его живой общительный характеръ, свѣтлый умъ и какое-то особенное умѣнье очаровывать людей.

И теперь, когда капитанъ Зиминъ узналъ неожиданно, что „этотъ“ и „тотъ“ — одно и то же лицо, что онъ уважалъ, цѣнилъ и привязался къ человѣку, котораго долженъ бы былъ ненавидѣть, къ человѣку, разрушившему его счастье, — онъ сразу растерялся и не зналъ, что теперь предпринять и какъ поступать.

И, сидя на пнѣ бреди темнаго ночного лѣса, полнаго странныхъ отголосковъ отъ далекихъ выстрѣловъ и свиста пролетающихъ гдѣ-то пулъ, капитанъ Зиминъ вспомнилъ въ сотый разъ свою недавнюю трагедію, вспомнилъ свою потерянную, но еще по сей день горячо любимую жену и еще ниже опустилъ голову.

И странно показалось капитану, когда онъ вспомнилъ, что впервые лишь въ тотъ день, когда жена его бросила и ушла къ другому, онъ понялъ, что причиной этому была ихъ разница въ лѣтахъ, понялъ, что онъ уже старикъ, и что онъ жестоко ошибался, думая, что возрастъ не играетъ роли, былъ бы лишь человѣкъ „молодъ душой“.

И вотъ именно эта „молодость души“ погубила все дѣло!.. Чувствуя себя еще молодымъ и интереснымъ, чуть-чуть подкрашивая начинающіе уже сѣдѣть усы и считая жену искренно и навсегда влюбленной въ него и неспособной встрѣтить кого-нибудь болѣе себя по вкусу, капитанъ мало интересовался ея внутреннимъ міромъ, ея интересами, ея знакомствами и времяпровожденіемъ. Онъ былъ почти весь день занятъ и видѣлся съ женой лишь по вечерамъ, да и то всегда утомленный работой, маршировкой и служебными мелочами.

И вотъ случилось „это“!.. Капитанъ до сихъ поръ не могъ безъ волненія и страданія вспомнить тотъ день, перевернувшій все его міровоззрѣніе, разрушившій его глубокую увѣренность въ себя, какъ въ „молодомъ мужчинѣ“, и наконецъ лишившій его жены, которую, какъ онъ только потомъ почувствовалъ, Зиминъ любилъ гораздо больше, чѣмъ ему это казалось раньше.

Она ушла неожиданно для капитана, ушла днемъ, оставивъ записку на столѣ, которую онъ нашелъ, придя со службы вечеромъ: она просила только о разводѣ, говоря, что теперь только она поняла, что такое любовь и счастье.

„...Ты прости, меня, Володя, — писала жена, — ты мнѣ былъ очень близокъ, дорогъ, уважаемъ, но, я не знаю почему, я никогда не испытывала къ тебѣ того чувства, которое сейчасъ испытываю къ нему...“

„Ты будешь благоразуменъ, я знаю. — кончала она, — ты не будешь отравлять или пытаться разрушить мою жизнь, потому что любишь меня, мои же чувства остались къ тебѣ прежними, —

Изъ альбома участника войны.
Ходъ сообщенія и вторая линія окоповъ. Рис. нашего корреспондента А. Семенова.

слинись тебѣ, — но вошло въ мое сердце еще одно, котораго намъ не хватало, и оно побѣдило всѣ остальные...“

И дѣйствительно, какъ ни тяжелъ былъ для капитана ударъ, онъ покорился, быть-можетъ, именно потому, что нашелъ въ душѣ отвѣтъ на ея вопросъ: „чего имъ не хватало“?.. онъ даже согласился на разводъ, но тутъ началась война, полкъ выступилъ, и все остальное, каждодневное, будничное и обыкновенное отошло на второй планъ, уступивъ мѣсто другимъ интересамъ и мыслямъ.

„Такъ значить, — подумалъ капитанъ, — я почти четыре мѣсяца прожилъ съ нимъ бокъ о бокъ и не подозрѣвалъ этого?..“

И, поднявшись съ пня, пошелъ опять вдоль высокой стѣны молчаливыхъ елей, еще болѣе взволнованный внезапно нахлынувшими воспоминаніями, еще болѣе растерянный и смущенный.

III.

Участокъ третьей роты выходилъ угломъ на болото, теперь замерзшее, но весной, лѣтомъ и осенью совсѣмъ непроходимое, а потому оставленное неукрѣпленнымъ и охраняемое лишь полевымъ карауломъ.

По ту сторону болота были ясно видны на черномъ фонѣ лѣса бѣлые, покрытые снѣгомъ бруствера нѣмецкихъ окоповъ, прорѣзанныя въ нихъ бойницы для пулеметовъ, а въ бинокль можно было различить и узкія, параллельныя землѣ щели для ружейнаго огня.

Капитанъ Зиминъ спустился въ ходъ сообщенія, прошелъ по его извилинамъ нѣсколько десятковъ шаговъ и вышелъ въ самый нашъ окопъ. —крытый блиндажемъ, длинный, темный коридоръ, во мракѣ котораго лишь чернѣли фигуры наблюдателей и тускло поблескивали затворы выглядывавшихъ въ бойницы винтовокъ.

Чтобы итти подъ низкимъ блиндажемъ, капитану приходилось нагибаться, — онъ былъ высокъ ростомъ и грузенъ, — и этотъ недалекий путь утомилъ его.

Зиминъ дошелъ до конца окопа, гдѣ почва рѣзко спускалась внизъ и начиналось болото, вытѣлъ изъ-подъ блиндажа и окликнулъ часового:

— Гдѣ землянка фельдфебеля?

Приставившійся грудью къ брустверу солдатъ, покуривавшій

скрученную из газетной бумаги папироску, сперва нехотя оглянулся, но потом, узнав во мраке крупную фигуру батальонного командира, спрятал цыгарку в рукав, вытянулся и ответил:

— Направо, ваше высокоблагородие, по переулку первая землянка...

Солдаты уже привыкли называть извилистые ходы сообщения улицами или переулками, в зависимости от их длины и ширины, и действительно эти глубокие, переплетающиеся ходы, по обьёмъ сторонамъ которыхъ были выкопаны землянки, замѣнявшія дома, были очень похожи на улицы громадныхъ, густо населенныхъ подземныхъ городовъ.

Зиминъ нашёл безъ труда землянку фельдфебеля. Это была глубокая нора, выходящая в переулокъ низкой дверью, завѣшенной палаткой, сквозь дыры которой просачивался робкій красноватый свѣтъ глѣющихъ в печи полѣньевъ.

Капитанъ наклонился къ двери... Теперь онъ уже рѣшилъ, что дѣлать.

— Вольноопредѣляющійся Дараганъ, — окликнулъ онъ, — вы здѣсь?..

Кто-то зашевелился в норѣ, и отвѣтилъ молодой свѣжій голосъ:

— Здѣсь... А это кто?..

— Это капитанъ Зиминъ... А вы что, спите?..

— Никакъ нѣтъ, не сплю... чай допиваю... Я сейчасъ выйду...

И черезъ минуту изъ-подъ земли показалась красивая голова молодого человѣка в фуражкѣ и кожаной курткѣ, на ходу натягивавшаго на плечи шинель.

— Я вамъ помѣшалъ?.. а?.. — спросилъ тихо капитанъ, разглядывая внимательно вольноопредѣляющагося и думая въ то же время: „Какой однако красавецъ... Я раньше даже не обращалъ вниманія... Неудивительно, что она...“ И не докончивъ своей мысли, — стало опять тяжело и скверно отъ проснувшегося ревниваго чувства.

— Пройдемтесь, другъ мой, — сказалъ капитанъ, — хочется съ вами побесѣдовать...

Дараганъ уже застегнулъ шинель и охотно теперь согласился:

— Съ удовольствіемъ, Владиміръ Васильевичъ... Ночь превосходная!

Они пошли молча по длинной узкой канавѣ хода сообщенія назадъ къ самой гущѣ лѣса, гдѣ можно было уже безопасно выйти на поверхность земли.

Когда ходъ кончился и они вышли наверхъ, Дараганъ догналъ капитана и пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Скажите, Дараганъ, — спросилъ нѣсколько минутъ спустя капитанъ, оставивъ и позабывъ всё заранѣе приготовленные слова и фразы, — почему вы больше ей не пишете?

Тотъ вздрогнулъ сразу, но точась же взялъ себя въ руки.

— То-есть кому, Владиміръ Васильевичъ? — спросилъ онъ, приподнявъ брови.

— Не притворяйтесь, Дараганъ, я отлично все знаю, да и вы прекрасно понимаете, о комъ идетъ рѣчь... Скажите, почему вы ей не пишете и заставляете ее страдать и беспокоиться?

Дараганъ остановился и, запнувшись на минуту, спросилъ нерѣшительно:

— Вы говорите...

— Да, да, да, именно... я говорю о Надеждѣ Сергѣевнѣ, — докончилъ за него капитанъ.

Въ эту минуту гдѣ-то совсѣмъ близко отъ нихъ щелкнула о стволъ дерева нѣмецкая пуля. Оба невольно пригнули головы.

— Сойдемте лучше въ ходъ, — предложилъ Дараганъ, — сюда иногда и не одна пуля залетаетъ.

Но капитанъ нетерпѣливо покачалъ головой и не отвѣтилъ даже, занятый своей мыслью.

— Да, я именно говорилъ вамъ о Надеждѣ Сергѣевнѣ Зиминной, — продолжалъ онъ. — Вѣдь вы знали такую?.. Не правда ли?..

— Зиминной?.. — переспросилъ Дараганъ, словно не понимая, и вдругъ, взглянувъ на капитана, сдѣлалъ шагъ назадъ; его, видимо, поразило сходство фамилій, ему въ голову, вѣроятно, тоже пришла эта странная мысль.

— Что, — замѣтилъ между тѣмъ

капитанъ съ грустной улыбкой, — вы удивлены?.. и, кажется, не меньше моего... Ни вы ни я не подумали ни разу, что мы соперники... Не правда ли, странно?..

— Такъ неужели же Надежда Сергѣевна... — началъ опять вольноопредѣляющійся, все еще не пришедшій въ себя отъ изумленія.

— Да конечно же, чортъ возьми... Я вамъ говорю, что Надежда Сергѣевна Зимина, моя жена, то-есть бывшая жена, конечно... Ясно?..

Оба замолчали и опять пошли по тропинкѣ, стараясь машинально шагать въ ногу.

Молодой человѣкъ постепенно пришелъ въ себя отъ неожиданности и удивленія, онъ теперь уже съ любопытствомъ разглядывалъ сбоку капитана и думалъ:

„Такъ вотъ онъ, ея супругъ... Однако онъ почти въ два раза старше ея, неудивительно, что она и бросила его...“

И тутъ только вспомнилъ Дараганъ, что Зимина почти никогда не говорила ему о мужѣ, стараясь всегда обходить этотъ вопросъ, и видно было, что ей было неприятно и тяжело вспоминать о немъ. И вотъ теперь этотъ таинственный человѣкъ былъ передъ нимъ, передъ Дараганомъ, и вовсе не казался грознымъ, а, наоборотъ, казалось, пришелъ просить о чемъ-то.

— Видите ли, Владиміръ Васильевичъ, — началъ тогда молодой человѣкъ, — я действительно давно пересталъ писать вашей... да, Надеждѣ Сергѣевнѣ, но у меня были на то вѣскія причины... увѣряю васъ... Я готовъ даже сказать вамъ, почему именно я не пишу ей и заставляю ее беспокоиться и мучиться, какъ вы сказали, но скажите же ради Бога мнѣ, откуда узнали вы сегодня, что я именно такъ самый человѣкъ, съ которымъ сошлась... Дина?

Капитанъ протянулъ ему конвертъ и зажегъ фонарикъ. Дараганъ быстро пробѣжалъ глазами письмо, и Зиминъ видѣлъ, какъ дрогнули его губы, и обрисовалась на лбу глубокая морщина.

— Ну-съ, такъ какъ же?.. — спросилъ капитанъ, пряча письмо въ карманъ. — Чѣмъ же провинилась Надя передъ вами, что вы рѣшили ей не писать и помучить ее?

— Почти тѣмъ же, чѣмъ и противъ васъ, господинъ капитанъ, — глухо отвѣтилъ Дараганъ, не глядя на него.

Изъ альбома участника войны.
Передовая линія. Послѣ тревожной ночи. Рис. нашего корреспондента А. Семенова.

Зимину показалось, что он ослышался, он схватил за руку вольноопределяющегося и, приближая к его лицу свое, почти закричал:

— Как, она изменила и вам?.. Она и вам изменила, я вас спрашиваю? Да говорите же ради Бога... как это было?.. Говорите, не мучьте...

Дараганъ осторожно высвободил руку и заговорил:

— Къ сожалѣнiю, я могу вамъ сказать очень немного, Владимиръ Васильевичъ, я могу вамъ только сказать, что Дина хотя и не бросила меня, какъ бросила васъ, но изменила мнѣ. Это собственно и послужило однимъ изъ мотивовъ того, что я раньше призыва пошелъ на войну добровольцемъ... Понимаете?..

Капитанъ понималъ все отлично, голова его еще глубже ушла въ плечи, и самъ онъ теперь казался еще старше и утомленнѣе.

— И что же,—заговорилъ онъ тихо,—вы такъ и думаете ее теперь бросить?

Дараганъ пожалъ плечами:

— Зачѣмъ же бросить?.. Я просто исчезну для нея, какъ исчезаютъ теперь изъ жизни тысячи людей... Пусть она думаетъ, что я убитъ, что я пропалъ безъ вѣсти... что угодно!.. Я ей никогда не говорилъ, что узналъ объ ея изменѣ, и у нея не можетъ быть подозрѣнiя, что я скрываюсь... Вотъ и все...

— Но вѣдь она же васъ любить и теперь, если пишетъ и спрашиваетъ о вашей судьбѣ?

— Можетъ-быть, но зато теперь я плохо вѣрю ея любви...

— О, вѣтъ,—заговорилъ горячо и страстно Зиминъ,—она васъ любить еще, и вы не должны быть строги къ ней... Вы должны прежде чѣмъ судить, подумать о томъ, какiя послѣдствiя будетъ имѣть вашъ приговоръ... Вы подумайте... Жена, бѣжавшая отъ мужа, въ концѣ концовъ не такъ ужъ это ужасно... особенно отъ такого стараго мужа, какъ я... Но жена, бѣжавшая сперва отъ мужа, а затѣмъ и отъ любовника, это уже въ тысячу разъ хуже... Не такъ ли?

Дараганъ молчалъ.

— Что оставляетъ вы ей теперь, когда она будетъ даже, допустимъ, знать, что вы погибли на войнѣ... что?.. Вы представите ей самостоятельную спускаться съ одной ступени на другую все ниже и ниже... Вы оставите ее падать, вы, единственный, который можетъ ее спасти, и котораго она все еще любитъ... Подумайте!.. О, сейчасъ я самъ готовъ быть бы пойти ей на помощь, самъ сдѣлалъ бы все, что угодно, чтобы только спасти ее, но я безсидень, и вы знаете, почему... потому что я не люблю ея... А между тѣмъ все теперь въ вашихъ рукахъ...

— Вы думаете?..—задумчиво переспросилъ Дараганъ.

— Конечно!.. Господи, да это такъ ясно... Напишите ей, подержите ее и затѣмъ посмотрите, судитъ ли она вашей дальнѣйшей поддержки... и тогда уже судите, а пока будьте снисходительны къ женщинѣ, которая ради васъ не побоялась... Ну, да вы сами отлично, я думаю, понимаете, о чемъ я говорю?..

— Да, конечно,—тихо сказалъ тотъ и остановился. Пошелъ снѣгъ, и бѣлыя, легкiя и затѣйливыя снѣжинки, кружась, тихо падали на деревья, людей и землю.

— Я сейчасъ въ странной роли,—продолжалъ, беря его за руку, капитанъ,—мужъ, упрасивающей любовника не бросать его жены,—это не совсѣмъ обычный случай... Но вы меня понимаете... Вы понимаете, что я до сихъ поръ еще люблю Надю и боюсь за нее, какъ боялся за ея судьбу и прежде... Я боюсь, что вы, не разсудивъ, дадите ей тотъ толчокъ, который послужитъ началомъ ея окончательнаго паденiя... Не бросайте же ея, которая такъ васъ любить, испытайте ее прежде, а потомъ... Богъ вамъ судья!.. Тогда ужъ и вина не на васъ падетъ...

Дараганъ, казалось, думалъ о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ, но на самомъ дѣлѣ каждое слово капитана касалось его сердца...

Изъ альбома участника войны.
Артиллерійскiй наблюдательный пунктъ. Рис. нашего корреспондента А. Семенова.

Онъ низко наклонилъ голову, чтобы капитанъ не могъ видѣть его взволнованнаго лица.

И въ тишинѣ лѣса, примолкшаго подъ поющiе звуки пролетающихъ гдѣ-то вдали пулъ, Зиминъ услышалъ его тихiй голосъ:

— Хорошо, попробуемъ... Я напишу ей...

— Общаете?..—задыхаясь отъ волненiя, спросилъ капитанъ, наклоняясь къ нему.

— Общаю...—коротко отвѣтилъ вольноопредѣляющийся и, повернувшись круто, не поднимая головы, быстро пошелъ къ ходу сообщенiя, словно боясь, чтобы капитанъ не нагналъ его и не увидѣлъ выступившихъ на его глазахъ слезъ.

IV.

Возвратясь назадъ въ свою „комфортабельную“ землянку, капитанъ разбудилъ Степку и приказалъ ему достать бумагу и чернила.

Сонный Степка, не спѣша и задѣвая со сна боками то табуретку, то диванъ, досталъ все просимое и, не обративъ даже вниманiя на разстроенное и взволнованное лицо барина, пошелъ спать „съ того мѣста, на которомъ остановился“.

А капитанъ между тѣмъ, стараясь измѣнить почеркъ, писалъ: „М. Г. Въ отвѣтъ на вашъ запросъ о судьбѣ вольноопредѣляющагося Александра Дарагана, сообщая вамъ, что послѣднiй живъ, здоровъ и числится въ спискахъ третьей роты“.

И, сдѣлавъ вмѣсто подписи какую-то фантастическую закорючку, капитанъ заклеилъ письмо, надписавъ адресъ и отложилъ конвертъ въ сторону.

Затѣмъ снялъ китель и сапоги и, оставшись въ фуфайкѣ, долго и горячо молился на маленькiй, висѣвшiй въ головахъ, складень. Задувъ свѣчу и укрывшись одеяломъ, не сразу заснулъ, а по привычкѣ все прислушивался къ одинокимъ ружейнымъ выстрѣламъ и щелканью о деревья пулъ.

На новыхъ мѣстахъ.

Разсказъ Юрія Волина. Иллюстрація П. Бучкина.

Въ городкѣ жителей пятнадцать тысячъ. Бѣженцевъ прислали сюда пять тысячъ. Потѣснились немного, всѣхъ умѣстили. Всѣ нашли себѣ кровъ, питаніе, уходъ въ болѣзни, школу для своихъ дѣтей, а кто способенъ къ работѣ, нашель и работу.

Большіе русскіе города испугались наплыва бѣженцевъ, замкнулись, насупились, поставили сторожей у воротъ: „пробѣжай дальше!“

— Изъ Ковны повезли насъ въ Харьковъ, — разсказывалъ мнѣ бѣженецъ. — Было насъ шестьдесятъ вагоновъ... Шестьдесятъ вагоновъ, биткомъ-набитыхъ... Сосчитайте-ка, сколько!.. Ну, въ Харьковѣ насъ не приняли. „Много здѣсь уже!“, — говорятъ. Повезли насъ дальше. Привезли въ Симферополь. И Симферополь не захотѣлъ насъ принять. Продержали насъ сутки въ вагонахъ и направили поѣздъ назадъ... Ну, здѣсь городокъ маленький. Слова не сказали, всѣхъ приняли, накормили да размѣстили по квартирамъ...

Въ маленькихъ городахъ мѣста гораздо меньше, чѣмъ въ большихъ городахъ. И средствъ меньше, и благотворительныхъ обществъ, и работы. Но душа больше въ маленькихъ городахъ.

— Надо же имъ, бѣднымъ, гдѣ-нибудь пріютиться!.. Не бездѣльники же! Не по своей вѣдь волѣ безъ крова остались!..

Такъ разсуждаютъ маленькіе русскіе города и широко открываютъ двери передъ изгнанниками войны.

Я засталъ ковенскихъ бѣженцевъ уже освоившимися съ новой обстановкой жизни, пустившими корни въ новой почвѣ, совсѣмъ оправившимися отъ пережитыхъ ужасовъ.

Въ душную звѣздную ночь я выхожу изъ дому.

На скамеечкѣ во дворѣ сидитъ ночной сторожъ, пожилой еврей, бѣженецъ. Онъ посасываетъ трубку и безъ голоса, гортаннымъ мурлыканьемъ, выводитъ какой-то однотонный синагогальный мотивъ.

Присаживаюсь.

— О чемъ думаете, дѣдъ?

— О чемъ думаю?—переспрашиваетъ онъ.— О чемъ можетъ думать старый раби Элія Гинсбергъ, которому приходится всю ночь не смыкать глазъ? О жизни, о смерти и о суетѣ суеты!

Старикъ любитъ пофилософствовать. Къ этому приучила его вся его прежняя жизнь.

На родинѣ, въ Ковнѣ, раби Элія Гинсбергъ былъ „ученымъ“, то-есть, не занимался ничѣмъ. Его жена, — онъ говоритъ о ней съ уваженіемъ: „моя хозяйка“, — имѣла бакалейную лавочку, а онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ синагогѣ и изучалъ Талмудъ.

Здѣсь, на новомъ мѣстѣ, пришлось устроиться иначе. Бремя заботы о пропитаніи семьи старому Элію пришлось взвалить на свои плечи. Жена ничего не могла здѣсь заработать, а для него нашлось мѣсто ночного сторожа.

— Что же, нравится вамъ здѣсь?—спрашиваю его.

Онъ отвѣчаетъ послѣ нѣкотораго раздумья, нараспѣвъ, какъ бы рѣшая сложную талмудическую задачу:

— Нравится ли, не нравится ли, развѣ можетъ человѣкъ задавать такіе вопросы? Что значитъ нравится? Ну, а если нѣтъ, если не нравится, такъ я развѣ могу все это переменить? Развѣ я могу сказать, пусть будетъ такъ, какъ было? Пусть не будетъ войны, и пусть Ковна опять станетъ Ковной, моя хозяйка опять лавочницей, а я ученымъ евреемъ? Вѣдь я же не могу такъ сдѣлать, значить, я долженъ сказать по библейскому завету: и это къ добру!.. Однимъ словомъ, пусть будетъ такъ. Да, нравится.

Сказавъ это, старикъ однако продолжаетъ свои размышленія на затронутую тему. Въ этомъ особенность его ума. О чемъ бы ни заговорили, онъ долженъ исчерпать тему до конца, перебрать всѣ доводы за и противъ, подвести итогъ.

— Съ одной стороны, — начинается онъ послѣ короткой паузы, — чѣмъ я могу быть доволенъ?.. Вотъ я — ночной сторожъ. Ночной сторожъ! Вѣдь это же такое высокое званіе, что для него стоило бы сорокъ лѣтъ сидѣть надъ Талмудомъ. Не правда ли? Я вамъ скажу, что въ Ковнѣ никто не рѣшился бы предложить мнѣ такую службу. Мнѣ! Человѣку, съ которымъ самъ раввинъ обсуждалъ непонятныя мѣста въ Писаніи!.. И въ Ковнѣ мнѣ такъ было бы стыдно заниматься такимъ дѣломъ. Ну, а здѣсь совсѣмъ другое. Тутъ нашъ богачъ Миркинъ, у котораго три дома въ Ковнѣ, поступилъ на службу въ страховое общество писцомъ за сорокъ рублей въ мѣсяцъ. А Рабиновичъ, хозяинъ большого мануфактурнаго магазина, нанялся извозчикомъ... Что же послѣ этого говорить обо мнѣ?.. Я же бѣднякомъ былъ, бѣднякомъ и остался! Теперь возьмемъ наоборота, — нараспѣвъ про-

должаетъ старикъ. — Что, собственно, плохого въ томъ, что я служу сторожемъ? И почему это стыдно? Развѣ наши отцы, ученые талмудисты, не занимались физическимъ трудомъ? Одинъ былъ садовникомъ, другой кузнецомъ, третій бочаромъ... Развѣ это стыдъ?.. И я вамъ скажу: вотъ мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, и я только теперь узналъ, какое красивое небо бываетъ на разсвѣтѣ, и только теперь увидѣлъ росу на травѣ, и только теперь научился сидѣть въ одиночествѣ безъ книги и размышлять!

— Выходите, что вы довольны?—стараюсь я подвести итогъ его разсужденіямъ.

Онъ пожимаетъ плечами.

— Что значитъ доволенъ? Скажите, пожалуйста, могу я быть довольнымъ, если я лишился дома, если разсѣяна по свѣту моя семья, если не знаю я, что будетъ со мной завтра? Хорошо вамъ, со стороны, разсуждать: чего ему не хватать? Сытъ, имѣетъ пріютъ, и слава Богу!.. Но если бы вы знали, что я потерялъ, вы не разсуждали бы такъ!

Я сочувственно вздыхаю.

Это опять не нравится моему своенравному собесѣднику.

— Возьмемъ наоборота!—еще разъ заявляетъ онъ.

И, „взявъ наоборота“, находитъ сотни доводовъ въ пользу того, что теперь ему, въ сущности, живется гораздо лучше, чѣмъ жилось дома.

„На новыхъ мѣстахъ“. Къ разсказу Юрія Волина. Рисунокъ П. Бучкина.

Так до бесконечности длятся разсужденія стараго философа изъ Ковны. И кажется, никогда не придет онъ ни къ какому выводу: вѣдь безпредѣльна возможность „брать наоборотъ“.

Только замѣтивъ, что я усталъ и собираюсь покинуть его, старый философъ спѣшно подводитъ итоги своимъ изысканіямъ.

— Вы спрашиваете, нравится мнѣ или не нравится на новомъ мѣстѣ? Но это же пустой вопросъ! Это по-вашему, по вашимъ наукамъ, земля—шаръ и вертится вокругъ солнца. А я думаю, что земля, это—блюдечко въ рукахъ Бога. И когда Господь Богъ видитъ, что очень ужъ грязно и тѣсно стало въ блюдечкѣ, Онъ переворачиваетъ его. Ну, когда мѣръ перевернуть вверхъ дномъ, что значитъ тогда одинъ маленькій человекъ? Одинъ старый еврей изъ Ковны? Такъ если онъ не вывалился и виситъ еще

гдѣ-то на кончикѣ блюдца и еще барахтается, такъ онъ уже и счастливъ... Ну, если не надолго, то до тѣхъ поръ, пока блюдечко не будетъ опрокинуто совсѣмъ. Но тогда не будетъ ни довольныхъ ни недовольныхъ. Тогда всѣ полетятъ, и думать некогда будетъ!

— Однако, вы слишкомъ мрачно смотрите на будущее!

— Что значитъ мрачно? Почему мрачно? Совсѣмъ наоборотъ! Господь Богъ поможетъ выплеснуть изъ блюдечка все старое, такъ Онъ можетъ наполнить его новымъ... Если насъ не будетъ, такъ это уже мрачно?.. Будетъ новый мѣръ, новые люди. И навѣрное все будетъ лучше, чѣмъ раньше!

Я ухажу, а старикъ остается на своемъ посту. Ночь еще велика, онъ еще много успѣетъ обдумать и много мировыхъ вопросовъ разрѣшить до разсвѣта.

Три сестры.

Вѣра.

Когда горѣли кровью зори
Въ часъ испытаній и потерь,—
Она пришла съ огнемъ во взорѣ,
Сказавъ: «Иди, борись и вѣрь!»
Взглядъ дно души моей измѣрилъ,
Я съ вѣрой испытаній ждалъ;
И тамъ въ бою въ побѣду вѣрилъ,
Я видѣлъ смерть... и побѣждалъ...

Надежда.

Когда я раненый лежалъ,
Сомкнувъ измученныя вѣжды,—
Небесный лучъ въ душѣ дрожалъ,
Небесный лучъ—сестры Надежды.
Страдалъ я, боль была остра...
Но надо мной она склонилась—
Надежды свѣтлая сестра,
Я ей дышалъ, ей сердце билось...

Любовь.

Я видѣлъ недруга въ крови
И съ пересохшими устами,—
Въ тотъ мигъ я ликъ святой Любви
Узрѣлъ, увѣнчанный цвѣтами...
Лишь тутъ позналъ я смыслъ—«любить»,
Я свѣтъ увидѣлъ изъ тумана:
Я далъ врагу воды испить,
Перевязалъ, какъ брату, раны...

Михаилъ Андреевъ.

Война и женскій трудъ въ Англии. На судостроительномъ заводѣ.

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Въ отбитомъ Радзивилловѣ.
По фот. нашего военного корреспондента.

Пруссія и освобожденіе Польши.

Предчувствуя, что русскія войска скоро вернутся на Вислу и что поляки встрѣтятъ ихъ, какъ долгожданныхъ друзей, нѣмцы торопятся, покуда не поздно, какой угодно цѣной снискать расположеніе поляковъ.

Они вдругъ объявили себя давнишними печальниками Польши, ея рыцарями, ея паладинами, признаются ей въ старинной любви, общаются ей цѣлыя горы блаженства, лишь бы она въ этотъ рѣшительный мигъ не отдала своего сердца Россіи.

Нѣмецкій канцлеръ заявляетъ теперь, что Германія почитаетъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ создать на пепелищѣ разоренной страны независимую вольную Польшу, а нѣмецкія газеты, какъ по командѣ, зататорили вдругъ о многолѣтней преданности всего фатерланда великому польскому дѣлу.

— Мы не то, что русскіе, — повторяютъ онѣ. — Мы ваши исконные друзья.

Но въ правѣ ли нѣмцы похваляться теперь предъ поляками своей давнишней любовью къ Польшѣ? Служить ли исторія ихъ бывшихъ отношеній къ полякамъ достаточной порукой за будущую судьбу королевства? Могутъ ли поляки питать къ нимъ довѣріе, памятуя ихъ прежнюю дружбу?

Съ большою отчетливостью отвѣчаетъ на этотъ вопросъ англійская газета „Morning Post“, напоминая нѣсколько показательныхъ фактовъ изъ области германо-польской политики.

Присмотримся къ этимъ фактамъ.

Когда, въ Россіи, послѣ Крымской кампаніи, съ усиленіемъ освободительныхъ идей, русское общество стало высказываться за необходимость возвращенія Польшѣ ея бывшей самостоятельности, Отто фонъ-Бисмаркъ, завязанный пруссакомъ, былъ очень возмущенъ этимъ стремленіемъ.

„Неужели, — писалъ онъ, — возможно удовлетворить волежелнія поляковъ и отдать имъ польскія земли въ Познани, Силезіи и Пруссіи, разъ это угрожаетъ самому существованію Пруссіи и создаетъ необходимость, при всякомъ боевомъ столкновеніи съ Франціей, держать на нѣмецко-польской границѣ значительное количество войскъ для обороны отъ вторженія поляковъ?“

Когда, подъ влияніемъ либеральныхъ идей, Императоръ Александръ II пожелалъ дать Польшѣ автономію и вице-канцлеръ князь А. М. Горчаковъ учредилъ особый комитетъ подъ предѣтельствомъ маркиза Велепольскаго, „для выработки принциповъ, на основаніи которыхъ можетъ быть даровано Польшѣ самоуправленіе, не нарушающее связи съ Россіей“, — Бисмаркъ, бывший въ то время прусскимъ посланникомъ при русскомъ Дворѣ, сдѣлалъ все возможное, чтобы помѣшать освобожденію Польши.

Вотъ что доносилъ онъ по этому поводу въ Берлинъ министру иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шлейнитцу:

„Ничего хорошаго (для Пруссіи) отсюда не выйдетъ. Я вліяю въ этомъ смыслѣ на Царя и надѣюсь на поддержку Горчакова, который все же, чтобы оправдаться предъ либеральными кругами, всюду благовѣститъ о моихъ „энергичныхъ протестахъ“.

Не получивъ автономіи, Польша возстала. Мятажъ былъ подавленъ сурово, несмотря на заступничество Великобританіи и Франціи. Бисмарку это было на-руку, ибо, какъ писалъ онъ тогда, „если бы русскіе объединились съ французами въ своемъ благожелательствѣ къ Польшѣ, это угрожало бы серьезной опасностью Пруссіи“.

Однако русскіе — въ лицѣ либеральныхъ круговъ — продолжали высказывать симпатіи къ страдальческой Польшѣ, вѣруя, что, ради блага самой же Россіи, надлежитъ дать полякамъ свободу. Англія, со своей стороны, высказывала такіе же взгляды и горячо заступалась за Польшу предъ нравительствомъ Александра II. Франція тоже. Россія, подъ влияніемъ этихъ державъ, склонилась было къ послабленіямъ и уступкамъ, но Пруссіи вмѣшалась и тутъ и заключила съ Россіей военную конвенцію, по которой обязывалась, въ случаѣ нужды, выставить противъ поляковъ войска.

Нужды не было въ этихъ войскахъ ни малѣйшей, и изъ канцеляріи намѣстника Польши было послано въ Берлинъ заявленіе:

„Для насъ не существуетъ смертельной опасности, и мы не доведены еще до того, чтобы нуждаться въ содѣйствіи иностранныхъ войскъ“.

Тѣмъ не менѣе эта конвенція была все же заключена. къ негодованію Великобританіи и Франціи. Она была навязана Россіи фонъ-Бисмаркомъ, который писалъ, торжествуя:

„Этой конвенціей мы значительно усилили вліяніе анти-польскихъ и анти-французскихъ придворныхъ партій и такимъ образомъ положили конецъ всякой нерѣшительности по отношенію къ полякамъ. Это и поведетъ къ энергическому подавленію ихъ мятежа“.

Серьезнымъ противникомъ всѣхъ происковъ Бисмарка противъ освобожденія Польши былъ тогдашній англійскій посоль, который многократно настаивалъ на выполненіи нашихъ давнихъ обязательствъ къ Польшѣ. Бисмаркъ выходилъ изъ себя:

„И почему это Англія такъ рьяно противится намъ? Должно-быть, по невѣжеству въ дѣлахъ континентальной политики. Вѣдь независимая Польша для насъ то же самое, что большая фран-

цусская армія на берегахъ Вислы: всякія осложненія въ Польшѣ сближаютъ Россію съ Франціей. Можемъ ли мы удержаться на Рейнѣ, если у насъ за спиной будетъ независимая, свободная Польша!“

Бисмаркъ такъ и заявилъ тогдашнему британскому послу сэру Эндрию Бьюкенену, отцу нынѣшняго посла, сэра Джорджа, что Пруссія никогда не потерпитъ у себя по сосѣдству свободной, самостоятельной Польшы:

„Если бы даже польскимъ повстанцамъ и удалось одолѣть русскія войска, Пруссія не преминула бы тотчасъ же занять королевство“.

Свобода Польшы—для Пруссіи гибель, такова была постоянная формула германскаго желѣзнаго канцлера.

„Измѣнились ли съ этой поры отношенія Пруссіи къ Польшѣ?“—спрашиваетъ въ своей статьѣ „Morning Post“. Нисколько: Бегманъ-Гольбергъ точно такъ же увѣренъ, что „Пруссія не потерпитъ у себя по сосѣдству вольной, независимой Польшы“. Поэтому-то онъ и жаждетъ присоединить ее къ Пруссіи.

Война и идеалы.

Рѣчь Ллойдъ-Джорджа.

(Къ рис. на стр. 640 и 641).

Величайшій государственный дѣятель нынѣшней Англіи, военный министръ Давидъ Ллойдъ-Джорджъ, недавно покинувшій постъ министра военныхъ снабженій, является самой оригинальной фигурой въ исторіи британской общественности. Онъ вышелъ изъ народа. Его отецъ былъ мелкій ремесленникъ въ Уэльсѣ. Въ нѣсколько лѣтъ изъ захолустнаго адвоката онъ сталъ однимъ изъ первыхъ вождей великой Британской имперіи. Его чарующее краснорѣчіе, вулканически-огненное, всегда увлекаетъ націю, зоветь ее къ высокимъ идеаламъ, къ героическому самоотверженію и подвигу.

Въ качествѣ министра финансовъ, онъ провелъ въ жизнь драгоцѣннѣйшій законодательный актъ: государственное страхование рабочихъ. Благодаря ему, нынѣ въ Англіи всѣ старики, негодные къ работѣ, получаютъ отъ правительства пенсію.

Когда грянула война и обнаружилось, къ общей тревогѣ, что ни у англичанъ ни у насъ не хватаетъ ни орудій ни снарядовъ для отраженія могучаго врага, вооруженнаго съ ногъ до головы, нація призвала Ллойдъ-Джорджа, вѣря, что изъ всѣхъ людей въ Англіи только онъ одинъ можетъ совершить это чудо: превратить всю страну въ арсеналъ, создать изъ ничего на пустыряхъ и лугахъ цѣлыя мили заводовъ, которые съ фантастической скоростью, въ нѣсколько мѣсяцевъ, дадутъ и британской и русской арміямъ миллиарды необходимыхъ снарядовъ.

Здѣсь нужны были титаническія, сверхчеловѣческія силы, и, какъ мы знаемъ, онъ у Ллойдъ-Джорджа нашлись. Этотъ вдохновенный работникъ сверхъестественнымъ напряженіемъ изобрѣтательности, воли, энергіи, всѣхъ своихъ грандіозныхъ душевныхъ силъ, спасъ свою безоружную страну отъ разгрома, обезпечилъ ей и ея союзникамъ вѣрную и прочную побѣду и только тогда покинулъ свой постъ, когда нынѣшнее наступленіе англо-французовъ и русскіхъ показало, что онъ свою миссію выполнилъ, что снарядовъ и орудій достаточно, что опасность совершенно прошла.

Теперь, послѣ смерти Китченера, на смѣну этому военному гению Англія не могла выбрать никого иного, кромѣ того же Ллойдъ-Джорджа. Если есть гдѣ въ государствѣ самое трудное и ответственное мѣсто, туда непременно избираютъ его. Можно себя представить, сколько хлопотъ, тревоженій, заботъ въ такое горячее время у этого военнаго министра. И что же? Вдругъ пронесся по Англіи слухъ, что онъ, самый занятой человѣкъ во всей Англіи, намѣренъ—ни съ того ни съ сего—оторваться отъ насущнѣйшихъ дѣлъ государства и отправиться къ себѣ въ захолустье на родину, чтобы тамъ принять участіе въ хорѣ какихъ-то деревенскихъ пѣвцовъ.

Изумленіе было огромное.

— Это невозможно, — кричали газеты. — военный министръ не смѣетъ предаваться пустымъ развлечениямъ въ такое грозное, опасное время!

Но Ллойдъ-Джорджъ остался вѣренъ себѣ.

Празднично и благодушно настроенный, съ женою и дочкою, какъ идиллическій и мирный обыватель, пріѣхалъ Ллойдъ-Джорджъ въ толпу захолустныхъ пѣвцовъ и, прислушавшись къ ихъ незагнѣивымъ пѣснямъ, сталъ весело хлопать ладошами въ тактъ и даже подпѣвать вслѣдъ за ними.

Толпа была хоромъ, и Ллойдъ-Джорджъ вмѣстѣ съ нею, а вмѣстѣ съ Ллойдъ-Джорджемъ его дочь и жена.

Пѣсни эти не англійскія, а специально-уэльскія, на особенномъ кимврійскомъ языкѣ. Языкъ этотъ для Ллойдъ-Джорджа — родной, мотивы пѣсенъ — знакомы съ дѣтства. Разъ въ годъ, на этой англійской окраинѣ, устраивается національно-пѣвческій праздникъ, люди собираются со всѣхъ городовъ и мѣстечекъ для хорового совмѣстнаго пѣнія, но время ли теперь, въ самый шквалъ, въ самую лютую бурю, предаваться такимъ тихимъ усладамъ? Какое право имѣетъ военный министръ участвовать въ подобныхъ пикникахъ?

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Въ отбитомъ Радзивилѣ.
По фот. нашего военнаго корреспондента.

Министры Лойд-Джорджъ и Самуэль привѣтствуютъ процессію.

Процессія работницъ снарядныхъ заводовъ проходитъ мимо зданіи военнаго министерства.

Война до конца—до послѣдняго человѣка на фронтѣ и въ тылу. Женская манифестация въ пользу войны въ Лондонѣ.

Это обвинение блестяще опроверг Ллойд-Джордж в своей рѣчи, произнесенной на празднествах:

— Почему бы намъ не пѣть? — воскликнулъ онъ. — Почему намъ стыдиться веселья? Развѣ Англія угрожаетъ опасность? Вѣдь никогда еще Англія не была такъ величава, могущественна, никогда у нея не было такихъ необъятныхъ владѣній, такого мірового вліянія, такихъ возвышенныхъ, идеальныхъ задачъ! Правда, война означаетъ страданіе, многіе наши дома охвачены траурной скорбью. Но пѣсня — это побѣда надъ страданіемъ и скорбью. Развѣ наши солдаты въ окопахъ не распѣваютъ свои народные пѣсни? Уэльскіе солдаты прислали съ боевыхъ позицій привѣтственную телеграмму нашему пѣвческому хору, гдѣ говорится, что въ будущемъ году и они будутъ участвовать въ этомъ хорѣ. Сражаясь за честь Англіи на поляхъ Европы, Азии и Африки, солдаты хотятъ, чтобы мы, оставшіеся дома, поддерживали національныя учрежденія страны, просвѣтительныя, литературныя, музыкальныя и религіозныя. Солдаты хотятъ, чтобы свято оберегались огни нашихъ національныхъ алтарей, чтобы по окончаніи войны, когда побѣдоносное войско вернется со славой назадъ, эти огни горѣли пышнѣе и ярче.

„Пусть же не смолкаютъ наши пѣсни. Вѣдь послѣ этой ужасной войны намъ грозитъ страшнѣйшій врагъ: материализмъ. Проза жизни засушитъ сердца. Техника и мертвая механика сдѣлаются кумирами общества. Я самъ преклоняюсь предъ техникой и сдѣлалъ все, что могъ, для ея процвѣтанія въ Ан-

Англійскій военный министр Ллойд-Джорджъ съ дочерью на праздникъ пѣвцовъ въ Уэльсѣ.

глии. Но помните, что техника — не все. Есть нѣчто выше, драгоцѣннѣе техники. Величайшая опасность для народа, если всѣ его стремленія ограничатся удовлетвореніемъ насущныхъ матеріальныхъ нуждъ. Народные идеалы, не одухотворенные высокими цѣлями, подобны чертополоху, растущему зря, на пустырь, и не дающему ни пищи ни топлива. Народъ, ставящій себѣ такіе идеалы, обреченъ на вырожденіе и гибель. Послѣ войны намъ нужны будутъ образцовыя мастерскія и фабрики, но еще больше понадобятся такія учрежденія, которыя могутъ поднять упованія и стремленія народа надъ уровнемъ фабрикъ, мастерскихъ и конторъ. Намъ нужны будутъ героическія традиціи націи, чтобы напоминать ей о томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ.

„Нѣтъ, не смѣйте бранить нашъ сегодняшній пѣвческій праздникъ. Пусть мы собрались для простого веселья — и то не бѣда, не грѣхъ. Буря свирѣпствуетъ съ прежнею яростью, но надъ волнами пробивается лучъ, надъ бушующей стихіей видна радуга. Бой становится еще ожесточеннѣе, но полчища насильника уже поддались, и хоругвь права понемногу движется вперед и вперед. Почему намъ не пѣть? Правда, тысячи героевъ пали въ битвѣ, будемъ же воспѣвать ихъ геройство. Милліоны такихъ же героевъ грудью идутъ на врага, и другіе милліоны готовы прійти къ нимъ на помощь. Давайте же воспѣвать страну, родившую столькихъ героевъ!“

Англійскій военный министр Ллойд-Джорджъ произноситъ рѣчь канадскимъ войскамъ. Рядомъ съ Ллойд-Джорджемъ стоитъ военный министр Канады, генералъ Сэмъ Юзъ, организовавшій армию въ 500.000 человекъ и прозванный „канадскимъ Китченеромъ“.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Выжидательное положеніе.

Въ августѣ мѣсяцѣ состоялось назначеніе Гинденбурга на постъ начальника полевого генеральнаго штаба. Въ Германіи главнокомандующимъ, по закону, считается императоръ, и ему подчинено непосредственно семь лицъ, при помощи которыхъ онъ управляетъ арміями на фронтахъ: начальникъ полевого генеральнаго штаба, военный министръ, начальникъ военного кабинета императора, генераль-инспекторъ артиллеріи, генераль-инспекторъ инженерныхъ войскъ, комендантъ главной квартиры и инспекторъ санитарныхъ учреждений и частныхъ благотворительныхъ обществъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, конечно, главную роль играетъ начальникъ полевого генеральнаго штаба, и, принимая во вниманіе тѣ многочисленныя заботы, которыя ложатся на современнаго конституціоннаго монарха, можно съ большимъ основаніемъ считать, что начальникъ генеральнаго штаба въ Германіи играетъ главенствующую роль по управленію войсками и по веденію операцій. Поэтому въ Германіи обыкновенно смотрятъ на начальника полевого генеральнаго штаба, какъ на фактическаго главнокомандующаго, и, дѣйствительно, насколько можно было наблюдать по многимъ признакамъ, назначеніе того или другого лица на постъ начальника генеральнаго штаба всегда было связано съ принятіемъ того или иного стратегическаго плана, имъ предлагаемаго.

Поэтому первый начальникъ германскаго генеральнаго штаба въ нынѣшней войнѣ, графъ Мольтке, племянникъ знаменитаго Мольтке, и приводилъ въ исполненіе тотъ планъ войны, который былъ еще въ мирное время разработанъ подъ его руководствомъ, и который, какъ извѣстно, былъ еще въ 80-хъ годахъ въ основныхъ чертахъ спроектированъ „знаменитымъ“ Мольтке. Поэтому также отставка графа Мольтке неизбежно послѣдовала послѣ неудачи этого плана.

Какъ оказалось, назначеніе Фалькенгайна было связано съ повтореніемъ того же плана, лишь слегка видоизмѣненнаго въ томъ смыслѣ, что ударъ на Францію долженъ былъ послѣдовать лишь послѣ того, какъ предварительно, въ теченіе лѣта 1915 г., нѣмцы попытаются отодвинуть наше расположеніе на востокъ, дабы обезопасить свои границы на время наступленія во Францію. Неудача и этого плана, столь ярко выразившаяся въ Верденѣ и въ тѣхъ тяжелыхъ ударахъ, которые нанесли наши войска въ теченіе лѣта 1915 г., повлекла за собою отставку Фалькенгайна и назначеніе Гинденбурга, а слѣдовательно, по видимому, и принятіе новаго плана. Какой это планъ—это можно лишь предполагать въ общихъ чертахъ, на основаніи общихъ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи, и на основаніи самыхъ общихъ мотивовъ. Возможно, что это означаетъ новое предстоящее повтореніе съ весны будущаго года стараго плана наступленія опять во Францію, что, впрочемъ, весьма сомнительно, принимая во вниманіе, что два года войны должны были доказать нѣмцамъ тщетность ихъ усилій достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ на западномъ фронтѣ. Возможно, что это означаетъ коренное измѣненіе плана въ томъ смыслѣ, что нѣмцы проектируютъ въ будущемъ перенесеніе центра тяжести событій на нашъ фронтъ, что болѣе вѣроятно, но о чемъ пока категорически говорить не приходится.

Однако пока можно наблюсти нѣкоторыя дѣйствія противника, которыя даютъ возможность намѣтить нѣкоторые общіе выводы. Намъ уже приходилось отмѣчать, что, послѣ своего назначенія—сначала на постъ главнокомандующаго всѣми германскими и частью австрійскихъ армій на нашемъ фронтѣ, — Гинденбургъ принялъ мѣры для обезпеченія колебавшагося восточнаго фронта.

Положеніе противника въ моментъ назначенія Гинденбурга представлялось, какъ извѣстно, весьма серьезнымъ. Союзники наступали на всѣхъ фронтахъ войны и на всѣхъ фронтахъ войны достигли хотя и частныхъ, но крупныхъ успѣховъ. На западѣ, вмѣсто Вердена, англо-французы повели наступленіе на Соммѣ, сразу ликвидировавшее Верденъ и угрожавшее уже, въ свою очередь, австро-германцамъ. Итальянцы взяли Горицу, выступила Румынія, и, наконецъ, на нашемъ фронтѣ Австро-Венгрія испытала второй, весьма тяжелый разгромъ ея вооруженныхъ силъ. Правда, Германія еще далеко не была разгромлена, но инициатива перешла къ союзникамъ, и самое существенное, что было достигнуто союзниками, это—сильнѣйшее ослабленіе центральныхъ имперій, благодаря колоссальнымъ потерямъ, которыя еще разъ понесла Австро-Венгрія на галиційско-волинскомъ театрѣ.

Такимъ образомъ Гинденбургу пришлось рѣшать весьма сложную задачу: удержать положеніе союзныхъ нѣмецкихъ армій на разныхъ фронтахъ войны, и притомъ удержать силами, которыя были уже значительно растрчены его предшественниками. Возможно, что Гинденбургъ имѣлъ въ виду и наступленіе, но только когда-либо въ будущемъ, а никакъ не въ ближайшее время, ибо короткій срокъ, оставшійся до наступленія холодовъ и колоссальный расходъ войскъ за лѣто абсолютно этого не допускали.

Въ окончательномъ итогѣ можно считать, что задача Гинденбурга сводилась къ тому, чтобы удержать положеніе на различныхъ фронтахъ войны съ относительно небольшими силами, — съ тѣмъ, чтобы въ теченіе зимы создать какія-либо новыя формированія изъ того „людскаго матеріала“, который могъ еще найтись въ Австро-Германіи и, затѣмъ, въ будущемъ, попытаться при помощи новаго рискованнаго стратегическаго плана вывести Австро-Германію изъ нынѣшняго крайне сложнаго положенія.

Первое, что сдѣлалъ Гинденбургъ,—это былъ полный отказъ отъ на-

Мѣсячно Торчинь. Послѣ австрійскаго отступленія.

ступательной операции Фалькенгайна во Франци—во имя поддержания положенія на востокѣ. Верденская затѣя была брошена, а изъ другихъ районовъ западнаго фронта, затѣмъ частью съ итальянскаго фронта, частью изъ Турціи, Гинденбургомъ, въ общемъ, было взято около 20 дивизій, которыя были брошены на восточный фронтъ и частью на румынскій фронтъ для того, чтобы „заткнуть дыры“ — заполнить тѣ бреши въ живой силѣ, которыя образовались вслѣдствіе громаднхъ потерь, понесенныхъ за лѣто.

Однако Гинденбургъ сознавалъ, что этого мало, и что двадцать дивизій, т.-е. около 350 тысячъ человекъ, едва восполняютъ и половину тѣхъ потерь, которыя понесъ противникъ въ маѣ мѣсяцѣ, а между тѣмъ выступленіе Румыніи требовало еще отдѣльныхъ войскъ для новаго, трансильванскаго фронта. Поэтому второй мѣрой Гинденбурга было „сокращеніе фронта“, правда, частью вынужденное вслѣдствіе нашихъ успѣховъ. Германскій фронтъ на нашемъ театрѣ, который раньше мѣрился разстояніемъ отъ Балтійскаго моря до Румыніи, образовалъ какъ бы два фронта. Одинъ изъ нихъ, который слѣдуетъ считать главнымъ, очевидно, опредѣлялся линіей между Балтійскимъ моремъ и райономъ Галича у Карпатъ. Другой фронтъ—второстепенный—шелъ далѣе по границѣ Трансильваніи, вплоть до Оршовой (Желѣзныхъ Воротъ) на Дунаѣ.

Первый фронтъ, какъ главный, подлежалъ, очевидно, особенно упорной оборонѣ, и, дѣйствительно, Гинденбургъ съ мѣста замѣнилъ австрійскія войска, занимавшія Галичъ, германскими. Ясно, что при новыхъ условіяхъ Галичъ уже являлся флангомъ новаго главнаго фронта и, какъ всякій флангъ, представлялъ собою особо важный пунктъ, почему Гинденбургъ и назначилъ для обороны этого фланга германскія войска.

Такимъ образомъ былъ созданъ „сокращенный“ фронтъ,—отъ Галича до Балтійскаго моря,—ввѣренный официально принцу Леопольду Баварскому, а фактически, несомнѣнно, находившійся подъ руководствомъ самого Гинденбурга. Этотъ фронтъ Гинденбургъ, очевидно, намѣревался оборонять весьма упорно, стремясь далѣе не допустить болѣе сдвига австро-германскаго фронта назадъ. Что же касается трансильванскаго фронта, гдѣ официально руководилъ обороной австрійскій наслѣдникъ престола эрцгерцогъ Карлъ-Францъ-Иосифъ, и гдѣ называли фактическими руководителями Кевеша и Макензена, то здѣсь венгерскія войска, нѣсколько усиленные тремя-четырьмя германскими дивизіями, должны были оборонять Трансильванскія горы противъ румынъ, при чемъ эти дѣйствія, очевидно, находились въ связи съ наступленіемъ германо-болгарскихъ войскъ на „румынскій тылъ“ въ Добруджѣ.

Таковы были тѣ общія данныя, которыя болѣе или менѣе обрисовывали намѣреніе Гинденбурга обороняться на всѣхъ фронтахъ войны, ради чего онъ рѣшительно отказался отъ наступательныхъ операций во Франци, снялъ оттуда нѣкоторую часть войскъ и относительно мало реагировалъ на тотъ глубокой „прогибъ“, который производили англо-французскія войска своими непрерывными удачными атаками на фронтъ второй германской арміи, въ районѣ Соммы.

Несомнѣнно, что это положеніе, занятое Гинденбургомъ на разныхъ фронтахъ войны, было лишь выжидательнымъ и означало, очевидно, намѣреніе противника заняться новой длительной подготовкой и сборомъ послѣднихъ средствъ борьбы для будущихъ широкихъ операций.

Манифестаціи руско-японской дружбы.

(Политическое обозрѣніе).

Взаимныя отношенія народовъ, кажется, еще болѣе измѣнчивы и непостоянны, чѣмъ отношенія отдѣльныхъ людей. Невольно можно повторить поэту, сказавшему: „и ненавидимъ мы и любимъ мы случайно...“ Обыкновенно люди проявляютъ непостоянство въ любви, но сейчасъ передъ глазами всего міра рисуется несравненно болѣе отчаянный и радостный фактъ измѣнчивости и непостоянства въ ненависти и враждѣ. Мы говоримъ о рѣзкомъ, почти безпримѣрномъ въ исторіи переломѣ, который претерпѣли за послѣднія 12 лѣтъ русско-японскія отношенія. Еще такъ недавно оба народа грудью съ грудью сходились на полѣ брани, пылали злобой и мстью, беспощадно истребляли другъ друга шимозами и шрапнелями, потому что кто-то внушилъ убѣжденіе, что имъ обоимъ тѣсно подъ необъятнымъ небомъ Востока, а сегодня они уже сражаются рядомъ, какъ друзья и союзники, и оба чувствуютъ неодолимую потребность какъ можно прочнѣе закрѣпить этотъ союзъ, ближе слиться другъ съ другомъ и поставить это сближеніе въ основу всей своей политики на будущія времена. Дѣйствительно, перемѣна произошла быстрая, рѣзкая, почти сказочная, но все же было бы чрезвычайно ошибочно, слѣдуя афоризму поэта, объяснять ее одною игрою слѣпнаго случая. Нѣтъ, случай не всегда слѣпъ. Обыкновенно онъ самъ является лишь покорнымъ орудіемъ вѣднй судьбы и общаго тяготѣнія историческихъ стихій. Смутное влеченіе обоихъ народовъ инстинктивно толкало ихъ другъ къ другу. Незадолго до дальне-восточной войны русское имя пользовалось колоссальной популярностью въ Японіи, а русскіе моряки, одни только соприкасавшіеся близко съ японцами, возвращаясь изъ плаванія, всегда увозили домой самыя восторженныя воспоминанія о Японіи. Манчжурская война,—пора признаться въ этомъ,—была вызвана чисто-искусственными мотивами, носила чисто-дипломатическій характеръ и отнюдь не вытекала изъ взаимной ненависти народовъ. Какъ это ни странно, но именно на войнѣ мы ближе узнали другъ друга и до нѣкоторой сте-

На этапѣ. Пльнные австрійцы послѣ обѣда.

пени успѣли оцѣнить рыцарскія свойства своихъ противниковъ — безпримѣрное мужество воиновъ, неодолимую силу народнаго духа, черты благородства и доблести, которыя обнаруживаются и въ мирѣ и на поляхъ кровавыхъ битвъ. Съ точки зрѣнія естественнаго созвучія народныхъ душъ, національныхъ вѣрованій, традицій и стремлений, была случайна не наша нынѣшняя дружба, а вчерашняя, ничѣмъ, въ сущности, неоправданная, искусственной политической интригой вызванная, вражда. Национальная солидарность въ концѣ концовъ взяла верхъ надъ разъединяющей политической интригой тѣхъ, кому было нужно ослабить Россію во внутренней и виѣшней политикѣ неудачами въ сопряженной съ большими трудностями дальневосточной военной экспедиціи колониальнаго характера, — и вотъ теперь, когда роковая ошибка стала ясною для всѣхъ, вчерашніе враги сдѣлались искренними друзьями.

Японія не только выступила въ союзъ съ Россіей противъ Германіи, но успѣла оказать намъ огромныя, незабываемыя услуги въ трудномъ дѣлѣ подготовки вооруженій въ совершенно непредвидѣнныхъ размѣрахъ нынѣшней войны, снабжала нашу армію тяжелой артиллеріей, и, какъ вѣрный другъ, пришла даже на помощь въ финансовомъ отношеніи, путемъ реализаціи спеціального русскаго займа. Чтобы еще больше укрѣпить и оформить молодую дружбу, она прислала намъ депутацію изъ своихъ виднѣйшихъ

Новый оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода
Николай Павловичъ Раевъ.

политики, сдѣлала логически немислимымъ и фактически невозможнымъ отклоненіе къ старому германофильскому руслу. Политическія комбинаціи только задумываются въ тиши кабинетовъ, но осуществляются всегда подъ звуки торжественныхъ народныхъ гимновъ, подъ восторженные клики сотенъ тысячъ гражданъ, потрясающіе улицы и площади столицъ. Больше того, мысль самаго тонкаго и геніальнаго дипломата получаетъ силу воплощенія только тогда, когда она находитъ откликъ въ сердцѣ многотысячной уличной толпы, въ стремленіяхъ и чувствахъ всего народа, которому дорого его будущее, дороги кровь его сыновъ и безопасность его страны. Наше общество взяло много лѣтъ назадъ подъ свое покровительство русско-французскую дружбу, дальнѣйшее развитіе которой спасаетъ съ наши дни Европу отъ страшнаго опасности гунно-тевтонскотурецкаго разгрома. Теперь намъ предстоитъ окончательно закрѣпить русско-японскую дружбу, которая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи обезпечитъ культуру и цивилизацію Азіи. Пріѣздъ японскаго принца Канъ-Ина мы привѣтствуемъ, какъ торжество мудрой политики, которая обезпечиваетъ намъ миръ на Западѣ и спокойствіе на Востокѣ.

Президентъ Французской республики раздаетъ въ Маломъ Дворцѣ, въ Парижѣ, въ день національнаго праздника, почетные дипломы семьямъ павшихъ въ бою воиновъ. При провозглашеніи имени героя, президентъ цѣлуетъ его сироту-сына. (См. рис. на стр. 629).

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Равносильно смерти. Разсказъ Ивана Островнаго. (Окончаніе). — Для ея счастья. Разсказъ Вадима Бѣлова. — На новыхъ мѣстахъ. Разсказъ Юрія Волина. — Три сестры. Стихотвореніе Михаила Андреева. — Пруссія и освобожденіе Польши. — Война и идеалы. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Манифестаціи русско-японской дружбы. (Политическое обозрѣніе). — Объявленія. — Отклики войны.
Р И С У Н К И: Павшимъ въ великой войнѣ—благодарная отчизна.—А. Н. Семеновъ, художникъ-корреспондентъ „Нивы“. — Изъ альбома участника войны. Рисунокъ нашего корреспондента А. Семенова (5 рис.). — Иллюстрація П. Бучкина къ разсказу Юрія Волина „На новыхъ мѣстахъ“. — Война и женскій трудъ въ Англіи. На судостроительномъ заводѣ. — Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ (2 рис.). — Война до конца — до послѣдняго человѣка на фронтѣ и въ тылу. — Англійскій военный министръ Ллойдъ-Джорджъ на правленствѣ вѣтцовъ въ Уэльсѣ. — Ллойдъ-Джорджъ провозноситъ рѣчь канадскими войскамъ. Мѣстечко Торчинъ. Послѣ австрійскаго отступленія. — На этапѣ. Павшимъ австрійцы послѣ обѣда. — Новый оберъ-прокуроръ Св. Синода Николай Павловичъ Раевъ. — Президентъ Французской республики раздаетъ почетные дипломы семьямъ павшихъ въ бою воиновъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 30.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 39

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдаётся 24-го сентября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (без прилож.)—15 к., с перес. 2) к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для печатания в "Жизни" принимаются по съезжающей цене за строку непрерывно в один столбец (в 1/4 ширины страниц): перед 1 р. 75 к.; на последней странице обложки 1 р. 50 к.; на остальных страниц 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается "Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина" кн. 16.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Садоводство, Цветоводство, Огородничество, Сельское Хозяйство и Самоучители Ремесл.

Мотивы пейзажного садоводства, съ 107 планами садовъ и цветниковъ—75 к. Новѣйше планы декорат. садовъ и цвѣтн., съ рис.—20 к. Лучшія пальмы для комнатн. культуры, съ рис.—50 к. Выносливые цвѣтущ. устрѣяч., съ рис.—20 к. Культура душист. фиалокъ, съ рис.—20 к. Культура левкой, съ рис.—20 к. Устройство газоновъ въ садахъ, съ рис.—20 к. Травники-лѣчебники—60 к. Уходъ за комнатн. растениями—50 к. Разведеніе розъ, съ рис.—1 р. 50 к. и 60 к. Сельскій садъ и огородъ, съ рис.—75 к. Садоводство и огородничество—35 к. Садъ и огородъ—30 к. Какъ и гдѣ разводить плодовые сады, съ рис.—50 к. Садоводство для начинающаго, съ рис.—2 р. Садовода-любителя спутникъ, въ 3-хъ томахъ, съ многок. рис.—2 р. 50 к. Защита плодовыхъ деревьевъ, съ рис.—50 к. Жизнь-доходная виноградъ, съ черт.—25 к. Выведение растеній изъ сѣмянъ, съ рис.—1 р. 25 к. Оромение садовъ, съ рис.—30 к. Руководство къ разведенію сѣмянъ, съ рис.—75 к. Русское огородничество, съ рис.—2 р. Устройство комнатныхъ парниковъ и теплицъ, съ рис.—20 к. Парники и паров. гряды

и устр. ихъ, съ рис.—1 р. Чтѣ и когда надо дѣлать въ саду и огородѣ, съ рис.—50 к. Самоучитель земледѣлія—30 к. Полеводство—30 к. Какъ увеличить свое земледѣліе—45 к. Какъ получить обильные урожаи—30 к. Скотоводское искусство, съ рис.—1 р. Свиноводство—15 к. Какъ выбрать хорошую лошадь и корову, съ рис.—30 к. Какъ увеличить количество кормовъ, съ рис.—30 к. Кормленіе крупнаго рогатаго скота, съ рис.—50 к. Кормовыя нормы и таблицы—50 к. Молочное хозяйство—45 к. Рациональное кормленіе и откормъ птицъ, съ рис.—30 к. Птаководство—15 к. Скотолѣчебники—35 к. Полимый скотолѣчебникъ, съ рис.—1 р. 50 к. Разведеніе животнхъ, съ рис.—35 к. Промысловое пчеловодство, съ рис.—1 р. Доходное пчеловодство, съ рис.—75 к. Пчеловодъ-любитель—25 к. Устройство улья Ладана, съ черт.—20 к. Двигатели нефтяные, версины и газогенераторные, съ рис.—1 р. Столярное ремесло, съ рис.—40 к. Мазлярное дѣло, съ рис.—1 р. Вымываніе по дер., съ рис.—35 к. Любитель-электротехникъ, съ рис.—35 к. Устройство

карманн. электр. фонарей, батарей и дешев. электр. осѣлн., съ рис.—45 к. Гальванические элементы сухіе и съ жидкостями—60 к. Устройство телефона и микрофона, съ рис.—15 к. Устройство волшебн. фонаря, съ рис.—20 к. Дрожжевое произв., съ рис.—35 к. Зеркальное произв.—30 к. Золоченіе и серебрѣн., съ рис.—35 к. Красильщикъ-практикъ—30 к. Кустарь-ремесленникъ—30 к. Луженіе, паяніе и никкел., съ рис.—30 к. Мыловареніе, съ рис.—40 к. Устройство мыловаренн. завода, съ рис.—40 к. Переплетное ремесло, съ рис.—35 к. Печное ремесло, съ рис.—1 р. Полировка и лакировка дерева—50 к. Прогрѣвъ и окраска дерева въ разн. цвѣта—50 к. Кожевенное производств., съ рис.—1 р. Видѣла штуръ, съ рис.—50 к. Починка резинов. фалды—30 к. Прохладит. напитки и квасы—35 к. Рыболовство, съ рис.—35 к. Саножное ремесло, съ рис.—40 к. Слесарное ремесло, съ рис.—40 к. Токарное ремесло, съ рис.—35 к. Кондитеръ-практикъ, съ рис.—40 к. Землеустройство сельскій, съ рис.—30 к. Пизоваръ домашн.—35 к. Сельско-хозяйственныя

постройки, съ рис.—1 р. 50 к. Устройство хутора, съ рис.—1 р. 50 к. Огнестойкія постройки, съ рис.—1 р. Устройство теплаго дома изъ досокъ, съ черт.—50 к. Торфяное отопленіе, съ черт.—1 р. Кирпичное производ., съ рис.—50 к. Горное дѣло—справочная книжка—3 р. Устройство сылокъ, съ рис.—20 к. Устройство въялокъ, съ рис.—20 к. Домашнее приготвленіе наливки, настоекъ—20 к. Запасы и заготовки въ домашнемъ хозяйствѣ—75 к. Домъ и хозяйство—поваренная книга, съ вегетарианскимъ отдѣл.—1 р. Консервированіе плодовъ и овощей—25 к. Стерилизованіе мясныхъ, рыбныхъ запасовъ—25 к. ЮРИДИЧ. КНИГИ: Юридическій справочн. для мелк. собств. земледѣл.—1 р. 50 к. Какъ укрѣпить землю въ собственности—35 к. Адвокатъ деревенскій—30 к. Духовная администрація—1 р. Новый уставъ о воинск. повинн.—15 к. Законъ о землеустройствѣ—1 р. 50 к. Цѣны укаваны безъ пересылки. За пересылку по почт. такст. съя. Каталогъ бесплатно. 1-2

Съ требованіями обращаться: **МОСКВА, Уланскій пер., д. № 30-4.** Книжный магазинъ П. К. КОМИСАРЕНКО.

"Ужас овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь волебній Твоихъ..." (Ис. 118). Кто эти святые слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а следовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ "Семейнаго Университета"—все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нужно посвятить занятии саморазвитіемъ, важн., юмне, чтобы скорѣе выдѣлаться изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей!

"СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ"

существуетъ съ 1898 года.
Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соответствующимъ программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на пергаментной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ воплотіи законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣлую научную библиотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ "Университетъ". Цена за каждый отдѣлъ или факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: "Отдѣлъ Биологическихъ наукъ" 18 р., "Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ" 16 р.; факульт. Истор.-Филологическій 14 р., Медицинскій 13 р. Юридическій 12 р., Биологическій 11 р. и Богословскій 9 р. Выписывающіе чрезъ издателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, за пересылку не платятъ. Возврати-вшіеся съ поля брани нашимъ защитникамъ и людямъ, поступившимъ имъ, а также учащимъ и учащимъ временныя льготы. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается издательству бесплатно. Продажа изданій во всѣхъ книжоторговляхъ

для ЦВѢТА ЛИЦА
ПРЕВОСХОДНЫЙ

ослабшаго кожу
элегантный кремъ
Дермозонъ
Д-ра Ангона Мейеръ
имѣетъ очаровательный ароматъ
цвѣтущихъ розъ. Онъ является
гордостью женщинъ, желающихъ
сохранить свой молодой видъ.
Дермозонъ продается во всѣхъ
аптекахъ, въ банкахъ по 30
граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ
быстрѣе, если предварительно
обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ
Т-ва Стольбергъ и К^о.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

Усы у дамъ

и лишній волосъ на рукахъ и на лицѣ
уничтожаетъ безъ боли "L'AUPTOLUVE"
1 банка 2 р. 25 к. На сѣд. въ Русскомъ
Общ. торг. ант. тов. Казанская, 12. Въ
проез. высылать наложикомъ, платжк. 500

Адр.: **В. ЭККЕРТЪ**,
Петроградъ, почт. ящ. 408. Псковская ул., № 20.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование.
Зачное обученіе. Безплатная
премия. Каллиграфія, стенографія,
фин. правописаніе и проч. **АТ-
ТЕСТАТЪ**. Льготныя условія
подписки а **БЕЗПЛАТНО**.
вробная лекція **БЕЗПЛАТНО**.
Адр.: Петрогр., "Кругъ Самообра-
зованія", Б. Ружинская, 7—55.

КУПЛЮ

остатки изданій книгъ по техникѣ, сельско-
му хозяйству и прикладной сельскохозяй-
ственной механикѣ и техникѣ. Принимаю
книги на складъ для распространенія. Изда-
ю книги по указаннымъ отраслямъ. Обра-
дчикъ книгъ и предложенія прошу адресовать:
МОСКВА, Уланскій, 30. "Книгоиздательству"

**БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ
НЕВРАЛГИИ,
ГОЛОВНЫХЪ
БОЛЕЙ,**

и шіаса, простудныхъ и
ревматическихъ болей, даетъ
Кефалодъ Д-ра Сторъ. От-
пускается изъ всѣхъ аптекъ
по рецептамъ врачей. Ке-
фалодъ абсолютно без-
вреденъ. 4000
Остерегайтесь поддѣлокъ.

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. ДЕКЛАМАТОРОВЪ!
НОВАЯ РИТМОДЕКЛАМАЦИЯ,
муз. Вл. Рейкова:

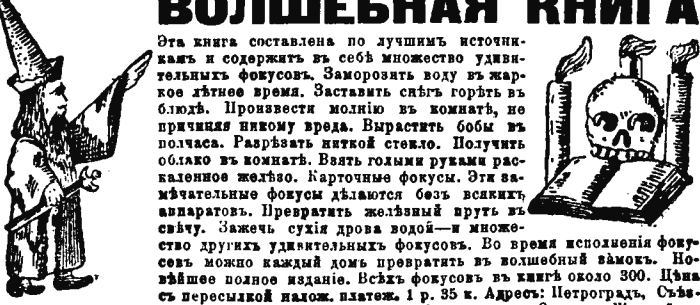
"О, мигъ пѣвнѣйшій"—60 к. "Яблоня
цвѣтущая", "Когда она вошла"—по 40 к.
"Люблю тебя"—30 к. "Ея сирень"—60 к.
"Катюша", "Пляска", "Городки", "Мнѣ снѣ-
жокъ"—по 45 к. "Ты мнѣ была сестрой"—
40 к. "Въ полемѣхъ лазаретъ"—45 к.
Каталогъ бесплатно. 4000
Москва,
П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

ГОНОРРЕЪ

въ острой и хронической
формѣ! применяются препара-
ты для внутренняго употребле-
нія капсулы
КАВАЗАНЪ
и для наружнаго употребленія
цвѣтальныя палочки
ВАРОЛИНЪ

Цена 1 кор. **КАВАЗАНЪ** 2 р. 75 к.
пол. кор. 1 р. 50 к.
Цена 1 кор. **ВАРОЛИНЪ** 2 р. 75 к.
пол. кор. 1 р. 50 к.
Москва, Врачебно-Галеновое
Т-во Б. Козихинскій, 28. Отпу-
скаются изъ аптекъ и апт. магаз.
по рец. врач. **БРОШЮРА**
высылается бесплатно.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источни-
камъ и содержитъ въ себѣ множество удиви-
тельныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жар-
кое лѣтнее время. Заставить съѣсть горсть въ
блюдѣ. Провзвести молнію въ комнатѣ, не
причиня никому вреда. Вырвать бобы въ
полчаса. Разрѣзать нитку стекла. Получить
облако въ комнатѣ. Вытягивать руками рас-
каленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти ва-
жнѣйшіе фокусы дѣлаются безъ всякихъ
аппаратовъ. Превратить желѣзные прутья въ
свѣчу. Зажечь сухія дрова водой—и множе-
ство другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фоку-
совъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Но-
вейшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цена
съ пересылкой налож. платжк. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Сѣвѣ-
жинская ул., № 40, въ редакцію журнала "Отдыхъ Жизни".

НЕВРАСТЕНИЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческа дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-662 ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Гушкетство къ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Больше 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылаются налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (6)

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ (самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. нал. пл. 95 к. Адресъ: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18/2.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ „ТИЗЕРИНЪ“

полностью устраняетъ ее. Д-ръ мед. Горюховскій. Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 85 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Горюховской, Москва, Даевъ пер., 1/88, кв. 3, отд. 80. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА и САМОУЧИТЕЛИ.

- 1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первомъ классѣ, чинѣ или на вольноопредѣляющ. съ правомъ поступленія въ школу прапорщиковъ—5 р. 75 к., 2) Самоучители языковъ: франц.—95 к., англ.—1 р. 50 к., латинск.—1 р. 45 к., итал.—1 р. 25 к., нѣмецк.—95 к., польскаго—1 р. 20 к., эсперанто—1 р. 3) Бухгалтерія для всѣхъ—руководство къ самоподготовкѣ на бухгалтера—1 р. 55 к. 4) Шофферъ и мотоциклистъ—руководство для самоподготовки на шофера или для желающихъ поступить въ автомоб. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и произв.: Полный курсъ мыловаренія—1 р. 50 к. Изготовленіе всяк. рода чернилъ—1 р. 25 к. Изготовленіе безалкогольныхъ винъ и наливковъ—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производство—2 р. 25 к. Чегоданное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 90 к. Изготовл. лаковъ и красокъ—1 р. 55 к. Какъ шить и чинить сапоги обуви—1 р. 20 к. 6) Книга для конторск. и приказч.—65 к. 7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 80 к., кино-механика и смешица—6 р. 95 к. Треб. адресъ: Москва, Б. Гинздинск. 10, изд-ству Д. Куманова.

НОВОСТИ!!!

Американскій КОРСЕТЪ-ПОЯС безъ бланжетки и костей.

Облегаетъ граціозно всякую фигуру, не причиняя никакого безпокойства. Необходимъ для всякаго рода занятій, спорта и дороги. Выс. нал. плат. Мѣрка: 1) объемъ талии, 2) объемъ бедер. Цѣна от 12 р. до 50 р. Петроград, Владимірска пр., д. 7, кв. 29, вход во дворъ. Телеф. 70-61.

M-me КЛЭРЪ.

Разрѣш. Киевск. **БУХГАЛТЕРІИ** (существуютъ учебн. окр. курсы съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредствомъ переписки, вполнѣ замѣн. устное преподаван. Условія выс. безплатно. А. П. Бобырь. Киевъ. Н. Софійская, 5.

ПИСАТЬ

- КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ** 6 отдѣл. Фондо-Готикъ, готикъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, тракторант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.
- ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убораств. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля. Адресъ: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Румейная, 7—4.
- СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 страницъ. Цѣна (6) 3 рубля.
- СПРАВОЧНИКЪ**, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр. форм. прошен., писемъ, какія шѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.
- ТОРГОВО-промышленное законодательство** ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЮ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 страницъ. (+VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посылк. налож. плат. на 25 к. дорож.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствъ, не требующія капитала, особымъ знаніемъ и спеціальной подготовкѣ. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп. МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерч. образов. Значные курсы по самообразованію программѣ. **СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ.** Цѣнная премія. Разсрочка. Просп. безл. Петроградъ, В. О. Бол. пр., № 22. „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“. Р.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адресъ: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отг. 2. (48)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльное иллюстрированное изданіе

„ЖИЗНЬ ВЪ ЖЕНЦЕВЪ“
Программа журнала: Положеніе и устройство бѣженцевъ.—Очерки по исторіи бѣженствъ.—Помощь бѣженцамъ.—Обзоръ правительственныхъ и общественныхъ иніціативъ.—Инструкція, наказы, циркуляры и распоряженія по бѣженскому вопросу.—Трудовое посредничество для бѣженцевъ.—Юридическая помощь бѣженцамъ.—Справочный отдѣлъ.—Отвѣты читателямъ и пр. „ЖИЗНЬ БѢЖЕНЦЕВЪ“ выходитъ съ 1-го сентября 1918 г. еженедѣльно въ форматѣ большихъ столичныхъ журналовъ.
Подписная цѣна съ пересылкой: На годъ—8 руб., 1/2 года—4 руб., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—75 коп. Отд. номеръ 20 коп. Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Поварской пер., 15.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Японскій принцъ Котохито Канъ-Инь въ Царской Ставкѣ 11-го сентября с. г. въ Царскую Ставку прибылъ представитель особы японскаго императора, Его Императорское Высочество японскій принцъ Канъ-Инь, для отвѣтнаго визита за посѣщеніе Японіи Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ въ качествѣ представителя Его Императорскаго Величества Государя Императора.

Послѣ Высочайшаго приѣма принца въ домѣ, гдѣ помѣщается Царская Ставка, Государь Императоръ изволилъ лично вручить Его Императорскому Высочеству знаки ордена святого Андрея Первозваннаго. Затѣмъ Государь Императоръ съ принцемъ и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ прошли въ столовую къ завтраку. Въ центрѣ стола занялъ мѣсто Государь Императоръ, по правую сторону отъ Его Величества—принцъ Котохито Канъ-Инь, а по лѣвую—Наслѣдникъ Цесаревичъ.

За завтракомъ Государь Императоръ изволилъ произнести слѣдующій тостъ на французскомъ языкѣ (приводимъ его въ русскомъ переводѣ):
— Я вижу въ приѣздѣ Вашего Императорскаго Высочества въ Россію новое доказательство желанія его величества императора Японіи закрѣпить тѣ узы дружбы, которыя связываютъ Наши обѣ имперіи. Эти узы освѣщены братствомъ по оружію въ борьбѣ противъ общаго врага, и Миѣ пріятно отмѣтить по сему случаю храбрость, выказанную японской арміей, и доблесть ея флота. Я сознаю также услуги, оказанныя японскимъ правительствомъ въ дѣлѣ снабженія Моей арміи оружіемъ. Ваше Императорское Высочество во время своего пребыванія въ Россіи сможете лично убѣдиться въ глубокой симпатіи

Моей имперіи къ Японіи, и Я прошу васъ передать отъзвукъ этой сердечной дружбы Вашему государю. Я пью за здоровье его величества императора Японіи, ея величества императрицы, а также за славу японской арміи и флота и за процвѣтаніе Японіи.

Музыка исполнила японскій гимнъ.

Принцъ Канъ-Инь отвѣтилъ Государю Императору слѣдующимъ тостомъ:
— Ваше Императорское Величество. Я глубоко тронутъ любезными словами, съ которыми Вашему Императорскому Величеству угодно было ко мнѣ обратиться, и я особенно чувствую лестный отзывъ, коимъ Вы почли японскую армію. Я не сомнѣваюся, что милостивыя слова Вашего Величества найдутъ радостный откликъ во всей нашей арміи. Я искренно тронутъ блестящимъ приемомъ, которымъ Вашему Величеству угодно было меня удостоить во время моего путешествія. Высокое вниманіе, оказанное мнѣ любезной для встрѣчи меня въ Москвѣ Великаго Князя Георгія Михайловича, какъ личнаго представителя Вашего Величества, преисполнило меня живѣйшей радостью. Прошу Ваше Императорское Величество принять выраженіе моей искренней признательности. Я не премину передать его величеству императору моему государю и всей японской націи о выраженіяхъ искренней симпатіи со стороны властей и русскаго народа во время моего путешествія, и я убѣжденъ, что моя миссія въ Россію произведетъ въ Японіи глубокое впечатлѣніе. Какъ Вашему Величеству угодно было указать, я счастливъ отмѣтить, что существующія между нами отношенія обоюднаго довѣрія и искренней дружбы еще болѣе укрѣплятся, освѣ-

ценный братством по оружию. Позвольте мне, Ваше Величество, в свою очередь, искренно почтить славную русскую армию, которая больше двух лет борется с непреодолимой храбростью и энергией, кои еще недавно стяжали ей столько блестящих успехов. Я с безковенной радостью выражаю глубочайшую уверенность в ее окончательной и полной победе. Да позволит мне Ваше Величество поднять бокал в честь Вашего Императорского Величества, Ее Величества Государыни Императрицы, Ее Величества Вдовствующей Императрицы и всего Императорского Дома с искренними пожеланиями величия и благоденствия благородной русской нации.

Музыка исполнила русский гимн.

После завтрака Государь Император с принцем последовал на террасу, где находились подарки, привезенные принцем от имени императора Японии для Его Императорского Величества и Наследника Цесаревича: вазы, оружие, картины, редкие растения и проч.

Днем принц делал визиты Особам Императорской Фамилии, начальнику штаба Верховного Главнокомандующего и другим.

В 8 часов вечера у Его Императорского Величества Государя Императора состоялся обед, на котором присутствовал принц Канъ-Инъ, с лицами своей свиты. По окончании обеда принц Канъ-Инъ, простившись с Государем Императором, отбыл с Великим Князем Георгием Михайловичем в десятом часу вечера из Парской Ставки в свой поезд. Проводить Его Императорское Высочество на станцию прибыли: Особы Императорской Фамилии, начальник штаба Верховного Главнокомандующего, министр иностранных дел, временно управляющий министерством Императорского Двора, Особы Свиты Его Императорского Величества и Их Императорских Высочеств, представители армий союзных держав.

Простившись с собравшимися для проводов, принц Канъ-Инъ с Вели-

Сербская войска в Салоникахъ. Сербъ-волинщикъ.

кимъ Княземъ Георгиемъ Михайловичемъ последовалъ в поездъ, который отошелъ в исходъ десятого часа вечера в Киевъ.

Женская „рекрутская кампанія“ в Англии. В уровень с колоссальнымъ подъемомъ рабочихъ силъ всей страны для достижения победы небывалыхъ размѣровъ достигъ в Англии и женскій трудъ. Поразительные всего громадный и систематически растущій наплывъ женщинъ въ предприятия по производству аммуниціи. Патриотическія воззванія и высокая заработная плата сдѣлали свое дѣло и привлекли сюда сотни тысячъ представительницъ «слабаго» пола. По сообщенію парламентскаго секретаря министра снабженія, число женщинъ, работающихъ на аммуниціи, исчислялось тогда въ 200.000 изъ 1.900.000 всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ данной отрасли производства. Это даетъ приблизительно 10,5%.

Эти цифры были оповѣщены съ парламентской трибуны въ апрѣлѣ с. г., но съ того времени число женщинъ, несомнѣнно, значительно увеличилось, и сейчасъ, судя по даннымъ периодической прессы, колеблется между 250.000—300.000.

Какъ передаетъ корреспондентъ «Кіевской Мысли» В. Майскій, изъ многихъ городовъ промышленнаго сѣвера Англии несутся вѣсти, что старыя, исконно «женскія», индустріи, какъ, напримѣръ, текстильная, горько жалуются сейчасъ на недостатокъ рабочихъ рукъ: ихъ долголѣтнія работницы, привлекаемыя высокой заработной платой, массами уходятъ на фабрики аммуниціи. Чтобы помочь горю, принимаются различныя экстраординарныя мѣры. Такъ, въ рядѣ ланкаширскихъ городовъ была открыта «рекрутская кампанія» среди замужнихъ женщинъ, которыя раньше работали въ текстильномъ производствѣ, но, обзаведшись семьей, ушли въ частную жизнь. Теперь ихъ зовутъ назадъ. Передаютъ, что эта кампанія ознаменовалась крупными успѣхами. Такъ какъ запасъ резервовъ подобнаго рода не

Сербская войска в Салоникахъ.

Передъ наступленіемъ.

очень великъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникла идея созданія особаго подвижнаго «женскаго корпуса» для обезпеченія текстильной промышленности нужными ей рабочими руками. Такъ, Гаддерфильдъ разработалъ планъ «набора» 1.000 женщинъ для его шерстяныхъ фабрикъ и устройства и содержанія ихъ въ теченіе всего періода войны. То же дѣлается и во многихъ другихъ центрахъ.

Но текстильная индустрія и раньше занимала сотни тысячъ женщинъ, поэтому гораздо важнѣе и показателнѣе нѣкоторыя другія отрасли производства, гдѣ до войны всецѣло господствовалъ мужской трудъ, а нынѣ работаютъ большія массы женщинъ.

Къ числу такихъ отраслей относится, напримѣръ, производство кожи. До августа 1914 г. это была чисто «мужская» индустрія, — теперь въ ней работаетъ не менѣе 5.000—6.000 женщинъ. Въ какой мѣрѣ измѣнился въ данной области составъ рабочихъ рукъ по признаку пола, можно судить по слѣдующему любопытному примѣру, приводимому корреспондентомъ «Times'a»: на одномъ ланкаширскомъ кожевенномъ заводѣ два года назадъ было занято 200 человекъ, въ томъ числѣ только 3 женщины; къ концу 1915 г. число женщинъ поднялось уже до 70, а число мужчинъ соответственно упало.

для народнаго хозяйства. И, что особенно важно и интересно, женское наводненіе на фабрикахъ, мастерскихъ и заводахъ, которое на первыхъ порахъ разсматривалось лишь, какъ временная мѣра, все больше приобретаетъ характеръ постоянного явленія. И это объясняется, прежде всего и больше всего, тѣмъ, что женщины, какъ свидѣтельствуетъ единодушное мнѣніе «дѣловыхъ людей», очень хорошо работаютъ. Многие предприниматели, которые раньше ничего и слышать не хотѣли о примѣненіи у себя женскаго труда, теперь превратились въ горячихъ его защитниковъ.

Берлинскій «Zukunft» о германскомъ будущемъ. Максимилианъ Гарденъ въ своемъ журналѣ «Zukunft», неоднократно подвергавшемся цензурнымъ карамъ, помѣстивъ статью, которая произвела огромное впечатлѣніе въ печати и политическихъ кругахъ Берлина. — «На фронтахъ, — говоритъ Гарденъ, — происходятъ бои, еще не виданные человѣчествомъ. Каждая минута уноситъ двѣ германскихъ жизни, каждый часъ — 10 миллионъ дѣяностей. Между тѣмъ врагъ и слышать не хочетъ о мирѣ. Шестъ дней, — срокъ, который потребовался Господу на созданіе вселенной, — засѣдалъ французскій сенатъ и на седьмой день выразилъ увѣренность въ томъ, что Франція побѣдитъ. То же самое наблюдается въ Англіи. Ллойд-Джоржъ убѣжденъ въ побѣдѣ. Если наступитъ

Англійская кавалерія на Соммѣ.

Другимъ любопытнымъ образчикомъ того же рода можетъ служить пивоваренное производство. До войны соотношеніе между женщинами и мужчинами въ этой отрасли промышленности было 1 : 11, сейчасъ оно равняется 1 : 5. Считаютъ, что за послѣдніе два года къ пивоваренію было привлечено не менѣе 10.000 новыхъ «рекрутовъ» — женщинъ. Нѣчто аналогичное происходитъ въ булочномъ производствѣ. До сихъ поръ число занятыхъ здѣсь женщинъ составляло около 30%, при чемъ онѣ выполняли главнымъ образомъ различныя болѣе легкія работы (особенно на бисквитныхъ фабрикахъ). Теперь сфера дѣятельности ихъ систематически расширяется, и въ Лондонѣ уже сдѣланы довольно успѣшныя, съ точки зрѣнія предпринимателей, опыты съ привлеченіемъ женщинъ къ печенію хлѣба. Еще одна область, въ которой женскій трудъ находитъ сейчасъ массовое приложеніе, — сельское хозяйство. Исчисляють, что въ армию ушло около 350—400 тысячъ сельскихъ рабочихъ, и для того, чтобы хоть до известной степени компенсировать эту потерю, въ февралѣ текущаго года была открыта «рекрутская кампанія» для записи женщинъ, желающихъ работать «на землѣ». Рекруты получали право носить спеціальную форму, образовывать «роты» и «батальоны» и должны были назначаться на фермы и помѣстья для выполненія необходимыхъ полевыхъ работъ.

На призывъ, сопровождавшійся агитаціей въ прессѣ и на митингахъ, откликнулось довольно большое число женщинъ какъ изъ деревень, такъ и изъ городовъ. Немало интеллигентныхъ женщинъ, — учительницъ, писательницъ, служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ и т. п., — повинаясь голосу патриотизма, отправлялись доить коровъ и убирать сѣно.

Сколько же женщинъ вновь вступило въ промышленную жизнь съ начала войны?

Приблизительные подсчеты даютъ цифру около 1.700.000. Это, конечно, далеко не полная компенсация за потерю мужскаго труда (армія поглотила въѣдъ до четырехъ миллионъ человекъ), но все-таки это громадное подспорье

пление союзниковъ не дало еще желанныхъ для Англіи результатовъ, то это не остановитъ Англію. Она вооружится для дальнѣйшей борьбы, отольетъ больше орудій, организуетъ новыя арміи, расширитъ военную индустрію до небывалыхъ размѣровъ и не остановится, пока кто-нибудь изъ насъ, — мы или она, — не упадетъ на землю. Германія не добьется мира ни теперь ни въ будущемъ году, если не признаетъ себя побѣжденной и не понесетъ послѣдствій пораженія.

«Пять державъ, — заканчиваетъ Гарденъ, — смотрятъ на Германію, какъ на игрока, которому вначалѣ повезло и предъ которымъ груда денегъ. Теперь игрокъ хочетъ положить выигранный въ карманъ и уйти. Но, — увы! — ему не дадутъ сдѣлать это и требуютъ реванша».

Кредиторъ всего міра. Въ исторіи междунаrodnой политики сложилась пробылая Австрія, всегда умѣвшая пользоваться чужими силами и не гнушаться никакими путями и способами для достиженія своего «лоскутнаго» благосостоянія, поговорка: „Belli gerant alii tu felix Austria nube“ (Пусть другіе ведутъ войны, а ты, счастливая Австрія, заключаешь браки). Это былъ намекъ на стремленіе Габсбургскаго дома связывать народы и ихъ монарховъ родственными узами съ его правителями и ихъ родственниками. Теперь минуло время выгодныхъ браковъ, теперь заключаютъ не брачныя контракты, а контракты на подряды и поставки стали и желѣза въ видѣ орудій, снарядовъ и машинъ для ихъ приготовленія. За эти массы чернаго металла платятъ миллиарды «благороднаго» золота. Единственная страна, которой платитъ и долженъ весь міръ, — Америка, при чемъ львиная доля ссужаемыхъ Америкой денегъ возвращается ей же за орудія, снаряды, станки и проч. По официальнымъ свѣдѣніямъ, Соединенные Штаты съ начала войны ссудили государствамъ, финансы которыхъ такъ или иначе задѣты войной, нѣсколько миллиардовъ франковъ.

Англія получила въ Соединенныхъ Штатахъ 2.700.000.000 франковъ. Франція — 1.100.000.000 франковъ, Италия — 125.000.000 франковъ и Германія — 139.000.000 франковъ. Кромѣ того, Греція получила 35.000.000 франковъ и Швейцарія — 75.000.000 франковъ.

ЖИЗНЬ

№ 39. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдавъ 24 сентября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Фантина.

Разсказъ Георгія Павлова.

I.

Инженеръ выслушалъ старшаго мастера и прошелъ въ слѣдующее отдѣленіе по висячему мостику, колеблющемуся подъ ногой и узкому, какъ пароходный трапъ, съ невысокими сквозными перилами. Мостикъ заканчивался круглой площадкой, похожей на платформу вращающейся судовой батареи.

Здѣсь было сердце завода. Огромный залъ, освѣщенный четырьмя рядами дуговыхъ лампъ, несмотря на полуденное время, весь стоналъ и гудѣлъ отъ непрерывнаго грохота. Жерла печей бросали отвѣтъ на блестящія станки, поршни, цилиндры, зубчатки и маховыя колеса, снующіе взадъ и впередъ, вращающіеся съ головокружительной быстротой, качающіеся или медленно ползущіе въ разныя стороны. Всѣ эти части машинъ, сливавшіяся для непривычнаго глаза въ какой-то безформенный клубокъ стальныхъ змѣй, выполняли свою долю гигантской общей работы, всѣ онѣ жили своей собственной жизнью, сознательной, независимой и загадочной.

Суевившіеся среди нихъ рабочіе казались сверху маленькими, почти незамѣтными муравьями; человекъ, разумъ котораго вдохнулъ душу въ это грохочущее царство металла, пара и электричества, терялся здѣсь, нисходилъ до роли послѣдняго ничтожнаго двигателя—былъ не больше, какъ жалкое насѣкомое, отданное во власть равнодушныхъ и жестокихъ чудовищъ, всей совокупностью которыхъ управляла его воля.

Сталелитейный заводъ Еноха Д. Вуда въ Вруклинѣ лихорадочно работалъ, выполняя экстренные военные заказы. Ежедневно его корпуса выпускали изъ своихъ нѣдръ сотни легкихъ полевыхъ пушекъ, неуклюжихъ мортиръ, тяжелыхъ орудій судо-

вой и осадной артиллеріи, огромныхъ, какъ библейскіе левиафаны, не считая множества ружей, пулеметовъ и тысячъ всевозможныхъ снарядовъ. На спеціальныхъ подъездныхъ путяхъ вереницы вагоновъ тотчасъ же подхватывали все это и уносили

Св. великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ.

Г. Поповъ.

съ быстротою экспрессовъ къ мѣсту отправленія, чтобы такъ же быстро возвратиться назадъ за новымъ грузомъ. Этотъ потокъ чугуна, желѣза и стали всѣхъ сортовъ встрѣчался по дорогѣ съ другимъ, стремившимся въ обратномъ направленіи: потокомъ золота, которымъ щедро оплачивались заказы. Предприятие Еноха Д. Вуда, довольно скромное по своимъ оборотамъ до войны, теперь давало колоссальную прибыль; золотая кровь, прилившая безостановочно къ его сердцу, заставляла это сердце работать съ удвоенной напряженностью.

Стоя на бетонномъ балконѣ, инженеръ Нерадовъ окинулъ взглядомъ все отдѣленіе. Его острый наблюдательный глазъ сразу уловилъ новыя детали въ этой хаотической картинѣ: едва замѣтная колебанія рычаговъ и поршни, двигавшіяся быстро, чѣмъ обыкновенно, сразу приковали къ себѣ его вниманіе. Машины разговаривали съ нимъ языкомъ, въ которомъ онъ умѣлъ понимать всѣ отбѣнки и интонаціи. Взглянувъ на цѣлую серію манометровъ, расположенныхъ вдоль баллюстрады балкона, онъ вынулъ блокнотъ, готовясь приступить къ вычислениямъ, но въ этотъ моментъ чья-то тяжелая рука легла на его плечо.

Инженеръ обернулся: рядомъ съ нимъ стоялъ завѣдывающій отдѣленіемъ, Джонатанъ Смэйльсъ, такой же черный и грязный, какъ и всѣ другіе въ этомъ машинномъ царствѣ, самомъ демократическомъ изъ всѣхъ.

— Удалось!— закричалъ онъ въ самое ухо инженера, стараясь покрыть грохотъ двигателей.— Напряженіе предѣльное, скорость тысяча четыреста оборотовъ.

— Сколько тоннъ?— такъ же прокричалъ въ отвѣтъ Нерадовъ.

— Одиннадцать тысячъ!

— Больше не надо. Уменьшите давленіе.

Завѣдывающій тотчасъ же скрылся въ люкъ винтовой лѣстницы. Инженеръ, съ виду совершенно спокойный, записывалъ цифры на листѣ блокнота, но рука его слегка дрожала отъ радостнаго волненія. Опытъ, надъ теоретической формулировкой котораго онъ трудился такъ долго, блестяще удался. Инженеръ Нерадовъ провелъ не даромъ столько времени на заводѣ, подъ сводами котораго ветунилъ неопытнымъ и робкимъ новичкомъ, только-что окончившимъ институтъ. Здѣсь, въ этой практической академіи, завершилась его научная подготовка. Подъ стужъ исполненныхъ паровыхъ молотовъ, визгъ приводныхъ ремней и грохотъ колесъ, среди искръ, летящихъ во всѣ стороны отъ раскаленнаго добѣла металла, въ тишинѣ заводскихъ лабораторій онъ выработалъ свои собственные методы работы, научился американской быстротѣ и настойчивости въ достиженіи намѣченной цѣли, приобрѣлъ рѣшимость, зоркій взглядъ и твердую руку, которая такъ же хорошо справляется съ карандашомъ надъ рѣшеніемъ сложныхъ формулъ, какъ и съ регуляторами машинъ, ранѣе знакомыхъ ему только по отвлеченнымъ чертежамъ на страницахъ учебниковъ.

Записавъ полученные результаты, онъ двинулся въ обратный путь. Всюду обнаженные до пояса рабочіе, по чернымъ тѣламъ которыхъ стекала ручьями потъ, смѣшанный съ угольной пылью, почтительно разступались передъ молодымъ человѣкомъ, и инженеры, скользившіе въ разныхъ направленіяхъ между машинами, не забывали обмѣняться съ нимъ на ходу крѣпкимъ американскимъ рукопожатіемъ. Нерадова всѣ любили на заводѣ, потому что онъ былъ прекраснымъ работникомъ и держался одинаково просто и привѣтливо со всѣми, начиная отъ помощника директора и кончая послѣднимъ кочегаромъ.

Онъ вышелъ на улицу съ тѣмъ же чувствомъ головокруженія отъ свѣжаго воздуха, которое всегда испытывалъ, посѣщая заводъ, несмотря на то, что эти посѣщенія повторялись изо дня въ день. Корпуса, угрюмые и однообразные, со своими сводчатыми стеклянными кровлями, замыкали со всѣхъ сторонъ горизонтъ; безчисленные трубы вливали все новыя и новыя потоки дыма въ тяжелую грязную тучу, нависшую низко надъ землей. Но въ маленькомъ садикѣ, украшавшемъ асфальтовый

дворъ, точно оазисъ пустыню, вѣтки деревьевъ уже зеленѣли молодыми клейкими листочками, нѣжными, какъ пухъ. Инженеръ взглянулъ на этотъ клочокъ правдивой и вѣчной природы, даже въ этой темницѣ радующейся своему утру, и его лицо освѣтилось молодой, почти дѣтской улыбкой, какой улыбаются самые серьезные люди, вспоминая что-нибудь пріятное.

Быть-можетъ, онъ вспомнилъ о томъ, что ему было всего двадцать шесть лѣтъ.

II.

Енохъ Д. Вудъ жилъ за городомъ, въ своемъ дворцѣ, который одновременно могъ служить образцомъ и американской пышности и американскаго безвкусія. Этотъ миллиардеръ со вчерашняго дня, еще недавно пробивавшійся скромными заказами и неожиданно вынесенный девятымъ валомъ войны на вершину финансового могущества, постарался воздвигнуть достойный памятникъ улыбнувшейся ему фортунѣ. Коттеджъ мистера Вуда, выстроенный лучшими архитекторами Штатовъ, которымъ во всякомъ случаѣ нельзя было отказать въ пониманіи національнаго стиля, напоминалъ не то средневѣковый замокъ, не то цитадель, не то монументъ битвы народовъ подъ Лейпцигомъ,—все, что угодно, но только не жилой домъ, хотя бы и миллиардера. Все здѣсь подавляло тяжеловѣсной роскошью, грубой и назойливой, каждая деталь кричала о сотняхъ и тысячахъ затраченныхъ долларовъ; въ общемъ, получалось именно то впечатлѣніе, на которое и рассчитывалъ владѣлецъ.

Автомобиль остановился передъ подъездомъ, какому могъ бы позавидовать любой европейскій вокзалъ. Цѣлая армія лакеевъ въ напудренныхъ парикахъ, точно хоръ изъ „Манонъ“, бросилась навстрѣчу прибывшему: Нерадова мгновенно высадили изъ экипажа, чуть не на рукахъ подняли въ бельэтажъ послѣ того, какъ онъ категорически отказался отъ лифта, и наконецъ оставили одного передъ завѣтной дверью, оберегаемой неподвижнымъ камердинеромъ,

— Мистеръ Вудъ принимаетъ?

Дверь распахнулась, инженеръ вошелъ въ кабинетъ.

Въ первую минуту могло показаться, что владѣлецъ послѣдняго сидитъ за прилавкомъ, неизвѣстно зачѣмъ очутившимся посреди бѣлаго дорического храма, обнесеннаго мраморной колоннадой. На самомъ дѣлѣ это былъ письменный столъ неимоверной величины, заваленный горами бумагъ, счетами и книгами, среди которыхъ нѣсколько телефоновъ едва возвышалось надъ этимъ бумажнымъ наводненіемъ. Енохъ Д. Вудъ, безъ сюртука и жилета, поднялся навстрѣчу посетителю, поправляя брюки: день былъ жаркимъ по-лѣтнему, а въ такихъ случаяхъ въ Америкѣ единственной принадлежностью костюма, безъ которой нельзя обойтись, считаются только онѣ.

Представитель Верховнаго Главнокомандующаго при французской главной квартирѣ генералъ Я. Г. Жилинскій раздаетъ медали, пожалованныя Государемъ Императоромъ работницамъ заводовъ, выполняющихъ военные заказы для Россіи.

На западномъ фронтѣ.

— Добрый день, мистеръ Нерадовъ. Что скажете? Я слышалъ, вы добились увеличенія производительности станковъ до пятидесяти процентовъ?

— Вы уже знаете это?

— Мнѣ докладывали о полученныхъ результатахъ Джонатанъ Смайльсъ. Очень хорошо, изъ васъ выйдетъ толкъ. Посвятите меня въ подробности.

Инженеръ взглянулъ на плакатъ, прибитый на видномъ мѣстѣ и напоминавшій о томъ, что время дороже денегъ. Мистеръ Вудъ поймалъ этотъ взглядъ.

— Я сейчасъ не занятъ,—сказалъ онъ.

— Зато у меня мало времени. Дѣло въ томъ, что мнѣ придется оставить службу на вашемъ заводѣ, мистеръ Вудъ. Въ субботу отойдетъ пароходъ норвежскаго сѣвернаго общества, съ которымъ я долженъ вернуться въ Россію.

Енохъ Д. Вудъ откинулся къ спинкѣ своего кресла. Его лоснящаяся физиономія съ моноклемъ въ глазу выражала такое откровенное изумленіе, какое появлялось на ней не часто.

— Причина?

— Я имѣю предложенія отъ нѣсколькихъ русскихъ заводовъ.

— Выгодныя предложенія? Если вы находите недостаточнымъ ваше жалованье, я не постою за прибавкой. Кроме того, имѣйте въ виду, что здѣсь вы получаете золотомъ,—въ Россіи вамъ будутъ платить бумажками. Разница по курсу выходитъ значительная.

— Благодарю васъ, дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Мнѣ просто хочется быть полезнымъ на родинѣ.

— Пустяки! Вѣдь вы и сейчасъ работаете на ваше правительство.

— Это правда. Но здѣсь у васъ избытокъ людей, тамъ—недостатокъ.

Директоръ понялъ, что продолжать споръ бесполезно, и перешелъ къ другой темѣ.

— Но ваше изобрѣтеніе? Вы, конечно, подѣлитесь имъ со мною. Задерживать васъ я не имѣю права; вы свободны и не связаны договоромъ. Хотите уѣзжать—уѣзжайте. Но меня интересуютъ ваши опыты. Вы сами должны понять, что увеличеніе производительности здѣсь благоприятно отразится на снабженіи вашей же арміи тамъ, на западѣ.

— Я имѣю основанія не оставлять моего секрета въ вашихъ рукахъ, мистеръ Вудъ,—отвѣчалъ Нерадовъ.— Не спорю, вы могли бы извлечь многое изъ моихъ опытовъ. Но я и самъ сумѣю воспользоваться ими на русскихъ заводахъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ слишкомъ много германцевъ, для которыхъ

Отправка съ завода изготовленныхъ снарядовъ.

эти опыты, разумѣется, еще болѣе интересны, чѣмъ для васъ. Я боюсь, что вы не сохраните ихъ въ тайнѣ; тогда вмѣсто пользы для нашей арміи получится какъ разъ обратное.

— Милостивый государь, на заводѣ Еноха Д. Вуда нѣтъ шпионовъ!

— Но они могутъ быть,—хладнокровно возразилъ инженеръ.— Для меня этого достаточно. Однимъ словомъ—когда я могу сдать дѣло моему замѣстителю?

Онъ всталъ при этихъ словахъ, давая понять, что разговоръ конченъ. Мистеръ Вудъ уткнулся въ бумаги и сердито буркнулъ, не глядя на своего собесѣдника:

— Если вы упорствуете—сдѣлайте одолженіе, хоть завтра.

Въ вестибюлѣ инженеръ столкнулся лицомъ къ лицу съ молодой женщиной, очень красивой и одѣтой, какъ модель магазина американскихъ модъ. Онъ хотѣлъ было откланяться официальнымъ поклономъ и проскользнуть мимо, но эта попытка не удалась.

— Мистеръ Джорджъ! Вотъ неожиданная встрѣча. Вы уже были у папы? Такъ рано? Для него вы всегда находите время, это не то, что навѣстить меня. Знаете ли вы, что я васъ не вижу въ своемъ салонѣ вотъ уже четыре дня? Мнѣ это совсѣмъ не нравится. Въ субботу у меня музыкальный вечеръ; если вы не пріѣдете, я сочту ваше отсутствіе за разрывъ дипломатическихъ сношеній...

Оживленно болтая, она продолжала держать руку инженера въ своей рукѣ, теплоту которой онъ чувствовалъ сквозь легкую сѣтчатую перчатку. Кругомъ прислуга стояла въ позѣхъ безмолвнаго почтительнаго ожиданія, швейцаръ замеръ у открытой кабины лифта. Нерадовъ, вынужденный поневолѣ играть центральную роль въ этомъ спектаклѣ передъ многочисленными зрителями, почти силой отнялъ руку, которой миссисъ Вудъ ни за что не хотѣла выпускать, и, обѣщавъ посѣтить ее при первой возможности, бросился чуть не бѣгомъ къ выходу.

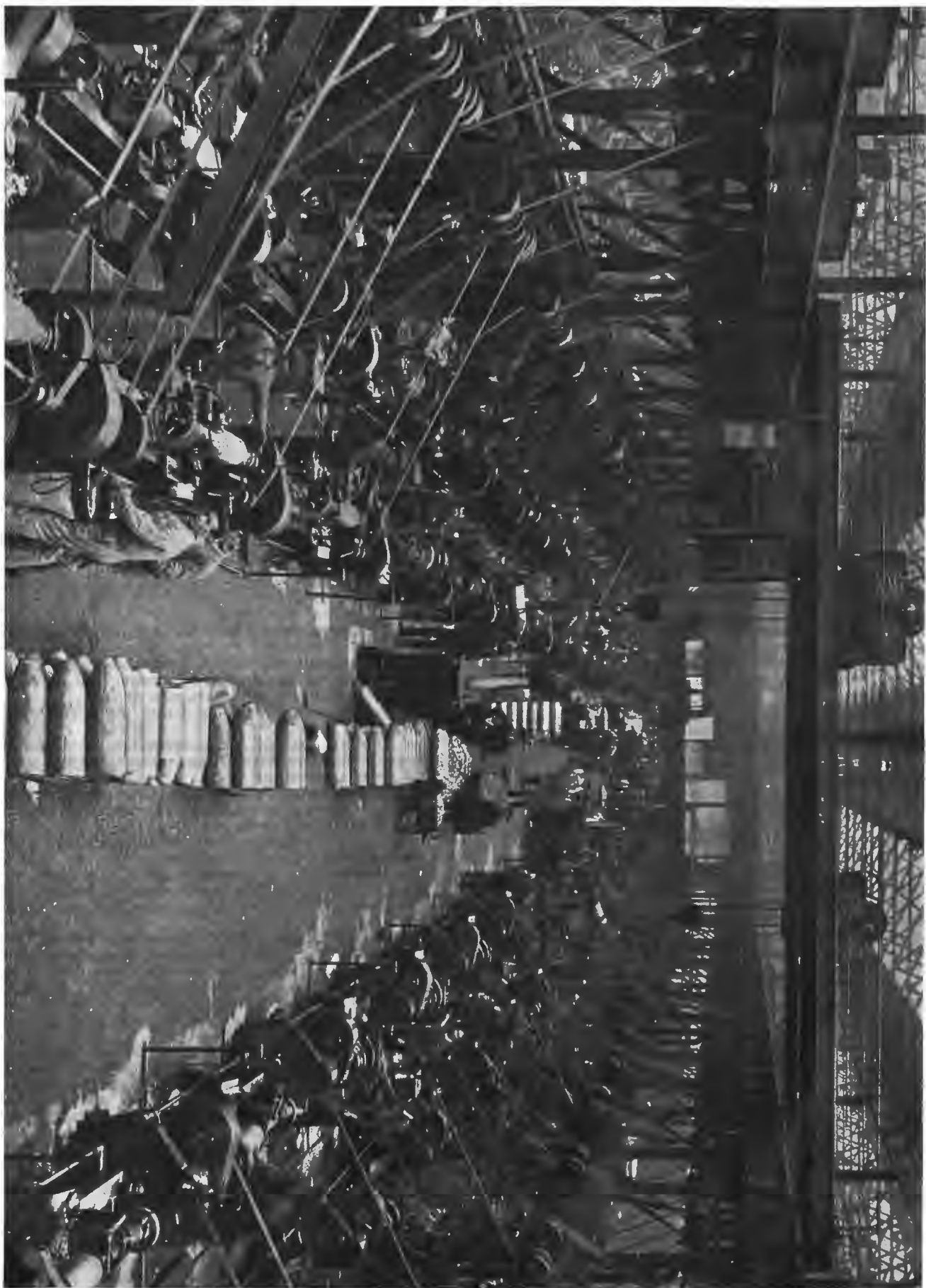
III.

Сидя въ автомобилѣ, онъ старался доказать самому себѣ, что поступилъ вполне правильно. Прежде всего, онъ былъ занятъ и сгѣшилъ; кроме того, передняя, по его мнѣнію, отнюдь не была подходящимъ мѣстомъ для продолжительныхъ разговоровъ. Но въ глубинѣ души онъ не испытывалъ того раздраженія противъ молодой американки, которое старался симулировать,—и, какъ всегда, это его сердце, какъ противорѣчіе, необъяснимое и досадное.

Конечно, нельзя отрицать, что миссисъ Фантину Вудъ онъ знаетъ болѣе, чѣмъ кого-либо другого въ этой странѣ, гдѣ онъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ завязать сколько-нибудь близкихъ и друже-

ских отношений. Но, в сущности, он ее знает очень мало и еще меньше понимает, несмотря на то, что их знакомство продолжается уже довольно долго.

ной демократической странѣ, пристрастивъ всѣхъ жертвъ европейскаго социальнаго строя и очагъ высокой, хотя и своеобразной культуры, гдѣ ничто и никто не стѣсняетъ развитія чело-

На англійскомъ заводѣ, работавшемъ на оборону.

Восемь мѣсяцевъ тому назадъ инженеръ Нерадовъ прѣѣхалъ въ Бруклинъ, чтобы поступить на заводъ, предложивъ ему чрезъ своего повѣреннаго весьма выгодныя условія. Онъ прѣѣхалъ съ готовымъ представленіемъ объ Америкѣ, какъ о свобод-

ческой личности. Въ началѣ сентября лѣтній сезонъ считается здѣсь законченнымъ. Не зная этого, Нерадовъ появился на улицѣ въ легкой соломенной шляпѣ. Какой-то янки, возмущенный такимъ нарушеніемъ традицій, мѣткимъ ударомъ палки сбилъ съ

головы инженера уборь, не отвѣчающій требованіямъ сезона. Самолюбивый и вспыльчивый Нерадовъ бросился на обидчика и послѣ короткаго объясненія съ собравшейся публикой разбилъ въ кровь нѣсколько свободныхъ американскихъ носовъ, по всѣмъ правиламъ бокса, который изучалъ когда-то. Обративъ въ бѣгство противниковъ, онъ растерянно оглянулся подъ громъ аплодисментовъ и возгласовъ восхищенныхъ янки и увидѣлъ молодую красивую женщину, которая аплодировала больше всѣхъ, стоя въ элегантнои шарбанѣ. Онъ совсѣмъ растерялся и отъ смущенія не нашелъ ничего лучшаго, какъ послать ей воздушный поцѣлуй, окончательно покорившій красавицу.

Такъ началось знакомство Георгія Николаевича Нерадова съ миссисъ Фантиной Вудъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, въ теченіе котораго онъ успѣлъ достаточно освоиться съ мѣстной культурой. Онъ уже не останавливался больше на улицахъ, чтобы прочесть исполненіи свѣтовой плакатъ въ облакахъ, восхваляющій вазелинъ Чизбро или „водку изъ страны золота“. Онъ шелъ смотрѣть американскую драму только тогда, когда хотѣлъ посмѣяться отъ души. Въ ресторанахъ, къ великому изумленію прислуги, онъ отбрасывалъ отъ себя нью-йоркскія газеты и требовалъ норвежскія, либо англійскія. Самые неожиданные абсурды и противорѣчія не удивляли его, потому что онъ былъ готовъ ко всему. Америка представлялась ему страной несообразностей, которыя его перестали интересовать. Самой яркой изъ этихъ несообразностей онъ считалъ миссисъ Фантину Вудъ, но сказать, что она его не интересуетъ, онъ не могъ, потому что основу его характера составляла правдивость.

Георгій Николаевичъ Нерадовъ, инженеръ-технологъ, распоряжающійся на заводѣ Еноха Д. Вуда шестьюстами рабочими, практически очень мало знаетъ жизнь. Воспитанный подъ крыломъ нѣжно-любимой матери, которую онъ потерялъ задолго до отъѣзда въ Америку, Нерадовъ провелъ спокойную и чистую юность: къ тому же уравновѣшенный лимфатическій темпераментъ защищалъ его отъ соблазновъ. Въ двадцать шесть лѣтъ онъ сберегъ почти дѣвическую свѣжесть лица, безмятежно-ясный взглядъ голубыхъ глазъ и стальные мускулы—все это хорошо, но зато онъ совершенно не защищенъ противъ женскаго коварства. Повышенное вниманіе къ нему со стороны женщинъ смущаетъ его и вызываетъ почти суевѣрный страхъ, надъ которымъ могла бы самодовольно посмѣяться опытная артистка. Но если бы онъ замѣтилъ, что надъ нимъ смѣются, онъ не остановился бы передъ такими рѣшительными мѣрами, которыя сразу обрываютъ капризную и тонкую любовную игру, какъ ударъ топоромъ по паутинѣ.

Но миссисъ Фантина Видъ ничуть не походитъ на европейскій типъ соблазнительницы, знакомый ему хотя бы только по романамъ. Онъ никакъ не можетъ разобраться въ психологіи этой странной дѣвушки, которая болѣе чѣмъ ясно даетъ ему понять, что онъ ей нравится, которая его почти преслѣдуетъ—и въ то же время нарочно старается оттолкнуть отъ себя всѣми способами, начиная отъ своихъ туалетовъ, эксцентричныхъ даже для американки, и кончая афоризмами и выходками, способными поставить втупикъ самаго бывалаго мужчину. На улицѣ она хладнокровно пересаживается, при встрѣчѣ съ Нерадовымъ, въ его автомобиль; во время его визита съ глазу на глазъ въ будуаръ развиваетъ передъ нимъ свои собственные теоріи музыки, стратегіи, скульптуры и мистики, а во время парадныхъ обѣдовъ мистера Вуда, гдѣ инженеръ изрѣдка вынужденъ присутствовать, преслѣдуетъ его томными и нѣжными взглядами, отъ которыхъ у бѣднаго юноши поневолѣ кружится голова и которыми вдобавокъ могутъ любоваться всѣ полтораэта приглашенныхъ.

Онъ бѣжитъ отъ нея и въ напряженной работѣ старается отдѣлаться отъ мысли объ этой странной сиренѣ. Но ея звонкій голосъ слышится ему сквозь лягъ стали, ея образъ вѣтаетъ передъ нимъ въ тишинѣ лабораторій, гдѣ трудится этотъ пламенный послушникъ знанія.—и снова въ его душѣ поднимается злоба, которой онъ не можетъ объяснить себѣ, которой готовъ почти бояться.

Самое лучшее,—не встрѣчаться съ ней никогда больше. Какъ хорошо, что онъ уѣзжаетъ. Тамъ, въ Россіи, онъ не будетъ вспоминать о дочери мистера Вуда. Тамъ величественная эпопея страданій и подвиговъ родины, долетающая за океанъ только въ запоздалыхъ и отрывочныхъ отголоскахъ, всецѣло овладѣетъ его душой и исцѣлитъ навсегда отъ этого колдовства, бороться съ которымъ здѣсь у него не хватаетъ силы.

И въ своей комнатѣ онъ съ радостнымъ волненіемъ смотритъ на упакованные сундуки и чемоданы, нетерпѣливо считая часы, которые ему остается еще провести подъ прокопченнымъ небомъ Новаго Свѣта.

IV.

Въ салонѣ миссисъ Фантины Вудъ гости разошлись, хозяйка оставалась въ обществѣ послѣдняго гостя, появлявшагося здѣсь очень часто. Генрихъ Росвеллеръ, секретарь германскаго посольства, нимало не смущался тѣмъ обстоятельствомъ, что заводъ Еноха Д. Вуда работалъ на снабженіе враждебныхъ ему армій; что же касается общественнаго мнѣнія, то въ Америкѣ на такія вещи смотрятъ чрезвычайно просто. Интересы доллара здѣсь

нимало не мѣшаютъ интересамъ гостиныхъ и будуаровъ: Росвеллеръ происходилъ изъ хорошей семьи, былъ молодъ и недуренъ собой, этого было достаточно, чтобы его систематическіе визиты къ дочери миллиардера никому не казались удивительными.

Хозяйка и гость сидѣли въ салонѣ, убранномъ въ восточномъ вкусѣ, среди низкихъ дивановъ, вычурныхъ столиковъ и подушекъ, въ беспорядкѣ разбросанныхъ по комнатѣ. Проникая въ высокія стрѣльчатые окна, лучи заходящаго солнца скользили по золотымъ персидскимъ шлемамъ и круглымъ щитамъ на стѣнахъ, по фризу которыхъ сверкали изреченія изъ корана. Этотъ „востокъ“, пропущенный сквозь призму мѣтнаго пониманія, не отличался ни красотой ни выдержанностью стиля; но вульгарность салона смягчалась присутствіемъ хозяйки, которая съ перваго взгляда приковывала къ себѣ вниманіе.

Миссисъ Фантина Вудъ была одной изъ тѣхъ яркихъ цвѣтушихъ красавицъ, которыя иногда встрѣчаются въ средѣ американской plutokratii, вышедшей изъ народа и при всѣхъ своихъ недостаткахъ далекой отъ физическаго вырожденія. Этой красавицѣ не могло повредить ничто: ни капоть ужаснаго персикаго цвѣта съ лиловыми лентами, ни сооруженіе въ видѣ массивной башни изъ взбитыхъ волосъ, замѣняющее прическу; подъ капотомъ угадывалось тѣло, точно изваянное вдохновеннымъ скульпторомъ, а безобразная прическа могла сойти за оригинальную на этомъ лицѣ, создавая которое природа, казалось, не допустила ни малѣйшей ошибки, чтобы не нарушить чарующей гармоніи цѣлаго. Приемомъ миссисъ Фантина совершенно не была кокеткой въ европейскомъ смыслѣ,—а можетъ-быть, слишкомъ хорошо знала цѣну своей красотѣ для того, чтобы подчеркивать ея искусственными приемами.

Завѣса темно-краснаго бархата, замѣнявшая дверь, отодвинулась на кольцахъ. Негръ въ бѣломъ тюрбанѣ съ почтительнымъ поклономъ подалъ госпожѣ визитную карточку.

— Мистеръ Нерадовъ? Просите, просите скорѣе...

Она вскочила и бросилась навстрѣчу посѣтителю ранѣе, чѣмъ онъ показался на порогѣ. Ея рукопожатіе, какъ всегда, было крѣпкимъ и продолжительнымъ болѣе, чѣмъ это принято даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Германецъ, въ свою очередь поднявшійся съ кресла, стоялъ въ классической позѣ Бисмарка, заложивъ концы пальцевъ за борть сюртука.

— Господа, позвольте васъ познакомиться. Мистеръ Росвеллеръ, секретарь германскаго посольства. Джорджъ Нерадовъ, русскій инженеръ. Какая пикантная встрѣча, не правда ли! Вы враги тамъ, за океаномъ,—но на американской территоріи и вдобавокъ въ салонѣ такой убѣжденной пацифистки вамъ не остается ничего другого, какъ только поклониться другъ другу.

Мужчины такъ и сдѣлали: Нерадовъ болѣе чѣмъ сдержанно, германецъ съ преувеличенной, явно иронической любезностью. Наступившее молчаніе могло бы сдѣлаться очень тягостнымъ, но миссисъ Фантина вообще не любила и не умѣла молчать.

— Къ нашему общему сожалѣнію, мистеръ Джорджъ покидаетъ насъ,—заговорила она.—Съ ближайшимъ норвежскимъ пароходомъ—это „Гудрунъ“, такъ, кажется, мистеръ Нарядовъ?—онъ уѣзжаетъ въ Россію и увозитъ съ собой очень важное военное изобрѣтеніе, которое примѣнить на родинѣ. Благодаря этому изобрѣтенію, интенсивность производства снарядовъ увеличивается почти вдвое; вѣдь это чрезвычайно важно, не правда ли?

Несмотря на всю выдержку германца, глаза его заблестали. Впрочемъ, Нерадовъ едва ли замѣтилъ это: выходка миссисъ Фантины до того поразила его, что онъ положительно ослѣбѣлъ. Первымъ его побужденіемъ было пожить на американку и зажать ей ротъ: желѣзнымъ усиліемъ воли онъ сдержался, самъ не зная, что скажетъ и что сдѣлаетъ въ слѣдующую минуту.

— Въ Америкѣ легко совершенствовать свои знанія,—пробормоталъ Росвеллеръ.—Хорошо оборудованные заводы... благоприятныя условія...

Онъ торопливо посмотрѣлъ на часы и поспѣшилъ исчезнуть, оставивъ инженера наединѣ съ хозяйкой, которая, казалось, рѣшительно ничего не замѣтила.

— Скажите, миссисъ,—началъ Нерадовъ съ убитвеннымъ спокойствіемъ, предвѣщавшимъ близкую бурю,—для чего, собственно, вы меня вызвали сегодня по телефону?

— Я хотѣла еще разъ проститься съ вами передъ отъѣздомъ.

— Благодарю васъ. А этотъ германецъ?

— Онъ пришелъ раньше. Не могла же я его выгнать, вы согласитесь съ этимъ.

— Хорошо, пусть такъ. Я допускаю, что это была случайная встрѣча, а не заранѣе подготовленная безтактность. Но въ такомъ случаѣ сдѣловало быть вдвойнѣ осторожной. То, что вы себѣ позволили сказать здѣсь при немъ... Не дѣлайте недоумѣвающихъ глазъ, прошу васъ. Не можетъ быть, чтобы вы не понимали вашего поведенія. Открыть такую тайну врагу, не брезгающему никакими средствами въ борьбѣ,—я не знаю, какъ въ вашей странѣ, но на моей родинѣ это называется предательствомъ, отъ наказанія за которое вашъ полъ не спасаетъ. Вы достигли того, что я не могу уѣхать...

Миссисъ Фантина векочила, громко хлопая въ ладоши. Она

сбросила съ себя маску притворнаго изумленія, уже ненужную больше. Ея глаза блистали, возбужденіе, охватившее ее, нашло выходъ въ рядъ бурныхъ восторженныхъ восклицаній.

— Bravo, bravo, мистеръ Джорджъ! Вы не уйдете, да? Этого мнѣ только было нужно. Отлично! Великолѣпно! Я вовсе не такая наивная, какъ вы думаете. Я прекрасно знала, что говорю. Васъ просили не уѣзжать, вамъ писали, звонили сто разъ въ день по телефону—все напрасно. Теперь я все-таки поставила на своемъ и сдѣлала такъ, что вы должны остаться!

Нерадовъ холодно прервалъ ее:

— Виновать, я не кончила фразы. Съ норвежскимъ пароходомъ я не уѣду, потому что риску быть обокраденнымъ по дорогѣ. Но я отправлюсь съ англійскимъ. Посмотримъ, удастся ли мистеру Росвеллеру или его агентамъ пробраться на бортъ британскаго парохода!

— Вы этого не сдѣлаете,—объявила миссисъ Фантина чортъ короткаго молчанія.

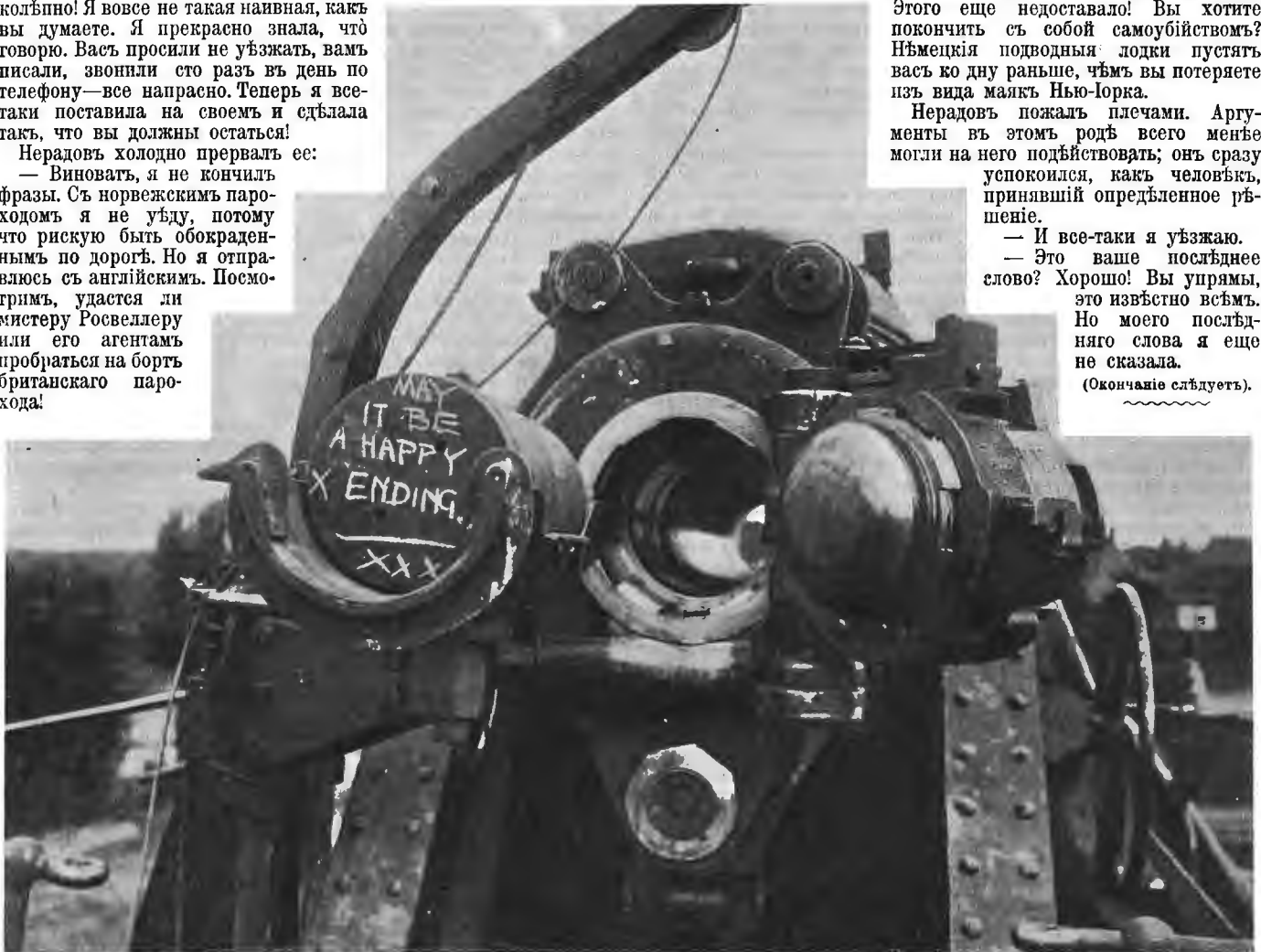
— Увидимъ.

— Не сдѣлаете, потому что вы не безумный. Путешествіе черезъ океанъ подъ англійскимъ флагомъ! Этого еще недоставало! Вы хотите покончить съ собой самоубійствомъ? Нѣмецкія подводныя лодки пустятъ васъ ко дну раньше, чѣмъ вы потеряете изъ вида маякъ Нью-Йорка.

Нерадовъ пожалъ плечами. Аргументы въ этомъ родѣ всего менѣе могли на него подѣйствовать; онъ сразу успокоился, какъ человекъ, принявшій опредѣленное рѣшеніе.

— И все-таки я уѣзжаю.
— Это ваше послѣднее слово? Хорошо! Вы упрямы, это извѣстно всѣмъ. Но моего послѣдняго слова я еще не сказала.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На англійскомъ фронтѣ. Механическая подача снаряда къ тяжелому орудію. На днѣ снаряда одинъ изъ „Томми Аткинсовъ“ написалъ мѣломъ пожеланіе: „да будетъ счастливый конецъ“.

Подруга съ глазами газели.

Разсказъ Анри Дефоржа.

Почтенный г. Муфль, бывший преподаватель школы восточныхъ языковъ, не безъ удивленія прочелъ слѣдующее объявленіе:

„Ищутъ особу, хорошо знающую арабскій языкъ, для спѣшной работы. N. Почтовое отдѣленіе. До востребованія, 97“.

Г. Муфль хорошо зналъ арабскій языкъ, такъ какъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ терпѣливо преподавалъ его въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Поэтому онъ тотчасъ же отправилъ по указанному адресу письмо съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Но кому, собственно, могло въ такое время прийти на умъ заниматься спѣшной работой на этомъ языкѣ?

Въ отвѣтъ на свое предложеніе г. Муфль могъ ожидать вопроса отъ кого угодно, только не отъ прелестной двадцатилѣтней барышни.

Она явилась къ нему сама по указанному адресу.

— Не можете ли вы,—сказала она,—перевести на арабскій языкъ письмо?..—И, краснѣя, прибавила:—Письмо отъ меня...

Старый преподаватель совсѣмъ смутился.

— Я забыла назвать вамъ свое имя: Матильда Андре. Я дала адресъ „до востребованія“, потому что живу съ теткой, которая немного сурова и не раздѣляетъ моихъ взглядовъ. А такъ какъ то, что я собираюсь предпринять, дѣло доброе, то я и рѣшила скрыть отъ нея и все же сдѣлать по-своему. Развѣ я не права?

— Конечно,—сказалъ г. Муфль.

Тогда она объяснила:

— Видите ли, у меня есть „приемный сынъ“... Знаете, приемный сынъ на войнѣ, капраль стрѣлковъ. Его зовутъ Риза Магометъ, и онъ уже покрылъ себя славой.

— Вы его знаете?

— Ну да. Подумайте только: онъ получилъ пулю въ легкое и лежитъ въ госпиталѣ св. Мартина. Понятно, я рѣшила навѣстить его... Его фельдфебель далъ мнѣ знать о состояніи его

раны, ибо, надо вамъ сказать, Риза совсѣмъ не умѣетъ писать, ни на одномъ языкѣ. вмѣсто него со мною переписывается его фельдфебель, душа-человѣкъ. И вотъ, сударь, что я придумала: храбрый Риза женатъ...

— Сколько у него женъ

— Три или четыре. Таковъ обычай въ его странѣ. Бѣдняга тоскуетъ по родинѣ. Знаете, онъ разсказалъ мнѣ о всѣхъ своихъ женахъ и признался даже въ томъ, что сильнѣе всего привязанъ къ одной изъ нихъ—самой красивой и принесшей ему больше всего дѣтей... Ее зовутъ Сенука. Но она не совсѣмъ здорова. Риза говоритъ, что она прекрасна, какъ цвѣтокъ, что „у нея глаза газели“. Это его слова. Она живетъ въ горахъ, гдѣ-то около Теля. Я не совсѣмъ точно знаю, гдѣ это.

— Я знаю.

— Кажется, тамъ не всегда бываетъ достаточно тепло, въ этомъ Телѣ; потому она кашляетъ... Словомъ, помни о доблести Ризы, о томъ, что онъ раненъ, и зная, какъ горячо онъ привязанъ къ этой своей женѣ, я рѣшила чѣмъ-нибудь порадовать ее. Нехорошо вѣдь забывать о далекихъ подругахъ этихъ храбрецовъ, не правда ли? Такъ вотъ! Я набросала черновики письма. Но боюсь, что не сумѣла хорошо написать. Прочтите.

„Госпожа Сенука!

„Сообщаю вамъ, что Риза храбрецъ изъ храбрецовъ. Онъ—гордость французской арміи, въ рядахъ которой онъ сражается противъ презрѣннаго врага. Риза смѣлъ, какъ левъ пустыни, и Магометъ долженъ быть доволенъ имъ...

„Начальники Ризы замѣтили его доблесть. Они видѣли, что Риза всегда первый въ атакѣ, и что своими руками онъ убилъ больше двадцати враговъ“...

„Я написала „двадцать“ наугадъ. Можетъ-быть, слѣдовало бы поставить „сто“?“

„Какъ онъ прекрасенъ, какъ онъ удивителенъ, этотъ пылкій воинъ, пришедшій съ горъ Теля на помощь великой родинѣ, и какъ должна гордиться имъ любимая его жена, смуглая Сенука, подруга съ глазами газели!“

„Она сможетъ рассказать своимъ дѣтямъ о блестящей славѣ Ризы, а старики его племени вечерней порой будутъ пѣть ему хвалу. Они скажутъ, что Риза отправился за тѣломъ павшаго въ бою офицера, своего командира, и въ поискахъ добирался до неприятельскихъ проволочныхъ загражденій...“

„Но вотъ... пойметъ ли она, что такое „проволочныя загражденія“? ...И что за это Риза получилъ изъ рукъ самого великаго Имама“...—Можно ли сказать „великій Имамъ“ вмѣсто „Жофрѣ“?—...блестящій орденъ, который будетъ вѣчно сверкать на бѣлизнѣ его бурнуса.“

„Я, маленькая французженка, взяла на себя посылку ему одежды, чтобъ ему не было холодно,—теплой одежды, сотканной изъ шерсти стадъ моей страны. Кроме того, я каждый мѣсяцъ посылаю ему съѣстные припасы, именно: драгоценный продуктъ, получаемый изъ какао, очень пріятный на вкусъ, а также сушенныя фиги и зрѣлыя финики, которые хоть немного напомнятъ ему родную страну.“

„Скажу вамъ еще, госпожа Сенука, что я собственными глазами могла убѣдиться въ душевной красотѣ Ризы и его готовности совершать новые подвиги.“

„Привѣтствую Васъ отъ всего сердца.“

„Матильда Андре“.

Г. Муфль задумался.

Онъ чувствовалъ въ этомъ письмѣ молодой дѣвушки къ далекой подругѣ героя трогательное вниманіе. Кто помнитъ о бѣдныхъ женахъ, оставшихся гдѣ-то тамъ, безъ вѣстей, въ тревогѣ?

Среди англійскихъ солдатъ, прозванныхъ „Тотми Аткинсами“, установился обычай дѣлать на снарядахъ передъ ихъ подачей къ орудію надписи мѣломъ, выражающія ихъ добрыя пожеланія снаряду и враждебныя чувства къ жестокому врагу. Рисунокъ изображаетъ англійскаго артиллериста, пишущаго свои „лучшія пожеланія“.

Какую радость могло доставить Сенукѣ это письмо на ея родномъ языкѣ!..

— Хорошо,—сказалъ старикъ,—я знаю горы Теля и ихъ нарѣчіе.

Въ тотъ же вечеръ, заканчивая переводъ посланія, г. Муфль получилъ слѣдующее письмо:

„Въ большомъ згорченіи: тетка порылась въ моей сумочкѣ и нашла черновикъ письма. Знаете, что она мнѣ сказала?“

— „Какъ! Ты, женщина, пишешь женѣ этого стрѣлка, осылаешь его похвалами и говоришь, что балуешь его! Вѣдь она воспылаетъ ревностью къ тебѣ!“

„Я много плакала; но моя тетка—человѣкъ опытный, и, вѣроятно, она права. Не переводите моего письма. Я не пошлю его: такъ будетъ лучше!“

„Матильда“.

Снарядъ переросъ человѣка.

Т. Саранинъ и его товарищъ по плѣну—бельгеецъ.

Мой побѣгъ изъ плѣна.

Разсказъ рядового.

(Съ 2 портр., картой и автогр. на стр. 652 и 653).

Ужасы германскаго плѣна не только не угашаютъ духа нашихъ рядовыхъ героевъ, но, наоборотъ, нерѣдко перерождаютъ ихъ въ сказочныхъ богатырей. Подвиги, совершаемые ими для освобожденія изъ плѣна, обнаруживаемая ими изобрѣтательность поражаютъ своей гениальностью. Прекрасной иллюстрацией этого можетъ послужить приводимый нами безхитростный разсказъ унтеръ-офицера Трофима Саранина, организовавшаго побѣгъ партіи плѣнныхъ изъ германскаго дисциплинарнаго лагеря въ Кассельбрюкъ.

Нашъ баракъ былъ расположенъ на совершенно открытомъ мѣстѣ. Вблизи не было ни деревца ни кустика, за которыми можно было бы укрыться. И все же мысль о побѣгѣ изъ плѣна и возвращеніи на родину не покидала меня. Часть моихъ товарищей довѣрилась мнѣ, и мы сообща обсудили планъ побѣга.

Не легка была наша работа. Къ счастью, мнѣ удалось украсть напилникъ у нѣмцевъ, производившихъ ремонтъ въ нашемъ баракѣ. При помощи этого напилника и столоваго ножа, который нашелся у одного изъ моихъ товарищей, я вырѣзалъ въ полу барака отверстіе. Отъ печки мы отодрали кусокъ жести и соорудили изъ нея лопату, а затѣмъ начали упорно рыть подъ поломъ подземный ходъ къ торфяному болоту, находившемуся въ разстояніи сорока пяти аршинъ отъ барака.

Устройство подземнаго хода отняло у насъ сорокъ три дня, такъ какъ работать можно было только урывками, когда за нами не слѣдили часовые. Освѣщеніемъ служили намъ свички, карманный электрическій фонарь и мазь для сапогъ, которую мы накладывали въ баночку и зажигали.

Велика была наша радость, когда наконецъ подземный ходъ былъ прорытъ. Желающихъ бѣжать оказалось семьдесятъ человѣкъ. Мы разбѣлись на партіи въ четыре-пять человѣкъ. У всѣхъ насъ были маленькія карты Германіи: ихъ мы скопировали съ настоящей карты, которую мы при переѣздѣ въ дисциплинарный лагерь сорвали со стѣны вагона.

Въ ночь на первое іюня, послѣ смѣны часовыхъ, мы построились по партіямъ и спустились въ подземный ходъ. Тамъ набралось воды по грудь, и къ тому же было очень душно. Сознаюсь: пока передній товарищъ открывалъ послѣдній заслонъ земли, чтобы выйти на волю, на меня нашло такое уныніе, что я рѣшилъ было вернуться въ баракъ. Но со всѣхъ сторонъ на меня напирали товарищи, и я не могъ двинуться ни взадъ ни впередъ: хоть ложись и помирай. Но наконецъ показался просвѣтъ. Поднявшійся сквознякъ освѣжилъ и оживилъ насъ, и мы двинулись.

По выходѣ на волю я со своими тремя товарищами не пошелъ прямо по направленію къ границѣ, а немного свернулъ въ сторону, чтобы избѣжать первой погони. Это, видно, и спасло насъ. Другія партіи пошли иначе, и ни одной изъ нихъ, какъ кажется, не удалось выбраться изъ Германіи.

Говорить ли о дальнѣйшихъ нашихъ приключеніяхъ? Ужъ много разсказывалось о побѣгахъ изъ плѣна. Не намъ первымъ, не намъ послѣднимъ удалось убѣжать отъ нѣмцевъ. Особенность же нашего побѣга заключается въ томъ, что намъ пришлось устраивать подкопъ, потому что иначе никакъ нельзя было выбраться изъ лагеря, гдѣ повсюду стояли посты. Вѣдь мы находились не въ обыкновенномъ, а въ дисциплинарномъ лагерѣ, гдѣ было вообще много строгостей, а слѣдили за нами особенно зорко.

По масштабу на картѣ, до границы было 80—90 верстъ. Это разстояніе мы прошли въ пятнадцать дней. Шли мы только ночью, а днемъ прятались, гдѣ попало. Лежишь, бывало, въ полѣ, во ржи, а неподалеку отъ тебя люди работаютъ и переговариваются между собою. Тутъ не то, что шелохнуться, дышать боишься. Но Богъ насъ миловалъ.

Самое жуткое воспоминаніе у меня осталось отъ одной ночи, когда мы переправлялись на украденной лодкѣ черезъ рѣку Веверъ и насъ замѣтила сторожевая моторная лодка. Она дала намъ сигналъ остановиться. Мы, конечно, налегли на весла, и когда киль лодки сталъ задѣвать за дно рѣки, бросились въ воду, чтобы въ бродъ добраться до берега. Но тутъ мы попали въ такую топь, что, казалось намъ, наступилъ нашъ послѣдній часъ. Такого же мнѣнія были, видно, люди на моторной лодкѣ: они бросили гнаться за нами, а мы съ трудомъ, покрытые глиной и пескомъ, промоклие и продрогшіе, выбрались на берегъ.

На шестнадцатый день нашихъ скитаній мы достигли наконецъ голландскаго границы. Мы страшно ослабѣли, такъ какъ все время намъ приходилось питаться своей горохомъ, бобами, лукомъ, шавелемъ и верхушками клевера.

Зато въ Голландіи насъ встрѣтили съ живымъ радушіемъ. Солдаты жали намъ руки, крестьяне угощали насъ молокомъ и хлѣбомъ. Тамъ же насъ одѣли, обули и отправили въ Россію.

*Я Саранинъ
Трофимъ
Трофимовичъ,
еду домой
Скорѣе
буду въ Петроз.
Свердловск
Кохменъ Дмитръ
15 іюня 1916 года*

Письмо
Т. Саранина.

Т. Саранинъ съ товарищемъ, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшимъ изъ плѣна.

Письмо из плѣна.

Разсказъ Ю. Волина.

Молодая женщина разложила передо мной шесть густо исписанныхъ открытокъ писемъ.

— Вотъ его письмо. Читайте.

Открытки были написаны на бланкахъ международной организации Краснаго Креста, и на каждой краснѣла цензурная печать.

Военноплѣнный написалъ свое письмо въ одинъ приемъ, но на нѣсколькихъ открыткахъ. Мнѣ не разъ пришлось читать такія письма „съ продолженіемъ“, присылаемыя изъ плѣна. Можетъ-быть, узникамъ-героямъ не разрѣшаютъ писать большихъ писемъ, а можетъ-быть, опыты научили ихъ пользоваться открытками, которыя рѣже, чѣмъ закрытые пакеты, теряются въ долгомъ пути.

— На послѣдней открыткѣ выставленъ номеръ седьмой, а ихъ всего шесть,—замѣтилъ я.

Молодая женщина взволнованно отвѣтила:

— Ну да! Одной не хватаетъ!.. Потому я и даю вамъ читать это письмо, что одного кусочка не хватаетъ!.. Нумера пятого нѣтъ!.. Боже мой, это такъ ужасно!.. Почему именно этотъ номеръ пропалъ, а не другой?.. Вотъ уже мѣсяць, какъ я получила послѣднюю. Я такъ устала за этотъ мѣсяць!.. Дни и ночи... вы понимаете?.. дни и ночи думала я объ этой пятой открыткѣ. Что было написано на ней? Какую тайну заключала она? Вы знаете, я просила моихъ друзей сочинить эту пятую главу, ну, просто придумать что-нибудь... хоть какъ-нибудь связать первую половину со второй!.. Никто не сумѣлъ!..

— И вы хотите, чтобы я это сдѣлалъ?

— Ну да! Вѣдь вы сочинитель! Что вамъ стѣдить? Предположите, что это не настоящее, что это письмо пишетъ не живой человекъ и не мнѣ, его женѣ, а вашъ герой, вами сочиненный молодой человекъ, находящійся въ плѣну, пишетъ сочиненной вами его женѣ!.. Вѣдь вы же можете!.. Здѣсь для васъ матерія, а остальное вы дополните воображеніемъ, догадкой!.. какъ хотите. Меня только ни о чемъ не спрашивайте. Не думайте, что я не хочу рассказывать. Мнѣ просто нечего сказать. Я ничего... вы понимаете?.. ничего не соображаю и не представляю себя!.. Вы прочтете письмо и вы повѣрите мнѣ.

Я былъ смущенъ этой странной просьбой.

— Мнѣ придется отказать вамъ въ вашей просьбѣ. Эта задача не по мнѣ.

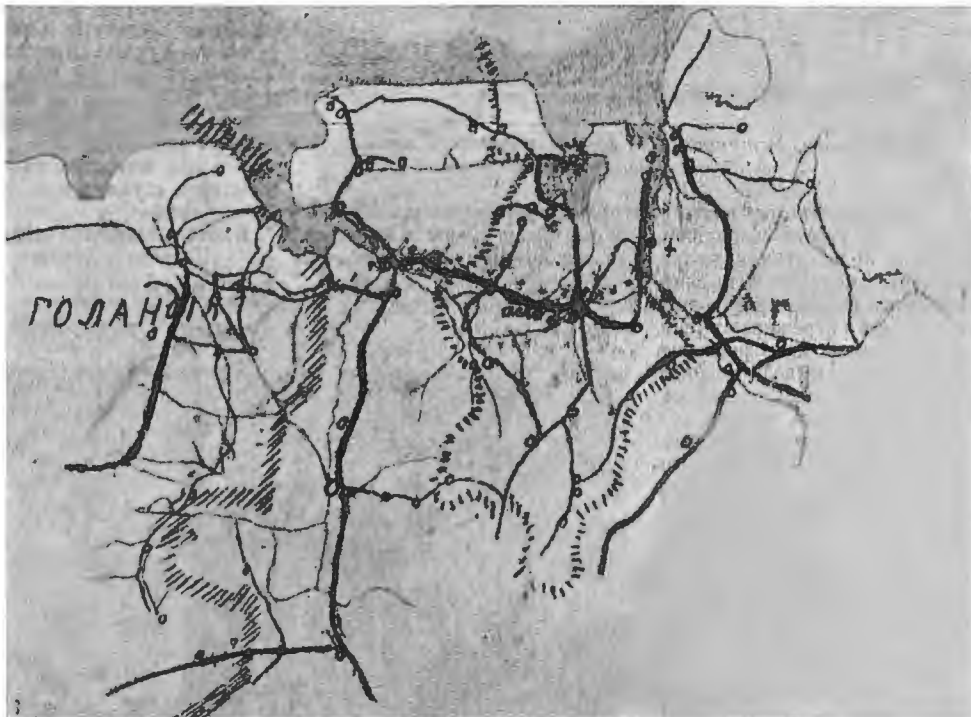
— Но почему?

— Какъ вамъ объяснить? Это слишкомъ опасный экспериментъ. Съ воображаемыми людьми, моими героями, я могу дѣлать все, что нахожу нужнымъ. Они мои — это первое. Они не пострадаютъ отъ моихъ ошибокъ, ибо и страданія ихъ только воображаемыя, — это второе и главное!.. Дѣлать опыты сочинительства на живыхъ людяхъ я боюсь. А что, если моя фантазія подкажетъ мнѣ какую-нибудь не существующую на самомъ дѣлѣ драму, и вы будете болѣть душой, доверившись мнѣ?

Моя гостья слегка нахмурилась, будто сосредоточенно обдумывая то, что я сказалъ ей. Потомъ порывистымъ движеніемъ схватила меня за руку и заговорила быстро и возбужденно:

— Все равно!.. Вы слышите?.. Все равно!.. Пусть я страдаю отъ вымышленной драмы! Это все же лучше, чѣмъ страдать отъ недосказаннаго!.. Послушайте, вы не должны, вы не можете мнѣ отказать!.. Я вамъ расскажу, какъ это было... Я не имѣла писемъ три мѣсяца!.. Я считала его погибшимъ. Потомъ я узнала, что онъ въ плѣну. Потомъ стало получаться это... О, это было такъ мучительно!.. Они приходили въ какомъ-то странномъ порядкѣ!.. Будто нарочно подобранныя такъ, чтобы мучить меня подольше!.. Представьте! Сперва получаю номеръ второй, за нимъ номеръ шестой, потомъ недѣлю ничего нѣтъ, и вдругъ сразу номеръ первый и седьмой. Проходить еще пять дней, почтальонъ приноситъ номеръ четвертый. И опять долго-долго ничего!.. Наконецъ приходитъ третья открытка, а пятой нѣтъ!..

пятой до сихъ поръ нѣтъ!.. Представьте себѣ эти промежутки, всю тревогу ожиданія, весь ужасъ обманутой надежды!.. Ибо что такое отрывокъ безъ начала и безъ конца?.. И эти мучительныя попытки связать отрывки, отгадать недосказанное!.. Ахъ, да что вы говорите мнѣ о страданіяхъ, о боли душевной!.. Большей боли, чѣмъ я испытала, вы не можете мнѣ причинить!.. А можетъ-

Самодѣльная карта Германіи, которую пользовались Т. Саранинъ съ товарищами, бѣжавъ изъ плѣна.

Къ разсказу рядового „Мой побѣгъ изъ плѣна“.

быть!.. вѣдь это можетъ случиться?.. вы вдругъ освѣтите эту темную тайну!..

Какъ было мнѣ поступить?

Во мнѣ уже загорѣлось любопытство къ этому злополучному письму. Хотѣлось помочь молодой женщинѣ. Я уступилъ.

Сложивъ открытки по порядку, я сталъ читать. Молодая женщина сидѣла рядомъ и напряженнымъ, тревожнымъ взглядомъ слѣдила за мной. Видно было, что она знаетъ письмо наизусть и, слѣдя за движеніемъ моего взгляда, вмѣстѣ со мной перечитываетъ его.

Вотъ это письмо:

„№ 1. Родная моя Аня! Уже третій мѣсяць нахожусь я въ плѣну. Долго лежалъ въ лазаретѣ; залѣчивали мою рану. Ты не безпокойся, рана незначительная. На лѣвой ногѣ оторвало два пальца, но я уже хожу хорошо и чувствую себя вполне здоровымъ. Единственная моя болѣзнь, это — хороший аппетитъ, совсѣмъ неумѣстный и несвоевременный по моему положенію. Однако, жаловаться грѣхъ, вѣдь я все же на офицерскомъ положеніи, а въ нашемъ лагерѣ больше десяти тысячъ солдатъ, и ихъ аппетитъ еще менѣе соответствуетъ ихъ положенію, чѣмъ мой. Но это все пустяки. Вѣдь это временное, да, Аня? Вѣдь это кончится и забудется, какъ забывается все плохое. А хорошее будетъ жить въ памяти. Было много хорошаго, Анята. Тамъ, на позиціи, я не успѣвалъ тебѣ описывать. Впрочемъ, я не успѣвалъ и оцѣнивать того, что совершалось вокругъ меня. Я жилъ дѣятельной жизнью, мнѣ почти некогда было думать. Здѣсь у меня, напротивъ, слишкомъ много свободного времени. Здѣсь я оцѣнилъ то хорошее, что было. Но едва ли сумѣю тебѣ это рассказать. Даже не пытаюсь. Лучше отложимъ до того времени, о которомъ такъ страшно и такъ радостно думать, до того времени, когда я опять прижму къ сердцу мою слабую, мою нѣжную, мою сказочную Аняту...“

„№ 2. Теперь я не могу говорить съ тобой ни о прошломъ, ни о будущемъ, ни даже о настоящемъ. И не надо. Есть другое, о чемъ надо намъ съ тобой поговорить, милый другъ мой. О моихъ снахъ. Какая странная вещь, Анята, мои нынѣшніе сны! Въ нихъ во сто разъ больше содержанія, чѣмъ въ моемъ бодрствованіи. Я положительно боюсь, что перестаю любить жизнь и начинаю любить сонъ! Я научился запоминать свои сны, почти управлять ими. Право, Анята, я никогда не подозрѣвалъ, что

Эрзинджань. Вступленіе въ городъ головныхъ частей
N. кавказскаго корпуса.

человѣкъ можетъ лечь спать съ твердымъ рѣшеніемъ продолжать прерванное утромъ сновидѣніе. Теперь я дѣлаю это часто и вполнѣ успѣшно. Я не думалъ также, что можно превратить сонъ въ дѣйствительность, а я въ сонѣ. Но со мной именно происходитъ такъ. То, что я переживаю во снѣ, я воспринимаю, какъ реальное, какъ важное и волнующее, а настоящее для меня только сонъ, не стоящій даже вниманія и раздумья. Мнѣ кажется даже, что и въ прошломъ были у меня двѣ жизни, одна дневная, такъ называемая „дѣйствительная“, другая—ночная, жизнь въ сновидѣніяхъ. Но которая изъ этихъ двухъ жизней настоящая, я затрудняюсь сказать. Нѣтъ, даже не затрудняюсь: знаю хорошо, но до этой минуты еще не рѣшился сказать. Настоящая, единственно цѣнная, связывавшая меня съ землей, единственно волновавшая и радовавшая, питавшая душу и умъ,—это была жизнь во снѣ. Такъ я думаю теперь даже о прошломъ, о моемъ дѣйствительномъ прошломъ!..“

„№ 3. Продолжаю. Началось это на полѣ битвы, когда я остался послѣ штыковой схватки раненымъ и безпомощнымъ. Не знаю, какъ это случилось, и не помню почти ничего. То-есть, помню хорошо всѣ свои ощущенія и даже всѣ свои думы, не помню только событій, „фактовъ“, безъ которыхъ нѣтъ представленія о реальности. Только потомъ, уже въ австрійскомъ лазаретѣ, я выяснилъ, что пролежалъ на полѣ битвы три дня. Но, право же, Анюта, эти три дня промчались такъ быстро и такъ содержательно, какъ лучшіе часы моей жизни! То былъ первый мой сонъ, первое мое пробужденіе отъ дѣйствительности, первое мое вступленіе въ царство сновидѣній. Это было первое мое счастье! Все, что казалось мнѣ счастьемъ раньше, даже твоя любовь, Анюта, были только наивными маленькими радостями ребенка, не знающаго никакихъ радостей, игрушками, могущими удовлетворить только незрѣлую душу и неокрѣпшее сознание. Ты хочешь, Анюта, чтобы я и тебя приобщилъ къ моимъ новымъ радостямъ и новымъ страданіямъ, къ моимъ сновидѣніямъ? Нѣтъ, это невозможно теперь. На языкѣ реальности не хватаетъ словъ, и едва ли можно на языкѣ яви говорить о снахъ. И помимо того, не стоишь ты этого, маленькая моя Анюта! Я ни въ чемъ тебя не виню. Я все тебѣ простилъ. Но я знаю все. Я все знаю и все вижу въ дивныхъ моихъ сновидѣніяхъ!..“

„№ 4. Продолжаю. Ты должна знать, Анюта, что для меня теперь

нѣтъ ничего тайнаго. На крыльяхъ сна я уношусь, куда я хочу. Да, куда я хочу. Вѣдь я говорилъ тебѣ, что я научился управлять сновидѣніями. Я улетаю въ прошлое и будущее, залетаю къ тебѣ, въ нашу старую уютную квартирку, бываю на фронтѣ, обозрѣваю всю землю. Ты можешь съестъ это за бредъ безумнаго. Можетъ-быть, оно такъ и есть. Но если такъ, то пусть будетъ благословенно безуміе, давшее мнѣ такъ много счастья! Я вижу все, во всей шире времени и пространства, пройденное мною; это единственное ограниченіе въ моихъ полетахъ: я могу во снѣ быть только тамъ, гдѣ я былъ наяву, и будущее вижу я только на протяженіи моего существованія. А впереди я вижу только дни. Только дни, Анюта! Не годы и даже не мѣсяцы. Поэтому будь готова, мой другъ, къ тому, что мы съ тобой не увидимся никогда больше. Это печально, конечно; но если такъ суждено, ничего не подѣлаешь! Впрочемъ, можетъ-быть, я не такъ понимаю предвѣстіе. Смерти не видалъ я еще во снѣ. Пусть будетъ, что будетъ. Стоить ли объ этомъ думать?.. Я занятъ теперь. Я стою на высокой горѣ и обозрѣваю свою дорогу. И въ прошломъ увидѣлъ я, Анюта, нѣчто, что причинило мнѣ острую боль обиды. Я не для того пишу, чтобы укорять тебя, Анюта!.. Ты должна знать!..“

Молодая женщина, слѣдившая за мною, положила руку на открытки и глухимъ голосомъ произнесла:

— Здѣсь!

Я хотѣлъ взяться за слѣдующую открытку, но она не снимала руки.

— Посреди фразы прервано... — какимъ-то испуганнымъ

стономъ говорила она. — Вѣдь вы замѣтили. Первые части заканчиваются на точкѣ, а эта, одна эта, обрывается такъ неожиданно... И почему должна была пропасть именно эта пятая открытка? Пусть бы другая! Вѣдь я же ничего не могу понять, ничего!.. Вѣдь эта недостающая открытка, это — черная, страшная яма, пропасть, въ которую я падаю!..

На минуту она замолчала, взглянула на меня помутившимся взглядомъ и рѣшительно сказала:

— Читайте дальше!

„№ 6. Продолжаю. Но почему, за что? Это такъ несправедливо и такъ жестоко! Въ походѣ, въ окопахъ, даже въ бояхъ, гдѣ-то въ глубинѣ мозга, за мыслями о дѣлѣ и окружающемъ, змѣнилась мысль объ этомъ. Я гналъ ее отъ себя, я отвергалъ ее. Она приходила опять. Нѣтъ, она не уходила, только затаивалась еще глубже, и ея тайное присутствіе было еще страшнѣе, и, отвергнутая,

она была еще мучительнѣе! Когда же ушло отъ меня пестрое настоящее, когда сѣрой неволей облекло меня со всѣхъ сторонъ, она, эта мысль, заговорила свободно и властно, воцарилась на престолѣ моихъ сновидѣній. Я знаю все, Анюта. Во всѣхъ самыхъ маленькихъ подробностяхъ, совершенно такъ, какъ будто я присутствовалъ тамъ и съ израненнымъ сердцемъ

Эрзинджань.

Главная мечеть.

Эрзинджань. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ оставленія его турками. Архивъ штаба турецкой арміи, сожженный турками при отступленіи.

болѣзненно-чутко воспринималъ каждый звукъ, каждое движеніе. Да, мои сны дали мнѣ власть надъ прошлымъ. Я поднимаю занавѣсъ, и драма прошлаго проходитъ передо мною актъ за актомъ подъ яркимъ свѣтомъ правды, которой не знаетъ явь. И я такъ много смотрѣлъ этотъ актъ нашей драмы, такъ часто поднималъ занавѣсъ этой картины, что сердце мое привыкло не сжиматься, не трепетать, съ гордымъ спокойствіемъ впитывать отзвуки и отблески страднаго, чудовищнаго, незаслуженнаго оскорбленія, проклятія моея жизни!..“

„№ 7. Я усталъ писать. Самое важное, чтѣ мнѣ надо было тебѣ сказать, это то, что я все знаю. Не пытайся доказывать, что ничего не было и ничего нѣтъ. Изъ того, чтѣ я тебѣ разсказалъ о прошломъ, ты вѣдь видишь, что я все знаю! Да и не нужны никакія оправданія, потому что я тебя не виню. И не нужны никакія клятвы, потому что я имъ не повѣрю. И не нужны никакія утѣшенія, потому что я не страдаю. Я живу со-всѣмъ новой жизнью, Анюта. Съ высоты безразличія я обзрѣваю равнину прошлаго и пропасть будущаго. Мы не увидимся, Анюта. Будь къ этому готова. Я это знаю, ибо въ будущемъ вижу не годы и не мѣсяцы, а только дни. Прощай, Анюта. Твой Алексѣй“.

Я отложилъ въ сторону письмо и угрюмо сказалъ:

— Чего же вы, собственно, ждете отъ меня, сударыня? Дѣло касается чего-то интимнаго, вашихъ семейныхъ отношеній. Здѣсь вы больше меня можете сказать!

Молодая женщина отвѣтила дрожащимъ голосомъ:

— Какъ можете вы такъ говорить!.. Если бы что-нибудь было въ прошломъ или въ настоящемъ, если бы хоть какая-нибудь возможность была догадаться, о чемъ идетъ рѣчь, развѣ я несила бы письмо по чужимъ людямъ?

Это прозвучало такъ искренно, что мнѣ стало больно и стыдно моихъ предположеній.

— Но чѣмъ же я могу помочь?—перебирая письма, тихо говорилъ я.—Здѣсь несомнѣнный психозъ. Это страшная трагедія любящаго, оторваннаго отъ любви, томящагося въ неволѣ!.. Какъ можно узнать, чтѣ представилось разстроенному воображенію?

— Сочините что-нибудь.

И она ушла, оставивъ у меня на столѣ письмо пѣтника. Я спросилъ, куда прислать его, но незнакомка отвѣтила, что сама зайдетъ за письмомъ и за моимъ дополненіемъ.

Прошло три недѣли съ того дня, а она все не приходитъ.

„Сочинилъ“ ли я что-нибудь?

Если бы она пришла, я

Эрзинджанъ. Бассейнъ въ паркѣ при домѣ командующаго турецкой арміей.

Эрзинджанъ. У источника близъ шоссе въ Трапезундъ.

Эрзинджанъ. Хайри-бей, назначенный нашими властями мѣстнымъ полицмейстеромъ.

могъ бы представить ей на выборъ десятка два разныхъ вариантовъ.

Я „сочинялъ“ всѣ эти дни. Въ этомъ безпрерывномъ напряженіи мысли, въ сосредоточенной думѣ о немъ, я изнервничался, усталъ, напился болѣзненнымъ безпокойствомъ. Конечно, ни одинъ изъ придуманныхъ мною вариантовъ меня не удовлетворяетъ, и я продолжаю придумывать другіе. Ничѣмъ другимъ не могу я заняться и не смогу до тѣхъ поръ, пока не исчезнуть съ моего стола эти шесть открытокъ.

Иногда мнѣ кажется, что молодая женщина съ блѣднымъ лицомъ, явившаяся ко мнѣ съ этими письмами, пришла не за помощью, а лишь за тѣмъ, чтобы сбросить тяжелое иго со своихъ плечъ на чужія плечи. Почему выбрала она меня? Можетъ-быть, для того, чтобы наказать меня за грѣхъ сочинительства, за право, которое мы беремъ себѣ: творить счастливыхъ и несчастныхъ, сплетать узлы страданій и радостей, вызывать слезы и смѣхъ вымышленными ужасами и чарами!.. Можетъ-быть, по-

тому, что искала наивнаго, который согласится взять на себя чужую ношу, и умно разсудила, что на приманку „сюжета“ охотно пойдетъ писатель.

Она избавилась отъ письма и отъ его жуткой тайны. Теперь, когда открытки не лежатъ передъ ней, она, можетъ-быть, не думаетъ о нихъ. Можетъ-быть, порозовѣли ея щеки за эти три недѣли, и снова заблестѣли ея потускнѣвшіе глаза.

Вмѣстѣ съ открытками она передала мнѣ страшную думу о томъ, кто писалъ ихъ. Вмѣстѣ съ этими звеньями письма она передала мнѣ мучительную тоску о затерянной гдѣ-то въ пути связи между ними.

Открытки лежатъ у меня на столѣ. Смѣю ли я выбросить ихъ, если она сказала: „я приду за ними“?

Когда же придетъ эта блѣдная женщина и уберетъ съ глазъ моихъ эти страшныя открытки?

У Вердена.

Рассказ В. Ропшина.

...Вы спрашиваете, как сражается 16-й класс, девятнадцатилетние мальчики, почти дѣти? Вспомните новобранцев Наполеона, тѣхъ, которыхъ онъ называлъ „Мари-Луизъ“. Вѣдь именно съ ними, съ этими новобранцами, онъ сдѣлалъ свой удивительный походъ 1814 года. Я вамъ скажу: тѣмъ человекъ моложе, тѣмъ онъ меньше боится смерти. Это не значитъ, что пожилые люди плохо дерутся. Но они благоразумны и осторожны. Они обдумываютъ каждый свой шагъ и зря не тратятъ патроновъ. Но только патроновъ... На войнѣ человекъ — орудіе, военная принадлежность, въ сущности, тотъ же штыкъ или ружейная пуля. Пуля можетъ достигнуть цѣли, а можетъ и зацѣпиться Богъ знаетъ куда. Такъ и солдатъ: онъ можетъ умереть бесполезно и можетъ съ толкомъ отдать свою жизнь. По крайней мѣрѣ, такъ думаютъ старики. А молодые не думаютъ вовсе. Молодые не цѣнятъ жизни, потому что не знаютъ ея. Молодые всегда готовы на самыя отчаянныя предпріятія... Вотъ послушайте, чему я былъ свидѣтелемъ у Вердена.

Сражались мы пятья сутки. Въ моей ротѣ оставалось не болѣе половины людей, а изъ офицеровъ одинъ только я. Люди измучились, и, главное, очень хотѣлось пить: за водою надо было опускаться къ колодцу, а колодець обстрѣливался изъ пулеметовъ. Спустился кто-нибудь, — и конецъ. Человекъ пятнадцать мы такъ потеряли. Запретить я за водою ходить. Запретилъ, а самъ умираю отъ жажды. Во рту пересохло, все тѣло горитъ, и передъ глазами танцуютъ искры. Ужъ если я ослабѣлъ, то что сказать о солдатахъ?.. А положеніе наше было такое: спереди, справа и слева — нѣмцы. Одна дорога: назадъ. Но и назадъ идти невозможно: соединительныя галереи разбиты, даже и не разбиты, а просто-напросто слѣда отъ нихъ нѣтъ. Въ полѣ ямы и ямы-воронки отъ нѣмецкихъ снарядовъ. Не перебъжишь... Вся надежда на подкрѣпленія... Но какъ извѣстить штабъ дивизіи? Телефонъ, разумѣется, уничтоженъ. Телеграфъ уничтоженъ тоже, а солдата послать, значитъ, послать его на вѣрную смерть, — все равно, что къ колодцу.

Подумалъ я и рѣшилъ: придется всемъ умереть, такъ раньше все-таки попробуемъ счастья. Написалъ я записку въ штабъ и говорю своимъ людямъ: „Есть ли волонтеры въ деревню?“ Не успѣлъ я договорить, а передо мною уже четверо молодцовъ. Все мальчики. Все 16-й классъ. Дѣти, а какъ никакъ „poilus“, — загорѣлые, оборванные, въ грязи. Вѣдь сражаются пятый день. А раньше? Раньше тоже сидѣли въ траншеяхъ. У Вердена, конечно, адъ, но и до Вердена натерпѣлись не мало. Что подѣлаешь? Не игрушки — война... Взглянулъ я на нихъ и подаю записку тому, который ближе стоялъ. Онъ взялъ записку, поклонился мнѣ, и не прошло и минуты, онъ уже по полю бѣжитъ. Какъ теперь вижу: высокій, худой, голову поднялъ и винтовку держитъ наперевѣсъ. Пробѣжалъ онъ такъ метровъ триста, а потомъ вдругъ не стало его. Заволокло его дымомъ. А когда разсѣялся дымъ, то какъ будто и не было вовсе солдата. Есть еще одна яма, — и только... Обернулся я, — стоитъ второй мальчикъ и винтовкой честь отдаетъ. Этотъ маленький, слабый и бѣлокурый, — на вѣрное, парижанинъ. Написалъ я вторую записку. А онъ свистнулъ, какъ на улицѣ мальчишки свистятъ, выскочилъ изъ траншеи и въ яму. Полежалъ недолгое время, а по-

томъ со всѣхъ ногъ въ другую воронку. И снова лежитъ. Такъ, зигзагами, добрался онъ почти до самой деревни. И все-таки не дошелъ. Когда выбѣжалъ на шоссе, подпрыгнулъ какъ-то неловко и упалъ лицомъ внизъ. Я все надѣялся, что онъ встанетъ. Нѣтъ, не всталъ и даже не шевельнулся... Приготовилъ я еще разъ записку. А уже третій предлагаетъ бѣжать. Я посмотрѣлъ

На кавказскомъ фронтѣ.

Кетурскій мостъ черезъ рѣку Карасу, близъ Мамахатуна. Изъ опасенія нашего прорыва черезъ рѣку Карасу турки его минировали, но во время грозы, еще до нашего приближенія, отъ удара молніи мина взорвалась, и середина моста рушилась.

на него, говорю: „Опасно... Не добѣжите“. А онъ пожалъ плечами и отвѣчаетъ: „Разрѣшите попробовать, капитанъ“... И этотъ тоже ребенокъ. Голубоглазый, румяный, и ямочки еще на щекахъ. Снялъ онъ ранецъ, на голову надѣлъ, и когда надѣлъ, разсѣялся и товарищамъ на себя показалъ: „Вотъ такъ каска!.. Не то, что у нѣмцевъ“... И сейчасъ же заплѣлъ „Марьетту“. Такъ съ „Марьеттой“ и съ ранцемъ на головѣ и вышелъ онъ въ поле. И, бѣдняга, какъ только онъ вышелъ, тутъ же и свалился на землю, едва успѣвъ сдѣлать нѣсколько шаговъ. Ну, что мнѣ дѣлать? Четвертаго послать? Какъ же можно его послать? А не послать, значитъ, послѣдней надежды лишиться. Задумался я, молчу. Вдругъ слышу:

— Капитанъ!

Взглянулъ я: четвертый. Спокойный такой стоитъ и смотритъ мнѣ прямо въ глаза. Невысокій, но крѣпкій, и надъ верхнею губою пушокъ. Я спрашиваю:

— Вы хотите идти?

— Нужно идти, капитанъ.

Я-то знаю, что нужно, и все-таки не рѣшаюсь. А онъ тихо такъ говоритъ:

— Напишите записку.

Въ четвертый разъ написалъ я записку. Спряталъ онъ ее за обшлагъ и, ни слова не говоря, — долой изъ траншеи. И, — повѣрите ли? — не побѣжалъ, а пошелъ. Идетъ, не торопится, точно онъ на учении. Я смотрю, и вся рота затаила дыханіе. Ну, куда же? Разумѣется, не дойдетъ... Три раза я былъ увѣренъ, что и этого нѣтъ въ живыхъ: три раза дымомъ его закрывало... Дошелъ онъ наконецъ до того, который на шоссе былъ убитъ, остановился, нагнулся, постоялъ, и дальше идти. Точно замороженный, точно ангелъ его хранить. И вѣдь дошелъ-таки до деревни. Слава Богу, думаю, спасены... А тутъ нѣмцы начали изъ пулеметовъ стрѣлять, некогда стало думать, потому что и мы открыли огонь, и часа полтора прошло у насъ въ перестрѣлкѣ. Уже темнѣло, когда я услышалъ, что кто-то меня зоветъ:

— Капитанъ!

Оборачиваюсь и не вѣрю своимъ глазамъ: вернулся мой мальчикъ. Стоитъ, и у пояса болтаются у него бутылки. А онъ и не улыбнется даже, только руку держитъ у козырька.

— Отнесли записку?

— Отнесъ.

— А это что за посуда?

— Вода.

Вотъ, какъ хотите, я старый человекъ и 22 мѣсяца на войнѣ, а чуть я тогда не заплакалъ. Это онъ, чтобы намъ воды принести, второй разъ среди бѣла-дня перешелъ открытое поле. Поблагодарилъ я его, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отдалъ бутылки капралу, присѣлъ въ сторону и закурилъ... Вотъ вамъ мальчишки девятнадцати лѣтъ. Съ ними все можно. Они рѣшатся на все. Почему? Потому, что дѣти или потому, что герои?.. А ночью и подкрѣпленія пришли... Спасъ тогда траншею этотъ мальчишка...

Послѣ взятія Эрзинджана. „Парадный“ обѣдъ съ музыкой въ штабѣ корпуса.

На кавказскомъ фронтѣ.

Переправа полка черезъ рѣку Чорохъ у Байбурта.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго

Развитіе операций на Балканахъ.

Въ началѣ сентября центръ тяжести операций началъ перемѣщаться все болѣе и болѣе къ югу, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на обоихъ румынскихъ фронтахъ. Потерпѣвъ рядъ отдѣльныхъ неудачъ съ начала февраля нынѣшняго года на западномъ фронтѣ, на итальянскомъ и на нашемъ, противникъ устремился на фронты нашей новой союзницы, Румыніи.

Это было отчасти вызвано также тѣмъ, что все равно за оставшіяся короткіи промежутки времени до наступленія осени противникъ не могъ намѣтить ничего крупнаго на главныхъ фронтахъ войны и долженъ былъ ограничиться лишь стремленіемъ поддержать на нихъ устойчивое равновѣсіе. На Балканахъ же условия погоды, какъ извѣстно, допускаютъ болѣе позднее развитіе операций, почему крупныя операции и перенеслись туда. Тамъ можно было намѣтить болѣе широкія перспективы, рассчитанныя на достаточно значительныя промежутки времени.

Наконецъ, противникъ не могъ не считаться съ весьма важнымъ значеніемъ обоихъ румынскихъ театровъ—и трансильванскаго и Добруджи: на первомъ театрѣ—съ угрозой охвата съ юга всего австро-германскаго фронта, на второмъ театрѣ—съ важными операционными направленіями къ проливамъ. Можно считать также, что въ этомъ случаѣ Гинденбургъ стремился поднести нѣмецкому населенію послѣ полугода непрерывныхъ неудачъ какія-либо „побѣды“ и показать, что новое главное нѣмецкое командованіе поведетъ дѣла не такъ, какъ его предшественники.

При такихъ условіяхъ выросла весьма значительная операція прежде всего на фронтѣ Добруджи, гдѣ германо-болгарскими войсками руководил Макензенъ, а также и операція въ Трансильваніи, имѣвшая вспомогательное значеніе по отношенію къ добруджанской операціи. Румынскія сообщенія непрерывно отмѣчали, что „на южномъ фронтѣ происходитъ ожесточенная борьба“, при чемъ было отмѣчено также очищеніе Туртукая—предмѣстнаго укрѣпленія на южномъ, румынскомъ, берегу Дуная. Затѣмъ бои стали происходить въ Добруджѣ въ районѣ Силистріи, и наконецъ, около 4—5 сентября, корреспондентъ

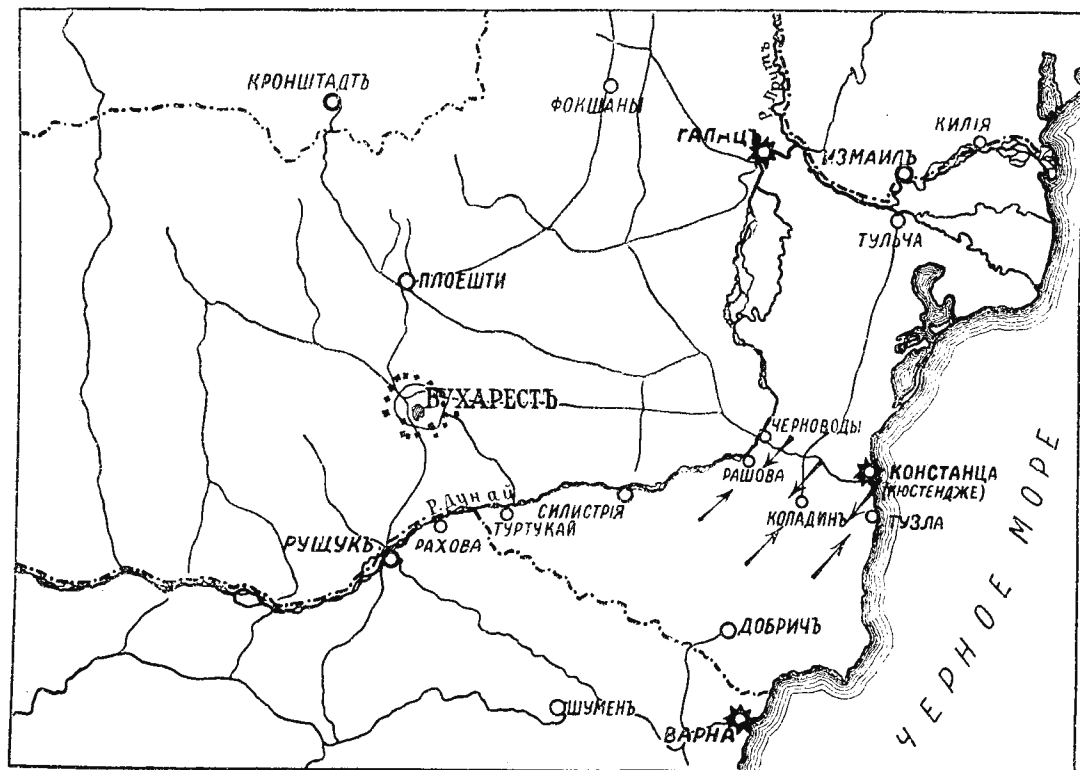
„Таймса“ при румынской главной квартирѣ отмѣтилъ, что „румынскія войска въ Добруджѣ заняли укрѣпленныя позиціи по линіи Рашова—Тузла—Лешастени, въ 10 километрахъ къ югу отъ желѣзной дороги Констанца—Черноводы“.

Такимъ образомъ линія операций обѣихъ сторонъ, передвигаясь по Добруджѣ, пріостановилась въ 10 километрахъ къ югу отъ упомянутой выше линіи Констанца—Черноводы. Здѣсь дальнѣйшее продвигеніе германо-болгарскихъ войскъ было пріостановлено, и, какъ можно было видѣть изъ послѣдующихъ румын-

На кавказскомъ фронтѣ.

Штабъ полка за скалою на высотѣ 2.500 метровъ.

ских сообщений, противник, сжигая деревни, отошел назад и, приостановившись на некотором расстоянии, стал укрепляться.

Обращаясь к этой операции, отметим, что, хотя противнику вначале и удалось использовать свое сосредоточение и иметь некоторый успех, тем не менее самый характер этой операции обнаруживал, что болгаро-германская армия Макензена преследовала главным образом задачи активной обороны. Правда, противник стремился продвинуться к укрепленной линии Черноводы — Констанца, но общий характер театра Добруджи совершенно исключал какие-либо широкие стратегические горизонты.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы видеть, что вся Добруджа ограничена со всех сторон болотистым Дунаем и Черным морем, и в этом отношении представляет собою некий „стратегический тупик“, не могущий представить для германо-болгарской стратегии никакого „стратегического интереса“. Куда бы ни стремились далее продвинуться войска противника в Добруджу, они, пройдя некоторое расстояние, уткнулись бы в болото, и, следовательно, их наступление в Добруджу не могло бы грозить ни главной территории Румынии — Молдавии и Валахии, — ни тем более соседним фронтам.

Съ другой стороны, для союзников „стратегический горизонт“ несколько не был ограничен, ибо хотя Добруджа представляет собою „стратегический тупик“, ограниченный болотистым Дунаем и Черным морем, но у нея был все же один широкий выход, и этот выход вел в ту сторону, куда наступали союзники, — в сторону Болгарии, к линии Русчук — Варна.

Таким образом создано крайне оригинальное положение, при котором противник вынужден был драться и сосредоточивать значительные силы на театрах, где он не мог далеко продвинуться, в силу естественных препятствий, и где поэтому он ничего крупного добиться не мог бы. В то же время союзники оперировали на театре, где пути для них были открыты, притом эти пути были весьма важны и представляли громадный интерес и в стратегическом, и в экономическом, и в политическом отношении.

Отсюда общие условия определяли „малопольность“ большой затраты германо-болгарских сил на фронт Добруджи и в то же время вполне оправдывали затрату значительных сил на этот фронт для союзников. Операция германо-болгарских войск ни в каких условиях не могла сулить широкого будущего и вынуждала лишь к трате сил, и без того ослабленных у коалиции противника. Это обстоятельство „в корень подрывало“ все успехи, достигнутые германо-болгарскими войсками в Добруджу, и делало их малоценными. Это же обстоятельство гарантировало положение союзников в Добруджу, ибо эти гарантии основывались не только на силе русско-румынских войск, но просто на том, что противник ничего крупного в Добруджу достигнуть не может, — в силу условий театра, не допускающего нигде перехода через широкий Дунай сь широкими болотистыми берегами.

Однако было бы преждевременным отрицать отсутствие каких-либо серьезных намерений у противника на южном румынском фронте.

Мы уже указали, что задачей противника является активная оборона — в данном случае, занятие болше короткого фронта. Если взглянуть на карту, то видно, что между Русчуком и Варной открытый участок болгаро-румынской границы имбеть около 160 верст, — тогда как вблизи линии Черноводы — Кюстендже это „открытое отверстие“ имбеть ширину около 60 верст.

Если учесть, что болгарам необходимо обороняться на два фронта, — македонский и румынский, — то естественно стремление Макензена занять на одном из этих фронтов, в данном случае добруджанском, линию покороче (у Черноводы — Кюстендже) и, сэкономив таким образом войска, имбеть возможность вести операции на других фронтах. Этими другими фронтами,

могут явиться как македонский фронт армии Саррайля, так и румынский фронт Дуная, протекающего в Добруджу, где он болотист, а Дуная, протекающего на остальной границе Румынии, главным образом между Туртукаем, Русчуком и Систовым.

Из этого видно, что, если „стратегический горизонт“ для противника в Добруджу ограничен, то все же противник, повидимому, намбчает для себя некоторые операции, чем и объясняется сосредоточение им столько значительного числа войск в Добруджу, которое, по сведениям из авторитетного источника, данным в газете, исчисляется в 350 тысяч болгарских войск и около 60 тысяч германских. Двинется ли противник послб занятия „болше короткого фронта“ в Добруджу в сторону армии Саррайля, или же избереть другой театр, дунайский, покажут ближайшие, надо думать, не особенно отдаленные события. Пока же противнику при его первых попытках не удалось овладеть оборонительной линией Черноводы — Кюстендже, невзирая на то, что, как известно, эта оборонительная линия, существовавшая еще в мирное время, предназначалась для сопротивления в совершенно противоположную сторону — северную. Между тем болгары наступали к ней с южной стороны.

Напомним, что причина такого начертания оборонительной линии Черноводы — Кюстендже вызывалась той политической конъюнктурой, которая существовала до войны, и согласно которой, участие Румынии на стороне держав согласия не предусматривалось. Австрийские и немецкие дипломаты всегда настойчиво указывали Румынии на опасность, якобы грозящую ей сь севера, почему и добились начертания оборонительных сооружений, направленных для обороны в северную сторону. Теперь же, сь изменением политической конъюнктуры и сь переходом румын на сторону держав согласия, фронтальные укрепления на линии Черноводы — Кюстендже стали тильными, а тильные понадобилось приспособить, как фронтальные.

Это, повидимому, было достигнуто румынами своевременно, ибо, как мы видели, на линии Черноводы — Кюстендже и даже не доходя до нея противник был отражен, и, по признанию германского генерального штаба, изложенному в официальном сообщении германской главной квартиры, наступление германо-болгарских войск в Добруджу приостановилось.

Тем не менее, вообще, кампанию на Балканах, начавшуюся в конце августа, далеко нельзя считать приостановленной. Несомненно там предстоять еще весьма крупные события, при чем они должны имбеть место как на театре Добруджи, так и на македонском театре, где армия Саррайля продвинулась вперед на своем левом фланге, при чем находящиеся здесь сербские и франко-русские войска, заняв Флорину, подошли на расстояние одного перехода к Монастырю. Параллельно сь нарастанием событий на Балканах, операции на главных фронтах войны постепенно теряли свою остроту, и значение их, как на нашем, так и на французском фронте, сводилось, преимущественно, к удержанию войск противника от переброски на балканские театры и частью на трансильванский.

Скандинавскій нейтралитетъ.

(Политическое обозрѣніе).

Скандинавскія государства уже въ третій разъ собираются на конференцію для выясненія той позиціи, которую они должны занять по отношенію къ великой всемірной войнѣ и къ воюющимъ державамъ. Каковъ смыслъ и каково практическое значеніе этихъ совѣщаній? Прежде всего участники ихъ преслѣдуютъ, разумѣется, основную задачу собственного политическаго самохраненія. И Данія, и Швеція, и Норвегія слишкомъ малы и слишкомъ въ военномъ отношеніи слабы для того, чтобы въ случаѣ какой-либо напасти отстоять себя собственными силами. Данія, отъ которой Германія отняла Шлезвигъ-Гольштейнѣю, едва ли можетъ спокойно взирать на свое будущее, имѣя подъ бокомъ такого могущественнаго сосѣда. Развитие военнаго германскаго флота расширило сферу германскихъ захватовъ далеко за предѣлы соприкосновенія сухопутныхъ границъ разбойной державы. Положимъ, Швеція и Норвегія гарантированы признаннымъ всѣми европейскими государствами нейтралитетомъ, но вѣдь такимъ же нейтралитетомъ была ограждена и Бельгія, однакоже она не спасла ея отъ вторженія нѣмецкихъ полчищъ, не защитила ея городовъ отъ разрушенія, а ея мужскаго и женскаго населенія отъ грубаго насильничества и варварскихъ расправъ разнузданной прусской солдатчины. Кромѣ всегда возможныхъ сюрпризовъ со стороны берлинскихъ дипломатовъ, Швеція, памятуя о петровскихъ войнахъ и забывая о столѣтіяхъ ненаружимаго и доброжелательнаго мира съ Россіей, ожидаетъ также—по нашему мнѣнію, совершенно неосновательно—и нападенія съ нашей стороны. Больше того: подъ предлогомъ наступательной самозащиты она и сама, пожалуй, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ своихъ правителей, была бы не прочь напасть на насъ, разумѣется, при благоприятныхъ условіяхъ и безъ риска печальныхъ послѣдствій, на примѣръ, въ случаѣ торжества германцевъ на сѣверномъ фронтѣ. Объ агрессивныхъ настроеніяхъ шведскихъ правящихъ сферъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и шведскій протестъ противъ укрѣпленія Аландскихъ острововъ и воинственныя рѣчи короля, который при спускѣ новаго броненосца—событія очень крупнаго и очень рѣдкаго для маленькаго шведскаго флота—предлагалъ всему своему народу „не предаваться безпечности и помнить, что и для него можетъ пробить часть, когда придется нарушить миръ“. Слабость и даже временное ослабленіе Россіи—вполнѣ достаточный поводъ для того, чтобы полускрытая враждебность правящаго класса Швеціи сдѣлалась изъ тайной явною, изъ пассивной активною. Къ счастью для насъ, для Европы, а всего больше для самой Швеціи воинственный пылъ стокгольмской придворной партіи неизмѣнно охлаждается искренно миролюбивымъ настроеніемъ шведскихъ народныхъ массъ. Самыми вѣрными нашими союзниками въ Скандинавскихъ странахъ являются всѣ демократическія партіи, въ

томъ числѣ даже социаллисты. Въ Швеціи образъ правленія конституціонный не только по названію, но и фактически. Тамъ внутренняя и внѣшняя политика государства находится въ непосредственной зависности отъ воли народа, и потому страна никомъ образомъ не можетъ быть вовлечена въ войну наперекоръ ясно выраженному общественному мнѣнію. Огромное, подавляющее большинство шведскаго народа вовсе не желаетъ воевать съ Россіей и ставить на карту самое существованіе Швеціи, какъ самостоятельнаго государства. Для того, чтобы сдѣлать миролюбивое теченіе шведской общественной мысли еще болѣе прочнымъ, властнымъ и господствующимъ, нашимъ дипломатамъ остается только выяснить свое собственное миролюбие относительно шведовъ и полную вздорность нѣмецкихъ провокагорскихъ навѣтовъ относительно фантастическихъ замысловъ насчетъ захвата нами незамерзающихъ портовъ шведско-норвежской береговой линіи. Петровскія войны велись изъ-за подступовъ къ Балтійскому морю,

Его Высочество японскій принцъ Котохито Канъ-Инь, посольствѣ въ Царскую Ставку, гдѣ былъ принятъ Императоромъ въ и приглашенъ къ Высочайшему Величеству и Его Высочествами и чинами и званіи и орденами св. Андрея

На юго-западномъ фронтѣ.

Перевозка раненыхъ по устроенной австрійцами узкоколейкѣ.

Его Высочество эмир Бухарский Сеидь-Мирь-Алимъ, генералъ-лейтенантъ русской армии, посѣтившій Россію и проѣхавшій на фронтъ въ Царскую Ставку. Его Высочество сдѣлалъ очень крупныя пожертванія на нужды войны, въ томъ числѣ нынѣ предоставилъ для той же цѣли миллионъ рублей въ распоряженіе Его Величества Государя Императора. Его Высочество награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Россіи были нужны не шведскія земли, а шведскія воды, и послѣовладѣнія устьями Невы, національные интересы сосѣдей пришли въ прочное равновѣсіе. Намъ со шведами теперь воевать прямо не изъ-за чего, такъ какъ постройка незамерзающаго порта съ желѣзной дорогой къ нему въ любой сѣверной гавани будетъ намъ стоить неизмѣримо дешевле, чѣмъ самая быстрая и побѣдоносная война. Шведскій народъ своимъ

не скандинавской державы выступить съ посредничествомъ для начала мирныхъ переговоровъ между воюющими коалиціями. Отказавшись отъ посредничества, конференція не захотѣла взять на себя прекращеніе того кроваваго пожара, который зажгла Германія, и прикрыть ее отъ неизбѣжной кары за содѣянное преступленіе передъ всѣмъ міромъ. Уже однимъ этимъ скандинавскіе министры доказали свою нейтральность, резолюціею же о безпристрастности нейтралитета они, вѣроятно, нѣсколько обуздають рѣзко германфильскій отѣнокъ, который шведское правительство до сихъ поръ придавало своему невѣштательству въ мировую войну. Блестящій торговый балансъ всѣхъ нейтральныхъ странъ и колоссальные барыши, которые онѣ получаютъ съ воюющихъ, едва ли дають имъ поводъ жаловаться на ущербъ ихъ торговли. Если она терпитъ иногда убытки, то единственно отъ потопленія нейтральныхъ коммерческихъ судовъ германскими подводными лодками и германскими плавающими минами, но противъ подводнаго нѣмецкаго разбоя до сихъ поръ протестовали только одни американцы, скандинавскіе же дипломаты даже не посмѣли присоединиться къ американскому протесту, между тѣмъ, какъ именно въ этомъ направленіи они и могли бы добиться осязательныхъ практическихъ результатовъ. Ихъ протесты противъ права осмотра военными флотами державъ согласія нейтральныхъ судовъ, везущихъ военную контрабанду въ Германію, а также противъ права правительства запретить своимъ подданнымъ торговать со скандинавскими фирмами, играющими роль коммерческихъ факторовъ Германіи, несомнѣнно, останутся вполне безплодными въ виду слухомъ очевиднаго расхожденія съ нормами международнаго права. Такимъ образомъ въ области активной защиты торговыхъ интересовъ скандинавская конференція, пошедшая по ложному слѣду, не дастъ ровно ничего, но все же она наложитъ нѣкоторую узду на германофильство шведскихъ правящихъ круговъ и тѣмъ придастъ шведскому невѣштательству въ войну характеръ и тонъ настоящаго нейтралитета.

политическимъ инстинктомъ чувствуетъ въ насъ не врага, а друга, и, видя на опытѣ болгаръ и турокъ, какъ дорого приходится расплачиваться легкомысленнымъ націямъ за соблазны лживой германской провокаціи, не позволить легкомысленнымъ честолюбцамъ, стоящимъ у кормила правленія, толкнуть себя на опасную политическую авантюру.

Скандинавская конференція играетъ роль какъ бы дополнительнаго внѣшняго тормоза къ воинственности шведскихъ политическихъ верховъ. Желая найти опору въ скандинавскихъ сосѣдяхъ, Швеція волей-неволей вынуждена согласиться и съ ихъ настроеніями, а они настроены гораздо менѣе враждебно къ намъ и гораздо болѣе недружелюбно къ нѣмцамъ, чѣмъ она. Политика всякаго союза всегда должна представлять собою среднюю равновѣсствующую пожеланій и стремленій всѣхъ союзниковъ, и явно обнаруживаемое шведскими политиками враждебное Россіи германофильство какъ бы нейтрализуется датскимъ и норвежскимъ германобобствомъ. Господство такого течения въ союзѣ скандинавскихъ державъ ясно сказалося въ двухъ важнѣйшихъ постановленіяхъ конференціи: во-первыхъ, въ рѣшеніи сохранять впредь безпристрастный нейтралитетъ и, во-вторыхъ, въ категорическомъ отклоненіи предложенія представителя какой-то

Передвижной театръ на французскомъ фронтѣ.

Сцена и декораціи перевозятся на трехъ грузовыхъ автомобиляхъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Фантина. Разсказъ Георгія Павлова. — Подруга съ глазами газели. Разсказъ Анри Дефоржа. — Мой побѣгъ изъ плѣна. Разсказъ рядового. — Письмо изъ плѣна. Разсказъ Ю. Волгина. — У Вердена. Разсказъ В. Рошнина. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Скандинавскій нейтралитетъ. (Политическое обозрѣніе). — Объявленія. — Отклики войны.
Р И С У Н К И: Св. великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ. — Генералъ Жидинскій раздаетъ медали работницамъ заводовъ, изготовляющихъ военные заказы для Россіи. — Отправка съ завода изготовленныхъ снарядовъ. — На англійскомъ заводѣ, работающемъ на оборону. — Механическая подача снаряда къ тяжелому орудію. — Англійскій артиллеристъ пишетъ на снарядѣ свои «лучшія пожеланія». — Снарядъ переросъ человѣка. — Карта и 2 портрета къ разсказу рядового: «Мой побѣгъ изъ плѣна». — Эрзинджанъ (6 рис.). — Кетурскій мостъ черезъ рѣку Карасу, близъ Мамахатана. — «Парадный» обѣдъ съ музыкой въ штабѣ корпуса послѣ взятія Эрзинджана. — Переправа полка черезъ рѣку Чорохъ у Байбурты. — Штабъ полка за сналой, на Байбуртской позиціи. — Карта Румыніи. — Его Высочество японскій принцъ Камъ-Инь. — Перевозка раненныхъ по устроенной австріяками узкоколейкѣ. — Его Высочество эмиръ Бухарскій Сеидь-Мирь-Алимъ. — Передвижной театръ на французскомъ фронтѣ. — Сербскія войска въ Салоникахъ (2 рис.). — Англійская кавалерія на Соммѣ.

къ этому № прилагается «Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина» книга 16.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

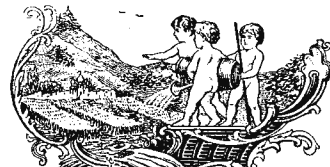

НИВА

1916 г.
№ 40

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 1-го октября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку вонзарель въ одинъ столбъ (въ 1/4 ширины страницы): первая 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за октябрь.

Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1917 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

первую серію
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО,

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА,

полный переводъ
романа „ДОНЪ-КИХОТЪ“

СЕРВАНТЕСА,

ТРЕТЬЮ серію
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА

(СИБИРЯКА).

Подробное объявленіе см. въ слѣдующемъ номерѣ.

Готовится къ печати: IV изданіе, 25-я тысяча экземпляровъ:

О. К. ЗЕЛЕНКОВОЙ

„Я НИКОГО НЕ ЪМЪ!“

365 вегетаріанскихъ меню, по временамъ года. 1600 рецептовъ и руководство для приготовленія вегетаріанскихъ кушаній.

Подъ редакціей

Доктора медицины **А. П. ЗЕЛЕНКОВА.**

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

УЧАЩИМ СЯ И ГОТОВЯЩИМ СЯ

амслагается по требованію бесплатно полный каталогъ учебныхъ пособій — литерат. разборовъ, темниковъ, рѣшеній ко вс. задач., ключей, переводовъ, конспектовъ, сообр. сочин., самоучит. иностр. яз., словарей, справочниковъ, программъ и проч. пособій. Кн. Скл. **А. И. НАЗАРОВА,** Москва, Тверская, Леонтьевскій, 17.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 16 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятковъ марокъ вышлагообразнымъ шрифтомъ, почерки учениковъ условія. Одесса. Професс. каллиграф. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

(ПИСАТЬ)

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Нравственность въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. это журн. „СОВОЛЪ“, стр. 2. (44)

Не забы- **КРЫСОГУБИТЕЛЯ** вайте **ЗНАМЕНИТАГО Д. ЛАБКОВА.**

Гарантия — вернуть деньги. На выставкахъ въ Россіи и за границей этого могущественнаго препарата получили золотыя медали и почетныя кресты.

Поспѣшите приобрести „Крысогоубитель“ — въ три дня онъ избавитъ ваше хозяйство отъ страшныхъ грызуновъ, въ пять дней ни одной крысы не останется въ самомъ большомъ мѣшкѣ. Не откладывайте на завтра, что можно сдѣлать сегодня. Цѣна „Крысогоубителя“ съ веревочкой: 1 пудъ—36 р., 20 ф.—20 р., 10 ф.—11 р., 5 ф.—6 р., 25 к., 3 ф.—4 р., 20 к., 2 ф.—3 р., 20 к., 1 ф.—1 р., 75 к. 4ко. Способъ употребл. при каждой посылкѣ.

Адресъ для писемъ и денегъ: Петербургъ, Г. Потаповъ, содѣл. Лабораторія Д. Лабкова.

НОВИЧКИ ДЛЯ Ф-НО ВЪ 2 РУКИ!
ПѢСНИ РОДИНЫ. Понурри изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ — 1 руб.
ПРАЗДНИКЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. Понурри изъ русскихъ пѣсенъ — 1 руб.
Сост. А. Красносельскій.
Каталоги и списки содѣл. вѣд. — бесплатно.
П. ЮРГЕНСОНЪ,
Москва, Ногдинный пр., 14. 4446

Августъ Эрикссонъ
хронометровъ и часовъ для мастеровъ Императорской Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Императорскаго Россійскаго Флота и гр. и гр.
сущ. съ 1865 г.
ХРОНОМЕТРЫ И ЧАСЫ.
Изд. прейс-куралты гг. нисгороднымъ бесплатно.
Петроградъ, Невскій пр., № 13.

ИСТОЩЕНИЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРО-
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство въ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Более 150 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылаются налож. плат. за 1 р. 20 к. Требуется адресовать: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (10)

ВСѢ УЧЕБНИКИ И ПОСОБІЯ

требуйте изъ Петрограда, с. Лада: Ал. Бурцева, Лыковская, 217.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ „ТИЗЕРИНЪ“ послѣдствіемъ ея примѣняется Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к., Лыковаго 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской. Москва, Давыдъ пер., 1/28, кв. 8, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО“. Вы безусловно БЫСТРѢ и УСПѢШНѢ достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заніе можете быть увлечены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничавайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробнѣе со всѣми нашими изданіями, выберите:

Гимназія на дому

30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовкы на аванія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, антек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ

10 томовъ по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Академія иностранныхъ языковъ.

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній.

15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, коммерч. корресп., коммерч. ариметики, товаровѣд., банков. дѣла, финан., биржи и т. д. и т. д.

НАРОДНАЯ ШКОЛА

10 том. по 112—128 стр. для безграм. и малограм.

Пособіе по русскому языку. 4 тома — 9 руб.

Бухгалтерія. 4 тома — 6 руб.

Коммерч. Корреспонд. Русская, Франц., Англійск. Каждая по 1 руб. 50 коп.

Коммерческая ариметика. 1 руб. 50 коп.

Арием. задачникъ, Алгебраич. задачн. По 2 р

Библиотека языкознанія. Для усовершенст. въ яз. фр., англ. и нѣм. по 45 к. за кн.

Краткій проспектъ БЕСПЛАТНО.—Подробный 15 к.

Корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Глазгова ул., в. д. № 18.

Собств. магазины } ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65;

(для проживающихъ въ } МОСКВА, Мясницкая 18.

Москва и Петроградъ):

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТѢ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 200 руб.

ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, въ 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Более 500 благодарственныхъ писемъ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется. Расстояние не служитъ препятствіемъ.

Требуйте нашъ бесплатный проспектъ.

Осна. въ 1905 году

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.

Изд-во „Факель“ гот. въ печ. рядъ сборниковъ НАЧИНАЮЩИХЪ ПОЭТОВЪ. Прозывед. просить адресовать: Петроградъ, отд. Н., Симеоновская, 5, кв. 18. В. П. Микулину. На отв. марку.

ПРИ НЕВРАСТЕНИИ,

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТ-ТЕСТАТЬ. Льготныя условія подписки и БЕСПЛАТНО. пробная лекція. Адресъ: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

слабости и для УКРѢПЛЕНІЯ нервной системы рекомендуется БІОЛЬ Т-ва Ласлей. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ мѣгахъ.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== **СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.** ==
Пишите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО,
МОСКВА. Отд. 1. Е. Е.

Волосы

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Развязка афинской драмы.

(Политическое обозрѣніе).

Внутренній кризисъ въ Греціи развивается именно въ томъ направлении, которое предсказывалось всѣми вдумчивыми политиками. Германофильство короля Константина рѣзкое расхождение короны съ національными требованиями создало такое запутанное политическое положеніе, единственнымъ выходомъ изъ котораго могла быть только революція. Послѣ того, какъ правитель такъ откровенно измѣнилъ своему народу, народъ отвергъ своего правителя.

Въ Греціи въ настоящее время совершается легальнѣйшая изъ революцій, которая знаетъ всемирная исторія. Геніальный политикъ, — эллинскій Кавуръ, — Венизелосъ, ставшій во главѣ народнаго движенія, сумѣлъ облечь ее въ самыя законныя формы и обосновать на безспорныхъ началахъ національно-государственного права. Въ сущности въ роли революціонера и нарушителя государственнаго порядка выступаетъ самъ германофильствующій и болгарофильствующій король, окруженный предательской камарильей, народныя же вожди въ лицѣ Венизелоса, начальника греческаго флота адмирала Кундуріотиса, начальниковъ сухопутныхъ войскъ, ставшихъ на защиту греческой территории отъ болгарскихъ захватовъ, идутъ не противъ особы и власти короля, а только противъ его антинациональной политики. Временное правительство, къ которому уже примкнули значительныя морскія и военныя силы, населеніе всѣхъ острововъ, весь салоникийскій округъ и общественное мнѣніе всей Греціи, въ своихъ обращеніяхъ къ народу изъявляетъ полную готовность безпрекословно подчиниться королю, какъ только онъ приступитъ къ исполненію своей священной обязанности — охранять греческую землю отъ вторженія болгарскихъ завоевателей. Манифесты Венизелоса — верхъ строгой тактичности и блестящаго государственнаго ума. Читая его, становишься уже не страшно за будущее народа, выдвинувшаго изъ своихъ нѣдръ такого вождя и понимавшаго необходимость слушаться его голоса. Какъ бы ни было трудно, сложно и запутано внутреннее и внѣшнее положеніе Греціи, созданное деспотизмомъ короля Константина, геній Венизелоса сумѣетъ найти благополучный выходъ и спасти страну отъ угрожающей ей гибели. Воззваніе, обращенное къ греческому народу, составлено въ сильныхъ и патристическихъ выраженіяхъ, нисколько не враждебныхъ королю, но настойчиво напоминающихъ ему о лежащемъ на немъ высокомъ долгѣ передъ націей и страной:

„Граждане Греціи! Чаша переполнена. Вслѣдствіе личной политики короля, Греція потеряла своихъ друзей и довѣрилась врагамъ. Для восстановленія національнаго единенія и спасенія отъ национальной смерти необходимо выступить вмѣстѣ съ Сербіей и съ державами-покровительницами противъ германской гегемоніи въ Европѣ и болгарской гегемоніи на Балканахъ.

„Мы будемъ счастливы, если король рѣшитъ въ послѣднюю минуту стать во главѣ народныхъ силъ; но, пока этого нѣтъ, народъ долженъ самъ выступить заодно съ союзниками, поэтому мы принимаемъ обязанности, врученныя намъ народомъ, и обращаемся ко всей Греціи съ просьбой о поддержкѣ. Разъ государство измѣняетъ своему долгу, то сама нація должна исполнить этотъ долгъ“.

Извѣщая населеніе объ образованіи въ Канѣ временнаго правительства, Венизелосъ и адмиралъ Кундуріотисъ призываютъ критскія власти попрежнему исполнять лежащая на нихъ обязанности, ничѣмъ не нарушая правильнаго теченія общественной жизни, но рекомендуютъ впредь обращаться по всѣмъ дѣламъ, вмѣсто афинскаго кабинета, къ новому правительству. Это воззваніе имѣло огромный успѣхъ и сразу предвѣстило полную побѣду національнаго движенія. Всѣ греческія войска, расположенныя на островѣ Критѣ, за

единичными исключеніями, немедленно присоединились къ національному правительству. Подъ его знаменами тотчасъ же собрался дѣльный корпусъ въ 30 тысячъ добровольцевъ. Добровольческія отряды стали образовываться по всѣмъ городамъ Греціи и присоединяться къ арміи союзниковъ, ведущей борьбу съ нѣмцами и болгарами. Греческій народъ сталъ активнымъ участникомъ войны съ болгарами въ то время, какъ официальная Греція, въ лицѣ короля Константина и его приспѣшниковъ, ведетъ съ ними дружбу, сдаетъ имъ крѣпости съ гарнизономъ и пушками. Афинскому кабинету грозитъ полная изоляція отъ страны. На короля и министровъ никто не покушается, но въ то же время и никто ихъ не слушаетъ, никто къ нимъ не обращается. Общественная и политическая жизнь Греціи совершается безъ нихъ, течетъ мимо нихъ. Они остаются какими-то никому ненужными придатками безъ власти и значенія. Власть, разошедшаяся съ націей, анулируетъ самое себя. Она грозитъ сторонникамъ Венизелоса арестами и наказаніями, но никто не исполняетъ ея приказовъ, и они не приводятся въ дѣйствіе, оставаясь безплодными и безрезультатными.

Ея опора, ея рычагъ, ея орудіе — армія — служить уже не ей, а ея противникамъ. Если бы, съ помощью нанятыхъ на нѣмецкія деньги бандъ, афинскіе эскъ-властители даже дерзнули бы принять какія-нибудь мѣры физическаго характера, они встрѣтили бы противъ себя прекрасно организованныя военныя силы. Хотя болгарофильство Константина и вело Грецію прямою дорогою къ гражданскому междоусобию, но кроваваго междоусобія, вѣроятно, къ огорченію нѣмцевъ, все-таки не состоится: афинское правительство будетъ подавлено сознаниемъ своего полного безсилія и ничтожества. Всякая попытка кровавыхъ воздѣйствій заранѣе обречена на неудачу уже по одному тому, что отъ союзнаго флота всецѣло зависитъ снабдить сторонниковъ согласія и снарядами и продовольствіемъ, а наемники Вильгельма оставить безо всего и принудить къ полной капитуляціи. Всего вѣроятнѣе, что до открытой борьбы и не дойдетъ. Немыслимо сопротивляться ясно сознанной и рѣшительно выраженной волѣ народной. Торжество Венизелоса красиво именно тѣмъ, что оно совершенно безкровно, достигнуто не физическими а чисто-моральными средствами. Онъ одержалъ надъ своими врагами, афинскими германофилами, — нравственную побѣду. Королю остается или „подчиниться или удалиться“, или пойти вслѣдъ за народомъ или искать убѣжища за предѣлами родной страны. Не даромъ въ газетахъ уже появились слухи о предполагаемомъ его переѣздѣ въ Царьградъ. Отъ его рѣшенія въ послѣднюю минуту будетъ зависетьъ судьба всей династии. Покинувъ страну, онъ на всегда сойдетъ съ исторической сцены и навѣки останется виновникомъ гибели почти двухъ милліоновъ сербовъ, измѣннически преданныхъ имъ, вопреки договору, на растерзаніе болгарамъ и нѣмцамъ. Есть грѣхи, для которыхъ нѣтъ ни прощенія ни забвенія. Для того, чтобы помочь своему шурина, Константинъ не задумался поставить на карту судьбу и Сербіи и Греціи. Его жертва была напрасной.

Императоръ Вильгельмъ имѣетъ много сторонниковъ на тронахъ Европы. Но странное дѣло: тѣ правители, которые пытаются спасти его, сами неизмѣнно становятся на краю гибели. Такова судьба турецкихъ властителей и болгарскаго царя Фердинанда. Судьба обрекаетъ на уничтоженіе все, что служитъ обреченному судьбой. Божье благошленіе удачи и счастья въ бою почтѣе только на тѣхъ, кто является орудіемъ Божьей казни, чье торжество несетъ міру обновленіе жизни, возвѣщаетъ народамъ свѣтлое царство свободы и права.

Какъ работаютъ на оборону въ Англіи и во Франціи. Преемникъ неумолимыхъ трудовъ и смѣлыхъ начинаній министра Ллойдъ-Джорджа — министръ снабженій англійской арміи сэръ Монтегю развернулъ передъ своимъ парламентомъ широкую картину производства орудій и снарядовъ въ Англіи, предпославъ въ своемъ изложеніи каждой цифрѣ «исторію», т.-е. то «чѣмъ была» Англія къ объявленію войны, черезъ годъ послѣ военныхъ дѣйствій и теперь, черезъ два года «артиллерійской подготовкѣ».

— Въ первые дни войны, — сказалъ Монтегю, — производство снарядовъ для нуждъ арміи, насчитывавшей всего 200.000 человекъ, было столь незначительнымъ, что примѣры процентнаго увеличенія явятся прямо фантастическими. Напримѣръ, производство не наполненныхъ снарядовъ въ нашей странѣ увеличилось съ сентября 1914 года въ 170 разъ для снарядовъ въ 18 фунтовъ и въ 2.650 разъ для снарядовъ большого калибра. Производство снарядовъ для средней артиллеріи теперь въ 34 раза увеличилось по сравненію съ производствомъ въ концѣ іюня 1915 года. Ежедневное среднее производство снарядовъ для тяжелыхъ орудій въ 1915/1916 отчетномъ году увеличилось въ 22 раза, а теперь уже въ 94 раза по сравненію съ 1914/1915 годомъ. Мы производимъ теперь въ четыре дня столько же снарядовъ для крупныхъ мортиръ, сколько мы производили ихъ въ продолженіе всего 1914/1915 года. Если мы будемъ продолжать производство съ начальной быстротой, и если мы подведемъ общіе итоги производства снарядовъ для пушекъ и мортиръ всѣхъ калибровъ, то это намъ дастъ среднюю цифру для одной недѣли про-

изводства, равную цифрѣ всего нашего снабженія снарядами сухопутной арміи нашей страны до войны.

«Перейдемъ теперь къ производству орудій. Пятнадцать мѣсяцевъ назадъ нашъ флотъ поглощалъ почти все производство нашихъ заводовъ, могущихъ дѣлать тяжелыя орудія. Общества, владѣющія военными заводами въ нашей странѣ, имѣли въ своемъ распоряженіи очень мало машинъ и инструментовъ, чтобы начать производство хотя бы небольшой части орудій, потребной для нашей арміи, и пришлось строить зданія, заводить новыя машины. Кромѣ этихъ военныхъ заводовъ, и многіе другіе фабрики и заводы нашей страны принялись выполнять военные заказы: лафеты, отдѣльныя части орудій и т. п. Результаты такой дѣятельности сказались. Мѣсячное производство тяжелыхъ орудій, за промежутокъ времени между іюнемъ 1915 года и іюнемъ 1916 года, увеличилось болѣе чѣмъ въ шесть разъ, и нынѣшнее производство будетъ еще удвоено.

«Теперь я перехожу къ пулеметамъ. Съ начала войны до конца мая 1915 года выпущена только одна восемнадцатая часть числа пулеметовъ, полученныхъ въ слѣдующемъ году. Недѣльное производство пулеметовъ со времени созданія министерства снабженія увеличилось въ 14 разъ и продолжаетъ увеличиваться. Количество существовавшихъ тогда пулеметовъ можетъ быть теперь доставлено послѣ трехъ-четырехъ недѣль работы. Расходование пулеметовъ во время активныхъ дѣйствій на фронтахъ очень велико, и требованія военнаго министерства постоянно увеличиваются какъ для сухопутныхъ войскъ,

так и для воздушных аппаратов. Но, несмотря на это увеличение, мы вскоре сможем удовлетворить полностью все требования английской армии и начнем производить пулеметы для наших союзников.

«Гораздо труднее увеличить производство ружей. За первый год существования министерства снабжения мы сделали почти в три раза больше ружей, чем с начала войны до момента образования этого министерства. Кроме того, несколько сот тысяч ружей было исправлено. Число ружей всегда соответствовало наличному числу солдат, которых можно выставить на боевую линию. Громадный состав нашей армии, которую мы теперь вооружаем, является лучшим доказательством того, какого успеха мы достигли в производстве ружей.

«Граншейная война заставила обратить особое внимание на производство тяжелых и легких мортир. Теперь они производятся в большом количестве, как и снаряды к ним. Производство бомб увеличилось в 33 раза за промежуток времени с мая 1915 года по май 1916 года. За тот же самый период производство взрывчатых веществ для начинки бомб увеличилось в 150 раз.

«До войны было всего три национальных завода, которые работали на нужды сухопутной армии, а теперь их насчитывается 95. В число этих заводов входят восемнадцать для начинки снарядов и бомб. Все эти заводы были спроектированы и сооружены в течение одного года, и теперь они управляются чиновниками военного министерства. Однако не все еще сделано, — остается сделать еще многое. У нашей армии не может быть успеха без превосходства над неприятелем в тяжелой артиллерии. Мы должны производить столько снарядов, чтобы мы могли их тратить на всем нашем фронте в таких же размерах, как тратим теперь на Сомме. Производство снарядов у немцев попрежнему растет, и конца войны не будет видно, пока мы не установим полного превосходства в артиллерии повсюду. В будущем году мы главным образом будем доставлять снаряды России и Италии. Это будет иметь такое же значение и будет так же полезно для нас, как если бы мы вооружались сами.

Монтегю в заключение сказал:

— Германцы заявляют, что наш расход снарядов в течение настоящего наступления безвозвратно опустошил наши запасы. Правда, мы израсходовали снарядов больше, чем выработали в течение первых одиннадцати месяцев войны, но производство наших мастерских каждую неделю покрывает расход снарядов за неделю. Нет опасений, чтобы наступление прекратилось из-за недостатка снарядов. В прошлом году на заводах, изготовляющих снаряды, работало 635,000, нынче — 2.250.000 человек».

Грандиозная картина работ на оборону и во Франции. Начальник нашего генерального штаба генерал-от-инфантерии М. А. Бляев, посетивший со специальной миссией Англию и Францию, поделился своими впечатлениями, вынесенными из этой поездки, с корреспондентом «Русского Слова». Генерала Бляева поразило во французах то необычайное воодушевление, с которым они работают на заводах. Они вполне постигли, что нынешняя война — война снабжения по преимуществу, и поэтому, чтобы победить, нужны снаряды, пушки, пулеметы, винтовки и т. д., и таких пушек, пулеметов и снарядов нужно изготовить огромное количество. Французы взялись за дело, и как взялись... Для них работа на заводах и сиденье в окопах — одно и то же. Не возникает сомнений, что важнее: и то и другое одинаково важно. Рабочий — тот же солдат; работая, он воюет. Интенсивность их труда безгранична. Когда генерал Бляев проходил по мастерским в сопровождении французских военных властей, никто не бросил работы, никто даже не повернул головы, — до такой степени все были поглощены работой. Каждая секунда дорога, они это понимают и, преодолев свойственное каждому человеку любопытство, лишь глазами следили за посетителями, продолжая работать.

На заводы пошли многие, никогда раньше не занимавшиеся физическим трудом, не нуждающиеся в заработке, — исключительно из чувства патриотизма. Во Франции нужна в рабочих руках ощущается сила, чем у нас, и поэтому там громадное применение получили женский труд. Женщины очень скоро изучили технические приемы работы и работают не хуже мужчин. Многие из них исполняют работы, требующие не только ловкости, но и физической силы, как, например, подача из печи раскаленных стальных болванок. И среди женщин много непрофессиональных работниц, беспечных, привыкших к известному комфорту и пришедших на заводы, чтобы внести свою лепту в общее дело. Они приходят в мастерские грязно и со вкусом одеты, вешают свое платье в шкапчик и надевают вместо него грубую рабочую блузу, исполняют свое дело весело и бодро, не гнушаясь никакой работой.

«Друзья русского солдата». По инициативе энергичных французских деятелей Франклина Булана и сенатора Дестурнеля де-Констана и других парламентских деятелей, недавно возникла организация помощи русским солдатам, находящимся во Франции, — помощи весьма интересной и трогательной. С присущей французам отзывчивостью и чуткостью несколько человек организовали особый кружок для облегчения жизни наших войск в незнакомой им стране. Кружок издает на русском языке особый небольшой иллюстрированный журнал под заглавием: «Les amis du soldat russe» — («Друзья русского солдата»). Первый номер его вышел 22-го апреля по новому стилю, вскоре после прибытия во Францию первого транспорта русских войск.

Известный нам депутат А. И. Шиягарев, побывавший вместе с нашей парламентской делегацией во Франции и Англии и на союзных фронтах, знакомится в «Речи» с общим характером этого оригинального журнала:

«В заглавной виньетке, украшенной знаком республики, галльским пехотцем, изображены два солдата, русский и французский, протянувшие друг другу руки. Своим содержанием журнал старается дать нашим солдатам интересный для них материал. Известия с родины, сведения о военных действиях союзников на фронтах, отдельные приказы по армии, статьи французских писателей и выдающихся деятелей, перепечатанные из русских и иностранных газет рассказы, статьи и военная хроника, календарь, небольшой подбор наиболее употребительных французских слов и фраз,

карикатуры западных художников, посвященные военным темам, и т. д. В первом номере помещены портрет Государя, во втором — президента Французской республики, в третьем — генерала Я. Жилинского, представителя Верховного Главнокомандующего при главной квартире французских армий, в четвертом — генерала Жоффра.

В первых номерах имеются статьи: Поля Думера, Поля Адама, Евгения д'Эйшпала, Жана Ришпена. Иногда такие статьи напечатаны по-французски, с русским переводом на отдельных листках.

Обзор военных событий ведется генералом д'Арманди, имеется мелкая военная хроника и иногда напечатаны карты театра военных действий. Так, в первых номерах имеется схематическая карта Западного фронта и более детальная его района в Шампани около Шалона и Майи, где в лагерь были сначала расквартированы русские войска. Конечно, далеко не всегда содержание французских статей, заметки и карикатуры журнала могут быть понятны и интересны для простых, не очень грамотных русских людей, но они отбывают это внимание, эту заботу о них сограждан чужой, хотя и союзной, страны, где им приходится жить «без языка».

Издавать народную газету — задача чрезвычайно трудная для интеллигенции даже для своего народа, — сколько таких опытов и начинаний были неудачны, — издавать же народный журнал для другого народа — задача почти невыполнимая. И тем не менее перед трудностями такой задачи не остановился кружок друзей русского солдата и с помощью лиц, знающих Россию и русский язык, ведет свое доброе дело, за которое мы должны быть ему только глубоко признательны.

Многие из изживущих в России вспоминают о наших соотечественниках, сидящих в окопах далекой Франции? Как ни велика доблесть и сила духа нашего солдата, его выносливость и умные устремления во всяких обстоятельствах, как ни горячо встретила наша войска Франция при их приезде, с каким бы бурным энтузиазмом ни приветствовали их тысячные толпы французского народа на улицах и площадях городов, все же чувство некоторой отчужденности и заботы во повседневной жизни русских войск не могло иногда не проявляться так далеко от родины, от привычных и знакомых условий существования без знания языка. В такой обстановке всего дороже простое внимание и забота, дружеское участие, помощь, ободряющий звук родной речи, известия с родины. Облегчения переписки, исполнение кое-каких незатейливых солдатских просьб, посылка мелких подарков, вещей необходимых в домашнем обиходе, — все это входит в задачи кружка, кроме издания журнала. Все сильнее распространяется среди французских детей, по почину прессы, трогательный обычай брать на свое «попечение» заботы о том или другом отдельном солдате. Быть «попечительницей», «прямой матерью» — «шагатайе» — русского дружатника, изредка посылать ему шоколад, папиросы, кое-что из белья — это с радостью и гордостью начинают делать девочки Франции. Письмо одной из таких малюток, Jeanne Philirre, помещено уже во втором номере журнала. Кто знает, какая душевная переписка возникает у нас, в России, между нашими детьми и незвестными им солдатами на фронте, кому приходилось читать эти безыскусственные и полные живого чувства записочки с той и другой стороны, тот ясно понимает, как дорого может быть даже такое дружеское общение людям на фронте, все время обращенным к жестокому врагу.

Сверх-автомобили английской армии. Военный корреспондент «Daily Telegraph» дает интересное описание деятельности новых огромных бронированных автомобилей, которые представляют собою настоящие «крепости на колесах».

«Я давно слышал об этих чудовищах, — рассказывает корреспондент: — но воочию увидя лишь недавно и, подобно деревенскому простаку, впервые увидавшему жирафа, сказал: „Но это же невъроятно!“ Затем я съезду тут же на землю и принялся хохотать до слез, — до того эти автомобили были забавно-неуклюжи. Настоящие допотопные драконы!

«Показывавший мне их и объяснявший их устройство молодой офицер сказал: „Не особенно-то приятно было находиться внутри автомобиля, когда он пожирал первый дом. Жалко было дома, — хорошее было строение“.

— А как он относится к деревьям?» — спросил корреспондент.

— Деревья для него просто лакомства, — ответил спрошенный и рассказал, в какой восторг пришли английские войска, увидав в первый раз чудовища, ползущия по окопам.

В последних боях у Соммы сверх-автомобили работали великолепно. Особенно отличился один из них, названный «Crème de Menthe», при взятии Курсетта.

Когда он всполз на старые немецкие окопы и решительно направился к сахарному заводу, в рядах неприятеля воцарилась на минуту мертвая тишина. Затем посыпались залпами выстрелы из пулеметов. Пули однако отскакивали от стальных бочков чудовища, не причинив ему ни малейшего вреда. Он приблизился к поврежденной стѣне завода, тяжело ударился в нее, и стѣна с грохотом рухнула, а чудовище по обломкам прямо пробрало в развалины завода, изрыгая со всех своих сторон огонь и дождь пуль, сокрушая своей тяжестью пулеметы и истребляя выстрѣлами людей. За чудовищем шла пѣхота и занимала позиции врага.

Несмотря на образцовую работу автомобиля, взятие Курсетта удалось не сразу. Немцы оборонялись ожесточенно, и англичанам пришлось не раз повторить атаку. Только к вечеру мѣстечко окончательно осталось за ними.

Было взято 400 пленных, и когда последние проходили мимо «Crème de Menthe», возвращавшегося во-своих, то с изумлением воздвѣвали руки к небу, восклицая: «Gott im Himmel!» и спрашивали: «как же бороться с таким чудовищем?»

Английские солдаты потом с одушевлением рассказывали, как эти сверх-автомобили ломали большие деревья, словно то были спички, и рушили баррикады, как легкие заборы. Немцев же то и дело охватывала паника при виде чудовищ, разворачивавших их окопы, словно осинья гѣзда. Они пытались забрасывать автомобили гранатами, но напрасно: не брали их ни ружейными пули, ни пулеметы, ни бомбометы. Автомобили оставались невредимы и двигались дальше, сокрушая все преграды.

ЖИЗНЬ

№ 40. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выдавъ 1 октября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Возвращенные къ жизни.

(Съ 8 рис. на стр. 661—665).

Всѣ мы легко представляемъ себѣ страшное по своей безвыходности положеніе калѣки, утратившаго работоспособность и принужденнаго жить на иждивеніи другихъ людей. Современная война создаетъ множество такихъ калѣкъ. Безрукіе, безногіе, ослѣпшіе люди возвращаются въ мирную жизнь живыми мертвецами, обреченные на жалкое и зависимое существованіе.

Въ Убѣжищѣ для ослѣпшихъ воиновъ.

На прогулкѣ.

Въ Убѣжищѣ для ослѣпшихъ французскихъ солдатъ въ Капъ-Мартенѣ на Французской Ривьерѣ.

Тѣмъ ограднѣ отмѣтять каждый шагъ, который дѣлается для того, чтобы помочь такимъ калѣкамъ снова войти работоспособными дѣятелями въ жизненный обиходъ. Снабдить ихъ протезами, т.-е. искусственными конечностями, обучить ихъ ремесламъ и занятіямъ, помочь имъ такимъ образомъ добывать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ—великая и благодарная задача для энергичныхъ и великодушныхъ людей.

И такіе энергичные и исполненные любви къ ближнему дѣятели у насъ, слава Богу, находятся. Въ Петроградѣ существуетъ цѣлое „Общество вспоможенія калѣкамъ, обучающимся мастерству и ремесламъ“, гдѣ трудовая помощь поставлена нап-

болѣе рационально: калѣки здѣсь изготовляютъ протезы и бандажи—иначе говоря, работаютъ для другихъ калѣкъ, для своихъ товарищей.

Это Общество возникло еще въ началѣ девятисотыхъ годовъ и учреждено было извѣстнымъ врачомъ-хирургомъ И. И. Чарномской. Благодаря личной энергіи учредительницы, удалось создать при Максимилиановской лѣчебницѣ особую мастерскую для обученія калѣкъ ортопедическому дѣлу. Во время русско-японской войны мастерская впервые стала работать на раненыхъ воиновъ. Теперь ея дѣятельность въ этомъ смыслѣ развилась, какъ никогда. И въ числѣ учениковъ и сотрудниковъ г-жи Чарномской мы встрѣчаемъ здѣсь воиновъ, побывшихъ въ огнѣ великой войны, утратившихъ тамъ свою работоспособность и вновь нашедшихъ ее здѣсь, въ обстановкѣ мирнаго труда, въ небольшомъ, но свѣтломъ и уютномъ помѣщеніи Максимилиановской мастерской. Въ этой мастерской каждый день стучатъ молотки, визжать напильники, гудятъ токарные станки, и люди въ бѣлыхъ фартукахъ—въ большинствѣ безрукіе и безногіе, со странными механическими приспособленіями на обрубкахъ рукъ и на туловищѣ, пилятъ, точатъ, стругаютъ и шьютъ, изготовляя искусственныя руки, ноги, а также костыли и бандажи для такихъ же увѣчныхъ, какъ они сами.

Есть глубокий и трогательный смыслъ въ этой товарищеской помощи увѣчныхъ увѣчнымъ. При сознаніи, что работа направлена на помощь такимъ же пострадавшимъ, какъ и они сами, увѣчные мастера работаютъ необыкновенно старательно и любовно. Это въ полномъ смыслѣ слова идейная мастерская, и все въ ней подчинено не только закону здраваго смысла, но и закону живой и дѣятельной любви къ ближнему.

Основанное г-жей И. И. Чарномской Общество принято подъ покровительство Е. И. В. Великою Княгинею Ольгою Александровною. А въ настоящее время Особая Комиссія Верховнаго Совета ассигновала Обществу значительную сумму на его нужды и выдаетъ ежегодную субсидію на расходы по обученію увѣчныхъ и на ихъ лѣченіе. И теперь мастерскія Общества, по своему благоустройству и оборудованію, являются образцовыми въ своемъ родѣ.

Протезное дѣло поставлено здѣсь настолько хорошо, что въ Общество поступаютъ заказы на протезы изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Кромѣ протезовъ здѣсь изготовляются всевозможныя ортопедическія работы: бандажи, корсеты для больныхъ. И сверхъ того,—совершенно особый родъ дѣятельности работающихъ здѣсь калѣкъ,—палки для минометовъ. Характерно и трогательно то обстоятельство, что руководителями и инструкторами въ мастерскихъ состоятъ также инвалиды.

Въ Убѣжищѣ для ослѣпшихъ французскихъ воиновъ въ Каль-Мартенѣ, на Французской Ривьерѣ. Слепыя солдаты съ сестрами милосердія на прогулкѣ.

Совершенно своеобразную картину представляетъ эта необыкновенная фабрика, гдѣ увѣчные исполняютъ сложнѣйшія работы по обработкѣ металла и дерева. Большая часть издѣлій такъ хитроумна и требуетъ для своего изготовленія такой ловкости и аккуратности, что невольно поражаешься и недоумѣваешь, когда узнаешь, что это сработано безрукимъ человѣкомъ. И только когда приглядишься къ самому процессу изготовленія, начинаешь понимать сравнительную простоту этого чуда... Дѣло въ томъ, что увѣчный человѣкъ, лишенный самаго главнаго своего

Въ ортопедическомъ отдѣленіи Максимилиановской лѣчебницы въ Петроградѣ. Изготовленіе протезовъ и бандажей. У стѣны стоитъ учредительница этого благого дѣла—докторъ И. И. Чарномская.

Въ ортопедическомъ отдѣленіи Максимиліановской лѣчебниці. Слесарь съ ампутированной правой рукой работаетъ при помощи спеціального приспособленія металлическія части для протезъ.

рабочаго аппарата—живыхъ рукъ, превращается здѣсь путемъ остроумнѣйшихъ механическихъ приспособленій въ челоуѣка, уже не увѣчнаго... У него уже есть свои особыя руки: цѣлая система различныхъ захватокъ и приспособленій, которыя прикрѣпляются къ ампутированнымъ конечностямъ и при нѣкоторомъ навыкѣ восполняютъ работу живыхъ членовъ тѣла. При помощи такихъ же приспособленій увѣчные самостоятельно пьютъ и ѣдятъ и даже пишутъ. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить спеціально-мѣстное изобрѣтеніе (руководителя сапожно-ортопедической мастерской, П. М. Филиппова), позволяющее увѣчнымъ легко и удобно держать и захватывать даже небольшіе предметы: ложки, вилки, карандашъ, перо... Среди безрукихъ мастеровыхъ есть даже музыканты, ухитряющіеся играть на гитарѣ.

Занятія увѣчныхъ въ мастерскихъ идутъ рука объ руку съ лѣченіемъ ихъ и съ укрѣпленіемъ ихъ работоспособности. При мастерскихъ имѣется особый врачебный отдѣлъ—именно для усиленія способности къ труду у тѣхъ, кто еще сравнительно слабъ и страдаетъ упорными хроническими болѣзненными явленіями. Такъ, здѣсь пользуютъ тѣхъ, у кого увеличены лимфатическія железы, или имѣются незаживающіе свищи, или же невралгическія боли. Лѣчебный отдѣлъ, благодаря субсидіи Верховнаго Совѣта, поставленъ очень широко,—съ примѣненіемъ новѣйшихъ техническихъ средствъ лѣченія. Большую роль здѣсь играетъ свѣтолѣченіе.

Такъ работаютъ здѣсь увѣчные, которые при иныхъ условіяхъ были бы лишь тяжелой обузой для себя и для общества и владели бы жалкое, несамостоятельное, нищенское существованіе.

Еще поразительнѣе по своей глубокой отрадности участіе, проявляемое общественными силами у насъ и за границей къ особому, тяжелѣйшему роду увѣчныхъ воиновъ—къ воинамъ-слѣпцамъ.

Ничего не можетъ быть ужаснѣе этого увѣчья. Погрузиться въ вѣчную тьму, никогда не видѣть ни солнца ни близкихъ людей, лишиться возможности быть работоспособнымъ труженикомъ и равноправнымъ членомъ общества—и въ то же время оставаться живымъ челоуѣкомъ со свойственными каждому челоуѣку потребностями и стремленіями,—этого ужаса не пойметъ и не оцѣнитъ тотъ, кому судьбою дано великое счастье оставаться зрячимъ.

Правда, субъективный ужасъ этого положенія со временемъ можетъ смягчиться и перейти въ спокойное состояніе примиренія со своею судьбою. Люди свыкаются съ самыми тяжкими несча-

стіями и потерями. Но для того, чтобы слѣпецъ могъ примириться со своею участью, необходимо поставить его въ условія существованія, по возможности наиболѣе близкія къ условіямъ жизни челоуѣка нормальнаго: дать ему возможность самостоятельно трудиться и обезпечить ему безбѣдное существованіе. Но этого мало: надо внушить ему убѣжденіе, что можно жить, какъ всѣ люди, и слѣпцу, и что слѣпота не отлучитъ его отъ общества людей. Въ этой мысли для слѣпцовъ коренится великое утѣшеніе. Короче говоря, физическая и моральная помощь, проявленныя по отношенію къ слѣпцамъ любящими и заботливыми людьми, могутъ чрезвычайно облегчить ихъ положеніе и изгладить ужасъ тьмы, ворвавшейся въ ихъ бытіе.

Современная ужасная война, съ ея небывалыми средствами и способами разрушенія, даетъ значительный процентъ ослѣпшихъ воиновъ. Раненія разрывными пулями, поврежденія отъ ядовитыхъ газовъ, наконецъ, даже такіе факторы, какъ плохое питаніе и переутомленіе—даютъ большой процентъ потери зрѣнія. Ни въ одну прежнюю войну не возвращалось изъ вражескаго плѣна такое количество слѣпцовъ, какъ теперь: ужасныя условія германскаго плѣна, голодъ, болѣзни и всяческія истязанія съ роковой послѣдовательностью превращаютъ въ массу случаевъ зрячихъ людей въ слѣпыхъ калѣкъ. Нельзя не отмѣтить, что громадную услугу оказали во Франціи воинамъ выданные французами стальные шлемы вмѣсто обычныхъ кепи: эти шлемы предохраняютъ отъ раненія въ голову, вызывающаго потерю зрѣнія.

Что же, спрашивается, сдѣлано у насъ и за границей для облегченія участи слѣпцовъ-воиновъ?

У насъ возникаютъ въ отдѣльныхъ городахъ особыя убѣжища и патронаты для слѣпыхъ. Видное мѣсто въ этой области принадлежитъ Петроградскому Комитету для помощи ослѣпшимъ воинамъ.

Въ ноябрѣ прошлаго 1915 года названный Комитетъ открылъ два убѣжища на 25 челоуѣкъ каждое. Одно изъ нихъ, предназначенное для здоровыхъ слѣпцовъ (ремесленное) учреждено было на Ординарной ул., 6 (нынѣ переводится на Лермонтовскій проспектъ, 3), другое—для слабосильныхъ—на Невскомъ проспектѣ, 182, у Александро-Невской лавры.

Въ ремесленное убѣжище принимаются ослѣпшіе воины, желающіе обучаться ремесламъ: сапожному, щеточному и корзинному. Занятія здѣсь обязательны и ведутся ежедневно подъ наблюденіемъ инструкторовъ. Общій режимъ въ убѣжищѣ чисто-рабочій, причѣмъ рабочій день продолжается восемь часовъ, и три часа дается на обѣдъ, отдыхъ и прогулку.

Многимъ покажется невѣроятной возможность обученія слѣпыхъ сапожному мастерству. До сихъ поръ думали, что безъ глазъ нельзя смастерить сапога. Оказалось, что при желаніи всего можно достигъ. Нужно только умѣть желать. Въ данномъ случаѣ слѣпымъ помогла зоркость душевная одного челоуѣка.—понятно, женщины, въ вѣдѣніяхъ сердца не признающей невозможнаго. Одна изъ учредительницъ убѣжища для ослѣпшихъ воиновъ, истинная скрытая душа этого дѣла, скромная

Въ Убѣжищѣ для увѣчныхъ воиновъ при Максимиліановской лѣчебницѣ. Солдатъ съ ампутированными руками пишетъ письмо. Возлѣ него изобрѣтатель приспособленій увѣчнымъ для письма и пды—П. М. Филипповъ.

какъ всѣ истинные дѣятели, насмотрѣвшись безысходно тяжкаго горя ослѣпшихъ солдатъ, привезенныхъ въ тылъ,—горя, усугубленнаго сознаниемъ оброшенной никчемности, обузы роднымъ, близкимъ и всѣмъ живымъ, зрячимъ и трудоспособнымъ,—рѣшила приспособить ихъ къ труду, который дастъ имъ и забвение въ тяжкомъ горѣ безпросвѣтнаго увѣчья и вѣрный кусокъ хлѣба всюду, въ городѣ и въ деревнѣ. Нашла она поблизости отъ убѣжища, на Ординарной улицѣ, на Петроградской сторонѣ, бѣднаго сапожника и предложила ему попробовать начать обучение слѣпыхъ солдатъ сапожному дѣлу. Сапожник оказался смышленнымъ человекомъ и не отказался сразу, а согласился попытаться выполнить добрую мысль доброй женщины,—согласился сдѣлать предложенный ею опытъ: проработать день съ завязанными глазами, пробыть день слѣпымъ и понять, какъ слѣпой долженъ браться за работу, обращаться съ инструментомъ, однимъ словомъ, насколько возможно замѣнить зрѣніе осязаниемъ, понятно, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ инструктора. И вотъ великое чувство, „шестое чувство“ любви и милосердія,

болѣе легкая работа нитке туфель и т. п. Корзинное ремесло дается ученикамъ также не сразу: оно требуетъ также вниманія и аккуратности. Но работа у слѣпыхъ воиновъ идетъ быстро и споро. День за днемъ обостряется осязаніе, развивается сосредоточенная внимательность, и люди начинаютъ „глядѣть руками“. Въ обоихъ отдѣлахъ убѣжища работаютъ охотно и весело, съ сознаниемъ своего постепеннаго возрожденія въ трудовую и самостоятельную жизнь. Заказовъ въ убѣжище поступаетъ много, и слѣпые воины обезпечены и трудомъ и заработкомъ.

Въ убѣжищѣ для слабосильныхъ слѣпцовъ условія жизни прирѣваемыхъ нѣсколько иныя: тамъ занятія менѣе продолжительны и ремесла болѣе легкія. Прирѣваемые работаютъ лишь 2—3 часа въ теченіе дня. Работы ихъ состоятъ въ изготовленіи щетокъ, швабръ и т. п.—конечно, тоже подъ наблюдениемъ инструкторовъ. Здѣсь предполагается въ будущемъ ввести обученіе ткацкому ремеслу, и поэтому обращается особое вниманіе на обученіе издѣліямъ изъ щетины. Дѣло въ томъ, что обращеніе со щетиной (щеточное ремесло) весьма успѣшно развиваеъ ос-

Въ Убѣжищѣ для ослѣпшихъ воиновъ.

Шитье сапогъ.

дало силы замѣнить недостающее чувство зрѣнія чувствомъ осязанія.

Инструкторъ началъ обученіе слѣпыхъ солдатъ сапожному мастерству, и дѣло пошло настолько удачно, что, менѣе чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ (съ ноября 1915 г. по начало апрѣля 1916 г.), на выставкѣ работъ увѣчныхъ воиновъ, устроенной въ апрѣлѣ 1916 г. въ залахъ „Собранія арміи и флота“ въ Петроградѣ, въ укромномъ уголкѣ скромно пріютились работы ослѣпшихъ воиновъ на Ординарной улицѣ. Среди обычныхъ издѣлій слѣпыхъ—щетки и корзины, стояло нѣсколько сапогъ и много частей сапогъ—образцовъ всѣхъ послѣдовательныхъ стадій производства, исполняемыхъ слѣпыми солдатами. Эту скромную витрину слѣдовало помѣстить не въ дальнемъ углу, а посреди залы, и вся Россія должна была прійти и преклониться предъ этими сапогами, сработанными слѣпымъ русскимъ солдатомъ. Здѣсь разрѣшенъ одинъ изъ острыхъ, наболѣвшихъ вопросовъ прирѣнія нашихъ калѣкъ-воиновъ, разрѣшенъ здорово, просто, безъ помпы и субсидій, разрѣшенъ рукою доброй, умной женщины и руками самого слѣпого солдата.

Сапожному ремеслу обучаетъ зрячій инструкторъ, корзинному—инструкторъ-слѣпонецъ. Инструкторы неустанно слѣдятъ за учениками, даютъ указанія, направляютъ ихъ работу и опредѣляютъ степень работоспособности и смѣтливости каждаго ученика. Если слѣпонецъ-ученикъ еще не успѣлъ въ должной мѣрѣ развить у себя осязаніе и не можетъ справиться, напримѣръ, съ кропотливой работой строчки кожи, ему дается до поры до времени

заніе, и есть надежда, что отъ грубыхъ волоконъ пеньки и отъ щетины прирѣваемые потомъ сравнительно легко смогутъ перейти къ разборкѣ нитокъ и пряжи для тканья. Успѣхи работающихъ въ этомъ убѣжищѣ также очень значительны. Среди нихъ есть лишеныя нѣсколькихъ пальцевъ на рукахъ—и тѣмъ не менѣе они чрезвычайно ловко приравниваются къ работѣ и почти не уступаютъ своимъ болѣе счастливымъ товарищамъ. Таково у всѣхъ у нихъ желаніе изучить трудъ и начать работать самостоятельно!

Три раза въ недѣлю прирѣваемые въ обоихъ убѣжищахъ обучаются пѣнію и музыкѣ (рояль, балалайка, гармонія). Многіе изъ нихъ проявляютъ большія способности къ музыкѣ, и музыка доставляетъ имъ несказанное удовольствіе. Игрѣ на роялѣ обучаетъ слѣпая учительница. Въ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ обученію игрѣ по нотамъ выкуплаго брайлевскаго письма.

Много вниманія въ убѣжищахъ удѣляется обученію слѣпыхъ чтенію по выпуклой брайлевской системѣ. Слепой учитель-инструкторъ приходитъ заниматься съ воинами три раза въ недѣлю, и эти нѣсколько часовъ занятій уже дали блестящіе результаты. Многіе научились читать „руками“ и на досугѣ охотно читаютъ имѣющіяся въ убѣжищѣ „свои“ книги.

Постоянная работа, разумно проводимый отдыхъ, музыка и чтеніе поддерживаютъ у прирѣваемыхъ бодрость духа, и воины-слѣпцы живутъ въ убѣжищахъ спокойной дружной жизнью, въ значительной мѣрѣ примирившись со своей судьбой.

Изъ заграничныхъ убѣжищъ подобнаго рода останавливаетъ на себѣ вниманіе „Школа для ослѣпшихъ воиновъ“, основанная при старинной (существующей еще со времени Людовика Святого) парижской больницѣ для слѣпыхъ „Hôpital des Quinze-Vingt“. Школа эта представляетъ собою государственное учрежденіе, но въ ней принимаетъ большое участіе и частное „Общество друзей слѣпыхъ“. Правительство приобрѣло для школы участокъ земли съ огромнымъ старымъ паркомъ, принадлежавшимъ прежде одной католической конгрегаціи. Въ главномъ зданіи находятся помѣщенія администраціи, дортуары, столовая, кабинетъ врача и т. п. А въ паркѣ разбросаны павильоны и бараки, въ которыхъ устроены мастерскія. Каждый баракъ названъ именемъ какого-либо популярнаго генерала: „Жофръ“, „Петэнъ“...

Общее число призрѣваемыхъ и обучаемыхъ въ этой школѣ ослѣпшихъ воиновъ 250. Образование здѣсь чисто-профессиональное, направленное къ тому, чтобы обезпечить учащимся въ будущемъ вѣрный заработокъ. Вводя какой-либо предметъ въ число преподаваемыхъ, администрація школы заботится о томъ,

Участъ ослѣпшихъ далеко не такъ безпросвѣтна, какъ обыкновенно предполагаютъ зрячіе. Безусловно тяжело для ослѣпшаго первое время его темноты. Потомъ жизнь его, при умѣломъ руководствѣ и при моральной поддержкѣ, постепенно налаживается и входитъ въ русло. Необыкновенно важно и необычайно дѣнно въ гуманитарномъ отношеніи поддержать морально, утѣшить, ободрить ослѣпшаго въ первые дни его несчастья. Важно показать ему, что онъ отнюдь не разобщенъ своимъ несчастьемъ отъ міра остальныхъ людей, и что онъ послѣ нѣкотораго необходимаго „перевоспитанія“ будетъ снова равноправнымъ членомъ людскаго общества. И при этомъ отнюдь не слѣдуетъ выказывать своего сожалѣнія и слезливаго участія ослѣпшимъ по поводу страшагося надъ ними несчастья. Высказываемое подобнымъ образомъ сожалѣніе всегда подавляетъ психику ослѣпшихъ, заставляетъ ихъ острѣе почувствовать всю горечь и боль ихъ положенія и мѣшаетъ имъ примириться съ неизбѣжнымъ. Директоръ парижской школы „Quinze-Vingt“ Поль Эмаръ, вводя посѣтителей въ мастерскія слѣпцовъ, говоритъ:

Въ Убѣжищѣ для ослѣпшихъ воиновъ.

Плетеніе корзины.

чтобы предварительно заручиться рынкомъ для сбыта изготовляемыхъ товаровъ. Такимъ образомъ питомцы школы „вступаютъ въ жизнь“, уже обезпеченные фактическимъ, фиксированнымъ заработкомъ.

Въ школѣ имѣются слѣдующія мастерскія: сапожная, бочарная, щеточная, корзиночная, мастерская для плетенія сидѣній стульевъ, мастерская механическихъ издѣлій (части машинъ), затѣмъ классъ стенографіи, массажа, настройки роялей, церковнаго пѣнія.

Вѣтъ отрасли производства, рассчитанныя на ограниченный кругъ потребителей, устранены изъ школы, въ виду того, что въ такого рода производствахъ слѣпые не могутъ успѣшно конкурировать со зрячими. Такъ, напримѣръ, въ сапожной мастерской ихъ учатъ только чинить обувь, а не изготовлять ее, такъ какъ главное производство обуви происходитъ теперь машиннымъ способомъ, а ручное производство рассчитано на узкій кругъ богатыхъ потребителей, которые, конечно, всегда предпочтутъ заказать тонкую обувь у зрячаго сапожника.

При школѣ имѣется типографія для печатанія книгъ выпуклымъ брайлевскимъ шрифтомъ, и понемногу составляется бібліотека для слѣпыхъ солдатъ. Замѣтимъ кстати, что въ Лионѣ въ настоящее время учреждается первая публичная бібліотека для слѣпыхъ.

Таковы описанные нами образчики тѣхъ учреждений, въ которыхъ призрѣваются и готовятся къ новой жизни люди, отторгнутые отъ жизни слѣпотою. Спрашивается, какъ же переносятъ они свое несчастье? И какъ они примираются съ нимъ?

— Одно лишь условіе: не выражайте, пожалуйста, никакихъ соболѣзующихъ чувствъ. Солдатъ-слѣпцовъ только раздражаетъ, когда посѣтители говорятъ имъ жалкія слова. Говорите съ ними такъ, какъ будто вы не замѣчаете ихъ увѣчья!

То же самое приходится наблюдать и среди нашихъ ослѣпшихъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ, призрѣваемый въ убѣжищѣ на Ординарной улицѣ, имѣющій два Георгіевскіяхъ креста, отказался итти на прогулку потому, что ему тяжело выносить жалостливое причитаніе публики надъ его убожествомъ и принимать подааніе отъ встрѣчныхъ прохожихъ. „Мы—не убогіе нищие, мы—Царевы слуги,—гордо замѣтилъ онъ.—И, слава Богу, мы не забыты и не брошены“...

Съ этимъ нужно считаться, и тѣ сердечные, добрые люди, которые отъ полноты сердца, по древнему русскому обычаю, одѣляютъ „слѣпенькихъ“, окажутъ имъ желанную помощь тѣмъ, что направятъ свои жертвы въ „Петроградскій Комитетъ для ослѣпшихъ воиновъ“ (Французская набережная, 36), гдѣ каждая лепта будетъ принята съ благодарностью и пойдетъ на улучшеніе ихъ участи.

Такъ живутъ и работаютъ въ своихъ убѣжищахъ увѣчные воины—и зрячіе и слѣпцы. Жизнь постепенно оборачивается къ нимъ своей свѣтлой стороной.

И нельзя не удивляться безконечной энергіи и любви къ обездоленному меньшому брату у тѣхъ, кто создалъ это доброе дѣло. Они сумѣли воссоздать человѣка и превратить его изъ полумертвеца въ живую рабочую силу, способную приносить пользу и даже помощь человѣчеству.

Фантина.

Рассказ **Георгія Павлова.**

(Окончаніе).

V.

„Абукиръ“, гигантскій пароходъ англійской трансатлантической компаніи, медленно выбирался изъ Нью-Йоркской гавани. Этогъ колоссъ, возвышающійся надъ скопищемъ коммерческихъ судовъ, угольщиковъ, шаландъ, яликовъ и ботовъ, какъ монументальный дворецъ, окруженный лачугами, казался почти неподвижнымъ—до того медленными были его движенія великана, который боится раздавить одного изъ пигмеевъ, копошащихся подлѣ него. Утро было ясное и солнечное. Нью-Йоркъ скрывался позади за дѣсомъ мачтъ, статуя Свободы поднимала руку высоко къ небесамъ, какъ послѣднее предостереженіе тѣмъ, кто цукался въ опасный путь. И, точно отвѣчая ей, британскій флагъ „Абукира“ горделиво разстилалъ по вѣтру свои складки.

Всѣ три палубы парохода были переполнены пассажирами, высыпающими наверхъ, чтобы полюбоваться въ послѣдній разъ берегами Нового Свѣта. Внизу роскошныя каюты, гостиныя, курильныя комнаты, кегельбаны и бильярдныя опустѣли, зато на палубахъ трудно было найти свободное мѣсто. Здѣсь собралось все населеніе парохода, не уступающее по численности населенію цѣлаго города, разнообразное и пестрое. Подъ безконечными тентами, разстланными надъ верхней палубой, точно прозрачное сѣрое небо, говорили на всѣхъ языкахъ, отъ англійскаго и кончая китайскимъ. Позже, въ дорогѣ, самъ собою произойдетъ отборъ пассажировъ по національностямъ, которыя образуютъ отдѣльные, болѣе или менѣе замкнутые кружки. Сейчасъ вся эта разноплеменная и разноязычная толпа охвачена однимъ общимъ чувствомъ отъѣзда, объединяющимъ ее помимо всякихъ расовыхъ, политическихъ и социальныхъ перегородокъ.

Инженеръ Нерадовъ, увлеченный людскимъ потокомъ, очутился на верхней палубѣ, далеко отъ своей каюты, въ которой ему предстояло провести нѣсколько тревожныхъ недѣль. Безконечные хоры дефилировавшихъ передъ нимъ человѣческихъ лицъ утомили его; онъ отвернулся и, прислонившись къ периламъ, смотрѣлъ внизъ, на волны, пѣнившіяся вдоль борта. Немного далѣе вода опять дѣлалась спокойной. Маслянистая, пропитанная керосиномъ и нефтью, она вздымалась сонными буграми безъ

гребней, медленно катящимися вдаль—туда, гдѣ за линіей послѣднихъ судовъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга, разстилался Атлантической океанъ. Вѣтеръ гналъ отъ туда круглыя бѣлыя облака, линія горизонта опускалась низко, подлѣ нею темнѣла неширокая полоса стального цвѣта. Это была грань, за которой начиналась область тайны.

„Лузитанія“, „Арабикъ“, цѣлый рядъ другихъ судовъ, нашедшихъ неожиданную и страшную смерть среди водной пустыни, за сотни и тысячи миль отъ твердой земли... Такъ же плавно выходили они, уже отмѣченные судьбой, изъ безопасной гавани, такъ же играло ихъ вымпелами предательски-нѣжное и ласковое дыханіе океана, въ безбрежности котораго стерегли свою добычу закованные въ сталь палачи. Но по слѣдамъ погибшихъ новые и новые корабли уходятъ къ берегамъ Старого Свѣта, залитого кровью чудовищной войны, и нѣтъ такой силы, которая могла бы удержать смѣльчаковъ, наивно и упорно вѣрящихъ въ право и справедливость. Англійскій флагъ вѣтаетъ въ синемъ небѣ высоко, слишкомъ высоко для того, чтобы думать о гадахъ, кишачищихъ въ морской безднѣ. Чтѣ должно быть, то будетъ...

Нерадовъ выпрямился, окидывая горизонтъ послѣднимъ взглядомъ. Запахъ опасности, который чудился въ насыщенномъ солью вѣтрѣ, опьянялъ его; онъ былъ готовъ къ встрѣчѣ съ врагомъ, быть-можетъ, уже близкимъ. Но другой врагъ, о которомъ онъ совсѣмъ не думалъ, оказался еще ближе. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по палубѣ, какъ вдругъ остановился, точно вкопанный, едва удержавъ возгласъ изумленія, чуть не испуга.

Передъ нимъ стояла миссисъ Фантина Вудъ, въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ, улыбающаяся, радостная и сіяющая, какъ всегда, своей ослѣпительной красотой.

— Вотъ и я! Здравствуйте, мистеръ Джорджъ. Итакъ, наше путешествіе начинается. Какая прелестная погода, не правда ли? Эта фуражка вамъ очень къ лицу, вы сейчасъ совсѣмъ похожи на янки. Чтѣ же вы молчите? Я не вижу вашей улыбки, а между тѣмъ она мнѣ такъ нравится. Въ самомъ дѣлѣ, вы совсѣмъ не рады меня видѣть?

На французскомъ фронтѣ.

Зоологическій музей въ Верденѣ, разрушенный германскими снарядами.

На англійскомъ фронтѣ.

Ворчестерскій полкъ
на пути въ бой.

— Простите, сударыня, но я... я отказываюсь понимать васъ.
— Почему? Мнѣ просто надобно сидѣть дома и захотѣлось проѣхать въ Европу. По-моему, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Но вѣдь вы подвергаетесь страшной опасности!— почти закричалъ Нерадовъ.

— А вы развѣ нѣтъ? Кромѣ того, вамъ приходится рисковать жизнью отчасти изъ-за меня... Изъ-за моей безтактной выходки, — прибавила она съ очаровательной плутовской усмѣшкой. — Слѣдовательно, мой прямой долгъ раздѣлить эту опасность. Я захватила съ собой моего вѣрнаго Джо. Онъ очень сильный: однажды у моего автомобиля лопнула шина; онъ подставилъ плечо подъ машину, поднялъ ее, точно это была дѣтская коляска, и въ одну минуту поправилъ дѣло. Такой геркулесъ можетъ при случаѣ пригодиться намъ обоимъ. А самое главное, не забудьте, что всѣ газеты протрубили о моемъ отъѣздѣ на „Абукиръ“. Посмотримъ, поспѣютъ ли германцы напасть на пароходъ, на которомъ путешествуетъ миссисъ Фантина, дочь Еноха Д. Вуда!

Нерадовъ не смогъ удержаться отъ улыбки, которую его собеседница сейчасъ же поняла по-своему.

— Ну вотъ, между тучами и появилось солнышко. Очень рада. Давайте вашу руку и будемъ друзьями. Джо, поди сюда!

Гигантъ-негръ мгновенно появился рядомъ со своей госпожею. Его черная физиономія сияла, какъ только-что вычищенный сапогъ, безукоризненный смокингъ, казалось, трещалъ по всѣмъ швамъ на этой фигурѣ, словно отлитой изъ бронзы въ массивную неуклюжую форму. Онъ былъ настоящимъ воплощеніемъ силы, добродушія и безграничной преданности, которая читалась безъ словъ въ его взглядѣ, благоговѣнно устремленномъ на молодую дѣвушку.

— Этотъ господинъ — мой другъ, Джо, — сказала Фантина. — Береги его и смотри, чтобы съ нимъ не случилось ничего дурного. Ты отвѣчаешь за него мистеру Вуду такъ же, какъ за меня самоѣ.

Негръ отвѣсилъ Нерадову глубокой поклонъ и провелъ рукой по плечу, какъ бы указывая этимъ выразительнымъ жестомъ на свои чудовищные мускулы. Потомъ онъ исчезъ, не дожидаясь приказанія, и снова затерялся въ толпѣ пассажировъ. Американка опустилась на скамью, приглашая жестомъ Нерадова послѣдовать ея примѣру. Онъ машинально повиновался — его изумление все еще не могло разсѣяться.

— Но вашъ отецъ? Какъ онъ смотритъ на эту... на это „путешествіе“?

— Ва! Не все ли равно? Сначала, разумѣется, онъ ворчалъ и сердился, но я тоже упряма и поставила на своемъ. Я сказала ему, что мистеръ Росвеллеръ похлопочетъ въ посольствѣ, чтобы съ „Абукиромъ“ были осторожны. Иначе и пава и я очень разсердима на Германію...

Внизу, въ столовой, прозвонили къ завтраку.

— Вы приказали подавать вамъ въ каюту, или будете завтракать за табльдотомъ? — спросила Фантина. — Если да, то Джо сумѣетъ оставить за вами мѣсто рядомъ со мною. Не бойтесь, я буду ѣсть, какъ акула, и точно такъ же молчать. Ручаюсь, что не скомпрометирую васъ ни въ чемъ.

Не говоря ни слова, Нерадовъ послѣдовалъ за нею. Сзади негръ конвоировалъ парочку, обращающую на себя общее вниманіе, потому что американка слишкомъ бросалась въ глаза. На лѣстницѣ какой-то господинъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, судя по наружности, квакеръ, до того засмотрѣлся на нихъ, что потребовалось вмѣшательство Джо, чтобы очистить дорогу. Стоя на лѣстницѣ, квакеръ провожалъ молодыхъ людей пристальнымъ взглядомъ, и его сухія сжатые губы невянятно бормотали что-то. То былъ покаянный псаломъ Давида.

VI.

Фантина закрыла рояль.

— О чемъ вы такъ глубоко задумались, мистеръ Джорджъ? Навѣрное, не объ Америкѣ. Вы совсѣмъ не вспоминаете о ней; боюсь, что моя родина вамъ не нравится.

— Да, отчасти. Но дѣло не въ этомъ. Я не столько не думаю о вашей родинѣ, сколько скучаю по своей. Меня тянетъ домой, къ нашимъ полямъ, къ нашимъ милымъ березкамъ, къ Москвѣ, гдѣ я родился и провелъ всю жизнь. Ахъ, миссисъ Фантина, какой это чудесный городъ, если бѣ вы знали!.. Навѣрное, онъ понравился отъ вѣтра волосы американки касались его щеки, но онъ былъ такъ любите все оригинальное...

— Я надѣюсь побывать въ немъ, — заявила миссисъ Вудъ.

— Развѣ вы собираетесь въ Россію?

— Разумѣется. Я намѣрена продлить свое путешествіе какъ можно дольше. Сейчасъ, напримѣръ, мнѣ такъ хорошо, такъ весело... Дома было гораздо скучнѣе.

Она устремила задумчивый взглядъ въ окно, мимо котораго скользила взволнованная масса воды, обдавая брызгами и плѣной наполовину опущенныя стекла. Нерадовъ оставилъ свое кресло-качалку и присоединился къ ней на диванѣ, огибавшемъ стѣны гостиной. Ихъ головы сблизились настолько, что растрепавшіеся отъ вѣтра волосы американки касались его щеки, но онъ даже не замѣчалъ этого.

За полторы недѣли плаванія инженеръ успѣлъ привыкнуть къ обществу своей спутницы. Когда пререшь первый порывъ изумления, вызваннаго поступкомъ миссисъ Фантины, въ его душѣ безсознательно пробудилось чувство, похожее на благодарность къ этой дѣвушкѣ, добровольно раздѣлившей съ нимъ опасное путешествіе и окружавшей его такой трогательной заботливостью. Ихъ каюты не были смежными, но въ теченіе дня молодые люди почти не разлучались, и эта постоянная близость способствовала тому, что отношеніе инженера къ миссисъ Вудъ

На английскомъ фронтѣ

У водополя.

начало измѣняться. Она уже не раздражала его, какъ прежде. Болѣе того, онъ сознавалъ, что не можетъ считать ее чужой, потому что до извѣстной степени несетъ отвѣтственность за ея судьбу. Даже къ ея недостаткамъ онъ научился относиться болѣе снисходительно, уже не рѣшаясь осуждать слишкомъ строго эту дѣвушку, искалѣченную уродливымъ воспитаніемъ. Какъ знать, быть-можетъ, въ иныхъ условіяхъ она была бы совсѣмъ другой...

Гостиная, убранная тропической зеленью и перегороденная на части легкими колоннами, образовала рядъ укромныхъ уголковъ. Увлеченные созерцаніемъ, молодые люди не замѣтили, какъ въ одномъ изъ этихъ уголковъ неслышно поднялась съ дивана человѣческая фигура, о присутствіи которой они не подозревали. Черный квакеръ тихо, какъ кошка, прошелъ черезъ комнату и поднялся на палубу. Онъ появлялся въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ парохода. Его характерную фигуру въ высокой цилиндрической шляпѣ и съ Библией въ рукахъ одинаково хорошо знали какъ пассажиры перваго класса, такъ и бѣдняки съ третьей палубы. Онъ не разговаривалъ подолгу ни съ кѣмъ, но на пароходѣ не было, кажется, пассажира, съ которымъ онъ не обмѣнялся бы хотя двумя-тремя словами. Онъ какъ будто искалъ популярности, которая могла облегчить ему доступъ всюду, куда онъ пожелалъ бы проникнуть.

Въ концѣ коридора въ центральной части судна дверь съ надписью, воспрещавшей входъ постороннимъ, вела въ камеру радиотелеграфиста. Сквозь стекло въ верхней части этой двери видны были голубыя молніи, съ равномерными промежутками освѣщавшія темный коридоръ. Дверь была не заперта. Квакеръ толкнулъ ее и неслышно появился передъ чиновникомъ, погруженнымъ въ свою работу.

— Сюда нельзя!—сказалъ телеграфистъ.—Постороннимъ входъ воспрещается.

— Я не посторонній. Я—гласъ Божій въ пустынь.

Не отходя отъ двери, онъ повернулъ ключъ въ замкѣ. Телеграфистъ поднялся съ мѣста, но ему не пришлось сдѣлать ни шагу впередъ: прямо на него смотрѣли дула двухъ браунинговъ.

— Лучше не шумѣть,—сказалъ квакеръ.—Поднимите эту записку, которую я сейчасъ бросилъ на полъ, и прочтите ее. Это телеграмма. Надо сейчасъ же передать ее по аппарату.

— Кому вы сообщаете эти свѣдѣнія?—спросилъ чиновникъ, взглянувъ на записку.—Для частныхъ дѣлешъ на пароходѣ нѣтъ особое отдѣленіе,—почему вы не обратитесь туда?

— Германскому крейсеру, который долженъ быть поблизости. Не бойтесь, пароходъ не будетъ потопленъ. Придется только выдать, какъ военнообязаннаго и плѣнника, упоминаемое въ теле-

граммѣ лицо. Вообще, все это дѣло ничуть васъ не касается; и васъ прошу только поторопиться.

Телеграфистъ отрицательно покачалъ головой.

— Я не имѣю права принимать никакихъ частныхъ телеграммъ. Вы говорите, что мнѣ нѣтъ до нея дѣла,—я отвѣчаю: мнѣ нѣтъ дѣла вообще до васъ и до германскихъ крейсеровъ. Я не состою на нѣмецкой службѣ и принимаю присягу. Вы можете меня убить, но требованія вашего я не исполню. Я—англичанинъ.

— Неправда. Ты не англичанинъ, мой сынъ. Ты ирландецъ; тебя зовутъ Патрикъ О'Белль.

Онъ подошелъ ближе и положилъ руку на плечо телеграфиста.

— Да, ты ирландецъ, сынъ зеленого Эрина, прекрасной и свободной страны, которую вотъ уже два вѣка Англія попираетъ своей нечистой пятой. Но часъ освобожденія близокъ! Скоро твой братъ свергнетъ ненавистное иго. Чаша геріѣнія Господня исполнилась, императоръ Вильгельмъ—посланникъ гнѣва, занесшій карающій мечъ надъ обреченнымъ островомъ грѣха. Его солдаты и корабли несутъ вамъ свободу. Не пытайся остановить то, что назначено судьбой,—иначе ты совершишь тяжелое преступленіе передъ своей совѣстью! Вспомни объ униженіяхъ, которыми подвергались твои сородичи! Вспомни о томъ, какъ они бѣжали, точно евреи въ пустыню, на берега Новаго Свѣта. Развѣ ты самъ, твои родители и близкіе не покинули отчизны, спасаясь отъ тираніи угнетателей?

Онъ все ниже склонялся надъ ирландцемъ, напечатывая ему на ухо свою пламенную рѣчь, которая отъ этого дѣйствовала еще сильнѣе. Свѣтъ лампы падалъ на его лицо, котораго не видѣлъ телеграфистъ; бритое, съ однимъ клочкомъ волосъ на подбородкѣ и сверкающими, какъ угли, глазами, оно походило на лицо дьявола. Когда онъ наконецъ выпрямился, на его сжатыхъ губахъ играла торжествующая улыбка.

Спустя минуту на мачтахъ радиотелеграфа запыржали синіе огоньки, и сухой дробный стукъ, похожій на стукъ пулемета, слился съ равномернымъ дыханіемъ машины.

VII.

На слѣдующій день океанъ былъ спокоенъ. Тихо и нѣжно ласкался онъ къ пароходу, отражая въ своемъ голубомъ зеркалѣ фантастическую поэму облаковъ всевозможныхъ формъ и оттѣнковъ. Тамъ вставали ажурныя арки изъ розоваго перламутра, воздвигались очертанія волшебнo-красивыхъ городовъ, протягивались цѣпи горъ, перерѣзанныхъ мрачными ущельями. На востокѣ, надъ берегами Европы, до которыхъ оставались еще сотни миль,

это облачное царство разбивалось, как сонъ, уступая мѣсто прозрачной и ровной синевѣ, сливающейся съ морскимъ горизонтомъ.

На своей излюбленной скамьѣ Нерадовъ и Фантина любовались этой феерической панорамой. Миссисъ Вудъ во время путешествія отступила отъ своихъ привычекъ въ области туалета: она одѣвалась теперь очень просто, быть-можетъ, угадывая женскимъ чутьемъ своеобразный, съ ея точки зрѣнія, вкусъ молодого человѣка. Разумѣется, она только выигрывала отъ этого. На облачномъ фонѣ неба ея головка въ простой бѣлой шляпѣ была такъ очаровательна, что Георгій Николаевичъ невольно залюбовался ею.

Между молодыми людьми происходилъ разговоръ, немыслимый еще нѣсколько дней тому назадъ. Фантина спросила, къ кому онъ такъ нетерпѣливо стремится въ Россію, и кто изъ близкихъ ожидаетъ его на родинѣ. Отвѣчая ей, Нерадовъ началъ рассказывать о своей жизни и мало-по-малу отдался этимъ воспоминаніямъ. Здѣсь, наединѣ съ внимательной и сочувствующей слушательницей, лицомъ къ лицу съ величавымъ просторомъ океана, онъ едва не впервые почувствовалъ, какъ, въ сущности, пуста и одинока была до сихъ поръ его жизнь, ненужная никому, не согрѣтая ничѣй привязанностью, — почти безцѣльная.

— Неужели вы никого не любите? — спросила Фантина.

— Нѣтъ, никого.

— Вы удивительный человѣкъ. Я слышала, что ваши русскія дѣвушки по красотѣ считаются первыми въ Старомъ Свѣтѣ. Одинъ мой знакомый уѣхалъ въ началѣ войны съ санитарнымъ отрядомъ въ Россію и оставилъ тамъ свое сердце, бѣдняжка. Вы молоды и интересны, ваши миссисъ должны бѣгать за вами. Наверное, онъ такъ и дѣлаетъ. Правда? Ну, конечно; въ такихъ вещахъ не принято сознаваться. За мной тоже ухаживаютъ многие, — продолжала она послѣ паузы. — Къ моему несчастью, я очень богата, какъ вы знаете.

— Да, но кромѣ того вы очень красивы, — отвѣчалъ инженеръ, слегка покраснѣвъ отъ такого комплимента, сорвавшегося неожиданно для него самого.

Миссисъ Вудъ приняла этотъ комплиментъ совершенно спокойно, какъ должное.

— Да, правда. Но, по-моему, красота женщины немногимъ лучше богатства. Меня интересуетъ, кто изъ моихъ поклонниковъ остался бы при мнѣ, если бы въ одинъ прекрасный день я потеряла и то и другое?

Нерадовъ былъ пораженъ. Онъ никакъ не ожидалъ слышать что-либо подобное отъ этой эксцентричной дочери миллиардера. Ему показалось, что рядомъ съ нимъ сидитъ не та миссисъ Фантина, которую онъ зналъ, которая влекла его, правда, но въ то же время и отталкивала. Неужели онъ никогда не понималъ ея? Неужели онъ такъ грубо ошибался въ этой хорошей, сердечной дѣвушкѣ?

— Если бы я былъ вашимъ поклонникомъ, миссисъ, — вырвалось у него, — я думаю, что мои отношенія къ вамъ не измѣнились бы отъ такой потери.

Американка отвѣтила ему такимъ взглядомъ, отъ котораго его глаза въ свою очередь широко раскрылись, и сердце дрогнуло, какъ будто пробуждаясь отъ долгаго сна, томительно сладкимъ предчувствіемъ.

— Я тоже такъ думаю, мистеръ Джорджъ. И вотъ именно поэтому...

Она не договорила.

Внизу, подъ бортомъ, послышался глухой ударъ, и фонтанъ воды на одно мгновение поднялся надъ рѣшетчатой балюстрадой.

Гигантскій пароходъ застоялъ до основанія. Мина, выпущенная подводной лодкой, приближенія которой никто не замѣтилъ, поразила его въ самое опасное мѣсто — въ середину борта, какъ разъ противъ машиннаго отдѣленія. Не успѣлъ замолкнуть первый вопль ужаса, вырвавшійся изъ нѣдръ смертельно-раненаго судна и далеко разнесшійся надъ океаномъ, какъ новый звукъ, еще болѣе ужасный и трагическій, покрылъ его: грохотъ взрыва паровыхъ котловъ, довершившаго катастрофу. Столбъ дыма, окрасившійся снизу бѣглымъ отблескомъ пламени, взвился надъ

„Абукиромъ“, и корпусъ парохода сразу сломался пополамъ, съ такой легкостью, какъ будто онъ былъ сдѣланъ изъ картона.

Тогда началась агонія судна, короткая и ужасная. Такія катастрофы, уносящія тысячи человѣческихъ жизней, происходятъ на протяженіи нѣсколькихъ минутъ: это та же молнія, только не падающая съ неба, а направляющая свой ударъ изъ бездны.

Кормовая часть почти мгновенно пошла ко дну. На томъ мѣстѣ, гдѣ за минуту передъ тѣмъ возвышалась нарядная палуба, полная здоровыхъ, веселыхъ, улыбающихся людей, которые видѣли уже передъ собой благополучный конецъ путешествія, теперь крутился какой-то ужасный водоворотъ изъ пѣны, обломковъ и человѣческихъ тѣлъ. Среди убитыхъ, исковерканныхъ, обваренныхъ и обуглившихся оставшихся въ живыхъ барахтались, наполняя воздухъ дикими воплями, которые заглушались пронзительнымъ свистомъ и шипѣніемъ пара, ползущаго по водѣ гигантскими бѣлыми клубами, какъ низринувшееся съ неба облако.

Въ эту пучину ужаса носовая часть парохода, еще державшаяся на поверхности, благодаря непроницаемымъ переборкамъ, обрывалась, какъ лѣстница, крутая и скользкая, нижнія ступени которой были послѣдней надеждой тѣхъ, кто погибалъ рядомъ. Эта лѣстница поднималась вверхъ на головокруглительную высоту. Борты, вдоль которыхъ трепались по вѣтру лохмотья разорванныхъ тентовъ, мостики, рубки, лѣстницы и погнувшіяся изуродованныя трубы — все это располагалось почти вертикально къ волнамъ. Людской потокъ, инстинктивно хлынувшій сюда въ моментъ взрыва, неудержимо стремился по этой наклонной плоскости внизъ, къ гибели, которую старались отдалить хотя на мгновение несчастные безумцы, вмѣстѣ посѣдѣвшіе отъ ужаса, почти утратившіе человѣческій обликъ. Команда парохода, вѣрная долгу, самоотверженно старалась удержать этотъ потокъ и прежде всего открыть дорогу къ спасенію женщинамъ и дѣтямъ. Вертикальное положеніе носовой части до крайности затрудняло спускъ лодокъ. Еще висѣвшія надъ бездною, онѣ наполнялись людьми, которые убивали другъ друга за мѣсто на переполненныхъ скамьяхъ; цѣпи не выдерживали тяжести и обрывались: лодки, переворачиваясь въ воздухѣ вмѣстѣ съ пассажирами, исчезали въ волнахъ. Страшный гулъ тысячъ головъ, въ которомъ сливались вопли, проклятія, молитвы, отрывочныя слова команды и дикій хохотъ внезапно лишившихся разсудка, поднимался къ спокойнымъ, безстрастнымъ небесамъ.

Между тѣмъ непроницаемыя переборки одна за другой уступали напору воды. Носовая часть затрепетала въ свою очередь. Этотъ островъ призрачнаго спасенія, возвышавшійся надъ бездною, мало-по-малу поглощался ею. Погруженіе этого гиганта развело крупныя волны, глотавшія одну за другой тѣ изъ лодокъ, которыя удалось спустить благополучно. Въ послѣднюю минуту Нерадовъ, очутившійся у борта носовой части, увидѣлъ, какъ во снѣгъ, рядомъ съ собою черную физиономію Джо и почувствовалъ, какъ его тѣло, отдѣленное отъ досокъ палубы, колеблется въ воздухѣ. Онъ не успѣлъ понять, что это значить. Мракъ и безмолвіе окутали его со всѣхъ сторонъ.

Съ удовольствіемъ на позиціи.

Акварель М. Грекова.

На англійскомъ фронтѣ.

Молитва передъ наступленіемъ.

VIII.

Сознаніе возвращается къ нему минутными проблесками. Онъ видитъ тогда волнующееся море, бортъ лодки и склоненное надъ нимъ женское лицо, знакомое, но котораго онъ никакъ не можетъ припомнить. Гдѣ онъ видѣлъ это лицо?

Онъ ищетъ, лихорадочно ищетъ отвѣта на вопросъ, и лодка, заброшенная въ безпредѣльную пустыню океана, полная чудомъ спасшихся отъ смерти бѣглецовъ, исчезаетъ.

Передъ нимъ родныя улицы Москвы, тѣ же, какими онъ ихъ покинулъ такъ давно.

Мягкій вечерній воздухъ напоенъ колокольнымъ звономъ. Уже мартъ мѣсяць. Страстная недѣля началась. Какъ хорошо! Вѣтеръ поетъ призывную пѣсню въ вершинахъ деревьевъ, еще оголенныхъ, но уже побѣдившихъ долгую враждебную зиму. Чувствуется близость весны. Онъ идетъ по бульвару, передъ нимъ мелькаетъ фигура какой-то дѣвушки. Онъ не знаетъ, кто эта дѣвушка. Но вотъ она оборачивается и смотритъ на него съ нѣжной стыдливой улыбкой, — и сейчасъ же колокола начинаютъ звонить громче, и въ воздухъ, еще холодномъ, чувствуется запахъ цвѣтовъ. Какъ громко звонятъ колокола... Нѣтъ, это что-то другое. Чтѣ же? А! Это машины работаютъ на заводѣ. Маховыя колеса и поршни несутся въ какомъ-то вихрѣ, похожемъ на дьявольскій танецъ. Какая безумная скорость! Да, да—вѣдь это его изобрѣтеніе. Пушки, снаряды, оружіе, оружіе безъ конца. Откуда среди пулеметовъ и гаубицъ эти золотые персидскіе шлемы? Точно красныя драпировки, замыкаются кругомъ комнаты, испещренныя восточными надписями. Дѣвушка, которая улыбалась ему при звукахъ колоколовъ, снова передъ нимъ, но теперь она печальна, она шепчетъ ему о своей красотѣ и своемъ богатствѣ, которыя помѣшаютъ ей найти счастье. Она одинока; она тоскуетъ и готова отдать ему свое сердце, а онъ... Чтѣ же отвѣтилъ онъ на этотъ призывъ? Онъ не помнитъ... Дѣвушка продолжаетъ говорить, и голосъ ея мало-по-малу переходитъ въ стонъ.

Нѣтъ, это стонъ волн, которыя качаютъ затерянную въ океанѣ лодку. Сознаніе, пробудившееся снова, пронизываетъ его острымъ ужасомъ. Гдѣ она? Чтѣ съ нею? Черная физиономія рядомъ: это Джо, тотъ, кто спасъ его, вынесъ на рукахъ изъ нылающаго кюстра гибели и бросилъ въ эту скорлупу, — единственную, которая можетъ спасти его жизнь. Гдѣ же „она“? Неужели погибла? Нѣтъ, нѣтъ, — этого не можетъ быть. Зачѣмъ же онъ живъ тогда?

Лодка полна людей. Здѣсь женщины съ дико блуждающими глазами, плачущія дѣти, мужчины, неподвижные и безмолвные, какъ выходцы изъ царства тѣней. Германская мина уничтожила „Абукиръ“: его пассажиры и команда погибли, спаслась только эта ничтожная горсточка, и онъ среди нея. Значитъ, его жизнь еще нужна кому-то...

Мысль снова начинаетъ измѣнять ему. Волны роищутъ близко, какъ будто въ самомъ его мозгу. Небо еще свѣтлое, но надъ лодкой сгущается тьма. И вдругъ, точно яркій проблескъ, ее озаряетъ взглядъ, въ которомъ — онъ чувствуетъ — его спасенье. И съ этимъ взглядомъ онъ снова погружается въ Nirvanу молчанія и мрака.

Нерадовъ очнулся послѣ долгого-долгого забытья.

Гдѣ онъ? Просторная комната, вся бѣлая, съ очень низкимъ потолкомъ. Подлѣ него раскрытый иллюминаторъ: значитъ, онъ въ пароходной каютѣ. Койка, застланная свѣжимъ бѣльемъ, не колыхается подъ нимъ, ему хорошо и покойно лежать, и боли онъ не чувствуетъ. Приятная слабость сковываетъ его члены. Онъ не хочетъ ни о чемъ думать, не хочетъ вспоминать ничего. Онъ только съ усиліемъ напрягаетъ легкія, вдыхая живительный воздухъ, который льется изъ иллюминатора.

Какая-то человѣческая фигура вырастаетъ вдругъ въ ногахъ его койки. Да вѣдь это Джо! Милый, вѣрный Джо, оказывается, сторожилъ, какъ собака, его пробужденіе. Нерадовъ улыбается ему, ласково киваетъ, головой, и физиономія негра широко расплывается въ свою очередь. Онъ подходитъ ближе, протягивая инженеру огромный букетъ розъ. Откуда эта роскошь здѣсь, въ корабельной каютѣ? Молодой человѣкъ прячетъ лицо въ ароматной, влажной массѣ цвѣтовъ, и когда поднимаетъ глаза снова, негра уже нѣтъ: передъ нимъ въ рамѣ бѣлыхъ стѣнъ появилась новая картина, при видѣ которой онъ дѣлаетъ усиліе приподняться. Миссисъ Вудъ спѣшитъ къ нему, протягивая обѣ руки.

— Вы пришли въ себя! Слава Богу, слава Богу, — если бы вы знали, какъ я рада. Лежите, лежите, вамъ нельзя шевелиться... Ахъ, какъ я счастлива!

Осторожно садится она на скрипящую койку. Отъ ея прежней, слишкомъ рѣзкой порывистости не осталось и слѣда; ея движенія мягки, она говоритъ тихимъ голосомъ, вибрирующимъ отъ волненія, какъ струна виолончели. Въ короткихъ словахъ она рассказываетъ, какъ ихъ лодку подобралъ въ океанѣ датскій пароходъ, какъ долго мистеръ Джорджъ былъ безъ сознанія. Она умалчиваетъ о томъ, что его жизнь долго висѣла на волоскѣ, и выздоровленіе пришло почти чудомъ: пустяки, просто упадокъ силъ отъ нервнаго потрясенія и послѣдствія легкаго ушиба при спускѣ въ лодку. Черезъ нѣсколько часовъ они будутъ въ Коненгагенѣ, а оттуда уже недалеко до Россіи.

— Можно мнѣ проводить васъ туда? — спрашиваетъ она робко, почти съ мольбою. Нерадовъ, слишкомъ взволнованный, чтобы отвѣчать, только сжимаетъ ея руку. Нѣжный румянецъ вспыхиваетъ на лицѣ дѣвушки, похудѣвшей и блѣдной; теперь это лицо еще прекраснѣе, потому что сдѣлалось болѣе одухотвореннымъ. Она поняла это пожатіе, слабое, но трепещущее всей силой воскресающей жизни. На ея рѣсницахъ выступаютъ слезы.

— Простите, простите меня! Это я виновата во всемъ. Я едва не погубила васъ, мое безуміе чуть не стоило вамъ жизни. Скажите, чѣмъ я могу искупить мою вину передъ вами?

Ея вина! Нерадовъ высоко поднимается на подушкахъ, какъ будто хочетъ встать для отвѣта. Но онъ слишкомъ слабъ: Фантина спѣшитъ поддержать его, и голова больного безвольно склоняется къ ея плечу.

Пароходъворачивается въ эту минуту. Широкая полоса трепещущаго горячаго золота медленно ложится на неподвижную группу: солнце заглянуло въ иллюминаторъ, какъ будто для того, чтобы благословить расцвѣтъ прекраснаго человѣческаго счастья.

И молодымъ людямъ кажется, что въ цѣломъ мірѣ это солнце видятъ только они.

Призракъ.

Разсказъ Э. Аракура.

Насъ было трое: два молодыхъ подпоручика и я. Они спорили о будущемъ литературы, не вѣря въ романъ завтрашняго дня.

— Насъ ничѣмъ не удивишь, сударь! — говорилъ одинъ изъ нихъ. — Можно ли будетъ придумать что-либо такое, что не случилось бы за эти два года драмъ? Все непытано! Если бы каждый сумѣлъ разсказать свою исторію, то не нашлось бы въ Европѣ ни одного человѣка, который не могъ бы повѣствовать о душераздирающемъ или фантастическомъ приключеніи. Слышали вы исторію Роберта? — Это истинная исторія, которая переходитъ за предѣлы вѣроятнаго. Разскажи-ка, Робертъ! Не ломайся, старина; все равно въ концѣ концовъ разскажешь. Мы слушаемъ тебя.

— Хорошо. Это было... Вотъ... Вы помните, въ самомъ началѣ войны, въ тяжелые августовскіе и сентябрьскіе дни, и даже послѣ Марны, большимъ моральнымъ зломъ было отсутствіе вѣстей. Не знали, кто живъ, кто мертвъ; между нами, сражавшимися, и тѣми, кто остался въ тылу, вырыли пропасть молчанія. Случайно или нарочно, — насъ держали въ отдаленіи: письма съ родины доходили къ намъ недѣли черезъ двѣ, а наши совѣтъ не получались. Мы жили, точно изгнанники или какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе на необитаемомъ островѣ; кромѣ того, что касалось своей части, роты, не знали ничего, и все остальное въ мірѣ казалось смутнымъ сномъ съ проблесками далекихъ воспоминаній.

„Вы поймете, какъ я обрадовался, когда въ одинъ прекрасный вечеръ встрѣтилъ у деревенскаго колодца брата Андря; онъ былъ переведенъ въ мою роту. Съ тѣхъ поръ жизнь стала иной для насъ обоихъ: Андря — мой младшій братъ, а старше его на три года. Онъ мой любимецъ; когда-то я научилъ его ходить и съ тѣхъ поръ постоянно охраняю его. На войнѣ хорошо, если имѣешь, о комъ заботиться: меньше думаешь о себѣ; когда сыплется шрапнель, занять другимъ, вмѣсто того, чтобы дрожать за собственную шкуру. Я не шучу: это крайне цѣнно, и эта потребность безусловно не чужда тѣмъ глубокимъ узамъ дружбы, которыя завязываются на фронтѣ и бываютъ такъ сложны, ибо въ нихъ есть все: любовь материнская, любовь сыновья и даже любовь въ обычномъ смыслѣ...“

„Словомъ, мы были счастливы въ предѣлахъ возможнаго. Такъ прошло три недѣли. Потомъ однажды, рано утромъ 15-го октября, въ Б., насъ разбудили. Приказъ идти въ атаку: взять неприятельскій окопъ. Нужно было перейти черезъ поле, осыпаемое снарядами и картечью. Вотъ и моментъ выступленія! Я буду кратокъ: намъ всеѣмъ знакома психологія пяти минутъ, предшествующихъ выходу изъ траншеи. Андря, немного поблѣднѣвшій, былъ подлѣ меня. Я смотрѣлъ на его осунувшееся лицо, и мнѣ было больно за него. „Можетъ-быть, въ послѣдній разъ видимся“... Мы обнялись и — маршъ впередъ! — Мы бѣжали бокомъ о бокъ, во всякомъ случаѣ, на разстояніи не больше трехъ метровъ одинъ отъ другого. Я не терялъ его изъ виду; онъ оправился, страхъ прошелъ, онъ кричалъ и свирѣпо смѣялся. Идетъ на ладъ! Мы бросаемся на бошей; вдругъ Андря падаетъ.“

„Я забываю все, бѣгу къ нему: онъ недвижимъ, съ раной въ головѣ. У меня нѣтъ больше брата.“

„Ахъ, мой бѣдный, бѣдный мальчикъ! Стой же, я отомщу за тебя!“

„Мнѣ казалось, что все для меня потеряно, что міръ сразу опустѣлъ. Я ни о комъ больше не думалъ: ни о матери, ни объ отцѣ, ни о друзьяхъ, а о себѣ самомъ — меньше. Чѣмъ о комъ бы то ни было другомъ. Я помнилъ одно: что долженъ отомстить. — и молилъ только о томъ, чтобы мнѣ дано было достаточно времени, чтобы рубить и колоть — груды головъ, гору тѣлъ принести въ жертву на его могилѣ!.. Ахъ!.. и поработалъ же я! Я обезумѣлъ... Не помню точно, что происходило въ неприятельскомъ окопѣ; вѣроятно, я и тогда не понималъ, что творится. Я убивалъ, убивалъ... Мы расположились среди труповъ.“

„Ночью я вернулся назадъ съ лопатой, чтобы отыскать Андря. Я нашелъ его. Онъ похолодѣлъ. Пуля, попавъ въ лобъ, прошла насквозь. Я промылъ рану виномъ, отрѣзалъ прядку волосъ, взялъ бумаги Андря и все, что нашелъ въ его

карманахъ, чтобы отправить матери на память о немъ. Потомъ, вырывъ яму, поцѣловалъ его въ лобъ, пахнувшій кровью и виномъ; уложилъ, засыпая землей... Пока я работалъ, все носилось вокругъ: поля, лѣсъ и холмы. Я возвратился въ захваченный нами окопъ и легъ.“

„На слѣдующій день бои также стали мстить за своихъ убитыхъ. Съ самой зарей они принялись яростно обстрѣливать насъ. Держаться на мѣстѣ было трудно. Земля, казалось, кипѣла вокругъ насъ. Въ общемъ, они дѣлали перелеты, — влѣдствіе ли дурного прицѣла, или чтобы не давать снабжать насъ пищей и подходить смѣнѣ. Это, впрочемъ, не повело ни къ чему. Насъ смѣнили, и снаряды продолжали взрывать землю вокругъ нашихъ преемниковъ.“

„Тогда, на досугѣ, я написалъ отцу; я не посмѣлъ писать матери: пытался, но не могъ. Я послалъ имъ прядь волосъ, бумаги, — все, что нашелъ на Андря. Его оплакали; но немъ отслужили панихиду, разослали увѣдомленія. Все было кончено.“

Поручикъ замолчалъ, и я подумалъ, что онъ ждетъ отъ меня слова соболѣзнованія. Хотѣлъ что-нибудь сказать — кое-какъ, стыдясь повторять предъ лицомъ такого горя фразу, сказанную уже столькимъ другимъ. Но молодой человѣкъ вдругъ расхохотался.

— Кончено? Вы думаете? Ничуть не бывало. Исторія только начинается. Я преподнесъ вамъ прологъ, а было обѣщано привидѣніе...“

Признаюсь, его веселое настроеніе показалось мнѣ непонятнымъ, и я подумалъ, не пьянъ ли онъ.

— Прошелъ мѣсяцъ; мама въ траурѣ, молится за душу усопшаго. Вдругъ въ срединѣ ноября мои родители получаютъ извѣщеніе изъ какого-то этапнаго лазарета: старшій врачъ сообщаетъ, что братъ мой на пути къ выздоровленію.

— Какъ?

Отецъ отвѣчаетъ, что его сынъ Андря убитъ тогда-то, тамъ-то. Врачъ настаиваетъ: именно въ этомъ мѣстѣ подобралъ раненаго въ голову; ему сдѣлали трепанацію черепа, и выздоровленіе близко.

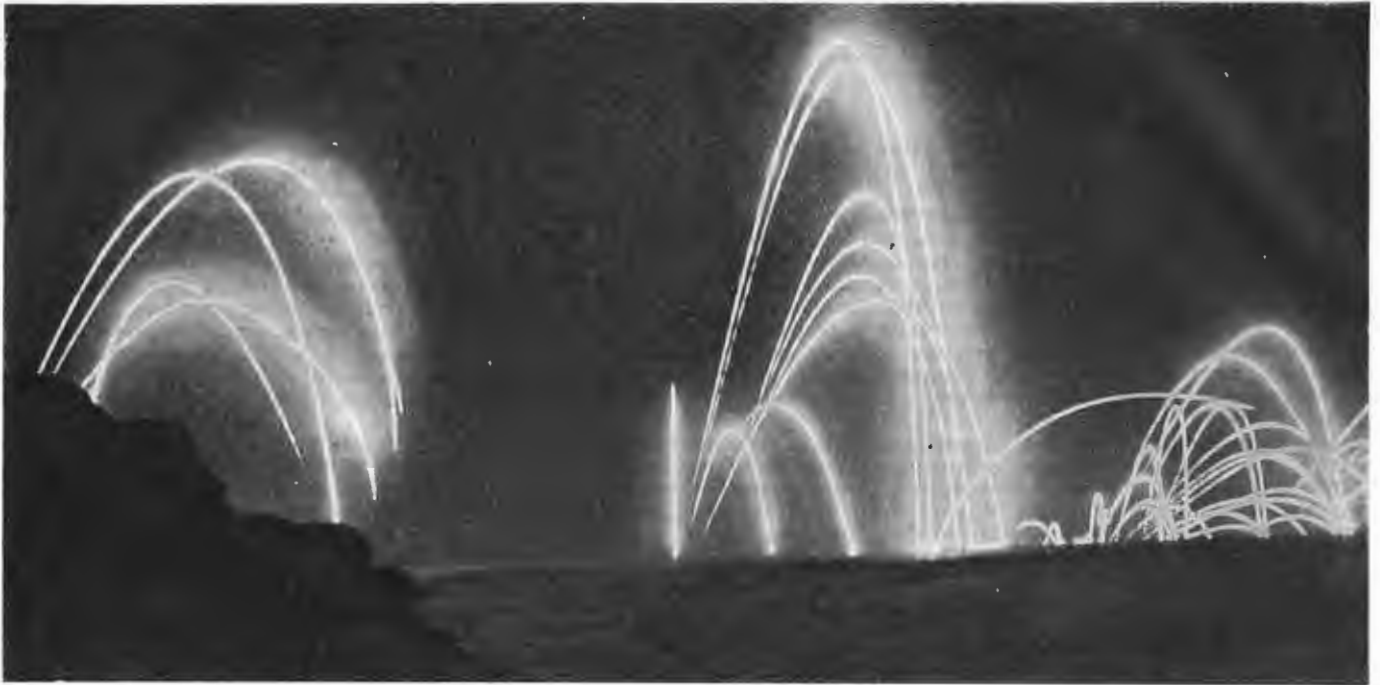
— Вы похоронили его собственными руками?

— Да, но послѣ этого германскіе снаряды милосердно откопали Андря, а французскіе санитары нашли его: онъ еще дышалъ... Да, сударь, говорю же вамъ!.. Я видѣлъ его, моего маленькаго Андря! Когда я былъ въ отпуску, я повидалъ „призракъ“ того, кого опустилъ въ землю. Какъ мы обнимались!.. Онъ не сердится на меня, — хотя имѣетъ право на это. Онъ смѣется, и я — за нимъ слѣдомъ; и все же меня пробираетъ дрожь, когда я смотрю на него и вспоминаю, что заживо похоронилъ его. Ибо нельзя отрицать: если бы снаряды бошей, я былъ бы братоубійцей. Я думаю даже, что мама никогда не проститъ мнѣ этого.

На англійскомъ фронтѣ.

Вѣчная память.

На западномъ фронтѣ.

Въ первую ночь наступленія на Соммѣ. Непріятель въ огнѣ.

24 километра въ 30 часовъ.

Разсказъ М. Левеля.

Между нами и ними вдругъ простеръ свою тайну лѣсъ, до того скрывавшійся отъ нашихъ глазъ за холмомъ. Уставъ двѣ ночи и цѣлый день преслѣдовать неуловимаго врага, люди улеглись.

— Что мы будемъ дѣлать?—спросилъ капитанъ.

Батальонный указалъ на растянувшихся на землѣ солдатъ:

— Прежде всего выспимся. Потомъ двинемся въ путь. Но раньше, чѣмъ сдѣлать хоть шагъ дальше, я хотѣлъ бы знать, что происходитъ по ту сторону лѣса... Только для этого мнѣ нужно человекъ тридцать команды и охотника изъ старшихъ чиновъ... Нужно сдѣлать послѣднее усиліе. Люди... вы видите, что съ ними... а старшій чинъ... у меня не осталось ни поручика ни подпоручика.

— Люди, если поискать въ батальонѣ, я думаю, найдутся, — возразилъ капитанъ. — Что же касается старшаго чина, то у меня онъ есть: сержантъ Гитто, скороходъ, чемпионъ міра.

— Такъ позовите его.

Сержантъ явился.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сержантъ,—сказалъ батальонный командиръ,—необходимо пробраться черезъ лѣсъ, произвести развѣдку по его опушкѣ на четыре-пять верстъ вглубь и тотчасъ же вернуться; въ общемъ пройти километровъ сорокъ пять. Вамъ дадутъ людей. Скажите откровенно: беретесь вы сдѣлать это?

— Да, господинъ командиръ.

Четверть часа спустя маленькій отрядъ двинулся въ путь. Видно было, какъ онъ пересѣкъ поле и вступилъ въ лѣсъ.

Часовъ въ десять остановились на полянкѣ... Потомъ, въ полдень, очутившись у ручья, пересохшаго отъ лѣтняго зноя, Гитто подумалъ:

„Хорошая траншея въ случаѣ, если бы насъ атаковали!“

Около двухъ часовъ лѣсъ сталъ рѣдѣть, и показалась равнина. Солдаты принялись ползти: они уже различали деревенскіе дома, когда въ трехъ или четырехстахъ метрахъ впереди мелькнула въ травѣ остроконечная каска.

— Стой! Кру-у-гомъ!—шопотомъ скомандовалъ Гитто.

Но ихъ уже привѣтвовала сдѣланный неудачу залпъ.

Кое-какъ, то ползкомъ, то перебѣжкой, солдаты добрались до первыхъ деревьевъ.

— Слушайте внимательно!—сказалъ Гитто.—Времени терять нельзя: побѣжимте, и поскорѣе. Если въ насъ будутъ стрѣлять, никому не отвѣчать; если кто-либо изъ насъ упадетъ, будетъ взятъ въ плѣнъ и подвергнутъ допросу, отвѣчать, что мы

составляемъ дозоръ; батальонъ въ двухъ километрахъ, а за нимъ весь полкъ. Тогда они, можетъ-быть, побоятся насъ преслѣдовать.

Солнце начинало садиться. Какъ разъ въ это мгновеніе въ лѣствѣ разорвался снарядъ. Горнистъ Мюло вскрикнулъ, падая къ ногамъ своихъ товарищей:

— Ахъ, негодяи! Они перебили мнѣ ноги... Но вѣдь вы не покинете меня...

— Бѣдный мой...—началъ Гитто.

Но второй, затѣмъ третій снарядъ разорвались довольно далеко позади, а справа затрещала ружейная пальба.

На западномъ фронтѣ.

Передъ наступленіемъ на Соммѣ. Непріятель во тьмѣ. Взрывъ.

Германский огнеметъ. Изображенный на фотографии аппаратъ служитъ германцамъ для выбрасыванія струи горячей жидкости въ противника. Пламя выбрасывается на расстояние до 100 шаговъ вверхъ, широкая сторона котораго достигаетъ до 60 шаговъ. При этомъ вверхъ поднимаются клубы густого черного дыма. Аппаратъ дѣйствуетъ всего лишь 30—40 секундъ и рассчитанъ почти исключительно на моральное дѣйствіе.

Дымовая завѣса. Въ любой моментъ, по первому сигналу, наши войска окутываютъ себя облакомъ дыма и скрываются съ глазъ непріятеля.

— Стой!—скомандовалъ сержантъ,—мы окружены.
 — Не взять ли намъ влѣво?—предложилъ Мюло, ища въ карманѣ мундира свой индивидуальный пакетъ.
 — Это невозможно: дорога въ ста метрахъ, и насъ тотчасъ же замѣтятъ.
 — А если бы пуститься гимнастическимъ шагомъ прямо?..—отважился Лоре.
 — Да ты развѣ не видишь, что они стрѣляютъ непрерывно?
 — Такъ что же?.. Разъ мы окружены со всѣхъ сторонъ?..

Гитто спокойно отвѣтилъ:
 — Будемъ держаться!..
 Мюло сдѣлалъ себѣ перевязку: двое товарищей посадили его на ружья, и всѣ бѣгомъ добрались до пересохшаго ручья: тамъ залегли.
 По лѣсу, вмѣстѣ съ прохладой, разлилась тьма; наступили сумерки. Снаряды разрывались безпрестанно. Но вскорѣ лѣсная поросль наполнилась шорохомъ, и изъ-за стволовъ деревьевъ выступили движущіяся тѣни. Тогда отрядъ принялъ медленную стрѣльбу, чтобы не тратить попусту патроновъ. Временами слышалось короткое, подавленное: „уфъ!“ и паденье ружья, но ни крика ни стога. Гитто воспользовался передышкой, чтобы обратиться со своими людьми изъ канавы. Двумя километрами дальше бой возобновился. Изъ отряда оставалось только двадцать человѣкъ.

Они побѣжали, сворачивая то вправо, то влѣво, останавливались для стрѣльбы, бѣжали дальше, снова останавливались и стрѣляли безъ передышки, такъ что ихъ можно было принять за цѣлую роту. Непріятель никакъ не могъ приблизиться къ нимъ. Не чувствуя ни голода, ни жажды, ни усталости, они поняли, что наступилъ разсвѣтъ потому, что стали видѣть другъ друга. Атака стихла.

Прижавшись одинъ къ другому, преслѣдуемые не трогались съ мѣста, внимательно слѣдя по сторонамъ, чувствуя, что изъ-за деревьевъ нѣмпы подстерегаютъ каждое ихъ движеніе и ждутъ подкрѣпленія, чтобы одолѣть ихъ.

Около двухъ часовъ дня снова пришлось отбивать атаку. Отрядъ потерялъ еще шестерыхъ. Теперь оставалось только четырнадцать человѣкъ, большею частью раненыхъ, почти безъ силъ. Гитто увѣрилъ товарищей, что, если они продержатся до вечера, онъ приведетъ ихъ къ батальону. Къ шести часамъ, когда они не прошли и пятисотъ метровъ, атака возобновилась. Но настала темнота, и имъ удалось еще разъ ускользнуть. Первая звѣзда зажглась на небѣ, когда они узнали поляну, на которой останавливались наканунѣ утромъ. Они перебѣжали ее сразу, потерявъ еще троихъ: оставалось всего одиннадцать человѣкъ. Здѣсь непріятель совершенно потерялъ ихъ изъ виду. Они прошли такимъ образомъ еще километръ; потомъ все завертѣлось передъ ихъ глазами, лѣсъ наполнился жужжаньемъ, заблесталъ огоньками; ноги ихъ отяжелѣли, точно налились свинцомъ. Они шатались, натыкались другъ на друга, и имъ казалось, что они все еще

идутъ, когда въ дѣйствительности они уже валились наземь, лицомъ въ мохъ, раскинувъ руки.

Сдѣлавъ послѣднее усиліе, Гитто пустился гимнастическимъ шагомъ. Ему показалось сначала, что онъ идетъ легко и бодро. Вотъ онъ напалъ на слѣдъ и ускоряетъ шагъ. Смѣшивая съ прежнимъ занятіемъ свое нынѣшнее дѣло солдата, съ ружьемъ на перевязи, подперши лѣвой рукой бокъ, а правой держась за ружейный прикладъ, онъ точно слышитъ привѣтственный гулъ, возвѣщающій его прибытіе: „Вотъ онъ!.. Вотъ онъ!.. Гитто!.. Одинъ!..“, а самъ повторяетъ слова, которыя скажетъ командиру, чтобы отдать ему отчетъ въ развѣдкѣ: „ихъ арьергардъ занимаетъ деревню, при нихъ батарея“.

Послышался окрикъ:

— Стой! Кто идетъ?

И, не вполне понимая, гдѣ онъ, кто спрашиваетъ, Гитто отвѣтилъ единственными словами, которыя еще помнилъ:

— Ихъ арьергардъ... занимаетъ деревню... при нихъ батарея... Продолжать онъ не могъ, такъ какъ упалъ безъ чувствъ на руки развѣдчиковъ батальона, шедшаго ему на выручку. Было девять часовъ вечера.

Когда на слѣдующій день генералъ поздравилъ его съ отличіемъ, сказавъ, что подвигъ его упомянутъ въ приказѣ по арміи, Гитто сконфуженно извинился, что не могъ возвратиться скорѣе. Онъ еще не вполне пришелъ въ себя, и когда къ его груди приколоты военную медаль, онъ, гордившійся раньше тѣмъ, что покрылъ 18 километровъ 950 метровъ въ часъ, подумалъ, что надъ нимъ смѣются, ибо въ приказѣ было сказано слѣдующее:

„Гитто, сержантъ, награжденъ военнымъ крестомъ и военной медалью. Принужденный отступить передъ значительно превосходящимъ численностью врагомъ, сдѣлалъ, сражаясь, 24 километра въ 30 часовъ.“

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

И. Шумскаго.

Румынская проблема.

Къ серединѣ сентября противникъ заканчивалъ свою новую перегруппировку, и изъ принятаго имъ сосредоточенія войскъ можно было усмотрѣть нѣкоторые признаки, указывающіе на готовящійся натискъ на Румынію. Относительно короткій промежутокъ времени, оставшійся до наступленія ненастныхъ дней, не допускалъ возможности широкихъ операций на главныхъ фронтахъ войны, требующихъ подчасъ цѣлыхъ мѣсяцевъ для своего выполненія, — почему и нѣтъ ничего удивительнаго, что вниманіе Гинденбурга устремилось на новаго противника — Румынію, какъ на главный объектъ операций, притомъ возможныхъ, по условіямъ погоды, почти до декабря мѣсяца.

Насколько можно было судить изъ различныхъ свѣдѣній о перегруппировкѣ войскъ противника, поступавшихъ въ печать, нѣмцы, принявъ оборонительное положеніе на западномъ англо-французскомъ фронтѣ и на большей части нашего фронта, сосредоточили значительныя силы въ Трансильваніи и въ Добруджѣ, а также на той части галиційскаго театра, которая примыкала къ Румыніи. Въ Добруджѣ, какъ извѣстно, во главѣ войскъ противника сталъ Макензенъ, а въ Трансильваніи, какъ это выяснилось изъ германскихъ официальныхъ сообщеній, во

главѣ непріятельскихъ армій сталъ Фалькенгайнъ, перемѣщенный съ пониженіемъ на эту должность съ поста начальника всѣхъ германскихъ армій.

Въ положеніи австро-нѣмцевъ было крайне трудно создать специальную армію для трансильванскаго театра, и имъ пришлось для формировація этой арміи набирать самые разнообразныя контингенты со всѣхъ фронтовъ. Въ составъ трансильванской арміи вошли четыре турецкія дивизіи, затѣмъ отдѣльный корпусъ германскаго генерала Шульца, находившійся еще ранѣе въ Трансильваніи — послѣ пораженія Пфланцера въ Буковинѣ. Затѣмъ, на формироваіе этой арміи пошло 80—90 батальоновъ австрійскаго ландштурма, которые въ началѣ выступленія Румыніи представляли собою все, что австрійцы могли сосредоточить въ Трансильваніи. Еще далѣе, были двинуты сюда 3—4 дивизіи, взятыя частью съ болѣе сѣверныхъ отдѣловъ нашего фронта, частью изъ внутреннихъ гарнизоновъ, а частью даже съ французскаго фронта.

Такимъ „импровизированнымъ“ путемъ нѣмцамъ удалось собрать въ Трансильваніи до 17 дивизій, т.-е., примѣрно, до 350 тысячъ войска самаго разнообразнаго состава. Въ то же время, какъ извѣстно, на фронтѣ Добруджи находилось свыше 300 тысячъ германо-болгаро-турецкихъ войскъ. Наконецъ, на части Галиціи, примыкавшей къ Румыніи, имѣлись войска

Иконостасъ временной (походной) церкви на фронтѣ, сооруженной изъ молодыхъ неочищенныхъ отъ коры березокъ въ одномъ изъ лѣтнихъ бараковъ своднаго полевого запаснаго госпиталя.

На могилах павших воиновъ. Въ воздвигаемой часовнѣ на военномъ кладбищѣ фронта при 11 головномъ эвакуационномъ пунктѣ. Икона нарисована нижнимъ чиновъ. Рѣзная рама изъ фанеры, окрашенная въ национальные цвѣта, сделана воинскими чинами своднаго полевого запаснаго госпиталя.

австрийскаго наследнаго эрцгерцога и рядомъ съ ними армія Ботмера, прикрывавшая Галицское направление.

Изъ этого можно видѣть, что непосредственно противъ Румыніи противникъ сосредоточилъ въ Трансильваніи, примѣрно, до 350 тысячъ войскъ подъ начальствомъ Фалькенгайна, а „на флангахъ Румыніи“ — въ Добруджѣ и въ южной части Галиціи имъ были сосредоточены еще двѣ отдѣльныя массы войскъ — Макензена и австрийскаго наследнаго эрцгерцога. Такое распредѣленіе войскъ въ трехъ массахъ — непосредственно противъ Румыніи и на флангахъ Румыніи — повидимому, указывало на намѣреніе противника вести осеннюю кампанію спеціально противъ нашей новой союзницы. Это, въ свою очередь, выдвигало вопросъ о содѣйствіи Румыніи со стороны остальныхъ союзниковъ.

Такое содѣйствіе, прежде всего, не могло выразиться въ непосредственномъ подкрѣпленіи румынскаго фронта войсками союзниковъ, ибо это, съ одной стороны, вызывало бы естественное ослабленіе главныхъ фронтовъ и въ то же время представляло бы извѣстныя выгоды для противника, стремящагося ослабить испытываемый имъ нажимъ на главныхъ театрахъ при помощи отвлечения союзныхъ войскъ въ сторону Румыніи. Наиболее цѣлесообразнымъ стратегическимъ приемомъ представлялось нанесеніе ударовъ противнику на главныхъ фронтахъ войны, и именно такихъ ударовъ, которые мѣшали бы ему выполнить задуманную большую операцію противъ Румыніи.

Въ силу этого, какъ только обозначилось сосредоточеніе значительныхъ непріятельскихъ силъ противъ румынскихъ фронтовъ, немедленно получили развитіе операціи на всѣхъ тѣхъ фронтахъ, гдѣ противникъ занялъ оборонительное положеніе: на западномъ англо-французскомъ фронтѣ, на нашемъ фронтѣ и на балканскомъ фронтѣ. На западномъ англо-французскомъ фронтѣ наши союзники нанесли новый ударъ противнику на рѣкѣ Соммѣ, въ районѣ къ сѣверу отъ Перрона.

Здѣсь нѣмцы съ самаго начала французскаго наступленія очень упорно удерживали желѣзнодорожный путь, идущій отъ Перрона черезъ Комбль къ Альберу. Кромѣ того, на англійской

части фронта нѣмцы, очистившіе рядъ деревень, упорно удерживались въ деревнѣ Тенваль. Эта деревня Тенваль, противъ англійскаго фронта, и большая деревня Комбль, противъ французскаго фронта, были главнѣйшими опорными точками нѣмецкаго расположенія, при помощи которыхъ противникъ удерживалъ въ своихъ рукахъ желѣзную дорогу Перронъ—Комбль—Альберъ и вообще весь районъ къ сѣверу отъ Комбля.

Поэтому нѣмцы весьма упорно оборонялись въ этихъ деревняхъ, и, когда имъ пришлось очистить рядъ позицій вокругъ Комбля и Тенваля, они оставили въ этихъ деревняхъ „обреченные гарнизоны“, на обязанности которыхъ было держаться какъ можно дольше, — даже до тѣхъ поръ, пока нѣмцы контр-наступленіемъ не вернутъ утерянныя позиціи.

Послѣ обычной артиллерійской подготовки французская пѣхота короткимъ штурмомъ овладѣла деревней Фрежикуръ, а англійская пѣхота деревнями Морваль и Лебефъ. Это окончательно прервало послѣднее сообщеніе Комбля по узкому ущелью, связывавшее его съ тыломъ.

Загѣмъ послѣдовалъ совмѣстный штурмъ англійскихъ и французскихъ войскъ, въ результатѣ котораго палъ Комбль. Спустя некоторое время англичане взяли Тенваль.

Занятіе этихъ деревень сопровождалось значительными потерями нѣмцевъ, гдѣ одно только число плѣнныхъ превысило десять тысячъ человекъ. Сверхъ того, эти операціи, какъ и нѣкоторыя другія, имѣвшія мѣсто за нѣсколько дней до штурма Комбля, вынудили нѣмцевъ вернуть обратно въ районъ Комбля одинъ корпусъ, находившійся въ пути на востокъ, и 214-ю дивизію. Такимъ образомъ три дивизіи, предназначавшіяся для операцій на восточномъ и, повидимому, на румынскихъ фронтахъ, были оттянуты ударами англо-французовъ обратно къ рѣкѣ Соммѣ, и въ этомъ отношеніи операція союзниковъ выполняла задачу содѣйствія Румыніи.

На нашемъ фронтѣ войска генераловъ Сахарова, Щербачева и Лечицкаго, въ свою очередь, нанесли рядъ ударовъ противнику: войска генерала Сахарова — вдоль главной дороги отъ Бродъ на Львовъ и южнѣе этой дороги, войска генерала Щербачева — у Бржезанъ и между Бржезанами и Галичемъ (на рѣкахъ Золотой Липѣ и Нараюкѣ), и войска генерала Лечицкаго — въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, на путяхъ къ сѣверной Трансильваніи.

Эти удары были успешны, и въ результатѣ нѣкотораго продвиженія впередъ всѣ три арміи захватили плѣнныхъ и значительные трофеи: армія генерала Сахарова, въ районѣ Бродъ, взяла въ плѣнъ около 2.000 офицеровъ и нижнихъ чиновъ,

Наши войска на союзномъ фронтѣ въ Салоникахъ.

Съ Богомъ на фронтѣ.

армія генерала Щербачева, въ районѣ къ югу отъ Бржезань, при своемъ стремительномъ ударѣ взяла въ плѣнъ свыше 2.300 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и армія генерала Лечицкаго въ Лѣснестыхъ Карпатахъ взяла въ плѣнъ свыше 2.500 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, четыре орудія, тринадцать пулеметовъ и прочіе трофеи.

Кромѣ этого содѣйствія, которое вылилось въ наступательныхъ операціяхъ на западномъ англо-французскомъ фронтѣ и на нашемъ, армія генерала Саррайля на салоницкомъ фронтѣ вела, въ свою очередь, непрерывные бои, имѣвшіе главнымъ образомъ задачей удержаніе болгарскихъ войскъ отъ переброски ихъ на фронтъ Добруджи.

Здѣсь операціи развились на лѣвомъ крылѣ арміи Саррайля, которое составляли главнымъ образомъ сербскія войска. Послѣ ряда упорныхъ боевъ на весьма трудно доступномъ горномъ хребтѣ Каймакчаланъ сербы овладѣли здѣсь всѣми болгарскими позиціями и съ занятіемъ этого хребта вступили на территорию сербской Македоніи. На крайнемъ, лѣвомъ крылѣ, къ сербскимъ войскамъ примыкала группа франко-русскихъ войскъ, взвѣсившихъ штурмомъ городъ Флорину, на пути къ Монастырю.

Товарищъ председателя Государственной Думы А. Д. Протопоповъ, Высочайше назначенный управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ противникъ, нацѣлившійся на Румынію, вынужденъ былъ считаться съ непрерывными ударами, наносившимися ему на англо-французскомъ фронтѣ, на балканскомъ фронтѣ и на нашемъ фронтѣ. Кромѣ того, въ Добруджѣ армія Макензена была остановлена верстахъ въ пятнадцать отъ линии Черноводы — Констанца и здѣсь стала окапываться.

Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ нашими удачными боями въ Галиціи и въ Лѣснестыхъ Карпатахъ, въ свою очередь, показывало, что „на флангахъ Румыніи“ операціи Мекензена были приостановлены. Оставалась только операція Фелькенгайна, направленная непосредственно изъ Трансильваніи въ Румынію.

Операція эта къ срединѣ сентября развивалась главнымъ образомъ у Германштадта и въ долинѣ рѣки Жіу. Согласно румынскимъ официальнымъ сообщеніямъ, въ районѣ Германштадта наступали значительныя силы противника, окружившія румынскія войска со всѣхъ сторонъ, но румынамъ, послѣ трехъ дней боевъ, удалось прорвать кольцо противника и отойти отъ Германштадта къ югу, — очевидно, къ пограничному проходу Красная Башня (Ротертурмъ).

На салоницкомъ фронтѣ.

Сербскія войска съ боемъ вступили на родную землю. Панихида послѣ боя.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Возвращенные къ жизни. — Фантиня. Разсказъ Георгія Павлова. (Окончаніе). — Призракъ. Разсказъ Э. Аракура. — 24 километра въ 30 часовъ. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Развязка аѳинской драмы. (Политическое обозрѣніе). — Объявленіе. —

Отклики войны.

РИСУНКИ: Возвращенные къ жизни (8 рис.). — На французскомъ фронтѣ. — На англійскомъ фронтѣ (4 рис.). — Съ продовольственнымъ на позиціи. Акварель М. Грекова. — На западномъ фронтѣ (2 рис.). — Дымовая завѣса. — Германскій огнеметь. — Иконостасъ походной церкви на фронтѣ, сооруженной изъ молодыхъ березокъ. — На могилахъ павшихъ воиновъ. — Наши войска на союзномъ фронтѣ въ Салоникахъ. — Товарищъ председателя Гос. Думы А. Д. Протопоповъ, Высочайше назначенный управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — На салоницкомъ фронтѣ.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за октябрь 1916 г. 2) „НОВЫЙШІЯ МОДЫ“ за октябрь 1916 г. съ 45 рис., отдѣльный листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. величину и 80 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

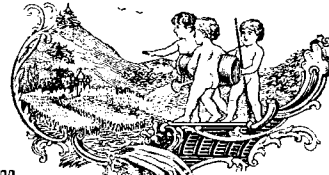

НИВА

1916 г.
№ 41

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 8-го октября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку коннаревай въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Маммина-Сибиряка“ кн. 31.

Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1917 г.

52 № № журнала: повѣсти, разск., картины, иллюстраціи и снимки съ театра военн. дѣйствій.

12 № № ежемѣсячнаго приложенія для ДѢТЕЙ.

52 книги „СВОРНИКА НИВЫ“, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

первая серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО,

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА,

полный переводъ
романа
„ДОНЪ-КИХОТЬ“

СЕРВАНТЕСА,

ТРЕТЬЯ серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА

(СИБИРЯКА).

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1917 г. со всѣми приложеніям:

Въ Петроградѣ:
Безъ доставки 12 р. 50 к.
Съ до- 13 р. 50 к.
ставкою

Безъ доставки:
1) въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ. 13 р. 25 к.
и 2) въ Одессѣ: въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“. 13 р. 50 к.

Съ пересыл-
кою во всѣ
города и
мѣстности
Россіи!

14 р.

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:
въ два сроча (при подпискѣ 7 р. и 1 июня 7 р.), въ три сроча (при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля 5 р. и 1 августа 4 р.) и въ 4 сроча (при подпискѣ 4 р., 1 марта 3 р., 1 июня 4 р. и 1 августа 3 р.).

Подробное объявленіе см. на стр. 689^а—689^б этого номера.

Отъ простуды,
охриплости, насморка,
обезпечено при употребленіи антисептическихъ

PASTILLES VALDA

(Лепешекъ Вальда).

НО ВАЖНѢЕ ВСЕГО ТРЕБОВАТЬ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НЕПРЕМѢННО
НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(Pastilles Valda).
Въ коробкахъ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ
именемъ
VALDA
(H. Canonne, Paris).

П. ЮРГЕНСОНЪ въ Москвѣ,
Неглинный пр., 14.

Самое обширное **РУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.**
Около 40.000 номеровъ собственныхъ изданій, не считая 1.000 дешовыхъ томныхъ изданій.

Первое **РУССКОЕ** изданіе **КЛАССИКОВЪ** въ томѣхъ.
Каталоги и списки собств. изд.—**бесплатно.**
При требованіяхъ просить указывать желаемый отдѣлъ кат.: фп-нная муз., пѣніе сольное, хоровое (свѣтское или духовное), инструментальн. муз. и т. д.

Канторскую скоропись, рондо, готикъ обучатъ заочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самыя дурныя почерки. За 5 десятковъ марокъ всидеальнообразныя шрифты, почерки учениковъ и условія.

Одесса. Проф. Каллиграфія Адольфа Коссода. Дербасовская, д. № 19.

ЛИТНО **НА ПИСЬМА**

на **МАНДОЛИНѢ**
ГИТАРѢ и **БАЛАЛАЙКѢ**

Учебн. заоч. обуч. и каталоги инструм. безплат. «Мурсы Музыки»: Москва, Сретенка 21/8

(ПИСАТЬ)

красиво и скоро будете, выписавши «Механическую пропись». Новость въ каллиграфіи. Цѣна мал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, рел. это журн. «СОКОЛЪ», отд. 2. (46)

ЮНОЕ ЛИЦО
нѣжное блѣлое **ЛИЦО**

Гладкая мягкая кожа отъ рожавки и прыщей. Дешовое средство отъ всехъ болезней кожи и волосъ. Издается въ бутылочкѣ.

МЫЛО ДЕРМОЗОН
СОВЕРШЕНСТВО

БЕЛАЯ АРТЕФАЛЬ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ
Мыло Дермозонъ мыло Савозонъ
Мыло Алозонъ

Образцы высылаю по формѣ
1-ю СТРАНИЦУ в. н.
Лондонъ. Паризъ.
Петроградъ.

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ
лучше всего
посмотрѣть
МАГАЗИНАХЪ

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ **«ТИЗЕРИНЪ»** послѣдовательно ее принимается

Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсуль 2 р. 15 в. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/28, зв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство въ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, омѣтныхъ и дешовыхъ блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Более 160 блюдъ. Необходимо въ каждой семьѣ. Высылается налож. плат. въ 1 р. 20 к. Требования адресовать: **МОСКВА, изд-ству «ЛУЧЪ», Печатниковъ пер., 18/2.** (11)

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: **«Я самъ-хозяинъ»**, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствъ, не требующія капитала, особыхъ знаний и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству «ЛУЧЪ», Печатниковъ пер., 18/2.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА И САМОУЧИТЕЛИ.

1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первый классъ. Книжки для на волюнопрѣбляющ. съ правымъ поступленіемъ въ школу вращорниковъ.— 5 р. 75 к., 2) Самоучители языковъ: франц.—95 к., англ.—1 р. 50 к., латинск.—1 р. 45 к., итал.—1 р. 25 к., нѣмецк.—95 к., польскаго—1 р. 20 к., исперанто—1 р. 3) Бухгалтерія для всѣхъ—руководство въ самоподготовкѣ на бухгалтера—1 р. 55 к. 4) Шофферы и мотоциклисты—руководство для самоподготовки на шофера или для желающихъ поступить въ автомоб. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и промысл.: Подшивъ куртокъ и чюваренія—1 р. 50 к. Изготовленіе всахъ рода чернилъ—1 р. 25 к. Изготовленіе безалкогольныхъ винъ и напитковъ—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производсто—2 р. 25 к. Чюмоданное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 90 к. Изготова. лаковъ и красокъ—1 р. 55 к. Какъ шить и чинить самому обувь—1 р. 20 к. 6) Книга для конторск. и приказч.—65 к. 7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 80 к., инж.-механика и съемщика—8 р. 95 к. Треб. адр.: Москва, Б. Гнѣздинск. 10, изд-ству Д. Куманова.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебиенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческа дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **«СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ»** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытѣжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ нигуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга **«Цѣлебное дѣйствіе Спермина»**; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга **«Цѣлительныя силы организма»**.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬИСЪ въ **ПЕТРОГРАДѢ.**
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требования на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11в.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи «Проктоль-Пеля», новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

Круженина издѣлія (мотивы, прошивы и т. д.) по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Вологда, Фрязиново, 11, Красногорской. Подр. свид. за 10 к. марку.

Разрѣш. Киевск. **БУХГАЛТЕРІИ** (существуютъ учебн. окр. курсы машинистовъ съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, вполнѣ замѣн. устное преподаван. Условія выс. бесплатно. А. П. Бобыр, Киев. Н. Софійская, 5.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческаго самообразованія. Значное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ**. Льготныя условія подписки и **БЕСПЛАТНО**. Адресъ: Петрогр., «Кругъ Самообразования», Б. Ружейная, 7—55.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Поттикъ, Батардъ и пр. 208 рис. и черт. въ тексты, транспорант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразован., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затруднющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убожит. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубл

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стран. Цѣна (с) 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формъ прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-промышленное законодательство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 стран. (+VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посыл. налож. плат. на 25 к. дорож.

ЗНАХАРСТВО и НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ

Научная книга, полезная для всѣхъ, кто интересуется народной словесностью и народными суевѣрїями. Содержаніе книги.—Происхожденіе суевѣрїй и разные виды ихъ: гаданіе, колдовство, знахарство, заговоры и т. п. Заговоры отъ нечистой силы, отъ пожара, отъ потери скота, отъ воровъ, отъ укушенія змїи и бѣшеной собаки. Заговоры на любовь, на получение хорошаго мѣста и на отысканіе клада. Заговоры для успѣха на охотѣ и рыбной ловлѣ. Заговоры отъ разныхъ болѣзней. Заговоры на торговлю, и разные другіе заговоры.

Цѣна книги съ пересылкой 1 р. 25 к.

Высылается съ налож. платеж. безъ задатка. Адресъ: Петроградъ, Съѣзжннская ул., д. № 40, въ редакцію журнала «Отклики Жизни».

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ.

Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:
1) Устр. домашн. электр. освѣт. безъ машинъ—75 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—60 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—45 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаци—75 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—60 к. 6) Гальвано-пластика, никкелир., золот. и пр.—1 р. 40 к. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уатт—1 р. 70 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—1 руб. Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—20 к., до 3 р.—25 к. и т. д. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.
— Всѣ 8 руковод. высыл. за 7 р. 60 к.; съ налож. плат.—7 р. 75 к.

Проспекты и отзывы выслаются бесплатно. Адресъ: Техн. М. А. БОГОЛЬВОВУ, Москва, Бол. Козьминскій пер., д. 4—65.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ

Самая полная книга, до которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. нал. пл. 95 к. Адресъ: МОСКВА, ред. журн. «СОКОЛЬ». Печатниковъ пер., д. 18 2.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Уголовный законъ противъ торговаго хищничества.

(Вопросы внутренней жизни).

Русскій уголовный кодексъ обогатился новымъ закономъ, направленнымъ противъ торговой спекуляціи. Душа законодательной новеллы заключается въ суровомъ осужденіи хищнической наживы на острой народной нуждѣ, вызываемой дороговизной предметовъ первой необходимости. Новый законъ строго караетъ тюрьмой и штрафомъ за повышение цѣнъ, неоправдываемое условіями рынка и стоимостью произвдства. Въ данномъ случаѣ мы идѣмъ по пути другихъ участвующихъ въ войнѣ государствъ, которые давно уже выработали и примѣняютъ на практикѣ мѣры законодательнаго обузданія торговаго хищничества. Мы, по обыкновенію, взяли за дѣло съ нѣкоторымъ опозданіемъ—на двадцать шестой мѣсяцъ войны—и принялись усердно тушить пожаръ, когда онъ уже разгорѣлся и охватилъ всю страну. Теперь уголовная борьба со спекулянтами будетъ несравненно труднѣе и бесплоднѣе, чѣмъ два года назадъ. Запоздалость изданія закона, повидимому, надѣются хотя отчасти возмѣстить усиленною спѣшностью его проведенія. Хотя до изданія его протекло два съ лишнимъ года войны и за это время собралось нѣсколько сессій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, которые при обсужденіи законопроекта могли бы, вѣроятно, внести въ него значительныя улучшения, тѣмъ не менѣе правительство, столь озабоченное борьбою съ дороговизной и создавшее для одолженія ея столько всевозможныхъ особыхъ совѣщаній и комитетовъ, не удосужилось внести проектируемый, столь необходимый и заранѣе обезпеченный общественнымъ сочувствіемъ, законъ на разсмотрѣніе законодательныхъ палатъ и ускореннымъ темпомъ провело его въ порядкѣ ст. 87. Законъ утвержденъ 8-го сентября и вступилъ въ силу тотчасъ же послѣ опубликованія или подлученія текста на мѣстѣ. Онъ озглавленъ не совсемъ удачно: «Объ уголовной отвѣтственности торговцевъ и промышленниковъ за возвышеніе или пониженіе (?) цѣнъ на предметы продовольствія

или необходимой потребности». Многіе читатели, быть-можетъ, удивятся, что уголовная кара назначается не только за повышеніе, но и за пониженіе цѣнъ на продукты продовольствія, грозить не только тѣмъ, кто продаетъ ихъ дорожее рыночной или назначенной таксами цѣны, но также и тѣмъ, кто продаетъ ихъ дешевле нормы. Однако эта странность объясняется очень просто: рѣзкое пониженіе цѣны является, какъ извѣстно, самымъ вѣрнымъ и надежнымъ орудіемъ борьбы спекулирующихъ синдикатовъ съ производителями и торговцами, не желающими почему-либо примкнуть къ стукнувшимся товарищамъ. Обезцѣнивая оставшіяся въ ихъ рукахъ товаръ, синдикатъ разоряетъ непокорныхъ, самъ же черезъ какихъ-нибудь подставныхъ лицъ скупаетъ за дешево ихъ товаръ, и если самъ несетъ при этихъ операціяхъ незначительныя убытки, то съ лихвою возмѣщаетъ ихъ впоследствии, сдѣлавшись монополистомъ рынка, при неограниченныхъ повышеніяхъ цѣнъ. Болѣе точное опредѣленіе наказуемости требуетъ поясненія, что карается собственно не пониженіе цѣнъ на продовольственные продукты, а хищническая биржевая игра съ рыночными цѣнами, прибѣгающая иногда къ ихъ временному пониженію въ видахъ дальнѣйшаго повышенія.

Карательный законъ противъ спекулянтовъ, хотя изданъ во время войны, но отнюдь не имѣетъ временнаго характера. Напротивъ, онъ стремится опредѣлить общія нормы жизни, при чемъ во время войны и при наличности другихъ подобныхъ, усиливающихъ виновность, обстоятельствъ, какъ-то: общественное бѣдствіе, возможность вызвать нарушеніе общественнаго спокойствія и порядка и т. д., наказаніе за грабительское взвнчиваніе, еще болѣе повышается. Новый законъ издается какъ бы въ отмычку и въ видѣ измѣненія ст. 913 и 1180 Ул. о нак., карающихъ торговцевъ за стачки для повышенія цѣнъ, но повышаетъ наказаніе на цѣлую степень и подвергаетъ виновныхъ тюремному заключенію, вмѣсто стараго срока

отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, на срокъ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и, сверхъ того, къ денежнымъ взысканіямъ до десяти тысячъ рублей. Законъ караетъ „виновныхъ въ умышленномъ, непомѣрномъ, неоправданномъ условіями производства и сбыта возвышеніи цѣнъ на предметы продовольствія или на другіе предметы первой необходимости, если они воспользовались для сего опущаемою среди мѣстнаго населенія нуждою въ этихъ предметахъ“, а равно караетъ и тѣхъ, кто окажется виновнымъ „въ сокрытіи запасовъ предметовъ продовольствія или предметовъ необходимой потребности, въ прекращеніи продажи или въ отказѣ отъ продажи имѣющихся у нихъ означеннаго рода предметовъ, если прекращеніе продажи или отказъ послѣдовали безъ уважительнаго къ тому основанія“.

Самымъ важнымъ недостаткомъ новаго закона является ничѣмъ необъяснимое изытіе изъ сферы его дѣйствія тѣхъ случаевъ, когда повышеніе цѣнъ превышаетъ нормы, опредѣленныя „въ особо установленномъ закономъ порядкѣ“, предоставляя за нарушение такъ раздѣляться съ виновными административнымъ властямъ,

такъ устанавливающимъ. Кара судебная куда болѣе закономѣрна и надежна, чѣмъ кара административная. Поэтому съ точки зрѣнія задачи граждански-правового воспитанія торговцевъ и промышленниковъ было бы желательнее, чтобы и наказаніе за нарушение объявленныхъ такъ опредѣлялось не администраціею а, судомъ.

Какова будетъ широта примѣненія новаго закона—заранѣе сказать трудно. Это въ значительной степени будетъ зависеть и отъ чуткости судебныхъ властей и отъ внимательности полиціи. Кое-что можетъ сдѣлать здѣсь и живая общественная инициатива. Каждый пострадавшій отъ правонарушенія со стороны алчнаго торговца имѣетъ право на вчиненіе противъ него уголовного преслѣдованія. Новый законъ даетъ такимъ образомъ оружіе самому обществу для борьбы за свои права. Нужно только, чтобы и общество не относилось къ нимъ пассивно, не выступало въ привычной роли безмолвнаго полусвидѣтеля всякихъ беззаконій и правонарушеній. Для того, чтобы избавиться отъ наглаго мародерства и голода, русскій обыватель долженъ сдѣлаться гражданиномъ.

Предъ лицомъ смерти. Экипажъ подводной лодки составляетъ особую, замкнутую, корпорацію. Попадая туда, человѣкъ на нѣкоторое время исчезаетъ для своихъ ближнихъ, а затѣмъ появляется вновь, уже совершенно измѣнившійся и переродившійся. И это не удивительно. Въдъ подводная лодка живетъ въ мѣрѣ, подобнаго которому до сихъ поръ не было,—въ мѣрѣ, незнакомомъ ни одному изъ прошлыхъ поколѣній. Этотъ мѣръ только-что открытъ человѣкомъ и, въ связи съ этимъ передъ нами встаютъ новыя проблемы, болшая часть которыхъ ждетъ своего разрѣшенія еще въ будущемъ.

Командиръ подводной лодки ведетъ свои судовыя книги. Но это сухіе отчеты, въ которыхъ не проскальзываютъ никакія душевныя движенія, и личность пишущаго остается совершенно въ сторонѣ. Получается впечатлѣніе, что книга пишется не человѣкомъ, а самой подводной лодкой. Возьмемъ наудачу нѣкоторые эпизоды изъ этихъ судовыхъ книгъ. При этомъ не будемъ упускать изъ виду того обстоятельства, что путь подводной лодки всегда убѣганъ опасностямъ: за нею постоянно слѣдятъ сотни глазъ, за нею безостановочно гонятся враги. Поэтому записи въ книгахъ отличаются поразительной краткостью и сухостью, и мы въ нихъ никогда не прочтемъ полного живыхъ и увлекательныхъ подробностей разсказа о пережитыхъ лодкой приключеніяхъ.

Извѣстный англійскій писатель Редгардъ Киплингъ далъ рядъ описаній подводной и подводной жизни англійскихъ субмаринъ подъ общимъ названіемъ: «Предъ лицомъ смерти». Займемся у него описаніе двухъ подвиговъ англійскихъ подводныхъ лодокъ.

Вотъ что мы можемъ, напримѣръ, узнать о приключеніяхъ англійской подводной лодки Е—14. Однажды ночью ей пришлось отправиться въ Дарданеллы. Незамѣтно пробраться въ этомъ узкомъ проливѣ съ его круглыми скалистыми берегами, гдѣ каждый звукъ передается съ удесатеренной силой, мимо батарей, постоянно наводящихъ свои прожекторы на воду,—вещь невозможная. И, конечно, лодка была замѣчена съ одного изъ фортовъ, который и «привѣтствовалъ» ее артиллерійскимъ огнемъ. Она погрузилась въ воду, и когда рано утромъ вновь поднялась на поверхность воды, то оказалось, что она находится въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, и всѣ береговые форты открыли по ней огонь. Кромѣ того, всюду шныряли сторожевыя суда. Лодка намѣтила себѣ одно изъ этихъ судовъ и направила въ него мину, а затѣмъ тотчасъ должна была погрузиться, «такъ какъ матросы одного изъ непріятельскихъ катеровъ пытались, перегнувшись черезъ бортъ, захватить перископъ лодки».

Положеніе лодки было, дѣйствительно, ужасное: передъ ней на неопредѣленномъ разстояніи тянулись минныя загражденія, надъ нею въ разныхъ направленіяхъ неслись дозорные катера и канонерки. Шесть мучительныхъ часовъ провела лодка подъ водой, погруженная въ мракъ и окруженная врагами, ежеминутно подвергаясь опасности погибнуть. Она даже не имѣла возможности спокойно зарядить свои батареи. Тогда она рѣшила покинуть проливъ и отыскать какое-нибудь болѣе безопасное мѣсто, гдѣ бы она могла безъ помѣхи привести въ порядокъ свои орудія. Затѣмъ она опять пустилась въ путь и встрѣтила два транспорта съ войсками въ сопровожденіи трехъ минныхъ истребителей. Она выпустила въ одинъ изъ транспортовъ мину и должна была тотчасъ погрузиться въ воду, не успѣвъ высадить дѣйствіе мины. Считаю такой образъ дѣйствій упущеніемъ, командиръ лодки въ свое оправданіе указываетъ на плохое состояніе одного изъ перископовъ, испорченнаго накануне непріятельской гранатой.

Поднявшись на поверхность, лодка увидѣла, какъ одинъ изъ истребителей сопровождалъ охваченный пламенемъ транспортъ въ близлежащую бухту. Въ теченіе этого же дня лодка встрѣтилась съ другой англійской лодкой, сообщившей ей, что у нея вышли всѣ мины. Онѣ назначили другъ другу свиданіе на слѣдующій день, а затѣмъ, въ виду приближающейся опасности, должны были быстро погрузиться, «и больше я ея не видѣлъ». Какъ часто бывають такія встрѣчи у подводныхъ лодокъ! Командиры обмѣниваются привѣтствіями, сообщаютъ другъ другу послѣднія новости, въ то время какъ глаза ихъ безпокойно вперяются въ горизонтъ, а руки командъ готовы въ любой моментъ,—хотя бы на полусловъ,—привести въ дѣйствіе приборы для погруженія лодки подъ воду.

Когда всѣ мины лодки были израсходованы, она пустилась въ обратный путь, преслѣдуемая маленькой непріятельской флотиліею въ составѣ канонерки,

миноноски и буксира. «Они меня провожали до Галлиполи—одинъ спереди, а остальные два по бокамъ—въ надеждѣ, что я въ концѣ концовъ зачтуюсь въ сбѣгахъ». Такъ лодка передвигалась по проливу въ теченіе восьми часовъ, вынужденная все время быть начеку, слѣдить за минными загражденіями, за сбѣтами и за преслѣдовавшими ее судами, пока наконецъ у входа въ заливъ ее не встрѣтилъ союзный флотъ. Тогда она поднялась на поверхность воды и послѣ трехнедѣльныхъ скитаній, гдѣ каждый мигъ ее поджидала смерть, она благополучно вернулась къ своей базѣ.

Не менѣе интересны приключенія подводной лодки Е—11, пережитыя ею тоже въ Дарданеллахъ. И она, проникнувъ въ проливъ, тотчасъ была окружена непріятельскими миносцами-истребителями. Аппаратъ беспроводнаго телеграфа, какъ на грѣхъ, испортился, и такимъ образомъ наша лодка сразу «онѣмѣла и оглохла». То плавала на поверхности, то опускалась подъ воду, чтобы отдѣлаться отъ непріятельскихъ судовъ, лодка направились къ Константинополю, встрѣтила тамъ миносонецъ и потопила его. При этомъ семидюймовымъ снарядомъ ей испортило перископъ. Вслѣдствіе этого она была вынуждена отступить, и въ укромномъ мѣстечкѣ ей удалось исправить свой перископъ. Тогда она могла снова приняться за работу. Тутъ (дѣло было вблизи Родосто) она прежде всего столкнулась съ небольшимъ пароходомъ. Когда онъ, несмотря на требованіе лодки, не остановился, то команда была вынуждена сдѣлать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и тогда только пароходъ остановился. По приказанію командира лодки, экипажъ покинулъ пароходъ, при чемъ матросы со страху такъ заторопились, что двѣ-три шлюпки опрокинулись. «Къ счастью,—пишетъ въ своемъ донесеніи командиръ лодки,—удалось выгнать всѣхъ людей изъ воды». Представьте себѣ однако удивленіе командира, когда вдругъ «на мостикѣ лодки появляется американецъ, заявляетъ намъ, что онъ сотрудникъ газеты «Чикагское Солнце». («Chicago Sun»). Сялась Свингъ и сообщаетъ, что на пароходѣ нѣтъ никакой военной контрабанды». Къ счастью, командиръ лодки оказался человѣкомъ очень спокойнымъ: выслушавъ журналиста, онъ поднялся на бортъ парохода, гдѣ могъ вполне убѣдиться въ томъ, что мистеръ Свингъ превосходилъ по своей «разсѣянности» любого профессора, такъ какъ на пароходѣ нельзя было не замѣтить двухъ цушекъ и большого груза снарядовъ, не говоря уже о другомъ военномъ матеріалѣ. Конечно, пароходъ былъ незамедлительно пущенъ ко дну.

«Какъ разъ въ этотъ моментъ,—пишетъ командиръ лодки,—я замѣтилъ дымокъ на востокѣ». Это былъ пароходъ, который увидѣлъ взрывъ и потому послѣдшилъ къ Родосто. Лодка погналась за нимъ и, настигнувъ его, потопила его мѣтко пушенной миной. Въ этомъ мѣстѣ море было настолько мелко, что въ погруженномъ состояніи лодка задѣвала килемъ за морское дно и тѣмъ не менѣе не могла цѣлкомъ скрыть свой перископъ, такъ что значительная часть его высовывалась изъ воды. Вслѣдствіе этого съ берега старались использовать перископъ какъ мишень; къ счастью, однако онъ не былъ при этомъ окончательно испорченъ, а только погнутъ попавшей въ него ружейной пулей. Выходя изъ бухты Родосто, лодка встрѣтила колесный пароходъ, нагруженный колочей проволокой. По данному съ лодки сигналу пароходъ остановился, а затѣмъ попытался протаранить ее въ тотъ моментъ, когда она къ нему приближалась. Благодаря своей быстрходности, она сумѣла увернуться отъ него, и тогда онъ, спасаясь отъ нея, быстро повернулъ къ берегу и выбросился на камни прибрежныхъ утесовъ. Пушенная съ лодки мина не попала въ него; а такъ какъ въ это время на утесахъ появился кавалерійскій разъѣздъ, который началъ обстрѣливать лодку, ей пришлось быстро погрузиться. Все, описанное нами, произошло въ промежутокъ времени отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ пополудни.

Просматривая эти сухіе отчеты, мы невольно поражаемся одному обстоятельству. Находясь постоянно на волосокъ отъ смерти, дѣйствуя постоянно въ обстановкѣ, гдѣ жизнь, смерть и разрушеніе зависятъ отъ одного движенія, подводныя лодки союзниковъ всегда стараются падать жизнь лицъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Команда подводныхъ лодокъ всегда старается посадить пассажировъ на шлюпки и отправить ихъ въ какую-нибудь гавань, гдѣ имъ не грозила бы непосредственная опасность. Могутъ ли похвастать такимъ образомъ дѣйствій подводныя лодки нашихъ враговъ?

Подписная цена съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к.

Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич. Акварель Н. С. Самокиша.

Снопы.

Снопы стоятъ въ поляхъ, какъ алтари.
Въ нихъ красота высокаго значенья.
Быть древле часть, въ умахъ заяглось реченье:
«Не только кровь, но и зерно сberi».

Въ колосьяхъ отливаютъ янтари.
Богаты ихъ зернистыя скопленья.
Въ нихъ теплымъ духомъ дышитъ умиленье.
Въ нихъ золото разлившейся зарн.

Какъ дологъ путь отъ быстрыхъ зеренъ сѣва
До мига золотого торжества!
Вся выгорѣла до косы трава.

Гроза не разъ грозилась жаромъ тѣла.
О, пахари! Подвижники поѣва!
Въ васъ Божья воля колосомъ жива.

К. Бальмонтъ.

Артымъ-бей

Разсказъ И. Шотапенко.

I.

Въ той битвѣ, послѣ которой наши войска, взявъ старую турецкую крѣпость, вошли въ городъ, подпоручикъ Гриценко участвія не принималъ, такъ какъ за мѣсяць передъ этимъ былъ раненъ въ плечо, да еще вдобавокъ контуженъ, и отлеживался въ полевомъ лазаретѣ.

Поправился онъ довольно быстро, уже выходилъ на прогулку и въ скоромъ времени собирался вернуться въ строй.

Весна была въ полномъ разгарѣ. Кругомъ все зеленѣло и цвѣло. Пряные ароматы горныхъ травъ пропитывали воздухъ. И когда, вмѣстѣ съ отличившимися частями, въ числѣ коихъ былъ и его полкъ, лазаретъ вступилъ въ только-что взятый городъ, Гриценко, радуясь побѣдѣ, въ то же время пожалѣлъ свои довольно слабыя легкія, которымъ придется дышать Богъ знаетъ чѣмъ.

Онъ хорошо зналъ турецкіе города съ ихъ вѣками накопившейся грязью, гдѣ изъ каждой сорной кучи и гниющей канавы глядитъ зараза.

Но утѣшеніемъ было по крайней мѣрѣ то, что лазарету отвели одно изъ огромныхъ опустѣвшихъ передъ сдачей города зданій, гдѣ не было надобности ютиться по десятку въ тѣсной комнаткѣ. Здѣсь онъ узналъ подробности удачной битвы, о трофеяхъ и о плѣнныхъ, которыхъ было взято множество.

Между прочимъ, къ намъ попалъ цѣлкомъ полкъ со всѣми офицерами и командиромъ, какимъ-то Артымъ-беємъ. Говорили, что полкъ тотчасъ же отправили въ тылъ, а командиръ, по какому-то, одному начальству извѣстнымъ, соображеніямъ, былъ оставленъ въ городѣ и содержался, если и не съ почетомъ, то во всякомъ случаѣ безъ особыхъ притѣсненій.

Ему были отведены двѣ комнаты въ казарменномъ зданіи, гдѣ не было никакихъ предметовъ роскоши и даже ничего лишняго, но были всѣ необходимыя вещи. Надзоръ былъ организованъ такъ, что не могъ оскорблять его, т. е. слѣдили за нимъ во всѣ глаза, но наружно—ко входу было приставлено всего только двое часовыхъ.

Но плѣнный полковникъ вѣлъ себя нѣсколько странно. Онъ былъ страшно угрюмъ и нелюдимъ, и съ какими бы вопросами и на какомъ бы языкѣ къ нему ни обращались, отвѣчалъ молчаніемъ.

Уже недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ городъ сдѣлался нашимъ, а отъ Артымъ-бея до сихъ поръ никто не добился ни слова.

Ему было предоставлено право прогуливаться въ совершенно изолированной, даже отгороженной глиняной стѣнкой, части казарменнаго двора, но онъ и этимъ не пользовался. Сидѣлъ безвыходно въ комнатахъ, большею частью лежа на диванѣ и подложивъ руки подъ голову.

Все это Гриценко слышалъ про плѣннаго командира полка отъ своихъ товарищей, приходившихъ въ лазаретъ. О томъ же говорили между собой и солдаты, но видѣть его и провѣрить всѣ эти рассказы ему до сихъ поръ не удалось.

Ужъ онъ свободно уходилъ изъ лазарета и прогуливался по городу. На-дняхъ предстоялъ осмотръ его врачебной комиссіей, и онъ надѣялся, что его наконецъ признаютъ вполне здоровымъ и выпустятъ на волю.

Во время своихъ прогулокъ онъ не разъ заходилъ въ казарму, гдѣ содержался плѣнный Артымъ-бей, заглядывая въ караульную, гдѣ подъ начальствомъ офицера находился небольшой отрядъ, зорко слѣдившій за плѣннымъ командиромъ полка, подолгу глядѣлъ черезъ окно на окна его помѣщенія, надѣясь, что тамъ покажется его лицо.

Но за окнами не было никакого движенія. Артымъ-бей точно остерегался, чтобы лишняя пара глазъ не увидала его лица.

А Гриценко почему-то страшно интересовался имъ. Самъ онъ не могъ объяснить, почему его такъ тянуло къ этому странному узнику.

Что могло быть общаго между зауряднымъ русскимъ офицеромъ, призваннымъ изъ запаса, и турецкимъ полковникомъ, откуда-то изъ Сирии привезшимъ свой полкъ? Никогда онъ

съ нимъ не встрѣчался, до этого случая ничего не слышалъ о немъ.

А вотъ что-то толкаетъ его къ этимъ окнамъ, за которыми словно была склепъ—ни малѣйшаго движенія, хоть бы промелькнула какая-нибудь тѣнь.

Правда, что головѣ подпоручика Гриценки была свойственна нѣкоторая фантастичность, но трудно было приписать героическія качества этому бею, столь „мужественно“ сдавшемуся съ цѣлымъ полкомъ. Да онъ и не представлялъ его героемъ, напротивъ, скорѣе считалъ трусомъ и не питалъ къ нему никакого уваженія. И тѣмъ не менѣе необъяснимое желаніе взглянуть на него было до того сильно, что начинало причинять ему страданіе.

Въ лазаретъ попалъ раненый турецкій офицеръ, оказавшійся принадлежащимъ къ злополучному полку Артымъ-бея. Онъ былъ неразговорчивъ, отчасти благодаря тому, что у него ранена челюсть, отчасти же потому, что зналъ всего лишь нѣсколько словъ по-французски, а турецкаго переводчика въ лазаретѣ не было.

Но все же отъ него можно было узнать кое-что о командирѣ полка или, вѣрнѣе, кое-о-чемъ догадаться.

И узнали, что Артымъ-бей служилъ офицеромъ недавно, всего нѣсколько лѣтъ, что онъ по происхожденію не турокъ, а Богъ знаетъ кто, не то румынъ, на то болгаринъ, а, можетъ-быть, и грекъ, но по религіи мусульманинъ, что въ Стамбулѣ у него есть могущественный покровитель, которому онъ оказалъ неоцѣненныя услуги, и благодаря которому онъ съ неслыхательной быстротой достигъ высокаго чина, что онъ честолюбивъ, и больше всего на свѣтѣ ему хотѣлось поскорѣе превратиться въ пашу. Такъ, вѣроятно, и случилось бы, если бы не эта несчастная сдача.

И почему-то Гриценко съ жадностью воспринялъ эти свѣдѣнія и еще пламеннѣе началъ желать увидѣть воочию Артымъ-бея.

II.

И когда его признали выздоровѣвшимъ, но не настолько сильнымъ, чтобы послать въ строй, случилось обстоятельство, еще болѣе приковавшее его мысли къ тому же предмету.

Въ первый же сутки его возобновившейся службы Гриценко безъ всякаго воздѣйствія съ его стороны былъ назначенъ начальникомъ караула той самой казармы, гдѣ все еще помѣщался Артымъ-бей.

Обстоятельство это, конечно, не заключало въ себѣ ничего необыкновеннаго и было простой случайностью, но Гриценкѣ при его настроеніи не трудно было отыскать какую-то тайную связь между этимъ назначеніемъ и его навязчивымъ желаніемъ.

Теперь-то онъ навѣрно найдетъ поводъ взглянуть ему въ лицо. Ничего большаго онъ не добивался, даже говорить съ нимъ не разсчитывалъ, такъ какъ, кромѣ русскаго языка, не владѣлъ никакимъ, и казалось, что на этомъ кончатся всѣ его домогательства.

Онъ прибылъ въ казарму въ семь часовъ вечера. Разставилъ часовыхъ, гдѣ полагалось, и, проведя нѣсколько вечернихъ часовъ за книжкой, заснулъ, отложивъ выполненіе своего намѣренія на завтра.

Когда проснулся утромъ, то, подумавъ хорошенько, убѣдился, что, собственно, никакого законнаго повода встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Артымъ-беємъ у него нѣтъ. Ни подчиненный ему отрядъ ни онъ самъ, собственно, не имѣли прямого отношенія къ плѣнному.

Для его надобностей служилъ допущенный къ нему его собственный денщикъ-турокъ, который былъ оставленъ при немъ, и, кромѣ того, забота о его нуждахъ была возложена на одного, умѣвшаго говорить по-турецки, унтеръ-офицера, который не принадлежалъ къ караулу.

Но навязчивое желаніе, доходившее почти до болѣзненности, заставило его обойтись безъ всякаго повода. При первомъ же случаѣ, когда, послѣ утренняго завтрака, унтеръ-офицеръ входилъ къ плѣнному, чтобы предложить ему прогулку по двору.

отъ которой онъ, впрочемъ, неизменно отказывался, Гриценко вошелъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ.

И вотъ наконецъ достигнуто его желаніе: онъ увидѣлъ Артымъ-бея. За столомъ сидѣлъ и допивалъ раньше поданный ему кофе средняго роста довольно плечистый человекъ лѣтъ тридцати пяти, въ красной фескѣ, ниже которой были видны низко стриженные черные волосы, съ густой, не длинной, смолистаго цвѣта, бородой, со смуглыми щеками.

При появленіи офицера, онъ поднялъ голову, и небольшіе острые глаза его впилнсь въ лицо Гриценки. Тотъ тоже смотрѣлъ на него, и то, что ему показалось, было обстоятельство такого рода, что ему захотѣлось крикнуть.

Но глаза Артымъ-бея черезъ двѣ секунды были отведены отъ него въ сторону и приняли равнодушно-лѣнливое выраженіе.

На предложеніе унтеръ-офицера прогуляться по двору онъ не отвѣтилъ ни слова, а только съблалъ рукой отрицательный жестъ, какъ дѣлалъ это каждый день.

Гриценко вышелъ и направился въ караульню. Но ноги его двигались медленно, у него дрожали колѣни.

Онъ вошелъ въ комнату, сѣлъ за столъ и, подперевъ голову руками, углубился въ свои мысли.

„Вотъ и говорите послѣ этого, что въ жизни нѣтъ ничего таинственнаго, — думать онъ съ сильно бьющимся сердцемъ, — вѣдь я же не имѣлъ никакого представленія о томъ, что лицо этого Артымъ-бея, котораго я несомнѣнно вижу въ первый разъ, такъ знакомо мнѣ, какъ будто я видѣлъ его каждый день и вчера... Или оно мнѣ снилось, можетъ-быть, давно, еще въ дѣтствѣ, и было забыто, а теперь вдругъ вспомнилось. Нѣтъ, я этого не понимаю. Этого и нельзя понять. А этотъ взглядъ, который онъ, какъ стрѣлу, воцѣпилъ въ мои глаза. Развѣ можно поручиться, что ему не показалось то же самое, что и мнѣ? Можетъ-быть, мое лицо тоже когда-нибудь снилось ему въ дѣтствѣ и было забыто?“

И такимъ образомъ оказалось, что, послѣ достиженія своего пламеннаго желанія, Гриценко не только не успокоился, но взволновался еще больше. Теперь онъ весь день до семи часовъ, когда караулъ былъ смѣненъ другимъ отрядомъ, подъ началь-

На кавказскомъ фронтѣ.

Хасанъ-Кала. Теплый источникъ.
Рис. нашего военн. корресп. К. Дыдышко.

ствомъ другого офицера, ходилъ по огромной комнатѣ и напрягать все силы своего мозга, чтобы вспомнить, гдѣ и когда онъ видѣлъ это лицо.

Когда потомъ въ комнатѣ, которая была отведена ему вдвоемъ съ товарищемъ прапорщикомъ Вермиловымъ, онъ легъ довольно рано спать, та же мысль, должно-быть, сверлила его мозгъ и во снѣ и разбудила его часа въ два, когда въ комнатѣ было совершенно темно и товарищъ спалъ на своей кровати, тихо посапывая носомъ.

Открылъ глаза, и вдругъ передъ нимъ совершенно явственно вырисовалось хорошо знакомое лицо, фигура и весь человекъ.

Ничего страшнаго не заключать въ себѣ этотъ образъ, но Гриценко вскопчилъ съ постели, весь дрожа, какъ послѣ ужаснаго кошмара, нащупалъ

спички и хотѣлъ освѣтить комнату, но громкое дыханіе спавшаго Вермилова остановило его.

Отъ внезапнаго свѣта онъ можетъ проснуться и задать вопросъ, на который Гриценко ни въ какомъ случаѣ не сможетъ отвѣтить, по крайней мѣрѣ сейчасъ, когда онъ и самъ не успѣлъ подумать надъ своимъ открытіемъ и не знаетъ, какъ поступить съ нимъ.

Да, тѣ же черты лица, только волосы на головѣ были длинные и бороды вовсе не было, да цвѣтъ кожи сталъ еще смуглѣе. Но тотъ же длинный съ замѣтной горбинкой носъ, тѣ же широкія скулы, тонкія сжатыя губы и, главное, тѣ же острые, пронзительные темные глаза. И ростъ и широкія плечи и вся фигура.

Неужели же природа можетъ до такой степени тождественно повторить себя? Нѣтъ, это невѣроятно, да и нѣтъ надобности задавать подобный вопросъ, когда въ прошломъ, и не особенно далеко, есть обстоятельство, наводящее на объясненіе.

Трудно было Гриценкѣ носить все это одному въ своей душѣ, а подлѣниться онъ ни съ кѣмъ не могъ. Товари-

На кавказскомъ фронтѣ.

Меджингертъ. У источника.
Рис. нашего военн. корресп. К. Дыдышко.

На кавказскомъ фронтѣ. Пльнный аскеръ изъ Дярбекири Умеръ Дада.
Рис. нашего военнаго корреспондента К. Дыдышко.

разъ, который вдругъ вынырнулъ изъ тумана, весь въ прошломъ. Вермиловъ и не пойметъ его значенія, и другіе тоже не поймутъ.

III.

Это было лѣтъ десять тому назадъ,—т.-е. тогда разыгрался финалъ, но, собственно, знакомство ихъ было давнее, почти съ отроческихъ лѣтъ.

Гриценко былъ неудачникомъ по части гимназическаго ученія и, кое-какъ добравшись до пятаго класса, вышелъ и началъ искать себѣ пристанища въ жизни. Тогда ему не было еще и восемнадцати лѣтъ. Не безъ труда устроился онъ на скромной службѣ въ частной конторѣ.

Тутъ онъ и встрѣтился съ Артсміемъ Ивановичемъ Ляшко, который былъ точь въ точь въ такомъ же положеніи, какъ онъ. Сблизило ихъ прежде всего то, что оба были южане, холлы, затѣмъ общая школьная неудача и наконецъ одинаковая служба.

Гриценко былъ человѣкъ спокойный, нѣсколько даже вялый, легко примирившійся съ обстоятельствами. Онъ искренно считалъ себя человѣкомъ мало-значительнымъ и потому не имѣющимъ права предъявлять къ жизни какія бы то ни было претензіи. На службѣ онъ получалъ маленькое жалованье и готовъ былъ довольствоваться имъ всю жизнь.

Ляшко представлялъ полную противоположность ему. На свою конторскую службу онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто временное, переходное къ чему-то большому, чего онъ еще не достигъ, но непременно достигнетъ.

Въ первое время они даже не понимали другъ

щей у него было достаточно, и среди нихъ были такіе, съ которыми онъ дѣлился всею, что только у него было. Ну, вотъ, хотя бы Вермиловъ, съ которымъ онъ въ время похода сблизился до того, что у нихъ не было никакихъ тайнъ.

Но вѣдь это и дружба „походная“, т.-е. новая, не имѣющая никакихъ корней въ прошломъ, а то, тотъ об-

друга. „Какъ достигнуть, когда нѣтъ никакихъ шансовъ?“—говорилъ Гриценко, а Ляшко смѣялся надъ нимъ, потому что онъ ощущалъ въ себѣ все шансы. Это были его изумительная энергія и какая-то неудержимая жажда жизни, какой-нибудь широкой, лучшей, чѣмъ эта. Примиряться было не въ его характерѣ.

И въ то время, какъ Гриценко, дорожившій службой, которая его кормила, покорно подчинялся всею стѣпеніямъ, какія обыкновенно выпадаютъ на долю маленькихъ служащихъ, Ляшко протестовалъ, требовалъ справедливости, спорилъ и даже ссорился.

Работникъ онъ былъ превосходный, умѣлъ на лету схватывать сущность всякаго дѣла и быстро справлялся съ нимъ. Трудъ его дѣлился, но самого его держали въ черномъ тѣлѣ.

И онъ, не долго думая, бросилъ должность и пошелъ въ другое мѣсто, сражался и тамъ за лучшее и тамъ разоорился, и въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ побывалъ на десяти мѣстахъ. И вездѣ работу его одобряли, способности его признавали, но держали на маленькихъ должностяхъ.

Онъ объяснялъ это лицепріятіемъ, завистью, тѣмъ, что у него нѣтъ протекціи, и тѣмъ, что ему не везетъ. Въ дѣйствительности же было проще: люди, какъ вездѣ и всегда, держались рутинны, которая для повышенія требовала извѣстной долговременности службы, а онъ хотѣлъ, чтобы его оцѣнили сейчасъ же и немедленно щедро оплатили его способности.

Кончилось тѣмъ, что онъ остался безъ мѣста и пустился въ предпринимательство. Сперва кабинетъ переписки. Дѣло пошло, но не давало столько, сколько ему было нужно. Тогда онъ занялся комиссіонерствомъ, и поставкой дровъ и молочной фермой, и многимъ еще другимъ, и все какъ-то безъ денегъ. Люди вѣрили ему, шли на рискъ, но онъ не могъ ни на чемъ успокоиться и остановиться.

Многоходомъ, неожиданно для другихъ, да, кажется, и для себя, женился,—какъ-то странно, безъ любви и безъ всякой необходимости.

А тутъ надвигалась воинская повинность, и ему, какъ и Гриценкѣ, безъ достаточнаго образованія, предстояло нести лямку солдатскую. И вотъ въ этомъ дѣлѣ ему удалось соблазнить Гриценку, который и сейчасъ чувствовалъ себя благодарнымъ ему за свое офицерство. Онъ убѣдилъ его усердно приняться за науки: вмѣстѣ они подготовились, своевременно выдержали экзамены и вышли въ офицеры.

Здѣсь, какъ и на другихъ поприщахъ, проявилось у нихъ разное отношеніе къ дѣлу. Гриценко, не чувствуя военного призванія, отслужилъ свой срокъ и вышелъ въ отставку, а Ляшко сейчасъ же рѣшилъ, что въ немъ сидитъ полководецъ и что онъ

На кавказскомъ фронтѣ.

Ашкала. Привалъ пльнныхъ.
Рис. нашего военн. корресп. К. Дыдышко.

легко добьется генеральскаго чина и соотвѣтственнаго положенія, и остался служить.

Въ послѣдній разъ Грищенко видѣлъ его, когда тотъ уѣзжалъ куда-то въ южный городъ, гдѣ, по его мнѣнію, служба была пріятнѣе и легче было выдвинуться. Нѣкоторое время получались отъ него письма, а потомъ вдругъ о немъ прекратились всякія вѣсти.

Какъ-то въ Петроградъ пріѣхала его жена съ двумя дѣтьми, въ самомъ плачевномъ видѣ, и рассказала удивительную вещь: Артемій Ивановичъ Ляшко, ея мужъ, въ послѣдніе годы службы въ полку пользовался общими довѣріемъ и, исполняя обязанности казначея, вдругъ неизвѣстно куда исчезъ, захвативъ съ собою тысячъ двадцать полковыхъ денегъ. Искали его повсюду, но нигдѣ не нашли. Какъ въ воду канулъ человѣкъ. Жену съ двумя дѣтьми оставили на произволъ судьбы. Сюда она пріѣхала, чтобы поселиться у родныхъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около десяти лѣтъ. Много измѣнилось въ жизни Грищенко. На своей прежней службѣ, куда онъ вернулся, онъ двигался понемногу и достигъ не Богъ знаетъ какого, но сравнительно недурнаго положенія.

А съ началомъ войны призванный на службу и здѣсь, безъ особенныхъ подвиговъ, но съ подлымъ усердіемъ служилъ, участвуя во всѣхъ невзгодахъ войны и побѣдахъ.

А объ Артеміи Ивановичѣ не было ни слуху ни духу. Онъ дѣйствительно исчезъ безслѣдно. Думали, что столь незначительной суммы, какъ двадцать тысячъ, хватить ему ненадолго, и онъ рано или поздно проявится. Но, такъ какъ черезъ много лѣтъ эта надежда не сбылась, то было рѣшено, что онъ гдѣ-нибудь погибъ, и вычеркнули его изъ списка людей, о которыхъ стоить вспоминать.

И вдругъ это изумительное явленіе! Этотъ Артымъ-бей со всѣми характерными особенностями лица и фигуры Ляшки... Бываютъ, конечно, непостижимыя совпаденія. Встрѣчаются въ природѣ почти тождественныя лица и сложенія. Но это странное поведеніе плѣннаго командира, который видимо скрывался отъ людскихъ глазъ, боясь, чтобы кто-нибудь не узналъ его, его имя, явно созвучное съ именемъ Ляшки и, наконецъ, хотя это и переходило въ область необъяснимаго, это непонятное упорное стремленіе Грищенко увидѣть его, — все это говорило ему, что здѣсь нѣтъ ни совпаденія ни сходства, а что это одно и то же лицо, что Артымъ-бей есть не кто иной, какъ бѣжавшій, очевидно, въ Турцію и сумѣвшій устроиться тамъ лучше, чѣмъ здѣсь, Артемій Ивановичъ Ляшко, давній пріятель Грищенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На кавказскомъ фронтѣ. Сестра милосердія Ольга Дзудцева. Въ день боя съ 1 часу ночи сутки пробыла на передовыхъ позиціяхъ со своей частью и безмянно работала подъ огнемъ. Зарисовано нами, военн. корресп. К. Дыдышко.

Общій видъ Эрзерума со стороны Карсскихъ воротъ. Вдали налѣво силуэтъ цитадели, гдѣ теперь развѣвается русскій флагъ. Налѣво отъ цитадели Харпутскія ворота, направо—Трапезундскія—откуда идетъ дорога въ Байбуртъ, въ Эрзинджанъ и дальше къ Трапезунду. Городъ со всѣхъ сторонъ опоясанъ кладбищами, которымъ насчитываютъ тысячелѣтія. Кое-гдѣ на общемъ фонѣ глинобитныхъ построекъ зеленѣютъ пятна тополей, нѣсколько оживляя скучный и однообразный пейзажъ города. Рис. нашего военнаго корресп. К. Дыдышко.

У проволочных заграждений.

Из походного альбома Л. Сологуба.

Письмо.

(Съ южнаго фронта).

Герои тыла! Вамъ совсѣмъ невѣдомъ
Тотъ бурный, пламенный восторгъ,
Который намъ даютъ сраженія, побѣды
И смерти съ жизнью грозный торгъ.
Герои тыла! Радости не рады,
Вы жизнь проходите безъ горя—налегкѣ,
А мы для васъ творимъ Шехеразады
На яркомъ, но кровавомъ языкѣ.
Нашъ смерть не утрашитъ, и жизнь намъ не постыла,
Здѣсь каждый бодръ, веселъ и здоровъ,

И вамъ не разглядѣть, слѣпымъ героямъ тыла,
Узоры нашихъ красочныхъ ковровъ.
Не тѣшатъ васъ прискучившія шеры,
Уныло тотъ бредеть, кто къ вамъ на праздникъ званъ,
А мы—купаемся побѣдно въ водахъ Тигра
И съ шѣнями беремъ суровой Эрзинджанъ!
Мы—вашъ стальной оплотъ, мы вамъ куемъ побѣду,
Мы охраняемъ вашъ спокойный, мирный сонъ,—
Сумѣйте же нести всѣ «тыловыя» бѣды,
На каждый зовъ идти и слышать каждый стонъ.

Лидія Лѣсная.

Съ западнаго фронта.

Разказы В. Ропшина.

I.

Монахиня Инесъ.

Изъ раскрытыхъ оконъ школы въ Сентъ-Амаренѣ доносилось
дѣтское пѣніе. Голоса были звонкіе и веселые, а напѣвъ былъ
торжественный и знакомый:

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé...

Этимъ звукамъ вторила артиллерія: отдаленные и глухіе вы-
стрѣлы нѣмцевъ, тяжкій ревъ французскихъ орудій и пронзи-
тельный свистъ разрывающихся за деревней снарядовъ. На бом-
бардировку никто не обращалъ никакого вниманія. Было из-
вѣстно: Сентъ-Амаренъ нѣмцы бомбардируютъ отъ семи до восьми,
а послѣ восьми снаряды ложатся правѣе.—на шоссе и у фермы
Ля-Бургинонь. Каждый день повторялось одно и то же, и каждый

день, съ десяти часовъ дѣти учились въ школѣ. Это были эльзас-
скія дѣти. еще нѣмцы и уже навсегда французы. Въ Сентъ-
Амаренѣ навсегда пересталъ быть нѣмецкимъ. Такъ говорилъ
учитель, господинъ Ленуаръ.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщалась коммунальная школа, въ
нижнемъ жили доктора, фельдшера и сестры, а въ подвалѣ, глу-
боко подъ землей, былъ устроены перевязочный пунктъ. Сестра
Инесъ, монахиня изъ ордена Урсулинокъ, окончила свой обыч-
ный обходъ и поднялась на крыльцо послушать дѣтскую Мар-
сельезу. Стоялъ конецъ февраля. На голубыхъ возгзскихъ хол-
махъ зацвѣтали первыя вишни и уже сильно пахло землей.
Небо было весеннее, очень яркое и очень прозрачное. Пере-
летая черезъ дорогу, радостно чирикали воробьи. Въ небесахъ,
въ ослѣпительно-сверкающемъ океанѣ, сестра Инесъ увидѣла
едва замѣтную точку. Эта точка постепенно росла, потомъ блес-
нуло на солнцѣ крыло, потомъ надъ крыломъ взвился кусочекъ
скомканной ваты, и въ синемъ воздухѣ застылъ молочно-бѣлый

дымокъ. Рядомъ съ нимъ застыли и второй и третій, и у Сентъ-Амарена чаще и громче загрохотали пушки. Сестра Инесъ поняла, что это стрѣляютъ по „Альбатросу“. Она вздохнула и опустила голову внизъ.

Ей было только за сорокъ лѣтъ, но она уже казалась старухой. Изъ-подъ широкополой монашеской шляпы выбивались сѣдые кудри, и лицо было строгое, изможденное, такое, какія пишутъ на средневѣковыхъ картинахъ. Черное, безъ всякаго украшенія, платье скрадывало высокой ростъ. Сестра Инесъ была изъ Страсбургскаго монастыря. Она пришла въ Сентъ-Амаренъ съ нѣмецкимъ полкомъ и, когда ушли нѣмцы, встрѣтила французскихъ солдатъ и осталась съ ними въ деревнѣ. Служительница Бога не знаетъ враговъ, — ни французовъ ни нѣмцевъ. Такъ говорила она себѣ, но втайнѣ радовалась французамъ. По вечерамъ она молилась, чтобы Господь простилъ ей этотъ невольный грѣхъ.

Марсельса замерла на послѣдней торжествующей нотѣ. На лѣстницѣ послышался шумъ. Ученіе кончилось. На крыльцо выбѣгали дѣти въ длинныхъ передникахъ, съ голыми у коленъ ногами. Всѣ кланялись доброй сестрѣ Инесъ. Доброй, — потому что кто же былъ большимъ другомъ дѣтей? Кто училъ ихъ молиться? Кто раздавалъ имъ конфеты, — деревенскіе, съ кисло-ватымъ вкусомъ, какъ камень твердые, леденцы? Кто дарилъ молитвенники и книжки? Даже учитель, господинъ Лемуаръ, не любившій монаховъ, признавался, что сестра Инесъ, какъ мать, заботится объ его безпріютныхъ ученикахъ.

Она заботилась обо всѣхъ. Но и у нея, монахини, были свои любимцы. Когда она смотрѣла на шестилѣтняго, кудряваго, съ пухлыми щеками, всегда грязнаго, всегда оборваннаго, мальчика Поля, ея одинокое сердце наполнялось материнской любовью. Ей нужно было его цѣловать, держать въ рукахъ его руки, слышать его наивную, еще не твердую, рѣчь. Она стыдилась этого чувства и тѣмъ полнѣе отдавалась ему. И сегодня, въ ясный февральскій день, она, какъ всегда, обрадовалась мальчику Полю.

— Ты хорошо учился?

— Да, хорошо.

Она погладила его волосы и заглянула ему въ глаза. Глаза были свѣтлые, голубые, и въ нихъ дрожали рѣзвые огоньки. Полю вырвался и, убѣгая, разсмѣялся заразительнымъ смѣхомъ. Сестра Инесъ улыбнулась.

Послѣднимъ вышелъ изъ школы господинъ Лемуаръ. Онъ снялъ шляпу и, прищурившись, посмотрѣлъ на солнце.

— Добрый день, госпожа Инесъ.

— Добрый день, господинъ Лемуаръ.

— Весна, госпожа Инесъ.

— Да, весна, господинъ Лемуаръ.

Они помолчали. Господинъ Лемуаръ со вниманіемъ стѣдилъ за нѣмецкимъ аэропланомъ.

— Это „Альбатросъ“, госпожа Инесъ.

— Да, это „Альбатросъ“, господинъ Лемуаръ.

— Я бы хотѣлъ, чтобы его подстрѣлили.

Сестра Инесъ не отвѣтила ничего.

— Я бы хотѣлъ, чтобы послѣ войны не осталось ни одного нѣмца. Грязный и жестокий народъ...

И онъ началъ говорить о жестокостяхъ нѣмцевъ. Но въ это время со стороны еще обнаженной рощи что-то загулдыло и закрипѣло, приближаясь къ Сентъ-Амарену. Скрипъ былъ близкій, тяжелый и совсѣмъ не такой, къ какому привыкло ухо во время бомбардировки. И уже было ясно, что граната разорвется не въ поле, не на шоссе и не у фермы Ля-Бургинонъ, а въ деревнѣ, между домами. Еще не умоливъ дѣтскій смѣхъ: на площади, у мэри, дѣти весело играли въ войну. Господинъ Лемуаръ поблѣднѣлъ:

— Это, кажется, „305“...

Зазвенѣли разбитыя стекла, задрожали кирпичныя стѣны, заколебалось подъ ногами крыльцо, пахнуло жаромъ, и закачался головкружательный смерчъ. А потомъ наступила жуткая тишина. Уже не смѣялись дѣти. Въ кустахъ попрежнему беззаботно чирикали воробьи.

Сестра Инесъ перекрестилась и сбѣжала на мостовую. Господинъ Лемуаръ испуганно закричалъ:

— Не ходите!.. Вѣдь это только первый снарядъ...

Но она даже не обернулась на крикъ. Она свернула въ узкій и кривой переулокъ и выбѣжала на площадь. У сквера, въ густомъ и ѣдкомъ дыму, она увидѣла большую взрытую яму, развороченный булыжникъ на мостовой и у края ямы, на тротуарѣ, худое, дѣтское, безнильное тѣло. Она услышала стонъ. Она, дрожа, наклонилась къ землѣ и узнала мальчика Поля. Онъ напрасно пробовалъ встать и, опираясь слабой рукой о камни, смотрѣлъ на нее снизу вверхъ голубыми, испуганными и до-вѣрчивыми глазами. Она обняла его и прижала къ груди:

Артиллерійскій бой.

Изъ походнаго альбома Л. Селзгуба.

Г. Семирадский. Александр Македонский и его врач Филпты. (Музей Императорской Академии Художеств).

— Мой мальчик... Мой маленький мальчик...

Она хотѣла его поднять, но ея движенія причиняли ему боль. Онъ не плакалъ, а только стоналъ и прижимался къ ней крѣпче и крѣпче. А она, дѣлуя его, повторяла:

— Мой маленький мальчик...

Она не думала ни о Богѣ, ни о жестокости нѣмцевъ, ни о томъ, исполняетъ ли она свой долгъ или нѣтъ. Она испытывала щемящую и неотразимую боль, — боль оттого, что больно ему, шестилѣтнему Полю, и что онъ, шестилѣтній, ея любимый ребенокъ, умираетъ у нея на рукахъ. Она рыдала, какъ рыдаетъ неутѣшная мать, не понимая еще, что случилось, и чувствуя, что надо спасать, и не умѣя спасти. Наконецъ она очнулась и встала. Полю уже не стоналъ, и она подняла его и понесла на перевязочный пунктъ. Но когда она подходила къ крыльцу, снова раздался напряженный и долгій скрипъ. Она остановилась и, прислушиваясь, поднявъ голову въ бѣлой косынкѣ, сильнѣе обняла Поля. Такъ она стояла секунду. А потомъ что-то вспыхнуло, что-то захохотало, и опять задрожали стѣны и содрогнулася каменный домъ.

А когда черезъ часть миновала опасность и господинъ Ленуаръ изъ подвала осторожно вылѣзъ наверхъ, онъ увидѣлъ сестру Инесъ въ черномъ платьѣ и рядомъ съ нею ребенка. Она лежала на улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ крыльца, и на деревянныхъ ступеняхъ еще не высохла струйка крови. Господинъ Ленуаръ внимательно посмотрѣлъ на кровь, потомъ на Поля, и потомъ на сестру Инесъ. Онъ покачалъ головой и, удерживая слезы, вздохнулъ:

— Я же говорилъ, что это только первый снарядъ... Не надо было ходить... Проклятые нѣмцы!..

II.

Раввинъ Осія.

Утромъ, въ субботу, раввинъ Осія долго молился Богу. Онъ молился о грѣхахъ всего міра, объ убитыхъ и объ Израилѣ, разбѣянномъ по землѣ. Онъ молился съ вѣрою и смиреніемъ. Развѣ не сказано у пророка: „Отъ устъ Всевышняго происходитъ бѣдствіе и благополучіе?“

Отъ мороза заледенѣло окно, и отъ этого улица казалась мутно-сѣраго цвѣта, и люди были не люди, а туманныя тѣни. Но шаги ихъ звонко раздавались по тротуару. Окончивъ молитву, раввинъ Осія вышелъ изъ дому и присѣлъ на скамейку, возлѣ крыльца.

Солнце только что-встало, и багровые, зимніе, не грѣющие лучи сверкали въ замерзшихъ лужахъ. У воротъ артиллерійскій солдатъ чистилъ лошадь, и она фыркала и перебирала ногами. Отъ нея шелъ густой, прозрачно-розовый паръ. На востокѣ охала пушка. Раввинъ Осія привыкъ къ ея звуку. Онъ не слышалъ его. Онъ радовался субботнему дню и январскому морозному солнцу.

Артиллерійскій солдатъ подошелъ къ скамейкѣ.

— Добрый день, господинъ Осія.

— Здравствуй, мой сынъ.

Всѣмъ солдатамъ,—католикамъ, евреямъ и лютеранамъ,—онъ одинаково говорилъ: „мой сынъ“. Онъ былъ старъ, у него была сѣдая, пожелтѣвшая отъ времени борода, и ему казалось, что онъ живетъ на свѣтѣ почти столько же лѣтъ, сколько жили Маусиль или, по крайней мѣрѣ, Енохъ. А солдаты—мальчики. Даже ополченцы годятся ему въ сыновья. И кромѣ того, развѣ его два внука не сражаются подъ Верденомъ? И онъ самъ развѣ не духовный отецъ?

— Вы слышите, господинъ Осія?

Раввинъ Осія прислушался. Пушки грохотали сильнѣе и чаще. Какъ будто кто-то многоголосый стоналъ и жаловался за горизонтомъ. И еще кто-то маленький, злобный, не переставая выстукивалъ на швейной машинѣ.

— Это стучатъ пулеметы.

— Ты говоришь: пулеметы?

— Да, сегодня атака.

— Гдѣ?

— Въ Рибекурѣ. Атакуетъ 16-й полкъ.

Раввинъ Осія задумался. Опять атака. Опять сотни раненыхъ и убитыхъ. Опять душа повержена въ прахъ. Но вѣдь Господь—судія и законодатель.

Онъ всталъ и прошелъ въ „Грандъ Отель“, къ коменданту. Черезъ четверть часа онъ уже ѣхалъ въ лазаретномъ автомобилѣ

туда, гдѣ слышалась перестрѣлка,—въ опустошенный неспрятымъ Рибекурѣ. Шоссе было избѣжено и изрыто, и автомобиль, пыхтя, подпрыгивалъ на ухабахъ. Дребезжали оконныя стекла, скрежеталъ усталый моторъ, и скрипѣли подержанныя рессоры. Рядомъ съ раввиномъ Осіей сидѣлъ католическій патеръ, отецъ Антуанъ. Онъ сидѣлъ съ молитвенникомъ въ рукахъ. Но онъ не молился. Онъ озабоченно слушалъ.

— Вамъ не кажется, что теперь пулеметы дальше?

Раввинъ Осія кивнулъ головой.

— Не значить ли это, что атака подвинулась къ лѣсу?

— Если бы далъ Господь...

— Въ 16-мъ полку у васъ много духовныхъ дѣтей?

— Евреи разбѣяны повсемѣстно...

Отцу Антуану хотѣлось еще говорить. Но раввинъ Осія утомленно закрылъ глаза. Развѣ прилично разговаривать передъ лицомъ близкой смерти? Нужно приготовиться къ ней, чтобы вразумить и наставить тѣхъ, которые увидятъ ее. Отецъ Антуанъ вздохнулъ и сталъ читать про себя молитвы.

Автомобиль остановился у первыхъ разстрѣлянныхъ, домовъ Рибекюра. Раввинъ Осія и отецъ Антуанъ вмѣстѣ вышли на площадь. Надъ городской школой развѣвалось бѣлое знамя съ нашитымъ краснымъ крестомъ, и у дверей ея толпились раненые солдаты. Когда раввинъ Осія и отецъ Антуанъ проходили мимо школьнаго сада, надъ ихъ головами прозвенѣлъ, свистя, снарядъ и взорвался у церкви. Онъ взорвался съ такимъ оглушающимъ шумомъ, и такъ остро запахло гарью, что отецъ Антуанъ невольно склонился къ землѣ. Раввинъ Осія даже не ускорилъ шаговъ.

За Рибекуромъ разстлалось заиндѣвленное, кое-гдѣ запорошенное снѣгомъ, поле. На горизонтѣ былъ лѣсъ, обнаженный и рѣдкій. Именно въ лѣсу не умолкала частая перестрѣлка, и въ траншеяхъ, у тонкоствольныхъ осинъ, виднѣлись голубыя шинели: 16-й полкъ уже занялъ атакованную опушку.

Въ полѣ они раздѣлились. Отецъ Антуанъ повернулъ направо, раввинъ Осія налѣво. Оба искали своихъ духовныхъ дѣтей. Стонали раненые, и повизгивали шальные пули. Раввинъ Осія оставался около лежавшихъ солдатъ, перевязывать ихъ и давать имъ напитокъ. Онъ незамѣтно приближался къ траншеямъ. Въ ста метрахъ по правую его руку, такъ же останавливаясь на зовъ, медленно двигался отецъ Антуанъ.

Раввинъ Осія уже подходилъ къ опушкѣ, когда увидѣлъ, что отецъ Антуанъ схватился за грудь и, постоявъ, неожиданно упалъ на колѣни. Съ колѣнъ онъ не всталъ, а легъ ничкомъ прямо въ снѣгъ. Одна его рука подогнулась, а другую онъ продолжалъ держать на груди. Раввинъ Осія подошелъ и нагнулся надъ нимъ.

— Отецъ Антуанъ!..

— Я умираю...

— Молитесь, отецъ Антуанъ.

— Умираю... Помолитесь вы за меня.

Раввинъ Осія заколебался. Потомъ онъ сказалъ:

— Я еврей, отецъ Антуанъ.

— Богъ одинъ... Прочтите вашу молитву.

Тогда раввинъ Осія повернулся лицомъ къ востоку и, старый, дряхлый, сѣдобородый, началъ читать раздѣльно и громко:

„Вѣчный радуется твореніямъ своимъ.“

„Вѣчный всегда справедливъ“

„И милостивъ во всѣхъ дѣлахъ.“

„Твоя доброта и Твое прощеніе выше небесъ.“

„Возрадуй душу слуги Твоего,“

„Ибо къ Тебѣ стремится она,“

„Къ Тебѣ, Боже, добрый, милостивый и полный прощенія.“

„Ты справедливъ, и рѣшенія Твои справедливы.“

„Господь даетъ жизнь и смерть.“

„Онъ хоронитъ людей, и Онъ воскрешаетъ ихъ.“

„Господь Саваоѣ, счастливъ тотъ человекъ, который вѣритъ въ Тебя!“...

При послѣднихъ словахъ раввинъ Осія почувствовалъ себя дурно. Онъ не понималъ, въ чемъ дѣло, но у него подкосились ноги, и онъ упалъ рядомъ съ отцомъ Антуаномъ. Отъ холоднаго снѣга ему стало больно, и онъ увидѣлъ, что снѣгъ подъ нимъ порозовѣлъ и намокъ. Тогда онъ прижался головою къ землѣ. „Да прославится имя Вѣчнаго“,—подумалъ онъ и пересталъ жить.

Въ бѣломъ полѣ прибавилось два пятна,—двѣ черныя ясы, два неподвижныхъ человѣческихъ тѣла. Спустились сумерки. Таялъ снѣгъ. Изъ Рибекюра медленно выходили съ носилками санитары...

Маргарита Транкиль.

Разсказъ Юрія Волина.

Маргарита Транкиль служитъ уже пять лѣтъ гувернанткой въ семьѣ Макаровыхъ.

Когда ее выписали изъ Франціи, ей было поставлено условіе: — Ни слова по-русски! Вы не должны даже пытаться учиться русскому языку. Иначе, дѣти будутъ васъ учить, вмѣсто того, чтобы вы ихъ учили. Согласны, мадемуазель?

Конечно, Маргарита Транкиль согласилась. Она приняла бы и болѣе тяжелыя условія — не возвращаться же ей домой! А въ Россіи у нея никого не было, и если бы ей пришлось искать

новаго мѣста, она совсѣмъ потерялась бы въ огромной чужой странѣ.

Еще въ монастырской школѣ въ Шампани она слышала, что въ Россіи много французовъ и француенокъ; что французская дѣвушка, принужденная обстоятельствами добывать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, можетъ смѣло двинуться въ эту далекую страну, гдѣ найдется для нея мѣсто учительницы въ домѣ одного изъ богатыхъ русскихъ „бояръ“. Она представляла себѣ, что въ Россіи она сразу попадетъ въ общество своихъ

соплеменниковъ и непременно встрѣтятся съ двумя старшими подругами по школѣ, уже два года живущими въ Россіи. Но она очутилась въ маленькомъ южномъ городкѣ, гдѣ не было ни одного француза. Приглашеніе отъ Макарова пришло къ начальницѣ школы черезъ какое-то бюро. Начальница предложила Маргаритѣ Транкиль. Маргарита, уже полгода окончившая школу и мечтавшая о побѣздкѣ въ Россію, охотно приняла приглашеніе. О городахъ Россіи она имѣла весьма смутное понятіе, и въ ея представленіи о Россіи странно сочетались два противорѣчивыхъ начала: безграничность и слитность; будто Россія—это что-то безпредѣльное, но въ то же время единое, въ родѣ одного огромнаго города.

Въ первое время было страшно. Маленькій городокъ, почти такой, какъ ея родное селеніе, и ни одного француза! Потомъ привыкла. Небо было похоже на ея родное небо. Лѣтомъ росли здѣсь тѣ же фрукты и овощи: виноградъ, персики, маслины, помидоры, кабачки, дыни. Зима была недолгая и гнилая. Когда Маргаритѣ дѣлалось очень тоскливо и хотѣлось думать о родинѣ, она уходила изъ дому и бродила за городомъ среди виноградниковъ и баштановъ, и ей легко было представить себѣ, что она дома, пріѣхала на каникулы, и что сейчасъ, за угломъ, увидитъ она лавочку тетки Жубло и забѣжій дворъ хромого Птижана.

Скучно было Маргаритѣ Транкиль, чтѣ и говорить! Можетъ-быть, если бы ей не запретили учиться по-русски, она не такъ бы скучала. Такъ начала она думать послѣ двухъ первыхъ лѣтъ жизни въ семьѣ Макаровыхъ, когда ухо уже привыкло къ звукамъ русской рѣчи и даже стало улавливать въ ея протяжной округлости красивую музыкальность. Но говорить по-русски она такъ и не научилась.

Макаровъ былъ богатымъ помѣщикомъ и фабрикантомъ. Имѣніе и фабрика его примыкали къ самому городку, и здѣсь они жили безвыѣздно зиму и лѣто въ большомъ домѣ съ многочисленными террасами, верандами и бесѣдками. Много и вкусно ѣли, много смѣялись, танцовали, музицировали, принимали гостей. Маргарита чувствовала себя хорошо. Не съ кѣмъ было только поговорить по душѣ. Мадамъ Макарова говорила по-французски очень слабо и только по предметамъ домашняго обихода, должно-быть, училась по какому-нибудь специально приспособленному для туристовъ лексикону-путеводителю; въ первое время мадамъ Макарова пыталась расширить свои познанія, но очень скоро это ей надобѣло, да и отвлекали гости, заботы по хозяйству. Дѣти, двѣ дѣвочки, ученицы Маргариты, были малы. Маргаритѣ Транкиль не съ кѣмъ было поговорить не объ усѣбахъ дѣтей,

не о погодѣ, не о новыхъ фасонахъ платьевъ, а о своемъ, о сердечномъ.

Впрочемъ, если бы такой собесѣдникъ нашелся, матеріала для душевныхъ изліяній у Маргариты едва ли хватило бы на два дня. У маленькой Маргариты Транкиль были совсѣмъ маленькіе умственные и душевные горизонты. Она такъ мало видѣла въ своей жизни и такъ мало пережила! Даже о Парижѣ она знала только по слухамъ и изъ книгъ, и Франція представлялась ей рядомъ такихъ самыхъ городковъ, въ какомъ она жила. И думы ея и мечты были такими незначительными, такими простенькими, что и дѣлиться-то съ кѣмъ-нибудь нечѣмъ было!

Но оттого, что поговорить было не съ кѣмъ, Маргаритѣ казалось, что душа ея переполнена огромнымъ и волнующимъ содержаниемъ. И часто плакала маленькая одинокая иностранка оттого, что не могла подѣлиться призрачными богатствами своей души.

Я познакомила съ Маргаритой Транкиль совсѣмъ недавно, на исходѣ второго года войны.

Она такъ заволновалась, такъ покраснѣлась, когда я заговорила съ ней по-французски, что мнѣ стало неловко и захотѣлось даже какъ-нибудь незамѣтно уйти, уклониться отъ слишкомъ экспансивной собесѣдницы.

Удержала меня госпожа Макарова. Она тоже была рада.

— Поговорите съ ней, пожалуйста, поговорите! — просила хозяйка. — Вы знаете, это такъ ужасно! Она совсѣмъ одинока, наша бѣдная Маргарита! То-есть, вы не подумайте, что ее обижаютъ или даже не замѣчаютъ... Тутъ одинъ почтовый чиновникъ такъ влюбленъ въ нее, что цѣлыя ночи просиживаетъ за Марго, но за три года онъ научился только писать любовныя письма въ пять строкъ, и даже мои дѣвочки хохочутъ надъ этими письмами. Я такъ рада, что вы поговорите съ ней! Въдѣ она много пережила за эти два года!.. Она сильно измѣнилась, наша бѣдная Маргарита!

Вечеромъ мы вышли съ Маргаритой въ садъ.

— Мосѣ, въдѣ вы читаете газеты?

— Конечно, мадемуазель!

— Чтѣ пишуть въ газетахъ о Франціи?

— Неужели вы ничего не знаете?

Она подняла на меня глаза, полные обиды.

— Чтѣ вы! Чтѣ вы, мосѣ! Я знаю, я знаю многое! Но я хочу знать больше. Откуда я знаю? Мнѣ тринадцатилѣтняя Кетъ читаетъ иногда газету и переводитъ. Но это такъ трудно для нея! Чтѣ она понимаетъ? И я не понимаю ничего въ этой поли-

По аэроплану.

Изъ походнаго альбома. Рис. Л. Сологуба.

Обозные.

Изъ походнаго альбома. Рис. Л. Сологуба.

тикъ. Но я знаю, что война. И я знаю, что моего городка уже нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, мосьё! Былъ и нѣтъ! Такъ было написано въ газетѣ, въ вашей русской газетѣ, мосьё! Пришли нѣмцы и засыпали мой городокъ снарядами, а потомъ, когда наши отошли, сравняли его съ землей. Такъ было написано въ газетѣ. Вѣдь русскія газеты пишутъ правду, мосьё?

— Ну, а ваши? Вѣдь у васъ тамъ есть родные?

— Были, мосьё!

— И вы ничего о нихъ не знаете?

— Ничего, мосьё! Я получила послѣднее письмо въ тотъ самый день, когда началась война... Ничего не знаю, мосьё! Знаю только, что нашего городка нѣтъ. И домика, въ которомъ жила моя мать съ моимъ братцемъ Жако, уже нѣтъ... И монастыря нашего нѣтъ... Я писала, мосьё, а матери писала и начальницѣ школы писала, и никто мнѣ не отвѣтилъ... А больше мнѣ некому писать, мосьё!

Нѣсколько минутъ мы оба молчали. Потомъ, съ внезапнымъ приливомъ откровенности, торопливо заговорила французенка.

— О, если бы видѣли моего братца Жако! Это удивительный мальчикъ, мосьё!.. Когда я уѣхала, ему было восемь лѣтъ, теперь ему тринадцать... О будущемъ ничего нельзя знать, не такъ ли? Но я знала, мосьё, что нашъ Жако будетъ замѣчательнымъ человекомъ, и имъ будетъ гордиться нашъ городъ. Сказать вамъ, зачѣмъ я поѣхала въ Россію, мосьё? Только за тѣмъ, чтобы собрать денегъ для Жако. Только за этимъ. Вѣдь безъ денегъ въ жизни ничего не сдѣлаешь, не такъ ли? Жако надо учиться, а моя мать бѣдна, мосьё. У моей матери есть домикъ и огородъ и больше ничего нѣтъ у моей матери. И я поѣхала собирать на образованіе Жако. Мнѣ повезло, мосьё!.. Мадамъ Макарова такая добрая. Она разрѣшила мнѣ давать въ свободные часы уроки, и у меня есть три урока. Я откладывала семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, мосьё. И когда мнѣ становилось грустно, я уходила въ свою комнатку и считала свои деньги, и переводила рубли на франки, и выходило такъ много, что я пла-

кала отъ радости, мосьё!.. Вы знаете, я успѣла собрать восемь тысячъ франковъ!.. Я уже писала Жако: „готово! Еще немного, и я вернусь домой. Мы поѣдемъ съ тобой въ Парижъ, ты будешь учиться, а я буду работать“... Мнѣ было хорошо, мосьё, и была счастлива... Что же теперь, мосьё?.. Развѣ я могла думать, что поднимется буря и снесетъ весь нашъ городокъ и унесетъ мою старую мать и моего маленькаго Жако?

— Но, можетъ-быть, они оба живы и невредимы. Вѣдь вы же не имѣете никакихъ свѣдѣній о нихъ. Зачѣмъ предполагать худшее? Вѣдь война ведется не съ женщинами и дѣтьми!

Маргарита Транкиль грустно улыбнулась.

— И я хочу такъ думать, мосьё!.. Но если они живы, почему они не даютъ знать о себѣ? Вѣдь они знаютъ мой адресъ. Вѣдь я ни за какія деньги теперь не стала бы мѣнять мѣста для того, чтобы они знали, гдѣ я нахожусь!

— Но если они остались въ мѣстности, занятой непріателемъ, они не могутъ вамъ написать.

— И я хочу такъ думать, мосьё! О, я все передумала. Я совсѣмъ ничего не понимаю въ политикѣ, мосьё! Но я все-таки стараюсь разобраться... Я не знаю, какъ на войнѣ, что дѣлаютъ съ женщинами и дѣтьми, которыя попадаютъ въ плѣнъ. И мнѣ не у кого спросить, мосьё!.. Вы же знаете этотъ городокъ!.. Если бы я хоть могла говорить по-русски!.. Вѣдь теперь уже не продаютъ плѣнниковъ въ рабство, не такъ ли? Я учила исторію въ монастырской школѣ и учила о многихъ войнахъ, но я не помню, чтобы тамъ что-нибудь было о женщинахъ и дѣтяхъ, которыя попадаютъ въ плѣнъ!

Я постаралась успокоить бѣдную Маргариту Транкиль.

Я увѣрилъ ее въ томъ, во что самъ хотѣлъ вѣрить: что война между культурными народами ведется на началахъ строго опредѣленныхъ нормъ; что грандіозныя арміи не растаптываютъ попадающихъ подъ ноги мирныхъ людей и бережно отводятъ въ сторону отъ разрушительнаго огня женщинъ и дѣтей. Я говорилъ наивной иностранкѣ о томъ, что должно было быть, но чего—увъ!—нѣтъ въ этой ужасной борьбѣ изступленныхъ тевтоновъ противъ всего міра.

Она повѣрила мнѣ. Вѣдь она не читала газетъ.

— Я и сама такъ думала,—тихо сказала Маргарита Транкиль.—

Вышли въ поле.

Изъ походнаго альбома. Рис. Л. Сологуба.

Развѣ я могла думать иначе? Вѣдь, если бы... — она остановилась и взглянула на меня какъ-то робко и безнадежно, — если бы я думала иначе... если бы я перестала ждать... вы понимаете, мосьё?.. если бы я перестала ждать, я перестала бы и жить!.. Ну да, мосьё! Вѣдь у каждого человѣка должна быть цѣль жизни, не такъ ли?.. А зачѣмъ мнѣ жить, если нѣтъ Жако?.. И зачѣмъ мнѣ работать? Зачѣмъ копить франки?.. Можетъ-быть, насъ плохо учили въ нашей школѣ, можетъ-быть, мосьё! Но для меня вѣдь это уже непоправимо, мосьё! Я понимаю только жизнь для кого-нибудь, мосьё!.. Я маленькая глупая дѣвушка, и моя жизнь ничего не стоитъ, если она никому не нужна! Развѣ не такъ, мосьё?

Я, конечно, попытался ее увѣрить, что это вовсе не такъ, что жизнь прекрасна сама по себѣ. Но мнѣ не удалось переубѣдить маленькую Маргариту. Она даже не спорила со мной, не возражала, но я видѣлъ по ее глазамъ, что мои слова проходят мимо ее сознания. Въ строгой иезуитской школѣ умѣютъ вымуштровывать молодую душу, обрубать крылья жизненной радости, надѣвать цѣпи долга. Бѣдная Маргарита Транкиль не понимаетъ иной жизни, кромѣ жизни во имя долга. Ей нуженъ маленький Жако. Если нѣтъ Жако, ей не зачѣмъ жить.

— Не беспокойтесь о немъ! — увѣренно сказалъ я. — Вашъ Жако живъ и невредимъ. Въ газетахъ писали, что мирное население вашей провинции не пострадало. Ждите вашего Жако, мадемуазель, и продолжайте свое дѣло. Собирайте франки для его образования...

Пусть ждетъ маленькая Маргарита Транкиль, пусть вѣрить.

Найдется ли жестокий, который разуверитъ ее, расскажетъ ей правду о мирныхъ жителяхъ, о женщинахъ и дѣтяхъ, растоптанныхъ сапогами германскихъ полчищъ? Маленькой Маргаритѣ

Вѣдовой Чернышевъ съ конемъ Шлаккомъ.

Изъ походнаго альбома.
Рис. Л. Сологуба.

везетъ. Болтливые гости Макаровыхъ ей ничего не расскажутъ: они не говорятъ по-французски.

Ну, а потомъ?

Потомъ, когда кончится война... Но, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ живъ и здоровъ тринадцатилѣтній Жако? Не всѣ же дѣти погибли въ опустошенномъ краю!

Пусть ждетъ маленькая Маргарита Транкиль, пусть вѣрить.

Въ изгнаніи.

Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ.

На солнечномъ берегу Нормандіи, близъ Гавра, подъ защитой скалъ, пріютился Сентъ-Адрессъ, городокъ виллъ, построенный въ качествѣ конкурента Ниццѣ или Канну, а нынѣ служащій мѣстопребываніемъ бельгійскихъ изгнанниковъ съ членами кабинета министровъ во главѣ.

Недавно Сентъ-Адрессъ посѣтилъ извѣстный датскій писатель Йоргенсенъ, авторъ имѣвшей огромный успѣхъ книги „Колоколъ. Роландъ“, посвященной страданіямъ и героизму Бельгій (2). Писатель видѣлся тамъ со своей давнишней доброй знакомой, г-жей де-Віаръ, супругой бельгійскаго министра юстиціи, и въ датской газетѣ „Национальtiden“ передаетъ ей рассказъ о претерпѣнныхъ ею невзгодахъ въ нѣмецкомъ плѣну.

„Было это въ началѣ августа 1914 г. Вы знаете, что въ Брюсселѣ, какъ и во многихъ другихъ бельгійскихъ городахъ, проживало значительное число нѣмцевъ. Мужчины, призванные въ армію, уѣхали въ Германію, а женщины и дѣти остались. Наше правительство обратило большой цѣрь на Rue de l'Enseignement въ концентраціонный лагерь для нихъ. Многія нуждались въ самомъ необходимомъ. Я взяла на себя организовать имъ помощь, заботилась о раздачѣ имъ молока и сѣстныхъ припасовъ. Нѣкоторые изъ моихъ земляковъ находили даже, что мои заботы о нѣмцахъ заходили слишкомъ далеко, а нѣмцы отблагодарили меня за нихъ по-своему.

„Скоро у насъ явилось достаточно заботъ и о своихъ землякахъ. Льежъ палъ, Лувенъ былъ въ огнѣ, тысячи лишенныхъ крова хлынули изъ опустошенныхъ окрестностей въ столицу. Въмѣстѣ съ бургомистромъ Максомъ я устроила для бѣглецовъ бесплатныя столовыя въ пустовавшихъ по случаю дѣтнихъ каникулъ школьныхъ помѣщеніяхъ.

„18-го августа войска кайзера вступили въ Брюссель. Мужу моему пришлось послѣдовать за бельгійскимъ правительствомъ въ Антверпенъ. Я съ дѣтьми осталась въ зданіи министерства юстиціи на Rue de la Loix. Заботъ было много, и я надѣялась продолжать начатое дѣло попеченія о нашихъ бѣглецахъ. Мнѣ оказывали дѣятельную помощь двѣ дамы: г-жа Гастенъ де-Леваль, жена адвоката при американскомъ посольствѣ въ Брюсселѣ, и американка миссъ Каролина Гедгерсонъ; обѣ онѣ съ увлеченіемъ и знаніемъ дѣла вели борьбу съ распространяющеюся среди изгнанниковъ тифозною эпидеміею.

(2) Несколько сокращенный переводъ этой книги помѣщенъ въ №№ 20, 21, 22 и 23 „Нивы“ за этотъ годъ.

„Скоро однако фонъ-Биссингъ нашелъ мою дѣятельность подозрительной. Да и немногатаго для этого требовалось. Къ дверямъ моимъ поставили часового; никто не смѣлъ посѣщать меня безъ особаго разрѣшенія полиціи, а когда я выходила, за мной слѣдилъ переодѣтый въ штатское полицейскій. Даже моя младшая дочь, малютка, должна была имѣть при себѣ паспортъ, когда няня вывозила ее въ колясочкѣ на прогулку.

„Вполнѣ понятно, что меня подозрѣвали въ перепискѣ съ мужемъ. Въ декабрѣ 1914 года появилось чудесное пасторское посланіе кардинала Мерсье. Я раздавала экземпляры его вѣуюду, гдѣ только могла. Раздавала я также переписанныя на машинкѣ копіи съ рѣчи, произнесенной моимъ мужемъ въ Парижѣ, въ ратушѣ.

„Такая дѣла не остаются безнаказанными. Однажды ночью ко мнѣ ворвались нѣмецкіе полицейскіе и солдаты и произвели обыскъ. Въ погребѣ почудилось имъ какое-то тиканье, которое они приписали адекой машинкѣ, поставленной мною съ цѣлью взорвать на воздухъ себя и всѣхъ нѣмцевъ, проживавшихъ въ домѣ. Я пошла съ ними туда, откуда слышались подозрительные звуки, и оказалось, что источникомъ ихъ былъ водомѣръ, мирно исполнявшій свою обязанность! Не въ первый разъ, къ сожалѣнію, нѣмцы принимали мирные предметы за убійственныя адекія машины.

„При обыскѣ однако было обнаружено нѣсколько писемъ отъ бельгійскихъ солдатъ съ фронта. И этимъ было доказано, что я, обходя нѣмецкаго цензора, вела сношенія съ моими воюющими земляками и служила посредницей между солдатами, находившимися по ту сторону Изера, и ихъ оставшимися семьями. Этого было достаточно, чтобы нѣмцы могли возбудить противъ меня судебное преслѣдованіе.

„Двадцать часовъ держалъ меня на допросѣ военный слѣдователь. Онъ забралъ себѣ въ голову, что я соучастница въ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью погубить фонъ-Биссинга. Кромѣ того, меня обвиняли въ томъ, что я сообщила союзникамъ о расположеніи германскихъ войскъ въ Бельгій. Невзирая на всю серьезность положенія, я не могла не замѣтить комизма моего судьи. Въ одной изъ моихъ записныхъ книжекъ онъ нашелъ слѣдующія слова Талейрана: „гражданина легко сдѣлать военнымъ; военнаго превратить въ гражданина невозможно“. Какъ это ни невѣроятно, слѣдователь усмотрѣлъ въ этихъ словахъ намекъ на организованную, по слухамъ, бельгійскимъ правительствомъ партизанскую войну. „Кто такой Талейранъ?“ — спросилъ

Къ этому нумеру прилагается для гг. **иногородныхъ** подписчиковъ **подписной бланкъ** (въ двухъ экземплярахъ) для **заблаговременнаго** возобновленія подписки на «Ниву» **1917** года, при чемъ для удобства гг. подписчиковъ бланки отпечатаны на **почтовыхъ переводахъ** установленнаго образца, которыми можно воспользоваться для перевода подписныхъ денегъ. Второй экземпляръ подписнаго бланка, предназначенный для новыхъ подписчиковъ, можетъ быть переданъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы подписаться на „Ниву“ 1917 г.

онъ.—„Министръ“.—„Такъ! Министръ. Гдѣ?“—„Французскій министръ“.—„Ага! Вы, слѣдовательно, сознаетесь, что состояли въ сношеніяхъ съ французскимъ министромъ?“—„Я ни въ чемъ не сознаюсь. Я отвѣчаю на ваши вопросы“.—„Какое же министерство у этого министра?“—„Иностранныхъ дѣлъ“.—„Не подходит. Министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи—Делькассэ“.—„Я не говорила о теперешнемъ министрѣ“.—„Стало-быть, это бывшій?“—„Даже весьма. Онъ былъ министромъ при королѣ французскомъ“.—„Мадамъ, вы насмѣхаетесь надъ германскимъ правосудіемъ!“

Тутъ г-жа де-Віаръ разсмѣялась и продолжала:

— Да и какъ было не смѣяться! Тотъ же самый достойный представитель власти нашелъ подозрительнымъ, что моя дочь носить имя Гудулы, святой покровительницы Брюсселя. Какъ будто мы еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ имѣли въ виду демонстративно подчеркивать свою національность передъ господами нѣмцами! Впрочемъ, что бы я ни говорила, о чемъ бы ни умалчивала,— я была заранѣе осуждена.

„18-го мая меня наконецъ арестовали. Три дня меня держали взаперти въ комендантствѣ, 21-го мая подвергли новому допросу, на этотъ разъ передъ судомъ въ полномъ составѣ, и въ теченіе семи часовъ я сама себя защищала, я не хотѣла, чтобы бельгійскій адвокатъ, который защищалъ бы меня, навлекалъ на себя месть нѣмцевъ. Къ моему торжеству, у предѣдателя суда однажды вырвалось: „Видно, что вы замужемъ за адвокатомъ, сударыня!“

„Затѣмъ послѣдоваль приговоръ: три съ половиной мѣсяца заключенія въ тюрьмѣ. Изъ этого срока дѣльный мѣсяць приходился мнѣ только за распространеніе пастырскаго посланія кардинала! А полмѣсяца было мнѣ прибавлено для того, чтобы подвести меня подъ постановленіе, согласно которому наказаніе заключеніемъ на срокъ свыше трехъ мѣсяцевъ должно отбываться въ Германіи, а не въ Бельгіи. На слѣдующее утро мнѣ уже велѣно было выѣхать. Я просила о разрѣшеніи взять съ собой младшихъ дѣтей,—мнѣ отказали. Я просила, по крайней мѣрѣ, разрѣшить мнѣ повидаться съ дѣтьми на прощаніе,—и въ этомъ было отказано. Тогда наступила минута, когда мужество мнѣ измѣнило: оставшись одна въ своей камерѣ, я разрыдалась“.

Г-жа де-Віаръ помолчала, затѣмъ, порывшись въ ящикъ стола, подала Йоргенсену бумагу со словами: „Вотъ приговоръ“.

Это было объявленіе, которое нѣмцы распорядились расклеить на улицахъ брюссельскихъ улицъ. Оно гласило такъ:

Приговоръ.

Госпожа Картонъ де-Віаръ, жена бывшаго министра юстиціи, осуждена 21-го августа 1915 года военнымъ судомъ къ тюремному заключенію на 3½ мѣсяца. Госпожа Картонъ де-Віаръ созналась, что вообще постоянно и во множествѣ отдѣльныхъ случаевъ пересылала, помимо германской почты, свои и чужія письма какъ въ Бельгію, такъ и по ту сторону голландской границы. Она та-

(Продолженіе см. на стр. 690).

Mater Dolorosa Belgica.

Картина Франка Брангвина.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1917 года.

Въ будущемъ году *Нива* исполнится 48 лѣтъ. Крѣпкими корнями вросла она въ русскую жизнь, изъ года въ годъ, еженедѣльно, регулярно, безмѣнно приходя въ русскую семью съ книгами Чехова, Достоевскаго, Гончарова, Тургенева, Гоголя, Искандера, Алексѣя Толстого, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Куприна, Леонида Андреева, съ собраніями стиховъ нашихъ крупнѣйшихъ поэтовъ Майкова, Фета, Тютчева, съ картинами лучшихъ художниковъ, съ романами извѣстныхъ писателей, съ лѣтописью родной дѣйствительности, вѣрной, нелицепріятной.

Теперь, когда у Россіи одна дума—война, у *Нивы* естественно единственная тема—война. Покуда Россія не завоеуетъ себѣ прочнаго мира, *Нива* будетъ подробнѣйшей лѣтописью русской героической славы. Матери, жены и сестры нашихъ доблестныхъ воиновъ найдутъ въ ней иѣжнаго и вѣрнаго друга, а сами воины—боевого товарища, раздѣляющаго ихъ пламенный духъ.

Въ „Нивѣ“ будутъ, какъ и въ первые два года войны, печататься рассказы о боевыхъ эпизодахъ, корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, портреты отличившихся или павшихъ героевъ, описанія наиболее примѣчательныхъ подвиговъ. По-прежнему выдающійся специалистъ по военнымъ вопросамъ

К. М. Шумскій будетъ вести на страницахъ *Нивы* „Дневникъ военныхъ дѣйствій“, разъясняя и комментируя все непонятныя и сложныя явленія запутанной стратегической обстановки на многочисленныхъ фронтахъ грандіозной войны.

Вмѣстѣ съ родной всю себя отдавъ интересамъ войны и ея дѣятелямъ на боевыхъ постахъ, посвящая имъ все страницы еженедѣльнаго журнала, „Нива“ не забываетъ и своей мирной позиціи, своей безмѣнной службы культурному росту родины. Основа ея—„Сборники *Нивы*“, библиотека писателей-классиковъ.

На будущій годъ мы рѣшили въ выборѣ авторовъ для „Сборника *Нивы*“ руководиться указаніями самихъ читателей и дать сочиненія писателей, которыхъ выдѣлили своимъ исключительнымъ, небывалымъ въ исторіи нашего книжнаго дѣла, вниманіемъ самъ читатель, сама публика. Наши подписчики давно уже просятъ и требуютъ, чтобы мы дали имъ книги любимѣйшаго русскаго автора—М. Горькаго.

Нива и сама сознавала эту свою святую обязанность. Мы давно уже мечтали распространить по лицу всей Россіи волнующе-прекрасныя творенія властителя думъ, и вотъ теперь съ радостной гордостью спѣшимъ сообщить читателямъ, что мы получили возможность дать нашимъ подписчикамъ на 1917 годъ первую серію

I. ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ М. ГОРЬКАГО.

Сколько экстазическаго счастья внесутъ эти кинучія книги во всякую незаинтересованную душу, какъ онѣ встряхнутъ ее, окрылятъ, вобудоражатъ!

Горькій—поэтъ героической удали. Онъ молніей ворвался въ нашу жизнь, и все въ ней опрокинулъ, зажегъ, освѣтилъ. Мы ныкали отъ мертвящей тоски, онъ явился къ намъ, какъ нѣкій пророкъ, и пламенными, гнѣвными словами проклялъ нашу косность и тѣнь. Онъ пришелъ въ литературу изъ самыхъ „низовъ“—откуда же и приходятъ пророки!—чтобы устами народа обличить нашу дряблую жизнь, недостойную великой Россіи. Онъ вывелъ передъ ошеломленнымъ читателемъ романтически-прекрасныхъ, вдохновенныхъ мятежниковъ, которые указали намъ ослѣпительный путь изъ пошлаго и тусклаго быта. — Человѣкъ великъ и божественъ, онъ созданъ для блаженства и творчества, почему же его жизнь такъ мучительна?—вотъ вѣчный вопросъ Горькаго, вотъ та постоянная тревога, которая волнуетъ его. „Люди, отчего вы такъ несчастны?“—спрашиваетъ онъ неутомимо, ибо, куда ни посмотритъ, видитъ вмѣсто владыкъ естества невооруженныхъ, убогихъ калѣкъ, для которыхъ жизнь—не упительный праздникъ, а каиново проклятис, боль. И, созерцая ихъ скорбную жизнь, Горькій охваченъ титанически-страстнымъ порывомъ: спасти ихъ отъ этихъ страданій, повести ихъ къ торжеству и ликованію, потому что нѣтъ такого счастья, такой радости, которыхъ не былъ бы достоинъ человѣкъ. „Человѣкъ—это звучитъ гордо! Человѣкъ—святыня. Все—для человѣка. —Люди, вы и сами не знаете, какъ вы сильны и прекрасны“. — говоритъ своими твореніями Горькій. Его книги—восторженные псалмы человѣку, не нынѣшнему, дрянному и дряхлому, а человѣку грядущему, человѣку свободному, выпрямившемуся, впервые въ исторіи, во весь свой человѣческій ростъ. Горькій—иѣвецъ будущаго, онъ не озирается, а смотритъ впередъ и, прозрѣвая наше грядущее счастье, нетерпѣливо торопится его.

Залогъ этого счастья—работа, творческая, хоровая, всемирная.

Если въ раннихъ молодыхъ своихъ книгахъ, въ „*Пѣснь о Сократѣ*“, въ „*Челкашичѣ*“, „*Макарь Чудръ*“, „*Буревѣстникъ*“, „*Мальвъ*“ Горькій выступилъ поэтомъ мятежей

и безумныхъ, безоглядныхъ порывовъ, то позднѣе, когда его дарованіе созрѣло, Горькій сталъ поэтомъ Труда, человѣческой, дружной Работы. „Онъ первый изъ русскихъ писателей,—говорить о немъ одинъ его критикъ,—религіозно увѣровалъ въ трудъ. Только поэтъ-пролетарій, поэтъ-цеховой, сынъ мастерового, ввукъ бурлака, могъ внести въ наши русскія книги такую небывалую новую тему. До Горькаго въ русскихъ книгахъ и душахъ была лишь поэзія непротивленія, смиренія, невѣданія, млѣнія, оцѣпенѣнія, коснѣнія. Онъ—единственный—восхищенно заглядывалъ, какъ человѣчество многомилліонной веселой артелью перестраиваетъ свое проклятое пекло въ праздничный, ласковый рай... Трудъ и любовь расколдуютъ тѣ черныя чары, которыми мы, короли и красавцы, превращены въ прокаженныхъ калѣкъ“.

Оттого такъ радостны его послѣднія книги: „*Городокъ Ожуровъ*“, „*Матвѣй Кожемякинъ*“, „*Дѣтство*“, „*Въ людяхъ*“. Онъ вѣритъ въ неминуемое приближеніе всемірнаго, всенароднаго счастья!

Въ началѣ творчества онъ воспѣвалъ буйную, дикую силу, даже безпощадную, даже губящую, но, приблизившись къ истокамъ русской жизни, сталъ задушевенъ и нѣженъ. И если его раннія вещи создали ему небывалую мировую славу, вызвали столько восторговъ, каково же должно быть наше преклоненіе предъ нимъ, когда его талантъ возмужалъ и окрѣпъ, а міросозерцаніе углубилось! Постепенно со страницъ его повѣстей и романовъ сошли одни за другимъ эффектные романтики-герои, и вмѣсто нихъ появились подлинныя, неприкрашенные русскіе люди, изображенные щедро кистью могучаго реалиста-художника.

Послѣ М. Горькаго, сочиненія котораго разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, наиболѣе любимъ публикой—*Надсонъ*. Съ его кончины прошло 29 лѣтъ, и сочиненія его выдержали уже 28 изданій по 6.000 экземпляровъ, а за послѣдніе годы Литературный Фондъ, которому завѣщала *Надсонъ* свое литературное наслѣдіе, выпускаетъ изданія по 12.000 экземпляровъ... Эти двѣсти тысячъ экземпляровъ указываютъ, къ кому особенно тяготѣетъ душа русскаго читателя, и мы идемъ ему навстрѣчу и даемъ вмѣстѣ съ сочиненіями М. Горькаго

II. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ С. Я. НАДСОНА.

Какъ грустно, что Надсонъ умеръ, не дождавшись появленія Горькаго. Всю поэзію Надсона можно назвать тоскою по Горьковщинѣ, страстнымъ предчувствіемъ Горькаго. — „Приди, я жду тебя!.. Я весь безумный вопль: приди, приди, пророкъ!“ — звалъ до самой смерти поэтъ. И хотя поколѣніе Надсона, безсильное и надломленное, не было создано для великихъ героическихъ подвиговъ, оно вѣчно тосковало по подвигамъ, оно мучительно жаждало ихъ.

Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ бѣньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей! —

жаждало тѣхъ экстазовъ и очистительныхъ грозъ, которыя принесъ съ собою Горькій. Оно вмѣстѣ съ Надсономъ восклицало:

Загоритесь взоры, развернитесь крылья!
Закипи порывомъ трепетная грудь!

Но все вокругъ было глухо и мертво, ибо еще не исполнились сроки, не настала пора Буревѣстника...

Надсонъ — вѣчный кумиръ молодежи. Вся молодая Россія молитвенно влюблена въ него, ибо онъ выразилъ и воспѣлъ въ своихъ стихахъ именно то, чѣмъ волнуются умы и сердца лучшихъ русскихъ юношей и дѣвушекъ: жажду безкорыстнаго служенія народу, жажду жертвенной любви къ униженнымъ и падающимъ, жажду борьбы за идеалы свободы и братства. Онъ многое

ненавидѣлъ, и въ своей ненависти тоже былъ заодно съ молодежью, обличая самодовольныхъ, тупыхъ, хищниковъ, пошляковъ, фарисеевъ. Потому-то его книга и стала для молодежи священной.

Для молодежи нѣтъ благотворнѣе книги, чѣмъ стихотворенія этого свѣтлаго юноши, уводящаго душу отъ порочныхъ соблазновъ, навѣвающаго на нее идеалистическій духъ. Особенно въ наше жестокое время нужно, чтобы для неопытныхъ, неокрѣвшихъ сердецъ прозвучалъ его возвышенный гимнъ:

Другъ мой, братъ мой, усталый страдающій братъ,
Кто бы ты ни былъ, не падай душой,
Пусть неправда и зло полновластно царить
Надъ омывтой слезами землей.
Пусть разбить и поруганъ святой идеаль
И струится невинная кровь,
Вѣрь, настанетъ пора и погубнетъ Вааль,
И вернется на землю любовь...

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ...

Миръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой. —
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбой.

Третье приложение на 1917 годъ предопредѣлено и извѣстно уже нашимъ читателямъ, это — **третья серія**

III. ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.

Въ эту серію входятъ такіе шедевры знаменитаго русскаго мастера, какъ романы: „Золото“, „Бурный потокъ“ („На улицахъ“), „Нужно поощрять искусство“, „Падающія звезды“, цѣлый рядъ сборниковъ, повѣстей и рассказовъ: „Любовь“, „Осенніе листья“, „Медовыя рѣчки“, „Вокругъ ракитова куста“ и др.

Читатели „Нивы“ успѣли уже полюбить мускулистый, полнокровный талантъ этого силача-самородка, который, какъ узловатый, могучій дубъ, стоитъ въ рощицѣ нынѣшней словесности среди чахлахъ своихъ современниковъ. Его принято называть „русскимъ Золя“, — какая несправедливость! Онъ почвенникъ и краксистъ Золя, ближе къ самымъ нѣдрамъ земли, слогъ у него богаче, пышнѣе, а глазъ острѣе и зорче. Никто еще не оцѣнилъ по достоинству тѣ самоцвѣтныя росы народной узорчатой рѣчи, которыми полны его книги. И какая у него энергичная,

кипучая фабула: тысячи сложнѣйшихъ завязокъ, развязокъ толпились у него въ головѣ и тѣснясь, перебивая другъ друга, спѣшили излиться на бумагу. Его сюжетовъ хватило бы десятку писателей! Онъ не любилъ разбѣиваться на мелочи и на маленькіе этюды и наброски — онъ бралъ всегда большіе холсты для огромныхъ широкихъ картинъ, и увѣренной кистью виртуоза изображалъ безмѣрные перспективы и дали, заполняя ихъ тысячами разнообразныхъ фигуръ!

Давая читателямъ въ одинъ годъ книги трехъ замѣчательныхъ русскихъ писателей: М. Горькаго, Надсона и Мамина-Сибиряка, „Нива“, вѣрная своимъ традиціямъ, не ограничитъ отечественной литературой и въключеннымъ уже ею въ бібліотеку читателей крупнѣйшимъ произведеніемъ иностранной литературы прибавитъ въ 1917 году

**величайшую книгу, какую только создавалъ человѣческій гений,
безсмертное твореніе СЕРВАНТЕСА:**

IV. „ДОНЪ-КИХОТЪ“,

но не въ тѣхъ передѣлкахъ, не въ сокращенномъ и урѣзанномъ изданіи, какія нынѣ распространены среди русскаго общества, — а въ *полномъ*, точномъ, научно-пресвѣренномъ переводѣ М. В. Ватсонъ, составившемъ при своемъ появленіи радостное событіе въ русской литературѣ.

Больше 300 лѣтъ прошло со времени созданія „Донъ-Кихота“, а эта книга все еще молода и нова. Въ эти триста лѣтъ миллионы книгъ были написаны миллионами всевозможныхъ писателей, — и всѣ они забыты, засыпаны пылью, отошли въ исторію, въ архивъ. Милліоны читателей на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ читали эту книгу, передавая своимъ внукамъ и правнукамъ, и всѣ они давно умерли, а книга живетъ и посейчасъ. Въ чемъ же тайна ея волшебной живучести, ея сказочнаго долгодѣтія, безсмертія?

Какими чарами простодушный испанецъ обезпечилъ ей вѣчную жизнь?

Во множествѣ разнообразнѣйшихъ формъ живетъ среди насъ эта книга. Изъ нея сдѣлали дѣтскую сказку, — и дѣтвора не оторвется отъ нея. Ее превратили въ оперу, и великіе артисты всего міра воплощаютъ ея образы на сценѣ! Вы можете читать ее, какъ философскій трактатъ, или просто какъ сборникъ смѣшныхъ анекдотовъ, дѣлайте съ ней, что хотите, она во всѣхъ обличіяхъ — живетъ!

Да и не можетъ умереть Донъ-Кихотъ, покуда не умретъ въ челоуѣствѣ драгоцѣннѣйшая благодать донкихотство! Быть Донъ-Кихотомъ — это лучшее, на что только способенъ челоуѣкъ. Если бы не было среди насъ Донъ-Кихотовъ, жизнь была бы, что

садъ безъ цвѣтовъ, что храмъ безъ иконъ и святынь! Донкихотство, это—рыцарское самоотверженіе, идеализмъ, вѣра въ высшія цѣнности жизни, самозабвенная любовь къ угнетеннымъ, героическій бой съ угнетателями. Пусть подвиги Донъ-Кихота смѣшны и безумны, но самъ-то онъ святъ и величественъ... Это чувствуетъ даже такая толстокожая тварь, какъ его слуга Санхо Панчо.

Сервантесъ, начиная гениальную свою эпопею, еще не любилъ Донъ-Кихота, не чувствовалъ благоговѣнія предъ нимъ, готовъ былъ издѣваться надъ нимъ вмѣстѣ съ толпой,—но, чѣмъ дальше подвигалась его повѣсть, чѣмъ ближе онъ знакомился со своимъ боговдохновеннымъ героемъ, тѣмъ чаще онъ смирялся, преклонился предъ нимъ, плѣненный его патетическимъ подвигомъ! Онъ чувствовалъ, что его рыцарь—„блаженный“, „Христа ради юродивый“, что въ немъ праведный Прометеевъ огонь, и, смѣясь надъ нимъ, не могъ не умиляться, былъ растроганъ. Отсюда тотъ задумчивый, обаятельный юморъ, которымъ проникнута эта безсмертная повѣсть.

Донъ-Кихоть—широчайшій поэтический образъ, грандіозно обобщенный художественный типъ. Это не только испанецъ такого-то вѣка, это всечеловѣкъ всѣхъ эпохъ и народовъ. Это вѣчный, вселенскій прообразъ многообразнѣйшихъ героическихъ

образовъ! Оттого-то такъ прочна и крѣпка Сервантесова поэма о немъ.

И не одинъ Донъ-Кихоть,—но и его оруженосецъ Санхо Панчо есть такой широко-обобщенный, вселенскій, присущій всѣмъ вѣкамъ и народамъ, не умирающій въ челоѣчествѣ типъ.

Практикъ, жизнелюбъ, сластолюбъ,—нисколько не идеалистъ, не герой, онъ—живое воплощеніе того *средняго челоѣка толпы*, которымъ столько тысячелѣтій держится мировая исторія. Это—широчайшій символическій портретъ мѣщанина: онъ трусъ, онъ обжора, онъ скряга, онъ невѣжда, онъ лѣнтяй, онъ самохвалъ, но какъ онъ терпѣливъ, какъ онъ любитъ семью, какъ онъ преданъ своему господину, котораго въ одно и то же время и дурачить и боготворить, котораго бранить и хулить—и въ то же время радъ за него умереть. Безъ Санхо Панчо—образъ Донъ-Кихота былъ бы такъ же неполонъ, какъ небо безъ земли, какъ свѣтъ безъ тѣни, и какимъ мягкимъ, снисходительнымъ юморомъ озарилъ его гений поэта!

Мудрый испанецъ сумѣлъ благословить, полюбить, примирить оба эти крайніе полюса жизни, въ обоихъ нашель столько милаго, общечелоѣческаго, трогательнаго. Оттого его книга и безсмертна, какъ безсмертенъ челоѣческій духъ.

Всѣ эти *пятьдесятъ двѣ книги* „Сборника Нивы“, которыя послѣдовательно въ 52 недѣли принесеть своему подписчику „Нива“ въ будущемъ 1917 году, представляютъ богатѣйшій матеріалъ для чтенія,—чтенія живого, современнаго, одинаково увлекающаго всѣхъ членовъ семьи—отца, мать, сына, дочь. Но есть въ нашей семьѣ еще одинъ читатель—дѣти. Эту широкую аудиторию до сихъ поръ еще не обслуживала „Нива“, посвятившая себя культурному воспитанію взрослога читателя. Теперь, когда „Нива“ за послѣднія 25 лѣтъ въ значительной степени выполнила свою задачу, давъ русской семьѣ въ видѣ приложенія бібліотеку почти всѣхъ выдающихся отечественныхъ писателей, близится пора и для этой трудной, отвѣтственной задачи.

Теперь особенно,—когда ребенокъ предоставленъ самому себѣ; когда отецъ на фронтѣ, мать бьется въ борьбѣ за существованіе... Теперь не до дѣтей, и потому теперь особенно нужна забота о дѣтяхъ, нужно занять ихъ, привлечь, заинтересовать. И, задавшись этой цѣлью, мы задумали дать въ будущемъ 1917 году

ежемѣсячное иллюстрированное приложение

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Здесь, на эти мирныя страницы, не проникнуть наши нивѣшнія заботы и тѣготы, здѣсь все будетъ весело, лучезарно и безоблачно, здѣсь дѣти найдутъ и забавный стишокъ, и смѣшную картинку, и трогательную, поэтическую сказку.

За подвѣка своего существованія никогда „Нива“ не встрѣчала столько препятствій и трудностей для своей культурной работы, какъ теперь. Обслуживая широкія массы, всегда стараясь доставить имъ недоступныя культурныя блага доступными средствами, „Нива“ вотъ уже два года борется съ все растущей волной дороговизны. Всѣ мы знаемъ, какъ вздорожала жизнь, во сколько разъ. Но въ сравненія съ предметами первой необходимости возросла стоимость духовной пищи, того, во что ее нужно воплотить: стоимость бумаги, краски, типографскихъ и иллюстраціонныхъ матеріаловъ вздорожала *втрое*, въ зависимости отъ качества матеріаловъ, даже еще въ ущербъ ему—за тройную цѣну приходится брать матеріалъ безъ возможности выбора, такъ какъ спросъ безпределенъ, а предложеніе весьма ограничено,—ограничено отсутствіемъ подвоза изъ-за границы и неподготовленностью отечественнаго производства, не справляющагося съ потребностью и уравнивающаго ее непомѣрно растущую высоту цѣнъ.

Подчиняясь этому непомѣрному росту цѣнъ, мы вынуждены для того, чтобы быть въ состояніи выполнить всѣ наши заданія на будущій годъ, повысить подписную цѣну на „Ниву“ 1917 года съ десяти до *четырнадцати рублей*.

Содержаніе 52 книгъ „Сборника Нивы“ на 1917 годъ будетъ приблизительно слѣдующее:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ М. Горькаго

(первая серія).

Макаръ Чудра. — О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ — любителѣ истины. — Емельянъ Пялый. — Дѣдъ Архипъ и Ленка. — Челкашъ. — Старуха Изергиль. — Однажды осенью. — Ошибка. — Мой спутникъ. — Дѣло съ застенками. — Пѣсня о соколѣ. — На поляхъ. — Болесь. — Тоска. — Коноваловъ. — Ханъ и его сынъ. — Выводъ. — Супруги Орловы. — Бывшіе люди. — Озорникъ. — Варенька Олесова. — Товарищи. — Въ степи. — Мальва. — Вома Гордѣвъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ С. Я. Надсона.

С. Я. Надсонъ (критико-біографическій очеркъ). **СТИХОТВОРЕНІЯ** (1878—1886 г.). Дневникъ и сочиненія. Тетрадь первая (1875—1876 г.). Зима и весна. Лѣто. Осень и зима. Весна и лѣто. Осень. Зима. Тетрадь вторая (1877—1880 г.). Одіальныя замѣтки изъ черновыхъ тетрадей. Литературные очерки (1883—1886 г.). Изъ черновыхъ тетрадей. Неоконченныя наброски и варианты.

Къ тихой пристани. Рассказъ. На зарѣ туманной юности. Рассказъ. Въ лучахъ свѣта (отрывокъ изъ романа „Юность Сергія Полянскаго“). Блуждающій огонекъ. Повѣсть. *Partie de plaisir*. Очеркъ. Слезы. Изъ одного дневника. Идиллія. Изъ записокъ жильца маленькой комнаты. Терній. Очеркъ. Сказка о „звѣряхъ“. — Мина и контрмина. — Недолго. Рассказъ. — На зарѣ туманной юности. Рассказъ. — Хорошіе люди. Повѣсть. — Письма.

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. Н. Мамина-Сибиряка,

третья серія, большого формата, въ 8-ю долю листа.

Золото, романъ. — Ноктюрны: Дорогой другъ. — Встрѣча. — Неотправленные письма. — Бездѣлушка. — Роковые дни. — Дурнушка. — Листъ желтѣеть. — Темная вода. — Риваль. — Тѣни боговъ. — Вдругъ ракитова куста: Стрекоза. — Между нами. — Черное слово. — Клятва Антона. — Отчаянный челоѣкъ. — Рекомендательное письмо. — Голосъ крови. — Дверь добра и зла. — Повѣсти: Любовь. — Мать-мачеха. — Не мама. — Падающія звѣзды, романъ. — Въ нѣкоторое время: „Третій пунктъ“. — Сладкоѣжка и тетя. — Челоѣкъ безъ спины. —

„Адамовы головы“ и „Вице-Рой“. — Развязка. — Охотничьи рассказы: Комары. — Скверные четверть часа. — Блудливое место. — Медовые рьки: Вь одно мѣсто, къ одному человѣку, по одному дѣлу. — Бумажный тигрь. — Отрадное явленіе. — Перекати-поле. — Душевный гладь. — Сибирскіе старцы, кухарка Агаеья и гражданинъ Рихтеръ. — Беззавтѣная любовь. — Блажные. — Божовая искра. — Божій огородъ. — Букетъ ландышей. — Васька забалудь. — Великій грѣшникъ. — Волчья пѣсня. — Вь раковинѣ. — Горная ночь. — Горой. — Ии. — Испытаніе. — Историческіе люди. — И тому подобная баба. — Какъ у другихъ. — Кусочекъ чернаго хлѣба. — Макарка. — Монетка. — Мумма. — На огонекъ. — Нимфа. Одинъ изъ анекдотическихъ людей. — Отвѣта не будетъ. — Полонянка. — Бурный потокъ (На улицѣ), романъ. — Осенніе листья: Кто хуже. — Гусь. — Встрѣча. — Запоздавшая весна. — Счастливая мать. — Забытый альбомъ. — Осенніе листья. — Ученое горе. — Около господъ. — На чужой сторонѣ. — Вь услуженіи. — Именинникъ. — Не то. — Подъ липой. — Проѣзжій чортъ. — Нужно поощрять искусство, повѣсть. — Святочные рассказы: Огни. — Душа проснулась. — Вь девятомъ часу. — Рай красивый. — Отецъ на Новый годъ. — Страшные дни. — Послѣдній эсте-

тикъ. — Нѣчто о бабьей притчѣ... — Последнее искушеніе. — Бабій грѣхъ. — Старая дудка. — Последніе огоньки. — Легенды: Майя. — Баймаганъ. — Лебедь Хантыгая. — Слезы царицы. — Сказаніе о Кучумѣ. — Вь дорогѣ: Худой человѣкъ. — Пароходный купецъ. — Настоящій. — Воръ. — Могилки. — У Скорбящей. — Мастерница. — Голый баринъ. — Да, виновенъ. — Последній день. — Потоповщина. — Профессоръ Спирька. — Пустынька. — Ранній батюшка. — Самородокъ. — Сонъ. — Сонъ вь зимнюю ночь. — Старая реформа. — Счастливая мысль. — Тетя Ната. — Трататонъ. — У святыхъ могилокъ. — Царь природы. — Чайный цвѣтокъ. — Читатель. — Шарлатанъ. — Штучка. — Юмья. — Я...я...я.

Остроумно-изобрѣтательный идальго ДОНЪ-КИХОТЪ
Ламанчскій, сочиненіе
Мигеля де-Сервантеса.

Полный переводъ съ испанскаго **М. В. ВАТсонъ.**

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1917 г. со всеми приложениями:

Безъ доставки вь Петроградѣ **12 р. 50 к.** Сь пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **14 р.** Сь перес. за границу 18 р.

Сь доставкой вь Петроградѣ **13 р. 50 к.**

Безъ доставки: 1) вь Москвѣ, вь конт. Н. Н. Печковской 13 р. 25 к. 2) вь Одессѣ, вь кн. маг. „Образованіе“ 13 р. 50 к.

Разерочка допускатся на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки вь ПГР.			Сь доставкой вь ПГР.			Сь перес. многогород.		
	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.
При подпискѣ:	6 р. 50 к.	5 р.	3 р. 50 к.	7 р.	5 р.	3 р. 50 к.	7 р.	5 р.	4 р.
1 марта . . .	—	—	3 р.	—	—	3 р. 50 к.	—	—	3 р.
1 апрѣля . . .	—	4 р.	—	—	4 р. 50 к.	—	—	5 р.	—
1 юня . . .	6 р.	—	3 р.	6 р. 50 к.	—	3 р. 50 к.	7 р.	—	4 р.
1 августа . . .	—	3 р. 50 к.	3 р.	—	4 р.	3 р.	—	4 р.	3 р.
Итого . . .	12 р. 50 к.	12 р. 50 к.	12 р. 50 к.	13 р. 50 к.	13 р. 50 к.	13 р. 50 к.	14 р.	14 р.	14 р.

Для гг. служащихъ какъ вь казенныхъ, такъ и вь частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускатся **разрочка платежа** на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ просимъ обозначать непрямѣнно на самомъ переводѣ (а не вь отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также свой адресъ (подробный и четкій).

Адресъ: вь Главную Контору журнала „НИВА“, ПЕТРОГРАДЪ, улица Гоголя, 22.

Для приѣма подписки вь ПЕТРОГРАДѢ Главная Контора открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 час. утра до 6 час. вечера. Телефонъ № 4—33.

Св. Георгій Побѣдоносецъ.

Картина В. Берингера.

кимъ образомъ утаивала эти письма отъ контроля и давала возможность пользоваться этими письмами для шпионажа и сообщенія запретныхъ извѣстій. Кроме того, она, по собственному признанію, распространяла запрещенныя писанія, хорошо зная ихъ оскорбительный характеръ. Наконецъ она, опять-таки по собственному признанію, утаила и уничтожила письмо, адресованное коменданту и по ошибкѣ опущенное въ ящикъ для писемъ. Такіе поступки угрожали безопасности германскихъ войскъ. На основаніи вышеизложеннаго господжа Картонъ де-Віаръ осуждена и отправлена въ Германію.

— Безопасность германскихъ войскъ!—воскликнула г-жа-де-Віаръ, прислушиваясь къ чтенію Йоргенсономъ вслухъ содержанія вышеприведеннаго документа.—О ней только и заботились! Непонятно, почему эти войска не остались въ Германіи, гдѣ никто бы не угрожалъ ихъ безопасности! И развѣ я была обязана доставлять Биссингу письма, которыя его почтальонъ занесъ не туда, куда слѣдовало?!

„Но закончу свой разсказъ. Послѣ четырехчасового перс-

Бельгійскій король Альбертъ и бельгійская королева Елизавета съ августѣйшими сыновьями на фронтѣ ждутъ прибытія англійскаго короля Георга.

Бельгійскій король Альбертъ въ траншеяхъ. Король Альбертъ, всю войну непрерывно проводившій вѣсть со своимъ разореннымъ и изгнаннымъ народомъ на боевыхъ позиціяхъ, недавно спасенъ былъ чудомъ отъ смерти. Осколкомъ непріятельскаго снаряда, разорвавшася близъ короля, былъ убитъ его адъютантъ, а король остался невредимъ.

ѣзда по желѣзной дорогѣ я прибыла въ Берлинъ. Первые четыре дня меня продержали въ отелѣ „Монополь“ на Фридрихштрассе. Я спросила о причинѣ. „Это потому, что дворецъ, который его величество императоръ указалъ для пребыванія вашего превосходительства, еще не вполне приведенъ въ порядокъ“. — былъ почтительный и, разумѣется, лживый отвѣтъ. Въ дѣйствительности причиной было то, что документы, относящіеся къ моему осужденію, еще не прибыли въ Берлинъ. Какъ только они были получены, двое отдѣтыхъ въ штатское полицейскихъ препроводили меня въ большую женскую тюрьму въ Моабитѣ. Первые двѣ недѣли я провела въ одномъ помѣщеніи съ отбывающими наказаніе проститутками. Затѣмъ меня перевели въ другое отдѣленіе. Режимъ мой былъ совершенно одинаковъ съ режимомъ остальныхъ заключенныхъ, я получала такую же пищу, и меня выпускали на прогулку по тюремному двору съ номеромъ на спинѣ, какъ и другихъ. Единственнымъ посѣтителемъ, котораго допускали ко мнѣ, былъ испанскій посоль, и наши бесѣды всегда происходили въ присутствіи германскихъ офицеровъ. Особенно страдала я однако не отъ одиночества, а отъ тюремщицъ, которыя были несносны. Часто я близка была къ тому, чтобы потерять терпѣніе, но, чтобы успокоиться, мнѣ стоило только взглянуть на Распятіе и портреты короля и королевы и проговорить про себя: „Vive le Christ! Vive la Belgique! A bas le Kaiser!“— „Что вы тамъ говорите?“ — подозрительно спрашивала тюремщица. — „Ничего, — отвѣчала я, — я говорю сама съ собою“.

„И мѣсяцы шли. 13-го сентября истекъ мой срокъ; 14-го я оставила Моабитъ, но съ запрещеніемъ возвращаться въ Брюссель. Послѣ тюремнаго заключенія меня покарали еще изгнаніемъ. Меня препроводили на швейцарскую границу, откуда я черезъ Францію прѣѣхала сюда. Послѣ годовой разлуки свидѣлась я съ мужемъ. Впослѣдствіи удалось привезти сюда и нашихъ дѣтей, и теперь мы только ждемъ возможности вновь вернуться на родину, когда пробьетъ часъ правосудія!“

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Развертывающіяся событія на Балканахъ.

Операции, завязавшіяся на Балканахъ съ началомъ осени, продолжали развиваться обѣ стороны. Общая стратегическая конъюнктура къ концу сентября сложилась вполне определенно, и можно было уже не сомнѣваться, что центр тяжести событий перемѣстился на Балканы, а операции на главныхъ фронтахъ стали въ осенній періодъ играть какъ бы вспомогательную роль по отношенію къ балканскому театру.

Послѣ ряда боевъ на всѣхъ фронтахъ, — нашемъ, французскомъ, итальянскомъ, на фронтахъ Добруджи и Трансильваніи, — опредѣлились главные направления натиска обѣихъ сторонъ. Эти главные направления временно опредѣлились на осенній періодъ: для союзниковъ — въ Добруджѣ, для противника — въ Трансильваніи.

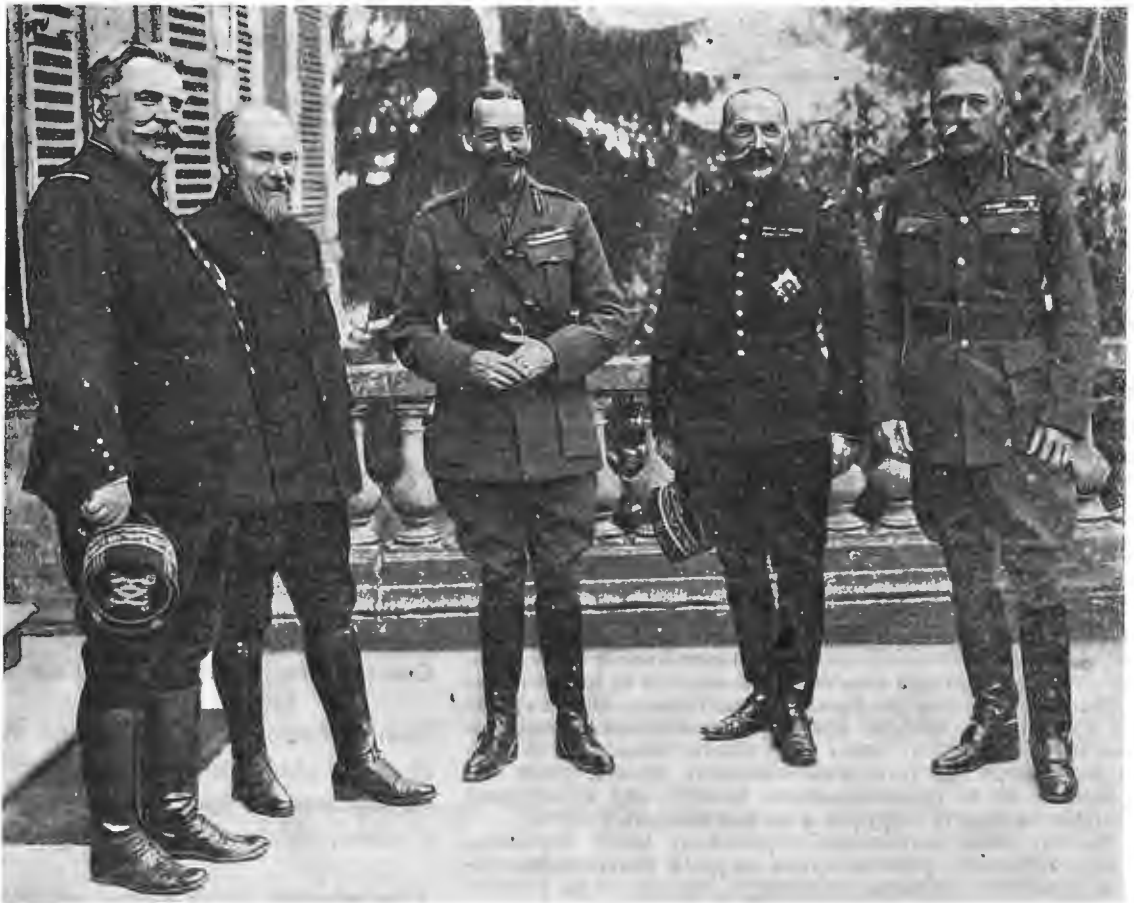
Однако вмѣстѣ съ тѣмъ происходили крупныя бои и на главныхъ фронтахъ войны, — на нашемъ и на англо-французскомъ. Несомнѣнно, эти фронты, какъ главные, сохраняли всегда свое первенствующее значеніе въ общемъ ходѣ войны, но временно это значеніе было нѣсколько затемнено тѣми важными событіями, которыя развертывались на фронтахъ Добруджи и Трансильваніи. Хотя союзники на обоеихъ главныхъ фронтахъ и достигли значительныхъ успѣховъ, — угрожали на англо-французскомъ фронтѣ Перрону, а на нашемъ фронтѣ войска дрались въ непосредственной близости отъ Галича и въ Львовскомъ направлении, — тѣмъ не менѣе крупныя стратегическія возможности на обоеихъ

этихъ главныхъ фронтахъ, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, были ограничены краткимъ временемъ, оставшимся до наступленія ненастныхъ дней. Поэтому здѣсь чего-либо необычайно крупнаго временно вообще произойти не могло. Между тѣмъ операция въ Добруджѣ, какъ угрожавшая существованію относительно небольшой Болгаріи, и операция въ Трансильваніи, какъ несшая въ себѣ аналогичную угрозу противника румынской территоріи, естественно, имѣли уже особенно крупное и политическое и стратегическое значеніе. Здѣсь операционныя направленія, по сравненію съ операционными направленіями главныхъ фронтовъ, были весьма коротки, и каждый сильный удар могъ вынести наступающую сторону на территорію обороняющагося: въ Добруджѣ — на территорію Болгаріи, а въ Трансильваніи — на территорію Румыніи. Послѣдствія такихъ возможныхъ крупныхъ ударовъ на фронтахъ Добруджи и Трансильваніи, въ силу этого, естественно, должны были быть громадными, ибо здѣсь была уже не угроза пунктамъ, хотя бы и важнымъ, какъ это имѣло мѣсто на главныхъ фронтахъ, а угроза цѣлымъ государствамъ, опредѣленнымъ отдѣльнымъ слагающимъ каждой коалиціи.

Здѣсь, на Балканскомъ полуостровѣ, на поляхъ Добруджи и Трансильваніи, готовились не отдѣльные удары, такъ или иначе мѣняющіе линіи фронта, здѣсь заготовлялась перекройка политической карты, то, что Бетманъ-Гольвегъ подразумѣвалъ подъ названіемъ „новая военная карта“. Мы и ранѣе, за предыдущіе два года войны, могли наблюдать, что въ то время, какъ борьба на главныхъ фронтахъ приводила лишь къ потерѣмъ отдѣльныхъ областей, борьба на „второстепенныхъ“ Балканахъ стирала цѣлыя государства.

При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что маленькій, 60-верстный фронтъ Добруджи и отдаленный, малодоступный для крупныхъ массъ, горный районъ трансильвано-румынской границы, — эти два „второстепенные фронта“, — сразу, съ наступленіемъ осени, стали районами событій исключительно важнаго политическаго и стратегическаго значенія. И Болгарія и Румынія до крайности напряглись въ начавшейся борьбѣ, отстаивая неприкосновенность своихъ территорій, и обнаружили столь естественную для небольшихъ государствъ „чувствительность“ къ возможной потерѣ даже небольшого участка приграничной полосы.

Между тѣмъ въ это время, т.-е. въ концѣ сентября, обозна-

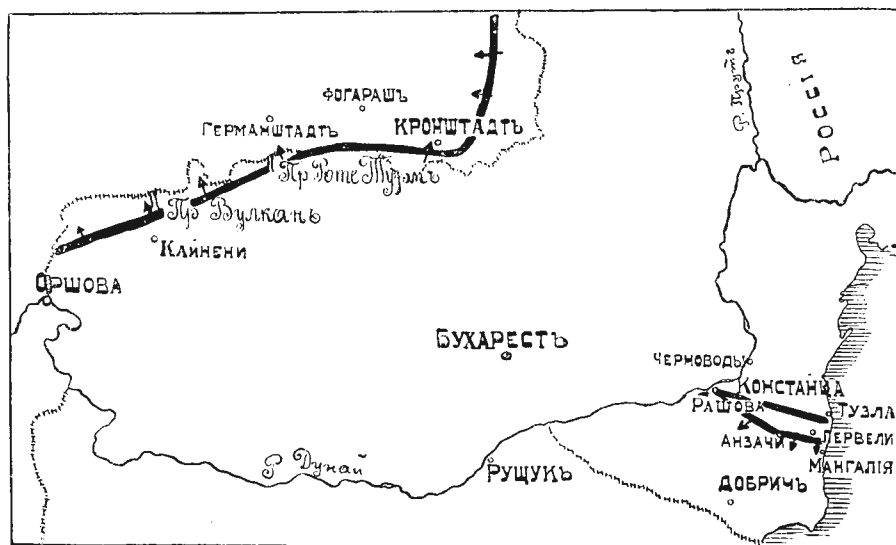
Все, что есть высшего на союзномъ фронтѣ.

Король Георгъ, президент Пуанкарэ, генералиссимусъ Жоффръ, генералы Дугласъ Хейгъ и Фошъ.

чился весьма сильный натискъ и русско-румынскихъ войскъ въ Добруджѣ и австро-германо-турецкихъ войскъ Фалькенгайна въ Трансильваніи. Операция въ Добруджѣ, послѣ временнаго успѣха Макензена, приняла, съ приближеніемъ въ Добруджу нашихъ войскъ, совершенно иной оборотъ. Макензенъ не только не дошелъ до главной оборонительной линіи румынъ въ Добруджѣ, до линіи Черноводы — Констанца, но и вынужденъ былъ отступить подъ рядъ съ трехъ послѣдовательныхъ позицій, занятыхъ имъ въ Добруджѣ и протягивавшихся между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, параллельно линіи Черноводы — Констанца. Германско-болгарскія войска сначала были отброшены на правомъ крылѣ верстъ на 30 отъ линіи Черноводы — Констанца (до района Первели), а затѣмъ такой же участи подвергся и центръ арміи Макензена, отодвинутый ударами русско-румынскихъ войскъ также верстъ на 30 отъ линіи Черноводы — Констанца (къ району Бешіулъ-Анзачи).

Въ то же время Болгарія испытала и натискъ съ другой стороны, — на македонскомъ фронтѣ, гдѣ продолжало развиваться наступленіе арміи Саррайля. Наступленіе велось лѣвымъ флангомъ арміи Саррайля, гдѣ главную массу составляли сербскія войска. При этомъ наступленіе сербовъ шло какъ на Монастырь, такъ и правѣ Монастыря и лѣвѣ его. На лѣвомъ же флангѣ сербовъ, чтобы обезпечить ихъ отъ великихъ случайностей, — обходовъ, охватовъ и т. п., — наступали франко-русскія войска.

Послѣ упорныхъ боевъ сербы овладѣли горнымъ хребтомъ Каймакчаланъ, представляющимъ главную позицію болгаръ на пути къ Монастырю, а затѣмъ заняли станцію Кенали, по-

Карта румынского фронта на границь Трансильваніи и въ Добруджѣ, у границы Болгаріи.

дойдя къ Монастырю такимъ образомъ версть на 10—12. Правѣ Монастырскаго направленія сербы съ не меньшимъ успѣхомъ отбросили болгаръ съ ряда горныхъ позицій и продвинулись черезъ греческую границу, въ общемъ занявъ свыше 200 кв. километровъ своей территоріи, съ семью населенными пунктами. Въ то же время франко-русскія войска, наступая на лѣвомъ крылѣ сербовъ, дошли до большого озера Пресба и этимъ обезпечили лѣвое сербское крыло, такъ какъ западнѣ озера Пресба никакой обходъ болгаръ не былъ возможенъ, какъ по труднымъ условіямъ мѣстности, такъ и по общимъ стратегическимъ условіямъ.

Болгары заняли линію верстахъ въ 10—12 отъ Монастыря, при чемъ послѣ этого пораженія болгаръ былъ смѣненъ командующій болгарской арміей генераль Вояджіевъ и замѣненъ ирменскимъ генераломъ.

Такимъ образомъ болгары оказались не въ состояніи удержаться на обоихъ своихъ фронтахъ и потеряли весьма выгодныя позиціи какъ въ Добруджѣ, такъ и въ Македоніи. Дальнѣйшее развитіе операцій союзниковъ на обоихъ этихъ фронтахъ могло имѣть весьма крупныя стратегическія и политическія послѣдствія, ибо, очевидно, болгары своими силами не могли съ достаточнымъ успѣхомъ бороться на два фронта, и только помощь нѣмцевъ могла бы придать ихъ линіямъ нѣкоторую устойчивость. Однако, несомнѣнно, германскому штабу было нелегко оказать послѣ поддержки Австріи на галиційско-волинскомъ фронтѣ, послѣ поддержки ея же на трансильванскомъ фронтѣ, — еще и поддержку Болгаріи на фронтѣ Добруджи и на македонскомъ фронтѣ.

Въ силу этого, естественно, германскому штабу оставалось только продолжать развивающуюся операцію Фалькенгайна противъ румынской границы, въ надеждѣ, что успѣхъ въ Румыніи отвлечетъ румынскія силы изъ Добруджи и этимъ облегчитъ тамъ положеніе болгаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ трансильванскій фронтъ представлялъ продолженіе нашего фронта, и румыны, вслѣдствіе охватывающаго очертанія границы, охватывали какъ бы южную часть главнаго восточнаго фронта, операція Фалькенгайна имѣла еще и другое значеніе — какъ противодѣйствіе охвату.

Еще далѣе — такъ какъ очертаніе румынской границы таково, что „охватываетъ“ австро-германскій фронтъ главнымъ образомъ „южной частью“ румынской границы (Валахія), то операція Фалькенгайна должна была направиться на эту отдаленную часть Румыніи. Другая же, „сѣверная часть“ территоріи Румыніи (Молдавія), какъ районъ, соприкасающійся съ занятой нами Буковиной, сталъ, въ силу этого, наоборотъ, райономъ наступательныхъ операцій русско-румынскихъ войскъ.

Вслѣдствіе того, что румынскій фронтъ на трансильванской границѣ имѣетъ весьма большое протяженіе, болѣе 600 верстъ, и

почти равенъ англо-французскому фронту, борьба на такомъ фронтѣ должна была вестись неминуемо съ переменнымъ успѣхомъ на различныхъ участкахъ фронта. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, на „сѣверной части“ румынско-трансильванскаго фронта обозначилось наступленіе союзниковъ въ Трансильванію, а на „южной части“ румынского фронта обозначилось, наоборотъ, наступленіе Фалькенгайна къ Валахіи. Послѣ ряда упорныхъ боевъ Фалькенгайну удалось продвинуться за линію Кронштадт — Германштадт — Петрошени, и здѣсь румыны отошли частью къ горнымъ проходамъ у своей границы, а у Петрошени нѣсколько продвинулись и черезъ границу, за горный проходъ Вулканъ, къ румынскому горному проходу Кайнени. Проходъ Кайнени находится на румынской территоріи, верстахъ въ 20 отъ границы.

Изъ изложеннаго можно видѣть, что румынскія войска придерживались оборонительнаго образа дѣйствій на границѣ Валахіи и Трансильваніи (по соосѣдству съ Буковиной), а главное наступленіе вели въ Добруджѣ, въ направленіи къ болгарской границѣ. При этомъ, одновременно

съ наступленіемъ русско-румынскихъ войскъ въ Добруджѣ противъ болгаръ, наступала также противъ болгаръ и армія Сарраиля въ Македоніи.

Обѣ операціи — союзниковъ противъ Болгаріи на двухъ фронтахъ и Фалькенгайна противъ Валахіи — получили весьма крупное развитіе, и здѣсь надлежитъ ожидать, — какъ на болгарскихъ фронтахъ, такъ и на румынскихъ, — тѣхъ политическихъ и стратегически важныхъ событій, о которыхъ мы говорили выше.

МАТЬ.

Сегодня поутру листокъ календаря
Напомнилъ, что сбылась вторая годовщина,
Когда въ серебряномъ туманѣ октября
Сказали ей: „убить“ о незабвенномъ сынѣ.

Томить безсонница... и до зари нѣтъ сна,
И рѣзче сѣдина виски ея пятнаеть.
Со спицами въ рукахъ садится у окна
И плечи зябкія косынкой покрываетъ.

А по ночамъ, когда неяркъ взоръ лампадь,
Приходитъ сынъ къ ея родному изголовью.
Бѣгутъ, стучать часы... Яснѣетъ циферблатъ...
И счастлива она сыновнею любовью.

Въ тягучей полутьмѣ глядитъ въ его лицо
И не тоскуетъ съ нимъ и ни о чемъ не просить,
Пока больной разсвѣтъ на шатокъ крыльцо
Октябрьскіе лучи размѣренно не бросить.

Александръ Дроздовъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Словы. Стихотвореніе К. Бальмонта. — Артыгъ-бей. Разказъ Н. Потасико. — Письмо. Стихотвореніе Лидіи Дѣсной. — Съ западнаго фронта. Разказы В. Ропшина. I. Монахиня Инесъ. II. Равнинъ Осія. — Маргарита Транкиль. Разказъ Юрія Волина. — Въ изгнаніи. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзель. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Мать. Стихотвореніе Александра Дроздова. — Уголовный законъ противъ торговаго хищничества. (Вопросы внутренней жизни). — Заявленіе. — Объявленія. — Отклики войны.

РИСУНКИ: Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ. Акварель Н. С. Самокиша (въ краскахъ). — На кавказскомъ фронтѣ. Рисунокъ нашего военнаго корреспондента К. Дыдышко (6 рис.). — Изъ походнаго альбома Л. Сологуба (6 рис.). — Г. Семирадскій. Александръ Македонскій и его врачъ Филиппъ (въ краскахъ). — Mater Dolorosa Belgica. Картина Франка Брангвина. — Св. Георгій Побѣдоносецъ. Картина В. Берингера. — Бельгійскій король Альбертъ и бельгійская королева Елизавета на фронтѣ ждуть прибытія англійскаго короля Георга. — Бельгійскій король Альбертъ въ траншеяхъ. — Все, что есть высшаго на союзномъ фронтѣ. Король Георгъ, президент Пуанкарэ, генералиссимусъ Жоффри, генералы Дугласъ Хейгъ и Фозъ. — Карта румынскаго фронта.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 31.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1916 г.
№ 42

XLVII г.
изданія

Выдавъ 15-го октября 1916 г.

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непрерывно въ одной столбцѣ (въ ¼ ширины страницъ): первая 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 17

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1917 г.

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, иллюстраціи и снимки съ театра военн. дѣйствій.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія для **ДѢТЕЙ**.

52 книги „СВОРНИКА НИВЫ“, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

первая серія
**ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ**

М. ГОРЬКАГО,

*ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ*

С. Я. НАДСОНА,

*полный переводъ
романа
„ДОНЪ-КИХОТЬ“*

СЕРВАНТЕСА,

ТРЕТЬЯ серія
**ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ**

Д. Н. МАМИНА

(СИБИРЯКА).

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1917 г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:
Безъ доставки **12 р. 50 к.**
Съ до-
ставкою **13 р. 50 к.**

Безъ доставки:
1) въ Москвѣ:
въ конторѣ Н. Н.
ПЕЧКОВСКОЙ. **13 р. 25 к.**
и 2) въ Одессѣ:
въ книжн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“. **13 р. 50 к.**

Съ пересыл-
кою во всѣ
города и
мѣстности
Россіи

14 р.

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:
въ два сроча (при подпискѣ
7 р. и 1 июня 7 р.), въ три сроча
(при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля 5 р.
и 1 августа 4 р.) и въ 4 сроча
(при подпискѣ 4 р., 1 марта 3 р.,
1 июня 4 р. и 1 августа 3 р.).

Подробное объявленіе см. въ № 41 на стр. 689^а—689^б.

старческая дряхлость,

артериосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, (жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРО-
ПОСТАВЩИКИ
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

№ 12

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства.

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 Е. К.

НОТНАЯ ТОРГОВЛЯ П. ЮРГЕНСОНЪ

въ Москвѣ, Неглинная пр., 14.

Самый обширный въ Россіи складъ нотъ и книгъ по музыкѣ для всѣхъ инструментовъ и пѣнія.

Аккуратное исполненіе заказовъ для гг. иногороднихъ покупателей.

Высмыка съ наложеннымъ платежомъ. Каталогъ и списки собственныхъ изданій безплатно.

ЖЕЛАЮ КУПИТЬ
Крупный лѣсъ
Юзовка, А. С. АЛЬШУЛЕРУ.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,
нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ
"КРЕМЪ СИМОНЪ"
(CRÈME SIMON)
ПАРИЖЪ

Марка
Утверждена.

J. SIMON, PARIS. — Требуйте нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парюмеровъ и аптекарей.

Покупайте во время
30 различныхъ во-
енныхъ марокъ
всѣхъ странъ 1 р.,
50 марокъ — 3 р.,
100 марокъ — 15 р.
безъ пересылки.
Уплата новыми
почт. марками. По-
купка и продажа
всѣхъ марокъ. Ката-
логъ безплатно. Биржа марокъ В. Валь-
теръ (V. Walter), Копенгагенъ. Письма въ
Копенгагенъ оплачиваются 10 к. маркой.

ГАМАМЕЛИДЪ

НОВОЕ СРЕДСТВО
отъ ГЕМОРРОЯ ц. 1.50 к.
Продажа въ аптекахъ и аптек. магазиновъ.
Адресъ: Москва, Елоховская, 4, Е. И. Германъ

БЕЗЪ УЧИТЕЛЯ

каждый можетъ дома подготовиться
къ ЭКЗАМЕНАМЪ:
на аттестатъ зрѣлости, полный курсъ реаль-
наго или коммерческаго училища, кадет-
скаго корпуса, НА ЗВАНІЯ: учителя, уч-
тельницы, членъ 11 кл., военноопредѣляю-
щагося 1 и 2 разр. и пр. пр. Требуйте
БЕЗПЛАТНО списокъ экзаменовъ, условій
и программу. МОСКВА Шаболовка с/д. № 4
ред. журнала „Самообразование“.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе.
Зачное обученіе. Безплатныя
премія. Каллиграфія, стенографія,
письмо, правописаніе и проч. АТ-
ТЕСТАТЪ. Леготныя условія
подписки а **БЕЗПЛАТНО.**
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообра-
зованія“, В. Румянина, 7—56.

МАРКИ

для коллекцій. Продажа, покупка. Ката-
логъ № 2 вышлю за 1-7 к. марку.
М. М. АКСЮКЪ, Одесса, Дворянская, 33.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши
„Механическую прописку“. Но-
вость въ каллиграфіи. Цѣна мал.
плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред.
журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. (48)

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство въ приготовленію вкусныхъ, питательныхъ, сытныхъ и дешевыхъ
блюдъ безъ мясныхъ продуктовъ. Больше 150 блюдъ. Необходимо въ каждой
семьѣ. Высылается налож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать:
Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (12)

При ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ „ДІАТЕРМИНЪ“
послѣдствія ея признаются
Д-ръ мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тизеринъ
совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р.
35 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыдъ пер.,
1/28, кв. 8, отд. 90. Отпускается въ аптекахъ по рецепту врачей.

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА: „ДОМАШНІЙ АДВОКАТЪ“.

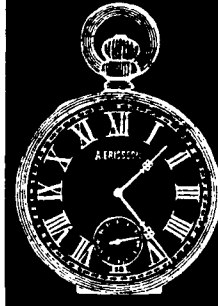
Справочн. необход. юридическ. свѣдѣній по дѣламъ: гражданск., уголовн.,
крестьянск., о воинск. повин., объ опека, наследств., бракъ, разводъ и проч.

Образцы и формы дѣловыхъ бумагъ и прошеній.

Свѣдѣ. о судейск. срокахъ, пошлин., гербов. сборъ и пр. Состав. К. Л. Песочинскій.
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., налож. плат. 1 р. 35 к. Книга даетъ всё необход.им.
юридич. совѣтъ и указанія: имѣя ее каждый самъ для себя адвокатъ. Скл. только
у изд. Н. Ф. РОЗАНОВА. Петроградъ, Бол. Московская, № 9. (48)

МОСКОВ. КНИГ-ВО: НОВАЯ КНИГА:

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ,
Томъ VIII **АМЕЛІЯ.** Романъ.
Ц. 1 р. 50 к. Изд. 2-е.
Собраніе сочиненій Н. КРАШЕНИННИКОВА:
Т. I.
Ц. 1 р. 25 к. **МЕЧТЫ О ЖИЗНИ.** изданіе
Т. II.
Ц. 1 р. 25 к. **БАРЫШНИ,** 5-е.
Т. III.
Ц. 1 р. 25 к. **СКАЗКА ЛЮБВИ,** 3-е.
Т. IV.
Ц. 1 р. 50 к. **ДѢВСТВЕННОСТЬ,** изд.
Т. V.
Ц. 1 р. 25 к. **НЕВОЗВРАТНОЕ.**
Т. VI.
Ц. 1 р. 25 к. **ТѢНИ ЛЮБВИ,** изд.
Т. VII.
Ц. 1 р. 25 к. **ЗЫБЪ ЖИЗНИ.** Подъ солнцемъ
Вашкирим.
Склады изданія: Москва, 1-я Мѣщанская, д. 5.
Московское Книгоиздательство и Петро-
градъ, Невскій, 65, кн. скл. „Земля“. Вы-
писав. изъ складовъ за пересылку не платятъ.

Августъ Эриксонъ

хронометровыхъ и часовыхъ делъ мастеръ Николаевской
Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ,
Императорск. Русскаго Вѣсна и пр. и пр.
сущ. съ 1865 г.
ХРОНОМЕТРЫ И ЧАСЫ.
Имѣ. прейс-куранты гг. иногороднимъ безплатно.
Петроградъ, Невскій пр., № 13.

„Ужас овладевает мною при виде несчастных, остающихся законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ...“ (Ис. 118). Кто ти святія слова можетъ прозвнѣть, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а следовательно, слушать и ему въ академіи лекція профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“ — все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нуно послѣдствіе вынестись саморазвитіемъ, вѣдь, вѣдь, чтобы скорѣе замѣнить вышедшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей!

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены известными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соответственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, аско и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цѣстныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ выдѣль законченнаго цѣло, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣлую научную библиотеку и какъ бы охватываетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый отдѣлъ или факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Биологическая наука“ 18 р., „Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ“ 16 р.; факульт.: Истор.-Филологическій 14 р., Медицинскій 13 р., Юридическій 12 р., Биологическій 11 р. и Богословскій 9 р. Выписывающіе чрезъ издателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, за пересылку не платятъ. Возвратившимся съ посылки нашимъ зачитникамъ и лицамъ, послужившимъ имъ, а также учащимъ и учащимся временнаго льготу. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается издателямъ безплатно. Продажа изданій во всѣхъ книжоторговляхъ.

Поставщикъ Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Велодоровны.

ФАБРИКА ЧАСОВЪ **ТОРГОВАГО ДОМА**

Г. МОЗЕРЪ и К^о.
(Основ. въ 1826 г.)

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Для устранения случаевъ злоупотребленія некоторыми торговцами названіемъ нашей фирмы, считаемъ необходимымъ рекомендовать желающимъ приобрести часы нашей фабрики обратитъ особенное вниманіе на то: помѣщены ли на предлагаемыхъ карманныхъ часахъ въ измѣющихся на нихъ клеймахъ и надписяхъ на французскомъ языкѣ передъ фамиліей MOSER & Co, буквы „НУ“ или „Н“, такъ какъ только съ такими клеймами и надписями часы являются дѣйствительными издѣльями нашей фабрики.

Магазины Г. МОЗЕРЪ и К^о имѣются только:
въ Петроградѣ: Невскій пр., 26—4; въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, 12—4;
въ Новѣ: Крещатикъ, 29—4; на Нижегородской ярмаркѣ: На Главной площади.

ИКОНЫ

всѣхъ стилей, готовыя и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29. 4071 10-8. Прейсъ-курранты выслаются безплатно.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю Заочно красиво и скоро писать. За 5 десятковъ марокъ выслать образцы шрифтовъ, почерки учениковъ изъ русскихъ. Одесса. Професс. каллиграфъ. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО“. Вы безусловно **БЫСТРѢ** и **УСПѢШНѢ** достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе нанаусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.
За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать законченнаго знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о выселѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробно съ всѣми нашими изданіями, выбирайте:

Гимназія на дому 30 томовъ по 2⁹⁰—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., выш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 томовъ по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, коммерч. корресп., коммерч. ариметики, товаровѣд., банков. дѣла, финанс., биржи и т. д. и т. д.

НАРОДНАЯ ШКОЛА 10 том. по 112—128 стр. для безграм. и малограм.

Пособіе по русскому языку. 4 тома — 9 руб.

Бухгалтерія. 4 тома — 6 руб.

Коммерч. Корреспонд. Русская, Франц., Англійск. Каждая по 1 руб. 50 коп.

Коммерческая ариметика. 1 руб. 50 коп.

Арием. задачникъ, Алгебраич. задачн. По 2 р.

Библиотека языкознанія. Для усовершенств. въ яз. фр., англ. и нѣм. по 45 к. за кн.

Краткій проспектъ **БЕЗПЛАТНО.** — Подробный 15 к.

Корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазговая ул., с. д. № 18.

Собств. магазины ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; (для проживающихъ въ) МОСКВА, Мясницкая 18.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22. „Винный садъ“ Чеховъ, Ант. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Небывалый морской смотръ. Нашъ доблестный флотъ получилъ въ свои командующіе на обить моряхъ—Черномъ и Балтійскомъ—новыхъ адмираловъ, самыхъ молодыхъ адмираловъ въ нашемъ флотѣ. Такихъ молодыхъ адмираловъ еще не было и въ другихъ флотахъ. Война—лучшее поприще для выдвиганія молодыхъ талантовъ. Она и выдвинула вице-адмираловъ Колчака и Непенина. Вся ихъ карьера—боевая. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ Нивы, на стр. 705, портретъ вице-адмирала Колчака (портретъ вице-адмирала Непенина будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ), приведемъ крайне интересный рассказъ (А. Тамарина изъ «Военнаго Вѣстника»), о томъ, какъ принялъ флотъ въ командованіе новый его начальникъ и какой боевой смотръ онъ ему произвелъ. Рассказъ этотъ въ будущемъ долженъ быть включенъ въ исторію нынѣшней войны, въ исторію черноморскаго флота.

«Въ Ялтѣ, въ порту и на волнорѣзѣ суета. Толпы валятъ къ берегу.
— Что такое?
— Миноносцы приплы. «Князь Трубецкой» со своими минометами.
Подхожу къ эскадренному миноносцу «С...» и встрѣчаю одного изъ друзей, старшаго лейтенанта К—на, съ которымъ не встрѣчался 2 года.
— Откуда?
— Изъ подъ Босфора. Ловили нѣмецкія подводки. Много ихъ нынче развелось.
— Удачно?
— Какъ сказать!? Одну будто усадили на донышко. Масло показалось. Да и то хорошо, что отогнали ихъ отъ нашихъ береговъ. Вообще, нынче онѣ сократились.
— Какъ адмиралъ?
— Нашъ Колчакъ? Изумительный человекъ! Непонятно, когда онъ отдыхаетъ. Три дня мотался съ нами въ морѣ и не сходилъ съ мостика. Безсмысленную вахту держалъ. Шущилъ такой, въ дѣлѣ желѣзобетонный какой-то! Ни усталости, ни надрыва. Спокоенъ, веселъ и бодръ. Только глаза горятъ ярче. Увидитъ въ морѣ дымокъ, сразу насторожится и радъ, какъ охотникъ. И прямо на дымъ.
— Небось, поражены старики ваши!
— Да что ужъ. Ошарашены! Конфузъ полный. Командующій флотомъ, и самъ съ мичманами на миноносцѣ рыскаетъ, турецкіе берега шарить. Я-то

его знаю. Еще на «Пограничникѣ» передъ самой войной плавалъ съ нимъ. Но кто могъ ожидать тогда, что этотъ лихой командиръ миноносца черезъ два съ половиною года будетъ командовать флотомъ! Фактъ въ исторіи европейскыхъ флотовъ небывалый.

— Да, о немъ много необычайныхъ исторій рассказываютъ!
— Еще бы! На четырехвесельномъ вельботѣ онъ двѣнадцать лѣтъ назадъ совершилъ небывалый по смѣлости переходъ по Ледовитому океану на островъ Беннета и затѣмъ, съ вещами погнѣбшаго барона Толя, на томъ же вельботѣ возвратился обратно. Онъ же на старомъ, скверномъ катерѣ, выйдя ночью изъ Владивостока, потопилъ близъ Оленьихъ острововъ четыре японскіе транспорта съ грузомъ и войсками. А что продѣлывалъ онъ въ эту войну съ нѣмцами! Слыхали, небось, какъ въ Либавскій портъ ворвался на хвостѣ нѣмецкаго миноносца? Въ апрѣлѣ нагналъ миноносецъ «Кронпринцъ», ворвался за нимъ въ Либавскую гавань и у самаго берега потопилъ его и транспортъ «Карлсбадъ», а самъ на своемъ миноносцѣ спокойно ушелъ. Здѣсь онъ всего двѣ недѣли, а знаетъ все, будто родился на нашей эскадрѣ.

Что ни день, то новая работа, отвѣтственная, большая. Нынче—въ море, и пожалуйте

брится.

О А. В. Колчакъ говоритъ Севастополь, говоритъ Ялта, о немъ говорятъ всѣ.
Когда, нѣсколько недѣль назадъ онъ прѣхалъ въ Севастополь, на вокзалѣ его встрѣтили начальствующія лица. Старѣйшій изъ моряковъ, старшій флагманъ вице-адмиралъ Н., поздравилъ командующаго съ высокимъ назначеніемъ и выразилъ надежду, что черноморскія волны скоро увидятъ вымпелъ адмирала Колчака.

— Да, скоро!—пробормоталъ адмиралъ.—Черезъ полчаса.
И, къ общему удивленію, онъ прямо съ вокзала поѣхалъ на Царскую пристань и оттуда на простомъ яликѣ къ ближайшему миноносцу.
Черезъ нѣсколько мнугуть на миноносцѣ гремѣли якорныя цѣпи, на мачтѣ гордо рѣялъ вымпелъ командующаго флотомъ и взвивались сигнальные флажки:
„По дежурной бригадѣ. Усилить топку, поднять якоря. Въ кильватерѣ выходить въ море“.

Эскадра вышла в море. Большой эскадрой было приказано идти к Анапу, а отряд миноносцев под командой адмирала Колчака ушел далеко в море, где нацупал шедший к Новороссийску крейсер „Бреслау“. Миноносцы погнали крейсер в сторону нашей эскадры. На большом расстоянии произошло бой, известный уже по реляциям. „Бреслау“ спасся бегством только благодаря быстро наступившим сумеркам при густом, молочном тумане.

Адмирал Колчак преследовал „Бреслау“ в течение всей ночи на миноносцах.

Возвратившись в Севастополь, адмирал выразил эскадрой благодарность за „смотры“. При таких условиях ни один адмирал досель не производил смотра своей эскадры.

Об адмирале говорят много, говорят всё, а он, сосредоточенный, никогда не устающий, дѣлает свое дѣло вдали от шумихи. Почти никогда не бывает на берегу, зато и берег спокоен.

В Ялтѣ нынче говорят:

— У нас Колчак! Теперь турки не сунутся.

Генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов. Нынешняя небывалая в мирѣ война совершенно исключительна и по своей обстановкѣ, по своему «быту», по своим «правам». Мы видимъ дѣлы государства, страны, уничтоженныя въ концѣ, мы знаемъ дѣльные народы, ушедшие изъ своей земли и принятые въ свое лоно союзными народами, и совершающіе теперь, какъ сербы, обратный путь въ свою землю, захваченную врагомъ—предателемъ. Предъ нами выросло новое мировое понятие—армія-народъ. И участники, бойцы этой арміи—люди тоже необыкновенные, совершаютъ исключительные подвиги, рѣшаются на небывающія шаги. Недавно вся Россія вздохнула отъ облегченія и преисполнилась горделиваго восторга, узнавъ о томъ, что въ Румынію прибыл спасшійся изъ австрийскаго плѣна нашъ доблестный генералъ, командиръ 48-й пѣхотной, такъ называемой «суворовской дивизіи» генерал-лейтенантъ Лавръ Георгиевичъ Корниловъ. Его имя, отчество и фамилія—все преисполнено геройства и доблести. Преемникъ славы своего доблестнаго предка, генералъ Корниловъ со своей дивизіей удивилъ весь миръ геройской борьбой съ двумя германско-австрийскими корпусами подъ Илою и Дуклою въ Карпатахъ. Окруженный врагами, покрывая отступление нашихъ армій, доблестный начальникъ 48-й пѣхотной дивизіи, свято выполнилъ возложенную на него задачу. Онъ задержалъ неприятеля, превосходившаго своей численностью и вооруженіемъ, принялъ ударъ неприятельскихъ полчищъ, и далъ возможность отойти нашимъ войскамъ. Всегда первый въ наступленіи, генералъ Корниловъ прекрывая отступление нашихъ армій, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Но герой Карпаты не упалъ духомъ. Несмотря на бдительный надзоръ, онъ совершилъ побѣгъ изъ плѣна, чтобы вновь стать во главѣ любящихъ его солдатъ.

Приводимъ в разсказъ самого генерала Корнилова о томъ, какъ онъ совершилъ свой побѣгъ.

«Я бѣжалъ изъ австрийскаго лагеря для плѣнныхъ въ концѣ іюля. Шелъ я в течение ряда ночей черезъ Венгрію, дѣльными днями ничего не ѣлъ, но меня поддерживало убѣжденіе, что достигну намѣченной дѣли. Въ одномъ изъ венгерскихъ лѣсовъ я былъ достигнутъ венгерскими жандармами, убившими одного изъ моихъ спутниковъ, такого же плѣннаго, какъ и я. Мнѣ же удалось спастись. Послѣ этого я, подъ видомъ нищаго, успѣлъ добраться до Румынской границы. По своемъ прибытіи въ Румынію, я встрѣтилъ тамъ самый сердечный пріемъ».

Австро-венгерское правительство, узнавъ о побѣгѣ генерала Корнилова, назначило крупную денежную награду за поимку его.

Единственное желаніе, выраженное генераломъ Корниловымъ, это—снова вступить въ ряды русской арміи для борьбы съ врагами. Нынѣ генерал-лейтенантъ Л. Г. Корниловъ отбылъ въ дѣйствующую армію.

Средняго роста, смурый, слегка прихрамывающій, герой Корниловъ производитъ впечатлѣніе испытаннаго в бояхъ воина. Лицо его выражаетъ непоколебимую волю, мужество и спокойствіе. Живые пронизательные глаза и мягкость въ обращеніи при разговорѣ особенно располагаютъ къ герою, столько перетерпѣвшему въ скитаніяхъ по вражескимъ землямъ.

Подвигъ старшаго лейтенанта Китицына. На стр. 706 этого номера мы помѣщаемъ портретъ молодого героя—старшаго лейтенанта Михаила Александровича Китицына—изъ стая славныхъ—героевъ Черноморскаго флота.

28-го сентября черноморская подводная лодка «Тюлень», находясь возлѣ Кефкена, недалеко отъ Босфора, будучи въ подводномъ состояніи, усмотрѣла идущій на востокъ турецкій вооруженный транспортъ «Родосто» въ 6.000 тоннъ водоизмѣщенія. Командиръ лодки старшій лейтенантъ Китицынъ рѣшилъ захватить судно и вышелъ незамѣтно между нимъ и берегомъ. Сблизившись на разстояніи около мили, «Тюлень» открылъ огонь. Транспортъ, вооруженный артиллеріей болѣе сильной, чѣмъ артиллерія «Тюлень», отвѣчалъ.

Попавшемъ съ лодки на неприятельскомъ транспортѣ были произведены пожары на мостахъ и на спардекѣ. Послѣ часа боя, подводная лодка приблизилась къ «Родосто» и стала стрѣлять почти въ упоръ. Пожаръ на «Родосто» усилился: на немъ кромѣ того оказались пробитыми паропроводъ и штуртросъ. Послѣ того транспортъ сталъ парить, отвернулъ отъ лодки и прекратилъ стрѣльбу.

Подойдя вплотную, лодка подобрала плававшихъ на обломкахъ людей, въ числѣ которыхъ оказались командиръ «Родосто», капитанъ-лейтенантъ германскаго флота, старшій механикъ и вахтенный начальникъ, оба—германские офицеры.

Послѣ того «Тюлень» подошелъ вплотную къ борту транспорта и высадилъ на него часть своей команды во главѣ со старшимъ офицеромъ Масловымъ, которому, послѣ нѣсколькихъ часовъ усиленной работы, удалось локализовать пожаръ, исправить поврежденія и пустить въ дѣйствіе механизмы.

Послѣ 40 часовъ плаванія «Тюлень» съ захваченнымъ призомъ счастливо пришелъ въ Севастополь, подаривъ русскому флоту блестящій трофей, въ видѣ плѣннаго неприятельскаго военнаго судна, взятаго въ плѣнъ послѣ лихова и неравнаго боя.

Его Императорскому Величеству благоудбно было всемілостивѣйше наградить старшаго лейтенанта Китицына орденомъ св. Георгія 4-й степени.

М. А. Китицынъ происходитъ изъ доблестной военной семьи, внукъ героя-севастопольца М. К. Фальковского; боевое крещеніе получилъ въ послѣднюю войну на Дальнемъ Востоку; сейчасъ же по окончаніи курса въ Морскомъ корпусѣ, посвятивъ себя послѣ войны, подводному плаванію, М. А. Китицынъ поступилъ въ 1913 г. въ Морскую Академію, изъ которой, какъ только началась война, вступилъ въ ряды доблестныхъ нашихъ защитниковъ подъ сѣнью Андреевскаго флага.

Герои воздуха. Изъ всѣхъ стихій, въ которыхъ ведется нынѣшняя мировая война, наибольшее вниманіе широкихъ круговъ общества привлекаетъ воздушная стихія и ея герои-летчики, въ силу особенностей своей жутко-опасной даже въ мирное время профессіи, считающіеся героями вдвойнѣ. Описанія ихъ подвиговъ читаются съ энтузіазмомъ, и читатели живо интересуются каждою подробностью, характеризующею ихъ боевую обстановку или самую ихъ личность.

Идя навстрѣчу этому интересу, заимствуемъ изъ нейтральной датской печати описаніе подвига героя воздуха, одного изъ выдающихся французскихъ авиаторовъ—Навара.

Генералиссимусъ Жоффрѣ разрѣшилъ опубликовывать имена лишь тѣхъ авиаторовъ, которые подобаютъ не менѣе пяти вражескихъ летательныхъ аппаратовъ, при чемъ врагъ долженъ упасть непременно въ предѣлахъ французскаго расположенія.

Въ день опубликованія приказа Жоффра появилось въ газетахъ имя Навара: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ билъ въ окрестностяхъ Вердена два новыхъ «фокера», пятый и шестой по счету. И съ тѣхъ поръ онъ все время шелъ первымъ по числу истребленныхъ воздушныхъ враговъ вплоть до того дня, когда былъ серьезно раненъ въ воздушномъ бою и эвакуированъ въ Парижъ.

Пока заживали раны Навара, его перегналъ Гинемеръ. По послѣднимъ извѣстіямъ, за Гинемеромъ числится теперь 14 трофеевъ, за Наваромъ—12, за Нунгессеромъ—10 летательныхъ аппаратовъ и 2 наблюдательныхъ привязныхъ воздушныхъ шара, за Шено—8 аэроплановъ и одинъ наблюдательный аэроаэрозоль, за Шапо—8 аэроплановъ, за Ленуаромъ—7, за Дорномъ и Горто—по 6 и за дѣльями рядомъ французскихъ летчиковъ—по 5.

Для сравненія французскія газеты ведутъ также счетъ германскимъ авиаторамъ-истребителямъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ значится капитанъ Бельке, сбившій 19 французскихъ и англійскихъ аэроплановъ; затѣмъ идетъ—Иммельманъ (недавно убитъ), истребившій 15 аппаратовъ; дальѣ Витгенштейнъ—11, Мондорфъ—10, Пархау (убитъ), Мюльцеръ и фонъ-Альтгаусъ—по 8, Лефбереръ и Балдамусъ—по 5.

Летчикъ Наваръ поступилъ сначала вольноопредѣляющимся въ пѣхоту, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ добился перевода въ авіаціонную учебную команду, а затѣмъ до апрѣля 1915 года состоялъ въ воздушной эскадрѣ, работавшей за Амьеномъ надъ корректированіемъ стрѣльбы французской артиллеріи и развѣдкой неприятельскихъ позицій. Навара эта дѣятельность, требовавшая спокойныхъ, правильныхъ полетовъ, не удовлетворяла, и онъ настоячиво просился въ отрядъ истребителей. хлопоты его наконецъ увѣнчались успѣхомъ, и 1 апрѣля прошлаго года онъ сбилъ первый нѣмецкій аэропланъ. До своего раненія онъ сбилъ 19 «враговъ», но 7 изъ нихъ упали въ предѣлахъ неприятельскаго расположенія, и въ счетъ не вошли.

Приводимъ его краткій, образный разсказъ объ его охотахъ по «воздушному звѣрью».

«Я приближаюсь къ врагу сверху,—обыкновенно я веду бой на высотѣ 3.000 метровъ,—и стараюсь высмотрѣть, какъ врагъ вооруженъ, при чемъ все время кувкарюсь и «падаю», чтобы избѣжать его выстрѣловъ. Я всегда летаю одинъ, правлю и стрѣлю самъ. Въ послѣднее время я пользуюсь исключительно бипланомъ, дѣлающимъ около 170 километровъ въ часъ. Достаточно приблизившись къ вражескому аппарату, я открываю огонь изъ пулемета,—обыкновенно на разстояніи 80—100 метровъ; стрѣлю правой рукой, а лѣвой управляю. Черезъ нѣсколько секундъ обыкновенно дѣло бываетъ кончено».

На вопросъ, бывалъ ли онъ раненъ въ такихъ бояхъ, Наваръ отвѣтилъ:

— За исключеніемъ этого единственнаго случая, ни разу. И въ аппаратъ мой только разъ попало всего 10 пуль. Въ аппараты же товарищей попадало нерѣдко по 50—60 пуль. Нѣмецкіе летчики въ большинствѣ случаевъ молодцы, отлично обучены и вооружены. Въ началѣ войны вооруженіе нашихъ летательныхъ машинъ было лучше, но теперь они насъ догнали. Признаюсь также, что нѣмецкіе авиаторы бьются храбро. Тѣмъ не менѣе дѣло нѣмцевъ проиграно. Они захотѣли слишкомъ многого!..

Между прочимъ, Наваръ разсказалъ собесѣднику два эпизода изъ своей «охоты» за неприятельскими аэропланами.

«Разъ на высотѣ 3.300 метровъ нѣмецкій авиаторъ и я почти столкнулись; между нами оставалось метровъ 30—40. Сколько я ни бился, я не могъ сблать изъ своего пулемета ни одного выстрѣла: въ механизмѣ что-то испортилось. То же самое, оказалось, случилось и съ нѣмцемъ. Я видѣлъ, какъ онъ стучалъ и колотилъ по своему пулемету, который не хотѣлъ стрѣлять. 20 километровъ пролетѣли, дѣлалъ другъ въ друга, потомъ я первый сблалъ крутой поворотъ въ сторону; нѣмецъ послѣдовалъ моему прамѣру, и мы разстались безъ одинаго выстрѣла».

«А разъ я сблалъ аппаратъ съ двумя нѣмецкими офицерами. У меня въ распоряженіи было всего 25 выстрѣловъ; сблалъ 10, и семь разъ попалъ въ моторъ противниковъ. Аппаратъ ихъ полетѣлъ внизъ, но, удивительно, оба офицера уцѣлѣли. Я спустился за ними и спросилъ:

— Вы ранены?

Они отдали мнѣ честь и одинъ отвѣтилъ:

— Не ранены, но въ моторѣ семь пуль, и на сердцѣ тяжело!

— Ладно,—сказалъ я,—теперь вы оба мои плѣнники, пойдемъ, выпьемъ!

И я пустил ихъ впередъ себя дѣлавъ гѣсъ, пока мы не добрались до крестьянскаго домика, гдѣ мы распили бутылку вина. Это приключеніе доставило мнѣ новыя «пальмы» и 30 дней ареста!»

Въ заключеніе онъ сказалъ:

«Въ день торжественнаго возвращенія нашихъ войскъ въ Парижъ, послѣ заключенія побѣдоноснаго мира, я тоже «пройду» подъ триумфальной аркой, но не разстаюсь съ аппаратомъ—онъ шириной семь съ половиной метровъ, арка же имѣетъ двѣнадцать метровъ ширины... Хватитъ мѣста намъ обокмъ».

ЖЖВВ

№ 42. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 49 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 15 октября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Въ „свейскомъ“ плѣну.

Картинны прошлаго. Аркадія Пресса. Иллюстраціи А. Максимова.

I.

Въ маленькомъ домѣ, крытомъ черепицей, въ одномъ изъ предмѣстій Стокгольма, сидѣли у широкаго окна два пожилыхъ человека и уныло глядѣли на улицу.

Они были гладко выбриты, и на нихъ было простое „свейское“ платье, широкіе штаны, коричневые чулки и камзолъ.

То были русскіе плѣнные, — князь Долгорукій и олонекій купецъ Чаплинъ, взятые шведами еще подъ Нарвой.

Они уже десять лѣтъ жили у шведовъ и вполнѣ освоились со шведскимъ языкомъ и мѣстными нравами. Чаплинъ, правда, еще раньше торговалъ въ Швеціи и говорилъ свободно по-шведски.

На дворѣ была весна. Въ садахъ цвѣли сирень и яблоня. Морской воздухъ былъ уповательно свѣжъ...

Но на душѣ плѣнныхъ было грустно.

— Дни проходятъ за днями, — говорилъ Долгорукій, — годы за годами, а мы все сидимъ тутъ и томимся... Когда ужъ будетъ конецъ этой проклятой войнѣ!..

Чаплинъ перелистывалъ книгу.

— Не измѣнили бы нѣмцы, — продолжалъ Долгорукій, — ничего бы и не было, не попали бы мы съ тобой сюда...

— Что и говорить! — замѣтилъ Чаплинъ, не отрываясь отъ книги. Онъ читалъ, водя пальцемъ по строчкамъ. — Самые близкіе измѣнили! — Гуммертъ и Дюкъ!

Гуммертъ былъ второй капитанъ бомбардирнаго полка, первымъ же капитаномъ былъ самъ царь Петръ, а „дюкъ“ — герцогъ Карлъ де-Куруа — былъ главнокомандующій, присланный Петру курфюрстомъ Бранденбургскимъ.

— Нашелъ тоже царь кому довѣрять! — сказалъ Долгорукій. — Видно, намъ на роду написано тутъ жить! Вотъ еще и при Тишайшемъ томился тутъ нашъ Котошихинъ!

— Это ты, князь, не дѣло говоришь! — возразилъ Чаплинъ. — Гришка Котошихинъ самъ „своровалъ“, самъ въ „свейскую“ страну бѣжалъ, а мы за что томимся!..

Первое время шведы обращались съ плѣнными сурово.

„Въ свейскомъ плѣну“.
Рис. А. Максимова.

— И что они, черти, про насъ пишутъ! — воскликнулъ Чаплинъ. — Взгляни ты, Яковъ Федоровичъ! (стр. 694).

Долгорукий при Нарвѣ былъ посланъ къ шведамъ для переговоровъ, и послѣ нихъ шведскій король Карлъ XII даже подаль ему руку.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ задержанъ и отправленъ въ цѣпяхъ въ Стокгольмъ, гдѣ долгое время томился съ другими плѣнными въ темницѣ замка.

— И не мало воды утекло съ тѣхъ поръ, — сказалъ Долгорукий, — и Нарву эту самую налн взяли и Ригу взяли, а мы все еще тутъ сидимъ... Ахъ, хоть бы бѣжать какъ-нибудь!

— Да, убѣжишь, — замѣтилъ Чаплинъ, — со всѣхъ сторонъ драбанты наставлены!

За многолѣтнее житье въ „Стекольнѣ“, какъ называли Стокгольмъ русскіе плѣнники, они нѣсколько разъ пробовали бѣжать.

Однажды они раздобыли себѣ матросское платье и хотѣли на простой рыбацкй лодкѣ пуститься въ море. Но на самоѣ берегу были остановлены патрулемъ. Только знаніе шведскаго языка спасло ихъ.

— И чтѣ они, черти, про насъ пишутъ! — вдругъ воскликнулъ Чаплинъ. — Взгляни ты, Яковъ Федоровичъ!

Онъ подаль Долгорукому свою книгу — небольшую тетрадь въ синей обложкѣ.

На ней было напечатано по-латыни:

„Discussio criminationum quibus usus est Moscorum Czarus“. — „Разсужденіе о преступленіяхъ, которыя чинитъ Московскій Царь“.

Долгорукий просмотрѣлъ нѣсколько строкъ и сказалъ грустно: — Ну, да! Все старое! Мы звѣри! Мы трусы! Шапки у насъ съ головъ валятся! А вотъ и медаль нарисована — Карлъ „свейскій“ топчетъ на лошади русскихъ! Ишь ты, мастеръ! Господи! — воскликнулъ онъ съ жаромъ. — Помоги Ты намъ выбраться отсюда! Спаси Ты насъ!

И Долгорукий перекрестился.

— Ничего мы сами не подѣлаемъ! — сказалъ Чаплинъ. — Надо ждать! Богъ смилуется надъ нами! А теперь, князь, пойдемъ спать!.. Завтра вѣдь на зарѣ итти на работу!

Они работали на корабельной верфи, чинили шведскіе корабли.

Долгорукий закрылъ рѣшетчатое окно, и оба зашли за красный пологъ, гдѣ стояли ихъ койки для сна.

Вокругъ было тихо.

Гдѣ-то вдали протяжно пробили колокольные часы.

Но не успѣли плѣнники разстегнуть пряжекъ на башмакахъ, какъ раздался сильный стукъ въ двери на улицѣ.

— Чтѣ такое? Кто стучится такъ поздно?

Они оба переглянулись съ недоумѣніемъ.

„Въ свейскомъ плѣну“.
Рис. А. Максимова.

...Вскорѣ очутились на верфи... Большіе корабли, гальоты, бригантины стояли у пристани...
Драбанты съ русскими плѣнными направились къ дому лоцмана... (стр. 695).

Домъ былъ весь населенъ ремесленниками, которые всё уже спали, и некому было приходиться въ эту часть.

Чаплинъ подскочилъ къ окну.

— Драбанты! — вскричалъ онъ. — И съ ними офицеръ!

— Вѣрно, къ намъ! — замѣтилъ Долгорукій. — Чего имъ отъ насъ нужно?

Бросились открывать двери. Но одинъ изъ жильцовъ впустилъ уже солдатъ.

Офицеръ быстро взошелъ по лѣстницѣ и остановился на порогѣ комнаты, гдѣ жили русскіе.

— Здравствуйте, господа! — сказалъ онъ очень вѣжливо, снимая свою треуголку.

То былъ Вазеніусъ, котораго плѣнники знали очень хорошо. Онъ часто приходилъ къ нимъ въ гости, и они вмѣстѣ пили пиво.

— У меня приказъ, — заявилъ онъ весело, — собираться вамъ въ дорогу!

— Какъ въ дорогу! — воскликнули русскіе съ изумленіемъ.

— Да! Всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, живущихъ въ Стокгольмѣ, велѣно отсюда переселить!

Въ первую минуту русскіе подумали, что кончилась война, и ихъ велѣно освободить.

— Мы свободны? — спросилъ Долгорукій.

— Нѣтъ! — засмѣялся офицеръ. — Съ этимъ бы не торопились! Васъ просто велѣно увезти отсюда!

— Куда?

— Въ Умео, на сѣверъ!

Умео, это — маленькій приморскій городишко въ сѣверной Швеціи, населенный рыбаками, одно изъ самыхъ глухихъ въ то время мѣстечекъ страны.

— Что это значитъ? — воскликнулъ Долгорукій. — Это какое-то гоненіе на насъ!

— Собирайтесь скорѣе! — сказалъ офицеръ. — Я вамъ расскажу по дорогѣ!

— Можно намъ взять вещи? — спросилъ Чаплинъ.

— Да не къ чему! — отвѣтилъ офицеръ. — На кораблѣ все есть, а тамъ васъ, вѣроятно, снабдятъ вещами.

Русскіе плѣнники сложили въ узелки только самое необходимое, свернули свои плащи, надѣли круглыя шляпы съ полями, какія носили тогда простые люди, и, въ чемъ были, вышли за солдатами.

Офицеръ командовалъ: „Маршъ!“, и всѣ двинулись къ гавани. Русскіе шли, окруженные конвоемъ, словно преступники, низко опустивъ головы.

И вспомнили они невольно, какъ десять лѣтъ тому назадъ ихъ вели такъ же по улицамъ, когда они впервые пріѣхали въ „свейскую“ столицу.

Только теперь было тихо, а тогда толпы народа встрѣчали ихъ крикомъ и насмѣшками, и шли они съ непокрытой головой.

Боже! Какъ это время казалось далекимъ!.. Между тѣмъ ничего для нихъ не измѣнилось.

Сначала шли предмѣстьемъ среди красныхъ домиковъ, тонущихъ въ зелени садовъ, затѣмъ холмистыми полями, съ которыхъ виденъ былъ городъ, замокъ вдаль и колокольни старинныхъ церквей. Прошли мимо вѣтряныхъ мельницъ.

— Что же такое случилось? — спросилъ Чаплинъ офицера.

— Одинъ изъ вашихъ закололъ двухъ драбантовъ! — отвѣтилъ тотъ просто.

— Какъ? — воскликнули русскіе. — Что вы говорите!

— Такъ! Очень просто! Это было въ замкѣ!

— Въ тюрьмѣ? — удивились плѣнники. — Тамъ же нѣтъ оружія!

— Въ томъ-то и дѣло! — сказалъ офицеръ. — Онъ сидѣлъ на дворѣ на ступеняхъ лѣстницы.

— А кто такой?

„Въ свейскомъ плѣну“.

Рис. А. Максимова.

Плѣнные бросились на драбантовъ и окружили ихъ. Началась свалка... Ружья летѣли за бортъ... (стр. 697).

— Новгородскій купецъ Иголкинъ... Къ нему подошли два драбанта, и, что между ними произошло, въ точности неизвѣстно... Иголкинъ говорилъ, что они бранили Россію и царя Петра... Одинъ будто сказалъ, что у русскихъ столько же мужества, сколько волосъ у лягушки...

— Ну, и что же?

— Подрались... Иголкинъ вскочилъ и выхватилъ у драбанта ножъ и ранилъ обихъ...

— Господи!

— Вотъ почему васъ выселяютъ отсюда!

— Мы же ни въ чемъ не виноваты! — сказалъ грустно Долгорукій.

— Да, но велѣно всѣхъ русскихъ плѣнныхъ убрать изъ Стокгольма.

Подошли къ озеру, дремавшему въ сумеречномъ свѣтѣ весенняго вечера. Вдали, какъ нарисованныя, стояли горы. Нѣсколько лодокъ на парусахъ тихо качалось на водѣ.

Миновали пороги и вскорѣ очутились на верфи. За нею была гавань, и путь по островамъ шель къ морю.

Большіе корабли, гальоты, скампавети, бригантины стояли у пристани. На нѣкоторыхъ на высокой кормѣ свѣтился большой фонарь. Сигнальные огоньки были въ снастяхъ.

Поодаль стояла шхуна, совсѣмъ готовая къ отплытію.

Драбанты съ русскими плѣнными подошли къ дому лоцмана и маяку.

Тамъ толпился народъ. Матросы, солдаты съ ружьями въ треугольныхъ шляпахъ и косичкахъ, драбанты, лоцмана и корабельщики. Тутъ же были всѣ русскіе плѣнные.

Слышалась русская рѣчь.

Долгорукій и Чаплинъ поздоровались со многими земляками.

Плѣнныхъ размѣстили на боты въ родѣ шнявы и свезли на шхуну. Тамъ шкиперъ съ офицеромъ сдѣлали имъ перекличку.

Русскихъ плѣнныхъ было сорокъ четыре человекъ.

— А гдѣ остальные? — спросилъ Долгорукій.

«Въ шведскомъ плѣну».
Грц. А. Максимовъ

Топчась же за церковно переди глазами пушниковъ открывая чь-льй приморскій городокъ съ гаванью.
Просторная верфь, съ трехъ сторонъ застроенная... (стр. 698).

— Еще много!— отвѣтили шведы.— Будутъ везти дѣлюю недѣлю!

— Всѣхъ въ Умео?

— Нѣтъ!— говорили офицеры.— Въ Готеборгъ, въ Якобстатъ и другіе города!

На морѣ было тихо, и вода казалась серебристымъ туманомъ. Шкиперъ приказалъ поднять якоря, и при легкомъ вѣтеркѣ шхуна поплыла на парусахъ.

Русскіе сняли шляпы, стали креститься. Они молились о томъ, чтобы Господь помогъ имъ уйти совсѣмъ изъ плѣна.

Надъ горами въ небѣ заблестѣла серія луны...

II.

Сначала плыли вдоль берега, затѣмъ по заливу мимо острововъ, наконецъ вышли въ море.

Шкиперъ повернулъ шхуну на сѣверъ. Гористые берега „свейской“ земли словно дремали въ блѣдномъ свѣтѣ сѣверной ночи.

Русскіе плѣнные размѣстились по каютамъ, наверху, на палубѣ, была только вахта, и часовые съ ружьями шагали по бортамъ.

— А долго намъ ѣхать до Умео?— спросилъ Долгорукій одного солдата.

— При хорошей погодѣ въ дня три добѣдемъ!— отвѣтилъ тотъ.

Плѣнники легли спать въ ту ночь со страннымъ чувствомъ на сердцѣ. Еще нѣсколько часовъ тому назадъ никто не могъ думать, что ночью онъ будетъ на кораблѣ и въ открытомъ морѣ.

Ихъ везли Богъ вѣсть куда... Но всякій, засыпая, вздохнулъ съ облегченіемъ— была все-таки перемена въ ихъ жизни, и родина казалась будто ближе...

На утро поднялся вѣтеръ, заблѣбли волны, погода посвѣжѣла. Шхуну быстро несло по волнамъ. Берега не было видно.

— Будемъ такъ мучаться, — сказалъ Долгорукій шкиперу, — пожалуй, и скорѣе прибудемъ на мѣсто!

Шкиперъ ничего не отвѣтилъ, только посмотрѣлъ на компасъ. Шхуну несло на востокъ.

Утромъ русскіе собрались у мачты и служили обѣдню. Они уже давно не собирались такъ вмѣстѣ.

Офицеръ драбантовъ, ѣхавшихъ конвоемъ, приказалъ плѣннымъ помогать матросамъ въ работѣ. Такъ какъ всѣ понимали по-шведски, и большинство изъ нихъ бывало на морѣ, то шхуна шла прекрасно.

Боцманъ и матросы ушли даже отдыхать.

День прошелъ спокойно. Попадались въ морѣ огромные стволы сосенъ, упавшихъ въ воду, вѣроятно, на другомъ берегу въ Финмаркенѣ, и детали много часкъ.

Вечеромъ опять была служба. Плѣнники пѣли вечерню, словно у себя дома, на Руси.

Прошло три дня...

Никакого берега не было видно. Шхуна продолжала нестись по волнамъ. Все на востокъ. Всѣ были на палубѣ.

Ясно было, что плѣнники удалялись отъ „свейской“ земли. Шкиперъ былъ мраченъ и золъ.

— Если погода къ вечеру не установится, — сказалъ онъ офицеру, — Богъ вѣсть куда насъ занесетъ!

На четвертый и пятый день сильно качало. Перестали ужъ и думать объ Умео, ждали только, чтобы вѣтеръ переменялся.

Такъ прошла недѣля.

Наступила пятница. Русскіе съ вечера ложились спать.— море шумѣло, и на палубѣ слышенъ былъ только стукъ да временами свистъ команды.

Долгорукій, приподнявшись съ койки, окликнулъ своего сосѣда:

— Слышь, Чаплинъ! Не спи!

— Что такое?— спросилъ тотъ.

— Какъ ты думаешь, что, если мы завладѣемъ шхуной?

— Какъ такъ?

— Да такъ!— сказалъ Долгорукій.— Перевяжемъ „свейцевъ“, и все тутъ!

За переборкой раздался шагъ.

— Тише!— сказалъ Чаплинъ.

Прошелъ часовой-драбантъ.

Когда шаги стихли, Чаплинъ замѣтилъ:

— Хорошо бы, князь, да только нѣтъ у насъ оружія!

— Не къ чему, — возразилъ Долгорукій.— Насъ сорокъ четыре, а ихъ съ командой всего двадцать! Старика шкипера и считать нечего!

— Князь Яковъ Федоровичъ! Да ты нашъ благодѣтель!— воскликнулъ вдругъ Чаплинъ.

— Не кричи!— остановилъ его Долгорукій.— Слышь! Завтра скажемъ всѣмъ, и вечеромъ, какъ запоемъ службу, сразу, значитъ, всѣмъ кинутся на свейцевъ!

— Ну да, они и растеряются, — замѣтилъ Чаплинъ.

— На каждого драбанта и матроса нашихъ будетъ два чловѣка!

Вновь послышались шаги.

— Ну, ладно! Спи спокойно!— сказалъ Долгорукій, заворачиваясь въ плащъ.— До завтра!

На слѣдующее утро вѣтеръ спалъ. Морѣ стало стихать, и яркое солнце освѣтило зеленые, прозрачныя, какъ изумрудъ, волны.

Чаплинъ рассказалъ всѣмъ русскимъ плѣннымъ планъ Долгорукаго, и всѣ съ нимъ согласились.

Рѣшено было въ тотъ же вечеръ попытаться счастья.

Между тѣмъ шкиперъ и шведы повеселѣли. Драбанты, развалясь на палубѣ, отдыхали послѣ качки, пили и смѣялись.

День прошелъ въ самомъ лучшемъ настроеніи.

Въ полдень шкиперъ сдѣлалъ измѣненіе и сказалъ командѣ: — Мы недалеко отъ острова Доло! Надо повернуть обратно!

Наступилъ вечеръ.

Послѣ обычныхъ работъ русскіе плѣнные собрались на палубу для молитвы.

Они стали кругомъ.

Матросы и драбанты стояли и сидѣли поодаль.

Началась вечерняя служба. Русскіе пѣли, какъ въ церкви, и все было чинно и спокойно. Голоса ихъ были полны одушевленія.

Вотъ запѣли „Всемирную Славу“.

— Дерзайте убо, дерзайте, людие Божіи!...— разнеслось надъ моремъ.

И князь Долгорукій махнулъ рукой.

Въ одинъ мигъ всѣ плѣнные бросились на драбантовъ и команду и окружили ихъ.

Началась свалка. Поднялся крикъ.

Ружья легли за бортъ. Раздался выстрѣлъ. Одинъ русский былъ раненъ. Два драбанта полетѣли въ море.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ все оружіе было въ рукахъ плѣнныхъ и всѣ оставшіеся „свейцы“ были перевязаны.

Ихъ посадили въ трюмъ подъ палубу.

Долгорукій подскочилъ къ шкиперу съ обнаженной шпагой.

— Вези насъ въ Нарву и Копорье!— крикнулъ онъ.— Слышь, свейскій „шпоръ“!

На мѣстѣ штурмана стоялъ уже одинъ олонекій купецъ, землякъ Чаплина, бывший матросъ, не разъ плававшій въ свейскомъ морѣ.

Шкиперъ, блѣдный съ испугу, тотчасъ повернулъ шхуну на сѣверъ.

На палубѣ началось веселье. Русскіе обезумѣли отъ радости, кричали, пѣли, плясали, качали Долгорукаго, многіе плакали, какъ дѣти.

Но Долгорукій успокоилъ ихъ, говоря:

— Погодите, братцы! Надо выйти еще изъ этого свейскаго моря!

На слѣдующее утро показался вдаль берегъ, и въ трубу видны были городъ, гавань и корабли.

— Это что за городъ?— спросили русскіе.

— Реваль!— сказалъ шкиперъ, указывая на карту.

Русскіе испугались. Если Реваль принадлежалъ шведамъ, то они могли снова попасть въ плѣнъ.

— Не бойсь!— сказалъ Чаплинъ.— Вѣдь у насъ свейскіе флаги, они насъ не тронутъ!

Но вотъ отъ берега отдѣлился большой трехмачтовый корабль и сталъ приближаться.

— Куда его черти несутъ!— говорили русскіе, указывая на него руками.

Шхуна была легче и шла быстрѣе— она могла спокойно отъ него уйти.

Но когда съ корабля замѣтили, что шхуна уходитъ, на немъ блеснулъ огонекъ, и за струйкой дыма раздался гулкій выстрѣлъ.

— Въ насъ палятъ изъ пушки!— вскричалъ Долгорукій.— Что это значитъ такое?

Пришлось остановиться.

Корабль подошелъ совсѣмъ близко.

— Ребята!— вскричалъ Долгорукій.— Мы спасени! Вѣдь это же русскіе! Гляди, флагъ!

— Да кто ихъ знаетъ!— замѣтилъ Чаплинъ.— Они, можетъ-быть, такіе русскіе, какъ мы свейцы!

Несмотря на испугъ, всѣ расхохотались.

— Русскіе! Русскіе!— закричали нѣсколько чловѣкъ сразу.

На носу корабля ясно видна надпись русскими буквами: „Элефантъ“.

Отъ корабля отдѣлилась шлюпка, и всѣ сомнѣнья сразу разсѣялись.

Отъ „квартирмейстеръ“ шлюпки узнали, что Реваль давно принадлежитъ русскимъ со всей Эстляндіей вплоть до самаго берега.

Это было спасеніе.

Связанныхъ драбантовъ и шведскую команду оставили въ Ревель, сами отправились дальше. Ночью прошли мимо Нарвы, а черезъ день были у Красной Горки.

Тамъ притаился весь „свейскій“ флотъ, но шхуны никто не тронулъ. Пришли въ Кроншлотъ, а на утро были въ устьѣ Невы.

III.

Когда русскіе плѣнники десять лѣтъ тому назадъ сражались подъ Нарвой, — то было въ холодный пасмурный день, дождь со снѣгомъ билъ въ лицо, — тогда города Санктъ-Петербурха еще не существовало.

На островахъ, на Брикѣ (нынѣ Фонтанкѣ), на Доменахъ (нынѣ Петроградской сторонѣ), на Хирви-Саари (Васильевскомъ островѣ) было только нѣсколько финскихъ деревень да „свейскихъ“ мызь.

И всюду лѣсъ и лѣсъ, ель, береза и ольха.

Поэтому плѣнники были очень удивлены, когда на берегу увидели домики и постройки.

„Въ свейскомъ плѣну“.
Рис. А. Максимова.

Вечеромъ къ Оартерной избѣ прѣхалъ Меншиковъ...
Онъ вошелъ въ низкую комнату... и бросился къ
Долгорукому. (стр. 699).

Подшли къ Лосьему острову (Васильевскій). Тамъ была у самой воды вышка и нѣсколько избушекъ. Рыбаки, завидѣвъ шхуну, очень испугались и бросились бѣжать.

Шведовъ тутъ ждали со дня на день, и люди наблюдали за каждымъ появившимся въ морѣ кораблемъ.

Долгорукій съ Чаплинымъ и еще нѣсколькими плѣнными съѣхали на шлюпкѣ на берегъ.

Предъ домомъ на полянкѣ, поросшей травой, сидѣлъ мужикъ, скуластый, съ калмыцкимъ лицомъ, и чинилъ сѣти.

Увидавъ гостей въ заморскомъ платьѣ, онъ всталъ и поклонился.

— Ты чей будешь?—спросилъ Долгорукій.

— Князя Меншикова.

— А не знаешь ли, гдѣ теперь царь Петръ Алексѣичъ? Какъ къ нему проѣхать?

— Къ царю никакъ не проѣдешь,—отвѣтилъ мужикъ.—Царь теперь на войнѣ съ турками!

— Вотъ какъ!—сказалъ Долгорукій.—Тогда поѣдемъ къ Меншикову! Гдѣ Меншиковъ?

— Князь Меншиковъ долженъ быть у себя! Сказывали, надняхъ новый соборъ на Березовомъ островѣ освящать будутъ! И князь тамъ будетъ!

— А какъ до него добраться?

— Вы поѣжайте въ крѣпость,—сказалъ мужикъ,—тамъ валъ скажутъ!

Достали людей и верейки.

Это небольшія узкія лодки, замѣнявшія тогда извозчиковъ. На лошадахъ тогда за отсутствіемъ дорогъ и обиліемъ болотъ ѣхать было почти невозможно.

Шхуну поставили на якорь, и нѣсколько человекъ осталось на ней. Поѣхали на верейкахъ.

На берегу на островѣ было пустынно... Въ лѣсу два лося съ большими широкими рогами глодали стволы деревьевъ. Взглянувъ на людей, они продолжали стоять спокойно—видно, ихъ здѣсь никто не трогалъ.

Вошли въ самую Неву, но и тамъ на берегахъ жилья не было, всюду еловый лѣсъ—мѣстами заросли ивняка да мшистыя болотныя поляны.

— Тутъ все по-старому!—сказалъ Долгорукій, разглядывая берегъ.

— Да, словно вчера Ніенъ-Шанцъ брали!—замѣтилъ кто-то.—Не повѣришь, что тому ужъ десять годовъ будетъ.

Долгорукій обратился къ лодочнику.

— А помнишь ты князя Долгорукаго?—спросилъ онъ.

— Котораго?

— Якова Федоровича!

Лодочникъ задумался, потомъ сказалъ спокойно:

— Нѣтъ, не припомню! Тутъ тако-го на знаютъ!

Ча лѣвомъ берегу вдаль показался въ зелени дымокъ. Вскорѣ стали видны палатки и много солдатъ, стоявшихъ на бивуакѣ.

— Это что такое?—спросили путники.

— „Шневенскій“ полкъ!—отвѣтилъ лодочникъ.

— Какъ? Такого никогда не слыхалъ!—удивился Долгорукій.

— Онъ ужъ тутъ давно,—пояснилъ лодочникъ,—годовъ пять какъ стоитъ! Прежде на островѣ Котлинѣ былъ ихъ лагерь!

За бивуакомъ появился цѣлый рядъ деревянныхъ домиковъ.

— А это что?

— Это—Морская слобода! А вотъ и „Шневенскій“ рынокъ!

— Что за мудреное названіе?—спросилъ Долгорукій.

— Это потому,—объяснилъ лодочникъ,—что тутъ полкъ морскихъ солдатъ, и, значитъ, командира ихъ, полковника, зовутъ Алферій Шневенецъ!

— Что онъ, „свейскій“ нѣмецъ, что ли?

— А Господь его вѣдаетъ!

Показался выгонъ и на немъ стадо коровъ, за нимъ пошли опять домики и у самой воды большая деревянная церковь.

Всѣ были очень удивлены и, снявъ шляпы, начали креститься.

— Соборъ св. Исаакія Далмат-

скаго!—объяснилъ лодочникъ.

— Это для моряковъ церковь?

— Да! Прежде тутъ былъ устроенъ храмъ прямо такъ, въ порожнемъ амбарѣ.

Тотчасъ же за церковью предъ глазами путниковъ открылся цѣлый приморскій городокъ съ газанью. Просторная верфь, съ трехъ сторонъ застроенная деревянными домами и крытыми амбарами. Посрединѣ башня съ желѣзнымъ шпиромъ, вокругъ земляные валы и пушки.

На верфи работали матросы „на элингахъ“. Громадныя ребра кораблей торчали въ воздухѣ.

На водѣ было много вереекъ, ботовъ и парусныхъ шнявъ.

— Адмиралитетство!—сказалъ лодочникъ.

Напротивъ, на концѣ Лосьяго острова, было земляное укрѣпленіе, видны были солдаты съ ружьями и пушки. Посрединѣ Невы стоялъ на якорѣ громадный военный корабль. Изъ него тоже глядѣли ряды мѣдныхъ пушекъ.

— Это что же, нашъ корабль?—спросилъ Долгорукій.

— Нашъ, да только не тутъ строился!—отвѣтилъ лодочникъ.—Говорятъ, царь его въ Голландію купилъ.

— А это крѣпость?

— Нѣтъ! Вотъ крѣпость! Тамъ, на Заячьемъ острову! Мы туда и причалимъ.

На Заячьемъ острову былъ другой рабочій городокъ. Всюду палатки и сараи, всюду толпы рабочихъ. Крѣпость была почти готова, земляная изъ шести бастіоновъ.

Верейки причалили къ пристани,—рабочіе, увидавъ людей въ шведскомъ платьѣ, радостно кинулись имъ навстрѣчу.

Они говорили по-шведски.

— Свейскіе плѣнные!—пояснилъ лодочникъ.—А на той сторонѣ работаютъ калмыки и татары!

Отъ шведовъ ничего не узнали.

Пришелъ офицеръ въ зеленомъ, съ бѣлой португесей чрезъ плечо.

— Тутъ князь Меншиковъ?—спросилъ Долгорукій.

— Князь не прѣзжалъ! Поѣжайте къ нему во дворъ! Онъ всеѣмъ датскимъ гостямъ радъ!

— Мы не датскіе гости! Мы русскіе! А гдѣ дворец князя Меншикова?

— Да рядомъ съ царскимъ жильемъ!—отвѣтили офицеры.—Его тутъ всѣ знаютъ.

Онъ показалъ рукой на Березовый островъ.

Поѣхали дальше.

Навстрѣчу попалось нѣсколько ботовъ съ закрытой каютой, въ родѣ „венеційскихъ“ гондолъ.

На Березовомъ острову увидели вдаль новую бревенчатую церковь.

— Это и есть новый соборъ?—спросилъ Долгорукій.

— Да! Св. Троицы!

На берегу была избушка съ трубой посрединѣ. На крышѣ была вырѣзана деревянная мортира и двѣ бомбы.

— Это—царскій домикъ,—сказалъ лодочникъ,—а вотъ и дворец князя Меншикова!

Рядомъ съ царскимъ домикомъ стояло довольно большое зданіе въ два „жилья“ (этажа) съ узкой башней на крышѣ, похожей на голландскую кирку.

Путники сошли на берегъ и направились къ дому, но пришлось ждать—двѣ бабы съ прутами гнали мимо стадо гусей.

Наконецъ открыли двери. Прибѣжалъ денщикъ Меншикова.

— Князя нѣту дома! Онъ на той сторонѣ у царевнѣ!

Гости хотѣли сначала его ждать на островѣ, но многіе проголодались, и рѣшили ѣхать обратно на шхуну, ввести ее въ Неву. Долгорукій съ Чаплинымъ остались на островѣ.

Долгорукій спросилъ лодочника, гдѣ можно пообѣдать и отдохнуть.

— Это такъ просто нельзя!—отвѣтилъ тотъ.—Надо ждать, куда, въ какой домъ назначутъ! Если хочешь тутъ жить, скажи въ крѣпости!

— А нѣтъ ли постоялаго двора?

— Есть-то есть! Только очень дорого! На той сторонѣ у Почтоваго Двора, „Австерія“ называется, Фельтена, только дереть нѣмецъ.

— А другого нѣту?

Лодочникъ задумался.

— Есть и другой! На Березовомъ! Пойдемте, я васъ проведу!

Верейку причалили къ пристани, и лодочникъ повелъ гостей на островъ.

Сначала дошли до „Кронверка“. Это земляной валъ за крѣпостью, затѣмъ повернули вдоль палисада. Тутъ было нѣсколько домиковъ, между прочимъ, лавки и „басманная“ изба (пекарня),

а потомъ шли по доскамъ, мѣстами по бревнамъ, слѣва были пустаиры и лѣсы.

— А зачѣмъ тутъ палисадъ?—спросилъ Чаплинъ.

— Отъ волковъ.

Но вотъ снова показались домики.

— Теперь надо налѣво, — сказалъ проводникъ.—Тутъ улица „Оружейная“—оружейные мастера живутъ, тамъ сейчасъ будетъ „Посадская“, а за ней „Бѣлозерскій“ полкъ стоитъ.

Прошли въ первую улицу и остановились на углу просѣки предъ чернымъ закопѣлымъ домикомъ съ покосившимся крыльцомъ.

— Вотъ тутъ!—сказалъ проводникъ.

— Это что такое?

— „Фартерная“ изба! Пока „фартеру“ не укажутъ, тутъ можно жить!

Путники очень обрадовались и съ удовольствіемъ вошли въ избу.

Вѣсть о пріѣздѣ русскихъ плѣнныхъ распространилась по городу.

Вечеромъ къ Фартерной избѣ пріѣхалъ Меншиковъ на „линей“. Онъ вошелъ въ низкую комнату, гдѣ сидѣло нѣсколько гостей (торговцевъ) и матросовъ, и бросился къ Долгорукому.

— Князь Яковъ Федоровичъ! Ты ли это?—вскричалъ онъ.

— Я!—отвѣтилъ Долгорукій весело, протягивая Меншикову руку.—А вотъ, Александръ Данилычъ, мой другъ—олонецкій купецъ Чаплинъ! Мы вмѣстѣ изъ плѣна бѣжали!

Чаплинъ поклонился въ поясъ Меншикову.

Меншиковъ крѣпко пожалъ имъ руки и тотчасъ же повезъ ихъ въ новый домъ.

— Вотъ будетъ радъ царь Петръ Алексѣичъ!—все повторялъ онъ по дорогѣ.

Долгорукому съ Чаплинымъ отвели просторный „мазанковый“ домъ въ саду, выходящемъ на Неву, недалеко отъ „Куорниюки“ (Карповка) и подворья Феофана Прокоповича.

Въ тотъ же вечеръ Меншиковъ послалъ курьера къ царю съ радостной вѣстью.

Курьеръ доѣхалъ до Петра только въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

— Это чудо!—вскричалъ царь Петръ, узнавъ про спасеніе Долгорукова изъ плѣна.

И тотчасъ назначилъ его „генералъ-пленнопотенціарнымъ кригсъ-комиссаромъ“.

По пріѣздѣ въ „Питербурхъ“ царь пожаловалъ Долгорукому дворцовыя волости въ Юрьевъ-Повальскомъ уѣздѣ и должность „президента Ревизіонъ-Коллеги“ (нынѣ государственнаго контролера).

Артымъ-бей.

Разсказъ И. Потапенко.

(Окончаніе).

IV.

Прія къ такой мысли, Гриценко въ первое мгновеніе почувствовалъ радость, но, подумавъ съ минутой, понялъ, до какой степени чувство это глупо и неумѣстно.

Какъ-то разомъ нарисовалась передъ нимъ вся обстановка, въ которой все это произошло, и стало даже страшно...

Онъ, офицеръ, въ командирѣ только-что взятаго въ плѣнъ полка открылъ русскаго офицера, обокравшаго казну и бѣ-

На кавказскомъ фронтѣ.

У горной пушки на Эрзинджанскихъ высотахъ.

жавшаго за границу. Что онъ долженъ сдѣлать? Это совершенно ясно. Не нужно даже спрашивать о томъ, что ему повелѣваетъ долгъ.

Но въ то же время для него несомнѣнно, что онъ этого не можетъ сдѣлать. Представитъ себѣ, что онъ, Грищенко, выдалъ головой своего старога товарища, а въ нѣкоторые моменты жизни и пріятеля...

Артымъ-бей... Да, конечно, до Артымъ-бея ему нѣтъ никакого дѣла, но Артымъ-бей уже нашелъ свою судьбу: онъ попалъ въ плѣнъ, будетъ жить подъ надзоромъ до окончанія войны, а тамъ, по всей вѣроятности, отправится во-свои. Можетъ-быть, тамъ, на его родинѣ, сдачу его признаютъ трусостью или предательствомъ и посадятъ его на колъ, а, можетъ-быть, объявятъ его героемъ, это ужъ ихъ дѣло. Но здѣсь, въ Россіи, онъ будетъ пользоваться всѣми правами плѣннаго полковника и останется неприкосновеннымъ.

Но Артемій Ивановичъ Ляшко—другое дѣло, его ждетъ законная кара, сопряженная съ позоромъ, который въ равной мѣрѣ очернитъ его, какъ здѣсь, такъ и тамъ.

Ахъ, все это разсужденія, но, въ сущности, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что онъ, Грищенко, не можетъ, ну просто не можетъ

всегда мечтавшій о возвышеніи, о значительной роли, о богатствѣ и, очевидно, добившійся если не всего этого, то многого... Какую бѣшеную энергію онъ долженъ былъ развить для того, чтобы въ чужой странѣ, да еще столь непохожей на нашу по нравамъ, по характеру, по формамъ жизни, занять столь выдающееся положеніе.

Прежде всего онъ, разумѣется, перемѣнилъ вѣру. Это, впрочемъ, для него не составило большого труда. Могуцественный покровитель въ Стамбулѣ, — да, конечно, безъ такого покровительства ему ничего не удалось бы достигнуть...

„Безцѣнные услуги“, которыя онъ оказалъ могуцественному лицу... И это Грищенко могъ легко представить себѣ. Услуги навѣрное сквернаго свойства. Ляшко долженъ былъ ни передъ чѣмъ не останавливаться и ничѣмъ не брезговать. Но такъ или иначе, а человекъ достигъ и былъ наканунѣ окончательнаго увѣчанія работы всей своей жизни, — Артымъ-паша, вѣнецъ желаній.

И вдругъ плѣнъ съ дѣлымъ полкомъ. Сидѣніе подъ стражей, предстоящая отправка въ тылъ. Но и это все пустое въ сравненіи съ моментомъ встрѣчи съ нимъ, съ Грищенко. Что онъ долженъ былъ почувствовать? То, что, можетъ-быть, считалъ за-

На кавказскомъ фронтѣ.

Бивуакъ стрѣльцоваго полка въ захваченной у турокъ деревнѣ подъ Байбуртомъ.

пережить подобнаго момента, — когда онъ укажетъ пальцемъ на своего товарища и скажетъ: „вотъ онъ, я открылъ его, берите и судите“.

Безъ сомнѣнія, Ляшко этого заслужилъ. Съ точки зрѣнія не только закона, но и справедливости онъ поступилъ отвратительно. Не говоря ужъ о злоупотребленіи званіемъ офицера, о низкомъ воровствѣ и трусливомъ бѣгствѣ, вѣдь онъ съ поспѣшной жестокостью бросилъ на произволъ судьбы жену и двоихъ маленькихъ дѣтей. Словомъ, негодай по всѣмъ статьямъ, не заслуживающій никакой жалости. И даже появленіе его въ роли командира турецкаго полка, — это странное превращеніе, — на воображеніе Грищенко не производило ни малѣйшаго впечатлѣнія.

И если бы Ляшко былъ узнавъ не имъ, а кѣмъ-нибудь другимъ, и этотъ другой предалъ бы его, онъ, Грищенко, ничего не имѣлъ бы противъ и ужъ, конечно, не поднялъ бы голосъ на его защиту.

Но самъ онъ... Нѣтъ, сдѣлать это онъ не въ состояніи, ужъ развѣ какія-нибудь необыкновенныя обстоятельства, которыхъ онъ и вообразить не можетъ, заставили бы его. Словомъ, это было одно изъ проявленій его слабости и малодушія. Онъ не вынесъ бы взгляда Артемія Ляшки. Ему казалось, что подобнаго испытанія сердце его не выдержало бы.

И онъ теперь мечталъ только объ одномъ: чтобы Артымъ-бей поскорѣ ушли куда-нибудь въ тылъ, и чтобы онъ больше никогда въ жизни не встрѣтилъ его.

Теперь же онъ хотѣлъ забыть о немъ. Но вмѣсто этого думалъ о немъ постоянно. Этотъ острый взглядъ маленькихъ умныхъ глазъ не выходилъ у него изъ головы. Когда онъ анализировалъ этотъ взглядъ, то видѣлъ въ немъ какую-то смѣсь дикаго изумленія, испуга, боязни не выдать себя и дьявольской рѣшимости остаться твердымъ.

И онъ представлялъ себѣ, что долженъ переживать этотъ человекъ въ томъ положеніи, въ какомъ очутился Артемій Ляшко,

бытымъ, слѣды чего казались ему заметными разъ навсегда, должно теперь открыться. Его узнали, и, значить, всему конецъ.

И онъ теперь сидитъ тамъ, въ казармѣ, прячась отъ людскихъ глазъ и дрожа, каждую минуту ожидая, что вотъ придутъ и возьмутъ его и поступятъ съ нимъ, не какъ съ плѣннымъ командиромъ полка, а какъ съ воромъ, да еще и предателемъ, вѣроломно сражавшимся въ рядахъ нашихъ враговъ.

Онъ долженъ такъ думать, онъ не можетъ думать иначе, потому что такъ и должно быть, и всякій другой на мѣстѣ Грищенко, болѣе твердый и мужественный, чѣмъ онъ, непременно далъ бы этому дѣлу такой ходъ.

А онъ вотъ не могъ. Сознавалъ, что долженъ, и не могъ. И, такъ какъ это причиняло ему страданіе, и нужно было какое-нибудь успокоеніе, то онъ увѣрялъ себя, что сдѣлалъ слишкомъ поспѣшное заключеніе, и легко можетъ оказаться, что это не такъ.

„Чортъ возьми, — говорилъ онъ себѣ, — вѣдь, въ сущности, это съ моей стороны какая-то почти преступная поспѣшность. Вѣдь я не наблюдаю его даже цѣлой минуты — буквально нѣсколько секундъ... Развѣ не могло случиться, что разительное сходство какихъ-нибудь двухъ-трехъ чертъ, произведшее на меня сильное впечатлѣніе, заставило меня приурочить къ нимъ и остальныхъ свойства его наружности, которыя, можетъ-быть, вовсе и не таковы. Да могу ли я поручиться, что этотъ Артымъ-бей средняго роста, а не высокаго или низенькаго, или что у него широкая плечи? Неужели я могъ все это разглядѣть въ нѣсколько десятковъ секундъ?“

И, чтобы окончательно успокоить себя, онъ просто условился со своей совѣстью — думать, что онъ ошибся, что это была съ его стороны нелѣпная фантазія, и что это даже невозможно. Подумать только: пришлый человекъ, иностранецъ, не знавшій ни слова по-турецки, въ столь короткій срокъ дослуживается до полковничьяго чина. Нелѣпность, въ которую нельзя вѣрить болѣе получаса.

И ему удалось-таки увѣрить себя въ этомъ. Правда, увѣренность эта была чрезвычайно хрупкая. Онъ, напримѣръ, старался не слушать, „мысленно закрывалъ уши“, когда гдѣ-нибудь говорили о плѣнномъ Артымъ-бей; а когда нужно было пройти въ другую часть города, онъ избиралъ такое направленіе, чтобы не идти по улицамъ, гдѣ находилась казарма; онъ боялся, чтобы что-нибудь, какая-нибудь непредвидѣнная случайность не доказала ему, что увѣренность его ничего не стоитъ.

И эти двое сутокъ, что прошли со времени его дежурства, показались ему двумя вѣчностями и измучили его. Но судьба, очевидно, ни за что не хотѣла окончательно разорвать его связь съ плѣннымъ турецкимъ полковникомъ и преподнесла ему сюрпризъ, который привелъ его въ полное замѣшательство.

V.

Дѣло въ томъ, что первый русскій городъ ближайшій пунктъ нашего тыла, отстоялъ отъ только-что завоеваннаго города верстахъ въ 80. Мѣстность была гористая, дороги извилистыя, во многихъ мѣстахъ узкія и запутанныя. И только послѣ половины пути начиналось болѣе или менѣе благоустроенное шоссе.

И вотъ было рѣшено отправить плѣннаго Артымъ-бея въ тылъ. Другого способа, какъ верхомъ, въ сопровожденіи всадниковъ, не существовало.

Свѣдѣніе объ этомъ появилось раньше официального распоряженія, и, когда оно дошло до Гриценки, онъ страшно обрадовался. У него явилось ощущение, какъ будто огромная тяжесть спадаетъ съ его души. Вотъ упилютъ его, и тамъ онъ растворится въ массѣ плѣнныхъ, а Гриценко будетъ идти своей дорогой, и больше ихъ глаза никогда не встрѣтятся. И этотъ случайный эпизодъ, такой странный и тревожный, забудется навсегда.

Такъ думалъ онъ въ то время, когда судьба устраивала жизнь по-своему. На другой день утромъ онъ получилъ предписаніе: во главѣ небольшого отряда всадниковъ конвоировать въ тылъ плѣннаго командира полка Артымъ-бея.

Въ первую минуту онъ не повѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ, до такой степени это шло въ разрѣзъ съ его настроеніемъ. Но нужно было повѣрить, такъ какъ это было официальное распоряженіе.

Выражать онъ не имѣлъ права. Единственная возможность отбоярится отъ порученія: — сказать больнымъ — ему была крайне неудобна. Онъ только-что вышелъ изъ лазарета, бездѣйствіе надобно ему, и возвращаться туда не хотѣлось.

Но было и еще нѣчто, совсѣмъ непонятное, какъ, прочемъ, и всѣ его переживанія, связанныя съ появленіемъ Артымъ-бея: страшно тяготясь порученіемъ, онъ въ то же время чувствовалъ, что какая-то внутренняя сила словно толкаетъ его къ нему. Снова зажегся въ душѣ его интересъ къ Артымъ-бею, снова явилось неотразимое желаніе проверить свое первое впечатлѣніе.

„Въ самомъ дѣлѣ, — думалъ онъ, — глупо же такъ и оставить это безъ проверки. Можетъ-быть, увидѣвъ его поближе, при полномъ дневномъ освѣщеніи, я только поемѣю надъ собой, убѣдившись, что все было моей фантазіей, а, можетъ-быть, и другое. Ну, такъ что жъ, и съ другимъ надо считаться. И другое надо довести до логическаго конца...“

Такъ думалъ онъ, не останавливаясь на сколько-нибудь точномъ опредѣленіи, каковъ могъ быть этотъ „логическій конецъ“. А время не ждало. Одинъ только день данъ былъ ему для выполненія формальностей и сборовъ.

Гашъ военный корреспондентъ съ кавказскаго фронта, художникъ капитанъ Константинъ Викентьевичъ Дыдышко.

Онъ дѣлалъ все торопливо, собралъ все небольшое, что можно было взять съ собой, побывалъ въ нѣсколькихъ служебныхъ мѣстахъ, всю ночь почти не спалъ, и въ три часа былъ уже во дворѣ казармы. Тамъ ждалъ его въ полной готовности отрядъ всадниковъ. Ихъ было четверо. Всѣ съ винтовками за плечами, въ ихъ числѣ одинъ кавказецъ, хорошо знавшій мѣстность и дороги. Для Гриценки была приготовлена осыдланная лошадь, еще другая, тоже подъ сѣдломъ, стояла наготовѣ. Изъ этого Гриценко заключилъ, что денщикъ Артымъ-бея не поѣдетъ съ ними, онъ будетъ отосланъ другимъ путемъ, очевидно, съ какой-нибудь партией плѣнныхъ.

Онъ принялъ начальство надъ отрядомъ и сѣлъ на коня. Не прошло и минуты, какъ растворилась дверь изъ того помѣщенія, гдѣ пребывалъ плѣнный, и унтеръ-офицеръ, выйдя оттуда, остановился у двери. Затѣмъ вышелъ коренастый, плечистый Артымъ-бей, въ черномъ кафтанѣ, украшенномъ какимъ-то позументами, въ высокихъ сапогахъ, въ красной фескѣ, безъ всякаго оружія. Плечи его были высоко приподняты, а на груди красовался какой-то знакъ отличія.

Онъ не поднималъ головы и не взглянулъ ни на одного изъ всадниковъ, подошелъ къ коню въ сопровожденіи унтеръ-офицера и довольно ловко прыгнулъ въ сѣдло. Гриценко произнесъ слова команды, всадники расположились въ заранѣе условленномъ порядкѣ, — кавказецъ въ широкой буркѣ, своими краями прикрывавшей верхнюю часть хвоста лошади, занялъ мѣсто впереди, за нимъ одинъ изъ всадниковъ, позади его плѣнный и два всадника по обѣ стороны его, а Гриценко позади всѣхъ.

Еще команда, и они, въ порядкѣ, разъ на всю дорогу установленномъ, выѣхали изъ двора и шагомъ двинулись по улицѣ, кратчайшимъ путемъ направляясь за городъ.

Было тихое утро. Солнце взошло гдѣ-то за высокими холмами, окружавшими городъ, но здѣсь еще на всемъ лежала тѣнь. Воздухъ былъ прохладенъ и свѣжъ: шли легкой рысцой, слѣдуя за передовымъ туземцемъ, которому всѣ какъ-то молчаливо въ этомъ отношеніи подчинились.

Странныя ощущенія переживалъ Гриценко. Еще недавно изъ-за обладанія этимъ рядомъ холмовъ здѣсь шелъ жаркій бой, гремѣли пушки, свистѣли пули и лилась кровь. И онъ былъ малой каплей этого живого океана, вздымавшагося могучими волнами. Здѣсь онъ былъ раненъ и контуженъ и подобранъ своими въ безсознательномъ состояніи.

И послѣ такого напряженнаго книжня, когда каждый мигъ приносилъ разрушеніе, такая глубокая тишина. И природа, казавшаяся тогда умершей, оживла. Кругомъ темной зеленью красуются тѣса, долины покрылись изумрудомъ, травъ, то тамъ, то здѣсь выглядываютъ полевые цвѣты. А истребительная война продвинулась дальше, побѣдоносные полки послѣ того уже захватили новые десятки верстъ, оттуда доносится глухой гулъ, кажущійся здѣсь такимъ спокойнымъ и нестрашнымъ.

И его полкъ тамъ бьется вмѣстѣ съ другимъ. А вотъ ему, вмѣсто того, чтобы осуществлять свое прямое дѣло, къ которому онъ призванъ долгомъ гражданина, приходится плестись позади плѣннаго Артымъ-бея, который есть не кто иной, какъ старый товарищъ его, съ которымъ вмѣстѣ они, борясь съ невзгодами жизни, дѣлали свои первые шаги. — Артемій Ивановичъ Ляшко.

О, да, теперь онъ окончательно и совершенно убѣдился въ этомъ. Никакіе софизмы не помогутъ ему отойти отъ этого убѣжденія. Онъ, онъ, во всѣхъ подробностяхъ, въ каждой мелочи. Его ростъ, его плечи, его характерный короткій затылокъ, который вотъ сейчасъ весь передъ нимъ.

Мулла въ Эрзерумѣ.

Рис. К. Дыдышко.

И онъ, должно-быть, не знаетъ о томъ, что за спиной у него ѣдетъ Грищенко, тотъ самый офицеръ, съ которымъ они недавно встрѣтились молчаливыми взглядами. Въѣдъ онъ тогда, во дворѣ, когда садился на коня, не поднялъ головы и не взглянулъ на своихъ провожатыхъ, а послѣ этого ни разу не оглянулся.

Ѣхали они уже часа полтора, ни на каплю не прибавляя шагу. Дорога не позволяла этого, да и самое положеніе не допускало возможности быстрого темпа. Отдыхъ и завтракъ, по предписанію, могъ состояться не раньше полудня.

По пути не было никакихъ встрѣчъ: наши обозы, подвизавшіе снаряды, орудія и все необходимое изъ тыла, шли другой, болѣе длинной, но зато широкой и сравнительно удобной дорогой, а мѣстное населеніе, перепуганное недавними битвами, отодвинулось въ болѣе безопасныя мѣста.

Ѣхали въ глубокомъ молчаніи. Только передовой, при внезапныхъ поворотахъ дороги, гикалъ какимъ-то высокимъ дискантовымъ голосомъ.

Обстановка ли такъ дѣйствовала на Грищенку, или это было неизбежное развитіе того первоначального неотвязнаго желанія, которое зародилось въ немъ еще при первомъ извѣстіи о плѣненіи Артымъ-бея, но ему вдругъ начало казаться чѣмъ-то дикимъ такое положеніе, чтобы онъ, встрѣтивъ старика товарища послѣ десятилѣтней разлуки, да еще при такой исключительной обстановкѣ, начего не узналъ о немъ, не услышалъ даже его голоса.

Мысль явилась въ его головѣ какъ-то сама по себѣ, безъ всякаго соображенія съ обстановкой и съ возможностями, ея допускаемыми. А онѣ, эти возможности, какъ казалось, совсѣмъ отсутствовали. На виду у четырехъ солдатъ онъ никакъ не могъ заговорить съ Артымъ-беемъ, объ этомъ не могло быть и рѣчи. Даже если бѣ они и не разслышали его словъ, все равно, это было бы подозрительно и противно правиламъ. Да и на какомъ языкѣ? По-русски онъ, конечно, не отвѣтитъ, а познанія подпоручика во французскомъ языкѣ были такъ жалки, что онъ едва ли сумѣлъ бы составить одну фразу.

А желаніе росло, и Грищенко мучительно ломалъ голову надъ вопросомъ, какими бы путями хоть капельку приблизиться къ его осуществленію.

VI.

Было девять часовъ, оставалось часа три до небольшого, наполовину разрушеннаго селенія, давно занятаго нашими войсками, гдѣ быть предположенъ отдыхъ. Они ѣхали очаровательной зеленой долиной, словно огромной рамой окаймленной отвѣсными скалами. Среди зелени, чуть шестая, вился ручей, и

Генераль-квартирмейстеръ штаба арміи георгіевскій кавалеръ П. А. Томиловъ. Рис. К. Дыдышко.

-- Колонель... Ву вуле... буаръ... де-лѣ?

Артымъ-бей вздрогнулъ, но сейчасъ же по сжатымъ губамъ его скользнула усмѣшка, должно-быть, относившаяся къ дикой конструкціи его французской фразы. Онъ помолчалъ нѣсколько секундъ, потомъ наклонилъ голову и отвѣтилъ:

— Мерси.

Тогда Грищенко приказалъ зачерпнуть изъ ручья воды и принести имъ въ дорожной посудѣ, которая была у него съ собой.

— Мы посидимъ вонъ тамъ на камняхъ, — прибавилъ онъ и жестомъ указалъ Артымъ-бею на лужайку. Тотъ опять поклонился и повторилъ свое „мерси“.

Грищенко даже въ этомъ несложномъ словѣ узналъ голосъ и манеру Ляшки, и что-то затрепетало у него въ груди. Они отправились къ лужайкѣ и сѣли на камняхъ, не болѣе двухъ шаговъ другъ отъ друга. Солдатъ уже бѣжалъ къ нимъ съ наполненной водой фляжкой въ рукѣ. Грищенко предложилъ плѣнному, тотъ жестомъ показалъ, что предоставляетъ ему первому пить. Подпоручикъ отпилъ нѣсколько глотковъ, то же сдѣлать и плѣнный и еще разъ произнесъ свое „мерси“. Солдатъ отошелъ къ ручью и сталъ, какъ и другіе, возиться съ лошадыю.

Наступилъ моментъ, которымъ необходимо было воспользоваться. Грищенко почувствовалъ, что у него сжалось горло. Онъ сдѣ-

Начальникъ снабженія арміи фронта, награжденный Георгіевскимъ орденомъ, генераль-майоръ М. М. Карнауховъ. Рис. К. Дыдышко.

лалъ огромное усилие и произнесъ голосомъ сдержаннымъ, который могъ слышать только сосѣдь:

— Я узналъ тебя, Артемій. Въ нѣсколькихъ словахъ: какъ это произошло?

Артымъ-бей крѣпко нахмурилъ свои густыя темныя брови, не поднявъ головы, даже не взглянуть на него. Но Гриценко явственно разслышалъ намѣренно низкія ноты его басистаго голоса:

— Это постъ... Теперь отпусти меня.

— Это невозможно. — отвѣтить Гриценко.

— Отпусти... Умоляю... Ради прощлаго...

— Ни въ коемъ случаѣ, — дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Гриценко. — Присяга, долгъ... честь...

— А у меня жизнь... Отпусти!..

— Не могу.

— Я давно жажду вернуться. — продолжалъ тихо басить плѣнный. — но я вернусь иначе... Я богатъ... Десять лѣтъ... давность... Мои дѣти живы?

— Они живы...

— Хочу для нихъ жить. Я приду. Но если теперь — погибну... Отпусти, Семень!

Это было имя Гриценки, и, когда оно было произнесено, сердце сжалось у подпоручика, но твердость ни на секунду не оставила его. Онъ сказалъ:

— Объ этомъ не будемъ говорить... Я тебя не выдамъ, Артемій... Это преступленіе, но я все-таки не выдамъ.

— Найдутся другіе...

— Не знаю.

— Отпусти, отпусти... Дороги мнѣ извѣстны... Я скроюсь.. Отпусти сейчасъ!

Гриценко машинально поднялъ руку и удержалъ ее на уровнѣ, гдѣ у него былъ револьверъ. Плѣнный, должно-быть, понялъ это движеніе, и гдѣ-то въ глубокихъ орбитахъ сверкнули его глаза.

— На коней! — крикнулъ Гриценко и поднялся.

Черезъ минуту всѣ были въ сѣдлахъ и снова двинулись въ путь прежнимъ порядкомъ.

Теперь у подпоручика было другое настроеніе. Что-то суровое и враждебное по отношенію къ плѣнному проникло въ его сердце. Это началось съ той минуты, когда плѣнный заговорилъ о дѣтяхъ, — что онъ хочетъ вернуться и жить для нихъ. Это была явная ложь, къ которой онъ прибѣгнулъ, желая подѣйствовать на его мягкій, расплывчатый нравъ. Гриценко хорошо знаетъ, что этотъ человѣкъ давно пересталъ думать о покинутыхъ дѣтяхъ. Если бы онъ любилъ ихъ, то могъ бы уже давно что-нибудь для нихъ сдѣлать, даже не возвращаясь на родину.

А кромѣ того, онъ узналъ то, о чемъ мысль не приходила ему въ голову: что Артымъ-бей мечтаетъ о побѣгѣ. И онъ теперь

Плѣнный аскеръ.

Рис. К. Дыдышко.

насторожился, строго слѣдилъ, чтобы солдаты, ѣхавшіе по обѣ стороны отъ плѣннаго, не отодвигались ни впередъ ни назадъ, а у самого правая рука все время была около револьвера.

Да, Артемій Ляшко какъ нельзя лучше сказался во всемъ этомъ. Всегда онъ думалъ только о себѣ, о своей шкурѣ, а до остальныхъ ему не было никакого дѣла. И теперь онъ, конечно, знаетъ, что его побѣгъ обошелся бы ему, Гриценкѣ, очень дорого, но ему это все равно. И Гриценкѣ казалось, что онъ даже способенъ разоблачить его, и онъ думалъ, что, по прибытіи къ мѣсту назначенія, онъ, можетъ-быть, это и сдѣлаетъ.

И имъ овладѣла досада по поводу того, что онъ такъ глупо распорядился своимъ открытіемъ, вналь въ сентиментальность, размякъ и, вмѣсто того, чтобы сразу поступить сообразно своему гражданскому долгу, отдался размышленіямъ и соображеніямъ и допустилъ, чтобы софизмы парализовали его волю.

„Во имя прошлаго“... Гм... думалъ онъ, — а въ прошломъ развѣ онъ, этотъ мнимый бей, кому-нибудь сдѣлалъ добро? Такой же былъ эгоистъ, какъ и сейчасъ“.

Кони, подкрѣпленные короткимъ отдыхомъ и освѣженные ручьевою водой, бѣжали бодро. Опять было молчаніе, никто не произносилъ ни звука.

Но вдругъ впереди произошло что-то непонятное. Передовой туземецъ на поворотѣ гикнулъ и исчезъ за выдвинувшимся острымъ угломъ отвѣсной скалы. И, должно-быть, онъ вепугнулъ какого-нибудь дикаго звѣря или большую птицу, которая внезапнымъ движеніемъ испугала лошадь второго всадника. Передъ самымъ поворотомъ она шархнула въправо и стала на дыбы. Это повліяло на слѣдующую за нею, — лошадь подъ всадникомъ, ѣхавшимъ справа отъ плѣннаго, бѣснымъ карьеромъ помчалась впередъ, шедшая же слѣва оказалась еще болѣе нервной, закружилась на мѣстѣ, потомъ рванулась, сбросила всадника и поскакала куда-то въ сторону.

Произошло что-то несуразное. Но Гриценко не успѣлъ даже разглядѣть всѣхъ подробностей этого неожиданнаго происшествія. Все его вниманіе было сосредоточено на Артымъ-бей, который ѣхалъ впереди его.

Онъ, видимо, былъ очень искуснымъ наѣздникомъ, — подъ нимъ лошадь только на секунду стала втупикъ, а затѣмъ сейчасъ же покорилась ему. И вотъ, Гриценко видитъ, что онъ быстрымъ движеніемъ головы оглядѣлся во всѣ стороны, туго притянулъ поводья и, весь какъ-то подобранный, круто повернулъ направо и энергичнымъ движеніемъ ногъ далъ коню шпоры.

Конь стремглавъ пустился въ гущину невысокаго кустарника, росшаго по эту сторону дороги.

Соображалъ ли что-нибудь Гриценко,

Подп. Виталій Ефимовъ.

Рис. К. Дыдышко.

Германская подводная лодка UC5, ставившая мины у английских берегов. Взята в плен английскими моряками и отведена к берегам Темзы.

были ли его действия результатом понимания всего происходившего, этого он и сам впоследствии не мог определить; к тому же он никогда не считал себя хорошим филозофом. Но на этот раз конь повиновался ему с такой охотой, как будто был его единомышленником.

И вот он мчится через кустарник по пятам скачущего во весь опор пеганого, который весь пригнулся к шею коня и как будто слился с ним. Сперва позади на расстоянии двух сотен шагов, но расстояние это все сокращалось. Конь у него был лучше, чем у Артымь-бея. Вот уже совсем близко. Пеганый бешено колотит свою лошадь ногами, руки его и голова делают дикія движения около лошадиной шеи, как будто он щиплет и кусает ее.

Но Грищенко уже догнал его, вот они сравнялись... Раздался выстрел, другой, третий.

Артымь-бей, как бревно, свалился с коня, который помчался дальше. Бог знает куда. Грищенко с усилием сдержал свою лошадь, оглянулся. Два всадника, мчавшиеся во весь дух, уже подъезжали к нему. Артымь-бей лежал на траве без движения.

Солдаты спешились, подошли к нему, осмотрели его, ощупали и убедились, что он мертв. Одна из трех пуль, выпущенных Грищенкой из револьвера, убила его наповал.

До селения, где был предположен отдых, оставалось не больше часу пути. Оттуда прибыла подвода, на которой тело пеганого бея было доставлено туда. Грищенко со спутниками после отдыха вернулся в город, рапортом довел до сведения начальства обо всем происшедшем и вскоре отправился на фронт.

Всем стало известно, что во время попытки к бегству был убит командир взятого в плен полка Артымь-бей, но никто не узнал, что это был Ляшко, десять лет тому назад безследно пропавший вместе с полковыми деньгами.

Ушедшимъ.

Свинцовыя тучи печаль волокли,
Каменные стѣны нѣмѣли,
Въ утреннихъ сумеркахъ люди шли,
Сѣрыя запахнувъ шинели...
Сдвинутыя челюсти темныхъ воротъ
Отъ шаговъ содрогались мѣрныхъ,
Какъ будто пытался ихъ желѣзный ротъ
На подвигъ благословить вѣрныхъ...
Матери и жены спѣшили вслѣдъ,
За милыхъ шепча молитвы,
Отъ росы предрасвѣтной городъ былъ сѣдъ,
Видѣвшій пожары и битвы...
Вотъ уже и крестъ на соборѣ аль,
Вокзалъ раскрываетъ двери,
Каждый часъ покидаютъ вокзалъ
Послушные стальные зѣбри...
Стальные зѣбри милыхъ умчатъ,
Захлебываясь горячимъ паромъ,
А матери и жены вернутся назадъ
За утреннимъ плакать самоваромъ,
Обычай мелкой жизни творить,
На рынкѣ съ мясникомъ торговаться,
Но развѣ съ ушедшими святая нить
Можетъ отъ этого порваться?
Есть ли такой, кто ушедшимъ чуждъ,
Ушедшимъ, быть-можетъ, безъ возврата?
О! нѣтъ, въ суматохѣ житейскихъ нуждъ
Мы вѣримъ и любимъ свято...

Валентинъ Горянский.

Одна изъ пловучихъ минъ на германской подводной лодкѣ UC5, взятой вѣ пленъ английскими моряками.

Турецкое судно „Святая Евфимия“ потопленное нашим миноносцем „Безпокойный“ у берегов Болгарии. Топить судно удалось Черноморскому флоту около 2000.

1. Вице-адмирал Александр Васильевич Колчак, командующий Черноморским флотом. (См. „Отклики войны“).
2. Турецкое судно „Святая Евфимия“, потопленное в Черном море миноносцем „Безпокойный“.
3. Турецкий броненосец „Мессудие“, потопленный в Черном море.
4. Стяг, недавно поднесенный Москвой Балтийскому флоту. Обратная сторона — Андреевский военный флаг. Такой же стяг поднесен Черноморскому флоту. На стяг надпись: „Доблестным морякам Балтийского (Черноморского) флота — Московское Городское Общественное Управление“.

5. Рънное изображение турецкой галеры съ изречениями изъ корана. Изречения эти помъщены во всъхъ мъстахъ судна отъ флаговъ на мачтахъ до борта на ватерлинии. Надписи на флагахъ (съ лъваго до пятаго нижняго направо) гласятъ въ переводъ: „Аллахъ“, „Нтъ Бога кромя Единого Бога и Магометъ посланникъ Его“. „Да будетъ воля Аллаха“. „Мы дали правовърнымъ благу въсть. Побда зависить отъ Бога, и правовърные скоро достигнутъ завоевані“. „Да будетъ благословенно имя Аллаха“. На парусахъ: „Мы дали тебъ истинное откровение“ и „Тебъ принадлежитъ царство“. Вдоль борта судна: „Ты Богъ и Царь надъ всъми Всемогущій“. Въ вьнкахъ внизу подъ галерой—слъва: „Тебъ — миръ и надъ Тобой—миръ. Да будетъ благословенъ Ной и его ковчегъ“. Справа въ вьнкъ: „Миръ надъ тьми, кои сидѣли въ пещерь“. (Сказаніе о трехъ отрокахъ).
Изображеніе это — даръ Морскому Музею отъ капитана 2-го ранга Н. В. Новикова изъ Транезунда, атрибутъ турецкихъ судовъ, во внутреннихъ помъщеніяхъ. При спускъ на воду судна въ Турціи принято подносить его экипажу такое изображеніе, какъ эмблему пожеланій счастьяго плаванія и боевой удачи.

На Черномъ морѣ. По фотографіямъ изъ Морского Музея имени Императора Петра Великаго.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Передъ распутицей.

Октябрь мѣсяць—начало осенней распутицы. Боевыя дѣйствія на фронтахъ войны хотя еще продолжаютъ, но уже все крупное, связанное съ большими опредѣленными планами, закончено, по крайней мѣрѣ, на главныхъ фронтахъ.

Предстоитъ новый и долгій зимній періодъ подготовки, накопленіе новыхъ силъ и средствъ для слѣдующаго крупнаго этапа войны, начала котораго, какъ мы уже знаемъ по опыту предыдущихъ лѣтъ, можно ожидать лишь весной. Накопленіе огромнаго количества снарядовъ, орудій и прочихъ матеріальныхъ средствъ стало уже дѣломъ знакомымъ и не встрѣчаетъ особенно ощутительныхъ затрудненій. Эту „матеріальную“ часть боевыхъ средствъ, въ значительной степени растраченную за періодъ весеннихъ и лѣтнихъ операций, пополнить можно. Иное дѣло—вопросъ пополненія потерь, столь обильныхъ за истекшія весну и лѣто, что, несомнѣнно, ни разу съ начала войны подобнаго расходования „людскаго матеріала“ не наблюдалось. Для обезсиленной Австро-Венгрии, для разстроенной Германіи, для ослабѣвшихъ Болгаріи и Турціи этотъ вопросъ—критическій, и задача наладить подготовку къ будущей веснѣ именно съ этой стороны встрѣчаетъ наибольшія трудности.

Германія и Турція еще пока справляются собственными средствами и, какъ германскій, такъ и турецкій фронты обороняются лишь при помощи—первый—германскихъ войскъ, а второй—турецкихъ войскъ. Австро-Венгрия и Болгарія уже не могутъ оборонять своихъ фронтовъ собственными войсками, при чемъ въ Австро-Венгрии это проявляется рѣзче, въ Болгаріи—нѣсколько слабѣе. Главный австрійскій фронтъ, отъ Пинскихъ болотъ до Галича, заслоненъ, преимущественно, германскими войсками, частью небольшимъ кихъ войскъ, а число австрійскихъ войскъ весьма невелико. У Галича (на правомъ крылѣ этого главнаго австрійскаго фронта) изъ 13½ дивизій противника—8 германскихъ, 2 турецкихъ и только 3½ австрійскихъ. Весною же здѣсь была только одна германская дивизія, не было ни одной турецкой дивизіи, и все остальное составляли австрійскія войска.

Если такъ обстоятъ дѣла на правомъ крылѣ главнаго австрійскаго фронта, что оборонять его должны главнымъ образомъ германцы, то на лѣвомъ крылѣ главнаго австрійскаго фронта, т.е. у Пинскихъ болотъ, на Стоходѣ, въ Ковельскомъ направленіи, также обороняютъ столь важный участокъ австрійскаго фронта нѣмцы. Здѣсь также расположена цѣлая отдѣльная германская армія и, сверхъ того, небольшая группа германскихъ войскъ, представляющая собою отдѣльный отрядъ.

Такимъ образомъ правое крыло главнаго австрійскаго фронта обороняется „преимущественно“ нѣмцами; лѣвое крыло главнаго австрійскаго фронта обороняется уже „исключительно“ нѣмцами. Только центръ австрійскаго фронта—пути на Владиміръ-Волынской и Львовъ—обороняется двумя австрійскими арміями генераловъ Терестьянскаго фонъ-Надаша и Бемъ-Ермоли. Фланги, какъ наиболее важные участки, германцы взяли себѣ, и лишь въ центрѣ австрійскаго фронта допустили оборону австрійскихъ войскъ. Однако и въ этихъ двухъ австрійскихъ арміяхъ, обороняющихъ пути къ Владиміру-Волынскому и Львову, попадаются цѣлыя отдѣльныя германскія части—очевидно, „для поддержки“.

Если таково положеніе на главномъ австрійскомъ фронтѣ, гдѣ центръ тяжести обороны лежитъ преимущественно на германцахъ, то и на трансильванскомъ фронтѣ также весьма мало

австрійцевъ. Они здѣсь составляютъ едва 1/3 всѣхъ войскъ, а остальные войска Фалькенгайна составляютъ германскія дивизіи и 3—4 турецкихъ дивизіи. Сверхъ того, и эти австрійскія войска оказались привезенными въ Трансильванію главнымъ образомъ съ итальянскаго фронта, за что австрійцы немедленно заплатили потерей важныхъ позицій на Карсо—рядомъ съ занятой итальянцами крѣпостью Горицей, что опять создаетъ весьма напряженное для австрійцевъ положеніе на путяхъ къ Триесту.

Въ Македоніи австрійцевъ почти нѣтъ, а въ Добруджѣ—лишь одна дивизія. Такимъ образомъ австрійскихъ войскъ весьма мало на главномъ австрійскомъ фронтѣ, еще меньше на трансильванскомъ фронтѣ, всего лишь одна дивизія на фронтѣ Добруджи, и совсѣмъ нѣтъ австрійскихъ войскъ въ Македоніи. Послѣдствія двухъ галиційскихъ погромовъ даютъ себя чувствовать, и передъ австро-венгерскимъ штабомъ лежитъ невѣроятно трудная задача—заполнить ту громадную новую брешь, которую образовали войска Брусилова въ австро-венгерской вооруженной силѣ въ теченіе весны и лѣта 1916 г.

Недостатокъ силъ у ведущей третью войну Болгаріи сказывается не такъ рѣзко, какъ у Австро-Венгрии, но все же достаточно опредѣленно. Македонскій фронтъ, правда, обороняется почти исключительно болгарскими войсками, но уже для фронта Добруджи болгарскихъ войскъ не хватаетъ. Здѣсь, на лѣвомъ крылѣ арміи Макензена, т.е. на Дунаѣ, находятся германскія дивизіи, на правомъ крылѣ,—т.е. у Чернаго моря,—имѣются болгарскія войска, но они усилены двумя турецкими дивизіонами, прибывшими изъ Сири. Только въ центрѣ находятся три болгарскихъ дивизіи, и такимъ образомъ только

здѣсь, въ центрѣ, оборона лежитъ на однихъ болгаряхъ. Германскія войска—въ Добруджѣ, германскія войска—въ Трансильваніи, германскія войска—на

Волыни, германскія войска—на всей сѣверной половинѣ восточнаго фронта, отъ Пинскихъ болотъ до Балтійскаго моря, и германскія войска—на западномъ, англо-французскомъ фронтѣ. Это достаточно краснорѣчиво подчеркиваетъ, насколько ослабѣли подъ нашими ударами союзники Германіи, и насколько трудной дѣлается задача германскаго генеральнаго штаба—удерживать, кромѣ своихъ фронтовъ, еще три фронта союзниковъ: галиційскій, трансильванскій и фронтъ Добруджи.

Изъ этихъ трехъ фронтовъ—галиційскій и Добруджи нѣмцы удерживаютъ, обороняясь пассивно и создавъ для этого и тамъ и здѣсь „короткіе“ фронты, сверхъ того, весьма сильно укрѣпленные. Въ Галиціи, какъ мы знаемъ, фронтъ противника, тянувшійся до румынской границы, „укороченъ“ до Галича. Въ Добруджѣ фронтъ противника, занимавшій 160 верстъ, впереди линіи Русчукъ—Варна (между Дунаемъ и Чернымъ моремъ), „укороченъ“ при помощи занятія болѣе „узкаго“ промежутка между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, на линіи Рассова—Первели, что даетъ фронтъ верстъ въ 80.

Занявъ такимъ образомъ „короткіе“ фронты на галиційско-волыньскомъ театрѣ и на театрѣ Добруджи и укрѣпивъ ихъ, противникъ на третьемъ фронтѣ—трансильванскомъ—продолжалъ весьма активную оборону, развивая наступательную операцію Фалькенгайна. Какъ мы уже отмѣчали, операція Фалькенгайна была сначала направлена противъ южной части Румыніи (Валахія). Предварительно произошли бои за занятую румынами приграничную полосу Трансильваніи, линію Кронштадтъ—Германштадтъ—Петрошени—Орсова.

Послѣ очищенія румынами этихъ пунктовъ, за исключеніемъ Орсовы, войска Фалькенгайна стали укрѣпляться въ пограничныхъ проходахъ Валахія, занявъ частью приграничную полосу

Генералъ-лейтенантъ Лавръ Георгіевичъ Корниловъ, спасшійся изъ австрійскаго плѣна. Фотографія снята уже въ Петроградѣ послѣ побѣды генерала изъ плѣна. (См. „Отклики войны“)

Старшій лейтенантъ Черноморскаго флота, командиръ подводной лодки „Тюлень“, Михаилъ Александровичъ Китицкій, взявшій съ бою въ плѣнь турецкій транспортъ „Родосто“ въ 6.000 тоннъ и привезшій его въ Севастополь. (См. „Отклики войны“)

Безрукій солдатъ-инвалидъ, не утратившій возможности косить, благодаря протезу лъвой руки. Протезъ сдѣланъ въ Харьковской областной протезно-ортопедической мастерской Всероссійскаго Земскаго Союза.

румынской территоріи. Затѣмъ центр тяжести натиска Фалькенгайна перемѣтился въ сѣверный районъ Трансильваніи, но здѣсь войскамъ противника удалось дойти лишь до границы Молдавіи.

Такимъ образомъ, хотя румыны и отошли подъ натискомъ Фалькенгайна изъ занятой ими полосы Трансильваніи и очистили Кронштадтъ, Германштадтъ и Петрошени, но дальнѣйшаго развитія операція Фалькенгайна—по крайней мѣрѣ, въ первое время—не получила. Румыны весьма упорно оборонялись въ пограничныхъ проходахъ, ведущихъ изъ Трансильваніи въ Молдавію, а также и въ пограничной горной полосѣ Валахіи.

Тѣмъ не менѣе можно было видѣть, что противникъ питаетъ серьезныя намѣренія на румынскомъ фронтѣ и, очевидно, не рассчитываетъ ограничиться лишь возвращеніемъ утерянной полосы Трансильваніи, а намѣренъ проникнуть и далѣе, на территорію Румыніи, какъ бы намѣчая соединеніе трансильванской группы Фалькенгайна съ добруджанской группой Макензена черезъ Валахію.

Въ виду этого, возникла необходимость оказать содѣйствіе румынскимъ арміямъ, противъ которыхъ направлялся столь ощутительный натискъ значительныхъ австро-германо-турецкихъ войскъ. Содѣйствіе союзниковъ, прежде всего, выразилось въ наступательныхъ операціяхъ на своихъ фронтахъ, кромѣ, вѣроятно, нѣкоторой непосредственной поддержки румынскихъ войскъ подкрѣпленіями. Завязались новые бои на нашемъ фронтѣ, на путяхъ къ Галичу, Львову и Владиміру-Волынскому, союзники произвели очередной наступательный ударъ на рѣкѣ Соммѣ, въ районѣ Перрона, а итальянцы повели атаки на Карсо, на путяхъ къ Триесту.

Въ такой весьма оживленной боевой обстановкѣ, съ крупными боями почти на всѣхъ фронтахъ войны, начался октябрь мѣсяцъ, послѣдній осенній мѣсяцъ, въ теченіе котораго возможны крупныя наступатель-

ныя операціи на главныхъ фронтахъ войны. Въ теченіе этого мѣсяца должны были разрѣшиться въ ту или иную сторону также и операціи на главномъ румынскомъ фронтѣ—въ виду того, что наступающее холодное время уже затруднило бы въ ноябрѣ и декабрѣ какія-либо крупныя операціи въ Трансильванскихъ Карпатахъ.

Такимъ образомъ, хотя бои происходили почти на всѣхъ фронтахъ войны, центр тяжести событій попрежнему лежалъ на румынскомъ фронтѣ, и румынамъ предстояла задача—удержаться въ теченіе ближайшаго времени подъ натискомъ значительныхъ силъ Фалькенгайна, подошедшихъ къ румынской границѣ, при чемъ удержаться до наступленія осенней распутицы и холодовъ въ Трансильванскихъ Карпатахъ. Съ наступленіемъ этого времени серьезный моментъ на румынскомъ фронтѣ долженъ будетъ миновать.

Регламентация подводной войны.

Нѣмцы, заблаговременно готовившіеся еще съ бисмарковскихъ временъ къ роли порабитителей Европы, по техникѣ воздушнаго и подводнаго плаванія оказались сначала далеко впереди не только насъ, но даже и нашихъ союзниковъ. Ихъ воздушные дредноуты—цеппелины и быстроходные „таубе“ безирепятственно громили взрывчатыми снарядами Парижъ и Лондонъ, и безусловно господствовали на западномъ фронтѣ. Только къ концу второго года войны англійская и французская военная промышленность успѣли выработать еще болѣе сильныя и быстроходныя аппараты и векорѣ совершенно подавили германскую военную авіатику. Зато по обилію и дальности рейсовъ подводныхъ лодокъ Германія до сихъ поръ стоитъ еще на первомъ мѣстѣ. Двѣ ея подводныхъ лодки въ разоруженномъ видѣ переплыли черезъ океанъ и подъ флагомъ мирныхъ торговыхъ судовъ нашли временный пріютъ въ американскихъ портахъ. Англичане за первые годы войны выработали способы истребленія германскихъ подводныхъ лодокъ съ помощью стальныхъ сѣтей, устанавливаемыхъ тралерами по всѣмъ направленіямъ

Безрукій солдатъ-инвалидъ, исполняющій при помощи протеза лъвой руки земляныя работы. Протезъ сдѣланъ въ Харьковской областной протезно-ортопедической мастерской Всероссійскаго Земскаго Союза.

Безрукій казакъ станицы Сльпцовской Максимъ Шуликинъ за косьюбой. Фотографія снята съ Шуликина во время покоса. Протезы обѣихъ ногъ.

Возвращенные къ жизни. Живые экспонаты на выставкѣ искусственныхъ конечностей (протезовъ), устроенной въ Петроградѣ. По фот. Я. Штейнберга.

во внутренних морях, в Ламанском проливе и проч. Но в океанах применение этого способа едва ли возможно. Именно огромные потери германского подводного флота, в разрыве больше ста выловленных англичанами лодок, заставили немцев уступить американским требованиям насчет прекращения и ограничения подводной войны. Но именно радужный прием, оказанный в американских портах германским подводным лодкам, прибывшим под торговым флагом, позволил им расширить сферу действия военных подводных судов и распространить ее на океаны, где борьба с ними с помощью подводных стальных сетей совершенно бессильна.

Находясь в американских портах приют и отдых немцы подводных суда под мирным флагом служат военным целям. Они представляют собою как бы подвижную базу для военных судов и, даже сами скрывшись под воду в качестве торговых судов, могут вынырнуть на поверхность в любом месте в виде боевых единиц. Непосредственным последствием американского гостеприимства было потопление вблизи американских берегов, вскоре после визита „U 53“, пяти океанских торговых пароходов, принадлежавших англичанам и нейтральным народам и шедших из Америки в Англию. Таким образом пристанище, данное за океаном „мирным“ германским подводным лодкам, позволило вынести подводную войну на мировые водные пути, усилило шансы немцев и дало им возможность пренебречь своим отказом от подводной войны, вынужденным не столько боязнью американского вмешательства, сколько сознанием бессилия подводной войны на внутренних морях Европы.

Все это дало повод державам согласия обратиться к нейтральным государствам с официальным предостережением относительно неприятельских подводных лодок. Главные доводы меморандума изложены в следующих восьми пунктах:

Подводные лодки легко избегают контроля в океане и прибрежных водах.

Это дает им возможность заниматься военной контрабандой и разведкой.

Подводная лодка в погруженном состоянии сама по себе представляет чрезвычайную опасность для мореплавания на путях общего пользования.

Благодаря особенностям подводного плавания, невозможно с достоверностью определить ни флага ни назначения подводных судов. Это дает им возможность любой нейтральной порты обратить в базу для военных действий.

Подводная лодка в любую минуту может быть снабжена минными приспособлениями и артиллерией.

Управление подводными судами, благодаря сложности машинного оборудования, может быть вверено только военным командам, как оно и есть в действительности.

Высокая стоимость постройки и эксплуатации подводных лодок исключает всякую возможность применения их для торговых целей.

Подводная лодка, явившись в нейтральный порт под торговым флагом, пополнив свои запасы и получив на берегу нужные сведения, может получить в море артиллерию и обратиться в опаснейшее орудие войны.

По этим соображениям державы согласия требуют признания всякой подводной лодки военным судном.

Результативную позицию, занятую державами согласия, приняли уже и некоторые нейтральные государства. Так, резолюция короля Норвегии, в виду трудности определения характера и национальности подводного судна, воспрещает доступ в норвежские воды подводным лодкам воюющих держав и предупреждает, что подводные лодки, нарушившие этот приказ, будут встречены огнем военных судов. Отныне в фьордах Норвегии немецкие лодки не будут находить пристанища для своих разбойных нападений на мирные торговые пароходы. По такому же пути заставит пойти президента Вильсона и американское общественное мнение, шумно негодующее по поводу возобновления подводной войны немцами у самых берегов Америки, выразившегося в потоплении целого десятка больших океанских пароходов. Совет великой республики не позволит ей быть укрывательницей подводного морского разбоя.

На итальянском фронте.

В поднебесной выси. Часовой на снежной вершине Альп.

Содержание. ТЕКСТЪ: В „свейском“ плъну. Картины прошлаго. Аркадія Пресса. — Артымъ-бей. Рассказъ Н. Потанинко. (Окончаніе). — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Регламентация подводной войны. — Объявленія. — Отклики войны.

РИСУНКИ: Иллюстраціи А. Максимова къ рассказу Аркадія Пресса „Въ свейскомъ плъну“. — На кавказскомъ фронте (2 рис.). — Нашъ военный корреспондентъ съ кавказскаго фронта, художникъ капитанъ К. В. Дыдышко. — Рисунки нашего военного корреспондента К. Дыдышко (5 рис.). — Германская подводная лодка U66, взятая въ плънъ англійскими моряками. — Одна изъ пловучихъ минъ на германской подводной лодкѣ U66, взятой въ плънъ англійскими моряками. — Виде-адмиралъ А. В. Колчакъ, командующій Черноморскимъ флотомъ. — Турецкое судно „Святой Евфимій“. — Турецкій броненосецъ „Мессудіе“. — Ръзное изображеніе галеры съ истребителями изъ Корана. — Стягъ, недавно поднесенный Москвой Балтійскому флоту. — Генералъ-лейтенантъ Л. Г. Корниловъ, спасшійся изъ австрійскаго плъна. — Командиръ подводной лодки „Тюлень“ старшій лейтенантъ М. А. Китицынъ. — Возвращеніе къ жизни. Живые экспонаты на выставкѣ протезовъ, устроенной въ Петроградѣ (3 рис.). — Часовой на снежной вершинѣ Альпъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 17.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

НИВА

1916 г.
№ 43

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдана 22-го октября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 в., съ перес. 20 в.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарелль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ): первая 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается соч. Шарля де-Костера „Улениггель“ кн. 3.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1917 г.

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, иллюстраціи и снимки съ театра военн. дѣйствій.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія для ДѢТЕЙ.

52 книги „СБОРНИКА НИВЫ“, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

первая серия
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО,

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА,

полный переводъ
романа
„ДОНЪ-КИХОТЬ“

СЕРВАНТЕСА,

ТРЕТЬЯ серия
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА

(СИБИРЯКА).

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1917 г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:
Безъ доставки 12 р. 50 к.

Безъ доставки:

1) въ Москвѣ:
въ конторѣ Н. Н.
ПЕЧКОВСКОЙ. 13 р. 25 к.

Съ до-
ставкою 13 р. 50 к.

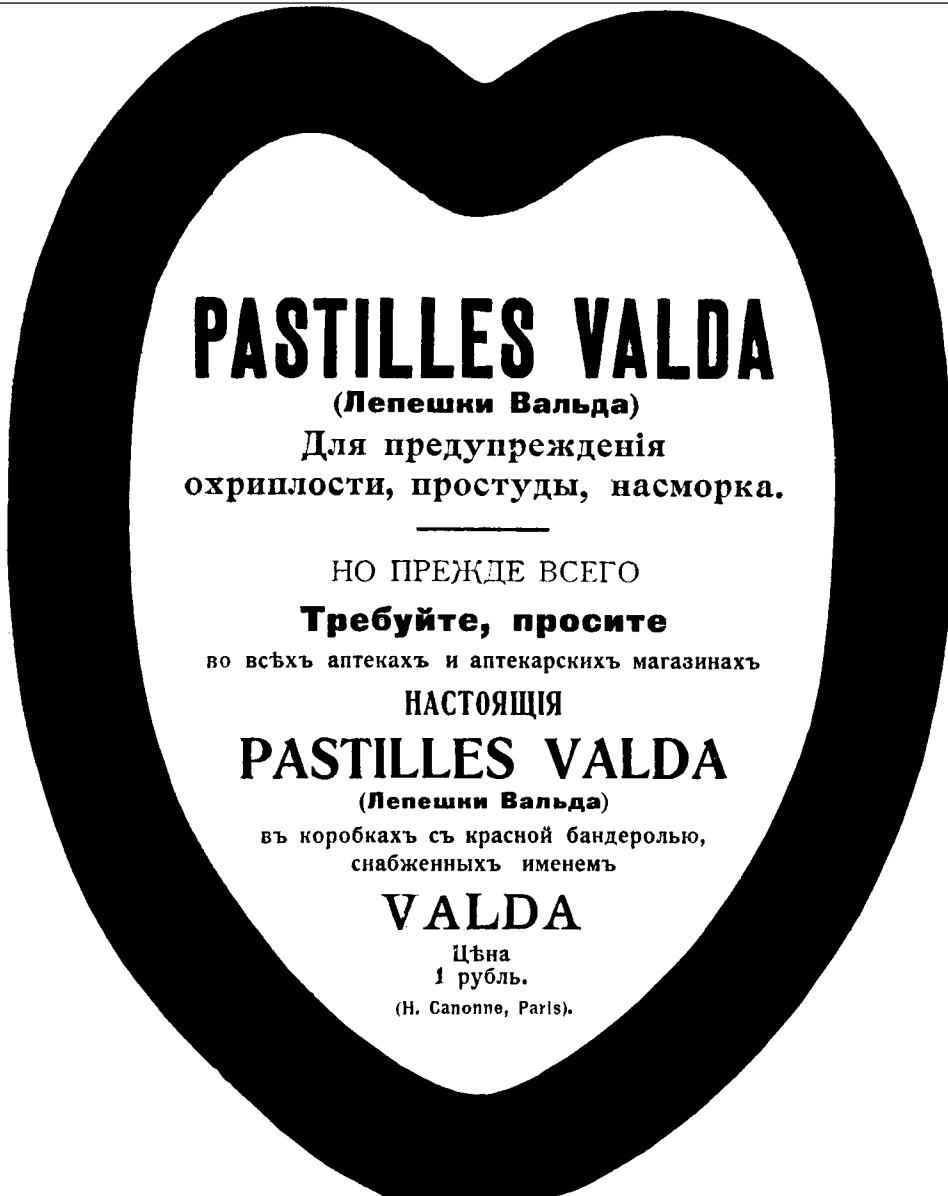
и 2) въ Одессѣ:
въ книжн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“. 13 р. 50 к.

Съ пересыл-
кою во всѣ
города и
мѣстности
Россіи

14 р.

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:
въ два срока (при подпискѣ
7 р. и 1 іюня 7 р.), въ три срока
(при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля 5 р.
и 1 августа 4 р.) и въ 4 срока
(при подпискѣ 4 р., 1 марта 3 р.,
1 іюня 4 р. и 1 августа 3 р.).

Подробное объявленіе см. въ № 41 на стр. 689^а—689^с.

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

Для предупреждения
охриплости, простуды, насморка.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Требуйте, просите

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НАСТОЯЩАЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной бандеролью,
снабженныхъ именемъ

VALDA

Цѣна
1 рубль.

(H. Caponne, Paris).

ПѢСНИ НАШЕЙ АРМІИ.

18 пѣсенъ для мужского хора, выпущенныхъ въ арміи въ періодъ 1914—1915 гг. С. Орловымъ и Ф. Шегловымъ.
Цѣна парт. — 80 коп.
Новый каталогъ „Свѣтская хоровая музыка“ высылается — **бесплатно**.
Музыкальное Издательство
Москва, 444
П. КОРГЕСОНА, Неглинный пр., 14.

Требуйте прейсъ-курранты.

ГОНОРРЕЙ

въ острой и хронической формѣ применяются препараты для внутреннего употребления капсулы

КАВАЗАНЪ

и для наружнаго употребленія уретральныя палочки

ВАРОЛИНЪ

Цѣна 1 кор. КАВАЗАНЪ 2 р. 75 к.

пол. кор. 1 р. 50 к.

Цѣна 1 кор. ВАРОЛИНЪ 2 р. 75 к.

пол. кор. 1 р. 50 к.

Москва, Врачебно-Галеновое Т-во Б. Козижинский, 28. Отпущаются изъ аптеки и апт. магаз. по рец. врача. **БРОШЮРА** высылается **бесплатно**.

Покупайте во время! 30 различныхъ военихъ марокъ всѣхъ странъ 1 р., 50 марокъ — 3 р., 100 марокъ — 15 р. безъ пересылки. Уплата новыми почт. марками. Покупка и продажа всѣхъ марокъ. Каталогъ бесплатно. Биржа марокъ В. Вальтеръ (V. Walter), Копенгагенъ. Письма въ Копенгагенъ оплачиваются 10 к. маркой.

ВОЛШЕВСТВО И МАГІЯ. Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (1)
Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА И САМОУЧИТЕЛИ.
1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первый классъ. Цѣна 1 р. 75 к. 2) Самоучители языковъ: франц.—95 к., англ.—1 р. 50 к., латинск.—1 р. 45 к., итал.—1 р. 25 к., нѣмцк.—85 к., польскаго—1 р. 20 к., эсперанто—1 р. 3) Бухгалтерія для всѣхъ—руководство къ самоподготовкѣ на бухгалтера—1 р. 55 к. 4) Шофферы и мотоциклисты—руководство для самоподготовки на шофера или для желающихъ поступить въ автомот. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и промысловъ: Полный курсъ мыловаренія—1 р. 50 к. Изготовленіе всякаго рода чернилъ—1 р. 25 к. Изготовленіе безалкогольныхъ винъ и пива—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производство—2 р. 25 к. Немоданное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 90 к. Изготовл. лаковъ и красокъ—1 р. 55 к. Какъ шить и чинить самому обувь—1 р. 20 к. 6) Книга для конторщицъ и приказоч.—65 к. 7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., кино-механика и съемщикъ—6 р. 95 к. Треб. адр.: Москва, Б. Гитадинск. 10, изд-ству Д. Куманова.

ПИСАТЬ (1)
красиво и скоро будете, выписать „Механическую пропись“.
Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ п., 18/2.

Съ прибылями 2,000—8,000 рублей
ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ДОХОДНЫХЪ ДѢЛЪ.
Книга завѣтныхъ стремленій человѣка: создать себѣ жизнь по душѣ, устроиться своимъ доходнымъ дѣломъ, имѣть обезпеченіе.. Изд. „Энциклоп.“ въ 2-хъ книг., 12-ти частяхъ. Указываетъ многія дѣла на 1—8,000 руб. дохода, любое изъ которыхъ можно начать съ грошей. А чтобы получить вѣрную прибыль — даны подробныя наставленія веденія и дешаваго устройства (съ 100 руб.) каждаго дѣла. Есть легкія сезон. дѣла, что 3-3 м. на работы даютъ вѣрнаго 1—3 тыс. дохода. Цѣна 2-хъ книг. „Энциклоп.“ 3 р. 95 к. съ перес. Масса благодарностей! Книжн. свѣд. „Новая Жизнь и Наука“, Москва, Средн. Переславская, 3-31.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

В Царской Ставке 6-го октября великобританский посол сэр Джордж Бьюкенен, прибыв в Царскую Ставку, был принят Его Императорским Величеством в отдельной аудиенции. Посол, по повелению короля Георга, передал Государю Императору знаки ордена Бани 1-й степени за военные заслуги. При передаче ордена посол обратился к Его Величеству со следующими словами на английском языке:

— Передав Вашему Императорскому Величеству в прошлом февраль великобританский фельдмаршалский жезл, король хотѣл выразить свои искренния чувства восхищения передъ доблестной арміей Вашего Величества. Нынѣ, прося Ваше Величество принять высокій военный орденъ, его величество желаетъ особенно отмѣтить, насколько онъ цѣнитъ услуги, оказанныя флотомъ Вашего Императорскаго Величества. Несмотря на большой численный перевѣсъ германскаго флота, балтійскій флотъ Вашего Величества отразилъ, нанеся потерю, всѣ атаки на Ригу, производилъ успѣшные выходы и заградилъ доступъ въ Финскій заливъ. Подобно великобританскому флоту въ Сѣверномъ морѣ флотъ Вашего Величества несъ сторожевую службу въ Балтійскомъ морѣ, и, несмотря на невозможность сражаться вмѣстѣ, оба флота дѣйствуютъ совместно въ полномъ единеніи. Сверхъ того, англійскія подводныя лодки, проникшія въ Балтійское море, гордятся возможностью сражаться подъ начальствомъ командующаго морскими силами Вашего Величества въ этихъ водахъ. Въ Черномъ морѣ турецкій флотъ, усиленный «Гебеномъ» и «Бреслау», послѣ многочисленныхъ неудачныхъ встрѣчъ съ судами Вашего Величества былъ загнанъ въ Фосфоръ. Сознывая эти заслуги, его величество король Георгъ V въ знакъ восхищения передъ русскимъ флотомъ повелѣлъ мнѣ передать Вашему Императорскому Величеству, какъ Верховному Вождю сухопутныхъ и морскихъ силъ, знаки 1-й степени ордена Бани за военные заслуги.

Государь Императоръ, принявъ знаки ордена, въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ посла.

Командующій флотомъ Балтійскаго моря. Назначенный вмѣсто адмирала Каннина командующимъ флотомъ Балтійскаго моря вице-адмиралъ А. И. Непенинъ родился въ 1871 году, образование получалъ въ Морскомъ корпусѣ и поступилъ на службу въ 1889 году; черезъ три года послѣ того былъ произведенъ въ мичманы. Участвуя въ русско-японской войнѣ, Адрианъ Ивановичъ Непенинъ отличился во многихъ бояхъ и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Въ 1907 году А. И. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, и въ этомъ чинѣ послѣдовательно командовалъ миноносцемъ «Прозорливый», затѣмъ дивизиономъ миноносцевъ въ Балтійскомъ морѣ, и, наконецъ, капоперской лодкой «Храбрый».

Въ настоящую войну А. И., произведенный въ контръ-адмиралы въ 1914 году, занималъ одну изъ самыхъ ответственныхъ должностей во флотѣ Балтійскаго моря и здѣсь выдѣлился въ средѣ сотоварищей своими военными знаниями и способностями. Произведенный въ чинъ вице-адмирала 6-го сентября 1916 года, съ назначеніемъ командующимъ флотомъ Балтійскаго моря, А. И., вмѣстѣ съ новымъ командующимъ флотомъ Чернаго моря А. И. Колчакомъ (см. № 42 «Нивы»), является въ числѣ самыхъ молодыхъ вице-адмираловъ не только въ Россіи, но и за границей.

Побѣдннй Верденъ. Въ настоящее время, когда доблестная французская армія, обороняющая и оборонившая Верденъ, прорвала весь германскій фронтъ и отняла обратно у полчищъ, руководимыхъ германскимъ кронпринцемъ, главнѣйшій фортъ Дуомонъ, основу обороны Вердена, и взяла въ плѣвъ нѣмецкаго его коменданта,—приобрѣтаетъ особый интересъ только-что опубликованный въ германскихъ газетахъ приказъ по арміи, отданный кронпринцемъ.

«Кайзеръ пожаловалъ мнѣ дубовые листья къ знаку ордена «За заслуги» Это высокое отличіе подтверждаетъ его благоволеніе. Отличіе это—не мнѣ одному, а каждому солдату моей храброй арміи. Оно является выраженіемъ

благодарности его величества за все то, что моя армія сдѣлала подъ Верденомъ.

Нынѣ, когда кампанія еще не кончилась, значеніе боевъ, которые свирѣпствовали подъ Верденомъ безъ перерыва съ 21-го февраля, ихъ вліяніе на ходъ великой войны, которую Германія вынуждена вести, дабы спасти свое существованіе, не могутъ еще быть оцѣнены. Одинъ фактъ все же установленъ: рѣдко въ исторіи отъ какой-либо арміи требовались такія великія усилія, рѣдко такія усилія проявлялись въ столь трудныхъ условіяхъ, рѣдко проявлялись такая настойчивость въ атакахъ, такое презрѣніе къ смерти и такая сила сопротивленія, когда требовалось сохранить то, что было приобрѣтено.

Товарищи! Вы доказали, что вы всегда были на высотѣ заданія, выпавшаго на вашу долю. Вы можете быть увѣрены въ моей вѣчной благодарности. Главнокомандующій Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій, наслѣдннй принцъ Германской имперіи».

Газета «Темпс», воспроизводя этотъ приказъ, даетъ слѣдующую оцѣнку тому, кто получилъ дубовые листья къ ордену «За заслуги»:

«Германская печать говоритъ немного о «высокой награждѣ», пожалованной императоромъ Германіи кронпринцу Германіи Фридриху-Вильгельму. Молчаніе это понятно, ибо дубовые листья, пожалованные императорскому и королевскому жертвоприносителю подъ Верденомъ, похожи на вѣнокъ, возложенный на могилу.

Сколько нѣмцевъ лежитъ въ этой могилѣ? Объ этомъ скажетъ исторія. Убитые и раненые подъ Верденомъ исчисляются сотнями тысячъ. Когда идешь въ атаку подъ огнемъ пушки «75», приходится платить дорого, а когда эти атаки повторяешь въ продолженіе шести мѣсяцевъ, приходится платить очень дорого, и списать себѣ прощенье можно только однимъ,—добившись успѣха. Однако, успѣха кронпринцъ не добился, а добился ордена.

Могила эта—и могила германскихъ надеждъ... Начавъ атаку на Верденъ, германскій штабъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ нейтральнымъ странамъ секретными нотами, онъ сообщилъ объ этомъ германскому народу въ газетныхъ статьяхъ. Увѣренность его въ побѣдѣ была такова, что, мечтая о скоромъ концѣ, онъ потерялъ всякую мѣру въ расходованіи орудій и снарядовъ.

Кронпринцъ находился въ центрѣ этой картины. Наслѣдникъ германскаго престола уложилъ нѣмцевъ за двадцать шесть мѣсяцевъ войны больше, чѣмъ какой-либо другой генералъ. Ему нужны были лавры. Онъ искалъ ихъ въ Аргоннахъ, ведя въ продолженіе пяти мѣсяцевъ безмысленныя атаки; онъ искалъ ихъ подъ Верденомъ, ведя шесть мѣсяцевъ бои, но нашелъ онъ только дубовые листья.

Нобелевская премія мира. Нобелевская премія мира уже нѣсколько лѣтъ остается не присужденной.—Достанется ли она кому-нибудь въ этомъ году, и кто заслужилъ «премію мира» посреди теперешней кровавой схватки народовъ?—спрашиваетъ копенгагенскій корреспондентъ «Рус. Вѣд.» Гроссманъ. Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что съ различныхъ сторонъ дѣлаются усилія, чтобы этой преміей наградить Швейцарію. До сихъ поръ мы знаемъ случаи, когда премію мира получалъ глава государства. Если вѣрнѣе слушать, то впервые само государство явится нобелевскимъ лауреатомъ. Инициатива въ этомъ направленіи принадлежитъ извѣстному пацифисту профессору de-Gibert, который нашелъ рѣшительную поддержку со стороны всѣхъ крупныхъ организацій Европы, имѣющихъ вліяніе на назначеніе нобелевскихъ премій. Основаніемъ для такого отличія служатъ чрезвычайная гуманитарная дѣятельность Швейцаріи. Громадные расходы, которые маленькая страна несетъ по организаціи почтовыхъ сношеній съ военнопленными, по перевозкѣ цивильныхъ плѣнныхъ, по интернированію большихъ воинновъ и т. п., далеко не будутъ покрыты Нобелевской преміей. Но моральная цѣнность такого отличія доставитъ странѣ глубокое удовлетвореніе.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

А. КОТОМКИНЪ-САВИНСКІЙ.

„КНЯЗЬ ВЯЧКО И МЕЧЕНОСЦЫ“

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

изъ эпохи войнъ XIII-го столѣтія—завоеваніе нѣмцами Прибалтійскаго края.

ПОСВЯЩАЕТСЯ АВГУСТЪЙШЕМУ ПОЭТУ

И. Р.

Цѣна одинъ рубль.

Складъ изданія: при Конторѣ журнала „НИВА“, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Бокинъ, П. И. „подвижныя игры“. Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. 4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ приходитъ на помощь какъ родителямъ, такъ и самимъ учащимся молодымъ людямъ своими двадцатилѣтними наблюденіями и трудами по подвижнымъ играмъ. Въ книгѣ приведены только игры, проверенныя на практикѣ и оказавшіяся достаточно интересными, интересными и легко усвоенными. Цѣна книги въ прочной папкѣ 2 руб., съ перес. 2 р. 30 к.

!!!ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ!!!

ДАЙТЕ ДѢТЯМЪ

ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВУ.

За 3 р. 50 к. высылаю, почтов. налож. плат., для вырѣзки, и склеиванія: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигуръ) или 2) Аэро-гидропланъ, санит. полозки, бронир. автомобиль, дрезднуотъ, крейсера, пародходъ, пушка, миноносца, санит. автомоб. вагонъ, изъ живяи народъ, птицы, звѣря животныя. 8-1 Контора „ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петроградъ, губ. Боготуговская ул., 52.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТЪ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВАЗЬАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 200 руб.

ВЯЖЕТЪ Въ одну минуту 20.000 петель, въ 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Болѣе 500 благодарственныхъ писемъ.

Мы имеемъ **неотменно** старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Расстояние не служитъ препятствіемъ. Требуется нашъ бесплатный проспектъ.

Осен. въ 1905 году

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.
АРТЕРИОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.
ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА
продается во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ магазинахъ.
Русское Агентство фирмы
ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ.
Москва, Петровский пассажъ,
№ 38, отд. 5.

Подагра вызывается
скоплениемъ мочевой ки-
слоты. Уродональ Ша-
телена, растворяя мо-
чевую кислоту, вылечи-
ваетъ подагрической при-
падокъ, предупреждаетъ
его повтореніе.

НА ГИТАРЪ

въ нѣск. дней безъ знанія нотъ, каждый
можетъ легко научиться играть аріи роман-
сы, танцы и пьесы. Подл. заочный курсъ
съ безп. прилож. альбома модн. пьесъ за
три руб. Москва, ред. журн. „Соколы“,
4-е Печатниковъ пер., 18/2. (1)

Только 15 или 10 рублей (на короткій срокъ)
портретъ масляными красками на полотнѣ
съ фотографической карточка бюста, натур.
велич. разм. 10×12 вершк.—15 рублей, 7×9
вершк.—10 рублей. При заказѣ слѣдуетъ
обозначить: дѣять лица, глаза, волосы, ко-
стюма и т. д. Заказы исполняются при за-
даткѣ 5 руб. на портретъ. Адрес.: г. Воине-
сенскъ, Херс. губ. А. С. ЕГУДИНУ.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ изучаю
заочно каждый изъ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ
исправляю самый дурной по-
черкъ. За 5 десятк. марокъ
вмѣстѣобразцы шрифтовъ,
почерки учениковъ и условія.
Одесса. Проф. Каллиграфія
Адольтъ Коссодо. Дерibasовская, д. № 19.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование.
Заочное обученіе. Безплатныя
премія. Каллиграфія, стенографія,
правописаніе и проч. **АТ-
ТЕСТАТЪ**. Льготныя условія
подписки и **БЕЗПЛАТНО**.
пробная лекція
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—5Б.

ГДѢ И КАКЪ

получить право, не отрыв. отъ своихъ
занятій, на ношеніе **НАГРУДНЫХЪ**
ЗНАКОВЪ, ЧИНОПРОИЗВ., ПОЧЕТН.
Крестъ ГРАЖД. и др. нагр.? (1)
„Справочникъ Благотворенія“, съ при-
лож. до 50-ти рис. **ОБРАЗЦОВЪ ЗНА-
КОВЪ**, издав. разл. учрежд., вменл.
нал. плат. на 5 р. Треб. адр.:
Петроградъ, Литейный, 59—18.
Скл. изд. „Справочн. Благотв.“.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, но-
вѣйшее и наилучшее, испы-
танное средство противъ
ГЕМОРРОЯ.
Дѣйствуетъ кровоостанав-
ливающе, обезболивающе,
ускоряетъ заживленіе и,
при систематическомъ лѣ-
ченіи, совершенно устраи-
ваетъ зудъ, жжение и всѣ
явленія геморроя. Имѣется
всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источни-
камъ и содержитъ въ себѣ множество удиви-
тельныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жар-
кое лѣтнее время. Заставить свѣтъ горѣть въ
блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не
причиня никому вреда. Вырастить бобы въ
полчаса. Разрѣзать нитку стекломъ. Получить
облако въ комнатѣ. Вытягивать руками рас-
каленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти за-
мѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ
аппаратовъ. Превратить желѣзныя прутья въ
свѣчу. Зажечь сухія дрова водой—и мно-
жество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фо-
кусовъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Но-
вѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цена
съ пересылкой налогъ платенъ 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съз-
жанская ул., № 40, въ редакцію „Отголоски Жизни“.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Го-
тикъ, Сатардъ и др. 206 рис. и черт.
въ текстѣ, транспорантъ и тетрадо-
держат. Новѣйш. самоучит. для ис-
правл. почерка въ короткій срокъ.
Главы, вним. обрац. на конторск.
скороср. Цена за полный курсъ съ
прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш.
руковод. для самообразов., со спра-
вочн. словаремъ всѣхъ словъ, затру-
днющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ.
Всѣ правила легко усваиваются по-
мощью 121 упражн. и систематическа-
го ключа. Самоуч. бѣльш. форм. 330 стр.
уборист. шриф. Цена съ пер. 2 рубля
Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать
со скоростью рѣчи) полный курсъ
для самообученія. 368 стр. Цена
(16) 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на
службу въ казенн. и частн. укр. форм
прошен., писемъ, ваки мѣры должно
принять, чтобы обезпечить себѣ
службу. Цена съ пер. 1 рубль.

**ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДА-
ТЕЛЬСТВО** ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ
ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для
всѣхъ торгово-промышленн. дѣлателей
и служащихъ. 443 стр. (+VIII стр.)
текста. Цена 3 рубля.
При послѣд. налогъ плат. на 25 к.
дороже.

При ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ **„ТІЗЕРИНЪ“**
послѣдствіяхъ ея примѣняется
Дра мех. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ
совершенно безвреденъ. Цена 1 од. флак. или короб. капсуль 2 р.
25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ръ Гороховской, Москва, Давыд пер.,
1/25, кв. 8, отд. 50. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врача.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЦА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благо-
даря чему является незаме-
нимымъ средствомъ при различ-
ныхъ желудочныхъ заболѣва-
ніяхъ, а также рекомендуется
для грудныхъ дѣтей старшаго
возраста.

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 12 ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

Англ. Акц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“ (Россія)
МОСКВА. Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

ЖЖВА

№ 43. Выходит еженед. (52 № в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и полу-научн. прил., 2 новыя специальныя карты театра военных дѣйствій, 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 22 октября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „Н И В У“ 1917 года.

Вѣсточка отъ сына.

Картина *Н. Богданова-Бѣльскаго.*

I.

Въ Парижской Grande Opéra давали „Сказки Гофмана“. Сезонъ кончался — въ скоромъ времени предстояло открытіе русскихъ спектаклей, которые дѣлали въ Парижѣ весну. Тѣмъ не менѣе театръ былъ полонъ, и зрительный залъ выглядѣлъ еще болѣе блестящимъ, чѣмъ во время зимнихъ премьеръ, благодаря тому, что теплая погода позволила дамамъ явиться въ свѣтлыхъ весеннихъ туалетахъ: настоящая симфонія красокъ, въ которую черные фраки мужчинъ вносили строгіе, сдерживающіе аккорды. Ложи были заняты всѣ, не исключая дипломатическихъ, хотя спектакль не принадлежалъ къ числу парадныхъ, и интересъ его сосредоточивался не въ партерѣ или фойе, а на сценѣ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ интернаціональныхъ спектаклей Парижской Оперы, которые создали ей репутацію мирового театра, озаряющаго огнями своей рампы знаменитостей всѣхъ странъ стараго и новаго свѣта. Они приходятъ сюда въ ореолѣ своей славы, какъ на послѣдній экзаменъ передъ утонченной и своеобразной аудиторіей, не всегда считающейся съ готовыми артистическими репутаціями, даже самыми крупными: эта аудиторія одинаково строга ко всѣмъ кумирамъ, несмотря на то, что любитъ создавать своихъ собственныхъ знаменитостей, изъ неизвѣстности вознося ихъ на вершину всесвѣтнаго признанія. Сегодня ей предстояло вынести приговоръ пѣвцу, уже прогремѣвшему у себя на родинѣ и въ Италіи, откуда онъ пріѣхалъ нѣсть блестящихъ выступленій въ Миланѣ.

Нѣмецкаго баритона Пранга печать называла настоящимъ создателемъ такихъ ролей, какъ Риголетто, Донъ-Жуанъ и Вольфрамъ. Подобные отзывы не могли не заинтересовать музыкальный Парижъ, и интересъ этотъ еще усилился постѣ того, какъ стало извѣстно, что для своего перваго выхода Прангъ остановился на „Сказкахъ Гофмана“, гдѣ долженъ былъ пѣть двѣ роли: Данерутто и доктора Миракла. Дѣйствительно, даже при желаніи подкупить парижанъ исполненіемъ французскаго автора, можно было сдѣлать иной выборъ: въ оперѣ Орффенбаха обѣ баритонныя партіи не велики и, въ сущности, не даютъ матеріала для сужденія объ исполнителѣ. Мнѣнія раздѣлились; одни усмотрѣли въ этомъ выборѣ осторожность пѣвца, не желавшаго выступать для дебюта въ отвѣтственной роли, другіе, напротивъ, говорили о высокообрѣи Пранга, считавшаго, что для парижанъ вполне достаточно двухъ почти выходныхъ партій. Атмосфера зрительнаго зала была приподнятая, общее любопытство возбуждено до крайности.

Въ началѣ оперы гастролеръ не былъ занятъ; публика разсѣянно слушала прологъ и первое дѣйствіе, несмотря на то, что Гофмана пѣлъ любимецъ парижанъ, Поль Клодмѣр. Противъ обыкновенія, ему очень мало аплодировали въ прологѣ за легенду: спѣтую съ увлеченіемъ, и только сцена съ Олимпіей, гдѣ онъ блеснулъ всей красотой своего прекраснаго лирическаго тенора, вызвала болѣе продолжительные аплодисменты. Наконецъ занавѣсъ опустился, но публика оставалась на своихъ мѣстахъ, какъ и музыканты, ожидая звонка, возвѣщавшаго о перемѣнѣ декораціи.

Въ залѣ снова стало темно, и изъ глубины оркестра понеслись звуки безсмертной баркароллы, — одного изъ самыхъ счастливыхъ вдохновеній французской музыки. Геніально-простая и совершенная по формѣ, насыщенная экстатическимъ упоеніемъ, она, быть-можетъ, больше, чѣмъ какое-либо другое произведеніе искусства, раскрываетъ таинственную сущность любви: она говоритъ объ объятіяхъ и поцѣлкахъ, о самомъ земномъ, грѣховномъ и понятномъ — и въ то же время въ безконечную высь

уносить человѣческой духъ, въ царство грезъ о недостижимомъ и вѣчномъ, и вѣчною тоскою любви, ищущею и не находящею удовлетворенія, одѣваетъ, какъ флеромъ, порывы чувственной страсти. Темными складками бархата лежалъ занавѣсъ, озаренный снизу мистическимъ свѣтомъ, и казалось, что тамъ, за этой завѣсой, скрытъ какой-то иной міръ, волшебный міръ возвышенныхъ страстей и прекрасныхъ страданій, одна изъ пѣсенъ котораго разливалась теперь надъ затихшимъ человѣческимъ моремъ. И, несмотря на нетерпѣливое ожиданіе, громъ рукоплесканій заставилъ дирижера повторить интродукцію.

Занавѣсъ поднялся съ послѣдними тактами баркароллы, которую подхватили хоръ свѣжихъ и звучныхъ женскихъ голосовъ. Терраса дворца, усыпанная цвѣтами, открыта на спящую Венецію, озаренную сияньемъ луны. Оргія приближается къ концу. Свѣтлячки горятъ тускло, недопитые бокалы въ беспорядкѣ толпятся на столахъ, счастливыя парочки забываютъ весь міръ въ объятіяхъ другъ друга. На авансценѣ Гофманъ, окруженный куртизанками, тщетно ищетъ исцѣленія отъ своей романтической скорби. Какимъ страннымъ и чуждымъ кажется здѣсь, среди вызывающей роскоши, этотъ мечтатель въ потертомъ фракѣ, исключенный, съ безумно-блуждающимъ взглядомъ на уродливомъ лицѣ. Рабъ своего призванія, Поль Клодмѣръ не побоялся воспроизвести въ гримировкѣ подлинный ликъ автора „Серапионовыхъ братьевъ“, не думая о томъ, что его поклонницы ужаснутся этого лица, на которомъ рука судьбы положила такъ ярко и такъ злобно свою мстительную печать. Онъ игралъ въ тотъ вечеръ, какъ никогда. Его речитативы, въ которыхъ обманутый и осмѣянный Гофманъ призываетъ къ вдохновенному безумію, при другихъ условіяхъ могли бы потрясти зрительный залъ. Но теперь непостоянный парижскій партеръ интересовался не имъ, и онъ поневолѣ отступалъ на второй планъ.

Гости Джульетты удалились въ игорную комнату, сцена опустилась. Тогда, поднявшись съ дивана въ глубинѣ, приблизился къ рамѣ исполнѣ въ ярко-красномъ костюмѣ, похожемъ на трико Мефистофеля. Остановившись въ пластической позѣ у стола, освѣщенный сверху багровымъ свѣтомъ, онъ протянулъ влѣдъ ушедшему Гофману руку, на пальцѣ которой сверкала алмазъ въ оправѣ золотого кольца. И со сцены полились звуки колоссальнаго голоса, звучащаго дьявольскимъ торжествомъ.

Георихъ Прангъ, премьеръ Мюнхенской оперы, пѣлъ по-французски съ легкимъ, едва замѣтнымъ акцентомъ. Залъ затихъ, очарованный, почти побѣжденный. Гигантъ въ красномъ царилъ надъ нимъ, какъ триумфаторъ; на его лицѣ съ поднятыми вверхъ дугами бровей играла улыбка демона, жесты, угловатые и зловъщіе, словно полетъ исполненной летучей мыши, дополняли впечатлѣніе.

А между тѣмъ незамѣтно онъ все время слѣдилъ за палочкой дирижера, потому что выше всего ставилъ точность музыкальной интерпретаціи. Его игра была, въ сущности, механической и вишней: это былъ просто опытный техникъ, искусно выдававшій результатъ своей головной работы за настоящее вдохновеніе. Сосредоточенно слѣдя за собою, онъ пѣлъ и не видѣлъ, что въ десяти шагахъ стоитъ женщина, не спускающая съ него восторженнаго взора, — та самая, которая только-что покоилась у него на колѣняхъ: Жанна Дарто, молодая пѣвица, исполнявшая роль Джульетты.

И ни она ни она не замѣчали, что этотъ восторженный взглядъ пересѣкался, какъ сталью клинка, другимъ, устремленнымъ на сцену изъ темноты кулисъ задняго плана, — ревнивымъ взглядомъ Поля Клодмѣра.

II.

То, что происходит на сцене, нервно совпадает роковым образом с переживаниями исполнителей. Дьявол под именем Дапертутто отнял у Гофмана продажную куртизанку Джульетту: Генрих Пранг, гастроляр и герой парижского дня, стал поперек дороги Поля Клодмера, в его любви к подруге по сцене.

Это началось еще во время репетиций. В первый же момент, увидев немецкого певца, молодой человек почувствовал смутную тревогу, для которой, по видимому, не было особенных оснований. Пранг, хотя и красивый мужчина, оставался все-таки грубоватым немцем, неразговорчивым и самоодьянным, — не Бог весть какая приманка для избалованной француженки. Но когда Жанна Дарто, улыбаясь, протянула ему руку для первого поцелуя, Клодмер невольно вздрогнул, как от ледяного прикосновения, и поклонился немцу больше чем сдержанно.

Он не хотел сознаться себе самому в том, что ревнует. Ему казалось, что он не имеет даже права на это. Действительно, его отношения к Жанне Дарто были чисто платоническими. Он любил ее, но отвечали ли ему взаимностью, на этот вопрос он не мог бы ответить ни да ни нет. Жанна кокетничала с ним больше, чем с другими, но на то могли быть причины, догадываться о которых он скорее не хотел, чем не мог. Он был для нея во всяком случае выгодным поклонником, а таких никогда не отталкивают слишком резко. Ухаживание Поля Клодмера не только льстило молодой женщине, но и выдвигало вперед артистку, внешние данные которой один из критиков не без ехидства назвал обратно-пропорциональными ее талантам. За кулисами ни для кого не было тайной, что один лишь Клодмер сумел выхлопотать для нея роль Джульетты в гастрольном спектакле Пранга. Теперь, в благодарность за это, она демонстративно дарит своим вниманием немецкого певца, быть-может, считая, что по отношению к влюбленному для женщины выгодно быть неблагодарной, чем наоборот.

В своем рискованном костюме венецианской куртизанки она стояла между кулисами, освещенная тем же красным светом, который падал на Пранга. По внешности роль Джульетты подходила к ней как нельзя больше. В этой маленькой женщине, похожей на статуэтку из терракоты, с лицом оригинального восточного типа, было что-то влекущее, раздражающее и вместе с тем изменчивое. Ее быстрые глаза поминутно меняли выражение, то вспыхивая ярким огнем, то погасая томно и мечтательно: в улыбке тонких губ дрожали, казалось, живые обещания и острые, возбуждающие слова, которых она так любила. Алмаз в кольце Дапертутто в самом деле точно гипнотизировал ее: по знаку помощника режиссера она вышла на сцену и склонилась перед Прангом, униженно целуя его руку. Этого требовала роль, но Клодмер, не спускавший глаз с Жанны, увидев в ее поцелуе безмолвное обещание полной покорности тому, кто сумеет подчинить эту женщину своей воле. Дапертутто кончил сцену под взрыв аплодисментов, доносившихся за кулисы, как буря, — и этот успех соперника еще больше взволновал Клодмера. Поединок прошел, словно в тумане. Терраса опустела опять, на полу лежал труп Шлемиля, но за сценой, где собрался хор, баркаролла продолжала звучать. „Один!“ — простонал Гофман свою последнюю фразу, и в тот же момент, в дрожащем столбе друммондова света, перед ним проплыла гондола, увозившая изменницу. Полунагая, она склонялась на плечо похитителя; на фоне красного камзола Пранга ее обнаженные плечи сверкали ослепительной близостью. Это был конец: завянув с глухим шумом пошел вниз, на сцене стало темно, и колонны роскошного дворца сразу превратились в ряды размалеванных грязных полотнищ.

Не думая о вызовах, Поль Клодмер бросился к уборным. Он опоздал: дверь Жанны была закрыта; артистка, закончившая свою роль, спешила переодеться. Но в этот момент рукоплескания донеслись громче, — завянув поднимали снова. К ним присоединились другие, уже за кулисами: аплодировали рабочие, монтеры, хористы и фигуранты, разступаясь двумя шеренгами к стальному коридору и глядя в темный проход на сцену.

Оттуда приближалась Жанна Дарто, под руку с Прангом. Она выступала, как победительница, прижимая к груди огромный букет роз. Пранг раскланивался направо и налево, предупредительно указывая на свою партнершу. У дверей уборной оба остановились.

— Итак, вы уязвлены? — спросил Пранг.

— Не сейчас. Я хочу полюбоваться вами в костюме черного доктора.

— В таком случае, не угодно ли вам будет воспользоваться моим автомобилем?

Поль Клодмер стоял близко, но Жанна его не видела. Она отвечала с улыбкой, которой умела пользоваться, как опасным и неотразимым оружием:

— А куда мы поедем? Я хотела предложить...

Она оборвала свою фразу на полуслове, увидев Поля Клодмера. Его искаженное лицо, и без того изуродованное маской грима, в резком верхнем свете было так ужасно, что Жанна невольно вскрикнула.

— Фи, мосе Поль... Вы меня просто испугали. Можно ли приносить искусству такие чудовищные жертвы?

Пранг поспешил исчезнуть, очевидно, предвидя готовую разразиться сцену, участвовать в которой, по крайней мере активно, ему совсем не хотелось. Но молодой человек уже овладел собой.

— Очень рад, что вы одобряете мой грим, — проговорил он иронически. — Могу в свою очередь ответить вам комплиментом: вы удивительно подходите к вашей сегодняшней роли, — подходите во всех отношениях.

Он повернулся, чтобы уйти, но Жанна остановила его. Они были одни в опустыненном коридоре, со сцены доносился стук молотков, позволявший разговаривать о чем угодно, не понижая голоса.

— Что с вами, Поль? Вы ревнуете?..

— Сударыня, я не имею никакого права...

Молодая женщина слегка ударила его по руке.

— Оставьте этот тон! Вы сегодня играли так, как будто ваши бутфорские кружки в погребке Лютера были до краев наполнены шампанским. Неужели вы не понимаете, что все мы должны быть любезны и предупредительны с нашим гостем. Что скажут по ту сторону Рейна, если он вздумает жаловаться мюнхенским интервьюерам на невоспитанность французов? Я поеду с ним ужина, но не одна, разумеется. Будут Мишлен, Генриетта, Жиссак — прекрасная компания, и вы тоже, конечно. Нет? Не хотите? Но ведь это же глупо, милый Поль! Поедем, не разстраивайте нашего общества; вы увидите сами, что все будет страшно корректно, — но не больше, право, не больше.

Она просила так убедительно, что молодой человек не мог отказаться. В ресторане Жанна удивила его: она была очень любезна с Прангом, но эта любезность, по видимому, не открывала для него никаких дальнейших возможностей. Немец, ожидавший советом другого, был разочарован уже при виде многочисленного общества, собравшегося для полуофициального торжества, во время которого нечего было и думать о

— Что с вами, Поль? Вы ревнуете?.. (Глава II. стр. 711).

флиртѣ. Ему показалось, что надъ нимъ смѣются: онъ надѣся, сталъ сдержаннымъ и молчаливымъ. Въ общемъ, то былъ невеселый вечеръ—слишкомъ торжественный и потому натянутый, несмотря на обменъ взаимными любезностями. Французскіе артисты и представители прессы, галантные и внимательные, не могли все же забыть происхожденія своего гостя и врожденной, неискоренимой антипатіи къ его странѣ. И разговоръ, почти все время остававшійся въ рамкахъ профессиональныхъ артистическихъ интересовъ, протекалъ безъ воодушевленія, безъ тостовъ и шумныхъ горячихъ рѣчей. Развѣхались рано, и Поль Клодмэръ, оставшійся ждать на тротуарѣ, видѣлъ, какъ Жанна съѣла въ свой экипажъ одна.

Онъ уѣхалъ задумчивый, успокоенный до нѣкоторой степени, но не чувствующій себя побѣдителемъ. Образъ Пранга неотступно стоялъ передъ нимъ, какъ угроза, которую онъ чувствовать въ болѣзненной напряженности своихъ нервовъ. И потомъ—въ коляскѣ Жанны Дарто одно мѣсто оставалось свободнымъ: мѣсто, которое съ такой радостью занялъ бы онъ, если бы его назвали...

III.

Въ Монте-Карло, душнымъ лѣтнимъ вечеромъ, Поль Клодмэръ возвращался нѣсколько въ своей отелъ изъ казино.

Онъ посѣщалъ рулетку далеко не часто, предпочитая пользоваться лѣтними каникулами для отдыха. Игровныя залы съ ихъ крикливой роскошью, наполненные пестрой международной толпой, напоминали ему слишкомъ живо Парижъ, о которомъ онъ хотѣлъ позабыть на эти три мѣсяца. Его мечтательную душу гораздо болѣе привлекало то, чего никто почти не замѣчаетъ въ Монако: чарующая природа этого уголка, благословеннаго Богомъ и такъ безжалостно оскверненнаго людьми, создавшими здѣсь, на лазурномъ берегу Средиземнаго моря, безстыдное и отвратительное царство азарта. Къ изумленію товарищей, онъ, не задумываясь, отклонилъ предложеніе театра казино, дирекція котораго считала нелишнимъ украсить именованъ Поля Клодмэра сенсационную программу лѣтнаго сезона: онъ усталъ и, кромѣ того, собрался на свободѣ поработать какъ слѣдуетъ надъ новыми партіями, въ которыхъ ему предстояло выступить осенью. Онъ жилъ простой и однообразной жизнью; его день, начинавшійся и кончавшійся одинаково рано, проходилъ между ружьями кабинкой, паркомъ съ площадками для тенниса и роялемъ въ его скромной комнатѣ безъ лишней мебели, которая могла бы помѣшать резонансу. Такая жизнь ему нравилась; онъ былъ доволенъ, и ничто, казалось, не могло поколебать его душевнаго равновѣсія.

Но сегодня въ немъ неожиданно произошла перемѣна.

Онъ шелъ по берегу моря: надъ горизонтомъ сгустились облака, пробиваясь изъ-подъ ихъ тяжелыхъ, мѣдно-багровыхъ слоевъ, лучи солнца одѣвали зловѣщимъ пурпуромъ морскую гладь, и этотъ отблескъ какъ будто проникалъ въ душу молодого человѣка, которая еще сегодня утромъ была безмятежна, какъ небесная лазурь надъ его головою.

Любовь Поля Клодмэра была, въ сущности, самымъ спокойнымъ и нетребовательнымъ чувствомъ. Онъ не хотѣлъ отъ Жанны ничего, кромѣ права любить и уважать свой кумиръ: такъ боготворили когда-то благородные герои Расина избранницъ своего сердца. Ревность была тяжела для него, потому что вызывала представления, казавшіяся ему оскорбительными по отношенію къ той, которую онъ хотѣлъ только обожать. На прощальномъ банкетѣ, передъ отъѣздомъ труппы на каникулы, Жанна объявила ему, что отказалась, какъ и онъ, отъ всѣхъ приглашеній и ѣдетъ отдыхать къ своей теткѣ, въ Сель-Мало. Поль Клодмэръ, самъ не унижавшійся до лжи ни при какихъ обстоятельствахъ, повѣрилъ ей и не слишкомъ страдалъ въ разлукѣ съ любимой женщиной, такъ какъ былъ за нее спокоенъ. Онъ представлялъ себѣ маленькую ферму на берегу суроваго, нелюдимаго моря, садъ за оградой изъ грубо-отесанныхъ камней, черепичныя кровли и высокий шпиль церкви, изъ дверей которой выходитъ вренница женщинъ въ бѣлыхъ чепцахъ; мечтая, онъ видѣлъ среди нихъ Жанну съ молитвенникомъ въ рукахъ, задумчивую и умиротворенную.

Вмѣсто того, онъ увидѣлъ ее сегодня въ игровой залѣ.

Разумѣется, нельзя было поручиться, что это она. Рулетка Монте-Карло—выставка красавицъ всевозможныхъ типовъ: но въ концѣ концовъ всѣ эти лица, подкрашенные, залудренные, съ ярко-красными губами и однообразнымъ блескомъ азарта въ глазахъ, сливаются въ одно, и черты женщины, о которой думаешь, здѣсь совѣтъ не трудно найти въ любой незнакомѣтѣ. Поль Клодмэръ не успѣлъ броситься въ погоню: толпа игроковъ преградила ему путь, и виднѣе исчезло такъ же быстро, какъ появилось. Тщетно блуждалъ онъ по заламъ, въ надеждѣ встрѣтиться снова съ Жанной или съ ея двойникомъ; онъ обошелъ аллея парка съ ихъ уединенными скамейками и, погруженный въ свою пристрацію, почти не замѣтилъ, какъ очутился за оградой, на прибрежной дорогѣ.

Здѣсь тишина и зловѣщія краски заката еще болѣе гармонировали съ мрачными думами молодого человѣка, и колебанія его мало-по-малу уступили мѣсто увѣренности. Онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что видѣлъ именно ее. Жанна Дарто въ Монте-Карло—и, разумѣется, не одна. Не довольствуясь тѣмъ, что со-

дѣлала, она вдобавокъ скрывается отъ него, быть-можетъ, убѣгаетъ, завидя издали на улицѣ,—очень хорошо! Прекрасно! Передъ разлукой они простились, какъ искренніе друзья: казалось, ничто не мѣшало бы имъ такъ же пожать руки другъ другу при встрѣчѣ—по-дружески, просто и сердечно. Она не захотѣла этого. Почему?

О, на это могла быть только одна причина...

Поль Клодмэръ остановился у берега. Внизу море пылало, точно стеклинный куполь, подъ которымъ бушуетъ пламя. Лило-вые тучи, громоздившіяся все выше, гасили этотъ безмолвный пожаръ. Что-то знакомое почудилось молодому человѣку въ очертанияхъ пейзажа, что-то напоминающее старый сонъ. И вдругъ онъ вспомнилъ: здѣсь, направо, должна быть стѣна съ колоннами и дверью въ игорную комнату. Прямо, гдѣ плещутъ волны, недостаетъ баллюстрады, за которой промелькнула увозившая Джульетту gondola: дальше, на горизонтѣ, спущенный облачный софитъ скрылъ декорацию задняго плана, съ дворцами и башнями Венеціи... Онъ стоялъ какъ будто на авансценѣ: но тамъ, позади, откуда лежалъ его путь, не было партера; тамъ проходила аллея, обсаженная пальмами, въ тѣни которыхъ были разбросаны скамейки. Поль Клодмэръ вернулся на эту аллею и пошелъ по ней, глядя на песокъ, исчерченный слѣдами велосипедовъ,— пошелъ, самъ не зная куда. Вѣроятно, онъ приближался опять къ казино, потому что до него доносились звуки оркестра изъ парка. Внезапно послышался другой звукъ позади: предостерегающій сигналъ автомобиля. Поль Клодмэръ едва успѣлъ отскочить въ сторону, какъ мимо него пронесся экипажъ, окутанный облакомъ пыли.

Онъ видѣлъ этотъ экипажъ всего одно мгновение, но его было достаточно, чтобы рассмотреть пассажировъ. Жанна Дарто, въ широкой шляпѣ, подвязанной шарфомъ съ развѣвающимися концами, сидѣла рядомъ съ Прангомъ; лица обоихъ отпечатались во взглядѣ и сердцѣ молодого человѣка такъ отчетливо, какъ будто схваченныя объективомъ фотографической камеры. Жанна и Прангъ: каждый изъ нихъ въ отдѣльности дѣлалъ въ его глазахъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ пребываніе здѣсь другого. Чтобы онъ не вздумалъ колебаться и все-таки допустить ошибку, предусмотрительная случайность показала ему сразу обоихъ.

Поль Клодмэръ опустился на скамью. Имъ овладѣло какое-то странное оцѣпенѣніе, зловѣщее безмолвіе передъ грозой, подъ гнетомъ котораго просыпались, какъ отдаленные раскаты грома, голоса оскорбленнаго самолюбія, ревности, обиды и боли. Слово нарочно, оркестръ въ паркѣ послѣ перерыва началъ слѣдующій номеръ—надъ пустынной аллеей, пламенѣвшей въ багряницѣ заката, выплыли первые аккорды баркаролы Оффенбаха. Эти звуки, такіе сладостные для тѣхъ, кто счастливъ, и полные такой безысходной тоски для обманутыхъ и одинокихъ, заставили молодого человѣка задрожать. Ему послышалась дьявольская насмѣшка въ этой мелодіи, какъ будто умышленно отвѣтлившей на его боль своимъ жгучимъ прикосновеніемъ. Образъ Пранга снова всталъ передъ нимъ: не того Пранга, котораго онъ видѣлъ сейчасъ, — а другого, въ красномъ трико Мефистофеля, играющаго своимъ волнистымъ алмазомъ. Поль Клодмэръ не былъ суевѣренъ, но, какъ всякій французъ, отличался склонностью къ мистицизму; въ эти минуты унынія и душевной слабости ему начинало казаться, что маска Гофмана, надетая имъ въ тотъ роковой вечеръ, отдала его судьбу во власть злой силы, которая издѣвалась теперь надъ своей жертвой.

Мимо пробѣжалъ экипажъ, Поль подозвалъ его и велѣлъ отвезти себя домой. Закатъ разгорался все ярче, все фантастичнѣе, и молодой человѣкъ, несмотря на свое подавленное настроеніе, не могъ оторваться отъ этой странной и жуткой картины. Весь горизонтъ былъ точно залитъ кровью; казалось, что тамъ, въ вышинѣ, проносятся молчаливая битва титановъ. Грозныя полчища тучъ охватывали землю и море со всѣхъ сторонъ, но солнечные лучи не хотѣли сдаваться: золотыми стрѣлами они разрывали враждебную стѣну и падали отвѣсно въ море, возвращавшее ихъ, какъ зеркало, мятежнымъ и грознымъ небесамъ. На набережной пальмы, скамейки, цѣвники, даже лица людей, окрашенные этимъ тревожнымъ отблескомъ, приняли чуждый и зловѣщій видъ.

Подбѣгая къ своему отелю, Поль Клодмэръ обратилъ вниманіе на необычайное скопленіе публики въ прилегающихъ улицахъ. Толпа волновалась и гудѣла, какъ будто наэлектризованная видомъ воинственнаго заката. Отовсюду слышались угрожающіе выкрики, значенія которыхъ онъ еще не понималъ. Мальчишка съ газетами пробѣжалъ мимо, надрываясь отъ крика; обрывки фразъ долетѣли до него.—„Германія объявила войну Россіи!.. Франція остается вѣрной союзническимъ обязательствамъ!.. Всеобщая мобилизація въ Парижѣ!..“

Поль Клодмэръ остановился на лѣстницѣ. Внизу дефилировала толпа, расцвѣченная трехцвѣтными флагами; военный оркестръ, аккомпанируя тысячеголосному хору, игралъ марсельезу. Вмѣсто избѣженной мелодіи страсти, еще не отзвучавшей въ душѣ молодого человѣка, раздавалась теперь другая.—полная лага мечей, героическая, объединяющая всѣ сердца въ одномя благородномъ порывѣ любви къ родинѣ. Точно могучій призывъ, поднималась стѣна побѣды и славы къ небесамъ, гдѣ догорала въ наступающей темнотѣ пророческая битва заката.

Толпа волновалась и гудела... (Глава III, стр. 712).

IV.

Начинался второй год войны.

Поль Клодмэр, уже выслуживший погоны подпоручика, был ранен в Шампани—ранен случайно, не вида врага и не принимая участия в бою. В течение многих месяцев продолжалась бомбардировка города и расположенных перед ним позиций; бомбардировка эта, обыкновенно не причинявшая французам особенно большого вреда, в конце концов стала настолько привычной, что на нее почти не обращали внимания. Подъ громь канонады Поль Клодмэр, как ни в чем не бывало, распоряжался эвакуацией раненых на загроможденной повозками и автомобилями городской площади, когда германский снаряд, выпущенный дальнобойным орудием, угодила в здание ратуши. Взрывом были выбиты все стекла в окнах: осколки ввером разлетелись в разные стороны, и Поль Клодмэр был ранен одним из этих осколков в плечо и левую руку. С тем же санитарным транспортом, которым завывал подпоручик Клодмэр, его самого пришлось эвакуировать в Париж, где он очутился в лазарет артистов Grande Opéra.

Он страдал не столько от раны, в сущности, легкой, сколько от сознания ее случайного характера, насмшливо называя себя человеком, на которого упала черепица с кровли. Он считал себя вычеркнутым из рядов армии самой судьбой, отбывшей его, как ненужного, быть-может, недостойного. Подавленное настроение долго не покидало молодого человека, сильно затягивая ход его болезни.

— Не будьте же так нетерпеливы!—говорил ему доктор Блэз, веселый толстяк; когда-то благодушно подсмывавший над простудами мнительного тенора, он теперь ухаживал за раненым, как настоящая сиделка, не зная, чем его успокоить и ободрить.—Война ведь еще не кончена; немцы ждут вашего возвращения, и я уверен, что при встрече вы сумеете свести с ними ваши маленькие счеты.

— Если эта встреча вообще состоится когда-нибудь,—мрачно отвечал Поль.

— А почему нет? Неужели мы будем браковать такого молодца из-за пустой царапины? Возьмите только себя в руки, и я ручаюсь, что вы скоро забудете навсегда о вашей перелевке.

Случайность пришла на помощь оптимисту-доктору.

В лазарет, где лежал раненый, обязанности сестер милосердия исполняли артистки Grande Opéra, и их знакомые лица помимо воли возвращали мысль молодого человека к той—отсутствовавшей, о которой он не смел спросить никого, ревниво оберегая свою тайну. Но однажды, проснувшись утром позже обыкновенного, он увидел около своей постели Жанну Дарто, в косынке и апостольник с красным крестом.

Это свидание произошло без свидетелей. Поль Клодмэр помчался в палату вместе с двумя выздоравливающими офицерами; в то время, когда пришла Жанна, койки их остались пустыми. Окна были открыты настежь, белые стены палаты служили строгой и стильной рамой для картины пышного сентябрьского сада, полного лактофиолей и поздних роз. Рядом с этим ярким импрессионистским пейзажем измученное лицо Жанны казалось воздушным, как изящная пастель; несколько искусно положенных штрихов карандаша, подтемнявших ресницы, еще более углубляли ее взгляд, длая его задумчивым и полным скорби.

— Вы узнаете меня, мось Поль?—спросила она тихо.—Вы меня еще не забыли?

Что можно было ответить на этот вопрос? Война всецело овладела душой Поля Клодмэра; образ прекрасной Франци, землю которой осквернили пришельцы, был все это время его единственным кумиром. Но ни одна живая женщина не заменила Жанны в его сердце, и воспоминания нахлынули на него с неудержимой силой при виде молодой женщины, появившейся наконец в тиши лазарета, где все говорило о ней, где невидимо все время ощущалась ее близость.

— Нет, я не забыл вас,—отвечал он, правдивый и искренний, как всегда.

Он опять видел в ней друга; тяжелое и унижительное прошлое не существовало для него больше. В тот раз их беседа продолжалась недолго, и ни тот ни другая не коснулись в ней воспоминаний об этом прошлом; но когда Жанна ушла, молодой человек долго не мог успокоиться, и спал он в эту ночь тревожно. Ему снилась новая Жанна, отказавшаяся от соблазнов и радостей жизни ради красного креста на груди, который прощала ей все, что было в ней раньше темного и жгиваго: он, едва не потерявший навски свою идеальную возвышенную любовь, теперь в лихорадочных грезах приветствовал ее возвращение. И утром, снова увидев Жанну у своей постели, он встретил ее улыбкой, которая благодарным отблеском отразилась в ее глазах.

Они стали видеться каждый день. Их беседы становились все более продолжительными по мере того, как молодые люди ближе узнавали друг друга. Между ними точно рушилась стена, открывая для обеих сторон зрелище безоблачного голубого неба. И то, что было невозможно в атмосфер кулисы, балов и раутов веселящегося Парижа, казалось естественным и неизбежным здесь, в этой простой цбломудренной комнате—обителе героического и прекрасного страдания.

— Мне кажется, что я никогда не знал вас раньше,—сказал ей однажды Поль.

Молодая женщина улыбнулась печальной улыбкой.

— Я сама не знала себя, друг мой. Я точно родилась снова с первым пушечным выстрелом на нашей земле—как женщина и как французка. В самом деле, мое прошлое представляется мне каким-то сном.

— Но вы хотели бы его возвращения?

Жанна отрицательно покачала головой.

— Сны не возвращаются никогда.

— Вы ошибаетесь, Жанна. То, о чем вы сейчас говорили, испытал и я. Но один из моих снов—самый прекрасный—возвратился.

Тонкая белая рука, лежавшая на одеяле больного, слегка вздрогнула. Поль Клодмэр взял эту руку и прикоснулся к ней губами. В палате было тихо, на соседних койках больные уже спали, но свет электричества еще не нарушал элегий мягких осенних сумерек. И Полю казалось, что облагораживающий сад за окном на утро вновь расцветет, как весною.

Спустя несколько дней после этого разговора Поль Клодмэр впервые покинул лазарет для прогулки в автомобиль. Его здоровье восстанавливалось быстро: то, чего не могли ускорить врачебный режим и советы доктора Блэза, сдлала близость любимой женщины. Он сидел в открытом экипаже рядом с Жанной, улыбающийся, счастливый, и ему не приходила в голову мысль о том, что однажды—и не так давно—это место занимал кто-то другой.

Был чудный день, полный тепла и солнца, опьяненный тем ароматом, который можно вдыхать только в Париже, в благословенные дни бабьяго лета.

Экипаж мчался по бульвару к Елисейским полям, где еще сохранились остатки баррикады, сооруженных в прошлом году, чтобы преградить германцам дорогу к сердцу Франци. Поль Клодмэр указал на них Жанне.

— Взгляните на эти срубленные деревья,—сказал он.—Наша история знает не много таких величественных памятников. Они не понадобились, немцы не дошли до Парижа: их оставил народ, который они презрительно называли вырождающимся и обреченным. Этот народ проснулся, как вы, и совершил самый героический из всех подвигов.

Жанна взволнованно сжала его пальцы.

— Этой рукой, да?

— Этой? Нет. Меня там не было, счастье биться за Францию на Марсе не было суждено мне. Но я утшаю себя мыслью, что, благодаря этому, мы могли снова встретиться с вами. Теперь я сдлаю еще больше, чем сдлаю бы тогда.

Он говорил тихо, склонившись к Жанне, которая смотрела в сторону,—быть-может, для того, чтобы скрыть слезы. С последними словами молодого человека она обернулась,—губы их встретились.

V.

— Мадемуазель Дарто у себя?

— Нет, мось. В это время она редко бывает дома.

Поль Клодмэр в раздумьи стоял перед камеристкой, застывшей в своей кокетливой, хотя и церемонной позе. Часы

показывали пять; въ половинѣ восьмого отходилъ поѣздъ въ Бордо, съ которымъ ему необходимо было уѣхать.

— Я подожду здѣсь,—заявилъ онъ, въ полномъ противорѣчій съ ходомъ своихъ мыслей, какъ это часто бываетъ.

Камеристка проводила его въ знакомую комнату и удалилась, ничѣмъ не обнаруживая своего удивленія по поводу несвоевременности этого визита.

Жанна Дарто жила въ малолюдной части города, въ двухъ комнатахъ, которыя она обставила сообразно со вкусами своими и своего друга, расхаживавшими въ немногомъ. Это были двѣ очаровательныя бонбоньерки — самая подходящая раковина для такой жемчужины, какъ Жанна Дарто. Все здѣсь было хорошо знакомо Полю; каждую мелочь они приобретали вдвоемъ, какъ счастливые новобрачные. Жанна отказалась поселиться въ квартиру своего друга, шутливо объясняя свой отказъ тѣмъ, что два артиста не могутъ ужиться подъ одной кровлей. Клодмэръ не настаивалъ; занятый военной службой и вынужденный зачастую распределять свое время не совсѣмъ удобно, онъ понималъ затруднительность совместной жизни при такихъ условіяхъ для привыкшей къ комфорту женщины. Въ концѣ концовъ ему ничто не мѣшало посѣщать въ любое время уголокъ Жанны; но, вѣрный своимъ деликатнымъ привычкамъ, онъ предпочиталъ дѣлать это въ опредѣленные, заранее извѣстные хозяйкѣ часы.

«Если она очень задержится, мы такъ и не увидимъ ее сегодня,—подумалъ Поль, нетерпѣливо поднимаясь съ дивана. — Гдѣ она можетъ пропадать по цѣлымъ днямъ? Вотъ человекъ, который совѣтъ не думаетъ о своемъ здоровьи...»

Онъ подошелъ къ картѣ фронта, украшавшей стѣну. Его глаза искали черный кружокъ съ названіемъ „Верденъ“, не сходившимъ со столбцовъ газетъ и повторявшимся на всѣ лады въ Парижѣ. Онъ провелъ пальцемъ ломаную линію вверхъ по картѣ, къ бельгійской границѣ.

Звонокъ телефона прервалъ его размышленія. Онъ взялъ трубку, ожидая вопроса Жанны; къ его удивленію, послышался грубый мужской голосъ, спрашивавшій хозяйку.

— Ея нѣтъ дома,—сказалъ молодой человекъ.—Если угодно, я передамъ ей, что вы желаете.

Одну минуту въ трубкѣ былъ слышенъ только шумъ проводовъ: очевидно, говорившій колебался.

— Кто у телефона? Вольфъ?

— Да, это я!

Инстинктивно онъ поддался внутреннему чувству, заставившему его вызвать на откровенность невѣдомаго собесѣдника, и отвѣтилъ утвердительно, не думая о дальнѣйшемъ,—отвѣтилъ съ правдивой и естественной интонаціей, какъ опытный актеръ. Говорившій попался на удочку его мастерства, о которомъ, понятно, не могъ догадаться.

— Передайте, что сегодня въ девять часовъ ее ожидаютъ на Сѣверномъ вокзалѣ. Четвертый перронъ дальнихъ поѣздовъ. Она должна быть непременно.

— А если бъ я не увидѣлъ ее и не смогъ...

— Все равно, она придетъ. Время и мѣсто ей извѣстны. Могли произойти измѣненія; я хотѣлъ только предупредить ее, что все остается по-старому.

Послѣдовалъ отбой. Поль Клодмэръ стоялъ у стола, съ телефонной трубкой въ рукѣ. Онъ разсуждалъ спокойно и трезво: война научила его справляться со своими чувствами. Итакъ, Жанна еще разъ обманывала его, послѣ всего, что между ними было, а онъ—онъ даже не могъ уличить ее, потому что противъ воли самъ сдѣлался похитителемъ чужой тайны. Для размышленій у него не было времени: за дверями слышались уже шаги и голосъ Жанны. Увидѣвъ своего друга, она смутилась,—такъ онъ заключилъ по ея шумной и нервной радости, показавшейся молодому человеку преувеличенной. Все въ ней теперь было для него лживымъ, все поддерживало мысль о притворствѣ и измѣнѣ.

— Прости, дорогой,—сказала она,—я заставила тебя ждать. У меня столько хлопотъ съ этимъ лазаретомъ и распределительнымъ пунктомъ.

— Передайте, что сегодня ее ожидаютъ на Сѣверномъ вокзалѣ... (Глава V, стр. 714).

— Напротивъ, я долженъ извиниться предъ тобой, что явился не въ-время. Но дѣло въ томъ, что сегодня вечеромъ я уѣзжаю на нѣкоторое время изъ Парижа.

— Что случилось?

— Ничего особеннаго. На-дняхъ я, вѣроятно, получу назначеніе въ Верденъ.

Жанна опустила на стулъ, не снимая пальто и горжетки. Изумленіе, испугъ, отчаяніе — все сразу отразилось на ея подвижномъ лицѣ.

— Ты все-таки настоялъ на своемъ?

— Да, я считаю неудобнымъ затягивать свое пребываніе здѣсь. Подъ Верденомъ происходятъ настолько серьезныя событія, что каждый здоровый французъ, способный поднять ружье, долженъ быть тамъ въ это время.

Онъ говорилъ коротко, какъ человекъ, принявшій опредѣленное рѣшеніе. Ему казалось, что онъ повторяетъ эти слова уже не въ первый разъ, — до того часто онъ возвращался къ нимъ въ своихъ мысляхъ. Съ самаго выхода изъ лазарета подпоручикъ Клодмэръ не покидалъ Парижа, прикомандированный къ одному изъ военно-административныхъ бюро, по настояніямъ дирекціи, хотя и не просилъ объ этомъ. Но душа его все время рвалась туда, гдѣ Франція напирала всѣ силы въ неравной

борьбѣ, и только любовь Жанны, ея мольбы и слезы обезоруживали его, заставляя оставаться около любящей и любимой женщины. Теперь онъ думалъ, что несетъ справедливое наказаніе за свою слабость. Та, ради которой онъ малодушно измѣнилъ родинѣ, измѣнила ему сама. Онъ уже не приводилъ, какъ раньше, никакихъ смягчающихъ, утѣшительныхъ доводовъ: онъ говорилъ о своемъ отправленіи туда, откуда не возвращаются, какъ о свершившемся фактѣ,—холодно и спокойно.

— Но вѣдь вчера еще ты не думалъ объ этомъ?—простонала Жанна.

— Вчера? Нѣтъ, я объ этомъ думалъ всегда, съ самаго начала осады Вердена. Я только колебался — но теперь слишкомъ довольно этихъ недостойныхъ колебаній. Я не хочу краснѣть за свое малодушіе, не хочу, чтобы я самъ и другіе считали меня недостойнымъ имени француза. Однимъ словомъ, это вопросъ рѣшенный.

— Въ такомъ случаѣ, я тоже буду просить, чтобы меня назначили въ одинъ изъ верденскихъ санитарныхъ отрядовъ.

Поль Клодмэръ пристально посмотрѣлъ на нее; она выдержала этотъ испытующій взглядъ, и въ душѣ молодого человека снова пробудилось сомнѣніе. Не колеблясь, она готова была послѣдовать за нимъ туда, гдѣ даже служба сестры милосердія представляла совершенно исключительную опасность. Въ ея глазахъ тоже была рѣшимость, не уступавшая рѣшимости Поля; она говорила правду, она его любила попрежнему. Но тогда этотъ таинственный разговоръ по телефону—что онъ значилъ? Здѣсь была тайна, которую необходимо было выяснить во что бы то ни стало.

Поль Клодмэръ посмотрѣлъ на часы. Пора. До половины девятаго ему нужно сдѣлать еще кое-какіе официальные визиты, а до вокзала не близко.

— Я вернусь завтра утромъ,—сказалъ онъ.—Тогда мы успѣемъ переговорить съ тобой обо всемъ подробнѣе.

Въ глубинѣ души Поль мучительно страдалъ за свой обманъ, но избѣгать его было невозможно. Путь шпіона имѣлъ свою логику,—думалъ онъ съ горечью,—укравъ одну тайну, онъ тѣмъ самымъ вынужденъ былъ сдѣлаться похитителемъ и другой. Правда, онъ обманулъ не первый — съ нимъ сдѣлали это раньше; но Полю было не легче отъ этого.

Когда онъ поцѣловалъ на прощанье руку Жанны, взглядъ его упалъ на кольцо, украшавшее эту изящную руку, котораго онъ не замѣчалъ раньше: золотое кольцо съ крупнымъ алмазомъ, сверкавшимъ ослѣпительно-яркими лучами.

Теперь онъ узналъ это кольцо и вспомнилъ, гдѣ онъ видѣлъ его въ первый разъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вальтеръ Гринвэй, шпіонъ.

Разсказъ Роберта Хольмса, полицейскаго священника *).

I.

Мнѣ сказали, что я отъ него ничего не добьюсь. Все же я зашелъ къ нему въ камеру—просто такъ, для очистки совѣсти. До суда онъ содержался въ участкѣ—за попытку проникнуть въ чужую квартиру, съ цѣлью грабежа. Мнѣ хотѣлось поближе познакомиться съ нимъ, чтобы, въ случаѣ, если его оправдаютъ, оказать ему посильную помощь.

Но, какъ мнѣ и предсказывали, я не добился отъ него ничего. Этого гибкій, невысокій человѣчекъ, лѣтъ тридцати, съ энергичнымъ пріятнымъ лицомъ и мечтательными большими глазами, выдавалъ себя за глухонѣмого.

Выраженіе его лица сразу же возбудило во мнѣ подозрѣніе: оно было слишкомъ умно для глухого. Одѣтъ онъ былъ весьма элегантно, что тоже казалось страннымъ: откуда могъ онъ добывать себѣ средства, если, какъ онъ самъ заявилъ, онъ не умѣетъ ни читать ни писать, и даже не понимаетъ тѣхъ знаковъ, которыми объясняются съ глухонѣмыми?

Я далъ ему понять, что я не считаю его ни глухимъ ни нѣмымъ.

Въ судѣ ему, какъ глухонѣмому, былъ данъ переводчикъ, инструкторъ глухонѣмыхъ, опытный и дѣльный человѣкъ. Но всѣ его усилія не привели ни къ чему: тщетно старался онъ вырвать хоть слово отъ этого страннаго субъекта.

Процессъ начался, но безъ большого успѣха.

— Будьте добры, объясните ему, въ чемъ мы его обвиняемъ, — съ изысканной любезностью обратился судья къ переводчику, который былъ слегка обезкураженъ.

Секретарь прочиталъ обвинительный актъ. Пальцы переводчика замелькали съ невѣроятной быстротой. Порою онъ громко и рѣзко хлопалъ правой рукою по лѣвой. Обвиняемый смотрѣлъ на него съ учтивымъ и добродушнымъ вниманіемъ, но, видимо, не понималъ ничего. Тогда переводчикъ замедлилъ темпъ и, еле-еле двигая пальцами, снова передалъ весь обвинительный актъ. Любопытство нѣмого угадало, со скукой глядѣлъ онъ на неутомимые пальцы, и въ концѣ концовъ началъ зѣвать.

*) Разсказъ этотъ не выдуманъ авторомъ. Это не беллетристика, а истинное происшествіе, было. Книга Роберта Хольмса, гдѣ собрано нѣсколько подобныхъ разсказовъ, имѣетъ сейчасъ въ Англии огромный успѣхъ.

— Врядъ ли онъ понимаетъ языкъ глухонѣмыхъ, — сказали наконецъ переводчикъ.— Похоже, что онъ притворяется. Хотя нѣкоторые знаки онъ понялъ бы, если бы былъ настоящимъ глухонѣмымъ... Да и лицо у него очень смышленное.

Предсѣдатель суда былъ такого же мнѣнія. Дѣло приходилось отложить. Нужно было окончательно выяснить, понимаетъ ли обвиняемый тѣ обвиненія, которыя къ нему были предъявлены.

Дѣло отложили на три дня. Подсудимаго вернули въ участокъ. И по странной какой-то случайности ему въ камеру не прислали обѣда. Чаю тоже онъ не получилъ. Вечеромъ остался безъ ужина.

Натурально, онъ сталъ кричать и стучать. Но полицейскіе были такъ непонятливы, что всѣ его усилія пропали. Когда полицейскіе входили къ нему, онъ широко раскрывалъ ротъ, яростно совалъ туда пальцы, энергично глоталъ слюну, но тѣ вносили къ нему большое ведро воды, давали ему жестяную кружку и знаками показывали, что онъ можетъ пить, сколько хочетъ. Онъ такъ бѣшено качалъ головою, что, казалось, она у него оторвется. Тѣ растерянно глядѣли на него и въ недоумѣніи пятились къ двери.

Онъ не прекращалъ своихъ воплей. Часовые смѣнились, но уходящіе научили пришедшихъ, какъ нужно обращаться со страннымъ узникомъ. Онъ стучалъ и гремѣлъ до полуночи. Въ полночь его стук и крики дошли до такого неистовства, что къ нему опростомѣ вбѣжалъ надзиратель. Онъ снова раскрылъ свою пасть, судорожно сунулъ въ нее пальцы и принялся изступленно глотать. Надзиратель опять приказалъ принести ему ведро воды. Бѣдняга замахалъ въ отчаяніи руками. Надзирателя вдругъ ослѣпило, и, взглянувъ въ тотъ уголокъ, куда метнулись руки арестанта, онъ увидѣлъ тамъ кучу тряпья, служившаго тюремнымъ одѣяломъ.

— Ахъ, я теперь догадался, что беспокоитъ васъ... Это одѣяло... въ немъ нѣтъ насѣкомыхъ... но все же его можно встряхнуть.

Онъ собралъ тряпки и вынесъ ихъ прочь.

Конечно, это было большою нелѣпостью, ибо жесты несчастнаго не имѣли никакого отношенія къ насѣкомымъ въ его одѣялѣ.

На салонискомъ фронтѣ.

На аэродромѣ въ Салоникахъ. Палатки летчиковъ. Вокругъ каждой палатки разбиты цвѣтники.

Оставить человека без пищи было немилосердно, жестоко. Но лишить его постели—это гадко! Не мудрено, что к нему вернулись дарь рѣчи.

— Послушай ты, скотина, идиоты!—завопил онъ бѣшеннымъ голосомъ.—Куда ты унесъ одѣяло? Или ты хочешь меня уморить? Сейчас же принеси мнѣ поѣсть и отдай назадъ одѣяло.

Надзиратель вернулся къ нему.

— А,—сказалъ онъ,—вы заговорили? Отлично. Я предчувствовалъ, что вы скоро излѣчитесь. Теперь, пожалуйста, какъ васъ зовутъ? чѣмъ вы занимаетесь? гдѣ вы живете?— и вы тотчасъ получите вашу постель и ѣду.

Тотъ немедленно сталъ мягокъ и кротокъ. Онъ показалъ, что зовутъ его—Вальтеръ Гринвэй, что ему двадцать девять лѣтъ, что живетъ онъ въ городишкѣ поблизости, что по профессіи онъ служащій въ банкѣ, что онъ холостъ, живетъ у отца, бывшего аптекаря, обладающаго небольшоимъ капиталомъ.

Все это вполне удовлетворило полицію, и проголодавшійся былъ тотчасъ же накормленъ. Въ участкѣ воцарилась тишина.

II.

— Чтò же заставило васъ притвориться глухимъ и нѣмымъ?—спросилъ его на другой день мировой судья. — Вы причинили людямъ столько ненужныхъ хлопотъ. Какъ додумались вы до такой чепухи?

— Мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло родныхъ,—пробормоталъ подсудимый,—вотъ почему я и притворился глухонѣмымъ.

Увы, это была новая ложь. Полиція къ тому времени достаточно знала его предыдущую жизнь. Его отецъ дѣлалъ немало попытокъ помочь ему, облегчить его участь. Никогда этотъ молодой человекъ не стѣснялся вовлекать въ свои дѣла своихъ родственниковъ, если отъ этого ему была хоть малѣйшая выгода. Каковы бы ни были причины, заставившія его притвориться нѣмымъ и глухимъ, его родственники были здѣсь ни при чемъ.

Дѣло продолжалось безъ задержки. Вскорѣ оно перешло во вторую инстанцію, въ судебную палату, и тамъ была подробно изслѣдована вся уголовная его биографія.

Оказывается, онъ получилъ блестящее образование, выказалъ большія способности; въ банкѣ былъ незамѣнимымъ, безцѣннымъ работникомъ; превосходно владѣлъ языками; по-нѣмецки, напри- мѣръ, говорилъ и писалъ такъ свободно, что его можно было принять за прирожденнаго нѣмца. Было ясно, что до преступленій его довела не нужда, что онъ сдѣлался грабителемъ безъ всякой причины—просто изъ любви къ этому искусству.

— Онъ взбирается на крышу, какъ кошка,—доложилъ мнѣ одинъ изъ сыщиковъ, не безъ тайнаго восторга предъ нимъ,—и какъ ловко онъ прыгаетъ тамъ наверху, на шестомъ, на седьмомъ этажѣ: намъ и внизу такъ не прыгнуть! Попробуй, поймай его тамъ наверху! Это все равно, что охота за тигромъ. Онъ вдругъ соскользнетъ по водосточной трубѣ и окажется на дѣвяти ярдахъ дальше, чѣмъ вы его ждете, и вамъ не поймать бы его никогда, если бы онъ не былъ такимъ идиотомъ, и самъ не подпускалъ васъ къ себѣ, чтобы подразнить и позлить васъ и по-смотреть, какъ онъ замучилъ васъ своей бѣготней. Только это и губитъ его всякій разъ.

Девять разъ полиція ловила его на мѣстѣ преступления, тамъ, на крышахъ. Онъ всегда пробирался въ чужія квартиры чрезъ чердачное окно—не иначе. Кромѣ этого увлеченія къ грабежу, въ немъ не было никакого другого порока: онъ не пилъ, не курилъ, не игралъ въ карты, былъ милымъ и скромнымъ молодымъ человекомъ. Но, конечно, службой въ банкѣ онъ не могъ заниматься регулярно, съ тѣхъ поръ, какъ промѣнялъ свою конторку на крышу,—съ двадцатилѣтняго возраста. По какой-то счастливой случайности онъ всегда попадалъ на мягкосердечнаго судью, и тотъ назначалъ ему самое легкое наказаніе,—не каторгу, а только тюрьму. Въ этотъ разъ случилось то же самое. Когда онъ отбылъ свое наказаніе, онъ пожелалъ повидаться со мной.

— Пошлите меня куда-нибудь подальше. Здѣсь мнѣ оставаться нельзя. Мои родные не желаютъ меня знать. Тюремный священникъ доказывалъ мнѣ, что я замѣчательный малый, что они должны гордиться такимъ сокровищемъ, какъ я,—но это не привело ни къ чему, это только ухудшило дѣло. Они знаютъ меня лучше, чѣмъ онъ. Попъ перестарался: ужъ очень его умилило, что я такъ ловко перевелъ для него какую-то нѣмецкую чушь. Родные отвернулись отъ меня, и я не виню ихъ за это. Довольно они со мною намучились. Они дали мнѣ съ дѣтства такъ много хорошаго, а я... Глупо было бы съ ихъ стороны принимать меня опять въ свое лоно.

— Займитесь какимъ-нибудь дѣломъ,—сказалъ я ему.—У васъ такъ много разнообразныхъ талантовъ. Въ тюрьмѣ вы были переплетчикомъ, бухгалтеромъ, типографомъ, художникомъ—не такъ ли? А до того, какъ попали въ тюрьму, вы были конторщикомъ, корреспондентомъ, грабителемъ, глухонѣмымъ—и мало ли чѣмъ еще. Кстати, что это вамъ пришло въ голову разыгрывать тогда глухонѣмого?

— Глупый капризъ, вотъ и все. Хотѣлось подшутить надъ полиціей... Пустое озорство, баловство...—Его лицо искривилось въ усмѣшку, и онъ продолжалъ:—Можетъ-быть, вамъ это покажется страннымъ, но, ей-Богу, это сущая правда: всякій разъ, какъ я вижу на крышѣ окно чердака, я не могу противостать иску-

шенію. Куда бы я ни шелъ, мои глаза противъ воли поднимаются вверхъ. Я замѣчаю, какъ беззаботно большинство обывателей въ отношеніи своихъ чердаковъ, и мнѣ хочется доказать имъ, что они заблуждаются, считая себя внѣ опасности. Такъ я гибну изъ-за своихъ дарованій, изъ-за этой проклятой способности карабкаться по каждой водосточной трубѣ и прыгать по крышѣ, какъ котъ. Мнѣ никогда не исправиться въ мѣстности, гдѣ есть чердаки, или хотя бы вторые этажи. Для меня было бы очень полезно поступить куда-нибудь на пароходъ и отправиться въ дальнее плаванье. Я могъ бы взобраться на мачту, не причиняя никому неприятности. Тамъ не было бы никакихъ искушеній. Или въ индѣйской деревнѣ, гдѣ сплошь одни вигвамы, или въ лагерѣ бедуиновъ, гдѣ никакихъ чердаковъ. Тюремный попъ говорилъ совершенную правду, описывая мое ангельское поведеніе въ тюрьмѣ. Я вель себя и впрямь херувимомъ. А почему? Потому что мнѣ ежедневно давали возможность забираться въ самыя высокія сферы: красить карнизы, чистить трубы и прочее. Такія развлеченія отвлекали меня отъ пороковъ. Кромѣ того, верхнія окна тамъ украшены рѣшеткой, какъ и нижнія. Пошлите же меня въ морское плаванье, а не то—вы увидите—мнѣ опять не избѣжать искушенія.

Странный это былъ человекъ. Чистосердечно признавался въ своихъ порочныхъ слабостяхъ, и все же былъ такой очаровательный, милый. И даже, по существу, благородный.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды я получилъ письмо отъ одной корабельной компании, съ просьбой прислать подходящихъ людей. Я и рѣшилъ отрекомендовать туда Вальтера Гринвэя, ибо не было резонновъ опасаться, что онъ кому-нибудь причинитъ безпокойство.

Такъ онъ уѣхалъ, и нѣсколько лѣтъ я не слышалъ о немъ ничего.

III.

Но вотъ въ ноябрѣ получаю отъ него длиннѣйшее посланіе, написанное съ явнымъ расчетомъ вытравить изъ моего ума окончательно всякое воспоминаніе о его недавнихъ грѣхахъ. Нелегко было читать это посланіе, ибо все оно написано карандашомъ на двадцати пяти различныхъ клочкахъ выпѣвшей, пожелтѣвшей бумаги. Буквы кое-гдѣ стерлись, такъ что о содержаніи нѣкоторыхъ строкъ можно было только догадываться.

Воспроизвожу это письмо по памяти, не ругаясь за абсолютную точность:

„Гдѣ-то въ благословенной Месопотаміи блуждаетъ загорѣлый, глухонѣмой бедуинъ въ такой степени похожій на меня, что я счелъ бы его за родного брата, если бы не его сдѣяніе. Тамъ онъ скитается, несчастный калѣка, неспособный понять ничего въ томъ, чтò дѣлаютъ сейчасъ его единовѣрцы, ихъ турецкіе владыки, и нѣмцы—владыки этихъ владыкъ.“

„Считалъ, что его злая болѣзнь ниспослана ему всевышнимъ Аллахомъ, они позволяютъ ему бродить, гдѣ вздумается, въ лагеряхъ, въ окопахъ,—вездѣ. Ихъ забавляетъ, съ какимъ ребяческимъ ужасомъ заглядываетъ онъ въ заряженныя пушки, какъ онъ вздрагиваетъ, когда въ лабиринтѣ траншей натывается на потаенное орудіе. Они даютъ ему поѣсть и, покуда онъ ѣсть, они болтаютъ обо всѣхъ своихъ планахъ и замыслахъ, а турецкіе и нѣмецкіе начальники издаютъ при немъ свои приказы, ибо онъ глухъ и не можетъ слышать, ибо онъ нѣмъ и не можетъ ничего никому разказать.“

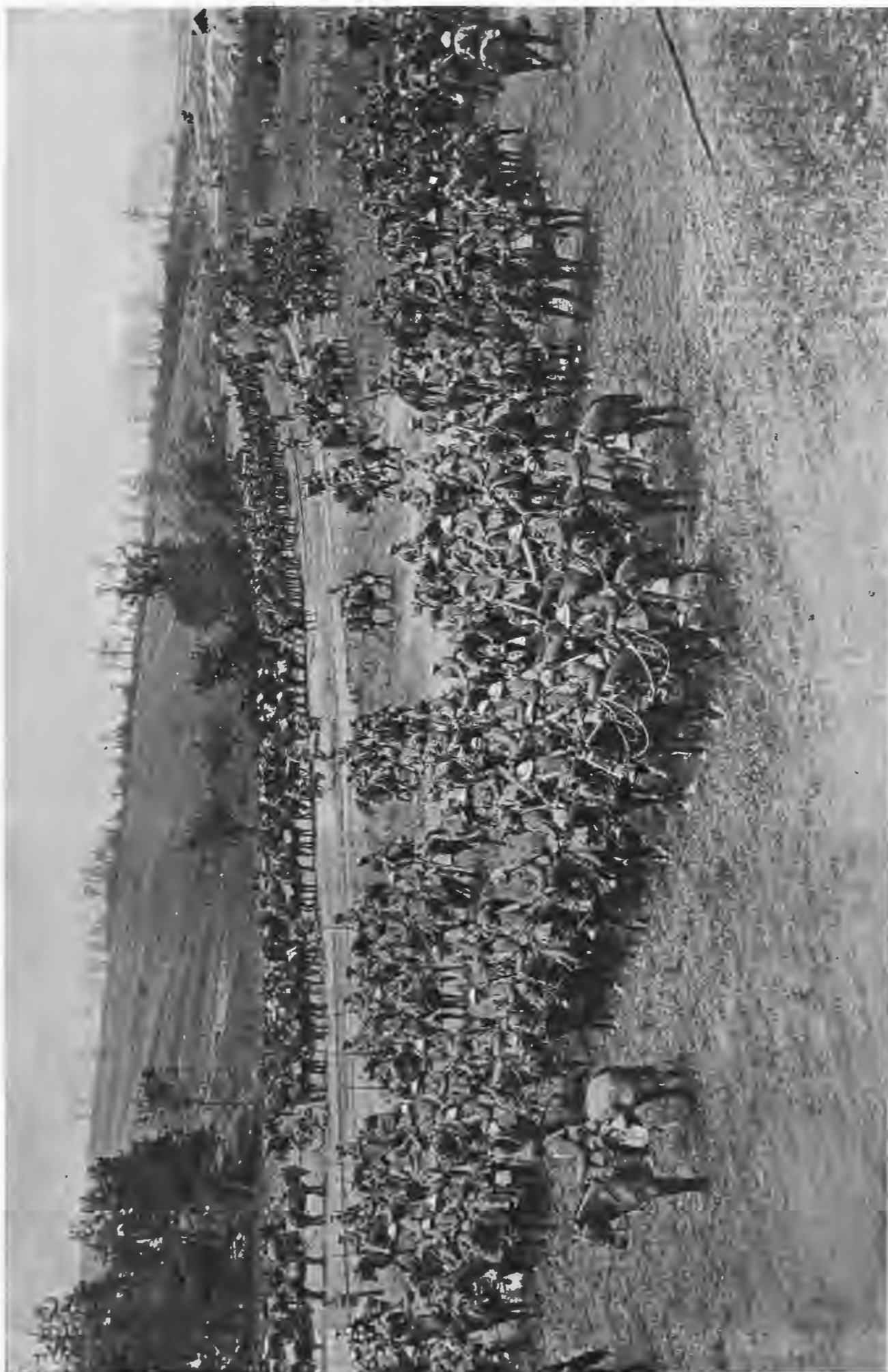
„Уставъ отъ блужданій, онъ уходитъ изъ лагеря, и никто не остановилъ его. Вѣдь онъ—отмѣченный Господнимъ перстомъ, ему нельзя причинить никакого вреда, ибо Аллахъ отомститъ за него.“

„Такъ онъ проходитъ изъ лагеря въ лагерь, и, видя, какъ подготовлены турки къ войнѣ, его испуганные, большіе глаза становятся все чернѣе, пугливѣе.“

„Иногда онъ пробирается къ англійскимъ позиціямъ,—всячески однако избѣгая встрѣчаться съ невѣрными. Вчера его встрѣтили наши солдаты. Онъ былъ ужасно измученъ и голоденъ. Казалось, вотъ-вотъ упадетъ. Солдаты привели его въ землянку и накормили его. Онъ ѣлъ съ отвращеніемъ, отплевывался, и, казалось, онъ проклинаетъ невѣрныхъ, которые спасли его отъ голодной смерти. Въ одно и то же время его лицо выражало и страхъ, и безсиліе, и гнѣвъ. Вскорѣ ему, видимо, надобно солдаты, пристававшіе къ нему со всѣхъ сторонъ, и онъ отправился въ главную квартиру, куда его почему-то впустили.“

„Тамъ, конечно, никому не удалось выдарапать у него ни малѣйшаго свѣдѣнія о расположеніи вражескихъ позицій, о числѣнствѣ тамошнихъ войскъ. Глаза-то у него были, если не было слуха, и эти глаза видѣли много драгоценныхъ вещей, но—увы!—онъ былъ нѣмъ и не умѣлъ писать. Если бы только нашему штабу были доступны тѣ свѣдѣнія, которыми обладалъ этотъ глухонѣмой, многія тысячи человѣческихъ жизней были бы сохранены и спасены...“

„Но вотъ онъ засуетился, собрался уходить. Можно ли довѣрить ему это письмо? Чтò жъ, рискну—была не была! Цѣннаго въ письмѣ мало, а бумага дрянная: лучшей я нигдѣ не могъ достать. Часто собирался я написать вамъ, чтобы вы знали, что и я служу, какъ могу, моей родинѣ, здѣсь, въ Месопотаміи, подъ лютымъ, палящимъ солнцемъ. Я описалъ вамъ этого глухонѣмого,—ибо, какъ вы знаете, когда-то и я пробовалъ исполнять его роль. Конечно, онъ исполняетъ свою роль превосходно, го-

На западномъ фронтѣ.

Индійская кавалерія.

раздо лучше меня, но вѣдь и то сказать: ему не приходится имѣть дѣло съ вашей англійской полиціей, которая такъ подозрительна. Можетъ-быть, онъ и не лучше меня, а просто ему повезло: вмѣсто тѣхъ христіанскихъ собакъ, которыя окружали меня, его окружаютъ наивныя дѣти Аллаха.

„Если онъ не потеряетъ этого письма по дорогѣ, и оно въ концѣ концовъ дойдетъ до васъ, помолитесь за этого бѣднаго отверженного бедуина, во имя того глухонѣмого, съ которымъ вы пробовали когда-то бесѣдовать въ далекой полицейской тюрьмѣ.

„Пожалуйста, извѣстите меня, дошло ли до васъ это письмо, ибо я почему-то питаю большое довѣріе къ своему двойнику, — братскую какою-то симпатію, — и если вы откликнетесь и пошлете мнѣ на его имя письмо, я опишу вамъ подробно все свои приключенія за тѣ восемь лѣтъ, что протекли со времени нашей разлуки“.

IV.

Итакъ, вотъ гдѣ онъ наконецъ очутился! Въ Месопотаміи, въ британскихъ войскахъ, въ качествѣ шпіона-развѣдчика! Опасная, но цѣнная служба. Пригодилось ему прежнее умѣніе разыгрывать роль глухонѣмого. Когда я прочиталъ его письмо, сердце у меня захолонуло: не одобровать молодцу. Но вскорѣ я сообразилъ, что эта роль — самая для него подходящая. Онъ такъ артистически знаетъ нѣмецкій языкъ и, несомнѣнно, за восемь лѣтъ своего житья на Востокѣ, успѣлъ отлично изучить и арабскій и турецкій языки.

Признаюсь, этотъ ловкій парень привелъ меня въ такое восхищеніе, что я отправился на поиски его родныхъ, — но напрасно. И мать и отецъ у него умерли, такъ и не узнавъ о томъ ореолѣ геройства, который окружаетъ ихъ сына.

Онъ былъ ихъ единственнымъ сыномъ, и я не могъ отыскать

Колонія для дѣтей русскихъ добровольцевъ, сражающихся въ рядахъ французской арміи, — въ Fontenay-aux-Roses близъ Парижа.

въ нашей мѣстности ни одного, даже отдаленнаго, родственника. Это меня очень опечалило, такъ какъ не съ кѣмъ было подѣлиться моей радостью, и главное, не о чемъ было ему написать.

Такимъ образомъ мое отвѣтное письмо врядъ ли показалось ему интереснымъ. Я просто выразилъ ему свой восторгъ, а также надежду, что онъ выйдетъ живымъ и невредимымъ изъ всехъ рискованныхъ своихъ приключеній. Отправилъ я это письмо по тому курьезному адресу, который былъ имъ указанъ, — хотя и не могъ понять, почему это онъ не хотѣлъ, чтобы письмо было послано прямо въ британскую дѣйствующую армію, на его настоящее имя.

Въ февралѣ я получилъ отъ него новое большое письмо.

„Чортъ возьми, какъ прилипаетъ къ человѣку дурная его репутация! Развѣ я вамъ писалъ, что я разыгрываю роль глухонѣмого? Я сообщалъ вамъ объ одномъ человѣкѣ, до того поожжемъ на меня, что онъ могъ бы сойти за моего брата, но, пожалуйста, учитель, не думайте, что это былъ я, — нѣтъ и нѣтъ! Воздайте должное бѣдному малому, не отнимайте у него его заслугъ! Не приписывайте его добродѣтелей такому шалопаю, какъ я.

„Итакъ, онъ отправилъ мое посланіе къ вамъ черезъ военную почту, а самъ отправился къ своимъ единовѣрцамъ, чтобы провести съ ними Святки, хотя сыны Аллаха едва ли слышали

о христіанскихъ праздникахъ Рождества и Крещенія.

„Одинъ дезертиръ, перебѣжавшій на наши позиціи, рассказалъ, что турки провѣдали о визитахъ глухонѣмого къ намъ и потому встрѣтили его съ большимъ подозрѣніемъ. Они внезапно стрѣляли изъ ружья у него надъ самымъ ухомъ и смотрѣли, не вздрогнулъ ли онъ. Они ставили его возлѣ большого орудія и начинали такую пальбу, что у бѣдняги отъ сотрясенія воз-

Колонія для дѣтей русскихъ добровольцевъ, сражающихся въ рядахъ французской арміи, въ Fontenay-aux-Roses близъ Парижа. Группа призрѣваемыхъ дѣтей съ директоромъ колоніи И. И. Фидлеромъ.

духа шла кровь изъ ушей и ноздрей. Онъ оказался взаправду глухимъ. Съ этой стороны онъ не опасенъ. Но, можетъ-быть, онъ не лишень дара рѣчи? Кто знаетъ, нѣмой ли онъ.

„Горячее желѣзо, прикладываемое къ различнымъ частямъ его тѣла, показалось достаточнымъ средствомъ, чтобы вырвать изъ него хоть словечко. Средство оказалось недействительнымъ, хотя онъ будетъ до самой могилы носить на тѣлѣ эти страшные ожоги. Они попробовали также вырвать у него два-три ногтя. Слезы градомъ катились у него по щекамъ, но онъ все же не промолвилъ ни слова, а только стоналъ и кричалъ. Тогда они убѣдились, что онъ дѣйствительно глухонѣмой, а не притворщикъ, — и стали молиться, чтобы ихъ миновалъ праведный гнѣвъ Аллаха за то, что къ страданіямъ несчастнаго, отмѣннаго Божьимъ перстомъ, они прибавили новыя муки. Они стали относиться къ нему съ преувеличенной нѣжностью, — такъ сообщилъ дезертиръ. Онъ снова сталъ бродить по турецкому лагерю, чуть только немного оправившись.

„Когда онъ появился на нашихъ позиціяхъ, его пальцы, у которыхъ были вырваны ногти, представляли собой сплошную язву. Рука была изъѣдена гангреней. Докторамъ пришлось отрѣзать его лѣвую руку. И тутъ случилось чудо: онъ заговорилъ!

ника, но я не могу отказать ему въ своемъ уваженіи, — и до гроба не оставлю его.

„Онъ говоритъ, что мы, — братья по крови, — прошли чрезъ тѣ же самыя ужасы, сражались въ однихъ рядахъ, имѣемъ одинаковыя раны. вмѣстѣ мы и выйдемъ въ отставку, въ виду непригодности для дальнѣйшей дѣйствительной службы. вмѣстѣ мы проберемся къ тому клочку земли подлѣ Адена, который служить намъ домомъ, — и, можетъ-быть, я расскажу вамъ о немъ еще кое-что, когда мы очутимся тамъ.

„Теперь два слова обо мнѣ самомъ. То мѣстечко, о которомъ я сейчасъ говорилъ, я увидѣлъ, проѣзжая по Красному морю, и думалъ о немъ всю дорогу, пока мы не пріѣхали въ Коломбо. Я не могъ изгнать его изъ своей головы. И едва сошелъ съ парохода, немедленно направился туда.

„Мнѣ страшно понравилась мѣстность, расположенная на высокомъ холмѣ, надъ самымъ моремъ, окруженная лѣсомъ. Почему мнѣ она понравилась, ей-Богу, не знаю, — можетъ-быть, потому, что тамъ жила одна женщина, съ которой я познакомился въ Аденѣ.

„И вотъ теперь это мѣсто — мой домъ. Эта женщина — моя жена. Если бы я привезъ ее въ Англію, многіе повернулись бы

Школьная подписка на военный заемъ въ Англіи.

Онъ заговорилъ — и горе проклятымъ мучителямъ, преступившимъ великую заповѣдь своего великаго пророка. Онъ выдалъ всѣ ихъ планы, описалъ расположеніе ихъ войскъ, батарей и резервовъ, съ такой аккуратностью, съ такой математической точностью, которой никакъ нельзя было ожидать отъ простодушнаго сына пустыни.

„Теперь онъ не человѣкъ, а развалина. Должно-быть, турки, заподозрѣвъ, что онъ шпионъ, плохо кормили его. Говорятъ, они давали ему всякую гниль и поили несвѣжей водой. Онъ заболѣлъ жестокой дизентеріей. Докторамъ пришлось-таки повозиться съ нимъ.

„Всѣмъ было любопытно узнать, какова его дальнѣйшая судьба, ибо, заговоривъ, онъ сообщилъ окружающимъ, что въ тысячу миль отъ Адена у него есть клочокъ земли, жена и тройка превосходныхъ ребятъ, которые ждутъ не дождутся его возвращенія.

„Тамъ онъ жилъ тихо и мирно послѣднія восемь лѣтъ, но, услышавъ, что грянула война, воспламенился, и его потянуло пойти и повоювать „за Георга“, — такъ называлъ онъ нашего короля, — фамильярность, быть-можетъ, простительная въ человѣкѣ, который былъ такъ долго нѣмымъ.

„По странной случайности, я и самъ живу неподалеку отъ Адена, и у меня есть жена и тройка превосходныхъ ребятъ, которые ждутъ не дождутся моего возвращенія. Мнѣ тоже отрѣзали руку. Я тоже страдалъ отъ жестокой дизентеріи. Не правда ли, мы страшно похожи? Конечно, я не въ правѣ сердиться на васъ за то, что вы не хотите признать высокой доблести моего двой-

къ ней спиной, ибо цвѣтъ ея кожи — не бѣлый. Но сердце у нея золотое. По духу она гораздо больше британка, чѣмъ многія ея бѣлыя сестры, называющія себя этимъ именемъ. Она не удерживала меня возлѣ себя, когда я сказалъ ей, что хочу воевать. Напротивъ, она облегчила мнѣ мое поступленіе въ армию, сказавъ, что и сама безъ меня сумѣетъ справиться съ нашей плантаціей.

„Къ сожалѣнію, она не умѣетъ ни читать ни писать, такъ что я не получалъ о ней извѣстій съ прошлаго лѣта. Я жаждалъ снова увидѣться съ нею и со своими дѣтьми. У меня двѣ дѣвочки и мальчишка. Какое мнѣ дѣло, что у нихъ темная кожа. Если бы у меня у самого не было темной кожи, — развѣ могъ бы я сдѣлаться хорошимъ шпиономъ... Вотъ я и проговорился, выдалъ вамъ весь свой секретъ, — но, скажите, что же мнѣ было дѣлать, чтобы послужить своей родинѣ! Строевыхъ приѣмовъ я не знаю. Если бы я вздумалъ пойти добровольцемъ, стали бы справляться о моей прежней судимости. Вотъ я и подумалъ, что въ качествѣ глухонѣмого я принесу наибольшую пользу. На этотъ разъ я игралъ свою роль лучше, чѣмъ тогда, въ вашей камерѣ. Тогда мнѣ нечего было терять. А теперь я съ удовольствіемъ думаю, что моя игра пригодились, что я хоть чуточку да помогъ нашей арміи.

„Теперь мнѣ пора уходить. Моя служба уже больше не надобна. Я сталъ инвалидомъ, пора на покой. Но я не одинокъ, дома меня ждутъ съ нетерпѣніемъ, и дай Богъ, чтобы каждого встрѣтили дома такъ горячо, какъ меня. Здѣсь будетъ награда за все. Всего хорошаго! Прощайте!“

Побѣгъ.

Разсказъ В. Ропшина.

Ефрейторъ Василій Антоновъ перекрестился и перепрыгнулъ черезъ заборъ. Вслѣдъ за нимъ перепрыгнулъ и казачій урядникъ Аѳанасій Овсяюкъ. Оба отбѣжали въ кусты и легли на сырую землю. Было очень темно. Изъ лагеря плѣнныхъ доносились слова вечерней молитвы.

— Кажись, никого,—сказалъ Антоновъ и, поднявъ голову, посмотрѣлъ на звѣзды.—Намъ сюда, вонъ на эту звѣзду.

Они встали и, перерѣзавъ конопляное поле, вышли на большую дорогу. Лагерь остался направо, и уже не было слышно солдатскаго „Отче нашъ“. Ночь была росистая, влажная. Въ травѣ звенѣли сверчки. Пахло медомъ. Антоновъ шелъ быстро, держась прямо, точно въ строю, и въ тактъ махая руками. Овсяюкъ, хотя и былъ выше ростомъ, едва поспѣвалъ за нимъ.

— Ложись, тебѣ говорю. За день здѣсь отлежимся, а ночью опять пойдемъ.

Овсяюкъ подумалъ и тоже легъ на траву.

Они спали до послѣ-полудня. Только когда июньское солнце, пробиваясь сквозь густую листву, начало жечь лицо, Антоновъ всталъ и, отыскавъ незамѣченный накануне ручей, напился теплой воды. Потомъ онъ опять заснулъ.

Вечеромъ они снова шли, уже безъ дороги, напрямикъ черезъ засѣянные поля, все на западъ, на зеленую, сверкающую въ небесахъ, звѣзду. Передъ разсвѣтомъ они услышали отдаленный и прерывистый рокотъ.

— Никакъ пушка?

— Пушка и есть.

Плѣнные.

По фот. С. Корсакова.

- Ты дорогу-то знаешь?
- Я тебѣ говорю: на звѣзду.
- Много ихъ, этихъ звѣздъ.
- Ладно, иди за мной.

Впереди заскрипѣла телега, и изъ-за поворота выѣхалъ нѣмецкій крестьянинъ.

Овсяюкъ остановился.

— Влопалнсь... Такъ и есть.

— Молчи...—отвѣтилъ Антоновъ и поздоровался:—Abend!

Телега проѣхала мимо, и еще долго по каменному шоссе стучали подкованные копыта. Антоновъ прибавилъ шагу. Теперь Овсяюкъ почти бѣжалъ рядомъ съ нимъ. Оба устали. Съ обоихъ катился потъ.

Такъ, не останавливаясь ни на минуту, они шли всю безконечную ночь. Когда надъ лугами за клубился бѣлый туманъ и подулъ предутренній вѣтеръ, Антоновъ сошелъ съ дороги и спустился въ лошину. Въ лошину было свѣжо, шуршалъ тростникъ, и взапуски кричали лягушки. Антоновъ оглядѣлся кругомъ и легъ.

- Ложись.
- Чего?

Они вошли въ перелѣсокъ и опять проспали до ночи. А потомъ снова шли по полямъ. Было холодно, и накрапывалъ дождь.

Утромъ Овсяюкъ сказалъ:

— Не могу больше. Третьи сутки не ѣлъ.

— Ну такъ что, что не ѣлъ?

— Не могу.

Антоновъ покачалъ головой:

— А еще тоже... казакъ...

Овсяюкъ, огромный, заросшій русою бородой, насупилъ сердито брови:

— Тебѣ ничего, а я большой, мнѣ и ѣсть надо больше... Сказано: не могу.

Въ сторонѣ, у проселка, въ дымчатой дождевой кнѣсѣ, виднѣлась одинокая ферма. Во дворѣ кудахтали куры. Мычалъ теленокъ. Остро пахло навозомъ. Антоновъ постучался въ окно. Дверь отворилась, и въ сѣняхъ показалась старуха,—сторбленая, въ сѣромъ платкѣ. Увидѣвъ солдатъ, она испуганно замахала руками.

— Morgen!—сказалъ Антоновъ и прибавилъ по-русски:—Не бойся, тетка, мы не тронемъ: мы русскіе.

Но старуха не понимала. Она подозрительно осматривала его. Тогда онъ перевелъ по-нѣмецки:

— Russen... Поняла?.. Russen...

Они оба были высокие, крѣпкіе, съ добродушными лицами и наивными, почти дѣтскими, голубыми глазами,—настоящіе сказочные богатыри. Старуха еще разъ, уже ласковѣе, взглянула на нихъ.

— Вы русскіе?

— Да, да...—радостно подтвердилъ Овсяюкъ.

Тогда она заговорила не по-нѣмецки, а по-французски:

— Я французженка. Я не нѣмка. Идите сюда. Идите.

И впустила ихъ въ домъ.

Они ѣли, какъ голодные, не ѣвше трое сутокъ, люди.—быстро, жадно, глотая куски и наскоро запивая сидромъ. Старуха заперла ставни и затворила двери на ключъ. Теперь она улыбалась.

А потомъ они спали на душистой соломѣ и, засыпая, слушали, какъ теленокъ ворочается въ хлѣву, и имъ спилось, что они дома, въ русской деревнѣ, и что завтра чуть свѣтъ надо ѣхать пахать.

Передъ разсвѣтомъ старуха просталась съ ними. Она вынула два серебряныхъ образка съ изображеніемъ Дѣвы Маріи.

— Да хранить васъ Господь!

Они кланялись и благодарили. А когда опять вышли въ поле, Овсяюкъ потрогалъ свой образокъ и мрачно сказалъ:

— Образокъ-то не нашъ...

— Чего?

— Образокъ, говорю, басурманскій.

— Богъ-то, небось, одинъ.

— То-то одинъ, а все-таки, какъ бы грѣха не вышло...

Въ ночномъ воздухѣ угрюмо вздыхали орудія. Иногда загорались огни—стрѣляли нѣмецкія батареи. Антоновъ сталъ на колѣни и ухомъ приложилъ къ землѣ. Онъ слушалъ. Онъ слушалъ, какъ слушаетъ лѣсной человѣкъ, крестьянинъ, выросшій въ сосновомъ лѣсу, среди необозримыхъ и тихихъ, всегда молчаливыхъ, полей. Овсяюкъ со вниманіемъ слѣдилъ за нимъ.

— Направо, въ деревнѣ, ихняя кавалерія.

— Много?

— Съ эскадронъ будетъ... Налѣво пушки. Прямо, должно-быть, траншея. Намъ сюда. Вотъ этой тропинкой,—рѣшилъ Антоновъ и, не колеблясь, пошелъ впередъ. Овсяюкъ бѣгомъ побѣжалъ за нимъ.

Они были въ тылу нѣмецкихъ позицій, но не встрѣтили никого. Пройдя съ версту, они легли и стали подвигаться ползкомъ. Антоновъ ползъ быстро, совершенно сливаясь съ землей. Овсяюкъ пытался и старался не отставать. Вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Проволока, чортъ ихъ возьми!

Въ гостяхъ у казаковъ. Офицеры „боевой“ сотни 50-го Донского казачьяго полка на позиціи. Снято подѣ обстрѣломъ противника. Въ центрѣ—жена командира сотни Т. Е. Ушакова. Съ палкой—сотрудникъ „Нивы“ Б. Курскій (псевдонимъ), тяжело раненый, но пріѣхавшій „погостить“ на позицію.

„Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“. Рѣдкій случай: уцѣлѣвшіе за два года войны офицеры К—го полка въ первый разъ за все время сошлись „поговорить“ о минувшемъ... Увы, ихъ мало осталось, но оставшіеся бодръ и полны готовности биться до конца. Снято въ фольваркѣ подѣ сильнѣйшимъ обстрѣломъ противника у Д.

Онъ дернулъ ногой, и въ ту же секунду звонко зазвенѣлъ колокольчикъ. Кто-то рядомъ, въ двухъ шагахъ отъ него, выстрѣлилъ въ темноту. Потомъ кто-то скомандовалъ:

— Halt!

Но они не остановились; они пробрались черезъ колючія загражденія, точно медвѣди черезъ лѣсную чащу. Руки и ноги ихъ были въ крови и платьѣ въ лохмотьяхъ. Теперь нѣмцы стрѣляли со всѣхъ сторонъ: сзади, справа и слѣва. Свистѣли пули, и жалобно звонили колокольцы. Антоновъ, продираясь, молился:

— Спаси, Господи... Спаси, Царица Небесная...

И Овсяюкъ повторялъ за нимъ:

— Спаси, Царица Небесная.

А потомъ они долго лежали въ глубокой и мокрой ямѣ, почти не смѣя дышать и не вѣря, что спасены. Когда забрезжилъ на востокъ разсвѣтъ, но солнце еще не взошло, Антоновъ осторожно взглянулъ, что дѣлается кругомъ. Онъ поднялъ голову и почувствовалъ сладковатый запахъ. Онъ понялъ, что это нѣмецкіе трупы, а значитъ французы недалеко. Гдѣ-то щелкнулъ ружейный замокъ. Антоновъ каплянулъ. И въ отвѣтъ уже не сзади, а впереди прокатился винтовочный выстрѣлъ. „Французы

палать“,—прошепталъ въ испугѣ Овсянюкъ, и въ то же мгновение надъ ямой внезапно взвилась ракета и повисла свѣчкой. Голубоватымъ сіяніемъ освѣтились изрытое снарядами поле и опушка лѣса, Овсянюкъ и Антоновъ вскочили и подняли руки вверхъ:
— Мы—русскіе... Русскіе... Русскіе...

Когда они наконецъ очутились во французской траншеѣ и ихъ окружили солдаты въ каскахъ и изсиня-сѣрыхъ шинеляхъ, Овсянюкъ заплакалъ, какъ маленький мальчикъ. Антоновъ снялъ шапку, перекрестился и, обращаясь къ французамъ, сказалъ:

— Слава Богу... За союзниковъ. За Францію. За Россію.

Западный фронтъ.

На пути къ врагу. Отправка разрывныхъ гранатъ въ траншею.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Достройка „стѣнъ“.

Румынская операція продолжаетъ быть въ настоящій моментъ центромъ тяжести мировой войны. По мѣрѣ того, какъ вступала въ свои права осень, эта операція получала все большее и большее развитіе, и въ связи съ постепеннымъ наблюдающимся затихшемъ на главныхъ фронтахъ войны, на румынскихъ театрахъ стали скопляться все большія и большія силы обѣихъ сторонъ.

При такихъ условіяхъ, положеніе Румыніи несомнѣнно представлялось серьезнымъ, что, однако, слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что румынскіе театры войны должны были стать въ теченіе нѣкотораго, довольно значительнаго, періода времени ареной главной и весьма ожесточенной борьбы весьма большихъ силъ обѣихъ коалицій.

Война, затянувшаяся уже на третій годъ, начинаетъ пріобрѣтать, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, нѣкоторую законмѣрность. Мы уже по опыту знаемъ, что весной и лѣтомъ разыгрываются ожесточенныя операціи на главныхъ фронтахъ войны, осенью на нихъ наступаетъ затишье, но зато разыгрываются весьма важныя и серьезныя операціи на второстепенныхъ театрахъ, главнымъ образомъ на Балканахъ, и, наконецъ, въ теченіе двухъ-трехъ зимнихъ мѣсяцевъ наступаетъ нѣкоторое затишье почти на всѣхъ фронтахъ войны, гдѣ обѣ стороны накапливаютъ новыя силы для слѣдующаго, такого же колоссальнаго, этапа борьбы.

Поэтому не нужно было быть какимъ-либо пророкомъ, чтобы еще въ августѣ ожидать, что и нынѣшней осенью получатъ весьма большое развитіе стратегически и политически важныя операціи на Балканахъ, и изъ нихъ, въ первую голову, на румынскихъ фронтахъ войны, гдѣ противнику, прежде всего, при-

дета считаться съ такимъ новымъ факторомъ, какъ выступленіе полумиллионной арміи нашихъ союзниковъ.

Однако, независимо отъ этого, надлежитъ всегда исходить изъ того особаго положенія, въ которомъ находится Австро-Германія вслѣдствіе значительныхъ потерь, понесенныхъ ею за два года войны. Эти потери подразумеваютъ основную идею нынѣшней германской стратегіи, заключающуюся въ необходимости обязательно стремиться къ занятію „короткихъ фронтовъ“,—ибо съ меньшими силами можно надѣяться успѣшно оборонять лишь меньшіе фронты. Каждая лишняя сотня верстъ фронта ложится тяжелымъ грузомъ на германскую стратегію, вслѣдствіе замѣтнаго уменьшенія силъ Австро-Германіи, и, прежде чѣмъ задумывать какую-либо наступательную операцію, немцы должны предварительно искать „короткіе фронты“. Только съ занятіемъ „короткихъ фронтовъ“, только съ такимъ нѣкоторымъ обезпеченіемъ своихъ оборонительныхъ линій, противникъ можетъ начать помышлять о томъ, чтобы гдѣ-либо съэкономить войска и создать ударную массу для какой-либо наступательной операціи.

Такимъ образомъ, послѣ двухъ лѣтъ войны, германская стратегія оказалась всецѣло подъ знакомъ „сокращенія фронта“ и прежде и раньше всего вынуждена стремиться къ этому, а потомъ уже только можетъ замышлять какія-либо наступательныя операціи.

При такихъ условіяхъ, операціи на Балканахъ должны были получить весьма большое развитіе не только потому, что въ осеннее время, вслѣдствіе затишья на главныхъ фронтахъ, является возможнымъ свезти значительныя силы на Балканы и искать тамъ разрѣшенія какихъ-либо политическихъ или частныхъ стратегическихъ задачъ. Эти операціи на Балканахъ должны были получить развитіе также и потому, что у ослабленнаго про-

тивника, именно в период, когда он понес весьма большие потери в течение лета, появились новые 1.100 верст румынских фронтов (600 верст трансильванского фронта и 500 верст румыно-болгарской границы, от Ореовы до побережья Черного моря в Добруджѣ). Если к этому добавить, что граница Румынии с Трансильванией имѣет такое очертание, что охватывает южную оконечность всего восточного фронта, нынѣ протягивающегося от Балтійскаго моря до Дуная, то неизбежность крупных и важных операций противника станет еще болѣе понятной.

Такимъ образомъ три фактора — осеннее затихше на главныхъ фронтахъ, затѣмъ 1.100 верст новыхъ для противника фронтовъ и, наконецъ, охватывающее очертание румынской границы обуславливали неизбежность крупныхъ операций на румынскихъ фронтахъ войны. Этого, конечно, не могли не видѣть румыны, прежде чѣмъ присоединиться къ коалиціи державъ согласія, и, очевидно, какъ они, такъ и союзники считались съ неизбежностью того, что, вѣ случаѣ присоединенія Румыніи, границы этой новой союзницы неизбежно станутъ районами главнѣйшихъ операций, — по крайней мѣрѣ, вѣ теченіе перваго и притомъ довольно значительнаго по времени періода. Это, вѣ свою очередь, подразумевало, что на румынскихъ фронтахъ обозначится не только сильный натискъ противника, но и соответствующее противодействие со стороны союзниковъ, ибо, какъ мы отмѣчали выше, было вполне ясно, что здѣсь, во всякомъ случаѣ, осенью должны произойти крупные событія.

Такимъ образомъ надо было ожидать не только крупныхъ событій, но и накопленія крупныхъ силъ обѣихъ сторонъ на румынскихъ фронтахъ.

Такъ какъ противнику приходилось, прежде всего, считаться съ тѣмъ, что къ его безконечнымъ фронтамъ прибавилось еще 1.100 верст румынскихъ фронтовъ, а между тѣмъ силы его ослаблены, — то, естественно, что первыя операции противника должны были быть направлены къ столь необходимому для него „сокращенію фронта“. Этими и объясняется какъ наступательная операция Фалькенгайна вѣ Трансильваніи, такъ и наступательная операция Макензена вѣ Добруджѣ. Изъ карты нетрудно видѣть, что такое движеніе противника изъ Трансильваніи и вѣ Добруджѣ подразумевало его стремленіе вмѣсто 1.100 верст фронта, который образуется обводомъ всей границы Румыніи, прийти къ фронту верстъ вѣ 400, который долженъ былъ, по мнѣнію противника, образоваться прямой линіей, протягивающейся отъ Буковины до Констанцы черезъ Румынію. Для 1.100-верстнаго фронта у противника не могло хватить новыхъ войскъ, при потеряхъ его за два года войны, но 400 верст противникъ,

Командующій флотомъ Балтійскаго моря вице-адмиралъ А. И. Непенинъ.

очевидно, рассчитывалъ оборонять съ достаточнымъ успѣхомъ.

Если далѣе взглянуть на карту, то можно видѣть, что упомянутое выше стремленіе Фалькенгайна и Макензена къ соединенію, для образованія болѣе короткаго, 400-верстнаго фронта, отъ Буковины до Констанцы, не могло быть осуществлено при помощи даже весьма большого развитія операций Макензена. Намъ уже приходилось отмѣчать показанную на картѣ широкую полосу болотъ на Дунаѣ, у границы Добруджи, и эти болота не только не допускали для Макензена возможности перебраться черезъ Дунай, изъ Добруджи вѣ Румынію, но не допускали вообще никакого выдвигенія впередъ Макензена изъ Добруджи. Этотъ „стратегическій тупикъ“, ограниченный съ двухъ сторонъ болотами, идущими по Дунаю, а съ третьей стороны — Чернымъ моремъ, „запиралъ“ Макензена вѣ Добруджѣ, и, вѣ силу этой „ограниченности“, его операция не могла имѣть сколько-нибудь крупнаго стратегическаго значенія. Операция вѣ Добруджѣ могла имѣть весьма большое стратегическое значеніе для союзниковъ, такъ какъ имъ нужно было наступать вѣ ту четвертую сторону, которая была открыта, — вѣ сторону Болгаріи. Однако, такъ какъ операция сложилась такимъ образомъ, что обо-

значилось наступленіе противника, то театръ Добруджи, вѣ силу тѣхъ условій, вѣ которыхъ находился тамъ противникъ, сразу потерялъ свое значеніе.

Этимъ и объясняется, что изъ двухъ операций — Макензена и Фалькенгайна — главной стала операция Фалькенгайна, ибо послѣдней, хотя и долженъ былъ наступать по крайне труднодоступной мѣстности Трансильванскихъ Альпъ, но все же по мѣстности одолимой, и притомъ намѣчалъ попытку продвинуться на соединеніе съ Макензеномъ, для образованія того короткаго, 400-верстнаго фронта, между Буковиной и Констанцей, о которомъ мы говорили выше. Такимъ образомъ стремленіе противника образовать упомянутый выше 400-верстный фронтъ могло быть „теоретически“ осуществлено лишь за счетъ продвиженія Фалькенгайна, а не за счетъ продвиженія Макензена.

Таковы тѣ условія, которыя, во-первыхъ, свели на осенній періодъ всѣ важнѣйшія операции европейской войны къ операциямъ на румынскихъ фронтахъ, а изъ этихъ двухъ румынскихъ фронтовъ, вѣ свою очередь, свели всѣ операции къ единой главнѣйшей операции — операции Фалькенгайна на путяхъ изъ Трансильваніи вѣ Румынію. Сколь это ни кажется неожиданнымъ, но это было именно такъ, и узелъ европейской войны оказался осенью завязаннымъ на значительно второстепенномъ трансильванско-румынскомъ фронтѣ, гдѣ шла весьма важная борьба за то, чтобы не дать ослабленнымъ арміямъ противника занять

На казакскомъ фронтѣ.

Пѣхотные наблюдатели на высотѣ 2.000 метровъ у Калкита.

выгодный для них и единственно возможный для их обороны короткой фронт.

Еще далѣе мы можем наблюдать, что противник, доведя въ свое время фронтъ на западъ до его естественныхъ предѣловъ,—Сѣвернаго моря на одномъ концѣ и нейтральной Швейцаріи—на другомъ концѣ,—стремился создать такіе же естественные предѣлы для фронта на востокъ, такую же перегордку, прорѣзавшую и на востокъ Европу отъ моря до моря. Если учесть нейтралитетъ Швейцаріи и непригодность этой страны, какъ театра для крупныхъ операцій, то, учитывая также итальянскій фронтъ, можно видѣть, что на западъ Европа перегорожена поперекъ стѣной, протягивающейся отъ Сѣвернаго моря до Адриатическаго. Теперь противникъ, очевидно, стремится докончить построение такой же стѣны и на востокъ. Дотянувъ прошлой весной одинъ конецъ своего фронта до Балтійскаго моря, онъ дотягиваетъ теперь другой конецъ своего фронта до Чернаго моря.

Если бы когда-либо до войны кто-нибудь сказалъ, что въ будущемъ европейскомъ столкновении будутъ выстроены двѣ „китайскія стѣны“ на западъ и на востокъ,—одна отъ Сѣвернаго моря до Адриатическаго, а другая отъ Балтійскаго моря до Чернаго, и что, перегордивъ такимъ образомъ Европу поперекъ двумя стѣнами, Германія будетъ обороняться,—безусловно никто бы этому не повѣрилъ, и всякому бы такая идея показалась смѣхотворной. Когда-то наивное искусство Китая создало знаменитую „китайскую стѣну“, но о томъ, что къ такому приему прибѣгнуть культурнѣйшіе народы середины Европы, и что осмѣянная идея „австрійскаго кордона“ возродится въ такомъ широкомъ масштабѣ,—объ этомъ не могли помышлять никакіе „стратегическіе мудрецы“.

Казакъ Оренбургскаго казачьяго полка Николай Петровичъ Пономаревъ, Звѣриноголовской станицы, Челябинскаго уѣзда. Получилъ всѣ боевыя отличія и произведенъ въ прапорщики.

Карточная система.

(Вопросы внутренней жизни).

Переживаемыя въ связи съ войною тяжелья продовольственныя затрудненія отчасти объясняются и недостаткомъ умѣлой организаціи, но въ извѣстной мѣрѣ представляютъ собою и вполне естественное послѣдствіе чисто-стихійныхъ причинъ, совершенно независимыхъ отъ чьей-нибудь злой воли или нераспорядительности. Россія еще не оскудѣла ни хлѣбомъ, ни крупами, ни запасами овощей, яицъ, масла, и у нея найдется вполне достаточно продовольствія для питанія арміи и населенія, но нѣкоторые продукты, успѣвшие сдѣлаться предметомъ первой необходимости, какъ, на примѣръ, сахаръ, дѣйствительно имѣются въ очень ограниченномъ количествѣ. Причиной недостатка сахара служить прежде всего временное занятіе неприятеlemъ юго-западныхъ районовъ, въ которыхъ расположена большая часть крупныхъ сахарныхъ заводовъ, а затѣмъ затрудненія въ уборкѣ плантацій сахарной свекловицы, благодаря которымъ значительная часть прекраснаго урожая осуждена на гибель. Даже при усиленномъ расширеніи кievскихъ, одесскихъ, полтавскихъ и другихъ сахарныхъ заводовъ они при недостаткѣ свекловицы едва ли смогутъ выработать достаточно количество сахара, котораго хватило бы на удовлетвореніе всего рыночнаго спроса внутри

имперіи, на вывозъ въ Финляндію, Персію и азиатскія страны.

Недостатокъ въ самомъ предложеніи и въ выработкѣ продукта, ставшаго предметомъ общей потребности, вынуждаетъ поставить вопросъ о справедливомъ и равномерномъ распределеніи его между всеми гражданами имперіи. Государство не можетъ сдѣлать нужнымъ каждому обывателю сахаръ предметомъ свободной купли-продажи, при которой болѣе богатые потребители получали бы его въ неограниченномъ количествѣ по повышеннымъ цѣнамъ, а болѣе бѣдные оставались бы совершенно безъ сахара. Задачи и глубоко-демократическій морально-гражданскій смыслъ карточной системы заключаются именно въ томъ, что она не допускаетъ захвата необходимаго для всѣхъ гражданъ продукта наиболѣе состоятельными, экономически сильными группами населенія, но обезпечиваетъ за каждымъ потребителемъ право купить его по установленной цѣнѣ въ равномъ количествѣ. Право на приобретение продукта устанавливается уже не наличностью достаточнаго количества денегъ, а нормами чисто гражданско-правового характера. Власть капитала, власть богатства, до сихъ поръ безграничная на рынкѣ, съ введеніемъ карточной системы сразу ограничивается государственною властью по чисто-нравственнымъ мотивамъ и соображеніямъ. Пока необходимаго продукта—сахару, хлѣба и проч.—имѣется на рынкѣ сколько хочешь, каждый можетъ получить его въ неограниченномъ количествѣ, но, если его немного, тогда онъ долженъ быть раздѣленъ по-братски. Карточная система кладетъ конецъ единовластному господству въ сферѣ экономическихъ отношеній денегъ и вводитъ въ дѣйствіе другіе принципы, другія общественныя начала. Вліянія и полноту ихъ приложенія не могутъ ограничиться однимъ снабженіемъ сахарными запасами. Суровая необходи-

мость заставила насъ признать колоссальное общественное значеніе торговыхъ операцій. Купля и продажа продуктовъ продовольствія и предметовъ первой необходимости получила характеръ не частной сдѣлки между продавцомъ и покупателемъ, а важнаго государственнаго дѣла. Власть почувствовала себя отвѣтственной за снабженіе населенія всѣмъ, что необходимо для его жизни и напряженной работы въ тылу арміи, и сдѣлала доставку продуктовъ потребителямъ задачей своего государственнаго служенія. Сахаръ и мясо, въ сущности, представляются единственными предметами, нуждающимися для правильнаго распределенія ихъ въ введеніи карточной системы, потому что количество ихъ, могущее быть выпущеннымъ на рынокъ, весьма ограничено. Что же касается муки, масла, яицъ, овощей и прочихъ продуктовъ, то ихъ непозволительная дороговизна и временный недостатокъ ихъ на рынкѣ объясняются исключительно недостаткомъ выдержанной организаціей поставокъ и неспособностью административныхъ и общественныхъ дѣятелей бороться съ вредною работою мародерствующей спекуляціи. Энергичное вмѣшательство въ продовольственный вопросъ высшей военной власти и новыя теченія, создавшіяся за послѣднее время въ этомъ направленіи въ правительственныхъ сферахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что продовольственный вопросъ будетъ поставленъ у насъ ребромъ и дождется наконецъ радикальнаго рѣшенія.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Вердены. Разсказъ Георгія Павлова.—Вальтеръ Гринвай, шпіонъ. Разсказъ Роберта Хольмса, полицейскаго священника.—Объявленія.—Отлики войны.

РИСУНКИ: Вѣсточка отъ сына. Картина Н. Богданова-Бѣльскаго.—Иллюстраціи В. В. Спасскаго къ разсказу Георгія Павлова „Вердены“.—На салонскомъ фронтѣ.—На западномъ фронтѣ.—Колонія для дѣтей русскихъ добровольцевъ, въ Fontenay-aux-Roses близъ Парижа (2 рис.).—Школьная подписка на военный заемъ въ Англии.—Плѣнные. По фот. С. Корсакова.—Въ гостяхъ у казаковъ.—Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они*.—Западный фронтъ. На пути къ врагу.—Командующій флотомъ Балтійскаго моря вице-адмиралъ А. И. Непенинъ.—На кавказскомъ фронтѣ. На высотѣ 2.000 метровъ у Калкита.—Казакъ Н. П. Пономаревъ.

Къ этому № прилагается сочин. Шарля де-Костера: „Уленспигель“ книга 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 44

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Политики и современной жизни

Выданъ 29-го октября 1916 г.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 2) к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарейль въ одинъ столбецъ (въ 14 пиризмъ страницъ) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 32.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Освобожденный отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

5^{1/2}/₀

**Государственный
ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ.
ВТОРОЙ выпускъ 1916 г.,**

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА
НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЬ

3.000.000.000 рублей,

трия серіями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ **5^{1/2}% годовыхъ**, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1 апрѣля и 1 октября. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1 октября 1926 года.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

*въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ:*

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ,
Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,

Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ,
Русско-Голландскомъ,
Союзномъ,
Московскомъ Купеческомъ,
Соединенномъ,

съ 1 ноября

по 30 декабря

с. г.

ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

Московскомъ Промышленномъ (б. И. В. Юнкеръ и К^о),
 Московскомъ,
 Московскомъ Торговомъ,
 Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,
 Московскомъ Учетномъ,
 Московскомъ Народномъ,
 Коммерческомъ въ Варшавѣ,
 Кавказскомъ,
 Киевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
 Одесскомъ Учетномъ,
 Рижскомъ Коммерческомъ,

Ростовскомъ н/Дону Купеческомъ,
 Тифлисскомъ Купеческомъ,
 Центральномъ Банкѣ Обществъ Взаимнаго Кредита,
 Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита
 и въ банкирскихъ конторахъ и домахъ:
 Бр. Джамгаровыхъ, въ Петроградѣ и Москвѣ,
 Лампе и К^о, въ Петроградѣ,
 Г. Лѣсина, въ Петроградѣ,
 Э. М. Мейеръ и К^о „
 Маврикія Нелькенъ „
 Г. Волкова съ С-ми, въ Петрогр. и Москвѣ,
 М. Ашкенази, въ Одессѣ.

съ 1 ноября

по 30 декабря

с. г.

включительно.

*въ Казначействахъ (постоянныхъ),
 въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обществахъ взаимнаго кредита, въ тѣхъ Городскихъ и Земскихъ Управахъ и Нотаріальныхъ конторахъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,*

*въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
 въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и
 въ полевыхъ Казначействахъ*

съ 1 ноября 1916 г.
 по 31 января 1917 г.
 включительно.

Подписная цѣна назначается въ 95%, съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1 октября с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 руб., а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита — свыше 200 руб., уплата можетъ быть разсрочена съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50% — не позднѣе 31 января 1917 года.

Въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ, гдѣ введена ссудная операція, для подписки на новый заемъ могутъ быть открываемы въ предѣлахъ, не превышающихъ сумму взносовъ по подпискѣ, льготные кредиты по 1 января 1918 года подъ залогъ облигацій всѣхъ государственныхъ займовъ, выпущенныхъ съ начала войны до сего времени.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ изъ льготнаго процента въ 5^{1/2}% годовыхъ по срокъ 1 января 1918 года. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 88% номинальной суммы.

Означенныя ссуды могутъ быть получаемы на льготныхъ условіяхъ и въ частныхъ банкахъ.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплата денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, невралгенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРО-
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

8097
10 11

Новыя РУССКІЯ изданія КЛАССИКОВЪ въ томахъ

(Бахъ, Бетховенъ, Моцартъ, и др.) подъ редакціей извѣстныхъ музыкальныхъ авторитетовъ.
Каталоги—**бесплатно.**
Музыкальное издательство въ Москвѣ, П. ЮРГЕНСОНА, Неглинный пр., 14.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научно заочно красиво и скоро писать. За 5 десятковъ марокъ высылаю образцы шрифтовъ почерки учениковъ вселюбія. Одесса. Професс. каллиграфъ. Адольфъ КОССОДО, Дербасовская, д. № 19.

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРИЯТНЫЙ КРЕМЪ

Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обильно кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдуетъ, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучшее всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стодбертъ и К^о.

БЕЗЪ ЗАПАХА ЗНАМЕНИТЫЙ
Депиляторъ
Д-р РИБО въ ПАРИЖѢ
БЪРНИШЕЕ СРЕДСТВО
ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ ВОЛОСЪ НА ТѢЛѢ ВЪ ПЯТЬ МИНУТЪ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коробка 2 р. 50 к. Оптовые склады: въ Москвѣ: 1) Апп. Общ. К. Эрманъ и К^о, Тверская, д. Фальцъ-Фейна. 2) Н. Г. Зималъ, Софінка, 9. Въ Петроградѣ: 1) В. Гофманъ и К^о, Казанская, 29. 2) Т-во Бр. Иссерлинъ, Лиговская, 57. Въ Одессѣ: Н. Аудерскій, Дербасовская, № 25.

МАРКА СИМОНЪ ДЛЯ ВСЕХЪ РОССІИ. Ю. К. КАРЛОВИЧЪ МЕЛО. СТОЛЫПНИНСКАЯ, 16

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО? Руководство въ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Руководство для газетныхъ корреспондентовъ. Постоян. крупн. побочн. заработокъ. Цѣна 1 руб. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (i)

РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

для лѣчебныхъ цѣлей продаются въ конторѣ, Петроградъ, Вас. Остр., 15 лин., д. 48, тел. 139—90 и высылаются наложеннымъ платежомъ и въ аптекахъ въ Ессентукахъ, Кисловодскѣ и Пятигорскѣ. Цѣна 1 пакета 8 р., 1/2 пакета 4 р. 50 к. Желающимъ контора высылаетъ проспекты.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благодаря чему является незаменимымъ средствомъ при различныхъ желудочныхъ заболѣваніяхъ, а также рекомендуется для грудныхъ дѣтей старшаго возраста.

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 12 по ТРЕБОВАНІЮ БЕСПЛАТНО.
Англ. Акц. О-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“ (Россія)
МОСКВА. Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА
А. КОТОМКИНЪ-САВИНСКІЙ.
„КНЯЗЬ ВЯЧКО и МЕЧЕНОСЦЫ“
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА
изъ эпохи войнъ XIII-го столѣтія—завоеваніе нѣмцами Прибалтійскаго края.
ПОСВЯЩАЕТСЯ АВГУСТЪИШЕМУ ПОЭТУ
И. Р.
Цѣна одинъ рубль.
Складъ изданія: при Конторѣ журнала „НИВА“, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и МЫЛО Кремъ Симонъ (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и Кремъ Симонъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON
59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ; который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==
Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

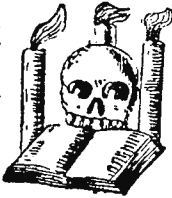
Лабораторія КАЛЪТОКО,
МОСКВА. Отд. 1. Е. М.

Волосы!

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшим источникам и содержит в себе множество удивительных фокусов. Заморозить воду в жаркое летнее время. Заставить снег гореть в блюде. Произвести молнию в комнате, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы в полчаса. Газовать ниткой стекло. Получить облако в комнате. Взять голыми руками раскаленное железо. Карточные фокусы. Эти замечательные фокусы делаются без всяких аппаратов. Превратить железный прут в свечу. Зажечь сухія дрова водой — множество других удивительных фокусов. Во время исполнения фокусов можно каждый дом превратить в волшебный замок. Новейшее полное издание. Всего фокусов в книге около 300. Цена с пересылкой нолж. платеж. 1 р. 35 к. Адрес: Петроград, Съезжинская ул., № 40, в редакцію журнала «Отклики Жизни».

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обучение. Бесплатная премия. Каллиграфия, стенография, правописание и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Леготные условия подписки и **БЕСПЛАТНО.** пробная лекція. Адрес: Петроград, «Кругъ Самообразования». Б. Ружейная, 7—55.

!!ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ!!

ЗАЙТЕ ДЕТЯМ ЗАНЯТИЯ И ЗАБАВУ. За 3 р. 50 к. выслать почтов. нолж. плат. для вырван. и склеиван. 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигур) или 2) Аэро-гидроплан, санит. повозка, бронир. автомобиль, дрездоту. крейсеры, пародше, пушки, миноносец, санит. автомоб. вагоны, изъ живни народ., птицы, зѣбри. 4386 жпозитивы. Контора «ЗАНЯТИЯ И ЗАБАВА», 17, г. Гатчино, Петроград. гвб. Богоутовская ул. 57

Я САМЪ — ХОЗЯИНЪ.

Кто желает без затраты капитала заняться промышленностью, должен выписать книгу: «Я самъ-хозяинъ», содержащую описание прибыльных производств, которыя в настоящее время будутъ иметь особый успехъ. Заняться любимъ можно немедленно каждый. Цена 2 р. 75 к. **МОСКВА**, изд-ство «ЛУЧЪ», Печатниковъ пер., 18/2. (1)

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОК !

ПРЕВІЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. «Вишневый садъ». Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цена съ перес. 40 к.

ГДѢ И КАКЪ

получить право, не отрыв. отъ своихъ занятій, на ношение **НАГРУДНЫХЪ ЗНАКОВЪ**, **ЧИНОПРОИЗВ.**, **ПОЧЕТИ**. 4223 ГРАЖД. и др. выпр. (2)

«Справочникъ Благотворенія», съ прилож. до 50-ти рис. **ОБРАЗЦОВЪ ЗНАКОВЪ**, выдав. разл. учрежд., высл. нолж. плат. на 5 р. Треб. адр.: **Петроградъ**, Литейный, 59—18. Скл. изд. «Справочн. Благотв.».

ДОМАШНЕЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ САХАРА.

Простой и легкой способ домашнего изготовления сахара, песчаного, кускового, постного, искус. меда, сиропов изъ всюду имѣющихся материалов, безъ всякихъ особыхъ приспособлений, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ и необходимо въ каждомъ домѣ. Цена ТРИ р. 25 к. (1)

Москва, изд-ство «ЛУЧЪ», Печатниковъ пер., 18/2.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаний. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошей зароботокъ. Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:

- 1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—75 к.
- 2) Изгот. аккумуляторовъ—60 к.
- 3) Изгот. сухихъ батареекъ—45 к.
- 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаци—75 к.
- 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—60 к.
- 6) Гальванопластика, никкелинг., золот. и пр.—1 р. 40 к.
- 7) Устр. динамо-маш. и электрo-мотор. до 500 уаттъ—1 р. 70 к.
- 8) Устр. вольтметр., амперметр., реостат. и пр.—1 руб.

Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—20 к., до 3 р.—25 к. и т. д. За нолж. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.

— **Всѣ 8 руковод. высыл. за 7 р. 60 к.; съ нолж. плат.—7 р. 75 к.** —

Перспекты и отзывы высылаются бесплатно.

Адрес: Техн. М. А. БОГОЛЬВОВУ, Москва, Бол. Мозинский пер., д. 4—65. (1)

При ГОНОРРЕЪ ТИЗЕРИНЪ

въ острой и хронической формѣ и послѣдствіяхъ ея приѣмляется Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреден. Цена 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д ру Гороховской, Москва, Дамск. пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецпт. врачей.

Поставщикъ Е. Н. В. Государыни Императрицы Александры Веедоровны. ФАБРИКА ЧАСОВЪ ТОРГОВАГО ДОМА

Г. МОЗЕРЪ и К^о.
(Основ. въ 1826 г.).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Для устранения случаевъ злоупотребленія некоторыми торговцами названіемъ нашей фирмы, считаемъ необходимымъ рекомендовать желающимъ приобрести часы нашей фабрики обратить особенное вниманіе на то: помѣщимъ ли на предлагаемыхъ карманныхъ часахъ въ имѣющихся на нихъ клеймахъ и надписяхъ на французскомъ языкѣ передъ фамиліей **MOSER & Co**, буквы «**NY**» или «**N**», такъ какъ только съ такими клеймами и надписями часы являются дѣйствительными изделиями нашей фабрики

Магазины **Г. МОЗЕРЪ и К^о** имѣются только:

въ **Петроградѣ**: Невскій пр., 26—4; въ **Москвѣ**: Кузнецкій мостъ, 12—4; въ **Кіевѣ**: Крещатикъ, 29—4; на **Нижегородской ярмаркѣ**: На Главной площади.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства «БЛАГО», Вы безусловно **БЫСТРѢ** и **УСПѢШНѢ** достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранее можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженій

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство «БЛАГО» успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробно со всѣми нашими изданіями, выберите:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на авансіи вольноопредѣляющагося, классный чинъ, антек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 томовъ по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, коммерч. корресп., коммерч. ариметики, товаровѣд., банков. дѣла, финанс., биржи и т. д. и т. д.

НАРОДНАЯ ШКОЛА 10 том. по 112—128 стр. для безграм. и малограм.

Пособіе по русскому языку. 4 тома — 9 руб.

Бухгалтерія. 4 тома — 6 руб.

Коммерч. Корреспонд. Русская, Франц., Англійск. Каждая по 1 руб. 50 коп.

Коммерческая ариметика. 1 руб. 50 коп.

Арием. задачникъ, Алгебраич. задачи. По 2 р

Библиотека языкознанія. Для усовершенст. въ яз. фр., англ. и нѣм. по 45 к. за кн.

Краткій преспектъ БЕСПЛАТНО.—Подробный 15 к.

Корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазозав. ул., с. д. № 18.

Собств. магазины } **ПЕТРОГРАДЪ**, Невскій 65;
(для проживающихъ въ } **МОСКВА**, Мясницкая 18.
Москвѣ и Петроградѣ): }

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаеъ Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. зароботной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажн, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «**ВИКТОРИЯ**», предлагаютъ лучшія цѣны. «**ВИКТОРИЯ**» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «**ВИКТОРИЯ**» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщикоъ. Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Зароботокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11в.

ЖИВНА

№ 44. Выходитъ ежедн. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 29 октября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 29 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Открыта подписка на „НИВУ“ 1917 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

М. ГОРЬКІЙ (первая серія книгъ)
С. Я. НАДСОНЪ (полное собраніе сочиненій)

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ (третья серія книгъ)
СЕРВАНТЕСЪ (Романъ „ДОНЪ-КИХОТЪ“)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Верденъ. Разсказъ Георгія Павлова.—Въ часовнѣ. Стихотвореніе Ил. Сахарова.—Ведомое судью. Разсказъ А. В. Антонова. — Съ западнаго фронта. Разсказы В. Ропшина, Г. Барси. П. Разсказъ матроса. — Встрѣча. Стихотвореніе Елены Федотовой.—Объявленія.

Р И С У Н К И: На развѣдкѣ. Рис. нашего военнаго корреспондента М. Авилова.—Главноуправляющій здравоохраненіемъ тайный совѣтникъ Г. Е. Рейнь. Военный генералъ-губернаторъ занятыхъ по праву войны областей Австро-Венгріи генералъ-адъютантъ Ф. Ф. Треповъ.—Церковь, вывезенная изъ австрійскаго лагеря на рѣкѣ Кивѣ.— Душа Вердена. Побѣдоносный городъ румын.—Иллюстраціи В. В. Спасскаго къ разсказу Георгія Павлова „Верденъ“.—Бѣженцы. Рис. С. Колесникова. — Иллюстраціи къ „Тялю Уленспигелю“ (4 рис.).—Братская могила. Фот. С. Корсакова.—Развѣздъ. Рис. М. Безроднаго.—Англійское учебное судно. Прибытіе русскихъ войскъ въ Салоники.—На англійскомъ фронтѣ (2 рис.).—Французскій блиндированный поѣздъ, вооруженный тяжелыми орудіями.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 32.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

„Румынская“ операція и „Верденъ“.

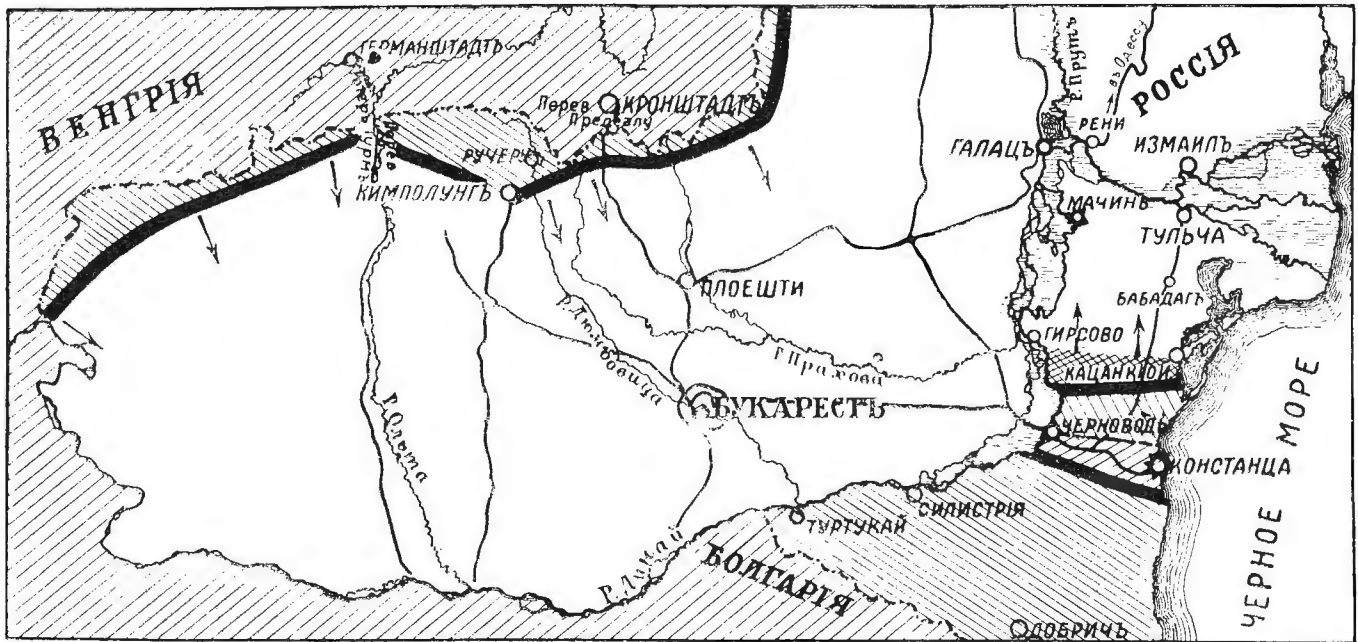
Когда обозначились двѣ наступательныя операціи противника въ Румынію, одна съ юга. Макензена, въ Добруджѣ, а другая съ сѣвера, Фалькенгайна, на путяхъ изъ Трансильваніи въ Ва-

лахію. — естественно, возникъ вопросъ, въ какомъ направленіи должно быть сосредоточено главное и наибольшее сопротивленіе для того, чтобы не дать противнику возможности выполнить намѣченную имъ главную задачу — соединеніе арміи Фалькенгайна и Макензена. Эта задача, какъ мы отмѣчали въ предыдущей

На развѣдкѣ.

Рис. нашего военнаго корреспондента М. Авилова.

Карта румынского фронта.

статья, подразумевала стратегическую цель — „укоротить фронт“ и, вместо длинного, 1000-верстного фронта, образуемого обводом всей румынской границы, создать относительно небольшой фронт в 400 верст, идущий по прямой линии сквозь Румынию, от Буковины до устья Дуная.

Вполне естественно, что, при наличии этих двух операций, — трансильванской Фалькенгайна и добруджанской Макензена, наиболее правильным было сосредоточить все усилия против группы Фалькенгайна, так как перед последним не было никаких естественных препятствий на пути в Румынию, а перед Макензеном, на пути к Букаресту, лежала столь трудно проходимая преграда, как широкий Дунай, окаймленный, вдобавок, широкой болотистой долиной, в 10—15 верст шириной.

Макензену для того, чтобы проникнуть из Добруджи в Румынию, нужно было не только переправиться через Дунай, но еще далее переправиться по узкой дамбе, длиной в 10—15 верст, идущей по болотистой полосе, примыкающей к Дунаю. Если переправа через Дунай всегда была крайне трудным делом и однажды даже не удалась Наполеону, то в данном случае в Добруджу — эта переправа была еще во много раз труднее, ибо нужно было преодолеть не только 1—1½ версты широкого водного пространства Дуная, но и преодолеть еще, как мы указывали выше, 10—15 верст болота. Следовательно, в общем, нужно было переправляться через водно-болотистое пространство, шириной в общей сложности более 10 верст, т. е. через пространство в несколько раз большее, нежели обычная ширина Дуная.

Конечно, на войне, в общем, нет ничего невозможного, и иногда приходится наблюдать самые исключительные случаи, но, если не задаваться такими маловзвешанными комбинациями, то надлежит считать, что переправа Макензена через Дунай в Добруджу было весьма мало оснований ожидать. Однако, независимо от этого, воспрепятствовать такой переправе было, во всяком случае, легче и возможно было с меньшими силами, нежели воспрепятствовать дальнейшему продвижению Фалькенгайна, для удержания которого необходимы были уже значительные силы.

При таких условиях, а также и учитывая то обстоятельство, что двух серьезных и важных операций одновременно вести нельзя, надежало и было более правильным допустить временное продвижение противника в Добруджу во

имя того, чтобы сосредоточить все главнейшие усилия и все сопротивление против группы Фалькенгайна. Макензен все равно должен был упереться в конец „стратегического тупика“ Добруджи, и предлежало для него быть подготовленным природными условиями театра, тогда как движение Фалькенгайна направлялось по путям к Букаресту и безотлагательно требовало самых энергичных и чрезвычайных контр-мер.

Эти общие условия и вызвали отход русско-румынских войск в Добруджу, связанный с очищением линии Черноводы — Констанца, но зато одновременно были, повидимому, сосредоточены достаточные силы против группы Фалькенгайна, и наступление последнего было временно приостановлено у самой границы. Вслед же за тем, на наиболее важных направлениях, ведущих к Букаресту, Фалькенгайн был даже отбрасываем на расстояние около полуперехода. Нельзя, конечно, отрицать, что очищение Констанцы и Черноводы имело свое значение, но, несомненно, соображения общего стратегического характера служили достаточным объяснением этому факту, ибо удержание Валахии с Букарестом представлялось, естественно, во много раз более важной задачей, чем удержание отдельного и почти несвязанного с Румынией театра Добруджи.

Из очищенных двух пунктов, — Черноводы и Констанцы, последний пункт не был укреплен, а Черноводы представляли собою предместное укрепление на Дунае. Укрепления у Черноводы были выстроены на правом берегу Дуная, т. е. в Добруджу, и состояли из двух линий. Черноводы служили главным пунктом, посредством которого Добруджа соединялась с остальной Румынией, и здесь шла железная дорога от Констанцы на Черноводы к Букаресту.

Констанца — военный порт Румынии на Дунае — имела свое значение, как база для флота. Однако нельзя не иметь в виду, что румынский флот весьма невелик и состоит лишь из незащищенного крейсера „Елизавета“, построенного 28 лет тому назад в Англии, четырех небольших канонерских лодок, построенных 36 и 28 лет тому назад, и тринадцати небольших миноносцев, водоизмещением около 50 тонн. При таких условиях, очищение Констанцы не представлялось особенно ощутительным.

Сверх того, надлежит иметь в виду, что противник Констанцей, как портом, едва ли сможет воспользоваться. Болгарский флот, состоящий из нескольких крошечных миноносцев и небольшой

Высочайше назначенный главноуправляющим новоучрежденного Главного Управления здравоохранения академик, почетный лейб-хирург, тайный советник Георгий Ермолаевич Рейнь.

Военный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны, генерал-адъютантъ, генерал-отъ-кавалерии, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ Федоръ Федоровичъ Треповъ, состоявшій до новаго назначенія Киевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генералъ-губернаторомъ и помощникомъ верховнаго начальника санитарной и эвакуаціонной части.

яхты, слишкомъ ничтожны для того, чтобы рискнуть на стоянку въ порту, не имѣющемъ береговыхъ укрѣпленій и батарей. Да и вообще, даже при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, болгарскій флотъ едва ли станетъ мѣнять стоянку въ защищенной Варнѣ на стоянку въ Констанцѣ.

Однаково и турецкій флотъ не можетъ рискнуть, при господствѣ нашего черноморскаго флота, на пользованіе Констанцей и также несомнѣнно предпочтетъ болѣе скромную и спокойную стоянку въ Босфорѣ стоянкѣ въ Констанцѣ.

Такимъ образомъ очищеніе Констанцы и Черноводы, хотя съ внѣшней стороны и имѣло видъ шумнаго событія, но, по существу, представляло собою не столь важный успѣхъ противника, который могъ бы имѣть значеніе и вліяніе на ходъ главныхъ событій на румынскихъ театрахъ. Это ощутило постольку, поскольку ощутило всякое очищеніе того или другого крупнаго населеннаго пункта, ибо главное—это операція Фалькенгайна, угрожающая уже не Добруджѣ, а Валахія съ Букарестомъ и имѣющая важную стратегическую цѣль по „сокращенію фронта“.

Послѣ очищенія линій Констанца Черноводы русско-румынскія войска отходили съ боемъ къ сѣверу. Здѣсь, въ сѣверной части Добруджи, примыкающей къ дельтѣ Дуная, мѣстность болѣе возвышенная, нежели въ южной части Добруджи, и изобилуетъ лѣсными, озерными и частью болотистыми районами послѣдними у Дуная и Чернаго моря. Послѣ очищенія линій Гирсово Кацанкой операція обѣихъ сторонъ временно приостановилась, ибо, очевидно, предстоялъ нѣкоторый небольшой подготовительный періодъ, прежде чѣмъ произойдетъ серьезное сраженіе въ оставшейся 50-верстной полосѣ Добруджи, примыкающей къ дельтѣ Дуная.

Насколько можно было видѣть, задача Макензена заключалась въ томъ, чтобы дойти до дельты Дуная и здѣсь занять небольшой фронтъ Мачинь-Тульча, длиною верстъ въ 40, во имя „экономіи войскъ“ для какихъ-либо другихъ театровъ.

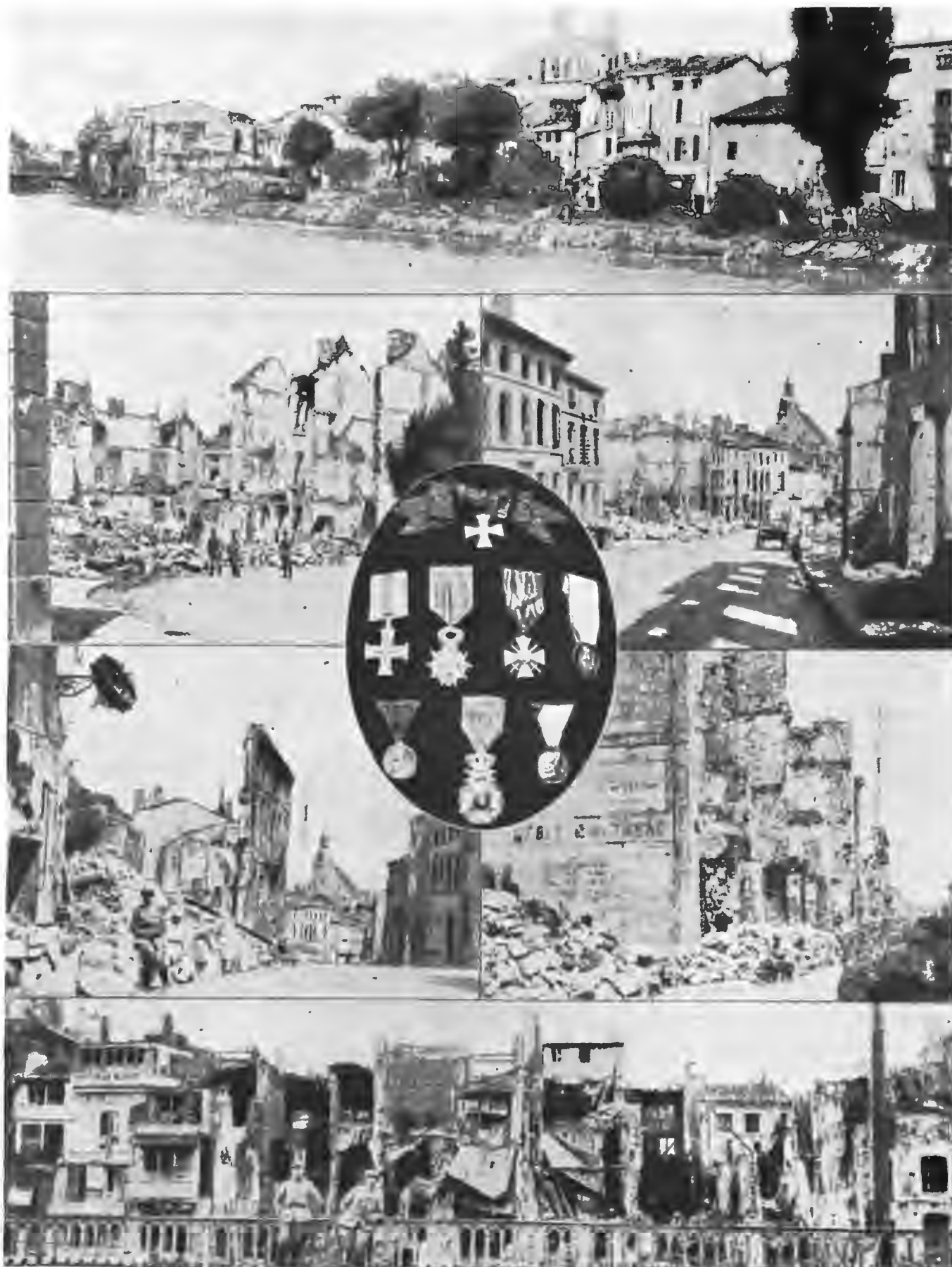
Въ такомъ положеніи находились дѣла на румынскихъ театрахъ, приблизительно, къ срединѣ октября, и, какъ мы видѣли, это положеніе сводилось къ тому, что Макензенъ достигъ успѣха на отдѣльномъ, второстепенномъ театрѣ Добруджи, но Фалькенгайнъ непрежнему застрялъ у трансильванской границы, и его операція въ Букарестскомъ направленіи развитія къ тому времени не получила.

Въ то время, когда происходили вышеупомянутыя событія на румынскихъ театрахъ, наши союзники-французы нанесли противнику ударъ подъ Верденомъ. Сосредоточивъ незамѣтно у Вердена группу войскъ подъ начальствомъ генерала Манжона и подъ общимъ вышнимъ руководствомъ генерала Нивеля, французы однимъ ударомъ вернули всѣ очищенные ранѣе верденскіе форты, включая батарею Данлу, укрѣпленіе и селеніе Флери, каменоломню Годромонъ, Фортъ Дуомонъ и нѣкоторыя другія укрѣпленія. За три часа французами было возвращено все то, на пріобрѣтеніе чего нѣмцы затратили болѣе полугода. Въ рукахъ нѣмцевъ оставался только одинъ фортъ Во, но и онъ былъ обложенъ французами.

Событіе это не представляло ничего неожиданнаго, ибо, какъ мы неоднократно отмѣчали, верденская операція лопнула уже на четвертый день—11-го февраля и затѣмъ окончательно погибла на Соммѣ, у Перрона, въ концѣ іюля. То, что произошло у Вердена, было лишь внѣшнимъ выраженіемъ того, что случилось уже давно. Ударъ генерала Манжона, вернувшаго съ легкостью верденскіе форты, былъ лишь торжественнымъ аутодафе того верденскаго плана нѣмцевъ, отъ котораго уже давно остались одни ключья, былъ лишь торжественными „похоронами по первому разряду“ операціи, давно уже погибшей.

Церковь, вывезенная изъ австрійскаго укрѣпленнаго лагеря на рѣкѣ Иквѣ; находилась подъ нашимъ обстрѣломъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, но совершенно уцѣлѣла. Многія части изъ дуба, облицовка—березнякъ и кора. Въ настоящее время находится въ „Музеѣ великой войны“, открытомъ въ октябрь с. г. въ Петроградѣ (Васильевскій Островъ, 12-я линія, 17).

Душа Вердена. Побѣдоносный городъ руинъ. Въ центрѣ—ордена, пожалованные Вердену главами союзныхъ государствъ за безпримѣрную стойкость крѣпости и доблесть ея гарнизона. Надъ всеми боевыми знаками отличій доминируетъ нашъ бѣлый Георгіевскій крестъ; затѣмъ въ первомъ ряду, слѣва направо: серебряный англійскій военный крестъ (Military Cross), французскій орденъ Почетнаго Легиона и военный крестъ (Croix de guerre) и итальянская военная медаль съ надписью: „Городу Вердену, 1916“. Въ третьемъ ряду: золотая сербская военная медаль, бельгійскій крестъ Леопольда I съ лавровымъ вѣнкомъ, среди котораго левъ съ девизомъ: „L'union fait la force“ („въ единеніи сила“), и черногорская золотая медаль.

(Окончаніе).

VI.

Сѣверный вокзалъ былъ переполненъ публикой: отходили воинскій поѣздъ въ Шкардію, со свѣжими частями на смѣну переброшеннымъ оттуда въ Верденъ. Подъ сводами вокзала, въ мигающемъ свѣтѣ фонарей, платформа была запружена толпой, осаждавшей вереницы вагоновъ воинскаго поѣзда. Настроеніе какъ убѣжавшихъ, такъ и провожавшихъ совѣтъ не походило на то, которое наблюдалось въ четырнадцатомъ году: всюду видѣлись мужественныя, спокойныя лица, живой блескъ глазъ, энергичныя жесты, разговоръ нерѣдко прерывался остротами на политическія темы и даже смѣхомъ. Парижане привыкли къ войнѣ, призракъ которой видѣли почти у самыхъ стѣнъ своей столицы: осада Вердена, защищающагося съ такимъ героизмомъ, не тревожила этихъ прирожденных оптимистовъ. Поѣздъ, отправленіе котораго совпало съ выходомъ вечернихъ газетъ, проводили раскаты восторженныхъ криковъ толпы, еще болѣе возбужденной новыми успѣхами у Дуомона.

Четвертый перронъ, удаленный болѣе другихъ отъ центра вокзала, опустѣлъ скоро. Рѣдкіе фонари освѣщали платформу, уходившую въ непроницаемую темноту осенняго вечера, вдали сигнальные огни на стрѣлкахъ мерцали, какъ звѣзды. Поль Клодмэръ, пробравшійся на указанное мѣсто заранѣе, нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ, стараясь однако оставаться въ тѣни. Но кругомъ не было никого, только на сосѣдней платформѣ видѣлось нѣсколько одинокихъ пассажировъ, ожидавшихъ подачи пригороднаго поѣзда.

Наконецъ вдали показался темный силуэтъ, въ которомъ онъ сразу узналъ Жанну. Молодой человекъ отступилъ за одну изъ колоннъ, поддерживавшихъ сводъ: изъ-за ея рѣшетчатаго переплета онъ могъ ясно видѣть всю платформу, съ нависшими надъ ней перекидными балконами, мрачную и угрюмую въ этомъ скудномъ освѣщеніи, какъ галерея прекратившаго работу завода. Жанна остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колонны, за которой скрывался Поль. Кого она могла ожидать здѣсь? Мѣсто для свиданія, по крайней мѣрѣ любовнаго, было выбрано очень странно. Поль Клодмэръ смотрѣлъ на нее, еще недавно такую близкую и теперь ставшую далекой, таинственной, быломъ, враждебной. Свѣтъ фонаря, поднятаго высоко подъ сводомъ, едва освѣщала фигуру молодой женщины; она стояла въ

пересѣченіи падавшихъ сверху тѣней, какъ паукъ въ центрѣ призрачной паутины, расходящейся отъ нея во всѣ стороны по сѣрому асфальту перрона. И она въ самомъ дѣлѣ казалась ему паукомъ, опутаннымъ его своею сѣтью, изъ которой не будетъ спасенья.

Неожиданно на платформѣ, поднятой на нѣсколько футовъ надъ полотномъ, появились голова и торсъ мужчины, вынырнувшего точно изъ люка: опершись о край перрона, онъ вскарабкался наверхъ безшумно и ловко, какъ акробатъ. Если бы Жанна пошла ему навстрѣчу, положеніе Поля было бы затруднительнымъ: онъ рисковалъ не услышать ничего, оставаясь въ своей засадѣ, покинуть которую не рѣшался. Но она не двигалась съ мѣста, ожидая приближенія незнакомца.

Это былъ человекъ въ костюмѣ желѣзнодорожнаго рабочаго, казавшійся еще болѣе жалкимъ и нерашливымъ по контрасту съ изящнымъ, хотя и простымъ туалетомъ Жанны Дарто. Одного взгляда на его фizioномію, обросшую бородой и покрытую налетомъ сажи, было достаточно, чтобы отвергнуть предположеніе объ интимной близости Жанны къ этому оборванцу. Но загадка, очевидно, не разъяснялась такимъ образомъ, а затемнялась еще болѣе. Поль Клодмэръ ожидалъ, весь превратившись въ слухъ.

Раньше, чѣмъ приблизиться къ Жаннѣ, незнакомецъ бросилъ кругомъ быстрый взглядъ, такой пронизательный, что Поль почувствовалъ себя открытымъ въ своемъ убѣжищѣ. Но незнакомецъ все-таки не замѣтилъ его, потому что, повидимому, удовлетворился результатами осмотра.

— Давайте скорѣе, — произнесъ онъ, почти не понижая голоса, такъ что Поль могъ слышать каждое слово. — Я тороплюсь.

— У меня ничего нѣтъ, — отвѣчала Жанна.

— Какъ нѣтъ? Почему?!

Молодая женщина пожала плечами.

— Я не могу сдѣлать того, что не въ моихъ силахъ. Я ничего не обѣщала категорически: я сказала только, что постараюсь.

Незнакомецъ молчалъ, видимо соображая что-то.

Надо доложить „ему“, — сказалъ онъ угрюмо. — Пойдемте со мною, „онъ“ ждетъ въ паровозномъ депо.

— Я не пойду никуда, — возразила Жанна.

— Некогда упрямитесь, время дорого. Идемте скорѣе.

Схвативъ женщину за руку, онъ заставилъ ее опуститься на колыни... (Глава VI, стр. 730).

— Я никуда не пойду,—повторила молодая женщина болѣе громко и отчетливо.— Я уѣзжаю изъ Париска: куда—для васъ безразлично. Я пришла, чтобы предупредить васъ объ этомъ. Моя работа съ вами кончена, вы можете не рассчитывать на меня больше.

Испустивъ глухое рычаніе, незнакомецъ весь сжался, точно для прыжка, и вдругъ, вытянувшись, замеръ на мѣстѣ: Жанна направила на него револьверъ, который успѣла выхватить изъ своей муфты. Пауза длилась всего одну секунду. Схвативъ женщину за руку, онъ сильнымъ движеніемъ заставилъ ее опуститься на колѣни, но она сопротивлялась, не отдавая оружія. Незвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бы Поль Клодмэръ не бросился впередъ изъ своей засады. При видѣ его Жанна громко вскрикнула, и этотъ крикъ испугалъ незнакомца болѣе, чѣмъ направленное на него дуло револьвера. Выпустивъ Жанну, онъ бросилъ ее на перронъ, какъ преграду между собою и Полемъ, потомъ соскочилъ опять внизъ, на рельсы, и исчезъ въ темнотѣ.

— Чтò это значитъ?—спросилъ Поль, помогая молодой женщинѣ подняться.

Она медленно, не спѣша, отряхнула платье и подняла опущенную на лицо вуаль.

— Это значитъ, что я погибла,—отвѣчала она.

— Надѣюсь, что нѣтъ. Но если бы я не оказался рядомъ, ты въ самомъ дѣлѣ рисковала жизнью. Кто былъ этотъ человекъ? Чего онъ отъ тебя требовалъ?

— Ты узнаешь все, но только не здѣсь. Пойдемъ куда-нибудь на улицу.

Они вышли. Не оглядываясь и не говоря ни слова, Жанна привела своего спутника къ невзрачному зданію въ одномъ изъ прилегающихъ къ вокзалу переулковъ, подъ вывѣской: „Гостиница для прѣѣзжающихъ“. Лакей въ поношенномъ грязномъ фракѣ встрѣтилъ Жанну съ поклономъ, какъ старую знакомую. Также молча, не задавая и не ожидая никакого вопроса, онъ отворилъ дверь темнаго номера и, повернувъ выключатель, удалился по знаку молодой женщины.

Поль Клодмэръ первый прервалъ молчаніе.

— Ты, повидимому, хорошо знаешь эту комнату,—сказалъ онъ насмѣшливо.

— Да, знаю. Запомни и ты ее хорошенько, она этого заслуживаетъ. Здѣсь началось то, чтò кончится сегодня вечеромъ. Девять лѣтъ назадъ меня привелъ въ этотъ номеръ одинъ негодяй, имени котораго тебѣ называть не нужно. Я вошла сюда чистою дѣвушкой, вся вина которой заключалась въ томъ, что она была любопытна и не знала, на что способна людская подлость, а вышла существомъ безъ чести, безъ надеждъ, безъ будущаго. Здѣсь была убита моя воля и моя гордость, здѣсь погибли все мои надежды на счастье. Отсюда началось мое паденіе — въ бездну.

Поль Клодмэръ слушалъ ее со страхомъ: ему казалось, что Жанна бредитъ. Но нѣтъ, она говорила совсѣмъ спокойно, только глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Ты скажешь, что я обманула тебя и разбила твою жизнь,—продолжала она.—Это правда, но еще раньше была разбита моя. И все-таки ты—единственный человекъ, котораго я любила въ самой глубинѣ своего паденія. Не думай, что чувство къ тебѣ пробудилось въ моемъ сердцѣ послѣ нашего перваго поцѣлуя: нѣтъ, раньше, ты только не замѣчалъ его, а я—я всегда чувствовала, что ты меня уважаешь и видишь во мнѣ то, чего—увѣ!—не было, но могло бы быть, если бы моя жизнь сложилась иначе. И въ то время, когда Прангъ...

— Прангъ? Такъ, стало-быть, все-таки...

— Нѣтъ. Не то, чтò ты думаешь. Развѣ могла я полюбить его? Развѣ такихъ, какъ онъ, любятъ? Нѣтъ, передъ такими только пресмыкаются. Онъ завладѣлъ мною, какъ вещью: онъ былъ послѣдній, но былъ хуже перваго и всѣхъ остальныхъ. Онъ стоялъ надо мной, какъ демонъ: это былъ гипнозъ, колдовство, полный параличъ воли. Я чувствовала на себѣ огненный взглядъ здѣсь, когда самъ онъ оставался въ Берлинѣ; отсюда онъ диктовалъ мнѣ свои приказанія, которыхъ я не могла ослушаться. Смотри, вотъ его кольцо. Я готова думать, что въ этотъ алмазъ онъ вложилъ всю силу своей черной души. Повинуясь ему, я обманывала, — и не только тебя одного, Поль.

— Кого же еще? Неужели...

Поль Клодмэръ остановился. Сцена на вокзатѣ освѣтилась вдругъ передъ нимъ новымъ страшнымъ свѣтомъ, онъ не смѣлъ выговорить рокового слова, которое уже было на его языкѣ. Жанна сдѣлала это сама.

— Да, Поль, я не скрою отъ тебя самаго страшнаго. Я недостойна называть Францію матерью; сдѣлаться измѣнникомъ передъ родиной, о, повѣрь, не только мужчина можетъ понять, какой это ужасъ. Ты уѣзжаешь въ Верденъ. Я хотѣла порвать все здѣсь, чтобы сопроводить тебя и тамъ, въ огнѣ, принять новое крещеніе, которое, быть-можетъ, очистило бы меня. Судьба не захотѣла этого. Ты узналъ все, теперь поздно думать объ искупленіи. Ты не можешь простить меня, не можешь, если бы даже захотѣлъ, и я не смѣю просить тебя объ этомъ. Прощай!

Поль Клодмэръ сидѣлъ, закрывъ лицо рукою. Жанна поцѣловала эту руку: его мысли были такъ далеко, что ощущеніе поцѣлуя гонимось по нервамъ къ мозгу не сразу. Очнувшись, онъ поднялъ голову: Жанны уже не было въ комнатѣ... Дверь оказалась отворенной, коридоръ пустымъ. Охваченный тревогой, Поль бросился на улицу. Въ концѣ переулка, до котораго успѣла добѣжать Жанна, собралась толпа вокругъ распростертаго на землѣ тѣла.

Жанна Дарто покончила съ собой. Звукъ выстрѣла не донесся до Поля: револьверъ былъ маленькій—изящная, безвредная на вид игрушка. Но пуля попала въ сердце, какъ попадаетъ всякая другая пуля, и смерть была мгновенной.

VII.

Верденъ!

Вотъ она, наконецъ, настоящая война: уже въ самомъ этомъ названіи какъ будто чувствуется запахъ пороха и крови. Позиціонная борьба, тяжелая тыловая работа, отвѣтственная, но незамѣтная служба въ военной канцеляріи — все это будни, оставшіяся позади. Теперь настаетъ праздникъ, величественный третій актъ трагедіи, съ котораго начнется переломъ въ судьбѣ героевъ. Поль Клодмэръ, похоронившій свое прошлое въ отверженной могилѣ самоубійцы, не хотѣлъ послѣдовать за нею во мракъ этой могилы. Его звали Верденъ, — послѣдній долгъ, который могъ искупить хоть немного ея вину, послѣдній пиръ, обѣщавшій ему забвеніе все равно какой цѣною, хотя бы цѣною жизни.

Верденъ—роковой камень на пути германскихъ полчищъ, съ надписью „гибель“, избѣченной ударами бомбъ на гранитной груди Мааса. Здѣсь враги, до сихъ поръ обмѣнивавшіеся артиллерійскими залпами, встрѣтились наконецъ лицомъ къ лицу: здѣсь спорять въ титанической битвѣ, длящейся уже нѣсколько мѣсяцевъ, двѣ колоссальныя живыя силы, два народа, вооруженныхъ вѣковой ненавистью, двѣ противоположныя по духу, враждебныя цивилизаціи. Все, чтò было до Вердена, сводилось, въ сущности, къ репетиціи, къ простой пробѣ силъ, къ испытующему взгляду,

Въ концѣ переулка собралась толпа вокругъ распростертаго на землѣ тѣла...
(Глава VI, стр. 730).

которым обмѣниваются соперники передъ поединкомъ. Даже на великую марнскую битву исторія взглянетъ лишь какъ на прологъ къ эпопее Вердена: рядомъ съ этой вершиной всѣ другія теряются, какъ кровли самыхъ высокихъ дворцовъ рядомъ съ монументальными башнями собора Богоматери.

Верденъ зародился внезапно, словно гроза, налетающая съ вихремъ; первый пушечный выстрѣлъ на Маасѣ сыгралъ роль громоваго удара, который взрываетъ бездну, полную горючихъ матеріаловъ. Едва ли не первый случай въ исторіи войнъ, когда выстрѣлъ изъ пушки сотворилъ чудо.

Да, именно чудо, потому что оборону Вердена только и можно охарактеризовать этимъ словомъ. Лавина германскихъ корпусовъ, насыщенныхъ чудовищной артиллеріей, двигалась на штурмъ крѣпости, которую рассчитывали смести съ лица земли менѣе, чѣмъ въ недѣлю. Надо сознаться, такой расчетъ имѣлъ свои основанія: Льежъ, Антверпенъ, Перемышль, — аргументы убѣдительные. Верденъ уступаетъ всѣмъ этимъ крѣпостямъ, не только вмѣстѣ взятымъ, но и каждой въ отдѣльности. Германцы торжествовали заранее: эта ошибка трагическая по своей сущности, окрыляла ихъ, превращая наступленіе въ триумфальный маршъ съ музыкой и распушенными знаменами. Кронпринцъ уже считалъ себя побѣдителемъ, и французское командованіе, видя бесполезность обороны, заготовило приказъ объ очищеніи верденскихъ фортовъ.

Но нашелся человекъ, осмѣлившійся пренебречь этимъ приказомъ. Съ точки зрѣнія фанатиковъ дисциплины онъ, можетъ-быть, совершалъ преступленіе; но онъ заявилъ, что отвѣчаетъ за послѣдствія, — хорошо зная, что значила такая отвѣтственность въ случаѣ неудачи. Несомнѣнно, германцы были осѣдомлены о предполагаемомъ отходѣ верденскаго гарнизона: но если бы имъ сталъ извѣстенъ поступокъ смѣлаго солдата, рѣшившагося игнорировать приказъ, — единственный изъ клочковъ бумаги, священный для нѣмца, — они ему все равно не повѣрили бы. Нѣмцы не могутъ повѣрить тому, чего не могутъ понять, а такой поступокъ былъ выше ихъ пониманія. Въ этомъ сказывается разница между національнымъ духомъ галла и тевтона. Развѣ вся карьера перваго консула не построена на томъ, что онъ не останавливался передъ буквой приказа?

Германскіе авангарды, приближавшіеся къ „оставленному“ Вердену, были неожиданно встрѣчены огнемъ. Горсточка французовъ заставила смѣшаться нѣмецкіе ряды, не ожидавшіе ничего подобнаго и не снабженные на этотъ случай соответствующими инструкціями. Германскій штабъ былъ озадаченъ. Въ воздухѣ снова запахло „Льежскимъ скандаломъ“, но настоящихъ размѣровъ скандала Верденскаго не предвидѣлъ никто, — иначе, разумѣется, германцы въ самомъ началѣ отказались бы отъ своей затѣи. Но разъ начали, нужно было продолжать во что бы то ни стало, пусть даже безъ надежды окончить. Кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ настоялъ на осадѣ Вердена: это его планъ, крушеніе котораго могло бы оказаться роковымъ для династии Гогенцоллерновъ. И все новыя и новыя дивизіи идутъ подъ Верденъ, идутъ отовсюду: изъ Польши и Сербіи, изъ Солуни и Бельгіи. — безъ остатка поглощаемая прожорливой пастью нѣсколькихъ фортовъ, едва видныхъ надъ землею, какъ порогъ, о который споткнулась занесенная нога дерзкаго насильника. Они идутъ, идутъ — но и французы не дремлютъ въ свою очередь.

По дорогѣ къ Вердену день и ночь тянутся вереницы грузовыхъ автомобилей, наполняя воздухъ непрерывнымъ грохотомъ. Спокойнымъ, ровнымъ и увѣреннымъ, какъ мощь защитниковъ героической крѣпости. Поль Клодмэръ, отказавшійся отъ помѣщенія въ офицерскомъ экипажѣ, чтобы не разставаться со своей ротой, видитъ съ вышины грузовика страшное зрѣнище: вся дорога впереди и за нимъ находится въ непрерывномъ движеніи. Это сплошной потокъ тускло блестящихъ металлическихъ шлемовъ и штыковъ, лишь изрѣдка прерываемый островками санитарныхъ повозокъ или чернымъ утесомъ поднятой вверхъ мортиры. Разговаривать нельзя: при самомъ сильномъ напряженіи голоса все равно ничего не услышишь. Но французы, умиюще выйти изъ всякаго затрудненія, какъ нельзя лучше объясняются другъ съ другомъ при помощи мимики и жестовъ. Это молчаливый караванъ призраковъ, мрачный, но не печальный. На всѣхъ лицахъ написано воодушевленіе, никто не боится встрѣчи съ неприятелемъ. Надъ этимъ кортежемъ грузовиковъ — великой арміей двадцатаго вѣка — незримо рветъ героическій

Французы занимаютъ вершину холма... (Глава VIII, стр. 732).

духъ Наполеона. А, чертъ возьми! Германцы, враги, бѣжавшіе стадами испуганныхъ животныхъ подъ Іеной и Фридрихсдорфомъ! Пруссаки, бывшіе союзники, которыхъ въ двѣнадцатомъ году третировали, какъ пушечное мясо, — вы все-таки мечтаете о Парижѣ? Ошибаетесь! Кто это сказалъ въ началѣ войны, что врага ожидаетъ за Рейномъ встрѣча съ французами первой революціи, а не второй имперіи? Это правда, правда! Развѣ вы не слышите, какъ дрожитъ марсельеза въ напряженномъ грохотѣ машинъ? Металлическіе шлемы защитниковъ Вердена стоятъ красной фригійской шапки, замѣнявшей знамя батальонамъ Санterra въ Вандеѣ. Развѣ тамъ, впереди, не мелькаетъ призракъ маленькаго капрала въ походномъ сюртукѣ и треуголкѣ? Смѣлѣе, смѣлѣе, дѣти Парижа! Легкомысленные мотыльки превратились въ орловъ; огонь Седана подъ бронированной наковальней разгорѣлся ярко и закалялъ ваши штыки, которые не сломятся въ битвѣ. Смѣлѣе, смѣлѣе!

До Вердена еще далеко. Канонады пока не слышать; еще бы, грохотъ этой процессіи заглушить какую-угодно канонаду. Темный вечеръ. Фонари грузовиковъ свѣтятся, какъ зрачки: это огромный членистый змѣй, снабженный парю огненныхъ глазъ въ каждомъ суставѣ. Но, если поднять глаза къ небу, о войнѣ можно забыть. Оно все то же, родное милое небо Франціи, усеянное звѣздами, которыя переливаются, какъ грани драгоценныхъ алмазовъ. Облака несутся оттуда, отъ Вердена, но они безмолвны и не говорятъ о томъ, что видѣли. Луны нѣтъ. Однообразный путь утомляюща, дорога темна и безлюдна, и далеко разносится по равнинѣ монотонный грохотъ, подъ который такъ хорошо грезить. Поль Клодмэръ, убаюканный равномернымъ покачиваніемъ грузовика, закрываетъ глаза и отдается своимъ думамъ.

Онъ вспоминаетъ закоулки между кулисами Grande Opéra, темные, какъ эта дорога. Въ просвѣтѣ впереди видна освѣщенная сцена и Жанна на ней, въ костюмѣ Даллы. Онъ видитъ ее такъ ясно, что открываетъ глаза и начинаетъ протирать ихъ, какъ будто ему явился призракъ. Нѣтъ, ея онъ уже никогда не увидитъ. Она мертва. Мертва! Какое странное, невѣроятное слово, когда думаешь о молодой, полной силъ женщинѣ... Лазаретъ, прогулка въ автомобиль, двѣ комнатки на бульварѣ, гдѣ они были такъ счастливы, — милое гнѣздышко любви, кто поселится въ немъ теперь? Жаннины нѣтъ, ее казнили. За что? За то, что она была слаба и позволила опутать себя сѣтями, въ которыхъ погибли и болѣе сильные? Нѣтъ, она не казнена, она убита безжалостно. Кѣмъ же? Кѣмъ?

Дорога, поднимаясь на вершину холма, дѣлаетъ поворотъ. Сколько времени онъ былъ во власти своихъ воспоминаній? Минуту или нѣсколько часовъ? Другіе звуки примѣшиваются къ грохоту машинъ, болѣе густые, болѣе одушевленные, зловѣщие. И небо надъ холмомъ окрашивается блѣднымъ свѣтомъ зари.

Верденъ близокъ...

VIII.

Французы выстраиваются под огнем.

Это отборные войска, испытанные и закаленные въ бояхъ, солдаты, которыхъ не удивишь грохотомъ пушекъ. Но то, что развертывается передъ ними, заставляетъ притихнуть даже ихъ. Они еще не освоились съ обстановкой. Верденскій бой не похожъ на другіе, — къ нему надо привыкнуть.

А между тѣмъ они еще въ резервѣ. Бой впереди, въ нѣсколькихъ километрахъ. Черные силуэты фортовъ стоятъ точно на фонѣ пожара: все небо за ними пылаетъ. Тотъ свѣтъ долженъ побѣждать даже солнечный, до того онъ дерзостенъ и могучъ. И тѣней въ немъ нѣтъ, потому что онъ струится отовсюду. Бесполезно закрывать глаза: злобщій свѣтъ проникаетъ въ зрачокъ сквозь опущенныя вѣки, входитъ въ голову, заливаешь мозгъ, бросая страшно-четкія, прилипающія къ стѣнкамъ черепа, тѣни мыслей. Въ лоцинѣ по обонямъ берегамъ Мааса бушуетъ буря. Сотни самумовъ несутся съ разныхъ сторонъ, сталкиваются, падаютъ и мчатся дальше: весь воздухъ кипитъ, какъ вода въ раскаленномъ добѣла резервуарѣ. Все кругомъ охвачено вихремъ. Все отдано во власть свирѣпыхъ разыгравшихся стихій. И все оглушено громомъ, который усиливается съ каждой минутой, точно само мірозданіе надуваетъ щеки и воетъ, воетъ безъ конца, пока не остановится его разорвавшееся сердце.

Поль Клодмэръ, пробывшій здѣсь двадцать минутъ, уже оглохъ. Его барабанныя перепонки лопнули. Онъ не различаетъ отдѣльных раскатовъ; онъ слышитъ только гулъ, исходящій—ему кажется—изъ нѣдра его собственного существа. И въ тотъ мигъ, когда онъ соображаетъ это, его охватываетъ животный страхъ, близкій къ безумію, паническое стремленіе бросить все и бѣжать, бѣжать не оборачиваясь, не зная куда. Но этотъ припадокъ длится только одну минуту. Онъ скорѣе угадываетъ, чѣмъ слышитъ команду къ выступленію. И, надвинувъ на глаза шлемъ, сразу успокоенный, онъ кричитъ изступленнымъ голосомъ, обращаясь къ солдатамъ, которые его все равно не могутъ услышать: „впередъ!“

Впередъ, въ самый разгаръ битвы! Германцы пошли въ атаку на Дуомонъ, которая должна быть отбита, какъ и все предыдущія. Французы занимаютъ вершину холма, нѣмецкія дивизіи идутъ снизу. Вверху уже не зарево теперь, а огненный дождь, какъ въ послѣдній день міра: потоки ракетъ мчатся со всѣхъ сторонъ, перекрещиваясь, навстрѣчу другъ другу; нѣмецкая артиллерія обстрѣливаетъ Дуомонъ, французы огневой завѣсой преграждаютъ штурмующимъ путь отступленія. На небѣ нѣтъ ни единого темнаго пятна; золотой, фіолетовый, зеленый и красный цвѣта ткутъ на немъ пеструю завѣсу, которая колеблется, но не разрывается. Лучи прожекторовъ, болѣе яркіе, скользятъ по ней, какъ масло по бушующимъ волнамъ. Безконечными дугами движутся по склону холма германскія колонны; видно, какъ онѣ сжимаются, суживаются, становятся одною компактною массой, которая вливается въ коридоръ, образованный французскими прикрытіями. Назадъ изъ этого коридора уже не возвращается никто. Пока натискъ отбиваютъ пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ, но безъ контръ-атаки не обойтись. Ну, что же? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Часы боя летятъ, какъ секунды. „Сейчасъ конецъ, сейчасъ конецъ, сейчасъ конецъ“, — безъ умолку стучитъ сердце. Но конца

...и, глухо вскрикнувъ, онъ катится внизъ по откосу. (Глава VIII, стр. 732).

нѣтъ. Пули колютъ надъ головою, по лицу горячими волнами проходитъ дыханіе разрывающихся поблизости снарядовъ. И вотъ уже впереди первая линия окоповъ, которую атакуютъ, первый кругъ ада.

Вся жизнь Поля Клодмэра пронесится передъ нимъ, какъ въ горячечномъ бреду. Образы и звуки мелькаютъ безъ всякой послѣдовательности, родемъ отрывочныхъ, толкающихся и спѣшащихъ призраковъ. Въ этой гееннѣ все сплутывается, все реальное исчезаетъ, все фантазмагоричное становится дѣйствительностью. Рядомъ съ нимъ стоитъ Жанна, но это не удивляетъ его: вѣдь половина его солдата убита, и они сражаются мертвыми—этакіе хитрые притворщики. И вдругъ сквозь вой и громъ въ его парализованный слухъ проникаютъ звуки, происхожденіе которыхъ кажется здѣсь не болѣе страннымъ, чѣмъ все другое. Онъ слышитъ баркароллу Оффенбаха. Плавни и спокойно льется она, говоритъ о самомъ земномъ и грѣшномъ, объ объятіяхъ и поцѣлуяхъ — и въ безконечную высь уноситъ духъ, въ царство недостижимаго и вѣчнаго, и вѣчной печалью любви, имя которой Смерть, одѣваетъ, какъ флеромъ, порывъ дикаго изступленія. Вотъ, вотъ она, послѣдняя сказка Гофмана, послѣдняя ступень, на

которую поднялся преображенный человѣкъ. — живой, но уже окруженный призраками, явственно ощущающій свою связь съ потустороннимъ міромъ въ то время, какъ все тоньше и призрачнѣе становится нить, связывающая его съ землею. И сразу онъ понимаетъ все.

Тамъ, впереди, гигантъ въ красномъ, достигающій головою кроваваго неба, ведетъ враговъ въ бой: это Дапертутто, коварный и злобный демонъ, отнявшій у него Джульетту, хочетъ теперь покорить себя Францію — единственное, что осталось у обманутаго и ограбленнаго мечтателя, вѣрившаго въ вѣчную Правду. Это его алмазъ пишетъ знаки сатанинскихъ заклинаній на пылающихъ облакахъ, его клеветы, красивые духи огня и крови, убійства и разрушенія, поютъ среди грохота залповъ баркароллу, которая льетъ послѣднюю, смертнующую тоску въ сердце, обреченное сейчасъ разбиться и затихнуть навѣки. Кошмаръ становится истиной: вѣдь это Прангъ идетъ тамъ, напротивъ, съ обнаженной саблей, въ мундирѣ бранденбургскаго майора; его ротъ широко раскрытъ подъ слепшими бѣлыми усами, на багровомъ потномъ лицѣ... Да, да, это онъ... Я хочу, чтобы это былъ онъ, а не кто другой! Я хочу найти его наконецъ, сразиться съ нимъ одинъ на одинъ, отомстить за все... А, сударь! Вы изволили взять тогда ла-бемоль, на полтона ниже, чѣмъ требуетъ партитура? Невѣжественный партеръ аллодировалъ до синяковъ на ладоняхъ, но за такую штуку я снесу вамъ саблей полчерепа. На бой, предатель! За Джульетту, за Жанну, — за Францію!

Въ разгарѣ атаки два офицера — французъ и нѣмецъ — вступаютъ въ поединокъ между собою. Сначала германскій майоръ бьется съ ожесточеніемъ, но потомъ видитъ въ пустыхъ и мертвыхъ глазахъ противника что-то, отъ чего его сердце сразу падаетъ, и сабля безвольно скользитъ въ руки. Другая сабля сверкаетъ надъ его головою, и, глухо вскрикнувъ, онъ катится внизъ по откосу.

Его солдаты, не выдержавъ штыкового удара, бѣгутъ. Они еще разъ отброшены отъ Вердена, подуразрушеннаго, опустѣлаго, но такого же неприступнаго, гордаго и прекраснаго, какъ сама Франція.

Оборона Вердена продолжается...

Въ часовнѣ.

Вошелъ въ часовню я. Топазы и рубины
Въ лампадахъ искрились, роняя мягкій свѣтъ.
На плиты сѣрыя, какъ подоловья льдины,
И на старушки драповыя джакетъ.
Молебень начался. Священникъ ровно, глухо
Евангелъ читаетъ отъ Луки

О Богородицѣ; слова чуть ловятъ ухо.
Записка вынала изъ старческой руки.
Я подвигать, подаль ей, прочтя не безъ усилія
При отблескѣ молитвенныхъ огней:
«О здравьи воиновъ Ивана и Василья».
Прочелъ,—и тоже помолится съ ней.

Ил. Сахаровъ.

Ведомые судьбою.

Разсказъ А. В. Антонова.

I.

Многочисленная битва народовъ въ каждую семью внесла что-нибудь необыкновенное. Сколько горя, слезъ, печали разнесли по землѣ гулы гигантскихъ орудій, взрывы тяжелыхъ снарядовъ, дробный шумъ пулеметовъ, залпы ружей, сверканіе штыковъ и шапекъ. Сколько оплакано героевъ, павшихъ смертью храбрыхъ, и сколько изъ нихъ возвращено судьбой живыми. Какъ печально, траурно смотрѣли матери и жены, надѣвали длинный флеръ, погружались въ уныніе, становились вдовами, одинокими, но Время-властелинъ, игравшее жизнью и смертью, сушило слезы, сбрасывало флеръ, вызывало на лица улыбки и опять приказывало надѣяться и ждать.

Судьба одинаково относилась ко всѣмъ, и богача и бѣднаго не обходила своими милостями и горемъ.

Вотъ что случилось въ семьѣ Паладиныхъ.

Молодая, только-что познавшая прелести супружеской жизни, Вѣра Александровна Паладина, какъ и миллионы другихъ женъ, грустно, со слезами на глазахъ, рыдая, доходя до обморочнаго состоянія, разсталась со своимъ мужемъ, ушедшимъ защищать вѣру и родину отъ страшнаго, демонеки-коварнаго врага.

Сразу оборвались все радости. Одиночество и боязнь предъ неизвѣстнымъ, какъ тайные, злые враги каждаго человѣка, приступили къ ней и начали терзать и мучить молодые чувства.

Каждое письмо съ фронта приносило успокоеніе и велѣло надѣяться.

Вѣра Александровна замкнулась, перестала принимать у себя и сама ни у кого не показывалась. Весь строй въ домѣ Паладиныхъ рѣзко измѣнился. Началась работа на лазареты, благотворительность и хлопоты по призрѣнію дѣтей сиротъ и бѣженцевъ. Незамѣтно милосердіе вступило въ свои права. Вѣра Александровна стала свыкаться съ наступившимъ положеніемъ, забывалась въ дѣлѣ и не такъ чувствовала уже одиночество и пустоту.

Первые шесть мѣсяцевъ войны прошли, какъ тяжелый, кошмарный сонъ. Перебѣнное счастье на фронтахъ говорило, что до исхода еще долго. Во второй половинѣ года Паладину посѣтило первое большое горе: ея Владиміра ранили, но сама по себѣ рана, ока-

завшаяся на дѣлѣ пустынной, въ сердцѣ Вѣры Александровны провела глубокую борозду, внесла новыя страданія.

Владиміръ остался въ строю.

Опять пошли дни томительнаго ожиданія, опять Вѣра Александровна затерялась въ полосу невѣдѣнія, какъ яркая звѣздочка въ млекомъ пути.

Первымъ о смерти Владиміра узналъ его братъ, Николай Паладинъ, но развѣ могъ онъ объявить Вѣрѣ Александровнѣ эту печальную вѣсть? Началось медленное подготавливаніе Паладиной ко всему возможному случиться. Дѣлались далекіе намеки, велись дипломатическіе подходы. Съ перваго взгляда казалось, что все эти ухищренія достигали цѣли, но Вѣра Александровна, какъ бывшая все время насторожѣ, сразу же почувствовала въ словахъ Николая какое-то осторожное изслѣдованіе ея чувствъ. Паладина затаяла отъ Николая свои выводы и, рѣшивъ покончить разъ навсегда съ неизвѣстнымъ, поѣхала куда слѣдуетъ и навела справки.

Чужіе, далекіе пониманію ея души, люди сразу сказали всю правду. Паладину привезли домой въ обморокѣ.

Былъ надѣлъ глубокій трауръ, Вѣра Александровна замѣтно осунулась. На вискахъ засеребрились отдѣльныя пряди волосъ. Напрасно Николай прилагалъ все старанія утѣшить Вѣру Александровну, ея горе было большимъ горемъ, и только одна сестра, Марія Александровна, пріѣхавшая съ юга Россіи, привезла къ ней частичку своихъ радостей и стала развлекать, стала гнать тоску и уныніе всѣми силами своего молодого темперамента. Паладина поддалась, пришла немного въ себя. Прошелъ мѣсяцъ. Выбѣтъ съ покоемъ, наставшимъ наконецъ въ душѣ Паладиной, вмѣстѣ съ сознаніемъ о безвозвратномъ процломѣ, въ молодой груди Вѣры Александровны стукнуло сердце и запросило ласкъ уже не сестринныхъ, а чьихъ-нибудь другихъ.

Побѣдила любовь, изстрадавшимся чувствамъ захотѣлось снова жить.

Чтобы окончательно забыться, чтобы уйти отъ пережитаго, Паладина рѣшила уѣхать въ кмѣніе.

Дружная весна, чистое небо, золотое солнце, говорливые ручьи, веселое щебетаніе птицъ, пробужденіе природы, вотъ тѣ условия,

Бѣженцы.

Рис. С. Колесникова.

Иллюстрація къ „Тилю Уленспигелю“.
Уленспигель и Клаусь.

Рис. А. Hubert.

въ которыя сразу, послѣ суровой зимы, вьюгъ, городской толчен, безпросвѣтнаго неба, попала Вѣра Александровна.

Вешній шумъ закружилъ ее въ своемъ хороводѣ, и тутъ въ пѣбннн, какъ никогда, она почувствовала вдругъ необходимость подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями, довѣрить себя, свои чувства, ласки, кому-нибудь постороннему, чужому. Тутъ, въ одиночествѣ, подъ голубыми небесами и вешнимъ солнцемъ, ушло ее горе, и захотѣлось новой жизни, новыхъ наслажденій.

Вся жизнь состоитъ изъ случайностей.

Случайно Вѣра Александровна зашла къ сосѣду-помѣщику и тамъ, за столомъ, подъ шумъ ножей и вилокъ, весело провела вечеръ, а на другое утро грудь ее болѣзненно сжалась, чувства переполнили Паладину и повлекли къ многообѣщающему счастью. Счастье это также пришло и къ молодому инженеру Всеволоду Раевскому, постучало въ его сердце и тоже повлекло искать встрѣчь съ Вѣрой Александровной.

Часто въ городахъ съ миллионнымъ населеніемъ люди встрѣчаются другъ съ другомъ, совершенно даже не желая такихъ встрѣчь, но какъ же было не встрѣтиться здѣсь, въ провинціи, да еще при особомъ желаніи къ тому? Встрѣчи участились, изъ случайныхъ стали предупрежденными, перестали быть встрѣчами, назвали свиданіями.

Раевскій полюбилъ молодую вдову. Вѣра Александровна открыла ему свою душу. Новая жизнь не обманула Паладиной, новая жизнь дала много неизвѣданнаго, и милый образъ Владимира, тоже горячо любимого, но вырваннаго изъ ее объятій всепоглощающей смертью, сталъ медленно таять въ воображеніи и исчезать.

Всеволодъ сдѣлалъ предложеніе Паладиной, Вѣра Александровна это вниманіе горячо оцѣнила, но, боясь толковъ, боясь суда многогубной, недостойной ее толпы друзей и знакомыхъ, предложила Раевскому ждать года.

Чувства и молодость взяли верхъ. Во власти порыва, перейдя границу страха, забывъ о существующихъ людяхъ съ ихъ ин-

тригами и зломъ, Паладина отдалась Раевскому. Пришла страстная любовь, подѣлуи, ласки, объятія. Вѣра Александровна переродилась, веселость, улыбка не сходили съ ее лица, только одно могучее, слѣпое время безъ остановки шло впередъ, создавало случайности, несло жизнь, карало смертью, сыпало радости и дарило горе.

Неофициально Раевскій сталъ мужемъ Вѣры Александровны.

Послѣ полугода любви, послѣ полугода жаркихъ, страстныхъ объятій, горячихъ ласкъ, вѣбныхъ рѣчей, послѣ полугода яркаго счастья злая судьба вдругъ потушила свѣчу свѣта, и опять предъ Паладиной стала страшная бездна. Пришли вѣсти, что считавшійся убитымъ мужъ ее Владимиръ оказался военноплѣннымъ. Такъ красиво построенное зданіе счастья со Всеволодомъ, какъ карточный домикъ отъ легкаго дуновенія, рухнуло и подъ своими обломками задавило молодая чувства, привело мысль къ сознанию и приказало подумать. Это обстоятельство погрузило и Всеволода въ безконечное уныніе. Напрасно онъ искалъ выхода, искалъ причины всего совершившагося. Развѣ можно было винить порывъ, развѣ можно было считатьъ съ чувствами? И вотъ теперь, видя уходящее счастье, теряя Вѣру Александровну, Раевскій понялъ безцѣльность жизни, понялъ ошибку, игру судьбы и рѣшилъ покончить съ собою.

Случайно, въ экстазѣ, въ порывѣ, высказалъ онъ свои мысли Паладиной. Изящныя руки молодой женщины легли на его плечи и попросили жизни, — жизни для будущаго счастья, возможнаго счастья, жизни для того, кто уже шевелился подъ ее сердцемъ.

Сознаніе Всеволода, что онъ становится отцомъ, остановило его отъ рокового шага.

Влюбленные стали искать выхода изъ лабиринта, созданнаго самой жизнью, но, какъ ни было страшно стоять предъ неизвѣстнымъ, все же чувство материнства взяло свое, и Вѣра Александровна и Раевскому не пришло даже мысли къ исполненію того, что такъ обыкновенно и рѣшительно принимается въ такихъ случаяхъ другими.

Свой союзъ они сдѣлали тайнымъ для всѣхъ, стали жить на-стоящимъ, закрывъ глаза предъ будущимъ.

Только одою Вѣра Александровна пришлось мучиться и страдать. Въ ее сознаніи любовь къ Всеволоду выросла въ преступленіе, но она рѣшила до конца нести свой крестъ, покаяться когда-нибудь и ждать приговора мужа, знакомыхъ, „общества“.

Скрыть материнство при средствахъ, при полной обезпеченности Паладиной было легко. За два мѣсяца до появленія на

Иллюстрація къ „Тилю Уленспигелю“.
Нелле, въ горести, ждетъ Уленспигеля

Рис. С. У. Сатур.

свѣтъ ребенка Вѣра Александровна уѣхала въ глухую, незнакомую, выбранную самимъ Всеволодомъ мѣстность и тамъ, въ кругу чужихъ людей, стала матерью.

Первый крикъ, первый плачь ребенка, какъ далекая радость, какъ свѣтлый вешній день, принесли ей свое, особенное счастье.

Давъ имя новорожденному въ честь второго, случайнаго мужа, — мужа, даннаго самой судьбой, Вѣра Александровна стала приходить въ себя и оправляться.

Только полумѣсячный срокъ вернулъ Паладину къ прежнимъ мыслямъ, указавъ ей на возможность позора, и она, несмотря на уговоры Раевского, все же поняла, что появившійся ребенокъ, при настоящемъ положеніи вещей, будетъ только въ тягость, и впервые обвинила себя въ томъ, что не постѣдогала примѣру прочихъ, а дала возможность возникнуть новой жизни, дала миру новаго человѣка.

Оставляя тѣ мѣста, гдѣ она стала матерью, Паладина написала Всеволоду длинное письмо, приготовилась къ отъѣзду и, на что-то рѣшившись, затанла отъ всѣхъ свои мысли.

II.

Въ холостой квартирѣ Раевского тишина. Окна затаяли шумъ улицы за тяжелыми шторами и драпри, ковры заглушили шаги. Подъ зеленымъ абажуромъ, поддерживая руками голову, сидитъ Всеволодъ. Потолокъ тонетъ въ зеленоватой тѣни, а на столѣ свѣтъ лампы легъ на предметы и соскользнулъ полососою на полъ. На кожаномъ бюварѣ письмо Паладиной. Всеволодъ отнимаетъ руки отъ головы, беретъ за листокъ и начинаетъ вполголоса его перечитывать.

„Пойми, моя радость, мое солнышко, жизнь моя, что свершилось великое и страшное... Пришла расплата за часы наслажденія... Ты отецъ... Да, ты отецъ, но отецъ, не могущій взять на руки своего первенца, дать ему свой поцѣлуй, свою ласку... Судьба подпнула надъ нами... Идетъ позоръ, всѣ стануть клеймиться мое имя... Кто пожалѣетъ? Кто взглянетъ на совершившееся глазами истины? Никто... Меня ждуть глумленія, насмѣшки... Блудная мать... Люди всегда останутся людьми... За ними право поносить и отвергаться. Я для всѣхъ прокаженная... Мое мѣсто внѣ городской черты... Дорогой, я не жестока, я хочу быть матерью, но отъ материнства меня дѣлать бездна. Не осуждай мое рѣшеніе... Будь хотя ты одинъ согласенъ со мною... Я все предусмотрѣла... Нашъ малютка не будетъ несчаст-

Иллюстрація къ „Тилу Уленспигелю“.
Жилина

Рис. L. Jaugey.

Иллюстрація къ „Тилу Уленспигелю“.
Ламме Гудзакъ.

Рис. J. Dittler.

нымъ. Не кляни меня, Всеволодъ... Правда, онъ вырастетъ безъ ласки матери, безъ чувствъ отца... Но въ немъ наша жизнь, залогъ любви, счастья... Не кляни, Всеволодъ, мать, рѣшившуюся ради сохраненія честнаго имени, подкинуть того, кто данъ ей такими лучшими, такими великими моментами, кто данъ ей пережитымъ счастьемъ и мукою материнства... Всеволодъ, я чувствую, что ты негодуешь, читая эти строки, но вѣдь пойми: я мать, я жена другого, меня ждетъ отвѣтъ, позоръ, клеймо... Ты свободенъ... Ты не пойдешь за опозоренной, да, не пойдешь... Ты человѣкъ. Пройдетъ страсть, и, боясь толпы, боясь толковъ, ты не протянешь мнѣ руки помощи... Нѣтъ... Наше счастье не въ материнствѣ... Пусть сына твоего воспитываютъ другіе... Развѣ мы не сумѣемъ невидимой рукой написать свои законы для нашего первенца? Развѣ мы не можемъ указать тотъ путь, по которому должны вести нашего малютку? Вѣрь мнѣ, Всеволодъ, что все будетъ такъ, какъ мы этого захотимъ. Не гаси свѣтъ предъ несчастной матерью. Не мучь ожиданіемъ... Приѣзжай, я жду тебя — отца и тайнаго мужа... Жду, чтобы передать тебѣ поцѣлуй нашего ребенка...”

Раевскій откинулся на спинку кресла, закрыть глаза и представилъ себѣ Вѣру Александровну подкидывающей ребенка. Въ немъ заговорило чувство отца. Къ вискамъ прилила кровь, и онъ въ экстазѣ жестоко осудилъ поступокъ Паладиной. Раевскому вспомнилось, какъ мѣсяцъ тому назадъ, провожая партію на изыскательныя работы, онъ былъ очевидцемъ такого гнуснаго преступленія. Шумно, дымно и холодно въ третьемъ классѣ Николаевского вокзала. Точно взбудораженный улей. Люди всѣхъ ранговъ. Бабы, мужики, дѣтишки, солдаты... Толчея, ругань, и вотъ кто-то на солдатскихъ шинеляхъ, сложенныхъ у дверей, усмотрѣлъ подкинутаго ребенка. Раевскому ясно представилась эта картина. Почти весь залъ скучился въ одно мѣсто. Еще стало говорливѣе, и каждый высказывалъ свое. Слышались и грубыя словечки, пускаемые по адресу матери — „суки несчастной“, были и сожалѣнія: „можетъ-быть, бѣдная“, даже нашлись и шутники, кричавшіе солдатикомъ, „что же, служивые, кто изъ васъ отецъ-то? Али взводъ цѣлый?“ И только красная шапка начальника станціи да усатый рослый жандармскій чинъ успокоили разговорившихся, взяли ребенка и отнесли за протоколить, бросивъ успокоительно расхрипавшей толпѣ: „на этой недѣлѣ третій уже...”

Всеволодъ боялся открыть глаза, боялся увидѣть гдѣ-нибудь въ темно-зеленомъ углу своего кабинета только-что воспроизведе-

Братская могила.

денное имя въ памяти, но уже съ ребенкомъ не невѣдомо чьимъ, а съ собственнымъ сыномъ.

Часы, медленно пробившіе восемь разъ, заставили его, считая удары, немного отвлечься и еще разъ взглянуть на письмо Паладиной: взглядъ его невольно упалъ на этотъ листокъ бумаги, облѣвшею подъ абажуромъ, и онъ еще разъ прочелъ: „Я все предусмотрѣла... Нашъ малютка не будетъ несчастнымъ... Не кляни меня, Всеволодъ“...

Эти строки, какъ слова защитника, смѣнили гнѣвъ на милость: Раевскій провелъ рукою по лбу, вытеръ выступившій холодный потъ и, взглянувъ на портретъ Паладиной, досталъ бланкъ телеграммы и порывисто написалъ: „Выѣзжаю завтра скорымъ“.

III.

„Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“, — говоритъ русская пословица. Судьба, во власти которой жизнь миллионъ, смерть, побѣды, радости, горе, въ рукахъ которой, какъ въ тенетахъ паука бьется запутавшаяся муха, бьются Паладина, Раевскій и имя подобные, указала крупный шагъ въ жизни еще одному человѣку — Петру Никодимовичу Хряцикову.

Хряциковъ не зналъ ни Паладиной ни Раевского, они тоже не знали, что гдѣ-то на земномъ шарѣ живетъ Петръ Никодимовичъ.

Судьба и время рѣшили кого-нибудь осчастливить, и этотъ кто-нибудь былъ на этотъ разъ Петромъ Никодимовичемъ Хряциковымъ.

Потерявъ отъ вторгнувшагося въ предѣлы необъятной Россіи врага все свое недвижимое и движимое имущество, Петръ Никодимовичъ устроился у какой-то дальней родственницы, подыскалъ себѣ мѣсто въ городѣ и сталъ служить. Свыкся съ новымъ положеніемъ, приглядѣлся къ людямъ, взялъ годовой билетъ — вотъ вамъ и новый мученикъ какой-нибудь Любани или Тосно. Изъ дня въ день короталъ жизнь Петръ Никодимовичъ, собиралъ вокругъ себя малышей и забавлялся съ ними. Когда ему замѣчали: „что вы, Петръ Никодимовичъ, все съ дѣтишками возитесь-то?“, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „дѣти надо мной смѣются по глупости, а если вы будете смѣяться, то ехидно и зло“. Такая любовь къ дѣтямъ все же не сдѣ-

Разъѣздъ.

лала его счастливымъ отцомъ, и онъ продолжалъ заканчивать четвертый десятокъ старымъ холостякомъ. На слова предлагавшихъ ему жениться Хряциковъ вздыхалъ и говорилъ: „Знать, еще не судьба, а судьба придетъ, такъ и на печи отыщется“.

IV.

Паладина прошла цѣлый рядъ вагоновъ. Пассажиры первого класса не расположили ея къ себѣ, тутъ все были люди ея круга, богатые, можетъ-быть, даже съ именами, занятые только собою и не глядѣвшіе на окружающихъ, второй классъ былъ переполненъ военными, и отнимать у нихъ время Паладина не нашла возможнымъ, зато третій классъ сразу произвелъ на Вѣру Александровну хорошее, располагающее впечатлѣніе, и она, поставивъ плетеную корзинку подъ первую свободную отъ входа скамейку, прошла далѣе и стала наблюдать.

Съ каждой станціи подсаживались пассажиры, и къ тремъ конечнымъ станціямъ въ вагонѣ стало тѣсно и шумно. Теперь Паладина смѣло могла слѣдить за выполнениемъ ея плана. Этотъ моментъ насталъ. Невѣдомо кто, сквозь говоръ и шумъ, вдругъ ясно различилъ звукъ живого существа. Стали прислушиваться, стихли. И вотъ Петръ Никодимовичъ Хряциковъ торжественно извлекъ изъ-подъ скамейки плетеную корзинку. Крикъ усилился. Ясно стало всѣмъ, что кто-то подбросилъ ребенка. Надъ Хряциковымъ стали смѣяться: „Твое счастье, Петръ Никодимовичъ... Ты выудилъ... Берн...“ Хряциковъ, улыбаясь, медленно развязывалъ веревки и говорилъ: „Возьму, возьму, Богъ на его долю пошлетъ“... Крышка корзинки ударила о спинку сидѣнья, и челоуѣкъ двадцать потянулось смотрѣть ребенка, то и дѣло спрашивая: „Мальчикъ? Дѣвочка?“

Въ корзинѣ, на чистомъ бѣлѣ, съ выпавшимъ изъ рта рожкомъ, лежало живое существо съ красноватымъ отъ жары личикомъ.

Паладина почувствовала, какъ отъ ея сердца отрываетъ кто-то частичку, она хотѣла броситься, заявить о своемъ правѣ, о правѣ матери, но, де крови прикусивъ губу, только пристально взглянула на Хряцикова, распорядившагося теперь ея сыномъ, и, взявъ себя въ руки, стала успокаиваться. Ей не пришлось слышать никакихъ оскорблявшихъ ея чувства словъ, такъ какъ обрадовавшійся подкидышу Петръ Никодимовичъ осторожно вынулъ ребенка изъ корзины и сталъ вправлять въ ротикъ крикуна выпавшій рожокъ. Всѣ окружающіе отъ души смѣялись надъ необыкновенной кормилицей, поздравляя Петра Никодимовича съ сыномъ, и никто пока не сказалъ ни слова, чтобы взять

Рис. М. Безроднаго.

мальчика отъ Хрящикова. Зато, когда Петръ Никодимовичъ, встряхивая постельку подкидыша, обнажилъ дно корзины, всё невольно ахнули и сразу кончили шутить съ Хрящиковымъ. Два кредитныхъ билета по пятьсотъ рублей и запечатанный конвертъ сразу породили у всѣхъ желаніе воспитывать ребенка. Хрящиковъ недоумѣвалъ, не глѣзилъ своимъ глазамъ и, волнуясь, говорилъ:

— Да что же это такое? Тысяча... Господи!.. Я и такъ бы взялъ... безъ денегъ... Право слово, взять бы.

Успокоенный ребенокъ закрылъ глаза и, отчмокивая губами, тянулъ молоко. Паладина за общимъ разговоромъ и пересудами, довольная, что судьба кинула ся ребенка въ надежныя руки, отеревъ скалившіяся слезы, вышла на площадку вагона.

Петръ Никодимовичъ демонстративно распечаталъ письмо и вслухъ прочелъ его содержаніе.

— „Если это будетъ женщина, то пусть вспомнитъ она всё муки материнства и прижметъ моего малютку къ своей груди, наравнѣ со своими дѣтьми, если — мужчина, то пусть спроситъ совѣта у женщины. Мое положеніе въ свѣтѣ и положеніе незаконнаго отца заставили меня рѣшиться на это преступленіе, но вы, пріотившіе у себя малютку, не будьте жестоки къ нему, лишенному изъ-за создавшихся условий ласкъ матери и заботы отца. На прилагаемую тысячу прошу только одно: сдѣлайте ему голубую колыбельку и купите образокъ Спасителя. Желая знать о судьбѣ моего ребенка, прошу адресовать письма на предъявителя рубля за № 307.000 въ городскую почтамтъ. Я и отецъ дитяти, кромѣ этихъ единовременныхъ денегъ, будемъ вамъ высылать на воспитаніе нашего сына по 50 рублей въ мѣсяцъ каждый. Вотъ и все, чего требуютъ несчастные мать и отецъ отъ васъ, пріотившихъ нашего первенца, сына нашей недолгой любви. Ребенокъ крещенъ. Имя — Всеволодъ. Мать...“

Строки этого письма еще болѣе возбудили пассажировъ. Те-

Англійское учебное судно

на которомъ обучаются минному дѣлу и радиотелеграфу.

перь всѣмъ хотѣлось быть воспитателями ребенка, но Хрящиковъ не уступилъ никому своего счастья.

Не поѣхавъ болѣе на службу, Петръ Никодимовичъ вернулся къ себѣ домой и, не сказавъ сразу всей правды, рѣшилъ испытать свою рожденицу этимъ неожиданнымъ подаркомъ. Рожденица же, къ великому его удовольствію, посмотрѣла на это дѣло серьезно и предложила Хрящикову свои услуги и заботы по воспитанію ребенка. Узнавъ же потомъ, при какихъ хорошихъ условіяхъ находится этотъ подкидышъ, она сначала даже опечалилась, потому что все это говорило за то, что не-сегодня-завтра явятся родители и предъявятъ свои права, не считаясь съ тѣмъ, что уже къ этому ребенку привыкнуть, полюбить его и станутъ видѣть въ немъ своего, родного, но потомъ успокоилась и вмѣстѣ съ Хрящиковымъ зародовалась посланнымъ счастьемъ, а Петръ Никодимовичъ, оставшись одинъ, сталъ соображать, въ какомъ колѣнѣ по древу предковъ приходится ему эта рожденица, и, высчитавъ, что колѣно это очень дальнее, какъ принято говорить, „десятая вода на кисель“, рѣшилъ просить ея руки, ссылаясь мысленно на то, что привычка къ опекаемому ребенку у него останется навсегда, а судьба, такъ милостиво бросившая ему младенца, можетъ поступить по-женски вполне и опять отнять его, а тутъ, уже имѣя своего ребенка, все не такъ трудно будетъ разстаться и съ чужимъ.

Генераль-маіоръ Лохвицкій.

Генераль Саррайль.

Прибытіе русскихъ войскъ въ Салоники.

Командующій союзными войсками французскій генераль Саррайль производитъ смотръ нашимъ войскамъ.

На англійскомъ фронтѣ.

Тяжелое орудіе на платформѣ.

Съ западнаго фронта.

Разказы В. Ропшина.

I. Барси.

Раненый, на костыляхъ, лейтенантъ, побывавшій на Марнѣ, на Изерѣ и въ Артуа, задумчиво свернулъ папиросу и, закуривая ее, сказалъ:

— Когда говорить о войнѣ, говорятъ объ ужасѣ и о страхѣ. Говорятъ о траншеяхъ, о нѣмцахъ, объ атакахъ, о пулеметахъ. Говорятъ объ аэропланахъ и дирижабляхъ. Словомъ, говорятъ обо всемъ, что понятно и ясно. Но исчерпывается ли этимъ война? Не бываетъ ли такихъ совпадений, которыхъ нельзя объяснить, такихъ случаевъ, когда съ тревогой спрашиваешь себя: что это, сонъ или явь? Вѣдь много есть на свѣтѣ такого, что и не снилось никакимъ мудрецамъ... Вотъ послушайте, что было со мной... Помните сраженіе на Уркѣ? Помните поединокъ Монури и фонъ-Клюка? Помните эти раскаленные сентябрьскіе дни, когда рѣшалась судьба Парижа?.. Ну, такъ нашъ полкъ,—я былъ тогда солдатомъ 2-го класса въ первомъ полку зуавовъ,—получилъ приказаніе защищать деревню Барси. Вы бывали въ этихъ мѣстахъ,—въ Иль де-Франсѣ?.. Голубые, смѣющіеся холмы, золотыя, смѣющіяся поля и зеленыя, тѣнистыя роши. Земной рай, да и только. Но для насъ Иль де-Франсѣ не былъ, разумеется, раемъ. Идешь съ винтовкой, съ тяжелымъ ранцемъ, съ патронташемъ, съ двумя мѣшками, со штыкомъ и съ лопатой.—кило тридцать виситъ на плечахъ. Солнце жжетъ, идти трудно, пыль столбомъ, и рубашку хоть выжимай... Пришли мы въ Барси. Нашъ батальонъ занялъ кладбище за деревней, кое-какъ окопался,—тогда еще не рыли траншей,—и прорубилъ въ церковной оградѣ бойницы. Ограда каменная, метра два высотой, а за оградой кресты. На крестахъ надписи: „Муниципальный совѣтникъ Дюпонъ“, „Муниципальный совѣтникъ Дюранъ“, и кое-гдѣ мавзолей. Деревенскіе мавзолеи: крыша, четыре стѣны и мраморный ангелъ, или мраморный голубь, или просто женскій портретъ, а подъ нимъ полустертыя дождями слова: „Моей вѣрной женѣ Агнесѣ“... Ну, расположились мы на кладбищѣ, ждемъ. Справа, въ Ветцѣ, трещитъ перестрѣлка, слѣва, въ Ле-Одуэнѣ, гремятъ орудія. А у насъ ничего... Передъ кладбищемъ скошенный дугъ и немного наискосокъ, шагахъ въ сорока, желѣзнодорожный откосъ. Этотъ откосъ мы заняли тоже. Къ вечеру канонада стала сильнѣе, начали нѣмцы стрѣлять по Барси. Первый снарядъ не долетѣлъ и взорвался въ открытомъ полѣ. Второй угодили прямо въ церковь, погнулъ шпиль и прострѣлилъ желѣзную крышу. А тамъ и пошло... Рвется шрапнель надъ нашими головами, и, нѣтъ-нѣтъ, упадетъ зуавъ и уже не встанетъ, конечно. Теряемъ мы понапуганную людей и въ деревнѣ, и на кладбищѣ, и передъ кладбищемъ. на

откосѣ. Прошло съ полчаса, видимъ,—далеко вперед, за стогами, зашевелились стѣрыя куртки. Сначала даже и куртокъ не было видно, а такъ, ползеть густой и темный туманъ. Потомъ ужъ ясно, какъ на ладони: идутъ въ каскахъ, густыми рядами, быстрымъ шагомъ и орутъ во все горло. Нашъ капитанъ допустилъ ихъ метровъ на пятьдесятъ, а потомъ скомандовалъ открыть огонь... Ну, стрѣляемъ мы,—было съ нами два пулемета,—а они все идутъ, падаютъ, а другіе идутъ... Но нѣтъ, не дошли однако... То-есть до кладбища не дошли, а откосъ такъ-взяли... И вотъ тутъ-то и случилось со мной... Я стою у бойницы и стрѣляю безъ перерыва. Накапалась винтовка, жжетъ мнѣ руку, а я не чувствую боли, лишь бы выстрѣлить, лишь бы попасть. И стоновъ кругомъ не слышу... Помню, жарко было и во рту пересохло, а больше ничего и вспомнить я не могу... А очнулся я вотъ когда: цѣлюсь и замѣчаю, что на откосѣ, съ другой его стороны, залегло десятка два нѣмцевъ. Они выше насъ и бьютъ зуавовъ на выборъ, а намъ видны только головы въ каскахъ. Одинъ нѣмецъ лежитъ въ сторонѣ отъ своихъ и—чувствую—цѣлится прямо въ меня. И вотъ подумайте: я блондинъ, онъ тоже блондинъ, мнѣ 32 года, и ему не болѣе 30 лѣтъ, у меня голубые глаза, и у него голубые глаза, у меня усы кверху, и у него усы кверху, у меня борода подстрижена клиномъ, и у него борода подстрижена клиномъ, и еще,—и это самое странное,—у меня шрамъ на лѣвой щекѣ, и у него шрамъ на лѣвой щекѣ. Вотъ смотрю я на него, на дуло его винтовки, и весь какъ-то оцѣпенѣлъ и понять не могу, что же именно происходитъ кругомъ, и кто же это такой. Длилось это секунду, даже, навѣрное, меньше секунды. А потомъ я выстрѣлилъ первый. Выстрѣлилъ, а его голова сейчасъ же и исчезла съ откоса. Нѣтъ моего нѣмца. Пропалъ. „Кого убилъ?—думаю,—не самого ли себя?“... Увѣрю васъ, такая сумасшедшая мысль у меня мелькнула. Только некогда было думать: капитанъ винтовкой взмахнулъ,—„впередъ“... Въ контри-атаку... Какъ очутился я за оградой, не знаю. Вскрабкаться на откосъ, взглянуть: валяются всюду убитые нѣмцы, а живые безъ оглядки бѣгутъ. Откосъ снова нашъ и кладбище тоже наше. Значить, побѣда... И, что же вы думаете? Сталь я моего нѣмца искать. Искать недолго, гляжу: лежитъ онъ навзничъ и ноги по откосу раскинулъ. Посмотрѣлъ я ему въ лицо. Да, блондинъ съ голубыми глазами, съ бородкой клиномъ и со шрамомъ на лѣвой щекѣ... Увѣрю васъ: я... Я, не кто другой... Не то что сходство, а тожество полное, точно въ зеркало посмотрѣлся. Только онъ въ нѣмецкой формѣ, а я во французской... И опять я подумалъ: „Кого я убилъ?.. Не самого ли себя?“... Но и тутъ не пришлось думать долго. Капитанъ опять закричалъ: „En avant!“ (Впередъ!)... и

мы побжжали дальше и окопались у лѣса. А тамъ и ночь опустилась, стало темно... Чѣмъ окончилось сражѣе на Уркѣ, вамъ, конечно, извѣстно: фонъ-Клюкъ отступилъ, и Франція была спасена... А вотъ скажите мнѣ, что же это было со мной? Кого же это я убилъ въ тотъ день на откосѣ?.. Я не могу этого понять до сихъ поръ, и, какъ вѣдомню Барен, мнѣ становится жутко. Въ чемъ тутъ дѣло? Что это за невѣроятное совпаденіе? Или это, просто-напросто, случай?.. Вѣдь бываютъ похожіе люди... Я не суевѣренъ. Я рассказываю, что видѣлъ, а объяснить, простите меня, не берусь...

Онъ замолчалъ. Молчалъ и я, почти не вѣря его разсказу. По бульвару сбѣжила толпа, мчались автомобили, и наверху, въ темнѣющихъ небесахъ, шестели сухо каштаны. Все было понятно и ясно. И казалось, что на свѣтѣ нѣтъ ни войны, ни тайнъ, ни загадокъ.

II. Разсказъ матроса.

Когда взошло солнце, капитанъ осматрѣлъ горизонтъ и сказалъ:

— Будетъ свѣжій восточный вѣтеръ.

Онъ могъ бы этого и не говорить. Если утромъ на востокѣ замѣтна сѣрая полоса, то даже грузчикъ въ порту понимаетъ, что это значитъ. Но марсельцы не умѣютъ молчать. Такіе ужъ люди. Это, должно-быть, отъ солнца. А, можетъ-быть, отъ мистрала... Я такъ думаю, что скорѣе отъ солнца.

Передъ полуднемъ мы взяли курсъ на юго-востокъ, къ острову Азинара. Черезъ часъ дѣйствительно подулъ вѣтеръ, и разошлась довольно сильная зыбь. Наше суденышко „Стелла“ качало, какъ пустую бутылку: 225 тоннъ, почти нѣтъ баласта, одна пушка и пятнадцать матросовъ. Въ мирное время мы просто-напросто рыбаки,—ходимъ въ Атлантической океанъ. Въ военное—сторожевой пароходъ. Хорошъ пароходъ... Кардиффа жжемъ много, а работаемъ мало. То-есть работаемъ-то мы день и ночь, да толку отъ этого нѣтъ. Такъ, ходимъ около береговъ или между Корсикой и Тулономъ, и никогда австрійцевъ не видимъ. Только и дѣлаемъ, что телеграфируемъ адмиралу: „Все спокойно. Не встрѣтили никого. Возвращаемся въ Кальви“... Ну что же? Наше дѣло морское. Въ морѣ мы у себя, а придемъ въ Аяччо либо въ Марсель,—не знаемъ, что дѣлать... Дальше бара все равно не уйдемъ... На кораблѣ или въ барѣ. Въ этомъ наша матросская жизнь.

Подъ вечеръ капитанъ говоритъ:

— Ну-ка, посмотри, Ле-Биганъ, что это тамъ такое?

Я взглянулъ: волна и бѣлые гребни. А онъ опять показываетъ рукой:

— Да вонъ тамъ, лѣвѣе на румбъ...

Я присмотрѣлся и говорю:

— Это, должно-быть, буюкъ.

— Буюкъ?—говоритъ.—Какой же можетъ быть здѣсь буюкъ?

— Ну, обломокъ весла.

— Обломокъ весла?... Эхъ вы, бретонцы, глазъ у васъ вовсе нѣтъ...

Задѣлъ онъ меня такими словами. Хорошо: мы бретонцы... А провансальцы чѣмъ лучше насъ?.. Что тутъ увидишь? Ходить зыбь, больше нѣтъ ничего. Правда, какъ будто ныряетъ что-то, да нельзя разобрать: не то пробка, не то коробка. И вдругъ понялъ я,—осѣнила св. Дѣва Марія,—кричу:

— Капитанъ, да вѣдь это австрійецъ!

А онъ сплюнулъ и говоритъ:

— А я что же тебѣ говорю?

И командовалъ:

— Право руля. Полнымъ ходомъ впередъ.

Дрогнула „Стелла“, пошла. А перископа ужъ нѣтъ. Исчезъ. Они, хитрые, увидѣли насъ—и на дно. Что подѣлаешь съ ними? Миною не попадешь, а пушки нашей они боятся. Святая Дѣва Марія... Неужели прозѣвали австрійца?.. Капитанъ сердится:

— Я же говорилъ, посмотри... А ты толкуешь: буюкъ. Вотъ тебѣ и вышелъ буюкъ.

Когда зыбь, плохо видно. Стали мы въ оба глаза смотреть. Покружились на мѣстѣ, бросились на востокъ, потомъ на югъ, потомъ вернулись назадъ и—полнымъ ходомъ на

сѣверъ. Глядимъ: лопаются на волнахъ пузыри,—зеленоватая дорожка изъ лузрей. Точно кто-то подъ водой дышитъ. Я показываю капитану, а онъ только рукой махнулъ:

— И безъ тебя вижу.

И по телеграфу далъ знать:

„Преслѣдуемъ подводную лодку. Курсъ на юго-юго-востокъ“.

Теперь какъ бы слѣда не потерять... Идемъ сзади. Качаетъ сильно, и вѣтеръ все свѣжѣй и свѣжѣй. Пузыри то пропадаютъ, то обозначаются ясно. Долго такъ шли. До ночи. А ночью вѣтеръ упалъ, стало тихо. Хотя и покачивается, да все-таки ужъ не то. Ночь лунная, и дорожка разбѣгется по волнѣ. Ну, думаемъ, скоро австрійецъ выплыветъ на поверхность. Душно ему: воздуху ему не хватаетъ. И дѣйствительно, этакъ въ одиннадцатомъ часу началъ онъ медленно идти, и пузырьрей стало какъ будто меньше. А на горизонтѣ уже дымки: бѣгутъ миноносцы. Спрашиваетъ одинъ „Маркони“: „Гдѣ подводная лодка?“ Мы отвѣчаемъ: „Тутъ онъ, возлѣ насъ“. А сами ждемъ: скоро ли покажется перископъ?

Прошло еще полчаса, миноносцы подошли ближе и тоже сзади подводной лодки идутъ. Уже луна поблѣднѣла, и звѣзды ярче зажглись, а перископа все-нѣтъ. Вдругъ смотрю: метрахъ въ двухстахъ отъ насъ качается тонкая жердь. И сейчасъ же капитанъ командовалъ:

— Пушка!

Мы стрѣляемъ, и миноносцы тоже стрѣляютъ. Грохотъ, свистъ, и изъ воды фонтаны встаютъ. Видимъ,—точно рыба выплыла брюхомъ вверхъ: поднимается подводная лодка. Значитъ, разбили мы перископъ. Австрійцы по одному на мостикъ выходятъ. А миноносцы продолжаютъ стрѣлять. И наша пушка, конечно. Такой шумъ стоитъ, какъ въ аду... Начали австрійцы въ море бросаться. А вмѣсто лодки уже только масляное пятно, радугой отливается на водѣ. Спустили мы шлюпку, гребемъ. Капитанъ,—онъ марселецъ, ему нельзя не кричать,—кричитъ во все горло:

— Гребите, дѣти, сильнѣй... Не то моряки утонуть...

Подобрали мы семь человѣкъ. Мокрые, иззябли, дрожатъ, а на насъ волкомъ смотрятъ. Здоровые парни,—какъ на подборъ. А одинъ, какъ завидѣлъ шлюпку,—вѣрите ли?—въ море уплылъ. Мы ему:

— Эй, австрійецъ, сюда!..

А онъ все дальше и дальше. Мы за нимъ, онъ отъ насъ. Догнали его, говоримъ:

— Вылѣзай скорѣй изъ воды.

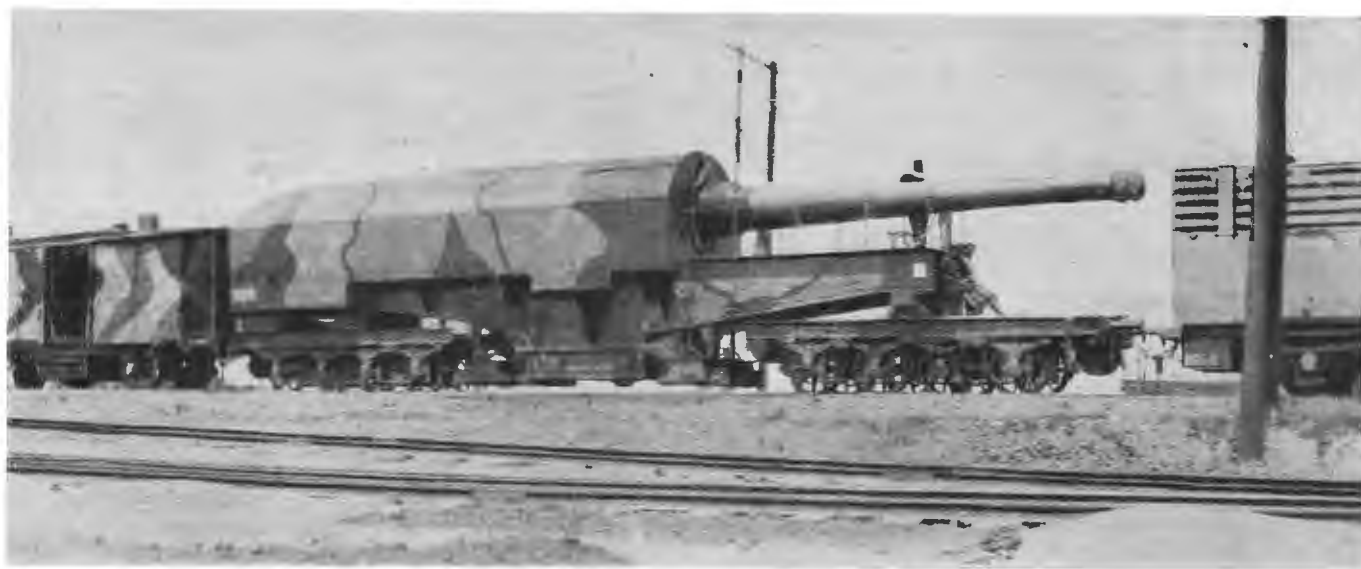
Онъ молчитъ. Ему плѣнные что-то по-нѣмецки бормочутъ, а онъ въ отвѣтъ только головой крутитъ: „не хочу, моль, сдаваться“... Ну, мы все-таки вытащили его. Вытащили, глядимъ: три гауна, офицеръ. Съелъ онъ, ни одного слова никому не сказалъ, грустный такой сидитъ. Привезли къ капитану. Капитанъ и спрашиваетъ его:

— Какой нумеръ подводной лодки?

На англійскомъ фронтѣ.

На пути къ врагу. Подъемъ снаряда къ тяжелому орудію.

Французский блндированный поъздъ, вооруженный тяжелыми орудіями и

А онъ какъ будто нѣмой: ни звука. Капитанъ разсердился: — Вы мой плѣнникъ. Вы обязаны отвѣчать. А австріецъ даже и глазъ не подымялъ. Сколько капитанъ ни кричалъ, ничего отъ него не слышалъ. А тутъ съ миноносца приказъ: „Перевезти плѣнныхъ на „Кирасира“. Нечего дѣлать: пришлось снова шлюнку спускать... „Кирасиръ“ повернулъ обратно въ Тулонъ, остальные миноносцы взяли курсъ на сѣверо-западъ, а мы снова поплелась къ Азинарбъ. Команда довольна: потопили подводную лодку. А капитанъ ругается, говоритъ:

— Изъ-за тебя прозѣвали!.. Бускъ!.. Если бы днемъ ее потопить, то миноносцы бы не пришли, и плѣнные бы у насъ въ каютѣ сидѣли. Эхъ, вы, бретонцы!..

Гордецы эти марсельцы. Ему жалко, что не онъ одинъ потопилъ. Такіе всё они тамъ въ Марсели: „Вотъ, смотрите, я, молъ, простой рыбакъ, а поймалъ австрійскую лодку“... А по-нашему, по-бретонски, потопила св. Дѣва Марія. Ея воля. Не наша... Ну, а теперь мы снова ходимъ у береговъ: Аяччіо—Кальви, Кальви—Тулонъ—Марсель... И опять никого не видимъ... Ужъ такая наша матросская служба.

Встрѣча

Мы пріѣхали встрѣтить отца на вокзалъ.
 Съ сердцѣ тайная радость проснулась...
 — Безъ ноги!— кто-то рядомъ тихонько сказалъ.
 Мать шагнула впередъ, пошатнулась.
 А герой нашъ съ улыбкой качалъ головой:
 — Чтѣ за нервы!.. Не мѣсто печали
 Въ дни, когда неудержно въ семьѣ боевой
 Шѣсни новыхъ побѣдъ зазвучали!
 На меня посмотрите: въ повязкѣ рука,
 Безъ ноги и вдобавокъ контужень,
 Но объ отдыхѣ мысль отъ меня далека:
 Я и здѣсь буду родинѣ нуженъ.
 Всю дорогу бодрилъ насъ герой-генералъ
 И считалъ ордена боевые,
 А потомъ у камня въ кружокъ насъ собрасть
 Слушать дней нашихъ сказки живыя...
 Зябко куталась мать. Въ потемнѣвшихъ глазахъ
 Набѣжавшія слезы стояли.
 Больше стало какъ будто сѣдинъ въ волосахъ,
 И въ лицѣ ея краски увяли.

А у насъ молодья стучали сердца
 И сжимались отъ гнѣва и боли:
 Сколько ужаса было въ рассказахъ отца,
 А въ груди—и терпѣнья и воли!
 Тихо скрипнула дверь... Обернулся отецъ:
 — Лева, зять!.. Вотъ кто мой замѣститель,
 Вотъ кто новый за родину будетъ босить,
 Вотъ ея и защитникъ и мститель!
 О, повѣрь, какъ въ груди моей сердце болитъ,
 Что не въ силахъ къ полку возвратиться,
 Что не въ силахъ, какъ прежде, старикъ-инвалидъ,
 Въ сѣчу жаркую съ боемъ врубиться.
 Но тебя умоляю: не медли идти...
 Тамъ, гдѣ летитъ кровавая лава,
 Рѣбегъ ужаса, и смерть сторожатъ на пути,
 Тамъ и честь и побѣда и слава!
 Передъ ликомъ войны назовешь ты тогда
 Праздный путь и пустымъ и бездушнымъ.
 И, повѣрь, не простилъ бы себѣ никогда,
 Что прошелъ въ эти дни равнодушнымъ.

Елена Федотова.

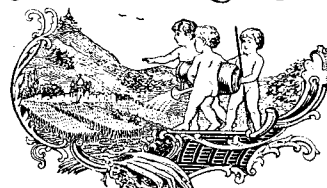

НИВА

1916 г.
№ 45

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выдашь 5-го ноября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку: непарейды въ одинъ столбець (въ 1/4 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ постъ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за ноябрь.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1917 г.

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, иллюстраціи и снимки съ театра военн. дѣйствій.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія для ДѢТЕЙ.

52 книги „СВОРНИКА НИВЫ“, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

первая серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО,

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА,

полный переводъ
романа
„ДОНЪ-КИХОТЪ“

СЕРВАНТЕСА,

ТРЕТЬЯ серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА

(СИБИРЯКА).

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1917 г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:
Безъ доставки 12 р. 50 к.
Съ до- 13 р. 50 к.
ставкою

Безъ доставки:

1) въ Москвѣ:
въ конторѣ Н. Н.
ПЕЧКОВСКОЙ. 13 р. 25 к.
и 2) въ Одессѣ:
въ книжн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“. 13 р. 50 к.

Съ пересыл-
кою во всѣ
города и
мѣстности
Россіи

14 р.

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:
въ два срока (при подпискѣ 7 р. и 1 июня 7 р.), въ три срока (при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля 5 р. и 1 августа 4 р.) и въ 4 срока (при подпискѣ 4 р., 1 марта 3 р., 1 июня 4 р. и 1 августа 3 р.).

Подробное объявленіе см. въ № 41 на стр. 689^а—689^б.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебиенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки. Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬИСЪ ВВА
ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

МІРЪ ТАИНСТВЕННОГО.

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА

(содержитъ около 300 волшебныхъ фокусовъ). Открытіе тайнъ черной и бѣлой магіи. Спиритизмъ и разоблаченіе его лживости. Составлена по лучшимъ новѣйшимъ и древнѣйшимъ руководствамъ.

Краткое содержаніе: Магическіе и спиритическіе паразитичные фокусы: говорящіе, стучащіе, ходящіе столы и проч. Самые простые способы безъ всякихъ аппаратовъ угадывать мысли другихъ лицъ или, сидя съ завязанными глазами въ другой комнатѣ, точно и безошибочно указывать, какіе предметы находятся въ карманѣ у совершенно незнакомыхъ вриателей, сколько у кого въ карманѣ денегъ и какъ кого зовутъ. Угадать имя жениха или невесты, или кто кого любитъ. Показывать тѣни привидѣній желаемыхъ лицъ. Масса карточныхъ фокусовъ, легко исполнимыхъ. Эти необыкновенные фокусы—дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Умертвить живого пѣтуха и оживить его. Превратить эмаль въ пазку, а воду—въ вино. Таинства и секреты магіи; индійское искусство брать расклеванное желѣзо голыми руками, воткнуть гвоздь въ языкъ, пронзить себя ласковой шпалой, показать оgrabанную голову и сбѣгать себя неудавшимся. Искусство дѣлать деньги изъ воды. Наполнить мгновенно квартиру водой или туманомъ. Лягушка изъ ничего, шитье безъ нитки и иголки. Пронзить руку ножомъ. Воткнуть шило въ голову. Закождованіи. денежи, шкатулка. Волшебный танецъ монеты и масса другихъ паразитичныхъ фокусовъ. Разоблаченіе и объясненіе знаменит. театральныхъ фокусовъ и подробное наставленіе, какъ ихъ дѣлать. Открытіе тайнъ древнихъ египетскихъ и персидскихъ магиковъ. Угадываніе мыслей. Во время исполненія фокусовъ каждый домъ можно превратить въ закождованный замокъ и много др. Цѣна 1 руб. 25 коп. съ перес. 1 р. 55 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: П. КОМИСАРЕНКО, МОСКВА, УЛАНСКІЙ ПЕР., 30—4, КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ВАЖНО ДЛЯ гг. РЕГЕНТОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВН. ПѢНІЯ!

С. ЛЯПУНОВЪ, Соч. 62.
Херувимскія пѣсни: №№ 1, 2. Достойно есть, Отче нашъ, Свѣте тихій, Хвалите Господа. Парг. и голоса отъ 20 до 50 к.

А. С. ТАНЪЕВЪ.
Пѣніе на литургіи св. Іоанна Златоуста. Парг.—2р. Всѣ для снѣжан. хора. 479

Нов. каталогъ дух. муз. соч.—безплатно. **МОСКВА,**
П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

НА ГИТАРЪ

въ пѣск. дной безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть ари романсы, танцы и пьесы. Полн. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пьесъ за три руб. Москва, ред. журн. „Соколь“, 46 Печатниковъ пер., 18/2. (3)

ВОЛШЕБСТВО И МАГІЯ.

Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (3)
Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколь“, Печатниковъ пер., 18/2.

РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

для лѣчебныхъ цѣлей продаются въ конторѣ, Петроградъ, Вас. Остр., 15 лин., д. 48, тел. 139—90 и высылаются наложеннымъ платежомъ и въ аптекахъ въ Эссенукахъ, Кисловодскѣ и Пятигорскѣ. Цѣна 1 пакета 8 р., 1/2 пакета 4 р. 50 к. Желающимъ контора высылаетъ проспекты.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готикъ, батарды и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадержат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткий срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скоростр. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрун. пишущихъ, и словъ съ буковко Ъ. Всѣ правила легко усваиваются по-

мощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стран. Цѣна (II) 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр. формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезвѣчить себя службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

При посылк. налогъ плат. на 25 к. дорож.

Адр.: Книгозд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благодаря чему является незаменимымъ средствомъ при различныхъ желудочныхъ заболѣваніяхъ, а также рекомендуется для грудныхъ дѣтей старшаго возраста.

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 12 ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

Англ. Акц. О-во „АЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“ (Россія)

МОСКВА. Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

Заработокъ въ вѣри, побочн. 100—200 р. мѣс. лицамъ об. пола и дѣт. безъ затр. вездѣ. Дѣло—соверш. **НОВОСТЬ**, ориг. интер., не агитур. и т. п. Подр. вмс. за 10 к. и на пер. г. Архангельскъ, Поморская, 72. А. М. Малахову, 46

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписать „Механическую пропись“. Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколь“, Печатниковъ п., 18/2.

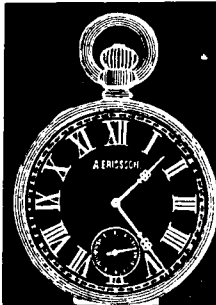
ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ!

ДАЙТЕ ДѢТЯМЪ ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВУ.

За 3 р. 50 к. высылаю, почтов. налогъ плат. для вырѣзк. и склеиванія: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигуръ) или 2) Аэро-гидропланъ, санит. повозки, бронир. автомобиль, дрездноуэт. крейсеръ, пароходъ, пушки, миноносцы, санит. автомоб. и вагонъ, изъ жизни народ., птицы, звѣри. 456 животных. 8-3
Контора „ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчин. Петроградъ, гвб., Богоутовская ул., 57

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА И САМОУЧИТЕЛИ.

1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первый классъ, или на польскопредѣляющ. съ правомъ поступленія въ школу прапорщиковъ—5 р. 75 к., 2) Самоучители языковъ: франц.—95 к., англ.—1 р. 50 к., латинск.—1р. 45 к., итал.—1 р. 25 к., нѣмецк.—95 к., польскаго—1 р. 20 к., эсперанто—1 р. 3) Бухгалтерія для всѣхъ—руководство къ самоподготовкѣ на бухгалтера—1 р. 55 к. 4) Шофферъ и мотоциклистъ—руководство для самоподготовки на шофера или для желающихъ поступить въ автомоб. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и произв.: Полный курсъ мыловаренія—1 р. 50 к. Изготовленіе всяк. рода чернилъ—1 р. 25 к. Изготовленіе безалкогольныхъ винъ и напиктовъ—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производство—2 р. 25 к. Чמודанное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 90 к. Изготовл. лаковъ и красокъ—1 р. 55 к. Какъ шить и чинить самому обувь—1 р. 20 к. 6) Книга для конторск. и ш. вкач.—65 к., 7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., кино-механика и съемника—6 р. 95 к. Трѣб. язр.: Москва. Б. Гатчинск. 10, изд-ству Д. Куманова.

Августь **Эрикссонъ**
хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевской Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Императорскаго Россійскаго флота и др. и пр.
сущ. съ 1865 г.
ХРОНОМЕТРЫ И ЧАСЫ.
Илл. прейес-журнанти гг. многогодичныя съвѣтливо,
Петроградъ, Невскій пр., № 13.

ОТЛИКИ ВОЙНЫ.

Норвежско-германское столкновение.

(Политическое обозрѣніе).

Германія оказывается особенно неприятнымъ сосѣдомъ для маленькихъ государствъ. Съ сильными она еще кое-какъ считается, когда въ чемъ рѣшительно нажмутъ, идетъ даже на уступки, какъ, напр. по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ въ вопросъ о подводной войнѣ, но зато со слабыми несколько не церемонится и въ отвѣтъ на малѣйшіе протесты сразу показываетъ имъ символическій кулакъ. Такая исторія разыгралась на дняхъ съ Норвегіей. Въ числѣ прочихъ нейтральныхъ государствъ Норвегія не мало пострадала отъ подводной войны. Германскими минами потоплены десятки норвежскихъ коммерческихъ пароходовъ съ грузомъ стоимостью въ сотни тысячъ тоннъ и стоимостью въ сотни миллионъвъ кронъ. Страна сѣвернаго судоходства на всѣхъ путяхъ неминуемо встрѣчалась съ германскими военными судами. Ея потери росли по мѣрѣ развитія морскихъ сношеній съ Англійей и съ нейтральными государствами. Она терпѣла, терпѣла, но наконецъ ея терпѣніе истощилось, и послѣ того какъ германскія подводныя лодки начали топить и захватывать норвежскія торговыя суда, даже въ норвежскихъ территориальныхъ водахъ, чуть ли не въ родныхъ портахъ и бухтахъ, норвежское правительство выступило наконецъ съ рѣшительнымъ протестомъ и требованіемъ должнаго уваженія къ національному морскому флагу. Берлинскіе дипломаты ничуть не смущались. На свои обязательства и подписанныя деклараціи съ правилами войны они смотрятъ только какъ на „клочки бумаги“, изъ всѣхъ человѣческихъ правъ признаютъ только звѣриное право сильнаго и ко всей Норвегіи, не имѣющей значительнаго военнаго флота, относятся такъ же издѣвательски-презрительно, какъ капитаны нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ относятся къ не имѣющимъ пушекъ нейтральнымъ коммерческимъ судамъ. Германская отвѣтная нота дала между строкъ почувствовать въ Христианіи, что она не считаетъ норвежскій нейтралитетъ благожелательнымъ для Германіи, что норвежскій коммерческій флотъ обрекается на истребленіе, какъ полунеприятельскій, и что единственнымъ способомъ обезопасить себя отъ гибели является принятіе чисто-служебнаго положенія по снабженію Германіи металлами, продовольствомъ, рыбой и т. д.

Такъ какъ нѣмецкіе броненосцы сидятъ запертыми во внутреннихъ гаваняхъ, то нѣмцы, строго говоря, не имѣютъ возможности вести противъ Норвегіи открытую морскую войну, но это несколько не мѣшаетъ имъ и безъ объявленія войны топить норвежскія суда подводными лодками. Съ другой стороны и Норвегія не располагаетъ сколько-нибудь значительными морскими или сухопутными силами для объявленія войны Германіи. Союзники, разумѣется, защитятъ и прикроютъ ея берега, но сами мало что выгадаютъ отъ присылки какой-нибудь дивизіи норвежскихъ войскъ на англо-германскій фронтъ гдѣ-нибудь на Соммѣ или у Вердена. Участіе маленькой Норвегіи въ великой европейской войнѣ будетъ, вѣроятно, такъ же незамѣтно, какъ и участіе Португаліи, давно уже объявившей войну Германіи и все еще только собирающейся послать свой отрядъ на помощь французамъ. Такіе дипломатическіе опыты могутъ имѣть не столько военно-стратегическое, сколько символическое значеніе. Такъ какъ реальной пользы отъ германо-норвежскаго столкновенія никто, въ сущности, не получитъ, а неприятностей прибавится еще больше, то надо думать, что до войны дѣло въ концѣ концовъ не дойдетъ, и дипломатическій конфликтъ получить мирное рѣшеніе. На это указываетъ и то обстоятельство, что

Подъ землю въ разрушенномъ Реймсѣ. Въ безысходной злобѣ за кровавую неудачу подъ Верденомъ нѣмцы снова стали громить полуразрушенный Реймсъ, — беззащитный, безлюдный. Въ Реймсѣ нѣтъ больше жизни, — она ушла подъ Реймсъ, въ его подземелья. Предъ нами на стр. 756 изображена картина жизни Реймса, — современная жизнь «будущаго» Реймса — его дѣтей, руководимыхъ ихъ учителями и учительницами, оставшимися въ родномъ городѣ, несмотря на ужасы бомбардировки. Талантливый русскій писатель — поэтъ И. Эренбургъ въ Парижѣ получилъ возможность ознакомиться съ интересными записками учителей и учительницъ «подземныхъ» школъ Реймса. Яркую выдержку изъ нихъ онъ приводитъ въ своей корреспонденціи въ «Бирж. Вѣд».

«Въ Реймсѣ теперь въ наиболѣе подверженныхъ бомбардировкѣ кварталахъ, въ 2.000 метрахъ отъ нѣмецкихъ траншей, существуютъ дѣтскія школы! Помѣщаются онѣ въ погребахъ большихъ складовъ шампанскаго, въ 10—15 метрахъ подъ землей. Этихъ школъ шестнадцать, и въ нихъ около 2.000 учениковъ и ученицъ. Открыты ихъ въ началѣ 1915 года; двадцать мѣсяцевъ длится этотъ подвигъ учителей и дѣтей, сидящихъ надъ букварями, среди разрывающихся въ двадцати шагахъ снарядовъ.

Я изложу въ нѣсколькихъ словахъ «лѣтопись» школы Дюбай, насчитывающей около 200 учениковъ. Она помѣщается въ нижнемъ погребѣ большого виннаго склада.

Ея исторія — исторія остальныхъ пятнадцати школъ.

Школу Дюбай открыли 8-го февраля. Дѣти рады, торжественны, одѣты по-праздничному. Въ огромномъ подвалѣ въ четырехъ углахъ размѣщены четыре различныхъ класса. Посерединѣ — дѣтскій садъ для маленькихъ. Керосиновые лампы, шумъ другого класса, младенцевъ, словомъ, всяческой неудобства. Но зато школа хорошо защищена отъ снарядовъ, — она на 12 метровъ подъ землей.

22-е февраля. Утро послѣ страшнаго ночи неустойной бомбардировки. Никто не спалъ. Кварталъ, гдѣ находится школа Дюбай, былъ осыпанъ снарядами съ нѣмецкихъ фортовъ Бримона и Френъ. Попятно, занятій нѣтъ, но дѣти

посланники норвежскій и германскій, временно вызванные каждый къ своему правительству, уже вернулись въ тѣ столицы, при которыхъ они аккредитованы. Очевидно, ни та ни другая сторона не стремятся къ разрыву.

При желаніи, найти какое-нибудь примиряющее соглашеніе будетъ, разумѣется, не такъ уже трудно. Германіи не къ чему плодить себѣ враговъ безъ конца, и она, вѣроятно, предпочтетъ нѣсколько сократить продѣлки своихъ подводныхъ лодокъ въ норвежскихъ фюрдахъ, подобно тому, какъ на дняхъ сочла себя обязанной извиниться передъ Голландіей за систематически допускаемые перелеты цепелиновъ надъ голландской территоріей по пути въ Англию. Реально политическая цѣнность германо-норвежскаго конфликта, такимъ образомъ, очень не велика, зато его моральное значеніе чрезвычайно важно. Уже сильная опасность войны норвежцевъ съ нѣмцами замѣтно оказала свое отрезвляющее вліяніе на всю Скандинавію. И шведы, и датчане, и даже голландцы сразу прониклись горячимъ сочувствіемъ къ положенію маленькой и беззащитной Норвегіи. Каждый подумалъ, что и онъ можетъ завтра же очутиться точно въ такомъ же неприятномъ положеніи, какъ и норвежцы. Воизвъ за самого себя заставляетъ заботливѣе отнестись къ себѣ. И въ Стокгольмѣ, и въ Христианіи, и въ Копенгагенѣ пробудилось чувство скандинавской солидарности передъ той опасностью, которой германское военное насильничество и грубое неуваженіе къ международному праву угрожаетъ каждому слабому государству. Даже самые германофильствующие кружки въ Швеции заговорили другимъ языкомъ. Лживые мнѣнія о русскихъ завоевателяхъ замеслаха разсѣялись прахомъ передъ реальной угрозой безперемоннаго нѣмецкаго нахрала. Всѣ многолѣтнія старанія работающихъ на германскія деньги агитаторовъ, наускивающихъ шведское общественное мнѣніе противъ Россіи, пропали даромъ. Дѣйствительность оказалась сильнѣе субсидированныхъ вымысловъ.

Передъ дипломатами маленькихъ скандинавскихъ государствъ выяснилась повелительная необходимость крѣпче и вѣрнѣе обезопасить себя отъ риска столкновенія съ всемирнымъ насильникомъ путемъ заключенія оборонительнаго союза. Одна возможность германо-норвежской войны несомнѣнно привела уже къ общему просвѣтленію скандинавской политической мысли, которая, разъ начавшись, на полупути, разумѣется, уже не остановится и неминуемо когда-нибудь дойдетъ до своего логическаго конца. Такъ какъ для самозащиты отъ Германіи силы всей Скандинавіи явно недостаточны, то очевидно, что для того, чтобы гарантировать свой завтрашній день, слившійся въ союзъ скандинавскія государства поневолѣ будутъ вынуждены искать опоры у болѣе могущественной европейской коалиціи. И глубоко миролюбивая, не имѣющая никакихъ территориальныхъ тяжбъ со Швеціей Россія, и принципиальная защитница свободъ мелкихъ народовъ Англія, и дружественная шведамъ Франція являются естественными покровителями прорзѣвшихъ въ своемъ политическомъ самосознаніи скандинавцевъ. Появившійся на моментъ надъ норвежскими фюрдами кровавый призракъ войны съ нѣмцами, Богъ дастъ, быстро разсѣется, но онъ уже успѣлъ дать новое болѣе исторически естественное направленіе политическимъ тяготѣніямъ скандинавскихъ народовъ и внести нѣкоторое успокоеніе на всемъ сѣверѣ Европы.

все же приходять въ школу. Послѣ обѣда въ погребѣ почти всѣ ученики въ сборѣ. Не пришли тѣ, у кого дома несчастье. Дѣти рассказываютъ учителю:

— У Шарля убило маму...

— У теткы Леруа оторвало два пальца на правой рукѣ...

— Къ намъ снарядъ упалъ на дворъ, но никого не убило...

6-го марта во время занятій, большой 210-миллиметровый снарядъ падаетъ на домъ, въ которомъ помѣщается школа. Страшная минута. Всѣ цѣлы. Малыши плачутъ. Тогда одинъ одиннадцатилѣтній мальчикъ кричитъ:

— Тише! Успокойтесь! Никогда два снаряда не падаютъ на одно и то же мѣсто. Опасность миновала.

25-го мая. Прививаютъ дѣтямъ оспу. Темно, но въ верхній погребъ перейти опасно. Бомбардировка идетъ ожесточенная.

10-го іюня — выпускные экзамены. Они назначены для всѣхъ школъ въ одномъ помѣщеніи квартала Санъ-Ремі. Когда учитель идетъ съ дѣтьми туда, въ тридцати шагахъ разрывается снарядъ. Всѣ засыпаны землей, но цѣлы и невредимы.

30-го іюня снарядъ разрывается въ саду школы. Паника среди родителей, пришедшихъ за дѣтьми. Жертвъ нѣтъ.

20-го октября. Учитель на улицѣ близъ школы случайно остался живъ, — упалъ снарядъ, и трое прохожихъ убито.

4-го декабря дѣти не могли до поздняго вечера разойтись по домамъ изъ-за страшнаго бомбардировки.

На Рождество была устроена елка. Часть дѣтей не могла прийти, — нѣмцы обстрѣливали восточную часть города.

7-го января ученики любопытствовали передъ двумя ящиками. Въ нихъ находились маски противъ удушливыхъ газовъ. Дѣтямъ показали, какъ ими пользоваться при приближеніи опасности. Надѣвъ маски, дѣти начали шалить и смѣяться. Имъ все это мнилось карнавальною забавою.

Я видѣлъ фотографію школьниковъ въ маскахъ и признаюсь, что даже теперь, когда ко всему, казалось, привыкъ, глядѣлъ съ ужасомъ на этотъ трагическій маскаралъ.

12-го февраля. Бомбардировка. Утром школа закрыта. После обеда, когда снаряды начинают падать рёже, учитель застаёт на дворе школы играющих безпечно ребят. Один четырехлётний мальчуган в восторгъ кричит: — Бум! бум!
 27-го марта. Дѣти ждутъ въ школѣ конца бомбардировки. Они тревожатся за родныхъ и все время говорятъ учителямъ:
 — Это надъ Санъ-Реми... Господи, что съ мамой?..

— У собора... Я знаю, что мою маму убьютъ!.. Я хочу къ мамѣ...
 13-го мая. Снарядъ ночью разрушаетъ верхнюю часть школы. Занятія прерваны.
 24-го мая. Школа вновь открыта.
 19-го июня. Выпускные экзамены. Кончило школу 16 учениковъ.
 Такъ изо дня въ день таятся записи, съ помѣтками, сколько учениковъ отсутствуетъ, какъ идутъ занятія, сколько падаетъ снарядовъ на гибнущій городъ.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТѢ
 АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА
„ВИКТОРИЯ“
 стѣить 200 руб.
ВЯЖЕТЪ Въ одну минуту 20.000 петель, въ 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.
 Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.
ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.
 Надѣе 500 благодарственныхъ писемъ.
 Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
 Предварительныхъ знаний не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
 Требуемъ нашъ бесплатный проспектъ.
 Осн. въ 1905 году
 Товарищество вязальныхъ машинъ
Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
 ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.
Бильдерлингъ, П. А. Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ. Съ 18 рис. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.
 102 стр. in 8°. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.

При ГОНОРРЕЕ
 въ острой и хронической формѣ **„ТІЭЛЕРИНЪ“** послѣдствіяхъ ея примѣняется
 Д-ра мех. Горюховской. Для внутренняго употребл. Тіэлеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. 2 р. 25 к., короб. капсулъ 2 р. 85 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Горюховской, Москва, Давы пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отнуса. Въ аптекахъ по рецепту врачей.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
НОВЫЙ КВАРТИРНЫЙ ЗАКОНЪ.

4275 Руков. необходимо для юристовъ, домовладѣльцевъ и квартирантовъ. 2-1
 Цѣна 30 к., съ пересыл. 35 к., высылаются почтой по получ. денегъ. Складъ изданій у **Е. Д. УРУСОВА**, Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. 30, кв. 60. Телесф. 5-68-84.

ПОКУПАЮ, ОБМѢНИВАЮСЯ И ПРОДАЮ благотворительныя военныя **МАРКИ** всѣхъ странъ и **ЗНАЧКИ** кружечныхъ сборовъ. — Предлагаю (налож. пл. на 10 к. дороже) русскія военныя марки 15 разн. за 75 к.
 " " " 25 " " 1 р. 25 к.
 " " " 50 " " 4 р. 25 к.
 " " " 25 " " 2 р. 70 к.
 " " " 50 " " 5 р. 20 к.
 оставляю и болѣе крупныя наборы. — Написать марку. **В. Р. ГЕСЕ**, Москва, Якиманская набережная, 2.

БУХГАЛТЕРІЯ
 и коммерч. образов. Заочные **КУРСЫ** по самой обширной программѣ **СТЕНОГРАФІИ**. **АТТЕСТАТЪ**. Цѣныныя преміи. Разсрочка. Пропи. безпл. Петроградъ, В. О., Бол. яр., № 22, **„КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“**. Р.

Контрскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятка. паровъ высклахообразцы шрифтовъ, почерка учениковъ условія.
 Одесса. Проф. Каллиграфія Адольфъ Моссодо. Дерибасовская, д. № 19.

Попробуйте одну коробку настоящихъ
PASTILLES VALDA
 (Лепешекъ Вальда)
 ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ
 кашля, простуды, насморка.
 НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ
 во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НАСТОЯЩІЯ
PASTILLES VALDA
 (Лепешки Вальда)
 въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ
VALDA.
 Цѣна 1 рубль.
 (H. Canonne, Paris).

БУХГАЛТЕРІЯ
 и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Леготныя условія подлиски и **БЕЗПЛАТНО**. пробная лекція
 Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
 Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ
ГЕМОРРОЯ.
 Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.
 Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-я ПЕТРОГРАДЪ

САМЫЙ НЕОБХОДИМЫЙ ПОДАРОКЪ ВОИНУ — **ТЕПЛЫЯ ФУФАЙКА И КАЛЬСОНЫ** комплектъ, состоящій изъ одной фуфайки и одной кальсоны, высылаются почтой наложеннымъ платежомъ, по получении 1/3 стоимости въ задатокъ.
 Комплектъ А. Тапа Егерской — 7 р. съ пересылкой.
 " Б. Внутри ухов. — 9 р. съ пересылкой.
 " В. Предохран. отъ простуды — 11 р. съ перес.
 " Г. Очень плотн. внутр. ухов. — 12 р. 50 к. съ перес.
 При заказѣ обозначать ростъ: малый, средний или высокий. — Высылаются немедленно. — Адресовать: **ИРКУСКЪ, мастерская вязаныхъ издѣлій „ТРИУМФЪ“**.
 Предложеніе вполнѣ добросовѣстное.
 474 **ФИРМА РУССКАЯ.** 5-1

ЖЖВА

№ 45. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 5 ноября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—21 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Какъ цвѣты. Стихотвореніе Лидіи Лѣсной. — Синій свѣтъ. Разсказъ Н. Крашенинникова. — Такъ было... Разсказъ Бориса Курскаго. — Заявленіе. — Объявленія. — Отклики войны. — Норвежско-германское столкновеніе. (Политическое обозрѣніе).

РИСУНКИ: Изъ походнаго альбома нашего корреспондента-художника Л. Р. Сологуба (12 рис.). — Конюшни на фронтѣ. — Въ подводной лодкѣ (2 рис.). — „Убійца“ капитана Фрайета“. — Наступленіе союзниковъ на рѣкѣ Соммѣ (2 рис.). — Защита отъ германскихъ „чемодановъ“. — Въ Галиціи. Скульптурное изображеніе святаго, сбитое съ костела нѣмцами. — Памятникъ, сооруженный французскими солдатами босвамиъ товарищамъ. — Всюду жизнь. Подъ землею въ разрушенномъ Реймѣ.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за ноябрь 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за ноябрь 1916 г. съ 39 рис., отдѣльный листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. величину и 21 рис. для выжиганія.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Въ преддверіи зимы.

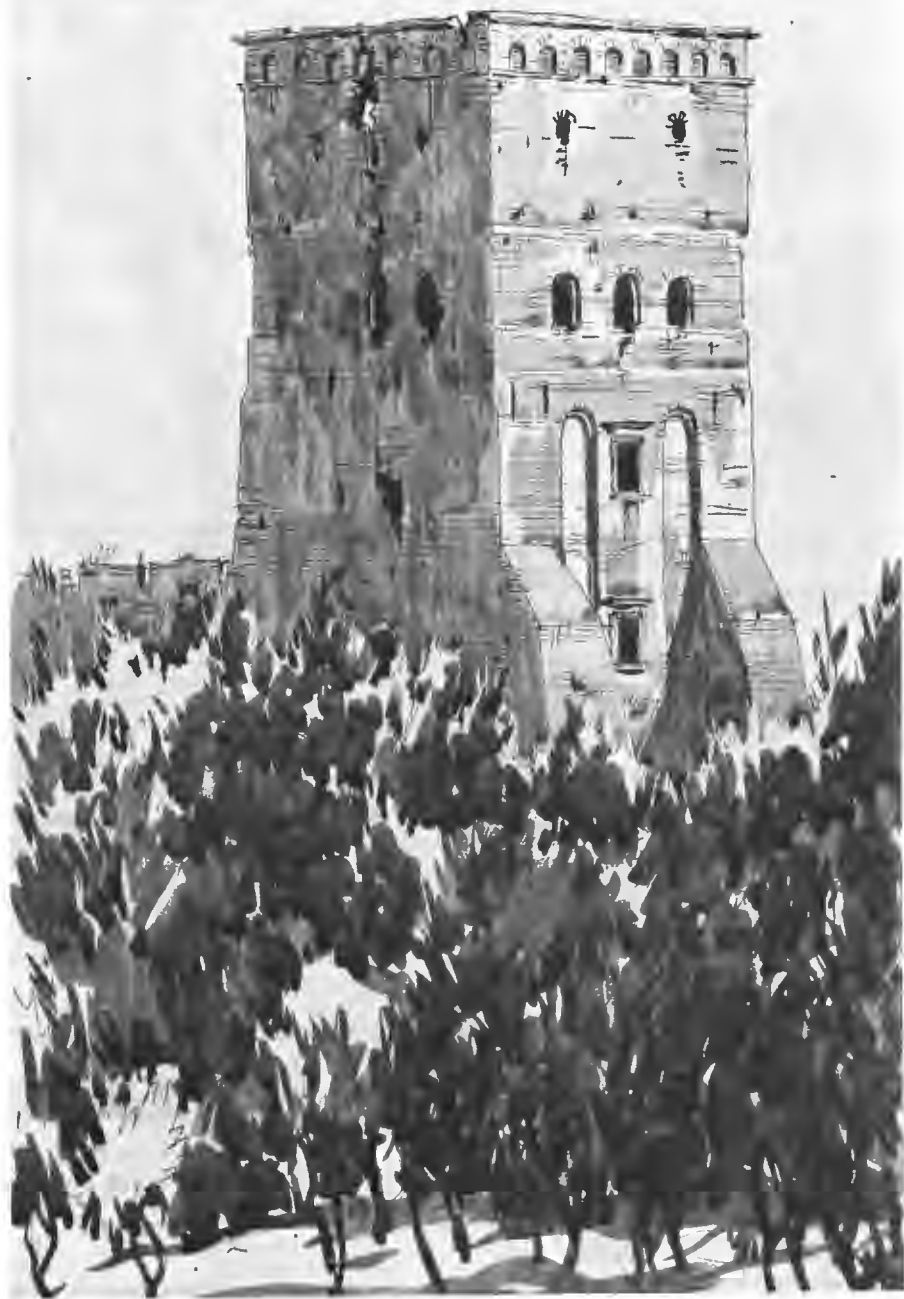
За истекшую недѣлю положеніе на румынскихъ фронтахъ въ общемъ мало измѣнилось. „Сѣверная“ группа Фалькенгайна, послѣ занятія приграничной полосы, оказалась не въ силахъ продвинуться далѣе, а „южная“ группа Макензена продолжала занимать попрежнему выдвинутую линію впереди Черноводъ и Констанцы, примѣрно, линію Гирсово—Девендерія (Гирсово—впереди Черноводъ верстахъ въ 40, а Девендерія на такомъ же разстояніи впереди Констанцы).

Румынамъ удалось остановить дальнѣйшее наступленіе „сѣверной“ группы Фалькенгайна, а въ нѣкоторыхъ районахъ румыны даже потѣснили противника обратнo къ границѣ, захвативъ до 2.500 плѣнныхъ, орудій, пулеметы и различное военное снаряженіе. Противникъ, войдя въ предѣлы Румыніи, какъ извѣстно, продвигался шестью—семью колоннами, изъ которыхъ каждая шла по отдѣльной горной дорогѣ. Связи между этими колоннами не было, вслѣдствіе отсутствія поперечныхъ дорогъ. Такимъ образомъ каждая колонна противника была предоставлена собственнымъ силамъ.

Это, повидимому, и было причиной неудачи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ колоннъ противника. Особенно пострадала „крайняя“ колонна противника, — самая западная, — двигавшаяся по долинѣ рѣки Жіу, гдѣ проходитъ дорога, сквозь Румынію, отъ трансильванскаго города Петрошени къ болгарскому городу Рахово на Дунай. Колонна противника, двигавшаяся по этой дорогѣ, была разбита румынами, потеряла часть своей артиллеріи, при чемъ болѣе другихъ пострадало ядро этой колонны — одиннадцатая баварская дивизія.

На другихъ направленіяхъ румыны также потѣснили противника. Въ результатѣ изъ шести—семи колоннъ Фалькенгайна, наступавшихъ въ Валахію, главнымъ образомъ, въ Букарестскомъ направленіи, удержались только три среднія колонны: одна, наступавшая по долинѣ рѣки Праховы, въ Букарестскомъ направленіи (черезъ Платешты), другая, наступавшая по долинѣ рѣки Тиргули, по болѣе кружному букарестскому пути (черезъ Питешти), и третья, наступавшая рядомъ по долинѣ рѣки Ольты, гдѣ шель путь къ болгарскому городу Никополю на Дунай.

Такимъ образомъ нѣмцы, наступавшіе въ Валахію по широкому фронту, который

Башня стараго замка въ Луцкѣ (Волинской губ.), отбитомъ нашими войсками у австрійцевъ. Башня кирпичная, красная (наличники отпѣланы стрыжью камнемъ), высотой около 12-ти сажень. Башня замѣчательно красива рано утромъ, когда проектируется на небо блѣднымъ квадратнымъ силуэтомъ. Какъ и двѣ другія по угламъ треугольника-замка, башня квадратная, и эта форма придаетъ особое спокойствіе и благородство.

Изъ походнаго альбома нашего корреспондента-художника Л. Р. Сологуба.

Старый замокъ въ Луцкѣ (Волынской губ.), отбитомъ нашими войсками у австрійцевъ.

Изъ походнаго альбома Л. Сологуба.

шелъ по всей границѣ Валахія и равнялся, примѣрно, болѣе чѣмъ 300 верстамъ, должны были сократить фронтъ своего наступленія, ибо оба конца этого фронта оказались оборванными румынскимъ контръ-наступленіемъ. Отъ широкаго нѣмецкаго наступательнаго фронта болѣе чѣмъ въ 300 верстъ осталась лишь его средняя часть—три пути по долинамъ рѣкъ Праховы, Тиргули и Ольты, что даетъ относительно короткій фронтъ верстъ въ 120. Эти три пути выходили къ бухарестскому району, причѣмъ одинъ шелъ прямо, а два другіе были кружными путями. Естественно, что на этихъ трехъ путяхъ сосредоточились какъ главные силы Фалькенгайна, такъ и главные силы румынскихъ войскъ.

Однако положеніе все же не принимало опредѣленнаго характера. Причина этого заключалась въ томъ, что противникъ, занимавшій полосу горныхъ пограничныхъ проходовъ и имѣя передъ собою пути, выводящіе къ бухарестскому району, этимъ самымъ какъ бы сохранялъ угрожающее положеніе. Фактъ занятія противникомъ пограничныхъ горныхъ проходовъ означалъ, что въ будущемъ возможны дальнѣйшія покушенія противника развить свое наступленіе въ Румынію.

Поэтому, естественно, ближайшей задачей румынскихъ войскъ было оттъсненіе противника „за проходы“, чтобы, въ свою очередь, съ занятіемъ пограничныхъ проходовъ, имѣть уже возможность угрожать, наоборотъ, Трансильванію. Вообще тотъ, кто занимаетъ пограничные проходы, имѣетъ возможность всегда начать наступательную операцію въ относительно благоприятныхъ условіяхъ, и тотъ, слѣдовательно, какъ бы всегда „угрожаетъ“.

Итакъ, положеніе на главномъ румынскомъ фронтѣ въ концѣ концовъ продолжало оставаться неопредѣленнымъ. Одинаково неопредѣленнымъ, какъ мы упоминали выше, продолжало оставаться положеніе и на другомъ румынскомъ фронтѣ — въ Добруджѣ. Какъ намъ уже приходилось отмѣчать, переправа Макензена черезъ Дунай для движенія въ Румынію съ другого конца, въ направленіи на Бухарестъ, была маловѣроятна по многимъ причинамъ,

Въ бесѣдѣ со шведскимъ корреспондентомъ одинъ изъ ответственныхъ представителей австрійскаго штаба счелъ необходимымъ высказаться по вопросу о переправѣ Макензена черезъ Дунай. Онъ находилъ ее маловѣроятной въ настоящій моментъ, указывая на три причины; во-первыхъ, на трудность форсировать широкий Дунай, въ особенности во время половодья, во-вторыхъ, на

то, что Макензену необходимо подтянуть тыловые учрежденія и организовать свой тылъ, и, въ-третьихъ, на то, что Макензенъ понесетъ потери и долженъ выждать прибытія континентовъ для пополненія этихъ потерь.

Однако, несомнѣнно, не только это препятствовало Макензену предпринять попытку переправы черезъ Дунай, но и рядъ другихъ причинъ. Во главѣ ихъ стоятъ стратегическія условія, какъ всеобнимающія и всеподчиняющія. Эти стратегическія условія, естественно, вынуждали Макензена удерживать войска въ Добруджѣ для удержанія этой области, ибо вполне понятно, что, въ случаѣ переправы черезъ Дунай, Добруджа была бы либо оголена отъ войскъ, либо прикрыта весьма незначительной группой.

Такимъ образомъ, какъ стратегическія условія, такъ и крайне трудныя условія широкаго Дуная съ его болотистой 12-верстной полосой побережья, такъ и наконецъ неблагоприятныя условія погоды дѣлали весьма маловѣроятной попытку Макензена переправиться черезъ Дунай.

Однако надлежало считаться также и съ нѣкоторыми другими условіями. Прежде всего, съ наступленіемъ холодовъ, когда въ Карпатахъ начинаютъ задувать метели, „сѣверная“ операція Фалькенгайна должна встрѣтиться съ большими трудностями, и ея дальнѣйшее развитіе можетъ быть приостановлено на зимній періодъ. Это тѣмъ не менѣе не означаетъ полнаго затихшя на румынскихъ фронтахъ войны, ибо, съ другой стороны, зимою замерзаютъ Дунай, и это можетъ открыть нѣкоторыя перспективы для „южной“ операціи Макензена, пока, въ настоящее время, ограниченной половодьемъ Дуная и широкой болотистой долиной этой рѣки. По статистическимъ даннымъ Дунай замерзаетъ обыкновенно къ серединѣ декабря, а вскрывается въ концѣ февраля. Въ нѣкоторые рѣдкіе годы полнаго замерзанія Дуная не наблюдается.

Такимъ образомъ вполне возможны условія, когда „сѣверная“ операція Фалькенгайна приостановится, благодаря зимѣ, но зато „южная“ операція Макензена, благодаря той же зимѣ, получитъ нѣкоторое развитіе. Отсюда видно, что на румынскихъ театрахъ почти невозможно ожидать періода затишья, и борьба здѣсь должна идти безъ перерывовъ. Это, въ свою очередь, заставляетъ ожидать, что въ концѣ концовъ долженъ обозначиться перевѣсъ той или другой стороны въ этомъ „единственномъ отверстіи“, которое еще имѣется на восточномъ фронтѣ и которое пока не загорожено стѣною укрѣпленій.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1917 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ почтовыхъ переводовъ.

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1917 г. см. въ № 41.

Кромѣ операций на главнѣйшихъ нынѣ румынскихъ фронтахъ, за истекшую недѣлю, несмотря на осеннее время, обозначились довольно значительные бои и на англо-французскомъ фронтѣ, и на нашемъ фронтѣ, и на итальянскомъ. На французскомъ фронтѣ союзники закончили овладѣніе линіей верденскихъ фортовъ, занявъ фортъ Во, къ чему присоединилось востѣдствіе и занятіе деревни Во. Одновременно съ этимъ наши союзники развивали успѣхъ на Соммѣ.

Въ обонхъ этихъ важнѣйшихъ районахъ западнаго фронта нѣмцы обнаружили весьма слабое сопротивленіе, и, несомнѣнно, перевѣсъ союзниковъ на этомъ фронтѣ обозначился вполне определенно. Вѣроятно, съ западнаго фронта нѣмцы перевозили кое-какія части на румынскій фронтъ для поддержанія увядшей операции Фалькенгайна, что находило себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ различнаго рода газетныхъ извѣстіяхъ. Однако было бы неправильнымъ придавать этому ослабленію нѣмцевъ на западномъ фронтѣ случайный характеръ, вызванный необходимостью перелить резервы на румынскіе фронты. Превосходство англо-французовъ было достигнуто далеко не этимъ случайнымъ обстоятельствомъ, а явилось результатомъ планомерной двухлѣтней борьбы, въ итогахъ которой мы и наблюдаемъ полное крушеніе нѣмецкихъ плановъ во Франціи и явное ослабленіе противника, гарантирующее также и отъ возможности повторенія такихъ крупныхъ наступательныхъ попытокъ въ будущемъ.

На итальянскомъ фронтѣ, откуда истощенные австрійцы нѣрѣдко черпаютъ подкрѣпленія для восточнаго и румынскихъ

Саперъ-подрывникъ. Георгиевскій кавалеръ. Вооруженъ пилою. Работаетъ подъ непрерывнымъ неприятельскимъ огнемъ надъ устройствомъ переправы черезъ рѣку Стоходъ: взрываются старое моста и наводкой новаго. Изъ походнаго альбома И. Солоуба.

фронтвъ, армія Боровича также замѣтно ослабѣла, и здѣсь итальянцы послѣ 1 1/2 лѣтъ упорной борьбы добились, въ свою очередь, явнаго превосходства надъ противникомъ. Австрійцы, еще не такъ давно наступавшіе въ Италію (въ маѣ), уже теперь съ трудомъ оборонялись и испытывали ударъ за ударомъ. За истекшую недѣлю итальянцы къ своимъ прежнимъ трофеямъ присоединили еще 4.000 плѣнныхъ. Необходимо однако оговорить, что на итальянскомъ фронтѣ условія наступленія еще болѣе трудныя, чѣмъ на Соммѣ,—почему успѣхъ итальянцевъ хотя и непреложенъ, но долженъ развиваться медленно.

Наконецъ на нашемъ фронтѣ противникъ велъ атаки въ отдѣльныхъ точкахъ фронта, главнымъ образомъ въ галичскомъ районѣ — къ югу отъ Брзеканъ. Попытки эти могутъ быть разсматриваемы, какъ стремленіе занять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе выгодные для обороны пункты, съ тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ болѣе удобное положеніе на зимній періодъ, а также и подготовить болѣе благоприятные исходные районы для будущихъ большихъ весеннихъ операций.

Заканчивая этотъ обзоръ, подчеркнемъ, слѣдовательно, неудачи противника на французскомъ фронтѣ, и притомъ въ обонхъ районахъ — и Перрона и Вердена, неудачи противника на итальянскомъ фронтѣ, отсутствие перемѣнъ въ положеніи на восточномъ фронтѣ и, наконецъ, приостановившіяся операции Фалькенгайна и Макензена. Для первой у Фалькенгайна не хватало наличныхъ силъ, а для второй у Макензена не было „стратегическаго простора“.

Какъ цвѣты.

Наши горькія, безрадостныя слезы—
Надъ могилами, какъ бѣлые цвѣты,
Какъ прозрачныя, невянущія розы,
Какъ подсиѣвника росистыя мечты.
Это слезы объ убитыхъ братьяхъ,
О любимыхъ братьяхъ и отцахъ.

Наши души будутъ вѣчно звать ихъ,
Они будутъ жить у насъ въ сердцахъ.
Лучшій памятникъ для нихъ—воспоминанья,
Лучшій крестъ—нетлѣнность ихъ именъ.
Пусть же вѣрится въ близкое свиданье
Тотъ, кто долгою разлукой утомленъ.

Лидія Лѣсная.

Синій свѣтъ.

Разсказъ Н. Крашенинникова.

I.

У нихъ въ домѣ былъ очень маленькой лазаретъ: на восемь кооекъ, зато лежали раненые офицеры, чѣмъ вся семья очень гордилась, особенно младшія дѣти.

— У насъ лѣчатся одни офицеры и все съ большими ранами! — объясняла во время игръ на Чистыхъ Прудахъ знакомымъ и незнакомымъ дѣтямъ самая маленькая, Линочка.

Дѣтей было четверо и все — дѣвочки; самой младшей было десять лѣтъ, старшей — пятнадцать.

Отца они лишили еще въ прошлую войну. Полковникъ Руничъ былъ убитъ подъ Мукденомъ, и въ особнячкѣ стояла нерушимой его комната, какой онъ оставилъ ее въ день отъѣзда въ Манчжурію.

Шторы въ кабинетѣ были всегда припущены, и отъ этого

въ полумракѣ казалась жутко-живой большая фотографія полковника, стоявшая на мольбертѣ посреди комнаты.

Когда трое младшихъ ежедневно утромъ являлись въ отцовскій кабинетъ полить стоявшіе передъ портретомъ цвѣты, онѣ прежде всего заглядывали отцу въ глаза, и всѣ глаза блестѣли въ сумракѣ мягко и расположено, и у вошедшихъ и на портретѣ.

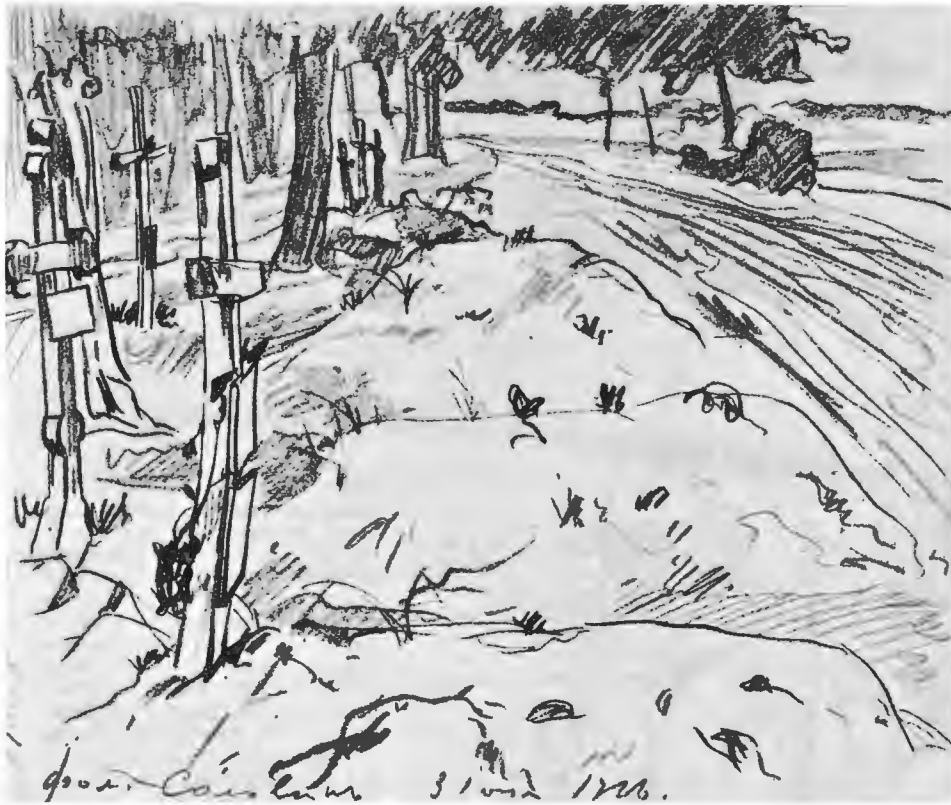
— Глаза совсѣмъ взаправдышніе! — говорила Линочка. Подумавъ, она прибавляла: — Если бы папу не убили, онъ бы всѣхъ нѣмцевъ побѣдилъ.

— Его глаза смѣются. — замѣчала темноволосая Катя.

— Да, смѣются, — подтверждала и третья, Зина.

А отчего смѣются они, папины глаза? — спрашивала самая маленькая.

— Вотъ глупая: оттого смѣются, что ему хорошо.

Братскія могилы у фольварка Соловинъ, близъ рѣки Стохода.

На крестахъ этихъ могилъ прикрѣплены дощечки съ надписями боевыхъ товарищей. Приводимъ списанную художникомъ Л. Р. Сологубомъ надгробную памятку надъ одной изъ могилъ. На одной сторонѣ слѣдующая надпись: „Здѣсь покоится прахъ телефониста управления дивизиона артиллерійской бригады Александра Козлова, павшаго смертью храбрыхъ 12 июня 1916 г.“. „Миръ праху твоему, дорогой товарищ!“ На другой сторонѣ начертано:

Безъ гробовъ схоронены
Вы въ землю сырой,
Сырые герои, взятые войной...
На могилахъ вашихъ
Не придетъ къ вамъ мать,
Не придетъ невеста

На смерть героямъ.

Горе изливаетъ...
Развѣ лишь весной
Къ вамъ съ родныхъ полей
Прилетитъ случайно
Съ пѣней соловей...

На память отъ телефонистовъ 1—4-й батареи.

II.

Полковнику, кажется, и въ самомъ дѣлѣ было хорошо.

Изъ темной рамы глядѣло ровное, невозмущенное, тихо улыбавшееся лицо съ слегка вьющимися волосами, совсѣмъ бѣлыми, похожими на серебряный ленъ, раздѣленными пробормомъ. Бѣлая, тоже курчавая бородка, также раздѣленная на двѣ части, мягко спускалась на череску съ цѣпочками и патронами: черныя брови точно захмурились: выраженіе глазъ, но отъ вѣкъ къ вискамъ распозалось столько ласковыхъ морщинокъ, что глаза не могли съ ними бороться и — улыбались. Да, полковнику было, въ сущности, не плохо, особенно, когда передъ нимъ, за цвѣтами, толпились эти смуглыя, наивныя, синеглазыя рожницы. Тонкія, какъ вѣтки березокъ, ручки полн

Братскія могилы у деревни Кисельницы.

вали гіацинты, — каждая изъ своей собственной лейки, и у каждой были свои собствєнные цвѣты, стоявшіе въ три ряда: бѣлые, розовые и синіе гіацинты.

— Папа былъ очень храбрый, — говорила иногда Катя. Она была самая серьезная и любила рассказывать. — Подъ Мукденомъ онъ спасъ цѣлый отрядъ стрѣлковъ, задержавъ врагамъ переправу, и потомъ взорвалъ мостъ. Онъ бы непременно побѣдилъ, если бы его не убили.

Въ этомъ были увѣрены всѣ трое, и каждая имѣла свои основанія, но едва только онѣ начинали объ этомъ рассказывать, какъ въ дверяхъ появлялась пятнадцатилѣтняя Нелли и строго замѣчала:

— Ступайте, дѣти, здѣсь вамъ нечего оставаться, идите къ раненымъ.

Нелли говорила такъ серьезно, точно была начальница. Это обижало трохъ, и хотя всѣ выходили, но Зина, которая была только на два года моложе Нелли, недовольно замѣчала:

— Пожалуйста, не очень распоряжайся, мы не очень тебя слушаемъ, — ишь, какая фря!

III.

У всѣхъ четырехъ были глаза синіе, какъ васильки, но самые синіе были у старшей, Нелли.

Они блистали, какъ сапфиры, — можетъ-быть, оттого, что были окружены огромными темными рѣсницами, можетъ-быть, оттого, что всегда горѣли, будто за ними струился свѣтъ.

И, несмотря на ихъ темъ, они были ясны — это не были еще дѣвичьи глаза: это были глаза ребенка, который развѣ лишь пересталъ всему удивляться, но еще совсѣмъ не зналъ, что еще многого будетъ на свѣтѣ удивительныхъ вещей.

Въ этомъ году, когда ей минуло пятнадцать, Нелли удивилась всего два раза: въ первый разъ, когда она прочла, что началась война, во второй — когда

Изъ походнаго альбома Л. Сологуба.

въ ихъ домъ привезли раненыхъ.

Какъ большинство дѣтей, воспитаніе которыхъ обставляется слишкомъ тщательными заботами, она не читала газетъ и до пятнадцати лѣтъ думала, что читаютъ ихъ только мужчины, да и то лишь чиновники и писатели. Странно было Нелли и то, что воевали съ нѣмцами: два послѣднихъ лѣта она съ матерью прожила въ Баденъ-Баденѣ, и въ гостиницахъ были все такіе любезные нѣмцы, начиная отъ директора и кончая послѣднимъ портье, что трудно было повѣрить, что эти вѣжливо улыбавшіеся откормленные люди съ пухлыми розовыми руками начали стрѣлять изъ ружей и пушекъ.

Но повѣрить пришлось: когда въ домъ внесли трехъ раненыхъ офицеровъ и у всѣхъ были строгія блѣдныя лица, душу Нелли захватило волненіе. Она бросилась съ балкона къ двери, но въ окнѣ раздался рѣзкій крикъ рожка, и Нелли увидѣла еще зрѣлище, отъ котораго больно сдавило грудь: въ ихъ переулокъ, подсакивая на неровныхъ булыжникахъ, свернула автомобиль, полный военныхъ, и среди всѣхъ другихъ, сидѣвшихъ ровно и спокойно, ей внезапно бросилась въ глаза фигура одного съ землисто-желтымъ лицомъ, который сидѣлъ, стиснувъ зубы, скорчившись, точно раненый въ животъ; онъ словно вскрикнулъ при толчкѣ автомобиля на пово-

ротѣ. Видѣ себя отъ ужаса, Нелли прыжками бросилась къ двери, и какъ только раненые начали выгружаться, она спросила кого-то незнакомаго, съ саблей:

— Неужели ихъ всѣхъ ранили нѣмцы?

Тотъ посмотрѣлъ на нее разсѣянно, но все-таки отвѣтилъ, какъ ребенку:

— Нѣмцы.

И у Нелли потемнѣли глаза.

IV.

Фамилія этого раненаго была Лисевичъ, онъ былъ подпоручикъ и очень молодъ. Можетъ-быть, было ему всего лѣтъ 25, но въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, когда лицо его было землисто-желтое и морщинистое, казалось, что ему болѣе сорока.

Это ужасное, полное страданія лицо приковало къ себѣ вниманіе Нелли. Она продумала о раненомъ весь вечеръ, думала о немъ ночью, за обѣдомъ на другой день, — думала и удивлялась тому, что такого раненаго перевозили въ автомобилѣ.

„Навѣрное ему было странно больно, когда толкало на мостовой“, — неотвязно стояло въ ея умѣ, и поздно вечеромъ, не въ силахъ остановитъ въ себѣ все нараставшее стремленіе узнать, она пробралась въ отведенныя подъ лазаретъ комнаты.

Ея мать, Евгенія Васильевна, уже успѣла преобразиться въ сестру милосердія и ходила между кроватями во всемя бѣломъ, умѣло распорядясь.

На позиціи.

Девички за работой у „фурманки“, на которой возятъ офицерскія вещи.

У фольварка Соловинъ на рѣкѣ Стоходѣ.

Тыщенко поитъ нашу Машку въ взронтъ отъ 12-доймоваго снаряда.

Изъ походнаго альбома нашего военнаго корреспондента-художника, поручика Л. Р. Сологуба.

Не въ диковицу ей было это. И въ японскую войну она выступала сестрой милосердія: за нею числились и какія-то заслуги въ дѣлѣ помощи раненымъ,—но она не любила объ этомъ разсказывать. Дѣти узнали только, что гдѣ-то, въ какой-то мѣстности, передъ самымъ концомъ войны она прошла пѣшкомъ во главѣ санитарнаго отряда болѣе сотни веретъ и сохранила всѣхъ своихъ раненыхъ. Въ спальнѣ ся, въ комодѣ, въ коробочкѣ изъ-подъ хины, лежали ея медали,—вотъ все, что знали дѣти о подвигѣ матери.

И теперь, видя съ порога двери, какъ мать ходитъ межъ раненыхъ, бросая каждому теплое, улыбающееся слово, Нелли чувствовала, что въ душѣ ея поднимается гордость. Ей хотѣлось броситься матери на шею и дѣловато се,—но тутъ же ходилъ съ какими-то желѣзками маленькій угрюмый докторъ въ очкахъ съ смѣшию болтавшимися сзади тесемочками фартука. При немъ было стыдно подойти къ матери, а ужъ тѣмъ болѣе къ раненому. Къ тому же докторъ, проходя мимо, два раза недружелюбно покосился на нее и даже фыркнулъ. Усы его сидѣли на губѣ, какъ двѣ старыя сѣрыя мыши.

Въ смущеніи Нелли отошла съ порога, наступивъ кому-то на ноги. Оказалось, что троица остальныхъ также глядѣла во всѣ глаза на проходившее въ лазаретъ, и, видя себя отъ злости, Нелли затопала на сестеръ ногами и закричала:

— Брысь отсюда,—вы что понимаете!

„Я все-таки непременно спрошу его, когда докторъ уйдетъ“.

V.

Ночью, когда замерли дневные шумы и утомленная хлопотами мать ушла къ себѣ въ спальню, оставивъ раненыхъ на сидѣлку, Нелли тихонько поднялась на кровати.

Надо было быть очень осторожной: у той тропцы, которая спала здѣсь же вдоль стѣнокъ (квартиру сократили для себя насколько возможно), были такія чуткія уши, что достаточно было треснуть подъ ногою паркету, чтобы разомъ открылись чрезъ мѣру любопытные глаза.

Нелли рѣшила пройти босикомъ и туфли надѣла только за дверью дѣтской. Накинувъ свой капотъ,—на прагахъ старшей она уже имѣла этокое платье,—она благополучно добралась до двери, но самая дверь такъ скрипнула, что въ кроватяхъ заше-

велились. Съ замираніемъ сердца прислушалась Нелли: нѣтъ, сестры спали, итти было можно, только не слѣдовало притворять дверь.

Черезъ гостиную, въ которой теперь стоялъ обѣденный столъ, она прошла въ полумракѣ до коридора, ведущаго къ лазарету. Дверь въ кабинетъ отца была пріоткрыта, и подъ яркимъ пламенемъ громадной лампы глаза портрета вдругъ глянули на Нелли. Они не удерживали, нѣтъ—но на сердцѣ явилось неожиданное волненіе: удобно ли было итти, да еще ночью, да къ чужимъ? Все-таки, хотя и раненые, они были чужіе. Наконецъ и онъ могъ спать,—правда, онъ былъ сильно раненъ,—вѣроятно, боль ему не давала уснуть, но вдругъ онъ разсердится, что его побеспокоили? Развѣ нельзя было спросить днемъ?

Нелли подумала и рѣшила:

— Ибѣтъ, нельзя; днемъ стыдно. Кругомъ народъ, и днемъ стыдно. Надо рѣшиться сейчасъ.

И она пошла, чувствуя, что шаги замедляются по мѣрѣ приближенія къ комнатѣ больныхъ. Передъ дверью, которая была прикрыта, ея дыханіе оборвалось, отъ нахлынувшего волненія потемнѣло въ глазахъ, Нелли пошатнулась, рука ея схватилась за скобку, и дверь раскрылась.

Отступать было поздно, но и въ лазаретѣ оказалось не страшно.

Мирно горѣли двѣ лампы, на постеляхъ спали раненые, въ углу, склонившись головой на столикъ съ книгой, дремала сидѣлка. Нѣтъ, совсѣмъ не было страшно, и Нелли пошла по всему ряду кроватей.

Онъ, этотъ съ желтымъ, точно восковымъ лицомъ, лежалъ подъ самой лампой, и тѣни пламени бѣгали по его лицу. Жуткія и скорбныя морщины сводили его,—захотѣлось плакать Нелли.

Не спалъ онъ. Это было видно по безпрестанному дрожанію вѣкъ, выдававшихъ боли. И углы губъ его двигались, все опускаясь. Чуть поднимутся вверхъ и сейчасъ же падаютъ внизъ. Точно грызло его что-то жестокое, засѣвшее внутри... Грызло неустанно, злобно, неумолимо, какъ звѣрь.

Нелли тихо спросила:

— Вамъ было очень больно, когда васъ перевозили?

Вѣки глазъ раненаго двинулись, словно удивились, хотѣли раскрыться, но остались сомкнутыми. Брови изъ прямыхъ сдѣ-

Въ районѣ Луцкаго прорыва.

„Зимніе“ австрійскіе окопы у станціи Клеванъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрушены нашей артиллеріей. Австрійцы счита ю эти свои окопы неприступными.

Изъ походнаго альбома нашего военнаго корреспондента-художника, поручика Л. Р. Сологуба.

лались дужками. Морщинки, тоже дужками, отбѣнились на лбу.

Нелли повторила со слезами въ шопотъ, тонкомъ, какъ паутина:

— Вамъ очень больно было?

И снова лицо раненаго повелось морщинами.

— Да,—отвѣтилъ онъ едва слышно и сурово.

Точно что-то безглазое стояло подлѣ: ровно, каменно, не дыша. Точно коса гдѣ-то звякнула, такъ тихо и вкрадчиво-осторожно: тинь!

Полная трепета, приблизилась Нелли къ постели, заслоняя ее собою отъ кого-то. Равнодушное лицо иконы глядѣло на нее.

— И больнѣе всего вамъ было, когда перевозили?

— Ну, да.

— И все это сдѣлали нѣмцы?

— Ну, да,—да! да!—уже съ явнымъ раздраженіемъ почти крикнулъ раненый, но тутъ глаза его открылись, и онъ увидѣлъ передъ собою дѣвочку.

Волненіе, почти растерянность залили его ожесточенныя черты. Углы губъ, такіе горькіе, распустились, и странно: точно слабый, иссушенный смертнымъ жаромъ цвѣтокъ, раскрылись его уста. Удивленные, не смежались передъ нею вѣки. Невѣрающій или невѣрный свѣтъ рѣзалъ въ этихъ очерченныхъ смертью глазахъ.

Нелли тихо повернулась и пошла прочь.

VI.

Евгенія Васильевна разъ сказала Нелли:

— Ты уже большая, ты могла бы намъ помогать.

— Чѣмъ же это?—спросила Нелли, краснѣя.

— А я тебѣ сейчасъ покажу.

И Евгенія Васильевна повела дочь на лазаретную половину.

Не прошло и недѣли, какъ Нелли отлично княтила воду и молоко, дезинфицировала хирургическіе инструменты и ставила термометры, съ такой тщательностью являясь въ опредѣленные часы для измѣренія, что раненые начали ея бояться.

— Эта синеглазочка скоро изгонитъ всѣ наши болѣзни,—говорили они.

Но съ наибольшимъ удовольствіемъ производила Нелли электризацію синимъ свѣтомъ. Ея дѣтская душа, ея синіе глаза не вѣдали смущенія, когда передъ ними появлялось обнаженное тѣло мужчины, и смущалась не она: конфузились офицеры.

Проходя во время своихъ занятій межъ койками раненыхъ, Нелли взглядывала иногда на окаменѣвшее, желтое, искаженное тѣнами мукъ лицо Лисевича, къ которому разъ подошла памятной ночью. Лицо это теперь не такъ ужъ приковывало ее къ себѣ,—можетъ-быть, потому, что постепенно мертвенный оттѣнокъ его началъ сглаживаться. Морщины также словно таяли постепенно на этой, прежде столь жуткой маскѣ,—большой поправлялся, Нелли чувствовала это, зачѣмъ же ему было удѣлять больше вниманія, чѣмъ другимъ?

Но странно: теперь, проходя мимо, Нелли сама ощущала на себѣ его свѣтящіяся призывающіе взгляды. Раньше глаза большого бывали постоянно закрыты,—теперь, когда проходила Нелли, глаза эти упорно смотрѣли на нее, ползли къ ней, слѣдили за нею, такъ что на щекахъ ея появлялась порою краска досады.

„Зачѣмъ онъ такъ смотритъ на меня, что надо ему?“

Евгенія Васильевна сказала ей въ концѣ весны:

— Знаешь, что, синій свѣтикъ? (теперь всѣ такъ называли ее),—у тебя прибавляется еще одинъ пациентъ: вотъ, Николай Петровичъ.

И она подвела дочь къ постели Лисевича.

Нелли почувствовала, что ея щеки, вѣски, уши и шею опалило жаромъ.

— И ему тоже нужно?..

— Да, теперь это предписываетъ докторъ.

Евгенія Васильевна бросила въ лицо дочери изумленный взглядъ. Оттого, что замѣтила ея волненіе. оттого, что Лисевичъ загадочно смотрѣлъ на нее, Нелли покраснѣла еще больше.

— Вотъ еще!—не понимая себя, крикнула она и быстро вышла.

Глаза у нея были злые, какъ у хорька.

VII.

Однако, когда ей пришлось въ первый разъ дѣлать электризацію Лисевичу, Нелли подошла къ его постели смѣренно. Ей стыдно было, что она тогда безтолково накричала, стыдно

Генералъ В. П. Селиверстовъ,
награжденный Георгіевскимъ
оружіемъ.

Портр. работы
Л. Р. Сологуба.

было того, что мать сочла ее грубой, и того, что глаза раненаго смотрѣли на нее укоризненно и горько.

— На первый разъ я сдѣлаю сама, а ты наблюдай,—сказала Нелли Евгенія Васильевна и умѣлымъ движеніемъ раскрыла раненую лѣвую ногу. — Вотъ эту ногу нужно электризовать—смотри!

Нелли смотрѣла, но не на ногу, а въ глаза Лисевичу. Какъ вдругъ затмили и потемнѣли эти глаза! Нелли чувствовала въ нихъ и смущеніе, почти стыдъ, и мольбу, и еще какое-то новое странное чувство, которое пугало больше всего.

— Да смотри же сюда, это надо тщательно!—крикнула мать.

И въ жуткомъ горькомъ страхѣ шепнула Нелли поблѣднѣвшими губами:

— Я смотрю, мамочка, я смотрю.

На слѣдующій день она приблизилась къ своему пациенту въ смущеніи, и блестящій ковшъ съ лампочкой закачался въ ея тонкой рукѣ. Можетъ-быть, волненіе ея удваивало то, что за ея спиной стояла мать, желавшая посмотрѣть на ея первую электризацію.

Евгенія Васильевна приподняла край одеяла, облокотила ноги блеснуло передъ взглядомъ Нелли, и она склонилась съ аппаратомъ.

— Медленнѣе, гораздо медленнѣе!—сказала за спиной Нелли мать и, подождавъ еще, отошла.

Закусивъ губы, водила Нелли надъ ногою раненаго синей лампочкой, потомъ услышала сдержанный вздохъ. Изъ-подъ твердо сжатыхъ струйками катились слезы, стекая

по морщинамъ въ подушки.

— Что съ вами?—почти крикнула Нелли, и снова электрической ковшикъ закачался въ ея рукѣ.—Вамъ больно?

Зажмуренныя вѣки раненаго затрепетали, словно хотѣли открыться и не раскрывались.

— Нѣтъ, нѣтъ,—чуть слышно отвѣтилъ онъ одними губами.

— Отчего же вы плачете?

— Нѣтъ, нѣтъ,—ничего.

Въ растерянномъ изумленіи отходила отъ него Нелли: странный человѣкъ!

VIII.

Зачѣмъ онъ плакалъ, Нелли не понимала, думала надъ этимъ, не подумалась и твердо рѣшила узнать, въ чемъ дѣло.

Среди электризаціи, когда никого подлѣ не было, она спросила раненаго:

— Скажите, отчего вы заплакали вчера?

Но въ этотъ день Лисевичъ держался спокойнѣе, можетъ-быть, оттого, что его здоровье съ каждымъ днемъ улучшалось.

— Это такъ, ни съ того ни съ сего,—отвѣтилъ онъ, однако закрылъ глаза.—Разстроены нервы, понятно...

Но то, что глаза его были закрыты, что вѣски при разговорѣ дергались, а подбородокъ дрожалъ, посяяло въ ней смущеніе.

— Нѣтъ, вы правду говорите!—сердито сказала она и, не зная, какъ заставить его сказать истину, прибѣгла къ дѣтской угрозѣ:—Иначе я никогда больше не буду васъ лѣчить!

И внезапно все лицо большого дрогнуло подъ этой наивной угрозой. Оно все посярѣло, напомнивъ прежнее, собралось въ морщины и сжалось въ кулачокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—со страхомъ сказалъ онъ, и его глаза вдругъ широко открылись.—А вы... вы мнѣ скажете правду?—прошло межъ ними едва слышно.

— Какую правду? Конечно, скажу!—въ недоумѣніи отвѣтила Нелли.

И вотъ снова раскрылись эти глаза, очерченные смертью. Раздвинулись сухія обглоданныя болями губы, и быстрыя испуганные слова поднялись къ лицу дѣвочки:

— Это вы... приходили тогда?

Нелли удивилась, что тайна оказалась такой неудивительной.

— Ну да, я,—а что же?

— Я счелъ это за видѣніе. Съ той ночи я началъ поправляться...—еле раздвигая губы, проговорилъ больной.

И такъ какъ Нелли ничего не понимала и не могла понять, онъ взялъ ее за руку. Рука его была горяча и жгла.

Въ день отъѣзда въ армию я обручился съ дѣвушкой... и были у нея тоже синіе глаза... и...

Наши обозы.

Огромная тѣнь перечеркнула его лицо, громадная спазма сдавила горло.

— И что же?

— Не знаю дальше ничего, — чуть слышно отвѣтил онъ. — Это было подъ Калишемъ.

— А-а-а! — вдругъ закричала во весь голосъ Нелли и, отбросивъ ковшъ съ лампочкой, кинулась къ больному. Она рыдала, внезапно все понявъ, стоя на коѣняхъ передъ его кроватью, обвивъ его шею руками, не обращая вниманія, не видя того, что кругомъ на постеляхъ приподнялись раненые, и что къ ней сгибнула встревоженная мать.

— Я же говорю вамъ: не надо позволять этого дѣлать, нельзя играть на ребячьихъ нервахъ! — какъ сквозь сонъ слышала она надъ собою голосъ сердитаго доктора и точно видѣла его прыгавшіе, походя на мышей, усы.

IX.

Черезъ четыре мѣсяца, какъ-то утромъ, мать ввела въ комнату Нелли молодого наряднаго офицера. Его розовое, гладко выбритое лицо улыбалось, новенькая куртка точно блестѣла отъ ордена.

— Пожелалъ съ тобою проститься, узнаешь ли ты его? — сказала Евгения Васильевна.

Нелли обиженно покраснѣла: мать смѣялась надъ нею, она никогда не видѣла этого свѣтлаго довольнаго лица. Офицеръ улыбнулся.

— Да неужели Лисевичъ! — крикнула Нелли и

Артиллерійская лошадь „Шпала“,
3-го взвода.

гѣмъ и, не сумѣвъ его высказать, старался говорить обыкновеннымъ тономъ:

— Я сегодня выѣзжаю туда... на родину... Насколько это возможно... я постараюсь узнать, собрать все свѣдѣнія.. Вотъ, взгляните!

Онъ показалъ ей крошечный эмалевый портретъ. Лицо юной дѣвушки съ безсмертно-синими глазами глядѣло на нее.

И внезапно освѣтился взглядъ Нелли.

— Это ваша невеста?

Онъ кивнулъ головою.

— И вы ее... тогда... увидѣли?

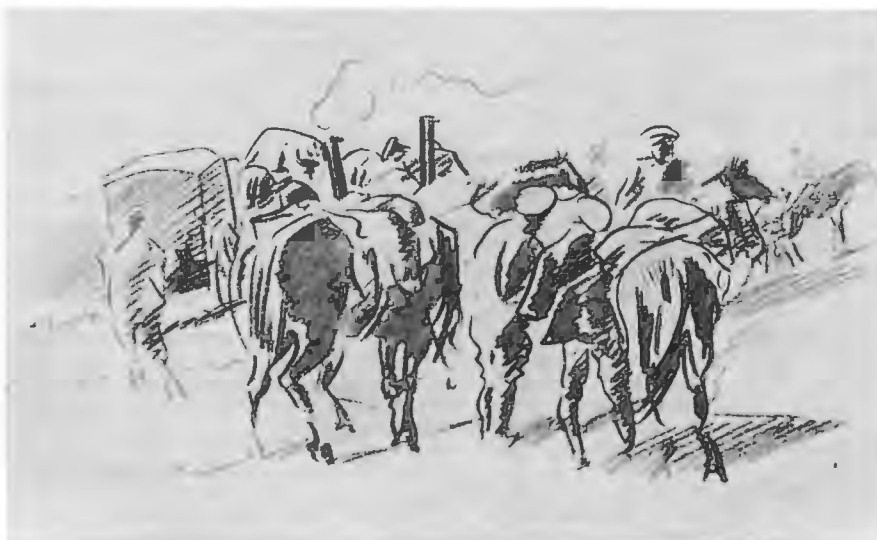
— Ее — и васъ.

Лицо его опять стало блѣднѣть, губы сказали упрямо и настойчиво:

— Это синій свѣтъ — свѣтъ тихій и спасающій.

Было видно, что онъ все хотѣлъ выразиться какъ-то проще и понятнѣе, но опять не находилъ словъ. Та мысль, которая теплилась въ его сердцѣ, была тоньше словъ.

И не понимала Нелли попрежнему: вѣдь ей было всего пятнадцать лѣтъ.

Привалъ нашей бригады въ походѣ.

Изъ походнаго альбома нашего военнаго корреспондента-художника, поручика Л. Р. Сологуба.

Такъ было...

Газетка Бориса Курскаго.

I.

Съ ранняго утра шелъ нудный, не то что проливной, а какой-то насквозь пронизывающій дождь.

И было отъ этого на душѣ какъ-то мерзко и тяжело.

Даже разрывы снарядовъ казались особенно тяжелыми, и звукъ ихъ полета—особенно заунывнымъ и протяжнымъ.

Удивительнаго, впрочемъ, въ этомъ ничего не было: нигдѣ такъ, какъ на войнѣ, не отражается погода на настроеніи.

Скучно было всѣмъ: и солдатамъ и офицерамъ.

Въ окопѣ, гдѣ ютилась рота—прикрытіе батареи, расположенной здѣсь же, въ двухъ шагахъ отъ окопа, солдаты затаили пѣсню. И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ водится, пѣсню не солдатскую, а „вольную“:

Ты прости-и-и-ка, прощай,
Сырѣ дрему-у-учій лѣсъ
Съ лѣтней во-о-олею,
Съ зимней сту-у-ужкою...

не жду... Будетъ, или нѣтъ... Отъ меня ужъ ценной скоро запахнетъ, а я все не унываю... Такъ-то вотъ, милый Сергѣй Ивановичъ!.. И вамъ совѣтую также.

Сергѣй Ивановичъ пожалъ плечами и процѣдилъ сквозь зубы:

— Подумаешь, какой фаталистъ...

— А что же, это вовсе не плохо быть фаталистомъ,—вышелъ въ разговоръ Михаилъ Васильевичъ.

Мнѣ вотъ сегодня кажется, что меня непременно уложатъ, и уложатъ именно сегодня... И я страшно завидую тѣмъ, кто можетъ объ этомъ думать покойно: „уложить-де, ну и слава Тебѣ, Господи! А не уложить, слава Тебѣ трижды!..“ А я такъ не могу... И не могу и не хочу... Понимаете, я абсолютно не хочу умирать!.. И особенно сегодня, когда передъ послѣднимъ сознательнымъ моимъ взглядомъ мелькнетъ не голубая лазурь, а какой-то поганый сѣрый клочокъ мокрой слизи... Къ чорту!..

— И я тоже не хочу...—робко вставилъ сидѣвшій скромненько въ уголокъ блиндажа Витя.

Всѣ посмотрѣли на него съ любопытствомъ: обычно Витя, „со-

На фронтѣ.

Конюшни.

Заглушали рыхлыя стѣнки окоповъ звукъ пѣсни, но не могли удержать его, и, вылетѣвъ наружу, неся оный вдаль по полю, покрытому мелкимъ, будто надерганнымъ изъ земли кустарникомъ и травой, памятоу тысячами солдатскихъ ногъ.

Въ офицерскомъ блиндажѣ, сейчасъ же передъ орудіями, сидѣло четверо.

Командующій батареей, уже очень немолодой, потренированный житейскими бурями, штабсъ-капитанъ Аркадій Егоровичъ, два его субалтерна, оба поручики, Михаилъ Васильевичъ и Сергѣй Ивановичъ, и четвертый, юный-юный прапорщикъ, командиръ роты прикрытія, котораго за его крайнюю молодость звали просто Витей.

Сидѣли и злились велухъ.

— А хорошо бы сейчасъ сидѣть дома, за столомъ, покрытымъ бѣлой скатертью, слушать, какъ подлецъ-самоваръ кипитъ и шипитъ, и чувствовать, что все остальное гиль и ерунда: и дождь, и сыкость, и мерзость за окномъ, и грязь непролазная на улицѣ... Сидѣть и думать, что завтра можетъ быть солнце, и что, если оно будетъ, я непременно увижу его...

— Плюньте, Сергѣй Ивановичъ. Къ чему мечтать о прекрасныхъ дняхъ Аранжуэца, когда они уже канули въ Лету?.. Вы слѣдуйте совѣту того мудреца, который нѣкогда заявилъ: „не мечтай о невозможномъ, ибо это осложняетъ жизнь...“ Ну его къ Богу!.. Берите примѣръ съ меня: я никогда не жалѣю о прошломъ и никогда не мечтаю о будущемъ... Повѣрите... девять лѣтъ ношу на погонахъ четыре звѣздочки, отъ всѣхъ товарищей отсталъ давнымъ-давно, а не унываю... Такъ вотъ живу и ничего

сунокъ“, какъ его звали и въ глаза и особенно за глаза, не принималъ никакого участія въ „умныхъ“ разговорахъ. Былъ оный наивенъ, неопытенъ и страшно скромнень.

— И я не хочу... Вы знаете... У насъ дома, гдѣ я живу, есть одинъ монастырь... Старый, но ни святынями ни какими-либо историческими цѣнностями не славится... А славится своимъ пѣніемъ... Есть такія обители... Подберется тамъ десятокъ, другой голосовъ и подъ руководствомъ какого-либо, часто малограмотнаго, но душою чуткаго монаха возносятся гимны Богу-Вседержителю. И такъ поютъ, что, будь ты самый отчаянный атеистъ, а стоишь и молишься... Вотъ у насъ тоже такой монастырь... И я знаю, что каждый вечеръ и каждое утро ходитъ въ монастырскую церковь старуха... Слушаетъ, какъ хоръ подъ управленіемъ отца Варсонофія плачетъ-поетъ, и сама она плачетъ... И по морщинкамъ, извиваясь, текутъ мелкія слезинки, дотекуть до кончика носа, повиснутъ, и капнетъ большая капля на каменную плиту... А старуха ничего не замѣчаетъ... Стоить и смотреть на Владычицу „Всѣхъ скорбящихъ радости“, смотреть, какъ прижимаетъ Она къ сердцу Сына Своего единственнаго, и завидуетъ... Завидуетъ, что у Владычицы Сынъ на груди, а у нея, старухи, далеко, на войнѣ... Кончится служба, пойдетъ старуха домой, раздастъ по дорогѣ нищимъ копеечки (намѣняла, пенсію получая) и скажетъ каждому: „помолись о здравіи раба Божія, воина Виктора“. Эта старуха—моя мать... И вотъ, представьте себѣ, меня здѣсь убьютъ... Письма ходятъ долго... Пока письмо дойдетъ, а она, мать моя, все будетъ ходить и молиться о здравіи... Правда, вѣдь это трагично и жалко?.. Меня ужъ зарыли, а она „о здравіи...“

Въ сердцѣ подводной лодки.

Витя какъ-то рѣзко захохоталъ и вдругъ заплакать тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

Всѣмъ стало не по себѣ...

Михаилъ Васильевичъ сочно выругался, схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ блиндажа.

II.

Здѣсь, „на волѣ“, было уже почти совершенно темно, но черезъ нѣсколько мгновений Михаилъ Васильевичъ вполне ориентировался, бросилъ, по привычкѣ больше, а не по необходимости, дежурной прислугѣ у орудій: „не дремли, ребята!“ и быстро направился въ сторону наблюдательнаго пункта, расположеннаго влѣво отъ батареи, шагахъ въ трехстахъ, на пригоркѣ.

— Ну, Вовка, проваливай... Смѣню тебя...

Вовка, здоровенный дѣтина лѣтъ тридцати, артиллерійскій прапорщикъ запаса, до войны агрономъ одного изъ южныхъ земствъ, съ удовольствіемъ крикнулъ и пробасилъ:

Добре, сынку!.. Ну и хмара, бодай вона сказывася!..

Пожали другъ другу руки, и поручикъ остался одинъ на пунктѣ.

Шагахъ въ десяти, прижавшись къ землѣ, лежали два телефона и слухали сказку, которую рассказывалъ младшій фейерверкеръ Шмелевъ.

До поручика доносились отдѣльныя фразы:

... И сказала тогда ему царевна: хочь ты и ваше благородіе, а не съ твоимъ счастьемъ да не съ твоимъ умѣньемъ голой лапой сжей давить...

Телефонисты отъ восторга даже захлебнулись.

Одинъ опасно, но достаточно громко прошепталъ:

— А ты, дура, тише: неравно „жукъ“ услышитъ!..

Поручикъ понималъ, что это про него, но ничѣмъ не проявилъ своего присутствія.

— ... А люблю, говоритъ царевна, я Ваньку, твою денщика!..

Сталъ Михаилъ Васильевичъ отъ нечего дѣлать смотрѣть въ сторону противника, но, понятно, ничего не увидѣлъ: ночь уже вполне вошла въ свои права.

— Бобыль!

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Ну-ка, голубчикъ, сыпь въ блиндажъ и принеси свѣчу!..

Скажи тамъ, что ихъ-де благородіе поручикъ „жукъ“ просясть!..

— Слушаю, ваше благородіе!.. — голосъ Бобыли дрожитъ отъ сдерживаемаго смѣха.

Фамилія поручика Жураковскій, но солдаты ее сразу передѣлали въ „жука“, и эта кличка такъ за нимъ и утвердилась.

Гдѣ-то въ отдаленіи засіяла ракета.

„Ишь, дьяволы, тѣшатся!“ — подумалъ Михаилъ Васильевичъ и сталъ мысленно опредѣлять разстояніе между свѣтомъ ракеты и батареей.

Выходило по его расчетамъ много, такъ что снаряда тратить не стоило.

Защлепалъ кто-то по грязи.

— Кто тамъ?

— Я, ваше благородіе!.. Бобыль... Свѣчу принесъ!..

Поручикъ взялъ свѣчу.

Бобыль не уходилъ.

— Ну, чтò еще тамъ?

— Такъ что, ваше благородіе, не извольте обижаться за „жука“, значить... Любя это мы, ваше благородіе, ну и всѣ значить такъ зовуть!..

Поручикъ улыбнулся.

— Ну ладно, ладно... Чего тамъ еще... Ты вотъ лучше подстели-ка мнѣ соломы подъ брюхо да чурбанъ приспособь!.. Письмо писать буду.

Черезъ нѣсколько минутъ поручикъ вползъ на животъ въ маленькій блиндажикъ, вкопанный въ пригорокъ, пониже пункта, приблизилъ свѣчу къ чурбану въ углу блиндажа, досталъ полевую сумку, вынулъ изъ нея сначала какую-то фотографію, взглянулъ на которую, отчего-то вздохнулъ, а потомъ полевую книжку и, торопясь и нервничая, началъ писать.

III.

„Мой другъ. Вы просите меня писать подробно „все, все“, чтò сейчасъ переживаю и чтѣмъ сейчасъ живу... Трудно исполнить вашу просьбу: вѣдь для того, чтобы написать такое письмо, какого вы ждете, нужно и время и мѣсто, а у меня нѣтъ ни того ни другого... Однако, пользуясь относительнымъ затишьемъ и тѣмъ, что я сейчасъ совершенно одинъ въ маленькомъ блиндажикѣ на наблюдательномъ пунктѣ, гдѣ, къ счастью, я недоступенъ для мелкихъ, пронизывающихъ не только сукно шинели, но и самую кожу, капель вѣдь уже цѣлая сутки не переставшаго

лить дождя, и что у меня наконец есть цѣлая етеариновая свѣча, — я пишу...

Я могу поговорить съ вами, мой другъ, а это что-нибудь да значить!..

Отчего-то на войнѣ, какъ это ни странно, я сдѣлался страшно сентиментальнымъ въ отношеніи своего прошлаго.

Вотъ, напримѣръ, сейчасъ мнѣ вспомнилась зима, та зима... Последняя передъ войной...

Помните, какъ мы ежедневно ходили на катокъ? Кажется, отъ шести до восьми, ну да, именно отъ шести до восьми, такъ какъ только ровно въ шесть у меня кончались занятія въ батареѣ, и я, „какъ угорѣлый“, бѣжалъ къ вамъ, не переодѣваясь, въ чемъ быть, ибо въ восемь мы уже должны были возвращаться, чтобы не прозвѣвать чая и не разсердить вашей мамы.

Хорошо было...

Мы всегда запаздывали на полчаса, великолѣпно зная, что ваша мама сначала разберитъ насъ за то, что долго не возвращались, а затѣмъ начнетъ отогрѣвать чаемъ, и къ чаю будутъ замѣчательно вкусные крендельки Матрешинаго изготовленія... И мы „глотали“, захлебываясь, чай, думая о томъ, что вотъ сейчасъ пойдемъ въ гостиную, и вы сыграете на піанно что-нибудь такое *pathétique*, что придастъ мыслямъ какой-то поразительно теплый и хороший характеръ.

Я буду сидѣть около васъ на маленькомъ черномъ стулѣ и невпопадъ переворачивать листы нотъ, а вы — дѣлать видъ, что сердитесь на это, но уголки вашихъ губъ будутъ дрожать, а въ глазахъ будутъ бѣгать чортки.

И для того, чтобы посмотреть на васъ, я буду близко, близко нагибаться къ піанно и при этомъ жаловаться на близорукость, которой, сознаюсь, никогда не страдалъ.

Потомъ вамъ надоѣсть, вы хлопнете крышкой піанно, вскочите и начнете ходить по гостиной и злѣть меня мечтами о курсахъ и разсужденіями о томъ, что никогда не выйдете замужъ.

Я, совершенно невольно, стану угрюмымъ и „противнымъ“, какъ вы изволите выражаться, и тогда вы вольете мнѣ въ сердце немножечко надежды, сказавъ: „а если бы я и вышла замужъ, то за кого-нибудь, похожаго на васъ“...

И опять мнѣ станетъ легко, хорошо и весело...

Наконецъ придетъ ваша мама, милая мама, которую я — передайте ей, — ужасно люблю, и скажетъ, что, собственно говоря, пора ужъ и честь знать, а я, „какъ честный офицеръ“, разсыплюсь въ тысячу извиненій и посиживъ еще минутъ десять сверхъ „чести“, попрошусь и уйду, полный надеждъ и сомнѣній!..

Мнѣ ужасно не хотѣлось на другой день просыпаться до вечера, т.-е. до шести часовъ, когда я опять смогу зайти къ вамъ, и мы, послѣ ряда поученій мамы на тему: „надо беречься“ и, выслушавъ разсказъ, какъ „одна барышня каталась-каталась на конькахъ и умерла“, совершенно не думая о смерти, пойдемъ на катокъ, чтобы вновь повторилось все, что было вчера...

Я вамъ не говорилъ, что люблю васъ, что всѣ мои мечты о будущемъ связаны съ вами, но вы, понятно, это знали, и, если можете быть наблюдательнымъ юный артиллерійскій поручикъ, вамъ не было непріятно то, что я смѣю такъ мечтать.

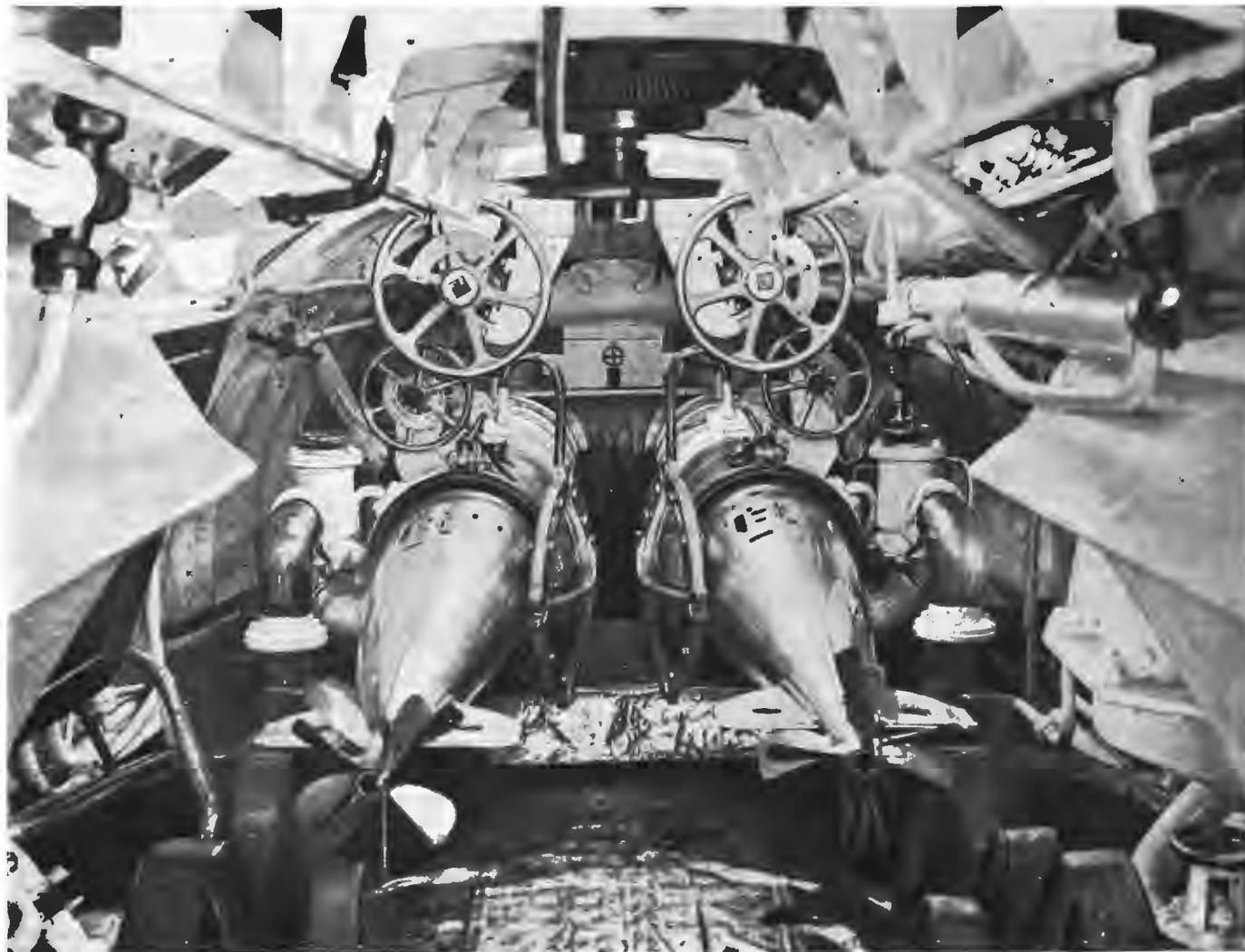
Вы помните, какъ я, по природѣ довольно лѣнливый человѣкъ, выбивался изъ силъ, стараясь обратить на себя своей работой вниманіе начальства, чтобы получить должность старшаго офицера батареи, ибо — увы! — имѣя 73 рубля 33 копейки въ мѣсяцъ, думать о немедленной реализаціи плановъ было немного наивно и смѣшно.

Итакъ, я ждалъ...

Я даже не могу, впрочемъ, сказать, чтобы ожиданіе было ужъ слишкомъ тяжело. Вы были близки мнѣ и дороги не меньше. Чѣмъ близка и дорога мужу жена, если откинуть эту тѣлесную, плотскую сторону супружеской жизни.

Изъ всѣхъ знакомыхъ, которые у васъ бывали, я не любилъ только одного, какъ разъ того, съ которымъ я самъ васъ познакомилъ... Вы знаете, о комъ я говорю... Не любилъ его и потому, что онъ какъ-то насмѣшливо смотрѣлъ на меня, когда я говорилъ что-нибудь выходящее за предѣлы обычныхъ офицерскихъ разговоровъ, — за то, что онъ всегда умѣло, всегда кетати вставлялъ, красиво красноречиво, французскія фразы, зная, что я не владѣю этимъ языкомъ, а только еле-еле его понимаю, — за то наконецъ, что въ его присутствіи вы дѣлались какой-то страшно умной и серьезной и играли не тихія, патетическія сонаты, а всегда бурные и грозные отрывки изъ Грига и Вагнера...

Я зналъ, что онъ выше меня, что у него академическій зна-

Въ подводной лодкѣ.

Мины наготовѣ.

чокъ, что тогда, когда я буду вѣчнымъ командиромъ батареи, онъ уже будетъ превосходительствомъ и моимъ начальникомъ, но это не мѣшало намъ говорить другъ другу „ты“ и наружно считаться пріятелями.

Я много, много говорилъ ему о васъ еще раньше, когда, волею судебъ, намъ пришлось поселиться рядомъ съ нимъ, въ сосѣднихъ комнатахъ у добрейшей—какъ-то она поживаетъ, Божья старушка?—Маріи Михайловны.

Однажды мы проговорили особенно долго, я какъ-то особенно расчувствовался и не смогъ отказать ему, когда онъ попросилъ меня ввести его въ вашъ домъ.

— Ты знаешь, — сказалъ онъ, — какъ я здѣсь одиноко и какъ нуждаюсь въ хорошей, мирной и теплой семьѣ, гдѣ можно отдохнуть душой...

И я его привелъ, какъ друга, какъ своего „лучшаго“ пріятеля...

Сначала онъ бывалъ у васъ только со мной и бывалъ, сравнительно, рѣдко, и, такъ какъ вы были съ нимъ только по-хозяйски любезны и вѣжливы, я не чувствовалъ никакой къ нему неприязни, а даже былъ радъ, что чело-вѣку стало легче жить.

Потомъ...

Помните, какъ вы оживленно говорили съ нимъ о чемъ-то, вѣроятно, адски интересномъ, когда вдругъ, какъ обычно, безъ доклада, вошелъ я и прервалъ своимъ приходомъ вашу бесѣду?..

О чемъ вы говорили?

Я вѣдь этого не знаю и до сей поры...

Я только увидѣлъ, въ первый разъ увидѣлъ, что вы довольны моимъ приходомъ, и если бы вы знали, какъ сразу пусто и одиноко стало на сердцѣ у „бѣднаго поручика“, какъ вы въ шутку, еще раньше, меня называли!

Дѣло въ томъ, мой другъ, что даже у человѣка и безъ академическаго знака и безъ знанія иностранныхъ языковъ можетъ иногда болѣть сердце...

И я сталъ послѣ этого приглядываться...

Вотъ тутъ-то я замѣтилъ, и Грига, и Вагнера, и французскія фразы, и енисходительные взгляды сначала съ его стороны, а потомъ (вѣдь это вѣрно?) и съ вашей...

И это было тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ ужаснѣе, что я уже не имѣлъ силы отойти въ сторону.

Даже больше... я сталъ „спадать“ со своего обычнаго тона и принимать тонъ его, человѣка, котораго я теперь ненавижу всѣми фибрами своей души...

И я не замѣтилъ, что просто смѣшонъ въ этихъ своихъ попыткахъ.

Можетъ-быть, не будь этого, вы рано или поздно вспомнили бы и о нашихъ хорошихъ вечерахъ, и о сонатахъ pathétiques, и о чаѣ съ крендельками...

Теперь же вы уже вовсе ушли отъ меня, какъ уходять отъ плохой копій, когда есть возможность видѣть хорошей оригиналь. И не знаю даже, жалѣли ли вы меня, или я былъ вамъ противенъ, но только мама ваша всегда смотрѣла на меня своими умными старческими глазами и, казалось, говорила: „будь мужичиной... пойми и уйди!.. Мнѣ тебя жаль, но... уйди!..“

Вы даже и такъ на меня не смотрѣли, а просто уходили къ себѣ, когда я приходилъ безъ „него“, и я сидѣлъ съ вашей мамой, понимая ея взглядъ и дрожа отъ страха, что она мнѣ выскажетъ все словами, и тогда „все“ будетъ кончено...

А „все“ было уже кончено...

А помните, какъ „онъ“ однажды при васъ спросилъ меня: „послушай, друже, почему ты не женишься?“ и при этомъ насмѣшливо, чуть замѣтно (но и вы и я это замѣтили!) улыбнулся въ свои выхоленные усы!

Я хотѣлъ вскопичить, ударить его, чтобы довести дѣло до дуэли, но посмотрѣлъ на васъ и прочелъ въ вашемъ взглядѣ такую мольбу, такой страхъ, что не ударилъ, а... засмѣялся и отвѣтилъ:

— Я это сдѣлаю послѣ твоей свадьбы.

У меня тогда плакало сердце, мой другъ, кровь прилила къ вискамъ, а я смѣялся...

И я былъ награжденъ вашимъ добрымъ взглядомъ.

Что жъ, развѣ это не хорошая награда для „бѣднаго поручика“?

„Убийцамъ капитана Фрайета“ — надписи, сдѣланныя английскими солдатами на снарядахъ тяжелыхъ орудій, — какъ протестъ противъ варварства нѣмцевъ, казнившихъ капитана англійскаго пассажирскаго парохода „Брюссель“, — Фрайета, протаранившаго въ цѣляхъ самообороны германскую подводную лодку, навишюю на него въ Сѣверномъ морѣ.

Помню, когда на другой день, на утреннихъ занятіяхъ мой взводъ скорѣе снялся съ передковъ, чѣмъ „его“, „онъ“ подѣлалъ ко мнѣ и дружелюбнымъ тономъ сказалъ:

— А знаешь, ты очень хорошъ, какъ строевой офицеръ... У тебя это (т.-е. строевыя занятія) всегда здорово выходитъ...

Я опять хотѣлъ его ударить, но вновь вспомнилъ ваши глаза и молча повернулъ коня къ своему взводу.

Потомъ наступило лѣто...

То лѣто, о которомъ я много думалъ раньше, до вашего знакомства съ „нимъ“.

Онъ часто ѣздилъ изъ лагерей въ городъ, а я лежалъ въ палаткѣ на походной постели и думалъ... о несбыточныхъ мечтахъ и о разбитыхъ надеждахъ.

Однажды теплой лунной ночью я пошелъ побродить по лагерямъ. Бѣжали палатки, высокіе стройные тополя тихо-тихо шевелили листьями, огни города вдали, за широкимъ полемъ, сверкали и сіяли.

Я шелъ по передней линейкѣ, мимо стальныхъ жерлъ орудій, и думалъ, что, если бы вы были здѣсь, я упалъ бы къ вашимъ ногамъ, цѣловалъ бы ваше платье и умолялъ вспомнить о томъ, что было.

И вдругъ... изъ сада, около походной церкви, вышелъ прямо навстрѣчу мнѣ онъ, а черезъ минуту и вы... Мнѣ уже нельзя было вернуться и уйти...

Я подошелъ и полусерьезно спросилъ „его“:

— Ты развѣ не знаешь, что постороннимъ въ лагери входъ воспрещается?..

Онъ какъ-то опѣшилъ, а вы, волнуясь и смущаясь, начали говорить какую-то странную исторію о томъ, какъ вы сюда попали...

Мы вмѣстѣ „съ нимъ“ проводили васъ до города, до вашей квартиры, а затѣмъ вмѣстѣ же вернулись назадъ, не сказавъ другъ другу ни слова.

Знаете, мой другъ, я хотѣлъ въ ту ночь застрѣлиться, но отложилъ свое намѣреніе только потому, что побоялся, какъ бы онъ не обманулъ васъ...

Вѣдь этого-то я, во всякомъ случаѣ, ему бы не простилъ.

Онъ однако оказался вполне порядочнымъ человѣкомъ, и вскорѣ я имѣлъ честь держать вѣнецъ надъ вашей головой...

Я уже телеграфировалъ вамъ, что онъ умеръ смертью героя.

Вы знаете, вѣроятно, изъ газетъ, что его батарея выдержала на себѣ то, что невозможно въ теоріи даже и представить: противъ четырехъ его орудій дѣйствовало шестнадцать неприятельскихихъ.

И онъ, вашъ мужъ, перебѣгая на виду неприятеля отъ одного орудія къ другому, являлъ собою образецъ отваги и храбрости.

И когда подошла неприятельская пѣхота, онъ осыпалъ ее градомъ картечи и осыпалъ до тѣхъ поръ, пока было кому зарядить орудія...

А затѣмъ, когда изъ всей прислуги у орудій осталось четверо, онъ выхватилъ шашку и кинулся на врага!..

Да, мой другъ, вашъ мужъ умеръ хорошей смертью, заставивъ меня и здѣсь позавидовать ему.

Когда я писалъ вамъ объ этомъ, у меня не вылилось изъ-подъ пера ни одного слова сочувствія, и теперь мнѣ стыдно этого... Но вы поймете и простите... Я не могъ не писать вамъ искренно, а это сочувствіе было бы фальшиво, ибо я, жалѣя офицера, радовался смерти человѣка.

Теперь же, когда изъ-за порохового дыма, изъ-за потоковъ крови, изъ-за стонувъ мнѣ какъ-то стало не видно прошлаго и все личное отошло на задній планъ и отходить съ каждымъ днемъ все дальше и дальше, мнѣ жаль, мучительно жаль и его и васъ...

Тяжело умирать молодымъ, но еще тяжелѣе жить, когда умерла любовь, когда умеръ тотъ, кого любилъ больше всего на свѣтѣ!

Мы оба пережили это, и потому, я думаю, я имѣю право называть васъ такъ, какъ называю: „мой другъ“.

Повѣрьте, я былъ безумно радъ, что вы написали мнѣ, что, оправившись отъ ужаснаго удара, нанесеннаго вашему сердцу судьбой, вы вспомнили именно обо мнѣ, но простите, что въ отвѣтъ на вашу просьбу написать „все, все“ о себѣ, я написалъ только о прошломъ.

Что дѣлать?.. У меня ни настоящаго нѣтъ ни будущаго, а только прошлое.

Настоящее слишкомъ ужасно, слишкомъ кроваво, чтобы писать о немъ.

Будущее... Развѣ можно говорить о будущемъ, когда вотъ сейчасъ, сію минуту я уже слышу, что перестрѣлка усиливается, когда я знаю, что вотъ-вотъ загудитъ телефонъ и я услышу приказъ открывать огонь, и вновь надъ моей головой начнутъ рваться снаряды, и, весьма естественно, одинъ изъ нихъ разорвется какъ разъ тамъ, гдѣ нужно, чтобы я пересталъ существовать!..

Въ такихъ условіяхъ о будущемъ не пишутъ, а потому... Прощайте... И будьте счастливы...

Вашъ „бѣдный поручикъ“.

Поручикъ тщательно вырвалъ листки изъ полевой книжки, подумавъ вслухъ:—„а надо будетъ новую книжку купить“,—запечаталъ конвертъ, подчеркнул аллюрѣ двѣ звѣздочки, что значитъ: „какъ можно скорѣй“, и четко вывелъ адресъ.

Потомъ положилъ письмо въ полевую сумку и выползъ изъ блиндажа.

IV.

Дождь нѣсколько поутихъ, но стрѣльба усилилась. Правда, разрывы были еще случайные, шальные, чувствовалось, что нѣмцы только еще щупаютъ батарею безъ всякихъ опредѣленныхъ данныхъ, но, тѣмъ не менѣе, у поручика отчего-то сжалось сердце, и въ первый разъ онъ почувствовалъ, что ему страшно.

Чего именно страшно, онъ врядъ ли бы смогъ сказать опредѣленно, но только, совершенно невольно, по его тѣлу начали бѣгать мурашки, смѣшно расплываясь отъ спины къ кончикамъ пальцевъ рукъ и ногъ.

— Чортъ, возьми!.. Вотъ еще мерзость-то!..—выругался онъ вслухъ и, чтобы какъ-нибудь забыться, подошелъ къ телефону, соединилъ его съ соседнимъ командиромъ батальона и началъ разспрашивать о положеніи дѣлъ на фронтѣ.

Утѣшительнаго было мало. Только-что вернувшіеся развѣдчики донесли, что нѣмцы перебѣгаютъ на правомъ флангѣ, очевидно, рѣшивъ воспользоваться темнотою и дождемъ и попытаться зайти во флангъ.

Поручикъ сообщилъ о разговорѣ командиру батареи и сталъ напряженно всматриваться въ непроницаемую даль.

Стало слышно, какъ кто-то шлепаетъ ногами по грязи.

Поручикъ нервно сжалъ эфесъ шашки и сталъ присматриваться. Скоро успокоился и обрадовался; шли на пунктъ штабъ-капитанъ и Сергѣй Ивановичъ.

— А мы наѣстятъ. Что-то будетъ? Бьетъ, негодяй, здорово.

— По-моему, будетъ наступленіе, Аркадій Егорычъ.

Поручикъ старается говорить спокойно, но удаётся это плохо: голосъ дрожитъ и прерывается.

— Что съ тобой, Мишка?—спрашиваетъ Сергѣй Ивановичъ.— Ты какъ будешь дрефить?..

— Право, не знаю... А, пожалуй, ты и правъ: дрефлю. Какъ-то особенно сегодня страшно и мерзко... И дождь этотъ... Чортъ его знаетъ, когда онъ наконецъ перестанетъ!..

— Да, погода богомерзкая,—согласился капитанъ.—А насчетъ наступленія я тоже согласенъ: больно ужъ они ракеты жгутъ.— Помолчалъ и добавилъ равнодушно:—Ну что же, будетъ наступленіе, будетъ и бой...

— А будетъ бой—будетъ и смерть,—въ тонъ ему закончилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Слушайте, капитанъ. Скажите по правдѣ, положи руку на сердце: вамъ страшно или нѣтъ?..—какъ-то порывисто спросилъ вдругъ Михаилъ Васильевичъ.— Мнѣ ужасно, понимаете, ужасно страшно!.. И такъ не хочется умирать!..

— Страшно ли мнѣ?.. Пожалуй, что да... Въдѣ я, милый, вообще не вѣрю въ храбрость такъ, какъ ее понимаютъ въ разныхъ тамъ салонахъ, и какъ описываютъ господа „военные“ беллетристы. Мнѣ страшно, ибо я, все же, живой человѣкъ... Но я умѣю владѣть собой. Я помню, какъ однажды, въ самомъ началѣ войны, около меня разорвался снарядъ... Убило и переранило всѣхъ, стоявшихъ около... Я такъ напугался, что рѣшилъ, что убить и я самъ, и, вѣроятно, потому не двинулся съ мѣста. Посмотрѣлъ потомъ назадъ и вижу, что брошенные орудія нижніе чины сами, безъ всякаго приказанія, возвращаются на свои мѣста. И я сразу понялъ, что это только потому, что не побѣжалъ я. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не показывать спины противнику. Ибо, во-первыхъ, убѣжать отъ снаряда или пули нельзя, а во-вторыхъ, я очень дорожу солдатскимъ обо мнѣ мнѣніемъ. Въдѣ только это мнѣніе и должно быть дорого офицеру...

— Ну, а отважность, доблесть, неужели вы такъ и не признаете?.. Когда, на примѣръ, офицеръ, чувствуя, что отъ его личности, отъ его храбрости зависитъ успѣхъ дѣла, выхватываетъ шашку и несетъ впередъ, впередъ...

— Ну, отчего же? Возможность этого я не только не отрицаю, но и факты такіе великолѣпно знаю. Только я думаю, что это опять-таки не храбрость, а просто честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Не больше, пожалуй, того, какъ вашъ денщикъ Василій несетъ вамъ обѣдъ въ блиндажъ подъ градомъ шрапнели... Долженъ и нести... Гдѣ же тутъ храбрость?.. Вы сколько лѣтъ на службѣ, поручикъ?

— Шестой годъ,—отвѣтилъ тотъ, не понимая, къ чему клонить капитанъ.

На западномъ фронтѣ.

Наступленіе союзниковъ на рѣкъ Соммъ. Захваченные у нѣмцевъ траншейные деревянные минометы, стянутые стальной проволокой.

Ну, вот. Значит, вы пять лет получали деньги авансом... Авансом получали и чины свои, и даже „благородство“ за вами авансом признано... Теперь настала часть выплачивать авансы, отрабатывать его... И čím вы „храбрѣ“, тѣм скорѣ его выплатите. Значит — не храбрость, а аккуратность въ уплатѣ долгов... Вѣдь правда? Если б у меня были дѣти, я бы старался развивать въ них не храбрость безумную, а умное умение владѣть собою во всѣх случаях жизни. И, вѣрьте, изъ этого и только изъ этого государство и общество могли бы извлечь какую-нибудь пользу...

Вѣ помолчали. Наконец капитанъ поднялся.

Ну, ладно... Пофилософствовали, да и годи! Пойдемъ, Сергѣй Ивановичъ. А вы, въ случаѣ чего, телефонуйте... Всѣхъ благъ!..

Господинъ капитанъ! Позвольте мнѣ васъ поцѣловать...

Капитанъ удивился, но отвѣтилъ просто и ласково:

— Ну что же, почем-каемся!

Опять зашлепали шаги по грязи...

Опять остался одинъ...

На нашемъ западномъ фронтѣ.

Защита отъ германскихъ „чемодановъ“.

На французскомъ западномъ фронтѣ.

Наступленіе на рѣкъ Соммъ. Французскіе саперы у входа въ минную галерею.

Телефонисты тоже дремали, очевидно, разеказавъ всѣ сказки, какія только вспомнились въ эту мерзкую, сѣрую ночь.

Огонь все усиливался и усиливался.

Загудѣлъ телефонъ.

— Поручикъ! Что тамъ? Пожалуй, надо открывать огонь. Какъ вы думаете?

Говорилъ штабсъ-капитанъ.

— Огонь?.. Ну, что жъ, огонь такъ огонь!.. Сейчасъ, господинъ капитанъ!

Посмотрѣлъ еще разъ впередъ себя, вздохнулъ, и понеслись по проволокамъ слова команды.

Сейчасъ же, точно откуда-то изъ земли рывкнули орудія и выплюнули сталь изъ своихъ урюмыхъ жерлъ.

„Началось!.. Опять!..“ подумалъ поручикъ.

Противникъ будто только и ждалъ, чтобы батарея наконецъ заговорила.

Въ отвѣтъ на этотъ разговоръ, уже не куда-то въ пространство, а прямо туда, гдѣ веныхивали огни орудійныхъ залповъ, съ его стороны понеслись цѣлыя горы свинца и стали.

Началось то, что называется артиллерійскою дуэлью. Къ реву и грохоту орудій присоединился назойливый стукъ пулеметовъ.

„Будто гвозди вколачиваютъ, подумалъ поручикъ и добавилъ:— а развѣ же неправда, что гвозди. Гвозди въ гробъ тѣхъ, кто живъ сейчасъ, сію минуту, и кто умретъ“... Подумалъ и даже улынулся отъ удачнаго, какъ ему казалось, сравненія. Гдѣ-то, совсѣмъ близко, раздался сильнѣйшій взрывъ. „Неужели въ орудіе?“ — подумалъ поручикъ. Оказалось не въ орудіе но и не лучше.

Ваше благородіе!..

— Что, Бобыль?.. — захотѣлось сказать что-нибудь иѣжное и ласковое.—Что, голубчикъ?

Такъ что на батареѣ неблагополучно: въ офицерскій блиндажъ снарядомъ вдарило. Ихъ благородіе, командира батареи наповаль, а поручику ногу оторвало...

— Телефонъ работаетъ? — взялъ телефонную трубку.

Вовка, цѣль?..

Вовка скорѣ простоналъ, čím отвѣтилъ:

— Цѣль, а вотъ тѣ-то...

— Я принимаю батарею. Ты будешь замѣстителемъ... А какъ Витя?

— Витя ушелъ къ прикрытію... Только вышелъ, какъ снарядъ трахнулъ...

— Ну, иди къ батарее... Пусть на всякій случай два орудія приготовить на картечь...

— Что... Мишка, развѣ?..

Повѣсилъ трубку.

„Вотъ и все... Такъ и померь штабсомъ!.. Жаль!“ — подумалъ и сталъ посылать снаряды еще чаще и чаще.

Пулеметы стучали все ближе и ближе...

Въ Галиціи. *Скульптурное изображение святого, соитое съ костела нѣмцами и поставленное нашими солдатами у входа въ костель.*

А съ Витей случилась странная исторія.

Когда онъ заплакалъ, всѣмъ стало какъ-то не по себѣ.

Никто его не успокаивалъ, а только чувствовалось, что они его понимаютъ и ему сочувствуютъ.

И это молчаливое сочувствіе отрезвило Витю.

Онъ робко, нерѣшительно пробормоталъ:—Простите меня Бога ради!—свернулся въ клубочекъ и сразу же уснулъ, какъ ребенокъ, уставшій отъ горькихъ слезъ.

Уснулъ и увидѣлъ странный сонъ:

Приснилась ему гимназія, и шелъ будто бы урокъ греческаго языка.

Вдругъ въ самый разгаръ урока чехъ Кремеръ крикнулъ ему ни съ того ни съ сего:

— Вонъ изъ класса!

— За что, Францъ Вячеславичъ?

— Вонъ, я тебѣ говорю!..

Стало это Витѣ обидно, и онъ рѣзко, какъ никогда, отвѣтилъ:

— Идите сами вонъ, а мнѣ и здѣсь хорошо.

Отвѣтилъ и услышалъ рядомъ тихій, молящій голосъ:

— Уйди, Витенька, ради Бога уйди...

Посмотрѣлъ и удивился: вмѣсто Богдановскаго, его постоянного сосѣда по партѣ, сидитъ съ нимъ рядомъ мать и смотритъ на него ласково, ласково... И такъ ему стало ее жаль, что онъ вскопчилъ и... очнулся только на воздухъ, около окопа, гдѣ мирно храпѣла подъ аккомпанементъ орудейнаго грохота рота прикрытія.

И не успѣлъ еще Витя опомниться, какъ въ блиндажъ ударилъ снарядъ и поднялъ вверхъ груды бревенъ, досокъ и песку...

„Убиты!“ — сразу прорѣзала мозгъ мысль.

— А я живъ! — сказалъ вѣдухъ.

Быстро, самъ поражаясь своей энергіи, Витя растолкалъ дневальныхъ и приказалъ поднять роту.

Черезъ двѣ-три минуты рота была уже „въ ружьѣ“, готовая ко всякимъ случайностямъ и неожиданностямъ.

V.

Когда Михаилу Васильевичу передали, что снарядовъ больше нѣтъ, что остались только снаряды на картечь, и потомъ, когда онъ увидѣлъ отходившія назадъ кучки солдатъ изъ стоявшаго впереди батальона, ему стало какъ-то вдругъ спокойно и весело: — Значить, конецъ.

И это спокойствіе уже не оставляло его дѣйствительно до самаго конца...

Онъ быстрыми, рѣшительными шагами направился къ батарее, послалъ за передками, и самъ, вызвавъ роту прикрытія и присоединивъ къ ней всю свободную отъ работы у орудій прислугу, сталъ приготовляться къ встрѣчѣ врага.

Его спокойствіе заразило и Витю и Вовку, почувствовавшего себя впервые во всю кампанію уже не агрономомъ, а офицеромъ. Нѣмцевъ подпустили на семьдесятъ—восемьдесятъ шаговъ, потомъ рѣзнули картечью.

Чѣмъ гуще становились цѣпи противника, чѣмъ больше вырывала изъ его рядовъ картечь, тѣмъ свѣтлѣе дѣлалось у него на душѣ. Онъ весело выхватилъ изъ ноженъ шашку и бросился впередъ.

Первымъ былъ убитъ Витя. Пуля попала ему въ грудь, но онъ не откинулся назадъ, а упалъ ничкомъ, сейчасъ же свернулся въ клубочекъ, какъ привѣкъ еще дома, вздохнулъ и умеръ.

Потомъ былъ раненъ въ ногу Вовка. Онъ смѣшно запрыгалъ на одной ногѣ, перевернулся на ней нѣсколько разъ, упалъ и, судорожно царапая землю, поползъ куда-то въ сторону, подальше отъ лязга штыковъ.

Тутъ, въ кустахъ, его на другой день подобрала развѣдчица. Михаилъ Васильевичъ держался дольше другихъ.

Его какъ-то щадили и штыки и пули, хотя онъ все время былъ впереди.

Вдругъ онъ почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ. Посмотрѣлъ и увидѣлъ, что шагахъ въ десяти лежатъ какой-то нѣмецъ и цѣлится прямо въ него.

Онъ хотѣлъ спросить: — Къ чему это? За что?... но не успѣлъ, такъ какъ пуля уже пробила его голову.

Стало уже совсѣмъ свѣтло. Кое-гдѣ гремѣли орудійные залпы; это отошедшія войска подготавливали контръ-атаку.

Такъ все это было...

Памятникъ, сооруженный французскими солдатами боевымъ товарищамъ, павшимъ при взятіи деревни Босежуръ.

Богослуженіе въ одномъ изъ вичныхъ погребовъ. Скамьями служатъ ящики, въ которые упаковываютъ бутылки шампанскаго.

Школа для дѣтей бѣдныхъ жителей Реймса, оставшихся на своихъ пепелищахъ. Занятія ведутся подъ канонаду нѣмецкихъ пушекъ.

Всюду жизнь. Подъ землею въ разрушенномъ Реймсѣ. (См. „Отклики войны“).

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 46

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 12-го ноября 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Объявленія для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарейка въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. А. П. Чехова“ томъ XXIII.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Освобожденный отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

5^{1/2}%

Государственный

ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ.

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ 1916 Г.,

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА
НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЪ

3.000.000.000 рублей,

трия серіями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ **5^{1/2}% годовыхъ**, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1 апрѣля и 1 октября. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1 октября 1926 года.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

*въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ:*

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ,
Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,

Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ,
Русско-Голландскомъ,
Союзномъ,
Московскомъ Купеческомъ,
Соединенномъ,

съ 1 ноября
по 30 декабря
с. л.
включительно.

Московскомъ Промышленномъ (б. И. В. Юнкеръ и К^о),
 Московскомъ,
 Московскомъ Торговомъ,
 Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,
 Московскомъ Учетномъ,
 Московскомъ Народномъ,
 Коммерческомъ въ Варшавѣ,
 Кавказскомъ,
 Киевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
 Одесскомъ Учетномъ,
 Рижскомъ Коммерческомъ.

Ростовскомъ и/Дону Купеческомъ,
 Тифлисскомъ Купеческомъ,
 Центральномъ Банкѣ Обществъ Взаимнаго Кредита,
 Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита
 и въ банкирскихъ конторахъ и домахъ:
 Бр. Джамгаровыхъ, въ Петроградѣ и Москвѣ,
 Лампе и К^о, въ Петроградѣ,
 Г. Лѣсина, въ Петроградѣ,
 Э. М. Мейеръ и К^о „ „
 Маврикія Нелькенъ „ „
 Г. Волкова съ С-ми, въ Петрогр. и Москвѣ,
 М. Ашкенази, въ Одессѣ.

съ 1 ноября

по 30 декабря

с. г.

включительно.

*въ Казначействахъ (постоянныхъ),
 въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обществахъ взаимнаго кредита, въ тѣхъ Городскихъ и Земскихъ Управахъ и Нотаріальныхъ конторахъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,*

*въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
 въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и
 въ полевыхъ Казначействахъ*

съ 1 ноября 1916 г.
 по 31 января 1917 г.
 включительно.

Подписная цѣна назначается въ 95%, съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1 октября с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 руб., а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита—свыше 200 руб., уплата можетъ быть разсрочена съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50%—не позднѣе 31 января 1917 года.

Въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ, гдѣ введена ссудная операція, для подписки на новый заемъ могутъ быть открываемы въ предѣлахъ, не превышающихъ сумму взносовъ по подпискѣ, льготные кредиты по 1 января 1918 года подъ залогъ облигацій всѣхъ государственныхъ займовъ, выпущенныхъ съ начала войны до сего времени.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ изъ льготнаго процента въ 5½% годовыхъ по срокъ 1 января 1918 года. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 88% номинальной суммы.

Означенныя ссуды могутъ быть получаемы на льготныхъ условіяхъ и въ частныхъ банкахъ.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплата денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

50% заклад. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г.

54 тиражъ 1-го ноября 1916 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

листовъ Дворянскаго съ выигрышами займа 1889 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листовъ, съ № 1 по № 50 включительно).

4	869	1306	1754	2221	2843	3747	4279	4866	5220	5640	6441	7038	7466	7949	8396	8936	9300	9881	10619	11119	11715	12196	13022	13614	14012	14679	15268	15910
171	903	1857	1776	2228	2935	3769	4307	4867	5223	5739	6492	7055	7469	8034	8398	8967	9328	9984	10688	11156	11794	12279	13037	13650	14122	14738	15275	15963
177	931	1865	1778	2229	3042	3856	4309	4880	5265	5792	6527	7126	7501	8061	8446	8996	9385	10013	10833	11173	11853	12345	13120	13651	14156	14980	15342	
263	950	1396	1814	2234	3171	3880	4338	4931	5294	5817	6633	7159	7502	8082	8470	9017	9402	10053	10840	11292	11869	12381	13179	13684	14205	14895	15398	
451	1058	1431	1827	2246	3347	3907	4355	4972	5371	5867	6657	7247	7507	8122	8517	9088	9503	10162	10876	11425	11874	12448	13217	13724	14234	14962	15444	
474	1117	1535	1863	2318	3351	3913	4371	5007	5399	5896	6754	7292	7572	8142	8531	9179	9531	10205	10904	11432	11908	12454	13227	13749	14279	14978	15473	
522	1133	1593	1936	2341	3430	4058	4420	5026	5463	5967	6756	7298	7605	8199	8568	9185	9602	10420	10909	11474	11948	12547	13302	13838	14348	15160	15558	
610	1153	1617	1976	2391	3446	4108	4426	5109	5495	6118	6757	7318	7633	8212	8725	9220	9624	10462	10968	11488	11958	12724	13393	13907	14419	15168	15625	
804	1171	1660	2002	2476	3524	4114	4654	5130	5543	6205	6770	7364	7695	8265	8792	9261	9629	10515	11029	11489	12012	12830	13425	13909	14483	15181	15633	
821	1183	1718	2115	2681	3647	4133	4659	5144	5682	6231	6791	7367	7722	8271	8819	9262	9674	10520	11031	11523	12136	12929	13498	13925	14562	15202	15678	
822	1186	1747	2120	2722	3654	4189	4722	5165	5635	6317	6875	7405	7773	8318	8841	9292	9805	10543	11042	11578	12139	12968	13480	13948	14618	15249	15789	
829	1240	1750	2170	2791	3713	4269	4739	5169	5638	6338	7007	7414	7924	8320	8899	9295	9806	10544	11110	11584	12155	12974	13536	14000	14672	15260	15838	

Всего 338 серій, составляющихъ 16.900 листовъ, на сумму 2.450.500 рублей.

БИБЛІА

полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текствѣ 208 художеств. КАРТИНАМИ, размѣр. кн. 6×4 в., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр. въ прочномъ красив. тисн. золотомъ полукожан. переплетѣ съ футл. цѣна 8 р., съ перес. и упаков. въ Евр. Россіи 9 р. Первая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ, Невскій, 153. Е. П. Масленникову. Тел. 90-36.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

пронсходящихъ отъ холода,
нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ
“КРЕМЪ СИМОНЪ”
(CRÈME SIMON)

ПАРИЖЪ
J. SIMON, PARIS. — Требуйте нашу настоящую марку.
Въ розницу продается у парикмахеровъ, парюмеровъ и аптекарей.

Марка
Утверждена.

Религіозно-патріотическая ВОКАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

для пѣвческихъ хоровъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Большой сборникъ гимновъ, религіозно-патріотическ. пѣсенъ, маршей и т. д.
Сост. **Н. Ерощенко.**
Выпускъ I и II, каждый по 1 р.
Новый каталогъ „Свѣтская хоровая музыка“ — бесплатно. 4891
П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

НАИЛУЧШАЯ РУССКАЯ НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА

КУВАКА

ИЗЪ РАДИОАКТИВНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

4397 (1)

СТРАДАЮЩИМЪ ЖЕЛУДКОМЪ

ЗАПОРАМИ и ГЕМОРРОЕМЪ
рекоменд. Стомоксигенъ
Д-ра Антона Мейеръ. Сто-
моксигенъ освобождаетъ
желудокъ легко, нормально
и пріятно и дѣйствуетъ
всегда одинаково. Это сред-
ство надежное, совершенно
безвредное и отпуск. изъ
всѣхъ аптекъ по рец. вр.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за
почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю
зачто красиво и скоро пи-
сать. За 5 десятковъ марокъ
высылаю образцы шрифтовъ,
почерки учениковъ и слововъ.
Одесса, Професс. каллиграфъ.
Акофъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообученіе.
Зачтоное обученіе. Безвлатнаго
преміи. Каллиграфія, стеногра-
фія, правописаніе и проч. **АТ-
ТЕСТАТЪ.** Любимаго условія
подписки и
пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—56.

ЛЕНТО
на 30 струнъ
на 30 струнъ
МАНДОЛИНЪ
ГИТАРЪ и БАЛАЛАЙКЪ
Услов. заоч. обуч. и каталогъ инструм. безплат.
„Искры Музыки“ Москва, Сретенка 21/5

ИКОНЫ

всѣхъ степеней, готовыя и на заказъ, можно
получить въ иконной лавкѣ
ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета По-
почитательства о Русской иконописи.
Петроградъ, Надеждинская, 27.
Тел. 201-29.
Прейс-курранты высылаются бесплатно.

САМЫЙ НЕОБХОДИМЫЙ ПОДАРОКЪ ВОИНУ—

ТЕПЛЫЯ ФУФАЙКА и КАЛЬСОНЫ
комплектъ, состоящій изъ одной фу-
файки и однихъ кальсоновъ, высылаются
почтой наложеннымъ платежомъ, по по-
лученіи 1/2 стоимости въ задатокъ.
Комплектъ А. Тина Егерьской—7 р. съ
пересылкой.
„ В. Внутри пухов. — 9 р. съ
пересылкой.
„ В. Предохран. отъ просту-
ды—11 р. съ перес.
„ Г. Очень плотн. внутр. пу-
хов.—12 р. 50 к. съ перес.
При заказъ обозначать ростъ; малый,
средній или высочій. — Высылаются не-
медленно. — Адресовать: ИРКУТСКЪ,
мастерская вязаныхъ издѣлій
„ТРИУМФЪ“.
Предожженіе вноздъ добросовѣстное.
472 ФИРМА РУССКАЯ. 4-3

ВЫШЕЛЪ и ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЙ КВАРТИРНЫЙ ЗАКОНЪ.

4375 Рубл. необходимо для юристовъ, домовладѣльцевъ и квартирантовъ. 2-2
Цѣна 30 к., съ пересыл. 35 к., высылаются почтой по получ. денегъ. Складъ изданія
у **Е. Д. УРУСОВА.** Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. 30, кв. 60. Телеф. 6-68-84.

Поставщикъ Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Вѣдоровны. ФАБРИКА ЧАСОВЪ ТОРГОВАГО ДОМА

Г. МОЗЕРЪ и К^о.

(Основ. въ 1826 г.).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Для устранения случаевъ злоупотребленія некоторыми торговцами названіемъ на-
шей фабрики, считаемъ необходимымъ рекомендовать желающимъ приобрести часы
нашей фабрики обратить особенное вниманіе на то: помѣщеніи ли на предлагае-
мыхъ карманныхъ часахъ въ имѣющихся на нихъ клеймахъ и надписяхъ на фран-
цузскомъ языкѣ передъ фамиліей **MOSER & Co**, буквы „НУ“ или „Н“, такъ какъ
только съ такими клеймами и надписями часы являются дѣйствительными издѣ-
ліями нашей фабрики.

Магазины Г. МОЗЕРЪ и К^о имѣются только:

въ Петроградѣ: Невскій пр., 26—4; въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, 12—4;
въ Кіевѣ: Крещатикъ, 29—4; на Нижегородской ярмаркѣ: На
Главной площади. 4899

Старческая Дряслость,

артеросклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., невротенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРО-ГРАДЪ
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

№ 12 12

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описание предлагаемаго средства.

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 Е. Н.

!!ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ!!

ДАЙТЕ ДѢТЯМЪ

ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВУ.

За 3 р. 50 к. выслать, почтов. налогъ. для вырѣзки и склеиванія: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигуръ) или 2) Авро-гидропланъ, санит. повозки, бронир. автомобиль, дредноутъ, крейсеръ, пароходъ, пушки, минометы, санит. автомоб. и вагоны, въ живя народ., птицы, звѣри.

4596 Контора „ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петроградъ, губ., Боготворская ул. 57

ГАМАМЕЛИДЪ

НОВОЕ СРЕДСТВО

отъ ГЕМОРОЯ ч. 1. 50 к.

Продажа въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.

Адресъ: Москва, Елоховская, 4. Е. И. Германъ.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по заданиямъ Книгоиздательства „БЛАГО“, Вы безусловно **БЫСТРЕ** и **УСПѢШНО** достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то зананье можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженій

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробнѣе со всеми нашими изданіями, выберите:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр.

Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 томовъ по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, коммерч. корресп., коммерч. ариеметики, товаровѣд., банков. дѣла, финанс., биржи и т. д. и т. д.

НАРОДНАЯ ШКОЛА 10 том. по 112—128 стр. для безграм. и малограм.

Пособіе по русскому языку. 4 тома — 9 руб.

Бухгалтерія. 4 тома — 6 руб.

Коммерч. Корреспонд. Русская, Франц., Англійск. Каждая по 1 руб. 50 коп.

Коммерческая ариеметика. 1 руб. 50 коп.

Арием. задачникъ, Алгебраич. задачн. По 2 р

Библиотека языкознанія. Для усовершенст. въ яв. фр., англ. и нѣм. по 45 к. за кн.

Краткій проспектъ **БЕЗПЛАТНО.**—Подробный 15 к.

Корреспонденцію адресовать: въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Глазговая ул., с. д. № 18.

Собств. магазины } ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65;
(для проживающихъ въ } МОСКВА, Мясницкая 18.
Москвѣ и Петроградѣ):

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневы садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

Руководство **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. для газетныхъ работн. заработокъ. 4588 Цѣна 1 руб. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (2)

Чѣмъ замѣнить мясо? Руководство къ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала явиться промышленностью, долженъ написать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особые успѣхъ. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 2 р. 75 к. МОСКВА, 4587 изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. (2)

ДОМАШНЕЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ САХАРА.

Простой и легкій способъ домашняго изготовленія сахара, песочнаго, кусковаго, постнаго, искусств. меда, сироповъ изъ всюду имѣющагося матеріаловъ, безъ всякаго особаго приспособленія, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ и необходимо въ каждомъ домѣ. Цѣна ТРИ р. 25 к. 4588

Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстоеніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11в.

ЖЖВА

№ 46. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдастъ 12 ноября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

На войнѣ.

Разсказъ В. Муйжеля. Иллюстраціи И. А. Владиміроза.

I.

Это былъ небольшой хуторъ съ незначительной запашкой, старыми хозяйственными постройками, угрюмыми, какъ будто вросшими въ землю, разбросанными далеко другъ отъ друга, и очень большимъ лѣсомъ, окружавшимъ хуторъ съ трехъ сторонъ. Съ четвертой подходило болото—глубокое и особенно мрачное, казавшееся мрачнымъ оттого, что деревья вплотную подходили къ нему, и вода въ немъ отъ этого была черной и глухой.

Кажется, самый хуторъ или, какъ называли въ той мѣстности, фольваркъ имѣлъ значеніе только постолъку, поскольку былъ здѣсь лѣсъ. По крайней мѣрѣ господскій домъ, увѣшанный по стѣнамъ рогами, кабаньими головами, чучелами рысей и глухарей, напоминалъ больше охотничій павильонъ, чѣмъ господскій домъ. Въ немъ никто не жилъ, а старикъ-управляющій фольваркомъ вмѣстѣ съ дочкой ютился въ маленькомъ флигелькѣ, выходящемъ одной стороною на черный дворъ, а другой въ садъ.

Народу въ фольваркѣ вообще было немного: два рабочихъ—изъ нихъ одинъ глухонѣмой и, кажется, дурачокъ, служившій только потому, что его нигдѣ больше не держали бы, и старый, обросшій жесткими сѣдыми волосами лѣсникъ съ острымъ и недобѣрчивымъ взглядомъ блестящихъ сѣрыхъ глазъ. Была еще старуха, старая, сморщенная, какъ грибокъ, согнутая пополамъ, что не мѣшало ей все время шнырять изъ кухни въ погребъ, изъ погреба въ телятникъ, всегда что-то бормоча, что-то напетывая и, похоже было, не обращая ни на кого вниманія.

Эта старуха выполняла многосложныя обязанности кухарки управляющаго, скотницы, птичницы, экономки и едва ли не была

главнымъ лицомъ, вѣдающимъ хозяйствомъ въ этомъ непривѣтливомъ, забытомъ людьми мѣстѣ.

Всѣ эти люди жили замкнутой и молчаливой жизнью. Людекал была далеко отъ флигеля, и ночью тамъ ложились рано, послѣ чего на дворѣ или въ аллеѣ, ведущей къ фольварку, можно было кричать, стрѣлять изъ ружья, вопить благимъ матомъ,—тамъ никто не услышалъ бы ни звука. Флигель, крохотный домикъ, половина котораго была отдѣлена подъ кладовую, приникъ къ землѣ, насапнулся обомшлой тесовой крышей и потухалъ съ наступленіемъ темноты: старая Гапка, бормочущая что-то свое, ей одной понятное, каждый вечеръ ползала вокругъ него, гремя огромными желѣзными засовами ставень и наглухо запирая окна. И когда ночью разыгрывалась непогода, когда вѣтеръ гудѣлъ сурово въ старыхъ, издуплившихся липахъ сада, когда господскій домъ, заставленный старой, отсырѣвшей и пыльной мебелью, увѣшанный изъѣденными молью чучелами, молчалъ величественнымъ и суровымъ молчаніемъ слѣпого, уже вычеркнутаго изъ жизни старика, дотягивающаго послѣдніе дни былыми воспоминаніями,—въ такую ночь можно было подумать, что весь хуторъ необитаемъ, что постройки давно брошены, и много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь звучалъ человѣческій голосъ, звенѣлъ смѣхъ, кипѣла суетливая человѣческая жизнь.

По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе испыталъ поручикъ Званцовъ, подъѣзжая часу въ двѣнадцатомъ къ фольварку. Утромъ эскадронный сказалъ ему о томъ, что его вызывалъ командиръ полка. Вмѣстѣ они ѣздили въ штабъ бригады и тамъ пробыли часа два. Вернувшись, эскадронный долго теребилъ подбородокъ, на которомъ проступала щетина давно не бритой бороды, по-

„На войнѣ“. Иллюстрація къ разсказу В. Муйжеля.

„Смотрите, наше расположеніе здѣсь...“ (Глава I, стр. 758.)

томъ позвалъ завѣдующаго командой развѣдчиковъ поручика Званцова и просидѣлъ съ нимъ съ часъ надъ картой-двухверсткой.

— Но позвольте, Паль Палычъ,—возражалъ Званцовъ,—какого чорта я тамъ буду дѣлать? Тѣмъ болѣе со взводомъ—вѣдь это же ерунда... Смотрите, наше расположение здѣсь,—онъ указалъ отмѣченную синимъ карандашомъ линію на картѣ,—потомъ здѣсь,—онъ перенесъ палецъ лѣвѣе,—а этотъ самый хуторъ или фольваркъ, какъ тамъ его, посерединѣ... А здѣсь даже нѣтъ линіи сторожевого охраненія... Тутъ вотъ показанъ лѣсъ, отлично, лѣсъ этотъ танется...—онъ вынулъ спичку и быстро, какъ циркулемъ, прикинулъ ея разстояніе,—шесть, значитъ по двѣ версты—на двѣнадцать верствъ, и притомъ, Паль Палычъ, смотрите, тутъ просто оставлено на картѣ бѣлое мѣсто—область, такъ сказать, неизслѣдованная, болота, должно-быть, непроходимыя; какого чорта я тамъ буду дѣлать?

— Вотъ въ томъ-то и штука, дорогой мой, въ томъ-то и сила, ангель, —ухмыльнулся Паль Палычъ,—вотъ объ этомъ-то бригадный и говорилъ... Видите ли, считается, что этотъ участокъ фронта недоступенъ по естественнымъ условіямъ... Но бригадный, какъ вамъ извѣстно, большой скептикъ; онъ жевалъ усы, ѣздилъ два раза въ штабъ корпуса, разъ въ штабъ арміи—ему сказали, что вы, моль, де сами стоите въ этихъ мѣстахъ и должны лучше знать... Онъ тогда собралъ насъ,—полковникъ, я, войсковой старшина одинъ казачій изъ второочереднаго полка,—и, обудивъ все, рѣшили поставить тамъ пикетъ... А вы сами понимаете, кого жъ мнѣ туда послать, какъ не васъ, развѣдывательныхъ дѣлъ мастера? Вы все тамъ разглядите и сообщите, какъ и чтѣ... Вообще, сами понимаете, нужно это самое, какъ говорится однимъ словомъ, ну, знаете?

— Такъ точно, Паль Палычъ, знаю,—согласился Званцовъ, привыкшій къ манерѣ выраженія своего эскадроннаго,—тогда я изъ своихъ возьму...

— Только не всѣхъ, батюшка, намъ тоже оставьте... Вотъ этого добровольца вашего, потомъ переводчика, потомъ простыхъ нѣсколько...

— Я возьму только человѣкъ восемь—больше не зачѣмъ. Думаю, что все равно намъ дѣлать нечего будетъ... Постоймъ-постоймъ, лошадей отгуляемъ по крайней мѣрѣ, да и назадъ вернемся.

— Не назадъ, а впередъ...—какъ-то особенно, намекающе на что-то, улыбнулся эскадронный.

Званцовъ посмотрѣлъ на него, потомъ чуть-чуть вспыхнулъ и подхватилъ намекъ—осторожный, какъ первая надежда:

— Совершенно вѣрно, Паль Палычъ, впередъ... Вотъ въ этомъ-то и есть досадное, что тутъ какъ разъ наступленіе, пойдемъ впередъ, а я сиди гдѣ-то въ лѣсной дырѣ.

— Ну, ну, ничего, сами понимаете—хватитъ и для васъ еще!.. Нечего, нечего...

— Такъ я, значитъ, теперь и отправлюсь...

— И отправляйтесь, дорогой мой, валийте... Съ Богомъ!

Званцовъ взялъ восемь человѣкъ нижнихъ чиновъ и поѣхалъ.

II.

Война давно перестала казаться Званцову интереснымъ, веселымъ праздникомъ. Когда, послѣ объявленія ея, его полкъ выступалъ, онъ, сидя въ вагонѣ, съ отѣнкомъ наставительности, объявлялъ молодому прапорщику Талаеву сущность войны для офицера:

— Видите ли, князь, оставимъ всякіе философскіе споры, всю эту метафизику и попробуемъ посмотрѣть на вещи просто и прямо. Мы съ вами военные, офицеры, т.-е. люди, посвятившіе жизнь войнѣ. Мы въ теченіе многихъ лѣтъ тянули невеселую ляжку учений, сборовъ, маневровъ, всей этой утомительной и необходимой канители, изъ которой складывается жизнь военного въ мирное время. Это очень скучно и очень надобливо... Отъ этого наша братія пьетъ больше, чѣмъ нужно, играетъ въ карты, иногда глупо и ненужно скандалитъ—это все будни. То же, что дѣлается съ нашими обывателями, сидящими въ какомъ-нибудь уютномъ городкѣ... Клубъ, сплетни, водка!.. Будничная, жалкая обстановка. Мы получаемъ деньги и, смѣю васъ увѣрить, не малыя, мы только не умѣемъ жить, какъ слѣдуетъ, и кинемъ въ собственномъ своемъ соку... Вотъ теперь вдругъ мы съ вами ѣдемъ на войну... Не знаю, какъ вы—а я испытываю чувство, напоминающее какой-то большой и серьезный праздникъ... Вотъ для этого момента, для войны, я шель всю жизнь. Я тянулъ скучную ляжку въ манежѣ, въ солдатской школѣ, слушалъ нелѣбую „словесность“ отъ всѣхъ этихъ нижнихъ чиновъ, обламывалъ съ помощью вахмистра новобранцевъ... Все это тяжело, неприятное, казавшееся иногда ненужнымъ, лишнимъ, надобливымъ, все для этого момента, когда начинается настоящее дѣло, которому мы посвятили нашу жизнь... Это праздникъ, понимаете, самый настоящий праздникъ, рискованный, отважный, серьезный, потому что ставкой идетъ сама жизнь, и потому особенно пышный!

Талаевъ слушалъ его, пытался что-то возразить, но Званцовъ слегка покровительственно хлопывалъ его по погону, и онъ соглашался.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. За эти два года Званцовъ успѣлъ пережить цѣлую жизнь. Два раза онъ былъ раненъ—одинъ разъ въ бедро, во время атаки еще подъ Лодзью, и остался въ строю, другой разъ тяжело—въ бокъ. Черезъ три мѣсяца онъ, еще не вполне оправившись, все-таки возвратился

въ полкъ и опять понесъ то тяжелое, страшное и отвѣтственное бремя, которое называется войною.

За это время онъ перенесъ много тяжелого, страшнаго и мучительнаго. Онъ былъ простымъ рядовымъ офицеромъ армейскаго драгунскаго полка, не выдѣлялся ничѣмъ изъ среды десятковъ такихъ же офицеровъ, и думалъ, жилъ и дѣлалъ все точно такъ же, какъ десятки другихъ думаютъ, дѣлаютъ и живутъ. Но когда послѣ второго раненія, въ Москвѣ, гдѣ онъ лежалъ въ лазаретѣ, и куда изъ деревни пріѣхала истосковавшаяся, измученная вѣчными страхомъ, съ пожелтѣвшимъ лицомъ и свѣтлыми отъ частыхъ слезъ глазами, старуха-мать его и робко, исподволь, предложила ему похлопотать у дяди, ея двоюроднаго брата, очень большого чина въ генеральномъ штабѣ, о мѣстѣ при какомъ-нибудь крупномъ штабѣ, не на передовой линіи,—Званцовъ, рѣзко волнуясь и морщась отъ боли въ боку, отказался и даже наговорилъ матери неприятныхъ вещей... Она потухла, еще больше опечалилась, но въ старчески выдѣвшихъ, водянистыхъ глазахъ ея, на всемъ желтомъ, измятомъ глубокими складками лицѣ за-свѣтилось сложное выраженіе скорби, страха и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то удовлетворенной гордости.

Званцовъ поправился и, перемотанный еще бинтами, опять ушелъ туда же, откуда пришелъ,—въ свой полкъ. И опять пошла та же сложная, напряженная, простая въ своей зоологической откровенности и острая по зѣриной напряженности жизнь на передовой линіи, когда всѣ дни и часы сводились къ тысячѣ мелкихъ итоговъ, а общія сумма ихъ показывала суровую и беспощадную истину: все для того, чтобы какъ можно больше и лучше уничтожить противника и какъ можно лучше, умнѣе и хитрѣе сохранить свою жизнь.

Казалось, все было необычайно просто и ясно: штабъ фронта заботился о сохраненіи тѣхъ и другихъ частей войскъ, артиллеріи, обозовъ... Штабъ арміи о томъ же, штабъ корпуса—тоже, дивизионный о своихъ, полковой или бригадный о своихъ. Все разсмотрѣно, предусмтрѣно, расчитано. И въ суммѣ вырастала глубокая по своему значенію задача,—забота о тѣхъ Петровыхъ и Ивановыхъ изъ своего эскадрона или взвода, ибо безъ нихъ нельзя сохранить себя, и, главное, въ тысячу разъ главнѣе собственнаго существованія, нельзя выполнить то, что называется общей задачей. Это было просто, какъ арифметическая задача, и это несло тысячу заботъ, волнений, мыслей, чувствъ, и отъ этого Званцову иногда казалось, что начало войны относится къ какому-то ужасно давно минувшему времени, что онъ былъ чуть не мальчикомъ, когда объявлялась эта война и онъ сидѣлъ съ прапорщикомъ Талаевымъ въ вагонѣ, что онъ уже почти забылъ, когда было время учений, словесности, манежныхъ пробѣжекъ, „будней военной жизни“, когда правильно ходили поѣзда, когда можно было спать каждую ночь въ чистой постели, бриться передъ зеркаломъ, пить кофе по утрамъ, сваренный не денчикомъ Парарфомъ-Удиновымъ. Это было ужасно давно, онъ тогда еще былъ наивнымъ, глупымъ мальчикомъ, легко и просто разрѣшавшимъ самые сложные вопросы и смотрѣвшимъ на войну, какъ на праздникъ.

А теперь, послѣ двухъ лѣтъ, онъ зналъ, что такое война, зналъ, что это огромный, неизмѣримой тяжести грузъ, на который приходится класть всю силу, всю энергію, все умнѣе, теперь онъ горько сожалѣлъ, что такъ много лѣтъ онъ прожилъ даромъ, ничему не учился, ничего не зналъ,—а знать такъ важно было бы теперь, теперь онъ былъ уже убѣжденъ въ самой горькой и самой благодатной истинѣ: что нѣтъ ничего легче и пріятнѣе, какъ бросить свою собственную жизнь на политый человѣческой кровью столъ войны, и нѣтъ ничего труднѣе, мучительнѣе и отвѣтственнѣе, какъ бросить туда же жизни тѣхъ Ивановыхъ и Петровыхъ, которые такъ изводили въ манежѣ на урокахъ словесности, про которыхъ ходятъ анекдоты, и которые вытягиваются при его приближеніи и каждую фразу начинаютъ словами: „такъ что, ваше благородіе...“

Теперь онъ уже зналъ все въ войнѣ и самую сущность ея, и сталъ осторожнымъ, слегка недоувѣрчивымъ, даже по отношенію къ себѣ; онъ воспиталъ въ себѣ какое-то новое зѣриное начало, развилъ какой-то нервъ, позволявшій ему спокойно смотрѣть на растерзанныя внутренности человѣка, съ которымъ пять минутъ назадъ говорилъ, и съ пѣной у рта кидаться на фуражира изъ-за двухъ возовъ сѣна; онъ научился понимать не то, что ему говорятъ, а то, о чемъ молчатъ, различалъ тончайшіе оттѣнки настроенія человѣка по почти неуловимому выраженію глазъ.

И отъ всего этого ему порой казалось, что война со всей жестокой и страшной мудростью своею виситъ на его плечахъ безмѣрной тяжестью, давить и гнететъ его, и онъ долженъ дѣлать усилія, чтобы держаться прямо, чтобы поддерживать веселый разговоръ, чтобы улыбаться тамъ, гдѣ прежде онъ хотѣлъ бы здоровымъ, молодымъ смѣхомъ.

Ему казалось, что въ этомъ сказываются послѣдствія раненія въ бокъ: рана хоть, и затянута, все же беспокоила его; но въ минуты уединенія, тишины, когда онъ оставался самъ съ собой, глубокимъ внутреннимъ чувствомъ онъ понималъ, что это не отъ раны. И ничего смѣшнаго и забавнаго не было для него въ томъ, что однажды маленькая дѣвочка, которую онъ взялъ на руки, сказала ему:

— А ты совѣмъ, совѣмъ старенькій, ты уже сѣденькій, совѣмъ старичокъ!..

III.

На хуторѣ устроился Званцовъ скоро, какъ привыкъ устраиваться за время войны во всякой обстановкѣ.

Поселился онъ въ господскомъ домѣ, велѣвъ вычистить одну комнату—кабинетъ со странными угловыми диванами, спинки которыхъ представляли собою стойки для ружей, съ вдѣланными въ стѣны шкапиками, сохранившими еще запахъ табаку и вина, и служившій вмѣстѣ и спальней, съ огромной, покрытой балдахиномъ кроватью.

Денщикъ, татаринъ Шарафъ Удиновъ, помѣстился въ длинномъ коридорѣ возлѣ двери изъ кабинета. Татаринъ былъ малоразговорчивый и довольно мрачный человекъ, относившійся подозрительно ко всему новому, что входило въ его жизнь. Здѣсь онъ тоже обошелъ съ управляющимъ весь домъ, потрогалъ всѣ двери, сомнительно качая головой, и, несмотря на протесты управляющаго, отобралъ всѣ ключи отъ дверей.

— Но я жъ не могу дать,—волновался управляющій, какъ будто чѣмъ-то на всю жизнь запуганный старичокъ съ сѣдыми усами и робкими, дѣтскими глазами,—тутъ есть вещи дорогія, съ меня потомъ панъ спроситъ.

— Давай, давай, все цѣло будетъ,—настаивалъ татаринъ,—я долженъ господина своего какъ слѣдуетъ беречь... Нечего, не германы, давай, давай!..

Управляющій отдалъ ключи отъ всѣхъ дверей и, покорно вздыхая, отправился къ себѣ во флигель. По дорогѣ его остановилъ старшій изъ команды и отобралъ ключи отъ сѣновала, сарая съ соломой и господскаго каретника.

— Нечего, давай, давай,—такъ же, какъ татаринъ, говорилъ старшій,—чай, мы не германы, за все заплатятъ, а намъ надо... Чай, война, не что-нибудь... Германа-то тутъ не было?

Управляющій пугливо посмотрѣлъ на него и замахалъ руками:

— Тыфу, тыфу, тыфу, помянуть такое... Не было, и слава Богу, еще скажетъ что!

— Ну, вотъ... А кабы пришелъ германъ, хуже бъ было... Давай ключи, все въ цѣлости-сохранности будетъ.

Управляющій отдалъ ключи и, придя въ свой флигелекъ, долго и робко жаловался старой Гапкѣ и дочкѣ на солдатъ.

— Ходить, берутъ все, „давай“,—говорять... А я какъ не дамъ?.. Въ домъ влѣзъ этотъ офицеръ, а я что буду дѣлать? Говорятъ: „война!“ Ну, война... А ежели потомъ панъ меня спроситъ: „ты зачѣмъ въ домъ пускалъ?“ Что я ему скажу—тоже: „война“, а?

Онъ помолчалъ, набивая трубку и, не глядя ни на кого, бросилъ:

— Послѣ спрашиваетъ: „а германа у васъ тутъ не было?“

Дочь и кухарка молча смотрѣли на него. Старикъ набилъ трубку, медленно раскурилъ ее и пустил нѣсколько клубовъ дыма. Въ низкихъ комнатахъ этотъ дымъ повисъ медленнымъ тяжелымъ облакомъ.

— Сказалъ, не было!—закончилъ управляющій и опять пыхнулъ дымомъ, такъ что его совсѣмъ не было видно.

Вечеромъ Званцовъ, стоя на крыльцѣ господскаго дома, принялъ докладъ старшаго. Все было благополучно, лошади размѣщены, люди тоже, они, чтобъ быть ближе къ лошадамъ, помѣстились въ каретномъ сараѣ; на фольваркѣ оказалось много сѣна, соломы, овса. Ткаченко, старшій, высокій черноусый красавецъ-малоросецъ, говорилъ все обстоятельно, серьезно, и по его словамъ выходило, что все обстоитъ великолѣпно. Но, говоря, Ткаченко какъ будто хмурился, смотрѣлъ въ сторону и сердито шевелилъ усомъ.

— Ты чего мнешься-то?—спросилъ Званцовъ.—Чего не договариваешь?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я такъ...

— Вижу, что не такъ, въ чемъ дѣло?

— Не могу знать, а только что я все докладываю, какъ есть!..—стоялъ на своемъ Ткаченко.

Званцовъ отправился самъ осмотрѣть помѣщеніе для людей и лошадей, обошелъ всю усадьбу, заглянулъ въ сарай, назначилъ дневальныхъ. Потомъ въ сопровожденіи Ткаченко, докладывающаго о томъ, что взяли мало подковъ съ собою, и не пришлось бы опять гонять за девять верстъ въ полкъ за ними, пошелъ въ паркъ. По дорогѣ его нагналъ управляющій и, издали снявъ шапку, сталъ жаловаться, что солдаты взяли сѣно, взяли овесъ, солому, и что за все это спросятъ съ него.

— Але жъ, прошу пана, какъ же мнѣ быть? Прїѣдетъ панъ—гдѣ овесъ, гдѣ сѣно? Кто мнѣ повѣритъ, что его взяли?

— За все взятое я выдамъ вамъ квитанціи,—успокоилъ его Званцовъ,—вы получите полную оплату и сѣна и овса...

Онъ остановился у калитки въ паркѣ и оглянулся кругомъ. Солнце уже уходило, кроваво-красные лучи его трепетали на высокихъ липахъ парка, на старой крышѣ господскаго дома, а березы на дорогѣ къ усадьбѣ казались написанными широкой кистью мощнаго художника, окропившей ихъ свѣжей, яркой кровью... Высокое, вѣчно прекрасное, глубокое и мудрое небо пылало вверху, и на немъ, какъ жемчужные острова, неподвижно стояли длинныя облака и таяли подъ уходящимъ солнцемъ.

Управляющій закланялся, забормоталъ что-то и, пятясь за-

„На войнѣ“.
Иллюстрація къ разсказу
В. Муйжеля.

...передъ нимъ, спѣшно уходя впередъ, шла, почти бѣгсала молодая дѣвушка... (Глава III, стр. 760).

домъ, отступилъ. Званцовъ слегка кивнулъ ему и прошелъ въ паркъ.

Здѣсь было холоднеѣ, отъ влажной земли тянуло плотнымъ, густымъ запахомъ: должно-быть, гдѣ-нибудь недалеко былъ прудъ, потому что присутствие воды чувствовалось по легкой сырости. Старыя деревья стояли неподвижно, и было похоже, что они сосредоточенно и важно думаютъ о томъ, что давно прошло и чего никогда больше не будетъ. Дорожки въ паркѣ заросли высокой травой, и мелкіе листочки ея цвѣтовъ, какихъ-то синенькихъ, желтенькихъ, прилипли къ мокрымъ сапогамъ. Если бы не поредокъ деревьевъ, вытягивавшихся то въ стройную прямую аллею, то собравшихся кружкомъ, то образовывавшихъ причудливую квадратную комнатку, тѣнистую и красивую, трудно было бы опредѣлить, гдѣ когда-то были дорожки.

Званцовъ шелъ съ интересомъ вглядываясь въ эти рондели и аллейки, стараясь возстановить полунисчезнувшій планъ посадки, заглядывая въ стороны, шагая по колѣно въ высокой цвѣтистой травѣ. И вдругъ совершенно неожиданно вышелъ къ пруду, широкому, уходящему мягкимъ поворотомъ за черныя ели на той сторонѣ, заросшему съ береговъ иропомъ и купавками.

Прудъ былъ очень красивъ, именно своимъ запустѣніемъ, и особенную красоту придавала ему небольшая бесѣдка, выстроенная среди елей у самой воды, напоминающая маленькій швейцарскій домикъ... Званцовъ самъ выросъ въ старомъ имѣніи и знаетъ, что въ такихъ бесѣдкахъ, выстроенныхъ какимъ-нибудь затѣйникомъ по внезапному капризу, теперь обычно складываются садовые инструменты, старыя лопаты, грабли, какія-то мотыги, длинныя ножницы для обрѣзанія сучковъ, лейки... Онъ обошелъ прудъ, едва не завязнувъ въ канавѣ, очевидно, прежде служившей протокомъ, и заглянулъ въ дверь бесѣдки со страннымъ чувствомъ, напомнившимъ ему далекое дѣтство, когда онъ заглядывалъ также въ какую-нибудь бесѣдку или сарай, темный, таинственный и страшный.

Онъ угадалъ. Здѣсь стояла сломанная тачка, лопаты и грабли въ углу, кадушка полуразсохшаяся и еще какой-то хламъ. Это помѣщеніе представляло собою какъ бы переднюю бесѣдки, въ глубинѣ ея виднѣлась дверь—тяжелая, почему-то обитая клеенкой и запертая на большой замокъ.

Званцовъ закрылъ дверь и пошелъ прочь отъ бесѣдки. Мягкая улыбка этому неожиданному напоминанію дѣтства скользила по его лицу... Онъ разбиралъ аллейки, останавливался на соединеніяхъ и порою качалъ головой: какіе люди тутъ жили? Какія празднества устранивались здѣсь какимъ-нибудь пышнымъ паномъ, приглашавшимъ половину края въ свой „охотничій палацъ“ и подымавшимъ стопу венгерскаго въ честь какаго-нибудь убитаго лося или медвѣдя, или жеманной, очаровательной пани, безразлично?... По этимъ аллеямъ двигались гости, слуги развертывали огромные столы въ кружкахъ, какой-нибудь еврейскимъ баллетъ, глядя впередъ незрячими уже очами, услаждалъ неприхотливый слухъ панства... И, если вѣрить тому, что вещи и мѣста хранятъ отзвукъ протекшей между ними жизни, можетъ-быть, можно было бы, чутко прислушавшись, уловить смутные шорохи минувшаго въ этихъ старыхъ аллеяхъ, покосившихся бесѣдкахъ, надъ этимъ спящимъ чернымъ прудомъ, окруженнымъ траурной каймой суровыхъ елей.

Весь въ смутной задумчивости, Званцовъ повернулъ въ узкую, заплетенную даже сверху, какъ таинственный сводъ, аллею дикаго винограда и пошелъ по ней, принимая высокую, буйно разросшуюся траву. И вдругъ остановился, дрогнувъ отъ изумленія: передъ нимъ, слышно уходя впередъ, шла, почти бѣжала молодая дѣвушка съ черными, слегка разбившимися волосами, въ свѣтломъ платьѣ, которое она придерживала рукой. Секунду Званцовъ смотрѣлъ на нее, какъ на неожиданно появившійся призракъ того самаго прошлаго, о которомъ онъ только-что думалъ, потомъ бросился впередъ, но дѣвушка въ это время оглянулась, замѣтила его и, быстро мелькая по травѣ маленькими ножками, побѣжала въ сторону. Секунду она мелькала между густой порослью сирени, потомъ блое пятно показалось на той сторонѣ пруда и скрылось.

Званцовъ остановился, снялъ фуражку и вытеръ внезапно выступившій потъ.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы подражать съ нѣмецкимъ развѣздомъ,—пробормоталъ онъ, надѣвая фуражку,—даже быть раненымъ или убитымъ гдѣ-нибудь, въ крайнемъ случаѣ повѣшеннымъ во время рискованной развѣдки, но это... это не входило въ мои планы... Кто это можетъ быть? Управляющій, почти рабочій, необразованный, робкій и напуганный человекъ, у котораго дѣти, вѣроятно, еще не дошли до необходимости употреблять носовой платокъ; о лѣсникѣ, этомъ молчаливомъ человекѣ съ глазами ястреба, про котораго старшій Ткаченко говорить не иначе, какъ скосивъ глаза вбокъ, говорить не приходится, — кто же это можетъ быть? Не иначе какъ ясновѣдомая пани, изъ туфельки которой за веселой пирушкой панъ Грабя, владѣлецъ балаца, пилъ шампанское...

Онъ уемѣхнулся своему предположенію, закурилъ папиросу и пошелъ домой. Но гдѣ-то въ глубинѣ души у него шевелилось неспокойное чувство. Привычное ощущение какой-то скрытой опасности заставляло насторожиться, и, докуривая папиросу, онъ щурился на потемнѣвшій садъ, на глухую глубину заросшаго пруда и, похоже было, ждалъ чего-то.

IV.

Ткаченко былъ серьезный, старый солдатъ, сдѣлавшій японскую кампанію, раненый въ ней и относившійся теперь къ войнѣ, какъ къ старому знакомому ремеслу, отъ котораго только житейскими обстоятельствами былъ отвлеченъ на нѣсколько лѣтъ. До полевыя кампаніи онъ пробылъ въ строю, потомъ ушелъ въ развѣдочную команду, потомъ опять вернулся въ полкъ, но исключительно къ Званцову въ развѣдчики. За нимъ было нѣсколько заслугъ; такъ, онъ уже послѣ взятія Варшавы успѣлъ побывать въ ней, пробравшись подъ видомъ батрака, забраннаго на оконныя работы нѣмцами и заболѣвшаго на работахъ. Оттуда онъ принесъ любопытныя свѣдѣнія, но самъ едва не погибъ, такъ какъ швейцаръ гостиницы „Бристоль“, въ которой остановился Званцовъ, и гдѣ Ткаченко бывалъ у него, узналъ его. Вернувшись изъ этой развѣдки, Ткаченко рѣшилъ, что ему надо знать нѣмецкій языкъ, купилъ гдѣ-то книгъ и сталъ зубрить слова и спряженія.

Ему было уже подлѣ сорокъ лѣтъ, но профессіи вѣтъ войны онъ былъ мирный огородникъ, имѣвшій гдѣ-то около Ахтырки собственную бахчу, и Званцовъ невольно удивлялся настойчивости и упрямству серьезнаго малоросса. Въ языкѣ онъ значительно успѣлъ и при захватѣ лѣсныхъ уже могъ кое-какъ переговариваться съ ними.

Со времени поселенія на хуторѣ Званцовъ сталъ замѣчать новое, уже знакомое ему за нѣсколько мѣсяцевъ совместной работы выраженіе на лицѣ Ткаченки. Такое выраженіе у него было, когда они вдвоемъ, пѣшкомъ, въ костюмахъ землепловъ пробрались черезъ линію противника и, оказавшись внезапно отрѣзанными, двое сутокъ скрывались у крестьянина-поляка на гумнѣ. Каждую минуту можно было ожидать, что ихъ откроютъ и схватятъ, каждую минуту они переживали, какъ послѣднюю, и такое же напряженное, выжидающее, чуть-чуть звѣриное выраженіе было тогда на красивомъ, слегка суровомъ лицѣ старшаго унтеръ-офицера.

— Ну, что?—спрашивалъ его вечеромъ во время доклада Званцовъ.—Какъ дѣла? Арешинъ съ другими вернулся?

— Такъ точно... Обѣхали краемъ болота, тихо все... Тутъ и деревень нѣтъ, ваше благородіе—все тѣсь да болота... Пропаній край!.. Осмѣлюсь доложить, у Никитюка лошадь холку намяла—говорилъ ему протирать послѣ сѣдловки, иначе все нѣтъ... Народъ такой, ваше благородіе...

— Кто въ очередныхъ сейчасъ?

— Герасимовъ, Байдула и Яроцкій... За старшаго Байдула, ваше благородіе.

— Такъ... Ну, а ты самъ—пробѣжаешь ихъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, каждую ночь... И одинъ и съ кѣмъ изъ солдатъ... Все тихо.

Званцовъ внимательно взглянулъ на него и негромко повторилъ:

— Тихо, говоришь?

Ткаченко секунду смотрѣлъ на офицера, потомъ поймалъ помимо сказанныхъ словъ то, о чемъ тотъ не говорилъ, и скосилъ глаза въ уголь.

— Такъ точно, ваше благородіе, покуда что...

— Ткаченко, гля-я-яди!..—какъ будто предупреждая, протянулъ Званцовъ.

— Такъ точно, ваше благородіе—гляжу!..—на моментъ поднявъ глаза и тотчасъ снова опуская ихъ, также тихо повторилъ солдатъ.—Осмѣлюсь доложить, штука одна...

— Ну, какая штука?..

— Такъ, пусятъ одинъ, а только... Я и то гляжу, ваше благородіе, давно на примѣтѣ имѣю... Такая штука: управляющій этого, какъ вы тогда его спрашивали, говорилъ, нѣмцевъ не было тутъ?

— Говорилъ, что не было.

— Вотъ это самое. Я тоже и лѣсника этого самаго и глухонѣмого тоже за канікъ брать—нѣтъ, говорятъ, не были... А между тѣмъ, ваше благородіе, сарай за скотнымъ изволите знать?

— Ну, знаю...

— Такъ тамъ на дверинѣ, стерто, правда, а только что разобратъ все жъ можно—хоть видать, и стиралъ, старался.

— Чтѣ жъ тамъ на двери, на сараѣ?—установился на него Званцовъ.

— Такъ, тутъ такое, а все же... Мѣломъ будто какъ намѣчено—2, а послѣ нѣмецкими буквами — п и ф... Изволите понимать—цвей нѣрде!—закончилъ Ткаченко и уже прямо и остро установился на офицера.

— Самъ смотрѣлъ?

— Такъ точно... Ошибки быть не можетъ... Послѣ въ самомъ сараѣ мы съ Герасимовымъ пристально осмотрѣли—вычищено, вылизано все, можно сказать, а только насъ не провѣсти—видать, что кони стояли... Восемь ай десять лошадей не меньше было, да еще въ конюшнѣ, гдѣ наши теперь... Послѣ на стѣнкѣ тоже затерто, а я разобралъ—„квартиръ“, послѣ точка—словно какъ недокончено, и фамилія—Маршинъ или Мейершинъ—не разобрать... Я такъ полагаю—не иначе, какъ квартирмейстеръ либо квартирмейстеръ ихній нарядъ подлѣ лошадей дѣлалъ и дежурнаго по дневальству обозначилъ, по ихней манерѣ.

— Значитъ, были?—установился на него Званцовъ въ упоръ.

СЪ ВАМИ БОГЪ!

Замолкъ громъ битвы. Въ шумномъ стаиѣ
Побѣды гордый кличъ гремитъ,
А онъ одинъ въ ночномъ туманѣ,
Полуживой, на полѣ брани
Забывшій братьями, лежитъ.

Рис. И. Изякевича.

Онъ долгъ свершилъ. Какое дѣло
Тому, кто въ схваткѣ уцѣлѣлъ,
Что тамъ, гдѣ властно смерть кипѣла,
Съ зловѣщимъ карканьемъ на тѣло
Еще живое воронъ сѣлъ?

Кровавый колосъ страшной битвы...
Ночь безответна и пуста,
Еще страшнѣй, чѣмъ ужасъ битвы...
И тихимъ шопотомъ молитвы
Зовець онъ короткаго Христа.

И, словно утреннимъ разсвѣтомъ
Кровавой ночи мглу прожгло,
Надъ нимъ съ удивительнымъ привѣтомъ,
Осіяно небеснымъ свѣтомъ,
Склонилось скорбное чело.

И ратникъ ожилъ, умирая,—
Ни мукъ, ни злобы, ни тревогъ...
Надъ нимъ Любовь его святая.
Въ объятія душу принимая,
Спаситель шепчетъ: «Съ вами Богъ!»

К. Висковатовъ.

— Не иначе, как были, ваше благородіе... Сомнѣніевъ быть не можетъ!..

— А чего жь управляющій говорить, что не было, и всё показываютъ?

Глаза Ткаченки убѣжали въ сторону, скользнули по стѣнѣ, по потолку и остановились въ углу, гдѣ лежалъ раскрытый выюнный чемоданъ поручика.

— Не могу знать, ваше благородіе... Со страху, можетъ, либо еще что!..

Званцовъ долго смотрѣлъ на лучшаго своего развѣдчика, затянулся папиромъ и понялъ то, о чемъ не хотѣлъ говорить Ткаченко. Сдѣлать было очень остороженъ и давалъ только тѣ свѣдѣнія, въ которыхъ самъ увѣрился совершенно точно; бросать слова и предположенія на вѣтеръ онъ не хотѣлъ. До тѣхъ поръ, пока онъ точно и навѣрняка не узнаетъ, почему управляющій скрываетъ, что какой-нибудь нѣмецкій развѣздъ былъ здѣсь, онъ не сказалъ бы ни слова.

— Ну, такъ,—проговорилъ наконецъ Званцовъ,—такъ ты гляди, Ткаченко!..

— Слушаю-съ, ваше благородіе, и то гляжу!.. А вамъ бы...— началъ онъ и остановился.

Онъ зналъ Званцова, любилъ его, въ чемъ тотъ могъ убѣдиться неоднократно, и любилъ, не какъ офицера, за котораго онъ, по особому понятію хорошаго солдата, долженъ былъ класть живото, не за мягкость и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую суровую сдержанность довольно требовательнаго поручика, а за то, что они вмѣстѣ пережили не мало минутъ, о которыхъ оба, если судьба позволитъ имъ дожить до старости, будутъ вспоминать всю жизнь: за то, что оба они любили свое дѣло, его рискъ, его беззавѣтную удачу иногда и звѣрную хитрость порою: за то, что оба относились къ нему съ особымъ чувствомъ—тѣмъ самымъ, съ какимъ во время зимняго затишья, прослышавъ, что подъ Пинскомъ есть рыси,—а они никогда не били ихъ, хотя оба были охотниками,—двѣ недѣли пропадали въ лѣсу, пока не зазолотили самку рыси!..

Но теперь, когда они были „на службѣ“, какъ говорилъ Ткаченко, онъ не рѣшался совѣтовать что-либо офицеру.

— Ну, что, что мнѣ?—заинтересовался Званцовъ.

— Вы простите меня, ваше благородіе... А только вамъ бы насчетъ обѣдовъ вотъ, послѣ вообще пищи... Шарахъ нашъ готовить кое-какъ... А вы бы, ваше благородіе, къ управляющему... Что, молъ, вамъ готовить все одно, а я бы, молъ, безпокойства не доставилъ, самъ бы, молъ, и ходилъ когда обѣдать тамъ, либо ужинать!..

Онъ искоса, сбоку, какъ будто сердясь и вмѣстѣ съ тѣмъ боясь Званцова, взглянулъ на него и опять уперся въ чемоданъ глазами.

— Гм... Такъ...—Званцовъ подумалъ. Онъ уже давно научился понимать не только то, что говорилъ человѣкъ, но и то, о чемъ онъ молчалъ, и это послѣднее ему представлялось во много разъ важнѣе сказаннаго.—Гм... Такъ,—повторилъ онъ, притушивая папиросу о подевѣчникъ,—надо будетъ поговорить... Дѣйствительно Шарахъ не того... Все консервы да консервы... Я поговорю... Завтра же и поговорю!

— Истинное дѣло, ваше благородіе,—облегченно и словно обрадовавшись, что его поняли, подхватилъ Ткаченко.—Больше ничего не прикажете?

— Бѣтъ, ничего... Можешь идти... Да скажи Никитюку, что я ему задамъ, какъ слѣдуетъ, если онъ будетъ такъ лошадь беречь!.. Потомъ вотъ еще: когда посылаешь въ полкъ? Послѣ завтра? Пусть зайдетъ, кто побѣдетъ—надо въ экономическую лавку заѣхать будетъ, мнѣ купить папиромъ, такъ кое-чего... Не забудешь?

— Помилуйте, ваше благородіе!..

Ну, ладно, ступай теперь... За очередными поглядывай!.. Пускай до казаковъ, что слѣва у насъ, доѣзжаютъ и связь держать постоянно... Съ этими забайкальцами-то. Понялъ?.. А справа вплоть до сторожевого охраненія—и записки изъ службы связи, когда забудутъ, пусть возьмутъ... Шнырный ты ихъ почаше!

— Будьте спокойны, ваше благородіе!..

Ткаченко повернулся, осторожно, стараясь не звенѣть шпорами, вышелъ за дверь и еще съ большею осторожностью, словно выходя изъ комнаты тяжело больного, прикрылъ ее за собою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Степной „батыръ“.

Разсказъ Як. Окунева.

I.

До войны служилъ Меметь въ степи, пасъ овецъ купца Ованеса Назарьянца. Меметь былъ косоглазъ, скуластъ и крѣпкокъ; любилъ онъ свою степь, въ которой зналъ каждую балку и умѣлъ назвать каждую травинку; любилъ овецъ и круторогихъ барановъ-поводырей, и всю жизнь не разставался бы онъ со степью и отарою, если бы не судьба—кысметъ.

Хорошо было въ степи! Сбѣгала она, шумящая травами, обрызганная кровавыми пятнами шиповника и сверкавшая голу-

быми крапинами заводей,—сбѣгала къ темному морю, а тамъ, на золотомъ берегу, пѣнясь и догоняя другъ друга, играли въ приборъ волны. Ночью тонкорогій мѣсяцъ обливалъ и степь и море серебромъ, и курились сѣдые туманы по балкамъ, а днемъ рябилось море золотыми морщинками отъ горячаго солнца, или, въ непогоду, бросало на берегъ горы пѣнистаго изумруда, а степь, дымчато-голубая вдали и ярко-зеленая вблизи, дышала ароматами травъ.

Меметь садился на камень, обхватывалъ свои голыя загорѣлыя

На кавказскомъ фронтѣ.

Опросъ плѣннаго турка.

На кавказскомъ фронтѣ.

колѣни руками и, закрывъ раскосые глаза и качаясь всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону, мурлыкалъ старинныя татарскія пѣсни про батырей, населявшихъ когда-то степь.

— Э-гей! Желѣзные люди были на землѣ. Подъ ихъ ногами погнулась земля, и стали балки. Э-гей! Тамъ, куда плюнулъ батырь, бьютъ ключи, а гдѣ ночеваль—ущелья. Набросили желѣзные батыри горы и холмы, и если бы не они,—была бы гладка степь, какъ ладонь.

Меметь зналъ, отчего море: отъ горькихъ слезъ батырей, которыми Аллахъ положилъ умереть, такъ какъ взмолилась къ небу степь—тяжело стало ей носить желѣзное племя.

Вотъ курганы: подъ ними спятъ батыри. Но придетъ время, и поднимется народъ на народъ, и тогда изъ-подъ кургановъ встанутъ батыри и вступятъ въ бой за правыхъ.

Въ экономіи Ованеса всѣ смѣялись надъ Меметомъ. Онъ былъ всегда точно пьяный, бредилъ пѣснями о батыряхъ, часто рассказывалъ такое, чего вовсе не бываетъ на свѣтѣ, и клялся Аллахомъ, что это правда.

— Э-гей!—начиналъ онъ.—Вчера я сидѣлъ у Кугурланъ-рѣки, какъ вдругъ изъ воды взлетѣла утка. Взлетѣла и—э-гей!—ударилась о камень, брызнуло отъ того мѣста золотомъ, и уже не утка тамъ была, а розовый кустъ... Э-гей!

Смѣялись степные чабаны и, сплевывая въ сторону, говорили:

— Не хватаетъ чего-то у тебя въ головѣ, Меметь. Мемета часто били, а Ованесъ не платилъ ему жалованья. Годъ не платилъ, второй годъ не платилъ, а Меметь дѣлалъ на палкѣ отмѣтны и говорилъ:

— Теперь Ованесъ долженъ мнѣ сто и еще сто рублей. Скоро я буду богатъ, какъ Ованесъ, и куплю себѣ цѣлую отару. Да, я буду богатъ.

Больше ста Меметь считалъ не умѣлъ, больше, чѣмъ объ отарѣ, не мечталъ и вѣрилъ, что Ованесъ отдастъ ему всѣ деньги: сто и еще сто, цѣлый мѣшокъ денегъ.

Мемету было двадцать лѣтъ, когда однажды пришелъ въ экономію староста и спросилъ: — Кто у васъ тутъ Мохамедь-Оглы Гайдаровъ?

Ованесъ позвалъ Мемета и сказалъ:

— Вотъ онъ здѣсь. Ты Мохамедь-Оглы Гайдаровъ?—спросилъ староста.

Меметь помоталъ головою, отвѣтилъ:

— Я Меметь, а тотъ, кого ты спрашиваешь, должно быть, важный человекъ, если у него такое большое имя.

Ованесъ и староста разсмѣялись. Потомъ староста сказалъ Мемету, что Мохамедь-Оглы—это онъ, и что Царь заветъ его на службу.

На развѣдкѣ.

— Раздѣвайся!

Меметь удивился: что съ нимъ, съ голымъ, будутъ дѣлать? Однако скинулъ оборванные штаны и сталъ посреди комнаты.

Мемета мѣрили какою-то штукою на катушкѣ, взвѣшивали, выстукивали и наконецъ сказали:

— Годенъ!

Теперь онъ понималъ, зачѣмъ приказали раздѣться: Царь нанимаетъ только здоровыхъ слугъ. Меметь обрадовался, что онъ годенъ Царю, и, выйдя изъ залы, запѣлъ пѣсню про Царя и его батырей.

Много собрали для Царя народа, и весь этотъ народъ горла-нили пѣсни на непонятномъ для Мемета языкѣ. Только четверо были татары, и они объяснили Мемету, что ихъ поведутъ далеко, въ холодный край, гдѣ будутъ учить стрѣлять изъ ружей, шагать подъ музыку и слушаться начальниковъ.

Пришелъ мулла и заставилъ Мемета и другихъ татаръ поклясться, что они будутъ вѣрно и честно служить Царю. Потомъ всѣхъ повели на край города, гдѣ стоялъ большой домъ—станція.

Меметь видалъ въ степи пробѣгавшіе поѣзда, но никогда самъ по желѣзной дорогѣ не ѣздилъ. Было и страшно и чудно, когда тронулся и покатылъ поѣздъ, и когда помчались назадъ поля и деревни. Меметь сидѣлъ въ теплушкѣ, выставивъ ноги въ новыхъ сапогахъ въ дверь, и изумленно шелкалъ языкомъ: былъ оборванцемъ—одѣли, ходилъ босикомъ—дали сапоги, которые стоятъ сто, а, можетъ-быть, и еще сто рублей.

На кавказскомъ фронтѣ.

Пулеметчики на позиціи.

Генераль-квартирмейстеръ Нарміи генераль Поповъ, командиръ N кавказскаго корпуса генераль Ирмановъ, главнокомандующій арміями западнаго фронта генераль Эвертъ, начальник штаба N арміи генераль Гуторъ.

III.

Сначала Мемету было очень трудно. Онъ не понималъ ни слова, не зналъ, чего хотятъ отъ него, и хотя старался изо всѣхъ силъ, но ничего не выходило. Потомъ онъ научился понимать чужой языкъ, выровнялся и сталъ солдатомъ, какъ всѣ. Одному только его никакъ не могли научить — словесности.

— Гайдаровъ! Что есть знамя? — спрашивать его фельдфебель.

Меметь моргалъ глазами, потѣлъ и молчалъ.

Начальникъ N пѣхотной дивизіи генераль Николай Максимовичъ Ивановъ, награжденный орденами св. Георгія 3-й и 4-й степени и Георгіевскимъ оружіемъ.

Командиръ кавказскаго корпуса генераль Ирмановъ показываетъ боевымъ товарищамъ Высочайше пожалованное ему Георгіевское оружіе, осыпанное брилліантами.

— Башка! Знамя есть свѣщенная хоругвь... Ну, говори за мною!

— Хворуга! — радостно выпалилъ Меметь.

Такъ его и прозвали въ ротъ:

— Хворуга!

— Эй, Хворуга, сбѣгай етъ лапочку за папиросами! — приказывалъ дядька.

Меметь ервался съ мѣста и летѣлъ со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе.

И такъ привыкъ онъ къ своему прозвищу, что однажды, на вопросъ новаго отдѣленнаго, какъ его зовутъ, отвѣтилъ:

— Хворуга!

На шестомъ мѣсяцѣ службы Мемета сбилось то, о чемъ пѣлось въ степной пѣснѣ: „поднялся народъ на народъ“ — объявили войну.

Полкъ шелъ съ музыкой на вокзалъ. На улицахъ было много на-

рода, и всѣ махали шапками и платками. Меметь кричалъ во все горло „ура“, а потомъ пѣлъ пѣсни, коверкая слова.

Ихъ везли долго, цѣлую недѣлю, и на каждой останковѣ народъ встрѣчалъ и провожалъ ихъ кликами, дарили имъ папиросы, яблоки, конфеты. Меметь набилъ полные карманы яблокъ и сладостей, а папиросы отдалъ старшому, потому что не курить самъ.

Когда полкъ высидели изъ вагоновъ, Меметь выскочилъ первый, съ винтовкой наперевѣсь, и, блестя своими косыми глазами, спросилъ:

— Кого рѣзать?

Никого не надо было рѣзать, а нужно было шагать по скучнымъ полямъ, подъ дождемъ, спать на голой землѣ и прятаться въ какія-то канавы.

Отъ пожаровъ горѣло небо. День и ночь гремѣло, выло и рывало. Падали и вертѣлись волчками снаряды и вырывали такія ямы, какъ балки въ степи. Точно въ самомъ дѣлѣ очнулся древній богатырь и прошелъ по землѣ: была она вспахана и взрыта, разворочены холмы, ерзаны пулеметнымъ огнемъ верхушки деревьевъ.

Отъ грома пушекъ звенѣло въ ушахъ, горькій дымъ бѣлъ глаза, руки околѣбли, и хотѣлось спать.

Нѣтъ, Меметь не одобрялъ такой войны. Если враги не трусы, зачѣмъ они прячутся

и бьют издали, зачѣлъ душать дымомъ, сыплють свинцовымъ горохомъ и роются въ землѣ, какъ степные кролики?

Три дня отбивалась рота въ окопахъ отъ обложившаго ее съ трехъ сторонъ непріятеля. Три дня ничего не ѣлъ Меметь, и отдалъ бы онъ теперь сто и еще сто рублей—все свое богатство—за кусокъ хлѣба.

На четвертый день утромъ полуротный роздалъ солдатамъ бисквиты, которые ему прислали изъ дому.

Меметь никогда не ѣлъ такихъ сладкихъ сухарей. Откусилъ кусочекъ—растаялъ во рту сухарь. Много, должно-быть, овецъ и всякаго богатства у полуротнаго, если онъ ѣсть такой вкусный хлѣбъ. Меметь спряталъ кусочекъ бисквита за пазуху.

Передъ окопомъ было болото, и росли тамъ огненные лиліи. Въ болото падали пулеметныя градинки, взметая вверхъ фонтаны иловатой грязи; пиния и окутываясь паромъ, взрывались въ болотѣ тяжелые снаряды. Меметь думалъ о полуротномъ и объ его бисквитахъ, смотрѣлъ на желтые цвѣты и щелкалъ языкомъ, мурлыча новую пѣсню:

— Батырь Мохамедъ-Оглы ничего не бонется. Э-гей! Батырь Мохамедъ-Оглы ѣлъ райскій хлѣбъ, который таетъ во рту, какъ снѣгъ, и ароматенъ, какъ весенніе цвѣты. У начальника иѣжное

Все припадали къ землѣ—Меметь забылъ все, чему его учили, и, не видя никого и не слыша сигнальнаго свистка, шель, распѣвая старинную пѣсню о батыряхъ, поднявшихся изъ могилъ на бой за правыхъ.

Навстрѣчу ему бѣжали какіе-то люди, кричали что-то. Меметь сломалъ штыкъ и, продолжая завывать дикимъ, хриплымъ голосомъ, дробилъ прикладомъ. Онъ слышалъ трескъ послѣ каждаго удара, стоны, вой: вокругъ него шлепались пули, ноги путались и спотыкались о тѣла. Онъ бросилъ сломанную винтовку и шель, раскрывъ объятія, шевеля растопыренными пальцами и вращая налитыми кровью зрачками.

И вдругъ что-то толкнуло его въ грудь. Подъ ногами податливо опустилась земля, взметнулася вверхъ голубой сводъ неба, и все исчезло.

V.

Меметь очнулся на зарѣ и прислушался: музыка. Она пѣла одно и то же: хр-р-р—хр-р-р.

Онъ вдохнулъ и выдохнулъ воздухъ. Невыносимая боль пронизала Мемета, и онъ опять впалъ въ безпамятство.

И снова, черезъ полчаса, очнулся Меметь и опять услышалъ

На западномъ фронтѣ.

Индійская кавалерія.

лицо, какъ у молодой кызляръ (барышня), и доброе сердце. Мохамедъ-Оглы добудетъ для него золотыя лиліи.

Вечеромъ Меметь исчезъ. Никто не замѣтилъ, когда онъ ушелъ; слышали только, какъ онъ мурлыкалъ пѣсню, а потомъ затихъ.

— Гдѣ Хворуга? — первымъ хватился Мемета ефрейторъ.

Его не было нигдѣ, ни въ окопѣ ни подлѣ.

Доложили полуротному: татаринъ Гайдаровъ сбѣжалъ.

— Куда? Какимъ образомъ?—изумился полуротный.

Уйти отсюда было невозможно: рота была почти окружена и держалась, дожидаясь четвертый день пробивающагося сюда подкрѣпленія. Нѣтъ, назадъ не было дороги, а впереди были непріятельскія позиціи.

— Не пепарился же онъ!—удивлялся полуротный.

Черезъ полчаса надъ окопомъ показалась голова, а потомъ и весь Меметь выползъ изъ темноты. Онъ протянулъ полуротному желтыя лиліи и сказалъ:

— Тибѣ, ваше благородіе.

Полуротный бранилъ Мемета, топалъ на него ногами, едва сдерживая смѣхъ, а Меметь повторялъ:

— Выновать!—И, тыкая впередъ руку съ лиліями, добавлялъ:—Тибѣ! Хылабъ хорошъ, цывѣтъ хорошъ. Возьми!

IV.

Подкрѣпленіе пришло къ утру, отбросивъ крылья непріятельской колонны. Теперь наши напирали на вражескія позиціи и, одолевая непріятельскіе фланги, окружали непріятеля, охватывая его подковой.

Въ полдень полуротный далъ сигналъ къ атакѣ. Меметь выскочилъ изъ окопа и побѣжалъ впередъ, размахивая винтовкой и дико крича:

— Э-гей! Э-гей!

Не видя ничего предъ собою, онъ всадилъ штыкъ во что-то мягкое, заслонившее его, повернулъ его и выдернулъ. За рукавъ полушубка Мемета затекла теплая струя, но онъ, не чувствуя этого, побѣжалъ дальше.

свистящую музыку. Она пѣла въ его груди, хрипло, когда онъ вдыхалъ, и со свистомъ, когда выдыхалъ воздухъ.

Меметь посмотрѣлъ вокругъ: ноги, ноги—много ногъ торчало изъ-за стволонъ сосенъ, изъ-подъ кустарника, изъ травы. Все ноги были въ новыхъ сапогахъ, и все озолочены восходящимъ солнцемъ.

Онъ попытался встать, но не могъ: что-то придавило его къ землѣ. Тогда, скрежеща зубами отъ боли, онъ повернулся на животъ и поползъ. Проползъ около сажени и увидѣлъ полуротнаго, который съ открытыми глазами сидѣлъ подлѣ сосны. Глаза полуротнаго смотрѣли на солнце, на лицѣ остановилась и навѣки замерла улыбка. Ротъ раскрылся, и сверкали два ряда бѣлыхъ зубовъ.

Меметь тронулъ полуротнаго за плечо. Тотъ качнулся и упалъ на бокъ.

— Вай-вай! — тихо простоналъ Меметь и легъ рядомъ съ полуротнымъ, закрылъ глаза и затихъ.

Въ третій разъ Меметь очнулся вечеромъ. Надъ нимъ склонилось чье-то бѣлое лицо, чьи-то пальцы коснулись его лба. Меметь хотѣлъ попросить наитія, но вмѣсто этого жалобно произнесъ:

— Вай-вай!

Его подняли и понесли куда-то. Плыло наверху небо съ зажигающимися звѣздами, плелся густой зеленой сѣткой сводъ изъ сосновыхъ вѣтвей.

— Вай-вай!—жаловался Меметь.

Черезъ двѣ недѣли Мемета привезли въ большой городъ. На вокзалѣ опять дарили конфеты и яблоки, но у Мемета не было силъ протянуть за ними руку. Онъ улыбался и шепталъ:

— Нѣнада!

Въ той комнатѣ, куда его положили, жилъ, должно-быть, большой богачъ. Она была высокая и свѣтлая, по угламъ стояли каменныя кызляръ, съ потолка спускалась цѣпь, и на ней висѣла лампа съ разноцвѣтными стеклами, въ которыхъ играло и смѣялось солнце.

Было удивительно, что его, бѣднаго степного пастуха, уложили въ такую бѣдную и чистую кровать, что о немъ такъ заботится грустная кызляръ съ синими глазами, что его кормятъ райскими кушаньями и даютъ такое вино, котораго не пилъ и самъ Ованесъ.

Меметь долго думалъ надъ этимъ и наконецъ понялъ: онъ у Царя, это Царская комната, и его и другихъ, которые лежали рядомъ на койкахъ, Царь за хорошую честную службу велѣлъ поить, кормить, беречь и лелѣять.

Если бы Ованесъ, который билъ его, и чабаны, которые смѣялись надъ нимъ, увидѣли, какой почетъ заслужилъ пастухъ Меметь! Сюда приходили важные люди и пѣли пѣсни, прѣзжали барыни и дарили цвѣты, а однажды пришелъ сюда самый главный, самый большой начальникъ, весь въ золотыхъ крестахъ и звѣздахъ, и самъ прицѣпилъ Мемету серебряный крестикъ на грудь.

Сестра писала солдатамъ письма. Мемету хотѣлось написать Ованесу и всѣмъ чабанамъ, какъ его почтили Царь и главный его совѣтникъ. Но онъ не рѣшался попросить сестру объ этомъ.

Но какъ-то разъ, когда она мѣняла ему повязку, онъ рѣшился.

— Пыши!— сказалъ онъ.

— Что такое просишь?— не поняла его сестра.

— Письмо пыши!

Сестра принесла бумаги и чернилъ, Меметь задумался, потомъ встрепенулся и сказалъ:

— Пыши Ованесу и Джавиду и Шефкету— всѣмъ пыши, на весь свѣтъ письмо посылай. Э-гей! Батырь Махамедъ-Оглы билъ врага, Царю служилъ, кровь пролилъ. Э-гей! Сто и еще сто рублей долженъ Ованесъ Мохамеду-Оглы. На жадъ. Батырь богатъ. Пыши, сестра, все, все, ничего не молчи.

Сестра улыбнулась и принялась писать письмо Ованесу, Джавиду и Шефкету— всему міру, что Мохамедъ-Оглы Гайдаровъ честно сражался за родину, что онъ раненъ и награжденъ крестомъ, и что ему ничего не надо стъ Ованеса: ни ста ни еще ста рублей.

Письмо сестра запечатала въ конвертъ, но, не добившись у Мемета адреса, написала, по его настоянію, на конвертѣ: „Ованесу, Джавиду и Шефкету, всѣмъ, кто знаетъ батыря Мохамеда-Оглы Гайдарова“. И спрятала письмо у себя. Все равно, не зачѣмъ было посылать его уже. Музыка въ груди Мемета пѣла все громче и громче, на щекахъ батыря горѣли красныя пятна, носъ заострился, и руки сдѣлались тонкими и прозрачными.

Ласково свѣтило весеннее солнце, золотая капля звенѣла на улицахъ, а Меметь умиралъ. И, умирая, видѣлъ степь, вдыхалъ горькій аромат степной полыни, слышалъ звонъ бубенцовъ и ропотъ моря, лижущаго золотой берегъ. Обедя угасающимъ взглядомъ палату, онъ счастливо улыбнулся и прошепталъ:

— Сто и еще сто...

Потомъ вытянулся, вздохнулъ и умеръ.

На англійскомъ фронтѣ.

Общественныя столовыя.

Очеркъ д-ра Г. Гордона.

Война и вызванная ею дороговизна жизни сдѣлали то, что теперь питаться какой-нибудь семьѣ въ отдѣльности стало положительно трудно. Пищевые продукты очень дороги, а многихъ изъ нихъ не найдешь ни за какія деньги. Но тутъ является на сцену коллективизмъ, который спасаетъ человѣчество всегда, когда оно находится въ затруднительномъ положеніи. Благодаря

коллективизму, становится осуществимымъ то, чтѣ для отдѣльнаго индивида или отдѣльной семьи совершенно невозможно. Такимъ образомъ является мысль о коллективномъ совмѣстномъ питаніи въ общественныхъ столовыхъ, которыя давно уже устроены въ Германіи.

Вобщемъ принципъ совмѣстнаго питанія не новъ въ человѣческой жизни. Въ древней Греціи общины, какъ извѣстно, питались сообща въ общественныхъ столовыхъ. Да и въ современной Греціи обычай совмѣстнаго питанія чрезвычайно распространенъ. Лѣтомъ 1904 г. я прожилъ въ Афинахъ цѣлый мѣсяцъ и убѣдился, что здѣсь дома питаются и ведутъ свои кухни только самые богатые люди. Средній классъ (о бѣдномъ я уже не говорю) питается исключительно въ столовыхъ, которыхъ здѣсь великое множество. При этомъ мнѣ пришлось познакомиться съ общественными столовыми, которыя являются въ то же время и частной собственностью: столовыя устриваются или арендуются извѣстнымъ количествомъ семействъ, или лицъ, которыя одни только питаются въ нихъ, а другимъ, постороннимъ, здѣсь ничего не отпускается.

Такимъ образомъ совмѣстное питаніе въ общественныхъ столовыхъ не содержитъ въ себѣ, собственно, ничего новаго. И Россія должна будетъ покрыться со временемъ огромной сѣтью такихъ столовыхъ, которыя дадутъ выходъ современной, созданной войной, продовольственной или, вѣрнѣе, питательной разрухѣ.

Но тутъ является другой вопросъ. Столовыя эти должны быть по преимуществу вегетарианскія. Ни для кого теперь не тайна, что мы за два года войны съѣли, и не столько

На англійскомъ фронтѣ.

На западномъ фронтѣ.

Позьеръ и Баромъ. Щиты, указывающіе путь слѣдованія наступающимъ войскамъ.

сѣли, сколько не убергли и потеряли 20—30% всего своего наличнаго крупнаго рогатаго скота. Возьмемъ среднюю цифру 25%. Если все количество скота до войны примемъ равнымъ 50 милліонамъ, тогда $\frac{1}{4}$ составитъ 12,5 милліоновъ головъ. Вотъ какой грандіозной цифрой выражается потеря скота, сѣдннаго, павшаго отъ недостатка кормовъ и ухода, забраннаго непріателемъ при его нашествіи. Такъ какъ ежегодный приплодъ скота составляетъ приблизительно 3%, то, очевидно, эту потерю можно будетъ выравнивать и покрыть не раньше 10 лѣтъ, и то при томъ только условіи, если со скотомъ будутъ обращаться очень осторожно, бить его какъ можно меньше и старательно охранять отъ всевозможныхъ эпидемій, голода и т. п. Это ставитъ вопросъ о народномъ питаніи очень серьезно, и общественныя столовыя являются уже не задачей только текущаго момента, а заданіемъ для цѣлаго ряда ближайшихъ лѣтъ.

Итакъ, общественныя столовыя должны быть преимущественно вегетаріанскія. Народъ долженъ будетъ питаться въ нихъ почти исключительно растительной пищей. Вегетаріанство сѣднало за послѣднее время такіе успѣхи, что теперь найдется, вѣроятно, немало людей, которые стали бы утверждать, что жить одной растительной пищей нельзя. Вопросъ не въ этомъ, а въ другомъ, именно, въ количествѣ бѣлковъ, ежедневно необходимыхъ работающему человѣку для сохраненія его здоровья и возможности совершать свой обычный трудъ. Фойтовская формула, подтвержденная и дополненная проф. М. Рубнеромъ, гласитъ, какъ известно, что взрослому человѣку для покрытія его ежедневныхъ расходовъ и сохраненія равновѣсія необходимо ежедневно:

Бѣлка Жира Углеводовъ
120 гр. 60 гр. 450—500 гр.

Но въ самое послѣднее время эта, казалось, неизбежно установленная наукой и опытомъ норма подверглась сильной критикѣ и была поколеблена датскимъ врачомъ Хиндхеде и американскимъ профессоромъ Читтенденомъ.

Первый изъ нихъ дѣлалъ наблюденія надъ собой и своей семьей въ теченіе 20 съ лишкомъ лѣтъ и пришелъ къ заключенію, что Фойтовская формула, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи бѣлковъ, не вѣрна, а именно, что человѣку достаточно ежедневно не 120 грам., а ровно наполовину меньше, т. е. всего 60 гр. Интересно, что докторъ Хиндхеде дѣлалъ параллельныя наблюденія надъ своими собственными дѣтьми, при чемъ одного сына и одну дочь онъ кормилъ смѣшанной пищей, животной и растительной, а другого сына и другую дочь исключительно растительной. И оказалось, что вторая пара дѣтей физически была гораздо лучше развита, чѣмъ первая.

На западномъ фронтѣ.

Проф. Читтенденъ дѣлалъ опыты надъ солдатами. Опытовъ всего произведено имъ 11. Оказалось, что солдаты, подвергавшіеся вегетаріанскому режиму, проявляли въ общемъ больше силъ и ловкости на гимнастикѣ и отличались большей физической выносливостью, чѣмъ остальные ихъ товарищи, питавшіеся обыкновенной пищей. Въ особенноти интересны его опыты надъ семью спортсменами изъ числа 2.340 студентовъ университета. Эти опыты приняты были имъ съ цѣлью доказать, что растительнымъ режимомъ могутъ удовлетворяться не только обыкновенные люди, но и атлеты-спортсмены, тренирующіеся и совершающіе ежедневно огромную физическую работу. Оказалось, что по окончаніи опыта всѣ семеро молодыхъ людей хотя потеряли въ вѣсѣ каждый въ среднемъ по 2,7 кило, но зато очень выиграли въ мускульной силѣ, которая обнаружила у всѣхъ безъ исключенія „изумительный, — какъ говорить д-ръ Хиндхеде, — и почти непонятный приростъ“. А одинъ изъ подвергавшихся опыту, г. Андерсенъ, получилъ даже во время опыта званіе чемпиона по гимнастикѣ для всей Америки.

Такимъ образомъ, благодаря изслѣдованіямъ д-ра Хиндхеде и особенно проф. Читтендена, съ несомнѣнностью устанавливается, что человѣкъ, при исключительно растительной пищѣ, можетъ не только не терять, но даже увеличивать свои физическія силы. И это насъ нисколько не удивляетъ, такъ какъ мы всѣ отлично знаемъ, что животныя травоядныя обладаютъ всѣмъ огромной физической силой, далеко превосходящей силу плотоядныхъ животныхъ.

Но тутъ является вопросъ другого рода: вегетаріанство несомнѣнно оказываетъ вліяніе не только на физическія, но и на духовныя силы послѣдователей его, и очень интересно знать, дѣйствительно ли такъ вредно это вліяніе его, какъ многіе говорятъ. Вѣдъ такіе авторитеты, какъ проф. Румпфъ, Гюппе и друг., съ ужасомъ указываютъ на то, что человѣческая культура можетъ приостановиться и даже заглохнуть при всеобщемъ распространеніи вегетаріанства. И эти ученые въ своихъ утвержденіяхъ основываются на исторіи развитія культуры, прогрессъ которой будто бы росъ вмѣстѣ съ распространеніемъ животной пищи. Мы не будемъ вдаваться въ детальное обсужденіе такого важнаго и крайне интереснаго вопроса, но скажемъ одно: прежде чѣмъ окончательно высказаться о животной и вегетаріанской пищѣ, нужно выяснитъ два обстоятельства: во-первыхъ, есть ли какаядь-нибудь качественная разница между животными и растительными бѣлками, и, во-вторыхъ, насчетъ какихъ именно составныхъ частей нашей пищи совершаются процессы нашей духовной жизни. Что касается второго вопроса, то въ послѣднее время въ наукѣ накопилось много данныхъ за то, что духовная наша дѣятельность совершается преимущественно насчетъ углеводовъ, а не бѣлковъ, какъ думали прежде. Правда, мы знаемъ,

Англійское

орудіе.

что всё выдающиеся мыслители и ученые во все времена и у всех народов за весьма редкими исключениями питались животной пищей, но это, конечно, несколько не говорит еще о том, что эти люди не могли бы достигнуть таких же верхов мысли и знаний и при исключительном употреблении растительной пищи.

Д-р Хиндхеде утверждает категорически, что растительные белки так же легко всасываются, как и животные, и что между ними в этом отношении, как, впрочем, и в других, нет никакой разницы. Если это верно, то это для вегетарианского режима значительный плюс, так как ему всегда ставились в минус именно трудность и несовершенство всасывания растительных белков.

Итак, общественные столовые должны быть по преимуществу вегетарианские, но в них будут отпускать и мясные блюда. Для этого прежде всего необходимо урегулировать продажу мяса и подвергнуть ее возможному контролю. Дело в том, что при теперешних порядках мясной торговли значительная часть его укрывается торговцами и продается не по таксу, а значительно дороже. Злоупотребление мясом, особенно после введения мясопустных дней, стало уже, как это всем известно, очень распространенным явлением.

Поэтому самое лучшее, может быть, действительно будет сдавать мясо целиком в общественные столовые, где оно все будет немедленно пускаться в ход, и куда может прийти пообедать всякий, кто хочет. Частным же лицам — отпускать его только по запискам врачей для таких больных, которые должны питаться мясом, но сами в столовые являться не могут, а обед на дом к ним почему-либо не может быть доставлен. При таком порядке вещей исчезнут сами собой длинные «хвосты», играющие немаловажную роль в деле распространения болезней. Ведь в «хвостах» люди стоят часами, в самом тесном сопконовении друг с другом, и подвергаются, кроме того, влиянию холода, голода, бессонницы и т. п. Мы, как и каждому врачу, конечно, известны неоднократные заболдания, начинавшиеся благодаря многочасовому стоянию в очереди на улицах. И мы, врачи, должны поднять свой хотя и слабый голос против этих «хвостов», как против чрезвычайно вредного явления нашей жизни. Но нам скажут, что «хвосты» неизбежны. Хорошо, — ответим мы, — но ведь больше всего «хвостов» около мясных лавок и чайных магазинов, так нельзя ли мясо и сахар продавать в таких помещениях, чтобы публике по возможности меньше приходилось стоять под открытым небом, на ветру, под дождем, и подвергаться влиянию ненастной, переменчивой погоды.

Заинтересовавшись вопросом, как питается рабочий люд, я в начале лета сделал маленькую анкету и опросил несколько десятков простых неквалифицированных рабочих. Оказалось, что взрослый человек съедает в среднем за день:

2—4 тарелки мясных или большею частью постных щей.

Хлеба около 2—3 фунтов.

Картофеля $\frac{1}{2}$ фунта.

Молока 1—2 стакана.

Иногда вместо картофеля едят 1—2 тарелки каши (пшеничной, рисовой и т. п.), а вместо молока 2—4 яйца. Питательность этой пищи выражается в следующих цифрах:

Бѣлка	Жиры	Углеводовъ
120—140 грам.	30 грам.	500—600 грам.

Если мы примем во внимание, что белок не усваивается в количестве 33%, жир в 5%, а углеводы — в 10%, и сделаем соответствующую поправку, то наш рабочий ежедневно получает:

Бѣлка	Жиры	Углеводовъ
около 100 грам.	около 28,5 грам.	540—550 грам.

Мы видим, стало быть, что количество углеводов здесь нормально, или даже несколько больше, белков немного не хватает (норма 120—150), а жира очень мало — меньше поло-

Вдогонку.

Рис. И. Владимірова.

вины того, что нужно. Такое питание мы должны назвать недостаточным (жировое голодание). Особенно чувствительно будет лишение жира зимой в нашем холодном климате.

Сюда нужно присоединить еще недостаток сахара, отражающийся особенно сильно на детях. При той массе движений, которая свойственна их возрасту, недостаток этого питательного вещества, легко сгорающего в организм и при сгорании увлекающего в процесс окисления многочисленные продукты, образующиеся в крови, положительно должен быть опутителен для детей.

Разъ населению предстоит питаться в течение нескольких лет вегетарианской пищей, нужно позаботиться, стало быть, о том, чтобы во время доставки всюду необходимые количества овощей и зелени. Но кто же должен взять на себя заботу об этом? Городские самоуправления, или центральная власть? Нам кажется, что ты и другая — как город, так и правительство должны принять все меры к тому, чтобы обеспечить в этом отношении население.

Министерство земледелия, идя навстречу бытательской нужде, выступило с объявлением, в котором советуется населению запасаться всякими овощами, солить и квасить их как можно больше. Но министерство совершенно упускает из виду, что раньше, чем консервировать овощи, их нужно иметь в достаточном количестве, и что по цене они должны быть доступны самым широким слоям населения. Кроме того, народ наш очень неопытен в деле консервирования овощей и дальше соления огурцов и квашения капусты не идет. Спрашивается: как сохранять другие овощи, чтобы ими можно было питаться? Кто научит народ этому? Ведь для сохранения овощей нужны погреба и ледники, а у нас в городах они большая редкость и существуют только при самых дорогих квартирах. Спрашивается, как же население будет сохранять и консервировать заготовленные впрок овощи?

В общественных столовых должно быть обращено серьезное внимание на подмешивание к изготовляемым блюдам солей кальция. В науке существует достаточно наблюдений, свидетельствующих о громадном значении, особенно для молодого растущего организма, хлористых и молочно-кислых солей его. В самое последнее время в Германии опубликованы на этот счет интересные наблюдения проф. Оскара Лёве и проф. Эммериха. Они регулярно давали раненым ежедневно по 2—3 грамма хлористого или по 3—4 грамма молочно-кислого кальция и замечали, что процессы заживления ран протекали у них значительно скорее, чем у тех, которые этих солей не получали. Английский врач Белль точно также применял с большим успехом соли кальция у туберкулезных, а берлинские врачи — у нервных больных. Это наводит на мысль, что кальций может оказаться весьма полезным при кормлении слабых и голодных, и что в такое время, как теперь, когда население в общем плохо питается из-за недостатка пищевых продуктов, кальций может сослужить огромную службу. Надо бы только немедленно приступить к опытам с ним в широких размерах и проверить влияние его как на больных (раненых), так и на здоровых. Такие овощи, как чечевица,

горохъ, бобы и т. п., особенно богаты солями кальція, и потому необходимо принять все мѣры, чтобы они по своей цѣнѣ стали доступны и наиболѣе бѣднымъ классамъ населенія. У насъ есть на все така: даже на обувь и матеріи—отчего же не обложить такой и овощи, которые теперь необходимы населенію не въ меньшей степени, чѣмъ сапоги и платье? Эта такса окажется несомнѣнно болѣе дѣйствительной, чѣмъ другія таксы, такъ какъ овощи спрятать въ укромное мѣсто и выжидать съ продажей ихъ болѣе удобнаго времени, конечно, нельзя.

Въ самое послѣднее время министерство земледѣлія и городскихъ самоуправленія стали проявлять энергичныя заботы о повсемѣстномъ расширеніи площадей огородовъ съ цѣлью увеличенія посѣвовъ овощей и всякой зелени. Къ сожалѣнію, эта

добрая забота запаздываетъ, какъ и все прочее. Объ этомъ нужно было подумать раньше, чтобы использовать прошедшую весну и текущее лѣто, и теперь это можетъ имѣть значеніе развѣ только для будущаго года. А между тѣмъ зима уже надвинулась и ставить ребромъ вопросъ о народномъ питаніи. Невольно является тревога, хватить ли у насъ овощей для всего населенія, и удастся ли удержать цѣны на нихъ на надлежащей высотѣ. Не начнется ли съ ними такая же безсовѣтная спекуляція, какъ и съ другими предметами потребленія? Какъ поступить въ данномъ случаѣ и что предпринять, чтобы по возможности оградить интересы населенія,—вотъ первостепенной важности вопросъ, который нельзя откладывать ни на одну минуту. Время не ждетъ, и голодъ не тетка.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Нѣмецкое воззваніе о Польшѣ.

23-го октября 1916 г. былъ обнародованъ австро-германскій актъ о созданіи „Польскаго королевства“. Вся печать съ рѣдкимъ единодушіемъ высказала опредѣленный взглядъ, что главною цѣлью этого акта является стремленіе германскаго и австрійскаго штабовъ использовать контингенты населенія оккупированныхъ областей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что противникъ теперь, черезъ два года войны, крайне нуждается въ „человѣческомъ матеріалѣ“. Въ нашей статьѣ: „Приблизилось ли истощеніе Австро-Германіи?“, помѣщенной въ „Литературныхъ Приложеніяхъ Нивы“ за нынѣшній годъ, мы, на основаніи цифръ потерь, опубликованныхъ самими германскимъ и австрійскимъ штабами, пришли къ опредѣленному выводу, что у австрійцевъ запасъ уже исчерпанъ, а у нѣмцевъ имѣются еще нѣкоторые контингенты внутри Германіи, которые еще могутъ быть, въ лучшемъ случаѣ, достаточными для одной большой лѣтней кампаніи. При этомъ учитывалось, что имѣющиеся контингенты людей внутри Германіи должны идти не только на пополненіе германскихъ потерь, но и на поддержаніе австрійскаго фронта, сзади котораго такихъ резервовъ не имѣется. Напомнимъ, что эти приблизительныя цифры около 2 милліоновъ людей, обучающихся въ запасныхъ частяхъ внутри Германіи, и, примѣрно, по 1 милліону выздоравливающихъ раненыхъ въ Германіи и Австро-Венгріи.

Потери австрійцевъ и германцевъ за два года войны исчисляются различно, но можно, въ общемъ, принять ихъ грубо приблизительно равными, примѣрно, нѣсколько болѣе, чѣмъ 3 милліонамъ для каждаго союзника. При тѣхъ приблизительныхъ и общихъ расчетахъ, которые мы здѣсь приводимъ, и которые, конечно, не претендуютъ на точность, а даютъ лишь общую картину положенія, можно считать, что тѣхъ 4 милліоновъ, вмѣстѣ съ выздоравливающими и ранеными, которые имѣются у Австро-Германіи,—болѣе чѣмъ недостаточно для длительной войны, разъ ихъ общія потери за два года войны приближаются къ цифрѣ въ 7 милліоновъ. Между тѣмъ изъ всѣхъ заявленій ответственныхъ государственныхъ дѣятелей державъ согласія нѣмцы не могутъ не усматривать того, что союзники намѣрены продолжать войну до достиженія рѣшительной побѣды, хотя бы это потребовало большой затыжки войны. Слѣдовательно, противникъ признаетъ необходимость готовиться къ длительной борьбѣ и при такихъ условіяхъ не можетъ не считаться съ тѣмъ, что оставшіеся ресурсы „человѣческаго матеріала“ исчисляются цифрами, во всякомъ случаѣ, недостаточными для продолжительной борьбы.

Напомнимъ, что тѣ общія данныя о количествѣ оставшихся контингентовъ внутри Германіи, которыя мы приводили въ статьѣ „Приблизилось ли истощеніе Австро-Германіи?“, нашли себѣ подтвержденіе въ заявленіяхъ ответственнаго румынскаго дѣятеля, занимавшаго въ Берлинѣ официальное положеніе въ теченіе двухъ лѣтъ нынѣшней войны и оставившаго Берлинъ въ періодъ объявленія войны Германіи Румыніей. Этотъ румынскій дѣятель указывалъ, что въ германскихъ запасныхъ частяхъ нѣсколько меньшую часть составляютъ новобранцы трехъ послѣднихъ призывовъ, а нѣсколько большую часть составляютъ ландштурмисты-ополченцы. Это и даетъ цифру, примѣрно, около 2 милліоновъ. Затѣмъ число выздоравливающихъ раненыхъ по опубликованному даннымъ можетъ быть принято равнымъ цифрѣ, нѣсколько большей милліона. Наконецъ, этотъ румынскій дѣятель указалъ, что „Австрія раздавлена“, и у нея контингентовъ, кромѣ выздоравливающихъ раненыхъ, не имѣется.

Такимъ образомъ надлежитъ считать, что нѣмцы, во-первыхъ, должны настойчиво изыскивать новые контингенты потому, что союзники намѣрены вести войну до полной побѣды, хотя бы это было сопряжено съ затыжкой войны, а для такой затыжки войны того, что осталось у Австро-Германіи, безусловно недостаточно.

Затѣмъ выступленіе Румыніи, во-вторыхъ, явилось тѣмъ новымъ факторомъ, для компенсаціи котораго противникъ долженъ былъ изыскивать различные способы. Поэтому слѣдуетъ считать, что стремленіе противника использовать оставшіеся контингенты въ Польшѣ является въ то же время попыткой компенсировать выступленіе румынской арміи.

Наконецъ, противникъ все время наблюдаетъ продолжающееся развертываніе еще значительныхъ неиспользованныхъ силъ коалиціи согласія. Напомнимъ опять, что, когда нашъ военный ратникъ 2-го разряда, нѣмецкая печать весьма зростно реагировала на это заявленіе, и изъ ея статей можно было усмотрѣть, насколько серьезную опасность они видятъ въ этомъ проектировавшемся тогда развертываніи новыхъ русскихъ силъ. Если къ этому добавить непрерывное развертываніе англійской арміи, которая отъ цифры 150 тысячъ въ началѣ войны дошла теперь до цифры, исчисляющейся нѣсколькими милліонами, то и это,—въ-третьихъ,—должно было побуждать противника изыскать какими бы то ни было способами и средствами новые источники „человѣческаго матеріала“.

Изъ изложеннаго видно, что три фактора,—во-первыхъ, громадныя потери и связанное съ этимъ истощеніе „человѣческаго

На юго-западномъ фронтѣ.

Въ Лысистыхъ Карпатахъ.
Рѣка Прутъ.

На юго-западномъ фронтѣ.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ. На рѣкѣ Прутѣ.

материала“ въ Германіи, во-вторыхъ, выступленіе румынской арміи и, въ-третьихъ, новое развертываніе еще неиспользованныхъ силъ державъ согласія,—настойчиво вынуждали противника изыскать способы для того, чтобы чѣмъ-либо компенсировать эту новую накопленную грозную тучу. Мы уже наблюдали стремленіе использовать турецкіе контингенты, и, какъ извѣстно, въ Галиціи и въ Трансильваніи въ настоящее время находится не менѣе пяти турецкихъ дивизій, т.-е. около 100 тысячъ турецкихъ войскъ. Отдѣльные извѣстія говорили даже о попыткѣ использовать контингенты въ Албаніи и о формированіи изъ албанцевъ частей войскъ. Наконецъ извѣстно, что нѣмцы и австрійцы снимаютъ съ желѣзныхъ дорогъ многихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и замѣняютъ ихъ женщинами. Имѣются даже школы для подготовки машинистовъ-кондукторовъ изъ женскаго персонала въ различныхъ городахъ Германіи. Въ различныхъ центральныхъ учрежденіяхъ, въ штабахъ внутри страны и проч. женскимъ трудомъ уже давно пользуются и въ Австро-Венгріи и въ Германіи.

Таковы тѣ общія условія, которыя побудили противника выступить съ актомъ 23-го октября и, въ обмѣнъ за обѣщаніе возстановить Польское королевство, потребовать созданія „польской арміи“. Какъ многочисленны могутъ быть эти контингенты, которые нѣмецкіе и австрійскіе штабы надѣются „вытащить“ изъ оккупированныхъ областей Польши,—точныхъ свѣдѣній не имѣется. Однако приблизительныя цифры можно себѣ представить.

Для этого прежде всего надлежитъ учесть, что нѣмцамъ не придется воспользоваться тѣми контингентами запасныхъ и перво-разрядныхъ ратниковъ, которые своевременно были привлечены въ ряды русской арміи. Слѣдовательно, нѣмцы могутъ рассчитывать, что имъ удастся, въ лучшемъ случаѣ, использовать тѣ контингенты, которые извѣстны подъ названіемъ „второразрядныхъ ратниковъ“.

По общимъ статистическимъ даннымъ, которыя публиковались за прежніе годы, извѣстно, что эти контингенты составляютъ, приблизительно, половину всего числа лицъ, достигавшихъ призывнаго возраста. Считая для населенія оккупированныхъ областей то наибольшее напряженіе, которое равняется 15% отъ населенія, и къ которому, повидному, приходятъ воюющія стороны въ нынѣшней войнѣ, мы получимъ цифру, равную, приблизительно, 2 милліонамъ и представляющую максимумъ того, что могло быть выставлено отъ населенія оккупированныхъ областей. Такъ какъ половина этой цифры уже, во всякомъ случаѣ, ускользнула изъ нѣмецкихъ рукъ, то нѣмцы могутъ имѣть въ виду лишь другую половину этой цифры, т.-е. 1 милліонъ, но и то далеко не полностью. Последнее объясняется тѣмъ, что, какъ извѣстно, при отходѣ нашихъ войскъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ военнопленныхъ увеличилось.

Такимъ образомъ, численность оставшихся контингентовъ въ оккупированныхъ областяхъ надлежитъ считать меньшей милліона. Считая же, что противникъ попытается использовать весьма юные возрасты призывныхъ, число конхъ опредѣляется

ежегодно, приблизительно, 3-4% отъ населенія. въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, нѣсколько болѣе 150 тысячъ,—мы получимъ общую приблизительную круглую цифру—около милліона.

Изъ этого можно видѣть, что нѣмцы, выпустивъ воззваніе о созданіи „Польскаго королевства“, могутъ, въ лучшемъ случаѣ, рассчитывать на цифру не болѣе, какъ въ 1 милліонъ военнообязанныхъ. Какъ можно умотрѣть изъ редакціи опубликованнаго акта, нѣмцы заявляютъ о своемъ намѣреніи создать „польскую армію“. Однако къ этому заявленію, несомнѣнно, надлежитъ отнести весьма критически.

Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, изъ молодыхъ контингентовъ никогда не формируютъ единицы большія, чѣмъ полки, а болѣею частью ограничиваются формированіемъ изъ нихъ только батальоновъ и даже ротъ. Формировать же такія крупныя единицы, какъ дивизіи, корпуса, а тѣмъ болѣе арміи,

изъ молодыхъ контингентовъ считается невозможнымъ, такъ какъ на такія крупныя войсковыя соединенія въ бою и вообще на войнѣ возлагаются весьма важныя, ответственныя задачи.

При такихъ условіяхъ прибѣгаютъ обыкновенно къ методу „растворенія“ молодыхъ частей среди старыхъ. Формируя изъ молодыхъ контингентовъ отдѣльные роты и батальоны, ихъ присоединяютъ къ старымъ частямъ, стремясь сдѣлать по возможности минимальнымъ процентъ молодыхъ контингентовъ въ данной части.

Несомнѣнно, что этотъ основной принципъ не станутъ нарушать и германцы,—тѣмъ болѣе, что они въ теченіе войны сформировывали много дивизій и корпусовъ и каждый разъ стремились, чтобы главная масса новой части состояла изъ старыхъ контингентовъ, и лишь меньшая часть состояла бы изъ молодыхъ. Поэтому можно не сомнѣваться также и въ томъ, что изъ новыхъ контингентовъ войдутъ нѣмцы ни въ коемъ случаѣ не будутъ формировать единицы болѣе полка. Такъ какъ въ дивизіи четыре полка, то очевидно, три полка будутъ нѣмецкими, а одинъ—изъ новыхъ польскихъ контингентовъ. Возможно, что польскіе контингенты войдутъ даже не полками, а отдѣльными батальонами въ нѣмецкія и австрійскія дивизіи.

Изъ этого можно видѣть, что тѣ части, которыя нѣмцы намѣрены сформировать изъ польскихъ контингентовъ, войдутъ лишь, какъ простые резервы, въ чисто-нѣмецкія и австрійскія части—дивизіи и корпуса.

Далѣе надлежитъ отмѣтить, что, за отсутствіемъ офицеровъ изъ населенія оккупированныхъ областей, во главѣ намѣченныхъ „польскихъ войскъ“ могутъ, въ лучшемъ случаѣ, стать офицеры изъ нѣмецкихъ и австрійскихъ поляковъ. Слѣдовательно, во главѣ „польскихъ войскъ“, которыя естественно обязываются присягой своему „польскому королю“, будутъ стоять офицеры, присягнувшіе Вильгельму и Францу-Иосифу, ибо они, какъ офицеры, находившіеся на нѣмецкой и австрійской службѣ, по существу, являются нѣмецкими и австрійскими офицерами, обязанными присягой своимъ монархамъ, а не польскому королю.

Такимъ образомъ можно съ большою увѣренностью рассчитывать, что не будетъ не только польской арміи, но не будетъ и польскихъ корпусовъ и польскихъ дивизій. Будутъ лишь отдѣльные батальоны и роты, которые войдутъ ничтожнымъ процентомъ въ крупныя нѣмецкія части, при чемъ во главѣ этихъ войскъ будутъ стоять офицеры, нисколько не обязанные вѣрностью службѣ „польскому королю“, а обязанные присягой нѣмецкой и австро-венгерской коронамъ.

Это показываетъ, что подъ претенціознымъ флагомъ „польской арміи“ нѣмцы, по существу, просто ищутъ резервовъ для пополненія нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, и сами понимаютъ, что о „польской арміи“ можно говорить лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда она сформируется, будетъ достаточно снoccoной и пригодной для самостоятельныхъ операцій,—что подразумѣваетъ собою сроки, очевидно, превышающіе даже самыя длительныя сроки настоящей войны.

О Н И.

Каждый разъ, когда въ туманѣ
Поднимается луна,
А въ далекомъ вражемъ станѣ
Воцарится тишина,
Настаетъ нашъ часъ ловитвы...
По оврагамъ и холмамъ
Мы полземъ на поле битвы
Ночи долгъ отдать врагамъ...
По кустамъ густымъ, колючимъ,
Трупамъ вражымъ и своимъ,
Лѣсомъ крадемся дремучимъ
Къ одинокимъ часовымъ...
Мы внезапно нападаемъ,
Какъ орлы съ вершины скалъ,
Состраданія не знаемъ,
Обнажая свой кинжалъ!..
Стонъ въ окопъ не донесется—
Рана въ сердце глубока...
Наша жертва не очнется—
На Чечнѣ вѣрна рука!..
Мы работаемъ у цѣли
До тревоги, до ракетъ,
До предательской шрапнели,
А потомъ... пропаль и слѣдъ...

Лучъ зари едва заблещетъ—
Мы стоимъ на стременахъ...
Только бурка сзади хлещетъ,
Только вѣется пыльный прахъ!..
Конь несетъ, что вѣтеръ, къ бою,
Легокъ, трепетень, какъ лань...
Любо шашкою кривою
Собирать дневную дань!..
Никогда не знало страха
Горца вольное житье...
О! Мохнатая папаха
Цѣнить прошлое свое!..
Вѣченъ долгъ кунацкой чести,
Какъ снѣга суровыхъ горъ...
По завѣтамъ кровной мести
Мы рѣшаемъ бранный споръ!..
Всѣмъ, кто въ немъ по крови братья,
Утѣшеніе дано—
Гурій жаркія объятъ,
Иль Кахетіи вино...
Нашъ ауль, семья—далеко,
Но великъ Кавказа Богъ,
И хранить дѣтей востока
Магометъ—Его Пророкъ...

Н. Ч—нѣ.

Нѣмецкое возрожденіе Польши.

(Политическое обозрѣніе).

Нѣмцы, историческіе враги славянъ, взяли на себя рѣшеніе одной изъ главныхъ задачъ славянофильской политики—возрожденіе Польши. Они уничтожили и стерли съ лица земли цѣлыя славянскія народности, германизировали безпощадными репрессіями коренныя польскія провинціи, долго всѣми мѣрами, не исключая самыхъ жестокихъ, искореняли польскій духъ въ

польской Познани, воспрещали въ своихъ школахъ польскимъ дѣтямъ молиться по-польски подѣ страхомъ жестокихъ побоевъ: нѣмецкіе учителя забивали непослушныхъ ребятъ до смерти,—и этими же запачканными въ неповинной дѣтской крови руками они дали варшавскимъ полякамъ политическую свободу и національное политическое устройство. Традиціонныя убійцы славянскихъ

На юго-западномъ фронтѣ.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ. Взорванный туннель у блокауза, приспособленный къ двухъярусной оборонѣ. Окна и двери закрыты стальными щитами.

народностей выступили в роли творцов и зиждителей возрожденно-национальной государственности одного из главных славянских племен — в среде варшавских политиканов нашлись такие легкомысленные головы, все забывшие и ничему не научившиеся, которые радостно приняли этот лживый дар. Данаицы, поддались иллюзиям праздничного обмана. Они поверили, что национальную свободу могут дать палачи народов. Некоторые из галицийских поляков, мирящихся со своим угнетением за право угнетать более слабых славянских народностей, еще в начале войны примкнули к так называемой австрийской ориентации и даже образовали из своей среды польский легион под главенством озлобленного фанатика Пильсудского для того, чтобы с оружием в руках бороться в рядах австро-германских войск против России и ее союзников.

Бумажное восстановление Польши под эгидой Германии с посулами национальной польской армии, по плану императора Вильгельма, должно было усилить это движение, но расчеты немецких политиков оправдались далеко не вполне: акт о восстановлении национального Польского государства сразу поднял в миллионах польских сердец национальное чувство, а, по обыкновению, бурливое проявление его даже представителей австрийской ориентации заставило стать в оппозицию казарменному прусскому деспотизму. Под влиянием общего недовольства сам Пильсудский подал в отставку, а добрая половина его легионеров после столкновения с грубой немецкой солдатчиной очутилась под арестом. Самым доверчивым из поляков не могло не показаться странным, что объявление немцами польской автономии совпало не с прошлогодними немецкими побдами, а с нынешними кровопролитными поражениями австро-немецков на всех фронтах, начиная от Галиции и Карсо и кончая Верденом и Соммой.

Дать полякам национально-политическое самоуправление со стороны немцев было бы несравненно своевременнее, когда они пришли в Польшу всемогущими победителями, а не накануне предстоящего ухода уже потерявших былую силу, наполовину разгромленных с разных концов немецких армий. Только слепой не видит, что в германо-австрийском акте о восстановлении Речи Посполитой, в сущности, живописным жестом великодушия прикрывается порыв глубокого отчаяния. Будь у Вильгельма хоть малейшая надежда удержать в своих руках русскую Польшу, он никогда не объявил бы ее свободной. Познань, где, под прикрытием системы крепостей, Гинденбург чувствует себя куда надежнее, чем в Привислянских губерниях, не воспользовалась ни крошкой национальных прав, предоставленных варшавянам, хотя она тоже населена поляками и входила в состав восстанавливаемой исторической Польши. Сколько-нибудь искреннее уважение к национальным правам обязывало бы Германию распространить автономию и на познанских поляков, и если она этого не сделала, то, очевидно, руководствовалась какими-нибудь другими со-

На юго-западном фронте.

В Лысцких Карпатах. Водопад у шоссе по Черемосу у села Яремче.

ображениями. Какими же именно? На этот вопрос откровенно ответил само берлинское правительство: одновременно с объявлением независимости Польши оно стало производить в оккупированных губерниях набор жителей в германские войска, полагая, что созданная немцами Польша непременно должна выступить против держав союзов в Австрии и Германии. Вместо правдивого акта освобождения получился только обход международных законов, слишком наивный и грубый для того, чтобы его можно было назвать ловким. Шитый белыми нитками политический обман почти никого не обманул. О полном провале немецкой затеи свидетельствует протест поляков, живущих в нейтральных странах, следовательно, независимых ни от русского ни от германского правительства. Из довольно длинной польской декларации по поводу германского акта позволил себе привести коротенькую выдержку:

„Польская нация нераздельна. Она стремится к созданию Польского государства из трех частей Польши, и ее стремления не могут быть осуществлены без соединения этих разрозненных территорий.“

„От настоящей войны, лозунгом которой является „свобода и независимость наций“, Польша ожидает, прежде всего, своего объединения. Проектируемое создание Польского государства неключительно из занятых территорий, составляющих лишь один из кусков Польши, не только не отвечает польским стремлениям, но, напротив того, подтверждает раздель их родины.“

„Сохраняя разделение национальных польских сил, Германия и Австро-Венгрия осуждают новое государство на бесилие и превращают его в орудие своей политики. Не принимая окончательных решений относительно прав и прерогатив будущего королевства, центральные державы подчеркивают лишь его зависимость от них.“

„Вместе с тем они требуют, чтобы поляки создали для них свою армию. Эта армия, подчиненная в качестве вспомогательных войск германским и австрийским войскам, будет служить для осуществления целей центральных держав и защищать дело, чуждое Польше, но ради которого она будет сражаться.“

„Немощи на видимость, которую центральные державы стараются замаскировать эту мѣру, цель ее нарушает международное право, и ответственность за это должны нести только эти две державы. Мы считаем военные проекты Германии и Австро-Венгрии тяжелыми бедствиями для Польши, а их политический акт новой санкцией раздѣла ее.“

Трудно что-нибудь прибавить к этим ярким и правдивым словам. Подвластные немецкому оружию поляки могут подвергаться насильственному принуждению, но они не могут быть обманутыми, и, главное, новый акт насилия они ни в каком случае не сочтут за провозглашение свободы. Они знают, что никто в мире никогда еще не получал свободы из рук палачей.

Содержание.

ТЕКСТЪ: На войнѣ. Разсказъ В. Муйжеля. — „Съ вами Богъ!“ Стихотвореніе К. Висковатова. — Степной „батырь“. Разсказъ Я. Окунева. — Общественная столовая. — Очеркъ д-ра Г. Гордона. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Они. Стихотвореніе Н. Ч. — на. — Пѣснюшко возрожденіе Польши. (Политическое обозрѣніе). — Объясненія.

РИСУНКИ: Иллюстраціи И. А. Владимірова къ разсказу „На войнѣ“ В. Муйжеля. — Рис. И. Ижакевича. — На кавказскомъ фронтѣ (6 рис.). — На западномъ фронтѣ (5 рис.). — Влогонку. Рис. И. Владимірова. — На юго-западномъ фронтѣ. Въ Лысцкихъ Карпатахъ (4 рис.).

Къ этому № прилагается „полнаго собранія сочиненій А. П. Чехова“ томъ XXIII.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

XLVIII г. Открыта подписка на 1917 г. XLVIII г.
 ИЗДАНИЯ. ИЗДАНИЯ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ приложениемъ **12 №№** ежемѣс. иллюстрир. приложенія для дѣтей и **52** книгъ „Сборника Нивы“, содержащихъ:

первую серію
**ПОЛНАГО СОБРАНИЯ
 СОЧИНЕНІЙ**

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
 СОЧИНЕНІЙ**

полный переводъ
 романа
 „ДОНЪ-КИХОТЪ“

**ТРЕТЬЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО
 СОБРАНИЯ
 СОЧИНЕНІЙ**

**М. ГОРЬКАГО,
 С. Я. НАДСОНА,
 СЕРВАНТЕСА,
 Д. Н. МАМИНА
 (СИБИРЯКА).**

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ **1917** г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ: Безъ доставки 12 р. 50 к. Съ доставкой 13 р. 50 к.	Безъ доставки: 1) въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ. 13 р. 25 к. 2) въ Одессѣ въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“. 13 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи . . . За границу 18 р.	Допускается РАЗСРОЧКА платежа: въ два срока (при подпискѣ 7 р. и 1 июня 7 р.), въ три срока (при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля 5 р. и 1 августа 4 р.) и въ 4 срока (при подпискѣ 4 р., 1 марта 3 р., 1 июня 4 р. и 1 августа 3 р.).
---	---	--	---

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается **РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА** на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Гг. новые подписчики, желающіе получить **первыя двѣ серіи соч. МАМИНА-СИБИРЯКА**, приложен. при „НИВѣ“ 1915 и 1916 гг., доплачиваютъ за обѣ серіи 13 руб. съ доставкой и пересылкой въ Европ. Россіи (цѣна каждой въ отдѣльности серіи 6 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой въ Европ. Россіи).

Главная контора „НИВЫ“ проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ озаботиться **заблаговременно** высылкой подписныхъ денегъ, въ виду значительнаго скопленія въ концѣ года адресовъ, на печатаніе, корректуру и провѣрку которыхъ требуется очень много времени. При высылкѣ денегъ слѣдуетъ обозначать непременно на **самомъ почтовомъ переводѣ** (а не въ отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также адресъ (подробный и четкій).

Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала „НИВА“, Петроградъ, улица Гоголя, д. № 22.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1917 года.

В будущем году *Нива* исполнится 48 лѣтъ. Крѣпкими корнями вросла она въ русскую жизнь, изъ года въ годъ, еженедѣльно, безсмѣнно приходя въ русскую семью съ книгами Чехова, Достоевскаго, Гончарова, Тургенева, Гоголя, Писемскаго, Алексѣя Толстого, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Куприна, Леонида Андреева, съ собраниями стиховъ нашихъ крупнѣйшихъ поэтовъ: Майкова, Фета, Тютчева, съ картинами лучшихъ художниковъ, съ романами извѣстныхъ писателей, съ лѣтописью родной дѣйствительности, вѣрной, неліцепріятной.

Теперь, когда у Россіи одна дума—война, у *Нивы* естественно единственная тема—война. Покуда Россія не завоеуетъ себѣ прочнаго мира, *Нива* будетъ подробнѣйшей лѣтописью русской героической славы. Матери, жены и сестры нашихъ удивительныхъ воиновъ найдутъ въ ней нѣжнаго и вѣрнаго друга, а сами воины—боевого товарища, раздѣляющаго ихъ пламенный духъ.

Въ „Нивѣ“ будутъ печататься, какъ и въ первые годы войны рассказы о боевыхъ эпизодахъ, корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, портреты отличившихся или павшихъ героевъ, описанія наиболее примѣчательныхъ подвиговъ. По-прежнему выдающійся специалистъ по военнымъ вопросамъ

К. М. Шумскій будетъ вести на страницахъ *Нивы* „Дневникъ военныхъ дѣйствій“, разъясняя и комментируя всѣ непонятныя и сложныя явленія запутанной стратегической обстановки на многочисленныхъ фронтахъ грандіозной войны.

Вмѣстѣ съ родиной всю себя отдавъ интересамъ войны и ея дѣятелямъ на боевыхъ постахъ, посвящая имъ всѣ страницы еженедѣльнаго журнала,—„Нива“ не забываетъ и своей мирной позиціи, своей безсмѣнной службы культурному росту родины. Основа ея—„Сборники *Нивы*“, библиотечка писателей-классиковъ.

На будущій годъ мы рѣшили въ выборѣ авторовъ для „Сборника *Нивы*“ руководиться указаніями самихъ читателей и дать сочиненія авторовъ, которыхъ выдѣлили своимъ исключительнымъ, небывалымъ въ исторіи нашего книжнаго дѣла, вниманіемъ самъ читатель, сама публика. Наши подписчики давно уже просятъ и требуютъ, чтобы мы дали имъ книги любимѣйшаго русскаго автора—*М. Горькаго*.

Нива и сама сознавала эту свою святую обязанность. Мы давно уже мечтали распространить по лицу всей Россіи волнующе-прекрасныя творенія влстителя думъ, и вотъ теперь съ радостной гордостью спѣшимъ сообщить читателямъ, что мы получили возможность дать нашимъ подписчикамъ на 1917 годъ первую серію

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО.

Сколько экстатического счастья внесутъ эти кипучія книги во всякую незаплѣсневѣлую душу, какъ онѣ всгряхнутъ ее, скрылять, взбудоражатъ!

Горькій—поэтъ героической удали. Онъ молніей ворвался въ нашу жизнь, и все въ ней опрокинулъ, зажегъ, освѣтилъ. Мы хныкали отъ мертвящей тоски, онъ явился къ намъ, какъ нѣкій пророкъ, и пламенными, гнѣвными словами проклялъ нашу косность и лѣнь. Онъ пришелъ въ литературу изъ самыхъ „низовъ“—откуда же и приходятъ пророки!—чтобы устами народа обличить нашу дряблую жизнь, недостойную великой Россіи. Онъ вывелъ передъ ошеломленнымъ читателемъ романтически-прекрасныхъ, вдохновенныхъ мятежниковъ, которые указали намъ ослѣпительный путь изъ пошлаго и тусклаго быта. — Человѣкъ великъ и божественъ, онъ созданъ для блаженства и творчества, почему же его жизнь такъ мучительна?—вотъ вѣчный вопросъ Горькаго, вотъ та постоянная тревога, которая волнуетъ его. „Люди, отчего вы такъ несчастны?“ — спрашиваетъ онъ неутомимо, ибо, куда ни посмотритъ, видитъ вмѣсто владыкъ естества исковерканныхъ, убогихъ калѣкъ, для которыхъ жизнь—не упоительный праздникъ, а каиново проклятіе, боль. И, созерцая ихъ скорбную жизнь, Горькій охваченъ титанически-страстнымъ порывомъ: спасти ихъ отъ этихъ страданій, повести ихъ къ торжеству и ликованію, потому что нѣтъ такого счастья, такой радости, которыхъ не былъ бы достоинъ человѣкъ. „Человѣкъ — это звучитъ гордо! Человѣкъ — святиня. Все — для человѣка. — Люди, вы и сами не знаете, какъ вы сильны и прекрасны“, — говоритъ своими твореніями Горькій. Его книги—восторженные псалмы человѣку, не нынѣшнему, дрянному и дряхлому, а человѣку грядущему, человѣку свободному, выпрямившемуся, впервые въ исторіи, во весь свой человѣчскій ростъ. Горькій—пѣвецъ будущаго, онъ не озирается, а смотритъ впередъ и, прозрѣвая наше грядущее счастье, непереносливо торопить его.

Залогъ этого счастья—работа, творческая, хоровая, всемирная.

Если въ раннихъ молодыхъ своихъ книгахъ, въ „*Пѣснь о Соколяхъ*“, въ „*Челкаши*“, „*Макарь Чудръ*“, „*Буревѣстникъ*“, „*Мальвъ*“, Горькій выступилъ поэтомъ мстетеж

и безумныхъ, безоглядныхъ порывовъ, то позднѣе, когда его дарованіе созрѣло, Горькій сталъ поэтомъ Труда, человѣческой, дружной Работы. „Онъ первый изъ русскихъ писателей,—говорить о немъ одинъ его критикъ, — религиозно увѣровалъ въ трудъ. Только поэтъ-пролетарій, поэтъ-цеховой, сынъ мастера-вогго, внукъ бурлака, могъ внести въ наши русскія книги такую небывалую новую тему. До Горькаго въ русскихъ книгахъ и душахъ была лишь поэзія непротивленія, смиренія, недѣланія, млѣнія, оцѣпенѣнія, коснѣнія. Онъ—единственный—восхищено запѣлъ, какъ человѣчество многомилліонной веселой артелью перестраиваетъ свое проклятое пекло въ праздничный, ласковый рай... Трудъ и любовь расколдуютъ тѣ черныя чары, которыми мы, короли и красавцы, превращены въ прокаженныхъ калѣкъ“.

Оттого такъ радостны его послѣднія книги: „*Городокъ Ожуровъ*“, „*Матвѣй Кожемьякинъ*“, „*Дѣтство*“, „*Въ людяхъ*“. Онъ вѣритъ въ неминуемое приближеніе всемірнаго, всенароднаго счастья!

Въ началѣ творчества онъ воспѣвалъ буйную, дикую силу, даже безпощадную, даже губящую, но, приблизившись къ истокамъ русской жизни, сталъ задумчивъ и нѣженъ. И если его раннія вещи создали ему небывалую міровую славу, вызвали столько восторговъ, каково же должно быть наше преклоненіе предъ нимъ, когда его талантъ возмужалъ и окрѣпъ, а міросозерцаніе углубилось! Постепенно со страницъ его повѣстей и романовъ сошли одни за другимъ эффектные романтики-герои, и вмѣсто нихъ появились подлинныя, неприкрашенныя русскіе люди, изображенные щедрою кистью могучаго реалиста-художника.

Послѣ М. Горькаго, сочиненія котораго разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, наиболѣе любимъ публикой—*Надсонъ*. Съ его кончины прошло 29 лѣтъ, и сочиненія его выдержали уже 28 изданій по 6.000 экземпляровъ, а за послѣдніе годы Литературный Фондъ, которому завѣщаль Надсонъ свое литературное наслѣдіе, выпускалъ изданія по 12.000 экземпляровъ... Эти двѣсти тысячъ экземпляровъ указываютъ, къ кому особенно тяготѣетъ душа русскаго читателя, и мы идѣмъ ему навстрѣчу и даемъ вмѣстѣ съ сочиненіями М. Горькаго

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

С. Я. НАДСОНА.

Какъ грустно, что Надсонъ умеръ, не дождавшись появленія Горькаго. Всю поэзію Надсона можно назвать тоскою по Горьковщину, страстнымъ предчувствіемъ Горькаго. — „Приди, я жду тебя!.. Я весь безумный вопль: приди, приди, пророкъ!“ — звалъ до самой смерти поэтъ. И хотя поколѣніе Надсона, безсильное и надломленное, не было создано для великихъ героическихъ подвиговъ, оно вѣчно тосковало по подвигамъ, оно мучительно жаждало ихъ,

Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ биемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей! —

жаждало тѣхъ экстазовъ и очистительныхъ грозъ, которыя принесъ съ собою Горькій. Оно вмѣстѣ съ Надсономъ восклицало:

Загоритесь взоры, разверните крылья!
Закини порывомъ трепетная грудь!

Но все вокругъ было глухо и мертво, ибо еще не исполнились сроки, не настала пора Буревѣстника...

Надсонъ — вѣчный кумиръ молодежи. Вся молодая Россія молитвенно влюблена въ него, ибо онъ выразилъ и воспѣлъ въ своихъ стихахъ именно то, чѣмъ волнуются умы и сердца лучшихъ русскихъ юношей и дѣвушекъ: жажду безкорыстнаго служенія народу, жажду жертвенной любви къ униженнымъ и падшимъ, жажду борьбы за идеалы свободы и братства. Онъ многое

ненавидѣлъ, и въ своей ненависти тоже былъ заодно съ молодежью, обличая самодовольныхъ, тупыхъ, хищниковъ, пошляковъ, фарисеевъ. Потому-то его книга и стала для молодежи священной.

Для молодежи нѣтъ благотворнѣе книги, чѣмъ стихотворенія этого свѣтлаго юноши, уводящія душу отъ порочныхъ соблазновъ, навѣвающія на нее идеалистическій духъ. Особенно въ наше жестокое время нужно, чтобы для неопытныхъ, неокрѣпшихъ сердце прозвучалъ его возвышенный гимнъ:

Другъ мой, братъ мой, усталый страдающій братъ,
Кто бы ты ни былъ, не падай душой,
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей.
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь,
Вѣрь, настанетъ пора — и погибнетъ Вааль,
И вернется на землю любовь...

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвечиной нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ...

Миръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой, —
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбой.

Третье приложение на 1917 годъ предопредѣлено и извѣстно уже нашимъ читателямъ, это — **третья серия**

ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.

Въ эту серію входятъ такіе шедевры знаменитаго русскаго мастера, какъ романы: „Золото“, „Бурный потокъ“, „Падающія звѣзды“, цѣлый рядъ сборниковъ, повѣстей и рассказовъ: „Любовь“, „Осенніе листья“, „Медовыя рѣчки“, „Вокругъ рактова куста“ и др.

Читатели „Нивы“ успѣли уже полюбить мускулистый, полнокровный талантъ этого силача-самородка, который, какъ узловатый, могучій дубъ, стоитъ въ рощицѣ нынѣшней словесности среди чахлахъ своихъ современниковъ. Его принято называть „русскимъ Золя“, — какая несправедливость! Онъ почвеннѣе и краше Золя, ближе къ самымъ нѣдрамъ земли, слогъ у него богаче, пышнѣе, а глазъ острѣе и зорче. Никто еще не оцѣнилъ по достоинству тѣ самоцвѣтныя россыпи народной узорчатой рѣчи, которыми полны его книги. И какая у него энергичная,

кипучая фабула: тысячи сложнѣйшихъ завязокъ, развязокъ толпились у него въ головѣ и, тѣсняя, перебивая другъ друга, слѣшили излиться на бумагу. Его сюжетовъ хватило бы десятку писателей! Онъ не любилъ разбѣиваться на мелочи, на маленькіе этюды и наброски — онъ бралъ всегда большіе холсты для огромныхъ широкихъ картинъ, и увѣренной кистью виртуоза изображалъ безмѣрные перспективы и дали, заполняя ихъ тысячами разнообразныхъ фигуръ!

Давая читателямъ въ одинъ годъ книги трехъ замѣчательныхъ русскихъ писателей: М. Горькаго, Надсона и Мамина-Сибиряка, „Нива“, вѣрная своимъ традиціямъ, не ограничится отечественной литературой и къ включеннымъ уже ею въ бібліотеку читателей крупнѣйшимъ произведеніямъ иностранной литературы прибавитъ въ 1917 году

величайшую книгу, какую только создавалъ человѣческой геній,

бессмертное твореніе СЕРВАНТЕСА:

„ДОНЪ-КИХОТЪ“,

но не въ тѣхъ передѣлкахъ, не въ сокращенномъ и урѣзанномъ изданіи, какія нынѣ распространены среди русскаго общества, — а въ полномъ, точномъ, научно-проверенномъ переводѣ М. В. Ватсонъ, составившемъ при своемъ появленіи радостное событіе въ русской литературѣ.

Больше 300 лѣтъ прошло со времени созданія „Донъ-Кихота“, а эта книга все еще молода и нова. Въ эти триста лѣтъ миллионы книгъ были написаны миллионами всевозможныхъ писателей, — и всѣ эти книги забыты, засыпаны пылью, отошли въ исторію, въ архивъ. Милліоны читателей на всѣхъ языкахъ и нарѣчій читали эту книгу, передавая своимъ внукамъ и правнукамъ, и всѣ они давно умерли, а книга живетъ и посейчасъ. Въ чемъ же тайна ея волшебной живучести, ея сказочнаго долготѣія, безсмертія? Какими чарами простодушный испанецъ обезвечилъ ей вѣчную жизнь?

Во множествѣ разнообразнѣйшихъ формъ живетъ среди насъ

эта книга. Изъ нея сдѣлали дѣтскую сказку, — и дѣтвора не оторвется отъ нея. Ее превратили въ оперу, и великіе артисты всего міра воплощаютъ ея образы на сценѣ! Вы можете читать ее, какъ философскій трактатъ, или просто какъ сборникъ смѣшныхъ анекдотовъ, дѣлайте съ ней, что хотите, она во всѣхъ обличіяхъ — живетъ!

Да и не можетъ умереть Донъ-Кихотъ, покуда не умретъ въ челоѣчествѣ драгоцѣннѣйшая благодать — донкихотство! Быть Донъ-Кихотомъ — это лучшее, на что только способенъ челоѣкъ. Если бы не было среди насъ Донъ-Кихотовъ, жизнь была бы, что садъ безъ цвѣтовъ, что храмъ безъ иконъ и святыхъ! Донкихотство, это — рыцарское самоотверженіе, идеализмъ, вѣра въ высшія цѣнности жизни, самозабвенная любовь къ угнетеннымъ, героическій бой съ угнетателями. Пусть подвиги Донъ-Кихота смѣшны и безумны, но самъ-то онъ святъ и величественъ... Это чувствуетъ даже такая толстокожая тварь, какъ его слуга Санчо Панчо.

Сервантесъ, начиная гениальную свою эпопею, еще не любилъ Донъ-Кихота, не чувствовалъ благоговѣнія предъ нимъ, готовъ былъ издѣваться надъ нимъ вмѣстѣ съ толпой, — но, чѣмъ дальше подвигалась его повѣсть, чѣмъ ближе онъ знакомился со своимъ боговдохновеннымъ героемъ, тѣмъ чаще онъ смирялся, преклонялся предъ нимъ, плѣненный его патетическимъ подвигомъ! Онъ чувствовалъ, что его рыцарь — „блаженный“, „Христа ради юродивый“, что въ немъ праведный Прометеевъ огонь, и смѣясь надъ нимъ, не могъ не умиляться, быть растроганъ. Отсюда тотъ задумчивый, обаятельный юморъ, которымъ проникнута эта безсмертная повѣсть.

Донъ-Кихотъ — широчайшій поэтический образъ, грандіозно обобщенный художественный типъ. Это не только испанецъ такого-то вѣка, это всечеловѣкъ всѣхъ эпохъ и народовъ. Это вѣчный, вселенскій прообразъ многообразнѣйшихъ героическихъ образовъ! Оттого-то такъ прочна и крѣпка Сервантесова поэма о немъ.

И не одинъ Донъ-Кихотъ, — но и его оруженосецъ Санхо Панчо

есть такой широко-обобщенный, вселенскій, присущій всѣмъ вѣкамъ и народамъ, не умирающій въ человѣчествѣ типъ.

Практикъ, жизнелюбъ, сластолюбъ, — нисколько не идеалистъ, не герой, онъ — живое воплощеніе того *средняго человека толпы*, которымъ столько тысячелѣтій держится міровая исторія. Это — широчайшій символическій портретъ мѣщанина: онъ трусъ, онъ обжора, онъ скряга, онъ невѣжда, онъ лѣнтяй, онъ самохвалъ, но какъ онъ терпѣливъ, какъ онъ любитъ семью, какъ онъ преданъ своему господину, котораго въ одно и то же время и дурачить и боготворить, котораго бранить и хулить — и въ то же время радъ за него умереть. Безъ Санхо Панчо — образъ Донъ-Кихота былъ бы такъ же неполонъ, какъ небо безъ земли, какъ свѣтъ безъ тѣни, и какимъ мягкимъ, снисходительнымъ юморомъ озарилъ его гений поэта!

Мудрый испанецъ сумѣлъ благословить, полюбить, примирить оба эти крайніе полюса жизни, въ обоихъ нашель столько милаго, общечеловѣческаго, трогательнаго. Оттого его книга и безсмертна, какъ безсмертенъ человѣчeskій духъ.

Всѣ эти *пятьдесятъ двѣ книги* „Сборника Нивы“, которая послѣдовательно въ 52 недѣли принесетъ своему подписчику „Нива“ въ будущемъ 1917 году, представляютъ богатѣйшій матеріалъ для чтенія, — чтенія живого, современного, одинаково увлекающаго всѣхъ членовъ семьи — отца, мать, сына, дочь. Но есть въ нашей семьѣ еще одинъ читатель — дѣти. Эту широкую аудиторію до сихъ поръ еще не обслуживала „Нива“, посвятившая себя культурному воспитанію взрослого читателя. Теперь, когда „Нива“ за послѣдніи 25 лѣтъ въ значительной степени выполнила свою задачу, давъ русской семьѣ въ видѣ приложения бібліотеку почти всѣхъ выдающихся отечественныхъ писателей, близится пора и для этой трудной, отвѣтственной задачи.

Теперь особенно, — когда ребенокъ представленъ самому себѣ, когда отецъ на фронтѣ, мать бьется въ борьбѣ за существованіе... Теперь не до дѣтей, и потому теперь особенно нужна забота о дѣтяхъ, нужно занять ихъ, привлечь, заинтересовать. И, задавшись этой цѣлью, мы задумали дать въ будущемъ 1917 году

ежемѣсячное иллюстрированное приложение ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Сюда, на эти мирныя страницы, не проникнуть наши вышнѣшнія заботы и тяготы, здѣсь все будетъ весело, лучезарно и

безоблачно, здѣсь дѣти найдутъ и забавный стишокъ, и смѣшную картинку, и трогательную, поэтическую сказку.

За полвѣка своего существованія никогда „Нива“ не встрѣчала столько препятствій и трудностей для своей культурной работы, какъ теперь. Обслуживая широкія массы, всегда стараясь доставить имъ недоступныя культурныя блага доступными средствами, „Нива“ вотъ уже два года борется съ все растущей волной дороговизны. Всѣ мы знаемъ, какъ вздорожала жизнь, во сколько разъ. Но въ сравненіи съ предметами первой необходимости возросла стоимость духовной пищи, того, во что ее нужно воплотить: стоимость бумаги, краски, типографскихъ и иллюстраціонныхъ матеріаловъ вздорожала *втрое*, въ зависимости отъ качества матеріаловъ, даже еще въ ущербъ ему — за тройную цѣну приходится брать матеріалъ безъ возможности выбора, такъ какъ спросъ безпредѣленъ, а предложеніе весьма ограничено, — ограничено отсутствіемъ подвоза изъ-за границы и неподготовленностью отечественнаго производства, не справляющагося съ потребностью и уравнивающаго ее непомѣрно растущей высотой цѣны.

Подчиняясь этому непомѣрному росту цѣны, мы вынуждены для того, чтобы быть въ состояніи выполнить всѣ наши заданія на будущій годъ, повысить подписную цѣну на „Ниву“ 1917 года съ десяти до *четырнадцати рублей*.

Содержаніе 52 книгъ „Сборника Нивы“ на 1917 годъ будетъ приблизительно слѣдующее:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ М. Горькаго

(первая серія).

Макаръ Чудра. — О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ — любителѣ истины. — Емельянъ Пиляй. — Дѣдъ Архипъ и Ленка. — Челкашъ. — Старуха Изергиль. — Однажды осенью. — Ошибка. — Мой спутникъ. — Дѣло съ застѣжками. — Пѣсня о соколѣ. — На плоткахъ. — Болесь. — Тоска. — Коноваловъ. — Ханъ и его сынъ. — Выводъ. — Супруги Фроловы. — Бывшіе люди. — Озорникъ. — Варенька Олессова. — Товарищи. — Въ степи. — Мальва. — Ома Гордѣевъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ С. Я. Надсона.

С. Я. Надсонъ (критико-біографическій очеркъ). **СТИХОТВОРЕНІЯ** (1878—1886 г.). Дневникъ и сочиненія. Тетрадь первая (1875—1876 г.). Зима и весна. Лѣто. Осень и зима. Весна и лѣто. Осень. Зима. Тетрадь вторая (1877—1880 г.). Отдѣльныя замѣтки изъ черновыхъ тетрадей. Литературные очерки (1883—1886 г.). Изъ черновыхъ тетрадей. Неоконченныя наброски и варианты. Къ тихой пристани. Разсказъ. На зарѣ туманной юности. Разсказъ. Въ лучахъ свѣта (отрывокъ изъ романа „Юность Сергѣя Полискаго“). Блуждающій огонекъ. Повѣсть. *Partie de plaisir*. Очеркъ. Слезы. Изъ одного дневника. Идеалія. Изъ записокъ жильца маленькой комнаты. Терній. Очеркъ. Сказка о „звѣрзяхъ“. — Мина и контрилья. — Недога. Разсказъ. — На зарѣ туманной юности. Разсказъ. — Хорошіе люди. Повѣсть. — Письма.

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. Н. Мамина-Сибиряка, третья серія, большаго формата, въ 8-ую долю листа.

Золото, романъ. — Ноютурно: Дорогой другъ. — Ветрѣча. — Неотправленный гусьма. — Бездѣлушка. — Рокровые дни. — Дуришка. — Листвъ желтѣть. — Темная вода. — Риваль. — Тѣни боговъ. — Вкругъ ракитова куста: Стрекоза. — Между нами. — Черное слово. — Клятва Антона. — Отчаянный человѣкъ. — Рекомендательное письмо. — Голосъ крови. — Дверь добра и зла. — Повѣсти: Любовь. — Мать-мачеха. —

Не мама. — Падающія звѣзды, романъ. — Въ нѣкоторое время: „Третій пунчикъ“. — Сладкобжка и тетя. — Человѣкъ безъ спины. — „Адамовы головы“ и „Вице-Рой“. — Развязка. — Охотничьи разсказы: Комары. — Скверные четверть часа. — Блудливое мѣсто. — Медовыя рѣки: Въ одно мѣсто, къ одному человѣку, по одному дѣлу. — Бумажный тигръ. — Отраднo явленіе. — Перекати-поле. — Душевный глѣдь. — Сибирскіе старцы, кухарка Агаевъ и гражданинъ Рихтеръ. — Беззавѣтная любовь. — Влажные. — Божовая искра. — Божій огородъ. — Букетъ ландышей. — Васька заблудилъ. — Великій грѣшникъ. — Волчья пѣсня. — Въ раковинѣ. — Горная ночь. — Горой. — Ний. — Испытаніе. — Историческіе люди. — Ответа не будетъ. — Какъ у дружка. — Кусочекъ чернаго хлѣба. — Макарка. — Монетка. — Мумма. — На огонекъ. — Нинфа. — Одинъ изъ анекдотическихъ людей. — Отвѣта не будетъ. — Полонянка. — Бурный потокъ. (На улицѣ), романъ. — Осенніе листья: Кто хуже. — Гусь. — Ветрѣча. — Заповданная весна. — Счастливая мать. — Забытый альбомъ. — Осенніе листья. — Ученое горе. — Около господъ. — На чужой сторонѣ. — Въ услуженіи. — Именинникъ. — Не то. — Подъ липой. — Проѣзжій чортъ. — Нужно поощрять искусство, повѣсть. — Святочные разсказы: Огни. — Душа проснулась. — Въ девятomъ часу. — Рай красныя. — Отецъ на Новый годъ. — Страшные дни. — Последній эстетикъ. — Нѣчто о бабьей притчѣ. — Последнее искушеніе. — Бабій грѣхъ. — Старая дудка. — Последніе огоньки. — Легенды: Майя. — Баймаганъ. — Лебедь Хангайга. — Слезы царицы. — Сказаніе о Кучумѣ. — Въ дорогѣ: Худой человѣкъ. — Пароходный куонецъ. — Настоящій. — Воръ. — Могилки. — У Скорбящей. — Мастерница. — Голый баринъ. — Да, виновенъ. — Последній день. — Потаповщина. — Профессоръ Спирька. — Пустышка. — Ранній батюшка. — Самородокъ. — Сонъ въ зимнюю ночь. — Старая реформа. — Счастливая мысль. — Тетя Ната. — Трататонъ. — У святыхъ могилокъ. — Царь природы. — Чайный цвѣтокъ. — Читатель. — Шарлатанъ. — Штучка. — Юмья. — Я...я...я.

Остроумно-изобрѣтательный идальго ДОНЪ-КИХОТЪ Ламанскій, сочиненіе

Мигеля де-Сервантеса.

Полный переводъ съ испанскаго М. В. ВАТсонъ.

ЖИЗНЬ

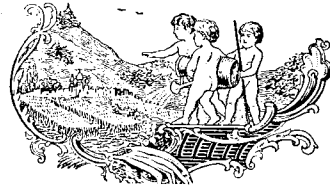
1916 г.

№ 47

Выданъ 19-го ноября 1916 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.

изданія

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарелль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 18.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ 1916 года ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

Настоящая война — война народная, военный заемъ также долженъ стать народнымъ дѣломъ, и каждый изъ насъ долженъ принять въ немъ участіе въ той мѣрѣ, въ какой можетъ.

Условія займа.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятся, начиная съ 1-го октября 1916 года, 5½% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ—1-го апрѣля и 1-го октября.

Уплата процентовъ навсегда освобождается отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Всѣ облигаціи будутъ погашены 1-го октября 1926 г.; до наступленія этого срока къ выкупу займа приступлено не будетъ.

Оплата срочныхъ купоновъ и погашенныхъ облигацій будетъ производиться въ Государственномъ Банкѣ, Казначействахъ и Сберегательныхъ Кассахъ.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ порядкамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Мѣста и время подписки.

Подписка начинается 1-го ноября и принимается:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,	} по 30 декабря
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ,	
въ Казначействахъ (постоянныхъ),	
въ городскихъ общественныхъ банкахъ,	
въ обществахъ взаимнаго кредита,	
въ тѣхъ городскихъ и земскихъ управахъ и нотаріальныхъ конторахъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,	с. г.
	включительно.
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,	} по 31 января 1917 г.
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и	
въ полевыхъ Казначействахъ	

Порядокъ подписки.

Выпускная цѣна назначается въ 95% номинальной стоимости, съ прибавленіемъ къ ней текущихъ процентовъ, считая съ 1-го октября 1916 г. Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Государственномъ Банкѣ, въ частныхъ коммерческихъ и городскихъ общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго кредита и учрежденіяхъ мелкаго кредита на сумму свыше 200 рублей,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы половина подписной номинальной суммы облигацій займа была оплачена въ самый день подписки, а другая половина не позднѣе 31 января 1917 г.

Льготы по подпискѣ и выдача ссуды.

Въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ, гдѣ введена ссудная операція, для подписки на новый заемъ могутъ быть открываемы въ предѣлахъ, не превышающихъ суммы взносов по подпискѣ, льготные кредиты по 1-е января 1918 года подъ залогъ облигацій всѣхъ государственныхъ займовъ, выпущенныхъ съ начала войны до сего времени.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ изъ льготнаго процента въ 5½% годовыхъ по срокъ 1-го января 1918 года. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 88% номинальной суммы.

Льготы по храненію облигацій.

Держатели облигацій могутъ передавать ихъ на бесплатное храненіе въ учрежденія Государственнаго Банка, Казначейства и Сберегательныхъ Кассы съ взносомъ лишь установленнаго гербоваго сбора. Лица, состоящія вкладчиками Сберегательныхъ Кассъ и вносящія, при покупкѣ въ этихъ кассахъ облигацій, стоимость ихъ на сберегательную книжку, не уплачиваютъ и гербоваго сбора.

ПОСЛѢДНІЕ 2 МѢСЯЦА.

1-го января 1917 г. прекратится запись заочныхъ учениковъ на 25-лѣтній Юбилейный Курсъ Двойной Итальянской Бухгалтеріи за плату вмѣсто 30 руб. за 10 руб. съ бесплатнымъ приложеніемъ

въ тисненіи золотомъ переплетѣ Коммерч. Энциклопедіи въ 4-хъ обшри. отдѣлахъ. (Курсъ Коммерч. арифметики, курсъ Стенографіи, курсъ частнаго повѣреннаго, курсъ банковаго счетоводства со всеми книгами и бланками по всемъ банков. отраслямъ). Эти 4 отдѣла стоятъ въ книж. магазинахъ каждый отдѣльно по 3 р. безъ переплетѣ. Учебникъ курсовъ допущены Министерствомъ Торговли и Промышл. по все коммерч. учебн. завед. отношеніемъ отъ 29-го мая 1913 г. за № 1786 и награждены почетными Крестомъ и Золотыми Медалями. Курсы существуютъ 25 лѣтъ. Заочное преподаваніе начнется въ день полученія платы за курсы и продлится до 1-го марта 1917 г. Никакого образовательн. ценза и документовъ не требуется.

Окончившимъ курсъ выдается аттестатъ бухгалтера. Запись на этотъ льготный заочный курсъ закроется 1-го января 1917 г. Полная гарантія за успѣхъ ученія. Никакой доплаты не потребуетъ.

Въ виду того, что въ настоящее время нѣбется масса свободныхъ вакансій, женщины съ успѣхомъ могли бы замѣнить мужчинъ бухгалтеровъ, изучивъ дв. шт. бухгалтерію на нашихъ заочныхъ курсахъ. Предлагаемыя условія дѣйствительны только до 1-го января 1917 г.

Просимъ не смѣшивать съ другими недавно открытыми курсами такого же названія, сохранивъ нашъ адресъ: г. Полтава, Бухгалтерскіе Курсы „Коммерческое Образованіе“, Крестовоздвиж. № 11-Ш.

Съ совершеннымъ почтеніемъ Завабующій курсами: С. Г. ВОЛЧЕНОКЪ.

ЗАГОВОРЪ КАТИЛИНЫ

Салюстія (Bellum Catillinae). Полный переводъ съ подробнымъ словаремъ и комментаріями: составленъ по Манштейну и Adam Eusner'у. Цѣна 1 р. 35 к. съ пересылкой. Полтава, Г. ВУЛИХУ.

БОГАТСТВА ДЕРЕВНИ.

Подъ такимъ названіемъ издательство Д. М. Куманова въ Москвѣ выпускаетъ большое четырехтомное изданіе, къ составленію котораго привлекло выдающіяся научныя силы.

Цѣль изданія — прійти на помощь практическими совѣтами какъ всякому сельскому хозяину, владѣющему хотя бы небольшимъ клочкомъ земли и желающему улучшить дѣло, расширить его и поднять доходность, такъ и вообще каждому, кто интересуется сельскимъ хозяйствомъ и хочетъ купить участокъ земли или имѣть огородъ, садъ, скотъ, куры и проч.

Деревня—источникъ великихъ неисчерпаемыхъ богатствъ. Нужно только поставить хозяйство такъ, чтобы оно, по возможности, все само производило для себя. Не только хлѣбъ, овощи, фрукты, но и свѣчи, мыло, сахаръ и мн. др. Даже маленькое деревенское хозяйство можетъ приносить большой доходъ, если поставить его умно. Деньги, вложенныя въ сельское хозяйство, даютъ громадную прибыль. Нужно помнить, что, если коммерческій банкъ даетъ 4 или 5 процентовъ на капиталъ, то „дурный банкъ“ даетъ 200%, а „свиной банкъ“ даже 400%! Въ четыре тома изданія „Богатства Деревни“ будутъ содержаться преимущественно практическіе совѣты и указывать только такіе способы сельскихъ улучшеній и производствъ, которые можно осуществить либо безъ особыхъ затратъ, либо съ ничтожными затратами.

Изданіе „Богатства Деревни“ одинаково интересно какъ помѣщикамъ, такъ и духовенству, крестьянамъ и вообще всемъ сельскимъ обывателямъ.

Изданіе предложено закончить въ теченіе первой половины 1917 года.

Подписка открыта съ 1-го ноября. До выхода 1-го тома (о выходѣ будетъ своевременно объявлено) подписная цѣна—12 руб. 50 к. за всѣ 4 тома, послѣ выхода 1-го тома—16 руб. Желающіе получить каждый томъ въ заочной бандероли, благоволятъ добавитъ еще 40 к., въ переплетѣхъ — еще 4 руб. Разсрочка не допускается. Подписаться рекомендуется теперь же, что гарантируетъ точное и аккуратное полученіе книгъ.

Деньги адресовать: Москва, Б. Гнѣздининскій, 10, издательству Д. М. Куманова, отд. 23.

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ПОДМЕТКИ ревиновыя дешевле кожаныхъ, такъ какъ труднѣе изнашиваются, придаютъ поступи легкость, почему не утомляютъ ногу, непромокаемы, предохраняя отъ сырости, бронхита и насморковъ. Паря мужскихъ съ пересылкой—2 р. 85 к., женскихъ—2 р. 15 к. Подшиваются или прибиваются любой сапожникомъ. Наложены по высылкѣ. Полтава, ул. Гоголя, № 13, Г. ВУЛИХУ.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТѢ АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА „ВИКТОРІЯ“

стоитъ 200 руб. ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, въ 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары. Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Болѣе 500 благодарственныхъ писемъ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ впацій не требуется. Расстояние не служитъ препятствіемъ. Требуемъ нашъ бесплатный проспектъ.

Оск. въ 1905 году

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о. ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.

НА БЕЗМЯСНЫЕ ДНИ!!!

Весьма питательно и вкусно КОМПОТЪ СМѢСЬ изъ сушеныхъ туркестанскихъ фруктовъ (абрикосы, персики, урюкъ, бухарская вишня и слива, яблоки, груши и др.) Цѣна: за 12 фунт. пошт. посылку 6 р. 90 к. БАКАЛЕЯ изъ сладкихъ фруктовъ въ чайю, за 12 ф. посылку 12 руб. 50 коп. пересылка по почтѣ за мой счетъ. На каждую посылку заготовъ 2 руб. можно пошт. марками. Остальное налогъ платежъ. Адр: В. Я. Матуловичъ, Ташкентъ.

Для гг. регентовъ! Къ современнымъ событіямъ ПОСЛѢДОВАНИЕ МОЛЕБНАГО ПѢНІЯ

Къ Г-ду Богу пѣваемаго во время брани противъ супостатовъ, находящихъ силу на ны.

Соч. П. ЧЕСНОВА, Оп. 46, для свѣш. хора. Царг. 1 руб. Нов. каталогъ духовно-муз. сочиненій бесплатно.

П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

ВЪЛЪЕ ТЕПЛОЕ

Японское по Егору. При выпискѣ не менѣ десяти дюжинъ паръ (рубаха и кальсоны) цѣна за пару 7 руб. Одна пара 10 руб. Безъ задатка не высылку. Пересылка на счетъ покупателя. ЧУЛКИ и НОСКИ бумажные и вѣтвенные выс. Прейсъ-куррантъ по требованію. Полтава, Г. ВУЛИХУ.

Открыта подписка на 1917 г. на

„Охотничій Вѣстникъ“

XVII-й г. изд. Журналъ природы, охоты и рыболовнаго спорта. Подписная цѣна на 1 годъ 7 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., остальные къ 1-му мая. Москва, Б. Кисельный пер., д. Франкя. Магазины: Т-ва „Охотн. Вѣстн.“ (Москва, Театр. пр., д. Метрополь), предлагаютъ большой выборъ оружія, охотн. принадл. и рыбн. ловли.

Advertisement for watches and chronometers. Includes an image of a pocket watch and the text: Августъ Эриксонъ ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ. Петроградъ, Невскій пр., № 13.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА и САМОУЧИТЕЛИ. 1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первый классъ... 2) Самоучители языковъ: франц.—85 к., англ.—1 р. 50 к., латинск.—1 р. 45 к., итал.—1 р. 25 к., нѣмецк.—95 к., польскаго—1 р. 20 к., исперанго—1 р. 3) Бухгалтерія для всѣхъ—руководство къ самоподготовкѣ къ бухгалтеру—1 р. 55 к. 4) Шофферы и мотоциклисты—руководство для самоподготовки на шофера или для желающихъ поступитъ въ автомоб. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и произв.: Полный курсъ мыловаренія—1 р. 50 к. Изготовленіе всяк. рода чернилъ—1 р. 25 к. Изготовленіе безалкогольныхъ винъ и напитков—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производствъ—2 р. 25 к. Чехмоданное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 30 к. Изготовл. лаковъ и красокъ—1 р. 55 к. Какъ шить и чинить самому обувь—1 р. 20 к. 6) Книга для конторщи и приказч.—65 к., 7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., кино-механика и съемка—6 р. 95 к. Треб. адр.: Москва, Б. Гнѣздинъ Д. Куманова.

ЭФЕДРА ТРАВА КУЗМИЧА БОРОВАЯ МАЙСКІЯ. Сборъ сего 1916 г. въ цѣлу съ корнями 1-й сортъ—5 р., 2-й сортъ—3 р., 3-й сортъ—2 р. за фунтъ, высыл. почтой. Руководство и статьи безплат. требуютъ: амп. СОРОЧИНСКОЕ, Самарск. ф. СКЛАДЪ ЭФЕДРЫ № 1-й. И. И. ЖУКОВУ.

Канторскую скоропись, рондо, готикъ обучатъ заочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляемъ дурной почеркъ. За 5 десятка. марокъ высылка образцовъ шрифтовъ, почерки учениковъ условія. Одесса. Проф. Каллиграфія Адольфъ Носсодо. Дерибасовская, д. № 19.

Advertisement for a photography studio. Includes a circular logo with a star and the text: РУССКАЯ ФОТОГРАФИЧ. ТОВАРИЩЕСТВО ЛЮМО МОСКВА. МЯСНИЦКАЯ 14-4-39. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

НАСТОЯЩІЯ ПОЧТОВЫЯ МАРКИ 300 шт. только 1 р. 25 к., 500 шт. только 3 р., 1000 шт. только 9 р., 2000 шт. только 30 р., 100 Англ. колоній 1 р. 25 к., 50 франц. колоній 1 р., 100 франц. колоній 2 р., 300 франц. кол. 6 р., 50 Бельгій 1 р., 50 Даниі 1 р., 30 Норвегій 1 р., 50 Швеці 1 р., 20 Персіи — 50 к., 50 Персіи 1 р. 50 к., 100 земскихъ марокъ 9 р. За пере. особо. Всѣ марки НАСТОЯЩІЯ и РАЗЛИЧНЫ. Пробный номеръ журнала „Филателия“ 30 к. Каталогъ „YVERT-TELLIER“ 4 руб. МАГАЗИНЪ МАРОКЪ ЭВАЛЬДЪ ЭЙХЕНТАЛЬ, Петроградъ, Невскій, 40.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Как живется Германія. «Ничто так не выразительно, как фактъ, и нѣтъ лучшаго способа убѣдить, какъ привести цитату. Предо мной лежитъ кипа вырѣзокъ изъ вѣмецкихъ газетъ, собранныхъ на протяженіи недѣли. Тутъ есть сообщенія и о большихъ фактахъ и о малыхъ. Больше о малыхъ. Ни въ какую систему приводить эти вырѣзки не надо. Онѣ выразительны сами по себѣ. Мнѣ не хочется портить ихъ никакими комментаріями. Пусть каждый прочтаетъ и сдѣлаетъ свое собственное заключеніе».

Эти слова предпослалъ своему интересному собранію вырѣзокъ изъ нѣмецкихъ газетъ извѣстный публицистъ, профессоръ международного права А. А. Пиленко, помѣстивъ ихъ въ «Новомъ Времени». Заимствуемъ изъ нихъ нѣсколько наиболее характерныхъ:

Вѣсъ тѣла и война. Многие врачи сообщаютъ, что къ нимъ приходятъ пациенты, жалующіеся на большое уменьшеніе вѣса. Въ остальномъ эти пациенты чувствуютъ себя достаточно хорошо; ихъ умственная и физическая работоспособность, повидимому, не уменьшилась. Но уменьшеніе вѣса доходитъ, въ среднемъ, до 6—8 килограммовъ. Это происходитъ оттого, что мы получаемъ теперь значительно меньшее количество бѣлковъ и жировъ. Вслѣдствіе этого запасы жира, имѣющіеся въ каждомъ человѣческомъ организмѣ, истощаются. Послѣ уменьшенія вѣса наступаетъ нѣкоторое состояніе равновѣсія. Когда весь запасъ жира поглощенъ, начинается процессъ растворенія бѣлковъ, имѣющихся въ самомъ организмѣ. Этого нужно, во что бы то ни стало, избѣгать. Такъ какъ извѣстно, что жиръ поглощается преимущественно во время сильныхъ тѣлесныхъ движеній, то было бы желательно на время войны приостановить всѣ тѣ сильныя движенія, которыя не являются безусловно необходимыми. Это въ особенности относится къ спорту.

Письмо въ редакцію. Къ курезамъ, созданнымъ войной, относятся теперешнія кофейни. Въ нихъ нѣтъ ни молока, ни сахара, ни кофе. Это не удивительно, такъ какъ намъ приходится отказывать себѣ и въ болѣе серьезныхъ вещахъ. Чего нѣтъ, того въ кафѣ не могутъ подать. Но вотъ что меня удивляетъ. Вы водите въ великолѣпное кафѣ и заказываете чашку кофе. Вамъ приносятъ черную жидкость. «Молока?» — «Нѣтъ». — «Сахара?» — «Запрещено. — «Сахаринъ?» — «Весь вышелъ». Проглатываете черную жидкость, — кофе въ ней, конечно, нѣтъ и признаковъ. Но вы платите за все то, чего вамъ не дали, да притомъ дороже, чѣмъ прежде.

Чѣмъ кормятъ нашихъ домашнихъ животныхъ? Питаніе домашнихъ животныхъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Многие берлинцы обзавелись, напримѣръ, кроликами, такъ какъ имъ было указано, что кроличье мясо очень вкусно. Говорили также, что кролики питаются кухонными отбросами. Но когда вы помѣстите у себя кролика, то вы тотчасъ же увидите, что ему нужно, кромѣ отбросовъ, еще что-то другое. Ибо, оставаясь на однихъ отбросахъ, онъ помираетъ, не ожидая ножа. Къ тому же всѣхъ отбросовъ цѣлой семьи едва хватаетъ на одного кролика. Приходится по воскресеньямъ ѣздить за городъ и привозить что-нибудь добавочное. Именно этимъ и объясняются тѣ фигуры берлинскихъ женщинъ, съ травой подъ мышкой, которыхъ теперь приходится встрѣчать на улицахъ. Совсѣмъ плохо обстоитъ дѣло съ собаками и кошками. Иногда приходится наблюдать, какъ цѣлый домъ обедняется въ усиліяхъ поддержать жизнь одной кошки или собаки.

Какъ бы ни были намъ дороги собаки и кошки, но необходимо поступать съ ними человѣчно. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда пищи явно не хватаетъ, слѣдуетъ, не выжидая дальнѣйшаго, немедленно убивать животное. Общество покровительства животнымъ устраиваетъ это безъ боли и очень быстро. Придется привыкнуть къ жертвамъ войны и въ этой области.

Въ заключеніи А. А. Пиленко сообщается, что въ изданіи евангелической книжной торговли Трюмплера въ Гамбургѣ появилась серия военныхъ проповѣдей, подъ заглавіемъ «Врагъ, котораго пощадилъ». Первая изъ проповѣдей написана на текстъ пятнадцатой главы первой книги пророка Самуила. Саулъ пощадилъ короля Амалектитягъ Агава, не исполнивъ повелѣнія Бога: «Разбей Амалектитягъ и изгони ихъ со всѣмъ, что они имѣютъ; не щади ихъ, но убивай мужчинъ и женщинъ, дѣтей и сосуновъ, быковъ и овецъ, верблюдовъ и ословъ». Соответственно этому тексту проповѣдь приходитъ къ тому выводу, что Священное Писаніе предписываетъ Германіи «не оказывать врагамъ никакой пощады, потому что теперешняя война — Божій судъ, имѣющій свершиться надъ нашими непріятелями». Проповѣдь отстаиваетъ безпощадное примѣненіе подводныхъ лодокъ въ войнѣ противъ Англіи.

Рѣшаетъ все тяжелая артиллерія. По поводу артиллерійской побѣды французозъ на Соммѣ указывается въ печати, что тяжелая артиллерія всюду, на всѣхъ фронтахъ, играетъ роль единственно-неодолимаго тарана, и тамъ, гдѣ перевѣсъ въ этой артиллеріи больше, отступленіе непріятеля неизбежно. Нѣмцы вопіютъ откровенно это признаютъ, объясняя свой медленный отходъ на Соммѣ, чудовищной силой англо-французскихъ орудій. Какъ не отступать, если англичане на фронтѣ въ 40 верстъ успѣли поставить четыре тысячи 16-дюймовыхъ пушекъ? Вѣдь это означаетъ на каждыя 5 сажень по гигантской пушкѣ, выстрѣлъ изъ которой сметаетъ всѣ препятствія, включая холмы и скалы. Испанскій ударъ четырехъ тысячъ такихъ тарановъ заставляеть нѣмцевъ отодвигаться назадъ, — соответственно этому продвигается впередъ и таранящая ихъ союзная артиллерія. Противиться оргіанному натиску чудовищъ, изрыгающихъ глыбы металла, не въ состояніи даже нѣмецкія крушцовскія пушки. Нѣмецкая артиллерія сознаетъ свое неравенство съ англо-французской и, истощивая всѣ силы сопротивленія, медленно отступаетъ съ захваченной территоріи. Последняя, превращенная въ развалины, становится временно ничьей, — до такой степени много усилій требуется для того, чтобы возстановить самую почву, презращенную въ прахъ.

Равенство въ Англіи предъ лицомъ смерти. Лондонскія газеты сообщаютъ, что убитый на французскомъ фронтѣ 15-го сентября Раймондъ Асквитъ, старшій сынъ великобританскаго премьера, былъ въ чинѣ лейтенанта гвардейскихъ гренадеръ и имѣлъ 37 лѣтъ отъ роду. До начала текущей войны онъ былъ однимъ изъ наиболее блестящихъ и краснорѣчивыхъ адвокатовъ и ораторовъ въ Англіи.

Недавно газеты сообщали о славной смерти на полѣ боя капитана Дикенса — внука безсмертнаго англійскаго писателя. Кромѣ этихъ погибшихъ на полѣ чести воиновъ, въ послѣднихъ бояхъ погубилъ много представителей аристократическихъ родовъ Англіи. Большое количество сыновей лордовъ ранено въ бояхъ.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. «Вишневый садъ»... Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ. Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (8) Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ пер., 18/2.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ. Популярнаго руководства, заслужившаго массу благодарностей: 1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—75 к. 2) Изгот. аккумуляторовъ—60 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—45 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаций—75 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—80 к. 6) Гальвано-пластика, никелир., золоч. и пр.—1 р. 40 к. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 ватт—1 р. 70 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., рѣостат. и пр.—1 руб. Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—20 к., до 3 р.—25 к. и т. д. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ. — Всѣ 8 руковод. высыл. за 7 р. 60 к.; съ налож. плат.—7 р. 75 к. Проспекты и отъѣмы высылаются бесплатно. 487. Адр.: Техн. Ш. А. БОГОЛѢНОВУ, Москва, Бол. Козьминскій пер., д. 4—85. 8-1

„Умъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь поведѣній Твоихъ...“ (Пс. 118). Кто эти святые слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекція профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“ — все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нужно поспѣшить заняться саморазвитіемъ, какъ, явное, чтобы скорѣе вымѣстить изъ строя нормальцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣтелей! 434 8-1

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года. Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соответственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на пергаментной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣлую научную бібліотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый отдѣлъ или факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Биологическихъ наукъ“ 18 р., „Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ“ 18 р.; факульт.: Истор.-Филологическій 14 р., Медицинскій 13 р., Юридическій 12 р., Биологическій 11 р. и Богословскій 9 р. Выписывающіе чрезъ издателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, за пересылку не платятъ. Возвратившіе съ полъ брани нашимъ запискамъ и лицамъ, послужившимъ имъ, а также учащимъ и учащимся временная льготы. Каталогъ съ образцами лекцій и отъѣмами печатн. я. высылаемъ надателемъ бесплатно. Продажа изданій въ всѣхъ книжноторговлѣхъ.

Покупаю значки сборовъ, плакаты и все, напечат. въ связи съ войной. Предъ. сообщать описаніе и цѣну. С.А. Николаевка, д/В. Астр. г., Царевск. у., домъ Калинина, Г. Назарову.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоустроить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремяно, церковно-приходскому Попечительству, или Священнику Александру Смирнову. 8-1

ПИСАТЬ (8) красиво и скоро будете, напишеть „Механическую пропись“. Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ п., 18/2.

При ГОНОРРЕѢ въ острой и хронической формѣ „ДІАЛЕРИНЪ“ послѣдствіяхъ ея примѣняется Д-ра мед. Го. оховской. Для внутреннего употребл. Тіелеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. 2 р. 25 к., короб. капсулъ 2 р. 85 к. Двойного 4 р. Адресъ: Дру Горьковской, Москва, Давь пер., 1/28, кв. 3, отд. 80. Отпускъ. възъ аптекъ по рецепт. врачей.

ПРИ ИСТОЩЕНИИ И ОСЛАБЛЕНИИ ОРГАНИЗМА, какъ питательное и укрѣпляющее средство, рекомендуется препаратъ „**РОБОСТО**“ доктора **МАНКЕНЪ.** Вслѣдствіе содержанія въ „Робосто“ значительнаго количества бѣлковыхъ веществъ, а также и препарата составленнаго изъ элементовъ крови (Гемогалол), препаратъ „Робосто“ вполнѣ заслуживаетъ видное мѣсто между питательными средствами **для УКРѢПЛЕНІЯ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.** Каждому, сообщившему свой точный адресъ, имя, отчество и фамилию, **ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО** проба препарата „Робосто“ и рецептъ его. Письма адресовать: **В. А. МАНКЕНЪ. Москва, Фуркасовскій пер., домъ Кононовой. Отд. 7. С.**

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готикъ, огаарды и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для ис-правл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна въ полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со спра-вочн. словаремъ всѣхъ словъ, затру-дяющ. пишуц., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются по-Адр.: Книговзд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

мощью 121 упражн. и систематическа-го ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 2 рубля
СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 страниц. Цѣна (11) 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр. формн. прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.
 При посылк. налог. плат. на 25 к. дорожн.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источни-камъ и содержитъ въ себѣ множество удиви-тельныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жар-кое лѣтнее время. Заставить свѣтъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобъ въ полчаса. Разрывать нитку стекла. Получить облако въ комнатѣ. Взявъ голыми руками раз-каленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти за-мѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный пруть въ свѣчу. Зажечь сухія дрова водой—и множе-ство другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фоку-совъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Но-вѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цѣна съ пересылкой налог. платеж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съѣз-жинская ул., № 40, въ редакцію журнала „Отдѣлки Жизни“.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ ле-чать Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ много-численныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, по-этому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлитель-ныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ья ПЕТРО-ГРАДЪ.
 Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Вы предохраните себя
 отъ охриплости, насморка, простуды
 ЕСЛИ БУДЕТЕ УПОТРЕБЛЯТЬ
АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ
PASTILLES VALDA
 (Лепешки Вальда)
 НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
Требуйте, просите
 во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НАСТОЯЩІЯ
PASTILLES VALDA
 (Лепешки Вальда)
 въ коробкахъ съ красной бандеролью,
 снабженныхъ именемъ
VALDA
 Цѣна 1 рубль.
 (H. Canonne, Paris).

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣча „Проктоль-Пеля“, но-вѣйшее и наилучшее, испы-танное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанав-ливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣ-ченіи, совершенно устраи-ваетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерч. образов. Заочные курсы по са-мой обширной программѣ. **СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ.** Дѣнная премія. Разсрочка. Просв. безпл. Петроградъ, В. О., Бол. пр., № 22. „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“. Р.

НА ГИТАРЪ

въ мѣск. дней безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть аріи роман-сы, танцы и пьесы. Подл. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пьесъ на три руб. Москва, ред. журн. „Соколь“, Печатииковъ пер., 18/2.

!!ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ!!

ДАЙТЕ ДѢТЯМЪ ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВУ.

За 3 р. 50 к. выслать, почтов. налог. плат. для вырѣзки и склеиванія: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигуръ) или 2) Аэро-гидропланъ, санитар. повозка, броня. автомобиль, крейсеръ, крейсера, пароходъ, пушка, миноносекъ, санитар. автомоб. и вагонъ, нов. живня народ., птицы, звѣри и животныя.
 Контора „ЗАНЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Пятинск., Петроградъ, гвб., Богучарская ул., 57.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подиски и **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообра-зованія“, Б. Ружейная, 7—55.

ЖЖВД

№ 47. Выходитъ ежеднѣ (52 № въ годѣ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кп. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдаеь 19 ноября 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 г.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Правительство и Государственная Дума. (Вопросы внутренней жизни). — В. Муйжеля. (Продолженіе). — Пока. Стихотвореніе Лиди Лѣсной. — На Марнѣ. Разсказъ В. Ропшина. — Послѣдній паренъ. Разсказъ Ю. Волина. — На войнѣ. Разсказъ Петръ Бойовичъ, пресмникъ поеволы Нутика. — Плакатъ французскаго 2-го займа національной обороны. — Рисунокъ нашего корреспондента на французскомъ фронтѣ А. Зиновьева (3 рис.). — На развѣдѣхъ. Скульптура Д. Малашкина. — Передъ атакой. Портретъ работы В. И. Звѣрева. — Иллюстраціи И. А. Владимірова къ разсказу В. Муйжеля „На войнѣ“. — На британскомъ фронтѣ на Соммѣ. Могоциклясть съ почтовыми голубями. — Крылатые вѣстники на службѣ во французской арміи. — „Какъ тамъ у васъ?“ Картина Ж. Симона.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 18.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Паденіе Монастыря.

Приблизительно черезъ годъ послѣ высадки первого французскаго десанта въ Салоникахъ обозначилось первое крупное наступленіе арміи Саррайля на македонскомъ фронтѣ. Болгарскія войска, сосредоточившіяся главнымъ образомъ въ Добруджѣ, не были, повидимому, подготовлены своевременно къ этому энергичному наступленію союзниковъ и въ рядѣ боевъ теряли позицію за позиціей.

Въ болгарской печати еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ появилось рядъ статей, въ которыхъ доказывалось, что наступленіе арміи Саррайля, обозначившееся приблизительно около того времени, не можетъ быть „серьезнымъ“. Особенно показательна была для настроенія и увѣренности болгаръ статья, появившаяся въ болгарской газетѣ „Балканская Почта“. Статья эта, судя по языку, была написана несомнѣнно специалистомъ. Въ ней доказывалось, что армія Саррайля не только не можетъ помышлять о серьезномъ наступленіи, но не можетъ даже обороняться съ достаточной увѣренностью. По заявленію газеты, для салонискаго фронта въ 300 километровъ необходимо до 35 дивизій или до 500 тысячъ войскъ, между тѣмъ какъ болгарская газета нечелюла силу арміи Саррайля не болѣе, какъ етъ 200 тысячъ. Этотъ совершенно необоснованный расчетъ и давалъ возможность неизвѣстному болгарскому автору прийти къ столь скороспѣлому выводу, какъ тотъ, что „армія Саррайля не можетъ произвести серьезнаго наступленія на македонскомъ фронтѣ“.

Однако вскорѣ болгары могли убѣдиться, насколько неправильны были все эти успокоительные расчеты болгарской печати. Уже въ концѣ августа болгары были сбиты у озера Острова, при чемъ сербы овладѣли важнѣйшей и сильнѣйшей болгарской позиціей на линіи пограничныхъ переваловъ Ветреникъ и Каймакчаланъ. Затѣмъ, послѣ короткаго перерыва, сербскія и союзныя войска овладѣли слѣдующей оборонительной линіей болгаръ, находившейся, приблизительно, на фронтѣ Флорина—Банница—Горничево. Еще далѣе, черезъ нѣсколько дней, болгарскія войска, уже усиленные германскими подкрѣпленіями, были опять прорваны и сбиты съ третьей укрѣпленной оборонительной линіи, находившейся на рѣкѣ Бродъ. Наконецъ, въ концѣ сентября, болгары были сбиты и со слѣдующей оборонительной линіи, при чемъ союзники приблизились къ Монастырю уже вереть на 10—12. Предстояла такимъ образомъ уже борьба непосредственно за позиціи у города Монастыря.

Во всѣхъ этихъ бояхъ весьма показательнымъ было то обстоятельство, что ни одна болгарская контръ-атака, число которыхъ было весьма значительно, не имѣла успѣха. Это служило, естественно, показателемъ слабости болгарской арміи Бояджева, оперировавшей на македонскомъ фронтѣ, и, со-

Покровители Франціи (Les patrons de la France).
Картина-образъ, подаренная написавшимъ ее академикомъ Э. Липгард-томъ католической церкви Notre Dame de France въ Петроградѣ.
(«Осенняя выставка Товарищества художниковъ»).

ответственно этому, признаком явного превосходства сербских и франко-русских войск.

Действительность оказывалась прямо противоположной расчетам болгарской печати, в чем, по существу, нет ничего удивительного, так как эти расчеты были крайне односторонни. На самом деле длина салоникского фронта была не 300 километров, а если выкинуть некоторые непроходимые районы, как районы озер Дойрана и Тахино и район труднодоступного горного хребта Белешь, то длина салоникского фронта в то время колебалась, приблизительно, между 150 и 200 верст. Это уже дает длину фронта вдвое меньшую, чем те 300 километров, которые фигурировали в вычислениях болгар, и соответственно этому, если даже исходить из болгарских расчетов (дивизия на каждые 10 километров), то нужно было не 35 дивизий, как указывали болгары, а 15—20 дивизий, т. е. грубо-приблизительно 250—300 тысяч войск.

Правда, болгарские газеты не считали, что в армии Сарраля имеется лишь 200 тысяч войск, что и при новом расчете должно было считаться недостаточным. Однако, если считать, что армия Сарраля должна была иметь для операций на салоникском фронте 250—300 тысяч войск, то такое же количество войск, очевидно, должна была иметь и болгарская армия Бояджева, так как и ей приходилось оборонять такой же длины фронт — в 150—200 километров. Между тем, несомненно, силы болгаро-германских войск в первое время должны были быть меньше, так как в этот период шла наступательная операция Макензена в Добруджу, привлекавшая туда главную массу балканских войск противника.

Наконец можно упомянуть, что, так как армия Сарраля перешла в наступление, то тот „недостаток войск для обороны длинного салоникского фронта“, на который напирала болгарская печать, должен был сказаться на болгарских войсках, как на обороняющейся стороне. Как известно, при обороне на длинных фронтах наступление является лучшим решением вопроса, ибо ставить в невыгодное положение противника, вынуждаемого этим наступлением поддерживать различные атакованные части своих линий, что даже при хороших путях сообщения невозможно выполнить своевременно.

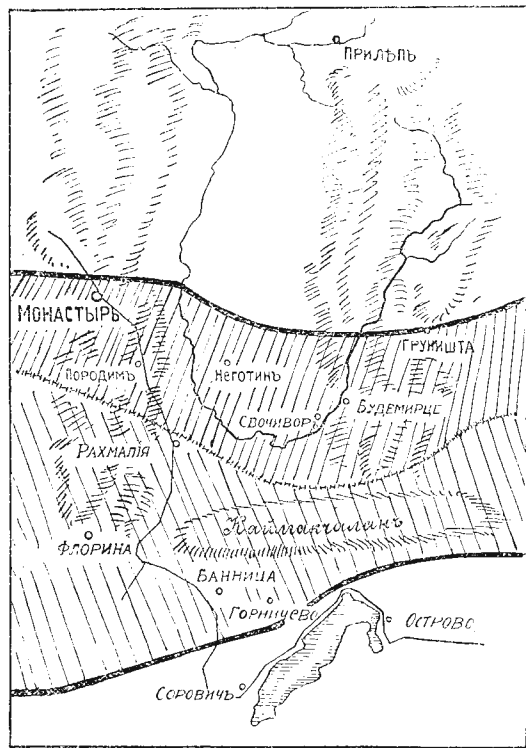
Переходя к самой наступательной операции сербских и союзных войск на македонском фронте, отметим, что условия местности предопределяли, что наступление будет вестись не по всему длинному фронту, а только на обоих флангах. Эти условия местности, понятны даже и при взгляде на самую элементарную карту, характеризовались тем, что против центра салоникского фронта находился крайне труднодоступный хребет Белешь или Власица Планина. Кроме того, здесь находилось озеро Дойран, а от хребта Белешь шли впадины и впадины его отроги, также труднодоступные. В силу этого, в центре салоникского фронта, вдобавок сильно укрепленном, ожидать активных операций нельзя было. Он должен был оставаться неподвижным, а на обоих флангах, левом и правом, войска обеих сторон должны были встретиться в имевших там относительно доступных, как бы „открытых“ районах — „отверстиях“.

При таких условиях действительно наступление армий Сарраля началось с удара войск союзников, скончившихся на левом фланге, в направлении на Монастырь. На правом же фланге английские войска, в свою очередь, стали наступать в направлении на Серес. Как можно было ранее предположить и как можно теперь уже вполне определенно усмотреть, наступление англичан на Серес имело демонстративный характер, целью его было, очевидно, „сковать“ находившиеся здесь войска противника, чтобы они не могли поддержать находившуюся на другом фланге, за 200 с лишним верст, Монастырскую группу германо-болгар, против которых велась главная атака.

Англичане в своем наступлении, хотя и демонстративном, также имели успех и овладели течением реки Струмы и рядом деревень на путях к Сересу, при чем к моменту падения Монастыря линия английского фронта охватывала район Сереса с двух сторон: с запада (со стороны реки Струмы) и с юга (со стороны деревни Какару, на восточном берегу озера Тахино).

Одновременно обозначилось весьма серьезное наступление сербских войск на Монастырь, давнее, как мы указывали выше, по истечении короткого времени занятое четырех последовательных линий болгар, что было связано с занятием укрепленной территории на 35 верст в глубину. К этому моменту операция Макензена в Добруджу сразу приостановилась, и очевидно, германо-болгарский штаб, невзирая на уверенность болгарской печати, стал испытывать беспокойство по поводу ухудшающегося положения на македонском фронте.

Когда же на левом крыле сербов появились франко-русские войска, ускорившие фронт сербского наступления и охватывавшие германо-болгарские позиции, то, вероятно, болгарская поддержка потекла из Добруджи на македонский фронт, так как Макензен стал довольно неожиданно после своего успеха вдруг отходить в Добруджу. Однако переброска войск с фронта Добруджи на македонский, т. е. на расстояние около 600—700 верст, притом всего лишь по двум железным

Карта сербско-русско-французского фронта.

дорогам, не могла быть произведена быстро. Еще можно добавить, что эти дороги, проходившие через горные районы, отличались малой провозоспособностью, не более 7—8 повозков в сутки, так что для посадки одного корпуса нужно было до 10 дней, не считая времени перебега. Наконец, часть пути по Добруджу надлежало пройти иными порядком, что также удлиняло время передвижения.

Таким образом противнику за несколько дней до взятия Монастыря удалось подвезти к Монастырскому району лишь 1½—2 германские дивизии генерала фон-Белова. Последний принял на себя руководство обороной Монастыря, но, невзирая на крайние усилия и на непрерывные контр-атаки, во главе которых иногда становился самодельный германский генерал фон-Белов, противнику спасти положение не удалось.

Монастырь расположен в так называемой Монастырской долине, начало которой можно считать от Флорины. Долина эта, идя от Флорины к Монастырю, протягивается далее на север, до района Прильпа.

Монастырская долина представляет собою как бы „коридор“ в 15—18 верст шириною между двумя горными районами, расположенными вправо и влево от долины. Германо-болгарские укрепленные линии чередовались попереки эту долину, опираясь флангами в упомянутые выше горные районы. Кроме того, и на этих горных районах также находились позиции противника, при чем наиболее серьезные были в горном районе вправо от Монастырской долины, на обоих берегах реки Црны.

Неносредственная атака сербскими и союзными войсками Монастыря велась таким образом, что союзники наступали в трех группах. Неносредственно по долине — в центр наступали франко-сербские войска. Влево от них, — на левом крыле, — наступали, обходя правое крыло противника, франко-русские войска. На правом же крыле продвигались сербские войска, обходя левое крыло противника в горном районе вправо от Монастыря.

Этот обход сербов, наступавших в горном районе вправо от Монастырской долины, в направлении на Прильп, угрожал пути отступления противника от Монастыря к Прильпу. В силу этого, обходя левым крылом противника через Грушишту в направлении на Прильп, и рвали часть Монастыря.

В ночь с 5-го на 6-е ноября в Монастырь скончались значительные силы германо-болгарских войск, безысходно и поспешно отходившие в течение всей ночи к северу, преследуемые союзными войсками. Очевидно, германо-болгарские войска торопились уйти как можно скорее из охватывающего кольца союзников, дабы избежать решительной катастрофы.

При таких условиях сербские войска 6-го ноября утром, совместно с франко-русскими войсками, вступили в Монастырь. Велась затем в этот первый крупный город вновь отвоеванной части Сербии въехать королевич Александр.

Войска же продолжали безостановочное преследование отступавшей в полном беспорядке германо-болгарской армии Бояджева и фон-Белова.

Правительство и Государственная Дума.

(Вопросы внутренней жизни).

Длительные перерывы в работах Гос. Думы почти каждый раз дают время скопиться большим запасам недовольства и раздражения, находящимся довольно бурный тыходъ въ пер-выхъ же засѣданіяхъ законодательныхъ палатъ.

между Думой и правительствомъ назрѣвалъ обычный конфликтъ. Когда онъ достигъ уже наибольшей остроты, въ министерской ложѣ появились два члена кабинета, имѣю-щія наименьшее касательство къ вопросамъ политики: — воен-ный и морской министры одинъ за другимъ поднялись на ка-ведру. Въ ясныхъ и точныхъ словахъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было риторическихъ украшеній, они подсчитали поспѣш-но грандіозную работу военного вѣдомства на морѣ и на сушѣ, от-мѣтили въ длинномъ рядѣ безпристрастныхъ цифръ гигантскій ростъ нашего вооруженія и нарисовали общую картину итоговъ мировой борьбы, призывая общими усилиями дружной обществен-ной и правительственной работы довер-шить уже наполовину достигнутую побѣду надъ сломленнымъ врагомъ.

«— Я, какъ военный министр, господа члены Гос. Думы, считаю нелишнимъ по-дѣлиться съ вами кое-какими соображе-ніями и кое-какими мыслями, вытекаю-щими изъ переживаемаго времени.

«27 мѣсяцевъ тянется кровавая, жесто-кая война,— война мировая. Не нашъ воз-любленный Государь желалъ и стремился начать эту войну. Нѣтъ, господа! Всѣмъ намъ извѣстно, что ни Государь Импера-торъ ни наши доблестные союзники въ своихъ усиленіяхъ и стремленіяхъ пред-отвратить этотъ мировой пожаръ не встрѣ-тили себѣ надлежащаго отклика во враже-скомъ станѣ. (Голоса: „Вѣрно! Вѣрно!“). Да и немудрено, господа. Въ этомъ вра-жескомъ станѣ десятилетиями лелѣлись, росли и крѣпли мысль, надежда, упованіе и убѣжденіе въ необходимости силою ору-жия и насиліемъ, невзирая ни на законы Божескіе ни на законы человѣческіе, не-взирая на правду и справедливость, под-чинить себѣ силою оружія и захватить преобладающее и первенствующее зна-ченіе среди всѣхъ народовъ. (Голоса: „Вѣрно!“).

«Немудрено еще и потому, что въ этомъ вражескомъ станѣ десятки лѣтъ точили мечи, готовили орудія и ждали только часа, ждали только времени, когда можно будетъ подкараулить своихъ соседей и напасть на нихъ, съ тѣмъ, чтобы молніе-носнымъ ударомъ сокрушить и заставить ихъ подчиниться своей волѣ. (Голоса: „Вѣрно!“).

«Но, господа, предположенія — одно, а жизнь — другое. Молніеносные удары исчезли, какъ дымъ. 27 мѣсяцевъ тянется война, и сколько она протянется, — одинъ Богъ знаетъ. По моему глубокому убѣжде-нію, какъ стараго солдата, господа, изъ того, что приходится наблюдать каждый день, мы приближаемся къ побѣдѣ. (Рискованскія и голоса: „Браво!“). Каж-дый день приближаетъ нашего коварнаго, дерзкаго врага къ пораженію. (Рискованскія).

«Отчего же это произошло? Чтô за мета-морфоза случилась въ мирѣ? Господа, то, что говорилось въ августѣ 1914 г. отдѣль-ными немногими лицами, и то, что испо-вѣдуется не только въ Россіи, но и во всѣхъ государствахъ съ нами союзныхъ, — что война ведется не одной арміей, что война ведется всѣмъ государствомъ. (Голоса: „Правильно!“). Вотъ это сознаніе съ каждымъ днемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе проникало въ сознаніе

всѣхъ государствъ. Все, что только можно, было сдѣлано для снабженія арміи. Не только мужчины и дѣти, но и женщины и дѣвушки, всѣ и всюду взялись за приготовленіе того, что не-обходимо для арміи.

«Какой же результатъ, господа? Позвольте вамъ въ грубыхъ цифрахъ сказать, что же дало это наше общее движеніе, и къ чему оно привело. Я возьму три цифры: первую—за январь 1915 года—за единицу, затѣмъ во сколько разъ она увеличи-лась 1-го января 1916 года и въ настоящее время. 3-дюймовыя орудія: 1-го января 1915 года—единица, 1-го января 1916 года— въ 3,8 раза, и въ августѣ 1916 года— въ 8 разъ. (Голоса: „Браво!“). Если же мы примемъ введенную вставку ствольвъ, починку орудій, то мы получимъ такіе результаты: 1-го января 1915 года— единица, 1-го января 1916 года— въ 5,7 раза и въ августѣ 1916 года— въ 13,2 раза. (Голоса: „Браво!“). 48-линейныя гаубицы: это—орудіе сложное, господа, и трудно подготовляемое, но и оно въ январѣ 1916 года удвоилось, въ августѣ почти учетверилось сравнительно съ январемъ 1915 года. Винтовки въ январѣ 1916 года увеличились въ три раза, а въ августѣ 1916 года уве-личились въ 4 раза сравнительно съ январемъ 1915 года. Сна-ряды 42-линейныя: въ январѣ 1916 года увеличились въ 6½ разъ, въ августѣ 1916 года— въ 7½ разъ. 48-линейныя снаряды: въ январѣ 1916 года увеличились въ 2½ раза, въ августѣ 1916 года— въ 9 разъ. 6-дюймовыя снаряды въ январѣ 1916 года— въ

Опять на родинѣ. Сербскія войска благоговѣно припадаютъ къ родной землѣ, отбитой отъ непріятеля. Рисункъ сербскаго художника Владимира Беича.

2 раза и въ августѣ — въ 5 разъ. 3-дюймовые снаряды въ январѣ 1916 года увеличились въ 12½ разъ, а въ августѣ 1916 года въ 19,7 разъ. Взрыватели, этотъ важный элементъ для снарядовъ, увеличились въ январѣ въ 6 разъ, а въ августѣ въ 19 разъ. 48-линейныя и 6-дюймовыя фугасныя бомбы въ 4 раза и въ 16 разъ. Взрывчатыя вещества.—я не буду перечислять вамъ, господа, всё, но увеличение произошло въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ 40 разъ. *(Голоса: „Браво! Браво!“)*. Удушашія средства... Господа, нужно кланяться нашимъ артиллеристамъ. Жаль, что я ихъ не вижу. Я бы въ приугнетѣнн вась низко имъ поклонился. Удушашія средства увеличились въ январѣ 1916 года въ 33 раза, а въ августѣ — въ 69 разъ. *(Голоса: „Браво! Браво!“)*.

„Я остановилъ ваше вниманіе, господа, на артиллерійскомъ снабженіи, не касаясь интендантскаго. Я скажу во всеуслышаніе, что изъяны есть, недочеты есть. Но въ общемъ дѣло терпимо. Скажу: въ инженерномъ, военно-техническомъ снабженіи въ общемъ мы встрѣчаемъ затрудненія съ автомобилями, и то вслѣдствіе причинъ, отъ насъ не зависящихъ. Авіація тоже въ такомъ положеніи находится. Развивается, господа, дѣло внутри Россіи, и нужно только стремиться и желать, чтобы оно пошло быстрѣе. Такъ вотъ что, господа, дала дружная, общая, совмѣстная работа.

„Позвольте, господа, надѣяться и просить вась помочь и въ будущемъ въ этой совмѣстной работѣ на снабженіе нашей доблестной арміи. *(Голоса справа: „Браво!“)*.

„Господа! Врагъ сломленъ и надломленъ. Онъ не оправится. Я еще разъ повторю: каждый день приближаетъ насъ къ побѣдѣ, и каждый день приближаетъ его, напротивъ, къ пораженію. Мы должны, какъ глубокоуважаемый предсѣдатель Государственной Думы высказалъ,—должны во что бы то ни стало побѣдить. Это—повелительное указаніе Державнаго Верховнаго Главнокомандующаго нашей доблестной арміи. Этого требуетъ, по указанію Его Императорскаго Величества и по общему нашему признанію, благо родины нашей, передъ которымъ все должно отойти въ сторону.

„Господа! Позвольте еще разъ высказать полную увѣренность стараго солдата, что мы не только должны побѣдить,—мы побѣдимъ, побѣдимъ во что бы то ни стало! Нѣтъ такой силы, которая могла бы одолѣть Русское царство“. *(Продолжительные и шумные аплодисменты)*.

Почетная шпaga, поднесенная сербскому королевичу Александру французскою учащеюся молодежью. Эфесъ шпaги изображаетъ фигуру сербскаго крестьянина, душащаго трехъ сплетшихся змѣй: Германію, Австрію и Венгрію и ногою онъ попираетъ чetyрyгo -Богазію.

Въ такомъ же духѣ была сказана и краткая рѣчь адмирала Григоровича:

„Господа члены Думы, я буду кратокъ. Я не буду повторять того, что говорилъ военный министръ. Скажу одно: война будетъ доведена до конца. *(Шумные аплодисменты на весь скaмьяхъ)*.

„Я узналъ, что военный министръ выступитъ съ заявленіемъ передъ вами, и съелъ своимъ священнымъ долгомъ также выступить и открыто и откровенно сказать, какъ всегда, что ваша многолѣтняя и постоянная поддержка въ дѣлѣ государственной обороны, ваши частыя указанія на нужды обороны даютъ мнѣ и на этотъ разъ право обратиться къ вамъ и вселѣпно поддерживать военного министра, заявившаго, что государственная оборона повелительно требуетъ нашей совмѣстной съ вами дружной работы“. *(Взрывъ аплодисментовъ, переходившихъ постепенно въ овaцію)*.

Адмиралъ Григоровичъ и генералъ Шуваевъ, стоя, кланяются Дулѣ.

Въ залѣ царитъ неслыханное волненіе. Векакиваютъ со своихъ мѣсть.

Простыя и честныя слова еуровыхъ воиновъ дошли до сердца депутатовъ. Дума поднялась и съѣздила обонмъ министрамъ бурную овaцію. Стѣна, выросшая за предшествовавшіе дни между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, сразу рухнула. Оба оратора не касались ни министерства общественаго довѣрія, ни отвѣтственности министровъ, они только показали волшебную картину кипучей работы своихъ вѣдомствъ — и народные представители, забывъ свою рознь съ кабинетомъ, горячо привѣтствовали ихъ, памятуя, что русскому народу и государству всего важнѣе въ настоящій историческій моментъ, въ самый разгаръ міровой войны за національное бытіе Россіи, не перестройка на ходу всего механизма власти, а непрерывность, энергія и плодотворность творческой работы послѣдней. Въ этомъ яркомъ и характерномъ эпизодѣ нашей парламентской жизни не указанъ ли правильный курсъ всей нашей внутренней политики? Въ сущности, устами народныхъ представителей страна больше всего отъ правительства требуетъ энергичной патріотической работы. Власть и Государственная Дума лучше всего понимаютъ другъ друга тогда, когда обѣ стороны начинаютъ говорить языкомъ горячихъ патріотовъ. Именно такой политики и должны держаться и сидяціе на министерскихъ скамьяхъ и сидяціе на депутатскихъ креслахъ. Течение политической мысли наиболѣе прочное и надежное, потому что въ немъ можетъ объединиться не только правительство съ Государственной Думой, но и Государственная Дума со всею Россією, со всемъ русскимъ народомъ.

П о к а.

Пока есть въ полѣ макъ и васильки,
Нельзя повѣрнуть въ ужасъ, смерть и тѣнь.
Пока надъ лугомъ рѣютъ мотыльки,
Есть сердцу грустному привѣтъ и утѣшень.
Пока душа убитаго съ тобой,
Вѣрь, что дитя и ты—вы не втроемъ, вась—трое.
Не утомится Русь великая борьбой,
Пока есть у нея сыны ея герои.

Лидія Лѣсная.

На Марнѣ.

Разсказъ В. Рощина.

4 сентября.

— Лейтенантъ, вы спуститесь въ ровъ и возьмете направо. Вы дойдете до нѣмецкаго трупа. Отъ трупа снова направо. Въ ста метрахъ, у насыпи желѣзной дороги, вы увидите девятую роту.

**Побѣдимъ ихъ!
Подпишитесь!**

*Плакатъ французскаго 2-го займа
національной обороны.*

Такъ говоритъ мнѣ сержантъ Мадикъ. По тому, какъ онъ нехотя произноситъ эти слова, я вижу, что онъ усталъ. Я тоже усталъ. Мы все устали въ полку. Въдь мы отступаемъ десятки сутки. Сначала Филиппвилль, потомъ Рокруа, потомъ Реймсъ и, наконецъ, сегодня Сезаннъ. Когда же кончимъ мы отступать?

Вечеръ. Еще горячее, раскаленно-алое солнце золотитъ вершины каштановъ. Въ лѣсу прохладно. Пахнетъ сыростью и увядшимъ листомъ. И еще чѣмъ-то душнымъ и сладкимъ. Да, это тотъ, убитый вчера, баварецъ. Онъ лежитъ лицомъ внизъ, раскинувъ толстыя ноги. А вотъ и насыпь. Вотъ и лейтенантъ Даниель.

— Даниель, все спокойно?

— Да, все спокойно.

Подъ насыпью, на пыльной травѣ, отдыхая, сидятъ солдаты. Я узнаю людей четвертаго взвода: Шабо, Безонгъ, Лере, Сансен... Не слышно смѣха. Земля усыяна жестянками отъ консервовъ, бумажками и патронными гильзами. Стараясь не задѣть за винтовки, я поднимаюсь на колотно желѣзной дороги.

Внизу равнина, сжатое поле. Кое-гдѣ желтѣютъ стога. Уже сгущаются гудобоватая тѣни. Впередѣ—зеленая роща, на горизонтѣ—темно-лиловый, въ фиолетовой дымкѣ, лѣсъ. На сѣверѣ нечасто и глухо погромыхиваютъ орудія. Даниель говоритъ:

— Въ рощѣ третья рота.

И прибавляетъ:

— Посмотрите въ бинокль!

Въ бинокль равнина мутнѣе, тѣни ярче, и лѣсъ—какъ уменьшенная фотографія. На опушкѣ, въ косыхъ и длинныхъ вечернихъ лучахъ—игрушечный всадникъ. Я различаю: нѣмецкій уланъ. Онъ неподвиженъ. Только лошадь нетерпѣливо машетъ хвостомъ. Онъ караулитъ. Онъ наблюдаетъ за нами. Я, не отрываясь, смотрю на него.

5 сентября.

Попрежнему все спокойно: нѣмцы не атакуютъ. Я не ѣлъ со вчерашняго дня: наши кухни еще въ дорогѣ. Я съ завистью смотрю, какъ солдаты ѣдятъ консервы. Я стараюсь на нихъ не смотреть. Я курю. Когда куришь, становится легче. Мадикъ отдаетъ мнѣ честь.

Мадикъ—нормандецъ, высокій и очень худой. У него голубые глаза и тонкія, почти безкровныя губы. Онъ дослужился до сержанта въ Марокко. Онъ жалѣетъ объ Африкѣ, объ арабахъ, хвалитъ ихъ и презрительно говоритъ о нѣмцахъ. Онъ лучший унтеръ-офицеръ въ ротѣ: разсудительный и заботливый къ своимъ людямъ. Онъ протягиваетъ мнѣ кусокъ сухаря.

— Лейтенантъ, возьмите, я васъ прошу.

— Благодарю васъ, Мадикъ. Вамъ самому пригодится.

Онъ почти насильно суетъ мнѣ въ руку сухарь. Я отламываю маленькіе, хрустящіе на зубахъ, куски. Я ѣмъ ихъ медленно, жалѣя, что ихъ такъ мало. Уже полдень. Солдаты спать или играть въ маниллу. Въ знойномъ воздухѣ пахнетъ трупомъ. Гудитъ нѣмецкій аэропланъ.

6 сентября.

— Hurrah!.. Vorwärts!.. Hurrah!..

Не можетъ быть, чтобы это были нѣмцы: въ рощѣ третья рота... Но въ предутреннемъ, волнистомъ и прозрачномъ туманѣ я вижу сѣрую, почти черную, нарастающую волну, вижу каски, вижу тяжелые сапоги, винтовки, бороды, даже погоны, даже петлицы. Надъ нашими головами свистать и жалобно мяукаютъ пули. Онѣ съ визгомъ впадаютъ въ землю и лязгаютъ о стальные рельсы. Я команду:

— Огонь!.. Огонь по желанію!.. Пли!..

И сейчасъ же вся рота превращается въ живую машину. Щелкаютъ торопливо замки, трещатъ неровные залпы. Я замѣтилъ: Безонгъ и Шабо стрѣляютъ отдѣльно. Мнѣ весело. Въ такія минуты нѣтъ страха. Есть всепоглощающая забота, чтобы все было, какъ на учении: точно, ясно, безъ малѣйшаго колебанія. И въ людяхъ тоже нѣтъ страха. Страхъ наступаетъ потомъ, когда минуетъ опасность. Налѣво, между первымъ и третьимъ взводомъ, стучитъ нашъ единственный пулеметъ. Онъ стучитъ, не умолкая ни на секунду, и его отчетливый стукъ покрываетъ все звуки. Мнѣ становится еще веселѣе.

— Vorwärts!.. Hurrah!.. Vorwärts!..

Неужели они добѣгутъ?

Но уже разбрызгалась въ туманѣ волна. Ея середина заколебалась. Потомъ пошатнулась. Потомъ стала рѣже и уже. Люди падаютъ и не встаютъ больше. Безонгъ кричитъ, показывая на нихъ штыкомъ:

— Они ложатся... Они ложатся, чтобы подползти...

Теперь нѣмцы разсыпались по равнинѣ. Одни, бросая винтовки, бѣгутъ назадъ, къ лѣсу. Другіе отбѣгаютъ въ кусты и тамъ выстраиваются въ шеренги. Я кричу, стараюсь перекричать пулеметъ:

— Первый и третій взводы налѣво, второй и четвертый направо. Огонь по желанію!.. Огоны!..

А потомъ уже нѣтъ ничего. Безлюдное поле. Изъ-за холмовъ встало солнце и озарило розовымъ свѣтомъ и стога, и насыпи, и рощу. Оно озарило и трупы. Ихъ много. Есть и раненые. Они начинаютъ стонать. Даниель подходит ко мнѣ. Его смуглое лицо раскраснѣлось, глаза горятъ, и онъ говоритъ съ улыбкой:

— Они разбѣжались, какъ зайцы.

Я молчу. Я хочу и не смѣю отвѣтить, что они вернутся еще сегодня. Сегодня. И завтра. И послѣзавтра... Почему атакуютъ они? Почему мы, французы, не атакуемъ?

7 сентября.

Четвертый день мы прячемся за насыпью желѣзной дороги. Прилетѣлъ нѣмецкій аэропланъ, покружился и улетѣлъ на востокъ. Сильный артиллерійскій огонь. Гранаты взрываются пачками: сначала шесть, потомъ шесть, потомъ опять по шести. Когда предательски посвистываетъ снарядъ, люди ницуютъ его глазами. Я дѣлаю ежеминутно усилие, чтобы тоже не поднять головы. Я знаю: если слышенъ пронзающій свистъ, значитъ, опасности нѣтъ. Тотъ снарядъ, который убьетъ, прилетитъ безшумно, без-

звучно, и застанет врасплох. Я говорю это людям, но они мнѣ не вѣрят. Они боятся. Больше всѣх боятся Безонгъ. Онъ надасть каждый разъ на траву и долго не рѣшается встать. Шабо шутитъ:

— Не кланяйся. Какъ не стыдно кланяться нѣмцамъ?

Я догадываюсь по звуку. Слѣва, изъ Шатильона, по насъ стрѣляетъ батарея „77“. Справа, изъ Ля-Форестьеръ, — батарея „160“. „77“ острѣе и тоньше. Онъ рѣжетъ воздухъ, звенитъ и, разрываясь, не грохочетъ, а свиститъ. Нѣмцамъ отвѣчаютъ наши „75“. Онѣ тутъ же рядомъ, за лѣсомъ. Онѣ режутъ, и охаютъ, и снова режутъ, точно рычитъ посаженный въ клетку звѣрь. Какой оглушающей, какой изступленный концертъ! И какъ странно слышать эти звѣринные голоса, когда сияетъ глубокое небо и на листьяхъ еще трепещутъ капли росы.

Къ вечеру одинъ снарядъ разорвался посерединѣ четвертаго взвода. Я видѣлъ, какъ, закрывъ рукавомъ лицо, вдоль насыпи бѣжалъ несчастный Безонгъ. Его ранило въ грудь. Сацеси и Лере остальные лежать. Я не узналъ ихъ, когда подошелъ. Былъ дымъ, была яма, и возлѣ ямы — изломанныя винтовки, обрывки синихъ шинелей и еще что-то мокрое, красное, не похожее на человѣческія тѣла. Мадикъ сказалъ:

— Надо похоронить.

Но мы не успѣли похоронить. Черезъ пять минутъ другой нѣмецкій снарядъ взорвался около насъ. Убить лейтенанта Даниеля, ранено три солдата. Мадикъ нахмурился и не говоритъ ничего. Когда смерклося, раненыхъ увезли санитары. Убитыхъ мы зарыли во рву. Шабо вырѣзалъ крестъ и повѣсилъ на немъ три кепи: Даниеля, Сацеси и Лере.

Теперь ночь. Умолкли орудія. Сперкаютъ звѣзды, мирно шепчутъ трава. За насыпью слышится стонъ. Это раненые во вчерашней атакѣ. Все поле стонетъ. Все поле молится Богу. Я слушаю:

— Kamrad!.. Franzose!.. Kamrad!..
Потомъ молчаніе. Потомъ опять, уже тише:
— Franzose... Hilfe... Franzose...

Я заворачиваюсь въ шинель съ головой и ложусь на голую землю. Черезъ четверть часа я сплю.

8 сентября.

Очевидно, проецируетъ большое сраженіе. Сегодня полковой командиръ дѣлалъ намъ смотръ. Онъ осмотрѣлъ людей, потомъ осмотрѣлъ позицію. Потомъ, вынувъ изо рта трубку, сказалъ:

— Лейтенантъ, вы видите этого лѣсъ?.. Въ десять часовъ вы съ вашей ротой пойдете въ атаку и займете его. Занявъ, вы стараетесь укрѣпиться лицомъ на сѣверо-западъ. Вы поняли, лейтенантъ?

Я понялъ. Пульки грохочутъ сильнѣе. Онѣ грохочутъ на равнинѣ, къ лѣсу и за холмами, у Эстерне. Я счастливъ: мы наступаемъ. Я уже не чувствую утомленія. Но я неожиданно замѣчаю, что у меня слегка дрожатъ руки. Снаряды рвутся, какъ и вчера. У насъ значительныя потери: семнадцать раненыхъ и восемь убитыхъ.

Десять часовъ. „Впередь!..“ Я бѣгу. Я знаю, что рота бѣжитъ за мной. Поле кажется безконечнымъ и лѣсъ далекимъ, и очень трудно бѣжать. Меня перегоняютъ солдаты. Я не слышу выстрѣловъ и не вижу нѣмцевъ. Я вижу спину Мадика, вижу рядомъ съ собой Шабо, вижу длинную, теряющуюся на горизонтѣ, стрѣлковую цѣпь. Сколько хватать глазъ, повсюду красныя панталоны. Мнѣ жарко. Я не думаю ни о чемъ.

Шабо пискельзнулся, упалъ на одно колѣно, выпрямился и слова упалъ. Онъ звать меня, но я не въ силахъ остановиться. Что-то щелкаетъ, что-то трещитъ. Я догадываюсь: неприятельскій

пулеметъ. Помню: я поднялъ голову къ небу. Небо было очень свѣтлое, очень высокое, и ослѣпляли солнечные лучи. Я зажмурилъ глаза. Я открылъ ихъ черезъ секунду. Передо мною все та же спина Мадика, его ранецъ и кожаный поясъ. Дальше — лѣсъ, орѣховые кусты. И въ кустахъ остроколючныя каски. „Впередь!.. Впередь!.. Впередь!..“ Я перепрыгиваю черезъ канаву. Я вижу сѣрую куртку, незнакомое, напряженное и испуганное лицо, и Мадика, и штыкъ... Вездѣ штыки и сѣрыя куртки. И, не переставая, звонко и рѣзко, горнисть играетъ атаку. „Впередь!.. Впередь!.. Впередь!..“

Мы оказываемся лицомъ на сѣверо-западъ. Люди, потные, за-сучивъ рукава, копаютъ траншею. Теперь передъ нами холмы, на холмахъ виноградныя лозы и вдалекѣ — деревенская колокольня. Нѣмцы въ виноградникахъ и за виноградниками, въ Ле-Ме.

Я смотрю назадъ, на желѣзнодорожную насыпь. Неужели я живъ?.. И внезапно меня охватываетъ усталость. Я чувствую, что сейчасъ упаду, и не встану больше, и буду лежать, и что мнѣ все равно, убьютъ меня или нѣтъ. Но усилимъ воли я овладѣваю собой и говорю, обращаясь къ Мадикъ:

— Сегодня очень удачный день.

8 сентября. Вечеръ.

Мадикъ съ третьимъ взводомъ обыскалъ занятыи нами лѣсъ. Въ густомъ орѣшникѣ и въ оврагахъ онъ нашелъ съ десятокъ заблудившихся нѣмцевъ. Онъ привелъ ихъ ко мнѣ. Мнѣ запомнились двое.

Одинъ высокий, лѣтъ тридцати, съ карими живыми глазами, отказался отвѣчать на вопросы. Онъ вызывающе оглядывался вокругъ, а когда Мадикъ похлопалъ его по плечу, онъ сжалъ кулаки и что-то съ гнѣвомъ забормоталъ по-нѣмецки. Онъ легко раненъ въ руку. Онъ не захотѣлъ, чтобы санитары сдѣлали ему перевязку. Онъ фельдфебель 126-го полка.

Рис. нашего корреспондента на французскомъ фронтѣ А. Зиновьева.

Другой маленький, безусый, желтоволосый, съ просительной и жалкой улыбкой. Этотъ вытянулся во фронтъ, и на лицѣ его я прочелъ безпокойство. Онъ, вѣроятно, боялся, что мы разстрѣляемъ его. Я спросилъ:

— Вы пруссакъ?

— Я баварецъ.

И, волнуясь, сталъ объяснять:

— Баварцы не хотѣли войны. Баварцы никому не дѣлаютъ зла. Баварцы не грабятъ, не убиваютъ. Это пруссаки... Баварцы не любятъ пруссаковъ... Увѣряю васъ, баварцы не любятъ пруссаковъ.

Я успокоилъ его. Тогда онъ вынулъ коробку консервовъ и робко протянулъ ее мнѣ:

— Вотъ консервы, господинъ лейтенантъ.

Я подумалъ, что онъ, навѣрное, сегодня будетъ обѣдать въ депо. Буду ли я обѣдать завтра? Я взялъ коробку и поблагодарилъ его кивкомъ головы.

Меркнетъ день. Виноградники потемнѣли. Колокольня потонула во мглѣ. Попржежнему, звѣринными голосами, переговариваются орудія. Бѣгло вспыхиваютъ зарницы — гремятъ прерывистые раскаты. Налѣво, тамъ, гдѣ десятая рота, назойливо трещитъ перестрѣлка. Шумятъ вершины деревьевъ. Этотъ шумъ похожъ на долгие вздохи. Дунетъ вѣтеръ, — лѣсъ вздохнетъ и замолкнетъ. Очень хочется спать. Но я не смѣю уснуть. День былъ душный, а теперь холодно, и, чтобы согрѣться, я быстро хожу вдоль траншеи. Какъ всегда, пахнетъ трупомъ. Мы съ Мадикомъ сдѣлали переключку. Не хватаетъ сорока семи человѣкъ.

Траншеи первой линіи около Реймса.

9 сентября.

И уснул на зарѣ. Меня разбудилъ командиръ батальона, Арно:
— Лейтенантъ, вставайте, вставайте!..

Уже утро. Солнце уже высоко. Со всѣхъ сторонъ пощелкиваютъ винтовки. На холмахъ, передъ нами, взрывая землю, рвутся гранаты. Капитанъ Арно говоритъ:

— Весь полкъ атакуетъ.

— Весь полкъ?

— Не только полкъ. Вся дивизія.

По рядамъ идетъ шопоть. Передаётся команда. Люди поправляютъ ремни, пересчитываютъ патроны. Капитанъ Арно приказываетъ:

— Впередъ!..

Вотъ мы снова бѣжимъ. Я снова бѣгу. На этотъ разъ я вижу все ясно: и капитана Арно, и Мадика, и крутые холмы, иhalbо десятую роту, и ся лейтенанта Сене, и горниста, и спѣлыя гроздья уже лилового винограда. На этотъ разъ я слышу каждую пулю, каждый крикъ, каждый выстрѣлъ, я замѣчаю, какъ падаютъ люди, и удивляюсь, что все такъ просто, и что именно это и есть атака. Мы взбѣгаемъ на холмы, и капитанъ Арно командуетъ: „Стой... Ложись... Огонь по желанію!“... Съ холма мы видимъ большую дорогу. Блестятъ нѣмецкія каски. Рота открываетъ огонь. Мадикъ стрѣляетъ не торопясь, долго цѣлится и выбираетъ мишень. Онъ говоритъ мнѣ: „Это хорошо... Это какъ въ Африкѣ, лейтенантъ!“... Такъ мы лежимъ съ полчаса. Изъ Монсо насъ поддерживаетъ батарея „120“. Каждая двѣ секунды надъ дорогой взрывается сѣрый, по краямъ коричневый, столбъ, и въ дыму танцуютъ черные комья. Глухо охаетъ эхо. А потомъ опять играетъ горнистъ, и нѣмцы бѣгутъ, и мы, тяжело дыша, преслѣдуемъ ихъ.

Мы бѣжали, потомъ ложились, потомъ окапывались, потомъ снова бѣжали и, наконецъ, окопались на вершинѣ песчаного, господствующаго надъ равниной, холма. Было знойно. Хотѣлось пить. Былъ третій часъ пополудни.

10 сентября.

Я думаю, что мы не въ силахъ долго держаться: моя рота потеряла половину состава. Я едва стою на ногахъ. Если бы не сознание долга, я бы легъ и спалъ трое сутокъ. Кано-нада меня оглушаетъ. Но я говорю себѣ: я служу Франціи, я — солдатъ.

Люди давно не похожи на тѣхъ, которыхъ я зналъ въ казармѣ. Волосатые, немые, запыленные, съ землистымъ цвѣтомъ лица, они тоже устали, имъ тоже хочется ѣсть, тоже хочется спать. Но я знаю: они разсуждаютъ такъ же, какъ я.

До вечера — лѣтняя перестрѣлка. Вечеромъ, по ту сторону Гранъ-Морена, большое передвиженіе войскъ. Я наблюдаю въ бинокль, какъ изъ-за лѣса выходятъ нѣмцы. Впередъ полкъ уланъ. Они ѣдутъ спокойно, точно они на маневрахъ. Неужели имъ неизвестно, что мы здѣсь, на этихъ холмахъ?.. Я слышу топоть копытъ, лязгъ и громкіе крики. Я оборачиваюсь: батарея занимаетъ позицію. Въ одну минуту артиллеристы распрягли лошадей. Раздается команда: „Разстояние 800 метровъ... Первая... Вторая... Первая... Вторая... Разстояние 1.000 метровъ“... Каноны смѣются. Смѣясь, подають снаряды. смѣясь, заряжаютъ пушки, и стрѣляютъ, стрѣляютъ безъ перерыва.

Раненый солдатъ.

Рис. нашего корреспондента на французскомъ фронтѣ А. Зиновьева.

Солдатъ изъ Марокканской дивизіи.

Рис. нашего корреспондента на французскомъ фронтѣ А. Зиновьева.

Весь холмъ трясется отъ орудіянаго гула. Мадикъ долго смотритъ. Потомъ говоритъ:

— Великолѣпно... Теперь пруссакамъ капутъ!..

Маленькія фигурки въ каскахъ разбѣгаются по широкому, со всѣхъ сторонъ открытому, полю. Маленькіе, точно выточенные изъ дерева, кони носятся безъ всадниковъ, безъ дороги и не знаютъ, куда скакать. Я первый разъ вижу, что можетъ сдѣлать одна батарея. Это настоящая бойня... Мадикъ повторяетъ:

— Теперь пруссакамъ капутъ!..

Я еще не понимаю, въ чемъ дѣло, — почему батарея здѣсь, на нашемъ пригоркѣ, почему нѣмцы не атакуютъ, и, главное, почему артиллеристы смѣются? Артиллерійскій капитанъ мнѣ кричитъ:

— Лейтенантъ!.. Развѣ вы не видите?.. Нѣмцы отступаютъ повсюду...

10 сентября. Ночью.

Мы не получили никакого приказа изъ штаба и остались въ своей траншеѣ. Тихо. Я не привыкъ къ тишинѣ. Она пугаетъ меня. Я бы хотѣлъ, чтобы снова заговорили орудія... Не только тихо, но и темно. Въ двухъ шагахъ ничего не видно. Люди спятъ. Я не сплю. Неужели нѣмцы дѣйствительно отступаютъ?.. Я не смѣю повѣрить. Я медленно спускаюсь съ холма. За чѣмъ?.. Чтобы убѣдиться, что неприятель ушелъ?.. Кругомъ кустарникъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что въ кустарникѣ люди. Я слышу ихъ шопоть. Я вижу двѣ каски. Да, я вижу двѣ каски. Вотъ за этимъ чернымъ кустомъ... И вдругъ страхъ, жестокий и непередаваемый страхъ, — охватываетъ меня. Я останавливаюсь. Я знаю: нѣмцы наблюдаютъ за мной. Я дрожу... Но снова сознание долга: я побѣдилъ чувство страха, я стиснулъ зубы, я сказалъ себѣ: надо идти впередъ. Я дошелъ до орѣховаго куста и обшарилъ его. Я испаралъ руки до крови. Никого... Я бѣгомъ вернулся назадъ.

11 сентября.

Льетъ дождь. струятся съ неба ручьи. Сумки отяжелѣли, мокрые панталоны прилипаютъ къ ногамъ. Мы идемъ по извѣженному, въ выбоинахъ, шоссе. Я смотрю на мохъ людей. Они веселы. Они шутятъ. Смерть страшна. Нѣтъ человѣка, который бы не боялся смерти. И во время атаки, за нѣсколько минутъ до нея, я чувствовалъ, что люди не хотятъ выходить изъ траншеи, — не хотятъ умирать. Но они выходили и шли. И умирали. И потомъ снова шли. Страхъ можно преодолѣть. Средній человѣкъ преодолеваетъ его. Побѣдить усталость труднѣе. Она вездѣ — въ спинѣ, въ груди, въ поясицѣ, въ рукахъ. Тѣло болитъ и ноетъ, и просить отдыха, и не слушаются колѣни, и мугныя пятна пляшутъ передъ глазами. Но мы идемъ. И мы веселы: вѣдь нѣмцы отступаютъ на сѣверъ.

Вотъ трупы. Сколько ихъ... Нельзя сосчитать. Тутъ же ранцы, сабли, винтовки, марля, вата и снова трупы. Я помню одного офицера. Онъ не лежалъ, а сгорбившись, сидѣлъ у края дороги. Его глаза, стеклянныя, неживые, внимательно смотрѣли на насъ. Каска свалилась. Свѣтлые усы были закручены вверхъ. И вовсе не было крови. Богъ съ нимъ... Онъ самъ виноватъ: развѣ мы звали его къ себѣ?

Лошадиные трупы хуже. Заднія ноги подняты вверх, тонкашия прижалась къ землѣ, морда вытнута, и на губахъ застыла розоватая пѣна. Лошадей много... Льетъ дождь. Земля дрожитъ подъ солдатскими сапогами. Какъ тяжело, какъ приторно, какъ отвратительно пахнутъ трупами...

12 сентября.

Ля-Ферте Гоше. Огдыхъ. Ночью я буду спать на кровати. Я умоюсь. Я буду обѣдать подъ крышей. Я радуюсь. Сегодня праздничный день.

На мэрин вывѣшены знатокъ печатной бумаги. Солдаты подъ дождемъ читаютъ его. Я протискиваюсь чрезъ толпу и вижу крупныя буквы:

„Первая, вторая и третья нѣмецкія арміи отступаютъ передъ нашимъ дѣвнымъ крыломъ и центромъ. Четвертая неприятельская армія, въ свою очередь, начала отступать на сѣверъ отъ Витри и Сермеза“.

У меня внезапно кружится голова. Я шатаюсь. Неужели нѣмцы разбиты?.. И, какъ во снѣ, я слышу слова Мадика:

— Побѣда... Побѣда по всему фронту, лейтенантъ...

Послѣдній парень.

Рассказъ Ю. Волина.

Сидимъ съ дядей Егоромъ на завалинкѣ, толкуемъ о томъ, о семъ, больше о политикѣ. Дядя Егоръ — мужикъ смысленный и грамотный, долго въ Москвѣ жилъ. Съ нимъ не скучно.

Поговорили о Румыніи и Греціи, о сѣбдней нѣмецкой колоніи, объ урожаѣ, о пѣнныхъ, о трезвости. Теперь молчимъ. Но и молчать съ умнымъ мужикомъ не скучно. Знаешь, что думаетъ онъ о томъ же, что и ты, и не чувствуешь себя одинокимъ.

Прекрасенъ вечеръ въ благословенной Богомъ Тавридѣ. Красной и широкой, во всю ширъ горизонта, улыбкой прощается съ землей натрудившееся солнце. А съ другой стороны небосклона уже поднимается блѣдно-розовый серпъ луны. Глазъ утоааетъ въ чарующемъ полусвѣтѣ, причудливо сотканномъ изъ красныхъ, синихъ и блѣдно-розовыхъ лучей. Вдали, за деревней, огромный дугъ, и на немъ одинокія осокни, какъ стражи, разставленные на опредѣленномъ и вымѣренномъ разстояніи другъ отъ друга. Передъ нами широкая деревенская улица, безлюдная и мечтательная, изрѣдка отзывавшаяся протяжнымъ зѣвкомъ или тихимъ вздохомъ усталости.

— Вишь ты! Васька-то нашъ! Васька! Взгляньте-ка! — внезапно оживившись, говоритъ дядя Егоръ.

Въ концѣ улицы изъ-за поворота показалась группа: молодой парень въ сапогахъ и косовороткѣ, безъ шапки, а рядомъ съ нимъ три дѣвушки: двѣ идутъ совсѣмъ близко, почти прижимаясь къ парню съ обѣихъ сторонъ; у одной въ рукахъ тяжелая гармонь, у другой — картузь. Третья дѣвушка идетъ нѣсколько въ сторонѣ и не несетъ ничего.

На развѣдкѣ.

Скульптура Д. Малашкина.

— Хорошо нынче парню въ деревнѣ, а? — говоритъ Егоръ и ухмыляется. — Глянь-ка! Словно прынь! А? Вотъ оно какое нынче кавалерское дѣло! Не то, что раньше!.. То, бывало, кавалеръ за барышней, а теперь барышня за кавалеромъ! Потому теперь кавалеру дѣла другая!.. Вишь ты! Гармонь-то!.. Дѣвка гармонь несетъ!.. Самому, вишь ты, не по плечу, али не по чину!.. Потому онъ кавалеръ, и дѣвки ему служить должны!.. А картузь? А? И картузь дѣвка несетъ!.. То-то вотъ, дѣвчата, кончилась ваша масленица!.. Побѣгайте-ка за прынь, не то, чтобы парни за вами бѣгали!.. А сѣмена-то кто покупаетъ?.. Конечное дѣло, дѣвки покупали, парня угощаютъ! Потому такое теперь положенье! А?

Дядя Егоръ долго и весело смѣется. Кто знаетъ? Можетъ-быть, когда-то въ молодости этотъ рыжебородый мужикъ пострадалъ отъ заносчивости деревенскихъ красавицъ и теперь злорадствуетъ.

— Молодецъ Васька! — со смакомъ приговариваетъ Егоръ. — Вишь, какимъ гоголемъ ходитъ! Одно слово, прынь!

— Да, мало теперь кавалеровъ въ деревнѣ, — замѣчаю я, чтобы поддержать разговоръ.

— Послѣдній! — отвѣчаетъ Егоръ.

— Какъ послѣдній?

— Да такъ, послѣдній! — спокойно повѣствуетъ дядя Егоръ.

Парень съ дѣвушками скрылся за поворотомъ, и Егоръ опять сталъ серьезнымъ, вдумчивымъ, заговорилъ медленно и вѣско.

— Послѣдній парень Васька, значить. Остерчинокъ. Годъ по-правки дали, да кончилась отерочка, завтра въ городъ, къ воинскому, значить, а тамъ въ роту. Нагулялся.

— Почему же онъ послѣдній? А другіе?

— Кто жъ другіе? Которые дома еще, тѣ какіе кавалеры? Съ мальчуганомъ какимъ дѣвкамъ вѣдь тожъ зазорно... Бабы за-смѣютъ!.. Опять же, которые прѣзжаютъ на побывку или на поправку, такъ то все женатые... Потому, по деревенскому положенію, женятся у насъ рано. Ну, а который женатый, тотъ, конечно дѣло, изъ кавалеровъ вышедши, потому какой дѣвѣ толкъ въ женатомъ?.. Ну, а Васька не женатый. И какъ оно такъ вышло? А? Кажись, въ деревнѣ жилъ, не то что городской а, гляди, не женился! Зато жъ ему теперь лафа.

— Да вѣдь не надолго!

— Гдѣ тамъ надолго!.. Почитай, послѣдній день гуляетъ!.. А дѣвки-то, дѣвки!.. Вѣдь безъ послѣдняго останутся, а?.. Придется, значить, ждать, пока новые подрастутъ...

— Ну и прежніе вернутся.

— И то! Прежніе вернутся! Де еще которые съ Георгіемъ!.. Да вѣдь ждать-то, опять же, не легкое дѣло... Одно слово, бабій-то чинъ теперь не въ почетъ... А?

И опять не безъ лукаваго злорадства смѣется дядя Егоръ. Знать, было когда-то ранено сердце, и по гробъ не простить мужикъ старой обиды.

Молчимъ. Въ послѣдній разъ тонкой, красной, жалостливой улыбкой заката взглянуло на насъ солнце и скрылось. Исчезли красныя блики въ воздухѣ, осталась ясная синева.

Справа послышались звуки гармонии.

— Крутомъ обошли. Домой ворочаются, — говоритъ Егоръ.

И въ самомъ дѣлѣ изъ-за близкаго поворота улицы показался „послѣдній парень“ со своей свитой.

Идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ и раньше. При поворотѣ, почти около насъ, парень перестаетъ играть и опять передаетъ гармонь одной изъ дѣвушекъ.

Когда процессія проходитъ мимо насъ, я съ любопытствомъ взглядываюсь въ лица.

У двухъ дѣвушекъ, несущихъ инструментъ и картузь своего „принца“, печальныя, заплаканныя лица.

У третьей, идущей въ нѣкоторомъ отдаленіи, лицо спокойное и какъ будто слегка насмѣшливое.

А самъ Васька держится важно. Только моментами тѣнь ложится на его лицо, и на глазахъ появляется влажная пелена. Это именно въ тѣ моменты, когда его взглядъ падаетъ на ту, третью, которая идетъ въ отдаленіи и которая такъ гордо спокойна.

— Видишь, дядя Егоръ, — говорю я, — и „послѣднему“ твоему, знать, не весело!

— Да, все гордость бабья! — вздыхаетъ Егоръ. — Ужъ это такое положеніе. Ежели онъ отъ сѣ морду ворочаетъ, такъ цепляется, виснетъ!.. А ежели онъ къ ей, такъ она въ сторону!.. Такое ужъ бабье дѣло!.. Ничего!.. Уѣдетъ Вася, такъ и она зареветъ! — томъ утѣшенія и удовлетворенія заканчиваетъ дядя Егоръ.

На войнѣ.

Разсказъ В. Муйжеля. Иллюстраціи И. А. Владимірова.

(Продолженіе).

V.

Съ обѣдами и ужинами Званцовъ сумѣлъ наладить, хотя и не безъ затрудненій. Управляющій сначала чего-то испугался и топтался на мѣстѣ, словно не понимая, что ему говорятъ, и глаза у него были робкіе, просіяе, какъ у ребенка, боящагося, что вотъ-вотъ его накажутъ. Веселымъ, даже чуть-чуть легкомысленнымъ тономъ Званцовъ жаловался на своего денщика-татарина, въ смѣшномъ видѣ описывалъ, какъ онъ готовить, и что за дрянъ ему приходится ѣсть, потомъ упомянулъ о платѣ, непомѣрно высокой для скромныхъ обѣдовъ, и управляющій какъ будто успокоился.

— Я не знаю, пане офицеръ, я долженъ поговорить съ дочкой...—нерѣшительно бормоталъ онъ,—мы такъ просто ѣдимъ... Я боюсь, что пану офицеру не понравится... Марыся! — крикнулъ онъ. — Ма-ры-ся!..

Званцовъ чуть чуть насторожился и поправилъ воротникъ кожаной куртки, въ которой пришелъ сюда.

Онъ ожидалъ, что войдетъ одна изъ тѣхъ паннъ, которыхъ онъ видѣлъ часто въ западномъ краѣ, особенно часто на какой-нибудь религіозной процессіи несущими статую Божіей Матери, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, перешитыхъ и перелицованныхъ въ пятый разъ, съ тщетными попытками придать имъ свѣжій и модный видъ, съ желтой кожей открытой шеи и какимъ-нибудь крохотнымъ медальономъ на узенькой цѣпочкѣ на ней — обычный типъ слегка засидѣвшейся въ невѣстахъ дѣвицы, всеми силами стремящейся къ тому, чтобы какъ-нибудь удержать уходящую молодость, радость жизни, приближеніе тусклой, освѣщенной только лампадами ближайшаго костела, старости.

Но когда старенькая дверь слегка стукнула и Званцовъ поднялся, онъ могъ только подумать удивленно:

„А-а-а, вотъ ка-а-акъ!..“ и тотчасъ же, еще усиливъ веселый, легкій тонъ своего обращенія, звякнувъ шпорами, склонился передъ вошедшей.

Это ее, несомнѣнно ее, видѣлъ онъ въ паркѣ возлѣ бесѣдки, теперь онъ не сомнѣвался въ этомъ. Тогда она была въ свѣтломъ и казалась какъ будто выше, плотнѣе; теперь темное, простое, но несомнѣнно городское платье дѣлало ее болѣе тонкой, гибкой, и отъ этого блѣдноватое съ яркими полными губами лицо, освѣщенное сѣрыми, какъ будто задернутыми какой-то пленкой глазами, напоминало чѣмъ-то маску.

— Моя дочь Марія...—пробормоталъ управляющій и потянулся за трубкой, но, поймавъ взглядъ дочери, остановился.—Да, да, познакомьтесь!.. Вотъ панъ офицеръ проситъ, чтобы на столъ его взять, Марыся... Я ужъ не знаю — какъ ты... Такъ ты того, вотъ, поговори тутъ... Ужъ какъ ты!..

Она прямо взглянула на Званцова, и тотъ внутренно сжался въ смутномъ напряженіи отъ этого взгляда. Вънѣше онъ развязно и не безъ юмора сталъ жаловаться на безпріютную жизнь офицера на войнѣ, на глупаго татарина-денщика, готовившаго ему „бичте“ изъ консервированнаго мяса такъ, что онъ вынужденъ былъ объявить ему, что будетъ стрѣлять изъ револьвера, если ему еще разъ подадутъ „бичте“, на тоску ненужной никому стоянки въ глухомъ заброшенномъ мѣстѣ...

— Я съ удивленіемъ смотрю на пани: какъ можно жить все время здѣсь?—говорилъ онъ, подхватывая ея слабый жестъ, какъ приглашеніе сѣсть, и усаживаясь на низенькій, обитый старенькимъ ситцемъ, стулъ.—Воображаю, что здѣсь дѣлается зимой? Снѣгомъ завалено все, городъ Богъ знаетъ какъ далеко, сосѣдей нѣтъ...

— А почему вы думаете, что я живу здѣсь зимой?—чистымъ русскимъ языкомъ спросила она, слегка усмѣхаясь.—Я пріѣзжаю только на каникулы—и теперь вотъ, потому что городъ, въ которомъ я на курсахъ, занятъ нѣмцами...

— Ахъ, вотъ какъ! Вы на курсахъ? Какихъ? Ахъ, музыкальная школа? И здѣсь есть инструментъ? Боже, какая прелесть! Я такъ давно не слышалъ никакой музыки... Когда-то, когда я былъ мальчикомъ, я самъ чуть чуть игралъ — такъ, пустяки, дилетантски... Какъ, инструментъ въ большемъ домѣ, и я лишилъ васъ возможности играть? Но вѣдь это безбожно — не сказать ни слова въ то время, когда... Нѣтъ, это невозможно, право, дѣйствительно только война можетъ оправдать такую нелюбезность — врывается въ чужой домъ, нарушаешь порядокъ жизни, огниаешь возможность украшать жизнь музыкой!

— Но война приноситъ не только это...— все такъ же усмѣхаясь, произнесла она.

— О да, конечно, но не будемъ говорить объ ея темныхъ сторонахъ—война есть фактъ, и съ нимъ надо считаться такъ же, какъ съ болѣзью, старостью, со смертью, хотя бы мы очень не хотѣли болѣть, старѣться или умирать... Къ тому же въ моемъ по-

Передъ атакой.

Портретъ работы В. И. Звърева.

ложеніи война и связанная съ ней возможность каждую минуту умереть или быть раненымъ, какъ былъ ужъ раненъ два раза,—только не больше не меньше какъ маленькіе недостатки профессіи...

Онъ разсмѣялся громко и беззаботно, и глаза его въ это время весело и добродушно оглядывали ее, какъ бы приглашая тоже посмѣяться, не тому, что онъ сказалъ, а тому, что оба они могутъ недурно провести время здѣсь, въ забытомъ старомъ фольваркѣ съ причудливымъ домомъ, огромнымъ паркомъ и полнымъ безлюдіемъ.

И по ея глазамъ онъ увидѣлъ, что эта несомнѣнно неглупая, выдержанная и повидавшая людей дѣвушка именно такъ и приняла его манеру обращенія—свободную, съ отбѣнкомъ армейской галантности, молодого легкомыслія даже въ такомъ большемъ дѣлѣ, какъ война, смерть, раны, съ желаніемъ чуть-чуть даже заняться флиртомъ съ ней.

— Ахъ, музыка!—продолжалъ онъ, не давая пройти этому впечатлѣнію.—Вы знаете, нѣтъ ничего выше музыки, она такъ возвышаетъ, такъ вдохновляетъ даже... Бетховенъ—какое очарованіе!.. Напримѣръ, это: тра-та-та-тра-ра-римъ-тамъ-тамъ-тамъ!..—пропѣлъ онъ, слегка взмахивая рукой, какъ бы дирижируя невидимымъ оркестромъ,—или Шуманъ...

Онъ болталъ, какъ человѣкъ, долгое время лишенный общенія съ равными себѣ, отъ разсказа переходилъ къ разспросамъ о жизни на хуторѣ, на ея курсахъ въ томъ городѣ, который теперь былъ занятъ нѣмцами, передавалъ новости изъ газетъ, которыя онъ читалъ двѣ недѣли тому назадъ, опять разсмѣивался, и когда въ дверяхъ показалась старуха-кухарка, согнутая попо-

ламъ, какъ баба-яга, и заговорила о „коляцін“ (ужинѣ), онъ испуганно вскочилъ:

— Боже мой, какъ онъ засидѣлся, вѣдь это Богъ знаетъ что такое!

— Но если вы сидѣли до сихъ поръ, то, можетъ-быть, мы и начнемъ наши официальные отношенія, приведшія васъ къ намъ, съ сегодняшняго ужина?—проговорила она, улыбаясь и приглашая его въ столовую.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ,—раскланялся онъ, въ то же время по одной этой фразѣ ея чувствуя нѣчто, заставившее его опять насторожиться, какъ передъ неизвѣстной борьбой,—вы благодарительница, фея и все прочее, и не даромъ я испугался, когда увидѣлъ въ пустынной аллеѣ мелькнувшее платье ваше—я думалъ, что это, по меньшей мѣрѣ, призракъ какой-нибудь пани, нировавшей на охотахъ пана, владѣльца имѣнія, лѣтъ двѣсти тому назадъ...

— А вы испугались?—слегка оборачиваясь, спросила она. Они шли въ это время по темному коридорчику, соединявшему гостиницу со столовой.

— Конечно, испугался!.. Я могу подражаться съ нѣмцами, могу врубиться съ эскадромъ въ самую гущину врага, но явленіе потусторонняго міра... Вр-р—благодарю васъ!..

— Можеть, меня и безъ потусторонняго міра можно бояться...—усмѣхнулась она и тотчасъ же, не давая ему возразить, добавила:—а между тѣмъ въ старомъ домѣ, слуги говорятъ—не тихо... Ночью тамъ показывается свѣтъ, кто-то ходитъ, слышны стоны... И въ бѣсѣдѣ—той—вы знаете, у которой вы видѣли меня... Говорятъ, тамъ одинъ изъ владѣльцевъ охотничьяго фольварка убилъ свою жену, заставъ ее съ какимъ-то рыцаремъ...

— О, не сомнѣваюсь, что старые дома полны разныхъ преданій!—подхватилъ Званцовъ. — Но, къ счастью, у меня такой крѣпкій сонъ... Можеть-бы ъ, и стучить, и ходить, и стонеть, но я такъ быстро засыпаю...

Ужинъ, несмотря на то, что его, очевидно, не ждали, былъ прекрасный. Можно было подумать, что готовятъ не только на двухъ человѣкъ, одиноко живущихъ въ маленькомъ флигелькѣ, а на званный вечеръ. Старикъ, осмѣлѣвшій и какъ будто успокоившійся, вытаскивалъ откуда-то старую бутылку и, лукаво подмигивая Званцову, забормоталъ:

— Старка, проину пана, но какая старка?! За тридцать лѣтъ ручаясь, самъ Бискупъ Молодинскій такую не каждый день пьетъ...

— Ой, нѣтъ, нѣтъ... Если для меня—то извиняюсь!..—запротестовалъ Званцовъ.—Вообще—да, и иногда очень—доходилъ до шампанскаго съ квасомъ, но во время войны—ни-ни!.. Ни одной капли!..

— Но вѣдь старка же...—недоумѣло уставился на него управляющій.

— Ни въ какомъ случаѣ... Сказалъ себѣ, что во время войны, хоть она двадцать лѣтъ продолжайся, — ни одной капли спиртного!.. Простите, но не могу!

Старикъ растерянно развелъ руками и бутылки не откупорилъ.

Званцовъ болталъ свободно и легко, какъ будто сидѣлъ не въ глухомъ, заброшенномъ фольваркѣ, невдалекѣ отъ расположения противника, въ мѣстѣ, о которомъ думалъ нѣсколько больше, чѣмъ казалось бы по этому вѣншему легкомысленному тону. Уже поздней ночью, часовъ въ двѣнадцать, онъ вдругъ спохватился и всталъ.

— Ради Бога!.. Не знаю, какъ извиниться передъ вами,—говорилъ онъ, смущенно улыбаясь,—я такъ засидѣлся... Вы не можете себѣ представить ощущенія человѣка, когда онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не видитъ человеческого лица, не слышитъ слова... Ради Бога извините,—повѣрьте, я не стану злоупотреблять въ слѣдующій разъ такъ...

Онъ сталъ прощаться и опять, какъ при первой встрѣчѣ, на секунду почувствовалъ въ своей рукѣ маленькую, но крѣпкую и сильную руку дѣвушки. Они стояли въ передней, слабо освѣщенной узкой полосой свѣта изъ столовой, и, прощаясь, Званцовъ близко наклонился къ ея лицу.

Таинственный, непонятный, какъ будто о чемъ-то спрашивающій, какъ будто чему-то не вѣрющій взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ толкнулъ его. Онъ низко склонился къ рукѣ, звякнулъ шпорами и, что-то говоря о томъ, что какъ-нибудь онъ, можетъ-быть, удостоится чести послушать ея игру въ большомъ домѣ, ступилъ за дверь. Старикъ управляющій проводилъ его и бормоталъ что-то о темнотѣ, о грязной дорогѣ, къ которой не привыкъ панъ офицеръ.

— Эхъ, пане, пане, къ чему только панъ офицеръ не привыкъ на войнѣ!..—проговорилъ Званцовъ, закуривъ папиросу,—тутъ у васъ благодать и спокойствіе, живешь въ палацѣ, спишь на кровати краснаго дерева, а приходилось...

Онъ умолкъ на минуту и прислушался. На черномъ дворѣ, тяжело шлепающими копытами и громко отфыркиваясь, шли лошади. Званцовъ обернулся съ сторону и крикнулъ:

— Старшій?..

— Есть, ваше благородіе...

Шлепанье копытъ поднятой на рысь лошади послышалось совсемъ близко, и въ плотномъ мракѣ сбоку отъ Званцова вырисовался тяжелый и казавшійся огромнымъ силуэтъ верхового.

— Съ развѣзда?

— Такъ точно, ваше благородіе...

— Очередныхъ встрѣтили?

— Такъ точно... У крестовъ, гдѣ на болотища дорога идетъ...

— Такъ... Все тихо?

— Тихо все... Стрѣльба оружія слышна слѣва, только далеко очень... Не иначе какъ тяжелая садить.

— Ну, ладно, поѣзжай... Да пусть Ткаченко зайдетъ ко мнѣ!

— Слушаю-сь, ваше высочордіе, счастливо оставаться...

Лошадь такъ же внезапно растаяла во мракѣ, какъ появилась, и только шлепанье копытъ указывало направленіе, куда поѣхалъ солдатъ. У сарая пріѣхавшіе возились съ сѣдловкой, и чей-то хриплый, грубый голосъ окрикнувалъ, очевидно, тянущуюся въ конюшню лошадь:

— Ты еще, будешь тутъ!.. Стой, анаеема, ишь ей не терпится...

Званцовъ пошелъ въ домъ.

— А еще, прошу пана,—суетливо вертѣлся около управляющій,—не будетъ ли панъ офицеръ ласковъ запретить солдатамъ въ паркъ ходить?.. Очень гадятъ тамъ и портятъ... Въ фруктово-вомъ саду двѣ яблоньки срубилъ, поствѣ лошадь къ вишнѣ привязали—она кору объѣла... Очень портятъ, а съ меня спросятъ, можеть-быть, панъ офицеръ запретить...

— Эхъ, панъ управляющій,—усмѣхнулся Званцовъ,—тутъ людей портятъ и рубятъ, а вы о яблонькахъ!.. Ничего не подѣлаешь; война... Ну, хорошо, хорошо, я скажу солдатамъ, чтобы не лазали... Въ самомъ дѣлѣ—что имъ тамъ дѣлать?

— Я и говорю, панъ офицеръ,—чего имъ тамъ дѣлать? Вотъ этотъ черноусый—все время туда ходитъ, что ему тамъ?—жаловался управляющій.

Темная высокая тѣнь насунулась прямо на идущихъ.

— Кто это?—окликнулъ Званцовъ.

— То жъ Стахъ, вѣрно, сторожъ... Стахъ, ты?

— А то жъ я!..—отозвался тѣнь, и, нагнувшись ближе, Званцовъ узналъ угрюмаго лѣсника.

— А чего онъ сторожить?—спросилъ онъ управляющаго.—Дворъ полонъ солдатами, чего тутъ сторожить?..

— Для пожонтку, пане, для пожонтку!..

У краснаго, освѣщеннаго внутри лампой окна дома они пристались. Управляющій пошелъ назадъ и о чемъ-то заговорилъ нетромо съ поджидавшимъ его Стахомъ. Онъ тяжело шагалъ по напнтанной дождевой водой травѣ двора, и похоже было, что оба они очень устали, какъ будто несли какую-то большую тяжесть.

Званцовъ постоялъ на крыльцѣ, чуть свѣтлѣе краснымъ огонькомъ папироски, подумалъ и оглянулъ небо. Оно было все въ черныхъ, глухихъ облакахъ, торопливо бѣжавшихъ къ востоку, и только кое-гдѣ сквозь эти траурныя облака просвѣчивало темное ночное небо. Тамъ, въ этихъ просвѣтахъ, порой неожиданно и робко всплывала одинокая звѣзда, и такъ печальна она была, такъ затеряна среди черныхъ торопливыхъ облаковъ, что офицеръ вздохнулъ. И съ новымъ, уже совсемъ не легкомысленно-всесельмъ лицомъ армейскаго офицера, беззаботно принимающаго и тяжесть войны, и скучное сидѣнье въ одинокомъ фольваркѣ, и неожиданную радость знакомства съ молодой дѣвушкой, а съ серьезнымъ, озабоченнымъ и чуть-чуть суровымъ выраженіемъ нахмуренныхъ бровей и плотно сжатыхъ губъ вошелъ въ переднюю.

Денщикъ, молчаливый татаринъ Шарафъ Удиновъ, встрѣтилъ его, мелькомъ оглянулъ сапоги, замѣтилъ на нихъ грязь и, какъ-то незамѣтно, на ходу склонился и отеръ ихъ тряпкой. Потомъ осторожно прошелъ за Званцовымъ въ комнату, принявъ фуражку и сталъ раскрывать постель.

Комната была большая, раздѣленная на двѣ неравныхъ части бѣлыми невысокими колоннами съ выцвѣтшей малиновой драпировкой. Очевидно, въ передней части былъ кабинетъ владѣльца, а за колоннами спальня. Оттуда всла маленькая дверь, скрытая старинными съ золотомъ обоями, въ узенькій коридоръ, откуда былъ ходъ и въ переднюю и въ другія комнаты. Татаринъ, послѣ того, какъ тщательно заперъ входную дверь, ложился всегда въ этомъ коридорчикѣ подъ самой дверью спальни, и разъ ночью Званцовъ, желая пройти этимъ ходомъ, такъ не наступилъ на него. И это было тоже свойственное только этой стоянкѣ. Прежде, въ другихъ мѣстахъ, Шарафъ Удиновъ обычно вечеромъ спрашивалъ, не требуется ли онъ, и, получивъ отвѣтъ, что не будетъ нуженъ, отпраивался къ солдатамъ въ команду и пропадалъ тамъ до поздняго времени. Здѣсь, въ фольваркѣ, онъ ни разу не отлучался и спать у самой двери помѣщенія Званцова. А когда тотъ во снѣ поворачивался или начиналъ бормотать что-нибудь, Шарафъ вскакивалъ, секунду прислушивался, потомъ тихонько отворялъ задѣланную обоями дверь и пробѣгалъ, спитъ ли баринъ.

А когда офицера не было и въ домъ навѣдывался Ткаченко, татаринъ молча зыслушивалъ его наставленія и только коротко бросалъ:

— Понимаю... Самъ знаю... Не говори зря, Ткаченъ... Самъ вижу!..

— Гля-яди!.. — предупреждающе поднималъ черный, съ оборванными во время возни съ тугой пряжкой подруги ногтемъ, палецъ Ткаченко,—ни на секунду чтобы одинъ не былъ... Слышишь? И ночью—чуть что, сейчасъ узнавай, въ чемъ дѣло... Самъ знаешь, мѣсто какое?.. Пишшу, которую приносить будутъ,

нюхай, смотри, чуть что такое—сичась будто невзначай оборотил судокъ, а лучше яшницу тамъ, либо что самъ... Постѣ по ночамъ, сторожъ, этотъ аридъ глазастый, зенки въ родѣ какъ буравцы—чтобъ ни ногой сюда!.. И никто чтобы въ комнату его высокоблагородія безъ его ни шагу!.. Не маленькій, понимать должечъ!..

— Самъ понимаю... Вижу!..

— То, то... Гля-яди!..

Палець съ оборваннымъ ногтемъ опять предупреждающе качался въ воздухѣ, а Шарафъ сопѣлъ, хмурился и отворачивался, словно его обвиняли въ чемъ-нибудь. И ночью при малѣйшемъ шорохѣ Шарафъ всевывался въ дверку и чутко прислушивался.

VI.

Званцовъ проснулся поздно — и отъ страннаго ощущенія: что-то снилось ему прекрасное и неувомимое. какъ всегда во снѣ, какія-то торжественныя волны подхватили его и несли надъ старой страдающей землей, и, грѣшная, облитая кровью, печальная, какъ осиротѣвшая мать, она стонала тяжкимъ, могильнымъ стономъ, а онъ летѣлъ все выше и выше—и торжественныя волны пѣли ему торжественную, прекрасную пѣсню, отъ которой къ горлу подступали слезы, и сердце сжималось въ страстномъ порывѣ.

— Боже мой—что это, что это?!—пытался спросить онъ кого-то, кто былъ тутъ же—неувомимый и прекрасный, какъ всегда во снѣ, похожий одновременно и на какую-то прекрасную дѣвушку и на мать, и не могъ, потому что голоса не было, и волны возносили его все выше и выше.—Боже мой, какъ же это? Какъ запомнить, закрѣпить, оставить съ собою эти волны, этотъ жалостный, печальный стонъ земли?!—тоскливо шепталъ онъ одиѣми губами, смутно сознавая, что это только сонъ, и что вотъ-вотъ онъ проснется.

То, что несло его, вдругъ разсыпалось тысячею звенящихъ колокольчиковъ, раскатилось стеклянными бусами, потомъ вдругъ засверкало и заплѣо такими нѣжными, мягкими переливами, что Званцовъ не выдержалъ и проснулся.

Попржежнему, еще не отзвучавъ, откуда-то издали, заглушенные разстояньемъ, доносились звуки. Въ первый моментъ Званцовъ думалъ, что это продолженіе сна, но опомнился и прислушался внимательно: играли на роялѣ—играли за нѣсколько комнатъ отъ него.

Онъ потянулся за папиросницей и вспомнилъ: вчера онъ приказалъ Шарафу Удинову пускать барышню, дочь управляющаго, въ залу, гдѣ стоялъ рояль. Теперь она играла—и эта игра наполнила его сонъ такими прекрасными видѣніями.

Онъ закурилъ папиросу и лежать, отдаваясь музыкѣ. Такъ давно онъ не слышалъ ея, такъ давно былъ совсѣмъ въ иной обстановкѣ, чуждой всякому искусству, наслажденію имъ; такой темной, тяжелой корой покрылось за это время сердце, незамѣтно впитывавшее въ себя тяжелыя и томительныя ощущенія войны, что, уже докуривая папиросу, уже усмѣхаясь новымъ и приятнымъ чувствомъ, разбуженнымъ этой музыкой, онъ все еще какой-то другой половиной души вѣрилъ, что все это только сонъ, и что пройдетъ минута—и не останется ничего...

Медленно, словно боясь разрушить свой сонъ, онъ стал одѣваться, умылся, пригладилъ волосы. Потомъ тихонько отворилъ дверь и заглянулъ въ переднюю. Татаринъ-денщикъ стоялъ, прислонившись къ колоннѣ возлѣ длиннаго ларя и, закинувъ голову назадъ, слушалъ. Почему-то Званцову не захотѣлось окликать его, и онъ такъ же тихо заперъ дверь.

То, что играли наверху, было ему незнакомо. Это была странная пѣса, тема которой шла двумя то стекающимися, то вновь раздвигивающимися линиями, и когда одна достигала мрачной, почти жестокой торжественности, вторая тоскливо стонала и плакала, какъ можетъ плакать только человекъ, вернувшійся къ своему очагу и нашедшій на мѣстѣ его грудь развалины, обрушившуюся печку, обгорѣвшія головни стѣнъ, среди которыхъ онъ выросъ.

Званцовъ давно не слушалъ музыки и отвыкъ отъ нея; но теперь ему казалось, что онъ понимаетъ ту пѣсу, что играла дѣвушка наверху,—странная дѣвушка съ непонятными глазами, какъ будто не вѣрящая, сомнѣвающаяся и смотрѣвшая такъ, словно хотѣла подѣлать, что видѣла, разсмотреть еще что-то...

Это была война—да, да, несомнѣнно война. Званцову чудилось, что въ гремящихъ, перекатывающихся въ пустомъ домѣ аккордахъ онъ слышитъ грохотъ орудій. Потомъ пѣснь,— пѣснь побѣдителей,—торжественная, мрачная, не знающая пощады побѣжденнымъ. Потомъ воображеніе подсказало ему мрачный маршъ, тяжелое шествіе воюющихъ, тѣхъ, для которыхъ безразлично окружающее; они проходятъ страны, города, попираютъ пашни и заняты одной мыслью—о побѣдѣ, о томъ, чтобы убивать... И тутъ же, сначала едва слышимымъ шелестомъ сорванныхъ бурей осеннихъ умирающихъ листьевъ, потомъ все выше и громче, все отчаяннѣе и ужаснѣе, прорывалась страстная боль стоящихъ въ сторонѣ, тѣхъ, чьи поля изрыты чудовищными снарядами, чьи поѣзды смяты желѣзной стопой смерти.

— Боже мой, какъ это хорошо, какъ ужасно!..—со слезами на глазахъ шепталъ Званцовъ, сжимая голову руками и раскачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ отъ физической боли.—Боже мой, Боже мой!..

„На войнѣ“.

Иллюстрація къ разсказу В. Муйжеля.

Званцовъ инстинктивно подался назадъ, почти прижавшись къ стволу ели и слившись съ нимъ своей защитной тужуркой. (Глава VI. стр. 784).

Если бы во время его сна въ комнату, гдѣ онъ спалъ, влетѣлъ снарядъ и, разворотивъ все, ранилъ бы его, онъ взволновался бы меньше, чѣмъ теперь отъ звуковъ далекаго рояля. Если бы ночью его вдругъ разбудили и сказали, что фольваркъ окруженъ нѣмцами, что почти всѣ люди перебиты, и ему осталось только умереть, подождоже продавъ свою жизнь, онъ былъ бы спокоинѣе, чѣмъ теперь. Но эти звуки, то значеніе, которое придало имъ его воображеніе, то, что ощущенія эти пришли со-всѣмъ изъ другого міра, полузабытаго, какъ далекое дѣтство, чуждаго сегодняшнему, вчерашнему, цѣлому ряду дней, міра до войны, отъ котораго онъ отвыкъ, какъ отвыкъ пускать змѣи и играть на кадетскомъ дворѣ въ казаки-разбойники,—это оказалось для изнервничавшагося, напряженнаго всей войной чело-вѣка неожиданно острымъ ударомъ.

Одинъ моментъ ему хотѣлось вскочить, побѣжать навверхъ, схватить эту странную дѣвушку за руку, прижать маленькую, трепетную руку эту крѣпко—крѣпко и сказать что-то такое большое, такое значительное, какъ эти звуки, какъ эта война, но вторая умная, осторожная, напряженная, какъ звѣрь во время опасности, половина его существа удержала его; онъ сидѣлъ, прислушиваясь къ доносившимся звукамъ и раскочи-ваясь, какъ отъ физической боли.

И когда музыка уже стихла, когда по ступенямъ лѣстницы послышались не громкіе, легкіе шаги, онъ притаился у себя, боясь, что неосторожное движеніе выдастъ его присутствіе здѣсь и то, что онъ слышалъ ея игру.

Еще не успокоившись отъ волненія, вызваннаго такъ необы-чайно начавшимся утромъ, Званцовъ, забывъ про кофе, вышелъ въ садъ. Какое чудесное утро было въ саду! Какъ нѣжно и сла-дочно обвѣвалъ легкій вѣтерокъ,—крѣпкій утренній вѣтерокъ, напоенный запахомъ молодой листвы, еще не согрѣвшейся въ солнцѣ земли, и какихъ-то невидимыхъ душистыхъ цвѣтовъ,—лицо и шевелилъ волосы! Какіе длинныя, свѣтлые лучи солнца танулись сквозь старыя деревья, выхватывая пятнами густую, буйно разросшуюся траву на землѣ!..

Званцовъ шель, дыша полной грудью, радостный одиноче-ствомъ въ этомъ паркѣ, гдѣ солнце встрѣчало его на скреще-ніяхъ аллей, и тѣнь ласково скользила по лицу въ залупченной гущинѣ. Такъ дошелъ онъ до пруда, и остановился подь боль-шой развѣсистой елью, глядя на заброшенную бесѣдку на той сторонѣ.

И совершенно неожиданно, даже въ первый моментъ не сообразивъ, что онъ видитъ, увидѣлъ, какъ изъ бесѣдки, осторожно поддерживая тарелку и на ней стаканъ, блюдечко, что-то еще, вышелъ тотъ самый лѣстникъ съ острыми, какъ маленькіе буравчики, глазами, котораго онъ встрѣчалъ ночью въ ка-чествѣ сторожа.

Званцовъ инстинктивно подался назадъ, почти прижавшись къ стволу ели и слившись съ нимъ своей защитной тужуркой. Лѣстникъ быстро и внимательно оглянувшись кругомъ, присѣлъ на корточки и сталъ складывать вынесенное въ мѣшокъ, какой обычно употребляется въ хозяйствѣ, грубой, домотканной мѣ-шокъ для корма птицамъ или посылки обѣда косарямъ въ поле. Сложивъ аккуратно, онъ захлестнулъ оставшійся конецъ петлей, поднялся и, оглянувшись еще разъ, спокойно пошелъ ко двору.

Званцовъ неподвижно прослѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся, подождать еще минутъ десять и выскользнулъ изъ-за ели. Пржняго волненія, страннаго, какъ будто растерянаго настроенія, какъ не бывало. То, что онъ видѣлъ, было непонятно, таинственно, неизвѣстно—тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ знать все. Незвѣстно, грозило ли оно чѣмъ-нибудь, но неиз-вѣстнаго, скрытаго не должно быть. Это была война—понятное, привычное, въ чемъ онъ жилъ все послѣднее время, и потому всякій отблескъ пережитаго утромъ ступенялся и растаялъ передъ этимъ.

Цѣлый день Званцовъ не входилъ въ паркъ. Онъ вертѣлся на дворѣ, весело покрикивалъ на солдатъ, самъ отправилъ очеред-ной развѣздъ и написалъ записку въ службу связи казначею хорунжему, знакомому по этимъ сношеніямъ челоуѣку, кото-раго онъ никогда въ жизни не видѣлъ, поболтать съ заѣха-вшими на фольваркъ двумя забайкальцами, привезшими при-казы и почту, и не безъ удовольствія прочелъ письмо раненаго товарища, отлеживавшагося въ одномъ изъ госпиталей Москвы.

Когда на дворѣ показалась дочь управляющаго, онъ почти-тельно издали раскланялся съ ней, потомъ подошелъ и въ восторженныхъ выраженіяхъ сталъ говорить о томъ впечатлѣніи, какое произвела на него ея музыка.

— Вы знаете, вы знаете,—улыбался, говорилъ онъ, задер-живая ея руку въ своей,—я цѣлый день хожу подь этимъ впе-чатлѣніемъ!.. Когда утромъ я услышалъ, я часа четыре не могъ выйти изъ комнаты!.. Я все ходилъ, ходилъ изъ угла въ уголъ, потомъ садился, опять ходить—и не могъ справиться съ собой!.. Это чудесно, прекрасно, и вы—волшебница, прекрасная волшеб-ница, изъ-за однихъ этихъ звуковъ можно для такой волшебницы пожертвовать жизнью!..

Она смотрѣла на него, улыбалась загадочно и томно и, слегка задыхаясь, какъ будто ей не хватало воздуха, бросала:

— Да? Вотъ какъ? Я не ожидала, что вы такой!.. И даже жизнь? А если волшебница вдругъ потребуетъ се?

— О, пусть, пусть только потребовала бы!..—восторженно ото-звался Званцовъ и неожиданно близко и смѣло глянулъ ей въ глаза,—пусть только!..

Она не смутилась, не испугалась—наоборотъ, отблескъ до-вѣствованія, гордый и самодовольный, скользнулъ по ея лицу. Но въ это время подходилъ угрюмый Ткаченко, и она, быстро высвободивъ руку, пошла къ дому.

Ткаченко сталъ говорить обыкновенныя вещи—о лошадахъ, о солдатѣ, который заболѣлъ животомъ, но по внимательному, сдержанному и вмѣстѣ допытывающемуся чего-то у офицера взгляду Званцовъ видѣлъ, что Ткаченко что-то спрашиваетъ мол-чаливо и не находить пока отвѣта.

„О чемъ онъ?—думалъ Званцовъ, идя къ себѣ,—чего? Ага, пони-маю—онъ о дѣвушкѣ этой!.. Видитъ, что я такъ съ нею, и боится!.. Думаетъ—„не перекинулся ли“ я, какъ они говорятъ!.. Гм! Это показательно“.

Вечеромъ въ тотъ же день Званцовъ принялъ докладъ Тка-ченки и тотчасъ же уславъ его. Потомъ велѣлъ приготовить себѣ постель, сказалъ Шарафу Удинову, что ему нездоровится, и что-бы онъ сходилъ во флигель сказать, что онъ ужинать не будетъ, и извинился бы передъ хозяевами, потомъ, не раздѣваясь, легъ и закрылся пледомъ.

— Да, еще вотъ!.. Ша-арафъ!—крикнулъ онъ, уже лежа и по-тушивъ свѣчу.

Денщикъ высунулся въ дверку.

— Если кто придетъ—не беспокоить меня!.. Слышишь? Никого не пускать, развѣ по командѣ что Ткаченко придетъ сказать!.. А такъ никого—понялъ?!

Онъ угадалъ. Черезъ полчаса послѣ возвращенія Шарафа изъ флигеля входная дверь стукнула, и кто-то вошелъ. Потомъ послышался голосъ денщика, убѣдительно доказывавшій что-то, другой голосъ, опять денщика, потомъ стукнула дверь.

VII.

Званцовъ пролежалъ часа полтора въ постели, ожидая, когда все заснетъ.

Наконецъ услышалъ, какъ укладывается подь дверкой Ша-рафъ, какъ шепчетъ что-то, пристраиваясь на тоненькомъ ко-врикѣ, на которомъ спалъ обычно, потомъ затихъ. Чуть скрип-нувъ кроватью, Званцовъ поднялся на ноги и, стараясь не звякнуть шпорами, прошелъ къ окну. Темная густая тѣма вплотную при-легала къ стекламъ. Только долго глядяваясь, можно было разо-браться темныя купы деревьевъ, просвѣты неба, едва намѣчаю-щуюся дорожку. Званцовъ осторожно поставилъ ногу на стулъ и сталъ отстегивать шпоры. Справившись съ этимъ, онъ забралъ въ карманъ электрической фонарикъ, попробовалъ его, направилъ подь столъ, и долго копался въ чемоданѣ, отыскивая свѣ-жую батарею. Перефннилъ, опять попробовалъ, засунулъ въ кар-манъ ноганъ и, какъ былъ, безъ фуражки, безъ шапки, пошелъ къ маленькой дверцѣ изъ спальни.

Онъ еще чуть пріотворилъ ее, какъ Шарафъ быстро и легко вскочилъ и остановился въ молчаніи.

— Ложись!..—Или нѣтъ, будете стоять у этого вотъ окна,—говорилъ Званцовъ молча слушавшему денщику,—и смотри вотъ туда, къ пруду, понять?

— Такъ точно!—коротко отвѣтилъ Шарафъ.

— Смотри все время—хоть три часа!.. Никому ничего, по-нять? А если выстрѣлъ, то сразу же къ Ткаченкѣ, пару дежур-ныхъ и туда!.. Понялъ?

— Такъ точно!.. Только что!..

— Ну, что еще?

— Дозвольте вмѣстѣ!.. съ вами, ваше благородь!..

— Молчи и дѣлай, что сказано.

Черезъ коридорчикъ, потомъ черезъ большую гостиную, еще какую-то пустую комнату, изъ которой была вынесена вся ме-бель, опять коридоръ и сѣни, съ просторной лакейской сбоку, Званцовъ вышелъ на маленькое крылечко, выходящее въ садъ. Одно обстоятельство ему показалось немного страннымъ: когда въ первые дни по занятіи этого дома онъ ходилъ этимъ ходомъ, старая дверь едва открывалась, ржавыя петли скрипѣли и трещали, а теперь она подалась легко, беззвучно, и видно было, что петли не только смазаны, но и вся дверь какъ будто по-чищена.

„Ткаченко, — догадался онъ, — Ткаченко и Шарафъ!.. Не даромъ этотъ сразу сообразилъ!.. Но какіе черги—сами ни слова!.. Очевидно, давно видать, можетъ-быть, наблюдаютъ, какъ я теперь, но ни одного слова!.. Пробрать надо!“

Но онъ вспомнилъ допытывающійся скрытый взглядъ Тка-ченки во время сегодняшней встрѣчи на дворѣ и усмѣхнулся. „Пожалуй, и то!.. Свообразная этика и деликатность!.. Его благородіе съ барышней романъ крутить, а тутъ о бесѣдкѣ!.. И не повѣрить и выдать зря можетъ, и бѣды накликаешь!.. А сами глядятъ—чуть что, молъ—мы тутъ!“

Онъ пошелъ окольной дорожкой, узенькой, обсаженной орѣ-хоми, почти сплетающимися навверхъ. Здѣсь было темнѣе и тише, и эта тишина глотала едва слышныя шорохъ его шаговъ. Порою онъ останавливался и чутько прислушивался, потомъ шель дальше. Онъ обогнулъ прудъ, прошелъ заросшую травой пло-щадку, стараясь держаться у деревьевъ, и усмѣхнулся своему приему: онъ вспомнилъ, какъ когда-то въ Псковской губерніи, гдѣ бывалъ у дяди на охотѣ, сторожилъ медвѣдей на овсахъ:

„На войнѣ“.

Иллюстрація къ разсказу В. Муйжеля.

...Въ вытянутой рукѣ его блеснулъ черной сталью револьверъ. (Глава VII. стр. 785).

никогда медвѣдь сразу не ползѣтъ на овесъ, а обойдетъ его по опушкѣ, раза два подымется на заднія лапы, обнюхаетъ все, прислушается и послѣ этого ляжетъ на брюхо и незамѣтно скользнетъ лакомиться...

„Звѣриная психологія“... — подумалъ онъ и незамѣтно, совершенно беззвучно скользнулъ къ берегу подъ кусты и импуже подошелъ къ бесѣдкѣ.

Она была та же—заброшенная, старая бесѣдка, гдѣ складываютъ лопаты, тачки, грабли, сырая, необитаемая, заросшая по сторонамъ высокой крапивой.

Дверь была приперта, и глухо и таинственно чернѣло маленькое окошечко.

Званцовъ долго слушалъ около нея. Какая-то птица нудно и медлительно гукала на дальнемъ болотѣ; беззвучно разсѣкая воздухъ, разъ и тотчасъ другой разъ, проскользнула летучая мышь; на дальнемъ дворѣ кто-то переговаривался глухимъ голосомъ, и этотъ живой человѣческій звукъ только подчеркивалъ царящую здѣсь тишину. И если совсѣмъ замереть на мѣстѣ, напрачь слухъ, остановить мысль, ничѣмъ не отвлекаться, можно было, одновременно съ тихимъ шорохомъ пробирающейся по травѣ лягушки у ногъ, разобратъ странное, плотное вздрагиванье воздуха. Не звукъ, не отголосокъ, а только чуть замѣтное колебаніе воздуха доносилось сюда изъ-за сорока пяти верстъ—дальняго участка фронта, гдѣ шла артиллерійская пальба.

Званцовъ послушалъ ее, склонивъ голову набокъ, потомъ ощупалъ въ карманѣ револьверъ и пріотворилъ дверь въ бесѣдку.

Она подалась очень скупно, какъ бы нехотя, и въ узкое черное пространство шмыгнулъ офицеръ. Потомъ приперъ дверь за собою, освѣтилъ фонаремъ тачки и лопаты и вторую дверь во внутреннюю комнатку. На ней не было замка.

Прошло не меньше получаса, прежде чѣмъ Званцовъ двинулся къ этой двери. Онъ слушалъ, какъ слушаетъ волкъ или лисица, или осторожный, умный барсукъ, стараясь уловить малѣйшій шорохъ. Но тишина была полная, и Званцовъ уже началъ сомнѣваться.

Дверь въ комнату открылась также легко и почти неслышно. Званцовъ вошелъ, плотно притворилъ ее за собою и, скользнувъ рукою по облинку, нащупалъ большой крюкъ. Ощупью онъ задожилъ его, потомъ вынулъ фонарь и нажалъ его пружинку. Длинный, рѣзко-бѣлый лучъ родился яркимъ пятномъ на полу, мелькнулъ по стѣнѣ и, обведя комнатку, остановился на широкой, чисто прибранной кровати съ бѣлой кружевной по-

душкой, какія бываютъ въ комнатахъ молодыхъ дѣвушекъ, съ шелковымъ одѣяломъ. Что-то бѣлое, какъ большой ватный комъ, лежало на этой подушкѣ, и въ первую минуту Званцовъ не сразу понялъ, чтѣ. Но вдругъ это бѣлое шевельнулось, качнулось вверхъ, потомъ кровать скрипнула, и къ нему повернулось молодое, худощавое лицо съ темными усами и недавно, очевидно, выбритой бородой. И, прежде чѣмъ Званцовъ успѣлъ сдѣлать движеніе, проснувшійся быстро сѣлъ, и въ вытянутой рукѣ его блеснулъ черной сталью револьверъ.

Званцовъ не двинулся—онъ зналъ, что за яркимъ столбомъ фонаря его не видно, и тотъ не можетъ знать, кто вошелъ къ нему, онъ только оглянулъ державшаго револьверъ, молча щурившагося на свѣтъ фонаря и не произносившаго ни звука, потомъ стулъ у изголовья; на стулѣ лежала одежда—та, которую онъ такъ много разъ видѣлъ, которую надѣвалъ самъ и съ которой не разставался во время развѣдокъ: германскаго лейтенанта.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, почти упираясь фонаремъ въ лицо лежавшаго, и сказалъ по-нѣмецки:

— Только не стрѣлять! На выстрѣлъ прибѣгутъ солдаты. Я полагаю, это не въ вашихъ интересахъ.

Лежавшій также молча опустил револьверъ, и онъ гдѣ-то спрятался вмѣстѣ съ рукою въ складкахъ одѣяла.

— Нѣтъ, сюда, на стулъ!—проговорилъ Званцовъ.—Намъ надо поговорить.

Онъ поднялъ лучъ фонаря вверхъ, и вся комната освѣтилась отраженнымъ отъ потолка, мягкимъ и довольно сильнымъ свѣтомъ. Лежавшій теперь разсмотрѣлъ, кто съ нимъ говорить, положилъ револьверъ на свой мундиръ и поправился на подушкѣ.

Званцовъ придвинулъ ногой какой-то трехногий табуретъ, сѣлъ на него и, попрежнему держа фонарь рефлекторомъ вверхъ, оглядѣлъ все въ комнатѣ.

Человѣкъ на кровати былъ несомнѣнно раненъ. Вся голова его была забинтована марлей, изъ-подъ которой кое-гдѣ торчала вага. На подоконникѣ окна, плотно завѣшаннаго матеріей и сверху клеенкой, такъ что ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ наружу, стояли двѣ бутылочки съ ярлычками, очевидно, микстуры, лѣкарства. Надъ головой раненаго висѣлъ палашъ, прямой и длинный, какой носятъ офицеры прусской гвардіи, и каска—сѣрая, съ чернымъ козырькомъ и большимъ мѣднымъ орломъ. Сѣрый плащъ съ чернымъ воротникомъ и большимъ капюшономъ валялся въ ногахъ кровати.

Теперь, постѣ зѣмотра, Званцовъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Как мог попасть сюда этот гвардейский лейтенант? Ничего не могло быть проще: 2 Pferde, надпись, замеченная Ткаченко на сарае; стоял развезд, как стоит теперь в этом фольварке сам Званцов. Офицер во время реконсоцировки был, вбродно, довольно тяжело ранен. А тут нажим русских. Ему уже нельзя было уйти к своим — он остался, отправив солдат. Конечно, все это можно продумать при благосклонном участии благодарного населения. Музыкальная фея — главное действующее лицо несомненно, — закончил Званцов и сказал вслух:

— Wünschen Sie rauchen? (Не желаете ли закурить?) Къ сожалѣнню, у меня нѣтъ сигаръ, но русскія папиросы достойны вашего вниманія...

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не курю... — твердимъ, нѣсколько сухимъ, но очень правильнымъ языкомъ по-русски отвѣтилъ лежащий. — Чтò вы будете со мной дѣлать?

Званцовъ молча смотрѣлъ на него.

— А чтò бы вы дѣлали въ подобномъ положеніи? — спросилъ онъ.

— Я спрашиваю васъ и со всѣмъ не хочу получать вмѣсто отвѣта вопросъ, — замѣтилъ раненый, и желтоватое, особенно рѣзко рисовавшееся въ смягченномъ свѣтѣ поднятаго кверху фонаря лицо его казалось каменнымъ въ своей неподвижности.

— Я думаю, что вы теперь взяты въ плѣнъ, — просто сказалъ Званцовъ.

— Но я раненъ — и, вы видите, не могу двинуться.

— Этого я не знаю. Думаю, что вы были ранены сильно. Пулей, холоднымъ оружіемъ?

— Осколкомъ снаряда... Нашъ развездъ, очевидно, замѣтили съ наблюдательнаго пункта вашего и дали всего два выстрѣла... Ваши артиллеристы хорошо бьютъ — два солдата на мѣстѣ, одна лошадь тоже, одну пришлось пристрѣлить, и я оказался раненымъ.

Онъ помолчалъ, пожевалъ губами, какъ человѣкъ, котораго томить жаръ. Званцовъ оглянулся, замѣтилъ бѣлый кувшинъ съ водой и наполнилъ стаканъ.

— Благодарю васъ, — принимая его, — отвѣтилъ раненый, при чемъ у него вышло „благодарю“, — у меня лихорадка... Это отъ раны и отъ этихъ болотъ... Ужасныя болота... Какъ могутъ люди жить тутъ!

— Это малярія, — согласился Званцовъ, — она дѣйствуетъ только на людей, выросшихъ въ иныхъ условіяхъ. У васъ много больныхъ въ строю?

Чуть замѣтная тонкая усмѣшка скользнула по лицу раненаго.

— Вы не находите, что слишкомъ рано вступасте въ роль допрашивающаго плѣннаго? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не нахожу... Даже больше — я увѣренъ, что вы мнѣ отвѣтите на всѣ вопросы: вы мнѣ скажете, какъ давно вашъ пикетъ стоялъ здѣсь, когда онъ ушелъ, его составъ, потери вашей части, самую часть, гдѣ она была сформирована, давно ли на этомъ фронтѣ и откуда пришла, потери части за послѣднее время — вообще весь кругъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ вы сами, вбродно, догадываетесь... Но это потомъ? Сейчас... Сейчас я не знаю, собственно, какъ мнѣ быть? Самому сидѣть около васъ невозможно, а поставить солдата по нѣкоторымъ соображеніямъ мнѣ не хотѣлось бы... Вообще не хотѣлось бы пока придавать огласкѣ ваше присутствіе здѣсь... Гм... Рѣшительно не могу ничего придумать!..

— Смѣю васъ увѣрить, что я очень раненъ, и что безъ посторонней помощи я не могу уйти, — быстро сказалъ нѣмецкій офицеръ.

— Я плохо вѣрю представителямъ арміи, выкидывающей бѣлый флагъ, который прикрываетъ спрятанные сзади пулеметы... — задумчиво бросилъ Званцовъ.

Офицеръ промолчалъ, потомъ двинулся, и судорога должно быть, отъ неосторожнаго движенія прошла по его лицу.

— Я учился въ вашемъ Юрьевскомъ университетѣ, — проговорилъ онъ, морщась отъ проснувшейся боли. — и я всегда не по-

На британскомъ фронтѣ на рѣкѣ Соммѣ.

Мотоциклъ съ почтовыми голубями.

тотъ говорить не ему, внезапно вынырнувшему изъ тьмы офицеру, который, несомнѣнно, не оставитъ его такъ лежать, а кому-то другому, съ кѣмъ онъ неоднократно и подолгу говорилъ.

— Если бы солдатамъ время Фридриха Великаго сказали, что есть орудіе, бьющее за двадцать километровъ, — продолжалъ раненый, безпокойно двигаясь и въ то же время морщась отъ боли, — они, можетъ-быть, побросали бы мушкеты и рѣшили, что зоевать больше не зачѣмъ... Если бы Америко Веспучи, или Колумбу, или какому-нибудь еще завоевателю морскому показали подводную мину, Америка, можетъ-быть, не была бы открыта, такъ же, какъ другія части свѣта... Удушливые газы, бомбы съ аэроплана — это то же, что первое ружье послѣ стрѣлы или дротика, первый лукъ послѣ дубины и копыя.

— Я сказалъ не о томъ... Я говорилъ объ обманѣ, примѣняемомъ вашей арміей.

— Ахъ, обманъ, обманъ! — заволновался раненый и заерзалъ по кровати. — Демонстративное движеніе на одномъ участкѣ фронта, въ то время, когда готовится ударъ на другомъ, — тоже обманъ... Маневръ — до тѣхъ поръ маневръ, пока онъ не разгаданъ, пока активная сторона имѣетъ возможность фальшивыми передвиженіями, демонстративными выступленіями обманывать противника... И что говорить объ обманѣ, чтò гогорить! — почти закричалъ онъ, блестя свѣтлыми, лихорадочными глазами, — чтò говорить объ этомъ, когда на карту поставлено существованіе цѣлыхъ странъ?! Цѣль ясна — побѣда, и надо идти къ ней со всею настойчивостью, со всѣми силами, на какія люди способны... Шпіонажъ — обманъ, но вы военный, я не знаю, какой части, но вы должны знать, что безъ развѣдки ни одна армія не въ состояніи двинуться на двѣ сажени... А разъ такъ, разъ это признано, установлено, — это существуетъ — понимаете — существуетъ-есть, — раздѣльно и твердо повторилъ онъ, — то чтò значитъ вся гаагская конференція, женевская конвенція и прочія сентиментальности, которыми люди засоряютъ себѣ мозгъ, для того, чтобъ не думать о дѣйствительномъ, существующемъ?! Надо принимать жизнь такою, какою она есть, — жестокою, сильною, зоологическою, надо понятіе справедливости, гуманности и прочей сентиментальной ерунды, какъ говорятъ у васъ, замѣнить простымъ и точнымъ понятіемъ цѣ-ле-сооб-раз-ности!.. — опять подчеркнул онъ и, приподнявшись съ подушекъ, остро и страшно уставился на Званцова.

— Поймите же, поймите вы, славяне, — заговорилъ онъ хриплымъ, негодующимъ голосомъ, — что вы тормозите жизнь, ея естественное развитіе, что вы со своимъ укладомъ, нелѣпымъ и дикимъ, сочетающимъ съ одной стороны, звѣрскую жестокость

буржуазного класса, спекулирующего на войнах, — вы думаете, мы не знаем, что делается у вас внутри страны? В Берлине каждый день газеты приводят столбы фактов, доказывающих ваше внутреннее разложение, и когда — во время войны! — со спекуляцией, безправием, позорной темнотою вашего крестьянства и с этой никогда не бывших времен, христианским всепрощением, добродушием, незлобностью, неустойчивостью в одном настроении — вы останавливаете ход земли, вы ставите преграду всему человечеству!.. Ах, я знаю вас, я прожила у вас пятнадцать лет, я училась в вашем университете, и я — я любила вашу страну, да, да, вы можете смеяться, но я любила ее — ее широкие необозримые поля, ее величественные леса, ее многоводные реки. наконец ее неисчислимы возможности, при которых вы, вы, и только вы могли бы стать величайшим народом в мире. Я любила это — но теперь я ненавижу вас, я ненавижу ваше расплывчатое, мягкотелое, лишенное спинного хребта население, вашу литературу, построенную на печали о том, что все никуда не годится, все плохо, кругом пошлость и подлость, ничего не делается, и никто не говорит, куда надо идти и что делать, а если говорить, то так вяло, так скучно жуеет старая избитая слова, так мало убедителен и так труслив в собственных своих выводах, что его противно читать!.. Разверните любую газету вашу теперь, во время войны — вы увидите, что люди смеются, — да, да смеются, — что ваши купцы наживают бешеные деньги, что сапог в вашей стране, в России! — ха-ха-ха! сапог нет, что очереди стоят за мясом, хлебом!.. Ха-ха-ха-ха!.. — бешено расхохотался он, откидываясь на подушки. — Это в России, в России!.. Мой отец был ученый — геолог. он скончался перед войной, и он всегда говорил, что Россию надо завоевать, иначе весь мир станет нашим!.. О, как ненавижу я вас, не успевших пережить время расцвета культуры и создавших уже упадочное, утонченное искусство. вас, не умевших до сих пор справиться с самими собой, не научившихся учитывать те великие силы — в земле, в горах, в воде, в людях, которые у вас есть и погибают напрасно!..

Он задыхался, как будто ему не хватало воздуха, и от этого Званцов испытывал странное ощущение: ему казалось, что все говорится не ему, Званцову, много думавшему об этом, а кому-то другому, с кем раненый много и часто говорил. И слушал он его с каким-то посторонним, странным любопытством; тот не мог знать всего, что знает в своей стране Званцов, не мог почувствовать так ее жизнь, как он. Но кроме этого он знал, что никогда, в самые страшные минуты этой войны, в атаке, когда его эскадрон брал в конном строю батарею под Лодзью и он был ранен, когда свершался страшный отход наш из Восточной Пруссии и люди дрались, как бешеные, грудь с грудью, царапаясь и кусаясь в мертвой схватке, и когда его спас только Ткаченко, разбивший прикладом карабина голову венгерского гусара, никогда, при втором ранении даже, он не почувствовал так ярко и отчетливо, что перед ним враг, в полном, исключаящем всякое смягчение значения этого слова, как теперь, перед раненым и, впрочем, безсильным человеком.

Это был настоящий враг, убежденный и воспитавший в себе вражду почти до экстаза. Это враг не потому, что два дипломатических корпуса двух государств

не сумели уладить возникшего конфликта, не потому, что одному хотелось расширить действие своих производительных сил в новой территории, это был враг по самому существу своему. по манере мыслить, чувствовать, учитывать жизненные явления, враг по жизненным традициям, по тем стремлениям, которыми воодушевляют его.

— Да, нам есть о чем с вами поговорить, — задумчиво проговорил он, закуривая новую папиросу, — вы сказали много, на многое можно было бы ответить вам... Во-первых, мы стоим на разных точках зрения... Вам представляется, — начал он, увлекаясь сам своей мыслью и тем, что ее можно было высказать человеку, которого такого рода мысли так же интересовали, как его самого, — вам представляется, что главное — во владычестве, в занятии высшего положения... Deutschland über alles, — усмехаясь, произнес он, — вы это съели гимном... Вам кажется, что все исчерпывается той самой курницей, которую Генрих хотел видеть за столом каждого крестьянина. Материальное благо, поставленное в основание всего здания, представляется вам тем, ради чего стоит тратить силы, средства, жизнь... Но представьте же, представьте вы, что, если бы идеей этой войны была объявлена выгода и только выгода в том понимании, какими вы снабжаете представление о материальном благе, если бы сказали, что после войны я буду получать больше денег, лучше есть и крепче спать, что материальное благо подымется, представьте, что я — если бы это, и только это, было объявлено в начале войны, я пошел бы под суд, впрочем, был бы разстрелян, как нарушающий присягу офицер, но я пальцем не шевельнул бы, чтобы сделать шаг на такую войну...

Голубиный экспресс.

Крылатые вестники на службе во французской армии.

„Какъ тамъ у васъ?“

Картина Ж. Симова.

— Я знаю, о, я знаю,—подхватилъ онъ, видя, что ему хотятъ возразить,—я знаю, что правда большинства на вашей сторонѣ... Что сотни тысячъ нашихъ крестьянъ, теперь воюющихъ съ вашими, убѣждены, что послѣ войны будетъ какая-то „прирѣзка“... О, я знаю это—и знаю, что въ своей психологii вы учитываете это, но вы не выросли среди нашего народа, и вы не знаете его. И смѣю васъ увѣрить, что, если только одна прирѣзка, только прирѣзка была бы объявлена результатомъ войны и ея движущей причиной, народъ совсѣмъ иначе отозвался бы на нее и, вѣроятно, не счелъ бы нужнымъ умирать въ сотняхъ тысячъ для одного матеріальнаго блага, для „прирѣзки“... О, я глубоко увѣренъ въ этомъ—я, всю жизнь прожившій въ Россii, половину жизни въ деревнѣ... Для того, чтобы поднялся тотъ самый мужикъ, который ѣтъ квасъ съ лукомъ, кромѣ прирѣзки, нужно еще что-то... И вотъ гибель Германii именно въ томъ, что она даже не можетъ понять, что нужно этому мужику... Умный, арифметически точный человекъ, поднявшій вашу страну на эту войну, учевшій всѣ возможности, не учелъ именно этого. Онъ ошибся во всемъ—ибо война, когда она освобождена отъ матеріальныхъ выгодъ, она—вдохновеніе, искусство. И получилось то, что расчетъ на Бельгii не оправдался, на ирландское возстаніе въ Англіи палъ, на французскіе беспорядки тоже, на московскую исторію въ Россii—тоже!.. И вотъ поэтому вышло такъ, что, занявъ часть тѣрриторii страны, провоевавъ два года, уничтоживъ безграничное количество людей, вы отъ побѣды дальше, чѣмъ въ дни Калина... Закованная въ

желѣзо и сталь рука поднимается и наноситъ страшный ударъ: но каждый такой ударъ не приближаетъ, а отдаляетъ результаты, и, какъ во снѣ, ударъ не разитъ, а падаетъ безсильно... Въ старинныхъ русскихъ быляхъ есть одно сказаніе, въ которомъ богатырь, уже почти сраженный, едва упадетъ на землю, получаетъ новую силу, въ то время какъ его противникъ борется запасомъ старой, постепенно, конечно, расходующейся... Вы попали именно въ такое положеніе—и въ этомъ трагедія,—не драма, а трагедія ваша, и это потому, что вы, учтя все, касающееся матеріальной обстановки міровой войны, не приняли къ учету ни одной черты ея моральной, нравственной... Отъ этого вы будете разбиты.

— Я даже думаю, — продолжалъ Званцовъ, оживившись и взглядывая на раненаго нѣмца, какъ на собесѣдника, который черезъ пять минутъ будетъ убѣжденъ его доводомъ,—я даже думаю, что Россія именно потому и стала Россіей, т.-е. огромной, слившей въ себѣ массы различныхъ національностей, объединившей сѣверъ и югъ, востокъ и западъ,—именно потому, что всѣ примыкающіе къ ней чувствовали, что не въ матеріальномъ благѣ центръ тяжести жизни здѣсь, не въ знаменитой курицѣ за столомъ крестьянина, а въ чемъ-то другомъ, въ чемъ-то лежащемъ по другую сторону грани—и это именно...

Онъ не договорилъ. Дверь вдругъ стремительно дернулась разъ и другой, и когда Званцовъ откинулъ крючокъ, направивъ свѣтъ фонаря прямо на нее, въ черномъ рѣзкомъ квадратѣ появилась женская фигура.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Желающіе получать «Ниву» съ начала будущаго года **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1917 годъ**, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться прилагаемымъ при этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ почтоваго перевода.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 48

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 26-го ноября 1916 г.

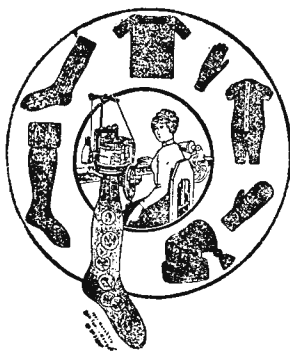
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.
Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 3.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для соб- ственныхъ надобностей.

Требования на чулочный товаръ вседѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТО- РІЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИК- ТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 ми- нутъ. Наша автоматическая быстроиз- ваяльная машина «ВИКТОРИЯ» стоить 200 руб. Мы ищемъ немедленно старе- льныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Предварительныхъ знаний не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИШЕСТВО ВІЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11в.

НА БЕСМЯСНЫЕ ДНИ!!!

Весьма питательны и вкусны
КОМПОТЪ СМѢСЬ изъ сушеныхъ тур- кестанскихъ фруктовъ (абрикосы, пер- сики, урюкъ, бухарская вишня и слива, яблоки, груша и др.) Цѣна: за 12 фунт. 3 руб. почт. посылку 6 р. 90 к. а-з
БАКАЛЕЯ изъ сладкихъ фруктовъ къ чаю, за 12 ф. посылку 12 руб. 50 коп. пересылка по почтѣ за мой счетъ. На каждую посылку задатокъ 2 руб. можно почт. укр. остальное налож. платежъ.
Адр: В. Я. Матуловичъ, Ташкентъ.

НАСТОЯЩІЯ ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

300 шт. только 1 р. 25 к., 500 шт. только 3 р., 1000 шт. только 9 р., 2000 шт. только 30 р., 100 Англ. колоній 1 р. 25 к., 50 франц. колоній 1 р., 100 франц. колоній 2 р., 100 франц. кол. 6 р., 50 Бельгій 1 р., 50 Даниі 1 р., 30 Норвегій 1 р., 50 Швециі 1 р., 20 Персиі — 50 к., 50 Персиі 1 р. 50 к., 100 земскихъ марокъ 9 р. За перес. особо.
Всѣ марки НАСТОЯЩІЯ и РАЗЛИЧНЫ.
Пробный номеръ журнала „Филателия“ 30 к.
Каталогъ „YVERT—TELLIER“ 4 руб.
МАГАЗИНЪ МАРОКЪ

ЗВАЛЬДЪ ЗЙХЕНТАЛЬ,

Петроградъ, Невскій, 40.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почеркъ учениковъ. Въ 15 уроковъ научо заочно красиво и скоро пи- сать. За 5 десятковъ марокъ выслать образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Професс. каллиграф. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, л. № 19.

для ЦВѢТА ЛИЦА

ПРЕВОСХОДНЫЙ

освѣжающій кожу

элегантный кремъ

Дермозонъ

Дра Антоня Мейеръ

имѣетъ очаровательный ароматъ

цвѣтущихъ розъ. Онъ является

гордостью женщинъ, желающихъ

сохранить свой молодой видъ.

Дермозонъ продается во всѣхъ

аптекахъ, въ банкахъ по 30

граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ

быстро, если предварительно

обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ

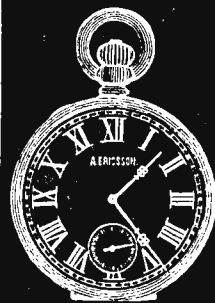
Т-ва Стольбергъ и Ко.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ
продаю и покупаю И. Д. КРУПЕНИНЪ,
п.-т.-от. Ивановское, Твер. гу., 4408
Каталогъ высылаю за 10 коп. марку.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование.
Заочное обученіе. Безплатная
премия. Каллиграфія, стеногра-
фія, правописаніе и проч. **АТ-
ТЕСТАТЪ.** Леготныя условія
подписки и **БЕЗПЛАТНО.**
пробная лекція
Адр.: Петрог., „Кругъ Самообра-
зованія“, В. Ружейная, 7—5б.

Августъ Эриксонъ

хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Никольевской
Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ,
Императорскаго Россійскаго флота и пр. и пр.

сущ. съ 1865 г.
ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.

Петроградъ, Невскій пр., № 13.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, невралгенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческа дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтель- ствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказы- ваться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ нигуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Спер- миномъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРО-
ГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО? Руководство къ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Я САМЪ — ХОЗЯИНЪ. Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ написать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 2 р. 75 к. МОСКВА, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ДОМАШНЕЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ САХАРА. Простой и легкой способъ домашнего изготовления сахара, песочнаго, кускового, постнаго, искусств. меда, сироповъ изъ вѣдугонающихся материаловъ, безъ всякихъ особыхъ приспособлений, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ и необходимо въ каждой домѣ. Цѣна ТРИ р. 25 к. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Поставщикъ Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Веодоровны.
ФАБРИКА ЧАСОВЪ **ТОРГОВАГО ДОМА**
Г. МОЗЕРЪ и К^о.
(Основ. въ 1826 г.)
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.
Для устранения случаевъ злоупотребленія некоторыми торговцами названіемъ нашей фирмы, считаемъ необходимымъ рекомендовать желающимъ приобрести часы нашей фабрики обратитъ особенное вниманіе на то: помѣщены ли на предлагаемыхъ варманныхъ часахъ въ имѣющихся на нихъ клеймахъ и надписяхъ на французскомъ языкѣ передъ фамиліей MOSER & Co, буквы „НУ“ или „Н“, такъ какъ только съ такими клеймами и надписями часы являются дѣйствительными издѣліями нашей фабрики.
Магазины Г. МОЗЕРЪ и К^о имѣются только:
въ Петроградѣ: Невскій пр., 26—4; въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, 12—4;
въ Кіевѣ: Крещатикъ, 29—4; на Нижегородской ярмаркѣ: На Главной площади.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ. Изд. годъ 32-й.
На еженедѣльный старѣйшій и самый распространенный изъ русской сельско-хозяйственной прессы

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ
ИЛЛЮСТРИР. ЖУРНАЛЪ ПРАКТИЧЕСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА.

Подписной годъ считается съ 1 ноября 1916 г. по 1 ноября 1917 г.

Издатель П. П. СОЙКИНЪ, Редакторы П. ШТЕЙНБЕРГЪ и М. М. ГЛУХОВЪ.
52 №№ ЖУРНАЛА, въ теченіе года будетъ 2.000 помѣщ. до практически-полезныхъ статей и отвѣтовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства

12 КНИГЪ съ многочисл. иллюстраціями, емельс. журн. **ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО**
Въ книгахъ „Хуторскаго Хозяйства“ читатели подробно знакомятся съ веденіемъ различныхъ отраслей хозяйства на небольшихъ участкахъ земли.

6 полныхъ практическихъ руководствъ съ рисунками и чертежами.

1. КЛУБНЕПЛОДЫ и КОРНЕПЛОДЫ. Составилъ М. А. Кухаренко.
2. МОЛОЧНОЕ СКОТОВОДСТВО. Составилъ А. Н. Щербининъ.
3. ЗАРАЗНЫЯ БОЛЕЗНИ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ. Сост. Г. И. Гуриновъ.
4. ОРГАНИЗАЦІЯ МЕЛКАГО ХОЗЯЙСТВА. Составилъ И. В. Ермолаевъ.
5. ДОХОДНОЕ КУРОВОДСТВО. Составилъ А. И. Осиповъ.
6. ДОХОДНОЕ ЗАВОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ ХВОЙНОМЪ ЛѢСУ. Простѣйшіе способы кустарной и заводской химической обработки хвойныхъ породъ: смолокуреніе, углежженіе, устройство завода для выдѣлки скипидара, канифоли и пека; получение хвойныхъ маселъ изъ сосны, пихты, можжевельника. Сост. инж.-техн. А. С. Семеновъ.

8 КНИГЪ съ рисунками. **СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.**

1. ЧТО НАДО СДѢЛАТЬ ДЛЯ ПОДНЯТІЯ СКОТОВОДСТВА. Составилъ Д. М. Бодиско.
2. ВЫРАЩИВАНІЕ и ОТКОРМЪ СВИНЕЙ. Составилъ А. М. Макаровъ.
3. РАЗВЕДЕНІЕ МЯСНЫХЪ и МЯСО-ШЕРСТНЫХЪ ОВЕЦЪ. Составилъ А. М. Макаровъ.
4. ПОЛЕВАЯ КУЛЬТУРА ОВОЩЕЙ. Составилъ Т. А. Гужавинъ.
5. ПОЛЕВАЯ КУЛЬТУРА ГОРОХА, ЧЕЧЕВИЦЫ, ФАСОЛИ и БОБОВЪ. Составилъ Н. В. Сидорскій.
6. КРОЛИКОВОДСТВО. Составилъ К. Корчакъ.
7. КАКЪ ОБЕСПЕЧИТЬ ХОЗЯЙСТВО КОРМАМИ. Сост. В. В. Зарыцкій.
8. ПЛЕМЕННОЙ ВЫКЪ. Составилъ И. И. Витольдинъ.

4 КНИГИ въ кн. иллюстр. **РЕМЕСЛА, НЕОБХОД. ВЪ ХОЗЯЙСТВѢ.**

1. КУЗНЕЧНОЕ МАСТЕРСТВО. 2. ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТОГО СУКНА.
3. КАНАТНОЕ и ВЕРЕВЪЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. 4. БОНДАРНОЕ РЕМЕСЛО.

Кроме того, будетъ дано **ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ:**
КАЛЕНДАРЬ „СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА“ на 1917 годъ.

БЕЗПЛАТНО ОТВѢТЫ специальностямъ по всѣмъ отраслямъ сельск. хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на „Сельскій Хозяинъ“ со всѣми приложеніями на годъ съ дост. и пересылкой **10 РУБ.**
допускается **РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ 5 руб. и къ 1 мая остальные 5 рублей.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ. — 32-й г. ИЗДАНІЯ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
Издается съ 1885 г. Пробный № за 20 коп. Одобренъ всѣми вѣдомствами.

52 №№ ЖУРНАЛА 2.000 столб. текста 500 иллюстрацій на мотивы Сибирскіе, церковныя, историческіе духовныхъ и современно-бытовые. больш. форм., ок. свѣтскихъ писат. и

Кроме №№ журнала будутъ даны бесплатныя приложенія, а именно:
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ о русск. правед. послѣдн. вѣковъ, еще не просл. Церк., но жущ. просл., публ. **Е. ПОСЕЛЯНИНА**

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ
ПРАВЕДНИКИ ПОСЛѢДНИХЪ ВѢКОВЪ.

12 КНИГЪ больш. форм., представляющихъ собою разск. о мног. правед. русск. людяхъ (съ XVII в. по наши дни), еще не канонизов., но память которыхъ почитается народомъ и во многихъ изъ котор. онъ видитъ чудотворцевъ. Всѣ эти люди—лучшія цѣфты церк. и въ нихъ сияетъ неумирающее богат. духовн. жизни русск. народа-богатыря.

Продолжая принятый на себя трудъ дать своимъ читателямъ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ Св. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

Реданція „Русскаго Паломника“ въ 1917 году дастъ
8 КНИГЪ — ТВОРЕНІЙ ВЕЛИКАГО СВЯТИТЕЛЯ — **БЕСѢДЫ НА ДНИ СВЯТЫХЪ.**

«Бесѣды на дни святыхъ» св. І. Златоуста особенно умѣстны въ настоящее время: онѣ возбуждаютъ въ читателѣ упованіе на Бога и предохраняютъ отъ отчаянія.

ПЕРВЫЯ 36 КНИГЪ ПОЛН. СОБР. ТВОР. новые подписч. **12 РУБ.** свыше 4.000 стр. **ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО** мог. получ. за **12** съ перес.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож. безъ дост. въ Петрогр. 11 р. Съ дост. и перес. по Россіи **12 РУБ.**
РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ Въ 2 срока: при подл. 6 р. и къ 1 июля остальн. 6 р. въ 2 или 3 срока: Въ 3 срока: при подл. 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 июля 4 р.

Кроме того, подписчики „Русскаго Паломника“ могутъ получить за 3 руб. съ перес.

НОВЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ“ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **ВЛ. П. ЛЕБЕДЕВА.**

12 КНИГЪ Задача «Историческаго Журнала» — путемъ живого, обильнаго интересн. чтенія знаком. читателѣй съ велик. историч. прошл. Россіи, почерпнуть изъ него силу и бод. больш. форм. ростъ въ пережив. нынѣ нашей родной тяжелой время, указывать тѣ святая сокровища велик. русск. народн. духа, коими цѣльна, могуча и необходима Россія на свѣтлой дорогѣ преудказан. ся историч. судьбами славы. Тщательно подобранный, обильный историческій матеріалъ, освѣщенный съ точки зрѣнія разумнаго, широкаго націонализма—вотъ та программа, тотъ девизъ, котораго будетъ держаться нашъ новый «Историческій Журналъ».

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: ПЕТРОГРАДЪ, СТРЕМЯННАЯ, 12, СОБ. Д.

Руководство **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. для газетныхъ работъ. лобочн. заработокъ 480к. Цѣна 1 руб. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ВОЗВАНІЕ.
Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, д. 22

Чеховъ, Антонъ. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Томы: I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV и XV—„Разсказы“. Т. VII—„Плещы“; т. X—„Островъ Сахалинъ“ (Изъ путевыхъ записокъ). Т. XI—„Разсказы и пьесы“. Изящно изданныя книги, отпечатанныя на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ 8-ю д. л. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ колѣнкор. переплетѣ по 2 р. 50 к., съ перес. по 3 руб.

„РЫБОЛОВЪ и ОХОТНИКЪ“. Двухнед. илл. журн. Годъ изд. 9-й Подлжн. цѣна: на годъ — 4 р., полг. — 2 р. 50 к., Проб. № за 10 к. марку. ВѢТКА, Ред. 412

ИГРАТЬ НА ПИАНО И РОЯЛѢ
можетъ выучиться каждый въ самый короткий срокъ, безъ помощи учителя только по новой очень легкой и понятной системѣ „Эврика“. Въ самоучитель входятъ вальсы: „Осенній сонъ“, „Надъ волнами“, романсы: „Не оставь меня“ и др. Вышли изъ печати альбомы 1, 2, 3 и 4-й, по той же системѣ, съ новыми пьесами. Имѣется много одобренныхъ отзывовъ, Свидѣтельство выдано въ Министерствѣ П. и Пр. Цѣна самоучителя „Эврика“ 4 р. 50 к., перес. 40 коп. Цѣна альбомовъ по 3 р. 50 к. Высш. налож. плат. Въ Москвѣ продается во всѣхъ лучшихъ муз. магазинахъ и у автора. Адресъ: автору-издателю С. И. ХАНБЕКОВУ Москва, Петровскія Вор., 2-й Знаменскій, 7—28, кв. 11. 403

СЧЕТНАЯ РАБОТА НА МНОГО СОКРАТНТЕ
выплавъ „Карм. Множитель“ момент. умнож. дѣл. чиселъ — 35 к. Таблицы перев. русск., метр., англ. мѣр., вѣса, дл. и объемъ. — 50 к. и друг. Каталогъ безплатно. „ПОПУЛЯРНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“. Петроградъ, М. Конюшенная, д. 3, кв. 53. 407

БЫСТРОЕ ПРЕВРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,
и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, дающ. Кефалодъ Дра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалодъ абсолютной безвредн. 411
Остерегайтесь поддѣлокъ.

XXXIII
ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1917 ГОДУ
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

XXXIII
ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №№ БОГАТО ИЛЛУСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА. Романы, повѣсти и рассказы.—Путешествія по дальнимъ странамъ и морямъ.—Очерки по родноуздѣнію.—Бытъ и нравы культурныхъ и дикихъ народовъ земного шара.—Обширный отдѣлъ по естествознанію.—Научныя открытія и техническія изобрѣтенія, и т. д.

Въ 1917 г. будетъ вестись специальный отдѣлъ, посвященный скаутскому движенію (юные развѣдчики) среди англійскаго и русскаго юношества, а также будетъ печататься англійскій матеріалъ съ параллельнымъ русскимъ текстомъ для практики въ англійскомъ языкѣ подписчиковъ занимавшихся по нашему самоучителю въ 1916 году.

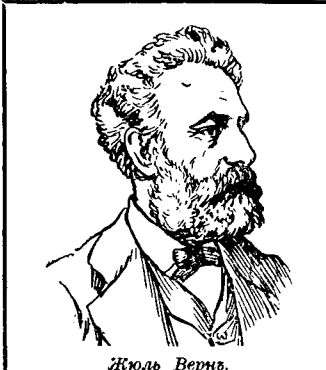
ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ на 1917 годъ.

36 КНИГЪ первой серіи полного иллюстрированного собранія сочиненій знаменитаго короля фантастики

ЖЮЛЯ ВЕРНА

Въ 1917 году будетъ дана 1-я серія полного собранія, которая будетъ заключать въ себѣ 30 романовъ, издающихся впервые въ полномъ, несокращенномъ видѣ, въ томъ числѣ 4 пророческихъ романа

Полнаго иллюстрированного собранія сочиненій ЖЮЛЯ ВЕРНА до сихъ поръ все-таки еще не было издано на русскомъ языкѣ, несмотря на огромную популярность, которой пользуется этотъ несравненный авторъ среди русской молодежи всѣхъ поколѣній. Всѣ выходившія до сихъ поръ изданія можно было назвать полными лишь относительно. Настоящее изданіе, раздѣленное на серіи, является дѣйствительно полнымъ, т. е. въ него войдутъ, кромѣ всѣхъ романовъ, выпущенныхъ при жизни ЖЮЛЯ ВЕРНА, также и всѣ его посмертные романы, нѣкоторые изъ коихъ не появлялись ни въ одномъ русскомъ собраніи сочиненій. Въ первую серію романовъ, даваемую въ 1917 году, войдутъ также его четыре пророческихъ романа, предсказавшихъ подводное плаваніе, завоеваніе воздуха, современную мировую войну и ея чудовищную технику.

Жюль Вернъ.

СОДЕРЖАНІЕ 36 КНИГЪ:

1. 80000 верстъ подъ водой.—2. Милліоны индѣйской княжны.—3. Проклятая тайна.—4. Воздушный корабль.—5. Путешествіе къ центру земли.—6. Золотой метеоръ.—7. Отъ земли до луны.—8. Вокругъ луны.—9. Вверхъ дномъ.—10. Плавающий городъ.—11. Упрямецъ Керабанъ.—12. Властитель міра.—13. Михаилъ Строговъ.—14. Крушеніе Джонатана.—15. Морской змѣй.—16. Клодусъ Бомбарнакъ.—17. Кловисъ Дарданторъ.—18. Южная звѣзда.—19. Лотерейный билетъ.—20. Треволненія одного китайца.—21. Архипелагъ въ огнѣ.—22. Зеленый лучъ.—23. Пять недѣль на воздушномъ шарѣ.—24. Приключенія капитана Гаттераса.—25. Вторая родина.—26. Черная Индія.—27. Маякъ на краю свѣта.—28. Воздушная деревня.—29. Ченслеръ.—30. Дунайскій лодманъ.

12 №№ иллюстрированного ежемѣсячника, издаваемого по типу англійскихъ „магазиновъ“

„ЖУРНАЛЬ ПРИКЛЮЧЕНІЙ“

(ПУТЕШЕСТВІЯ, ПРИКЛЮЧЕНІЯ, ФАНТАСТИКА).

въ которомъ, на ряду съ произведеніями русскихъ авторовъ, помѣщаются современныя сенсационныя новинки королей приключенческой литературы: Конана Дойля, Джона Лондона, Райдера Хаггарда, Чарльса Робертса, Е. Стивенсона, Макса Пимбертона и мног. др. излюбленныхъ и талантливыхъ авторовъ этого жанра.

Болѣе 1500 колоннъ убористаго текста и 150 иллюстрацій.

12 ВЫП. ЗНАМЕНИТАГО СОЧИНЕНІЯ, въ 1-мъ изданіи разошедшагося въ 200000 экз.

БОЙ-СКАУТЫ

РОБЕРТА БАДЕНЪ ПУЭЛЯ

(юные развѣдчики).

Иллюстрированное руководство общественнаго и практическаго самовоспитанія молодежи. Въ переработкѣ Вл. А. Попова и В. С. Преображенскаго примѣнительно къ условіямъ русской жизни и природы.

Въ переживаемыя нами тяжелыя годы великой мировой войны, когда большая часть взрослога мужского населенія рѣшаетъ судьбу родины на поляхъ брани или занята лихорадочной дѣятельностью для дѣла побѣды въ тылу, юная молодежь, строительница жизни ближайшаго будущаго, почти что предоставлена самой себѣ. А между тѣмъ, ей надо вырасти здоровой, бодрой, сильной, смѣлой и дисциплинированной, такъ какъ на ея долю выпадетъ великая работа по обновленію нашей родины, потрясенной до основанія великой мировой катастрофой. Система общественнаго и практическаго самовоспитанія БАДЕНЪ ПУЭЛЯ, объединившая въ скаутскія организціи болѣе полу-милліона молодежи въ Англии и ея колоніяхъ и захватившая молодежь Франціи, Бельгіи, Италіи, Швеціи, Румыніи, Японіи и другихъ странъ, идетъ дѣльнымъ навстрѣчу рѣшенію этой важной задачи, тѣмъ болѣе, что система эта воплощена въ чрезвычайно привлекательныя для юношества формы.

Баденъ Пуэльъ.

СОДЕРЖАНІЕ 12 ВЫПУСКОВЪ:

Биографія сэра Роберта Баденъ Пуэля и возникновеніе его идеи общественно-практическаго самовоспитанія молодежи по системѣ „скаутингъ“.—Англійскіе бой-скауты, ихъ организація, законы и дѣятельность.—Слѣдопытство, мирныя развѣдки и скаутская тренировка.—Знакомство скаутовъ съ родной природой и животнымъ міромъ.—Устройство лагерей, лагерная жизнь, походы и экскурсіи.—Физическое развитіе скаута, гигиѣна, спортъ и игры.—Подача первой помощи себѣ и другимъ въ несчастныхъ случаяхъ.—Выработка скаутскаго характера и доброй услуги.—Трудовые навыки и ручной трудъ.—Практическія свѣдѣнія скаута на всѣ случаи жизни.—Бесѣды у костра (темы и статьи).—Русскій скаутизмъ и организація патрулей и отрядовъ юныхъ развѣдчиковъ и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“

въ 1917 году со всѣми объявленными приложеніями (безъ дѣленія на абонементы) въ годъ

14 р.

съ пересылк. и доставк. по всей Россіи.

Допускается разсрочка подписной платы:

5 руб. при подпискѣ, 5 руб. къ 1 апр. и 4 руб. къ 1 июля.

Контора журнала „Вокругъ Свѣта“: Москва, Тверская, домъ № 48.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 г. (48-й годъ изданія).

НИВА

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложениями.

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1917 года:

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, иллюстраціи и снимки съ театра военн. дѣйствій.

12 №№ иллюстрирован. ежемѣсячнаго приложенія для дѣтей.

52 КНИГИ (при каждомъ № „Нивы“ по одной книгѣ), отпечатанныя ком- пактнымъ, четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

ПЕРВАЯ СЕРІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО,

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА,

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА,

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ РОМАНА „ДОНЪ-КИХОТЪ“

СЕРВАНТЕСА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложен. на годъ:

Въ Петроградѣ: } безъ доставки—12 р. 50 к. Съ перес. во
безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печков-всѣ мѣста
ской—13 р. 25к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Обра-Россіи . . . 14 р.
зованіе“—13 р. 50к.

Допускается разсрочка платежа: 1) въ 2 срока: при подпискѣ 7 р. и 1 іюня—7 р. 2) въ 3 срока: при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля—5 р. и 1 августа—4 р. и 3) въ 4 срока: при подпискѣ 4 р., 1 марта—3 р., 1 іюня—4 р. и 1 августа—3 р.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1917 г., еще первыя двѣ серіи соч. Мамина-Сибиряка, приложен. при „Нивѣ“ 1915 и 1916 гг., доплачиваютъ за обѣ серіи 13 руб. съ доставкой и пересылкою въ Европ. Россіи (цѣна каждой серіи въ отдаленности 6 р. 50 к. съ доставкой и пересылкою въ Европ. Россіи).

Адресъ: въ Контору журнала „Н И В А“, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

52 КНИГИ „СБОРНИКА НИВЫ“
которыя подписчики получаютъ полностью въ теченіе одного 1917 г., содержатъ:

ПЕРВУЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО.

Горькій—поэтъ героической удали. Онъ молніей порвался въ нашу жизнь, и все въ ней зажегъ, освѣтилъ. „Человѣкъ—это звучитъ гордо! Человѣкъ—святыня. Все—для человѣка. Люди, вы и сами не знаете, какъ вы сильны и прекрасны“,—говоритъ своими твореніями Горькій. Его книги—восторженные псалмы человѣку. Горькій—пѣвецъ будущаго, и, прозѣвая наше грядущее счастье, нетерпѣливо торопитъ его. Залогъ этого счастья—работа, творческая, хоровая, всемирная.

Поэтъ-пролетарій, поэтъ-цеховой, сынъ мастерового, внукъ бурлака, изображаетъ широко кистью богатую народную душу. Нынѣ онъ въ самомъ расцвѣтѣ своего могучаго творчества, и его мировая слава крѣпнетъ и растетъ съ каждымъ годомъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА.

Надсонъ — вѣчный кумиръ молодежи, ибо онъ выразилъ и воспѣлъ въ своихъ стихахъ именно то, чѣмъ волнуются умы и сердца лучшихъ русскихъ юношей и дѣвушекъ: жажду безкорыстнаго служенія народу, жажду жертвенной любви къ униженнымъ и падшимъ, жажду борьбы за идеалы свободы и братства. Для молодежи нѣтъ благотворнѣе книги, чѣмъ стихотворенія этого свѣтлаго юноши, уводящаго душу отъ порочныхъ соблазновъ, навѣвающихъ на нее идеалистическій духъ.

ТРЕТЬЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА.

Въ эту серію входятъ такіе шедевры знаменитаго русскаго писателя, какъ романы: „Золото“, „Бурный потокъ“, „Падающія звезды“, цѣлый рядъ сборниковъ, повѣстей и разсказовъ: „Любовь“, „Осенніе листья“, „Медовыя рыбки“, „Вокругъ раковой куста“ и др. Читатели „Нивы“ успѣли уже полюбить мускулистый, полнокровный талантъ этого силача-самородка. Маминъ не любилъ размѣниваться на мелочи — онъ бралъ всегда большіе холсты и утѣренной кистью изображалъ безмѣрные перспективы и дали.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ РОМАНА

СЕРВАНТЕСА.

„ДОНЪ-КИХОТЪ“
„Большіе 300 лѣтъ прошло со времени созданія „Донъ-Кихота“, а эта книга все еще молода и нова. Не можетъ умереть Донъ-Кихотъ, покуда не умретъ въ человѣчествѣ драгоцѣннѣйшая благодать—донкихотство! Быть Донъ-Кихотомъ—это лучше, на что только способенъ человѣкъ. Если бы не было среди насъ Донъ-Кихотовъ, жизнь была бы, что садъ безъ цвѣтовъ, что храмъ безъ иконъ и слятины! Донкихотство это рыцарское самоотверженіе, идеализмъ, вѣра въ высшія цѣнности жизни, героической бой съ угнетателями. Донъ-Кихотъ—широчайшій поэтический образъ, грандиозное обобщенный художественный типъ. Это не только испанецъ такого-то вѣка, это всечеловѣкъ всѣхъ эпохъ и народовъ.“

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, 22.

Гоголь, Н. В. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Редакция Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. 17-е изданіе въ одномъ большомъ томѣ (1668 въ 2-хъ том., съ портретомъ-гелиографическимъ въ 8-ю д. л.), съ портретомъ Н. В. Гоголя, биогр. очеркомъ В. И. Шен- мимическихъ сценъ. Изданіе на рока и съ примѣч. редактора. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 75 к.; въ переплетъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

Горбуновъ, И. Ф. СОЧИНЕНІЯ. 2-е изданіе. Изданіе въ 2-хъ том., съ портретомъ- гелиографическимъ въ 8-ю д. л., съ портретомъ И. Ф. Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Изданіе на хорошей бумагѣ, 1049 стр. в 8°. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 6 р., съ перес. 6 р. 75 к.

Свѣтловъ, В. Я. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. „Змѣя и чаша“. Романъ и др. разсказы. Т. II. „Колыла“. Повѣсти и разсказы. Т. III. „Звенья цѣпи“. Т. IV. „Даръ слезъ“. Романъ и др. разсказы и повѣсти. Т. V. „Темный блескъ“. Т. VI. „Внутри“. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Саловъ, И. А. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. „Мертвое тѣло“. Т. II. „Разбитая жизнь“. Т. III. „Ольшанскій молодой баринъ“. Т. IV. „Грызунъ“. Т. V. „Грезы“. Т. VI. „Грачевскій крокодилъ“. Изданіе в 8°. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г. (29-й годъ изданія) на большую ежедневную политическую и литературную газету съ рисунками и фотографическими снимками (не менѣе 6 стран. большого формата въ номерѣ. Во время войны въ послѣ- праздничные дни выходятъ добавленія въ размѣрѣ двухъ страницъ).

РАННЕЕ УТРО

Изданіе Московскаго Т-ва Ж. Л. Казецкаго, выходитъ безъ перерыва уже 28 лѣтъ.

УТРО

Газета прогрессивная и безпартійная. Издается по типу большихъ англійскихъ и французскихъ газетъ. Обо всемъ освѣдомлена. Даетъ свѣдѣнія только строго проверенныя и правдивыя. Имѣя на всѣхъ фронтахъ какъ русскаго театра войны, такъ и европейскаго и балканскаго своихъ специальныхъ корреспондентовъ и фотографовъ, газета ежедневно даетъ массу своихъ телеграммъ и корреспонденцій, а также фотографическихъ снимковъ съ войны, портретовъ героевъ, убитыхъ офицеровъ и воиновъ. Къ тексту даются пояснительные рисунки, чертежи и военные карты. Ежедневно помѣщается много карикатуръ, шаржей и др. на военныя, политическія и общественныя злобы дня. На ряду съ военнымъ матеріаломъ дается много матеріала общаго характера политической и общественной жизни, а также беллетристики и для литературнаго чтенія, популярно-научныя статьи. Все, заслуживающее вниманія, получаетъ отраженіе въ газетѣ и иллюстрируется фот. снимками и пр. Статьи изложены живымъ и легкимъ языкомъ. Ежедневно злободневные фельетоны изъ общей, петроградской и московской жизни. Повѣсти, разсказы, литературное чтеніе. Моды и женская жизнь, спортъ и пр. „Раннее Утро“ одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою на годъ—12 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 75 к., на 2 мѣс. 2 р. 60 к. и на 1 мѣс.—1 р. 40 к. Допускается разсрочка годовой платы: 1) при подпискѣ—5 р., къ 1 апрѣля—4 р. и къ 1 іюля—3 р., или 2) при подпискѣ—3 р., къ 1 марта—3 р., къ 1 мая—3 р. и къ 1 августа—3 р.

Адресъ: Москва, Мясницкая ул., д. 20, контора газеты «Раннее Утро».

ГЛ. РЕДАКТОРЪ Н. Л. Казецкій.

ЖИВН

№ 48. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя специальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 26 ноября 1916 г. Подписная цѣна съ досл. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „Н И В У“ 1917 года.

Барельефъ-медальонъ работы С. А. Уманскаго въ Женевѣ.

Изъ собранія М. В. Ватсонъ.

Памяти С. Я. Надсона. Къ тридцатилѣтію со дня кончины.

На войнѣ.

Разсказъ В. Муйжеля. Иллюстраціи И. А. Владимірова.

(Продолженіе).

VIII.

Званцовъ зналъ, что рано или поздно онъ долженъ былъ встрѣтиться здѣсь съ дочерью управляющаго, но почему-то теперь это показалось ему неожиданнымъ.

— Вы... вы здѣсь?...—задыхаясь, какъ отъ быстрого бѣга, пробормотала она.

— Какъ видите... Входите и запирайте дверь, а то насъ увидятъ. Не думаю, что это будетъ въ вашихъ интересахъ.

Званцовъ самъ притворилъ дверь и, передвинувъ ногой табуретку, сѣлъ передъ вошедшей. Теперь онъ не вынималъ руки изъ кармана, гдѣ держалъ зажатымъ револьверъ.

— Между прочимъ, вы знаете, что бываетъ, когда военныя власти въ районѣ передовой линіи обнаруживаютъ непріятельскаго офицера, укрытаго мѣстными жителями?—спросилъ онъ, взглядывая на дѣвушку.

Она промолчала.

— Прежде чѣмъ дѣлать это, вамъ бы слѣдовало ознакомиться съ послѣдствіями; можетъ произойти маленькая непріятность. Вы понимаете, какая?

— Но онъ былъ раненъ... Онъ не могъ двигаться!..—почти прошептала она, сжимая руки безсильнымъ движеніемъ. — И какъ, какъ это вышло?..

Званцовъ понялъ, что она не могла прійти въ себя отъ неожиданности, увидѣвъ его здѣсь.

— Знаете, я думаю, что и вамъ и мнѣ больше тутъ нечего дѣлать...—Онъ поднялся.—Пожалуйста!

Онъ сдѣлалъ движеніе къ двери, приглашающее ее.

— Но я пришла... Ахъ, я не знаю... Послушайте, вы.

— Пожалуйста,—настойчиво повторилъ онъ, приглашая ее.— и потомъ—не заставляйте меня говорить устрашающія вещи... Гдѣ замокъ?

Она подала ему большой тяжелый замокъ, какими обыкновенно запираютъ въ имѣніяхъ конюшни и сарай... Онъ взялъ его, осмотрѣлъ и молча показалъ ей на дверь.

— Но я пришла...—бормотала она, не зная, что дѣлать, и въ то же время чувствуя, что онъ не спускаетъ съ нея глазъ,—я должна была...

Спротивляться было безмысленно. Она оглянулась на раненаго, растерянно и слабо кивнула ему головой и, согнувшись, какъ бы ожидая удара, прошла въ дверь. Званцовъ молча послѣдовалъ за ней, заперъ дверь, замкнулъ ее большимъ замкомъ и положилъ ключъ въ карманъ.

Въ саду было тихо и темно, какъ передъ грозой. Похоже было, что гдѣ-то далеко уже собирается эта гроза, и воздухъ, насыщенный запахомъ нагрѣтой за день земли, стоитъ неподвижно, ожидая далекихъ раскатовъ грома. Вѣковыя липы чутко прислушивались къ ночной тишинѣ и что-то сторожили. А вода въ прудѣ была тяжелая, глухая, и поблескивала она, какъ расплавленный чугуунъ.

Званцовъ шелъ нѣсколько позади дѣвушки и видѣлъ, какъ неуловимо и смутно качается темный силуэтъ ея въ глухой аллеѣ. Онъ не хотѣлъ заговаривать первымъ, она же, очевидно, не могла собраться начать разговоръ.

Къ его удивленію, они повернули не къ дому, а въ обратную сторону, прошли втроемъ, заросшіи осокой, прудникъ, потомъ тускло створившіяся березовыми бревнами мостикъ на ручьи и попали въ липовый кружокъ—рондель, какъ называли это въ старину. Здѣсь было еще темнѣе, и оттого, что кругомъ стояли высокія, выстроенныя какъ бы для таинственнаго совѣщанія, липы, похоже было, что они вошли въ таинственную комнату.

Она увѣреннымъ шагомъ прошла въ сторону, нашла каменную скамейку и почти упала на нее. Званцовъ остановился около и ждалъ.

— Скажите, что вы думаете дѣлать?—негромко спросила она и—онъ почувствовалъ—не глядя на него.

Въ темнотѣ онъ пожалъ плечами.

— Сейчасъ я долженъ бы былъ поставить часового около бесѣдки, а завтра отправить плѣннаго въ штабъ полка. Оттуда онъ былъ бы пересланъ въ штабъ бригады и такъ далѣе...

— Это должны бы, а сдѣлаютъ?

— Гм!.. Это трудно сказать! Сдѣлавъ то, что я сейчасъ говорю, я одновременно долженъ бы взять подъ стражу васъ, вашего отца, всѣхъ служащихъ на хуторѣ.

— И мы были бы разстрѣляны? — быстро и просто спросила она.

Званцовъ не отвѣтилъ.

— Скажите,—спросилъ онъ,—зачѣмъ вы это сдѣлали?

Онъ видѣлъ, какъ она наклонилась, охватила голову руками и замерла.

— Ахъ, я не знаю,—почти прошептала она,—я ничего не знаю!.. Его привезли всего въ крови, онъ лежалъ въ комнатѣ, гдѣ теперь вы... Потомъ солдаты уѣхали,— онъ самъ приказалъ,— а потомъ оказалось, что русскіе уже тамъ, впереди, и ему нельзя

вернуться... И онъ боленъ—у него лихорадка, и рана все не закрывается... Доктора нѣтъ и, если бы былъ—нельзя пригласить его, а онъ страдаетъ, иногда онъ готовъ разбить голову объ стѣну отъ боли. Я дѣлала перевязки, и когда онъ сталъ говорить со мной, онъ молилъ не выдавать его... Онъ говорилъ, что боится не смерти, а не можетъ попасть въ плѣнъ, не можетъ... Онъ ничего не просилъ, не просилъ помочь ему бѣжать, но только не выдавать русскимъ... И я лѣчила его, какъ могла, а тутъ пріѣхали вы... Его перенесли въ бесѣдку, и я уговорила отца скрыть, что онъ здѣсь, и что у насъ даже были нѣмцы... И всѣ служащіе тоже согласились—онъ очень много заплатилъ всѣмъ...

Она задохнулась и замолчала.

— На что же вы надѣялись теперь, когда мы уже были здѣсь?—грустно спросилъ Званцовъ.

Она молчала. Такъ шли минуты—въ полной тьмѣ, подъ чутко насторожившимися деревьями, въ углу стараго, много видѣвшаго, сада. Другъ онъ почувствовалъ на своей рукѣ ея теплую, мягкую руку. Онъ дрогнулъ и хотѣлъ отдернуть руку, но она сжала крѣпче и, захлебываясь, прерываясь, доходя до страстнаго шопота, заговорила бурно и взволнованно:

— Послушайте, Анатолій Васильевичъ... Вы добрый... Я знаю васъ уже—я недавно познакомилась съ вами, но я уже узнала васъ, успѣла узнать!.. Вы добрый, честный человекъ, вы поймете меня... Я видѣла васъ, и принимала васъ, о, да, я такъ хорошо чувствовала васъ, простого, добраго, честнаго!.. Вы не жестоки, вы поймете меня—вѣдь это же ничего, онъ только раненый,—вы же понимаете,—ну, все равно, какъ на полѣ сраженія онъ лежалъ одинъ, потомъ поднялся и пошелъ, пошелъ... А васъ не было—вы понимаете?.. Вы такой добрый, я такъ... уважаю васъ, я привыкла васъ видѣть такимъ веселымъ, хорошимъ, вы не сдѣлаете этого!..

Съ изумленіемъ и почти испугомъ онъ слушалъ ея задыхающуюся рѣчь и не вполне понималъ, чего она хочетъ. И вдругъ—уже почти съ ужасомъ—онъ почувствовалъ на своей щецѣ ея горячее жаркое дыханіе и мягкую, вздрагивающую руку на своемъ плечѣ.

Онъ отступилъ назадъ, и она опять опустилась на скамью.

— Вы хотите, чтобы я способствовалъ побѣгу непріятельскаго офицера?—холодно спросилъ онъ, давая самымъ тономъ понять, что на него не можетъ подѣйствовать даже ея молодость.—Вы хотите, чтобы я сдѣлалъ видъ, что не знаю даже о немъ?.. Вы, очевидно, ошиблись во мнѣ... Вы меня называли добрымъ—и предлагали мнѣ преступленіе. Называли честнымъ—и хотѣли, чтобы я измѣнилъ, ибо отпустилъ плѣннаго—это измѣна!.. Вы не можете понять насъ—онъ врагъ, признаете, мой врагъ, потому что онъ ненавидитъ, презираетъ страну, въ которой я выросъ, онъ готовъ застрѣлить меня—и застрѣлилъ бы, если бы я не сказалъ, что это только ухудишь его положеніе... Ахъ, вы многого не понимаете—онъ готовъ быть, если бы имѣлъ возможность, убить не только меня, а все живущее не такъ, какъ онъ, какъ хочетъ то, что воспитало его... И вы предлагаете мнѣ отпустить его?!

— Ахъ, но вѣдь это же война,—тоскливо и какъ бы съ отвращеніемъ проговорила она.—вѣдь это война!..

Онъ молчалъ. Она устало поднялась и пошла къ выходу изъ сада. Званцовъ медленно шелъ за ней. Ужъ совсѣмъ у калитки она остановилась и, оглянувшись кругомъ, тихо сказала:

— Но сдѣлайте для меня одно...

— Именно?

— Не берите его, пока онъ не поправится... Онъ очень боленъ, увѣряю васъ! У него огромная рана за ухомъ у затылка и потомъ лихорадка... Дайте ему немного поправиться!..

Званцовъ подумалъ.

— Это трудно...—проговорилъ онъ,—его надо караулить... но... хорошо, я подожду, если вы ручаетесь, что онъ не убѣжитъ.

Она стояла передъ нимъ, намѣчаясь въ темнотѣ высокимъ, чернымъ совсѣмъ силуэтомъ. Вдругъ этотъ силуэтъ качнулся, двинулся къ нему, и Званцовъ остро и почти съ ужасомъ почувствовалъ на своей щецѣ прикосновеніе ея губъ. И, прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, она шепнула: „даю вамъ слово“—и побѣжала впередъ, шелестя платьемъ.

Сморщившись, какъ отъ физической боли, съ ошущеніемъ какой-то болѣзненной тяжести въ душѣ, Званцовъ пошелъ къ дому, даже не пытаясь пока разобратъся и понять что-либо во всей этой запутанной и нелѣпой исторіи.

IX.

Получить честное слово—хорошо; если это можетъ служить обезпеченіемъ, то Званцовъ могъ бы быть спокойнымъ. Но получить его послѣ того, какъ въ теченіе многихъ дней отъ него скрывали самое важное, что было въ усадьбѣ, когда его много разъ обманывали, говоря, что непріятеля въ фольваркѣ не было,—послѣ всего этого честное слово, хотя бы подкрѣпленное

„вещественнымъ доказательствомъ невещественныхъ отноше- ний“, имѣло такую же цѣну, какъ увѣренія о полномъ отсут- ствіи нѣмцевъ.

Ставить стражу послѣ всего этого было нельзя. Кромѣ того, нельзя было даже сказать солдатамъ о томъ, что въ бесѣдкѣ находится нѣмецкій офицеръ, потому что тогда надо было бы аре- стовать и передать въ отдѣлъ контръ-развѣдки всѣхъ живущихъ на фольваркѣ. А Званцовъ зналъ лучше, чѣмъ кто-нибудь дру- гой, что это значить.

Между тѣмъ оставлять раненаго лейтенанта безъ охраны тоже нельзя; въ одинъ прекрасный день онъ могъ исчезнуть такъ же неожиданно и внезапно, какъ появился передъ Званцовымъ.

Что дѣлать?

Званцовъ сидѣлъ на крыльцѣ дома, смотрѣлъ въ пробуждаю- щийся подъ первыми лучами солнца садъ и думалъ. Самое скверное было въ томъ, что даже нельзя было сказать кому- нибудь о пѣвниикѣ. Тотъ же самый Ткаченко воспользовался бы первымъ отсутствіемъ Званцова и заарестовалъ бы всѣхъ— и былъ бы, конечно, правъ. Приходилось брать стражу самому— и не спать Богъ знаетъ сколько ночей. Первая уже прошла, но Званцовъ не чувствовалъ утомленія; нервное напряженіе этой ночи сдѣлало то, что онъ чувствовалъ себя бодрѣе, какъ будто легче и предпримчивѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Но какъ быть дальше?

Въ раздумьѣ онъ пошелъ къ пруду, теперь его неуклонно влекло туда. Днемъ прудъ былъ великолѣпенъ, темная глубина его сверкала, какъ полированное серебро, и достойной ему рам- кой была позлащенная золотомъ зелень. Глухонѣмой рабочій въ дальнемъ концѣ удилъ рыбу, и молчаливая, бѣдно и грязно одѣтая фигура странно шла къ этому безоблачному небу, къ заросшему пруду, къ темнымъ елямъ вокругъ него.

Когда Званцовъ остановился, разсматривая рабочаго, тотъ быстро дернулъ удочкой, и далеко отъ него въ водѣ выплесну- лась крупная рыба. Бѣлое очищенное отъ коры удилице согну- лось въ дугу, нѣмой засуетился, не выпуская его изъ рукъ, и рыба заходила на крючкѣ широкими, возмутившими недвижную поверхность воды, кругами.

„Упустить!.. — думалъ Званцовъ, слѣдя за усилями нѣмого. — Нѣтъ, справится... Эхъ, дуракъ, тянетъ—надо утомить раньше“...

Онъ самъ въ дѣтствѣ любилъ уженье и теперь съ интересомъ слѣдилъ за борьбой нѣмого рабочаго съ невидимой и, очевидно очень крупной рыбой.

„Ахъ, дуракъ, развѣ такъ можно!—волновался онъ, видя, что нѣмой готовъ прямо тащить добычу на берегъ,—вотъ дуракъ...“

Онъ послѣдшне направился туда, и когда дошелъ—нѣмой былъ весь въ поту и, очевидно, даже почти не замѣтилъ его.

— Дай, дай сюда!...—кричалъ Званцовъ, забывъ о томъ, что его не могутъ слышать,—леску оборвешь такъ, дуракъ...

Онъ выхватилъ удилице у нѣмого и сталъ вываживать рыбу. Она ходила все медленнѣе и медленнѣе, раза два показала го- лову изъ воды, Званцовъ не далъ уже ей больше уйти въ глубину...

И когда наконецъ подвелъ рыбу къ самому берегу и нѣмой ловко подхватилъ ее, онъ съ радостнымъ лицомъ оглянулся на того. Нѣмой, понимая его настроеніе, сочувственно закивалъ головой, потомъ выставилъ два пальца, развелъ руками въ сто- рону на аршинъ и махнулъ на прудъ. Потомъ быстро и обезьяньимъ жестомъ, какъ обычно показываютъ движеніями нѣмые, подперъ щеку рукой и горестно закивалъ головой, какъ бы страшно сожалѣя о чемъ-то.

— Ага, пару такихъ упустилъ,—догадался Званцовъ,—то-то глупый, развѣ такъ можно тащить, какъ ты, сразу?!

Онъ показалъ движеніями, какъ надо вываживать рыбу, и нѣ- мой закивалъ головой. Рыбы въ пруду, очевидно, было много— крупные, Богъ знаетъ съ какихъ поръ пущенные туда карпы. Пойманный вѣсилъ фунтовъ пять, не меньше. Онъ сверкалъ крупной золотой чешуей и зеленой, какъ будто поросшей нѣж- нымъ водянымъ мохомъ спиной, и Званцовъ вспомнилъ, съ какой радостью онъ предавался уженью во время лѣтнихъ каникулъ дома.

Теперь онъ остановился, подумалъ, по привычкѣ склонивъ голову внизъ и набокъ, и вдругъ, вытащивъ изъ кармана рубль, протянулъ его нѣмому, а самъ взялся за удочку.

— Ну, хочешь, согласенъ?—говорилъ онъ, облегчая словами мимикю.—Я купую у тебя удочку, хочешь?

Нѣмой секунду смотрѣлъ, наморщивъ лобъ, потомъ понялъ и радостно закивалъ головой. Онъ передалъ удочку и даже отмах- нулся отъ нея, а рубль схватилъ опять какимъ-то быстрымъ, напоминающимъ обезьяну, жестомъ и, подкинувъ его, ловко поймалъ обѣими руками. Потомъ онъ передалъ жестянку съ червяками, даже насадилъ одного, тщательно поплевавъ послѣ этого, и низко поклонился.

— Ну, вотъ и отлично—теперь займемся уженьемъ...—усмѣх- нулся Званцовъ, оглядываясь на бесѣдку,—одну рыбу поймали серьезно, теперь только не упустить бы ея... Но удочка въ этомъ поможетъ мнѣ...

Съ тѣхъ поръ драгунскій офицеръ Званцовъ, усталый и нѣ- сколько суровый отъ войны, сталъ просиживать на большомъ пруду рядомъ съ бесѣдкой цѣлыми часами.

Къ обѣду онъ шелъ во флигель управляющаго оживлен- ный и своей болтовней развлекалъ старика. Дочь его смот- рѣла на него съ тѣмъ непонятнымъ выраженіемъ, которое

„На войнѣ“. Иллюстрація къ разсказу В. Муйжеля.

„...теперь займемся уженьемъ...“—усмѣхнулся Званцовъ, оглядываясь на бесѣдку. (Глава IX, стр. 791).

заставляло Званцова настаиваться, как передъ борьбой. Онъ не могъ понять одного: сказала она отцу о томъ, что лежавшій въ бѣдѣ челоѣкъ открыть имъ или нѣтъ? Судя по отноше- нию къ нему управляющаго, не сказала; но, съ другой стороны, она должна была сказать, потому что знала, какъ отнесся Званцовъ къ раненому. Вѣдь онъ далъ только время ему поправиться, и рано или поздно все должно было выплыть наружу.

Когда онъ уходилъ, послѣ обѣда, дѣвушка провожала его. Какъ въ первое свое посѣщеніе этого дома, онъ остановился въ темномъ коридорчикѣ, ведущемъ изъ гостиной въ переднюю, и оглянулся на нее. Она остановилась, и лицо ея сдѣлалось вдругъ такимъ страннымъ, такимъ утомленнымъ, что ему стало почти жаль ея.

Все время она напряженно и сильно вела трудную и риско- ванную игру. Теперь она знала, что смерть уже стала надъ ней. Она знала, чѣмъ карается укрываніе непріятельскихъ военныхъ. И, обманутая его веселой развязностью, она рѣшилась даже на то, на что никогда, быть-можетъ, не рѣшилась бы: она даже имитировала увлеченіе имъ.

Онъ вздохнулъ, слегка наклонился въ ея сторону и тихо спро- силъ:

— Чтѣ, тяжело?

Она чуть-чуть кивнула головой, но тотчасъ же, какъ бы опом- нившись, встрепенулась, прямо взглянула на него и, протягивая руку, просящимъ и какъ бы что-то обещающимъ голосомъ ска- зала:

— Вы придете вечеромъ? Вѣдь придете? Да?

— О, да, да, конечно, какъ вы могли сомнѣваться въ этомъ?— подхватилъ онъ, впадая въ обычный принятый имъ тонъ весе- лаго поручика.—О, конечно, развѣ я могъ бы не прийти?

Она чуть задержала его руку и, очевидно, ждала. Но онъ сдѣ- лалъ видъ, что не догадывается и не можетъ осмѣлиться сдѣлать то, чего ждетъ она, и, почтительно склонившись, принявъ поцѣ- луюмъ къ ея руке. Потомъ выпрямился, молодецато звякнулъ шпорами и пошелъ къ себѣ.

Дома онъ позвалъ Ткаченку и, глядя ему прямо въ глаза, ска- залъ, что старшему солдату надо итти сейчасъ удить рыбу на прудѣ. Солдатъ нахмурилъ брови, пытаясь что-то понять, по- томъ слегка двинулъ плечомъ и сказалъ, какъ всегда:

— Слушаюсь, ваше благородіе.

Шарафъ передалъ ему купленную Званцовымъ у нѣмого удочку, и Ткаченко отправился на прудъ.

Званцовъ сказалъ ему мѣсто, гдѣ лучше клюетъ рыба, и самъ отправился спать.

— Сегодня ночью будетъ несомнѣнно генеральное сраженіе...— бормоталъ онъ, укладываясь на диванъ въ кабинетѣ,—надо быть готовымъ... Ночь я не спалъ—надо выспаться и быть во все- оружьи...

Онъ закрылъ глаза, приманиваясь поудобнѣ на старинномъ, твердомъ, какъ дерево, диванѣ.

„Любопытно бы знать, кто спалъ на этомъ диванѣ пять- десять лѣтъ тому назадъ?—думалъ онъ, засыпая.—Память... Дралъ крѣпостныхъ, кушалъ и спалъ, а въ промежуткахъ занимался охотой...”

Онъ заснулъ—и странныя, неясныя видѣнія тревожили его сонъ. То онъ видѣлъ себя на вершинѣ какой-то горы, и ему надо было во что бы то ни стало спуститься съ нея, а гора крутая, скользкая, и на это странно было рѣшиться; то вдругъ передъ нимъ разворачивался широкій, мрачный, траурный отъ окружавшихъ его елей прудъ—и онъ съ удочкой на немъ, и взялась какая-то огромная рыба, онъ тянетъ ее, а она не под- дается, и удочка трещитъ, и онъ боится упустить ее... И вдругъ онъ чувствуетъ, что не онъ рыбу, а рыба его тянетъ въ жуткую глубину, и онъ уже по поясъ въ водѣ, ему надо и держать удочку, которую неуклонно до боли въ рукѣ тащить въ черную, глущую воду, и самому пить, и ужаснѣе всего то, что на берегу стоитъ дочь управляющаго и любопытно и холодно слѣдитъ за нимъ и его усиліями вырваться. И когда онъ почувствовалъ, что спасенія уже нѣтъ, что черная глубина сейчасъ поглотитъ его,— дѣвушка на берегу вдругъ наклоняется впередъ и начинаетъ смѣяться тихимъ, захлебывающимся смѣхомъ, и изъ той глубины, куда его тянетъ, и съ которой онъ не можетъ справиться, кто-то вторить ея смѣху, тонко, злорадно и побѣдоносно...

Онъ проснулся весь въ поту отъ этого сна и съ изумленіемъ оглянулся. Было темно и тихо, и слышно только было, какъ за дверью въ передней Шарафъ чиститъ сапогъ.

Званцовъ сѣлъ, закурилъ и съ фонаремъ посмотрѣлъ на часы. Было уже десять, но въ комнатѣ было темно, какъ поздней ночью. Тучи совсѣмъ закрыли небо, и по особенной насторожен- ной тишинѣ, по неподвижности прислушивающихся деревьевъ можно было понять, что собирается гроза.

Съ тяжелой, какъ будто налитой свинцомъ головой Званцовъ всталъ и сталъ собираться.

„Револьверъ, фонарь... Чтѣ еще? Три запасныхъ обоймы... Двадцать восемь выстрѣловъ—этого довольно, пожалуй... Да, шпоры долой. Будетъ гроза—надо кожаную тужурку надѣть. Не забыть бы чего?”

Онъ остановился посреди комнаты, соображая, чтѣ еще взять.

Шарафъ кончилъ чистить сапоги и осторожно, какъ къ трудно больному, пріотворилъ дверь.

— Ткаченко удить?—спросилъ его Званцовъ.

— Такъ точно... Все время тамъ.

— Хорошо. Я самъ сейчасъ пойду туда.

Онъ оглянулся еще разъ и прищурилъ глаза. Голова болѣла; во всемъ тѣлѣ чувствовалась неловкость, какъ будто онъ про- шелъ много верстъ и не успѣлъ отдохнуть. Можетъ-быть, у него начиналась жаръ. И сказывалось это главнымъ образомъ тѣмъ, что ему все казалось, что онъ долженъ что-то вспомнить и не могъ вспомнить.

— Надо итти... Надо итти...—бормоталъ онъ, стоя посреди комнаты и глядя въ темное, совсѣмъ черное окно,—да, надо итти...

Онъ обошелъ комнату, потрогалъ руками разставленныя на столѣ вещи и пошелъ къ двери.

Когда онъ вышелъ въ садъ, далекій, ворчащій громъ прока- тился въ черномъ небѣ. Пряный, густой и томительно сладкій запахъ какихъ-то одичавшихъ цвѣтовъ кружилъ голову, пока онъ проходилъ заросшія травой и почти заглушенный распола- щенными сиреневыми кустами кружокъ передъ домогъ. Онъ даже слегка поморщился отъ этого запаха, такъ онъ былъ силенъ, и пошелъ къ пруду.

У того мѣста, гдѣ онъ сегодня удилъ рыбу, онъ слегка свист- нулъ. Ткаченко долженъ былъ быть здѣсь, но онъ не отозвался. Осторожно, стараясь не хрустнуть упавшимъ сучкомъ, Званцовъ прошелъ до самой бѣдѣ, послушалъ, прошелъ дальше и опять тихонько, призывно свистнулъ. Опять никто не отвѣтилъ, и это было странно.

Вдругъ онъ наступилъ на что-то, и вода въ прудѣ всплесну- лась. Онъ нагнулся и поднялъ свою удочку. Не было никакихъ сомнѣній, что Ткаченко бросилъ удочку и ушелъ. Онъ подер- жалъ ее въ рукѣ, потомъ бросилъ.

„Ткаченко, должно-быть, отлучился, встрѣчаетъ очередныхъ,— подумалъ онъ, трогая рукою горячую голову, въ которой боль все усиливалась.—все-таки такъ бросать бѣдѣ не слѣдовало“.

Онъ прошелъ къ этой смутно бѣлѣвшей въ темнотѣ бѣдѣ, стараясь сдѣлать это неслышно, пріотворилъ дверь и послушалъ. Полная тишина была во второй комнатѣ. Держа въ рукахъ фонарь, онъ оцупалъ эту дверь—замка, какъ и въ прошлое его посѣщеніе, не было. Онъ отворилъ дверь и разомъ освѣтилъ кроватъ: она была пуста.

Нѣсколько секундъ Званцовъ стоялъ неподвижно передъ этой пустой кроватью. Похоже было, что онъ ожидалъ, и даже больше, зналъ навѣрное, что именно найдетъ пустой и кроватъ и бѣ- сѣдку. Онъ обвелъ фонаремъ всю комнату, замѣтилъ исчезно- вевіе каски, плаща, мундира, всей одежды... Онъ подумалъ и вслухъ, какъ все время въ этотъ вечеръ, проговорилъ:

— Конечно, одежда спрятана... Онъ ушелъ въ какомъ-нибудь платьѣ, данномъ ею... И, вѣроятно, не одинъ, а съ лѣсникомъ. Теперь я понимаю исчезновеніе Ткаченки. Онъ пошелъ за ними. Куда?

Онъ опять обвелъ комнату фонаремъ. Она теперь имѣла пу- стынный, почти заброшенный видъ. Двѣ бутылки съ лѣкар- ствами только напоминали о томъ, чтѣ здѣсь было. Званцовъ приподнял матрацъ, подъ нимъ не было ничего. Онъ взгля- нулъ по угламъ, разрылъ ногою какой-то хламъ у двери, вы- тасилъ нѣсколько бумажекъ и, мелькомъ пересмотрѣвъ ихъ, спряталъ въ карманъ. Это были клочки какихъ-то писемъ, напи- санныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Читать ихъ сейчасъ не было времени. Потомъ онъ потушилъ фонарь и вышелъ.

Куда итти?..

Было одно несомнѣнно, что все надо было продѣлать одному. У него есть такой помощникъ, какъ Ткаченко, онъ слѣдитъ те- перь за ушедшимъ. Вопросъ въ томъ, чтобы угадать—куда они направились.

Званцовъ отошелъ нѣсколько отъ бѣдѣ, присѣлъ на пенъ срубленной липы и закрылъ глаза. Ощущеніе жара было сильнѣе, головная боль не прошла, но это какъ будто помогало ему. Онъ напрягъ мысль, сосредоточился и попытался учесть всѣ данныя, какія могли сопровождать побѣгъ.

Итти въ сторону сторожевого охраненія разбѣдовъ онъ не могъ; это былъ бы рискъ, достойный глупаго; лейтенантъ не глупъ и несомнѣнно освѣдомленъ о расположеніи и сферѣ объ- ѣзда разбѣдовъ лучше, чѣмъ кто-либо; значитъ, онъ пошелъ въ тылъ. Онъ отлично, почти безъ акцента говоритъ по-русски; можетъ свободно выдать себя за литвина, латыша, эстонца, поляка, кого угодно, въ зависимости отъ того, какой языкъ знаетъ... А польскій онъ, вѣроятно, знаетъ не хуже русскаго. Придя въ тылъ въ вольномъ платьѣ, онъ можетъ перекинуться на другой участокъ фронта и гдѣ-нибудь въ Пинскихъ болотахъ за двадцать пять рублей, данныхъ какому-нибудь полѣщучку, пройти извѣстными только крестьянамъ тропинками прямо къ своимъ. Значитъ, онъ можетъ итти только на Логишинъ, оттуда на Лунинецъ, потомъ по желѣзной дорогѣ пробѣхать на Сарны, или, наоборотъ вверхъ—на Вилейку... Оттуда пробраться не такъ хитро...

Къ Логишину можно пройти или дорогой.—это рискованно, ею не пойдутъ,—или тропинками черезъ лѣсъ. Если они вышли не больше двухъ часовъ тому назадъ, то ихъ можно нагнать.

Тутъ переправа черезъ ручей, тамъ были кладки—двѣ жерди... Значить, надо итти къ нимъ...

Онъ всталъ, ощупалъ револьверъ и пошелъ прямою изъ сада.

Садъ былъ окруженъ старымъ частоколомъ. Высокія бревна его были заострены сверху, и Званцовъ оборвался нѣсколько разъ, прежде чѣмъ ему удалось уцѣпиться за верхушки этихъ бревенъ. Онъ перескочилъ на другую сторону и, не удержавшись на ногахъ, покотился по густой крапивѣ куда-то внизъ. Садъ по старинному обыкновению былъ окруженъ ровомъ, и въ этотъ ровъ полетѣлъ Званцовъ.

Ровъ былъ глубокой, заваленный на днѣ какими-то камнями, похожими на остатки постройки, и Званцовъ больно ушибъ колѣно. Но, когда выбрался опять наверхъ, боль прошла. Онъ пошелъ къ лѣсу, густо и мрачно чернѣвшему не дальше, какъ за четверть версты, и, идя, все время прислушивался. Но вездѣ была тишина, и только дальній громъ все ворчалъ гдѣ-то, и это напоминало что-то, что трудно было вспомнить.

Званцовъ зналъ лѣсную тропинку, которой по его расчету долженъ былъ пойти обнаруженный имъ нѣмецкій офицеръ. Онъ безъ труда нашелъ ее, перебрался по кладкамъ черезъ ручей и опять остановился.

Онъ долго стоялъ, провѣряя себя. Никакъ, никакой другой дорогой не могъ онъ пойти, только этой... Куда, въ какую сторону ни двинулся бы онъ, кромѣ этой лѣсной тропинки, всюду онъ попалъ бы на русскіихъ. Стало-быть, могъ итти только здѣсь. Какъ далеко онъ могъ уйти?

Званцовъ проснулся въ десять часовъ: темнѣть теперь около этого времени; сегодня тучи, стемнѣло чуть-чуть раньше; до темноты, конечно, онъ не тронулся съ мѣста. Но

„На войнѣ“.
Иллюстрація къ разсказу
В. Муйжселя.

...ему удалось уцѣпиться
за верхушки этихъ бревенъ.
(Глава IX, стр. 793).

Ткаченко? „Онъ, должно-быть, слѣдить... Это хорошо, я не одинъ. Но, можетъ-быть, и тотъ не одинъ. Если она сдѣлала это, то помогла ему и дальше. Кто знаетъ, не дала ли она ему провожатата, нѣмого или того лѣсника? Какъ жаль, что передъ уходомъ я не принялъ это во вниманіе и не узналъ!“

Внутренняя увѣренность, похожая на звѣриное чутье охотящагося звѣря, говорила Званцову, что онъ пошелъ вѣрной дорогой. Было только одно мѣшающее обстоятельство: онъ боялся повѣрить этому чутью. Мысль, доводъ, логическое построение, доказательство мѣшало своей борьбой съ истиннымъ, и онъ пошелъ впередъ неуверенно, сбиваясь съ тропинки и опять отыскивая ее, останавливаясь и теряя время. Такъ онъ прошелъ часъ и еще часъ, и когда начиналъ думать о томъ, какъ и чѣмъ могъ руководствоваться въ своемъ направленіи тотъ, кого онъ считалъ своимъ плѣннымъ, онъ ловилъ себя на томъ, что блуждаетъ. Одинъ разъ ему показалось, что онъ услышалъ отдаленный трескъ сучьевъ, онъ остановился, напрягъ всѣмъ тѣломъ и вобралъ голову въ плечи, какъ будто готовясь прыгнуть. И новый, едва донесшійся до него звукъ тотчасъ погасилъ всѣ расчеты и мысли, и онъ неслышно, какъ тѣнь, не хрустнувъ ни однимъ сучкомъ, быстро пошелъ впередъ и тотчасъ почувствовалъ узенькую тропинку подъ ногами, выбитую бабами-грибницами, или лѣсникомъ, или, можетъ-быть, звѣремъ.

Но звукъ больше не повторился; онъ снова началъ сомнѣваться, опять останавливался и прислушивался, и опять похоже было, что онъ запутался въ лѣсной гушнѣ.

Тогда онъ остановился, закрылъ глаза и постарался ни о чемъ не думать. Тѣмъ же животнымъ чувствомъ онъ понялъ, что надо беречь энергію, не тратить ее ни на мысль, ни на чувство,

ни на воспоминаніе; отъ этого ощущенія его утончились, и слухъ обострился. И еще новое привступило въ тотъ колеблющійся, неуловимый кругъ, который называется человѣческой психологіей. Ему казалось, что, кромѣ пяти привычныхъ, старыхъ и грубыхъ чувствъ, онъ обладаетъ еще однимъ, тонкимъ и чуткимъ, опредѣлить которое такъ же трудно, какъ сказать, чѣмъ руководствуется лица или волкъ, внезапно измѣняя направление своего хода и избѣгая капкана или охотника.

Такъ, прислушиваясь къ этому новому ощущенію, онъ теперь навѣрное зналъ, что сейчасъ, черезъ пять минутъ или черезъ два часа, — сознание времени, продолжительности его въ немъ потухло совершенно, — онъ нѣчто узнаетъ. Чтô, онъ не могъ сказать, но это должно быть несомнѣнно, такъ же, какъ завтра наступитъ день, какъ должна прійти смерть, теперь, черезъ минуту или черезъ двадцать лѣтъ, безразлично...

Впослѣдствіи, когда онъ вспоминалъ эту ночь, онъ думалъ о томъ, что ожиданіе выстрѣла изъ-за какого-нибудь куста, внезапной смерти, при чемъ никто бы не могъ найти даже трупа его, два года войны, наконецъ напряженный жаръ, съ которымъ онъ вышелъ изъ дома, — все это были обстоятельства, поднявшія чувствительность его нервовъ до высшей степени. Но, думая такъ, онъ обходилъ кругомъ чего-то главнаго и нарочно закрывалъ глаза на это главное, чего нельзя было трогать и о чемъ нельзя было никому сказать.

Онъ пошелъ, лоя порохи и едва слышные шумы лѣса, уже не думая, зачѣмъ и куда онъ идетъ.

Сколько времени онъ такъ шелъ, онъ не могъ бы сказать. Но, повинувшись тому же внутреннему чувству, онъ сталъ вдругъ особенно остороженъ, двигался между кустами, изгибаясь, чтобы не задѣть вѣтки, и вытянувъ шею, чтобы уловить малѣйшій порохъ. И вдругъ остановился, какъ лошадь, внезапно почувствовавшая что-то впереди.

Полная, глубокая, какъ черный омутъ заросшаго пруда, тишина была вокругъ. Званцовъ стоялъ, прислушиваясь и склавшись всѣмъ тѣломъ, и остро вглядывался въ темноту. Ничего не было видно впереди, но Званцовъ не рѣшался сдѣлать ни одного движенія, и ему казалось, что корни волосъ у него на затылкѣ вдругъ получили способность чувствовать и заныли, приподнимая волосы.

Онъ сдѣлалъ шагъ, потомъ еще. И остановился опять, потому что поперекъ тропинки лежало что-то.

Теперь онъ понялъ, чтô было съ нимъ, и отчего родилось въ немъ ощущеніе такого огромнаго, полнаго одиночества. Онъ вынулъ фонарь, опустилъ его почти къ самой землѣ и, нажавъ кнопку контакта, скользнулъ бѣлымъ, нестерпимо яркимъ лучомъ по тому, чтô лежало на дорогѣ. И тотчасъ же потушилъ его.

Это былъ трупъ Ткаченки. Выхваченный изъ мрака на секунду и тотчасъ же потонувшій въ немъ, онъ запечатлѣлся въ глазахъ Званцова, какъ будто онъ разсматривалъ его часами. Солдатъ лежалъ, уткнувшись головой въ протянутую руку и откинувъ наотмашь другую руку съ зажатымъ револьверомъ. Черная зіяющая рана была у него на темени.

Какъ могли его убить? Конечно, сзади, подкравшись незамѣтно. Какъ могъ попасться на это осторожный, умный охотникъ, голый и ловкій Ткаченко? Только однимъ способомъ: тѣхъ было несомнѣнно двое; одинъ шелъ, можетъ-быть, нарочно похрустывая вѣтками громче, имитируя осторожность и усыпляя бдительность,

X.

„У меня нѣкоторое преимущество: я знаю, что они передо мной, они не знаютъ, что я за ними. Потомъ: изъ нихъ одинъ раненъ и боленъ, я здоровъ и силенъ, чѣмъ когда-либо. Но ихъ двое“.

Шедшіе впереди, должно-быть, пріостановились. Поляна была мокрая, вода звучно булькала подъ ногами; Званцовъ, напрягая глаза, осматрѣлъ ее. Это была довольно широкая поляна, похожая на тѣ, куда лѣтомъ гоняютъ скотъ. Неровно дѣлилъ ее ручей или канава, выбѣгая изъ темной поросли и прячась въ нее на другой сторонѣ.

Два-три дерева, черныхъ, едва видимыхъ, возвышались на самой полянѣ.

Что можно предпринять въ такихъ условіяхъ? Обойти? Пробраться лѣсомъ скорѣе ихъ на ту сторону и встрѣтить выстрѣломъ? Если прыгнуть къ самой землѣ и смотрѣть снизу, на фонѣ неба видны силуэты кустовъ. Значитъ, можно разсмотреть и людей. Подпустить ближе, чтобы не промахнуться, и бить

перваго лѣсника? Съ тѣмъ можно справиться и такъ.

Но обойти поляну не такъ-то легко. Они медленно, но неуклонно уходятъ все впередъ, хотя очень медленно; должно-быть, раненый идетъ плохо, его надо поддерживать. Поляна широка, итѣть, успѣть нельзя!.

Званцовъ не думалъ всего этого, только отдѣльные, даже не мысли, не соображенія, а движенія въ ту или иную сторону, рождавшіяся и тотчасъ же умиравшія, вспыхивали въ его мозгу и въ ту же секунду, провѣренные обостреннымъ новымъ чутьемъ, приведшимъ его безошибочно по слѣду уходившихъ, принимались, или отбрасывались.

Такъ онъ почувствовалъ, что обойти ихъ и забѣжать впередъ не успѣть. И тотчасъ же, не теряя ни секунды, двинулся впередъ, пригибаясь и какъ будто не ощущая тяжести своего тѣла. И та самая вода, что булькала и плескалась у нихъ подъ ногами, податливо и беззвучно разступалась подъ его сапогомъ. Только когда онъ перебирался почти по поясъ въ водѣ черезъ канава и вытѣзалъ уже на другой берегъ, сапогъ увязъ въ тинѣ и звонко чмякнулъ. Бросившись животомъ на мокрую траву, на какія-то кочки, Званцовъ замеръ и, кажется, пересталъ даже дышать.

Тамъ, впереди, тоже затихло. Для Званцова не было сомнѣнія, что тамъ прислушивались напряженно и жутко и тоже почти не дышали. Онъ лежалъ долго, можетъ-быть, полчаса, не шелохнувшись, и чувствовалъ, какъ вода острымъ холодомъ обнимаетъ ноги, и какъ лихорадочная дрожь начинаетъ колотить его. Но такъ слушали, и онъ притихъ, боясь перевести дыханіе, и, если нужно, пролежалъ бы такъ до утра.

Наконецъ тамъ двинулись опять, очевидно, успокоившись. И въ тактъ ихъ шагамъ Званцовъ змѣинымъ движеніемъ выскользнулъ на берегъ и почти на колѣняхъ двинулся впередъ. Но онъ пошелъ не по слѣдамъ, а въ сторону и быстрѣе ихъ. Все-таки чутье подсказывало ему, что надо зайти если не впереди ихъ, то хоть сбоку.

Онъ ползъ, останавливался и ни на моментъ не терялъ ихъ. Онъ только порою, урывками и неточно слушалъ ихъ движеніе, но онъ былъ увѣренъ, гдѣ они, какъ если бы днемъ слѣдилъ за ихъ ходомъ. Вотъ они подошли къ дереву, послѣднему на полянѣ; дальше было совсѣмъ открытое мѣсто и шагахъ въ двухстахъ опушка такого же густого, черного лѣса. Званцовъ зналъ, что они остановились отдохнуть. Раненому тяжело итти. Онъ воспользовался этимъ и сталъ оползать то, что ему казалось деревомъ. Но это было не одно, а три дерева, возвышавшихся надъ поляной и переплетавшихся вѣтвями, три старыхъ, лапчатыхъ ели.

„Индѣйки разбиваютъ свой вигвамъ на открытомъ мѣстѣ, чтобы видѣть приближеніе врага...“—чуждо, словно изъ другого міра, всплыла вдругъ неожиданная мысль изъ какой-то дѣтской книжки, которую онъ читалъ еще въ корпусѣ,—„да, лѣсникъ толковый... Знаетъ лѣсъ...“

„На войнѣ“.

Иллюстрація къ разсказу В. Муйжеля.

Это былъ трупъ Ткаченки...
(Глава IX, стр. 793).

а другой отступилъ въ сторону и ждалъ. Когда Ткаченко, занятый тѣмъ, что было у него впереди, прошелъ мимо этого стоявшаго, онъ молча, какой-нибудь дубиной или прикладомъ ружья, коротко и беззвучно ударилъ его. Только такъ и никакъ иначе... Потомъ оба опять соединились и пошли дальше.

— И я одинъ! — закончилъ Званцовъ, стоя надъ трупомъ солдата, — теперь я одинъ.

Онъ только сейчасъ понялъ, какое облегченіе приносила ему мысль о томъ, что впереди, слѣдя неотступно за бѣжавшимъ, идетъ вѣрный Ткаченко. Безсознательно онъ надѣялся на него и чувствовалъ крѣпкое, широкое плечо солдата, на которое въ трудную минуту могъ опереться. Теперь онъ былъ одинъ. А тѣхъ... тѣхъ двое!

Онъ обошелъ трупъ и пошелъ, почти побѣжалъ впередъ. Думать о Ткаченкѣ, о его трагической смерти, обо всемъ связанномъ съ нею, нужно было потомъ. Теперь надо было слушать, смотрѣть и сознавать только два обстоятельства: то, что онъ одинъ долженъ вслѣпить въ борьбу съ двумя, и что онъ на вѣрномъ пути; иначе, впрочемъ, они и не могли итти.

Это была странная ночь, таинственная, чудесная, предательская, таиншая смерть за каждымъ кустомъ и похожая на длинный затянувшійся сонъ. Порою Званцовъ видѣлъ себя какъ бы со стороны: маленькій, затерявшійся въ черной тѣмѣ безконечной ночи человекъ, вытянувъ шею и ловя каждый шорохъ, бѣжитъ по потаенной тропинкѣ и ждетъ смерти или убійства. И не тотъ человекъ, драгунскій офицеръ въ кожаной курткѣ, съ револьверомъ и фонаремъ въ рукахъ, къ которому привыкъ сознаниемъ всей своей жизни Званцовъ, а какой-то другой, новый, неизвѣстный, вынырнувшій изъ тьмы вѣковъ, отстаивавшій свою жизнь съ какимъ-нибудь диковиннымъ звѣремъ, воевавшій больше хитростью, слухомъ, зрѣніемъ и чутьемъ, чѣмъ оружіемъ, странный первобытный человекъ, такъ же ясно понимавшій движеніе тѣхъ, что были впереди, какъ уловку медвѣдя или лоса, котораго надо перехватить на его лапу.

Широкая, закутанная бѣловатымъ туманомъ поляна внезапно развернулась передъ нимъ. Туманъ на ней курился прихотливо извивающейся тяжелой пеленой, и по этому, такъ же, какъ по запаху воды, можно было догадаться, что поляна пересѣкается ручьемъ или рѣчкой. Званцовъ остановился и сталъ слушать. Вода посреди поляны чуть всплеснула. Большая, отбѣившаяся на спокойныхъ мѣстахъ, утка вдругъ съ шумомъ вырвалась съ того мѣста и, свистя крыльями и торопливо и испуганно крикая, понеслась въ темноту ночного неба. И Званцовъ уже зналъ, что онъ у цѣли: это идутъ они. Двое. Молча. Идутъ слѣбно. И, можетъ-быть, ждутъ нападенія.

Онъ ощущалъ предохранитель револьвера, передвинулъ его на огонь и скользя на поляну.

Такъ началась эта странная ночная борьба, такъ же мало похожая на человеческую борьбу, какъ странная, таинственная и предательская ночь на мирную ночь дремлющаго лѣса.

Онъ почти оползъ уже три ели, около которыхъ остановились тѣ, идущіе, и теперь ждалъ. Не ихъ движенія, не момента своего нападенія, а увѣренности, что ему дѣлать дальше. Фраза объ индѣйцахъ, представленіе о книгѣ, мелькнувшее воспоминаніе о корпусѣ сбило его. Онъ поморщился, какъ человѣкъ, которому во время серьезнаго важнаго дѣла мѣшаютъ пустяками, и подумалъ:

„Нельзя допускать человѣческую мысль, когда почувствовалъ себя звѣремъ“. И едва подумалъ это, какъ подался назадъ и дрогнуть: прямо на него изъ-за большого мокраго отъ росы куста, шагахъ въ пятнадцать отъ него, уставились два острыхъ внимательныхъ глаза и какъ будто ждали чего-то.

Продолжалось это всего нѣсколько секундъ, можетъ-быть, даже только одну секунду. Но всеми своими чувствами, всемъ тѣломъ, мозгомъ, нервами, всемъ тѣмъ, изъ чего слетается душа человѣка, Званцовъ вдругъ увидѣлъ и почувствовалъ тысячу вещей.

Во-первыхъ, то, что стало замѣтно свѣтлѣе, небо уже приняло

и пуля рѣзко черкнула его по плечу. Боли онъ не почувствовалъ, но сразу уловилъ ощущеніе горячей крови, хлынувшей по рукѣ и залившей ее до локтя. Онъ поднялъ другую руку и разомъ, поправляясь за каждымъ выстрѣломъ, три раза нажалъ спускъ револьвера. Человѣкъ за кустомъ метнулся тоже, какъ отъ медвѣдя послѣ выстрѣла въ упоръ, но вторымъ и третьимъ Званцовъ поймалъ его на черный конецъ револьвернаго дула. По тому, что тотъ сразу осѣлъ и скрылся за кустомъ, Званцовъ понялъ, что онъ не промахнулся. Но и не убилъ. Тотъ былъ несомнѣнно живъ, это онъ зналъ.

Онъ подался назадъ, юркнулъ подъ такой же большой широкой и мокрый ольховый кустъ и оползъ его. Но тотчасъ же грянулъ опять выстрѣлъ съ той стороны, и пуля съ визгомъ понеслась около уха и чвякнула гдѣ-то въ землю.

„Кусты качаются... Бѣтъ по нимъ...“ — сообразилъ Званцовъ и замеръ, чтобы обмануть того. Такъ жукъ, тронутый пальцемъ, вдругъ подбираетъ подъ себя лапки и прикидывается мертвымъ.

„На войнѣ“.

Иллюстрація къ разсказу В. Муйжеля.

тускло-сѣрый, плотный и тяжелый тонъ ранняго утра: значить, онъ ползъ по полянѣ очень долго. Потомъ мокрый кустъ. Это была ольха, съ зубчатыми листьями, кривая, какъ будто исковерканная рукой, и онъ былъ весь мокрый: на каждомъ листикѣ тяжело и неподвижно висѣла капля росы: и это напоминало слезы. Потомъ неопредѣленный, но страшный силуэтъ человѣка въ рваномъ армякѣ, воротъ котораго сходилъ на груди, голую жилистую шею съ грязной тесемкой, служившей вмѣсто пуговицы на сѣрой отъ грязи рубашки, и глаза: звѣринные, пронзительные глаза, пытливые, боязливые, страшные.

На одно мгновеніе взгляды двухъ людей столкнулись и задрожали въ непередаваемомъ напряженіи, какъ двѣ скрещенныхъ шпаги. Это продолжалось только одну какую-то неизмѣримую долю секунды, но страшной властью сковало обоихъ взглядъ противника, тяжелой, смертной цѣпью тоски, страха, боли и еще чего-то, чего уже не знаютъ и не могутъ помнить живые люди, и что познаютъ въ послѣдній моментъ, когда тѣло содрогается послѣдней судорогой отлетающаго духа.

Затѣмъ свершилось то, чего оба они ждали и чего хотѣли. Оглушающимъ, страшнымъ грохотомъ порвался выстрѣлъ, и гулъ пошелъ по полянѣ, эхо зарокотало и перекинулось, и синій густой дымъ повисъ надъ кустомъ. Но, еще прежде чѣмъ лѣсникъ приложилъ ружье къ плечу, Званцовъ швырнулся въ сторону,

Оглушающимъ, страшнымъ грохотомъ порвался выстрѣлъ.
(Глава X, стр. 795).

Онъ впился глазами туда, гдѣ сверкнулъ красный, чуждый сѣрому сумраку утра огонь выстрѣла. Ему показалось, что одна вѣтка слабо качнулась, и капли росы посыпались съ нея. Если бы раньше не было выстрѣловъ, наполнившихъ уши тугимъ длиннымъ звономъ, онъ, вѣроятно, услышалъ бы шелканье капель по листьямъ. Тщательно соображаясь съ тѣмъ, что человѣкъ или лежалъ или сидѣлъ на корточкахъ, что онъ могъ двинуться къ этому мѣсту, а не отъ него, Званцовъ выпѣлилъ предполагаемое мѣсто, гдѣ долженъ быть лѣсникъ, и далъ опять три выстрѣла, послѣдовательно мѣняя цѣль треугольникомъ: двѣ пули по бокамъ и одна повыше.

Послѣ этого онъ ждалъ очень долго. Теперь онъ не могъ понять, конечно все или нѣтъ. Можетъ, малѣйшее движеніе вызоветъ тотчасъ же выстрѣлъ и на этотъ разъ послѣдній для него. Онъ ждалъ. Но кругомъ было тихо, какъ будто никогда не гремѣли здѣсь выстрѣлы. Съ каждой минутой свѣтлѣло все больше и больше, и небо изъ сѣраго стало розовымъ, потомъ по нему протянулись золотыя потяжины, потомъ проглянуло голубое. И торжественная, утренняя, какая бываетъ только въ ясное раннее утро передъ восходомъ солнца, тишина стала надъ поляной.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Я. Надсонъ.

Очеркъ Ник. Жервъ.

19-го января 1917 года исполнится тридцать лѣтъ со дня кончины Семена Яковлевича Надсона.

Память о немъ ярко-жива среди насъ. Недавно вышло двадцать восьмое издание сборника его стихотвореній — фактъ почти безпримѣрный не только въ исторіи русской поэзіи, но и въ исторіи всей русской литературы. Въ такомъ количествѣ изданій, даже по истеченіи срока литературной собственности, не расходились произведенія ни одного изъ нашихъ писателей.

Интересъ, который до сихъ поръ возбуждаетъ къ себѣ „юноша-поэтъ“, — какъ его называлъ маститый поэтъ-старецъ Я. П. Полонскій въ извѣстномъ стихотвореніи „На смерть Надсона“, — доказываетъ, что и новые читатели его, принадлежащіе уже къ иному поколѣнію, по достоинству оцѣнили ту юность мысли и свѣжесть чувства, ту благородную простоту и вдохновенную искренность, которыми проникнуты стихотворенія Надсона.

С. Я. Надсонъ, какъ и многие другіе русскіе писатели и поэты, вышелъ изъ военной среды. Онъ прошелъ всю военную школу — сперва воспитанникомъ 2-й С.-Петербургской военной гимназіи (нынѣ 2-й кадетскій Императора Петра Великаго корпусъ), а затѣмъ юнкеромъ Павловскаго военного училища, откуда онъ былъ выпущенъ въ офицеры.

С. Я. Надсонъ родился въ Петербургѣ, 14-го декабря 1862 года, въ небогатой семьѣ. Когда ребенку минулъ годъ, мать, по нездоровью, переселилась съ нимъ въ Кіевъ. Черезъ годъ послѣ этого умеръ отъ психическаго расстройства, въ пріютѣ душевно-больныхъ, отецъ поэта (служившій на западной окраинѣ), даровитый человекъ и страстный музыкантъ, передавшій и сыну свою страсть къ музыкѣ. Поэту было всего два года, когда онъ остался на рукахъ матери.

Со смертью отца въ семью вкралась нужда, увеличивавшаяся все возрастающей болѣзью матери.

Мать поэта Антонина Степановна, изъ дворянской семьи Мамантовыхъ, по отзывамъ знавшихъ ее, отличалась рѣдкой красотой и необыкновенною сердечностью. Оставшись послѣ смерти мужа безъ всякихъ средствъ съ двумя дѣтьми, — будущимъ поэтомъ и сестрой его Анной, — она сначала жила въ Кіевѣ гувернанткой въ семьѣ нѣкоего Ф., а затѣмъ перѣехала въ Петербургъ и поселилась у своего брата Д. С. Мамантова.

Вскорѣ послѣ этого А. С. Надсонъ вышла вторично замужъ за Н. Г. Фомина и уѣхала съ нимъ въ Кіевъ. Бракъ этотъ былъ однако несчастливъ: вотчимъ Надсона въ припадкѣ умопомѣшательства повѣсилъ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ.

Перебиваясь въ страшной нуждѣ, несчастная женщина снова перѣехала съ дѣтьми изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ стала заниматься въ школѣ сестры своей Л. С. Мамантовой. Вскорѣ послѣ этого Антонина Степановна, еще молодая, 31 года, умерла отъ чахотки.

Надсону не было еще десяти лѣтъ, когда онъ остался круглымъ сиротой, попавъ въ семью его

дяди И. С. Мамантова, занимавшаго въ то время довольно видное положеніе въ столичномъ бюрократическомъ мірѣ.

Незадолго до смерти матери, Надсона, по настоянію дяди (вполнѣдствіи его опекуна), опредѣлили пансіонеромъ во 2-ю Петербургскую военную гимназію (нынѣ 2-й кадетскій Императора Петра Великаго корпусъ) на казенный счетъ, на одну изъ такъ называемыхъ „дворянскихъ стипендій“.

Воспитатели гимназіи скоро полюбили задумчиваго, не по лѣтамъ серьезнаго мальчика за его открытый нравъ, холили его выдающіяся способности, поощряли его страсть къ чтенію и словеснымъ наукамъ, развившуюся въ немъ очень рано. Но все же разлука съ матерью, къ которой Надсонъ питалъ самую нѣжную любовь, а также рѣзкая перемѣна обстановки, съ ея холодными казенными стѣнами закрытаго учебнаго заведенія, не могли пройти безслѣдно для чуткаго и впечатлительнаго мальчика.

Къ памяти матери своей Надсонъ питалъ самую нѣжную благоговѣйную любовь и собирався написать поэму „Мать“, посвященную этому чувству. Къ сожалѣнію, болѣзнь и ранняя смерть пресѣкли это его намѣреніе, и отъ задуманной поэмы осталась лишь отрывокъ. Кромѣ этого отрывка („Мать“), поэтъ излилъ свои чувства къ матери въ стихотворенія: „Женщина“, „Старая сказка“ и др.

Учился Надсонъ въ военной гимназіи, въ общемъ, довольно хорошо, хотя математика ему не давалась, да и, кромѣ того, въ старшихъ классахъ онъ такъ увлекся чтеніемъ, что ему было не до уроковъ.

Стихи началъ онъ писать съ девятилѣтняго возраста, а пятнадцати лѣтъ сознательно уже рѣшился посвятить себя поэзіи.

Потерявъ въ дѣтствѣ родителей и испытавъ вмѣстѣ съ оставшеюся малолѣтнею сестрою нужду и горе, Надсонъ рано почувствовалъ потребность изливать на бумагѣ свои сокровенныя мысли и чувства. Чуть ли не съ 11 лѣтъ будущій поэтъ сталъ писать дневникъ, который велъ, съ нѣкоторыми перерывами, вплоть до 1880 г., да и затѣмъ нѣсколько разъ возвращался къ нему.

Уже въ мальчикѣ сказывались зачатки тѣхъ душевныхъ качествъ, которыми впоследствии отличался Надсонъ всю свою жизнь. Всякая неправда, несправедливость, ложь были чужды его натурѣ. Изъ напечатанныхъ отрывковъ его дневниковъ можно видѣть, что въ Надсонѣ очень рано появилась и другая характерная особенность его — горячая любовь къ природѣ и ея пониманіе, въ немъ рано начало развиваться и вообще поклоненіе красотѣ.

Страстно любилъ онъ и музыку. Будучи еще въ военной гимназіи, Надсонъ сталъ обучаться игрѣ на скрипкѣ, очень полюбилъ этотъ инструментъ, съ которымъ уже не разставался всю жизнь. Игралъ онъ по слуху также и на роялѣ, кромѣ того, былъ все время пѣвчимъ въ гимназіи.

Въ немъ рано проснулось призваніе къ литературной творческой дѣятельности, зародилась въра въ свои духовныя силы,

С. Я. Надсонъ въ формѣ офицера 148-го Каспійскаго полка. Съ фотографической карточки, подаренной поэтомъ писателю И. Я. Щеглову-Леонтьеву (нынѣ тоже уже покойному), съ надписью на оборотѣ: „Новому Алексу Герострату“. „Цыгане шумно толаю по Бессарабіи кочуютъ“. 2-го июля 1883 г.

С. Я. Надсонъ — офицеръ.

Памяти С. Я. Надсона. Къ 30-лѣтію со дня кончины поэта.

Я. Надсонъ—отецъ поэта.

Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья
И скорбныхъ думъ въ безмолвнѣ ночей?!

Судя по дневникамъ, около этого же времени началась въ поэтѣ сильная внутренняя работа: его волновали и мучили разные „проклятые вопросы“, главнымъ образомъ религиозные.

„Печататься“ сталъ Надсонъ, еще будучи воспитанникомъ 2-й военной гимназiи, съ 16 лѣтъ, когда его первое стихотворенiе „На зарѣ“ появилось въ 1878 г. въ майской книжкѣ „Свѣта“, издававшейся тогда подъ редакцiей проф. Н. П. Вагнера („Кота-Мурлыки“).

Въ концѣ ноября мѣсяца того же 1878 г. случилось событiе, отразившееся и на всей послѣдующей жизни поэта: онъ познакомился съ семействомъ одного своего товарища—Дешевова, и это знакомство оставило глубокий слѣдъ въ душѣ Надсона. Семья эта состояла изъ отца, матери, сына—товарища Надсона по военной гимназiи—и дочери, молодой дѣвушки.

Нѣжная, первая чистая любовь къ этой молодой дѣвушкѣ, почти дѣвочкѣ, Наташѣ Дешевой, охватила юную, пылкую душу поэта, которому отвѣчали взаимностью. Но недолго это радостное, свѣтлое чувство озаряло юношу: 31-го марта 1879 года бѣдная Наташа Дешева умерла отъ скоротечной чахотки.

Какъ сильно поразила Надсона смерть ея, видно изъ его стихотворенiй: „Любилъ ли вы, какъ я“, „Я вновь одинъ“ и др.

„Я не былъ въ нее влюбленъ, — говоритъ Надсонъ въ одномъ изъ своихъ дневниковъ, — но я любилъ ее такъ, какъ и не подозрѣвалъ, что могу любить. Я любилъ въ ней сестру, любилъ чистую и безгрѣшную дѣвушку, любилъ идеалъ свой. Я знаю, что другой Наташи я не встрѣчу...“ Памяти Н. М. Дешевой поэтъ посвятилъ и сборникъ своихъ стихотворенiй.

Весной того же 1879 года Надсонъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ успешно окончить курсъ военной гимназiи. Передъ выпускомъ, на концертѣ, устраиваемомъ въ гимназiи ежегодно,

въ свой талантъ. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ стихотворенiй, написанныхъ въ военной гимназiи, когда ему было всего 15 лѣтъ, поэтъ писалъ:

Я чувствую и силы и стремленье
Служить другимъ, бороться и любить;
На ихъ алтарь несу я вдохновенье,
Чтобъ въ трудный часъ ихъ лѣсной ободрить.
Но кто пойметъ, что не пустые звуки
Звенятъ въ стихѣ неопытномъ моемъ,—
Что каждый стихъ—дитя глубокой муки,
Рожденное въ раздумьѣ роковомъ;
Что каждый мигъ «святого вдохновенья»
Мнѣ стоилъ слезъ, не видныхъ для людей,

Надсонъ, между прочимъ, прочелъ съ выходящимся успѣхомъ свою первую поэму „Иуда“.

2-я военная гимназiя не забыла своего воспитанника — поэта Надсона. Въ историческомъ музей корпусѣ имѣется „витрина С. Я. Надсона“, гдѣ собраны его сочиненiя, портреты, фотографическiе снимки, критическая литература о немъ, рукописи и рисунки поэта периода времени пребыванiя его въ военной гимназiи и Павловскомъ военномъ училищѣ.

Изъ вещей, принадлежащихъ С. Я. Надсону и хранящихся въ музей, упомянемъ его бюваръ изъ темной сафьяновой кожи, съ инициалами поэта, и трогательную „память“—голубую ленту съ букета, поднесеннаго Надсону учащейся молодежью въ Кiевѣ на литературномъ вечерѣ, устроенномъ поэтомъ въ пользу Литературнаго Фонда.

По окончанiи гимназiи С. Я. Надсонъ, по желанiю опекуна, его дяди, поступилъ въ Павловское военное училище.

Условiя суроваго училищнаго режима вскорѣ же пагубно отразились на слабомъ здоровьѣ юноши-поэта, въ организмѣ котораго съ дѣтства уже таился наследственный недугъ—предрасположенiе къ чахоткѣ. Чуть ли не на первомъ же ученiи, когда въ холодный осеннiй день юнкеровъ вывели на плацъ въ однихъ мундирахъ, Надсонъ схватилъ острый катаръ праваго легкаго и опасно заболѣлъ. Врачи констатировали у него начало чахотки. Пролежавъ довольно долго въ училищномъ лазаретѣ, Надсонъ затѣмъ былъ отправленъ на казенный счетъ на Кавказъ, въ Тифлисъ, гдѣ онъ почти годъ прожилъ у родственниковъ.

Вернувшись въ столицу осенью 1880 г., поэтъ снова поступилъ въ Павловское училище. Въ училищѣ Надсонъ провелъ два года.

По общимъ отзывамъ знавшихъ Надсона юнкеромъ, онъ былъ тихъ, молчаливъ и печаленъ, онъ какъ-то бокомъ смотрѣлъ черезъ очки своими красивыми, добрыми, большею частью печальными глазами, въ которыхъ свѣтилась дѣтски-чистая душа поэта.

Товарищи-юнкера скоро полюбили „Сеню Надсона“; въ послѣдствiи имъ стали интересоваться и гордиться, какъ „поэтомъ“.

Своихъ стихотворенiй Надсонъ не любилъ давать читать, пока они не выходили въ печати. Только самымъ близкимъ друзьямъ прочитывалъ онъ иногда то, что напишетъ. Но если случались стихи на „злбуда“, не предназначенныя къ печати, то таковыя быстро расходились по рукамъ, особенно, конечно, если въ нихъ фигурировало училищное начальство. Вообще не проходило недѣли, чтобы Надсонъ не написалъ чего-нибудь, касающагося внутренней жизни училища.

Шуточные стихотворенiя онъ писалъ очень часто, „острыя словечки“

А. С. Надсонъ—мать поэта.

Домъ, въ которомъ родился С. Я. Надсонъ.
(Петроградъ, Гагаринская улица, № 7).

Памяти С. Я. Надсона. Къ 30-лѣтiю со дня кончины поэта.

С. Я. Надсонъ.

*Рѣдкій портретъ поэта
въ дѣтскомъ возрастѣ.*

вѣсомъ, трудящагося надъ ружейными приемами; или „печающими“ во время маршировки“...

Надсонъ самымъ искреннимъ образомъ хохоталъ надъ самимъ собою во время этихъ воинскихъ упражненій, а товарищи добродушно вторили ему.

За два года своего пребывания въ Павловскомъ военномъ училищѣ Надсонъ писалъ и печатался довольно много, мало-по-малу становясь известнымъ. Стихотворенія его стали появляться въ журналахъ: „Мысль“, „Слово“, „Устон“, „Дѣло“, „Русская Рѣчь“, а также и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Иногда у него заводилось нѣсколько рублей, по большей части полученныхъ, какъ „гонараръ“, за стихотворенія, но деньги у него долго не держались: часть истратилъ на себя, а большую часть раздасть другимъ, при чемъ бывали случаи, что Надсонъ не бралъ отдаваемыхъ ему денегъ, самъ не имѣя ни копейки за душой, а особенно, если зналъ, что должникъ нуждается въ деньгахъ. Вообще къ деньгамъ, какъ и во всю свою жизнь, поэтъ относился равнодушно.

Въ училищѣ Надсонъ писалъ свои стихотворенія большею частью по ночамъ. Обыкновенно, ложась спать, имѣлъ всегда наготовѣ огарокъ свѣчки и спички. Часто ночью проснется, полегитъ немного, зажжетъ свѣчку и принимается писать. Бывало и такъ, что, погасивъ свѣчку, Надсонъ черезъ нѣсколько минутъ зажигалъ ее вновь, и это повторялось иногда по два, по три раза въ ночь.

Однимъ изъ свѣтлыхъ моментовъ въ жизни Надсона за время пребывания въ Павловскомъ училищѣ было знакомство его съ маститымъ поэтомъ Алексѣемъ Николаевичемъ Плещеевымъ. — знакомство, вскорѣ затѣмъ перешедшее въ тѣсную, почти родственную связь. Это важное въ жизни поэта событіе произошло осенью 1881 года.

Замѣтившій печатавшіеся стихи Надсона А. Н. Плещеевъ пожелалъ узнать юнаго автора поближе, и Надсонъ вскорѣ сдѣлалъ своимъ въ домѣ Плещеева. Алексѣй Николаевичъ ввелъ его въ „Отечественныя Записки“ и въ другіе толстые журналы, познакомилъ его съ „литературною братією“, упрочилъ литературныя связи Надсона и немалое влияние имѣлъ на развитіе его таланта, о чемъ самъ Надсонъ свидѣтельствуетъ въ своей автобиографіи.

Извѣстность Надсона разомъ упрочилась, какъ только онъ сталъ печататься въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Помѣщенные въ этомъ журналѣ его стихотворенія сразу обратили на себя всеобщее вниманіе и возбудили большія надежды. Имя его стало постоянно повторяться молодежью, любимцемъ которой вскорѣ и сдѣлался юный поэтъ.

Лѣто юнкеръ проводилъ въ лагеряхъ подъ Краснымъ Селомъ. Тяжелая лагерная жизнь съ безпрестанными ученіями, парадами, смотрами, стрѣльбою, караулами, маневрами и проч. замѣтно отзывалась на слабомъ организмѣ Надсона. Болѣзнь его медленно, но упорно развивалась. Особенно трудно давались ему дневальства въ лагерѣ на „линейкѣ“, когда ему приходилось стоять „дневальнымъ“ и днемъ и ночью, во всякую погоду.

Дни или. Подошло наконецъ время разборки офицерскихъ вакансій, — время, какъ извѣстно, наибольшихъ волненій выпускныхъ юнкеровъ: кому куда удастся попасть, въ какой полкъ придется выйти.

любить, и юмора у него было очень много. „Глубоко пѣломудренный Надсонъ, сколько знаю, никогда не написалъ ни одной не то что сальной, но даже не совѣтъ приличной строки. Всѣ его произведенія чисты, какъ чиста была душа поэта“, — пишетъ одинъ изъ товарищей поэта М. Рос—кій.

Надсонъ былъ плохой фронтовикъ. „Надо было посмотреть на него, — пишетъ тотъ же М. А. Рос—кій, — съ тяжелымъ тесакомъ на боку, перегибающимъ весь его станъ, и въ высокомъ „горшкѣ“, — кепи, съ еще болѣе высокимъ, воинственно развѣвающимся султаномъ; или съ ружьемъ въ двѣнадцать фунтовъ

Надсонъ очень волновался, такъ какъ намѣтилъ себѣ Каспійскій полкъ, расположенный вблизи столицы, — вакансію, которую могъ легко взять всякій юнкеръ, стоявшій выше Надсона по балламъ. Къ счастью, избранная имъ вакансія осталась незанятою. Точно камень свалился съ плечъ у поэта. Судьба его была рѣшена, его мечта осуществилась. Онъ будетъ жить въ Кронштадтѣ, — недалеко отъ родного для него А. Н. Плещеева, будетъ съ нимъ часто видѣться, переписываться...

7-го августа 1882 года С. Я. Надсонъ былъ произведенъ въ офицеры. Онъ вышелъ въ 148-й пѣхотный Каспійскій полкъ, квартировавшій въ Кронштадтѣ.

Переѣхавъ въ Кронштадтъ, поэтъ первое время былъ, въ общемъ, доволенъ своимъ кронштадтскимъ житьемъ. Да и немудрено. Послѣ суровой дисциплины Павловскаго училища и подневольной юнкерской жизни, — поэтъ вырвался наконецъ на желанную свободу, хотя и относительную, конечно. Но затѣмъ, мало-по-малу, бодрое настроеніе стало покидать поэта... Кронштадтская жизнь съ ея обывательскимъ времяпровожденіемъ уже стала представляться поэту скучной и малоинтересной, и онъ началъ мечтать о переводѣ въ Петербургъ.

Нечего и говорить, что Надсонъ то и дѣло навѣдывался въ столицу, — здѣсь были сосредоточены всѣ его интересы. Здѣсь онъ ожидалъ, проводя большую часть времени съ тогдашней литературной молодежью, собиравшейся у Плещеева. Тамъ Надсонъ встрѣчался съ обширнымъ кружкомъ литературной интеллигенціи, — у Плещеева бывали: Всеволодъ Гаршинъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), Д. С. Мережковскій и др.

Въ Кронштадтѣ поэтъ прожилъ, служа въ полку, около двухъ лѣтъ, и къ этому времени принадлежатъ многія изъ лучшихъ его стихотвореній. Къ этому же времени относятся начатыя имъ въ училищѣ стихотворенія „Геростратъ“, „Грезы“ и др., а также и переводы съ итальянскаго, изъ Джакометти.

Къ слову сказать, никакого Джакометти не существовало никогда, но нѣкоторые изъ сти-

С. Я. Надсонъ—кадетъ.

хотвореній, въ сущности, довольно невинныя по содержанию, не могли быть по цензурнымъ условіямъ напечатаны иначе, и въ море русской поэзіи они вышли подъ итальянскимъ флагомъ“.

Нѣкоторые стихотворенія Надсона были навѣяны кронштадтскими мотивами („Нѣтъ, легче мнѣ думать, что ты умерла“, „Не вини меня, другъ мой“, „Я пришелъ къ тебѣ съ открытою душою“, „Затихъ блестящій залъ“, „На ближнемъ кладбищѣ“, „По забытые шумнымъ ихъ кругомъ“, „Сбылось все“ и проч.). Первые два —

С. Я. Надсонъ—кадетъ.

Памяти С. Я. Надсона. Къ 30-лѣтію со дня кончины поэта.

три стихотворения были написаны одной барышней, которую С. Я. увлекся-было настолько серьезно, что собирался даже жениться. Увлечение это, очень непродолжительное, хотя немного скрашивало жизнь поэта в Кронштадтѣ. Надсонъ жилъ „иллюзіями“ и на время забывалъ бѣдность кронштадтской жизни.

Служа въ полку, С. Я. Надсонъ хотя и развлекался и ожидалъ временами, но всего этого хватало не надолго. Въ своихъ письмахъ поэтъ все чаще сталъ жаловаться на недовольство жизнью, на грызущую его тоску и... почти постоянное безденежье. Однажды въ письмѣ къ А. Н. Плещееву поэтъ признался, что у него заложены мундиръ и часы...

Волей-неволей приходилось смотрѣть на стихи, какъ на единственную доходную статью сверхъ получаемого болѣе чѣмъ скромнаго подпоручичьяго жалованья, въ 50 руб. въ мѣсяцъ.

Въ Кронштадтѣ,—какъ и всюду, куда забрасывала его судьба,—около поэта всегда собирался кружокъ людей, интересующихся литературой, преимущественно начинающіе поэты, писатели, любители драматическаго и всякихъ другихъ искусствъ. И кронштадтскіе „непризнанные таланты“ находили у С. Я. Надсона самый радушный пріемъ и теплый привѣтъ.

Живой нравъ, остроумная беседа, доброе сердце—все это располагало къ Надсону: его баловали и окружали заботами и попеченіями.

Любили поэта и его товарищи по Каспійскому полку. Память о немъ жива и теперь среди однополчанъ Надсона. Въ полковой библиотекѣ до сихъ поръ хранится книжка его стихотвореній,—съ собственноручною надписью Надсона, имъ самимъ присланная въ библиотечку, а въ полковомъ офицерскомъ собраніи виситъ большой портретъ поэта.

Писалъ Надсонъ попрежнему большею частью, по ночамъ. Оставшись наединѣ со своими думами, поэтъ или работалъ или писалъ свой дневникъ. Сонъ часто бѣжалъ отъ него, и поэтъ нерѣдко просиживалъ большую часть ночи за своими стихами.

С. Я. Надсонъ въ Швейцаріи, въ началѣ болѣзни, въ 1884 году.

Семь Надсонъ

Къ своей миссіи, какъ писателя и поэта, Надсонъ относился почти съ благоговѣніемъ.

Успѣхъ его стихотвореній сильно поднималъ и открывалъ духъ поэта. Особенно онъ цѣнилъ похвалы людей, понимающихъ поэзію, а сочувственные отзывы объ его стихотвореніяхъ и же-

ланіе редакторовъ „толстыхъ журналовъ“ печатать его произведенія приводили его въ восторгъ.

Литературная известность Надсона быстро росла... Въ Пушкинскомъ кружкѣ 30-го сентября 1883 года ему устроили трогательное сердечное чествованіе: самъ А. Н. Плещеевъ прочелъ въ тотъ вечеръ только-что напечатанное въ „Отечественныхъ

С. Я. Надсонъ въ 1884 г., въ періодъ болѣзни.

Запискахъ“ стихотвореніе молодого поэта: „Изъ дневника“. Успѣхъ былъ очень большой.

Хроническій процессъ въ легкихъ между тѣмъ обострился. Лѣтомъ 1883 года Надсонъ слегъ въ постель: у него открылась на ногѣ туберкулезная фистула. Онъ пролежалъ все лѣто въ Петербургѣ, въ маленькой комнаткѣ, выходившей окнами на пыльный и душный дворъ. Въ концѣ года онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы какъ-нибудь освободиться отъ военной службы. Онъ подыскивалъ себѣ работу, подходящее занятіе, которое дало бы ему возможность существовать. У него даже явилась мысль пойти въ народныя учителя. Впоследствии, какъ известно, онъ подготовился къ экзамену на народнаго учителя и выдержалъ его.

Зиму 1883—84 г. поэтъ однако еще провелъ въ Кронштадтѣ и попрежнему наѣзжалъ въ Петербургъ. Но уже весной 1884 года онъ окончательно рѣшилъ оставить военную службу и подалъ въ отставку.

За воспитаніе, полученное имъ въ военномъ училищѣ, онъ долженъ былъ отслужить офицеромъ три года, но „по болѣзни“, далеко не отслуживъ законнаго срока, Надсонъ въ іюль 1884 года былъ уволенъ въ отставку.

Два съ половиной года, которые поэтъ еще прожилъ по выходѣ изъ военной службы, были почти сплошной мучительно-агоніей съ рѣдкими проблесками покоя.

Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ литературнаго заработка, С. Я. Надсонъ, какъ мы уже говорили, предполагалъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, но надломленные силы поэта не могли бы выдержать этого тяжелаго труда. Когда редакторъ-издатель журнала „Недѣля“, покойный П. А. Гайдебуровъ, предложилъ ему мѣсто секретаря редакціи, С. Я. съ радостью принялъ это предложеніе. Онъ поселился въ Петербургѣ, полный въ одно и то же время и самыхъ розо-

Памяти С. Я. Надсона. Къ 30-лѣтію со дня кончины поэта.

Домъ въ Ялтѣ,
гдѣ 19-го января 1887 г. скончался
С. Я. Надсонъ.

выхъ надеждъ и самаго мрачнаго отчаянія: чахотка начала уже душить больного.

Въ октябрѣ того же 1884 года болѣзнь приняла настолько серьезный оборотъ, что поэтъ долженъ былъ все бросить и уѣхать за границу, на югъ Франціи, гдѣ онъ пробылъ около года, живя то въ Ниццѣ и Ментонѣ, то въ Швейцаріи. Въ Бернѣ онъ былъ подвергнутъ двумъ мучительнымъ операціямъ фистулы на ногѣ.

По возвращеніи въ Россію, послѣдніе полтора года жизни Надсонъ провелъ сначала въ деревнѣ у одного знакомаго въ Подольской губерніи, въ селѣ Носковцахъ, а затѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ, ища заработка, чтобы не нуждаться въ помощи друзей и Литературнаго Фонда, онъ сталъ работать въ мѣстной газетѣ „Заря“, въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя.

Популярность его быстро росла. Когда онъ въ Кіевѣ устроилъ вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда, его встрѣтили бурною оваціею, а послѣ чтенія молодежь вынесла поэта на рукахъ.

Почти умирающаго поэта вскорѣ послѣ перевезли въ Ялту. Здоровье его быстро таяло. Мысль о надвигающейся смерти не покидала С. Я. Надсона, и его уже не радовали ни успѣхъ стихотвореній, выдержавшихъ еще при жизни Надсона пять изданій, ни присужденная ему Академіей Наукъ Пушкинская премія.

Благодатный воздухъ Крыма уже не могъ спасти угасающаго поэта, и 19-го января 1887 г. его не стало...

Онъ скончался 24 лѣтъ. Тѣло безвременно погибшаго „юноши-поэта“ перевезли изъ Ялты въ столицу. Здѣсь, 4-го февраля, при многочисленномъ стеченіи народа, состоялись похороны С. Я. Надсона. Его похоронили на Волковомъ кладбищѣ, на такъ называемыхъ „литераторскихъ мосткахъ“, — недалеко отъ „великихъ могилъ“ Бѣлинскаго и Добролюбова... И каждый годъ въ этотъ день

приходитъ молодежь къ его могилѣ поклониться его свѣтлой памяти.

Въ тридцатилѣтнюю годовщину его кончины вся Россія сможетъ помянуть поэта особымъ наиболее духовнымъ поклоненіемъ — чтеніемъ его дивныхъ стиховъ: изъ конца въ конецъ русской земли принесеть „Нива“ въ русскую семью сочиненія поэта, и, читая ихъ, каждый вспомнитъ вдохновенныя слова Надсона и скажетъ:

— „Не говорите мнѣ: онъ умеръ, — онъ живеть!..“

Уголокъ С. Я. Надсона.
Портреты и реликвіи поэта въ музеѣ 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса.

Памяти С. Я. Надсона. Къ 30-лѣтію со дня кончины поэта.

Монастыря некоторыми частями германских войск, переброшенными из Добруджи. Затѣмъ другая часть войскъ Макензена, произведя 11-го ноября ожесточенную бомбардировку румынского берега Дуная, у Зимницы, начала переправляться черезъ Дунай. Такимъ образомъ къ тѣмъ двумъ группамъ войскъ противника, которыя стояли верстахъ въ 100 отъ Букареста, — одна къ сѣверу отъ него, а другая къ западу отъ него, — стремилась присоединиться третья группа войскъ противника — части Макензена, переправлявшіяся черезъ Дунай у Зимницы.

Повидимому, въ предположенія румынъ не входила упорная оборона Дуная, такъ какъ румынская войска, нанеся значительныя потери переправившимся германскимъ частямъ у Зимницы, стали отходить къ сѣверо-востоку, прикрывая букарестскій районъ. Соответственно этому, нѣмцы выдвинули свои сторожевыя части на румынскомъ берегу Дуная къ сѣверу и сѣверо-западу, дойдя до мѣстечекъ Руседе-Ваде и Валени — верстахъ въ 70 отъ Зимницы.

Районъ Зимницы извѣстенъ по прежнимъ переправамъ русскихъ войскъ. Здѣсь именно была произведена наша переправа въ 1877 году — въ обратную сторону, съ румынскаго берега на болгарскій. Ширина Дуная въ этомъ районѣ около одной версты, при чемъ здѣсь имѣются острова, облегчающіе производство переправы и наводку моста.

Число переправившихся черезъ Дунай германскихъ войскъ, повидимому, было невелико. По газетнымъ извѣстіямъ, оно исчислялось, примѣрно, въ 1½ дивизіи. Эти данныя, свидѣтельствовавшія о „немногочисленности“ переправившихся войскъ у Зимницы, подтверждались также и тѣмъ, что германскія войска послѣ переправы не рискнули двинуться прямо къ букарестскому району, хотя ихъ отъ него отдѣляло также не болѣе 100 верстъ. Въмѣсто этого германскія войска послѣ переправы двинулись на сѣверо-западъ, черезъ Руседе-Ваде и Валени, къ рѣкѣ Ольтъ и городу Краіовъ, т.е. на соединеніе съ Жіуской колонной Дельмензингена. Букарестъ же, какъ извѣстно, лежитъ въ направленіи отъ Зимницы на сѣверо-западъ, а не на сѣверо-востокъ.

Такимъ образомъ часть войскъ Макензена, переправившаяся у Зимницы, считая себя, очевидно, недостаточно сильной для движенія къ Букаресту, прежде всего сочла необходимымъ соединиться съ Жіуской колонной Дельмензингена. Отъ Валени (мѣсто, до котораго дошли переправившіяся черезъ Дунай войска) до рѣки Ольты, впереди Краіовы (мѣсто, до котораго дошла Жіуская колонна Дельмензингена), примѣрно, около 40 верстъ. Поэтому надлежало ожидать, что это пока лишь „частичное“ соединеніе

Французскій адмиралъ Фурнэ, командующій союзной эскадрой въ греческихъ водахъ.

одной оторвавшейся колонны изъ войскъ Фалькенгайна и одной части изъ войскъ Макензена произведено, вѣроятно, примѣрно, гдѣ-нибудь возлѣ рѣки Ольты.

Отсюда видно, что послѣ переправы у Зимницы положеніе должно было сложиться слѣдующимъ образомъ: главная масса войскъ Фалькенгайна продолжала занимать выжидательное положеніе верстахъ въ 100 отъ букарестскаго района (центръ у Кимполунга), а другая — меньшая часть силъ противника — въ составъ которой входили переправившіяся войска и Жіуская колонна Дельмензингена, должна была оказаться къ западу и юго-западу отъ букарестскаго района, верстахъ въ 100 отъ него.

Это положеніе показывало, что рѣшительный моментъ операціи уже надвинулся, и должна наступить опредѣленная развязка. Несомнѣнно, отходъ румынъ былъ вызванъ вполнѣ опредѣленными соображеніями и производился преднамѣренно, ибо румынскія войска отходили почти безъ боя, дѣлая переходъ въ среднемъ 25—30 верстъ въ сутки. Такой отходъ долженъ былъ прелѣдовать какою-либо опредѣленную цѣль, значеніе которой могло выясниться только черезъ нѣкоторое время.

Пока же можно было предполагать нѣкій маневръ румынъ, въ первую часть котораго входилъ отходъ по тремъ направленіямъ — съ сѣвера, съ запада и съ юга — къ букарестскому району и сосредото-

ченіе нѣсколько впереди этого района. Наиболее существеннымъ, несмотря на переправу Макензена, слѣдовало считать положеніе „сѣверной“ группы Фалькенгайна, т.е. той, которая стояла у Кимполунга, верстахъ въ 100 къ сѣверу отъ Букареста. Здѣсь было сосредоточено наибольшее число войскъ Фалькенгайна, а переправившіяся войска Макензена вмѣстѣ съ Жіуской колонной Дельмензингена насчитывали, примѣрно, всего до пяти корпусовъ.

Поэтому наиболѣе крупныхъ шаговъ надлежало ожидать отъ большей группы германскихъ войскъ, стоявшей у Кимполунга, а на дѣйствія Макензена, какъ и на движеніе Жіуской колонны надлежало смотрѣть, какъ на вспомогательно-демонстративную операцію, которая, очевидно, имѣла цѣлью привлечь на себя вниманіе и этимъ облегчить продвиженіе главной массы войскъ противника въ букарестскомъ направленіи — съ сѣвера, отъ Кимполунга.

Такъ сложилась обстановка въ срединѣ ноября. Положеніе несомнѣнно представлялось серьезнымъ, но къ тому времени еще недостаточно опредѣлилось, ибо пока можно было наблюдать лишь подготовительную часть операцій, — нѣкій маневръ, послѣ котораго можно было ожидать рѣшительной борьбы впе-

реди букарестскаго района. Къ тому же до наступленія зимы оставалось 2—3 недѣли, и это также подразумевало, со своей стороны, что противникъ будетъ стремиться къ ускоренію развязки на румынскихъ театрахъ.

Незамѣтные герои фронта

Вдали грохотали тяжелыя орудія. Сѣдой сторбленый батюшка обходилъ стройные ряды полка и кропая обнаженныя головы воиновъ святой водой. Молебенъ кончился. Полкъ готовъ былъ дружнымъ „ура“ отвѣтить на поздравленіе начальника дивизіи и вслѣдъ затѣмъ перестроиться къ церемониальному маршу. Нѣсколько минутъ — и стройные сѣрые ряды заколыхались, раздался командныя слова, заигралъ оркестръ, и рота за ротой проходили передъ группой начальствую-

Русскія войска на салоникскомъ фронтѣ.

Въ лагерѣ.

У острова Саламина спустя 2.000 лѣтъ.

Союзная эскадра въ греческихъ водахъ у входа въ гавань Пирей.

щихъ лицъ, загорѣлые, обожженные пороховымъ дымомъ сѣрые герои. Бѣлые кресты украшали добрую треть полка, но какая скромность во взглядахъ! Ничего гордаго, надменнаго, вызывающаго не было въ этихъ сѣрыхъ съ ногъ до головы солдатахъ и офицерахъ, украшенныхъ боевой наградой. Ни одинъ изъ украшенныхъ этой высокой военной наградой своимъ внѣшнимъ видомъ не кричалъ, что онъ герой.

Но вотъ парадъ оконченъ, люди распущены по землянкамъ. Я остановилъ нѣсколькихъ солдатъ, украшенныхъ бѣлымъ крестикомъ, и сталъ спрашивать ихъ о подвигахъ, за которые они удостоились этой высокой боевой награды. Они какъ-то недоумѣвали, зачѣмъ ихъ спрашиваютъ объ этомъ, и весьма скромно говорили о томъ дѣлѣ, за которое начальство ихъ наградило. Ни одинъ изъ нихъ не считалъ свой боевой подвигъ героизмомъ. Все они говорили о совершенныхъ подвигахъ, какъ о чемъ-то обычномъ, должномъ, не выходящемъ изъ ряда обычныхъ служебныхъ обязанностей. А вѣдь это былъ одинъ изъ наиболѣе славныхъ кавказскихъ полковъ, — тѣхъ полковъ, имя которыхъ въ дѣйствующей арміи не только нами, но и противникомъ произносится съ особымъ уваженіемъ. Потому мнѣ пришлось видѣть не мало боевыхъ полковъ, не мало героевъ, совершившихъ подвиги исключительнаго героизма, и все это были такіе же скромные, незамѣтные, сѣрые люди, подчасъ даже не понимавшіе, что же онъ совершилъ геройскаго, за что его начальство такъ отмѣтило и наградило высокимъ боевымъ орденомъ.

Отъ рядового солдата и до главнокомандующаго одинаково скромны и строги въ оцѣнкѣ своихъ подвиговъ наши герои. Ихъ не мало въ арміи, и они точно такъ же, какъ въ указанномъ выше полку, выдѣляются изъ всей массы сѣрыхъ бойцовъ и героевъ фронта только маленькимъ бѣленькимъ крестикомъ. Выше я нарисовалъ картинку полкового праздника, но настанетъ время, когда будетъ праздникъ всей нашей доблестной арміи, и она, украшенная маленькими бѣлыми крестиками, пойдетъ церемониальнымъ маршемъ не передъ группой начальниковъ, а передъ всей Россіей, передъ всѣмъ міромъ, и такъ же, какъ и всегда, будутъ скромны ея герои. Они не будутъ говорить о своихъ подвигахъ, но подвиги эти должны быть отмѣчены. Они не могутъ остаться незамѣченными. Мы, сторонніе зрители великой борьбы народовъ, должны отмѣчать эти жемчужины духа русскаго народа. Въ цѣломъ рядѣ небольшихъ, но яркихъ примѣровъ героизма нашего русскаго солдата мы постараемся запечатлѣть подвиги тѣхъ незамѣтныхъ, сѣрыхъ, скромныхъ героевъ фронта, которые въ отличіе отъ героевъ тыла скромно умалчиваютъ о своихъ великихъ дѣлахъ. Привести все тѣ безчисленные подвиги мужества и храбрости, которые совершилъ русскій солдатъ за два съ половиной года войны, невозможно. Это заняло бы многіе томы, да и для собиранія этихъ свѣдѣній потребовались бы долгіе годы. Поэтому да не будутъ въ обидѣ тѣ, кто не найдетъ на страницахъ нашего журнала описанія своего боевого подвига.

Лихая развѣдка.

Стояла поздняя осень. Поля мѣстами покрылись снѣгомъ. Война какъ бы замерла, наступило боевое затишье. Такое затишье невольно отвлекаетъ мысль войскъ отъ большихъ, крупныхъ операций и направляетъ ее въ сторону административной и хозяйственной заботы. Идетъ усиленная работа по устройству зимнихъ квартиръ, налаживается подвозъ боевыхъ припасовъ и продовольствія и т. д. Однако, необходимо и въ такой періодъ затишья поддерживать въ войскахъ сознаніе, что война не кончена. Время отъ времени необходимо обновлять боевыя впечатлѣнія части, необходимо слѣдить зорко за противникомъ.

Съ этой цѣлью командиръ одной изъ гренадерскихъ батарей подполковникъ Д. испросилъ разрѣшеніе у своего начальства произвести лично съ партией нижнихъ чиновъ-артиллеристовъ пѣхотную развѣдку. Въ виду серьезности цѣли и засвидѣтельствованной предшествующими боями храбрости подполковника Д., ему было разрѣшено произвести рекогносцировку расположенія непріятеля.

Вооруживъ двѣнадцать человекъ охотниковъ-артиллеристовъ пѣхотными винтовками и взявъ въ одномъ изъ полковъ дивизіи въ качествѣ проводниковъ двухъ пѣхотинцевъ, подполковникъ Д. въ 9 часовъ вечера, когда уже совершенно стемнѣло, двинулся на развѣдку, взявъ съ собой еще одного прапорщика. Задачей развѣдки было поставлено зайти въ тылъ непріятельской заставы, находящейся въ 600 шагахъ впереди непріятельскаго фронта и въ 1.500 шагахъ отъ нашихъ окоповъ, и выяснитъ расположеніе противника.

Мѣстность, по которой нужно было двигаться развѣдчикамъ, представляла собою вязкое торфяное болото съ кочками, рѣдкимъ и мелкимъ кустарникомъ, пересѣченную дренажными канавами. Это болото посрединѣ прорѣзывала рѣка Шара, въ этомъ мѣстѣ въ бродъ совершенно не проходима. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что противникъ чрезвычайно бдителенъ и при малѣйшемъ шумѣ начинаетъ непрерывно освѣщать впереди лежащія мѣстности ракетами.

Одѣвъ людей въ бѣлые халаты, подполковникъ Д. двинулся впередъ. Полкомъ развѣдка добралась до рѣки. Стоявшій передъ этимъ два дня легкій морозъ сковалъ Шару тонкимъ льдомъ. Осторожно вразсыпную переползли наши развѣдчики черезъ рѣку и направились въ обходъ заставы. Продвинувшись впередъ шаговъ на сто, развѣдчики услышали кашель, и это все ободрило, такъ какъ, вслѣдствіе темноты ночи, легко можно было сбиться съ пути и попасться вприсахъ. Приблизившись шаговъ на шестьдесятъ къ заставѣ противника, наши развѣдчики были замѣнены часовымъ, который немедленно побѣжалъ къ заставѣ съ докладомъ.

Сейчасъ же изъ окоповъ противника былъ открытъ огонь; стрѣляло, повидимому, человекъ десять, и было брошено въ развѣдчиковъ нѣсколько ручныхъ гранатъ.

Невзирая на стрельбу почти въ упоръ, подполковникъ Д. вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его прапорщикомъ приблизился къ передовому дозору. Остальные люди развѣдки оставались на мѣстѣ. Вскорѣ стрельба прекратилась, противникъ, повидимому, успокоился, сочтя, что тревога была ложная. Часть нашей развѣдки поползла къ проволочному заграждению. Тутъ германцы снова открыли беспорядочную стрельбу. Подполковникъ Д. былъ контуженъ, а одинъ изъ нижнихъ чиновъ раненъ, остальные люди развѣдки еще не подошли.

Увидѣвъ раненаго нижняго чина, подполковникъ Д., страдая отъ контузии, подъ убійственнымъ огнемъ противника на рукахъ отнесъ раненаго солдата и положилъ въ безопасное мѣсто, снялъ съ него патронташъ, взялъ его винтовку и одинъ направился въ обходъ неприятельскаго стана. Мѣстами ползкомъ, мѣстами прячась за кусты и согнувшись, быстро забѣжалъ подполковникъ Д. въ тылъ неприятельской заставы, осмотрѣлъ направление хода сообщеній противника, сосчиталъ количество людей въ заставѣ, и снова пошелъ къ раненому. Въ это время подошелъ еще одинъ изъ нижнихъ чиновъ развѣдки; вдвоемъ они подняли раненаго и понесли его къ рѣкѣ. Мѣстность была страшно пересѣченная, ночь темная, и кончилось тѣмъ, что они сбились съ пути. Ожидаемые люди развѣдки не прибывали. Положение становилось критическимъ. Раненый сильно стоналъ и этимъ самымъ привлекалъ на группу нашихъ смѣльчаковъ огонь противника. Страданія раненаго усиливались отъ переноски. Онъ умолялъ положить его въ кустахъ и оставить до утра. Волей-неволей пришлось исполнить просьбу умирающаго.

Снявъ свой подшубокъ, подполковникъ Д. укуталъ въ него раненаго солдата, положилъ его въ безопасное мѣсто, а самъ съ другимъ нижнимъ чиновомъ двинулся наугадъ.

Пройдя нѣсколько минутъ, натываясь постоянно на какія-то кочки, обходя рывины и кусты, наши смѣльчаки неожиданно натолкнулись на неприятельскій окопъ съ тыла. Очевидно, они какъ-то проникли за проволочныя заграждения противника и вышли въ тылъ его расположения. Въ землянкѣ свѣтился огонекъ. Въ окопѣ было видно движеніе. Вотъ прошла группа солдатъ, видимо, это была смѣна, направляющаяся въ заставу. Все это разсмотрѣлъ подполковникъ Д., но лишь только онъ поднялся съ сопровождавшимъ его солдатомъ, какъ изъ окопа грянулъ залпъ, за нимъ другой, и началась беспорядочная стрельба, дли-

Графъ В. А. Бобринскій, избранный старшимъ товарищемъ председателя Государственной Думы.

Н. В. Некрасовъ, избранный младшимъ товарищемъ председателя Государственной Думы.

впаяся минуты двѣ-три. Пришлось отползати.

Медленно продвигались они ползкомъ, считывая такъ или иначе выбраться къ рѣкѣ, но вскорѣ натолкнулись на проволочныя заграждения и только-что стали осматривать проволоку, нѣтъ ли гдѣ-либо въ ней прохода, какъ снова сзади и спереди открылась ружейная стрельба и послышались окрики нѣмецкихъ часовыхъ. Пришлось лежать неподвижно.

Не менѣе получаса пролежали они, причемъ подполковникъ Д., безъ полшубка, въ одной суконной рубашкѣ, сильно страдалъ отъ холода и отъ контузии.

Противникъ все время освѣщалъ впереди лежащую мѣстность ракетами, и это дало возможность нашимъ смѣльчакамъ ориентироваться и уяснить себѣ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ ползти, чтобы приблизиться къ нашимъ позиціямъ.

Только къ пяти съ половиной часамъ утра, когда на небѣ появились первые проблески утра, имъ удалось доползти до рѣки. Только-что переползли они черезъ рѣку, какъ увидѣли нѣмецкій дозоръ, состоящій изъ десяти, возвращавшійся съ развѣдки. Снова пришлось спрятаться и лежать неподвижно. Между тѣмъ начинало свѣтать, и даль-

нѣйшее движеніе къ нашимъ окопамъ подъ дѣйствительнымъ ружейнымъ огнемъ противника было неблагоприятнымъ, пришлось спрятаться въ кустахъ и пролежать въ нихъ до четырехъ часовъ дня, когда стало смеркаться. Иззябшіе, промокшіе, утомленные и голодные вернулись въ сумеркахъ домой два наши развѣдчика, принеся съ собой весьма цѣнные свѣдѣнія о расположеніи противника, давшія возможность на другой день успѣшно обстрѣлять артиллерійскимъ огнемъ окопы противника и заставить его очистить передовую линію.

Конечно, могутъ сказать, что подвигъ нашихъ смѣльчаковъ не является чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ, но именно наша задача и состоитъ въ томъ, чтобы знакомить русское общество съ маленькими геройскими подвигами сыновъ великой Россіи. Это не бьющій на эффектъ показной героизмъ, это—великое сознание своего долга передъ родиной. Въ этихъ скромныхъ геройскихъ подвигахъ, въ этой самоотверженной работѣ проявляется духъ народа и залогъ грядущей побѣды.

Полковникъ Г. П.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1917 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и проверять огромное количество адресовъ для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ почтовыхъ переводовъ.

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1917 г. см. въ №№ 41 и 47.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: На войнѣ. Разсказъ В. Муйжеля. (Продолженіе). — С. Я. Надсонъ. Очеркъ Ими. Жервъ. — Дневникъ военныхъ дѣяствій. К. Шумскаго. — Незамѣтные герои фронта. Полковника Г. П. — Заявленіе. — Объявленіе.

РИСУНКИ: Памяти С. Я. Надсона. Къ тридцатилѣтію со дня кончины поэта (12 рис.).—Иллюстраціи И. А. Владимірова къ разсказу В. Муйжеля „Война“.— Карта румынскаго фронта.—Французскій адмиралъ Фуриэ, командующій союзной эскадрой въ греческихъ водахъ.—Русскія войска на салоникскомъ фронтѣ. Въ лагерѣ.— У острова Саламина спустя 2.000 лѣтъ. Союзная эскадра въ греческихъ водахъ у входа въ гавань Пирей. — Графъ В. А. Бобринскій, избранный старшимъ товарищемъ председателя Гос. Думы. — Н. В. Некрасовъ, избранный младшимъ товарищемъ председателя Гос. Думы.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 33.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

1916 г.
№ 49

XLVII г.
издания

Выданъ 3-го декабря 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарелая въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за декабрь.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ 1916 г.

Подпишитесь на военный заемъ!
Этимъ Вы ускорите—

ПОБѢДУ вашей Родины надъ врагомъ,

ПРЕКРАЩЕНІЕ тягостей и жертвъ, вызванныхъ войной,

ВОЗВРАЩЕНІЕ домой вашихъ мужей, братьевъ и сыновей.

НЕ МЕДЛИТЕ!

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаютъ заочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляемъ самый дурной почеркъ. За 5 десятковъ марокъ выслать образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условия. Одесса. Проф. Каллиграфин Адольфъ Носсодо. Дерибасовская, д. № 19.

ПУТЬ къ СЛАВѢ! Нажд. мож. выуч. пис. по-вѣсти, комед., стихи по руков.: Какъ стать писателемъ? (430 стр.); к. 3 р. 50 к. Изд. Л. Д. Кранцъ, Москва, Мясницк. 26 н., 851.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ОТЪ ЗАИКАНІЯ Учр. А. К. Рейхе. Подъ упр. врача. Укр.-л. самоу-вѣр. Брош. выс. бесплатно. Петроградъ Итальянская, 15. Приемъ 11-2 и 5-7 ч. в.

ВОЛШЕВСТВО и МАГІЯ. Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (2) Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПИСАТЬ
КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Поттиль, сатрадъ и пр. 206 рис. и черт. въ тексты, транспарант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для ис-правл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.
ПРАВОВИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руково. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затруд-няющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются по-Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Открыта подписка на 1917 г. на **„Охотничій Вѣстникъ“**
XVII й г. изд. Журналъ природы, охоты и рыболовного спорта. Подписная цѣна на 1 годъ 7 руб. Допускается разсрочка: при под-пискѣ—5 р., остальные въ 1-му мая. Москва, Б. Кисельный пер., д. Франкъ. Магазины Т-ва „Охотн. Вѣстн.“ (Москва, Театр. пр., д. Метрополит.), предла-гаютъ большо. выборъ оружія, охотн. принадл. и рыбн. ловли. 417

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г. Четырнадцатый годъ изд. **ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.**
Еженедѣльн. иллюстр. журналъ практич. садоводства и огороднич. Изд. Я. П. Соининъ. Ред. П. Н. Штейнбергъ.
52 ЛЕТЕЖУРНАЛА, съ рисунки. и чертеж. Около 1.000 ст. обстоятельные отвѣты извѣсти. практиковъ-садоводовъ и специали-стовъ всѣхъ отрасл. плододовства, садоводства, огороднич., цвѣтовод. и пчеловод.
8 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ: съ многочисленными рисунками:

1. **МОЙ САДЪ.** Какъ самому устроить и содержать небольшой садъ и огородъ. Новое руково. П. Н. Штейнберга, въ 4 част.: 1) Небольшой плодовой садъ любителя. 2) Образцовый ягодн. садъ. 3) Огородъ любит. 4) Цвѣтннхъ любителя.
2. **ТЕПЛИЧНОЕ САДОВОДСТВО.** Руководство къ веденію доходныхъ теплицъ и къ выращиванію въ теплицахъ растеній. Составилъ А. И. Мятликъ.
3. **ЛУЧШАЯ ОРУДІЯ ДЛЯ САДА и ОГОРОДА.** Орудія для обраб. почвы въ саду и огородѣ, для посѣва и ухода за растеніями. Составилъ К. И. Дебу.
4. **ОРГАНИЗАЦІЯ ПАСЕЧНАГО ХОЗЯЙСТВА.** Какъ завести доходное пчеловодство. Составилъ специалистъ-пчеловодъ М. А. Держовъ.
5. **СБОРЪ и СУШКА ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ РАСТЕНІЙ.** Полное руково-дство къ собиранію и сушкѣ дикорастущихъ лѣкарственныхъ растеній. Съ 18 таблицами рисуемъ лѣкарственныхъ растеній въ натуральныхъ крапкахъ. Составилъ специалистъ Министерства Земледѣлія В. И. Ивановъ.
6. **САДЪ ВЪ КОМНАТАХЪ.** Руководство, составленное по извѣстнѣйшему труду М. Герсдорфера. Размноженіе и содержаніе въ комнатахъ лучшихъ цвѣтущихъ и декоративныхъ растеній. Украшеніе комнатъ растеніями. Цвѣтоводство на балконахъ. Устройство зимняго сада въ комнатахъ.
7. **КАКЪ ИСПОЛЪЗ. УРОЖАЙ САДА и ОГОРОДА ДОМАШН. СПОСОБАМИ.** Приготовленіе въ своемъ хозяйствѣ самыхъ разнообразныхъ консервовъ изъ овощей и плодовъ. Составилъ Т. А. Гужавинъ.
8. **ВЕГЕТАРИАНСКІЙ СТОЛЪ.** Блюда изъ овощей, плодовъ, грибовъ, яицъ и проч. Составила Е. В. Спасская.

6 КНИГЪ ПРАКТИЧЕСК. БИБЛИОТЕКА САДОВОДА. съ рисунки.
1) Пересадка деревьевъ и кустарниковъ. 2) Дешевыя удобрения. 3) Истребленіе сорныхъ травъ на огородѣ. 4) Дешевый рациональ-ный ледникъ. 5) Какъ самому устроить разсадинки и парники. 6) Доходный паровыя гряды.
КРОМЪ ТОГО, будутъ даны ДВА ОСОБЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ:
1. **ОРОШЕНІЕ САДА и ОГОРОДА.** Проектъ простѣйшаго чигира для полива садовъ и огородовъ, съ подробн. описаніемъ устройства и приблизительн. смѣтми стоимостн чигира.
2. **КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА на 1917 годъ.**
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями съ доставкой и перес. по всей Россіи **8 руб.**
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая остальные 4 руб.
Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная., № 12, соб. д.

ПИСАТЬ (9)
красиво и скоро будете, влия-савъ „Механическую прописку“. Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ и., 18/2.

„РЫБЛОВЪ и ОХОТНИКЪ“
Двухнед. издс. журн. Годъ изд. 9-й Подпис-ная: на годъ—4 р., полг.—2 р. 50 к. Проб. № за 10 к. марку. ВЯТКА, Ред. #1 „Рыбол. и Охот.“ 417

НОВАЯ КНИГ, отражающія совре-менную жизнь, Н. Н. Брешико-Брешиковскаго. Предатели большой соврем. романъ 4-ое изд. ц. 2 р. 80 к. Ремесло сатаны романъ въ 3 част. 2-ое изд. ц. 2 р. 80 к. Коронованные синталы политическ. романъ ц. 2 р. 80 к. Авантюристы дипломатъ романъ 3-ье изд. ц. 2 р. Кровь Гогенцоллерновъ 3-ье дополн. изд. ц. 2 р. Загадочная женщина 3-ье изд. ц. 2 р. Въ котлахъ германскихъ шпионовъ романъ 2-ое изд. ц. 2 р. 80 к. Дамы съ темпераментомъ рассказы ц. 2 р. 60 к. Въ лаутинѣ шпионажа романъ 2 част. 2-ое изд. ц. 2 р. 80 к. Въ сѣтяхъ предательства романъ 2-ое изд. ц. 60 к. Необыкновенная дѣвушка повѣсть ц. 30 коп. Мальчикъ изъ тумана ц. 30 коп. Прекрасный мужчина ц. 30 коп. Биржевой бандитъ романъ ц. 60 к. Горячая кровь ц. 30 к.

Съ требованіями обращаться: Петроградъ, ул. Жуковскаго д. 7 кв. 56 „Петроградское Книгоиздательство“.

НА ГИТАРЪ
въ иск. дней безъ знанія нотъ, каждый можетъ легко научиться играть арн роман-сы, танцы и пѣсни. Поля. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. пѣснь за три руб. Москва, ред. журн. „Соколы“, 4-ое Печатниковъ пер., 18/2. (9)

НА БЕЗМЯСНЫЕ ДНИ!!!
Всѣми питательнъ и вкусенъ **КОМПОТЪ СМВБС** изъ сушеныхъ тур-кестанскихъ фруктовъ (абрикосъ, пер-сики, урюкъ, бухарская вишня и слива, яблока, груши и др.) Цѣна за 12 фунт. 1300 почт. посылку 6 р. 90 к. **БАКАЛЕЯ** изъ сладкихъ фруктовъ вѣ-чаю, въ 12 ф. посылку 12 руб. 50 коп. пересылка по почтѣ за мой счетъ. На каждую посылку задатокъ 2 руб. можн. почт. марками, остальное налож. платеж. Адр. В. Я. Матуловичъ. Ташкентъ.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
Свѣча „Проктоль-Пеля“, но-вѣйшее и наилучшее, испы-танное средство противъ **ГЕМОРРОЯ.**
Дѣйствуетъ кровоостанав-ливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ лѣ-ченіи, совершенно устраи-ваетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.
Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

СТРАДАЮЩИМЪ ЖЕЛУДКОМЪ
ЗАПОРАМИ и ГЕМОРРОЕМЪ
рекоменд. Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Сто-моксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это сред-ство надежное, совершенно безвредное и отлуск. изъ всѣхъ аптекъ по рец. вр. Остерегайтесь поддѣлокъ.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебиенія и одышки, неврасте-нія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческа дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣю-щаяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.
Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣли-тельныя силы организма“.
Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1917 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ и городехкихъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ почтовыхъ переводовъ.

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1917 г. см. въ №№ 41 и 47.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

У вратъ Царьграда.

Возобновленіе думской сессіи, прерванной на нѣсколько дней для того, чтобы новый премьеръ-министръ имѣлъ время сформировать кабинетъ и выступить передъ народными представителями съ опредѣленной политической программой, сопровождалось чтеніемъ деклараціи обновленнаго правительства. Фактически, правительство къ моменту открытія Государственной Думы еще не успѣло обновиться: все его обновленіе свелось къ уходу оберъ-камергера Штурмера, замѣненнаго на посту предсѣдателя совѣта министровъ министромъ путей сообщенія А. Ф. Треповымъ. Но даже перемѣна премьера успѣла внести въ кабинетъ новый духъ, которымъ повѣяло въ прочитанной А. Ф. Треповымъ деклараціи. Уже съ съ первыхъ же словъ премьерской рѣчи всѣ почувствовали, что новая программа, объявленная новымъ руководителемъ правительства, не можетъ быть проведена старыми силами и требуетъ дальнѣйшихъ перемѣнъ въ составѣ кабинета. Уже самая полнота газетныхъ отчетовъ о первомъ думскомъ засѣданіи сразу показала широкимъ кругамъ населенія, что вмѣстѣ съ перетасовкой внутри кабинета произошла коренная перемѣна. Новая политика строится не на борьбѣ съ общественными теченіями, а на единеніи власти съ обществомъ и почва для этого единенія ищетъ именно тамъ, гдѣ его всего легче найти—въ патріотическомъ служеніи Россіи, какъ великой міровой, славянской державѣ. Таковъ основной тонъ, таковъ идейный фундаментъ изложенной съ думской трибуны министерской программы А. Ф. Трепова. Ей нельзя отказать въ цѣльности. Она обнимаетъ собою и внутреннюю и вѣдннюю политику Россіи. Въ области внутренней жизни зоветъ страну на путь мирныхъ культурныхъ преуспѣній, общаетъ осуществленіе давно требуемыхъ реформъ; въ области вѣднней политики провозглашаетъ девизомъ войну до конца, до полной побѣды надъ врагомъ. Ея особенность составляетъ именно гармоничное сочетание нашихъ вѣдннихъ и внутреннихъ задачъ и стремленій, а главное, несомнѣнная искренность послѣднихъ.

Твердая власть, твердо знающая, чего она хочетъ, воодушевленная благожелательнымъ отношеніемъ къ обществу, призываетъ страну напрячь всѣ силы для счастливаго довершенія великой міровой войны и для того, чтобы обществу стала яснѣе и понятнѣе вся вздорность умышленно распускаемыхъ германцами слуховъ о сепаратномъ мирѣ, пріоткрываетъ съ согласія союзниковъ завѣсу, скрывавшую до сихъ поръ договоръ державъ согласія о компенсаціи Россіи за понесенныя на войнѣ жертвы. По этому договору Константинополь и проливы должны отойти наконецъ къ Россіи. Мечта вѣковъ, волновавшая русскихъ витязей со временъ Олега, близится къ осуществленію. Согласіемъ Англии, Франціи и Италіи Россіи гарантировано обладаніе Царьградомъ, стоящимъ въ центрѣ путей міровой торговли и закрывающимъ выходъ изъ Чернаго моря. Нужно ли говорить, какія неисчислимыя выгоды представляетъ такое счастливое рѣшеніе восточнаго вопроса для Россіи. Обладаніе проливами не только открываетъ намъ выходъ въ Средиземное море, но оно въ то же время закрываетъ въ случаѣ войны входъ врагамъ въ Черное море, преграждаетъ имъ доступъ къ русскимъ берегамъ и тѣмъ самымъ совершенно избавляетъ насъ отъ расходовъ по ихъ оборонѣ. Тѣ сотни милліоновъ, которые затрачиваются на береговую оборону, на постройку крѣпостей, расквартированіе войскъ, содержаніе флота береговой обороны и пр. будутъ сохранены для русской казны. Весь югъ Россіи съ его необозримыми пространствами будетъ защищенъ одними укрѣпленіями Дарданеллъ и Босфора. Такая экономія защиты удеситеритъ военную мощь государства. Вмѣстѣ съ рѣшеніемъ восточнаго вопроса побѣдоносная война разрѣшитъ и славянскій вопросъ присоединеніемъ къ Россіи Червонной Руси и образованіемъ воссоединенной автономной Польши подъ стягомъ русскихъ царей изъ Галиціи, Познани и нашихъ привислянскихъ губерній.

Таковы великія политическія задачи нынѣшняго дня, разрѣшаемыя побѣдоносною войною. Но для того, чтобы война была побѣдонос-

ной, а историческія задачи были разрѣшены, необходимо, чтобы Россія была сильна и крѣпка, чтобы ея мощь не ослаблялась внутренними треніями и хроническою борьбою между обществомъ и правительствомъ. Счастливая вѣднняя политика всегда базируется на разумной внутренней политикѣ. Въ этомъ смыслѣ патріотизмъ обязываетъ къ мягкой и примирительной программѣ, стремящейся къ примиренію правительства и общества подъ знаменемъ общаго патріотическаго служенія верховнымъ интересамъ Россіи и русскаго народа.

Повинность труда.

Небывало упорная и напряженная война съ каждымъ днемъ дѣлаетъ условія экономической жизни народовъ все болѣе и болѣе трудными, и для преодоленія создаваемыхъ экономическихъ затрудненій требуетъ совершенно исключительныхъ, чисто-героническихъ средствъ. Почти поголовный призывъ всего мужского населенія въ ряды арміи уже не оставляетъ достаточно живыхъ силъ даже для обработки полей, долженствующихъ прокормить своимъ урожаемъ многомилліонное войско и мирное населеніе, и для безостановочнаго развитія военной промышленности. Германія первая пришла къ оскуднѣнію производительныхъ силъ націи. Для пополненія рѣдѣющихъ рядовъ арміи она призвала на фронтъ кадры своихъ рабочихъ, а рабочихъ разчитываетъ замѣнить у заводскихъ станковъ женщинами, стариками и подростками. Такъ какъ предложенія свободнаго женскаго труда не хватаетъ на покрытие всѣхъ экономическихъ потребностей арміи и тыла, то нѣмцы не останавливаются передъ введеніемъ труда принудительнаго, всеобщей личной натуральной трудовой повинности, распространяемой на всѣхъ безъ изыятія гражданъ страны, не занятыхъ въ рядахъ арміи или въ военной промышленности. Въ сущности, въ нѣсколько иныхъ формахъ къ широкому использованию женскаго труда для удовлетворенія національныхъ потребностей прибѣгли Англія и Франція. Во Франціи женщины, старики и дѣти были призваны особыми манифестами правительства къ уборкѣ неснятаго урожая въ самомъ началѣ войны. Въ Англіи кадры арміи до самаго послѣдняго времени пополнялись не по принудительному набору, а добровольной вербовкой. Подобно тому, какъ милліоны мужчинъ добровольно записывались въ войска и уѣзжали на фронтъ, такъ и сотни тысячъ англійскихъ женщинъ добровольно шли на фабрики, мастерскія и заводы и самоотверженно работали на оборону, обтачивая снаряды, отливая ружья, пушки и пулеметы. Замѣчательно, что въ первыхъ рядахъ женщинъ-работницъ для арміи стояли представительницы самыхъ аристократическихъ родовъ Англіи, никогда въ жизни до нынѣшней войны не занимавшіяся никакимъ физическимъ трудомъ. Высоко развитое чувство гражданскаго долга подсказало имъ, что грѣшно здоровому человеку не принять послѣднее участія въ великой національной страдѣ, грѣшно быть праздными и бездѣльными въ моментъ напряженнѣйшихъ усилій всего народа, грѣшно не пролить капли пота, когда милліоны мужчинъ не жалеютъ проливать за родину послѣднюю каплю своей крови.

Борьба народовъ требуетъ участія въ ней всѣхъ національныхъ силъ. Кто не можетъ защищать родину съ оружіемъ въ рукахъ, тотъ помогаетъ ея защитѣ, снабжая защитниковъ пушками, ружьями, снарядами, одеждою, обувью, пищею и т. д. Привлеченіе всего населенія къ трудовой повинности, несомнѣнно, значительно увеличиваетъ силы Германіи, позволяетъ ей послать новыя подкрѣпленія на фронтъ, сдѣлаетъ ея натискъ на насъ и на нашихъ союзниковъ болѣе опаснымъ и угрожающимъ. Чтобы парализовать его, и противникамъ нѣмцевъ придется волей-неволей прибѣгнуть къ тому же средству. Главнымъ оправданіемъ натуральной трудовой повинности служить то обстоятельство, что при нормированіи цѣнъ почти что на всѣ продукты до сихъ поръ только человѣческій трудъ остается ненормированнымъ, а между тѣмъ сокращеніе его предложенія вслѣд-

стве призыва всего мужского населения под знамена безумно повышается заработную плату и служить одной из главных причин невзброянной дороговизны всех предметов. Безпредельное вздорожание труда грозит всем воюющим странам почти неизбежным продовольственным банкротством в недалеком будущем. Установлением всеобщей гражданской трудовой повинности государство реквизирует весь свободный запас труда в стране, оплачивая его по минимальной расценке и направляя согласно национально-государственным нуждам. Германия как бы приближается к идеалу государственного социализма, но именно со стороны социал-демократической партии новый законопроект и вызывает наиболее непримиримую оппозицию. Представители рабочих партий выразили опасение, что всею своею тяжестью новый закон ляжет именно

на трудящийся класс, заработка которого подвергнутся значительному сокращению.

Руководитель центральных партий Эрцбергер потребовал, чтобы гражданской повинности были привлечены денщики офицеров. Чтобы было сокращено количество служащих в военных учреждениях, чтобы кафе, рестораны и кинематографы были закрыты и всякая роскошь запрещена, а также, чтобы закон этот был применим на занятых немцами территориях.

Осуществление всеобщей трудовой повинности сдѣлает совершенно невозможными профессии домашней прислуги и заставит тѣх, кто до сих пор пользовался трудом других, трудиться самих. Со введением новаго закона преобразится вся общественная жизнь в Германии.

Германия, истощенная войною, принуждена была ввести всеобщую трудовую повинность. Отныне каждый немец, каждая немка должны отдать на алтарь родины последнее, что имеют: свои трудовые силы... Борьба достигла послѣдняго предѣла. Мы и наши союзники, слава Богу, далеки от необходимости прибѣгнуть к этой послѣдней крайности. Право труда у нас неотъемлемая собственность каждаго. Но у нас есть зато великая святая обязанность: помочь родинѣ содержать всю ту неисчислимую военную силу, которая отстаивает грудью нашу родину. Святой долгъ каждаго принести свою лепту въ общій денежный фондъ, изъ котораго черпается материальная сила арміи.

Приобрѣтайте облигации новаго займа. Выгодно помѣщая въ этихъ правительственныхъ бумагахъ свои сбереженія, вы тѣмъ самымъ отдаляете отъ себя страшный призракъ всеобщей трудовой повинности, надвинувшійся уже на нашего врага.

Цепелины надъ Англійей. Талантливый русскій журналистъ В. Жаботинскій, живущій теперь въ Лондонѣ, помѣстил въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» яркую корреспонденцію, изображающую «панику» англичанъ отъ налета цепелиновъ. Авторъ называетъ настроеніе англичанъ «паникой» проницательно, и дѣйствительно это картинное описаніе ночной жизни Лондона лишній разъ подтверждаетъ безнадѣжность германскаго террора сверху.

«Около полуночи, когда начинаешь потягиваться и зѣвать, вдругъ издали доносятся характерные гулкіе удары. Начинаешь прислушиваться. Въ дверь стучится хозяинъ; на немъ — какой-то халатъ поверхъ пижамы, онъ извиняется за свой видъ и сообщаетъ: «Это — Зеппы, сэръ,—я лѣзу на крышу. Хотите тоже?» И мы, хватая бинокли, бѣжимъ за нимъ наверхъ. На площадкѣ у лѣсенки уже стоятъ двѣ сосѣдки въ капотахъ, третья уже карабкается по перекладинамъ, а сосѣдь-химикъ, скромно глядя въ сторону, придерживаетъ лѣсенку.

Съ крыши сначала ничего нельзя разобрано. Небо — какъ небо, тучекъ не видно, звѣзды не очень ярки. Съ сѣверо-восточной стороны только два свѣтовыхъ луча трепетно ощущиваютъ Кассіопею и Поясъ Оріона, но никакихъ постороннихъ предметовъ не видать. Взрывы тоже прекратились. Мы стоимъ, переговариваясь, и ждемъ. Вдругъ хозяинъ говоритъ: «Ишш...» Мы всѣ замолкаемъ и ясно слышимъ у себя надъ головами густое хранѣніе аэроплана. Онъ летитъ откуда-то изъ западныхъ кварталовъ. «Ихъ два», — говоритъ хозяинъ, у котораго тонкій слухъ. Дѣйствительно, вдругъ на мгновение мы видимъ высоко вверху, прямо надъ нашей крышей, двѣ желтыя свѣтовыхъ точки, которыя ползутъ къ востоку и вдругъ исчезаютъ. Мы начинаемъ гадать, что это сѣбиты. Одна дама полагаетъ, что это — лампочки мотора. Другая говоритъ: «Если бы лампочки были снаружи, онѣ бы гасли отъ вѣтра». Тогда мы рѣшаемъ, что это — просто фонарики, такъ сказать, для освѣщенія дороги, въ родѣ, какъ у автомобиля.

Вдругъ одна изъ сосѣдокъ говоритъ шопотомъ: «Смотрите, смотрите!» Она указываетъ на тотъ изъ лучей, который только-что охаживалъ Кассіопею. Теперь онъ отодвинулся немного внизъ и вправо и больше не колеблется. На концѣ его — небольшое продолговатое пятно, въ родѣ той туманной дырки, что лучи прожектора въ облачную ночь пробуравливаютъ въ тучахъ. Но эта ночь — не облачная. Я хватаю за бинокль; въ это мгновение надъ горизонтомъ со всѣхъ сторонъ взмываютъ другіе лучи изъ-за рѣки справа, изъ сѣверныхъ предмѣстій слѣва, изъ западныхъ за спиной у насъ. Эти послѣдніе протягиваются прямо надъ нашими головами; они кажутся страшной силой, и хочется нагнуть голову, какъ будто эти гигантскія дубины вотъ-вотъ могутъ размахнуться по небесью и обрушить мировой ударъ на нашу маленькую крышу. Но имъ не до насъ. Съ полминуты они мечутся по небу, фехтуютъ или цѣлуютъ, и вдругъ всѣ собираются въ кружокъ вокругъ того пятна и застываютъ. То пятно изъ туманнаго и расплывчатаго становится яркимъ и отчетливымъ, и я въ бинокль ясно вижу теперь, что это — цепелинъ. Онъ не особенно высоко, но очень далеко отъ насъ; онъ кажется коротко обыкновеннаго, — повидимому, въ раккурсѣ; можно различить одну гондолу въ видѣ яркой полоски, блестящей, какъ серебро. Я поворачиваю винтъ бинокля во всѣ стороны, мечтая увидѣть человѣчкова, но получается только туманъ, и я на время теряю изъ вида всю картину. Въ эту секунду на востокъ опять начинается пальба.

Звуки взрывовъ доходятъ до насъ приблизительно секунды черезъ три послѣ того, какъ раздается каждый снарядъ. Самый взрывъ снаряда не представляетъ собой на этомъ разстояніи ничего особенно эффектнаго. Обыкновенная ракета «дождемъ» куда внушительнѣе. Здѣсь просто на мгновение расцѣлываетъ крупная красно-желтая звѣзда, разбрасываетъ брызги и тухнетъ, а потомъ доносится ударъ, довольно гулкій, но такой, что, лежа въ постели, можно его и проспать. Зато внушительно нѣчто другое: снаряды разрываются очень близко отъ небеснаго гостя. Осенью прошлаго года, помню, я видѣлъ такую же охоту съ этой самой крыши, и тогда желто-красныя звѣзды расцѣлывали на разстояніи, по-моему, до 5 градусовъ по дугѣ другъ отъ друга. Теперь сразу видно, что точность прицѣла сильно усовершенствована. Площадь, на которой проектируются взрывы, кажется маленькимъ оваломъ во-

кругу центра скрещенія лучей. Стрѣльба не особенно частая, во всякомъ случаѣ не та пальба со всѣхъ сторонъ изъ всѣхъ орудій, что въ прежніе мѣсяцы. Видно, что цѣлятся и рассчитываютъ. Звуки взрывовъ похожи одинъ на другой, — хотя потомъ мы говорили, что люди знающіе могли даже издали отличать гондоль выстрѣла отъ голоса шрапнели, и взрывъ снаряда въ небѣ отъ взрыва бомбы, падающей съ цепелина. Съ нашей крыши разница незамѣтна, или, быть-можетъ, падающихъ бомбъ мы и не можемъ слышать изъ-за всей массы домовъ Лондона и сѣверо-восточныхъ предмѣстій. Разъ три поле моего бинокля прорѣзаетъ медленно скользящія звѣзды пятой величины; онѣ кажутся далеко въ сторонѣ отъ цепелина, во всякомъ случаѣ высоко надъ нимъ. Аэропланы работаютъ.

Цепелинъ уходитъ. Онъ теперь повернулся къ намъ бокомъ во всю длину. Но гондоль уже въ мой театральнѣйшій бинокль не видно. Онъ освѣщенъ ярко, но точныя очертанія немного сжимаются съ фономъ свѣтового пятна, такъ что онъ не совсѣмъ похожъ на снгару, — скорѣе на сосиску. Она медленно ползетъ къ сѣверу, и, вившись въ нее, съ ней передвигаются свѣтовые лучи, мѣняя углы своихъ скрещеній. Вотъ она наклонилась и какъ бы нырнула, и лучи — съ яено; одинъ на мгновение соскочилъ съ прицѣла и безпомощно повисъ между звѣздами, но сейчасъ же спохватился и опять наложилъ свой длинный палецъ на жертву. Эта молчаливая борьба съ лучами — самое грандіозное, самое жуткое во всей сценѣ. Въ ней что-то нечеловѣческое. Выстрѣлы и взрывы скорѣе расхолаживаютъ, напоминаютъ о будничной обыкновенной войнѣ.

Внезапно откуда-то сзади, изъ западныхъ кварталовъ, доносится другой звукъ, — невнятный ревъ какой-то толпы. Даже не разберешь, гдѣ это: слышно только, что режутъ тысячи, — повидимому, столпились на площади, — и что ревъ — торжествующій; ясно слышны трескъ рукоплесканій и потомъ первыя ноты хорового гимна. Они еще дальше насъ отъ небеснаго поля битвы, но, должно-быть, что-то увидѣли, чего мы не замѣтили еще. Мы только видимъ, что цепелинъ опять собирается нырнуть, — онъ наклонился до тридцати градусовъ. Тогда кто-то изъ насъ на крышѣ говоритъ: «У него красный носъ». И мы дѣйствительно видимъ, что вся передняя треть зардѣлась нѣжнымъ, перламутрово-розовымъ оттѣнкомъ. Оттѣнокъ густѣетъ по-немногу, но пока не распространяется.

И вдругъ цепелинъ исчезаетъ. Не видно ни его очертанія ни электрическаго пятна въ скрещеніи лучей. Въмѣсто нихъ въ небѣ просто виситъ огневой клубъ, кусокъ яркаго сіянія, въ родѣ огромнаго китайскаго фонаря, при которомъ мы здѣсь на крышѣ ясно видимъ цвѣта своихъ пижамъ, халатовъ и капотовъ. Первое время еще можно отличить красный свѣтъ внизу и желтый вверху, но черезъ мгновение все сіяніе становится краснымъ. Выстрѣлы прекратились; ревъ на западѣ тоже стихъ; вокругъ насъ, съ другихъ крышъ и съ набережной, нѣсколько голосовъ крикнула «ура» и тоже замолкли. Лондонъ молча слѣдитъ за страшной агоніей чудовища и его шестнадцати пассажировъ. Отъ огненнаго круга въ небѣ отлетаютъ искры, и, не сѣпша, падаютъ внизъ. Потомъ онъ самъ начинаетъ плавно опускаться. Невидимая толпа на западѣ снова посылаетъ въ ночь свой торжествующій ревъ, и съ нашей набережной опять раздаются рукоплесканія, а мы на крышѣ стоимъ въ красномъ бенгальскомъ озареніи. Вдругъ все тухнетъ; цепелинъ исчезъ за громадами города; за нимъ исчезаютъ свѣтовые лучи, и только два изъ нихъ, одинъ — съ сѣвера, одинъ — съ юга, широкими взмахами обметаютъ небо и звѣзды.

Я думаю, что у немцевъ нѣтъ въ Англии шпионовъ; если есть, то они нигдѣ не годятся, — надо ихъ рассчитать. Если бы у немцевъ были здѣсь толковые лазутчики, они бы давно растолоковали Берлину, что цепелины для здѣшняго населенія стали просто эффектнымъ зрѣлищемъ.

Полуодѣтая публика высыпаетъ на улицу и, опьяняясь крикомъ, глядитъ на охоту, которая разыгрывается чуть ли не надъ самой ихъ головой. А немскія серьезныя газеты полны разсказами о томъ, что Англія въ паникѣ и что скоро она изъ-за этого съ перепугу запроситъ мира. Quem vult perdere dementat».

ЖИВА

№ 49. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и полу-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 3 декабря 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Борьба съ роскошью въ Англии.

Очеркъ К. Чуковского.

На-дняхъ въ нашемъ изданіи выходитъ книга К. П. Чуковского „Англія накануне побѣды“. Какъ извѣстно, К. П. Чуковский былъ приглашенъ на англійскій фронтъ британскимъ правительствомъ въ качествѣ представителя „Нивы“. Его книга и является отчетомъ объ этой побѣдѣ. Приводимъ изъ этой книги одну главу, посвященную животрепещущему вопросу „о дороговизнѣ“

I.

Письма въ редакцію.

Даже обгорѣлыя спички не пропадаютъ въ Германіи даромъ. Нѣмецъ, закуривъ папиросу, не выброситъ потухшей спички, а спрячетъ ее бережно въ коробочку, чтобы спичечныя фабрики снова придѣлали къ ней головку и пустили вторично въ оборотъ.

Въ результатъ экономія огромная. Сколько сберегается дерева.

Такое нѣмецкое плюшкинство взбудоражило англійчанъ чрезвычайно. Англійская газета „Daily Mail“ даже снимокъ съ этой спички напечатала: „Вотъ урокъ, достойный подражанія“.

— У нѣмцевъ даже спички и тѣ сберегаются, а мы могаемъ свое добро, какъ безумные,—подхватили другія газеты и стали наперебой приводить примѣры необузданныхъ тратъ.

Вотъ ужъ полгода какъ призываетъ къ экономіи сдѣлался въ Англии лозунгомъ.

— Долой воротнички и манжеты!—призываетъ, на примѣръ, „Daily Mail“. — Откажитесь отъ крахмального бѣлья! Вѣдь въ Англии еженедѣльно крахмалится пятьдесятъ милліоновъ штукъ манишекъ, воротничковъ и манжетъ! Въ годъ два съ половиной милліарда! Сколько тратится крахмала и угля! На семьдесятъ милліоновъ рублей!

А какая-то матрона въ „Daily News“ съ энтузіазмомъ проповѣдуетъ фартукъ. Фартукъ сэкономитъ милліоны. Благоденствіе націи въ фартукъ. Купите самаго простаго коленика, сшейте фартуки дѣтямъ и взрослымъ, и пусть носятъ ихъ, не снимая, весь день. Это сказочно сохранить ихъ одежду.

Начался любопытнѣйшій спортъ: кто кого превзойдетъ въ экономіи. Во всѣхъ газетахъ замелькали замѣтки:

— Какъ изъ старой шляпы сдѣлать новую.

— Какъ изъ газетной бумаги сшить себѣ матрацъ и одѣяло.

Вѣдь вотъ нѣмцы: сдѣлаютъ изъ газетной бумаги лапшу и подстилаютъ подъ коровъ, какъ солому! По сообщенію „Times“, гамбургскій профессоръ фонъ-Менеръ придумалъ даже удивительный способъ превращать газетную бумагу въ кормъ для домашняго скота!

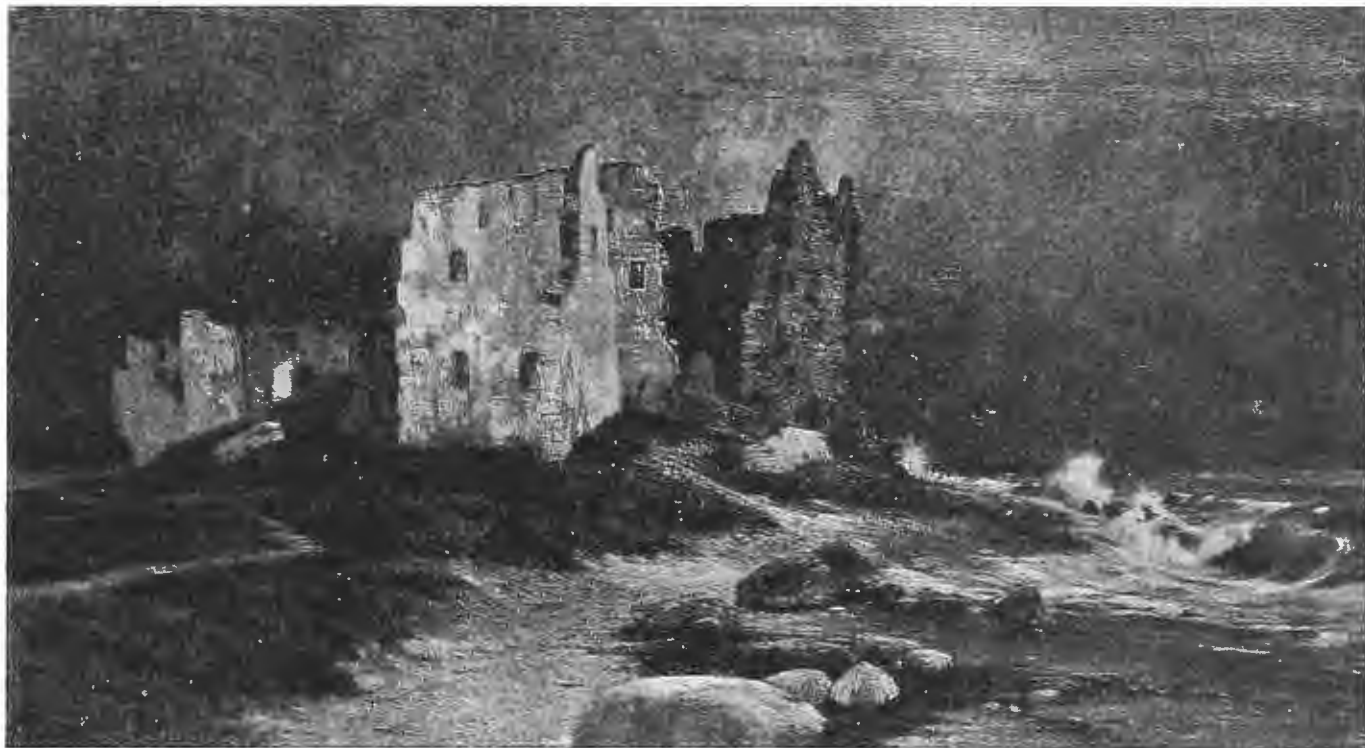
— Такимъ образомъ,—возвѣщаетъ профессоръ,—тѣ самые газетные листы, которые питали собою умы и сердца человѣческія, сдѣлаются кормомъ для коровъ и дадутъ намъ молоку и бифштексы.

Шустрый листокъ „Daily Mail“, захлебываясь, пропагандируетъ курицу. Если Римъ былъ спасенъ гусями, то Лондонъ спасутъ только куры. Устройте у себя на квартирѣ курятники и кушайте бесплатную яичницу. Лондонцы даже крыши домовъ превратили въ куриное царство. И стали похваляться въ газетахъ:

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Викторія Феодоровна, награжденная тремя Георгіевскими медалями за самоотверженную работу на передовыхъ позиціяхъ.

Портретъ работы И. Космина, удостоенный рѣдкой награды — медали имени Вязе Дебрень на конкурсѣ 1916 г.

Эпилогъ. Замокъ меченосцевъ въ Эстляндіи.

Р. Берггольцъ.

(Осенняя выставка Товарищества художниковъ).

— Въ концѣ февраля я купилъ семь куръ и получилъ отъ нихъ къ октябрю 792 яйца. Кормъ стоилъ пустяки: 10 рублей,—пишетъ мистеръ Фромъ въ „Daily Mail“.

— А мои восемь курочекъ дали мнѣ за три мѣсяца 430 яичекъ, и какія свѣжія, крупныя! — подхватываетъ мистеръ Лангокъ. Въ охвачены азартомъ бережливости. Экономія стала общей религіей. И пусть въ этихъ бытовыхъ планахъ о сбереженіи національныхъ богатствъ много наивнаго, анекдотически-дикаго, я все же чувствую въ нихъ отраженіе гениальной англійской гражданственности, внушающей всякому Джонсу и Джонсону, будто они страшно отвѣтственны за судьбы Великобританской имперіи. Ничего, что въ экстазѣ благого порыва многое доведено до смѣшного! Самый этотъ экстазъ не смѣшонъ, самый порывъ патетиченъ. Обществу порою бываетъ полезно помѣшаться на какомъ-нибудь пунктѣ, сдѣлать его своей *idée fixe*, довести его почти до абсурда: тогда-то онъ и выйдется въ сознание самыхъ апатичныхъ и вялыхъ. Пусть экономія превратится въ манію; манія вѣдь бываетъ заразительна.

Не смѣйтесь же надъ смѣшными проектами: въ Англии и изъ этого мусора умѣютъ извлекать драгоцѣнности.

Всякая, даже самая большая, реформа начинается въ Англии именно съ „писемъ въ редакцію“, съ наивнѣйшихъ, нелѣпнѣйшихъ проектовъ.

Безъ бытовыхъ „писемъ въ редакцію“ англійскія газеты немислимы. Онѣ печатаютъ эти письма въ большемъ изобиліи, по десяти, по двадцати ежедневно, покуда взбудораженные ими читатели не устроятъ на какой-нибудь площади или въ какомъ-нибудь паркѣ подъ деревомъ митингъ, въ результатъ котораго-то же на воздухѣ—возникнетъ многошумная лига.

Лига зашумитъ, загремитъ, засыплетъ всѣхъ памфлетами, воззваніями, и вотъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ въ парламентъ уже засѣдаетъ комиссія, гдѣ лучшіе умы государства превращаютъ бытовые бредни въ стройные и строгіе законы.

Сперва отдѣльныя личности, потомъ общественные союзы, затѣмъ правительство, законодательная власть,—таковы этапы, которые въ Англии чрезвычайно быстро проходитъ всякая общественно-полезная мысль.

Мысль о сбереженіи національныхъ богатствъ пошла по тому же пути.

Сначала умные и глупые совѣты, сочиняемые всякой мелкотой и печатаемые въ видѣ „писемъ въ редакцію“. О чемъ только не говорилось въ этихъ письмахъ!

О томъ, что каминные уголья вдвое дольше горятъ и даютъ вдвое больше тепла, если ихъ обрызгать соленой водой.

О томъ, что картошку въ военное время выгоднѣе ѣсть съ шлухой.

О томъ, что для удешевленія лѣкарствъ школьники должны собирать на каникулахъ цѣлебныя травы.

О томъ, что вечерней газетой съ успѣхомъ замѣняется пыльная тряпка для вытиранія картинъ и зеркалъ.

О томъ, что комнатное разведеніе кроликовъ—занятіе дешевое и прибыльное.

И такъ дальше, и такъ дальше, и такъ дальше. Все чаще стали вспоминать поговорку: „когда нѣту мыши, кошка довольствуется и мухами“,—и вотъ двѣ дамы, Мэри и Джонъ Файндлэтеръ, напечатали милую повѣсть подъ заглавіемъ: „Довольны и мухами“, гдѣ весело и подробно рассказывается, какъ экономно онѣ вели хозяйство въ Шотландіи, безъ прислуги, сами стряпали и мыли полы.

А нѣкто, скрывшійся подъ псевдонимомъ Survivor, обнародовалъ книжку „Какъ жить безъ прислуги. Вновь обрѣтенное семейное счастье“.

Эти письма, брошюры, статейки вызваны стихійнымъ порывомъ, не нашедшимъ еще широкаго выхода, не воплотившимся еще во всенародную волю.

Но скоро этотъ хаосъ оформился. Разрозненные вопли и жалобы начали сливаться въ общій хоръ. Появилась „Лига экономіи“, и не одна, а десятки.

II.

Лиги.—Выставка экономіи.

Жена пѣра, богатѣйшая дама, лэди Джульетта Деффъ заявила газетнымъ сотрудникамъ, что въ своемъ домѣ-дворцѣ она для сокращенія расходовъ почти совсѣмъ упраздняетъ обѣды; по жуеетъ немного мяса и сыра—вотъ и весь ея „военный обѣдъ“. Въ гости не ходитъ и къ себѣ не зоветъ опять-таки во имя экономіи; платья носитъ старыя, поношенныя и убѣждаетъ друзей придерживаться такой же системы¹⁾.

А лэди Корнелия Уимборнъ основала специальное общество—женскую лигу военной экономіи: Women's War Economy League. И въ это общество демонстративно вступили такія аристократки-богачки, какъ герцогиня Сутерлендъ, герцогиня Бьюфортъ, маркиза Рипонъ, княгиня Пемброкъ, виконтесса Ридли, лэди Айлингтонъ,—хотя имъ-то для чего экономить! Но каждой барынѣ, конечно, стало лестно примкнуть къ такой сіятельной лигѣ. Дамы ринулись туда цѣлыми толпами:

Вступающія въ лигу обязываются:

1. Носить старомодныя платья, не гоняясь за новѣйшими фашонами.

2. Ходить пѣшкомъ, отречься отъ автомобиля. (Прибѣгать къ таксомотору дозволяется только съ благотворительной цѣлью).

3. Не приглашать никого къ обѣду ни къ себѣ домой ни въ ресторанъ.

4. Не покупать заграничныхъ товаровъ, предметовъ комфорта и роскоши.

5. Разсчитать лакеевъ и дворецкихъ, доведя число прислуги до минимума.

Лига сразу приобрѣла популярность, и такъ какъ въ Англии средніе классы всегда подражали высшимъ, а низшіе тянулись за средними, то теперь, когда съ самыхъ верховъ раздался при-

¹⁾ „Daily Mail“. Aug. 7, 1915.

зывать къ экономіи, всякая грошевая скаредность, получивъ великосвѣтскую санкцію, стала признакомъ хорошаго тона.

Обходиться безъ извозчика, безъ портного, безъ повара нынче высшей шикъ, щегольство.

Ежели маркиза Рипонъ не шьетъ себѣ моднаго платья, то кака-нибудь миссисъ Джонсъ или Джонсонъ съ радостью надѣнетъ прошлогоднее, видя въ этомъ верхъ фешенебельности.

Въ Англіи относятся къ костюму очень нетерпимо и требовательно. Этикетъ деспотически строгъ. Не только въ великосвѣтскомъ, но даже въ среднемъ кругу дамы должны являться къ обѣду въ пышныхъ декольтированныхъ платьяхъ: иначе нельзя, неприлично.

Но и на эту вѣковую традицію рѣшили англичане посягнуть. Въ „Times“ нѣкая дама, ссылаясь на военные тяготы, обращается къ аристократической лигѣ съ мольбою отменить хотя на время войны „сей разорительный и глупый обычай“ („Times“, Aug. 16).

А сокрушительный мистеръ Мьюгайръ выступаетъ съ болѣе революціоннымъ проектомъ:

— Къ чорту всякія дамскія тряпки! Намъ не нужно кокетокъ и модницъ! Ихъ бантики, пуговики, ленточки только разоряютъ страну. Теперь не до бабьихъ капризовъ! Всѣхъ женщинъ безъ различія возраста одѣть, какъ арестантокъ, одинаково: въ одинаковыя кофты и юбки изъ какой-нибудь дешевой матеріи, — ни шлейфовъ, ни декольте, ни корсетовъ! — вотъ и будетъ экономія величайшая, — не то, что отъ яицъ или спичекъ! Миллиардовъ бережется безъ счета („Times“, Aug. 10).

Поднялась невообразимая буря. Женщины всего королевства три дня предавали анаемѣ этого нелюбезнаго джентльмена. Его проектъ, конечно, провалился, но и модницамъ пришлось нелегко. Векоръ на тысячѣ фактовъ английское общество могло убѣдиться, что этотъ призывъ къ экономіи не былъ газетной шумихой. Я съ изумленіемъ, напримѣръ, прочиталъ въ „Daily Telegraph“, что даже фирма знаменитаго Ворта должна была, изъ-за недостатка кліентовъ, закрыть свое отдѣленіе въ Лондонѣ. Сказалась-таки экономія „тряпокъ“! Двѣсти служащихъ остались безъ мѣста.

Леди Чансъ, почти одновременно съ леди Корнелией Уимборнъ, основала другую подобную лигу, — „Национальную лигу сбереженія провизіи“, устроивъ въ Лондонѣ и въ провинціи классы для обученія дамъ и дѣвицъ дешевой и вкусной стряпнѣ, а также издала руководство „Какъ вести хозяйство на 50 рублей въ мѣсяцъ“.

Для пропаганды своихъ завѣтныхъ идей, эти общества-лиги, союзы придумали множество средствъ, и среди нихъ превосходнѣйшее — „Выставку бережливости“, выставку образцовъ экономіи. Такая выставка, очень помпезная, открылась въ концѣ іюня въ клубѣ конькобѣжцевъ на каткѣ. Чего только на этой выставкѣ не было!

Вольтеровское кресло изъ сахарныхъ ящичковъ! Сказочно дешевыя козы со сказочно дешевымъ молокомъ! Волшебныя кастрюли, въ которыхъ одновременно, сразу изготавливается нѣсколько разнообразнѣйшихъ блюдъ; и супъ, и котлеты, и сладкое! Волшебныя сундуки, набитые кирпичами и сѣномъ, гдѣ безъ огня кипятятся всевозможныя компоты и супы. Шикарныя дѣтскія курточки, сшитыя изъ старыхъ отцовскихъ штановъ!

Выставку въ первый же день соблаговолила посѣтить королева. Лордъ-мэръ, открывая выставку, произнесъ вдохновенное слово:

— Бережливость въ тылу — это то же, что доблесть въ бою!

И тутъ же пожертвовалъ пять фунтовъ стерлинговъ для выдачи приза тому, кто вкуснѣе изжаритъ картошку!

Какая-то графиня вслѣдъ за нимъ предложила призъ за лучший фартукъ.

На выставкѣ имѣется книга, куда посѣтители вписываютъ свои собственные проекты и планы удешевленія жизни. Кто выдумаетъ лучший проектъ, тотъ получитъ призъ.

Тутъ же кафедра, съ которой популярныя лекторы ежедневно по такимъ-то часамъ проклинаяютъ мотовство. Выставка сдѣлалась истинной школой хозяйки: тѣ такъ и являлись туда, какъ ученицы, съ тетрадочками — для записыванія всяческихъ рецептовъ.

Изъ Лондона выставка направилась въ Ливерпуль, изъ Ливерпуля въ Манчестеръ, сдѣлалась „передвижной“, въ родѣ нашей художественной, привлекая къ своей пропагандѣ все большіе союзовъ и лигъ.

Словомъ, безсильные, разрозненныя обывательскіе вопли стали постепенно смѣняться организацией общественныхъ силъ.

III.

Цѣль экономіи.

Но зачѣмъ же англичанамъ экономить? Развѣ они обѣднѣли? Неужели ихъ фантастически-богатыя лорды уже не въ силахъ наряжать своихъ женъ и нанять себѣ хоть тысячу лакеевъ?

Да и самый послѣдній бѣднякъ, — почему онъ долженъ сжиматься и сжиться, если именно теперь-то впервые завелись у него лишніе шиллинги?

Вѣдь на угольныхъ коняхъ, на заводахъ, на фабрикахъ нынче платятъ рабочимъ отлично; у многихъ появились впервые шальные, непредвидѣнные деньги, — куда же ихъ, скажите, дѣвать?

Не только всяческіе купцы и подрядчики, но даже солдатскія жены, даже фабричныя дѣвушки, работающія надъ изготовленіемъ снарядовъ, — и тѣ дорвались до такихъ капиталовъ, какіе имъ дотолдъ и не снились *).

Имъ, конечно, хочется побаловаться сережками, леденцами, кинематографомъ, шляпкой, а ихъ за это клеймятъ, какъ преступницъ, и зовутъ измѣнницами родины. Министры, журналисты, священники уговариваютъ ихъ не франтить, не тратить на глупыя прихоти, ибо въ этомъ для Англіи пагуба.

Когда же имъ и тратить, какъ не нынче!

Онѣ впервые за всю свою жизнь могли бы вдоволь наѣсться мясного, а ихъ призываютъ къ сеledкѣ! „Сеledка, салатъ и сыръ вполне замѣняютъ мясо, — увѣряетъ ихъ газета „Daily News“. — Вмѣсто масла можно употреблять маргаринъ... Помните, что каждая рюмка, выпитая вами теперь, способствуетъ продленію войны“.

Министерство народнаго просвѣщенія пичкаетъ ихъ бесплатными книжками съ рецептиками дешевыхъ обѣдовъ.

Каждый, покупающій въ настоящее время серьги, драгоценныя камни, мѣха, объявленъ врагомъ государства. Каждый, кто заботится теперь о комфортѣ, считается пособникомъ кайзера.

Откуда же такой ригоризмъ? Почему довольство и сытость признаются теперь, какъ безнравственность? Развѣ Англіи грозитъ голоданіе? Вѣдь хлѣба подвозится вдоволь: океаны въ рукахъ у англичанъ. Вѣдь въ лавкахъ избытокъ товара. Вѣдь изъ всѣхъ нынѣ воюющихъ націй англичане меньше всего ощутили экономической гнетъ. Цѣны растутъ, но не очень. Фунтъ превосходнаго чая — девяносто копеекъ, рубль. Сахаръ, по заявленію

* В Англіи паекъ, приходящійся на семью солдата-добровольца, часто превышаетъ ту сумму, которую солдатъ зарабатывалъ въ мирное время.

Германское орудіе — забава ребятамъ.

И. Владиміровъ.
(Осенняя выставка Товарищества художниковъ).

министра финансовъ, дешевле, чѣмъ гдѣ-нибудь въ мірѣ. О какихъ-нибудь хвостахъ и не слышали. Скажите англичанину, что въ Россіи овесъ вздорожалъ на 244 процента,—и онъ подумаетъ, что вы сумасшедшій. Въ Англии только на 30 процентовъ повысилась стоимость жизни.

У насъ бы ликовали и блаженствовали; англичане же кричатъ караулъ и основываютъ цѣлыя лиги для бойкота вздорожавшихъ товаровъ.

Гдѣ же основанія для такой чрезмѣрной тревоги?

Во-первыхъ, англичане надѣются уменьшеніемъ спроса добиться пониженія цѣнъ. Министръ финансовъ Макъ-Кенна, обращаясь къ англійскимъ рабочимъ, сказалъ:

— Нужно ли доказывать вамъ, что ваша расточительность во время войны опасна для всего государства. Усиленно покупая продукты отечественной и иностранной промышленности, вы содѣйствуете повышенію цѣнъ, способствуете дороговизнѣ предметовъ и тѣмъ обижаете своихъ бѣднѣйшихъ товарищей. Я согласенъ, что рабочій, у котораго увеличился заработокъ, въ правѣ предоставить женѣ и ребятамъ немного больше комфорта и роскоши,—но не теперь же, не во время войны! А если вы будете тотчасъ же тратить все излишки своего заработка, то цѣны будутъ расти и расти, и излишки перестанутъ быть излишками.

Но дѣло не въ одной дороговизнѣ. Есть и другія причины, побуждающія англійское общество проповѣдывать „святую экономію“.

Предвидятся огромные расходы. Согласно недавнему сообщенію премьера, англичане тратятъ на военныя нужды 50.000.000 въ день. Въ четыре дня война поглощаетъ у нихъ столько денегъ, сколько прежде они тратили въ годъ на просвѣщеніе страны. То, что наканунѣ войны составляло годовой бюджетъ королевства, расходуетъ нынче въ пять недѣль. На боевое снаряженіе арміи уходитъ въ день 10.000.000 рублей, и эти деньги никогда не вернутся.

Нужно покупать не предметы потребленія, а облигаціи военныхъ займовъ. Нужно черезъ посредство сберегательныхъ кассъ увеличить ресурсы страны. Къ концу войны національный долгъ возрастетъ на 20 миллиардовъ рублей. Однихъ процентовъ придется уплачивать ежегодно до 900 милліоновъ.

Страшное количество денегъ нужно будетъ выдавать въ видѣ пенсін и раненымъ и семьямъ убитыхъ. Въ годъ не меньше двухсотъ милліоновъ.

Словомъ, государству понадобятся все даже мелкія деньги каждаго гражданина-плательщика. Особенно же для него нежелательно, чтобы деньги уплывали изъ страны. Націи въ военное время нуженъ весь имѣющійся у нея капиталъ и все ея рабочія руки исключительно для веденія войны; тѣ же, кто для удовлетворенія собственныхъ прихотей отвлекаютъ отъ военнаго дѣла хоть малую долю ея труда и ея капитала, способствуютъ ея ослабленію.

— Каждый фунтъ стерлинговъ, который вы отложите до окончанія войны,—сказалъ рабочимъ министръ финансовъ,—обогатитъ страну ровно вдвое, ибо на двадцать шиллинговъ увели-

чивается вашъ національный капиталъ да на двадцать шиллинговъ остается въ запасѣ непроданныхъ продуктовъ.

Изъ тѣхъ пятидесяти милліоновъ рублей, которые ежедневно тратятся Англійей на веденіе войны, большая доля остается въ странѣ и распределяется среди населенія, работающаго въ военной промышленности. Вотъ съ участи этихъ-то денегъ и безпокоится англійское общество. Нужно удержать эти деньги въ странѣ, нужно, чтобы, благодаря ихъ изобилію, не началась эпидемія дороговизны, и, главное, нужно направить эти деньги въ сберегательныя кассы и въ банки, чтобы онѣ снова вернулись въ руки военныхъ властей для дальнѣйшаго веденія войны. Кроме того, отрекаясь отъ предметовъ комфорта и роскоши, вы освободите для военной работы множество поѣздовъ и судовъ, которые нынѣ заняты доставкой этихъ предметовъ.

IV.

„Министерство экономіи“.

Къ пропагандѣ былъ, конечно, привлеченъ и могучій трибуналь городской черни—кинематографъ!

По заказу министерства финансовъ изготовили особую фильму подъ заглавіемъ: „Для блага Имперіи“, которая наглядно демонстрировала выгоду (и героическую кратоту!) спартанскаго отреченія отъ разныхъ житейскихъ усладъ.

И вотъ когда всевозможныя „письма въ редакцію“, митинги, выставки, лиги, плакаты, парламентскіе списки, памфлеты, кинематографы и проч., и проч., и проч. внушили всемъ,—даже маленькимъ дѣтямъ,—что въ бережливости спасеніе страны, на сцену выступили власти, правительство, наступила третья послѣдняя стадія организациі общественныхъ силъ.

Возникъ особый Комитетъ Военныхъ Сбереженій, нѣчто въ родѣ министерства экономіи, и повелъ затѣйное обывателямъ дѣло размахисто, широко, по-министерски.

Дѣло очутилось въ рукахъ у городскихъ самоуправленій, у лордъ-мэра и провинціальныхъ мэровъ, и тѣ объединили, сконцентрировали всю дотолѣ разсеянную энергію лигъ и союзовъ.

Экономія стала государственнымъ дѣломъ. Во всей странѣ появились въ продажѣ особые билетикн-сертификаты. Заплатите за этотъ билетикъ семь съ полтиной—и послѣ войны вы получите десять рублей. За 15½ шиллинговъ вы покупаете 20!.. Но если у васъ нѣтъ серебряныхъ шиллинговъ, а есть только мѣдные пенсы, неужели вамъ стоять въ сторонѣ? нѣтъ, вы покупаете ключокъ сертификата—хоть за четыре копейки!—и послѣ войны вамъ достанется пять.

Всякому пріятно купить себѣ гривенникъ за восемь копеекъ,—а государству отъ этого грандіозная польза. Еженедѣльно оно получаетъ отъ самыхъ неимущихъ слоевъ населенія, по мелочамъ, по грошамъ, нѣсколько милліоновъ рублей.

Съ каждой недѣлей количество вкладчиковъ не убываетъ, а все растетъ и растетъ. Каждую недѣлю Комитетъ Сбереженій печатаетъ подробный отчетъ о количествѣ купленныхъ „сертификатовъ“:

Такъ,	
въ понедѣльникъ 3-го іюля	было куплено . . . 253.697
во вторникъ 4-го іюля	было куплено . . . 252.946
въ среду 5-го іюля	было куплено . . . 262.102
въ четвергъ 6-го іюля	было куплено . . . 246.364
въ пятницу 7-го іюля	было куплено . . . 261.949
въ субботу 8-го іюля	было куплено . . . 341.807

Итого . 1.618.875

Помножьте эту цифру на семь съ половиной, вы получите изрядную сумму.

Населеніе со спортсменскимъ азартомъ слѣдитъ за результатомъ своей экономіи,—а правительство, чтобы этотъ жаръ не остылъ, распалаетъ его всякими средствами.

Въ среднѣ іюля оно, напримеръ, объявило особую „недѣлю воздержанія“, недѣлю поста, предлагая гражданамъ, насколько возможно, воздержаться отъ всякихъ покупокъ, отъ театровъ, отъ пива, отъ сладостей, и сосудить государству все деньги, какія имъ удастся сберечь.

Австрійскій разъѣздъ попалъ въ засаду.

И. Владиміровъ.

(Осенняя выставка Товарищества художниковъ).

Успѣхъ этого „спорта“ былъ немовѣрный. Солдаты присылали изъ окоповъ, а матросы изъ дальнихъ морей свои кровные пенсы и шиллинги. Школьники, къ которымъ министръ финансовъ обратился съ горячимъ званіемъ, отказались отъ любимыхъ леденцовъ.

Вообще, благодаря Комитету, усиленное потребление всякихъ нужныхъ и ненужныхъ продуктовъ значительно сократилось, оттого и цѣны остались невзвѣсненными, хотя, конечно, экономія—не единственный способъ для борьбы съ дороговизной продуктовъ.

— Никто не требуетъ, — сказалъ на-дняхъ министръ экономіи, — чтобы бѣдные люди, у которыхъ впервые появилась возможность освободиться отъ тисковъ нищеты, отказывали себя въ самомъ насущномъ. Нѣтъ, пусть купятъ своимъ дѣтямъ башмаки и кровати, но къ чему же покупать граммофоны, пианино, мѣха, зачѣмъ ходить въ кинематографъ ежедневно! Достаточно и одного раза въ недѣлю. Вѣдь по окончаніи войны за каждый футъ стерлинговъ вы купите больше, чѣмъ теперь: все будетъ стоить дешевле. Иначе у правительства не будетъ возможности тратить на веденіе войны 160 миллиардовъ.

Въ Галиціи. У колодца.

И. Владиміровъ.

(Осенняя выставка Товарищества художниковъ).

Судя по отчетамъ англійскихъ газетъ, къ началу ноября 1916 года эти грошевыя сертификаты дали англійскимъ военнымъ властямъ 450 милліоновъ.

На войнѣ.

Разсказъ В. Муйжеля. Иллюстраціи И. А. Владимірова.

(Окончаніе).

Званцовъ оглядѣлся, замѣтилъ длинную хворостину и поднялъ ее къ себѣ. Потомъ взялъ за толстый конецъ, протянулъ далеко другой и потолкалъ вѣтки куста слѣва отъ себя. Выстрѣла не послѣдовало. Онъ перешелъ концомъ хворостины ближе къ тому мѣсту, откуда гремѣли выстрѣлы. Опять выстрѣла не было.

Или ушелъ, или... Онъ самъ двинулся, стараясь выбирать мѣсто почище и вмѣстѣ съ тѣмъ закрытое со стороны того куста. Такъ онъ сдѣлалъ кругъ и почти выползъ на опушку передъ поляной. Теперь ясно видны были три ели на ней и подъ ними темное пятно. Но одно. Значитъ, зотъ здѣсь.

„Тотъ не уйдетъ... А зотъ...“

Онъ приподнялся, перебрѣнулъ обойму съ патронами, сунувъ прострѣлянную въ карманъ, и двинулся къ тому кусту, изъ-за котораго стрѣляли въ него. Но тамъ уже никого не было; то, что было человѣкомъ, выгляжавшимъ его, лежало, запрокинувшись назадъ, подогнувъ колѣни подъ себя и сжавъ въ холодящихъ рукахъ длинный старинный штуцеръ. По открытому рту, по мертво торчащей вверхъ бородѣ Званцовъ увидѣлъ, что онъ мертвъ. Онъ подошелъ, стараясь только не показываться тому, подъ елями, и посмотрѣлъ. Двѣ пули кончили этого: одна въ грудь около разрѣза грязной рубахи, другая подъ глазомъ. Зотъ не закрывшійся, уже тусклый и потерявшій влажность жизни глазъ устал и неподвижно смотрѣлъ передъ собой. Тонкая, казавшаяся на желтой кожѣ черной, струйка крови обогнула надбровную дугу, затекла во впадину глаза, окружая его страннымъ кольцомъ, и тинулась по щекѣ у носа.

Званцовъ равнодушно отвернулся и прошелъ къ опушкѣ.

До деревьевъ было не меньше двухсотъ шаговъ. Выйти на поляну было рискованно. Тотъ былъ раненъ, былъ боленъ, но послѣ ночи огромнаго напряженія, послѣ пули, скользящей вдоль плеча, вѣроятно, задѣвшей какую-нибудь артерію, такъ какъ вся рубашка была мокра отъ крови, и около пояса Званцовъ чувствовалъ эту горячую кровь, какъ будто туда ему налили очень теплой воды, онъ самъ чувствовалъ себя нехорошо. Единственно, чѣмъ онъ держался, это тѣмъ же напряженіемъ, что дало ему силы превозмочь поднимающійся съ вечера жаръ.

Теперь шансы уравниваются. — пробормоталъ онъ, выглядывая на поляну, гдѣ три ели сумрачно и недовѣрчиво, какъ будто ища защиты другъ въ другъ, стояли темной купой,—это уже послѣднее.

Онъ не додумалъ, что послѣднее?— послѣднее ли усиліе, которое онъ долженъ сдѣлать, или послѣднее нападеніе, или послѣднее метаніе того жребія, который рѣшалъ въ эту ночь жизнь

четырехъ людей. Но онъ опредѣленно зналъ, что одинъ актъ борьбы конченъ, и сейчасъ долженъ начаться второй, можетъ-быть, самый страшный.

XI.

Темная кучка, теперь принявшая болѣе опредѣленные очертанія присѣвшего спиной къ дереву человѣка, была на прежнемъ мѣстѣ. Званцовъ ясно различалъ знакомое лицо, только теперь выбритое, безъ усовъ; какую-то поддевку или свитку, въ которую былъ одѣтъ тотъ человѣкъ, и глаза. Сторожко и внимательно они слѣдили за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ онъ. Не было никакого сомнѣнія, что тотъ его не видѣлъ, но выстрѣлы, борьба съ лѣсникомъ привлекли его вниманіе въ эту сторону, и онъ ждалъ. Чего? Лѣсника,—значитъ побѣды, или Званцова, значитъ смерти?

„Но его нельзя убивать, его надо живымъ...“ — мелькнуло у Званцова въ головѣ, когда онъ пытался рассмотреть, что у того въ рукахъ. Онъ смотрѣлъ долго и рѣшилъ: револьверъ, кажется, маузеръ. Во всякомъ случаѣ бой долженъ быть серьезный.

Опять, призвавъ то странное, полувѣриное, полуохотничье состояніе, которое позволяло ему безъ мысли, безъ довода, сразу рѣшать то или иное и выходить побѣдителемъ, онъ попятился назадъ, въ кусты, и сталъ оползать поляну, какъ это уже дѣлалъ, когда было темно.

Онъ ползъ совершенно тихо, выбирая такіе мѣста, которые не могли бы выдать его даже колебаніемъ вѣтвей кустовъ, часто останавливаясь, прислушиваясь и сохраняя силы, которыя—онъ зналъ—ему еще понадобятся, и былъ увѣренъ, что тотъ не могъ ни слышать ни даже догадаться объ его обходномъ движеніи. И когда выглянулъ уже на противоположной сторонѣ поляны на ружу, сжалъ зубы и даже скрипнулъ ими отъ разочарованія, досады и какого-то еще болѣе сложнаго чувства: сидя подъ деревомъ, прислонясь къ его стволу спиной, тотъ тоже сдѣлалъ зотъ самый кругъ, центромъ котораго былъ, и теперь смотрѣлъ такъ же сторожко и тревожно прямо въ его сторону.

Званцовъ могъ положить бы голову на отсѣченіе за то, что тотъ не видѣлъ его. Это было понятно, ясно—все напряженное, тревожное выраженіе лица того говорило объ этомъ. Въ этомъ лицѣ была цѣлая сѣть переживаній и настроеній: ожиданіе опасности, неуверенность, предчувствіе чего-то, что должно неминуемо разразиться, сознание своей слабости, тоска обиденнаго опытнымъ окладчикомъ звѣря — но это лицо не было лицомъ человѣка, увидѣвшаго прямо передъ собой то, что грозитъ ему Званцовъ чувствовалъ, что тотъ не видитъ его — но гораздо

„На войнѣ“.

Иллюстрація къ разсказу В. Муйжеля.

Еще два лихорадочно быстрыхъ выстрѣла... (Глава XI, стр. 810).

больше: онъ знаетъ, что Званцовъ здѣсь. Несомнѣнно, тотъ, подѣ деревомъ, переживалъ всю эту ночь не меньше, а можетъ-быть, гораздо острѣе самого Званцова, ибо онъ былъ звѣремъ, а Званцовъ травилъ его. И та сложная комбинація нервовъ, мозга, инстинкта, мысли, ощущения у него была напряжена такъ же, какъ и у гнавшагося всю ночь за нимъ.

Опять долго лежалъ Званцовъ въ ольховыхъ кустахъ, уже освѣщенныхъ солнцемъ, уже высыхающихъ отъ росы, потомъ двинулся и поползъ къ рѣчкѣ. Надо, во что бы то ни стало надо было выйти тому сзади, иначе борьба должна была кончиться не такъ, какъ онъ хотѣлъ.

Мучительно ползти съ горѣвшей отъ боли рукой, теряя кровь, съ тяжелымъ чувствомъ близости смерти, наклонившейся надъ свѣтлой, радостной отъ солнца, тишины и яркой голубизны неба, поляной. Мучительно сознавать какимъ-то далекимъ уголкомъ мозга, одной мельчайшей извилиной его, что нужно убивать, чтобы не быть убитымъ самому, но Званцовъ ползъ, сдѣлалъ опять полукруга—и выглянулъ.

И такъ же, какъ два первые раза, его взглядъ встрѣтилъ напряженный, растерянный отъ неуверенности, гдѣ именно настоящая опасность, взглядъ озирающагося напряженно человека. То же, что спасало всю эту ночь Званцова, служило теперь тому.

Званцовъ понялъ это, отползъ назадъ, сѣлъ и сталъ перевязывать себѣ плечо. Потомъ, когда кое-какъ онъ намоталъ на мѣсто раны платокъ, полоску рубашки, которую онъ осторожно оторвалъ, еще что-то, случайно оказавшееся въ карманѣ, онъ долго сидѣлъ, отдыхая. Солнце встало уже высоко надъ поляной, лучи его стали горячими, нѣжный, смѣшанный запахъ обгорѣвшей травы, какихъ-то болотистыхъ цвѣтовъ,—кажется, гдѣ-то недалеко были тѣ, что называются ночными красавицами,—и теплой земли подымался съ поляны... Тишина и неподвижность странно подѣйствовали на Званцова: ему вдругъ показалось, что все происшедшее со вчерашняго дня—только сонъ. Что никакого германскаго офицера нѣтъ, что никто его не ранилъ, и самъ онъ никого не убилъ, и вообще нѣтъ ничего—ни войны, ни гула орудій, ни

фольварка, а просто онъ ходилъ далеко за грибами, зашелъ въ незнакомое мѣсто, усталъ и теперь сидитъ, готовый задремать подѣ припекающимъ солнцемъ... И въ этомъ полузабытѣ—странномъ полузабытѣ, когда ему самому хотѣлось отогнать дѣйствительность и заставить повѣрить въ то, что онъ вообразилъ,—онъ всталъ. И тотчасъ же, какъ напоминаніе о томъ, что ждетъ насъ всѣхъ, звонко и рѣзко, словно янтарный, пронизанный солнцемъ воздухъ разрѣзалъ тонкій, острый бичъ, надѣ нимъ визгнула пуля и черезъ секунду съ поляны донесся короткий звукъ револьвернаго выстрѣла.

Званцовъ мгновенно присѣлъ, но опять пуля жалобно и громко пропѣла, и опять ударилъ выстрѣлъ, и это было похоже на то, какъ если бы кто-то сказалъ:

— Тью-у-у, такъ!

Послѣдній актъ начался. Занавѣсъ взвилась, и актеры должны были приступить къ игрѣ.

Первымъ движеніемъ Званцова было просунуться назадъ въ кусты. Но тотчасъ онъ почувствовалъ, что этого не надо дѣлать, а надо какъ разъ обратное. Онъ поднялъ револьверъ, приподнялся и, нагнувшись, вытянувъ шею, однимъ прыжкомъ выскочилъ на поляну. Рядъ выстрѣловъ бѣшено нажимаемаго маузера встрѣтилъ его. Но онъ зналъ, что это будетъ такъ, и, прежде чѣмъ тотъ могъ нахватить на цѣль, упалъ, потомъ швырнулъ со страшной силой все свое тѣло въ сторону, потомъ опять поднялся, прыгнулъ въ другую сторону, все время подвигаясь впередъ и не выпуская ни одного заряда. И такъ прыгая, иногда кружась, падая и поднимаясь, прячась въ густой болотной травѣ и опять неожиданно показываясь неуловимой, все время двигающейся неправильными и неожиданными зигзагами цѣлью, онъ приближался къ деревьямъ, изъ-подъ которыхъ сыпались пули. Ему некогда было смотрѣть впередъ, онъ думалъ только о неожиданности своихъ движеній:—чѣмъ болѣе неожиданными были всѣ эти зигзаги и прыжки, тѣмъ больше шансовъ было выиграть. Наконецъ онъ приблизился настолько, что могъ бить навѣрняка.

— Не стрѣлять! — крикнулъ онъ, опять падая и откатываясь съ неимоверной

быстротой въ сторону.—Ни одного выстрѣла, иначе убью!

Короткое страшное слово звонко пронеслось надъ поляной. Но оттуда опять торопливой чередой застучали выстрѣлы: разъ-разъ-разъ! Званцовъ вскочилъ, кинулся приближающимся зигзагомъ въ обратную сторону и выстрѣлилъ нарочно ниже поднявшейся темной фигуры, прятанной за стволомъ ели. Бѣлое, свѣжее дерево щепками взломалось на мѣстѣ удара пули. Потомъ, не останавливаясь, онъ ударилъ еще разъ— выше того. Кора, щепки и какія-то вѣточки посыпались сверху. Также онъ сдѣлалъ два выстрѣла по бокамъ; онъ думалъ, что этимъ можетъ доказать неизбежность смерти того, если онъ захочетъ. Но въ моментъ послѣдняго выстрѣла тотъ тоже выстрѣлилъ, и пуля обжигаяще неожиданно черкнула Званцова выше уха и улетѣла, сбивъ фуражку. Кровь разомъ хлынула по щеку, потянулась къ уху, но Званцовъ былъ уже почти у деревьевъ. И когда хотѣлъ крикнуть что-то о сдачѣ, новая пуля ударила въ лѣвую руку выше локтя, и рука безсилно повисла.

Несомнѣнно, боль была отъ раны, мгновенная, страшная боль, отъ которой судорожно сжалось все тѣло, но Званцовъ показало, что эта боль родилась отъ того,—неизбывная, ужасная боль, нудная и тоскливая,—отъ того, что онъ неминуемо долженъ сейчасъ сдѣлать. Онъ высунулся изъ-за ствола дерева, и, напоминая что-то ужасно недавно бывшее, такое, чего не забудешь во всю жизнь, съ его глазами столкнулся тоскливый, унылый и злобный взглядъ того. Еще два лихорадочно быстрыхъ выстрѣла, направленныхъ уже слабѣющей рукою, изъ которыхъ одинъ едва не сдѣлался послѣднимъ для Званцова (кора ели, за которой онъ прятался, вдругъ лопнула и обнажила рваные края бѣлой сочной полосы сверкающаго дерева),—и Званцовъ увѣренно, какъ будто холодно и совершенно спокойно выстрѣлилъ самъ прямо въ эти уставившіеся на него глаза.

Этотъ послѣдній выстрѣлъ какъ бы оглушилъ его. Онъ опустилъ руку со сдѣланнымъ неимоверно тяжелымъ револьверомъ, прислонился прямо лбомъ къ пахучей шершавой корѣ дерева и замеръ въ полномъ истощеніи. Онъ даже не посмотрѣлъ на результаты своего выстрѣла—онъ зналъ ихъ навѣрное.

Безошибочное чувство полного одиночества, такое знакомое, как будто испытанное много, много разъ, немолчимымъ и суровымъ языкомъ сказало ему этотъ результатъ.

Онъ отдохнулъ, вытеръ рукавомъ кровь со щеки, болтнулъ, морщась отъ боли, при чемъ лицо его приняло странно неудущее къ нему плачущее выраженіе, безсильной лѣвой рукой и выступилъ изъ-за дерева. Свернувшись комочкомъ, поджавъ подъ себя револьверъ, лежалъ тотъ. И во всей позѣ, въ судорожно ушедшей въ плечи головѣ, въ этомъ прятующемся птичьемъ движеніи замершаго въ послѣднемъ содроганіи трупѣ было столько безнадежности, столько послѣдней скорби и какой-то тяжелой униженности, что Званцовъ отвернулся.

Съ тѣмъ же плачущимъ выраженіемъ на сморщенномъ, измѣнившемся и постарѣвшемъ внезапно лицѣ онъ пошелъ-было въ сторону, но потомъ почти съ отвращеніемъ вспомнилъ, что еще что-то надо сдѣлать,—вернулся, подошелъ къ трупу и, дѣйствуя одной правой рукой, уже дѣйствительно плача и отъ сверлящей боли въ лѣвой и отъ того, что онъ сдѣлалъ и что ему придется сдѣлать, обыскалъ трупъ. Нашелъ свернутую карту съ намѣченной синимъ карандашомъ тропинкой, по которой они шли эту ночь, съ какими-то другими линіями, набросанными далеко отъ синей (ему уже не хотѣлось думать, что эти линіи обозначаютъ передовую линію русскихъ загражденій), нашелъ два письма и какія-то карточки, открытки... Сунулъ все это въ карманъ и пошелъ къ ручью, къ тому мѣсту, гдѣ онъ ночью такъ осторожно переползалъ его...

XII.

Онъ шелъ, какъ пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, останавливаясь и отирая что-то нависавшее надъ глазами; иногда стоналъ громко и жалобно отъ нестерпимой боли въ рукѣ, въ плечѣ, въ вискѣ... Нервное напряженіе, державшее его до послѣдняго выстрѣла, упало, и порою онъ останавливался возлѣ какого-нибудь дерева уже на тропинкѣ, припадалъ головою къ нему и плакалъ, какъ затерявшійся въ этомъ испещренномъ золотыми пятнами солнца лѣсу.

Разъ онъ очнулся и увидѣлъ себя лежащимъ вдоль тропинки. Очевидно, былъ обморокъ, и онъ упалъ, но онъ не помнилъ этого. Съ невѣроятными усиліями онъ поднялся, опять заплакалъ отъ боли, беспомощности и пустоты въ душѣ, кое-какъ справился и пошелъ впередъ... Потомъ не выдержалъ — сѣлъ, весь трясясь отъ холода, когда солнце палило нещадно и прямые лучи его страшной тяжестью висѣли надъ теменемъ, и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Но послѣдняя искра жизненнаго инстинкта теплилась въ немъ — онъ опять поднялся и шелъ, останавливаясь, падая, нещадно стучаясь перебитой рукою при паденіи, и когда солнце уже ушло, когда сумракъ спустился на лѣсъ, на странно знакомую поляну, куда неожиданно вышелъ онъ, на какія-то знакомыя деревья впереди, онъ остановился опять.

„Ага, паркъ, липы!“ — равнодушно сообразилъ онъ и пошелъ дальше.

Ужасно трудно было перелѣзть черезъ валъ и частоколъ, но и это онъ преодолѣлъ. Потомъ, качаясь, побрелъ по запущенной дорожкѣ и вышелъ къ бесѣдкѣ. И, словно повинуюсь чему-то, чего онъ уже не хотѣлъ понимать, зашелъ въ нее, пустынную, брошенную, мрачную отъ наполнявшаго ее сумрака, съ открытымъ окномъ, около котораго висѣла ненужная теперь плотная черная занавѣска, и сталъ, прислонясь спиной къ стѣнѣ, окончательно истомленный.

Неизвѣстно, сколько времени стоялъ такъ онъ. Расчерченный прямой рѣшеткой переплета квадратъ окна сталъ темнѣе. Сумракъ почти заполнилъ крохотную комнату, чернѣлъ въ углахъ, клубился подъ низкимъ потолкомъ и рождалъ неясное представление о какой-то смутной жизни, неизвѣстной человѣку. Боль какъ будто уменьшилась, но страшное равнодушіе охватило все существо Званцова. Онъ не хотѣлъ двигаться, не хотѣлъ даже сѣсть, хотя стоять было трудно и больно, не хотѣлъ думать. Стоило сдѣлать еще нѣсколько усилій, выйти отсюда, пройти паркъ, и тогда Шарафъ сдѣлалъ бы перевязку, напоилъ бы чѣмъ-нибудь, въ полкъ послали бы за докторомъ, и, самое глав-

ное, можно было бы лечь и ни о чемъ не думать. Но Званцовъ стоялъ, не шевелясь, крѣпко упершись въ полъ широко разставленными ногами и тяжело опираясь на стѣнку спиной. И, случайно пошевеливъ пальцами правой руки, онъ понялъ, что еще держитъ револьверъ. Онъ падалъ на пути безъ памяти, спалъ, спотыкался, лежалъ въ обморокъ, но рука бессознательно продолжала сжимать револьверъ. Это ему показалось смѣшнымъ, и онъ разсмѣялся ненужнымъ, слабымъ смѣхомъ.

Ночь шла. Окно совсѣмъ потемнѣло, а въ комнату вошелъ черный, равнодушный мракъ. Сколько времени прошло послѣ того, какъ онъ вошелъ сюда? Нѣсколько часовъ или одинъ часъ? Ему было все равно.

Вдругъ снаружи стукнула дверь, и послышался свистящій шорохъ платья. Съ тѣмъ же равнодушіемъ онъ догадался, кто идетъ. И не двинулся.

Она показала въ дверяхъ смутнымъ бѣлымъ пятномъ. И тотчасъ же остановилась, почувствовавъ присутствіе человѣка.

— Кто здѣсь? — несмѣло спросила она по-польски, потомъ по-русски: — Кто стоитъ тутъ?

Званцовъ превозмогъ унылое равнодушіе, окутывавшее его душу, и хрипло отъ долгаго молчанія отвѣтилъ:

— Это я... Званцовъ.

Она молча стояла въ дверяхъ.

Потомъ, послѣ долгаго времени, неуверенно спросила почти шопотомъ:

— Вы... одинъ?

Онъ молчалъ. И, чуть двинувшись, бросилъ:

— Да, одинъ... Я раненъ. Тремя пулями... — И, хотя она не могла видѣть его движеній, показалъ концомъ револьвера, который продолжалъ еще держать въ здоровой рукѣ, — здѣсь, здѣсь и здѣсь.

„На войнѣ“.

Иллюстрація къ разсказу В. Муйзгеля.

Она молча стояла въ дверяхъ...
(Глава XII, стр. 811).

Опять молчаніе охватило ихъ, и было оно тяжелымъ, какъ будто заполняющимъ маленькую комнату выстроенной для забавы бесѣдки, душнымъ облакомъ.

— Значить... — такъ же шопотомъ уронила она и не договорила.

Онъ встрепенулся и хрипло отхаркнулся:

— Х-х-х-а-а. Да, кончено!..

— Гдѣ?

— Тамъ, въ лѣсу... Х-ха-а... — ему было трудно дышать, — тропинка и поляна... Три дерева посреди.

И, припомнивая что-то, что было недавно, объясняя и какъ бы приглашая покориться неизбежному, бросилъ одно слово—великое, скорбное и такое тяжелое, какъ будто въ немъ соединилась вся тяжесть земли:

— Война!

И замолчалъ такъ же тяжело и скорбно.

Онъ не видѣлъ, а угадалъ, что она прислонилась къ обилку двери. И эта нѣмая молчаливая скорбь подсказала ему нѣчто: по онъ не спросилъ, потому что она уже поняла, что могъ онъ спросить, и тоскливо, почти съ рыданіемъ и странно пѣвуче сказала четыре слова:

— Онъ былъ мой мужъ...

Званцовъ склонилъ голову, и ему показалось, что весь черный мракъ, заполнившій тѣсную, душную комнату бесѣдки, сталъ

вдругъ твердымъ, страшно тяжелымъ, какъ будто выѣченнымъ изъ плотнаго чернаго камня, и налетѣ на его плечи.

Онъ открылъ ротъ, хотѣлъ вздохнуть, и не было воздуха. Горло пересохло, жаръ стучалъ въ виски, и дышать было нечѣмъ. Онъ двинулся, шатнулся, чуть не упавъ, но справился и, качаясь, вышелъ изъ бесѣдки. Въ дверяхъ онъ шатнулся въ ея сторону, на мгновеніе остро и ужасно почувствовалъ запахъ волосъ, какихъ-то выдохшихся давнихъ духовъ, платья, и прошелъ, дѣлая усилія удержаться на ногахъ.

Какъ онъ дошелъ до дома, онъ уже почти не помнилъ. Казалось ему, что кто-то бѣлый, безконечно одинокій, такой же осиротѣлый, забытый всѣми и страдающій, какъ онъ, и потому такой понятный, поддерживалъ его за плечи, ждалъ, когда онъ останавливался, и опять помогалъ идти, потомъ вдругъ нестерпимо яркій желтый свѣтъ лампы ударилъ въ глаза, и испуганное, тревожное лицо денщика Шарафа Удинова близко наклонилось, и чьи-то грубые, сильные руки подхватили его. Потомъ наступила тьма, черная, клубящаяся, живая и таинственная, и въ ней, какъ красное зарево огромнаго, охватившаго полмира, пожара была одна безконечно скорбная, великая и страдающая мысль:

„Война“...

И уже въ бреду, съ холоднымъ компрессомъ на головѣ, стонущій отъ боли въ перевязанныхъ ранахъ, онъ все время метался и повторялъ вполоть до пріѣзда полковаго врача:

— Война, война... Это война!

Куцый.

Этюдъ Бориса Курскаго.

Подпрапорщику Я. П. Рѣдкольсу — въ память о „сидѣнн“.

Всю недѣлю по ночамъ шелъ дождь, а утромъ были такіе туманы, что за шагъ отъ себя ничего и никого не было видно.

Лежали въ траншеяхъ, мокли отъ сырости, которая проникала назойливо подъ шинель, подъ гимнастерку и даже подъ самую кожу, и отъ этого ломило кости, и тяжелѣла голова.

Утѣшало только одно: тамъ, по ту сторону дороги тоже лежатъ, тоже мокнутъ отъ сырости неприятельскіе солдаты, и у нихъ также тяжелѣютъ головы, и ломитъ кости.

Впрочемъ, все это было бы пустякъ, но, что дѣйствительно угнетало, такъ это полное бездѣйствіе: дороги до того размокли, что не было никакой возможности подвезти артиллерию на позицію какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Занимались охотой: чуть покажется гдѣ-нибудь, едва замѣтно, неприятельская голова, начинается стрѣльба—кто первый спибетъ.

Но и это надоѣло, да и головы высывались изъ траншей все рѣже и рѣже.

Солдаты,—на что народъ не нервный,—начали нервничать и ныть: нужно было во что бы то ни стало поднять настроеніе, ибо уныніе, тоска и нервы—плохие военные союзники.

Вотъ тогда-то и произошелъ случай, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Былъ въ седьмой ротѣ К—го полка ротный пѣсь. Такъ себѣ, какой-то заблудящій. Дохлый, тощій—въ чемъ только душа держится,—а уменъ до чрезвычайности.

Присталъ онъ къ подпрапорщику Голикову во время еще мирныхъ маневровъ, да такъ присталъ, что, сколько его потомъ ни отгоняли, ни за что не отойдетъ. Бываетъ такая бессознательная привязанность у животныхъ, и часто они, впрочемъ, какъ порою и люди, больше любятъ не того, кто ихъ ласкаетъ, а того, кто ихъ бьетъ.

Такъ вотъ и Куцый. Подпрапорщикъ Голиковъ былъ вообще весьма тяжелъ на руку: не мало отъ него молодые солдаты слезъ спервоначала, какъ на службу попадутъ, проливали, и очень его въ ротѣ не любили.

А вотъ Куцый, которому попадало во сто разъ больше, чѣмъ любому изъ новобранцевъ, не только не любилъ, а просто не могъ существовать безъ подпрапорщика.

Какъ-то подпрапорщикъ заболѣлъ и дня четыре въ роту не приходилъ.

Куцый вылъ всѣ четыре дня напролетъ и, сколько „порцій“ ни набросали ему сердобольные солдаты, ни къ одной не прикоснулся, пока не увидѣлъ, что появился на правомъ флангѣ перваго взвода „его“ подпрапорщикъ.

Тогда онъ ожилъ. Визжалъ и прыгалъ, будто бѣшенный, и даже самого подпрапорщика умилилъ.

По крайней мѣрѣ, тотъ не выругалъ его и не пнулъ, какъ то водилось „по положенію“, а грубымъ своимъ голосомъ сказалъ:

— Чего прыгаешь?.. Собачья твоя башка...

Я какъ-то однажды спрашивалъ Голикова, чѣмъ онъ объясняетъ такую къ себѣ со стороны Куцаго привязанность.

— А, ей-Богу, не знаю... и самъ понять не могу... Вѣдь и кормить я его не кормлю и ласкать не ласкаю... а еще то дивно, что никто меня вообще никогда въ жизни не любилъ, а Куцый любить... Собака глупая, что ли?!

Солдаты строили всякія предположенія, вполоть до того, что „господинъ подпрапорщикъ слово такое знаютъ, чтобы собаку,

скажемъ, примануть“, но, такъ какъ отвѣтить на то, насколько веръ эти предположенія основательны, могъ только Куцый, то вопрое съ такъ и остался не разрѣшеннымъ до самаго конца—увъ!—трагическаго.

Когда начались у насъ сборы къ выстуленію въ походъ, Куцый забезпокоился.

Правда, за три года онъ привыкъ къ ежегоднымъ перемѣщеніямъ изъ зимнихъ квартиръ въ палатки, привыкъ и къ тому, что въ это время была страшная суматоха, и били его гораздо больше, чѣмъ обычно, но въ этотъ разъ все было какъ-то не такъ.

Во-первыхъ, исчезли, затерялись въ массѣ запасныхъ знакомые ему солдаты—явленіе совершенно новое, а во-вторыхъ, около лагера, откуда выступали, образовалась цѣлый поселокъ изъ провожающихъ стариковъ, бабъ и ребятъ, и вся эта разношерстная толпа наполнила лагери шумомъ, крикомъ и причитаніями.

И занятія были какія-то странныя: обычно ходили себѣ солдаты колонной: разъ-два, разъ-два, а Куцый бѣжитъ да хвостомъ повиливаетъ около „своего“ взвода, а тутъ бѣгаютъ по полю по одиночкѣ, и не знаешь, къ кому пристать...

Вообще вещи творились необычныя и довольно неприятныя для Куцаго, который даже забылъ, напримѣръ, время, опредѣленное для обѣда.

И Куцый заскучалъ. Легъ около палатки подпрапорщика и началъ выть.

Здѣсь произошла самая удивительная исторія въ его собачьей жизни: вышелъ на его вой изъ палатки подпрапорщикъ, сѣлъ возлѣ на землю и... началъ его, Куцаго, по головѣ гладить, ласково приговаривая:

— Чтѣ, Куцый!.. Не охота въ походъ-то?.. Боньшя, дуракъ?..

А около подпрапорщика сидѣла какая-то женщина и что-то говорила ему совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимыъ говорили съ нимъ солдаты...

Попробовалъ, хотя и не смѣло, Куцый лизнуть щеку у подпрапорщика, но сейчасъ же раскаялся: на щеку была какая-то странная влага препротивнаго вкуса... И, главное, сколько Куцый ни лизалъ ему щеку, влага ничуть не убавлялась.

Потомъ подпрапорщикъ всталъ и пошелъ вмѣстѣ съ женщиной на переднюю линейку.

Ну, натурально, и Куцый поплелся около, и, когда женщина уходила уже совсѣмъ изъ лагера, она тоже его погладила и сказала:

— Хоть и противный ты пѣсь, а ласковый...

Куцый не зналъ, какъ ему на это комплиментъ реагировать, но изъ вѣжливости хвостомъ вылизнулъ.

Само собою разумѣется, что Куцый не могъ не принять участія въ походѣ и, хотя и противно было ѣхать шесть сутокъ въ тряскомъ вагонѣ, хотя и тошнило его отчаянно, а желудокъ не принималъ ни кашки ни „порціи“, очутился все же и онъ на передовыхъ позиціяхъ.

То, что происходило здѣсь, Куцаго уже и вовсе поразило.

Мимо его ушей то и дѣло летали, повизгивая и пугая, какіе-то странныя пшучки, и въ то же самое время около падали, будто поскользнувшись, солдаты не только его роты, но даже и его взвода.

Къ одному, другому изъ такихъ поскользнувшихся онъ подходилъ и внимательно ихъ обнюхивалъ, но они не вставали, и онъ, недоумѣвая, отбѣгалъ къ своему подпрапорщику, который теперь

совершенно изменился и не только не гнать его от себя, а, наоборот, всегда поглядывать, да еще скажет что-нибудь ласковое, от чего Купому захочется козлом прыгать...

Но нельзя же все время прыгать, а когда захочется Купому соснуть малость, наступать нѣчто до-нельзя противное, а порою буквально невыносимое.

Только онъ ляжетъ, прикурнетъ, какъ ударяетъ какой-то такой страшный ударъ грома, что никакъ нельзя отнестись спокойно и не вскочить. Вскочить... ничего какъ будто нѣтъ, а кругомъ шумъ и крики поднялись... Ляжетъ, и опять такая же исторія.

Иногда даже зло возметь: неужели же такъ никогда и не кончится этотъ надоедливый громъ?

Несчастный Куцый, понятно, не понимаетъ, что съ нимъ обычная на войнѣ вещь: всѣ шумы дня ночью сливаются въ мозгу въ нѣчто единое, и получается, особенно сначала, впечатлѣніе страшныхъ громовыхъ ударовъ.

Въ концѣ концовъ и люди къ этому привыкають, и Куцый привыкъ.

Когда начался дождь и лежанье въ полномъ бездѣйствіи въ окопахъ, Куцый почувствовалъ себя совсемъ недурно.

Къ дождямъ и непогодѣ онъ привыкъ, такъ какъ и вообще-то за свою жизнь не зналъ никакихъ специальныхъ конуръ и тому подобнаго комфорта, какимъ располагають собаки, имѣющія не только определеннаго хозяина, но и определенный дворъ, такъ что его эти дожди ничуть не волновали.

Иногда, когда ужъ очень холодно и мерзко станеть, онъ забьется гдѣ-нибудь подъ патронную двуколку или подъ кухню и спитъ.

Во снѣ видитъ все только пріятное: подпрапорщика Голикова и рыжую собаку штабсъ-капитана Смирнова—Лэди.

Но, какъ песь наблюдательный, не могъ Куцый не замѣчать, что прочіе, не изъ собачьяго рода, чувствуютъ себя скверно, и это его очень огорчало.

Въ тотъ день, о которомъ я рассказываю, Куцый былъ выведенъ изъ состоянія покоя тѣмъ, что подпрапорщикъ Голяковъ позвалъ его и что-то долго ему говорилъ, а потомъ привязалъ на шею какую-то бѣлую бумажку и далъ понюхать чью-то фуражку съ запахомъ, рѣзко отличавшимся отъ обычнаго солдатскаго запаха.

Куцый ничего не понималъ и хотѣлъ-было лечь около ногъ подпрапорщика, но тотъ на сей разъ вспомнилъ старинку и пнулъ его ногой подъ животъ.

Тогда Куцый побѣжалъ, выбѣжалъ за линію окоповъ и потянулъ носомъ воздухъ...

Ему сразу стало все ясно, и, поджавъ остатки своего хвоста, онъ во весь опоръ кинулся туда, давстрѣчу этому запаху...

Когда Куцый добѣжалъ до неприятельскихъ окоповъ, то долго не зпалъ, къ кому ему подойти: до того много здѣсь было солдатъ съ запахомъ фуражки.

Наконецъ выбрать какого-то бѣлесоватаго, невысокаго, съ

голубыми глазами, и, виляя хвостомъ, почти на животъ подползъ къ нему.

Тотъ долго недоумѣвалъ, но записка—ужъ подпрапорщикъ знаетъ, какъ сдѣлать!—была повѣшена такъ, что не замѣтить было нельзя и вскорѣ около бѣлесоватаго солдата и Куцаго собралась цѣлая толпа.

А написано было въ запискѣ вотъ что:

„Ежели вы, подлые, не пойдете въ атаку, то мы сами пойдѣмъ и васъ переколемъ, какъ вамъ, подлецамъ, и слѣдуетъ... а гнить изъ-за васъ мы не будемъ и мидали разводить съ вами не желаемъ!..“

Было и еще написано, да про то рассказывать не стоить: посидите недѣлю въ гнили да пакости мокрой—сами еще не такъ напишете!

Черезъ нѣсколько минутъ Куцому привязали опять бумагу на шею и пустили его во-своея.

Что было въ этой бумагѣ, мы не знаемъ, но только къ вечеру по рядамъ окоповъ начало передаваться шепотомъ какое-то приказаніе, а затѣмъ подпрапорщикъ Голяковъ обошелъ весь окопъ своей роты и проверилъ патроны...

Потомъ начался адъ... Куцый и раньше видѣлъ, какъ дерутся люди, но такой драки еще не видалъ.

Кричали „ура“, хватили другъ друга за горло, кусали зубами, били кулаками, колотили...

Куцый вертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ, въ этой кашѣ дерущихся, лаялъ и, самъ не зная почему, кусалъ тѣхъ, отъ которыхъ былъ запахъ фуражки, запахъ бѣлесоватаго солдата съ голубыми глазами...

И вдругъ... Куцый забылъ все, забылъ даже рыжую собаку штабсъ-капитана Смирнова, когда увидѣлъ, что трое какихъ-то людей наѣхали на его подпрапорщика.

Съ дикимъ воемъ онъ не побѣжалъ, а ринулся на этихъ людей и впился прямо въ икру крайняго, рванулъ ее и вырвалъ кусокъ мяса. Потомъ вцѣпился въ другого и... почувствовалъ, что въ тѣло его вошло что-то твердое, тяжелое...

Онъ завизжалъ, но зубовъ не разжималъ...

Истекая кровью, онъ замѣтилъ, что къ его подпрапорщику подбѣжало уже нѣсколько человекъ нашихъ, своихъ солдатъ съ знакомымъ, роднымъ запахомъ кислыхъ щей, каши и прочихъ вкусныхъ вещей.

Потомъ вспомнился ему отчего-то большой черный песь, котораго онъ когда-то рвалъ тамъ, у себя, въ лагерь...

А потомъ все исчезло, завертѣлось...

Послѣ боя, когда стали подбирать раненыхъ и убитыхъ, нашелъ подпрапорщикъ и Куцаго.

Если бы Куцый могъ еще чувствовать, онъ почувствовалъ бы на своей мордѣ какъ разъ ту соленую влагу, которую когда-то слизнулъ со щекъ подпрапорщика, и услышалъ бы хорошо, ласково произнесенное:

— Спасибо тебѣ, Куцый...

Но онъ не чувствовать и не слышать...

Принцъ Уэльскій Эдуардъ-Альбертъ, наслѣдникъ англійскаго престола, на фронтѣ. Его Королевскому Высочеству исполнилось 22 года.

Мое посѣщеніе англійскаго фронта.

Очеркъ американскаго журналиста Александра Поуэля, корреспондента датской газеты „Politiken“.

Переводъ М. П. Благовѣщенской.

По большой дорогѣ недалеко отъ того города въ сѣверной Франціи, гдѣ стоитъ англійская главная квартира, бѣжалъ юноша. Онъ былъ средняго роста, бѣлокурый, худощавый и довольно красивый. Голова у него была непокрыта, онъ былъ въ вязаной фуфайкѣ и короткихъ бѣлыхъ штанахъ, оставляющихъ колѣни голыми,—такихъ, какіе носятъ спортсмены. Да и держалъ онъ себя, какъ настоящій молодой спортсменъ, и никто не обратилъ бы на него вниманія, если бы дѣло проихъ дило

въ Англій, и если бы въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ не находился фронтъ. Всякаго, кто, какъ я, ѣхалъ бы по этой дорогѣ въ большомъ сѣромъ автомобилѣ въ сопровожденіи французскаго штабнаго офицера, чуть не на каждомъ шагу останавливали бы часовые, которые съ направленными на путешественника дулами ружей требовали бы его бумагъ для просмотра. Но отъ бѣжавшаго по дорогѣ юноши никто ничего не требовалъ. При видѣ его солдаты становились во фронтъ и отдавали честь

ружьем. Благодаря этому странному обстоятельству мы стали внимательнее присматриваться къ молодому человѣку и наконецъ открыли по сходству его лица съ портретами во всевозможныхъ иллюстрированныхъ журналахъ, что это не кто иной, какъ его высочество принцъ Уэльскій, который послѣ короля Георга взойдетъ на англійскій престолъ подъ именемъ Эдуарда VIII. Оказалось, что принцъ тренируетъ себя въ это раннее утро. Разумѣется, молодому человѣку вовсе не доставляла удовольствія такая прогулка передъ завтракомъ, но видно было, что онъ имѣетъ опредѣленную цѣль: онъ закаливаетъ себя, чтобы быть способнымъ вынести пребываніе на фронтѣ. И вдругъ намъ въ одну секунду стало ясно, что этотъ молодой человѣкъ является воплощеніемъ духа, господствующаго на англійскомъ фронтѣ. Каждому англійскому солдату во Франціи ясно, что онъ принимаетъ участіе въ борьбѣ, равной которой не видала еще исторія, — въ борьбѣ, въ которой онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ великолѣпно вооруженнымъ, жестокимъ и кровожаднымъ непріателемъ, и что онъ долженъ методично и систематически приготовиться къ рѣшительной битвѣ.

Англійскій солдатъ пональ мало-по-малу весь ужасъ и серьезное значеніе настоящаго момента. Онъ не поетъ уже больше

которыя легко можно передвигать въ случаѣ надобности. Съ наступленіемъ темноты всѣ экипажи должны передвигаться безъ фонарей, благодаря чему часто большіе омнибусы падаютъ въ канавы. Для такихъ случаевъ приспособлены большіе передвижные краны, которые въ нѣсколько минутъ ставятъ на мѣсто самыя большіе омнибусы. На каждомъ домѣ прибита доска съ точнымъ обозначеніемъ количества человѣкъ, живущихъ въ этомъ домѣ. Затѣмъ повсюду прикрѣплены доски съ указаніемъ, гдѣ можно получить кормъ для лошадей и бензинъ для автомобилей. Въ каждой деревнѣ всегда наготовѣ военный переводчикъ, помогающій при сношеніяхъ военныхъ съ мѣстнымъ населеніемъ и устраняющій недоразумѣнія, могущія возникнуть между различными народностями — англичанами, французами, туркосами, или индусами.

При главной англійской квартирѣ въ Сентъ-Омерѣ устроена офицерская школа. Послѣ войны офицерскія должности будутъ занимать не исключительно только аристократы, какъ это было до сихъ поръ. Уже теперь простые солдаты проходятъ всю „лѣтнюю“ чинувъ. Такъ, напримѣръ, занимающій въ настоящее время постъ начальника главнаго штаба былъ когда-то простымъ солдатомъ.

На англійскомъ фронтѣ.

Водопой для лошадей.

„Типперри“, не говоритъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать, когда войдетъ въ Берлинъ. Онъ знаетъ, что ему приходится сражаться съ врагомъ, который не стѣсняется ничѣмъ. Наученный горькимъ опытомъ, англійскій солдатъ подбиваетъ свои сапоги гвоздями, а на руки надѣваетъ кастеты и вообще въ будущемъ готовится пускаться на всякія ухищренія.

Не слѣдуетъ забывать, что англійская армія создавалась во время войны, тогда какъ германская подготавливалась въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. И то, чего англичане достигли за этотъ короткий промежутокъ времени, является чудомъ. Лордъ Китченеръ вошелъ въ военное министерство, когда тамъ хозяйничали адвокаты и политическіе дѣятели. Онъ не только долженъ былъ все перемѣнить, но онъ создалъ новую армію изъ добровольцевъ. Послѣ шестимѣсячнаго обученія новая армія была переправлена черезъ каналъ. И тутъ англійское адмиралтейство проявило такую распорядительность и предусмотрительность, что не погибла ни одна жизнь отъ германскихъ минъ или подводныхъ лодокъ. Въ ноябрѣ 1915 года во Франціи стояла подъ ружьемъ англійская армія въ миллионъ человѣкъ.

Правда, машина, которую такъ наскоро собрали англичане, иногда еще скрипитъ тамъ и сямъ, но мало-по-малу англійскій фронтъ превращается въ самое оживленное, полное кипучей дѣятельности мѣсто на свѣтѣ. Оно напоминаетъ мѣстность, по которой прорывали Панамскій каналъ, въ разгаръ самой интенсивной работы. По всѣмъ дорогамъ снуютъ лондонскіе омнибусы: словно громадные сѣрые слоны, они плавно двигаются по направлению къ окопамъ. Теперь ихъ наполняютъ не блѣдые конторщики, а загорѣлые солдаты, одѣтые въ хаки. Передвиженіе нищевыхъ продуктовъ съ берега на фронтъ происходитъ при посредствѣ автомобилей, тогда какъ желѣзная дорога перевозитъ людей и снаряды. Съ фронта двигаются санитарные автомобили, наполненные ранеными. Всѣ дороги содержатся въ образцовомъ порядкѣ при помощи аппаратовъ для поливки, паровыхъ утробовокъ и мельницъ для щебня. Безпрерывно проводятся новыя дороги. Когда окончится война, то въ сѣверной Франціи будетъ столько же дорогъ, сколько было и раньше. Почти на всѣхъ перекресткахъ устроены походныя кузницы и мастерскія для починки автомобилей. Существуютъ также кузницы на колесахъ,

Практическій смыслъ, присущій англичанамъ, не измѣнилъ имъ, конечно, и на фронтѣ. Каждое утро всѣмъ начальствующимъ офицерамъ разсылается печатная вѣдомость, издаваемая развѣдочной организаціей, съ тѣми свѣдѣніями, которыя возможно было добыть за послѣдніе 24 часа относительно передвиженія германскихъ войскъ, новыхъ линій ихъ окоповъ, измѣненія въ позиціи ихъ батарей, состоянія дорогъ за линіей непріятеля, наводненій и т. п. Для примѣра я привожу дословно одинъ изъ параграфовъ въ такой вѣдомости:

„Пять часовъ утра. Завтра рано утромъ прусская гвардія, стоящая... къ югу отъ Ипра, будетъ смѣнена 47-мъ баварскимъ ландштурмомъ“.

Свѣдѣнія поступаютъ по всѣмъ частямъ, отъ летчиковъ, совершающихъ рекогносцировочныя полеты надъ линіями непріятеля, отъ специальныхъ шпионовъ, а главнымъ образомъ отъ французскаго населенія, оставшагося въ мѣстностяхъ, оккупированныхъ германцами. Изъ французовъ есть много смѣльчаковъ, которые самымъ хитрымъ способомъ входятъ въ сношенія съ англійской развѣдочной организаціей, за что нѣкоторые изъ нихъ платятся жизнью.

Большіе лагеря англичанъ въ Калѣ, Гаврѣ, Булони и Руанѣ представляютъ собою нѣчто идеальное въ смыслѣ организаціи и чистоты. Устроены цѣлые города съ переносными домами, телефонами и асфальтовыми улицами, электрическимъ освѣщеніемъ. Все это перенесено изъ Англіи, и среди береговъхъ дюнъ и скалъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, выросли цѣлые города. Въ нихъ устроены также госпитали, склады и почтовые конторы. Почтовое вѣдомство работаетъ съ такой точностью, что мать, опустившая письмо въ почтовый ящикъ въ Англіи, можетъ быть увѣрена въ томъ, что ея сынъ получитъ его на передовыхъ позиціяхъ ровно черезъ 48 часовъ.

Каждое пятое письмо, отсылаемое съ фронта, просматривается военной цензурой. Исключеніе дѣлается только для особыхъ, очень цѣнныхъ всѣмъ, зеленыхъ конвертовъ, которые раздаются лицамъ, заслуживающимъ особаго довѣрія, въ видѣ исключительной любезности. Если письмо запечатано въ такомъ конвертѣ, то можно быть болѣе или менѣе увѣреннымъ, что оно не будетъ вскрыто.

Посылки также отправляются с величайшей аккуратностью. В Англии тысячами получают германские каски в виде сувениров. Знаю я также, что одна аристократка в Девоншир послала в пятницу своему сыну на фронт свѣжей спаржи с собственного огорода. В воскресенье, т. е. через день, ее сын пригласил на обѣд товарищей и угощал их этой спаржей.

Слова Наполеона, что „войско марширует на своем животѣ“, имѣют и теперь такое же значение, какое имѣли сто лѣтъ тому назадъ. Та часть армii, которая называется „Army Service Corps“, заботится о томъ, чтобы животъ Томми Аткинса никогда не былъ пустъ. В этомъ отношении Томми Аткинсъ самый счастливый изъ всѣхъ его товарищей по оружию въ союзныхъ войскахъ. Компоты, мармеладъ и пудинги, вообще сладкую пищу, укрепляющую мускулы, онъ получаетъ въ большомъ количествѣ. Продажа спиртныхъ напитковъ строго воспрещена въ военномъ районѣ; но солдаты, бывшие на караулѣ ночью въ окопахъ, получаютъ утромъ порцію рома. Не надо забывать, что солдатамъ часто приходится проводить ночь въ окопахъ, стоя по колѣна въ водѣ и грязи, и порция рома дается имъ по предписанiю врача.

Английскимъ солдатамъ строго воспрещается пить сырую воду. За каждымъ полкомъ слѣдуютъ двѣ подводы, снабженныя усовершенствованными фильтрами. Дизентерiя—обычный бичъ и худшій врагъ войска—а также тифъ совершенно отсутствуютъ въ английской армii. Ко второй радикальной санитарной мѣрѣ слѣдуетъ отнести громадные количества карболовой кислоты и извести, которыми обливаютъ по ночамъ тѣла убитыхъ, оставшихся между окопами.

Въ этой войнѣ кавалерiя не имѣетъ уже больше такого значенiя, какое она имѣла раньше. Снаряды отправляются на фронтъ на автомобиляхъ, полевые лазареты тоже пользуются

На западномъ фронтѣ.

Водопойныя колоды для кавалерiи на походѣ.

автомобилями, летчики исполняютъ обязанности развѣдчиковъ. Тѣмъ не менѣе лошадь необходима въ армii. Безъ лошадей невозможно было бы передвигать пушки по полямъ, ибо не изобрѣтены еще такой автомобиль, который могъ бы передвигаться по неровной и взрыленной почвѣ. Доставать лошадей въ необходимомъ количествѣ очень трудно, потому что ихъ приходится постоянно замѣнять новыми. Лошадь выдерживаетъ на фронтѣ всего дней 10 — 16. И впервые въ исторii войны съ лошадьми обходятся почти такъ же бережно, какъ съ людьми. Жива и неопровержима старая истина: „Изъ-за нехватки гвоздя свалилась подкова, изъ-за нехватки подковы убили лошадь, изъ-за нехватки лошади взяли въ плѣнь всадника, изъ-за нехватки всадниковъ было проиграно сраженiе“.

Королевскiй англiйскiй отрядъ ветеринаровъ заботится о томъ, чтобы ни одно сраженiе не было проиграно изъ-за недостатка лошадей или подковъ.

Ветеринарный отрядъ доходитъ въ настоящее время численностью до 700 офицеровъ и 8.000 нижнихъ чиновъ, и сдѣланной задачей этого отряда является забота о лошадяхъ. Въ теченiе первыхъ мѣсяцевъ войны подъ наблюдениемъ этихъ ветеринаровъ находилось 81.000 лошадей, изъ которыхъ 47.000 были совершенно излѣчены и снова отправлены на фронтъ. Вдоль всего фронта устроены особые лазареты для лошадей. Имъ непосредственно завѣдуютъ герцогъ Портландскiй и графъ Лонсдэлъ, — оба они лучшiе во всей Англии знатоки коннозаводства.

Какъ видно, германцы не взяли монополию на систематичность въ веденiи большого дѣла. Практическiй смыслъ англiчанъ въ этой войнѣ, какъ и часто раньше, восторжествовалъ и рано или поздно рѣшить войну въ свою пользу.

На англiйскомъ фронтѣ.

Резервуары съ питьевой водой.

„Пламенеющее сердце“.

О Горькомъ.

Статья Вячеслава Полонского *).

...И смотрѣлъ на нее и думать... думалъ о великомъ горюющемъ сердцѣ Данко и о человѣческой фантазіи, создавшей столько красивыхъ и сильныхъ легендъ о старинѣ, въ которой были герои и подвиги, и о печальномъ времени, бывшемъ сильными людьми и крупными событиями, богатомъ холоднымъ недоверьемъ, смѣявшемся надо всѣмъ жалкомъ времени мизерныхъ людей съ мертворожденными сердцами...“

М. Горькій. „Старуха Пегривль“.

I.

Настоящая статья—ея характеристика творчества Максима Горькаго. Время для такой характеристики, пожалуй, еще не настало. Въ ней нѣтъ также анализа мотивовъ, составившихъ живую ткань его произведеній, для такого анализа тѣсны предѣлы журнальной статьи. Въ строкахъ, печатаемыхъ ниже, авторъ пытался подойти къ пониманію психологіи художника. Онъ ставитъ себѣ узкую задачу опредѣлить въ его творествѣ то главное, центральное, что принято называть павосомъ творческой души. Нѣтъ и не можетъ быть творчества изъ ничего. Должна быть чѣмъ-то пѣтнѣе: нѣчто должно зажечь ее, ибо подлиннымъ горѣніемъ является творчество, и не сможетъ оно никого воспламенить, если само не пламенѣетъ. А Горькій—горящій, свѣтлый, свѣтящійся, одинъ изъ тѣхъ немногихъ,—это можно сказать съ полной увѣренностью,—кому судьба судила быть свѣточемъ своего времени. Не даромъ всесвѣтная слава окружила имя его ореоломъ исключительной популярности, и для многихъ звучитъ оно, какъ символъ немеркнувшей красоты человѣческаго духа.

II.

Когда я мысленно обзрѣваю все, что написано этимъ художникомъ, и собираю воедино впечатлѣнія, оставленные его книгами, въ сознаніи моемъ возникаетъ солнце, яркое, горячее, лѣтнее. Нѣжнымъ тепломъ своимъ и свѣтомъ заливаєтъ оно милую землю, увитую буйной зеленью, пестренную серебряными лентами рѣкъ, покрытую темными пятнами кудрявыхъ лѣсовъ. Природа! Космосъ!—какими радостными красками изобразилъ все это Горькій. Раскройте наудачу любую изъ книгъ его,—раннего ли періода творчества или послѣднихъ лѣтъ,—съ какимъ неослабвающимъ и неизмѣннымъ восторгомъ зарисовываетъ онъ столь любимое имъ небо, море, горы и рѣку съ тихимъ плескомъ о берега. И когда встаютъ передъ глазами эти „съ размаха“, широкой кистью схваченныя картины, когда слышишь шумную говорливость волнъ и веселое дыханіе вѣтра, то начинаешь ощущать природу, какъ вѣчный праздникъ, непрестанное какое-то веселье, безмятежный ширъ юности. Горькому безъ труда удается живописью своей возбудить въ читателѣ восхищеніе передъ красотой природы. Но этого ему мало; не довѣряя какъ будто изобразительной силѣ своей кисти, словно боясь, что читатель ему не повѣритъ, не раздѣлитъ съ нимъ его восторга,—нерѣдко бросаетъ онъ кисть въ сторону и отъ полноты души начинаетъ увѣрять, какъ все вокругъ прекрасно, чудесно, великолепно! „Темно-зеленое море билось о скалы внизу, подъ ними; голубое небо торжественно молчало вверху, а вокругъ насъ тихо шумѣли ароматическіе кустарники и деревья“,—рассказываетъ онъ и, обрывая краснорѣчивое описаніе, ударяется въ лирику, ибо не можетъ сдержать бурного волненія своего: „Упоенный торжественной красотой ночи, я какъ бы таялъ въ дивной гармоніи красокъ, звуковъ и запаховъ, пулливое чувство близости къ чему-то великому наполняло душу, и сердце трепетно замирало отъ наслажденія жизнью“.

Такія лирическія отступленія происходятъ у Горькаго чуть ли не на каждой страницѣ. Это вѣчный аккомпанементъ его описаній. Онъ рисуетъ въ восторгается, не только изображаетъ, но еще и славитъ изображенное; хочетъ не только показать красоту міра, но еще и любить о томъ, какъ колотится его сердце отъ счастья жить, вдыхать воздухъ полной грудью, любоваться. Онъ хотѣлъ бы все человечество заразить этой своей радостью, вдохнуть ему свою любовь къ космосу. Способность смотрѣть на природу подвѣтн ясными глазами—этимъ рѣдкимъ даромъ одаренъ едва ли не онъ одинъ во всей современной литературѣ нашей, измученной, истерзанной сомнѣніями, отравленной ядомъ отрицающаго міръ пессимизма.

И, о чемъ бы Горькій ни говорилъ, какъ бы тяжки ни были картины, развертываемыя имъ передъ читателемъ, какъ бы ни стонало сердце отъ гнѣва и скорби,—рано или поздно наступитъ мгновеніе, когда забудетъ онъ и гнѣвъ и скорбь—и вновь и вновь ласковыми словами начнетъ славословить міръ, расписывать его ярчайшими красками. Произойдетъ на землѣ что-нибудь

* Печатаемая статья представляетъ собою нѣсколько уменьшенный докладъ, прочитанный авторомъ въ Петроградѣ 22-го октября 1916 г. на публичномъ собраніи, посвященномъ творчеству Максима Горькаго.

жестокое, что поселитъ въ душѣ тоску и отвращеніе,—онъ, какъ къ провиндлію, тянется къ красотѣ міра, къ солнцу, къ небу. Вспомните убійство „въ степи“. Съ содроганіемъ оглядывается разсказчикъ назадъ, гдѣ совершенно было злодѣйство, и отводитъ глаза, не вѣритъ, не понимаетъ, какъ могло оно произойти, когда вокругъ все дышитъ такой красотой. „Степь безмолвная и пустынная, вся залитая яркимъ солнцемъ утра, развертывалась вокругъ насъ, сливаясь на горизонтѣ съ небомъ, такимъ яснымъ, такимъ ласковымъ и щедрымъ свѣтомъ, что всякое черное и несправедливое дѣло казалось невозможнымъ среди великаго простора свободной равнины, покрытой голубымъ куполомъ небесъ“.

III.

Есть въ Горькомъ огромная сила стихійной любви къ міру. Въ пейзажахъ его живетъ нестерпимая радость бытія. Не тонки эти пейзажи, да какъ имъ быть тонкими и изящными, когда они полнокровны, тѣлесны, плотски какъ-то осязательны, словно и не пейзажи это, не произведенія искусства, а куски живого міра, какими-то чудомъ выхваченные изъ трепетно бьющейся жизни. Въ нихъ живетъ все—даже неживое; живую душу вкладываетъ онъ въ явленія, явно неодушевленные. Онъ замѣтилъ какъ-то про небо, нависшее надъ моремъ, будто оно желало „понять то, о чемъ шепчутъ неутомимыя волны“, и это не пріемъ художественнаго письма, обычный въ искусствѣ, но подлинное одушевленіе, одухотвореніе космоса. Въ книгахъ его вѣтеръ въ самомъ дѣлѣ „ласково“ гладитъ мощную грудь моря, а море „дремотно вздыхаетъ“ подъ нѣжной силой тихихъ ласкъ. Далекія горы кажутся ему „важно-задумчивыми“, онъ слышитъ „вздохи“ нѣвы, и однажды невѣстнѣйшій изъ разсказовъ своихъ „Мальва“—начать словами: „Море смѣялось!“

Его природа полна ликования. Неумолчно звенитъ въ ней радостный звонъ, точно круглый годъ длится весна и не сходитъ съ неба благодатное солнце. Если разсказываетъ онъ про плескъ волнъ, то не можетъ не добавить, что плескъ этотъ „веселый“ и шумный. Въ мірѣ ощущаетъ онъ движеніе, полное „живой радости“. „Веселая и ласковая“ музыка волнъ, „радостный“ блескъ лучей восходящаго солнца,—иныхъ эпитетовъ не сумѣлъ онъ подобрать, иныхъ цвѣтовъ не оказалось на его богатой палитрѣ, и развѣ въ пристрастіи этомъ къ краскамъ яркимъ и радостнымъ не сказывается его оптимизмъ—характернѣйшая черта его психики, самой природой вложенная въ него способность радостно воспринимать міръ? Какъ онъ эту способность сохранилъ, почему не увяла она подъ каменнымъ дождемъ пенитанцій—это явленіе поистинѣ чудесное, какъ чудесна вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка, прошедшаго сквозь боль и отчаяніе и сумѣвшаго пронести несломленной гордою волю, чистое сердце и яркую, какъ солнце, жажду жизни.

Но спѣшу оговориться: привою все сказанное, я не намѣревался писать диссертацию о чувствѣ природы у Горькаго. Это написалось лишь для того, чтобы подчеркнуть, выдѣлнить, сдѣлать близкой читателю основную черту его мироощущенія, сильнѣйшее впечатлѣніе, которое вынесъ онъ изъ знакомства съ міромъ. Впечатлѣніе это можно выразить двумя словами: „Міръ прекрасенъ!“ Оно звучитъ на всѣхъ его страницахъ, оно опредѣлило радостный колоритъ описаній природы. И на фонѣ этого впечатлѣнія разыгралась дальнѣйшая исторія его духовныхъ переживаній.

IV.

Итакъ—міръ прекрасенъ! Природа—источникъ восторженныхъ впечатлѣній. Это свое ощущеніе Горькій хочетъ внушить каждому читателю, красотѣ природы зоветъ онъ поклоняться неумолимо. Но представьте себѣ такую картину.

Лѣтній день. Прозрачное небо. Солнце. Радость, какъ всегда, пронизываетъ міръ. Усталая кляча тащитъ телѣгу, за которой идетъ, спотыкаясь, обнаженная женщина. Она привязана къ телѣгѣ веревками. Ея, вѣроятно, долго и сильно били по животу полѣномъ, потому что животъ у нея посинѣлъ и распухъ. Изуродовано ея лицо, вѣроятно, красивое и молодое. Грудь разсѣчена, и кровь яркой струей прочертила полосу вдоль тѣла. Ея преслѣдуетъ толпа, кто-то хлещетъ ее кнутомъ, въ нее бросаютъ камни, травятъ ее съ жестокостью нечеловѣческой. — Это подъ тѣмъ же самымъ солнцемъ, которое отдаетъ людямъ лучи своей радости, подъ тѣмъ же небомъ, которое говоритъ о необъятномъ величій вселенной! Какая противостественная, какая жестокая мерзость! Но вотъ другое: слабый, нищій старикъ крадетъ что-то для любимаго своего внучонка, изъ-за великой жалости къ ребѣнку, изъ-за боязни за его сиротливое будущее—и опять побой, опять жестокость человѣческая; дальше кто-то ногами, тяжелыми сапожниками, топчетъ женщину по животу, вытѣпывая ребенка: кого-то бьютъ безпощадно, безъ жалости кого-то убиваютъ, и льются рѣкой слезы и стоны. Побой и брань, ненависть и злоба, насилія надъ старыми и молодыми, надъ беззащитными женщи-

нами и нѣжными дѣтками да откуда это подъ голубымъ небомъ? Если перечислить все мерзкое и нечеловѣческое, грубое и издѣвательское, что нашель Горькій на прекрасной землѣ, пришлось бы исписать груды бумаги, и все же не удалось бы передать и малой доли отвращения, внушеннаго видѣннымъ: немощенъ человѣческой языкъ, нѣтъ въ немъ словъ такихъ яркихъ и крѣпкихъ, чтобы передать имъ тоску и ужасъ гибели человѣческой. И если оторвать вниманіе отъ этихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, подняться надъ міромъ и обозрѣть его съ высоты, охватить однимъ взоромъ— о, какая угнетающая картина представится взорамъ нашимъ! Міръ, прекрасный и величественный, является зрѣлище постыдной и злой борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Какой смыслъ его величія, если царятъ въ мірѣ не красота, не добро, не любовь, а уродство, злоба, ненависть!

V.

Таковъ второй рядъ впечатлѣній, подаренныхъ жизнью Горькому. И чѣмъ восторженнѣе чувство вызывало въ немъ созерцаніе космическаго величія, тѣмъ болѣе бурно вскипало негодованіе при видѣ отталкивающаго зрѣлища страданій и позора человека. Съ ужасомъ оглядывается онъ вокругъ. Какую пакость развелъ на землѣ человекъ! Какой ядовитой плѣсенью покрылъ онъ чудесную землю. „Хлосъ мерзости!“—восклицаетъ онъ. Изъ противопоставленія природы и человека рождается невыносимый контрастъ, подлинная трагедія, которая является, въ сущности, осяю творчества Горькаго.

Человекъ и природа—какая это захватывающая тема! Но заложено въ ней глубокое противорѣчіе. Острое несходство раздѣляетъ природу и человека. Природа—добра, человекъ—злой; природа—гармонична, человекъ—хаотиченъ; въ жизни природы властвуетъ красота, въ жизни человѣческой—безобразіе. Все въ природѣ прочно и осмысленно; въ жизни человека—случайно и непонятно. Изъ этихъ противопоставленій возникаютъ тревожныя сомнѣнія. Неужто въ самомъ дѣлѣ человекъ явился на землю для того, чтобы засорить, покрыть ее всеяческой мерзостью, оплевать со всѣхъ сторонъ и умереть, оставивъ послѣ себя темный слѣдъ? Неужто въ самомъ дѣлѣ человекъ—существо такое великолѣпное—не имѣеть болѣе высокихъ и достойныхъ задачъ? И вся исторія человѣческая, жестокая и кровавая, богатая потрясающими и величественными страницами,—не имѣеть никакого смысла, никакихъ дѣлей, которые величьемъ своимъ походили бы на величіе космоса? И, значитъ, всѣ мы, такіе страдающіе и мятущіеся, неужто обречены мы на существованіе безъ смысла и цѣли? Или, быть-можетъ, смыслъ тамъ, на небѣ? Но перенести смыслъ туда—не значить ли обесмыслить все здѣсь? А вѣдь рѣчь только о томъ и идетъ, какъ осмыслить здѣшнюю, земную, подлинную жизнь человека. Горькій—земной. Онъ знаетъ землю, любитъ землю и хочетъ земного рая человѣческаго. А вмѣсто рая—видитъ позорную долю человека, тогда какъ (это глубочайшее его убѣжденіе) человекъ на землѣ долженъ быть счастливъ и гордъ. „Недостойно себя живутъ люди“,—не устаеть повторять онъ... „Обернулъ я мысль свою о весь кругъ жизни человѣческой, какъ видѣлъ ее, встала она передо мной нескладная и разрушенная, постыдная, грязно забрызганная, въ злобѣ и немощи своей, въ крикахъ, стонахъ и жалобахъ“ („Исповѣдь“). Несоответствіе между мысленнымъ назначеніемъ человека и тѣмъ, что вокругъ, съ необычайной остротой ощущаетъ Горькій, и жизнь современнаго человечества, безъ героизма и отваги, трусливая, рабски приниженная—какое негодованіе возбуждаетъ она въ немъ. „Неужто небо и звѣзды для того, чтобы прикрыть эту жизнь, такую!“—съ горестнымъ изумленіемъ восклицаетъ онъ. Это изумленіе звучитъ на всѣхъ

его страницахъ, въ каждомъ его произведеніи. Все вниманіе его поглощено этимъ противорѣчіемъ. Мысли его неизмѣнно вращаются вокругъ печальной судьбы человека, движутся тернистыми путями его трагическаго бытія. Это въ Горькомъ неизбывное, вѣчное, и недавно, въ одной изъ позднихъ вещей своихъ, онъ замѣтилъ мимоходомъ: „Все та же дума со мною. вѣрная мнѣ, какъ собака, она никогда не отстанетъ отъ меня: развѣ для этихъ людей дана прекрасная земля?“ („Губинъ“). Временами кажется ему, что не для этихъ. Съ ненавистью наблюдаетъ онъ копошащееся вокругъ мѣсиво, имя которому—человѣческая жизнь. И не находитъ ей ни смысла ни оправданія. „Гдѣ здѣсь Божеское?—вопрошаетъ онъ въ „Исповѣди“.—Люди другъ на другѣ сидятъ, другъ у друга кровь сосутъ, всюду звѣриная свалка за кусокъ, гдѣ тутъ Божеское? Гдѣ добро, и любовь, и красота?“

Ему хочется видѣть жизнь красивой и гордой, а она показываетъ „острые углы, темныя ямы, жалкихъ, раздавленныхъ, изоглавившихся“ („Женщина“). Жизнь могла бы быть цвѣтущимъ садомъ, ее превратили въ тюрьму: онъ жаждетъ гармоніи міра, а слышитъ лишь язгъ цѣпей: онъ твердо знаетъ, что весь міръ—для человека, только для него одного,—а человечество расколосось на неравныя части: подавляющее большинство, изможденное и усталое, прозябаетъ въ голодномъ рабствѣ для того лишь, чтобы меньшая часть, праздная, утопала въ пошлости и подлости. Несправедливость эта ни на мгновение не даетъ ему покоя: онъ не можетъ ни забыть ее ни примириться съ нею, словно и въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣтилъ онъ въ своемъ „Дѣтствѣ“, „содрали кожу съ его сердца, и стало оно невыносимо чуткимъ ко всякой обидѣ и боли, своей и чужой“.

Природа подготовила матеріалъ для созданія храма, а пришелъ человекъ и на самомъ высокомъ, на самомъ прекрасномъ мѣстѣ воздвигнулъ унылое зданіе съ рѣшетками на окнахъ. Здѣсь дѣло не только въ отдѣльныхъ сторонахъ жизни, темныхъ и мерзкихъ, не въ мелкихъ ея нестроеніяхъ,—самая система жизни, строй ея прошлаго и настоящаго отвергается имъ, во имя жизни, которая была бы достойна великолѣпнаго очарованія природы. Тюрьма на мѣстѣ храма,—развѣ мало этого для негодованія?

И развѣ не на человекѣ лежитъ вина за это несоответствіе? Горькій жесткими словами клеймитъ человечество, суровость звучитъ въ его голосѣ, когда онъ обращается къ оскорбительной мысли, что человекъ, царь земли, оказался на ней рабомъ, жалкимъ и ничтожнымъ.

И такъ естественно, что подъ впечатлѣніемъ угнетающаго зрѣлища этого рождается въ душѣ писателя тотъ пессимизмъ настроеній, который столь же характеренъ для его творчества, какъ яркій, радующійся жизни оптимизмъ. Оптимизмъ духовной природы и пессимизмъ настроеній—эти два начала столкнулись и переплелись въ душѣ Горькаго. Ихъ борьба многое могла бы объяснить въ немъ, всѣ неровности его и шероховатости, срывы и подъемы.

VI.

За чечевичную похлебку безмятежной сытоети человекъ продаетъ свое первородство, человѣческое право свое на красивое и свободное существованіе. Горькій никогда не простилъ бы человеку его рабства. Но онъ знаетъ, что однимъ рабствомъ не исчерпаешь человека, ибо, кромѣ раба, живетъ въ немъ душа тоскующаго въ цѣпяхъ Прометея. И если ненависть и негодованіе обратилъ онъ противъ рабскаго въ человекѣ, то любовь свою и нѣжность, все сочувствіе свое отдалъ онъ Прометею. Всѣ почти персонажи его произведеній, тѣ, кого дѣлалъ онъ

М. Горькій.

Портретъ работы И. Е. Рѣпина.

М. Горькій

своими героями, рвутся из тисков окружающей их безлѣпцы. Его герои — олицетвореніе протеста, независимые и гордые, сильные мужеством и презрѣніемъ къ пошлымъ мелочамъ жизни. И что жъ въ этомъ непонятнаго, если въ сознаниіи его люди разделились на два стана: въ одномъ — тѣ, кто примирился, довольные собою и міромъ, косные и никуда не идущіе, и въ другомъ — вѣчные искатели, мятежники, бунтари? Къ этимъ влечется его душа, имъ отдаетъ онъ пламенное свое сочувствіе. Если есть въ его произведеніяхъ философія, — то это философія борьбы, неуклоннаго стремленія впередъ, къ далекимъ и великимъ цѣлямъ. Мягкому безволю рабскихъ душъ противопоставилъ онъ стойкую волю. Ни у одного писателя русскаго не проявился съ такой силой культъ воли, какъ у Горькаго. Горькій — поэтъ дѣйствія, апологетъ всяческой активности. Пассивность, покорность, бездѣятельность — понятія эти, на его взглядъ, равносильны духовной смерти. Человѣкъ долженъ утверждать свою волю въ мірѣ, — ибо призванъ творить жизнь, а всякое творчество утверждаетъ. Бѣда человѣка въ томъ, что онъ слишкомъ много терпѣлъ, слишкомъ легко покорялся. Человѣкъ долженъ быть борцомъ, только тогда бываетъ онъ подлиннымъ человѣкомъ. Пусть борьба эта ему не по плечу, пусть требуетъ она напряженія сверхъсильнаго — что жъ изъ этого? — нѣтъ путей къ отступленію, ибо — «кто честно смерть прінялъ въ бою, — тотъ развѣ палъ и побѣжденъ? — Палъ тотъ, кто робко грудь свою прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ». — Вѣчно неспокойный, вѣчно мятущийся, дерзкій и неустрашимый, полный жалостливаго презрѣнія къ ветхимъ кумирамъ, слабости человѣческой, Горькій принесъ съ собою духъ неукротимаго бунтарства, и не случайно укрѣпился за нимъ слава буревѣстника русскаго искусства. Человѣкъ искусства, художественное дарованіе котораго — одно изъ самыхъ выдающихся, какія знаетъ наше время, онъ готовъ былъ иногда принести въ жертву даже свое искусство. Тѣсными бывали для него предѣлы искусства: нерѣдко застывалъ въ воздухѣ взмахъ его кисти, и онъ отбрасывалъ ее въ сторону, чтобы, врѣзавшись въ гущу жизни, принять участіе въ той трагедіи, которая развертывалась передъ его глазами.

Онъ не умѣлъ оставаться ся созерцателемъ. Слишкомъ близка она его сердцу, — и темпераментъ бойца, который столь же присущъ ему, какъ и талантъ живописца, увлекалъ его за собой. Задачу человѣка видѣлъ онъ въ преображеніи міра, не фантастическомъ или мистическомъ, а всамдѣлнымъ, реальномъ. Онъ и на искусство свое смотрѣлъ, какъ на одно изъ средствъ этого преображенія. „Сознайся, — писалъ онъ въ рассказѣ „Читатель“, — ты не умѣешь изображать такъ, чтобы твоя картина жизни вызвала въ человѣкѣ метильный стыдъ и жгучее желаніе создать нныя формы бытія... Можешь ли ты ускорить бѣніе пульса жизни, можешь ли ты вдохнуть въ нее энергію, какъ это дѣлали другіе?... Надъ жизнью носится запахъ гніенія. Трусовъ, холопство пропитываютъ сердца, дѣнь вяжетъ умы и руки мягкими путами... Что вы вносите въ этотъ хаосъ мерзости? Какъ вы всѣ мелки, какъ жалки, какъ васъ много! О, если бы явился суровый и любящій человѣкъ съ пламеннымъ сердцемъ и могучимъ, всеобъемлющимъ умомъ! Въ духотѣ позорнаго молчанія раздалась бы вѣщія слова, и, можетъ быть, дрогнули бы и презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ...“

Онъ, въ сущности, только и дѣлалъ, что обличалъ эту человѣческую мелкость и мерзость — но изъ-за художественныхъ красотоу произведеній мы проглядѣли это, этого мы совѣмъ какъ будто не замѣтили. Восторгались буйнымъ романтизмомъ его молодости, укориленно качали головами при чтеніи сатирическихъ очерковъ, посвященныхъ Америкѣ и „прекрасной Франціи“, уныло разводили руками, не понимая его увлеченія коллективизмомъ, и почти не обратили вниманія на послѣднія произведенія его, быть-можетъ, наиболѣе значительныя изъ всего, что имъ было написано. Павосъ его гнѣва ускользнулъ отъ нашего вниманія. А онъ горѣлъ ненавистью къ пошлой сутолокѣ рабскаго житія и пытался пробудить къ жизни живыхъ мертве-

цовъ. Оттого-то такъ часто стираются грани, отдѣляющія жизнь отъ его искусства, оттого-то такъ часто вторгается на его стра- ницы неприкрашенная житейская современность. И если иной разъ отъ этого вторженія страдали художественныя ихъ достоинства, это еще больше подчеркивало красоту того порыва, который заставлялъ дрожать въ рукѣ кисть художника. Недостатки Горькаго столь же характерны и неизбѣжны, какъ и достоинства: безъ этихъ недостатковъ выиграла бы эстетическая цѣнность его книгъ, но, кто знаетъ, не умалится ли бы самый образъ писателя, для котораго есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ искусство.

VII.

Перебираю въ памяти своей обвиненія, которыя съ силой бросаетъ онъ въ лицо человѣку. „Человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстою шкурой, эту скверную грудку двигаютъ не духъ, а похоти“. Какія безпощадныя слова! Но чуть ли не рядомъ съ этой гнѣвной тирадой возникнутъ слова другія, первыми

противоположныя, совершенно на нихъ непохожія. „Я не знаю ни одной книжной истины, коя для меня была бы дороже чело- вѣка. Человѣкъ есть вселенная, и да здравствуетъ вѣкъ онъ, носящій въ себѣ весь міръ!“ Если думать въ это противорѣчіе, станетъ понятнымъ то основное, сердечное, задушевное, что горитъ и жжется въ Горькомъ, что дѣлаетъ его такимъ крѣпкимъ, устойчивымъ, непобѣдимымъ. Любовь къ человѣку. Даже не любовь, а влюбленность. Родился онъ, вѣроятно, съ нею, прирождена она ему, особый это талантъ, даръ Божій, которымъ, въ придачу ко всему прочему, наградила его природа. И когда говорю я о любви и влюбленности, поймите эти слова, какъ страсть напряженную и вѣчно горящую, какъ тягу къ людямъ невыразимо сильную, какъ страданіе ихъ страданіями, неутолимое болѣе ихъ болями. Вотъ застоналъ гдѣ-то человѣкъ — и сердце писателя отзывается стонамъ: оскорбили человѣка, совершили надъ нимъ насиліе, кого-то обидѣли — вспыхиваетъ сердце его гнѣвомъ, точно миллионами нитей связано оно съ коллективнымъ сердцемъ человечества, и всю неудовлетворенность этого коллективнаго сердца, ненависть его къ насилію, жажду красоты и свободы впиталъ онъ въ себя. Подлинный демократъ, выходящій изъ народныхъ низовъ, онъ неразрывными связями связанъ съ человѣческой массой. Творчество его — рупоръ, которымъ заговорила она, вѣрастившая его и воспитавшая, и всѣ мечты его —

сія мечты, и всѣ чаянія его — ея чаянія — не даромъ писатель этотъ безъ всякаго усилія, вопреки многимъ препятствіямъ, вплотную подошелъ къ читателю изъ народа. Горькій — первый великій русскій писатель, котораго народъ называетъ своимъ, котораго не хочетъ отдать никому.

Вотъ негодуешь онъ на людей, гнѣвно бросаетъ имъ въ лицо укорины, презрѣніемъ насыщено каждое его слово, — но отходить сердце, и независимо отъ его хотѣнія, рождается въ немъ къ человѣку нѣжность нечеловѣческая. Даже въ періоды гнѣва, какъ прослойки драгоценнаго металла въ плотномъ массивѣ скалы, просвѣчиваются и некрятся изумительная жалость къ нему, сочувствіе, состраданіе. Даже въ преступникѣ, даже въ существѣ, лишенномъ какъ будто всякой человѣчности, находитъ онъ проблески подлинной задавленной и затравленной красоты. Плохъ человѣкъ, нехорошъ, золь, жаждень, — и тутъ же рядомъ, какъ нѣкій непослѣдовательный выводъ: „А все-таки хорошая штука человѣкъ!“ „Человѣкъ — это звучитъ гордо!“ „Человѣкъ — вотъ правда!“ „Человѣкъ — какимъ великолѣпнымъ представляется ему это созвучіе, и по всѣмъ произведеніямъ его, съ первой страницы и до послѣдней, проходитъ живой нервъ его творчества, испуленная привязанность къ человѣку. Родился человѣкъ — и, вспомните, какъ восторженно (я не говорю о мастерствѣ) описалъ онъ это въ своемъ рассказѣ! Присмотритесь, какимъ ореоломъ святости окружилъ онъ образъ матери, какими прекрасными кажутся ему ея глаза, „святые глаза“: „насквозь про-

М. Горькій въ молодости (1889 г.).

мытые слезами страданий, они были изумительно ясны. снова цвѣли и горѣли синимъ огнемъ неисчерпаемой любви“ („Рождение челоѣка“), — этотъ огонь для него дороже всего, и что изъ того, если новорожденный „новѣйшій орловецъ“ подъ жестокими ударами судьбы превратится во что-нибудь злое и уродливое, онъ не хочетъ объ этомъ даже и мыслить. Челоѣкъ родился! — какая радость, какое великое счастье! ибо самое слово „челоѣкъ“ звучитъ для него свято.

Послѣ долгаго пути, увитаго подлинными терніями, когда, казалось бы, должно очерствѣть сердце и ожесточиться мозгъ: перенесшій столько обидъ, оскорбленій и насилій, что ихъ хватило бы на добрую сотню людей, — онъ признается: „съ каждымъ днемъ все болѣе неисчислимы нити, связующія мое сердце съ міромъ, и сердце копитъ что-то, отчего все растетъ въ немъ чувство любви къ жизни, вниманіе къ челоѣку“ („Калининъ“).

Любовь къ челоѣку, къ ближнему своему была звѣздой, водившей его по путямъ жизни. Она дала ему силы побѣдить черныя стороны ея, извѣдать весь ея ужасъ и не сломиться, не раствориться въ страхъ, не пасть на колѣни. Она-то, въ конечномъ счетѣ, спасла его, какъ челоѣка и какъ художника. Ибо только силой великой любви можно было преодолѣть ту дисгармонию міра, которую почувствовалъ Горькій, которая до него и послѣ него отравила немало крупныхъ дарованій.

„Превосходная должность быть на землѣ челоѣкомъ! — восклицаетъ онъ въ разсказѣ „Рождение челоѣка“. — Сколько видишь чудеснаго, какъ мучительно сладко волнуется сердце въ тихомъ восхищеніи передъ красотой!“

„Ну да, порою бываетъ трудно, вся грудь нальется жгучей ненавистью, и тоска жадно сосетъ кровь сердца, но это — не навсегда дано, да вѣдь и самому солнцу часто очень грустно смотрѣть на людей: такъ много потрудилось оно для нихъ, — а не удалась людинка“...

И потому, что людинки не удалась, онъ многое готовъ простить имъ, отъ многихъ обвиненій отказаться. Въ самое послѣднее время зазвучали въ немъ ноты любовной жалости, даже къ тому плохому, что прежде вызвало волну возмущенія. Въ разсказѣ „Хозяинъ“ изобразилъ онъ существо отвратительное и жадное, и взгляните — какія матерински-жалѣющія слова нашель онъ въ своемъ сердцѣ: „Жалко его, до боли жалко — все равно, кто бы онъ ни былъ, жалко безплодно погибающую силу, и возбуждаетъ онъ страстное противорѣчивое чувство, какъ ребенокъ-озорникъ въ сердцѣ матери: ударить его надо, а приласкать хочется“. Съ мягкимъ лиризмомъ говоритъ онъ о маленькой и грустной челоѣческой жизни, „какъ о безсвязной игрѣ пьянаго на плохой гармоникѣ, какъ о хорошей пѣснѣ, обидно испорченной безголосымъ глухимъ пѣвцомъ... Стонетъ душа, нестерпимо хочется говорить кому-то рѣчь, полную обиды за всѣхъ, жгучей любви ко всему на землѣ... хочется сказать людямъ какія-то слова, которые подняли бы головы ихъ“... („Женщина“).

И если все же нынче, какъ и прежде, срываются съ пера его слова гнѣвные и жестокія, если иныя строки его попреж-

нему дышать великой ненавистью — такъ вѣдь и быть должно, ибо тѣсная связь живетъ между ненавистью и любовью. Слишкомъ крѣпко спаяно сердце художника съ окружающимъ, чтобы не стонать, не вспыхивать гнѣвомъ, ибо гнѣвъ его и ненависть его — все отъ того же пристрастія, отъ той же любви къ челоѣку.

„До поры, — написалъ онъ недавно въ статьѣ, напечатанной въ сборникѣ „Щить“, — пока мы не научимся любоваться челоѣкомъ, какъ самымъ красивымъ и чудеснымъ явленіемъ нашей планетѣ, до той поры мы не освободимся отъ мерзости и лжи нашей жизни. Съ этимъ убѣжденіемъ вошелъ я въ міръ, съ нимъ уйду изъ него и, уходя, буду непоколебимо вѣрить, что когда-то міръ признаетъ: „святая святыхъ — челоѣкъ“.

Эта вѣра неугасимымъ огнемъ горитъ въ его творчествѣ. Она-то и придаетъ ему такой блескъ и силу. Она-то и сообщаетъ

такое обаяніе духовному облику Горькаго, навѣки плѣбненному однимъ чувствомъ, одной мыслью, однимъ настроеніемъ. Единство настроеній придаетъ творчеству Горькаго изумительную цѣбность, несмотря на виѣшнюю противорѣчивость его отдѣльных періодовъ. И вся фигура его, крѣпкая и своеобразная, кажется выѣщенной изъ какого-то рѣдкаго матеріала, надъ которымъ безсилыны и время и непогоды.

VIII.

Вы не забыли, конечно, очаровательной легенды о молодомъ Данко, которую разсказала Горькому старуха Изергиль. Заблудились люди въ темномъ тѣсу жизни, роптали они на Данко, который велъ ихъ за собой, и мало благородства было на лицахъ ихъ. Помните, какъ вскипѣло негодованіемъ сердце Данко, но отъ жалости къ людямъ оно погасло. Онъ любилъ людей тѣхъ и думалъ, что, можетъ-быть, безъ него они погибнутъ. И вспыхнуло его сердце яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь. И разорвалъ онъ руками грудь свою, вырвалъ изъ нея сердце и высоко поднялъ его надъ головой. „Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь тѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ великой любви къ людямъ, а тѣма разлетѣлась отъ свѣта его и тамъ, глубоко въ гнѣсу, дрожащая, пала въ гнѣсу звѣвъ болота...“

М. Горькій.

Образъ этотъ хочу я сблизить съ образомъ самого автора.

И въ самомъ дѣлѣ, Максимъ Горькій — вѣчно молодой Данко нашей литературы, ибо пронизано творчество его свѣтомъ сердца, пламенѣющаго великой любовью къ людямъ, ибо вся писательская дѣятельность его — непрестанное горѣніе этой любви. Много великихъ и малыхъ челоѣколюбцевъ знаетъ русская литература, много страниць подлиннаго подвижничества вписали они въ ея исторію, но никогда еще на всемъ протяженіи ея не вздымалось надъ нею столь ярко горящее сердце. Оно, какъ знамя, колеблется надъ литературой нашей, — одно изъ вѣчныхъ знаменъ, за которыми никогда не устанетъ идти челоѣчество. И такъ радостно чувствовать его сейчасъ, въ особенности сейчасъ, въ наши тяжкіе дни, когда злора неистовствуетъ надъ міромъ, а осмѣянная и затихшая любовь скорбно прячется гдѣ-то, стыдятся открыть лицо свое людямъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Въ 20-хъ числахъ ноября стать обозначаться рѣшительный моментъ той сложной и грандіозной операціи, которую вель противникъ на главномъ румынскомъ фронтѣ. Начало этого рѣшительнаго момента нужно видѣть отнюдь не въ переправѣ Макензена черезъ Дунай, а въ движеніи по долинь рѣки Жіу германской колонны Дельмензингена.

Какъ извѣстно, и какъ мы отмѣчали неоднократно, главную задачу въ „румынской операціи“ принялъ на себя Фалькенгайнъ, а отнюдь не Макензенъ, почему можно было относиться съ нѣкоторымъ равнодушіемъ къ успѣхамъ противника въ Добруджѣ, какъ абсолютно не влияющимъ на сущность положенія на румынскомъ фронтѣ. Поэтому мы и учитывали, какъ положительное данное, то обстоятельство, что „главная“ группа противника, группа Фалькенгайна, никакъ не могла продвинуться изъ приграничной полосы Валахій къ Бухаресту и въ теченіе болѣе мѣсяца неудачно атакывала прямые пути къ Бухаресту въ долинахъ Праховы, Тиргулужа и Аргиса.

Конечно, противнику давно уже было видно, что по прямымъ путямъ въ Бухарестъ ему не пробраться, и что главной причиной этому являются „недостаточныя силы“.

Фалькенгайну пришлось выжидать окончательнаго наступленія распутицы на главныхъ фронтахъ, когда можно будетъ снять съ нихъ войска. Фалькенгайнъ около мѣсяца стоялъ выжидательно на прямыхъ путяхъ къ Бухаресту.

Съ прибытіемъ, наконецъ, въ первой половинѣ ноября подкрѣпленій, Фалькенгайнъ приступилъ къ различнаго рода попыткамъ прорваться на румынскомъ фронтѣ въ Валахій. Однако его новыя попытки прорваться на прямыхъ путяхъ къ Бухаресту все же не имѣли успѣха. Тогда Фалькенгайнъ, пользуясь вновь прибывшими подкрѣпленіями, сформировалъ особую колонну въ составѣ 7—8 дивизій, подъ начальствомъ генерала фонъ-Дельмензингена, и послать ее дальнимъ, кружнымъ, обходнымъ путемъ по долинь рѣки Жіу. Къ этому времени, какъ извѣстно, одна баварская дивизія (11-я баварская дивизія) вмѣстѣ съ нѣсколькими австрійскими частями была разбита въ долинь Жіу, и румыны по долинь этой рѣки продвинулись почти до самой границы Трансильваніи.

Появленіе значительныхъ силъ Дельмензингена въ долинь рѣки Жіу вынудило румынъ къ отходу. Этотъ отходъ продолжался въ теченіе около недѣли, при чемъ колонна Дельмензингена выбралась по долинь рѣки Жіу къ городу Крайовъ, гдѣ начинается уже болѣе ровная и менѣе пересѣченная часть румынской территоріи. Отъ Крайовы путь идетъ на востокъ, въ общемъ направленіи къ Бухаресту.

Такимъ образомъ противъ бухарестскаго района заняли исходное положеніе уже двѣ группы: Фалькенгайна, къ сѣверу отъ Бухареста (на прямыхъ путяхъ къ Бухаресту), и Дельмензингена, къ западу отъ Бухареста. Разстояніе первой колонны (Фалькенгайна) опредѣлялось, примѣрно, 100 верстами отъ Бухареста, а разстояніе второй группы (Дельмензингена) опредѣлялось 180 верстами отъ Бухареста. Въ это время къ двумъ группамъ противника присоединилась третья группа противника, а именно войска Макензена, переправившіяся черезъ Дунай.

Такъ какъ сопротивленіе румынъ было главнымъ образомъ сосредоточено къ сѣверу отъ Бухареста противъ группы Фалькенгайна и къ западу отъ Бухареста противъ группы Дельмензингена, то Макензену удалось, хотя и съ большими потерями, все же переправиться черезъ Дунай у Зимницы. Нѣмцы весьма серьезно опасались исхода этой переправы, тщательно къ ней готовились, установили противъ Зимницы значительное число тяжелыхъ орудій, и самая переправа производилась подъ личнымъ наблюдениемъ самого Макензена. Такъ какъ отъ Зимницы до Бухареста лишь 80—90 верстъ, и такъ какъ въ этомъ районѣ сопротивленіе румынъ не могло быть значительнымъ, то переправившіяся войска Макензена довольно быстро стали распространяться въ двухъ направленіяхъ: на сѣверо-востокъ, къ Бухаресту, и на сѣверо-западъ, къ Руссе-де-Ваде, т. е. на соединеніе съ продвигавшейся къ Бухаресту съ запада колонной Дельмензингена.

Очевидно, въ дальнѣйшемъ предстояло отдѣленнымъ другъ отъ друга группамъ противника — соединиться. Сначала произошло соединеніе западной группы Дельмензингена съ сѣверной груп-

пой Фалькенгайна. Для этого западная группа Дельмензингена, подвигаясь къ востоку, подошла къ рѣкѣ Ольтѣ, а на рѣкѣ Ольтѣ уже находилась ольтинская колонна, принадлежавшая къ составу войскъ Фалькенгайна.

Затѣмъ отъ группы Дельмензингена на соединеніе къ югу съ наступающими войсками Макензена была брошена значительная масса германской конницы, установившая связь между обими группами. Въ результатѣ всѣ три группы оказались связанными, но имъ надлежало въ дальнѣйшемъ еще соединиться.

Послѣ того, когда обнаружилось наступленіе переправившихся войскъ Макензена къ бухарестскому району и продолжающееся наступленіе къ бухарестскому району съ запада войскъ Дельмензингена, сопротивленіе румынъ къ сѣверу отъ Бухареста противъ группы Фалькенгайна — естественно уменьшилось. Послѣдовавшій затѣмъ переходъ въ наступленіе Фалькенгайна далъ болѣе тѣсное сближеніе всѣхъ трехъ группъ противника, при чемъ фронтъ противника уже протянулся поперекъ Молдавіи, примѣрно, отъ Кронштадта до Бухареста, и далѣе до Дуная (у Журжера).

Войска противника насчитывали въ общемъ до 25 дивизій или до полумилліона войскъ, главную массу которыхъ составляли германскія части, а меньшую массу составляли австрійскія, болгарскія и турецкія части. Изъ этого полумилліона войскъ около 15 дивизій было въ составѣ главной группы, сѣверной, Фалькенгайна, а около 10 дивизій насчитывали вмѣстѣ западная и южная группы противника — Дельмензингена и Макензена.

Румыны же, отходя къ востоку, сражались на фронтѣ, протививающемся отъ Дуная къ сѣверу, впереди бухарестскаго района, примѣрно, до границы, у долинь рѣки Бузео, и далѣе къ сѣверу по Молдавіи, гдѣ вступали въ связь съ нашимъ фронтомъ.

Въ такомъ положеніи съ дальнѣйшимъ подходомъ противника къ рѣкѣ Аргису, протекающей въ 10—12 верстахъ отъ линіи бухарестскихъ фортовъ, и возникъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Бухареста.

Крѣпость Бухарестъ была выстроена въ 80—90 гг. по нѣскольکو измѣненному проекту знаменитаго бельгійскаго инженера Бріальмона, — того самаго, который является авторомъ проектовъ крѣпостей Льежа, Намюра, Антверпена, а также и ряда многихъ крѣпостей въ различныхъ другихъ европейскихъ государствахъ.

Уже по примѣру Льежа, Намюра и Антверпена мы знаемъ, что Бріальмонъ былъ сторонникомъ самаго широкаго пользованія броней и бетономъ при постройкѣ крѣпостей. Въ этомъ отношеніи Бріальмонъ нѣсколько увлекался, и его фортификаціонныя идеи встрѣтили довольно жестокою критикой, невзирая на всю авторитетность его имени. Его знаменитыя форты Льежа и Намюра представляли собою настоящія „бетонныя броненосцы“, — высокія и весьма замѣтныя для осадной артиллеріи цѣли.

Бріальмонъ, придавая исключительное значеніе артиллерійской оборонѣ изъ броневыхъ башенъ, весьма мало считался съ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, что давало слабую ружейную и пулеметную оборону, столь несободимую при подходѣ противника на близкое разстояніе къ фортамъ.

Эти недостатки сыграли немалую роль въ свое время въ судьбѣ Льежа, Намюра и Антверпена. Что же касается Бухареста, то въ свое время эта крѣпость считалась образцовой, но, несомнѣнно, прежнія броневыя башни устарѣли и уже не годились ни для состязанія съ современной осадной артиллеріей ни для укрытія артиллеристовъ.

Таковы тѣ общія тактическія и стратегическія условія, которыя создали вопросъ о томъ, подлежитъ ли Бухарестъ дальнѣйшей оборонѣ или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отмѣнить, что операціи противника на путяхъ къ Бухаресту сложились подъ конецъ такимъ образомъ, что противникъ стремился стать на пути, идущіе отъ Бухареста въ сѣверную половину Румыніи (въ Молдавію) и соединяющіе съ остальной частью румынскаго фронта.

Эти условія показываютъ, насколько исключительно серьезное положеніе создано въ районѣ Бухареста.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Борьба съ роскошью въ Англій. Очеркъ К. Чуковского. — На войнѣ. Разсказъ В. Муйжеля. (Окончаніе). — Кудий. Этюдъ слава Полонскаго. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Объявленія. — Заявленіе. — Отклики войны. — У вратъ Царграда. — Повинность труда.

РИСУНКИ: Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Викторія Осодорова. Портретъ работы И. Космина. — „Осенняя выставка Товарищества художниковъ“ (4 рис.). — Иллюстраціи И. А. Владимірова къ разсказу В. Муйжеля „На войнѣ“. — Бринъ Уэльскій Эдуардъ-Альбертъ на фронтѣ. — На англійскомъ фронтѣ (2 рис.). — На западномъ фронтѣ. — Максимъ Горькій (3 портр.).

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за декабрь 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за декабрь 1916 г. съ 45 рис., отдѣльный листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 126 рис. картонажнаго дѣла.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 50

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 10-го декабря 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарейль въ одинъ столбець (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ постъ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 19.

Главная Контора и редація Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ

1916 г.

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

Подпишитесь на военный заемъ. Это наиболее легкій долгъ передъ Родиною: Вы только на время ссудите ей Ваши сбереженія на выгодныхъ для себя условіяхъ.

Условія займа.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ, начиная съ 1 октября 1916 года, **5¹/₂% годовыхъ**, уплачиваемыхъ два раза въ годъ,—1 апрѣля и 1 октября.

Уплата процентовъ навсегда освобождается отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Всѣ облигаціи будутъ погашены 1 октября 1926 г.; до наступленія этого срока къ выкупу займа приступлено не будетъ.

Оплата срочныхъ купоновъ и погашенныхъ облигацій будетъ производиться въ Государственномъ Банкѣ, Казначействахъ и Сберегательныхъ Кассахъ.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Мѣста и время подписки.

Подписка начинается 1 ноября и принимается:	}	по 30 декабря с. г. включительно.
въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,		
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ,		
въ Казначействахъ (постоянныхъ),		
въ городскихъ общественныхъ банкахъ,		
въ обществахъ взаимнаго кредита,	}	по 31 января 1917 г. включительно.
въ тѣхъ городскихъ и земскихъ управахъ и нотаріальныхъ конторахъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,		
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,	}	по 31 января 1917 г. включительно.
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и		
въ полевыхъ Казначействахъ		

Порядокъ подписки.

Выпускная цѣна назначается въ 95%, номинальной стоимости, съ прибавленіемъ къ ней текущихъ процентовъ, считая съ 1 октября 1916 г.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Государственномъ Банкѣ, въ частныхъ коммерческихъ и городскихъ общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 руб., а въ Казначействахъ, Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго кредита и учрежденіяхъ мелкаго кредита на сумму свыше 200 рублей,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы половина подписной номинальной суммы облигацій займа была оплачена въ самый день подписки, а другая половина не позднѣе 31 января 1917 г.

Льготы по подпискѣ и выдача ссудъ.

Въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ, гдѣ введена ссудная операція, для подписки на новый заемъ могутъ быть открываемы въ предѣлахъ, не превышающихъ сумму взносовъ по подпискѣ, льготные кредиты по 1 января 1918 года подъ залогъ облигацій всѣхъ государственныхъ займовъ, выпущенныхъ съ начала войны до сего времени.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ изъ льготнаго процента въ 5¹/₂% годовыхъ по срокъ 1 января 1918 года. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 88% номинальной суммы.

Льготы по храненію облигацій.

Держатели облигацій могутъ передавать ихъ на бесплатное храненіе въ учрежденія Государственнаго Банка, Казначейства и Сберегательныя Кассы съ взносомъ лишь установленнаго гербоваго сбора. Лица, состоящія вкладчиками Сберегательныхъ Кассъ и вносящія, при покупкѣ въ этихъ кассахъ облигацій, стоимость ихъ на сберегательную книжку, не уплачиваютъ и гербоваго сбора.

1917

НИВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

32 №№ ЖУРНАЛА

12 №№ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

И 52 КНИГИ, В КОТОРЫХ СОХРАНИЛСЯ ПЕРВАЯ СЕРИЯ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

М. ГОРЬКАГО

С. Я. НАДСОНА

Д. Н. МАМИНА (СИБИРЯКА)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОД РОМАНА „ДОНЬ-КИХОТЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

12 р. 30 к. 13 р. 25 к.

13 р. 50 к. 13 р. 50 к.

14 РУБ.

Август Эриксонъ

хронOMETРОВИХЪ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевской Главнои Астрономической Обсерватории въ Пулковѣ, Императорскаго Російскаго флота и пр. и пр.

сущ. съ 1865 г.

ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.

Петроградъ, Невскій пр., № 13.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.
Бильдерлингъ, П. А.
 БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ. Съ 18 рис.
 102 стр. in 8°. Цѣна 40 коп., съ перес. 60 к.

УТРИ,

ВОЗЗВАНІЕ.
 Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоустроить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, первоковно-приходскому Попечительству, № 4297 Священнику Александру Смирнову, или

прищипъ, жировъ, выдѣла, и желтъ. питва уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли мощи безвредн. домашнимъ средствъ. Большой флаконъ, съ наставл., хватающъ на все время, высылаю немедл. вложеном. плат. за 2 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прощу вѣрять, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93. 441 Мария Егоровна Чурбанова.

„РЫБОЛОВЪ и ОХОТНИКЪ“.
 Двухнед. илл. журн. Годъ изд. 9-й. Подписн. цѣна: на годъ — 4 р., полг. — 2 р. 50 к. Пробн. № за 10-к. марку. ВЯТКА, Гед. № 2 „Рыбол. и Охотн.“ 4412

БИБЛІА
 полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художеств. ПАРТИНАМИ, размѣр. кн. 6×4 в., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр. въ прочномъ красив. тисн. золотомъ полукожан. переплетѣ съ футл. цѣна 8 р., съ перес. и упаков. въ Евр. Россіи 9 р. Первая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ, Невскій, 153. Е. П. Масленикову. Тел. 90-36.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,

и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдоль Д-ра Стора. Отпускается безъ всякаго рецепта по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. 4429

Остерегайтесь поддѣлокъ.

Четвертый годъ изданія.
 Роскошный, илл.-худ. иллюстр., ежемѣсячный журналъ для дѣтей 8—13 лѣтъ

„НЕЗАБУДКА“.

Допущ. Св. Сн., Мин. нар. пр., Мин. торг., Гл. Упр. военно-уч. зав., рекомендов. Вид. Учр. Имп. Маріи: внесенъ въ списокъ кн., заслуживающаго вниманія при пополненіи библиотекъ ср. уч. зав.

Задача „Незабудки“ будить и укрѣплять въ дѣтяхъ благородныя стремленія духа и любовь ко всему родному.

Содержаніе „Незабудки“: пов., разск., стих., попул. очерки, искорки, ребусы, шар. и пр.

Подписчики въ 1917 г. получаютъ: 1) 12 №№ журнала, свыше 900 стр., 2) „Послѣдніе замѣтки“. Нов. изв. вр. Юліана Отст. А. Платонова, 3) „Вѣрный горбуша“. Нов. изв. вр. Имп. Елизаветы Петровны. В. Суворовой, 4) „Отклики Великой войны“. Отч. и разск. Прилож. иллюстр. и отдѣльно стоить 1 р. 20 к.

Многочисленные отзывы печати признають „Незабудку“ выдающимся дѣтскимъ журналомъ по тщательному выбору, обилію и разнообразію матеріала, живости и простотѣ изложенія, изяществу изданія и цѣнности приложеній.

Подписная цѣна: въ годъ — 6 р., полг. — 3 р. 25 к., 3 м. — 1 р. 75 к. Пробн. № 50 к., вкл. пл. 60 к.

Редакція: Петроградъ, Палтеевская, 5. 4423 2 1
 Ред.-изд. прот. А. Тельножировъ. Ред. А. Платонова.

Домашнее изготовление сахара

изъ всюду имѣющихся материаловъ, безъ особыхъ приспособленій, въ обыкновенной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ. Цѣна руководства три р. 25 к. Москва, изд-ство „Лучъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Я САМЪ — ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться промышленностью, долженъ написать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 2 р. 75 к. МОСКВА, изд-ство „Лучъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПОЛЕЗНЫЯ РУКОВОДСТВА

1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной подготовки къ экзамену на вольноопредѣляющаго или на перв. классн. чинъ—5 р. 95 к., 2) Техника. Курсъ для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., вино-механика и съемчика—7 р. 95 к., механ.-автомобилиста и шофера — 8 р. 50 к., мех.-мотоциклиста — 5 р. 55 к., курсъ авіаціи—7 р. 15 к., пароходы механикъ—8 р. жел.-дор. машинистъ 9 р., мех.-телеграфистъ—6 р. 15 к., на начальная станиціи или помощн. нач. ст.—10 р. 50 к., токарное дѣло—6 р. 25 к., полн. курсъ химіи—7 р. 50 к., 3) Самоучители языковъ: англійскаго, французскаго, итальянскаго, латинскаго, польскаго, латышскаго, нѣмецкаго, татарскаго по 1 р. 45 к. каждый—4) Полный курсъ бухгалтеріи съ задач., примѣр. и образцами книгъ—5 р. 50 к. Каталоги бесплатно. Безъ вадатка не высыл. Треб. адр.: Москва, В. Гнѣздиновскій 10А, изд-ству Д. М. КУМАНОВА.

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО?

Руководство къ приготовл. вкусн., сытн. и дешев. блюдъ безъ мяса. Цѣна 1 р. Москва, изд-ство „Лучъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

СОБИРАНИЕ МАРОКЪ

для бол-лекцій. Интересная книга для всѣхъ. Нат. пл. 90 к. А. Волкъ, Петроградъ, Ананіевская, 20.

ПРИ НЕВРАСТЕНИИ,

слабости и для УКРѢПЛЕНІЯ нервной системы рекомендуется **БИОЛЪ Т-ва Ласлей.** Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магаз.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Льготныя условия подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 г. Четырнадцатый годъ изд. ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Еженедѣльн. иллюстр. журналъ практич. садоводства и огороднич. Изд. П. П. Соинкинъ. Ред. П. Н. Штейнбергъ.

52 №№ ЖУРНАЛА,

съ рисунк. и чертеж. Около 1.000 ст. убоор. шрифта. Практическая статьи и обстоятельныя отвѣты извѣстн. практиковъ-садоводовъ и специалистовъ по всѣмъ отрасл. плододовства, садоводства, огороднич., цѣтковод. и пчеловод.

8 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ РУКОВОДСТВЪ:

- 1. МОЙ САДЪ. Какъ самому устроить и содержать небольшой садъ и огородъ. Новое руково. П. Н. Штейнберга, въ 4 част.: 1) Небольшой плодовой садъ любителя. 2) Образцовый ягодн. садъ. 3) Огородъ любит. 4) Цѣтнннхъ любителей.
2. ТЕПЛИЧНОЕ САДОВОДСТВО. Руководство къ веденію доходныхъ теплицъ и къ выращиванію въ теплицахъ растений. Составилъ А. И. Мятликъ.
3. ЛУЧШІЯ ОРУДІЯ ДЛЯ САДА И ОГОРОДА. Орудія для обраб. почвы въ саду и огородѣ, для посѣва и ухода за растениями. Составилъ К. И. Деду.
4. ОРГАНИЗАЦІЯ ПАСЪЧНАГО ХОЗЯЙСТВА. Какъ завести доходное пчеловодство. Составилъ специалистъ-пчеловодъ М. А. Дерновъ.
5. СБОРЪ И СУШКА ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ РАСТЕНІЙ. Полное руководство къ собранію и сушкѣ дикорастущихъ лѣкарственныхъ растений. Съ 18 таблицами рисунковъ лѣкарственныхъ растений въ натуральныхъ краскахъ. Составилъ специалистъ Министерства Земледѣлія В. И. Ивановъ.
6. САДЪ ВЪ КОМНАТАХЪ. Руководство, составленное по извѣстнѣйшему труду М. Гесдерфера. Размноженіе и содержаніе въ комнатахъ лучшихъ цѣтущихъ и декоративныхъ растений. Украшеніе комнатъ растениями. Цѣтководство на балконахъ. Устройство зимняго сада въ комнатахъ.
7. КАКЪ ИСПОЛЪЗ. УРОЖАЙ САДА И ОГОРОДА ДОМАШН. СПОСОБАМИ. Приготовленіе въ своемъ хозяйствѣ самыхъ разнообразныхъ консервовъ изъ овощей и плодовъ. Составилъ Т. А. Гужавина.
8. ВЕГЕТАРИАНСКИЙ СТОЛЪ. Блюда изъ овощей, плодовъ, грибовъ, яицъ и проч. Составила Е. В. Спасская.

6 КНИГЪ ПРАКТИЧЕСК. БИБЛИОТЕКА САДОВОДА.

- 1) Пересадка деревьевъ и кустарниковъ. 2) Дешевыя удобрения. 3) Истребленіе сорныхъ травъ на огородѣ. 4) Дешевый рациональный ледникъ. 5) Какъ самому устроить расадиннхъ и парники. 6) Доходныя паровыя гряды.

КРОМЪ ТОГО, будутъ даны ДВА ОСОБЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1. ОРОШЕНІЕ САДА И ОГОРОДА. Проектъ простѣйшаго чигира для полвки садовъ и огородовъ, съ подробн. описаніемъ устройства и приблизительн. смѣтами стоимости чигира.
2. КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА на 1917 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями съ доставкой и перес. по всей Россіи 8 руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая остальные 4 руб.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная, № 12, соб. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 г. НА ЕЖЕМѢСЯЧН. ЛИТЕРАТУРН. ИЛЛЮСТРИР.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издатель П. П. СОЙКИНЪ. Редакторъ Вл. П. ЛЕБЕДЕВЪ.

«Историческій Журналъ» будетъ издаваться по обширной, разнообразной программѣ, ставя себѣ задачей — дать подписчикамъ обильное интересное чтеніе.

Въ 1917-мъ подписномъ году будетъ дано:

12 КНИГЪ

- больш. форм., съ иллюстрац., снимк., и портрет. въ текстѣ и на отдѣльн. листахъ, по слѣдующей программѣ:
1) Историческіе романы, повѣсти и рассказы.
2) Дневники, мемуары и рассказы современниковъ.
3) Описаніе историч. памятниковъ и реликв. стариннхъ.
4) Роль вѣнцевъ въ историческихъ судьбахъ Россіи.
5) Великіе образы.
6) Анекдотическіе обличья.
7) Ежемѣсячныя „Весѣды“. („Лубочныя исторіи“).
8) Листокъ историч. сатиры.
9) Новости текущей исторической литературы.
10) Мелкія статьи и извѣстія.

Кромѣ того, при «Историческомъ Журналѣ» будетъ дано — съ отдѣльной нумераціей страницъ — обширное сочиненіе „НѢМЦЫ-ЛИХОИМЦЫ“ — драматическая хроника въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ дост. и перес. по всей Россіи 4 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 мая 2 руб.

Контора журнала: Петроградъ, Стремянная, 12, соб. д.

старческая дряслость,

безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

артериосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРОГРАДЪ. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЖИЗНЬ

№ 50. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прилж., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 10 декабря 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1917 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

М. ГОРЬКІЙ (первая серія книгъ)
С. Я. НАДСОНЪ (полное собраніе сочиненій)

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ (третья серія книгъ)
СЕРВАНТЕСЪ (Романъ „ДОНЪ-КИХОТЪ“)

К. В. Лебедевъ.

Очеркъ проф. **Вл. Е. Маковского.**

21-го сентября с. г. въ Москвѣ скончался на 63 году жизни академикъ живописи Клавдій Васильевичъ Лебедевъ. Простой, искренній, скромный—онъ по самой природѣ своей избѣгалъ всего крикливаго, показнаго и эффектнаго. Онъ никогда не прибѣгалъ къ рекламѣ, искренно любилъ искусство, которому отдавался всецѣло, оставаясь и въ немъ такимъ же простымъ, тихимъ и скромнымъ, какимъ былъ въ жизни. Несомнѣнно, скромность эта мѣшала его популярности, и, вслѣдствіе этого, онъ не создалъ себѣ блестящаго виѣшняго успѣха, хотя и пользовался, какъ худож-

никъ, широкой извѣстностью среди цѣнителей и любителей искусства, и картины его собраны и въ Третьяковской галлерей, и въ музеѣ Академіи Художествъ, и у частныхъ коллекціонеровъ. Его картины всегда были серьезно обдуманы, прекрасно исполнены какъ по живописи, такъ и по рисунку и всегда полны экспрессіи.

Одаренный мягкой, нѣжной душой, человекъ исключительной доброты и безупречной честности—онъ такъ же честно относился къ любимому дѣлу, съ такой же любовью и щепетильной добро-

Кончина царя Феодора Іоанновича.

К. В. Лебедевъ.

совѣтностью штудировать каждую мелочь—узоръ на платкѣ бабы или боярекомъ костюмѣ, складки на тулупѣ мужика, орнаментъ на старинной чарѣ, — и если эта кропотливая филигранная работа не бросается въ глаза и не останавливаетъ на себѣ вниманія въ ущербъ главному, что составляетъ существенную задачу картины, то это является слѣдствиемъ большого мастерства художника, умѣнія управлять собою и вполне владѣть своими средствами.

Жизненный путь К. В., какъ и большинства художниковъ, вышедшихъ изъ народа, былъ не легкій. Пришлось натерпѣться нужды и лишений, потратить не мало усилій, характера, воли и крѣпко вѣрить въ себя, чтобы изъ деревни попасть въ Москву въ училище живописи, ваянія и зодчества, кончить курсъ и отдаться любимому дѣлу.

Одна изъ первыхъ его картинъ: „Молодыхъ осыпаютъ хмѣлемъ“, появившаяся на передвижной выставкѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе и была приобретена П. М. Третьяковымъ для его галлерей. Въ лицѣ К. В. передвижники понесли невознаградимую утрату, онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ и преданныхъ идеѣ Общества членовъ и до конца жизни работалъ для Общества,

Вначалѣ онъ бралъ сюжеты изъ крестьянской среды и быта московской бѣдноты, но въ этихъ картинахъ никогда не было

К. В. Лебедевъ.

Портретъ работы проф. В. Маковского.

переставалъ тосковать въ продолженіе всего своего пребыванія въ Академіи, и прожилъ въ тиши своей мастерской до самой смерти, горячо любимый и уважаемый всѣми, кто имѣлъ случай соприкасаться съ нимъ въ жизни.

той тенденціи или разсудочнаго повѣствованія, которое такъ часто встрѣчалось въ то время у другихъ художниковъ, подходившихъ къ тѣмъ же сюжетамъ „извинѣ“, со стороны. К. В. писалъ то, что не только познавалъ путемъ изученія, но что любилъ, какъ „свое“ кровное, родное, и потому въ его произведенияхъ нѣтъ ничего надуманнаго, фальшиваго, подчеркнутаго. Но впоследствии его больше привлекалъ историческій жанръ, въ особенности XVI в., который К. В. изучилъ до тонкости, и цѣлый рядъ картинъ, рисунковъ и иллюстрацій на бытовые и исторические сюжеты изъ этой эпохи создалъ ему крупное имя и занялъ почетное мѣсто въ различныхъ коллекціяхъ и собранияхъ.

Съ 1890 по 1894 г. К. В. состоялъ преподавателемъ въ Московскомъ училищѣ живописи, гдѣ самъ раньше учился, а въ 1894 г. былъ приглашенъ профессоромъ въ Академію Художествъ. Но это почетное званіе, которое является мечтой и предѣломъ всѣхъ достижений для очень многихъ художниковъ, пришлось не по душѣ Клавдію Васильевичу.

Въ 1898 г. онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ родную Москву, по которой не

На родинѣ.

К. В. Лебедевъ.

Мальчикъ съ фронта.

Разсказъ Александра Дроздова.

I.

Ночью съ позвонья непрерывно шли санитарные поезда. Помощникъ начальника станціи Симковъ, утомленный безсонной хлопотливой ночью, подъ утро кликнулъ съ блокауза сторожа и, предвкушая сладость короткаго сна до номера четырнадцатаго, сталъ стлать себѣ на конторской лавкѣ свою потрепанную, выдавшую всякіе виды тужурку. Онъ крикнулъ, подобралъ короткія свои ноги и легъ на скамью; тотчасъ же стали чудиться ему безконечные поезда съ ревушими въ осенней мглѣ паровозами, длинные вагоны съ красными крестами на обшивкахъ, съ крупными надписями — „западный фронтъ“, мелькающія въ окнахъ подвѣсныя койки... Но заснуть ему не удалось; скрипнула дверь, и изъ зальцы „ожиданія“ вышелъ старшина.

— Чтѣ? — испуганно вскопчилъ Симковъ, почувствовавъ, какъ въ груди часто заколотилось сердце.

Старшина не безъ смущенія снялъ черный картузь и крупной, тяжелой рукой погладилъ сѣдые свои волосы.

— Зря зашелъ, безъ надобности. Дежурить? Нонѣ мнѣ плохо спалось, бабы такъ напарили избу, что, почитай, семь потовъ пролилъ за ночь.

Сонъ прошелъ: Симковъ поднялся и сѣлъ у аппарата. Съ колесъ его ползли, вздуваясь и ныряя, тонкія бѣлыя ленты.

Сѣвъ подлѣ, старшина разстегнулъ воротъ своей черной поддевки, на которой блестяли капли холоднаго утренника, и молвилъ, расправляя бороду:

— Съ той поры, какъ началась война, нѣтъ мнѣ покою, Козьма Данилычъ. Все безпокойство въ груди пошоркивается. Вотъ и ходишь и ходишь — отъ попа къ лавочнику, отъ лавочника къ тебѣ на станцію. Съ хлѣбками, да въ Богъ, убрались, а безъ заботы жить тяжелее... Да и лѣтъ мон.

Симковъ искося, не выпуская изъ рукъ ленты, поглядѣлъ на широкое лицо старшины, на сѣдыя брови его надъ умными, слезящимися отъ старости глазами.

— Сыновъ жаль?

— Сказалъ! Сыновъ. Да ежели воротить мнѣ прежнюю силу, такъ я, Козьма Данилычъ, съ сынами воевать пойду. Въ молодости я буйный мужикъ былъ.

Говорилъ онъ медленнымъ, разбѣреннымъ голосомъ, держа руки на рукоятки палки своей, которая концомъ упиралась въ полъ промежь его большихъ, громоздкихъ ногъ. Восемьдесятъ и пять лѣтъ прожилъ старшина въ родномъ Старолѣтовѣ и сорокъ лѣтъ безъ перерыва выбирался въ старшины: лѣтъ пять назадъ въ Рязани встрѣчалъ съ хлѣбомъ-солью Государя; въ тяжельхъ, кованыхъ сундукахъ своихъ хранить теперь медали на цвѣтныхъ лентахъ. Осталось заслужить послѣднюю — большую золотую медаль.

— Эта народъ нашъ темный какой, — продолжалъ онъ, глядя въ сѣрое отъ безсонницы и былого пьянства лицо Козьмы Да-

нилыча. — Намедни Серахвонтьевна у Меча со старости наземъ упала, ведра раскинула въ стороны, коромысло въ воду... Сбежалъ народъ, толкуетъ, что въ Мечѣ нѣмецкіе шпионы отраву пустили. Симковъ скептически улыбнулся, все лицо его пошло складками.

— Необразованность! Живи тутъ съ вами... Никакой духовной пищи. За твою анаемскую работу ниоткуда благодарности не слышишь, еще дежурный по линіи облаетъ, какъ пса.

Козьма Данилычъ въ сердцахъ повернулъ рычагъ телефона, открылъ аппаратъ и закричалъ въ трубку:

— Какъ четырнадцатый? Идетъ? Ладно.

Онъ надѣлъ свою фуражку, почернѣвшую въ томъ мѣстѣ, гдѣ верхъ упирается въ затылокъ, схватилъ сигнальные флажки и побѣжалъ на платформу.

Обмокшия бурья акаціи въ станціонномъ садикѣ роняли навѣтру холодныя слезы, фонарь на платформѣ, еще не притушенный, дрожалъ звонкими своими стеклами.

Оставшись въ конторѣ одинъ, старшина толкнулъ дверь въ квартиру Козьмы Данилыча и, просунувъ голову въ образовавшуюся щель, увидѣлъ помощницу Анну Платоновну, босую, съ подоткнутымъ подоломъ, моющую въ комнатѣ полъ. Напитанная водой бухала тряпка пускала вокругъ себя ручьи, когда Анна Платоновна, подержавъ въ ведрѣ, опускала ее на полъ. Прическа у помощницы разбилась, лицо было красное, наполовину выпавшая изъ волосъ гребенка прыгала при ея порывистыхъ движеніяхъ.

— Богъ помочь! — щура глазъ, привѣтствовалъ ее старшина.

Анна Платоновна, не разгибая спины, взглянула на него снизу вверхъ.

— А я съ утра управиться хочу. Посидите!

— Я вѣдь зря зашелъ, — сказалъ старшина, сѣлъ и сталъ терпѣливо ждать, когда помощница вымоетъ полъ. Кончивъ, Анна Платоновна отерла кистью руки вспотѣвшій лобъ, бросила тряпку въ ведро и присѣла къ столу, неумытая, осушивъ руки о подоткнутый свой подолъ. Они говорили о войнѣ, о томъ, какъ трудно, какъ тяжело жить, зная, что за нѣсколько сотъ верстъ неустанно дышитъ смертью война. Мимо станціи проходили санитарные и воинскіе поезда, звенѣли въ окнахъ стекла, въ раскрытую форточку врывались паровозные гудки, внезапные, точно испуганные, ровный бѣгъ колесъ и гремливый солдатскія пѣсни.

— Сыны-то цѣлы еще? — спросила помощница.

— Подъ Богомъ ходятъ. Старшой, Михайла, Георгія имѣтъ.

Старшина пространно началъ рассказывать о сыновьяхъ, объ ихъ долгихъ уважительныхъ письмахъ, пропитанныхъ любовью къ отцу и дымнымъ боевымъ порохомъ. По его словамъ выходило, что не старолѣтовскіе мужики, надѣвшие защитныя рубахи, сражаются теперь тамъ за родныя земли, но богатыри и герои храбрости небывалой. Слушая, Анна Платоновна облокотилась на столъ, положивъ свое круглое румяное лицо на ладони.

Глядя старшинѣ въ красные, слезящіеся глаза, она сказала:

На свиданіи съ сыномъ.
(Третьяковская галерея въ Москвѣ).

К. В. Лебедевъ.

Боярская свадьба.

К. В. Лебедев.

Гражданская палата. (Дореформенное время).

К. В. Лебедев.

— Гляжу я на людей: какие счастливые отцы и матери, что дѣтей имѣютъ. Есть о комъ позаботиться, помолиться за кого, въ праздникъ свѣчку поставить. Несчастные мы съ Козьмой, одинокие...

Види, что слезы дрожатъ у нея на длинныхъ, колкихъ рѣсницахъ, старшина проговорилъ:

— Молоды еще, чтобы отчаиваться. Родись еще.

Стиснувъ зубы, чтобы не расплакаться, Анна Платоновна отвѣчала:

— Не рожу.

Въ голосѣ ея прорвалась горечь, обида и боль. Она отвернулась.

А старшина, боясь смотрѣть на нее, уставился въ сырые, просяхающія половицы.

— Старшина!—закричалъ изъ конторы Козьма Данилычъ,— расскажу, какъ намедни въ три листика рѣзался!

Облегченно вздохнувъ, старшина вышелъ.

II.

Вечеромъ, когда въ дежурствѣ Козьму Данилыча заступилъ начальникъ, случилось происшествіе, взволновавшее весь крохотный полустанокъ, а за нимъ и село. Какъ это бывало часто, санитарный поѣздъ № 17 поставленъ былъ на запасный путь, чтобы пропустить слѣдующій за нимъ курьерскій. Тяжело выдыхая клубы густого удушливаго дыма, большой четырехцилиндровый паровозъ протолкнулъ черезъ стрѣлку пятнадцать длинныхъ, похожихъ другъ на друга, вагоновъ и сталь, обижено пофыркивая. Случилось въ пути такое обычное теперь дѣло, пустой случай, какихъ тысячи: въ дорогѣ отъ ранъ умеръ вольноопредѣляющійся №—скаго полка Каракосовъ. Пуля угодила ему въ животъ, въ область кишечника, другая искромсала кость въ плечѣ.

Этотъ Каракосовъ откуда-то изъ-за Урала принесъ родниѣ свое горячее страдающее сердце и патриотическій свой пылъ. Поѣздной врачъ, подойдя къ начальнику станціи и закуривая на вѣтру кривую, упорно не зажигающуюся папиросу, спросилъ, нѣтъ ли тутъ по соседству съ полустанкомъ кладбища, гдѣ можно было бы похоронить умершаго въ поѣздѣ солдата. Все равно, гдѣ ни похоронить его: въ Москвѣ ли, здѣсь ли, въ Старолѣтовѣ... Поѣздъ же все равно задержанъ въ слѣдованіи.

Собралися народъ, прошелъ о. Александръ, молодой батюшка съ открытымъ и яснымъ лицомъ. Два санитары вынесли изъ вагона умершаго и поставили носилки на сырую платформу, подъ мѣдный станціонный колоколь. Лицо умершаго, со впавшими синими висками, было блѣдно и строго, полураскрытые глаза остеклявшимся невиданнымъ взоромъ смотрѣли въ небо, по которому вѣтеръ гналъ пугливый сѣрый облакъ.

Все казалось простымъ и не страшнымъ: сѣрля шинель на усопшемъ, его строгое лицо, всѣ эти люди съ перевязями Краснаго Креста на локтяхъ. Смерть величава, покойна... Кто-то всхлипнулъ въ толпѣ, сказавъ: „праведникъ!“ Пряча лица въ подошвы, плакали бабы объ убитомъ воинѣ, на чужой сторонѣ отыскавшемъ холодную, неприютную могилу свою... Оплѣвали Каракосова въ лѣтней церкви. Церковка была маленькая, деревянная, отъ набившагося народа было душно и жарко. У всѣхъ лица стали добрыми и свѣтлыми, точно всѣмъ имъ Каракосовъ былъ родственникъ и другъ.

Когда на кладбищѣ опускали Каракосова въ могилу и два церковныхъ сторожа держали на полотенцахъ пожертвованный причтомъ тяжелый гробъ, пошатываясь отъ усталости на старческихъ ногахъ своихъ, маленькая фигурка съ плачемъ выбѣжала къ могилѣ и, крича: „дяденька!“, припала къ краю вырытой ямы. Старшина, сдерживая толпу, схватилъ мальчика за плечи. На мальчикѣ была надѣта длинная свѣтло-сѣрая кацавейка, которую обычно носятъ жители Галиціи, подпоясанная тонкимъ ремешкомъ, и изодранные, рыжіе отъ сырости башмаки съ чужихъ ногъ.

— Ты чей?—спросилъ старшина, поворотивъ его лицомъ къ себѣ.

Врачъ отвѣтилъ за мальчика:

— Онъ съ нами... съ нимъ, съ Каракосовымъ.

Онъ рассказалъ тутъ же, что мальчикъ Каракосовъ подобралъ въ разоренномъ пограничномъ городкѣ и сумѣлъ привязать къ себѣ. Когда Каракосовъ былъ раненъ, мальчикъ самъ отыскалъ санитаровъ и помогъ подъ огнемъ перенести раненаго къ перевязочному пункту. А теперь раненый упросилъ взять мальчишку съ собой.

— Самъ не знаю, что мнѣ дѣлать съ нимъ! Въ Москвѣ сдамъ въ какую-нибудь организацію.

Могилу зарыли. Уже совсѣмъ усталъ вечеръ, занавѣсившій небо, бѣлые кладбищенскіе кресты, кособокую деревянную колокольню. Поѣздного врача поили провожать всѣмъ селомъ. Старшина велъ подъ руку плачущаго мальчика, и самъ, благо вечеромъ не было видно, вытиралъ украдкой свои старые слезоточивые глаза. Черезъ долгіе годы жизни пренесъ онъ чистое, какъ у ребенка, жалостливое сердце свое, не знавшее неправды. Мужики окрестъ звали его каменнымъ, и это значило, что въ правдѣ твердъ онъ и нерушимъ, какъ камень.

Между тѣмъ въ толпѣ поднимался говоръ о томъ, какъ же это мальчишка теперь, безъ роду безъ племени, жить будетъ. Завезутъ его въ Москву да и бросятъ. Гдѣ же тутъ, за войной, о чужихъ думать? И уже у самой станціи старшина нагналъ доктора и просительно заговорилъ:

— Дозвольте, ваше благородіе, съ просьбой обратиться. Желаетъ міръ мальчонку къ себѣ взять.

Докторъ остановился, остановился и всѣ за нимъ: ребятишки, багаваніе сзади, налетѣли на вставшихъ—кто-то шопотомъ обругать ихъ, дернулъ близкаго за ухо.

— Видите ли...—отвѣтилъ врачъ, идущая въ темнотѣ автоматической зажигалкой; отсырѣвшая папираса трещала и не закуривалась. — Лично я ничего не могу имѣть противъ. Но, вы понимаете, теперь бѣженцы черезъ специальное бюро отыскиваютъ своихъ дѣтей. Возможно, что у мальчика найдутся родственники.

— Что жъ, тогда держать не станемъ.

Врачъ молча пожалъ его широкую мужицкую ладонь.

— Доброе дѣло. Впрочемъ, врядъ ли у мальчика есть родные. Мнѣ передавали, что дѣло тамъ было жаркое.

— Завтра сходи соберу, — говорилъ старшина, — мірское дитя будетъ. А нѣтъ, такъ къ себѣ возьму: не объѣсть. Нынѣшнюю ночь, православные, пуцай у меня переночуетъ. — И почему-то заплакалъ.

Громко, охрипло загудѣлъ паровозъ, открыли блокъ.

— Съ Богомъ!—закричали въ толпѣ.

Тяжело дыша, ровно взявъ паровозъ, и громко запыли сердитыи, бранчливыи колеса. На заднемъ вагонѣ замаячилъ красный фонарь, и въ темнотѣ долго казалось, что поѣздъ не двигается съ мѣста.

Со станціи вышелъ сильно чѣмъ-то недовольный Козьма Данилычъ. Старшина подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я позабылъ, у меня баба нынче хворала. Такъ ты ужъ мальчишка на эту ночь приюти.

Козьма Данилычъ былъ злымъ послѣ скверной семейной сцены. Кривя безцвѣтныи свои губы, онъ сказалъ ядовито:

— Что жъ, старшина, на попятный?

Сдерживая поднявшееся свое сердце, отвѣтилъ ему старшина, хотя на языкъ никогда не былъ крѣпко:

— Язва! Говорить съ тобой...

На что Козьма Данилычъ улыбулся уже безъ злобы, ибо брань старшины сгладила въ его памяти колючую жену брань.

— Я жъ пошутить, — молвилъ онъ примирительно. — Пуцай его поспитъ.

Накрывалъ дождь.

III.

На развѣтѣ, когда въ углу затихла мышь и сквозь ситцевыи занавѣски стала глядѣться въ комнату холодная осенняя зари. Козьма Данилычъ, проснувшись, оцутилъ на сердцѣ тяжесть. Увидѣвъ рядомъ съ собою спавшую жену свою Анну Платоновну, припомнилъ онъ вчерашнюю крикливую сцену, свой десятирублевый проигрышъ въ карты, открывшійся вчера, потокъ гру-

Мальчикъ.

К. В. Лебедевъ.

быхъ ругательствъ, слетѣвшихъ съ сочныхъ жеманныхъ губъ, и многое другое, о чемъ вспоминать было неприятно его мужскому самолюбию. Анна Платоновна мирно спала, повернувшись къ мужу спиной, подъ одеяломъ ходила ея высокая грудь, пальцы запрокинутой руки медленно шевелились. Глядя на ея маленькую руку, подивился Козьма Данилычъ, какъ это такая приятная рука можетъ столь ядовито драться...

Затѣмъ онъ вспомнилъ вчерашнія похороны, старшину, чужого плачущаго мальчика, который спалъ теперь въ углу на сдвинутыхъ табуреткахъ. Прошелъ, гремя, пассажирскій, потомъ съ визгомъ, треща на роликахъ, закрылся блокъ. „Пятый“ — привычно подумалъ Козьма Данилычъ и подъ эти знакомые звуки сталъ засыпать.

Проснулся онъ уже совсѣмъ поутру и, повернувшись, замѣтилъ, что жены нѣтъ рядомъ съ нимъ. Протравивъ глаза, онъ сѣлъ въ постели и тотчасъ же увидѣлъ жену, стоящую въ одной рубашкѣ возлѣ табуретокъ, гдѣ спалъ мальчикъ. Анна Платоновна низко наклонилась надъ спящимъ, лицо ея было ласково, губы что-то шептали.

— Аня! — позвалъ Козьма Данилычъ.

— Тс... с! — замахала она на него руками, и онъ съ радостью убѣдился, что она не помнитъ объ его проигрышѣ.

— Спать?

— Спать... разбудишь.

Мягко ступая босыми ногами, она вернулась на кровать и юркнула подъ одеяло.

— Кузя, что я тебѣ скажу — возьмемъ мальчика себѣ. Кузя, а?

Козьма Данилычъ подумалъ, почесалъ високъ и недовольно замѣтилъ:

— Придумала! Обузу такую.

— Обуза! А что бы ты сталъ говорить, ежели бы это твой ребенокъ былъ? Зовуть-то его какъ? Сашенька?

Тонъ жены былъ просительный, и глаза ея глядѣли просительно; ути все это, Козьма Данилычъ сталъ сердитымъ:

— А масло нынче — знаешь? — три рубля. Сахарнаго неску съ огнемъ не сыщешь.

— Онъ не много проѣсть, Кузя, онъ такой смиренный. Глянь — лежитъ, дышитъ, ангелокъ Божій. Не даль мнѣ сына Господь!

Анна Платоновна приготовилась заплакать.

— Самъ деньги въ карты проигрываешь, — заговорила она со слезами въ голосъ, — а ребенку и поѣсть у тебя нечего. Иродь! На войну не берутъ васъ, шерамыжниковъ... Иной на войнѣ помираетъ, а ты въ карты играешь. Вотъ отберу у тебя деньги, да и подъ замокъ. Нѣтъ, голубчикъ, теперь шабашъ!

— Ну, ну, — испуганно промолвилъ Козьма Данилычъ, сѣвъ на постели и охвативъ колѣни руками, — экій норовъ у тебя горячій. Да кто жъ его гонитъ?

— Да стану я тебя спрашивать, такого! Кто въ домъ хозяйка? И куришь еще ты, нынче табакъ рубль четверка. Куришь, играешь... И глядѣть не хочи.

Она долго еще кричала на мужа, оправляя, сползавшую съ плечъ рубашку, подтыкала распадавшіеся волосы, набиралъ себѣ въ ротъ шпильки. Были приведены въ примѣръ начальникъ Гордѣевъ и писарь волостного правленія Рыбаковъ, какъ примѣрные, скромные мужья...

Къ утреннему самовару Козьма Данилычъ сѣлся.

За часомъ Сашенька пользовался особеннымъ вниманіемъ. У него было тоненькое, узкое, интеллигентное личико, загрѣбшее на вѣтру и солнцѣ, все покрытое частыми веснушками, не пропавшими къ сентябрю.

— Сколько жъ лѣтъ тебѣ, Сашенька? — ласково спрашивала Анна Платоновна, насыпая ему въ чашку двѣ ложки неску, при чемъ она демонстративно взглядывала на мужа.

— Девятый, — отвѣчалъ Саша.

— А чей ты? По фамили?

— Чтѣ?

— Фамилія, говорю, какъ?

— Не знаю.

Мальчикъ думалъ, глядя ей въ глаза, потомъ говоритъ:

— Не помню...

Отнявъ съ цѣтнаго, съ желтыми разводами, блюдочка, сталъ отвѣчать онъ на ласковые ея разпросы, и мало-

по-малу выяснилось, при какихъ условіяхъ погибла его семья, и какъ золь и безпощаденъ ликъ войны, и какая добрая и любвеобильная душа была у Караковского. Вспомнивъ „дядю“, Саша расплакался. Анна Платоновна, умиленная, вынула свой платокъ и стала утирать ему слезы, уговаривая его и увѣщая. Чего только ни сулила ему: игрушечныхъ солдатиковъ изъ Рязани, варенья, книжекъ съ картинками. Козьма Данилычъ, глядя на ея ожившее лицо, думалъ, какая бы Анна Платоновна была нѣжная мать, и какъ бы это было хорошо имѣть своего сына — въ родѣ Сашеньки.

Опять и опять шли подъ окнами поѣзда. Мальчикъ сталъ у окна и смотрѣлъ на мелькающіе за палисадникомъ вагоны, на рельсы, прогибающіеся подъ ихъ тяжестью на скрѣпахъ.

Внезапно онъ сказалъ:

— А пушки на войнѣ: бахъ-бахъ!

Анна Платоновна улыбалась.

— А пули: дз-зи-и! Тюкъ, тюкъ!

— Какъ, Сашенька, скажи еще, какъ?

— А пулеметы на войнѣ: та-та-а... та-та...

Онъ растопыривалъ крошечныя руки и, съ комической серьезностью наморщивъ свой лобъ, показывалъ, какъ выѣзжаетъ на позиціи артиллерія, какъ гремятъ передки и улюлюкаетъ фейерверкеръ. Бѣгалъ вокругъ стульевъ, изображалъ атаку конницы. Шустрымъ былъ. А подъ конецъ, вспомнивъ пожаръ родного города и тѣ ужасы, которыхъ не могла вмѣстить его дѣтская душа, опять расплакался и вдругъ, со злобой сжавъ кулачки, крѣпкимъ недѣтскимъ голосомъ закричалъ:

— Окаянные!

Запрокинулъ голову и забился весь:

— Да я бѣ ихъ... всѣхъ ихъ...

И вмѣстѣ съ нимъ плакала Анна Платоновна, а Козьма Данилычъ, подходя къ окну, вынималъ изъ занюшеннаго портсигара папиросу и, закуривая, злобно кромсалъ ее зубами.

Въ тотъ день, впервые въ этомъ году, выпалъ снѣгъ. Еще кой-гдѣ на деревьяхъ и травѣ держалась зелень, и было странно видѣть, какъ пушистые бѣлые хлопья покрывали землю, западая въ створкахъ палисадника, удерживаясь за рельсами съ той стороны, гдѣ не было вѣтра. Песокъ между шпалами побурѣлъ и взмокъ. Куры нахохлились, сизо-желтый пѣтухъ сталъ одною лапой на рельсѣ и стоялъ такъ долго, гордый и какъ будто кѣмъ-то обиженный, пока подползшіи товарный поѣздъ не спугнулъ его. Отъ снѣга въ комнатахъ стало свѣтлѣй.

— Зима, зима! — захлопалъ въ ладоши Сашенька.

Въ три часа Козьма Данилычъ съ Анной Платоновной и мальчикомъ, принарядившись, отправились въ сходы. Снѣгъ замелъ всю дорогу; Козьма Данилычъ въ новыхъ ослѣпительно сверкающихъ калошахъ прокладывалъ слѣды, и по нимъ пробиралась сначала Анна Платоновна, не имѣющая калоши, а дальше Сашенька, котораго обули въ валенки начальника сына. Тамъ, гдѣ прежде былъ трактиръ, а теперь „Староветовская чайная“, возлѣ новенькаго, еще не побурѣвшаго на воздухѣ домика съ засыпаннымъ соломой крыльцомъ собрались мужики. Срубленные дубья лежали возлѣ чайной, и на нихъ разсѣлся сходъ. Мужики стихли и молча оглядывали приближавшихся — Козьму Данилыча, старавшагося не засыпать снѣгомъ калоши, посѣвшающую за нимъ помощницу и Сашеньку въ длинномъ армякѣ.

Сходъ былъ шумный, готливый. Мужики били себя ладонями по ляжкамъ и по груди, крича:

— Дѣло общественное! Не объѣсть.

— Мирское дитѣ!

— Какъ теперича наши мужики кровь проливаютъ, мы завсегда должны...

— Не бойсь, паренекъ, миръ не обидитъ!

Козьма Данилычъ долго надсаживалъ свой отъ природы небогатый голосъ, Анна Платоновна, стоявшая въ сторонѣ, давно уже взвизгивала отъ нетерпѣнія, но перекричать сходъ было трудно. Наконецъ, когда старшина усмирить расходившихся мужиковъ, Козьма Данилычъ во внезапно наступившей тишинѣ сказалъ:

— Вотъ что, мужики, прошу у васъ ребенка какъ бы замѣсто сына.

Бѣдная.

К. В. Лебедевъ.

Въ церкви „Спаса за золотой рѣшеткой“.

К. В. Лебедевъ.

Прощаніе царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной съ братомъ Иваномъ передъ тѣмъ, какъ выдать его стрѣльцамъ. Царевна Софья, сожалья о судьбѣ Ивана Кирилловича, дала царицѣ Натальѣ для передачи Ивану образъ Богородицы. „Быть-можетъ,—сказала Софья,—стрѣльцы устроятся св. иконы и отпустятъ Ивана Кирилловича“.

— Что жь, усыновишь? — спросил чей-то недоверчивый голос.

— Усыновлю, — твердо отвѣтил Козьма Данилыч и оглянулся на жену: одобряет ли?

— Не дѣло! — закричали мужики. — Наше дитѣ! Какъ сходить рѣшить. Миръ пожелать, миръ и кормить будетъ.

— И я прокормлю, — прервалъ его Козьма Данилыч, съ недоумѣниемъ и испугомъ ощущая въ груди своей слезы. — Господи, мальчишка безъ роду, безъ племени... Вамъ что? Вы своихъ ребятъ кормите, а у меня никого нѣтъ...

И, пряча набѣжавшій на глаза слезы, наклонился онъ будто бы смахнуть со своихъ новыхъ калошъ снѣгъ. Тутъ не выдержала Анна Платоновна и, перебѣжавъ дорогу, обняла Сашеньку за худенькія, узкія его плечи.

— Не отдамъ, не отдамъ! — закричала она визгливо.

Сходить примолкъ. Переглядываясь, мужики толкались на мѣсть.

при чемъ сама передъ уроками долго готовится надъ раскрытой книгой, шепчетъ съ усиленіемъ трудныя слова и морщитъ свой бѣлый узкій лобъ. Сашенька боекъ, смысленъ. Съ нимъ вошло въ домъ тихое, умиротворенное счастье, сокрывшее частые супружескія нелады, сравнявшее неугомонный помощницынъ характеръ. Этимъ послѣднимъ особенно доволенъ Козьма Данилычъ: жалованьемъ своимъ онъ распоряжается теперь сполна, заботясь лишь о томъ, чтобы расходъ на карты не былъ слишкомъ замѣтенъ, для чего урѣзываетъ себя во всемъ — собираетъ окурки и, покрутивъ межъ ладоней, сдираетъ съ нихъ тонную папиросную кожу; въ приготовленную такимъ способомъ гильзу онъ снова накалчиваетъ крѣпкій дешевый табакъ.

Сашенька тоже привыкъ къ новому дому и новымъ лицамъ. Война изранила его мягкую душу, изнывшую безъ ласки, и каждое проявленіе нѣжности дѣйствуетъ на него сильно. Становятся глубокими зрачки его маленькихъ, еще мало смысленныхъ глазъ, и все рѣже дрожатъ на нихъ слезинки. Но прошлое

Кончина патріарха Гермогена.

— Эко дѣло какое! — сказали кто-то со вздохомъ.

Анна Платоновна ласкала бѣдное Сашенькино личико, слегка поросовѣвшее на воздухъ, пальцы ея бѣгали по его поддевкѣ, по шапкѣ съ протертымъ баранкомъ, по теплымъ его валенкамъ.

Старшина вытеръ глаза рукавомъ.

— Что жь, православные, — сказали онъ убѣдительно, — сами видите, какъ женщина убивается. Не иттить же супротивъ женскаго сердца?

— Не иттить, не иттить! — закричали мужики.

Снявъ фуражку, Козьма Данилычъ поклонился сходу. И мужики тоже поенимали шапки, отвѣтно ему кланяясь.

Расходясь, говорили мужики о томъ, что новое счастье открылось бездѣтной помощницѣ. Пусть себѣ радуется женщина: вѣдь баба безъ ребенка, что мужикъ безъ табаку — жить не можетъ...

IV.

Съ крѣпкими морозами, заковавшими Мечъ, съ обильными снѣгами, сравнявшими поля съ небомъ, грянула зима. Дни были коротки, а вечера тянулись медленно, по-старчески, съ всею вѣтра въ трубахъ и трескомъ чердачныхъ стропилъ. Четырнадцатый номеръ проходитъ теперь съ фонарями, бросающими на промерзшіе рельсы и снѣгъ далеке, яркіе лучи, въ которыхъ блились, кружась, хлопья снѣга.

Анну Платоновну теперь трудно узнать: хлопочетъ цѣлые дни, занимается съ Сашенькой арифметикой, географіей и диктантами.

Академикъ А. Н. Новосколицевъ.

еще всецѣло владѣть имъ — когда ставятъ на запасъ воинскіе поѣзда, онъ выходитъ на платформу и смотритъ неотрывно на солдатъ, слушаетъ ихъ хохотъ и иѣсни, Анна Платоновна боится тогда, что онъ сбѣжитъ на войну.

Съ села часто приходитъ старшина, приноситъ Сашенькѣ деревенскія пышки, завернутыя въ красный платокъ, яблоки и рыхлый душистый пеклеваникъ. Старикъ послѣднее время веселъ: слышно, ѣдетъ на побывку старшой, Михайла.

Бѣгутъ зимніе дни, пугая холодомъ. Изъ-подъ рамъ ползетъ морозъ, лижетъ стѣны и углы въ комнатахъ. На морозѣ гулче стонуть провода, громче кричатъ у семафоровъ паровозы. Въ такіе дни невольно думается о глубокихъ промерзшихъ окнахъ, о чадныхъ теплушкахъ... Помогите имъ, Господи, и подкрѣпите ихъ!

Ноябрьскимъ вечеромъ, когда Козьма Данилычъ, встрѣчая поѣзда, куталъ свое горло въ клѣтчатыя женинъ шарфы, съ пассажирскимъ нумеръ пятый прѣехала въ Старолѣтово молодая дама съ мальчикомъ, спросившая, здѣсь ли погребень N—скаго полка вольноопредѣляющей Каракосовъ. На дамѣ была темно-коричневая рогонда съ пушистымъ лисьимъ воротникомъ и скромная не вычурная шляпка: лицо ея казалось дѣвичьимъ, семнадцатилѣтнимъ, глаза, глубоко запавшіе, будто безпрестанно мѣняли выраженіе. Она называла мальчика Костей и поминутно натягивала ему на уши нарядный желтый башлыкъ.

Козьма Данилычъ проводилъ поѣздъ и, подойдя къ дамѣ, съ всею любезностью, на какую онъ былъ способенъ, предложилъ ей „покаместъ что“ пройти къ нему на квартиру, пообогрѣться

и узнать все „въ доточности“. Онъ самъ проводилъ ее до двери и крикнулъ Анну Платоновну.

Съ любопытствомъ и безцеремонностью, свойственными простымъ женщинамъ, Анна Платоновна стала разспрашивать гостя о Каракосовѣ и ея отношеніяхъ къ нему. Разговаривая, гостя сняла рогонду, разстегнула Костѣ шубку, распутала его башлыкъ. Оба казались утомленными съ пути.

— Женой ему приходиться? — спрашивала Анна Платоновна.

Съ усиленіемъ, точно отгоняя тяжелыя мысли, прѣбывавшая отвѣтила:

— Жена. Это вотъ сынъ нашъ.

И вдругъ, поднявъ къ лицу бѣлыя свои точеныя руки съ перстнями на пальцахъ, горько заплакала, помахивая головой на утѣшенія, отталкивая отъ себя мальчика, ласкавшася къ ней.

Анна Платоновна, сострадательно глядя на нее, молвила:

— Ахъ, госпожа Каракосова, не убивайтесь же такъ. Мужу вашему уготованъ мученическій вѣнецъ.

Открывъ заплаканное свое лицо, Каракосова сказала безвольнымъ, тихимъ тономъ:

— Если бы вы знали, какъ это ужасно... Война перевернула всю мою жизнь. Мнѣ хочется довѣриться вамъ, мнѣ хочется рассказать вамъ, почему мнѣ такъ тяжело.

Съ возгорѣвшимся любопытствомъ Анна Платоновна подошла къ Каракосовой; брови ея выжидательно поднялись, собравъ въ складки кожу лба.

— Мы изъ Иркутска, — начала Каракосова, обнявъ руками голову притихшаго своего сына. — Мы въ супружествѣ уже семь лѣтъ. Четыре года изъ нихъ были счастливы, четыре года я жила въ розовомъ туманѣ, радуясь на сына и крѣпко любя мужа. Ахъ, я такъ виновата передъ нимъ... Простите, ничего не скажу вамъ больше...

Она вынула изъ ридикюля тонкій шелковый платокъ, пахнувший бегоніей, и отерла имъ глаза. Обиженная недовѣріемъ, Анна Платоновна молчала.

— Въ жизни, голубушка, все такъ непонятно и лживо... Мы жили врозь, томаясь другъ по другѣ. Понимаете, онъ не вынесъ, онъ ушелъ добровольно. А я не могла его проводить, не зная часа его отбѣзда ни эшелона, съ которымъ онъ ушелъ. Съ тѣхъ поръ я стала слѣдить за нимъ... Вы видите, я нашла его... мертвого.

Онъ сидѣли, не говоря больше ни слова, подавленные скандаломъ. Каракосова кромсала зубами платокъ, Анна Платоновна молча за нею наблюдала.

Изъ сосѣдней комнаты воцѣлъ Сашенька.

— Вашъ сынъ? — спросила Каракосова.

— Нѣтъ, — промолвила Анна Платоновна, любовно глядя на мальчика, — это вашего покойнаго мужа находка.

Она съ жаромъ стала рассказывать, а такъ какъ говорила плохо, не находя нужныхъ словъ, то Каракосова долго не понимала, въ чемъ тутъ дѣло. Мѣшала мысль, что мальчикъ этотъ имѣетъ какое-то отношеніе къ мужу. Что-то пѣло въ груди ея: „мужнина находка, мужнина память“. А Анна Платоновна, захлебываясь, распѣвала вся.

Тѣмъ временемъ серьезный, сосредоточенный Костя, подойдя къ Сашенькѣ, остановился и заложилъ за спину ручонки. Внимательно и долго оглядывалъ его, откинувъ голову на плечо, и наконецъ спросилъ:

— Мальчикъ, скажи, какъ тебя зовутъ?

— Нѣтъ, никакъ, — отрывисто и недружелюбно отвѣтилъ ему Сашенька.

Костя подумалъ и добавилъ:

— А меня зовутъ Котикъ.

Сашенька тоже подумалъ, потомъ спросилъ:

— Ты зачѣмъ прѣхалъ?

— Съ мамой, — отвѣтилъ Котикъ. — А твоя мама, она гдѣ?

— Нѣмцы убили.

— А папа?

Губы Сашеньки покривились, лицо передернулось гримасой.

— Тоже нѣмцы убили, — сказалъ онъ и заплакалъ.

На могилу вольноопредѣляющагося Каракосова повелъ прѣзжихъ Сашенька. Вѣтеръ намелъ сугробы снѣга, и калитку на кладбище завалило — долго не открывалась. Изъ снѣга торчали кособокіе и прямые, бѣлые и прогнившіе кресты, да кой-гдѣ выдавались краями желѣзныхъ своихъ пикъ рѣдкія надгробныя ограды. Въ жаркой рогондѣ Каракосовой итти было тяжело, а Котикъ, отморозившій себѣ уши, обиженно хныкалъ.

— Вотъ дяденькина могила, — указалъ Сашенька на простой деревянный крестъ. Обмерзшій, высохшій вѣнокъ на немъ бился на вѣтру, сыпая снѣгъ.

Каракосова обняла его руками; злой морозъ сталъ лизать ей

руки выше кисти, тамъ, гдѣ тѣла не спасала замша перчатки, прокрался по ногамъ, которыя обнажила раскрывшаяся рогонда. Когда она коснулась лицомъ поверхности креста, морозъ обжегъ ее щеку. Она не плакала. Въ горе было значительнѣе слезъ. Мальчики стояли позади нея, глядя на ея склоненную фигуру, на снѣгъ, подавшійся подъ ней и образовавшій ямку.

Внезапно сдѣлалось темнѣй, подулъ вѣтеръ, и пошелъ жесткій снѣгъ.

На обратномъ пути Каракосова молчала. Глядѣла на идущихъ впереди мальчиковъ, уже сошедшихся, оживленно болтающихъ, и снова пѣла въ ея душѣ примиренная грусть: „мужнина находка, мужнина память!“

Ей начинало казаться, что дѣлается легче тяжесть, освѣшая ей на душу, и нѣтъ прежней терпкой тоски, и она думала со слезами на глазахъ:

„Простилъ, простилъ“...

Передъ отбѣздомъ Каракосова долго говорила съ Анной Платоновной, затворившись съ нею съ глазу на глазъ. Въ конторѣ Козьма Данилычъ меланхолично щелкалъ на счетахъ, высчитывая багажную плату по тарифу. Керосиновая лампа съ расколотымъ и подклееннымъ абажуромъ бросала на вѣдомость ровный, немигающій свѣтъ.

За полчаса до поѣзда вышла Каракосова изъ квартиры, держа за руки Котика и Сашеньку, а

за нею слѣдомъ заплаканная шла Анна Платоновна.

— Вотъ, — сказала Каракосова, обращаясь къ сыну, — вотъ, Котикъ, твой новый братецъ Сашенька.

И заставила мальчиковъ поцѣловаться.

Не удивившись даже не глядя на жену, Козьма Данилычъ вынулъ и пробилъ на компостерѣ три билета: одинъ взрослый и два дѣтскихъ, и протянулъ ихъ Каракосовой. Послѣ этого онъ опять сѣлъ за свою вѣдомость.

— Это мой долгъ, — проговорила Каракосова, расплачиваясь за билеты.

— Ужъ какъ жалко-то мнѣ тебя, Сашенька, — молвила Анна Платоновна, утирая слезы.

До самаго поѣзда она ласкала мягкіе, свѣтлые его волосы, цѣловала въ пухлый ротикъ и глаза, ощущая на языкѣ соленый вкусъ Сашенькиныхъ слезинокъ.

А когда, гремя, отошелъ почтовый и сразу сдѣлалось сиротливо на крохотномъ полустанкѣ, прошла Анна Платоновна въ свою квартирку, оглядѣла стѣны, кровать, столъ съ неубранымъ самоваромъ, вдругъ ударила кулакомъ себя въ грудь и, разжавъ пальцы, бросила на полъ смятую хрусткую двадцатипятирублевку.

— Иди, что ль, чай-то пить! — закричала она мужу.

Козьма Данилычъ прислушался къ ея голосу, полному слезъ, почесалъ карандашомъ щеки и съ неприятною подумалъ, что не миновать ему нынче затяжной супружеской ссоры.

Сервантесъ.

Сервантесъ.

Очеркъ **Сергѣя Боткина.**

Съ портретомъ и 5 рис. на стр. 830—833.

I.

23-го апрѣля 1916 года исполнилось триста лѣтъ со дня смерти одного изъ величайшихъ художниковъ слова—Мигеля Сервантеса, автора всему міру извѣстнаго „Донъ-Кихота“. Еще при жизни писателя вся Испанія зачитывалась этимъ романомъ: имъ одинаково увлекались и простонародье и молодежь, учившаяся въ знаменитыхъ въ то время университетахъ Саламанни и Алькала де-Энаресь. Однако, если Сервантеса такъ любили широкіе слои общества, то въ литературныхъ кругахъ многіе отнеслись къ нему очень высоко. Такъ, напримѣръ, драматургъ Лопе де-Вега, пользовавшійся большою славою среди своихъ современниковъ, писалъ въ одномъ частномъ письмѣ: „среди множества современныхъ писателей нѣтъ ни одного столь плохого, какъ Сервантесъ, или настолько глупаго, чтобы хвалить „Донъ-Кихота“. Несмотря на такое отношеніе къ Сервантесу нѣкоторыхъ литераторовъ, число поклонниковъ великаго романиста росло съ каждымъ годомъ. И каждый годъ въ разныхъ городахъ Испаніи выходили все новыя и новыя изданія „Донъ-Кихота“. Въ настоящее время въ Испаніи не найти человѣка, который бы не зналъ о Сервантесѣ и его Рыцарѣ Печальнаго Образа. Поэтому день трехсотлѣтія со дня смерти писателя долженъ былъ быть настоящимъ національнымъ праздникомъ. Еще за многіе годы до его наступленія государственные дѣятели, литераторы, художники и ученые стали обсуждать, какъ ознаменовать столь большое торжество, на которое правительство ассигновало 200.000 песетъ (около 70.000 рублей).

Было рѣшено поставить памятникъ автору „Донъ-Кихота“, выбить въ честь его медали и отпечатать особыя юбилейныя почтовые марки. Было также рѣшено выпустить новыя изданія „Донъ-Кихота“,—одно дешевое для народа, а другое дорогое для любителей-эрудитовъ въ четырехъ большихъ томахъ in quarto. Второе изданіе должно было быть снабжено многочисленными примѣчаниями лучшаго знатока Сервантеса и маститаго ученаго Родригеса Марина. Но—увъ!—большой части этихъ намѣреній не суждено было осуществиться. Наступила великая война, и тѣнь ея упала на Испанію, которая, казалось, осталась въ сторонѣ. Въ связи съ войною въ Испаніи возникъ тяжелый экономическій кризисъ, вслѣдствіе котораго множество рабочихъ лишилось заработка и хлѣба. Находясь въ затруднительномъ положеніи и сознавая необходимость помочь неимущимъ, испанское правительство отдало имъ деньги, предназначенныя для юбилейныхъ торжествъ. И лучше оно не могло поступить въ память того, кто былъ другомъ всѣхъ бѣдныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ.

Однако любители Сервантеса имѣли одно утѣшеніе: благодаря Королевской Академіи въ Мадридѣ, они могли пріобрѣсти за ничтожную плату отличную фототипію съ недавно найденнаго портрета великаго писателя. Этотъ портретъ былъ найденъ совершенно случайно. Онъ былъ купленъ однимъ любителемъ, считавшимъ его за портретъ неизвѣстнаго, написанный живописцемъ севильской школы. Послѣ чистки картины, которая была очень грязна, обнаружилась двѣ надписи: наверху: *D. Miguel de Cer-*

vantes Saavedra, а внизу: *Juan de Jaurigui pintó, año 1600.* Когда картину увидѣли знатоки и специалисты, они признали ее подлинной. Тогда собственникъ портрета великодушно пожертвовалъ его Академіи, которая повѣсила его въ большой залѣ своихъ зазданій.

Живописецъ Хауреги мало извѣстенъ, такъ какъ до нашего времени дошли только его рисунки и гравюры. Онъ родился въ 1583 году и прожил частью въ Севильѣ, частью въ Мадридѣ. Современники ставили его очень высоко. Наибольше значительными его картинами считались „Юдиѣ“ и „Иосифъ съ младенцемъ Христомъ“. Когда Хауреги писалъ портретъ Сервантеса, ему было всего 17 лѣтъ, а самому писателю—53 года.

О томъ, что Хауреги написалъ портретъ Сервантеса, любители испанскаго романиста давно уже знали. Сервантесъ самъ сообщилъ объ этомъ въ предисловіи къ своимъ „Назидательнымъ повѣстямъ“, въ которомъ онъ и описалъ свою наружность: „Предъ вами человѣкъ съ продолговатымъ лицомъ, каштановыми волосами, гладкимъ и открытымъ лбомъ, веселыми глазами и орлинымъ носомъ, хотя хорошей пропорціи; его борода серебрится, а не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ она была золотою; у него большіе усы, маленький ротъ, а зубы не частые и не большіе, потому что ихъ всего шесть, да и тѣ въ плохомъ видѣ и еще хуже разставлены, такъ какъ не соотвѣтствуютъ другъ другу: роста онъ средняго, ни большаго ни маленькаго; цвѣтъ его лица свѣтлый, скорѣе бѣлый, чѣмъ коричневый; онъ сутуловатъ и тяжелъ на ноги“.

II.

Мигель де-Сервантесъ Сааведра родился въ одномъ изъ городовъ центральной Испаніи—Алькала де-Энаресь. Его крестили въ октябрѣ 1547 года. Дѣтство и юность Мигеля прошли въ скитаніяхъ съ отцомъ, который

часто мѣнялъ мѣста своего жительства: по своей профессіи отецъ Мигеля былъ врачомъ. Привыкшій съ дѣтства къ безпокойной скитальческой жизни и движимый жаждой яркихъ впечатлѣній, Сервантесъ, когда ему было около 20 лѣтъ, покинулъ родину и отправился въ Италію, куда, можетъ быть, его также тянули уже пробудившіеся въ немъ литературные вкусы. Вскорѣ бѣдность заставила Мигеля поступить на службу къ одному кардиналу. Но однообразная и монотонная жизнь въ домѣ прелата не могла его удовлетворить: онъ становится солдатомъ и героемъ знаменитой битвы при Лепанто (7-го октября 1570), въ которой испанцы разбили наголову турецкій флотъ. Товарищи Сервантеса рассказывали, что, будучи въ день битвы въ горячкѣ, онъ отказался воспользоваться своимъ правомъ не принимать участія въ бою. Сервантесъ получилъ ответственное командованіе одной изъ лодокъ, которымъ было приказано охранять лѣвый флангъ христіанскаго флота; свое порученіе онъ исполнилъ блестяще. Онъ получилъ тяжелую рану въ лѣвую руку, которою болѣе уже никогда не могъ владѣть, что не помѣшало ему участвовать послѣ и въ другихъ дѣлахъ противъ турокъ. Но храбрость и усердіе не помогли автору „Донъ-Кихота“, который не выходилъ изъ очень скромныхъ должностей. Недовольный своимъ положеніемъ, онъ

Мальчуганы.

Мурильо.

Карликъ.

Веласкесъ.
Прадо (Мадридъ).

Он не спал ночей,
желая понять смысл книги.
(„Донъ-Кихотъ“. Ч. I, гл. 1.)

Гипсунокъ современнаго
испанскаго художника
Рикардо Марина.

рѣшилъ вернуться въ Испанію, гдѣ надѣялся найти лучшее. Однако судьба распорядилась иначе. Корабль, который везъ писателя, былъ захваченъ пиратами, и Сервантесъ попалъ въ алжирскій плѣнъ. Онъ томился въ плѣну пять лѣтъ, живя въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, но не теряя бодрости и присутствія духа, сочиняя комедіи, дѣлая безпрестанныя попытки освободиться и питая въ себѣ фантастическій планъ возстанія всѣхъ христіанскихъ плѣнниковъ. Сервантесъ проявилъ въ плѣну удивительную силу духа и рѣдкое благородство: когда его попытки освободить себя и своихъ товарищей по несчастью кончились неудачей, онъ бралъ всю вину на себя, чтобы избавить друзей отъ тяжелаго наказанія. И духовная мощь этого человѣка, закованнаго въ цѣпи, была столь необычайна, что она внушала страхъ тѣмъ самымъ жестокимъ туркамъ, которые не боялись истязать и мучить другихъ. Интересно, что послѣдняя попытка Сервантеса обжечь была раскрыта однимъ доминиканскимъ монахомъ, хотѣвшимъ извлечь изъ этого нѣкоторую выгоду. Этотъ предатель, по имени Бланко де-Пасъ, получилъ въ награду золотую монету и горшочекъ съ масломъ. Въ концѣ концовъ Сервантесъ былъ выкупленъ на средства его родныхъ и добрыхъ монаховъ, занимавшихся выкупомъ плѣнныхъ христіанъ. Въ 1580 году герой битвы при Лепанто былъ уже на родинѣ, гдѣ ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ новымъ врагомъ и гораздо болѣе немилосерднымъ. Этимъ врагомъ была бѣдность. Сервантесъ принялся за литературную работу, но ею онъ не могъ поддержать себя и свою семью; тогда онъ обратился къ практической дѣятельности. Сначала онъ занимался поставкой провіанта для флота, а затѣмъ получилъ должность сборщика налоговъ въ южной Испаніи. Томясь этой работой, которая была ему совсѣмъ не по дунѣ, Сервантесъ рѣшилъ уѣхать въ Америку. За неимѣніемъ денегъ было необходимо получить даровой проѣздъ, но для этого слѣбовало заручиться какой-нибудь правительственной должностью. Сервантесъ подалъ соответственное прошеніе, въ отвѣтъ на которое ему былъ данъ совѣтъ присѣсть себѣ подходящее занятіе на родинѣ. А между тѣмъ никакого „подходящаго“ дѣла ему не дали. Запутавшись въ счетахъ по сбору податей, авторъ „Донъ-Кихота“ задолжалъ правительству и, не имѣя никакихъ личныхъ денегъ, онъ попалъ въ тюрьму, въ которой просидѣлъ около трехъ мѣсяцевъ. Получивъ свободу, Сервантесъ покинулъ южную Испанію и переехалъ на сѣверъ. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Вальядолидѣ, а потомъ въ Мадридѣ. Въ 1605 году появилась въ печати первая часть „Донъ-Кихота“. Въ 1610 году Сервантесъ опять пытался покинуть Испанію: онъ хотѣлъ быть принятымъ въ составъ свиты графа Лемоса, назначеннаго неаполитанскимъ вице-королемъ. Но этой надеждѣ не суждено было сбыться.

Послѣднія шесть лѣтъ жизни Сервантеса были годами наивысшаго развитія его художественнаго гения. Въ этотъ періодъ шестидесятилѣтній старикъ напечаталъ свои замѣчательныя „На-

зидательныя повѣсти“, остроумныя и въ сценическомъ отношеніи совершенныя интермедіи, и, наконецъ, вторую часть „Донъ-Кихота“.

19-го апрѣля, за четыре дня до смерти, Сервантесъ писалъ посвященіе къ послѣднему своему роману „Перислесъ и Сихисмунда“. Въ этомъ посвященіи онъ прощался и со своими читателями: „Прощай, веселье, прощайте, шутки, и вы, мои веселые друзья: я умираю и надѣюсь увидѣть васъ вскорѣ довольными на томъ свѣтѣ!“— Такъ прощался съ міромъ великій писатель. 23-го апрѣля 1616 года Мигель де-Сервантесъ Сааведра закрылъ глаза навѣки.

III.

Между душевнымъ складомъ писателя и характеромъ его героевъ всегда существуетъ нѣкоторая связь. Художникъ невольно передаетъ создаваемымъ имъ людямъ свои стремленія и смотритъ на нихъ черезъ призму своей души.

Сервантесъ былъ натурой безпокойной, неустаннымъ искателемъ счастья и приключеній; одновременно это былъ рѣдко благородный человекъ, истинный рыцарь. Обѣ эти душевныя особенности передались и героямъ писателя. Герои Сервантеса всегда чего-то ищутъ и всегда страдаютъ. И таковъ не только донъ-Кихотъ, но и всѣ дѣйствующія лица „Назидательныхъ повѣстей“. Почему они скитаются, и чего они ищутъ?

Женщины ищутъ любви. Доротеа, обманутая доносомъ Фернандо, надѣваетъ мужской костюмъ и отправляется въ поиски своего возлюбленнаго (эпизодъ изъ „Донъ-Кихота“). Такъ же поступаетъ Теодосія, героиня повѣсти „Два дѣвушки“. Мужчины-авантюристы преслѣдуютъ разныя цѣли. Одни пускаются въ странствованія, чтобы не умереть съ голоду; другіе ищутъ богатства и наживы. Но преобладающее большинство героевъ Сервантеса ищетъ только однихъ приключеній въ свободной и независимой жизни. Для болѣе просвѣтыхъ натуръ эти приключенія — просто развлеченія; болѣе сложные и тонкіе

люди видятъ свои авантюры въ свѣтѣ общихъ идей. Такъ, донъ-Кихотъ считалъ свои скитанія служеніемъ идеѣ странствующаго рыцарства. Бѣдный идалго хотѣлъ воскресить старые средне-вѣковыя идеалы и вѣрилъ, что возможно подчинить имъ позабытую ихъ и ушедшую впередъ жизнь.

Сервантесъ не только былъ убежденъ въ существованіи хорошихъ людей, но даже думалъ, что „не всѣ дьяволы одинаково плохи“. Поэтому онъ любилъ отгадывать хорошія стороны въ людяхъ дурныхъ. Если его герои и совершаютъ что-нибудь нехорошее, то они всегда вскорѣ раскаиваются и исправляются. Донъ-Кихотъ въ порывѣ гнѣва подымалъ на Санчо руку, а затѣмъ спѣшилъ извиниться предъ своимъ оруженосцемъ. А Санчо, однажды изъ жадности попросившій у своего господина жалованья, тутъ же искренно раскаялся въ своемъ грѣхѣ и смылъ его горячими слезами.

Если Сервантесъ велъ всѣхъ людей отъ зла къ добру, то это было не только выраженіемъ личнаго міровоззрѣнія, но также и определенной тенденціей, которую ему внушило его время. Сервантесъ, какъ и его современники, подчинялъ искусство нравственнымъ плѣнямъ. „Донъ-Кихотъ“ долженъ былъ отучить читателей отъ чтенія пустыхъ рыцарскихъ романовъ, имѣвшихъ пагубное вліяніе на людей. Свои повѣсти Сервантесъ называлъ „Назидательными“, думая, что „среди нихъ нѣтъ ни одной, изъ которой нельзя было бы извлечь полезнаго назиданія“. Таковы были блага намѣренія писателя, который, къ счастью современниковъ и потомковъ, настолько увлекался своими образами, что часто забывалъ о поставленныхъ себѣ нравственныхъ цѣляхъ.

IV.

Народность и натурализмъ — вотъ основныя особенности испанскаго искусства XVI и XVII вѣковъ. Художники слова и кисти одинаково любили изображать народный бытъ и одинаково стремились къ одному и тому же идеалу — къ правдивой передачѣ природы. Между творчествомъ Сервантеса и великихъ живописцевъ его времени, Веласкеса и Мурильо, существовала тѣсная внутренняя связь.

Хотя въ „Донъ-Кихотѣ“, какъ въ большомъ социальномъ романѣ, представлено почти все испанское общество, однако нельзя не замѣтить, что Сервантесъ останавливается съ особенной любовью на народныхъ типахъ и бытовыхъ картинахъ изъ народной жизни. Мелкопомѣстный дворянинъ донъ-Кихотъ жилъ въ небольшой деревнѣ, гдѣ интеллигенція была представлена сельскимъ священникомъ и цырюльникомъ. Когда донъ-Кихотъ покидаетъ свой домъ и отправляется странствовать вмѣстѣ съ крестьяниномъ Санчо Пансой, мы видимъ его почти исключительно въ деревенской обстановкѣ и среди простолюдиновъ: то на проѣздѣй дорогѣ, то въ бѣдной придорожной венѣ. Сервантесъ создалъ въ своемъ романѣ рядъ замѣчательныхъ народныхъ образовъ и

сценъ изъ народной жизни, которые въѣмъ хорошо извѣстны. Кто не сохранилъ въ памяти описанія похоронъ несчастнаго въ любви студента и свадьбы Камачо, — описанія каталанскихъ разбойниковъ съ ихъ атаманомъ Роке Гинартомъ и освобожденныхъ донъ-Кихотомъ каторжниковъ?

Народные образы и сцены не менѣе ярки въ интермедияхъ и повѣстяхъ нашего писателя. Вотъ какъ начинается повѣсть „Ринконете и Кордадильо“: „Въ постояломъ дворѣ Молиньо, находящемся въ глубинѣ достойныхъ извѣстности алькудійскихъ полей, по дорогѣ изъ Кастилии въ Андалузію, въ жаркій лѣтній день случайно встрѣтились два мальчика въ возрастѣ четырнадцати-пятнадцати лѣтъ: оба были очень изящны, хотя ихъ одежда и была кое-гдѣ распорота, а кое-гдѣ изодрана да очень помята. Плащей они не имѣли: ихъ брюки были холщевыми, а чулки изъ собственной кожи... Оба мальчика, обожженные солнцемъ, имѣли длинные и грязные ногти, да и не очень чистыя руки“. Развѣ эти мальчики не напоминаютъ мальчугановъ Мурильо? (Рис. на стр. 831).

Сервантесъ имѣлъ особенное тяготѣніе къ подонкамъ общества, ко всякаго рода плутамъ и мошенникамъ. Они интересовали его, какъ люди, выброшенные изъ обычной жизненной колеи. Поэтому онъ также любилъ цыганъ и охотно присматривался къ пастухамъ, нѣсколько оторваннымъ благодаря своему роду занятій отъ безмятежной жизни въ тѣни родной колокольни.

Авторъ „Донъ-Кихота“ и „Назидательныхъ повѣстей“; какъ и живописцы его времени, имѣлъ большое пристрастіе къ воспроизведенію окружающей человѣка обстановки и предметовъ быта и потребленія. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ описалъ дворикъ, въ которомъ собирались севильскіе воры: „небольшой дворъ, выложенный кирпичомъ, былъ столь чисто вымытъ, что казался ярко-краснымъ. На одной сторонѣ стояла скамейка о трехъ ножкахъ, а на другой — съ отбитымъ носомъ кувшинъ, покрытый разбитой чашкой; въ глубинѣ двора лежала дыновка, а въ серединѣ находился горшокъ дикихъ васильковъ“. Вспомнимъ еще описаніе угощенія донъ-Кихота козопасами. Вокругъ огня сидятъ кружкомъ козопасы и ихъ гости: всѣ сидятъ на козьяхъ шкурахъ, а странствующій рыцарь на перевернутомъ корытѣ: тѣмъ служатъ сухіе желуды, сыръ и козье мясо; пьютъ всѣ изъ одного и того же рога. Невдалекѣ отъ костра виднѣются подвѣшенные къ пробковому дереву мѣхи съ виномъ. Такія точныя описанія обстановки, вещей и яствъ встрѣчаются въ произведеніяхъ Сервантеса постоянно.

Любя воспроизведеніе бездушныхъ предметовъ, испанскіе художники особенно интересовались изображеніемъ самого человѣка. Сурбаранъ и Веласкесъ создали цѣлую галерею портретовъ всей духовной и свѣтской Испаніи. И надо замѣтить, что испанцы очень любили некрасивыя и даже безобразныя лица. Веласкесъ не написалъ ни одной красивой женщины, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ нѣсколько портретовъ поразительно своимъ безобразіемъ идиотовъ и карликовъ. А Рибера предпочиталъ стариковъ молодымъ людямъ и карликамъ здоровымъ. По любви къ безобразному Сервантесъ былъ типичнымъ художникомъ своего времени. Въ его произведеніяхъ можно найти много удивительныхъ описаній человѣческаго уродства. Въ повѣсти „Разговоръ собакъ“ имѣется слѣдующее описаніе тѣла колдуньи, лежащей въ безпамятствѣ на полу: „Она была очень длинна и состояла изъ однихъ костей, покрытыхъ темной, волосатой и грубой кожей, животь, словно сдѣланный изъ овечьей шкуры, свисалъ до середины бедеръ; сухія морщинистыя груди походили на пустыя воловьыя пузыри: она имѣла черныя губы, рѣдкіе зубы, согнутый и словно составленный изъ шанкекъ носъ, вытаращенные глаза, лишнюю волосъ голову, впалыя щеки, худую шею и проваливающуюся грудь“.

V.

Сервантесъ и не подозревалъ, что можно найти глубокой философскій смыслъ въ его „Донъ-Кихотѣ“, такъ какъ, стремясь только къ правдивому и вѣрному изображенію окружающей его дѣйствительности, онъ не идеализировалъ своихъ героев и относился къ нимъ со снисходительностью мудреца. Поэтому онъ не видѣлъ въ „Донъ-Кихотѣ“ тѣхъ чертъ, которыя стали впервые открываться взорамъ людей XIX вѣка. Люди этого вѣка увидѣли въ романѣ Сервантеса символическое изображение никогда не прекращающейся борьбы идеала съ дѣй-

„Выпрямьтесь немного,—сказалъ Санчо, — потому что вы, кажется, падаете“ („Донъ-Кихотъ“, Ч. I, гл. 8).

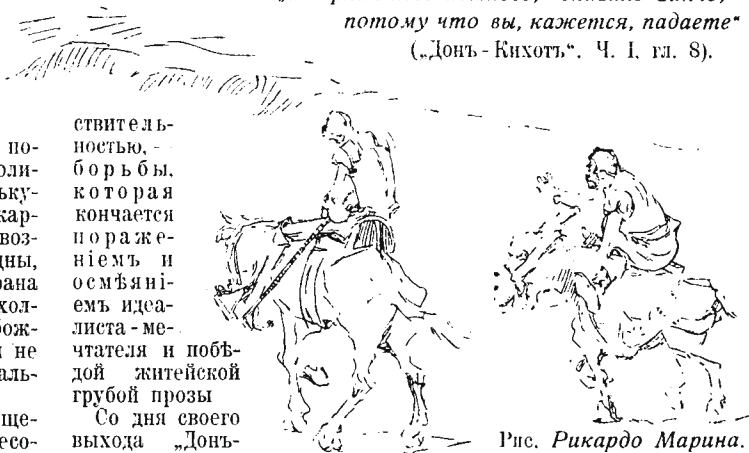

Рис. Рикардо Марина.

ствительностью, — борьбы, которая кончается поражениемъ и осмѣяніемъ идеалиста-мечтателя и побѣдой житейской грубой прозы

Со дня своего выхода „Донъ-Кихотъ“ имѣлъ всегда многочисленныхъ друзей. Имъ зачитывались дѣти, и его любили такіе люди, какъ Монтескье, Байронъ и Левъ Толстой. Послѣ Библии романъ Сервантеса является самой распространенной въ мірѣ книгой.

„Донъ-Кихотъ“.

Къ трехсотлѣтнему юбилею Сервантеса въ Норвегии принято роскошное изданіе „Донъ-Кихота“ въ новомъ образцовомъ переводѣ. Изданіе выходитъ выпусками, и къ первому собраны отзывы выдающихся людей о безсмертномъ Сервантесѣ. 300 лѣтъ тому назадъ Сервантесъ самъ предсказалъ своему дѣтнцу большой успѣхъ: „дѣти будутъ тянуться въ этой книгѣ, молодежь будетъ зачитываться ею, зрѣлые люди будутъ понимать, а старые и прославлять“.

Пророчество его скоро сбылось. Рассказываютъ, что въ дни появленія романа въ свѣтъ король Филиппъ увидѣлъ съ балкона дворца студента, который, иди по улицѣ, читалъ книгу и то и дѣло останавливался, хлопалъ себя по лбу и заливался смѣхомъ.

— Либо рехнулся, либо читаетъ „Донъ-Кихота!“ — воскликнулъ король и угадалъ. — Студентъ восторгался „Донъ-Кихотомъ“.

И восторгъ читателей длится вотъ уже три столѣтія.

Такіе великіе и въ то же время разные умы, какъ Гёте, Гейне и Достоевскій, одинаково восторгались живостью и остроуміемъ гениальнаго испанца.

Новое норвежское изданіе богато иллюстрировано; кромѣ извѣстныхъ иллюстрацій испанца Гоя и француза Домье, издатель воспользовался превосходными, но мало извѣстными рисунками талантливаго датскаго жанриста Марстранда, которыхъ насчитывается до сотни.

Въ заключеніе мы помѣщаемъ здѣсь гербъ типографіи Хуана де-ла-Куэста, помѣщенный на первомъ изданіи „Донъ-Кихота“, вышедшемъ въ 1605 году. Начертанный въ гербѣ вокругъ изображеній сокола и льва девизъ „Post tenebras spero lucem“ („Послѣ мрака надѣюсь на свѣтъ“) представляеть, видимо, девизъ самого Сервантеса. Указаніе на это мы находимъ въ „Донъ-Кихотѣ“: въ части II, главѣ 68-й ламанскій рыцарь, бесѣдуя съ Санчо, общается ему, что осуществленіе его надеждъ будетъ отсрочено не болѣе, чѣмъ на годъ, такъ какъ: „послѣ мрака надѣюсь на свѣтъ“ („Post tenebras spero lucem“).

Рисунокъ Рикардо Марина.

Онъ направилъ Росинанта къ своей деревнѣ.

(„Донъ-Кихотъ“.

Ч. I, гл. 3).

Военный заемъ.

Въ богатыхъ странахъ принято быстрою подпискою на военные займы измѣрять силу патриотизма населенія. Однако къ болѣе бѣднымъ странамъ такая мѣрка едва ли примѣнима; такъ какъ ихъ населеніе при наличности даже самаго пламеннаго патриотизма не всегда располагаетъ достаточными средствами для покупки государственныхъ обязательствъ. Сравнительно съ временемъ выпуска предыдущаго военнаго займа русскій патриотизмъ не имѣлъ оснований остыть, но зато свободные денежные запасы многихъ русскихъ людей самаго патриотическаго направленія успѣли значительно сократиться подъ влияніемъ бѣшеной дороговизны. Всеобщее почти возрастаніе расходовъ поглощаетъ тѣ средства, которыя могли бы пойти на покупку займа. Правда, уменьшеніе денегъ у однихъ влечетъ за собою увеличеніе ихъ запаса у другихъ и не сокращаетъ того количества свободныхъ денегъ въ странѣ, которое можетъ быть обращено на покупку займа. Но дѣло въ томъ, что сосредоточеніе денежныхъ средствъ въ рукахъ спекулирующей торгово-промышленной среды и изытіе ихъ изъ рукъ средней публики неизбѣжно отзываются и на самомъ ихъ размѣщеніи; въ то время какъ обыкновенные граждане помѣщаютъ свои сбереженія въ вѣрные и гарантированные государственные займы, спекулирующая публика прѣпочтаетъ и въ самомъ по-

Рис. И. Владимірова.

мѣщеніи сбереженій искать азартной наживы и поэтому непомѣрно увлекается биржевою игрой. По свидѣтельству официальныхъ сферъ биржевая игра у насъ въ настоящее время даже и при закрытіи биржи доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Нѣкоторыя бумаги съ номинальной цѣны въ 250 рублей за акцію поднялись до нѣсколькихъ сотъ рублей. Возможность сразу безъ труда обогатиться одной покупкой и продажей какихъ-нибудь ходкихъ игровыхъ акцій соблазняетъ тысячи людей. Купля — продажа бумагъ, иногда самыхъ сомнительныхъ и рискованныхъ, за закрытіемъ официальной фондовой биржи ведется повсюду: въ кулуарахъ частныхъ коммерческихъ банковъ, въ ресторанахъ, кофейняхъ. Азартная бумажная спекуляція достигаетъ безумныхъ размѣровъ ажіотажа, всасывая въ себя свободныя деньги въ странѣ, и еще болѣе раздувается новыми выпусками частныхъ акціонерныхъ бумагъ.

Въ Германіи и у нашихъ союзниковъ при выпускѣ государственныхъ военныхъ займовъ предусмотрительно закрываются тѣ отдушины, черезъ которыя свободный капиталъ уходитъ, у насъ же онѣ остались почему-то открытыми и даже неиспользованными въ государственныхъ интересахъ; расширенными. Въ результатѣ успѣхъ предыдущаго военнаго займа, несмотря на обиліе въ странѣ свободныхъ, нищихъ помѣщенія, денегъ и безусловную своевременность его выпуска, оказался несравненно меньшимъ, чѣмъ онъ могъ и долженъ былъ быть. Тормозы къ болѣе быстрому размѣщенію займа носить, въ сущности, характеръ не столько финансовый, сколько чисто-психологическій. Впрочемъ, финансовыя операціи въ ихъ современной постановкѣ почти дѣлкомъ основаны именно на психологій жаждающей наживы толпы. Если бы она не была ослѣплена лживымъ миражемъ биржевого обогащенія, конкуренція частныхъ акціонерныхъ бумагъ, на которыхъ ведется биржевая игра, и банковскихъ эмиссій нисколько не была бы страшна облигаціямъ военнаго займа. По ясному арифметическому расчету 5 1/2-процентный военный заемъ, принимаемый при подпискѣ по 95 руб. за сто, черезъ десять лѣтъ даетъ владѣльцу за внесенные 95 рублей — 160 рублей да еще проценты на ежегодно получаемые 5 рублей 50 коп., то-есть всего около 7% годовыхъ. Прибыль весьма высокая и притомъ совершенно обезпеченная, а главное — несмотря на свою высоту не связанная ни съ малѣйшимъ рискомъ потери капитала, который всегда такъ великъ при высокихъ процентахъ и для большинства заурядныхъ маленькихъ и среднихъ капиталистовъ равнодѣленъ почти неизбѣжному разоренію при азартной биржевой игрѣ.

Такимъ образомъ не только патриотизмъ, но даже и простое благоразуміе предписываетъ владѣльцамъ денежныхъ запасовъ не поддаваться обманчивымъ соблазнамъ бумажной спекуляціи, приводящей тысячи людей къ вѣрному проигрышу и обнищанію, а нести свои сбереженія въ государственную казну, помѣщать ихъ въ военный заемъ, одновременно достигая двухъ цѣлей — и обезпеченія своего будущаго и помощи родной арміи. Въ подпискѣ на военный заемъ здравая забота о личномъ и семейномъ благополучіи вполне примиряется съ чувствомъ и долгомъ дѣятельнаго патриотизма.

Рис. А. Максимова.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Букарестская операція.

Въ предыдущей статьѣ мы отмѣчали концентрическое движеніе трехъ группъ противника, продвигавшихся къ Букаресту, — съ сѣвера (группа Фалькенгайна), съ запада (группа фонъ-Дельмензингена) и съ юга (группа Макензена). Изъ этихъ трехъ группъ „сѣверная“ группа Фалькенгайна двинулась позднѣе другихъ, — уже тогда, когда „западная“ группа Дельмензингена находилась верстахъ въ 40 къ западу отъ Букареста, а „южная“ группа Макензена верстахъ въ 12 къ югу отъ Букареста.

Выдвиженіе „сѣверной“ группы Фалькенгайна на помощь остальнымъ двумъ группамъ означало наступленіе рѣшительнаго момента въ „румынской операціи“ нѣмцевъ. Послѣ ряда боевъ Фалькенгайнъ подошелъ къ станціи Титу, верстахъ въ 40 къ сѣверу отъ Букареста. Въ этотъ моментъ положеніе въ районѣ Букареста опредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Три группы противника образовали полукольцо вокругъ и впереди букарестскаго района, сдерживаемое румынскими войсками. При этомъ „сѣверная“ группа Фалькенгайна находилась верстахъ въ 35—40 къ сѣверу отъ Букареста, „западная“ группа Дельмензингена — верстахъ въ 30 къ западу отъ Букареста, и „южная“ группа Макензена — верстахъ въ 10—12 къ югу отъ Букареста.

Румыны медленно отходили частью къ Букаресту, а частью на востокъ, въ направленіи къ молдаво-бессарабской границѣ. Букарестъ постепенно эвакуировался.

Въ то время отъ группы Фалькенгайна, производящей натискъ съ сѣвера на югъ, въ направленіи на Букарестъ, отдѣлилась часть войскъ, которая бросилась на востокъ, стремясь захватить Плоешти. Плоешти представляетъ собою важный узелъ путей, при чемъ наибольшее значеніе имѣетъ дорога Плоешти—Бузео—Фокшаны. Послѣ Плоешти слѣдующимъ важнымъ узловымъ пунктомъ является Бузео. Значеніе послѣдняго особенно велико, ибо, съ занятіемъ Бузео, противникъ могъ бы закрыть „выходы“ румынскимъ арміямъ изъ букарестскаго района въ Молдавію, на присоединеніе къ остальной части румынскаго фронта. Это, въ свою очередь, могло имѣть послѣдствіемъ отходъ румынъ къ Галацу, т.-е. къ молдаво-бессарабской границѣ, и распадненіе румынскаго фронта на двѣ отдѣльныя, несвязанныя части: молдавскую часть фронта и южную часть фронта, — гдѣ-либо къ востоку отъ Букареста.

Въ виду этого движеніе противника на Плоешти—Бузео имѣло особенно важное значеніе, быть можетъ, даже болѣе важное, чѣмъ движеніе противника на Букарестъ, ибо могло закрыть „выходы“ румынскимъ войскамъ изъ букарестскаго района въ Молдавію и поставить ихъ между Дунаемъ съ одной стороны и наступающими съ сѣвера на Дунай германцами — съ другой стороны. Поэтому румыны весьма энергично обороняли путь на Плоешти—Бузео и задерживали войска Фалькенгайна у Плоешти до тѣхъ поръ, пока не былъ очищенъ Букарестъ.

23-го ноября въ полдень румынскіе арьергарды, прикрывавшіе отходъ главныхъ силъ, очистили послѣдніе, восточные форты Букареста. Одновременно и Плоешти былъ очищенъ другимъ румынскимъ арьергардомъ. Такимъ образомъ линія Плоешти—Букарестъ была занята противникомъ, и румыны съ этой линіи начали отходить къ востоку, въ направленіи на Бузео—Фокшаны и въ направленіи на Галацъ. Нѣмцы крайне энергично и настойчиво преслѣдовали отходящую румынскую войска, справедливо полагая, что занятіе Букареста съ военной точки зрѣнія представляется далеко неполнымъ успѣхомъ, ибо главный объектъ дѣйствій — румынская армія — благополучно отходитъ къ востоку.

Съ этой цѣлью Фалькенгайнъ снова направилъ значительную группу войскъ по шоссе Плоешти—Бузео, стремясь нанести ударъ въ центръ румынскаго фронта. Однако румыны энергично противостояли его попыткѣ прорвать центръ между Плоешти и Бузео, и румынскіе арьергарды путемъ контръ-атакъ продолжали удерживать позиціи.

Вслѣдствіе этого румыны въ послѣдніе дни ноября успѣли занять къ востоку отъ Букареста новую линію фронта, протягивающуюся отъ Дуная (приблизно, противъ Силистріи) до средняго теченія рѣки Яломницы (у селенія Урзичени), далѣе, черезъ шоссе Плоешти—Бузео (верстъ 20 къ востоку отъ Плоешти) и далѣе къ сѣверу вдоль границы Молдавіи и Трансильваніи вплоть до Буковины (къ сѣверу отъ Дорна-Ватры). Образовалась слѣдующая, прямая линія румынскаго фронта отъ Буковины до Силистріи, идущая съ сѣвера на югъ.

Насколько можно усмотрѣть изъ различныхъ германскихъ сообщеній, Фалькенгайну не удалось захватить значительнаго числа трофеевъ, а главное — не удалось не только „сжать въ клещи“ румынскую армію, но даже и отхватить сколько-нибудь значительное число румынскихъ войскъ. Согласно германскимъ бюллетенямъ отъ 21-го ноября, число плѣнныхъ не превышало 10 тысячъ человекъ при 26 орудіяхъ, что надлежитъ считать весьма незначительнымъ итогомъ при тѣхъ полумилліонныхъ цифрахъ войскъ, которыя дѣйствовали съ обѣихъ сторонъ на ру-

мынскомъ театрѣ. Правда, черезъ два дня послѣ этого былъ очищенъ Букарестъ, но румынскія войска отошли изъ Букареста въ полномъ порядкѣ, и противнику могли здѣсь достаться только тѣ орудія, которыя по ихъ громоздкости не могли быть увезены, — главнымъ образомъ орудія въ броневыхъ башняхъ. Въ результатѣ противникъ занялъ Букарестъ и Плоешти, но нанести

Рис. С. Дудина.

серьезнаго ущерба румынской арміи, ослабить ея боеспособность, Фалькенгайну не удалось, что и выразилось впоследствии въ упорной оборонѣ румынъ на новой линіи фронта, къ востоку отъ Букареста.

Такъ закончилась „въ главномъ“ румынская операція Фалькенгайна, веденная болѣе чѣмъ полумилліонной арміей. Было бы нелѣпо совершенно отрицать успѣхъ противника, ибо сокращеніе фронта съ 1.100 верстъ до 400 на румынскомъ театрѣ противникъ достигъ, одновременно съ занятіемъ Валахиіи съ Букарестомъ. Однако, несомнѣнно, результаты этой операціи не соответствовали ожиданіямъ нѣмецкой главной квартиры, ибо ясно было, что Фалькенгайнъ отнюдь не хотѣлъ выпустить румынскія арміи къ Молдавіи, а намѣренно стоялъ съ главными силами къ сѣверу отъ Букареста, съ цѣлью перегородить отступающимъ отъ Букареста румынамъ путь отступленія въ сѣверную часть Румыніи.

Обращаясь непосредственно къ причинамъ, вызвавшимъ очищеніе Букареста, надлежитъ прежде всего видѣть ихъ въ условіяхъ общей стратегической обстановки на румынскомъ театрѣ. Мы не будемъ входить въ подробный анализъ этой обстановки. Укажемъ лишь, что натискъ противника на Букарестъ съ трехъ сторонъ — съ сѣвера, запада и юга былъ одной изъ самыхъ существеннѣйшихъ причинъ, обусловившихъ отходъ румынъ къ востоку отъ Букареста. Вмѣстѣ съ тѣмъ и техническія свойства Букареста, какъ крѣпости, были таковы, что основаній оборонять букарестскіе форты не имѣлось.

Намъ уже приходилось говорить о недостаткахъ фортовъ Букареста, — этихъ знаменитыхъ твореній Бриальмона, извѣстныхъ подъ названіемъ „бетонныхъ броненосцевъ“. Несомнѣнно, эти форты, представлявшіе въ свое время образчикъ инженернаго

искусства, теперь уже значительно устарѣли по той простой причинѣ, что они были выстроены противъ артиллеріи той эпохи, когда строилась крѣпость. Возможно, что они были рассчитаны еще и на нѣсколько болѣе сильную артиллерию. чѣмъ артиллерія эпохи 80-хъ и 90-хъ годовъ.

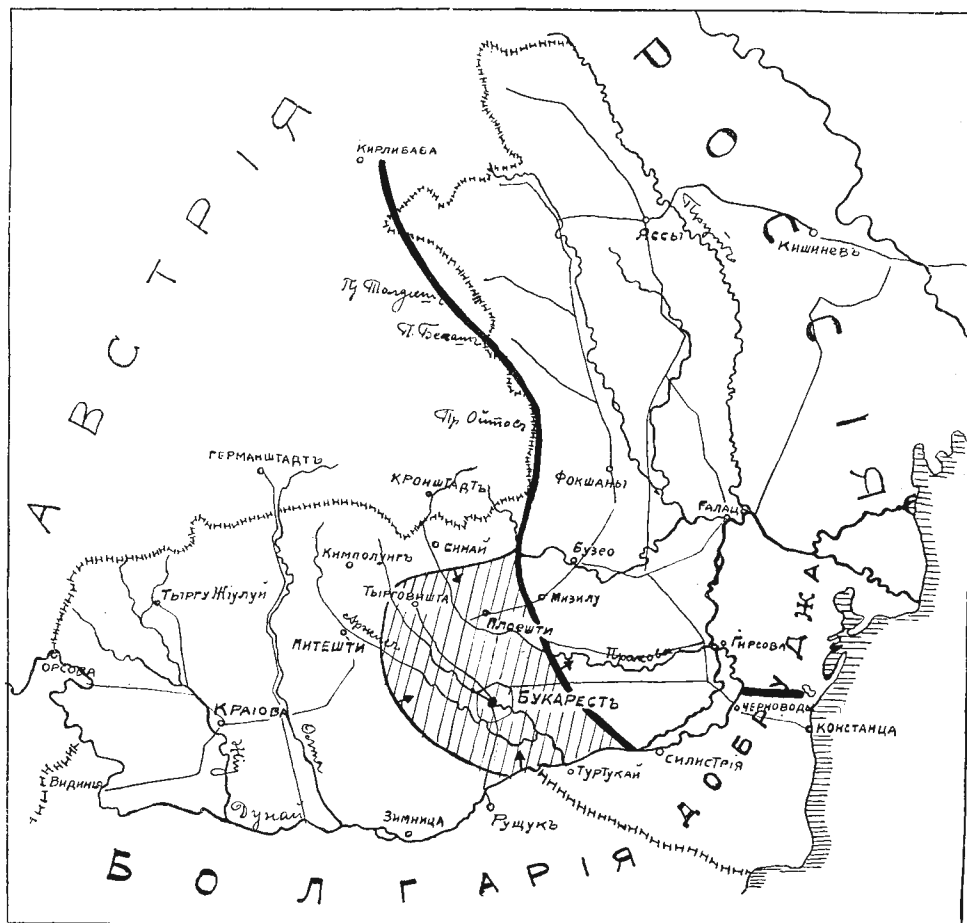
Однако съ той поры прошло четверть вѣка, и мы знаемъ, какой громадный прогрессъ обнаружился въ артиллерійской техникѣ. Въ то же время и въ военно-инженерномъ искусствѣ обозначились совершенно новыя идеи. Ранѣе, напримеръ, стремились къ прочности укрытій—казематовъ и т. п., дабы обезпечить такимъ способомъ защитниковъ отъ артиллерійскаго огня. Теперь же стремятся, главнымъ образомъ, къ „маскировкѣ“ укрѣпленій, чтобы ихъ сдѣлать малозамѣтными, ибо справедливо полагаютъ, что всякое, самое прочное укрытіе можетъ быть въ концѣ концовъ разрушено артиллеріей, тогда какъ „незамѣтность“ цѣли, затрудняющая артиллерию огонь, является болѣе надежнымъ укрытіемъ.

Форты Букареста, какъ извѣстно, представляли собою громадные далеко замѣтные массивы изъ бетона, которые могли быть обращены современной артиллеріей въ нѣсколько часовъ въ кучу развалинъ. Форты оборонялись орудіями въ башняхъ, а такъ какъ башни относились къ эпохѣ 25 лѣтъ тому назадъ, то и орудія и башни устарѣли, и состязаться съ современной осадной артиллеріей не могли.

Кромѣ того, число этихъ орудій было недостаточно, и большихъ орудій въ Букарестѣ находилось, по расчету, примѣрно, два большихъ орудія на каждую верету фортового пояса. Эта цифра, по сравненію съ числомъ орудій въ другихъ крѣпостяхъ, крайне недостаточна. Напримеръ, въ Познани имѣется не менѣе 15 орудій на каждую верету фортового пояса.

Естественно, что противникъ можетъ всегда сосредоточить противъ вереты фортового пояса огонь нѣсколькихъ десятковъ орудій—даже до сотни орудій, почему борьба двухъ пушекъ крѣпостной обороны съ такимъ числомъ современныхъ орудій была бы совершенно не подъ силу.

То, что мы перечисляемъ—лишь нѣкоторые изъ главныхъ недостатковъ вообще современныхъ крѣпостей при борьбѣ ихъ съ осадной артиллеріей, а въ частности—Букареста. Помимо этого

Карта румынскаго фронта.

въ Букарестѣ имѣлись, какъ мы уже говорили, и другіе недостатки, какъ-то: отсутствіе ружейной и пулеметной обороны, сильно пересѣченная мѣстность впереди фортовъ, позволяющая атакующему скрытно и безъ потерь подойти близко къ форгамъ, и проч.

Такимъ образомъ ни стратегическая обстановка въ цѣломъ, ни свойства Букареста, какъ крѣпости, не давали основаній упорно оборонять Букарестъ и повторить, такимъ образомъ, извѣстную исторію Льежа, Намюра и Антверпена, разрушенныхъ германскою тяжелой артиллеріей. Еще менѣе имѣло смысла запереться въ крѣпости, и въ итогѣ румыны прибѣгли къ благоразумному рѣшенію сохранить свою армію и отойти на соединеніе съ нашимъ фронтомъ, лѣвый флангъ коего они составляютъ на участкѣ отъ Буковины до Силистріи.

Желающіе получить «Ниву» съ начала будущаго года **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1917 годъ**, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ почтовыхъ переводовъ. **Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1917 г. см. въ №№ 41 и 47.**

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ : К. В. Лебедевъ. Очеркъ проф. Вл. Е. Маковскаго. — Мальчикъ съ фронта. Рассказъ Александра Дроздова. — Сервантесъ. Очеркъ Сергѣя Боткина. — Военный заемъ. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Заявленіе. — Объявленія.

Р И С У Н К И : К. В. Лебедевъ. Портреты работы проф. В. Маковскаго. — Картины К. В. Лебедева (8 карт.). — Кончина патріарха Гермогена. Картина академика А. Н. Новоскольцева. — Портреты и 5 рис. къ очерку Сергѣя Боткина „Сервантесъ“. — Иллюстраціи къ статьѣ „Военный заемъ“, рис. И. Владимірова, А. Максимова и С. Дудина (3 рис.). — Карта румынскаго фронта.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 19

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

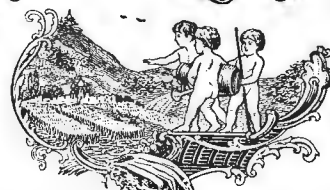

ЖИВА

1916 г.
№ 51

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 17-го декабря 1916

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Живѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку новонарель въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 20.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

1917

ЖИВА

(48-й годъ изданія)

52 №№ ЖУРНАЛА

12 №№ ИЛЛЮСТРАЦИОННАГО ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ

И

52 КНИГИ, ВЪ КОТОРЫХЪ ВОЙДЕТЬ:

ПЕРВАЯ СЕРІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Я. НАДСОНА

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. Н. МАМИНА (СИБИРЯКА)

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ РОМАНА „ДОНЪ-КИХОТЪ“

СЕРВАНТЕСА

Подписная цѣна:
на годъ со всѣми приложеніями
въ петроградѣ безъ доставки 12 р. 50 к.
съ доставкой 13 р. 50 к.
въ москвѣ безъ доставки 13 р. 25 к.
съ доставкой 13 р. 50 к.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Живы“ со всѣми приложеніями съ пересылкой во всея имперіи 14 руб.

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.
РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.
АРТЕРИОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.
ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровский пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скоплениемъ мочевой кислоты. Уродональ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрический припадокъ, предупреждаетъ его повторение.

Поступило въ продажу 2-е издание книги **„СМЕРТИ НѢТЬ.“** „Жизнь послѣ смерти“. Цена съ перес. 65 коп. Москва, Тверская, Таврической пер., 8-9. Изд-во „Истина“.

ПОЛЕЗНЫЯ РУКОВОДСТВА

1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной подготовки къ экзамену на волюнтер-опредѣляющаго или на перв. классъ. чпч.—5 р. 95 к. 2) Техника. Курсъ для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., кино-механика и съемщикъ—7 р. 95 к., мех.-автомобилиста и шофера — 8 р. 50 к., мех.-мотоциклиста — 5 р. 55 к., курсъ авиации—7 р. 15 к., пароходн. механикъ—8 р., жел.-дор. машинистъ 9 р., мех.-телеграфистъ—6 р. 15 к., на начальника станицы или помощн. нач. ст.—10 р. 50 к., товарное дѣло—6 р. 25 к., воли. курсъ химіи—7 р. 50 к. 3) Самоучители языковъ: англійскаго, французскаго, итальянскаго, латинскаго, польскаго, латвискаго, нѣмецкаго, татарскаго по 1 р. 45 к. каждый—4) Полный курсъ бухгалтеріи съ вѣзач. примѣр. и образцами книгъ—5 р. 50 к. КATALOGI безплатно. Безъ вѣдатка не висит. Треб. адр.: Москва, Б. Гибздиновскій 10А, изд-ству Д. М. КУМАНОВА.

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ несчастныхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ...“ (Пс. 118). Кто эти святые слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своими гнѣми, и, слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“ — все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нужно посвятить занятія саморазвитіемъ, вамъ, юные, чтобы скорѣе вырваться изъ строя нормальныхъ, общественныхъ и государственныхъ дѣлателей!

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года. Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соответственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, асно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣлую научную библиотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый отдѣлъ или факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Биологическихъ наукъ“ 18 р., „Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ“ 16 р.; факульт.: Истор.-Филологическій 14 р., Медицинскій 13 р. Юридическій 12 р., Биологическій 11 р. и Богословскій 9 р. Выписывающіе укрѣп. издавателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, за пересылку не платятъ. Возвратившимся съ поля брани нашимъ защитникамъ и лицамъ, послужившимъ имъ, а также учащимъ и обучающимся временныя льготы. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается издателемъ безплатно. Продажа изданій во всѣхъ книжоторговлѣхъ.

Открыта подписка на 1917 г. на **„Охотничій Вѣстникъ“** XVII-й г. изд. Журналъ природы, охоты и рыболовнаго спорта. Подписная цѣна на 1 годъ 7 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., остальныя въ 1-му мая. Москва, Б. Кисельный пер., д. Фрянкъ. Магазины Т-ва „Охотн. Вѣстн.“ (Москва, Театр. пр., д. Метрополь), предлагаютъ большой выскоръ оружія, охотн. принадл. и рѣзн. ловли.

Одесск. Средн. Сельскохозяйственно-гидротехническое училище, учр. И. И. Хойна, съ правами казенн. ср. уч. заведен. ОДЕССА, Троицкая, 25. Приемъ произвед. въ подготов. классъ. Проспекты виситъ. за 5 двухкоп. марокъ. Тамъ же ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ.

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ. Самый полный календарь-альманахъ на 1917 г. Изъясненіе мировой войны. Вокругъ Франціи, Англіи, Италіи. Сравнительная статистика силъ союзниковъ, враговъ и нейтральныхъ странъ. Больше 300 иллюстрацій въ текстѣ. Копія картинъ извѣстныхъ художниковъ, портреты нашихъ друзей-союзниковъ и русскихъ героевъ и мн. др. Святныя. Новыя почтово-телеграфныя правила. Формы дѣловыхъ бумагъ: „Домашній адвокатъ“. Правила о промысловомъ и подоходномъ налогахъ, о пенсіяхъ, пособіяхъ и проч. Свѣдѣнія по медицинѣ: „Домашній врачъ“. Совѣты по сельскому хозяйству и ветеринаріи. Скоромный, постный и вегетарианскій столъ („Чѣмъ замѣнить мясо“). Книга заключена въ изящную обложку, на которой изображенъ художественно исполненный въ 8 красокъ портретъ Е. И. В. Велик. Кн. Николая Николаевича. Цѣна книги всего 1 р. Треб. адрес.: Москва, Акт. О-ву „Московское Изд-ство“. Б. Дмитровка, 26/2.

Августъ Эриксонъ хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевскій Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Императорскаго Россійскаго флота и пр. и пр. **сущ. съ 1865 г.** **ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.** Петроградъ, Невскій пр., № 13.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ова ПЕТРОГРАДЪ. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Въ прошломъ году Контора журнала „Нива“, объявивъ о продажѣ подписчикамъ „Нивы“ двухъ картинъ-олеографій проф. К. Е. Маковского: „Бабь шкина сказка“ и „Гаданье“, получила такое большое количество требованій на эти картины, что вторая изъ нихъ „Гаданье“ была быстро распродана. Этого успѣха далъ Конторѣ журналъ „Нива“ увѣренность, что значительная часть подписчиковъ, **не получившая своевременно художественныхъ премій, дававшихся въ прежніе годы въ приложение къ журналу „Нива“, нынѣ пожелала бы восполнить этотъ пробѣлъ и** выписать отдѣльныя картины и художественныя произведенія изъ богатой коллекціи премій „Нивы“ прежнихъ лѣтъ.

Идя навстрѣчу этому желанію подписчиковъ, Контора журнала „Нива“ рѣшила предоставить право за плату получить слѣдующія художественно исполненныя картины, печатанныя масляными красками и красками съ акварелей и офорта:

I. **Портретъ Ея Императорскаго Величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны.** Размѣръ портрета 14 × 18 в. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

II. **Художеств. альбомъ „Нивы“,** въ изящной папкѣ, 10 × 8 в.—выпускъ II-ой, 1892 г. Въ выпускѣ 10 акварелей извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: И. К. Айвазовскаго „Лунная ночь на берегу Чернаго моря на Кавказѣ“, А. Н. Бенуа „Вечеръ“, А. П. Боголюбова „Морской каналъ въ Петербургѣ“, Д. Н. Дмитриева-Оренбургскаго „У колодца“, Н. Зихеля „Фатма“, А. М. Котляревскаго „Спряталась“, Н. А. Кошелева „Изъ дѣтства Петра Великаго“, Л. Ф. Лагоріо „Близъ Ай-Петри въ Крыму“, К. Е. Маковского „Бояринь“ и В. И. Навозова „У яблоковъ“. Цѣна альбома 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

III. **Картина, печатанная масляными красками:** „Бабушкина сказка“, проф. К. Е. Маковского, 14 1/2 × 18 1/2 в. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

IV. **Картины, печатанныя красками съ акварелей:**

- 1) „Свиданіе въ осажденномъ городѣ“ М. Зичи. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.
- 2) „Бояринь Борисъ Годуновъ и кудесники“ и „Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти“, двѣ картины проф. А. Д. Кившенко, 14 × 10 1/2 в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.
- 3) „Черныи въ горахъ“, картина академика П. Н. Грузинскаго и „Неро-фіордъ въ Норвегіи“, картина художн. Расмуссена, 11 1/2 × 8 3/4 в. Цѣна обѣихъ картинъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

V. **Офорты на цинкѣ.** „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и „Лѣсная рѣчка“, проф. И. И. Шишкина, 11 1/2 × 8 3/4 в. Цѣна обѣихъ офортовъ на цинкѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

При совмѣстной выпискѣ двухъ и трехъ картинъ пересылка обойдется въ 75 коп., а четырехъ и болѣе картинъ въ 1 рубль.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, 22.

Вышла изъ печати новая книга:

К. ЧУКОВСКІЙ.

АНГЛІЯ НАКАНУНЪ ПОБѢДЫ.

Съ 72 рисунками.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловіе.—Англія во время войны.—Канада въ Бельгіи.—Авіація.—Австралія.—Ирландцы.—Англичане и сіонская дружина.—Плѣнные Россіей.—Англичане о насъ.—Борьба съ роскошью.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СКОРОМНЫЙ

И

ПОСТНЫЙ СТОЛЪ.

САМАЯ ПОЛНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ 2.800 БЛЮДЪ.

Составила **О. Павловская.**

Съ 20-ю раскрашенн. рисунками всѣхъ частей быка и теленка, исполненн. художникомъ **П. БОРЕЛЕМЪ.**

Книгѣ присуждены медаль и почетный дипломъ на всемирной Колумбійской выставкѣ въ Чикаго и медаль на Первой Промышленно-Кулинарной выставкѣ въ Петроградѣ.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ.

Одобрено Учен. Ком. Вѣд. Учр. Импер. Маріи, какъ руководство въ институтѣхъ.

Цѣна 4 руб., съ перес. 4 р. 50 к.; въ перепл. 5 р. 50 к., съ перес. 6 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

2-й годъ
изданія

2-й годъ
изданія

НА 1917 ГОДЪ

на ежемѣсячный, литературный, научный и политическій журналъ

ЛѢТОПИСЬ

издаваемый при ближайшемъ участіи **М. ГОРЬКАГО.**

Въ теченіе 1917 г. въ „ЛѢТОПИСИ“ будетъ напечатано:

Ф. И. ШАЛЯПИНЪ — „АВТОБІОГРАФІЯ“. Редактирована **М. Горькимъ** (ок. 20 печ. л.; буд. печат. въ каждой книгѣ журн.).

М. ГОРЬКІЙ — „Атаманы“ (повѣсть). — **ПИСЬМА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.**

Условія подписки: съ доставкой и пересылкой въ Россію годъ—18 р., 6 мѣс.—9 р., 3 мѣс.—4 р. 50 к. За границу: годъ—22 р., 6 мѣс.—11 р., 3 мѣс.—5 р. 50 к. На 1 мѣсяцъ только для иногородн. внутри Россіи—1 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 1 р. 75 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Петроградъ, В. Моисеева ул., 18 (тел. 108—91), и въ др. книжныхъ магазинахъ.

Издатель **А. Н. Тихоновъ.** Редакторъ **А. Ф. Радзишевскій.**

КЪ РОЖДЕСТВУ

поларки: рыбки, птицы, разн. животныя, пород. собачи, кролики, и др. Петрогр. маг. „Акваріумъ“, Вла имѣрскій пр., 13

ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ

дайте дѣтямъ

занятія и забаву

За 3 р. 50 к. высылаю почтов. налож. плат для вырѣзыв. и склеиван.: 1) Русск. войско союзники, враги (ок. 220 фигуръ) или 2) Аэро-гидропланъ, санит. новозки, бро нпр. ав. омобиль, дредноутъ, крейс. рѣ, пароходъ, лущи, миноносцы, санит. автомоб. и вагонъ, изъ жизни народ., птицъ, звѣри, животныя.

Отд. 17 „Занятія и Забава“, г. Гатчина, Петр. губ. Ваггов. ул. 57. 4441

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, д. 22

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ.

РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ОБУВИ ПРОСТОЙ И ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ.

ПО НОВОЙ, ЛЕГКОЙ И СКОРОЙ МЕТОДЪ. 5-е изданіе.

Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библиот. ремесл. учебн. заведеній: Учебн. Отд. Мин. Торг. и Пр. допущено въ библиот. низшихъ учебн. заведеній.

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ пересы: коп. 1 р. 75 к.

НОВЫЯ КНИГИ,

Н. И. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО.

отражающія современную жизнь,

Предатели, большой соврем. романъ, 4-ое изд., ц. 2 р. 80 к.

Ремесло сатани, романъ въ 3 част., 2-ое изд., ц. 2 р. 80 к.

Коронованные скитальцы, политическ. романъ, ц. 2 р. 80 к.

Авантюристы дипломатіи, романъ, 3-ье изд., ц. 2 р.

Кровь Гогенцоллерновъ, 3-ье дополнит. изд., ц. 2 р.

Загадочная женщина, 3-ье изд., ц. 2 р.

Въ когтяхъ германскихъ шпионовъ, романъ, 2-ое изд., ц. 2 р. 80 к.

Дама съ темпераментомъ, рассказы, ц. 2 р. 60 к.

Въ паутинѣ шпионажа, романъ, 2 част., 2-ое изд., ц. 2 р. 80 к.

Въ сѣтяхъ предательства, романъ, 2-ое изд., ц. 60 к.

Необыкновенная дѣвушка, повѣсть, ц. 30 к.

Мальчикъ изъ тумана, ц. 30 коп.

Прекрасный мужчина, ц. 30 коп.

Биржегой бандитъ, романъ, ц. 60 коп.

Горячая кровь, ц. 30 коп.

Съ требованіями обращаться: Петроградъ, ул. Жуковскаго д. 7, кв. 56 «Петроградское Книгоиздательство».

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новейшее и наилучшее, испытанное средство против **ГЕМОРРОЯ.**

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ употребленіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

МЫЛО ДЕРМОЗОН
СОВЕРШЕНСТВО
Съединяетъ въ себѣ свойства мыла Алоэзонъ и мыла Сибирякъ въ 100%.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗАМЪНЪ ОЧНО профессоръ Ивнмъ, Чл. Наринжк. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Рашелъ, 54/28. Практик. в Россіи уже бол. 29 л. съ больш. успѣх. (см. №№ „Нивы“ пр. л.).—Просп. выс. за 10 к. мар.

НА ГИТАРЪ
въ пѣск. дной безъ звания нотъ, каждый можетъ легко научиться играть арія, романсы, танцы и пѣсни. Полн. заочный курсъ съ безпл. прилож. альбома модн. лѣсъ за три руб. Москва, ред. журн. „Соколы“, 18/2. Печатниковъ пер., 18/2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 годъ. Общедоступный иллюстрированный журналъ ПРАКТИЧЕСКАГО пчеловодства **„ЧЕЛОВОДЪ“** (Издается съ 1910 г.) 12 №№ съ пересылкой 1 р. 60 коп. Адресъ: г. Казань, М. А. Дернову. Пробный № бесплатно.

ПИСАТЬ
КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** съ отдѣл. Фондо-Готикъ, готикъ и пр. 206 рис. и черт. въ тексты, транспарант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для направл. почерка въ короткий срокъ. Главн. вним. обрац. на контрол. скорост. Цѣна за полн. курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля. **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразован., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются по-Адр.: Кимгозд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Изданіе Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора: **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ** въ дѣйствующей арміи, составилъ Генераль-Маіоръ Дубенскій. Изданіе содержитъ портреты ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и АВГУСТѢЙШЕЙ Семьи и многочисленныя снимки, иллюстрирующіе ВЫСОЧАЙШЕ смотря войскамъ на фронтѣхъ, посѣщеніе раненныхъ въ разныхъ городахъ Имперіи и осмотры судостроительныхъ и работающих на оборону заводовъ. Всѣ доходъ съ настоящаго изданія поступаетъ въ распоряженіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ на нужды раненныхъ и ихъ семействъ. Складъ изданія: Петроградъ, Фонтанка, 20, Канцелярія Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора. Цѣны безъ пересылки: 1-го выпуска (84 стр.) — 1 р. 60 к. 2-го выпуска (192 стр.) — 1 р. 20 к. 3-го выпуска (220 стр.) — 1 р. 20 к. 4-го выпуска (236 стр.) — 1 р. 80 к. Выписывающіе одновременно всѣ четыре выпуска (не менѣе 25 экземпляровъ) непосредственно изъ склада, за пересылку не платятъ. Изданіе продается во всѣхъ избѣлтыхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ и во всѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ на станціяхъ.

Открыта подписка на 1917 годъ. 5-й годъ изданія на еженедѣльный журналъ „Сатиры и юмора“ **НОВЫЙ САТИРИКОНЪ** Всѣ годовые подписчики получаютъ: **32 НОМЕРА** богато иллюстрированного красочными рисунками и карриатурами журнала большого формата. Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей. Кроме того, годовые подписчики получаютъ: **1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ** „Вселенная Человѣчество“ въ обработкѣ Сатириконцевъ. **4 КАРТИНЫ** исполненныя по способу трехцвѣтной печати, на великолѣпной мѣловой бумагѣ, А ИМЕННО: **2 КАРТИНЫ** Ре-Ми и А. Радакова. **2 КАРТИНЫ** (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** на 1 годъ безъ доставки—10 руб., съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—11 р.; на 1/2 г.—5 р. 50 к.; на 3 мѣс.—2 р. 75 к.; на 1 мѣсяць—95 коп. **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА:** при подпискѣ—5 руб., 1-го Мая—3 руб., 1-го Сентября—3 руб. Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. Телеф. 59-07. Редакторъ: **Аркадій Аверченко.** Издатель: **Т-во „Новый Сатириконъ“.**

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ПИСАТЬ (4) Красиво и скоро будете, выписывъ „Механическую пропись“. Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ л., 18/2.

ВОЗЗВАНІЕ. Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоустроить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лиховилъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или 1887 Священнику Александру Смирнову. 4-1

БУДУЩЕЕ каждого человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ иллюстраціями 1 р. 50 к. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ пер., 18/2.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ. Самая полная книга. Каждый можетъ легко научиться. (9) Цѣна 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ пер., 18/2.

„ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО“ Новый 2-недѣльный журналъ. Необходимое пособие для культурныхъ общественныхъ работниковъ въ деревнѣ. На цѣлый годъ съ Календаремъ Вол. Дѣятеля на 1917 г. 6 р., на полгода 3 р., Разрочка. Адр. ред. и конт.: Изд. Протополова, Симеоновская, 11. Петрозр. Пробный номеръ высылается безплатно. **ИКОНЫ** всѣхъ стилей, готовыя и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29. 4071 10-10. Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 годъ. = 32-й г. ИЗДАНІЯ. **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ** ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ Издается съ 1885 г. Пробный № за 20 коп. Одобрены всѣми вѣдомствами. **52 №№ ЖУРНАЛА 2.000** больш. форм., ок. 500 столб. текста выдающихся духовныхъ и свѣтскихъ писат. и 500 иллюстрацій на мотивы библейскіе, церковныя, историческіе и современно-бытовыя. Кроме №№ журнала будутъ даны бесплатныя приложенія, а именно: **СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ** о русск. правед. послѣдн. вѣковъ, еще не просл. Церк., но жажд. просл., публ. **Е. ПОСЕЛЯНИНА** ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ **ПРАВЕДНИКИ ПОСЛѢДНИХЪ ВѢКОВЪ.** 12 **КНИГЪ** больш. форм., представляющихъ собою разск. о мног. правед. русск. людяхъ (съ XVII в. по наши дни), еще не канонизов., но память которыхъ почитается народомъ и во многихъ изъ котор. онъ видитъ чудотворцевъ. Всѣ эти люди—лучшій цвѣтъ церк. и въ нихъ сияетъ неумирающее богат. духовн. жизни русск. народа-богатыря. Продолжая принятый на себя трудъ дать своимъ читателямъ **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО** Редакція „Русскаго Паломника“ въ 1917 году дастъ **8 КНИГЪ** — ТВОРЕНІЙ ВЕЛИКАГО СВЯТИТЕЛЯ — больш. форм. **БЕСѢДЫ НА ДНИ СВЯТЫХЪ.** „Бесѣды на дни святыхъ“ св. І. Златоуста особенно умѣстны въ настоящее время: онѣ возбуждаютъ въ читателѣ упованіе на Бога и предохраняютъ отъ отчаянія. **ПЕРВЫЯ 36 КНИГЪ** ПОЛН. СОБР. ТВОР. новые подлнш. 12 РУБ. свыше 4.000 стр. **ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО** мог. получ. за 12 руб. съ перес. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож. безъ дост. въ Петрогр. 12 руб. **РАЗРОЧКА** ДОПУСКАЕТСЯ Въ 2 срона: при подл. 6 р. и къ 1 июля остальн. 6 р. въ 2 или 3 срона: Въ 3 срона: при подл. 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 июля 4 р. Кроме того, подлншчнкн „Русскаго Паломника“ могутъ получить за 3 руб. съ перес. **НОВЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ „ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ“** ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **ВЛ. П. ЛЕБЕДЕВА.** 12 **КНИГЪ** Задача «Историческаго Журнала» — путемъ живого, обильнаго интерес. чтенія знаком. читателей съ велик. историч. прошл. Россіи, почерпнть изъ него силу и бо- больш. форм. ростъ въ пережив. нынѣ нашей родной тяжелой время, указывать тѣ святые сокровища велик. русск. народн. духа, коими цѣльна, могуча и непобѣдима Россія на свѣтлой дорогѣ преудачной. ея историч. судьбыми славы. бытія. Тщательно подобранн. обильный историческій матеріалъ, освѣщенный съ точки зрѣнія разумнаго, широкаго национализма—вотъ та программа, тотъ девизъ, котораго будетъ держаться нашъ новый «Историческій Журналъ». **ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: ПЕТРОГРАДЪ, СТРЕМЯННАЯ, 12, СОВ. Д.**

№ 51.

17 Декабря 1916 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к.

В. Кузнецовъ. Ванунъ. (Музей Императорской Академіи Художествъ).

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Рассказ Владимира Келера. Рисунки Сергея Лодыгина.

I.

Было еще рано, но тысячи народа уже направлялись по узким и кривым улочкам Бенареса к священному Гангу, чтобы погрузиться в его зеленоватую и мутную воду, при появлении дневного светила.

Порозовѣлъ востокъ, приближалась ожидаемая съ сердечным трепетомъ минута: лица стоявшихъ въ рѣкѣ обратились къ восточному: раздались восторженные возгласы—людямъ улыбнулось солнце.

Загорѣлась позолота храмовъ, стоявшихъ на берегу: зажглась вода въ ихъ отраженіяхъ; и по волнамъ разсыпались и засверкали искры радостнымъ смѣхомъ утра.

Зашумѣлъ проснувшійся городъ, открылись лавки, и улицы быстро наполнились толпой мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Разноцвѣтные халаты и чалмы богатыхъ свѣтились въ ней, какъ драгоценные камни, а темно-бронзовые тѣла факировъ и нищихъ служили имъ какъ бы оправой.

Большинство людей, въ которыхъ была ключомъ жизнь, торопилось на базары, а временно отошедшіе отъ міра богомольцы стремились къ святынямъ и исчезали въ расположенныхъ вдоль Ганга многочисленныхъ древнихъ храмахъ, въ которыхъ вѣками лился къ небу тихія и набожныя молитвы, и куда издавна влекла надежда найти душевное успокоеніе.

Дмитріевъ, бывшій въ толпѣ, отошелъ въ сторону и остановился.

— Дайте пенни для баби! — неожиданно раздался около него тоненькій голосокъ ребенка, который на ломаномъ англійскомъ языкѣ просилъ милостыню. — Только пенни, пенни, — повторило назойливое маленькое существо, думая, что его не поняли.

— Ты опять здѣсь, попрошайка? Чего пристаешь къ иностранцу? — послышался недалеко грубый голосъ продавца овощей.

— Тебѣ что за дѣло, Вали Дадъ? Развѣ ты не знаешь, что сегодня умерла ся мать, вступилась тотчасъ за дѣвочку торговка сладостями.—Подойди ко мнѣ, я кое-что тебѣ дамъ, и бѣги домой. Дѣвочкамъ ходить по улицамъ не слѣдуетъ.

Ребенокъ подхватилъ кинутую ему монету и взглянулъ на Дмитріева.

— Вотъ и отъ меня,—сказалъ онъ, подавая серебряную рупію.

— Ты что это дѣлаешь, санибъ? — налетѣла на него торговка. — Ты думаешь, что иностранцамъ все позволено? — Я сейчасъ позову полицмена.

Алексѣй Ивановичъ, не понимая, въ чемъ дѣло, обернулся.

— Онъ стоитъ тутъ за угломъ и когда нужно будетъ — появится. Давать рупію дѣвочкѣ, когда она еще ребенокъ, это... — и торговка съ жаромъ стала что-то говорить подошедшему старому индусу.

Они всегда даютъ много. — Ну, что ему рупія! — перебилъ ее старикъ и, обратясь къ Дмитріеву, объяснилъ, въ чемъ его подозрѣвала женщина.

— Неужели же это здѣсь водится?

— Бываетъ и хуже, санибъ. Но вы не изъ тѣхъ — это я сразу замѣтила. Дѣвочка только-что осиротѣла, а еегра ся очень больна. Пришла изъ школы за матерью ухаживать и заболѣла... У насъ въ городѣ бѣдныхъ много, живутъ на окраинахъ. А вы хотите имъ помочь? Да? Благое дѣло, санибъ. Лучше помогать, чѣмъ самому искать помощи. Не все это могутъ, а кто можетъ не дѣлаетъ. Возьмите браминовъ. Передъ Богомъ говорю вамъ, что не будетъ имъ счастья послѣ смерти, хотя они и умрутъ здѣсь, на берегу священной рѣки. Пойдите, я провожу васъ. Ну ты, Глазокъ Красоты, бѣги впередъ!

Дмитріевъ въ сопровожденіи индуса пошелъ за дѣвочкой.

Долго толкались

они по переулкамъ, пока не выбрались изъ тягостной атмосферы города, напоенной тяжелымъ запахомъ толпы, на окраину.

— Вотъ тутъ, — пробормотала дѣвочка и скрылась въ дверяхъ едва державшейся лачуги.

Алексѣй Ивановичъ вошелъ.

Въ одномъ углу лежала умершая женщина, а въ другомъ на постели красивая дѣвушка, открывшая глаза, когда къ ней подошли старикъ и Дмитріевъ.

— Ну что, Шади-Хейятъ, сама больна, а рядомъ горе? Что дѣлать! Всеми умирать приходится, а тотъ, кого постигла смерть въ этомъ городѣ, — счастливее. Въдь онъ переселится въ лучшій міръ безъ наказаній. — Вотъ здѣсь со мной санибъ—онъ васъ не оставитъ. А?

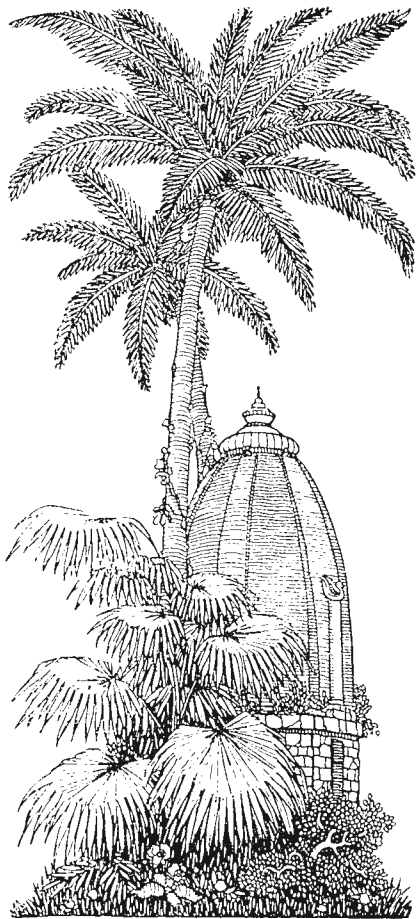
Дѣвушка подняла голову и, взглянувъ на говорившаго, широко открыла отъ удивленія глаза. Она попробовала-было затѣмъ встать, но индусъ ее удержалъ.

Въ это время Алексѣй Ивановичъ, вытащивъ бумажникъ, считалъ деньги. Взявъ нужную, по его мнѣнію, сумму, онъ передалъ ее старику и попросилъ устроить все, что слѣдуетъ для погребенія. Пообщавъ зайти къ вечеру съ докторомъ, онъ вышелъ.

— Придетъ съ цѣлителемъ. Давно ли они стали нужны людямъ? Спасала раньше вѣра: потомъ брамины исцѣляли молитвами; теперь явились цѣлители, которые за деньги продаютъ здоровье. — Я останусь съ тобой, дѣвушка. Глазокъ, бѣги къ сосѣдямъ: надо сказать имъ, что мы похоронимъ мать по обычаю. А ты, Шади-Хейятъ, усни, пока я тутъ займусь хозяйствомъ. Ты, кажется, меня узнала? Ну такъ молчи...

Съ этими словами индусъ подошелъ къ больной, положилъ руку ей на голову, и дѣвушка спокойно заснула.

Проснется здоровой, — произнесъ онъ про себя и отошелъ къ очагу.

II.

— Ну что, саниб, доволен? Все сделано, как следует. А мать ваша уже на небѣ,—сказалъ старикъ сидѣвшимъ съ нимъ въ лодкѣ дѣвушкамъ.

Онѣ не отвѣтили.

Индусъ взглянулъ на нихъ и, видя ихъ грустныя лица, затихъ. Всѣ ѣхали послѣ похоронъ къ Алексѣю Ивановичу, рѣшившему заняться сиротами, посланными ему судьбой.

День кончился, и быстро темнѣло.

Лодка безшумно скользила по Гангу, мимо исчезающихъ во мглѣ, опустѣвшихъ и потонувшихъ въ своей мечтательной неподвижности храмовъ, съ ихъ башнями и куполами.

Въ блаженный сонъ погружался городъ: замолкъ шумъ голосовъ; лишь гдѣ-то на рѣкѣ внезапно нарождались звуки, неслись по ней куда-то вдаль, чтобы замереть тамъ и тамъ же снова народиться.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, вошедшій спросилъ неожиданно хозяина, чѣмъ думаетъ онъ помочь дѣвушкамъ.

Алексѣй Ивановичъ ничего не отвѣтилъ. Онъ такъ былъ пораженъ видомъ неизвѣстнаго посетителя, который ему кого-то напоминать, что самъ задать ему вопросъ:

— Простите, пожалуйста: скажите, гдѣ мы встрѣчались? Лицо ваше...

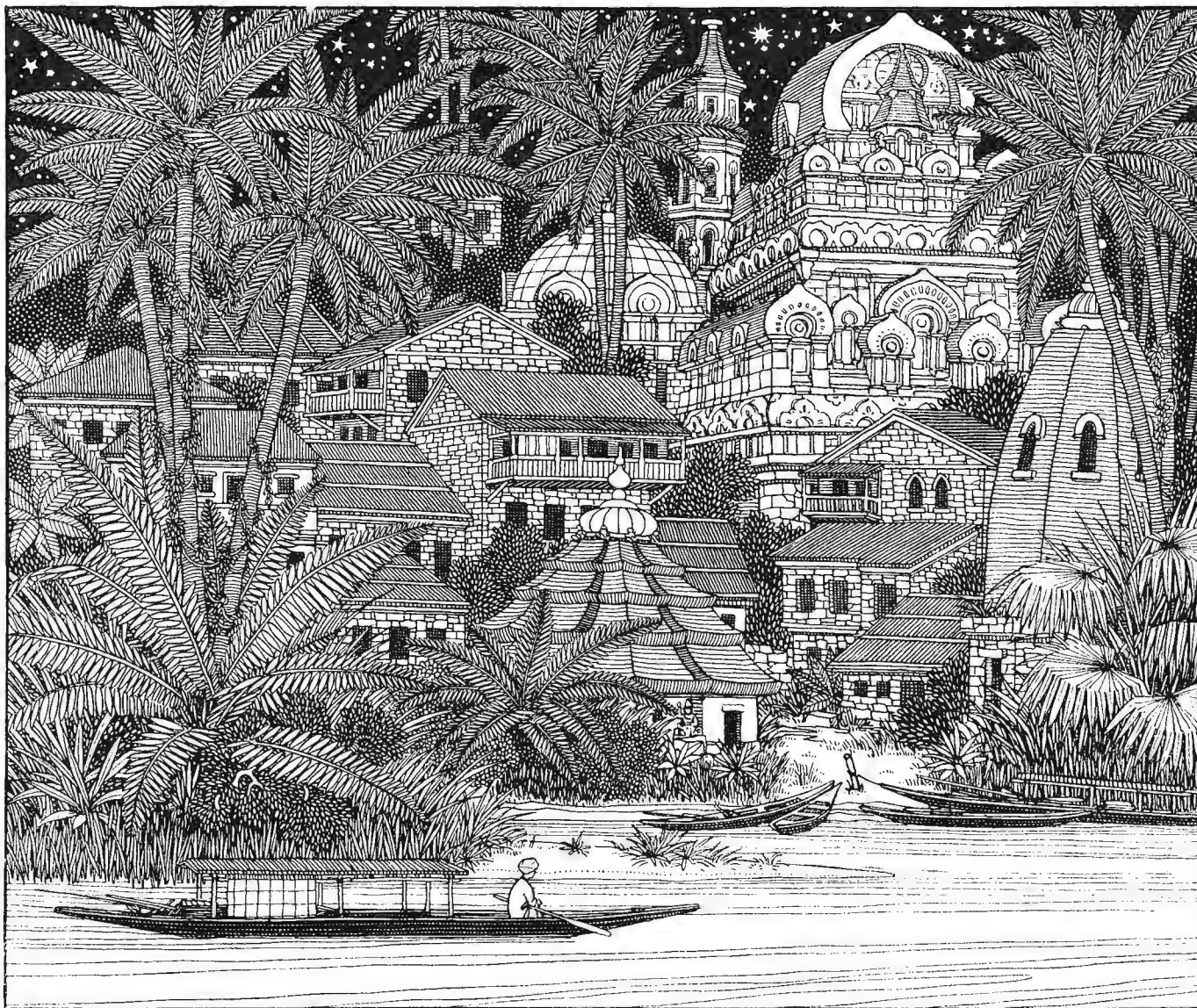
— Мы познакомились съ вами вчера. Я проводилъ васъ до дому.

— То-есть какъ? Вы—тотъ старикъ?..

— Вчера былъ имъ, а сегодня явился къ вамъ молодымъ англичаниномъ.

— Что за превращеніе? Кто же вы? Поданная карточка, конечно, не ваша?

— Несомнѣнно! Я природный индусъ, люблю родину и изучаю въ ней жизнь въ разныхъ обстановкахъ, соответственно кото-

„Радость жизни“.

Въ блаженный сонъ погружался городъ... (Глава II, стр. 839).

Природа тоже засыпала, только въ легкомъ вѣтрѣ жило еще дыханье Бенареса, восточныхъ пряностей и одуряющихъ индійскихъ ароматовъ.

По берегамъ рѣки кой-гдѣ костры курились и освѣщали воды Ганга, уносившія въ море прахъ уничтоженныхъ пламенемъ мертвыхъ.

Весь день сжигали въ городѣ усопшихъ: тлѣнное людей сгорало; земное исчезало вмѣстѣ съ дымомъ, а души мертвецовъ, освобожденныя огнемъ отъ прегрѣшеній, переселялись прямо въ рай—на небо.

И на небѣ все ярче разгорались звѣзды.

Всѣ въ лодкѣ спали, и бодрствовалъ одинъ индусъ. Опершись на скамейку, онъ весь ушелъ въ себя, сосредоточился, давно понявъ таинственную сущность жизни.

III.

Утромъ Дмитріеву подали визитную карточку. На ней значилось: „Джонъ Керри. Эсквайръ“.

Удивленный раннимъ визитомъ, онъ приказалъ просить неданнаго гостя и нехотя вышелъ къ нему навстрѣчу.

рымъ мнѣню свой видъ. Я слышалъ, что вы прѣехали изъ Россіи? Правда? Вы инженеръ? Но перейдемъ къ дѣвушкамъ. Что думаете вы предпринять? Не могу ли я помочь вамъ?

Послѣ долгихъ обсужденій было рѣшено помѣстить младшую дѣвушку въ семью одного торговца—знакомаго индуса, а старшую Шади-Хейять—Радость Жизни—вернуть для окончанія образованія въ миссіонерскую школу, въ которой она уже училась.

Видно, что вы не англичанинъ. Совсѣмъ не дѣловое отношеніе къ деньгамъ,—замѣтилъ индусъ.—Впрочемъ, если вѣрнѣе въ возмездіе, то это предпріятіе принесетъ вамъ большіе доходы, чѣмъ всякое другое. До свиданія! Когда соберетесь куда-нибудь ѣхать, сообщите мнѣ. Я дамъ вамъ человѣка: съ нимъ вы скорѣе познакомитесь съ этой страной.

— Большое спасибо.

Прошло однако много времени, прежде чѣмъ Дмитріеву удалось продолжать изученіе древней архитектуры, для чего собственно онъ и прѣехалъ въ Индію.

Старшая сестра—Шади-Хейять опять заболѣла.

По совѣту врачей Дмитріевъ хотѣлъ отправить дѣвушку въ больницу, но она такъ жалобно просила не отдавать ее чужимъ

людямъ, что онъ нанялъ отдѣльный домикъ съ большимъ садомъ, перевезъ туда больную и окружилъ ее всѣми удобствами.

Дни и ночи онъ ухаживалъ за ней, какъ за дочерью. Это сильно мѣшало ему работать, но, видя, какъ, благодаря заботамъ его, здоровье дѣвушки восстанавливалось, онъ испытывалъ наслажденіе, котораго еще никогда не переживалъ.

Когда Шади-Хейятъ настолько окрѣпла, что могла ходить, она среди дня отправлялась въ садъ и, расположившись въ тѣни на скамейкѣ, покрытой коврами и подушками, читала или лежала съ открытыми глазами, наблюдала за полетомъ бабочекъ и жучковъ.

Какъ-то Алексѣй Ивановичъ, навѣщавшій дѣвушку по нѣскольку разъ въ день, засталъ ее держащей большого жука.

Она осторожно обматывала его сломанную ножку тонкой бумагой.

Дмитріевъ не обратилъ на это особеннаго вниманія, но когда черезъ нѣкоторое время увидѣлъ, какъ она подклеивала разорванное крылышко бабочкѣ, онъ сказалъ ей, что труды ея помощи не принесутъ.

— Почему думаешь ты, что я помочь не могу, и крылышко не срастется? Кто это знаетъ? Гляди! Я сейчасъ выпущу бабочку — клей уже высохъ. Видишь, полетѣла — значить, я помогла.

— Не надолго. Радость Жизни.

— Хоть на день, и то хорошо. Можетъ-быть, завтра настанетъ часъ смерти, который ей предназначенъ, и она перейдетъ въ другой міръ въ свое время.

— Неужели?

— Какой ты странный! Ну, конечно! Не можетъ же душа оставаться ввсегда въ насѣкомыхъ.

— Какая душа?

— Развѣ ты не знаешь, что, когда человѣкъ умираетъ, его духъ, если онъ не очищенъ огнемъ, долженъ перевоплотиться, чтобы достигнуть рая? Когда умираютъ дѣти, ихъ души переселяются въ свѣтлящихся жучковъ и мерцаютъ уже здѣсь — на землѣ. Ночью ихъ огонекъ напоминаетъ людямъ, что, освободившись отъ грѣховъ, они будутъ на небѣ звѣздами и освѣтятъ другимъ пути къ блаженству, въ которомъ сами находятся. Мнѣ говорила это мать, а она знала, что говорила. Она же всегда учила меня помогать насѣкомымъ, а не любить ихъ просто такъ, для развлечения.

— Мать твоя была умной женщиной, Радость Жизни. Жалко, что я ея не зналъ. Она могла бы мнѣ рассказать что-нибудь про вчерашняго старика.

— Онъ извѣстенъ всему Бенаресу. Его зовутъ Лицомъ Кришны.

— Кришна-Мурти, по-твоему? Такъ? Но кто онъ такой?

Дѣвушка оглянулась, посмотрѣла во всѣ стороны, а потомъ, нагнувшись къ Дмитріеву, сказала шопотомъ:

— Великій Учитель...

Больше отъ нея Алексѣй Ивановичъ ничего добиться не могъ. Нѣсколько разъ пробовалъ онъ спрашивать ее, во время своихъ посѣщеній, про индуса, но тщетно. Шади-Хейятъ отмалчивалась и переводила разговоръ на другое.

Когда она совершенно поправилась и Дмитріеву можно было бы продолжать необходимыя для работы поѣздки, мысль о помѣщеніи дѣвушки въ школу была совершенно оставлена. Разстаться съ ней Алексѣй Ивановичъ не рѣшался, а на вопросъ — что дальше, онъ самъ еще не могъ себѣ отвѣтить.

IV.

— Ты, кажется, хорошо торговалъ сегодня, Вали-Дадъ? Одинъ братъ твой купилъ цѣлую корзину зелени. Кому это? — спросила на базарѣ торговка сластями собѣда своего, продавца овощей.

— Знаешь Жугутъ-Рами — племянника нашего брамина? У него сегодня гости.

— Должно-быть, важные. Брамини даромъ тратятъ денегъ не будутъ.

— Братъ говорилъ, что у него обѣдаетъ какой-то иностранецъ.

— Ужъ не тотъ ли богачъ, помнишь, что далъ дѣвочкѣ рупію?

— Почему это онъ?

— Кажется, теперь другихъ въ городѣ нѣтъ. Ты знаешь, онъ взялъ дѣвушку къ себѣ. Не маленькую, а ту, что постарше. Увлечетъ, а потомъ и броситъ.

— А можетъ-быть, женится? Вѣдь она, какъ я слышала, училась у нихъ въ школѣ.

— Женится?!

— А если и нѣтъ — безпокойтесь нечего. Тебѣ она не дочь, да къ тому же дѣвушка изъ низшей касты. Я самъ бы не взялъ ее въ жены.

— И съ какихъ это поръ ты сталъ такъ разборчивъ? Для любви нужна не каста, а дѣвушка. Ты еще этого не зналъ? А? Спроси жену. Нашелъ, что мнѣ рассказывать. Касты! Ты самъ не изъ браминовъ ли?

— И чего ты ко мнѣ пристала? Вонъ идутъ твои покупатели. Продавай имъ свои леденцы да, смотри, не обчидай ихъ на народѣ. А то я видѣлъ сегодня, какъ ты слизывала съ нихъ вчерашнюю пыль.

— Чтѣ?! — рѣзко возразила торговка. — Ахъ ты безстыжее животное! Это у твоей матери былъ такой длинный языкъ, что она имъ вылизывала улицу. Не стыдно тебѣ говорить объ этомъ?

Торговецъ овощами отбѣсилъ, а такъ какъ къ нему въ это время подошелъ богатый индусъ, то перебранка на время прекратилась.

— Кто это у тебя былъ, Вали-Дадъ? Я его что-то не знаю. — спросила черезъ нѣкоторое время торговка, какъ будто ссоры между ними и не было.

— Самъ Жугутъ-Рами. Приходилъ выбирать апельсины на завтра въ дорогу. Собирается показывать иностранцу разрушенный городъ.

— Какому это?

— Какъ разъ тому, что далъ дѣвочкѣ рупію. Я нарочно его объ этомъ разспрашивалъ. Съ нимъ ѣдетъ и Шади-Хейятъ.

— Такъ я и знала. Доберусь я до него.

V.

— А въ старину здѣсь былъ цвѣтущій городъ, гдѣ геній Индіи сіялъ въ произведеніяхъ искусства. — обратился Жугутъ-Рами къ Дмитріеву, вмѣстѣ съ Шади-Хейятъ осматривавшему развалины древняго Дели.

— Точно кладбище. — все камни и камни. — замѣтила дѣвушка.

— Осталось все-таки достаточно, чтобы имѣть представленіе о красотѣ былого. — отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ. — Однако жарко! Какъ все накалилось.

Налетѣвшій вѣтеръ сорвалъ въ это время съ развалинъ тучи песка, и онъ закрутился въ воздухѣ такъ же безмысленно, какъ тутъ же вертѣлись когда-то въ дикой пляскѣ орды Тамерлана, опьяненные грабежомъ и паденіемъ этого богатаго города.

Вѣковой свѣточъ восточной цивилизаціи былъ обращенъ ими въ величественное мѣсто упокоенія, и лишь тлѣющіе въ зноѣ ослѣпляющаго солнца камни остались свидѣтелями минувшей славы и могущества.

Безмолвіе властвовало надъ остатками прошлаго и обвѣвало тихую грустью полуразрушенные дворцы и забытыя гробницы.

— Пойдемте въ эту башню. Въ ней видѣются остатки мозаики. — предложилъ Дмитріевъ.

— Позволь мнѣ остаться. Я посижу въ томъ большомъ домѣ въ тѣни. — сказала Шади-Хейятъ.

— Ну, конечно. А вы, Жугутъ-Рами?

— Пойду съ вами. Не мѣшаетъ лишній разъ взглянуть на прекрасное.

Онъ отправились и, осмотрѣвъ заинтересовавшую Алексѣя Ивановича постройку, пошли къ хорошо сохранившемуся старинному дворцу, гдѣ должна была поджидать ихъ дѣвушка.

Подойдя къ самому зданію, ее окликнули. Отвѣта не было.

— Вѣроятно, заснула. Вотъ я ее сейчасъ разбуджу. — сказали индусъ и, приложивъ пальцы къ губамъ, такъ рѣзко свистнули, что Дмитріевъ зажалъ уши руками.

Но свистъ не произвелъ ожидаемаго дѣйствія — дѣвушка не показывалась.

— Надо обойти скорѣе развалины. — заволновался Алексѣй Ивановичъ. — Не случилось ли чего?

— Врядъ ли. Здѣсь никого, кромѣ ящерицъ, нѣтъ. Подождите немного; я сейчасъ вернусь.

Онъ скрылся и черезъ нѣсколько минутъ позвалъ своего слутника.

— Идите сюда. Вотъ, гдѣ она отдыхала.

Въ одномъ изъ помѣщеній, на валяющемся обломкѣ колонны, лежали соломенная шляпа и вуаль.

— Куда же могла она дѣться? Радость Жизни! Ау! — крикнулъ Дмитріевъ громко.

Въ отвѣтъ на его голосъ въ сосѣдней залѣ раздались старческой смѣхъ.

Онъ кинулся туда и вернулся, волоча за собою худого, какъ скелетъ, факира.

— Не скажетъ ли это чучело, куда скрылась дѣвушка? — спросилъ онъ Жугутъ-Рами. — и онъ такъ тряхнулъ старика, что тотъ застоналъ.

— Чтѣ вы дѣлаете? Оставьте его! — вскрикнулъ индусъ и, подойдя къ факиру, быстро обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами.

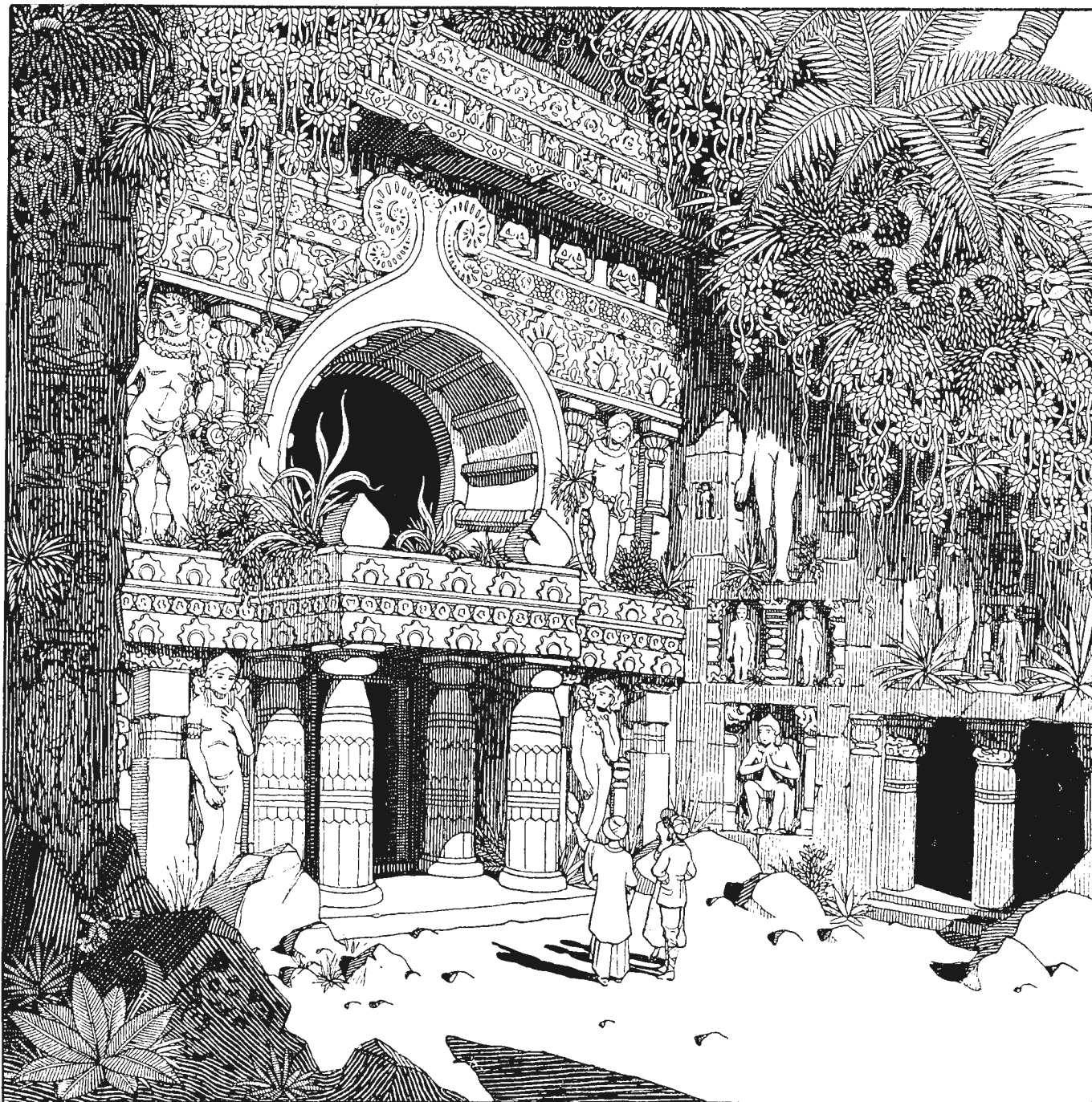
Алексѣй Ивановичъ замѣтилъ, что старикъ вздрогнулъ, когда индусъ произнесъ имя Кришна-Мурти.

— Она смотрѣла на птицу, и птица ее поглотила. — сказали сквозь зубы факиръ.

— Это сумасшедшій?..

— Нѣтъ. Это одинъ изъ знающихъ тайны развалинъ. Я, кажется, видѣлъ гдѣ-то рисунокъ птицы. — перебилъ Дмитріева Жугутъ-Рами. — Идемте скорѣе.

Индусъ быстро пошелъ по заламъ и остановился въ дверяхъ одной изъ нихъ. Прямо противъ него на стѣнѣ было громадное изображеніе вѣщей птицы — птицы царицы Бегамъ, вдовы царя Гумаюна.

„Радость жизни“.

Безмолвіе властвовало надъ остатками прошлаго... (Глава V, стр. 840).

Отъ туловища и крыльевъ остались одни слѣды, но голова и въ особенности глаза хорошо сохранились. Загадочный взглядъ ихъ былъ устремленъ въ пришельца.

Жугуть-Рами задумался.

Очень возможно, — прошепталъ онъ и обратился къ Алексѣю Ивановичу. — Это приемная зала дворца. Когда-то у стѣны возвышался тронъ, и, сидя на немъ, царь принималъ послы и зазваннаго князьковъ, оемѣлившихся возстать противъ своего владыки. Тщеславіе и наглость всегда были наказываемы, и князьки домой не возвращались. Что съ ними дѣлалось — легенды не упоминаютъ. Но что могло въ настоящее время здѣсь случиться — не понимаю.

Индусъ еще разъ внимательно осмотрѣлъ стѣну и съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

Вдругъ Дмитріевъ вскрикнулъ, схватилъ его за руку и отбросилъ въ сторону.

Поль на томъ мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ Жугуть-Рами, заколебался. Большая каменная плита повернулась на оси, открыла люкъ и тотчасъ же стала на мѣсто.

Индусъ испуганно взглянулъ на Алексѣя Ивановича и бросился потомъ на факира.

Онъ схватилъ его за горло и повалилъ.

— Ради Бога не задушите! — остановилъ его Дмитріевъ.

— Слѣдовало бы, но безъ него не попадешь въ подземелье... — Ну, вставай и показывай дорогу.

Помогая старнику подняться, онъ что-то сердито сказалъ ему на ухо, упомянувъ снова имя Кришна-Мурти.

Выйдя наружу и увидѣвъ между обрушившимися стѣнами постройки широкую полосу песка, они пошли вдоль нея. Черезъ нѣсколько шаговъ факиръ остановился около едва замѣтнаго фундамента давно исчезнувшей постройки и началъ разгребать руками песокъ.

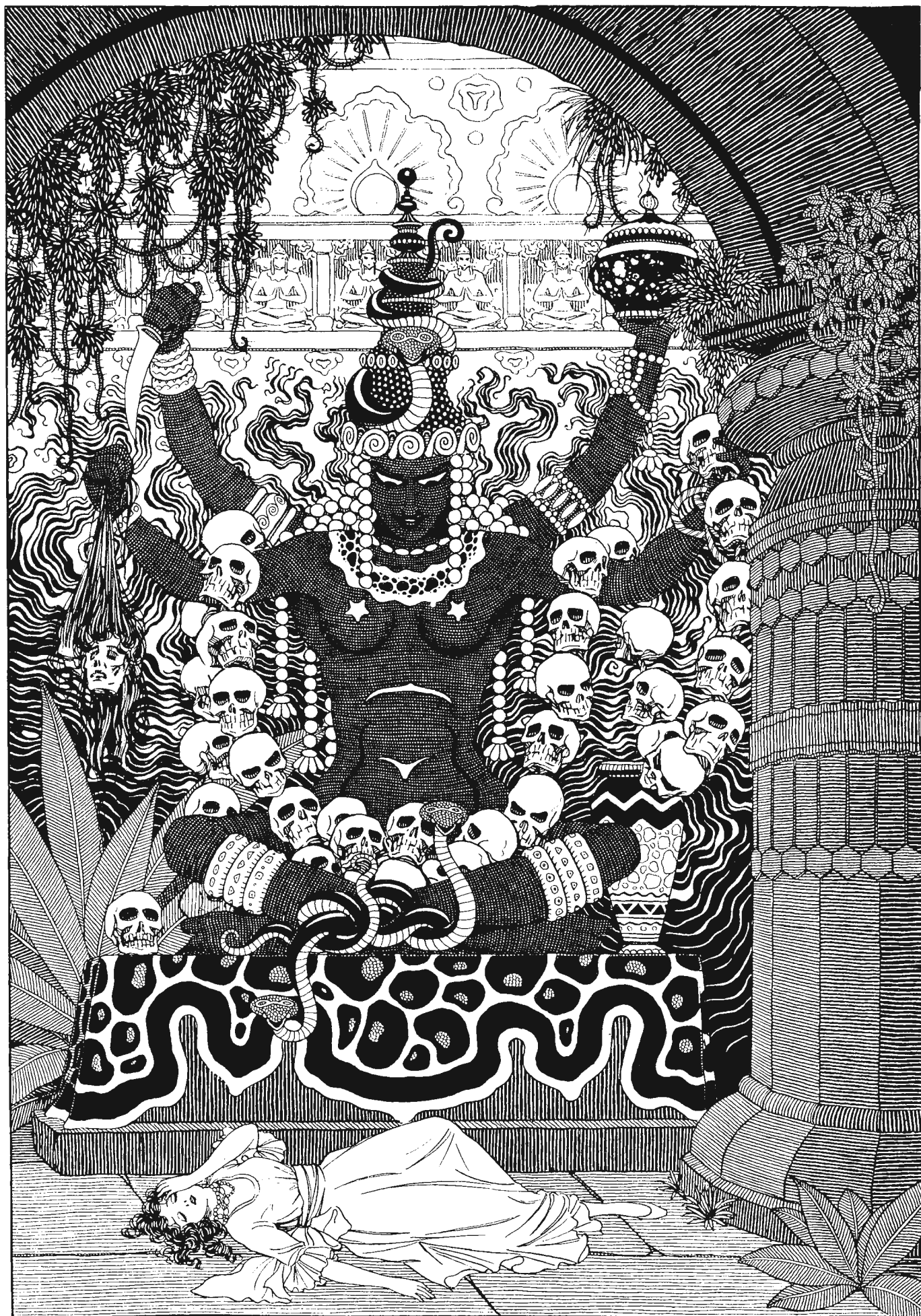
Скоро имъ было открыто выходное отверстіе большой каменной трубы, служившей въ старину для стока воды. Старикъ легъ на землю, залѣзъ въ трубу и поползъ. Жугуть-Рами съ Дмитріевымъ отправились за нимъ.

Ползти было трудно. Гнилья испаренія неслись имъ навстрѣчу, и они задыхались. Отъ духоты Алексѣй Ивановичъ почти совершенно обезсиленъ, и руки его, покрытыя ссадинами, отказывались служить ему дальше. Онъ еле двигался.

Но вотъ труба замѣтно расширилась, воздухъ очистился, по-свѣжѣлъ, и черезъ минуту всѣ очутились въ кругломъ подземномъ помѣщеніи, высѣченномъ человеческими руками въ скалы.

Среди канища, покрытаго куполомъ, стояла гигантская статуя Смерти, а у ногъ ея лежала блѣдная Шади-Хейятъ.

(Окончаніе слѣдуетъ...)

„Радость жизни“.

Среди капища стояла гигантская статуя Смерти... (Глава V, стр. 841).

ЛѢШІЙ.

Очеркъ А. А. Дуннина.

Святки въ Москвѣ хотя и подходили къ порогу новаго 1579 года, Васильеву дню, когда начинается самое настоящее веселье, но протекали скучно, вяло. Правда, слѣдѣя вѣками установившемуся обычаю, Москва веселилась, но потихоньку и съ оглядкой, сбившись въ тѣсныхъ, жарко натопленныхъ покояхъ теремовъ и хоромъ, съ воротами на заперѣ, съ дозорами челяди, выставленными гдѣ-нибудь въ саду или на дворѣ, чтобы въ-время встрѣтить незваныхъ гостей, если, не ровенъ часъ, пожалуютъ и постучать: въ этомъ не было ничего удивительнаго; опричники рыскали повсюду, врываются въ мирныя жилища, и къ ихъ налетамъ москвичи даже успѣли привыкнуть. У себя дома москвичи еще веселились, но улицы, и вечеромъ и днемъ, какъ вымерли, были пусты. Въ прежнія времена, до опричнины, въ Москвѣ дышалось сравнительно легко, и въ Святки по улицамъ бродили и разбѣжали толпы ряженыхъ, медвѣди, татары, турки, цыгане, козы, вѣдьмы, кикиморы, русалки: гудѣлъ барабанъ, брэнчала желейка, и сладко пѣла зурна; ряженые такъ уморительно скакали и прыгали, или отхватывали такого трепака, что прохожіе покатывались со смѣху; но, со введеніемъ опричнины, эти времена прошли, святочное веселье повыхлодилось, пропало, и Святки стали какъ будто и не Святки, а похороны, поминки. Даже красавицы-боярышни, неутомимыя гадальщицы, напуганныя озорствомъ опричниковъ, и тѣ присмирѣли и уже не выбѣгали за ворота шумной, шаловливой гурьбой, чтобы разыскать только-что снятый съ ножки и брошенный въ сѣбжные сугробы башмачокъ, а выходили по одиночкѣ и тоже съ оглядкой, не видѣется ли гдѣ вертлявый шлыкъ царскаго „грызуна“.

До Святки ли, до веселья ли, когда гнѣвнень царь Иванъ Васильевичъ, и въ Москвѣ, что ни день, то одну, то другую жертву выхватываютъ палачи изъ старинныхъ боярскихъ родовъ, и пыгаютъ и рубятъ головы опальныхъ.

Да и самъ Грозный проводилъ время не по-святочному, сумрачно, часто совѣщаясь со своимъ медикомъ Елисеємъ Бомеліусомъ.

Бомеліусъ, вестфальскій пруссакъ, получившій образованіе въ Кембриджѣ, быть вывезенъ въ Москву изъ Англии, гдѣ онъ занимался астрологіей и медицинскою практикой. За астрологическія предсказанія, противныя духу ученія англиканской церкви, по распоряженію лондонскаго архіепископа, его заключили въ Тоуэръ. Русскій посольскій Савинъ, прибывшій въ Лондонъ съ секретнымъ порученіемъ Грознаго устроить его бракъ съ королевой англійской Елизаветой Тюдоръ, дочерью Генриха VIII и Анны Бoleyнъ, узнавъ, что Бомеліусъ весьма искусенъ во врачеваніи и составленіи гороскоповъ, сталъ просить отпустить его въ Московію. Въ Лондонѣ были рады отдѣлаться отъ опаснаго авантюриста и охотно изъявили готовность услужить послу, въ благожелательномъ расположеніи котораго при дворѣ Елизаветы заискивали, такъ какъ королева, вовсе не думая выходить замужъ за Грознаго, при посредничествѣ Савина рассчитывала убѣдить царя увеличить тѣ льготы, какими англійскіе купцы пользовались при торговлѣ въ Московіи. Бомеліусъ, увезенный Савинимъ въ Москву вмѣстѣ съ женой-англичанкой Анной, урожденной Ричардсъ, и здѣсь, какъ и въ Лондонѣ, занялся астрологическою и медицинскою практикой, имѣвшей при дворѣ Грознаго и у знатныхъ бояръ, судя пожитому имъ въ короткое время крупному состоянію, блестящій успѣхъ. Впрочемъ, онъ занимался не только медициной и астрологіей, но и приготовленіемъ, совмѣстно съ аптекаремъ Френшемъ, всевозможныхъ „вененусовъ“,—страшныхъ ядовъ, которыми Грозный угощалъ на своихъ пирахъ обреченныхъ бояръ. Въ этой области онъ считался выдающимся специалистомъ, и приготовлялъ по заказамъ Грознаго въ своей лабораторіи въ Нѣмецкой слободѣ всякіе „вененусы“: и тонкіе, съ наркотиками, пріятные на вкусъ, убивавшіе жертву не сразу, а спустя нѣкоторое время, и острые, отъ которыхъ жертвы Грознаго погибали въ ужасныхъ и длительныхъ мученіяхъ, и, наконецъ, яды съ быстрымъ, почти молниеноснымъ дѣйствіемъ. Фабрика ядовъ, чтобы добиться надлежащихъ эффектовъ, Бомеліусъ производилъ опыты. Въ Лондонѣ для этой цѣли онъ пользовался обезьянками и кроликами: даже по пріѣздѣ въ Москву, вывезя съ собой двухъ гориллъ и клѣтку съ мартишками, первое время онъ продолжалъ пользоваться исключительно этими животными, и только позже, по приказанію Грознаго, перенесъ опыты на колодниковъ, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся до нашего времени акты дьяковъ разбойнаго приказа съ именами осужденныхъ и „пріявниихъ смерть отъ отравы нѣмчина Елеськи Бомеліуса“.

Было около семи часовъ вечера или, правильнѣе, ночи, такъ какъ въ это время Москва официально считалась на ночномъ положеніи. И никто не осмѣливался ни пройти ни проѣхать по улицамъ безъ установленнаго пропуска. Крутила сильная метель. Вѣтеръ, выхриши вздымая сѣбжные покровы, гналъ ихъ, застилая саваномъ пустынные улочки и площади Кремля, врвался въ тѣсныя пространства между храмами, теремами и палатами, вылеталъ отсюда и съ ревомъ, воемъ и свистомъ несся дальше, къ Боровицкимъ воротамъ, къ лѣсу, подходившему вплоть къ Кремлев-

скимъ стѣнамъ. Всюду было темно, пусто и холодно, какъ въ могилѣ. Лишь у новаго царскаго дворца стояла колымага медика, запряженная четверкой лошадей гусемъ, да въ окнахъ царской опочивальни свѣтился огонекъ. Застоявшіеся кони фыркали, ржали и безпокойно бились. Около колымаги, вполголоса обмѣниваясь замѣчаніями и робко поглядывая на освѣщенные окна, прохаживались, стараясь согрѣться, возница и караульный стрѣлецъ съ аллебардой, оба залушенные морознымъ инеемъ, съ ледяными сосульками въ бородахъ и усахъ.

— Такъ, говоришь, лѣшаго привезъ?—спросилъ стрѣлецъ, обращаясь къ угрюмому возницѣ.—Это который въ шубѣ-то, съ шорстнатою мордой?

— Онъ самый. Шибко зябокъ... индо кашляетъ.

— Гм!.. Еще бы не кашлять,—усмѣхнулся стрѣлецъ, отдирая съ бороды ледяныя иглы.—Чай, въ аду-то жарнѣе, а тутъ духъ стынеть... Охъ, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ.—Стрѣлецъ звѣнулъ, перекрестилъ ротъ и спросилъ:—А чево онъ жретъ... лѣшій-то? Идѣ онъ спать?

— А жретъ онъ, что и самъ нѣмчинъ,—объяснилъ возница.—А и спать рядомъ съ его опочивальней.

— И не боится?

— А чего ему бояться?—онъ дуну продалъ.

— Душу?—изумился стрѣлецъ.

— Ну, да. Продалъ на тысячу лѣтъ и расписался кровью.

— Это какъ же?

— А сядетъ ему, значитъ, въ кабалу, подпишется съ женой и дѣтками. Когда сдохнетъ,—должонъ онъ, значитъ, отслужить самому набольшому чорту въ аду ровно тысячу лѣтъ.

— Тэ-экъ. А потомъ?

— Что потомъ?—знаю, отпустить... Пойдетъ по свѣту по бѣлому и будетъ соблазнять православныхъ...

— Шш!—остановилъ его стрѣлецъ, указывая на окно, въ которомъ показалась тѣнь.

— Онъ!—испуганно произнесъ возница.—Кабы не услыхалъ...

И стрѣлецъ и возница оба замолчали, крестясь и творя молитву.

Самъ Бомеліусъ и его „лѣшій“ находились въ это время у царя въ опочивальнѣ.

Бомеліусъ, человѣкъ высокаго роста, лѣтъ тридцати пяти, съ черными волосами, какъ у женщины, ниспадавшими до плечъ, бритый, съ энергичными, но жесткими чертами продолговатаго, худощаваго лица, тонкими, безкровными, плотно сжатыми губами, горбатымъ носомъ съ рѣзко очерченными ноздрями и карими ястребиными глазками, обладавшими свойствомъ, когда было нужно, пылливо впиваться въ собесѣдника и быстро ускользать отъ него, юрко бѣгая по сторонамъ съ проворствомъ мышей, производилъ впечатлѣніе хитраго проныры. Онъ былъ одѣтъ въ атласный супервестъ *) съ серебряными звѣздочками по голубому полю, подбитый чернубурой лисой, съ крупнымъ, краснымъ, какъ кровь, лаломъ **) у ворота, сверкавшимъ на блѣснобѣжномъ фонѣ кружевного жабо, и обувь въ сапоги зеленаго сафьяна на мѣху, отороченные мелкимъ жемчугомъ: голову прикрывалъ темно-синій бархатный беретъ.

Онъ сидѣлъ напротивъ Грознаго за столомъ, на которомъ въ безпорядкѣ стояли чаша и братина съ виномъ, чарки и флакончики богемскаго хрустала съ жидкостями разныхъ цвѣтовъ, игравшими въ свѣтѣ двухъ серебряныхъ канделябровъ съ восковыми свѣчами. Въ флакончикахъ заключались новые яды, приготовленные Бомеліусомъ и обозначенные на ярлычкахъ надписями на латинскомъ языкѣ. Повидимому, они сильно интересовали царя. Онъ разспрашивалъ медика, какъ пользоваться ими, каждамы въ отдѣльности и въ смѣсяхъ, и изъ какихъ растений они добыты.

Бомеліусъ охотно давалъ царю подробныя объясненія.

Кромѣ нихъ въ опочивальнѣ находилось другое человѣкоподобное существо—огромная горилла-самецъ Блаккъ. Онъ стоялъ у окна и, не отрывая умныхъ глазъ, ставшихъ печальными отъ болѣзни и неволи, наблюдалъ Бомеліуса—его жесты, чудовищную тѣнь, скользившую по стѣнамъ и расписаному потолку, или прислушивался къ его голосу съ измѣнчивой, то рѣзкой, то вкрадливой интонаціей. Блаккъ сильно кашлялъ, хватаясь за грудь длинною, исхудалой рукой и апатично пожевывая сильными челюстями. Отъ времени до времени, осторожно ступая, онъ подходилъ къ медику, заглядывая черезъ его плечо на столъ и снова возвращаясь къ окну. О, онъ хорошо зналъ, чѣмъ кончались разгворы его хозяина съ этимъ мрачнымъ высокимъ человѣкомъ въ монашеской скуфейкѣ на головѣ, и для чего служили эти флакончики. Большіе и сильные люди на его глазахъ погибали отъ нихъ въ страшныхъ мученіяхъ. Такъ погибла его подруга Хансомъ. Бомеліусъ плеснулъ ей въ молоко нѣсколько капель, и она свалилась послѣ перваго глотка. Какъ она мучилась! Если бъ не цѣпь, на которую Блаккъ былъ тогда прикованъ, онъ растерзалъ бы медика...

*) Плащъ.

**) Камень изъ породы красныхъ яхонтовъ.

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Въ монастыряхъ далекаго тыла.

— Это, государь, стрихнинъ, добытый изъ челибухи, — сказать Бомеліусъ, — взявъ со стола флакончикъ съ безвѣстной жидкостью. — Дѣйствіе сего яда весьма продолжительно, если онъ данъ въ надлежащей дозѣ, и сопровождается такими конвульсіями, какихъ можно пожелать только самымъ злѣйшимъ врагамъ вашего цесарскаго величія.

Грозный улынулся.

— А ну-ка, попробуй! — насмѣшливо предложилъ онъ, весело поглядывая на медика.

Бомеліусъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, какъ мѣлъ.

— Ну, ну, не бойся, Елеса! — послѣдшилъ успокоить его царь, зорко всматриваясь въ его лицо. — Я пошутилъ. Да вѣдь и ты не ворогъ нашъ, — чего жь ты испугался?

Уже въ это время, почти за годъ до разыгравшихся событій, Грозный, повидимому, что-то подозревалъ о заговорѣ бояръ, въ которомъ медикъ принималъ участіе.

— Государь, я всегда служилъ тебѣ, какъ преданный слуга твой, — сказалъ Бомеліусъ, оправившись отъ испуга. — Я не однажды свидѣтельствовалъ мою преданность...

— О своей преданности ты, Елеська, намъ лучше не говори, — прервалъ его Грозный, нахмуривъ брови. — Твою преданность всегда можно купить. А цѣна ей — кто больше дастъ. Ну, инъ ладно... А пробу стрихнину надо учинить... Изъ челибухи, скажываешь, добытъ?

— Да, государь.

— Чудно! Отъ корня челибухи, говорятъ, можно грыжу излѣчить, а отъ листа и стебля — умереть мукой мученической... Одна травка, а, видно, по-разному намъ служить. Гм!.. И травка у Господа Бога, видно, бываетъ тоже двулика, какъ и люди...

Грозный отпилъ вина изъ стоявшей передъ нимъ чаши, исподлобья глянулъ на медика и поболталъ флакончикъ, разсматривая жидкость на свѣтъ.

— А много же ты наготовилъ товару, — задумчиво молвилъ онъ. — А обезьяна-то травить привезъ, что ль?

— Да, государь.

— Напрасно. У насъ много колодниковъ.

— Хвораютъ онъ... и все одно — подохнуть.

— Ладно, — согласился царь. — Дай-ка ему, — передалъ онъ медику флаконъ со стрихниномъ. — И выведи его на свѣтъ.

Бомеліусъ взялъ чарку, наполнилъ ее виномъ и прибавилъ нѣсколько капель яда.

— Блэккъ! — позвалъ онъ. — Поди сюда.

Человѣкоподобное существо, щелкая челюстями, со свирѣпымъ рычаніемъ попятилось назадъ, отступая къ дверямъ.

— Смори, Елесеи, — предупредилъ Грозный медика, вставъ съ мѣста и тревожно хватаясь за костыль, — звѣрь взбѣсился.

Медикъ смѣло приблизился къ гориллѣ.

— Пей, чортъ! — выругался онъ, протянувъ къ Блэкку руку съ чаркой.

Блэккъ остановился: какъ бы что-то соображая, онъ окинулъ медика съ ногъ до головы медленнымъ взглядомъ, полнымъ жгучей ненависти: хохолокъ на его лбу поднялся дыбомъ, глаза сверкали, какъ раскаленные уголья.

— Ну? — нетерпѣливо произнесъ медикъ, наступая на гориллу съ угрожающимъ видомъ: но вдругъ замеръ. Волосатая лапа Блэкка, описавъ въ воздухѣ дугу, со страшной силой ударила медика по рукѣ, вышибивъ чарку, и другимъ ударомъ свалила его съ ногъ.

Бросивъ распростертаго на полу медика, Блэккъ стремительно подбѣжалъ къ столу, схватилъ флакончики и съ быстротой молнии выскочилъ въ дверь. Пробѣжавъ по переходамъ и опрокинувъ рынду, преградившаго ему путь, онъ вылетѣлъ на крыльцо.

Караульный стрѣлецъ, на котораго налетѣлъ Блэккъ, въ ужасѣ бросилъ аллебарду и, какъ снадь, повалился лицомъ въ снѣгъ.

— Чуръ меня! Чуръ меня! — бормоталъ онъ. Да воскреснетъ Богъ и расточаетъ врази его!

Возница бросился бѣжать.

Блэккъ проворно вскопчилъ на облучокъ колымаги, подобралъ вожжи и, подражая возницѣ, издалъ рѣзкій гортанный звукъ. Перепуганные кони, какъ бѣшеные, сразу рванули и понеслись вихремъ.

Около Спасскихъ воротъ колымага налетѣла на дозорнаго

стрѣлцаго сотника, возвращавшагося верхомъ въ Кремль. Въ одинъ мигъ сотникъ былъ вышибленъ изъ сѣдла и смятъ, а конь, перепуганный на-смерть, съ развѣвающейся по вѣтру гривой, безъ памяти помчался по пустыннымъ улицамъ.

Колымага отъ Спасскихъ воротъ завернула къ Замоскворѣчью, — въ сторону противоположную Нѣмецкой слободѣ, — и помчалась по направленію къ Балчугу. Пролетѣвъ по деревянному мосту черезъ рѣчку Москву мимо стрѣлцкой заставы, она понеслась дальше, миновала на Балчугѣ знаменитое кабацкое кружало, ряды пригородныхъ домиковъ, сады, огороды, пустыри и наконецъ выскочила въ открытое поле, за которымъ начинался лѣсъ. Метель съ яростнымъ ревомъ и свистомъ встрѣтила колымагу, коней и диковиннаго кучера. Дорога, занесенная снѣгомъ, пропала, и кони, все еще испытывая непреодолимый страхъ отъ присутствія на козлахъ мохнатого возницы, потащили экипажъ дальше, напрягая послѣднія силы и по грудь проваливаясь въ сугробахъ и оврагахъ.

Въ домикъ лѣсника Никиты, стоящемъ на опушкѣ лѣса, въ верстахъ десяти отъ Москвы, шло святочное гаданье. Двѣ дочери лѣсника, Аленушка и Даша, и ихъ гости-подружки гадали на „суженаго-ряженаго“, выливая воскъ въ деревянную чашку съ водой, на днѣ которой отлагались разныя замысловатыя фигурки. Въ теплой маленькой горенкѣ безъ умолку звенѣлъ смѣхъ, звучали пѣсни, раздавались шутки; самъ Никита залихватски подыгрывалъ на желейкѣ.

Въ самый разгаръ веселья подъ окнами зазвякали бубенчики. Кто-то подбѣжалъ, остановился у воротъ и рѣзко постучалъ въ калитку.

— Господи помилуй! — тревожно проговорилъ лѣсникъ, вопросительно поглядывая на притихнувшую молодежь. — Кто бы могъ быть?

Онъ опростетью выбѣжалъ на дворъ.

— Кого Богъ даетъ? — окликнулъ онъ.

За калиткой послышалось рычаніе, и стукъ повторился сильнѣе.

— Чтѣ за чудеса! — изумился лѣсникъ. — Иль ряженые балуютъ, иль безъ языка человѣкъ...

Онъ отодвинулъ засовъ.

— Ой, ба-а-тюш-кин! — въ ужасѣ завопилъ онъ не своимъ голосомъ, отступая въ глѣбъ двора. — Святъ, святъ!

Блэккъ, окованнѣйшій отъ холода, выбивая зубами частую дробь, прошмыгнувъ въ сѣни и вошелъ въ горницу.

При его появленіи дѣвушки, ополоумѣвъ отъ ужаса, съ воплями о помощи выбѣжали на дворъ, выскочили въ поле и скрылись въ мятущихся снѣжныхъ спираляхъ метели.

А продрогшій Блэккъ забрался на горячую печь и тамъ залегъ, корчась отъ мучительнаго кашля.

Лѣсникъ Никита, явившійся ночью къ приставу Бородину, вмѣстѣ съ дочерьми и гостями, заявилъ, что въ его домъ пріѣхалъ въ боярской колымагѣ... „самъ лѣшій“, и что „они-де, бѣжавъ отъ него въ великую стужу, совсѣмъ раздѣтые, едва ушли живы“.

Бородинъ немедленно доложилъ о происшествіи Грозному. Стрѣлцкій отрядъ, прибывшій въ домикъ лѣсника вмѣстѣ съ медикомъ, нашелъ Блэкка на печи

Онъ былъ мертвъ.

Мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ домикъ (вѣроятно, большая Якиманка), въ позднѣйшихъ актахъ часто упоминалось подъ названіемъ „Лѣшово Урочище“: подъ этимъ названіемъ оно было извѣстно и въ народѣ; но въ послѣдствіи, съ расширеніемъ площади столицы и уничтоженіемъ подмосковныхъ лѣсовъ, названіе это исчезло и мало-по-малу совершенно забылось.

Слѣдъ „вененусовъ“, унесенныхъ гориллою, отыскался: весной, когда на Балчугѣ стаялъ снѣгъ, прохожіе нашли флакончики, оброненные Блэккомъ, и попробовали ихъ содержимое. Многіе отравились. Это обстоятельство, послужившее къ созданію слуха, что нѣмцы отравляютъ народъ, окончилось погромомъ всѣхъ иностранцевъ, жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ.

Самъ Бомеліусъ, уличенный въ заговорѣ противъ Грознаго, погибъ въ ужасныхъ пыткахъ

Е л к а.

Мнѣ елка говорить о тѣхъ, кто такъ далекъ,
Кто золотыхъ орѣховъ къ вѣткамъ не подвѣсилъ,
Цвѣтныхъ свѣчей въ Сочельникъ не зажегъ,
Но кто въ Святую ночь былъ чистъ и дѣтски веселъ.
Мнѣ елка говорить о тѣхъ, что ждуть отъ насъ
Не жертвъ и подвига, не громкихъ словъ и лести,
А только одного: чтобъ были каждый часъ
Мы сердцемъ съ ними вмѣстѣ,
Тоскуетъ елка о сверканьи рѣкъ
И о своемъ любимомъ старомъ лѣсѣ,
И ей мучителенъ мишурный снѣгъ
И заль нарядный тѣсенъ.

Тамъ — небо жгутъ смертельные огни,
И вся земля дрожитъ отъ тяжкихъ взрывовъ,
Но тамъ нездѣшной красотой красивы
Дни.
Здѣсь — о безславной смерти елкѣ говорятъ
Бусъ золотыхъ дрожащія узоры:
О томъ, что завтра утромъ подъ заборомъ
Она обронитъ хвойный свой нарядъ.
И елка думаетъ: „Не страшно мнѣ спорѣть,
И мнѣ не жаль моей душистой хвои,
Но мнѣ хотѣлось бы счастливой умереть,
Давъ радость вамъ, російскіе герои“.

Лидія Лѣсная.

Христа ради юродивый.

К. Лебедев.

Съ той стороны.

Разсказъ В. Свѣтлова.

Около Рождества мы сидѣли въ окопахъ надъ Д . Было сыро и холодно, несмотря на то, что окопы были отличные, устроенные, какъ выражаются отельныя рекламы, „со всѣмъ современнымъ комфортомъ“. И немудрено, потому что окопы эти только-что были отобраны отъ австрійцевъ, а австрійцы не только превосходные устроители курортовъ, но также и траншей.

Наши окопы были, въ сущности, настоящимъ подземнымъ городкомъ. Ходы сообщеній, зырытые въ глинистой почвѣ, были глубоки выше человеческого роста—и настолько широки, что можно было разойтись двумя пѣшимъ. Кое-гдѣ ходы сообщеній расширялись, углубляясь въ боковыя стѣнки, и образовывали убѣжища для людей или склады для оружія и патроновъ. Въ

этихъ убѣжищахъ на соломѣ и буркахъ отдыхали днемъ свободные отъ наряда люди, тутъ они разводили костры и грѣли воду для чая.

Ходы сообщеній носили названія улицъ: „Блиндажная“, „Лисья“ и другія, въ зависимости отъ того, къ какимъ пунктамъ или окопамъ вель ходъ: къ тѣмъ ли, которые шли по гребню, или къ тѣмъ, въ центрѣ которыхъ былъ уютный офицерскій блиндажъ, или наконецъ къ тому пункту, гдѣ, глубоко зарывшись въ землю, находилась лисья нора.

Отъ бездѣлья и отъ скуки гуляли мы по этимъ ходамъ сообщенія, какъ по улицамъ подземнаго города, и, отдыхая послѣ безсонныхъ ночей въ блиндажахъ, убѣжищахъ или норахъ,

вспоминали мы подземное царство Нибелунгов или циклопическія постройки мионических грековъ.

Погода стояла скучная. Небо съ тяжелыми тучами висѣло низко и тяжело. Не то дождь, не то крупа сыпала сверху, и въ ходахъ сообщенія и въ окопахъ стояли непроходимыя лужи, черезъ которыя клали доски, чтобы можно было сообщаться между окопами. Люди выходили на работы, откачивать воду, но это было трудно и давало мало результатовъ, такъ какъ глина хорошо держала воду, а полудождь, полуснѣгъ продолжалъ питать эти лужи.

Въ окопахъ противъ насъ противникъ, зарывшись въ лѣсу, держалъ себя пассивно. Днемъ мы не стрѣляли другъ въ друга. Только съ наступленіемъ полной темноты начиналась „дежурная перестрѣлка“. Такъ, безъ особенной цѣли, просто изъ необходимости показать, что мы, молъ, не спимъ, а бодрствуемъ. А къ утру это огневое опогѣщеніе прекращалось. Секреты возвращались за часъ до разсвѣта, посты снимались, оставляя только наблюдателей, и съ наступленіемъ дня начиналась окопная ночь, т.-е. люди ложились спать.

Въ офицерскомъ блиндажѣ, противъ котораго насыпанъ былъ высокій валъ, маскировавшій его отъ непріятельскихъ взоровъ, стояла такая же скука, какъ и въ окопахъ. Подъ этимъ валомъ, или, вѣрнѣе сказать, въ самой толщѣ его поверхностно зарыты были груды убитыхъ австрійцевъ. И когда наступала сильная оттепель, то оттуда шель духъ, отъ котораго было сначала очень тошно, но потомъ привычно и незамѣтно. Къ чему въ концѣ концовъ ни привыкнетъ человѣкъ, въ особенности изъ войнѣ!

Такъ мы и жили долгіе мѣсяцы — живые противъ мертвыхъ, въ безмолвномъ и мистическомъ общеніи нынѣ добрыхъ сосѣдей, а недавно злыхъ враговъ.

Такъ дожили мы до сочельника. Педь вечеръ сплошная завѣса густого тумана скрывала отъ насъ вражескій берегъ и словно ватой покрывала сѣро-желтыя воды рѣки. Потомъ туманъ расходился, и снова синѣлъ горный лѣсъ и сѣро-желтѣла рѣчная лента.

Начальникъ боевого участка, Иванъ Павловичъ, дѣлавшій пятую кампанію, сидѣлъ въ этотъ вечеръ въ блиндажѣ и игралъ съ подчиненнымъ ему офицеромъ въ домино. Играли и курили а въ промежуткахъ пили чай. Чай былъ мутный, похожій скорѣе, на жидкій кофе. Сахаръ лежалъ въ грязномъ снаружи мѣшкѣ.

Чай „грѣлъ“ вѣстовой Ивана Павловича, веселый сибирскій солдатъ, въ часы досуга игравшій на гитарѣ восемь тактовъ „Разлуки“ и какую-то полечку, для перемѣны. Это былъ весь его репертуаръ, и такъ какъ репертуаръ этотъ не освѣжался уже два года, то, по правдѣ сказать, сильно дѣйствовалъ на нервы слушателей. Но каждый развлекается по-своему, и если мы находили удовольствіе изо дня въ день играть въ „косточки“, то почему было вѣстовому не играть на гитарѣ „Разлуку“?

Телефонистъ, съ разрѣшенія Ивана Павловича, курилъ папиросы „Salve“, которыя нижніе чины, а затѣмъ и офицеры называли „Соловьемъ“, и телефонировалъ на участки.

— Лѣвый флангъ!.. Ишь ты, не узнаешь? Блиндажъ. Ну то-то! Чтѣ у васъ, спокойно?

— Спокойно? — оторвавшись отъ травы, спрашивалъ Иванъ Павловичъ.

— Такъ точно, спокойно.

— А срочное донесеніе не забылъ?

— Никакъ нѣтъ, сейчасъ передавать буду. Штабъ дивизіи!.. — крикнулъ онъ въ трубу.

— Разрѣшите, г. ротмистръ, я составлю донесеніе, — обратился къ Ивану Павловичу молодой прапорщикъ, чрезвычайно ретиво знакомившійся съ порядками боевой жизни. И, вынувъ полевую книжку, приготовился писать.

Иванъ Павловичъ улыбнулся.

— Ну... — протянулъ онъ. — Мошковъ лучше насъ знаетъ эти порядки.

Мошковъ надрывался.

— Дивизія! Дивизія? Дивизія!.. Ишь ты!.. Дивизія? Наконецъ! Ты чтѣ спишь-то? Откуда, откуда?.. — передразнивающимъ голосомъ говорилъ онъ. — Главный окопъ, вотъ откуда!.. Принимай срочное донесеніе. „Начальнику штаба дивизіи. На боевомъ участкѣ полка безъ перемѣны. Противникъ держится пассивно. Начальникъ боевого участка, ротмистръ...“ Чего? Не дослышалъ? Ишь ты! А ты вынь вату изъ ушей. Чего?

И опять закурилъ „Соловья“.

— А!.. другъ мой, у васъ „мыло“! — радостно заявилъ Иванъ Павловичъ партнеру, опрокидывая для счета кости. — Будемъ продолжать? — спросилъ онъ, перемѣшивая кости.

— А чтѣ же дѣлать-то? — отвѣтилъ партнеръ. — Сказано быть, особенно бдительнымъ. Спать нельзя, чтѣ дѣлать-то?

Иконописецъ.

К. Лебедевъ.

Угощение шута.

— Ну такъ вамъ выставять. Пять и два? А мы сдѣлаемъ безъ перемѣнъ.

— А вотъ и кругомъ два, — приставляя камень, отвѣтилъ ротмистръ.—Чего вамъ?

Мошковъ взялъ трубку, въ которой раздался гудокъ.

— Третій постъ? Ну, слушаю.

Продолжительное молчаніе. Какъ-то сразу, по какому-то необъяснимому опыту, все поняли, что идетъ „по ниткѣ“ не обычное сообщеніе.

— Чего это?—спросилъ ротмистръ.

Но лицо Мошкова было загадочно.

— Ишь ты! Чего, говоришь? Завѣса? Громче говори. Нажми клапанъ. Какіе огни? А-га... У-гу... Та-акъ...

— Что тамъ?—нетерпѣливо спросилъ ротмистръ.

— Спрашиваетъ, стрѣлять ли?...—Опять молчаніе. — Та-акъ... А вотъ спрошу... Не отходи отъ трубки.

— Ну, что тамъ?

— Съ третьяго поста доносятъ,— наконецъ заговорилъ Мошковъ, — быдто „онъ“ пустилъ дымовую завѣсу, а за ней быдто какіе-то огни. Не могутъ разобрать. Начальникъ поста спрашиваетъ, нужно ли стрѣлять или какъ?

— Передай, чтобъ отнюдь не стрѣляли. Завѣса — вздоръ. Просто туманъ поднялся.

— Слышь ты? Нажми клапанъ. У-гу... Не стрѣлять сказано.

— Петръ Ивановичъ,—сказалъ ротмистръ,—пошли бы на постъ, посмотрѣли, что тамъ за ерунда? Девять и девять? А, впрочемъ, я самъ пойду. Ходъ будетъ мой.

— Разрѣшите и мнѣ съ вами, г. ротмистръ? — спросилъ

К. Лебедевъ.

прапорщикъ.—Я не видалъ еще дымовой завѣсы, — просительнымъ голосомъ прибавилъ онъ.
— А пойдете. И не увидите. Ужъ съ этой завѣсой не разъ было. А на повѣрку—туманъ. Петръ Ивановичъ, дайте-ка мнѣ вагъ Цейсъ. Спасибо. Ну, что вамъ тащиться? Ерунда...
— Говоришь, ближе? Начальникъ участка сами идутъ, — проговорилъ въ трубку Мошковъ.
Иванъ Павловичъ одѣлся потеплѣе и, нагнувъ голову, вышелъ изъ низкихъ дверей блиндажа въ сопровожденіи прапорщика и вѣстового.
Въ блиндажѣ, отъ топившейся желѣзной печи, отъ дыханія множества обывателей, было душно, какъ въ банѣ, и если гдѣ была дѣйствительно дымовая завѣса, такъ это въ этомъ подземельѣ отъ густого и бѣлаго дыма „Соловья“.
Воздухъ, хотя и сырой и промозглый, освѣжилъ Ивана Павловича. Наступалъ вечеръ. Желтыя сумерки. Сѣрое небо; грустное настроеніе сочельника въ окнахъ. Уже второй такой сочельникъ... А сколько ихъ будетъ впереди? А тамъ, въ тылу, гдѣ-то далеко-далеко, лежитъ бѣлый снѣгъ, скрипятъ полесьями сани, и въ окнахъ свѣтятся огни рождественской ночи...

И, сурово сдвинувъ брови, зашагалъ онъ по размякшей розовой глинтѣ ходовъ сообщенія, направляясь къ гребневымъ окопамъ. За нимъ еле поспѣвалъ прапорщикъ, глаза котораго горѣли отъ любопытства. Вотъ уже два мѣсяца онъ на войнѣ, а никакого „дѣла“ до сихъ поръ нѣтъ. Развѣ сидѣнье въ окопахъ—дѣло? А онъ-то думалъ, что къ Рождеству сможетъ послать своимъ писмо. И писмо это начиналось бы непременно словами: „Ну, и попалъ же я въ передѣлку. Это былъ адъ, настоящій адъ“. Но никакъ нельзя было послать такого письма. Можетъ-быть, сегодня? Противникъ думаетъ, что вслѣдствіе сочельника мы не будемъ очень бдительны и, конечно, воспользуется этимъ...

Подожли къ посту № 3.

Друзья.

К. Лебедевъ.

Начальник поста, унтер-офицер Макаренко, доложил начальнику боевого участка о „завѣсѣ“.

Ротмистръ только взглянулъ черезъ амбразуру и сразу понял, что все дѣло въ клубившемся туманѣ.

— И какъ это вы никогда не разберетесь, — хмуро сказалъ онъ. — Ну, туманъ и больше ничего.

— Такъ точно, видимо, туманъ. И самъ вижу. А всячески, для вѣрности. А что же, ваше высокоблагородіе, за огоньки такіе, скрозь, значить, туманъ?

Дѣйствительно, за бѣлой пеленой, уже утончавшейся и порѣдѣвшей, мелькали свѣтлые огоньки и маячило, колеблемое вѣтромъ, разгонявшимся туманъ, какое-то бѣлое полотнище.

— Дай знать по линіи, чтобы не стрѣляли, — взволнованно распорядился ротмистръ. — А что это такое, я и самъ не пойму. Что-то удивительно странное. Проклятый туманъ мѣшаетъ. Ну-ка, посмотримъ въ цейсъ.

И, приложивъ бинокль къ глазамъ, сталъ разсматривать.

Бѣлое полотнище увеличивалось въ размѣрѣ и выяснялось въ цвѣтѣ. Да, это былъ несомнѣнно парламентарскій флагъ. Сумерки сгустились, вѣтеръ крѣпчалъ, туманъ расходился, огоньки становились яркими, словно звѣзды спустились съ неба.

— Да это лодка! — вскрикнулъ ротмистръ. — Плоскодонная лодка. А на носу флагъ... Что такое? — не вѣря своему цейсу, проговорилъ онъ. — Что за чортъ! Елка, что ли? — боясь сказать глупость, робко и шутиливо прибавилъ ротмистръ. — Вотъ лодочка сейчасъ пристанетъ къ нашему берегу.

И прапорщикъ и Макаренко смотрѣли теперь въ бинокли черезъ амбразуры бойницъ на рѣку.

— Ну-ка, спустимся къ нашему секрету, — сказалъ ротмистръ и вышелъ изъ окопа.

Внизъ вель крытый ходъ сообщенія, крутой и сейчасъ скользкій отъ сырости. Кое-гдѣ проложены были доски. Въ толщѣ глинистыхъ стѣнъ выдолблены были убѣжища. Въ нихъ уже толпились люди, собиравшіеся въ ночной нарядѣ.

Ходъ сообщенія скоро прекратился, и образовавшаяся вокругъ ротмистра группа вышла на тропу, вившуюся зигзагами по склону горы, покрытой низкорослымъ кустарникомъ. Мѣстность была открытая, удобная для обстрѣла неприятелемъ съ противоположнаго берега.

— Ну, что дѣлать! — отвѣчая на свои мысли, проворчалъ ротмистръ. — Что будетъ, то будетъ!

А у прапорщика ёкнуло сердце, не то отъ радости, не то отъ тревоги.

Но никто не стрѣлялъ, и покой быстро надвигавшейся рождественской ночи никто не былъ нарушенъ.

Спускались быстро, кое-гдѣ, на особыхъ крутизнахъ, задерживаясь руками за кусты. Такъ дошли до индивидуальнаго окопа секрета, расположеннаго скрытно за кустомъ у самаго шоссе.

У берега стояла причалившая къ двумъ большимъ камнямъ плоскодонная лодка. На носу ея развѣвалось полотнище бѣлой матеріи. Въ лодкѣ въ сѣро-синей курткѣ съ зелеными петлицами сидѣлъ австріецъ въ высокой шапкѣ и курилъ трубку. Онъ сидѣлъ спокойно, въ выжидательной позѣ, одной рукой облокотившись на весло, положенное на бортъ. Онъ зналъ, что его замѣтятъ, и ждалъ.

Посреди лодки стояла елка среднихъ размѣровъ, укрѣпленная проволокой къ доскѣ, положенной поперекъ лодки съ борта на бортъ. На вѣтвяхъ елки горѣли австріискія свѣчи, не то парафиновыя, не то пальмовыя, уже сильно обгорѣвшія и оплывшія вслѣдствіе вѣтра. И еще что-то висѣло на вѣтвяхъ, чего ротмистръ не могъ разглядѣть. На елкѣ не было ни золотой звѣзды ни гирляндъ. Если бы не свѣчи, она имѣла бы мрачный могильный видъ.

Ротмистръ подошелъ къ самой водѣ.

— Слава Иисусу! — сказалъ австріецъ, поднялся, выколотилъ о бортъ пепелъ изъ трубки, надѣлъ не торопясь толстыя кожаныя перчатки и сталъ освобождать елку отъ колючей проволоки.

— Слава вѣвки, — отвѣтили ему галиційскимъ привѣтствіемъ. Австріецъ больше ничего не говорилъ. Молча отвязалъ проволоку, молча, съ усиленіемъ, приподнялъ дерево и передалъ его сгруппировавшимся на берегу солдатамъ. Потомъ досталъ со дна ящикъ довольно большихъ размѣровъ, затѣмъ разстегнулъ куртку, вынулъ письмо и передалъ его ротмистру, взявъ подъ козырекъ.

— Съ того берега, — сказалъ онъ и взялся за весла.

Ротмистръ ничего не понималъ. Однакоже остановилъ его и,

доставъ изъ кошелька какую-то бумажку, хотѣлъ сунуть ему въ руку. Но австріецъ отрицательно покачалъ головой.

— У меня есть кроны, — сказали прапорщикъ. — Я дамъ ему десять кронъ. — Что-то прыгало и звенѣло въ сердцѣ прапорщика.

— А, конечно, дайте, — подтвердилъ ротмистръ.

Но австріецъ не взялъ и десятикрановой бумажки и, опять сдѣлавъ подъ козырекъ, отчалилъ отъ берега.

Съ большими усиліями потащили елку кверху, потушивъ свѣчи. Обратный путь длился долго, очень долго, вслѣдствіе крутого подъема, наступившей тьмы и тяжелой ноши. Ящики тоже взяли съ собой, и онъ былъ очень тяжелъ.

Ротмистра, прапорщика да и всѣхъ остальныхъ разбирало любопытство.

Что это все значило? Но письма прочитать было нельзя, вслѣдствіе темноты и трудной дороги.

Всѣ шли молча. Рождественская ночь давно наступила, хмурая, вѣтреная, непривѣтная.

Такъ дошли, въ какой-то странной ночной процессіи, до спуска и стали по немъ подыматься, наконецъ прошли галдерю бойницъ, миновали постъ № 3, площадку и по ходу сообщенія, носившему названіе „блиндажнаго“, дошли, до главнаго блиндажа.

Иванъ Павловичъ засталъ офицеровъ спящими. Партнеръ ротмистра, за неимѣніемъ мѣста въ блиндажѣ, заснулъ, облокотившись локтями на столъ, смѣшавъ кости причудливымъ рисункомъ составленной игры. Было темно, — свѣчи въ бутылкахъ догорѣли, — и холодно; маленькая печурка, за которой никто не слѣдилъ, потухла.

Одинъ телефонистъ бодрствовалъ. Но это уже былъ не прежній. Его смѣняли Жуковъ, человекъ безъ растительности на лицѣ, блѣдный и со скорбными глазами.

— Слышь ты, — говорилъ онъ въ телефонъ, — правый флангъ! Какъ у васъ? Сколько расхода патроновъ? Слышь ты! Съ праздниками, значить, поздравляю. Офицеры спятъ, а начальникъ ушелъ на позицію. Да! Тамъ, слышь ты, что-то не ладно, что ли. Сколько, говоришь? Не было? Ну, такъ и донесемъ.

Подожилъ трубку, потомъ опять взялъ ее, далъ гудокъ.

— Дивизія, а дивизія? Слышь ты! О, чтобы тебѣ! Чего жъ ты не слушаешь? Оно хоть и Рождество, а время боевое. Слушать надо. Принимай телефонограмму. Штабу дивизіи. Срочное донесеніе. Расхода патроновъ не было. Подпись. Ставь подпись, какъ всегда. Слышь ты? Ага, спасибо. И тебѣ того же. На позиціи? А кто жъ его знаетъ? Должно, что есть, какъ начальникъ туда отправился. А у васъ... Эхъ, чортъ! Дивизія! Дивизія? А дивизія? Оборвали, должно, нитку...

Жуковъ любилъ поговорить по телефону. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и исправнѣйшихъ людей связи, но никогда не могъ сидѣть у телефона безмолвно и ждать вызова. Онъ болталъ неукротимо со всѣми. И съ лѣвымъ участкомъ, и съ правымъ, и съ пулеметчиками, и съ бригадой, и съ дивизіей. Ему прощали эту слабость за то, что онъ былъ знающій и толковый человекъ, человекъ „неизмѣримой аккуратности“, — какъ опредѣлялъ его начальникъ связи корнетъ-техникъ.

Иванъ Павловичъ, войдя въ блиндажъ, приказалъ возобновить освѣщеніе и „затопить каминь“.

— Ишь вѣдь, спуталь! — покосился онъ на игру домино и на заснувшаго товарища.

Иванъ Павловичъ пододвинулъ свѣчку и сталъ читать австріиское письмо.

Письмо было написано по-русски, съ ошибками.

Оно было интересно.

„Мы такіе же христіане, какъ вы. Вчера мы по вамъ стрѣляли и на другой день будемъ стрѣлять. Однако сегодня большой христіанскій праздникъ Рождества Спасителя, и мы просимъ васъ принять это рождественское дерево. И съ подарками. Можете безопасно кушать, что прислали, а также курить. Ничто не отправлено — въ томъ ручается наша воинская честь. Это подарокъ отъ души вашихъ враговъ. Мы сегодня ночью стрѣлять не будемъ. Пусть Богъ дастъ вамъ спокойной ночи. Ваши противники-друзья съ той стороны“.

Вотъ и все. Просто и сердечно. Благородный порывъ людей, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ съ нами и испытывающихъ тѣ же тягости жизни.

Иванъ Павловичъ умилился. Голосъ его — онъ читалъ громко — въ концѣ дрогнулъ.

— Вотъ это хорошо, — безсвязно бормоталъ онъ. — Это очень даже хорошо...

Желающіе получить «Ниву» съ начала будущаго года **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1917 годъ**, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться прилагаемымъ при этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ почтоваго перевода.

— Должно-быть, славяне на той сторонѣ,— замѣтил прапорщикъ, подыскивая подходящее объясненіе.

— Да ужъ тамъ какъ угодно! А только очень ужъ хорошо. Главное— просто. Сердечно и просто. Очень, очень ужъ хорошо. А, принесли? Ну, ставь ее сюда. Вотъ такъ. Кости-то собери и уберн въ ящикъ. Ну вотъ, теперь такъ.

И онѣ, оставивъ деревцо на столѣ, стали зажигать на немъ свѣчи или, вѣрнѣе, остатки свѣчей.

Онѣ отсырѣли, и это было не легко. Онѣ пилѣли и трещали, но наконецъ все-таки зазглись.

Ярко, свѣтло и чрезвычайно уютно стало въ блиндажѣ. Отъ свѣта и тепла проснулись спящіе и не могли понять, въ чемъ дѣло.

— Ваше высокоблагородіе,— вдругъ вскинулся денщикъ,— дозвольте, съ вашего разрѣшенія, сыграть на гармоникѣ. Я и на гармоникѣ еще лучше умѣю. Тогда, значить, настоящій праздникъ будетъ. Съ музыкой.

Ротмистръ разрѣшилъ.

— Ну, играй, что съ тобой дѣлать!..

Рѣзкіе звуки гармоники раздались подъ низкимъ сводомъ блиндажа и вырвались наружу и понеслись по ближайшимъ окопамъ и ходамъ, какъ по коридорамъ.

Но, къ сожалѣнію, это была опять „Разлука“—неизбѣжные нѣсколько тактовъ.

— Что же ты въ такую ночь играешь такую дребедень?—кто-то спросилъ вѣстового.

— Можно и другое, ваше высокоблагородіе. Можно, стало-быть, и другое.

И онѣ заиграли польку.

Всѣ столпились вокругъ елки. Было душно, были клубы дыма, синяго дыма, отъ массы выкуренныхъ папиросъ. Но все-таки было хорошо. Какъ-то умиленно хорошо, какъ бываетъ на дѣтской душѣ въ большой праздникъ.

Рождественская елка красовалась на убогомъ столѣ глазнаго

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ.

На высоту послать боя.

блиндажа въ „боевомъ“ уборѣ. На ней не было ни орѣховъ, ни конфетъ, ни хлопушекъ. Въмѣсто хлопушекъ къ зеленымъ вѣтвямъ ея были привязаны освѣтительныя ракеты, уже использованныя, чтобы мы не могли употребить ихъ въ дѣло съ военными цѣлями. Онѣ были придѣланы только для „украшенія“ елки. Въмѣсто орѣховъ и конфетъ висѣли пачки папиросъ и сигаръ—все дешевого сорта изъ сѣвернаго австрійскаго табака. А въ ящикѣ лежали колбасы, консервы, сливочныя и шоколадныя тянущки, какіе-то не то печенье, не то пряники, спички съ изоб-

раженіемъ ключа на коробкахъ и кремневые зажигалки.

Иванъ Павловичъ все это распредѣлил между нижними чинами, несшими снизу австрійскіе подарки, между чинами команды связи и между присутствовавшими офицерами. Опять заварили чай и пили его безконечно. Опять играли въ домино до самаго разсвѣта. Спать никому не хотѣлось. Жуковъ продолжалъ болтать по телефону.

Рождественская ночь мирно и тихо проносилась. Ни одинъ выстрѣлъ не нарушилъ ея торжественной тишины.

Иванъ Павловичъ со своими офицерами составляли благодарственное письмо въ отвѣтъ на полученное имъ австрійское письмо. Письмо сочиняли съ большимъ трудомъ на нѣмецкомъ языкѣ, потому что австрійское было написано изъ международной вѣжливости на русскомъ. И на другой день рѣшили послать это письмо „на ту сторону“, приложивъ къ нему нѣсколько бутылокъ хорошаго коньяку, который нашелся у одного изъ офицеровъ.

— А что вы думаете?— сказалъ долго молчавшій прапорщикъ. — Если бы все это записать и напечатать, какъ былъ? Никто бы не повѣрилъ, что это вотъ такъ и было, а публика подумала бы, что это выдуманное и сочиненное по обстоятельствамъ времени обыкновенный рождественскій разсказъ..

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ.

Бивуакъ полка.

Русскій отвѣтъ на германское предложеніе мира.

Первымъ словомъ новаго нашего министра иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Покровскаго была рѣчь, произнесенная въ Государственной Думѣ въ отвѣтъ на германское предложеніе мира. Приводимъ эту выдающуюся по силѣ и политическому такту рѣчь министра, какъ актъ его государственной дѣятельности на новомъ поприщѣ.

„Гг. члены Государственной Думы. Выступая передъ вами вслѣдъ за моимъ назначеніемъ на должность министра иностранныхъ дѣлъ, я, конечно, не имѣю возможности представить вамъ подробнаго очерка нынѣшняго политическаго положенія.

Но я считаю себя обязаннымъ незамедлительно поставить васъ, съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, въ извѣстность объ отношеніи русскаго правительства къ тому шагу нашихъ враговъ, о которомъ вы освѣдомились изъ вчерашнихъ агентскихъ телеграммъ.

Слова о мирѣ, раздѣлившись изъ того лагеря, на которомъ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности за зажженный имъ небывалый въ лѣтописяхъ исторіи мировой пожаръ, при всей ихъ необычности, не были для союзниковъ неожиданными.

За два съ половиною года, что длится война, Германія не разъ упоминала о мирѣ. Она говорила о немъ своимъ войскамъ и населенію предъ каждымъ долженствовавшимъ быть рѣшающимъ военнымъ предпріятіемъ. Послѣ каждаго разсчитаннаго на внѣшній успѣхъ военнаго успѣха она пыталась нащупать почву для мира то въ ту, то въ другую сторону. И широко обрабатывала въ этомъ направленіи печать нейтральныхъ странъ.

Всѣ означенныя попытки нѣмцевъ встрѣчали со стороны союзныхъ державъ спокойный и рѣшительный отпоръ.

Нынѣ, извѣрившись въ возможности пробить брешь въ шлемъ незыблемомъ союзѣ, Германія выступаетъ съ официальнымъ предложеніемъ начать мирные переговоры.

Для того, чтобы имѣть возможность оцѣнить это предложеніе, необходимо разобраться какъ въ его сущности, такъ и въ обстоятельстве, при которыхъ оно сдѣлано. По существу германское предложеніе не содержитъ никакихъ реальныхъ указаній на характеръ того мира, о которомъ въ немъ говорится. Оно повторяетъ устарѣвшую легенду, что война была навязана центральнымъ державамъ. Отмѣчается побѣдоносность австро-германскихъ войскъ и непреодолимость ихъ сопротивления. Предлагаая затѣмъ приступить къ переговорамъ о мирѣ, центральныя державы выражаютъ убѣжденіе, что предложенія, которыя имѣютъ быть ими сдѣланы, обезпечатъ существованіе, честь и свободное развитіе „ихъ“ народовъ и окажутся пригодными для возстановленія прочнаго мира. Вотъ и все, что содержится въ сообщеніи, за исключеніемъ угрозы продолжать войну до побѣдоноснаго конца и переложить въ случаѣ отказа отвѣтственность за продолженіе кровопролитія на насъ и нашихъ союзниковъ.

Въ какихъ обстоятельствахъ дѣлается германское предложеніе?

Вражескія войска опустошили и занимаютъ Бельгію, Сербію, Черногорію, часть Франціи, Россіи и Румыніи. Австро-германцы только-что провозгласили мнимую самостоятельность части

Польши и пытаются этимъ путемъ наложить руку на весь польскій народъ.

Для кого, кромѣ Германіи, можетъ быть выгодно подобная обстановка для начала мирныхъ переговоровъ?

Но еще ярче обрисуются мотивы германскаго выступленія, если принять во вниманіе внутреннее положеніе нашихъ враговъ.

Не говоря уже о противозаконной попыткѣ принудить населеніе русской Польши поднять оружіе противъ собственнаго отечества, достаточно упомянуть о вводимой нѣмцами всеобщей трудовой повинности, чтобы оцѣнить всю тяжесть положенія, въ которомъ находятся наши враги.

Попытаться въ послѣднюю минуту использовать свои временныя территориальныя захваты, пока не обнаружилась ихъ внутренняя слабость, вотъ истинный смыслъ выступленія германцевъ. Въ случаѣ неудачи, они используютъ отказъ союзниковъ пойти на миръ внутри своихъ странъ для поднятія слабѣющаго духа населенія.

Но есть и другая безразсудная дѣль ихъ выступленія: въ своемъ непониманіи истиннаго духа, одушевляющаго Россію, наши враги льстятъ себя надеждою, что у насъ найдутся малодушные люди, которые хотя на минуту дадутъ себя обмануть лживыми предложеніями. Этому не бывать. (*Аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ*). Сердце не дрогнетъ ни у одного русскаго. Съ тѣмъ большинствомъ объединеніемъ соберется вся Русь и станетъ стѣною кругомъ своего Верховнаго Вождя, съ начала войны провозгласившаго, „что Онъ не заключитъ мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей“. (*Аплодисменты*).

Съ тѣмъ большею энергіей русское правительство будетъ стремиться къ выполненію задачъ, заявленныхъ среди васъ въ первый день возобновленія вашихъ занятій, а именно къ положительной общей работѣ, какъ единственному вѣрному средству для достиженія близкаго сердцу каждаго изъ насъ цѣли — конечному сокрушенію врага. (*Аплодисменты*). И русское правительство отвергаетъ съ негодованіемъ мысль о самой возможности нынѣ прервать борьбу и тѣмъ дать Германіи возможность воспользоваться послѣднимъ случаемъ подчинить Европу своей гегемоніи.

(*Аплодисменты*). Всѣ уже принесенныя неисчислимыя жертвы были бы уничтожены преждевременнымъ заключеніемъ мира съ врагомъ, силы котораго подорваны, но не обезврежены, и который ищетъ передышки подъ обманнымъ лозунгомъ прочнаго мира. (*Аплодисменты*).

Въ этомъ непоколебимомъ рѣшеніи Россія находится въ полнѣйшемъ единодушіи со всѣми своими доблестными союзниками. (*Аплодисменты, возгласы: „Браво!“*). Всѣ мы одинаково проникнуты жизненною для насъ необходимою довести войну до побѣдоноснаго конца. И не дадимъ остановить насъ на этомъ пути никакимъ уловкамъ нашихъ враговъ“. (*Аплодисменты, возгласы: „Браво!“*).

Государственная Дума единогласно приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, единодушно присоединяющуюся къ заявленію министра иностранныхъ дѣлъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, тайн. сов. Н. Н. Покровскій, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Военно-политическія операціи.

Несмотря на наступленіе декабря мѣсяца, сильнѣйшую распутицу на западномъ, англо-французскомъ фронтѣ, холода и грязь на восточныхъ театрахъ, — боевыя дѣйствія не затихаютъ. Продолжала развиваться операція Фалькенгайна на румынскихъ театрахъ, и въ то же время французы нанесли новый ударъ противнику подъ Верденомъ.

Въ прошлые годы въ этотъ періодъ наблюдалось уже полное затишье на всѣхъ фронтахъ, и, очевидно, въ нынѣшнемъ году особая причина побудила обѣ стороны перенести операціи на зиму. Однако, такъ какъ зимою возможны лишь отдѣльныя, частныя

операціи, а никакъ не выполненіе широко задуманныхъ стратегическихъ плановъ, то, повидимому, причины этого поздняго оживленія на фронтахъ лежали не въ области стратегической. Ихъ правильнѣе было бы искать въ области политической, что находило себѣ подтвержденіе въ извѣстномъ „мирномъ предложеніи“ нашихъ противниковъ, обращенномъ ко всѣмъ союзникамъ, какъ утверждаютъ, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ центральнымъ имперіямъ искать сепаратнаго мира.

Самый ходъ событій, какъ на румынскихъ театрахъ, такъ и у Вердена, обнаруживалъ „стратегическую ограниченность“ задачъ, преслѣдуемыхъ обѣими сторонами. Поэтому было замѣтно, что нашъ противникъ пытается создать, преимущественно, нѣ-

которое впечатлѣніе „безпрерывнаго успѣха“ для того, чтобы дать опору своей дипломатіи въ той „игрѣ“, которую она намѣревалась затѣять.

Обращаясь непосредственно къ военнымъ событіямъ, ознаменовавшимся первую недѣлю декабря мѣсяца, отмѣтимъ движеніе противника къ востоку отъ Букареста. Движеніе это было сначала направлено на городъ Бузео отъ Плоешти, и въ выборѣ такого направленія можно было понять истинныя намѣренія Фалькенгайна. Дѣйствительно, противникъ, направлявшій ранѣе главный натискъ на Букарестъ, послѣ занятія послѣдняго, перемѣстилъ центръ тяжести своего наступленія сразу къ сѣверу, обнаруживая этимъ стремленіемъ выполнить важный маневръ.

Маневръ этотъ станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что противникъ перемѣстилъ массу своихъ войскъ отъ Букареста къ сѣверу на Плоешти и оттуда двинулся въ направленіи на городъ Бузео, который представляетъ собою узелъ важнѣйшихъ дорогъ, выводящихъ изъ букарестскаго района въ Молдавію (въ сѣверную половину Румыніи). Такимъ образомъ противникъ дѣлалъ попытку занять Бузео ранѣе, чѣмъ румынская армія, отходящая отъ Букареста, пройдетъ черезъ Бузео, каковая попытка означала планъ противника закрыть румынскими войскамъ, отходящимъ отъ букарестскаго района, дорогу въ сѣверную половину Румыніи. Планъ этотъ успѣха не имѣлъ, благодаря содѣйствію нашихъ войскъ, главнымъ образомъ нашей конницы.

Какъ можно было усмотрѣть изъ сообщеній, значительныя силы нашей конницы были брошены впереди города Бузео и задержали наступленіе главныхъ силъ Фалькенгайна на этотъ важный пунктъ. Наша конница дралась въ пѣшемъ и конномъ строю и, дѣйствуя такимъ образомъ, задерживала противника. Такой образъ дѣйствія, гдѣ конница работаетъ попеременно то въ конномъ, то въ пѣшемъ строю, весьма часто примѣняется въ такихъ случаяхъ, когда необходимо задержать противника. Конница спѣшивается, залегаетъ въ окопы, открываетъ огонь по противнику и этимъ вынуждаетъ непріятельскія войска тратитъ время для того, чтобы развернуться изъ походнаго порядка въ боевой и выполнить медленное ползучее наступленіе въ разсыпномъ строю. Затѣмъ, когда противникъ подходит на нѣсколько сотъ шаговъ, спѣшенные части отходятъ, садятся на коней и отбѣзжаютъ на слѣдующую позицію, гдѣ снова такимъ же порядкомъ задерживаютъ противника. При этомъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ отдѣльныя части конницы производятъ атаки въ конномъ строю, въ помощь своимъ спѣшеннымъ частямъ, и этимъ еще болѣе замедляютъ движеніе наступающихъ войскъ противника.

Такая работа конницы требуетъ большого самопожертвованія, энергіи и быстроты, и именно эта работа и выполнена нашей конницей, задержавшей противника впереди города Бузео столько времени, сколько нужно было румынскимъ войскамъ для того, чтобы отойти по двумъ направленіямъ: отъ Бузео на Рымникъ—Фокшаны и южнѣе—изъ района восточнѣе Букареста на Галацъ.

Такимъ образомъ, послѣ ряда упорныхъ боевъ, былъ занятъ новый временный фронтъ, верстахъ въ 100 къ востоку отъ Букареста на прямой линіи, идущей отъ границы Молдавіи (у прохода Ойтосъ черезъ Рымникъ—станцію Филипешти (на дорогѣ Бузео—Галацъ), затѣмъ черезъ селеніе Батогу и далѣе къ Дунаю. нѣсколько сѣвернѣе Гирсова. Этотъ фронтъ имѣлъ свое продолженіе въ Добруджѣ, гдѣ обозначилась также наступательная попытка противника, веденная значительными силами.

По поводу наступленія въ Добруджѣ наши сообщенія указывали, что противникъ въ значительныхъ силахъ атаковалъ деревню Тестемеле и послѣ упорнаго боя занялъ ее. Деревня Тестемеле находится недалеко отъ мѣстечка Бабадахъ, куда, повидимому, и отошли войска союзниковъ. Вслѣдствіе этого, очевидно, предстояла борьба за оставшуюся 40-верстную полосу Добруджи. Противникъ, повидимому, стремился продвинуться и въ эту оставшуюся 40-верстную полосу Добруджи, чтобы дойти до болотистой дельты Дуная, гдѣ-либо у Тульчи, и этимъ подравнять свой фронтъ въ Добруджѣ съ фронтомъ въ Молдавіи,

проходившимъ, въ свою очередь, какъ мы указывали выше, черезъ Рымникъ—Филипешти—Батогу и другіе пункты.

Къ этому времени фронтъ противника на румынскихъ театрахъ сократился приблизительно съ 1.100 верстъ (каковая цифра давала длину фронта противника въ началѣ румынской операціи) до 350—400 верстъ. Однако противникъ, повидимому, не удовлетворялся этимъ „сокращеніемъ фронта“ и, имѣя въ виду затратить меньшее число войскъ для обороны румынскаго театра, стремился сократить свой фронтъ еще верстъ на 100—150. Это можно было усмотрѣть изъ попытокъ противника продвинуться въ Добруджѣ къ болотистой дельтѣ Дуная, гдѣ оборона, естественно, требуетъ меньшаго количества войскъ, а на границѣ Валахія и Молдавіи — къ линіи, примѣрно, Галацъ—Фокшаны, что могло бы въ общемъ дать еще нѣкоторое сокращеніе фронта. Это стремленіе противника, естественно, вызвало сильное противодѣйствіе со стороны союзниковъ, и въ результатѣ противникъ долженъ былъ приостановиться, не доходя линіи Рымникъ—Филипешти—Батогу, т.-е. верстахъ въ 60—70 отъ „искомой“ имъ линіи Фокшаны—Галацъ. Поэтому надлежало ожидать какой-либо новой перегруппировки противника и дальнѣйшаго развитія операціи въ направленіи на Фокшаны—Галацъ, при помощи которой противникъ будетъ пытаться еще разъ закончить свою задачу „по сокращенію фронта“.

Отмѣчая эти стратегическія дѣла противника на румынскихъ театрахъ, мы все же должны считать, что, если сокращеніе фронта съ 1.100 верстъ до 350 представлялось для противника весьма существеннымъ, то дальнѣйшее сокращеніе фронта съ 350 до 200 верстъ уже имѣло много меньшее значеніе. Операція Фалькенгайна „въ главномъ“, по существу, была уже выполнена, и, если противникъ все же продолжалъ стремиться продвинуться далѣе на румынскихъ театрахъ, то въ этомъ стремленіи стратегическія заданія играли гораздо меньшую роль, нежели тѣ политическія заданія, о которыхъ мы говорили выше.

Однако это стремленіе противника создать впечатлѣніе „непрерывныхъ успѣховъ“ для поддержки своихъ „мирныхъ предложеній“ было слишкомъ прозрачно, и союзники не замедлили дать соотвѣтствующій отпоръ. Французскія войска совершенно неожиданно для нѣмцевъ атаковали укрѣпленія противника у Вердена и съ боемъ заняли

полосу глубиной въ три километра впереди фортовъ Дуомонъ и Во, захвативъ при этомъ около 11.000 плѣнныхъ. Нѣмцы потеряли цѣлый рядъ деревень и отошли версты на три къ тѣмъ самымъ позиціямъ, съ которыхъ когда-то, въ началѣ февраля 1916 года, началось ихъ наступленіе.

Этотъ успѣхъ былъ не только важенъ потому, что нарушалъ то впечатлѣніе „непрерывныхъ военныхъ успѣховъ“, которое нѣмцы пытались создать при помощи своей операціи въ Румыніи, но былъ важенъ также и потому, что являлся отвѣтомъ на надменные увѣренія противника въ томъ, что его позиціи на западномъ фронтѣ непоколебимы. Какъ извѣстно, въ ночь, съ которой противникъ обращался черезъ нейтральныя державы съ „мирнымъ предложеніемъ“, нѣмцы старались доказать, что надежды союзниковъ на дальнѣйшіе успѣхи не имѣютъ основанія, и въ этомъ заявленіи указывали, между прочимъ, на особую прочность ихъ западнаго фронта, на обиліе теперь тамъ военнаго снаряженія и проч.

Ударъ французамъ показали, что нѣмцы переоцѣниваютъ свое положеніе на западномъ фронтѣ, и что ихъ оборонительныя линіи, какъ и раньше, могутъ и далѣе испытывать серьезныя потрясенія.

Такимъ образомъ операціи обѣихъ сторонъ и приняли въ результатѣ, если такъ можно выразиться, „политическій характеръ“, и въ то время, какъ нѣмцы старались поддержать свою дипломатію при помощи успѣховъ въ Румыніи, французамъ, въ свою очередь, дѣлали такіе же „политическіе ходы“, нанося ударъ у Вердена. Очевидно, до тѣхъ поръ, пока противникъ будетъ питать надежды на возможность завязать мирныя переговоры, стратегическія заданія должны временно отодвинуться на задній планъ, тѣмъ болѣе, что и условія погоды, если и допускаютъ отдѣльные частныя бои, во всякомъ случаѣ исключаютъ широкія операціи.

Гофмейстеръ А. А. Риттихъ, назначенный управляющимъ министерствомъ земледѣлія.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Радость Жизни. Разсказъ Владимира Келера. — Лѣшій. Очеркъ А. А. Дунина. — Елка. Стихотвореніе Лиды Лѣсной. — Съ той стороны. Разсказъ В. Свѣтлова. — Русскій отвѣтъ на германское предложеніе мира. — Дневникъ военныхъ дѣйствій К. Шумскаго. — Заявленіе. — Объявленіе.

РИСУНКИ: В. Кузнецовъ. Кануны (въ краскахъ). — Иллюстраціи Сергія Лодыгина къ разсказу Владимира Келера „Радость Жизни“. — И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Въ монастырѣхъ далекаго тыла (въ краскахъ). — Христа ради юродивый. Иконописецъ. Угощеніе шута. Друзья. Картины К. Лебедева. — Въ Лѣснстыхъ Карпатахъ (2 рис.). — Членъ Государственнаго Совѣта, т. с. Н. Н. Покровский, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ. — Гофмейстеръ А. А. Риттихъ, назначенный управляющимъ министерствомъ земледѣлія.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 20.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 52

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.

изданія

Выданъ 24-го декабря 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарелль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): первая 3 руб.; на послѣдней страницѣ обложки 2 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Поли. собр. соч. Маммина-Сибиряка“ кн. 34.

Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ 1916 г.

Мы послали на фронтъ, въ окопы, милліоны нашихъ родныхъ и близкихъ.

Можемъ ли мы допустить, чтобы они хотя бы короткое время испытывали недостатокъ въ продовольствіи, теплой одеждѣ, патронахъ, снарядахъ?

А между тѣмъ изготовленіе всего этого требуетъ громаднхъ средствъ и дать ихъ могутъ только тѣ, кто остался дома.

Пусть же всѣ поспѣшатъ обратить въ бумаги военнаго займа свои сбереженія, которыя такъ нужны для удовлетворенія потребностей нашихъ героевъ-защитниковъ!

2 ПИЛЮЛИ НАНОЧЬ ПЕРЕДЪ СНОМЪ

КАЖДОЕ УТРО

ВАШЪ ЖЕЛУДОКЪ

БУДЕТЬ ОСВОБОЖДАТЬСЯ, ЛЕГКО НОРМАЛЬНО И ПРИЯТНО.
ПРОТИВЪ ЗАСТАРѢЛЫХЪ ЗАПОРОВЪ СЪ ГЕМОРРОЕМЪ, ГОЛОВНЫМИ БОЛЯМИ,
ПРИ ВЯЛОСТИ КИШЕКЪ, КАТАРРЪ, АТОНИИ, ПРИ ТОШНОТѢ, ИЗЖЕГѢ И ВЗДУТІИ ГАЗАМИ

**НАДЕЖНО И БЫСТРО
= ДѢЙСТВУЕТЪ =** **КООРИНЪ**

COORINE оздоравливаетъ желудокъ и
привучаетъ кишечникъ къ аккуратному дѣйствию.

ОНЪ АБСОЛЮТНО БЕЗВРЕДЕНЪ и отписывается ИЗЪ ВСѢХЪ АПТЕКЪ по РЕЦ. ВР.
опт. продажн ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ СКЛАДАХЪ.

Если въ аптекѣ не оказалось **НАПИШИТЕ** и мы немедленно
укажемъ Вамъ ближайшую аптеку.

БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО.

Обращайте вниманіе на оригинальную упаковку.
Главный складъ „**КООРИНА**“:
МОСКВА, Мясницкая, Милютинскій пер., д. 3/2.

„СОБИРАНИЕ МАРОКЪ“ для к
лекці
Интересная книга для всѣхъ. Изд. п.к. 9С
А. Волкъ, Петроградъ, Аманіевская.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование.
Зачное обученіе. Безплатныя
премія. Каллиграфія, стенографія,
правописаніе и проч. **АУ-**
ТЕСТАТЪ. Льготныя условія
подписки и **БЕЗПЛАТНО.**
пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—56.

УГРИ,

принцъ, жиров. выдѣл. и желт. патн уничто-
безслѣдно въ 1—2 недѣли **МОИМЪ** безвред
домашнимъ средствъ. Большой флаконъ,
с заставл., хватющ. на все время, вымыта
лемадл. вложено. плат. за 2 р. 75 к. съ пере
и унк. Получила массу благодар. со всѣхъ
концовъ Россіи. Предлож. моему проп
вѣрять, оно **ИСКРЕННО** и **ЧЕСТНО.** Адрес
Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 9
421 **Марія Егоровна Чурбанова.** 3-

БИБЛІА

полная на русск. яз. съ параллел. мѣс
и указател., печать Синодальной типогра
фіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 худ
жествъ. **КАРТИНАМИ**, размѣр. кн. 6×4 в
2 толиц., вѣс. 9 ф., 1550 стр. въ прочномъ
красив. тисн. золотомъ полукожан. пер
плетъ съ футл. цѣна 8 р., съ пере
и упаков. въ Евр. Россіи 9 р. Перв
и единственная въ Россіи полная иллк
стрир. Библия. Эту великую книгу книг
долженъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ
Невскій, 153. Е. П. Масленникову. Тел. 90-36

ПЕРУИНЪ - ПЕТО

СРЕДСТВО ДЛЯ ВОЛОСЪ
продается всездъ.

УГРИНЪ

ОТЪ УГРЕЙ И ПРЫЩЕЙ
продается всездъ.

ПИЛЮЛИ „АРА“

СЛАБИТЕЛЬНЫЯ
продаются всездъ.

ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ, 20, **БАЗАРЪ МАРОКЪ.**

ОДЕССК. СРЕДН. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННО-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

учр. **И. И. ХОЙНА**,
съ правлен. казенн. ср. уч. заведен.
ОДЕССА, Троицкая, 25.

Пріемъ произвед. въ подготов. классъ.
Проспекты высыл. за 5 дружок. марокъ.

Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ.** 4435

XI годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ на педагогическій журналъ

„ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ“

издаваемый **Т-вомъ И. Д. СЫТИНА**, подъ редакціей **Н. В. ТУЛУПОВА**.
Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, кромѣ іюня и іюля, всего 20 разъ въ годъ.

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, журналъ неизмѣнно будетъ слѣдовать
основнымъ своимъ задачамъ: 1) Служить дѣлу развитія школы на началахъ, дик-
туемыхъ современной научной педагогикой и запросами обновляющейся русской
жизни. 2) Содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для
достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. ●● Журналъ будетъ слѣдить
за развитіемъ новыхъ педагогическихъ идей и школьнаго дѣла, и давать всякаго
рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и
вѣшкольнаго образованія. ●● Во многихъ городахъ и селеніяхъ Европейской и
Азиатской Россіи журналъ имѣетъ собственныя корреспондентовъ, дающихъ со-
общенія съ мѣстъ. 4435

Въ 1917 году журналъ будетъ выходить въ нѣсколько увеличенномъ объемѣ и
съ иллюстраціями. Въ теченіе года на страницахъ журнала будетъ данъ рядъ сним-
ковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Снимки эти, имѣя самостоятельную
художественную цѣнность, могутъ служить также полезнымъ пособіемъ для учи-
теля, какъ иллюстраціонный матеріалъ при школьныхъ занятіяхъ съ учениками.

Въ журналѣ печатаются **ПЪЕСЫ** для дѣтскихъ спектаклей.
Подписная цѣна: въ годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 коп. Отдѣльный № 25 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Пятницкая, типографія Т-ва
И. Д. Сытина, а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина.

СЧЕТОВОДНЫЕ И КОНТОРСКІЕ КУРСЫ АБОЛТИНА.

Петроградъ, Подольская 2, противъ Технолог. Инст. Телефоны 473-19 и 456-34
Трамвай 3, 6, 8, 9, 11, 15, 16, 20, 23 и 29.

Отдѣленія: 1) общехукалтерское, 2) спец.-букалтерское, 3) стенографическое
корресп. и парламентскій курсъ, 4) англійскаго языка и 5) пишущихъ машинъ
Всѣ окончившіе угроены на должности. Продолжительность курса 5 мѣсяцевъ
Начало занятій 10 Января. 4436

Поступило въ продажу 2-е изданіе книги **„СМЕРТИ НѢТЬ.“**
„Жизнь послѣ смерти“. **„СМЕРТИ НѢТЬ.“**
Цѣна съ перес. 65 коп. Москва, Тверская, Благоевѣнскій пер., 8—9. Изд-во „Истина“

НОВАЯ КНИГА **ОТСРОЧКИ И ОСВОБОЖДЕНІЯ ПО ПРИЗЫВАНІЮ ВЪ АРМІЮ.**
Законовенія и Распоряженія Правительства. Сост. Н. Е. Наршинъ, чл. Главнаго Ко
митета при Гл. Упр. Генер. Штаба по дѣламъ объ отсрочкахъ. Ц. 3 руб., съ перес
3 р. 50 к. Въ провинцію высыл. платжомъ. Книжный складъ „КНИГА“ —
Петроградъ, Стремянная, 11. 4439

УЧАЩИМСЯ,

Пособія для сочиненій, разборы классиковъ. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ,
Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Го-
голь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гонча-
ровъ, Майковъ, Григоровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. И. Новиковымъ. Каждое
изъ нихъ содержитъ біографію, разборъ главн. произвед. темъ и планы, содержаніе
ихъ, полныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разбир.
произведенія. Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширны по содержанию, что изъ
каждаго изъ нихъ можно черпать матеріалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различныхъ
темъ. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность приобрести каждому, —
назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. за каждое. Высылаются наложеннымъ
плат. Выписывающіе изъ склада А. Загряжскаго (Петроградъ, Развѣзжая, 14—А) на
сумму не менѣе четырехъ рублей за пересылку не платятъ. Поступила въ продажу
того же автора; руководство въ составленію сочиненій для самостоятельной подготовк
и для самообразов. книга: **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ.**
Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к. За двѣ десятикопеечныя марки высылается указатель
учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшений, кон-
спектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ - подстрочниковъ, словарей, про-
граммъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣны. 4440

Августъ Эрикссонъ
хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Николаевской
Главнои Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ,
Императорскаго Россійскаго флота и пр. и пр.
сущ. съ 1865 г.
ХРОНОМЕТРЫ И ЧАСЫ.
Петроградъ, Невскій пр., № 13.

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ.

Самый полный календарь-альманахъ на 1917 г. Лѣтопись мировой войны. Войныя Франція, Англія, Италия. Сравнительная статистика силъ союзниковъ, враговъ и нейтральныхъ странъ. Больше 300 иллюстрацій въ текстѣ. Копія картинъ известныхъ художниковъ, портреты нашихъ друзей-союзниковъ и русъ-кихъ героевъ и мн. др. Святцы. Новая почтово-телеграфная правила. Формы дѣловыхъ бумагъ: „Домашній адвокатъ“, Правила о промышленномъ и подоходномъ налогахъ, о пенсияхъ, особіяхъ и проч. Свѣдѣнія по медицинѣ: „Домашній врачъ“, Совѣты по сельскому хозяйству и ветеринаріи (Скоромни, постный и вегетарианскій столъ („Чѣмъ замѣнить мясо“)). Книга заключена въ изящную обложку, на которой изображенъ художественно-исполненный въ 8 красокъ портретъ Е. И. В. Вел. Кн. Николая Николаевича. Цѣна книги всего 1 р. Треб. адрес.: Москва, Акт. О-ву „Московское Изд-ство“, Б. Дмитровка, 26/2. 4437 4-2

Открыта подписка на 1917 годъ НА ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ (23-й годъ изданія) „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“.

Подписчикъ получаетъ въ годъ: 4654
Большое количество нотныхъ произведеній. Кромѣ того, въ 1917 г. подписчики получаютъ **СНАЗКИ ГОФМАНА** полную оперу для фортепiano Ж. Оффенбаха или одну изъ 10 оперъ, перечисленныхъ въ подробномъ объясненіи, которое высылается **бесплатно**. Пробный номеръ высыл. за 75 коп.
Опера по желанію можетъ быть замѣнена духовн. преміей или ШКОЛЬН. СБОРН. ОБРЯДОВЫХЪ ПѢСЕНЪ.
6 руб. кѣ годъ; съ достав. и перес. по всей Россіи — 7 руб.
Подписка принимается въ главн. конторѣ журн. „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“. ПЕТРОГРАДЪ, Казанская, 36, при собств. магазинѣ.
Редакторъ Н. И. Приваловъ. Издатель В. С. Иванова.

Открыта подписка на 1917 годъ (V-й г. изданія) НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ОЩЕДУСТИМЫЙ ЖУРНАЛЪ САМООБРАЗОВАНІЯ

ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ

съ картинами въ краск., картами, чертѣж. и иллюстр. въ текстѣ.
ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА.

Отличительная особен. книгъ журн. «Знаніе для Всѣхъ» состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ совершенно закончен. и исчерпыв. вопросъ очерки не въ переводахъ съ иностран. подлинника, а въ общедоступн. излож. выдающ. русск. ученыхъ, извѣстн. писат. и популяризаторовъ.

Въ журналѣ «Знаніе для Всѣхъ» принимаютъ участіе:

В. К. Алафоновъ, В. И. Анушинъ, В. К. Анфиловъ, проф. К. И. Арабаджинъ, П. В. Бяковъ, проф. Б. П. Вейнбергъ, проф. В. С. Груздева, Е. И. Игнатьевъ, П. К. Козловъ, Вл. П. Лебедевъ, проф. Б. Н. Меншуткинъ, прив.-доц. А. В. Немилловъ, проф. А. М. Никольскій, В. А. Никольскій, М. В. Новорусскій, проф. А. Л. Поюдинъ, Я. И. Перельманъ, проф. К. И. Покровский, прив.-доц. В. Н. Сементовскій, К. К. Серебряковъ, М. И. Сизовъ, Ф. Ф. Соколовъ, В. В. Стратоновъ, проф. М. А. Усовъ, проф. Л. А. Чураевъ, А. Г. Ширяевъ, проф. И. А. Шаллякинъ, приват-доценты П. Ю. Шмидтъ и К. З. Якута.

Въ 1917-мъ подписномъ году будетъ дано:

12 КНИГЪ отпечатан. на бумагѣ «атласъ» и «хромо» крупнымъ четкимъ шрифтомъ, съ многоц. иллюстр. въ текстѣ и особо приложен. картинами, отпечатан. въ нѣск. красокъ, портр., картами и черт. Каждая книга въ изящн. папк. переплетѣ.

Красота, изящество и роскошь отличаютъ «Знаніе для Всѣхъ» отъ обычнаго типа иллюстрир. журналовъ. Журн. «Знаніе для Всѣхъ» даетъ разумное, полезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересное и разнообразное чтеніе по вслѣдствію отъкрытій, знанія, литературы и изящныхъ искусствъ, а съ внешней стороны небывалое по роскоши.

Для ознакомленія высылается 1/4 журнала „Знаніе для Всѣхъ“ по цѣнѣ 75 коп. съ перес.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ“ 6 РУБ. НА ГОДЪ съ дост. и пер.
Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и кѣ 1 мая остальные.
Главная Контора, Петроградъ, Стремянная, 12, соб. д.

2-й годъ изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1917 ГОДЪ

2-й годъ изданія

на ежемѣсячный, литературный, научный и политическій журналъ

ЛѢТОПИСЬ

издаваемый при ближайшемъ участіи **М. ГОРЬКАГО**.

Въ теченіе 1917 г. въ „ЛѢТОПИСИ“ будетъ напечатано:

Ф. И. ШАЛЯПИНЪ — „АВТОБИОГРАФІЯ“. Редактирована **М. Горькимъ** (ок. 20 лет. л.; буд. печат. въ каждой книгѣ журн.).

М. ГОРЬКІЙ — „Атамановы“ (повѣсть). — **ПИСЬМА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ**.

Условія подписки: съ доставкой и пересылкой въ Россію годъ—18 р., 6 мѣс.—9 р., 3 мѣс.—4 р. 50 к. За границу: годъ—22 р., 6 мѣс.—11 р., 3 мѣс.—5 р. 50 к. На 1 мѣсяцъ только для иногородн. внутри Россіи—1 р. 50 к. Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 1 р. 75 к.

Подписка принимается въ главн. конторѣ: Петроградъ, Б. Монетная ул., 18 (тел. 108—91), и въ др. книжныхъ магазинахъ. 4443 3 2

Издатель А. Н. Тихоновъ. Редакторъ А. Ф. Радзишевскій.

Открыта подписка на 1917 годъ.

НА НЕОБХОДИМУЮ ГАЗЕТУ ДЛЯ ВСѢХЪ ДѢЛОВЫХЪ ЛЮДЕЙ

9-й г. изд. **„КОММЕРСАНТЪ“** 9-й г. изд.

ВЫХОДИТЪ ВЪ МОСКВѢ ЕЖЕДНЕВНО.
Самое освѣдомленное, независимое изданіе, освѣщающее вопросы торгово-промышленной и финансовой жизни.

Программа газеты „КОММЕРСАНТЪ“:
Телеграммы со всѣхъ театровъ войны, заграничныя и внутреннія мѣропріятія и распоряженія правительства. Новости торговой, промышленной и финансовой жизни. Товарная и фондовая биржи. Внутренній и заграничный рынки. Открытія и изобрѣтенія. Хроника, статьи, фельетоны.

Спеціальн. отдѣлъ: **НЕПЛАТЕЖИ**
Единственная газета, сообщающая о всѣхъ случаяхъ неплатежей въ Россіи.

БАНКОВОЕ И СТРАХОВОЕ ДѢЛО
служитъ предметомъ особаго вниманія газеты „Коммерсантъ“.

„Коммерсантъ“ отмѣчаетъ всѣ достойныя вниманія событія въ жизни отдѣльныхъ крупныхъ предпріятій, анализируетъ ихъ отчеты и балансы и даетъ освѣщеніе всѣмъ наблюдаемымъ измѣненіямъ.

Приложенія къ газетѣ „КОММЕРСАНТЪ“:

„КОММЕРЧЕСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“.

Содержитъ все интересное за годъ съ критическими обзорами. Издается по типу такого же рода заграничныхъ изданій.
Цѣна въ отдѣльной продажѣ 10 р.

24 №№ журнала **„Вопросы Податного Обложения“**.

Теорія и практика налоговъ. Военный налогъ на прибыль. Подоходный налогъ и всѣ вообще виды налоговъ найдутъ въ журналѣ всестороннее освѣщеніе и объясненіе.
Цѣна по отдѣльной подпискѣ 5 р.

При газетѣ **СПРАВОЧНОЕ БЮРО**, дающее подписчикамъ бесплатные софункціонируетъ справки и указанія, справки о цѣнахъ на разные товары, адреса фирмъ въ Россіи и за границей, свѣдѣнія о русскихъ и иностранныхъ предпріятіяхъ, имеющихъ представителей. Отвѣты по всѣмъ вопросамъ гражданскаго, торговаго и финансоваго права. Посредничество между изобрѣтателями и капиталистами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1917 ГОДЪ:
На цѣлый годъ 15 р. | на 6 мѣс. 8 р. | на 3 мѣс. 4 р. 50 к. | на 1 мѣс. 1 р. 50 к.
„Вопросы Податного Обложения“ прилагаются къ газетѣ бесплатно.
За „Ежегодникъ“, свѣдѣній въ отдѣльной продажѣ 10 р., г.г. подписчики оплачиваютъ только 3 р.
Подписныя деньги адресовать: **МОСКВА**, въ контору газетъ „Коммерсантъ“, Б. Дмитровка, д. № 26/2. 4443 3-1

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, невралгенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Четвертый год издания. Роскошный, лит.-худ. иллюстр., ежемесяч- ный журнал для детей 8—13 лет. „НЕЗАБУДКА“.

Допущ. Св. Свн., Мин. нар. пр., Мин. торг.,
Гл. Упр. военно-уч. зав., рекоменд. Вид. Упр.
Имп. Марш. внесенъ въ спискомъ ка., за-
служ. вымпана при пополненіи библиот. ср. уч. зав.
Задача „Незабудки“ будитъ и укрѣпляетъ въ
дѣтахъ благородныя стремленія духа и любви
ко всему родному.
Содержаніе „Незабудки“: повѣ., разск., стих.,
полул. очерки, искорки, ребусы, шар. и пр.
Подписчики въ 1917 г. получаютъ: 1) 12 №№
журнала, свыше 900 стр., 2) „Послѣдніе языч-
ники“, Пов. изъ вр. Юліана Отст. А. Платоно-
вой, 3) „Вѣрный горбуны“, Пов. изъ вр. Имп. Елизаветы Петровны,
В. Суворовой, 4) „Отдѣлки Великой войны“, Оч. и разск. Прилож.
иллюстр. и отдѣльно стоятъ 1 р. 20 к.
Многочисленные отзывы печати признаютъ „Незабудку“ выдающимся
дѣтскимъ журналомъ по тщательному выбору, обилію и разнообразію
материала, живости и простотѣ изложенія, изяществу изданія и цѣности
приложеній.
Подписная цѣна: въ годъ — 6 р., полг. — 3 р. 25 к., 3 м. — 1 р. 75 к.
Проби. № 50 к., пат. н.д. 60 к.
Редакція: Петроградъ, Пантелеймоновская, 5. 443 2-2
Ред.-изд. прот. А. Темножировъ. Ред. А. Платонова.

Домашнее изготовленіе сахара

изъ всегда имѣющихся материаловъ, безъ особыхъ приспособленій, въ 6-мѣ-
сячной домашней посудѣ. Доступно всѣмъ. Цѣна руководства три р. 25 к.
Москва, изд-ство „Лучъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

**БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ
НЕВРАЛГИИ,
ГОЛОВНЫХЪ
БОЛЕЙ,**
и шіаса, простудныхъ и
ревматическихъ болей, даетъ
Кефалодоль Д-ра Сторъ. От-
пускается изъ всѣхъ аптекъ
по рецептамъ врачей. Ке-
фалодоль абсолютно без-
вреденъ. 4423
Остерегайтесь поддѣлокъ.

Каждому ремесленнику и ку-
старю необходимо
всегда имѣть подъ руками ежемѣсячный
иллюстрированный вѣстникъ кустарнаго
ремесла и производствъ

„ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИКЪ“.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями въ
годъ 5 рублей, на 1/2 года 3 руб. съ пере-
сылкой. Подписка принимается въ Конторѣ
журнала—Петроградъ, В. Подъяцкая, 19.
Книжн. технич. складъ М. И. Петрова и въ
Москвѣ, Волконка, д. 1. Книжн. технич.
скл. М. Петрова. Пробный номеръ вы-
дается за подписку въ кол. 4439

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОК !

ПРОВИЗОРЪ
Г.Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.

**БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА**

ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ
цѣн. 50 к. 1/2 к. 30

Руководство **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн.
для газетныхъ работъ. Материалы, заработокъ
и пр. Цѣна 1 руб. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. 4)

ЧѢМЪ ЗАМѢНИТЬ МЯСО? Руководство въ приготовл.
и пр. вкусн., смѣтл. и дешев. блюдъ
бѣтъ мяса. Цѣна 1 р. Москва, изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.
Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться промышленностью, долженъ вы-
писать книгу: „Я самъ—хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ
производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. За-
няться любымъ можетъ немедленно каждый. Цѣна 2 р. 75 к. МОСКВА,
изд-ство „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2. 5)

!!! Играющимъ на роялѣ и поющимъ !!!
(Нотъ на 75 р. за 8 р. 50 к.)
необходимо подписаться на нотный журналъ „Музыка для всѣхъ“ (Нувеллистъ)
на 1917 г., существующій 78 лѣтъ. Все, что интересно, модно и красиво,
вы найдете въ журналѣ: 12 №№, 12 приложеній, 2 преміи. Собраніе сочин.
П. Чайковского Времена года Нотный томъ можно замѣнить оперой, либо опер-
еттой, либо сборникомъ; предостат. около 120 разн. названій. Нотъ составить
въ годъ на 75 р. Подписн. цѣна 8 р. 50 к. съ пересылкою 9 р. 50 к.
Подписка при нотной торговлѣ и издательствѣ „Нева“ М. Иванова, Петроградъ,
Литейный пр., 57. Тел. 97—45. Складъ дешевыхъ изданій! Высылаю всѣ
ноты, исполненіе быстрое и аккуратное. Требуется подробный проспектъ жур-
нала и каталоги нотъ бесплатно. 4416

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 Г.
НА ЕЖЕМѢСЯЧН. ЛИТЕРАТУРН. ИЛЛЮСТРИР.
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ**

Издатель П. П. СОЙНИНЪ. Редакторъ Вл. П. ЛЕБЕДЕВЪ.

«Историческій Журналъ» будетъ издаваться по обширной, разнообразной программѣ, ставя себѣ задачей — дать подписчикамъ обильное интересное чтеніе.

Въ 1917-мъ подписномомъ году будетъ дано:

12 КНИГЪ больш. форм., съ иллюстрац., снимк., и портрет. въ текстѣ и на отдѣльн. листахъ, по слѣдующей программѣ:

- 1) Историческіе романы, повѣсти и разсказы.
- 2) Дневники, мемуары и разсказы современниковъ.
- 3) Описаніе историч. памятниковъ и реликв. старинн.
- 4) Роль кѣмцевъ въ историческіхъ судьбахъ Россіи.
- 5) Великіе образы.
- 6) Анекдотическіе обличья.
- 7) Ежемѣсячныя „Взбѣды“ („Любопытн. исторія“).
- 8) Листокъ историч. сатиры.
- 9) Новости текущей исторической литературы.
- 10) Мелкія статьи и извѣстія.

Кромѣ того, при «Историческомъ Журналѣ» будетъ дано — съ отдѣльной нумераціей страницъ — обширное сочиненіе „Нѣмцы-лихоимцы“ — драматическая хроника въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ дост. и перес. **4 РУБ.**
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА: при подпискѣ 2 руб. и въ 1 мая 2 руб.
Кочтора журнала: Петроградъ, Стремянная, 12, сб. д.

ПУТЬ къ СЛАВѢ Кажд. мож. выуч. пис. по-
вѣсти, комед., стихъ по руков.: Какъ
стать писателемъ? (430 стр.); ц. 3 р. 50 к. Изд.
Л. Д. Кранцъ, Москва, Мясницк. 26 н., 85/1.

**Способъ приготовления сахара до-
машнимъ путемъ.** Цѣна 1 р. 20 к.
Балта. Под. г., почтов. ящ. 65.
Б. Г. Пустильнику. 4417

ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ
дайте дѣтямъ
занятія и забаву
За 3 р. 50 к. высылаю почтов. налож. плат.
для вырѣзокъ и склеиван.: 1) Русск. войско,
солдаты, враги (ок. 220 фигуръ) или
2) Аэро-гидропланъ, санит. повозка, бро-
нир. автомобиль, дредноутъ, крейсеръ, па-
роходъ, лупки, миносецъ, санит. автомоб.
и вагонъ, изъ жизни народ., птицы, звѣри,
животныя.
Отд. 17 „Занятія и Забава“, г. Гатчина,
Петр. губ. Почтов. ул. 57. 4411

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1917 годъ.**

СВѢТЬ ежедневная, независи-
мая, самая дешевая и
распространенная рус-
ская газета. Основана
В. В. Комаровымъ.

„СВѢТЬ“ даетъ послѣднія военныя и
политическія новости.

Въ 1917 году въ газетѣ будутъ печататься
романы известнѣхъ авторовъ: Н. И. Брежко-
Брежковскаго, Е. И. Фортунато, Маровскаго
(автора „Маленькой сеньоры“ и др.).

Подписная цѣна съ пересылкою или
доставкою. 4415

6 руб. ПО ДѢЮ | 3 руб. | 1 р. 50 к.
ГО ДѢЮ | ПО ДѢЮ | ТРИ МѢСЯЦА
На 1 мѣсяць 50 к.

Адресовать: Петроградъ, Невскій пр., 138.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память по-
могите намъ, добрые люди, достроить и
благоустроить храмъ Господень во славу
Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лих-
визъ, Калужской губ., село Жеремино, церк-
овно-приходскому Попечительству, или
Священнику Александру Смирнову. 4-6

для
**ЦВѢТА
ЛИЦА**
ПРЕВОСХОДНЫЙ

освѣжающій кожу
элегантный кремъ
Дермозонъ

Д-ра Антона Мейеръ
имѣетъ очаровательный ароматъ
цвѣтущахъ розъ. Онъ является
гордостью женщинъ, желающихъ
сохранить свой молодой видъ.
Дермозонъ продается во всѣхъ
аптекахъ, въ банкахъ по 30
граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ
быстрѣе, если предварительно
обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ
Т-ва Стольберга и К^о.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать
для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной
платы за каждую дюжину паръ чулокъ
или носковъ. Или если Вы желаете ра-
ботать для продажи, и также для соб-
ственныхъ надобностей.

Требованія на чудотворн. товаръ вездѣ и
постоянно большія. За чулки и носки,
выработанные на нашей машинѣ «ВИКТО-
РИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИК-
ТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 ми-
нутъ. Наша автоматическая быстровы-
зальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ
200 руб. Мы ищемъ немедленно стар-
тельныхъ вязальщицъ и вязальщицъ.
Предварительныхъ знаній не требуется.

Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.
ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40-42—11в.

ЖЗЛ

№ 52. Выходят еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя специальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдавъ 24 декабря 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1917 г.

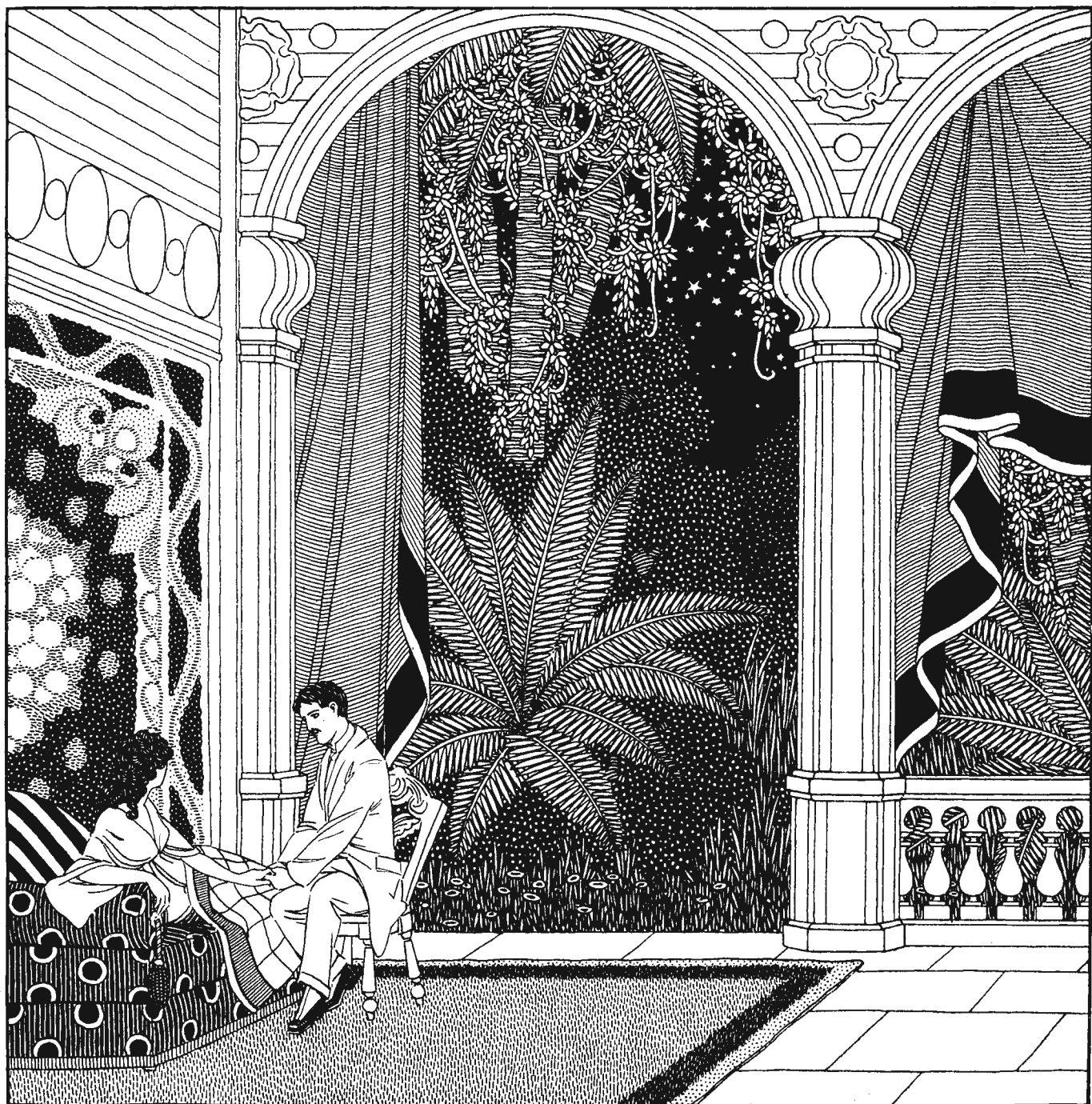
Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

М. ГОРЬКІЙ (первая серія книгъ)

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ (третья серія книгъ)

С. Я. НАДСОНЪ (полное собраніе сочиненій)

СЕРВАНТЕСЪ (Романъ „ДОНЪ-КИХОТЪ“)

Иллюстрація къ разсказу „Радость жизни“.
Рис. С. Лодыгинъ.

„Я тебя люблю, хотя недостойна быть даже твоей рабой“.
(Глава V, стр. 854).

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Рассказ Владимира Келера. Рисунки Сергея Лодыгина.

(Окончание).

— Надо сейчас же ее унести. Нѣтъ ли другого выхода? — спросилъ Дмитріевъ послѣ того, какъ ему удалось привести дѣвушку въ чувство.

— Конечно, — отвѣтилъ Жугуть-Рами, — и я уже распорядился. Я не зналъ, что въ этомъ зданіи дѣйствуютъ еще провалы. Ихъ держать въ большомъ секретѣ. Во время возстанія сипаевъ они очень пригодились и, вѣроятно, еще понадобятся. Дѣвушка едва не погибла совершенно случайно. А вотъ и носилки. Ну, Шади-Хейятъ, скоро доберемся до дому. А гдѣ же люди, Пурунь-Дагъ? Факиръ махнулъ рукой.

Изъ темноты помѣщенія вышли два человѣка, одѣтыхъ въ лохмотья, подняли дѣвушку и, не ожидая приказаній, тронулись въ путь.

Жугуть-Рами со старикомъ обогнали ихъ и пошли впередъ. Имъ долго пришлось идти темными коридорами, пока они не достигли крутой лѣстницы, упиравшейся въ желѣзную дверь.

Пурунь-Дагъ постучался.

Послышались чьи-то шаги, чей-то грубый голосъ спросилъ факира, и двери открылись.

Онѣ вели въ одно изъ отдѣленій пагоды, находящейся почти въ центрѣ новаго города.

Когда носилки были внесены, факиръ и люди, оказавшіе ему помощь, скрылись.

Къ оставшимся подошли бывшіе въ храмѣ брамины, окружили ихъ и узнавъ Жугуть-Рами, спросили, какъ попалъ онъ въ подземелье.

Когда индусъ передалъ имъ, чтѣ случилось, старшій изъ нихъ обратился къ Алексѣю Ивановичу и взялъ съ него слово хранить все происшедшее въ тайнѣ.

— Благодарите Бога, что вамъ покровительствуетъ Учитель. Только его именемъ удалось вамъ спасти дѣвушку. Не заставляйте сожалѣть объ этомъ, — сказалъ онъ, выходя изъ пагоды.

Шади-Хейятъ при помощи Дмитріева послѣдовала за нимъ.

Пріѣхавъ въ одну изъ лучшихъ гостиницъ и уложивъ дѣвушку въ постель, Жугуть-Рами ушелъ.

— Сагибъ, подойди ко мнѣ, — слабымъ голосомъ сказала дѣвушка Алексѣю Ивановичу. — Сядь поближе — мнѣ трудно говорить громко. Хотя я еще очень молода, но сегодня видѣла лицо богини Смерти. Я скоро умру. Не спорь — это вѣрно. Брамины говорятъ, что, если богиня взглянетъ на человѣка, то онъ долженъ готовиться перейти въ вѣчность. Мнѣ жалко оставить тебя — ты такой добрый. Но быть на небѣ гораздо лучше, чѣмъ жить на землѣ. А какъ трудно жить! Сколько горя и лишений перенесла моя мать! Мнѣ съ сестрой предстояло бы то же, если бы не ты. Здѣсь много страданій, а тамъ... Тебя удивляетъ, что я такъ разсуждаю? Я многому научилась въ школѣ, а еще большому у матери и много думала. Не бросай сестры...

— Брамины ошибаются, и Радости Жизни грустить не слѣдуетъ. — разстроеннымъ голосомъ перебилъ Дмитріевъ.

— Я не грущу. Скоро я буду на небѣ твоей яркой звѣздочкой и буду указывать тебѣ путь къ счастью, какъ ты указывалъ его мнѣ здѣсь. Я тебя люблю, хотя недостойна быть даже твоей рабой.

Дмитріевъ нагнулся надъ дѣвушкой и нѣжно ее поцѣловалъ. Она же прильнула къ нему и заплакала.

VI.

У прилавка торговца овощами стояло нѣсколько человѣкъ. Между ними былъ и братъ торговца и что-то съ жаромъ разсказывалъ.

Когда всѣ разошлись, Вали-Дадъ окрикнулъ продавщицу сластей и сообщилъ ей, что Жугуть-Рами вернулся, и что во время путешествія дѣвушка едва не погибла.

— Жаль, что спаслась. Куда она дѣнется, когда иностранецъ уѣдетъ, или когда она ему надобется?

— Онъ обращается съ ней, какъ съ дочерью, и навѣрное предъ отъѣздомъ наградитъ ее какъ слѣдуетъ.

— Какъ съ дочерью? Знаю я это. Слышала и про награды. Наговорятъ много словъ, наобѣщаютъ кучи золота, а дадутъ нѣсколько рупій.

— И откуда ты все это знаешь?

— Но разскажамъ дочери. Слова одного сагиба чуть не довели ее до ада. Хорошо, что во-время опомнилась. А сколько ласковыхъ словъ пришлось ей слышать, и сколько времени потомъ пришлось страдать за это! — Звѣздочка востока, цвѣтокъ лотоса, сокрушительница сердецъ! — постоянно раздавалось у нея въ ушахъ.

— Кхе! — кашлянулъ продавецъ овощей.

— Ты думаешь, что дочь моя была некрасива, и я уже лгу, какъ старуха? Мы одиѣхъ лѣтъ съ тобой, Вали-Дадъ. Правда, женщина старится раньше, зато и умнѣетъ скорѣе мужчине. И тебѣ, чтобы догнать меня, надо еще много времени.

Вали-Дадъ промолчалъ.

Торговка покосилась на него и продолжала:

— Дочь опомнилась, а другія попадаютъ. Если бѣ не онъ, и съ ней было бы то же.

— Кто это онъ? — спросилъ озадаченный продавецъ овощей.

— Ты помнишь, когда была большая холера? Мы жили тогда въ деревнѣ, и, когда настала чередъ дочери, она заболѣла. Дома меня въ это время не было. Рядомъ съ нами помѣщался совсемъ еще молодой англичанинъ, присланный правительствомъ лѣкарь. Онъ пришелъ къ намъ, дать что-то дочери выпить и ходилъ къ ней до тѣхъ поръ, пока она не поправилась. Онъ самъ за ней ухаживалъ; самъ растиралъ ей руки и ноги, и, конечно, она скоро выздоровѣла. Много у насъ умерло тогда народу. Скоро послѣ того, какъ англичанинъ покинулъ деревню и вернулся въ городъ, дочь моя отпросилась у отца къ теткѣ, которая жила въ томъ же городѣ. Тамъ разыскала она лѣкаря и часто съ нимъ видѣлась.

Какъ-то на улицѣ она встрѣтила совершенно незнакомаго индуса. Онъ назвалъ ее по имени и подошелъ.

— Ты, дѣвушка, много смотришь на солнце; берегись, какъ бы не ослѣпнуть, — сказалъ онъ. — Отца обмануть можно, а Кришну — нельзя. Побѣжай немедленно домой — тамъ неблагополучно.

Дочь испугалась, разсказала сестрѣ моей про встрѣчу, и на другой же день онѣ отправились изъ города. Отца онѣ застали умирающимъ, и онъ, навѣрное, не перенесъ бы болѣзни, если бѣ не явился къ намъ тотъ же индусъ. Къ этому времени и я возвратилась. Индусъ много говорилъ со мной и съ дочерью, и она выкинула изъ головы молодого сагиба.

— Откуда узналъ старикъ, что мужъ твой боленъ?

— А откуда узналъ онъ то, что лишь одной мнѣ было извѣстно?

— Ужъ не магъ ли онъ?

— Магъ не магъ, а мнѣ сказали, что это былъ Кришна-Мурти.

— Вотъ и отлично. Найди его и разскажи про дѣвушку.

— Лучше я сама поговорю съ иностранцемъ.

VII.

Вернувшись въ Бенаресъ, Алексѣй Ивановичъ, послѣ псытанныхъ имъ въ Дели волненій, сидѣлъ нѣсколько дней дома и работалъ.

Наконецъ потребность въ движеніи заставила его выйти на воздухъ, и онъ безъ всякой дѣли отправился гулять по городу.

Судьба привела его къ одному изъ храмовъ, въ которомъ онъ еще не былъ.

Двери пагоды были открыты, и въ ней видѣлись толпы молящихся.

Предъ народомъ, лицомъ къ нему, на возвышеніи стояли брамины и съ ними Жугуть-Рами.

Богослуженіе кончалось.

Несмотря на открытыя двери, въ храмѣ было душно. Воздухъ, насыщенный курениемъ благовоній, былъ такъ тяжелъ, что у Дмитріева закружилась голова. Въ вискахъ у него стучало: онъ хотѣлъ выйти, но не могъ — какая-то сила его удерживала. Онъ безпомощно взглянулъ туда, гдѣ стоялъ индусъ, но вмѣсто Жугуть-Рами увидѣлъ предъ собою чудовищную стѣну. Она поднималась до самаго купола и состояла изъ тѣхъ всевозможныхъ животныхъ, которыя переплетались между собою. Животныя шевелились и, раскрывая пасти, тянулись къ богомольцамъ.

Молящиеся преобразились.

Головы ихъ, вмѣсто людскихъ, стали головами звѣрей, самыхъ низменныхъ и кровожадныхъ.

Алексѣй Ивановичъ покачнулся. Чья-то сильная рука его подержала.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Жугуть-Рами.

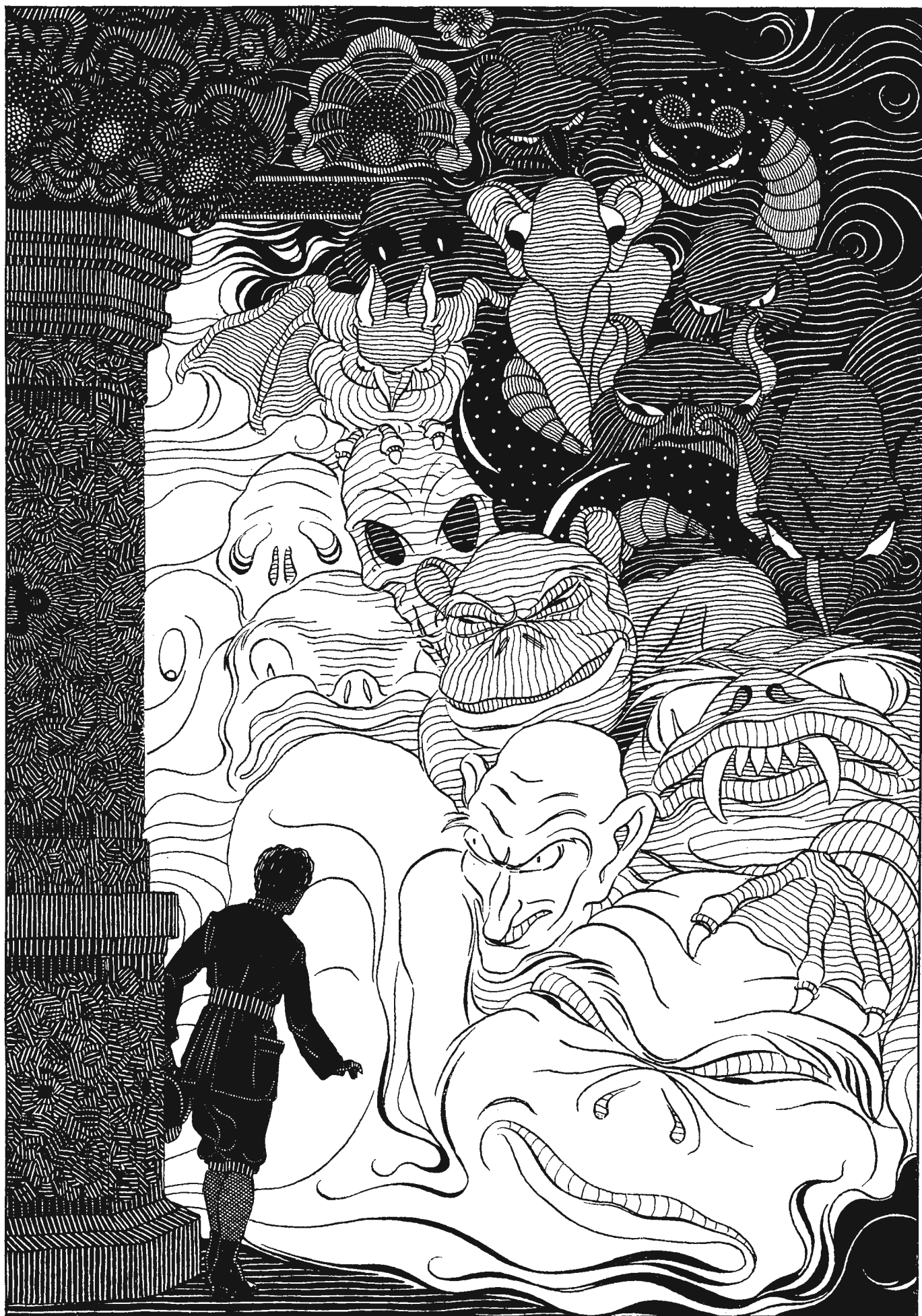
— Зачѣмъ вы здѣсь? Вы хотѣли, можетъ-быть, познакомиться съ послѣдователями истиннаго ученія? — спросилъ онъ растерявшагося Дмитріева. — Нѣтъ? Кстати, я до сихъ поръ не имѣлъ еще случая отблагодарить васъ за то, что вы оттащили меня во-время отъ люка. Помните? Постараюсь вамъ чѣмъ-нибудь отплатить. Хотите взглянуть на то, чего не видѣлъ еще ни одинъ европеецъ? Да? Подождемъ только, пока народъ выйдетъ изъ храма. Не удивляйтесь, что я открою вамъ одну изъ величайшихъ тайнъ нашихъ. Я заручился согласіемъ Учителя...

Пагода скоро опустѣла, и Жугуть-Рами ввелъ Алексѣя Ивановича въ комнату, служившую для переодеванія браминовъ.

— Намъ придется идти въ темнотѣ, держитесь за меня, — сказалъ онъ, направляясь къ стѣнѣ.

Дмитріевъ исполнилъ приказаніе и крѣпко вцѣпился въ его платѣ.

Индусъ подошелъ къ стѣнѣ, и передъ нимъ, точно по волшебству, камни раздвинулись.

„Радость жизни!“.

*Вместо Жугуть-Рами увидела она перед собой чудовищную стѣну...
(Глава VII, стр. 854).*

Разными переходами, то поднимаясь, то опускаясь по лестницам, они достигли наметченной Жугутъ-Рами доли путешествия и остановились.

Индусъ зажгёт факелъ.

Помещение, въ которомъ они находились, было довольно большое, и весь полъ его былъ уставленъ рядами небольшихъ открытыхъ ящиковъ и бочекъ.

— Глядите!—сказалъ Жугутъ-Рами, помахивая факеломъ, чтобы онъ лучше разгорѣлся.—Эта наша сокровищница. Здѣсь только драгоценные камни и жемчугъ; золото и серебро въ другомъ мѣстѣ.

Индусъ нагнулся, взявъ изъ одного ящика горсть алмазовъ и подалъ ихъ Алексѣю Ивановичу.

— Они самой лучшей воды. Хороши? Бросьте ихъ обратно и возьмите вонъ тамъ сапфиры, или подалеже изъ тѣхъ ящиковъ—рубины. Полюбуйтесь—такихъ въ продажѣ мало... Эти несмѣтные богатства собирались вѣками. Магараджа, начавшій копить драгоценности, чтобы облагодѣтельствовать ими своихъ подданныхъ, пришелъ къ убѣжденію, что ошибся, и что для благополучія человечества нужны не брильянты и золото, а нѣчто другое. Наслѣдники его думали такъ же, какъ онъ, поэтому сокровища здѣсь и остались. Вамъ кажется это страннымъ? Многие находятъ, что счастье въ богатствѣ, но мы, посвященные, думаемъ по-другому. Идемте въ святилище храма. Тамъ вы узнаете, чего не хватаетъ, по мнѣнію Провозвѣстника, людямъ для счастья.

Черезъ нѣсколько минутъ Дмитріевъ очутился въ небольшой треугольной комнатѣ.

Она была совершенно пуста, и только въ углу валялась куча соломъ.

— Это одно изъ помѣщеній нашего Великаго Учителя—Кришна-Мурти,—сказалъ индусъ и, приблизивъ факелъ къ стѣнѣ, указалъ Дмитріеву на высѣченные на ней непонятные знаки.—Эта надпись сдѣлана тысячелѣтія назадъ и служить основой нашего ученія. Вотъ что она гласитъ: „Пробуди духъ мертвыхъ...“

Въ это время факелъ неожиданно погасъ, и Жугутъ-Рами замолкъ.

VIII.

— Вамъ очень посчастливилось,—обратился Жугутъ-Рами къ Дмитріеву.—Въ нѣсколько дней вы познакомились съ таинственнымъ и сказочнымъ міромъ Индіи.

— Вы правы. Я многое узналъ и испыталъ, благодаря вамъ, но жалко, что вы не закончили перевода того мудраго изреченія, которое вы мнѣ показали.

— Въ тотъ разъ судьба вамъ измѣнила. Наизусть надписи я не знаю, а въ темнотѣ разобрать ее невозможно,—улыбаясь, отвѣтилъ Жугутъ-Рами.—Хотя, если вдуматься въ то, что я перевелъ—смыслъ ея ясенъ.

— Я не совѣмъ его понимаю. Для благополучія людей нужно, конечно, не одно богатство. Хотя для большинства оно служить цѣлью всѣхъ стремленій. Пробужденіе человечества, омертвившаго въ погонѣ за этимъ призрачнымъ счастьемъ, сказавшееся въ самоотверженной любви къ людямъ, въ служеніи обществу или какой-нибудь идеѣ,—врядъ ли вполне исчерпываетъ весь смыслъ надписи.

— О чемъ это вы говорите?—вмѣшалась въ разговоръ Шади-Хейять.

— О счастьѣ.

— Все, что я слышала до сихъ поръ, не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Развѣ нужно богатство, чтобы быть веселымъ, чтобы радоваться солнцу и любоваться природой? Развѣ нужно что-нибудь, кромѣ ласки, чтобы любить людей и сочувствовать ихъ горю и радостямъ?.. Дѣти не стремятся къ богатству, поэтому они и счастливы.

— А ты въ чемъ видишь счастье?—спросилъ Дмитріевъ.

— Я?

Дѣвушка задумалась.

— Въ самой жизни... Да, да!.. Въ ней и въ ея радостяхъ,—отвѣтила она черезъ минуту и покраснѣла.

— Ты сама, милая, радость жизни!—вскрикнулъ восхищенный отвѣтомъ Дмитріевъ.

— И счастливъ будетъ тотъ, кого эта радость коснется,—добавилъ Жугутъ-Рами и взглянулъ съ улыбочкой на Алексѣя Ивановича.

Дмитріевъ всталъ и отошелъ къ окну.

— А что, кончили вы послѣднюю вашу работу?—перемѣнивъ тонъ, спросилъ его Жугутъ-Рами.—Нѣтъ еще? А я думалъ предложить вамъ осмотрѣть Башни Молчанія.

— Неужели ты не могъ придумать ничего интереснѣе?—сказала Шади-Хейять.—Осматривать башни, куда кладутъ умершихъ на растерзаніе хищнымъ птицамъ? Эти мѣста погребенія?—Не стоить!..

— Да вѣдь ты ихъ не видѣла?

— И сморѣть не хочу. Меня сожгутъ на кострѣ. Думать, что огонь слишкомъ чистъ и осквернится, сжигая человѣческое тѣло, могутъ только глупые парсы. Богъ не создалъ бы для людей, если бы они не были чисты, такой прекрасной природы, которой всѣ восхищаются. Вспомни священный Гангъ, чудныя по его берегамъ рощи, красивые цвѣты...

— Не забудь, пожалуйста, жуковъ и бабочекъ...—любуясь дѣвучкой, подразнилъ ее Дмитріевъ.

— Не бойся, не забуду. Все создано такъ же и для нихъ, какъ и для всего живого.

— А вотъ и наша бабочка—Глазокъ Красоты.

— Я принесла тебѣ подарокъ,—закричала, влетая въ комнату, дѣвочка и бросилась къ сестрѣ.

— Какой, откуда?

— Цвѣты, много цвѣтовъ, цѣлая корзинка. А отъ кого—не знаю. Ихъ далъ мнѣ такой толстый человѣкъ—точно браминъ.

— Да это, можетъ-быть, не мнѣ?

Дѣвочка удивилась.

— Онъ такъ и сказалъ: „для Шади-Хейять“.

— Ну давай сюда, посмотримъ.

Въ корзинкѣ лежали пучки душистыхъ цвѣтовъ бѣлой акаціи, служившей вѣками символомъ связи настоящей жизни съ драгой, за ней слѣдующей.

Взглянувъ на цвѣты, дѣвушка невольно поблѣднѣла и протрянула ихъ Дмитріеву.

— Вотъ видишь? Помнишь—я тебѣ говорила?..

IX.

Съ самаго утра Алексѣй Ивановичъ былъ сильно разстроены. Онъ получилъ извѣстіе, требовавшее немедленнаго его отъѣзда въ Россію. Приходилось бросать почти законченную работу и рѣшить вопросъ, какъ поступить съ дѣвушкой, къ которой онъ сильно привязался.

„Хорошо бы посоветоваться съ Кришна-Мурти“.—подумалъ онъ и собрался было послать его разыскивать, но въ это время ему подали отъ него письмо.

Онъ быстро разорвалъ конвертъ и прочелъ:

„Я знаю, что вы получили телеграмму, и недоумѣваете, что дѣлать и когда ѣхать. Я позаботился о васъ и приказалъ взять каюту на пароходѣ, отходящемъ послѣзавтра вечеромъ изъ Бомбея. Отсюда выѣзжайте сегодня ночью. Шади-Хейять съ сестрой побѣдетъ съ вами. Надо же васъ проводить. Чувствуя вашу привязанность къ ней и ея любовь къ своему покровителю, я пришелъ къ убѣжденію, что самое лучшее порвать все сразу и немедленно уѣхать. Томленіе передъ казною гораздо мучительнѣе смерти, а потому, чѣмъ скорѣе все кончится, тѣмъ лучше. Эта дѣвушка не для васъ. Я сообщилъ ей, что вы уѣзжаете ненадолго. Зачѣмъ убивать раньше времени? Итакъ, собирайтесь“.

Прочитавъ записку, Дмитріевъ задумался.

— Будетъ отвѣтъ? Посланная ждетъ,—спросилъ слуга, подавшій письмо.

— Посланная?—удивился Алексѣй Ивановичъ.—Зови ее сюда!

Въ дверяхъ оказалась, съ ящикомъ въ рукахъ, торговка сластями.

— Это вамъ фрукты отъ Жугутъ-Рами, на дорогу. Я ихъ сама укладывала. Тутъ хватитъ на двоихъ—на васъ и на жену. Вы не женаты? А Шади-Хейять?

— Уходите, пожалуйста,—это не ваше дѣло.

— Чтò?—сердито крикнула торговка.—А если послѣ вашего отъѣзда у дѣвушки родится жаба, можно сказать, что вы ея отецъ? А?

— Вонъ, вѣдьма!—выругался по-русски Дмитріевъ и бросился съ кулаками на женщину.

Торговка, ожидавшая, повидимому, нападенія, выскочила изъ комнаты и захлопнула дверь.

„Да, Кришна-Мурти правъ, надо уѣзжать и поскорѣе“,—рѣшилъ, успокоившись немного, Алексѣй Ивановичъ и, приказавъ принести чемоданы, сталъ укладываться.

X.

Пароходъ остановился почему-то далеко отъ пристани, и, чтобы попасть на него, надо было выѣхать въ море на лодкѣ.

Уже потухло сіяющее солнце, погасъ радостный день, и надвинулся вечеръ сѣрый, томительный, съ поблекшими красками жизни.

Было довольно темно, когда Дмитріевъ очалилъ отъ берега. Сидя на кормѣ, онъ смотрѣлъ на конецъ мола, гдѣ стояли проважавшія его сестры.

Онъ видѣлъ, какъ Шади-Хейять махала ему платкомъ и какъ потомъ прижимала его къ глазамъ.

Дѣвушка при прощаніи казалась спокойной, теперь же дала волю чувству и плакала.

Алексѣй Ивановичъ снялъ шляпу и замахалъ ею надъ головой. Вдругъ ему показалось, что Шади-Хейять бросилась въ воду. Отъ ужаса онъ закрылъ глаза; когда же открылъ ихъ, то увидѣлъ что-то необъяснимое.

Тревожно мерцавшія на небѣ души умершихъ заволновались. Звѣздами покатились онъ къ морю и стали падать въ него въ одно только мѣсто, въ одну бѣлѣвную на немъ точку.

Задрожать отъ ихъ паденія воздухъ, и въ безмолвномъ трепетѣ его носышались съ берега слабые звуки.

— „Ж-ж-ж-ж-ж“,—кто-то жаловался тамъ одной гудящей стонущей нотой.

И вотъ съ берега, изъ рощи, пронесся надъ моремъ голубой огонекъ и остановился.

— „Ж-ж-ж-ж-ж“,—тянулась съ берега та же нота, а изъ рощи неслись огоньки, одинъ за другимъ, и останавливались тамъ же, куда падали звѣзды.

„Радость жизни“.

...Въ немъ оказалась Радость жизни, исчезающая въ неизвестномъ.
(Глава X, стр. 858).

Это летѣли съ плачемъ души
младенцевъ, свѣтящіяся жуки.

Ихъ скопилось много, очень
много. Волшебнымъ блескомъ голу-
бого свѣта они залили море, за-
кружились въ воздухѣ, потомъ по-
висли въ немъ, сбившись въ кольцо,
и сверляющимъ ореоломъ увѣн-
чали голову погибавшей Радости
Жизни.

Дмитріевъ вернулся обратно и,
удрученный искреннимъ горемъ,
направился тихо въ городъ.

Была ужъ ночь. Играли въ окнахъ
весело огни. Ему навстрѣчу изъ
садовъ неслись пѣсни... Жизнь шла
своимъ путемъ...

И на небѣ все ярче разгорались
звѣзды.

Тутъ встрѣтился съ нимъ Кришна-
Мурти и повлекъ его въ рошу, къ
рѣкѣ.

Передъ ними бѣлѣли лиліи.

Бѣлоснѣжныя лепестки одной изъ
нихъ медленно раскрывались, и
сладкое благоуханіе ея расплыва-
лось въ воздухѣ. Въ чашечкѣ
цвѣтка свѣтился едва замѣтный
огонекъ. Когда же онъ вспыхнулъ
алымъ пламенемъ, — пламенемъ
цвѣта любви, — въ немъ показалась
Радость Жизни, исчезнувшая въ
неизвѣстномъ, вѣчно загадочномъ
и таинственномъ.

Профессоръ Портретъ работы
В. Д. Орловскій. Н. Пимоненко.

Цвѣтущее поле. В. Орловскій.

Посмертная выставка В. Д. Орловскаго.

(Съ 6 рис. и портр. на стр. 858-860).

Рѣдко бываютъ выставки на-
столько характерныя для худож-
ника, какъ устроенная въ концѣ
этого года въ Академіи Худо-
жествъ выставка покойнаго В. Д.
Орловскаго: на ней было со-
брано болѣе 500 никогда до
того не появлявшихся этюдовъ
знаменитаго художника, начиная
со времени его пенсіонерской
побѣдки и кончая послѣдними
годами жизни. Здѣсь опредѣлялся
весь путь, пройденный художни-
комъ, а путь этотъ былъ далеко
не зауряднымъ.

Въ 1861 г. В. Д. поступилъ
въ Академію Художествъ, черезъ
7 лѣтъ уѣхалъ пенсіонеромъ за
границу, въ 1874 г. получилъ уже
званіе академика, а въ 1878 г. —

На хуторѣ.

В. Орловскій

Море.

В. Орловский.

душевной драмой художника, которую должен был пережить покойный.

В. Д. Орловский на ряду с Клодтом, Шишкиным и другими принадлежит к той группе русских пейзажистов, которые первыми перешли от романтических руин и безлично красивых ландшафтов к реальному изображению родной природы и этим положили начало существованию самостоятельного русского пейзажа. Душа этого пейзажа оживила в картинах следующего поколения, эти же первые пионеры любовно, умело, хотя и вполне объективно воспроизводили лишь его внешнюю красоту и формы. Орловский был хоть и самым молодым из них, но и самым объективным, прямолинейным и для этой группы наиболее типичным и члвным. Жизнь природы его не трогала, он подходил к ней спокойно и с виртуозным, но холодным мастерством переносил на холст только то, что видел. Картины Саврасова и Васильева—первых русских пейзажистов-поэтов—прошли для него бесследно, и только шумный успех Куинджи побудил его к новым исканиям. Но и у Куинджи он не видел сущности того, что составляло его силу,—способности обобщения, подчинения всего только главной задаче, сосредоточенности исключительно на полноте настроения, впечатления. В творчестве Куинджи его интересовала только внешняя сторона—сила света, и все новые достижения В. Д. совершались лишь в одной этой области.

Между тем дальнейшее развитие и совершенствование пейзажной живописи неудержимо стремилось вперед. В первых же

картинах Дубовского, Левитана предмет изображения—внешняя форма природы—сам по себе не имеет никакого значения и является лишь средством для выражения поэтических переживаний художника. Объективное в пейзаже постепенно сменилось субъективным, индивидуальным, интимным. Пропась между этим новым поэтическим одухотворенным творчеством и объективным мастерством Орловского становилась все шире и шире, и нужен был лишь внешний толчок, чтобы порванная

Лодка.

В. Орловский.

связь с современностью обнаружилась перед ним с неумолимой очевидностью.

Это случилось в 1894 г. Старая Академия уступила место новым силам; прежние экспоненты Академических выставок разбьжались, основали новые выставки. Их сменила молодежь, охваченная успехом в борьбе со всеми „старыми“, враждебная ко всему, что было до них. На первой же выставке, устроенной „молодыми“, все старое было беспощадно изгнано, не пощадили даже картин грезных профессоров Академии. Выставка вышла не слишком обильная экспонатами, но члвная и яркая по общему впечатлению свежести, молодости, новизны. Отдлвныя, разрозненные до того попытки и искания новых путей, собранные вмьст, дали члвную картину тех достижений, которые совершились и продолжали совершаться в области русского пейзажа.

Все это было чуждо Орловскому. Он был слишком крупным мастером своей эпохи, своего поколения, сложившимся и трезвым человеком и потому не боялся спокойно и сознательно посмотреть правде в глаза, а эта „правда“ для художника с его положением оказалась трагичной: он увидел, что в этом новом опре-

Прибой.

В. Орловский.

Набережная.

В. Орловский.

дѣлвшемся и все захватившемъ теченіи для него нѣтъ мѣста, увидѣлъ, что жизнь искусства ушла далеко впередъ отъ того, что составляло его силу и значеніе, что было въ предѣлахъ его дарованія; въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта онъ почувствовалъ себя внѣ этой жизни, пережившимъ самого себя. У него была слава, но она создавалась раньше, при другихъ условіяхъ; онъ продолжалъ пользоваться огромнымъ успѣхомъ среди своихъ поклонниковъ, но то были цѣнители „прежняго“, кругъ ихъ при новыхъ условіяхъ грозилъ уменьшаться съ каждымъ годомъ, онъ не могъ удовлетворяться только остат-

ками былого и предпочелъ сразу и навсегда порвать послѣднія нити, отречься отъ міра искусства и уйти въ затворничество личной жизни.

Такъ сложилась судьба одного изъ немногихъ мастеровъ, трудившихся надъ кладкой фундамента для созданія русскаго пейзажа. Но онъ родился слишкомъ поздно и въ самомъ разгарѣ работы увидѣлъ, что въ ней болѣе нѣтъ надобности, что новое зданіе уже высятся на готовомъ прочномъ фундаментѣ, а ничего другого онъ дѣлать не могъ по самой природѣ своего дарованія и потому оставилъ работу.

М. Далькевичъ.

Изъ книги „Сонеты Солнца, Меда и Луны“.

Стихотворенія К. Д. Бальмонта.

1. Обратный путь.

Пройди отъ фіолетовыхъ до красныхъ
Всѣ красочные въ радугѣ пути.
Чтобъ тайное вѣщаніе найти.
Взгляни въ живой вѣнецъ расцвѣтовъ страстныхъ.
Влюбись въ фіалку. Незабудокъ ясныхъ,
Осокъ нарви. И лютикъ расцвѣти.
Настурцій кустъ межъ маковъ помѣсти.
И розъ возьми, изъ самыхъ полновластныхъ.
Приблизься къ нимъ. Читай глазами ихъ.
Вдыхай. Пьянись всей тайной ихъ загадокъ.
Пчелъ мигъ встрѣчи съ вѣнчиками сладокъ.
Отъ лепестковъ струится вихремъ стихъ.
Ты къ молніямъ пришелъ. Подслушай ихъ.
Онѣ поютъ—сонетами изъ радугъ.

2. Перстень.

Изъ золота чистѣйшаго оправа.
Линейность совершеннѣйшая,—кругъ.
Чуть шевельнешь, и заиграетъ вдругъ
Въ гнѣздѣ всѣхъ красокъ—огненная слава.
Лучи бѣгутъ налѣво и направо.
Горитъ. Пожаръ утонченный вокругъ.
Въ немъ только радость, если ты мнѣ другъ.
А если недругъ, сила въ немъ удава.
Въ захватной лапкѣ цѣпкаго гнѣзда
Три камня. Изумрудный, алый, синій.
Раздѣльно—трѣдиная звѣзда.
Качнешь вотъ такъ, увидишь города.
Они твои. Качнешь вотъ такъ, пустыней
Безжизненной ты скованъ навсегда.

3. Зеркало.

Когда передъ тобою глубина,
Себя ты видишь странно отраженнымъ,
Воздушнымъ, тѣневымъ, преобразеннымъ.
Въ водѣ душа. Смотри, твоя она.
Не потому ли насъ пьянитъ Луна
И дѣлаетъ весь міръ завороженнымъ,

Когда она, по пропастямъ бездоннымъ,
Намъ недоступнымъ, вся озарена.
„Я темная, но дальній свѣтъ пріемлю“,—
Она безгласно въ мірѣ говоритъ.
Луна пріемлетъ Солнце и горитъ.
Отображенный свѣтъ струитъ на Землю.
Въ Лунѣ загадка, жемчугъ, хризолитъ.
Въ ней сонмъ зеркалъ волшебный сонъ творить.

4. Подъ сѣвернымъ небомъ.

До самаго конца вы будете мнѣ милы.
Родного Сѣвера непышные цвѣты.
Подснѣжникъ стынушій. Дыханье чистоты.
Печальный юноша. Дрожанье скрытой силы.
Ни косы быстрья ни воюшій пилы
Еще не тронули растущей красоты.
Но затуманены росой ея черты.
И тотъ, предъ кѣмъ вся жизнь, разслышалъ зовъ могилы.
Судьба счастливая дала мнѣ первый день.
Судьба жестокая второй мой день послала.
И въ юности моей не медь я зналъ, а жало.
Подъ громкій лай собакъ бѣжалъ въ лѣсахъ олень.
И пѣна падала. А слѣдомъ расцвѣтала
Грустянка синяя, роняя въ воду тѣнь.

5. Марсъ.

Отъ полюса до полюса Пустыня.
Песчаникъ красный. Мергель желтоцвѣтъ.
И синий аспидъ. Зори прошлыхъ лѣтъ.
Зеленыхъ царствъ отцвѣтшая святыня.
Гдѣ жизнь была, тамъ греза Смерти нынѣ.
Горѣнье охры. Между всѣхъ планетъ
Тотъ красочный особо виденъ бредъ.
Опаль. Огонь въ опаловой твердынь.
Лишь полюсы еще способны пѣтъ
Пѣснь бытія нетлѣнными снѣгами.
Весной истаеая, родниками
На красную они ложатся мѣдъ.
И говорятъ черезъ пространства съ нами
Невнятное, играя письменами.

Безмолвныя жертвы войны.

Очерк Петра Васильковского.

Безмолвныя жертвы войны, это — четвероногія, пернатая и другія группы подданныхъ животнаго царства, по областямъ обитанія которыхъ прокатились кровавыя волны войны.

Исторія естествознанія показываетъ намъ, что ни одна крупная война не прошла безслѣдно для животныхъ, населяющихъ охваченный войною районъ.

Понятно, ни одна изъ прежнихъ войнъ не можетъ сравниться съ нынѣшней не только по числу участвующихъ въ ней силъ, но и географически, по количеству пространства, охваченнаго боевыми дѣйствіями во всѣхъ трехъ стихіяхъ. Теперешняя мировая война открываетъ несравненно большій просторъ для наблюдений въ отношеніи вопроса о вліяніи войнъ на міръ животныхъ, и за два истекшихъ года накопилось столько соответствующихъ матеріаловъ, что уже теперь можно сдѣлать нѣкоторые любопытные выводы.

Отмѣтимъ прежде всего, какъ слѣдствіе вліянія войны, появленіе животныхъ-бѣженцевъ, изгнанныхъ массовымъ скопленіемъ войскъ и неутомимымъ грохотомъ орудій изъ обычныхъ мѣстъ своего обитанія. Впервые за текущую кампанію такое явленіе было отмѣчено вскорѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій англійскими натуралистами и моряками, изъ которыхъ первые отмѣтили массовое появленіе на побережь Англій дроздовъ, а вторые наблюдали и самый перелетъ ихъ изъ Бельгіи въ Англію. „Птицы летѣли,—пишутъ наблюдатели,—огромными стаями, одна слѣдомъ за другой, точно бы то было осенью въ разгаръ перелета“. Аналогичное наблюденіе, но уже въ отношеніи аистовъ, опубликовано нѣкоторыми французскими орнитологами. При первыхъ звукахъ выстрѣловъ, раздавшихся на западномъ фронтѣ, множество аистовъ, гнѣздившихся въ Эльзасѣ, покинуло родныя мѣста и улетѣло къ... Принеимъ, что въ свою очередь было отмѣчено и мѣстными наблюдателями.

Объ аистахъ-бѣженцахъ сообщаютъ и многіе русскіе любители природы, откликнувшіеся на анкету, предпринятую „Петроградскимъ Обществомъ натуралистовъ-любителей“ весной текущаго года*). Такъ, лица, находящіеся на фронтѣ, указываютъ на много пустующихъ гнѣздъ аистовъ, покинувшихъ уничтоженныя артиллеріей и пожарами селенія; съ другой стороны, изъ тыловыхъ губерній поступили сообщенія о появленіи аистовъ въ такихъ уѣздахъ, гдѣ раньше они не гнѣздились. Объ этомъ пишутъ, между прочимъ, изъ многихъ уѣздовъ Тверской, Новгородской и Петроградской губерній, а г. К. Р. Шгаль сообщаетъ, что ему удалось видѣть вблизи ст. Вруда (Балт. ж. д.) пару черныхъ аистовъ (*Ciconia nigra*), которые, по видимому, залетѣли туда изъ болѣе южной Курляндской губ., вытѣсненные оттуда войной.

На ряду съ аистами въ длинномъ спискѣ животныхъ-бѣженцевъ особенно часто упоминаютъ многіе виды утокъ, куликовъ и разной иной болотной дичи, при чемъ изъ губерній, далеко отстоящихъ отъ фронта, сообщаютъ объ увеличеніи количества названныхъ животныхъ, и, напротивъ, изъ мѣстъ, приле-

гающихъ къ театру военныхъ дѣйствій, указываютъ либо на замѣтное сокращеніе числа ихъ, либо изъ нѣкихъ уголковъ даже на поголовное исчезновеніе.

Впрочемъ, пернатые бѣженцы не всегда устремляются въ сторону, противоположную линіи фронта. Не мало наблюдателей отмѣчаютъ какъ разъ обратное явленіе — тяготѣнныя нѣкоторыхъ птицъ къ театру войны и въ силу этого массовое скопленіе ихъ здѣсь. Къ числу такихъ „любителей“ браннаго поля слѣдуетъ отнести воронъ, галокъ, вороновъ, ястребовъ, коршуновъ и другихъ хищныхъ птицъ, привлекаемыхъ сюда обиліемъ пищи. „Не могу не обратить ваше вниманіе на необычайное обиліе вблизи окоповъ всяческой хищной птицы,—пишетъ въ отвѣтъ на анкету командиръ одной изъ батарей.—Я полагаю, что ихъ привлекаетъ сюда чрезвычайное множество мышей и крысъ, которыя буквально по пятамъ движутся за каждой воинской частью и являются настоящимъ бичомъ окопной жизни“. Въ то же время изъ многихъ тыловыхъ губерній сообщаютъ о рѣзкомъ уменьшеніи количества названныхъ птицъ, пропавшихъ вдругъ, по выраженію одного корреспондента, „точно по мановенію волшебнаго жезла“, при чемъ этимъ „жезломъ“, надо полагать, является именно война.

Къ пестрой семьѣ хищныхъ птицъ присоединяются на театрѣ войны и въ смежномъ районѣ нѣкоторые хищники изъ числа четвероногихъ. А именно поступило очень много сообщеній о мае-

На салоникскомъ фронтѣ.

Крылатое счастье. Македонскій аистъ, помѣстившійся на аэропланѣ Англійскій военный летчикъ не разстается съ аистомъ, вѣря въ то, что онъ приноситъ ему счастье въ родной для нихъ обоихъ стихіи.

*) Обширная корреспонденція, поступившая по этому вопросу въ названное Общество, находится въ настоящее время въ моемъ распоряженіи, и матеріалы для настоящаго очерка я черпаю преимущественно изъ нея. П. В.

На французском фронтѣ.

объвшихъ въ ближайшихъ къ линіи фронта губерніяхъ, частью же ушедшихъ и много дальше.

О небываломъ количествѣ только-что названныхъ животныхъ ницугу изъ губерній Киевской, Полтавской, Черниговской, Могилевской, Смоленской и многихъ другихъ, до Самарской губ. включительно, гдѣ вообще отмѣчаютъ увеличение числа и другихъ животныхъ, бѣжавшихъ изъ шумныхъ районовъ въ болѣе покойныя.

Такіе бѣженцы, въ противоположность хищникамъ, принадлежатъ уже къ другому порядку: ихъ не привлекаетъ, но отталкиваетъ война, и покидая родные уголки, они бѣгутъ, подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ и бѣдствіямъ, связаннымъ со скитальческимъ образомъ жизни. Какъ далеко могутъ заходить такіе невольные странники, показываетъ слѣдующій фактъ, сообщаемый однимъ наблюдателемъ изъ Симбирской губ. По его словамъ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ усмотрѣнъ зубрь — животное, какъ извѣстно, водившееся только въ Бѣловѣжской пушѣ.

совомъ появленіи въ тѣхъ мѣстахъ волковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и на ихъ скопленіе повліяла война, привлекая сюда огромныя гурты рогатого скота, вслѣдъ за которымъ сбѣжались и волки. Другой приманкой служитъ этимъ хищникамъ множество дикихъ козъ и зайцевъ, вытѣсненныхъ изъ Галиційскихъ и Польскихъ лѣсовъ и частью

Какъ онъ (да и одинъ ли?) попалъ сюда, трудно объяснить; но если это извѣстіе подтвердится, то едва ли можно будетъ сомнѣваться, что это бѣженецъ именно изъ Гродненской губерніи.

Впрочемъ, и помимо этого сообщенія, извѣстно достаточно много достоверныхъ случаевъ переселенія многихъ видовъ животныхъ изъ районовъ, охваченныхъ войной, въ весьма отдаленныя. Это въ особенности относится къ нѣкоторымъ птицамъ, населявшимъ лѣса и болота занятыхъ сейчасъ войсками пространныхъ. Напуганные войной, онѣ летятъ на новыя мѣста, и въ любой газетѣ, не говоря уже о специальныхъ изданіяхъ, можно видѣть теперь сообщенія о необычайномъ обилии разной дичи въ губерніяхъ, отстоящихъ далеко отъ театра военныхъ дѣйствій. Спѣшу оговориться, что тому же содѣйствуетъ и другая, такъ сказать, косвенная причина вліянія войны: рѣзкое уменьшеніе числа охотниковъ и вздорожаніе охотничьихъ припасовъ. Однако значительное пополненіе дали и животныя — бѣженцы, покинувшія родныя мѣста.

Вотъ примѣры, подтверждающіе сказанное. Изъ Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи вовсе исчезли лоси, между тѣмъ они появились въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не видали уже свыше 40 лѣтъ. То же самое можно сказать о козахъ и кабаняхъ. По словамъ откликнувшихся на анкету корреспондентовъ, эти животныя исчезли изъ ряда уѣздовъ, но зато обнаружены въ другихъ. Изъ той же Волынской губерніи сыплются жалобы на отсутствіе тетеревей и зайцевъ, а изъ восточныхъ губерній сообщаютъ о небываломъ обилии ихъ. И это не единичныя наблюденія, а можно сказать, общій вопль.

Остановившись подробнѣе всего на „бѣженствѣ“, какъ на явленіи, высоко интересномъ въ біологическомъ и зоогеографическомъ отношеніяхъ, отмѣтимъ, что война понудила міръ животныхъ принести на свой алтарь жертвы не только въ этомъ смыслѣ. Безчисленное количество подданныхъ животнаго царства усылали своими трупами поля и лѣса, вспаханные гранатами непріятельскихъ орудій, но еще больше полегло ихъ тамъ, гдѣ, губя все живое, стлались облака душливыхъ газовъ. Въ періодъ гнѣздовья все юное поколѣніе норниковыхъ четвероногихъ и низко гнѣздящихся пернатыхъ, а въ другое время множество мелкихъ звѣрковъ, земновод-

Соборъ въ Альбертѣ, разрушенный германской бомбардировкой. Съ купола свѣсилась чудомъ держащаяся фигура Богоматери съ Младенцемъ.

На французском фронтѣ.

Фигура Богоматери съ Младенцемъ, сверженная съ купола собора въ Альбертѣ германскими снарядами, но не упавшая, а опустившаяся надъ Франціей, благословляя ее крестнымъ знаменіемъ — фигурой Св. Младенца, распростершаго руки.

ных и представителей других групп животных пало жертвами газов во всех тех местах, где прокатились страшные волны этого адского орудия современной войны. Испытав на себе самое действие ужасного измышления наших врагов, я в то же время имел возможность наблюдать, как мигом опустошали ядовитые газы всю окружающую местность, поражая наряду с животными даже мир растений. И кто сможет подсчитать, сколько „безмолвных жертв войны“ поглотили эти газы! Кто вообще сможет учесть понесенные ими потери! Одно несомненно: ненасытный бог войны вырывает свои жертвы не только из рядов тех, кто бьется в огонь чудовищного бранного пожара, но без сожаления губит и совершенно непричастных к этому существа, грозя некоторым из них полным исчезновением с лица земли.

В таком угрожающем положении находятся, например, редчайшие дубы земли — зубры, обитавшие в Бѣловѣжской пушчѣ. Представители далекой эпохи, чудом сохранившиеся до наших дней в количестве всего около 400 экземпляров, они очутились в самом центре военных действий, и кто знает — не положить ли эта война предел их искусственно-затянувшемуся существованию на нашей планете? Во всяком случае она, конечно, сократит их число и тем самым ускорит их неизбежное вымирание. Не лучше участь тоже ставших редкостью рѣчных бобров, кое-где сохранившихся еще в предѣлах Минской губернии. Подобно зубрам, они рискуют вовсе исчезнуть в указанном районе, ибо именно в местах их обитания сейчас зачастую разыгрываются ураганные артиллерийские бои и применяются газовые атаки, не щадящие никаких диких животных природы.

Итак, подводя итог сказанному, необходимо прийти к заключению, что грозные мировые события, разыгравшиеся на почве ненормальных человеческих взаимоотношений, коснулись не только людей, но и животных, внося в их жизнь смятение и разстройство и производя в их рядах порою чудовищные опустошения.

*pour le triumphe
travaillerez à l'emprunt national*

SEM

Плакат нового французского займа национальной обороны, нарисованный известным парижским карикатуристом Семом. Внизу подпись: „ради триумфа подписывайтесь на национальный заем!“

Незамѣтные герои фронта.

Геройская смерть прапорщика Рѣзанова.

За полтора года войны почти весь офицерский состав доблестных кавказских полков смѣнился. Выбыли коренные кавказцы; кто ранен, кто убит, кто получил уже другой полк в командование... Но традиции героев Чечни и Дагестана остались в полках. Из уст в уста передаются рассказы о былых подвигах наших кавказских героев. Каждый вновь прибывающий в полк прапорщик прежде всего изучает славную боевую историю своего полка. На ней воспитывается новый сын полка, и, нужно отдать справедливость молодежи, не видавшая Кавказа, не сража-

На французском фронте. В Монтанбанѣ.

У осиротѣвшаго соборнаго колокола.

висяча въ рядахъ этихъ полковъ вмѣстѣ съ кавказскими ордами, быстро усваиваетъ себѣ кавказскую удалъ и беззапятную храбрость.

Не только офицеры, но и нижніе чины, только-что прибывшіе въ полкъ откуда-нибудь изъ Калужской или Тамбовской губерніи, съ гордостью говорятъ, что они имѣютъ честь служить въ такомъ-то кавказскомъ полку. Духъ стариковъ-кавказцевъ, сложившихъ свои кости въ бояхъ съ врагомъ, до сихъ поръ влѣяетъ надъ славными знаменами кавказскихъ полковъ, воодушевляя молодежь на геройскіе подвиги. Даже въ періодъ затишья, когда противники стоятъ другъ противъ друга, закопавшись глубоко въ землю, и тогда не сидитъ лихимъ молодымъ кавказцамъ на мѣсть. Они всегда найдутъ себѣ работу, при чемъ изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи идетъ очень далеко, а храбрость граничитъ съ лихостью, даже дерзостью.

Вотъ возьмемъ хотя бы слѣдующій эпизодъ. Было это осенью минувшаго года. Шемахинскій иѣхотный полкъ стоялъ на рѣкѣ Шаръ, къ югу отъ Слупскаго шоссе, въ глухихъ дѣбрахъ Полтвы. Противникъ занималъ правый берегъ рѣки. Молодые прапорщики-шемахинцы стосковались отъ монотонной окопной жизни съ ея однообразіемъ аванпостной службы. Имъ хотѣлось новыхъ „боевыхъ“ впечатлѣній. И вотъ прапорщикъ Рѣзановъ вмѣстѣ со своими товарищами прапорщиками Новиковымъ и Осетровымъ доложили начальству, что ими составленъ планъ удалой развѣдки, съ цѣлью проникнуть въ тылъ противника и захватить плѣнныхъ германцевъ, изъ опроса которыхъ можно было бы выяснитъ какъ силы противника, такъ и ихъ группировку, а также и названіе частей, расположенныхъ противъ Шемахинскаго полка.

Начальство охотно поощряетъ лихость молодыхъ офицеровъ, требуя лишь отъ нихъ осмотрительности и осторожности, чтобы напрасно не рисковать своей жизнью, а главное, жизнью и здоровьемъ подчиненныхъ нижнихъ чиновъ. Такъ и въ этомъ случаѣ разрѣшеніе на развѣдку было безъ особаго труда получено, и три лихихъ прапорщика въ сопровожденіи нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ въ четыре часа дня, когда было еще совсѣмъ свѣтло, вышли изъ своихъ окоповъ и ползкомъ по болотистымъ тропинкамъ стали пробираться къ рѣкѣ. Затѣмъ они въ бродѣ переправились черезъ рѣку и опять-таки ползкомъ стали двигаться впередъ. Вся эта мѣстность и расположеніе окоповъ противника ими заблаговременно было изучено, а потому имъ быстро удалось по болоту проползти черезъ линію непріятельскихъ траншей и на полверсты проникнуть въ глубь расположенія противника.

Отсюда они, не теряя времени на отдыхъ, повели наступленіе на отдѣльную непріятельскую заставу силой въ 68 человекъ при двухъ офицерахъ. Противникъ никакъ не ожидалъ появленія русскихъ въ тылу, а потому въ первый моментъ ихъ появленія и не обратилъ на нихъ никакого вниманія, что дало возможность нашимъ развѣдчикамъ близко подойти къ непріятельской заставѣ и открыть по ней огонь. Стрѣляя на вскидку, лихая команда подбѣжала къ непріятельской заставѣ, сидѣвшей въ окопѣ, на тридцать шаговъ.

Ошеломленный неожиданнымъ нашимъ нападеніемъ, противникъ суетливо сталъ готовиться къ отраженію удара, но мѣтко брошенные удалыми молодцами ручныя гранаты разорвались въ самыхъ окопахъ непріятеля; это окончательно разстроило противника. Переполохомъ врага воспользовались шемахинцы. Съ дружнымъ „ура“, съ винтовками наперевѣсь, ворвались развѣдчики въ окопы противника и перекололи на одинъ десятокъ. Восемь человекъ германцевъ съ офицеромъ во главѣ бросились было бѣжать. Однако нѣсколькихъ изъ нихъ удалось поймать и захватить въ плѣнъ, какъ „языковъ“.

За убѣжавшимъ германскимъ офицеромъ погнался прапорщикъ Рѣзановъ, рѣшивъ, во что бы то ни стало живымъ захватить лейтенанта. Однако послѣдній, видя, что ему грозитъ опасность быть захваченнымъ въ плѣнъ, быстро обернулся и выстрѣлитъ изъ револьвера почти въ упоръ въ Рѣзанова, послѣ чего бросился на утекъ. Пуля попала офицеру въ руку ниже локтя. Находившіеся поблизости развѣдчикъ, видя, что его начальникъ раненъ, быстро вскинулъ винтовку и мѣткой пулей уложилъ лейтенанта на мѣстѣ.

Пуля пробила Рѣзанову артерію. Кровь била фонтаномъ, однако, несмотря на это, Рѣзановъ, лежа на землѣ съ перебитой рукой и истекая кровью, продолжалъ отдавать распоряженія и подбадривать своихъ молодцовъ до тѣхъ поръ, пока не потерялъ сознанія.

Переколовъ почти всю заставу, — ушло человекъ три, не больше, — захвативъ плѣнныхъ, развѣдчики не забыли своего лихого начальника, находившагося въ безсознательномъ состояніи, и на рукахъ отнесли его въ полковой лазаретъ.

Захваченные плѣнные на опросѣ дали много весьма цѣнныхъ свѣдѣній, освѣтившихъ намъ обстановку на данномъ участкѣ фронта. Но не суждено было прапорщику Рѣзанову использовать результаты своей развѣдки. Въ полковомъ лазаретѣ онъ, почти не приходя въ сознаніе, умеръ на рукахъ товарищей-однополчанъ, при чемъ за нѣсколько минутъ до смерти къ нему вернулось сознаніе: онъ спросилъ, все ли развѣдчики вернулись благополучно въ полкъ, затѣмъ просилъ передать свой прощальный привѣтъ товарищамъ-шемахинцамъ. Это были послѣдніе слова юнаго героя.

Лихое дѣло
унтеръ-офицера Зайцева.

„Война — штука хитрая“, — говорятъ наши солдаты. Она требуетъ смѣливости, храбрости, личной инициативы, прозорливости. Наполеонъ не разъ говаривалъ, что истинный воинъ долженъ быть ясновидящимъ. Особенно эти качества должны быть развиты у кавалериста, которому часто приходится дѣйствовать въ одиночку, или небольшими разбѣздами въ 2—3 человекъ. Тутъ-то и нужно проявить все вышеуказанныя качества.

Идетъ уже третій десятокъ мѣсяцевъ войны. Въ непрерывныхъ бояхъ закалился духъ нашихъ кавалеристовъ. Никакія неудачи минувшаго лѣта не могли ослабить ихъ стремленія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ въ открытомъ полѣ и помѣриться съ нимъ силами. Слѣдующій эпизодъ вполне подтверждаетъ только-что высказанную мысль.

7-го сентября 1915 года, послѣ тяжелой лѣтней кампаніи, уланскому полку приказано было занять ручей и выбить расположеннаго на берегу противника. Два эскадрона получили приказаніе захватить высоту „371“, лежащую къ востоку отъ ручья. Дѣло было днемъ. Противникъ зорко слѣдилъ за всеми нашими передвиженіями и готовъ былъ каждую минуту броситься на насъ съ значительно превосходящими силами. Въ виду этого, движеніе нашихъ эскадроновъ должно было происходить въ высшей степени осмотрительно.

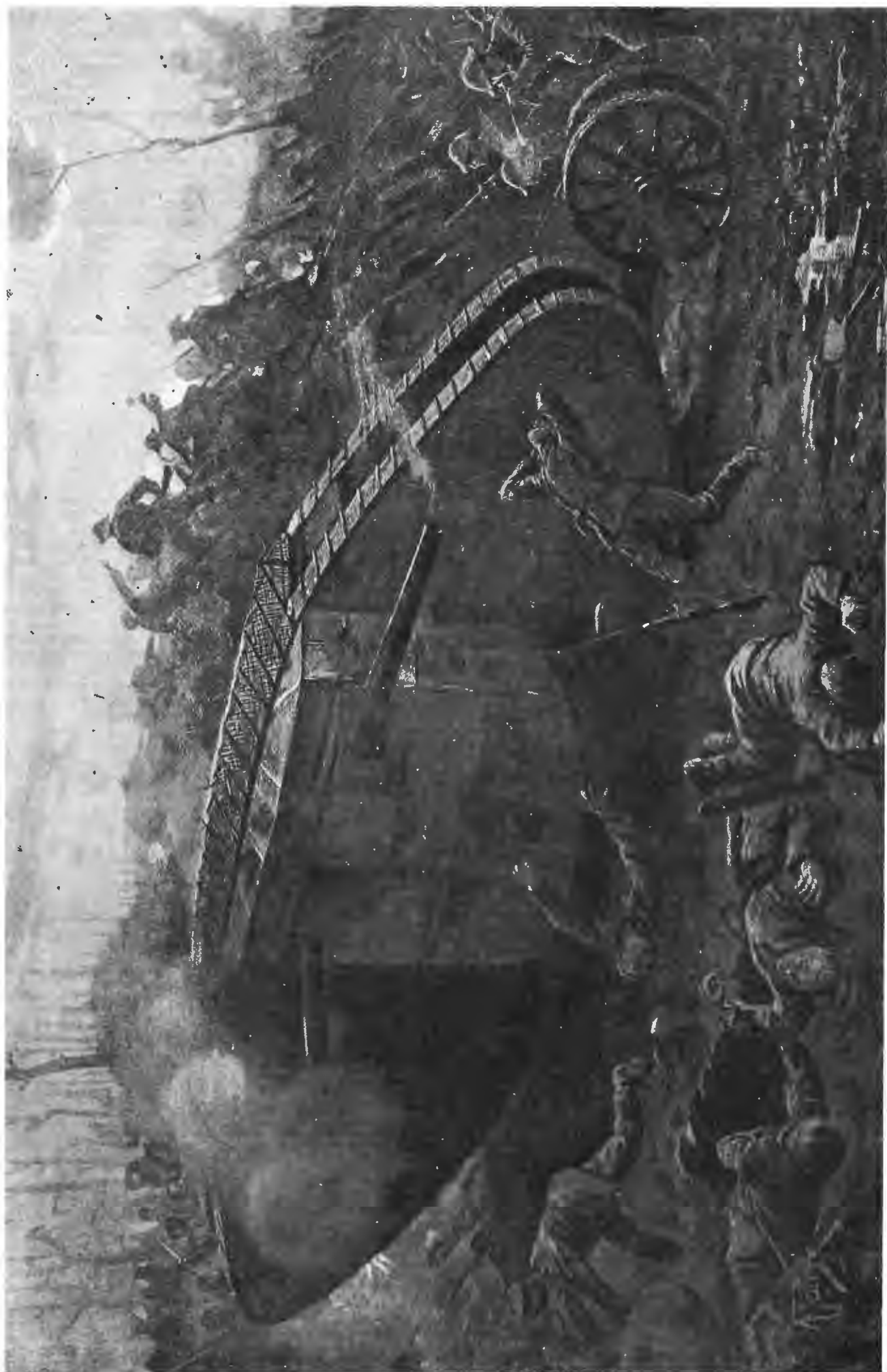
Для обезпеченія и наблюденія за правымъ флангомъ отъ эскадрона Его Величества былъ посланъ развѣздъ въ составѣ четырехъ уланъ подъ командой унтеръ-офицера Зайцева. Эскадронамъ приказано было атаковать противника и захватить высоту въ конномъ строю.

Когда уланы приблизились къ высотѣ, противникъ открылъ по нимъ сильнѣйшій ружейный и пулеметный огонь, затруднявшій движеніе эскадроновъ; люди быстро выбывали изъ строя, эскадроны таяли.

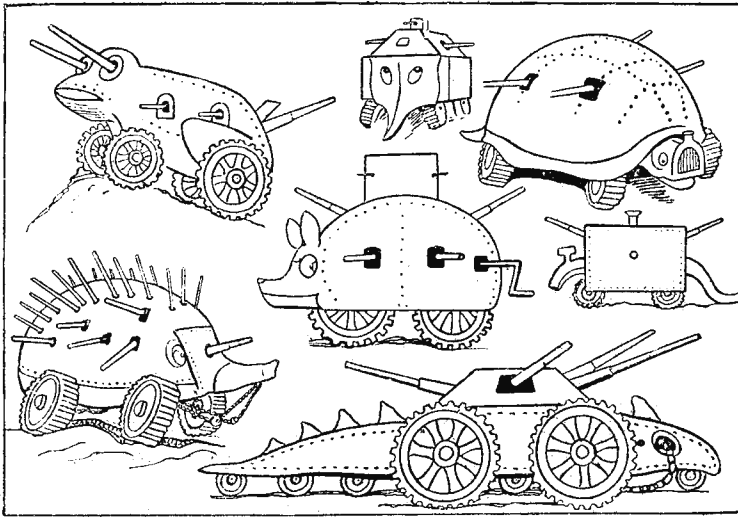
Видя тяжелое положеніе эскадроновъ, унтеръ-офицеръ Зайцевъ со своими четырьмя уланами, по собственной инициативѣ, смѣло

Рис. М. М. Далькевича.

«Не знающий преград!». Новый английский бронированный автомобиль в действии. Прикрывая своим массивным слезящую за ним английскую пехоту, этот «сухопутный дредноут», буквально раздавливает неприятельские войска, разстреливая их из своих могучих орудий. Рис. по наброскам. ст. натуры Альфреда Пирса.

„Сухопутные дредноуты“, впервые движутые англичанами против немцев в недавних боях на рѣкѣ Соммѣ, общимъ видомъ напоминаютъ страшныя чудовища, дикихъ зверей. Это подытели англійскіе карикатуристы и изобразили своихъ новыхъ „любимцевъ“ на страницахъ праздничныхъ номеровъ журналовъ. Англичане называютъ ихъ: „landks“.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Зимняя кампанія.

Къ срединѣ декабря на всѣхъ фронтахъ, за исключеніемъ румынскаго, продолжалось затишье, столь обычное для этого періода года. На румынскомъ же фронтѣ противникъ продолжать вести свои операціи, стремясь продвинуться какъ на главномъ румынскомъ фронтѣ, такъ и въ Добруджѣ.

Послѣ ряда боевъ, примѣрно, къ срединѣ декабря, установилась на главномъ румынскомъ фронтѣ новая временная линия соприкосновенія обѣихъ сторонъ. Эта линия находилась верстахъ въ 100 къ востоку отъ Бухареста и шла, приблизительно, отъ района города Окна (близъ границы Молдавіи и Трансильваніи), отсюда къ югу вдоль границы Молдавіи, затѣмъ поворачивала на Рымникъ - Серать, селеніе Батогу (къ юго-западу отъ Браилова), и подходила къ Дунаю, нѣсколько сѣвернѣе Гирсовы.

Эта линия новаго фронта, находившаяся, какъ мы отмѣчали выше, примѣрно, верстахъ въ 100 къ востоку отъ Бухареста, прикрывала собою оборонительную линію рѣки Серета съ Фокшанами и Галацемъ. Отъ линіи рѣки Серета она отстояла версты на 50—60 и шла почти параллельно ей.

Изъ карты видно, что такое очертаніе новой линіи фронта закрывало всѣ пути въ Молдавію и вмѣстѣ съ тѣмъ пересѣкало всѣ пути наступленія войскъ Фалькенгайна какъ изъ бухарестскаго района, такъ и по шоссе Плоешти—Бузео. Поэтому дальнѣйшія операціи Фалькенгайна неминуемо свелись къ фронтальнымъ атакамъ новой линіи. Атаки эти продолжались свыше недѣли, но въ результатѣ линія соприкосновенія обѣихъ сторонъ мало сдвинулась.

Однако наступательныя попытки Фалькенгайна не прекращались. Онъ былъ направленъ по двумъ путямъ: по желѣзнодорожному пути къ Брайлову—Галацу (черезъ Филипешти) и по другому желѣзнодорожному пути, болѣе сѣверному, идущему отъ Плоешти—Бузео черезъ Рымникъ на Фокшаны.

Такимъ образомъ можно было видѣть, что ближайшей цѣлью противника на главномъ румынскомъ театрѣ является выдвиганіе къ извѣстной оборонительной линіи Серета, а слѣдовательно, къ Фокшанамъ и Галацу. Оборонительная линія рѣки Серета, извѣстная еще въ мирное время, какъ видно изъ карты, прикрываетъ всѣ пути къ пограничной рѣкѣ Пруту, обозначающему собою границу между Молдавіей и Бессарабіей. Въ мирное время, въ виду того, что предполагалось участіе Румыніи въ совершенно иной политической комбинаціи, фронтъ оборонительной линіи рѣки Серета былъ направленъ къ востоку, въ сторону молдаво-бессарабской границы, и соответственное направленіе имѣли возведенныя на Серетѣ оборонительныя сооруженія. Когда же выяснилось участіе Румыніи въ совершенно противоположной политической комбинаціи, фронтъ оборонительной линіи рѣки Серета, смотрѣвшій ранѣе къ востоку, естественно, долженъ былъ быть повернуть также въ противоположную сторону, къ западу — къ сторонѣ Бухареста и Плоешти.

Не вдаваясь въ подробности, касающіяся оборонительной линіи рѣки Серета, отмѣтимъ лишь, что, какъ видно изъ карты, рѣка Серетъ представляетъ собою главнѣйшее и важнѣйшее препятствіе на путяхъ въ Молдавію и въ этомъ отношеніи является „остовомъ“ оборонительной системы всей оставшейся въ рукахъ румынъ территоріи. Занятіе нашими войсками линіи Окна—Рымникъ—Батогу—Дунай, находящейся впереди линіи Серета и

бросился въ атаку во флангъ противника, занимавшаго высоту.

Эта фланговая атака пяти человекъ была такъ стремительна, такъ неожиданна для противника, что онъ совершенно растерялся и бросился бѣжать, а 35 нижнихъ чиновъ и два австрійскихъ офицера, побросавъ оружіе, сдались въ плѣнъ разъѣзду, состоящему всего изъ пяти человекъ.

Эскадроны, видя это лихое дѣло и боясь, какъ бы противникъ не опомнился, дали шпоры конямъ и кинулись на выручку разъѣзду.

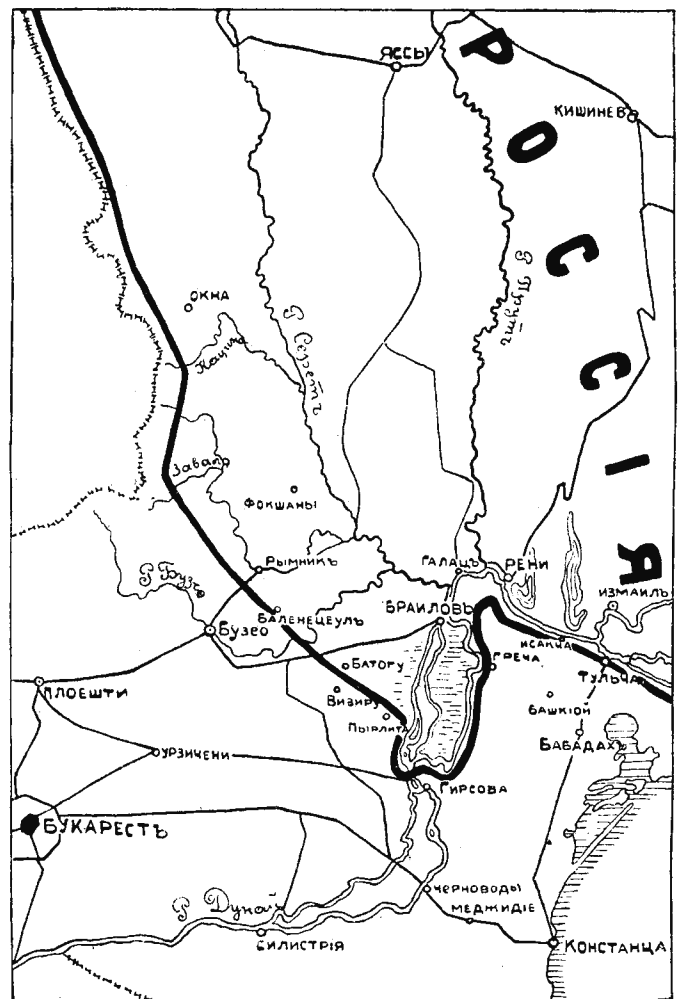
Высота была занята безъ потерь исключительно благодаря смѣлности и храбрости унтеръ-офицера Зайцева, правильно оценившаго боевую обстановку и бросившагося въ нужный моментъ по личной инициативѣ въ атаку на врага.

За это лихое дѣло унтеръ-офицеръ Зайцевъ и бывшіе съ нимъ нижніе чины были награждены Георгіевскими крестами.

Полковникъ Г. П.

параллельной ей, показывало, что противнику прежде, нежели предпринять какія-либо попытки противъ оборонительной линіи рѣки Серета, придется вести еще борьбу за нѣкоторую передовую линію впереди Серета. Эту борьбу мы и наблюдали въ теченіе послѣднихъ дней, при чемъ до средины декабря противнику не удалось продвинуться за упомянутую выше линію Окна—Рымникъ—Батогу—Дунай.

Къ срединѣ декабря, повидимому, въ связи съ тѣми трудностями, которыя встрѣтились противнику при фронтальномъ наступленіи въ направленіи на Фокшаны и Галацъ, обозначились дальнѣйшія наступательныя операціи противника въ Добруджѣ.

Карта румынскаго фронта.

Здѣсь русско-румынскія войска, какъ извѣстно, занимали фронтъ, примѣрно, впереди Бабадаха, обороня оставшуюся, приблизительно четвертую, часть Добруджи. Послѣ того, какъ наступленіе противника обнаружилось здѣсь въ значительныхъ силахъ, союзники стали отходить къ сѣверу. Повидимому, въ предположенія союзниковъ не входила упорная оборона Добруджи, и послѣ ряда боевъ и маневровъ союзныя войска отошли къ самой дельтѣ Дуная.

Послѣ этого, согласно нашимъ сообщеніямъ, были очищены Тульча и Исапча, находящіяся на самомъ берегу болотистой дельты Дуная. Въ связи съ этимъ операція въ Добруджѣ закончилась, и войска противника дошли до того „предѣла“, который образуется въ „стратегическомъ туннелѣ“ Добруджи болотистымъ устьемъ Дуная на линіи Тульча—Галацъ—Браиловъ. Обѣ стороны, послѣ этого, были раздѣлены уже упомянутой выше болотистой дельтой, образующей пограничную линію между Добруджей и Бессарабіей. Вълѣдствіе значительной ширины этого болотистаго препятствія, доходящаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе чѣмъ до 50 верстъ, не было основанія ожидать въ будущемъ какихъ-либо серьезныхъ столкновеній обѣихъ сторонъ, и борьба на границѣ Добруджи и Бессарабіи, естественно, должна была ограничиться преимущественно артиллерійскими боями.

Такимъ образомъ операція противника на румынскомъ театрѣ свелась, въ общемъ, къ занятію Добруджи до дельты Дуная и къ наступательной операціи въ направленіи на Фокшаны—Галацъ, не получившей, впрочемъ, до середины декабря достаточнаго развитія. Въ печати появлялись также свѣдѣнія объ ожидавшихся операціяхъ на македонскомъ театрѣ, и высказывалось мнѣніе, что противникъ именно туда перенесетъ центр тяжести своихъ дѣйствій, за окончаніемъ „румынской операціи“.

Хотя въ газетахъ и помѣщались отъ времени до времени свѣдѣнія о переброскѣ войскъ противника на фронтъ арміи Саррайля, тѣмъ не менѣе положеніе продолжало оставаться неяснымъ, и не было болѣе или менѣе опредѣленныхъ данныхъ, которыя бы указывали на подготовку къ наступленію противника на македонскомъ фронтѣ. Въ дѣйствительности вопросъ

„Не знающій преградъ“. Новый англійскій бронированный автомобиль сокрушаетъ все на своемъ боевомъ пути: пробиваетъ стѣны домовъ, срываетъ насыпи, скашиваетъ деревья, давитъ цѣлыя колонны солдатъ.

обстоялъ далеко не такъ просто, ибо прежде всего противникъ не могъ не учитывать ожидающихся крупныхъ событій будущей весной и лѣтомъ и, естественно, долженъ былъ соблюдать нѣкоторую экономію силъ.

Поэтому, казалось бы, новая операція на македонскомъ театрѣ, какъ сопряженная съ расходомъ силъ для второстепенныхъ задачъ, не должна бы была имѣть мѣсто. Въ то же время въ нѣмецкой печати указывалось, что нѣтъ необходимости вести наступленіе противъ арміи Саррайля, такъ какъ послѣдняя и такъ скована въ своихъ дѣйствіяхъ, благодаря двусмысленному положенію, занятому Греціей. Нѣкоторые нѣмецкіе военные обозрѣватели полагали даже, что нѣмцы до тѣхъ поръ, пока Греція будетъ продолжать свою неопредѣленную политику, могутъ не считаться съ арміей Саррайля и могутъ исключить ее изъ своихъ стратегическихъ расчетовъ, ибо послѣдняя не можетъ, благодаря грекамъ, развитъ наступленіе на дальнее разстояніе. Этотъ откровенный взглядъ нѣмцевъ на Грецію, какъ на свою союзницу, сдерживающую армію Саррайля отъ ипрокскихъ наступательныхъ операцій, до нѣкоторой степени выяснилъ положеніе.

Дѣйствительно, при такихъ условіяхъ было мало основанія ожидать, что нѣмецкій штабъ станетъ тратить свои силы для развитія новой большой операціи на македонскомъ фронтѣ. Однако, опредѣленно считать невозможнымъ, чтобы такая опе-

„Не знающій преградъ“. Новый англійскій бронированный автомобиль, берущій германскіе окопы. Нѣмецкія войска, подавленные ужасомъ при видѣ надвигающагося на нихъ огнедышащаго чудовища, поголовно сдаются въ плѣнь.

рация могла быть осуществлена, нельзя, ибо немцы всегда, а особенно в последнее время, вели операции не столько стратегического характера, сколько политического, стремясь создать благоприятную обстановку для выступления немецкой дипломатии. Поэтому возможно было, что германский штаб попытается достигнуть чего-либо и на македонском фронте, дабы усилить то впечатлительное, которое было создано румынской операцией, и которое, как мы знаем, послужило основанием для выступления противника с „мирными предложениями“.

Таким образом в окончательном итоге можно было видеть, что с наступлением зимы центр тяжести событий по-прежнему продолжает оставаться на Балканах, и, при затихнь

на всех главных фронтах, только на Балканах наблюдались операции более крупного масштаба. Однако, как операции на румынских театрах, так и возможные операции на македонском театре мало влияли и мало могли влиять на общую стратегическую обстановку и имела, главным образом, „политическое“ значение, в связи с „мирными предложениями“ центральной коалиции.

Впредь до выяснения политической обстановки мало оснований ожидать операций широкого масштаба. — Тем более, что наступившая зима уже сильно сковала деятельность войск. Темп войны несколько замедлился, и стратегия заняла как бы выжидательную позицию, в ожидании того, что скажет дипломатия.

Приказъ Государя Императора по арміи и флоту.

12-го декабря 1916 года.

Среди глубокого мира, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, Германія, втайнѣ издавна подготавливавшаяся къ пеработоченію всѣхъ народовъ Европы, внезапно пала на Россію и ея вѣрную союзницу Францію, что вынудило Англію присоединиться къ намъ и принять участіе въ борьбѣ. Проявленное Германіей полное пренебреженіе къ основамъ международнаго права, выразившееся въ нарушеніи нейтралитета Бельгій, и безжалостная жестокость германцевъ въ отношеніи мирнаго населенія въ захваченныхъ или областяхъ повсюду объединили противъ Германіи и ея союзницы Австріи всѣ великія державы Европы.

Подъ натискомъ германскихъ войскъ, до чрезвычайности сильныхъ своими техническими средствами, Россія, равно какъ и Франція, вынуждены были въ первый годъ войны уступить врагу часть своихъ предѣловъ, но эта временная неудача не сломила духа ни нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, ни въ насъ, доблестныхъ войскъ Мои. А тѣмъ временемъ путемъ напряженія всѣхъ силъ государства разица въ нашихъ и германскихъ техническихъ средствахъ постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще съ осени минувшаго 1915 года, врагъ нашъ уже не могъ овладѣть ни единою пядью Русской земли, а весной и лѣтомъ текущаго года испытать рядъ жестокихъ поражений и перешелъ на всемъ нашемъ фронтѣ отъ нападенія къ оборонѣ. Силы его видимо истощаются, а мощь Россіи и ея доблестныхъ союзниковъ продолжаетъ неуклонно расти. Германія чувствуетъ, что близокъ часъ ея окончательнаго пораженія, близокъ часъ возмездія за всѣ содѣянные ею правонарушенія и жестокости. И вотъ, подобно тому, какъ во время превосходства въ своихъ боевыхъ силахъ надъ силами своихъ соотечей, Германія внезапно объявила имъ войну, такъ теперь, чувствуя свое ослабленіе, она внезапно предлагаетъ объединившимся противъ нея въ одно неразрывное цѣлое союзнымъ державамъ вступить въ переговоры о мирѣ. Естественно, желаетъ она начать эти переговоры до полнаго выясненія степени ея слабости, до окончательной потери ея боепособности. При этомъ она стремится для созданія ложнаго представленія о крѣпости ея армій использовать свой временный успѣхъ надъ Румыніей, не успѣвшей еще приобрести боевого опыта въ современномъ веденіи войны. Но если Германія имѣла возможность объявить войну и напасть на

Россію и ея союзницу Францію въ наиболѣе неблагоприятное для нихъ время, то нынѣ окрѣпшая за время войны союзницы, среди коихъ теперь находятся могущественнѣйшая Англія и благородная Италія, въ свою очередь имѣютъ возможность приступить къ мирнымъ переговорамъ въ то время, которое онѣ сочтутъ для себя благоприятнымъ. Время это еще не наступило, врагъ еще не изгнанъ изъ захваченныхъ имъ областей. Достиженіе Россіей созданныхъ войною задачъ, обладаніе Царьградомъ и проливами, равно какъ созданіе свободной Польши изъ всѣхъ трехъ ея нынѣ разрозненныхъ областей—еще не обеспечено. Заключить нынѣ миръ значило бы не использовать плодовъ несказанныхъ трудовъ вашихъ, геройскія русскія войска и флотъ. Труды эти, а тѣмъ болѣе священная память погибшихъ на поляхъ доблестныхъ сыновъ Россіи не допускаютъ и мысли о мирѣ до окончательной побѣды надъ врагомъ, дерзнувшему мыслить, что, если отъ него зависѣло начать войну, то отъ него же зависитъ въ любое время ее окончить. Я не сомнѣваюсь, что всякій вѣрный сынъ Святой Руси, какъ съ оружіемъ въ рукахъ вступившій въ ряды славныхъ Моихъ войскъ, такъ равно и работающій внутри страны на усиленіе ея боевой мощи или творящій свой мирный трудъ, проникнутъ сознаниемъ, что миръ можетъ быть данъ врагу лишь послѣ изгнанія его изъ нашихъ предѣловъ, только тогда, когда, окончательно сломленный, онъ дастъ намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ прочныя доказательства невозможности повторенія предательскаго нападенія и твердую увѣренность, что самой силою вещей онъ вынужденъ будетъ къ сохраненію тѣхъ обязательствъ, которыя онъ на себя приметъ по мирному договору.

Будемъ же непоколебимы въ увѣренности въ нашей побѣдѣ, и Всевышній благословитъ наши знамена, покроетъ ихъ вновь неуязвимой славой и даруетъ намъ миръ, достойный вашихъ геройскихъ подвиговъ, славныхъ войскъ Мои, миръ, за который грядущія поколѣнія будутъ благословлять вашу священную для нихъ память.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛА II“.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Желаніе получать „Ниву“ съ начала будущаго года **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1917 годъ**, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ **подписными бланками въ видѣ почтовыхъ переводовъ.**

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Радость Жизни. Рассказъ Владиміра Келера. (Окончаніе). — Посмертная выставка В. Д. Орловскаго. М. Далькевича. — Изъ книги „Сонеты Солнца, Меда и Луны“. Стихотворенія К. Д. Бальмонта. — Безмольныя жертвы войны. Очеркъ Петра Васильковскаго. — Незамѣтные герои фронта. Полковника Г. И. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Приказъ Государя Императора по арміи и флоту. — Заявленіе. — Объявленія.

Р И С У Н К И: Иллюстраціи Сергѣя Лодыгина къ рассказу Владиміра Келера „Радость Жизни“. — Портретъ и. б рис. къ „Посмертной выставкѣ В. Д. Орловскаго“. М. Далькевича. — На салонискомъ фронтѣ. — На французскомъ фронтѣ (3 рис.). — Плакатъ новаго французскаго займа національной обороны. — Военный заездъ. Рис. М. М. Далькевича. — Не знающій преградъ. Новый англійскій бронированный автомобиль (4 рис.). — Карта румынскаго фронта.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 34.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

